

„DREVNOSTI VOSTOTSCHNYIA“.

Travaux de la Section Orientale de la Société Archéologique Impériale à Moscou. T. IV, dédié à l'académicien Th. Korsch, président-fondateur de la Section Orientale, à propos du 25-ème anniversaire de la dite Section.

ДРЕВНОСТИ
ВОСТОЧНЫЯ.

ТРУДЫ ВОСТОЧНОЙ КОММИССИИ

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСКЪ,
посвященный, по случаю
истечения 25-лѣтія суще-
ствованія Восточной ком-
миссии, ея предсѣдателю-
основателю
академику

Ө. Е. КОРШУ.

ТОМЪ IV.

Подъ редакціей А. Е. КРЫМСКАГО,
дѣйствительнаго члена Обще-
ства и секретаря Восточной
Коммиссии.

Съ 30 рисунками въ текстѣ.

МОСКВА—1913.

Типографія „Крестнаго Календаря А. Гатцука“, Долгоруковская ул., д. 33.
и „Практикъ“, Знаменскій пер.

1851

1857

1962 г.

„DREVNOSTI VOSTOTSCHNYIA“.

Travaux de la Section Orientale de la Société Archéologique Impériale à Moscou. T. IV, dédié à l'académicien Th. Korsch, président-fondateur de la Section Orientale, à propos du 25-ème anniversaire de la dite Section.

ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНЫЯ.

ТРУДЫ ВОСТОЧНОЙ КОММИССИИ

Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСКЪ,
посвященный, по случаю
истечения 25-лѣтія суще-
ствованія Восточной Ком-
мисіи, ея предсѣдателю-
основателю
академику

О. Е. КОРШУ.

—
ТОМЪ IV.
—

Подъ редакціей А. Е. КРЫМСКАГО,
дѣйствительнаго члена Обще-
ства и секретаря Восточной
Коммисіи.

Съ 30 рисунками въ текстѣ.

МОСКВА—1913.

Типографія „Крестнаго Календаря А. Гатцука“, Долгоруковская ул., д. 33,
и „Практикъ“, Знаменскій пер.

1965 г.

1950 г.

98
БИБЛИОТЕКА
для Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

В-389

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редакціи. Юбилей 70-лѣтія акад. Ө. Е. Корша , совпавшій съ 25-лѣтнимъ существованіемъ Восточной Комиссіи (съ тремя портретами)	I—XXXII
В. Ө. Миллеръ: О митанійскомъ языкѣ XV в. до Р. Х.	I—4
А. Е. Крымскій: Старинная исторія южной Аравіи отъ древне-вавилонскихъ временъ до подчиненія страны пророку Мохаммеду	I—30
И. Я. Стеллецкій: Къ археологіи Іудеи: а) Иотапата; б) Подземный Іерусалимъ	I—5
Ө. Е. Коршъ: Нѣкоторыя персидскія этимологіи	I—11
К. І. Костанянцъ: «Роза и соловей» Григорія Ахтамарскаго. Къ иллюстраціи положенія армянъ въ XVI вѣкѣ	I—15
В. В. Каллашъ: Двѣ замѣтки по древне-русской литературѣ (Татары-печенѣги-половцы)	I—3
В. А. Гордлевскій: а) Изъ комментаріевъ къ старо-османскому переводу хроники малоазійскихъ сельджукидовъ, т. н. хроники ибнъ-Биби XIII в. б) Литературно-научная дѣятельность общества «Тюрк дернеги» въ Константинополѣ	15+15
А. Е. Крымскій: Абанъ Лахыкый, манихействующій поэтъ. Изъ исторіи арабской повѣствовательной литературы индо-персидскаго характера VIII-IX в., съ приложеніемъ очерка литературной исторіи «Варлаама и Іоасафа» и текста «Авраа аль-ахбаръ» Сулія X в. по единственной рукописи (Хеливской библии, № 594)	49+27
А. А. Олесницкій: Неизслѣдованная, старѣйшая изъ существующихъ рукопись путешествія антиохійскаго патріарха Макарія XVII в. въ Украину и Московію	I—14
В. К. Трутовскій: Ногата نقده , ея происхожденіе и ея мѣсто среди цѣнностей древней Руси	I—28
А. Э. Тейле: Стихотворенія Башшара ибнъ-Бурда, поэта начально-аббасидскаго періода	I—12
М. О. Аттая: Легенда о семи спящихъ отрокахъ Эфесскихъ и ея арабскія версіи VII-XIII вв.	XVI+70
А. Г. Туманянъ: Сообщенія старинныхъ армянскихъ писателей о Мохаммедѣ и исламѣ съ VII вѣка	I—32
В. А. Гордлевскій: Персидскія пословицы изъ собранія мирзы Абдуллы Гаффарова	I—50
Мирза Абдулла Гаффаровъ: Изъ области персидской исторіографіи монгольскаго періода	I—70
Х. И. Кучунъ-Іоаннесовъ: Свѣдѣнія и замѣтки о старинныхъ армянскихъ рукописяхъ и армянскихъ надписяхъ, находящихся въ предѣлахъ Россіи (съ 20 снимками)	I—42
А. С. Хахановъ: Описаніе грузинскихъ рукописей европейскихъ книгохранилищъ (въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ)	I—34

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Восточной Комиссiи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества за 1907—1913 гг.

(Доклады, изданные въ протоколахъ полностью, отмѣчены звѣздочкою).

	Стр.		Стр.
Мирза Абдулла Гаффаровъ. Арабская надпись на чашкѣ изъ состава «мокавва» ок. XIV вѣка	102	—*Къ этимологiи словъ «больболь» и «сауладжѣн»	51—52 и 96
*М. О. Атая: О богослужебныхъ рукописяхъ Антиохійскаго патриарха Макарія XVII в., хранящихся въ Императорской Публичной библиотекѣ	31—34	— Изъ области арабской лингвистики («изъ би», «нд» и др.)	152—153
—*Новая рукопись патриарха Макарія XVII в.	36—37	— Ахталъ и Фаравдакъ. Черты изъ исторiи омейядской поэзи	53
В. А. Гордлевскiй: О сборникѣ турецкихъ пѣсенъ, собранныхъ г. Гиве въ Конiйскомъ вилайетѣ	28	— Изъ области переводной арабской повѣствовательной литературы (Асбагъ, Лахикъ)	14—15
— Литературно-научная дѣятельность общества «Тюрк дернеги»	54	— Уникатная рукопись историка Сулиа (нач. 900-хъ гг.) хедивской каирской библиотеки, № 594	114
— Изъ комментариевъ къ хроникѣ Иконiйскихъ сельджуковъ ибнъ Биби XIII в.	96	— Къ персидской историографiи начально-исламскаго періода	21
— Новые исламскіе журналы	102—103	— Объ источникахъ для изученiя исторiи Махмуда Газневидскаго	29
—*Арабскія пословицы изъ Дамаска	103—109	— Черты жизни и творчества поэта Джамиа XV в.	162
— Работы исламской секции международного XVI съѣзда ориенталистовъ въ Афинахъ весною 1912 г.	153	— Археологическія раскопки В. Д. Вяткина въ Самаркандѣ и новооткрытая обсерваторія Улугбека	31
—*Къ личной ономастикѣ у османцевъ	153 161	— Черты литературной жизни Турции XVI вѣка	35
В. В. Даниловъ: Х. Хюбшманъ (некрологъ)	9—10	— О началкахъ азербейджанской литературы	35
—*Пауль Хорнъ (некрологъ)	38—44	— Медкія сообщенiя, могущія способствовать выясненiю личности антиохійскаго патриарха Макарія XVII в. и автора его «Путешествiя»	34—35
*М. О. Достоевскiй: Раскопки въ Гелинджикѣ Черноморской области лѣтомъ 1907 года	2—4	— О рукописи своего книгохранилища, содержащей описаніе путешествiя патриарха Макарія 1654 г. по странѣ Козаковъ и Москововъ	95—96
*В. М. Заваринъ: Османскія загадки, собранныя въ Брустѣ	115—129	—*Ваххабиты	55—67
*Е. П. Ильинъ: Изъ исторiи масонства въ Персiи	17—20	—*Обшiй историческiй очеркъ бабизма и обзоръ новѣйшей литературы о немъ	79—91
В. В. Калашъ: Половцы-печенѣгитатары въ начальной русской лѣтописи	163	— Къ 50-лѣтнему юбилею научной дѣятельности А. Я. Гаркави	53
Ө. Е. Коршъ: Различіе между персидскимъ и арабскимъ стихосложениемъ	15—17	—*Г. А. Муркосъ. Некрологъ (съ портретомъ)	69—77
— Нѣкоторыя персидскія этимологiи	51	—*А. С. Хахановъ. Некрологъ (съ портретомъ)	133—145
— Распредѣленіе турецкихъ племенъ	53	Х. И. Кучумъ-Юаннесовъ: О старинныхъ отрывкахъ армянскаго евангелiя и библии X—XI в. и XII—XIII в.	2
— Къ этимологiи слова «ногата»	96	— Армянская надпись въ Каменнѣ-Подольскомъ	28
— Сочетаніе шж въ древне-армянскомъ языкѣ	164	— а) Армянская надпись изъ Новочеркасска;— б) Экскурсія въ Феодосію лѣтомъ 1909 года	51
*А. Е. Крымовскiй: Общiе вопросы индо-европейскаго языковѣдѣнія, возбужденные новѣйшими открытiями въ восточномъ Туркестанѣ (въ связи съ новооткрытыми тохарскимъ и южно-хотанскимъ языками)	24—27	— Изъ поѣздки В. М. Сысоева въ Эриванскую губ. въ 1907—1908 г.	55
— По поводу работы Б. Н. Кастальскаго о бiа-найманскихъ костехранилищахъ 1908	31	— Армянскія надписи изъ монастыря Мхитара Коша	78

Стр.		Стр.
	— Древне-армянскія рукописи, изслѣдованныя лѣтомъ 1911 г.	92
	— Арабско - персидско - турецкіе элементы въ «Исторіи» Аракела Тебризскаго XVII вѣка	163
	—* Г. А. Халатъянцъ. Некрологъ (съ портретомъ и сожалительными телеграммами)	97—101
В. Ө. Миллеръ:	Работы гг. А. Дирра и А. Гляйе объ отношеніи кавказскихъ языковъ къ другимъ семьямъ, въ томъ числѣ къ клинописному урартійскому и къ эламскому	1 и 29
	— О нѣкоторыхъ восточныхъ именахъ въ русскихъ былинахъ	6— 7
	— а) О раскопкахъ Г. Винклера въ Богазъ-кѣѣ; — б) Работы Э. Мейера и Кинга о хронологіи древняго востока; — в) В. Добровольскій: Киселевскіе цыгане	21
	— Научныя экспедиціи въ Восточный Туркестанъ, ихъ результаты и новооткрытые индоевропейскіе языки: южнохотанскій и тохарскій	22— 24
	— Б. Н. Кастальскій: «Бія-Найманскіе оссуаріи» 1908	29
	— F. Müller: Ein iranisches (=manichäisches) Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei	30— 31
	— О митанійскомъ языкѣ XV в. до Р. X.	36
	— Нѣкоторые древніе погребальныя обычаи у кавказскихъ народовъ	53— 54
	— Новыя осетинскія этимологіи	54— 55
	— Древнеиндійское сказаніе о потоѣ	78
Л. З. Мсеріанцъ:	Изъ исторіи ориенталистики въ Россіи. Матеріалы для біографіи проф. П. Я. Петрова	5— 6
Н. Н. Новиковъ:	Арабская легенда о семи спящихъ отрокахъ Эфесскихъ	29— 30
А. А. Олесницкій:	Описаніе неизслѣдованнаго старѣйшаго изъ дошедшихъ до насъ списка путешествія патріарха Макарія XVII в. по землѣ Козаковъ и Московіи	96
Ө. Н. Петровъ:	Изъ впечатлѣній въ Керманшахѣ	22
Н. С. Созонтовъ:	Археологическіе матеріалы изъ г. Пржевальска Семирѣченской области	30
Ширабнесъбъ Сондуевъ:	Переводъ «Мыслей мудрыхъ людей» графа Л. Толстого на бурятскій языкъ	163
И. Я. Стеллецкій:	Старинная мозаическая карта Палестины, найденная въ заиорданской Мадебѣ	11
	— Исторія Мадебы въ Заиорданьи. По поводу произведенныхъ въ ней археологическихъ открытій	13—14
	—* Русскіе уголки въ Палестинѣ съ археологической точки зрѣнія	11—13
	— На поискахъ крѣпости Иотапаты. Изъ поѣздки въ Сирію	92
	— Подземный Іерусалимъ	132
	— О базиликѣ св. Димитрія въ Солуни	163
Графъ Левъ Толстой:	Письмо объ исламѣ и бабизмѣ	91
В. Н. Трутовскій:	Мусульманская шкатулка XIII в. изъ Триентскаго музея	101—102
	— Замѣчанія на программу систематическаго изслѣдованія Болгарскаго городища	132
А. Г. Туманянъ:	Т. в. «идолопоклонническія» могилы въ с. Кушчи Елисаветпольской губ.	50— 51
	—* Раскопки, произведенныя въ мѣстности Хачакапъ (Кушчи) Елисаветпольской губ. лѣтомъ 1911 г.	92— 94
	—* Описаніе рукописныхъ армянскихъ евангелій XII в. и др., находящихся въ Елисаветполѣ при церкви св. Іоанна	109—114
	—* Этимологія слова «кчахашъ»	130—132
	— Объ армянскихъ надписяхъ въ развалинахъ Кошк-и Хачъ подъ Елисаветполемъ	151—152
	— Свѣдѣнія стариннымъ армянскимъ писателямъ о Мохаммедѣ и исламѣ	162
Графиня П. С. Уварова:	Поминка по А. С. Хахановѣ	145—147
Н. А. Фрейтагъ:	О четырехъ персидскихъ рукописяхъ своей коллекціи (нынѣ Лазаревскаго Института)	27
	— Отношенія Махмуда Газневидскаго къ Туркестану	29
*Б. М. Халатъянцъ:	Археологическія раскопки, произведенныя лѣтомъ 1909 года на территоріи стараго Урартійскаго царства. — (Пренія по поводу доклада: М. В. Никольскаго, В. Ө. Миллера, граф. П. С. Уваровой, С. Н. Таръ-Саргсянца)	44— 48
Г. А. Халатъянцъ:	Патріархъ-католикъ Миртичъ Хримъянъ (Посмертное воспоминаніе)	48— 50
	— О новопріобрѣтенныхъ армянскихъ рукописяхъ Тюбингенскаго университета и объ ихъ каталогѣ	8
А. С. Хахановъ:	О грузинскихъ рукописяхъ Британскаго музея	7— 8
	— О грузинскихъ рукописяхъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ	28
	— Аббревіатуры старо-грузинскихъ рукописей	35
	— О редакціяхъ старинныхъ переводовъ евангелія на грузинскій языкъ (и пренія по вопросу)	51— 95
Н. Худояръ-ханъ:	Нѣкоторые обычаи и суевѣрія у сартовъ, связанные съ рожденіемъ ребенка	29
В. Щербина:	Изъ поѣздъ въ Сирію 1907 г.	11

Отъ редакціи.

I.

31 октября 1913 года Восточная Коммиссія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества празднуетъ 25-лѣтіе своего существованія. Черезъ годъ истекаетъ 50-лѣтіе существованія всего Археологическаго Общества, и въ памятную книгу пятидесятилѣтія, гдѣ будетъ содержаться обстоятельный обзоръ дѣятельности Общества со всѣми его коммиссіями, войдетъ также подробный отчетъ о дѣятельности Восточной его коммиссіи за всѣ годы. Поэтому, выпускаемая нынѣшній юбилейный томъ «Древностей Восточныхъ», мы не считаемъ удобнымъ предвосхищать печатающуюся книгу 50-лѣтія Археологическаго Общества и не даемъ очерка той работы, которую совершала Восточная Коммиссія названнаго Общества въ теченіи четверти столѣтія. Ограничимся указаніемъ, что печатные труды Восточной Коммиссіи («Древности Восточныя») представляютъ собою девять большихъ томовъ ¹⁾, и что «Труды по востоковѣдѣнію», издаваемые (съ 1899-го года) Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ и образующіе цѣлую бібліотеку (вышло сверхъ 40 книгъ), самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ дѣятельностью Восточной Коммиссіи. Всѣ «Труды по востоковѣдѣнію», постепенными частями, въ видѣ докладовъ, читались на засѣданіяхъ Восточной Коммиссіи Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Мы могли бы, послѣ этого, пожалуй, и не добавлять, что многія работы членовъ Восточной Коммиссіи нашли себѣ мѣсто также въ другихъ печатныхъ органахъ: въ трудахъ Съѣздовъ Археологическаго Общества, въ серіи «Матеріаловъ по Археологіи Кавказа», въ «Этнографическомъ Обзорѣніи», иногда въ петербургскихъ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Арх. Общ.» ²⁾, въ «Мирѣ Ислама», въ «Журналѣ Министерства Нар. Просв.», и пр., и пр., равно какъ въ отдѣльныхъ книгахъ, выпущенныхъ внѣ какой-либо научной серіи.

Передъ русской наукой главная заслуга Восточной Коммиссіи — та, что Коммиссія объединила московскихъ ориенталистовъ въ ученое Азіатское Общество, имѣющее свои печатные органы, и создала въ Москвѣ удобный очагъ для востоковѣдной работы. Внѣ Восточной Коммиссіи нѣтъ въ Москвѣ востоковѣднаго Общества и вовсе никакого не было четверть столѣтія тому назадъ, хотя недостатокъ его и тогда сильно ощущался. Идя навстрѣчу назрѣвшему требованію вре-

¹⁾ Въ издательскомъ счетѣ по серіямъ они объединены подъ названіемъ „четыре-рехъ“ томовъ.

²⁾ Такъ, работа акад. Ѳ. Е. Корша о турецкомъ народномъ стихословіи напечатана въ „Запискахъ Вост. Отдѣл.“.

мени, инициаторами идеи основанія особой Восточной Коммиссіи при Археологическомъ Обществѣ явились: предсѣдатель Археологическаго Общества, неутомимая изслѣдовательница Кавказа графиня П. С. Уварова, ассириологъ М. В. Никольскій, кавказовѣдъ акад. Всев. Оед. Миллеръ и акад. О. Е. Коршъ, лингвистъ - знатокъ всѣхъ языковъ міра, западныхъ и восточныхъ, живыхъ и умершихъ («и даже въ чучела набитыхъ»), какъ шутливо выражается Гейне про царя-Соломона).

Изъ нихъ графиня П. С. Уварова, несмотря на массу предсѣдательской своей работы по Археологическому Обществу и по устройству съѣздовъ, много лѣтъ продолжаетъ состоять товарищемъ предсѣдателя Восточной Коммиссіи. Академики О. Е. Коршъ и Вс. О. Миллеръ все время чередовались въ предсѣдательствованіи Восточной Коммиссіей¹⁾. М. В. Никольскій былъ безсмѣннымъ секретаремъ-основателемъ Восточной Коммиссіи въ теченіи первой трети ея существованія (до 1897 года) и, даже переѣхавши въ Петербургъ, не покинулъ трудовъ въ ней. (Не далѣе, какъ въ 1908-1909 г. вышла особымъ выпускомъ «Древностей Восточныхъ» его замѣчательная монографія, содержащая архаичные вавилонскіе памятники эпохи царя Гудеа Лагашскаго²⁾).

Этимъ четыремъ лицамъ, главнымъ основателямъ Восточной Коммиссіи: графинѣ П. С. Уваровой, М. В. Никольскому, О. Е. Коршу и В. О. Миллеру, Восточная Коммиссія приноситъ черезъ четверть столѣтія свою благодарность и привѣтъ, а своему предсѣдателю основателю акад. О. Е. Коршу, которому въ 1913 году исполнилось 70 лѣтъ жизни (и 45-лѣтіе научной дѣятельности), Коммиссія посвящаетъ, сверхъ того, нынѣшній очередной томъ своихъ Трудовъ.

¹⁾ Послѣ отъѣзда акад. Всев. Миллера въ Петербургъ (1911) и выяснившейся физической невозможности для акад. О. Е. Корша совмѣстить предсѣдательство въ Восточной Коммиссіи съ предсѣдательствомъ въ Славянской Коммиссіи нашего же Общества, Восточная Коммиссія въ мартѣ 1912 года избрала своимъ предсѣдателемъ В. К. Трутовскаго.

²⁾ Съ января 1901 года вплоть до настоящаго времени должность секретаря Восточной Коммиссіи и редактора «Древностей Восточныхъ» безсмѣнно несетъ А. Е. Бримскій. Между 1897—1901 гг. въ должности секретарей смѣнялись Г. А. Халатывицъ и С. С. Слудкій.

II.

Выпуская нынѣшній IV - й томъ «Древностей Восточныхъ», посвященный юбилею акад. О. Е. Корша и вмѣстѣ съ тѣмъ юбилею 25-лѣтняго существованія Восточной Комиссiи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, предсѣдателемъ - основателемъ которой былъ О. Е. Коршъ, редакция считаетъ нужнымъ прежде всего объяснить тотъ, казалось бы, не совсѣмъ обычный фактъ, что въ этомъ же томѣ оказывается статья самого юбиляра. Обстоятельство — чисто случайное. Статья акад. О. Е. Корша въ печать поступила первоначально въ 1909 году, чтобы войти въ составъ заключительнаго выпуска предыдущаго (т. - е. III) тома «Древностей Восточныхъ»¹⁾; но такъ какъ послѣ ея отпечатанiя было принято въ соображенiе, что весь тотъ выпускъ образуетъ въ сущности одну вавилонско-ассирiйскую монографiю, цѣльность которой лучше бы не нарушать иранистикой, то постановлено было тогда (въ 1909 году) приобщить отпечатанную статью О. Е. Корша уже къ слѣдующему, т. - е. къ IV тому. Когда послѣ того приблизилась очередь изданiя IV тома «Древностей Восточныхъ» и приблизился вмѣстѣ съ тѣмъ юбилей 25-лѣтняго существованiя Восточной Комиссiи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и 70-лѣтiя жизни ея предсѣдателя-основателя акад. О. Е. Корша, Восточная Комиссiя постановила посвятить издаваемый IV томъ существованiю обоихъ юбилеевъ. И вотъ, по неизбѣжности, статья акад. О. Е. Корша, уже давно изготовленная, должна была неожиданно очутиться въ составѣ выпускаемаго IV тома.

Время выпуска юбилейнаго тома въ свѣтъ приурочивается нами не къ 22 апрѣля 1913 г., т. - е. не къ самому дню 70-лѣтiя акад. О. Е. Корша, а къ годовщинѣ основанiя Восточной Комиссiи. Между прочимъ, это отчасти дѣлается съ умысленной цѣлью, — чтобы во введенiи къ юбилейному тому «Древностей» издать тексты привѣтствiй, письменныхъ и телеграфныхъ, уже присланныхъ отъ русскаго общества акад. О. Е. Коршу въ его юбилейный день.

¹⁾ Этимъ обстоятельствомъ объясняется также, почему и въ дополнительной редакторской замѣткѣ, по вопросу объ игрѣ въ „поло“ (савладжанъ), цитируется еще не диссертация Б. Иностранцева: „Сасанидскiе этюды“ (1909), а давнишняя, подготовительная его работа 1902 г.

III.

Наканунѣ 22 апрѣля 1913 года появился въ московскихъ повременныхъ изданіяхъ рядъ статей, указывающихъ на научныя и общественныя заслуги акад. О. Е. Корша. Изъ этихъ статей филологическій интересъ представляютъ двѣ, писанныя специалистами. Авторъ одной—деканъ историко-филологическаго факультета московскаго университета А. А. Грушка, профессоръ-латинистъ. Авторъ другой—востоковѣдъ-тюркологъ В. А. Гордлевскій, представитель османской каѳедры въ Спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

Приводимъ первую статью ¹⁾:

Завтра исполняется семидесятилѣтіе жизни славнаго русскаго ученаго, бывшаго профессора, а нынѣ почетнаго члена московскаго университета, академика Θεодора Евгеньевича Корша.

Это имя, хорошо извѣстное не только Москвѣ, но и всей образованной Россіи, является однимъ изъ самыхъ яркихъ именъ въ исторіи московскаго университета, а потому указанная дата должна быть отмѣчена съ чувствомъ истинной національной гордости.

Связанный черезъ своего отца, извѣстнаго литератора, друга Герцена и Грановскаго, съ традиціями сороковыхъ годовъ, хронологически принадлежа къ періоду развѣта точныхъ знаній въ Россіи, О. Е. Коршъ ярко воплощаетъ въ себѣ лучшія особенности той и другой эпохи,—высокій научный и жизненный идеализмъ, философскую высоту воззрѣній, уточненное общее образованіе, безупречно-точный научный методъ. Къ этимъ свойствамъ, связаннымъ съ средой и эпохой, присоединилось индивидуальное свойство исключительнаго, прямо феноменальнаго научнаго дарованія.

Въ обликѣ О. Е., какъ ученаго, поражаетъ, прежде всего, огромный размахъ научныхъ интересовъ и знаній.

Занимая въ теченіи тридцати лѣтъ каѳедру классической филологіи въ московскомъ университетѣ, О. Е. Коршъ выпускаетъ въ свѣтъ безчисленное количество отдѣльныхъ изслѣдованій, статей и замѣтокъ, далеко выходящихъ за предѣлы этой оффиціальной спеціальности. Значительная часть этихъ работъ относится къ области сравнительнаго языковѣдѣнія, при чемъ въ нихъ изслѣдуются не только оба классическихъ языка, но и цѣлый рядъ другихъ языковъ: средне- и новогреческій, древне-индійскій, восточные (главнымъ образомъ арабскій, персидскій и тюркскіе), славянскіе, германскіе и романскіе. Эта широта матеріала счастливымъ образомъ сочетается у О. Е. съ широтой научнаго угла зрѣнія на факты языка. На ряду съ тончайшими фонетическими изслѣдованіями стоятъ первоклассныя работы по сравнительному синтаксису (такъ, на-примѣръ, его докторская диссертация, посвященная вопросу о способахъ относительнаго подчиненія въ разныхъ языкахъ, представляетъ собой до сихъ поръ

¹⁾ Появилась въ „Русскомъ Словѣ“.

никѣмъ не превзойденный по широтѣ матеріала и глубинѣ анализа образецъ синтаксическаго изслѣдованія), превосходные этюды по этимологii, наконецъ, длинный рядъ классическихъ изслѣдованій по метрицѣ, обезпечивающихъ О. Е. Коршу въ этой области одно изъ первыхъ мѣстъ среди ученыхъ специалистовъ всѣхъ временъ и народовъ.

Нельзя не подчеркнуть еще одной особенности, характерной для всѣхъ изслѣдованій О. Е. по языку: это — ярко-жизненное отношеніе его къ языковымъ явленіямъ всякаго рода, что выгодно отличаетъ его отъ весьма многихъ, къ сожалѣнію, лингвистовъ, изучающихъ факты языка, какъ абстрактныя алгебраическія формулы.

Рѣдкая тонкость слуха, изумительно изощренное ритмическое чутье, превосходное практическое владѣніе цѣлымъ рядомъ мертвыхъ и живыхъ языковъ, обширныя свѣдѣнія по исторіи культуры и въ особенности по исторіи книжной литературы и народной словесности, чуткій интересъ къ многообразнымъ проявленіямъ психологii живого человѣка, — все это широко раздвигало рамки лингвистическихъ изслѣдованій О. Е. и углубляло ихъ содержаніе, ставя ихъ автора въ ряды величайшихъ европейскихъ языковѣдовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, О. Е. Коршъ является однимъ изъ наиболее блестящихъ и ученыхъ русскихъ классическихъ филологовъ. Стоя нѣсколько въ сторонѣ отъ реформатскаго движенія послѣднихъ лѣтъ въ области разработки исторіи греческой и римской литературы (къ которому примкнулъ, на примѣръ, одинъ изъ корифеевъ современной специально-классической филологii, талантливый петербургскій профессоръ О. Ф. Зѣлинскій), О. Е. Коршъ занимаетъ, безспорно, первое мѣсто въ русской филологической наукѣ, какъ превосходный знатокъ обоихъ классическихъ языковъ, какъ тончайшій и остроумнѣйшій конъектуральный критикъ, какъ первоклассный изслѣдователь греческой и италійской диалектологii, какъ гениальный метрикъ, наконецъ, какъ филологъ, съ несравненнымъ совершенствомъ владѣющій греческой и латинской прозаической и стихотворной рѣчью.

О заслугахъ О. Е. Корша по русскому языку и словесности, доставившихъ ему академическое кресло, объ его работахъ по русскому правописанію, по былевому стиху, по «Слову о полку Игоревѣ», по Пушкину и т. д. пусть скажутъ другіе, болѣе компетентные въ этихъ вопросахъ цѣнители. Думаю, однако, что уже то, что мною выдвинуто въ этой бѣглой замѣткѣ, достаточно для оправданія сказаннаго мною въ началѣ.

Пожелаемъ же отъ всей души, чтобы дорогому юбиляру суждено было еще много лѣтъ вести свою повстинѣ богатырскую научную работу во славу московскаго университета, Москвы, всей Россіи.

А. Грушка.

Статья В. А. Гордлевскаго озаглавлена «Русскій Меццо-фанти»¹⁾.

Сынъ Е. О. Корша, друга Грановскаго, Федоръ Евгеніевичъ съ дѣтства вращался въ тонкой атмосферѣ интеллектуальныхъ и нравственныхъ запросовъ,

¹⁾ „Русскія Вѣдомости“, 1913, № 93.

царившей въ домѣ отца, и это, несомнѣнно, заложило фундаментъ широкой образованности. Однако только благодаря прирожденной интуитивности, граничащей съ геніальной проникновенностью, изъ него выработался живой, своего рода *vade mecum*, въ которомъ заключенъ отвѣтъ на сомнѣнія и недоумѣнія въ области филологическихъ наукъ. И такъ какъ мысли у него облечены въ свергающую остроуміемъ форму, которая обезкураживаетъ даже противника, — понятно, какъ цѣнны бывають выступленія Корша въ печати или на кафедрѣ академической и публичной.

Официально (съ 1883 г.) профессоръ римской словесности въ московскомъ университетѣ О. Е. Коршъ еще въ концѣ 60-хъ гг. обнаружилъ красочное богатство своихъ лингвистическихъ дарованій. Въ «Замѣткѣ о словѣ хорошо» сказано (въ 1867 г.) широкое знакомство Корша съ языками славянскими и восточными (джагатайскимъ). Впоследствии онъ углублялся въ комментировку стихотвореній римскихъ поэтовъ; писалъ «О турецкомъ языкѣ семирѣченскихъ надгробныхъ надписей»; предлагалъ этимологию персидскихъ или финскихъ словъ; изслѣдовалъ фонетическіе законы армянскаго языка; опредѣлялъ происхожденіе различныхъ славянскихъ словъ; изучалъ «Способы относительнаго подчиненія», привлекая для «главы сравнительнаго синтаксиса» примѣры не только изъ языковъ индо-европейскихъ, но и семитскихъ, турецкихъ, и т. д., и т. д.

Первый знатокъ въ мирѣ метрики, онъ писалъ «О русскомъ народномъ стихосложеніи», изслѣдовалъ «Древнѣйшій народный стихъ турецкихъ племенъ», объяснилъ древне-индійскіе размѣры и пр. Ученый миръ ждетъ теперь отъ Корша трактата объ арабской метрицѣ, который онъ однажды на засѣданіи Восточной Комиссіи обѣщалъ обработать и который вчера давно у него готовъ.

Ритмическая рѣчь находила въ Коршѣ восторженнаго поклонника. Онъ погрузился въ изученіе «Слова о полку Игоревѣ», анализъ котораго былъ первой его печатной работой, и хотѣлъ уловить въ немъ стихотворный строй. Онъ расточалъ блестящаго остроумія, разбирая «вопросъ о подлинности окончанія «Русалки» Пушкина по записи Зуева», и т. д.

Исключительная, яркая многосторонность научныхъ интересовъ Корша давно уже обращала на себя общее вниманіе и вызывала безграничное изумленіе. Въ 1892 г. О. Е. Коршъ, профессоръ-классикъ, былъ приглашенъ въ Специальные классы Лазаревскаго института для преподаванія персидскаго языка. Въ 1896 г., когда праздновался 30-тилѣтній юбилей его научной дѣятельности, московскій университетъ возвелъ своего питомца въ доктора сравнительнаго языковѣдѣнія *hologis causa*. Въ 1900 г. Коршъ былъ избранъ академіей наукъ въ академики (по отдѣленію русскаго языка и словесности) и скоро сталъ въ академіи во главѣ комиссіи по изданію сочиненій Пушкина. Такъ громогласно было засвидѣтельствовано различными учеными учрежденіями выдающееся значеніе Корша.

«Я — дилеттантъ», — скромно говоритъ о себѣ иногда О. Е. Коршъ, когда къ нему обращаются за справками; но всякій специалистъ, которому приходилось или приходится сталкиваться съ нимъ, видѣлъ, какъ изумлялъ этотъ «дилеттантъ» знаніемъ тонкостей и мелочей, ускользающихъ отъ «присяжнаго ученаго».

Языки славянскіе, классическіе, романскіе, германскіе, восточные, финскіе одинаково ему близки; онъ проникъ въ ихъ строй и духъ и свободно можетъ изъясняться на нихъ, процитировать какое-нибудь стихотвореніе (онъ пишетъ по-гречески, по-латыни, по-датски, по-татарски и пр.). До сихъ поръ жажда знанія новыхъ языковъ жива въ немъ; такъ, сравнительно недавно онъ изучилъ мадьярскій (венгерскій) языкъ.

Онъ разгадалъ тайны стиха и легко, какъ поэтъ «Божіей милостью», переводитъ или, точнѣе, воссоздаетъ на русскомъ языкѣ стихотворенія иностранныхъ поэтовъ: онъ переводилъ Сапфо, Горація, Катулла, персидскихъ поэтовъ (Джелаль-эд-дина Руми, Омара Хейяма и др.); у него есть переводы съ ново-греческаго, румынскаго, датскаго, польскаго, итальянскаго, арабскаго, словенскаго (собраніе стихотвореній Прешерна)... И друзья поэзіи были бы несказанно рады, если бы стихотворенія, въ большинствѣ разбѣянные въ журналахъ и специальныхъ книгахъ (даже литографированныхъ), были собраны въ одинъ томъ.

Однако въ языковѣдѣніи О. Е. Коршъ ищетъ не только удовлетворенія своей научной пытливости или эстетическимъ побужденіямъ; у него языкъ тѣсно связанъ съ интересомъ къ народу, носителю языка. Всякій народъ для него — живой организмъ, и онъ отстаиваетъ идеалы народа, когда на своемъ пути они встрѣчаютъ неожиданныя препятствія. Такъ, у всѣхъ въ памяти, какъ горячо ратовалъ онъ въ «Украинской Жизни» въ защиту правъ украинской народности. И это признаніе правъ на свободное развитіе за каждымъ народомъ побудило Корша взять на себя руководство вновь возникшимъ «Обществомъ славянской культуры», задачи котораго, собственно, выходятъ изъ границъ кабинетныхъ занятій.

Предсѣдатель Общества славянской культуры, предсѣдатель славянской комиссіи Археологическаго Общества, предсѣдатель діалектологической комиссіи, по его представленію учрежденной въ Москвѣ Академіей Наукъ, естественный предсѣдатель восточной комиссіи, организаторомъ которой онъ явился 25 лѣтъ тому назадъ, — всюду О. Е. Коршъ умѣетъ оживить работу и сосредоточить на себѣ напряженное вниманіе; всюду онъ — желанный гость и собесѣдникъ: много онъ видѣлъ и умѣетъ обо всемъ разсказать образно и занимательно; и жаль, что рѣчи Корша, вскользь брошенные замѣчанія, не закрѣпленные печатью, быстро распыляются, чаруя однихъ слушателей, а не читателей.

Несомнѣнно, завтра, 22-го апрѣля, когда О. Е. Коршу исполняется 70 лѣтъ, ученые и общественные круги города Москвы, — да и не одной надо полагать Москвы, — сольются въ дружныхъ пожеланіяхъ, чтобы надолго сохранились въ юношѣ-старцѣ ясность мысли и бодрость духа. Пусть, такимъ образомъ, исполнятся надъ нимъ слова близкаго его сердцу поэта, Горація (I, 31):

*Frui paratis et valido mihi,
Latoë, dones ac, precor, integra
Cum mente nec turpem senectam
Degere nec cithara carentem.*

(О, даруй мнѣ, умоляю тебя, сынъ Латовы, наслаждаться плодами своихъ

приобрѣтеній, сохраняя крѣпость тѣла и трезвость духа,— и не вкушать презрѣнной старости, будучи лишены способности играть на лирѣ!).

Вл. Гордлевскій.

Изъ многочисленныхъ прочихъ газетныхъ статей большой біографической интересъ представляетъ «бесѣда» съ интервьюэромъ «Московской Газеты». Стилизована «бесѣда» репортеромъ въ т.-н. фельетонномъ духѣ, не для всякаго читателя одинаково пріятномъ; но ради автобіографическаго матеріала, содержащагося въ ней, мы ее воспроизводимъ здѣсь ¹⁾:

У академика О. Е. Корша.

Къ 70-лѣтію со дня рожденія.

(Бесѣда).

Нашъ сотрудникъ вчера посѣтилъ юбиляра, который и подѣлился воспоминаніями изъ своей жизни.

— Родился я, — говоритъ О. Е. Коршъ, пересыная свою рѣчь о самомъ себѣ остроумными замѣчаніями, интересными отступленіями и юморомъ, — въ Москвѣ, въ домѣ университетской типографіи. Въ той квартирѣ, которую занималъ впоследствии Катковъ. Отецъ мой былъ редакторомъ «Московскихъ Вѣдомостей». Дѣтскія воспоминанія мои связаны, поэтому, съ толками о статьяхъ, корректурахъ и т. п. Кромѣ того, отецъ мой былъ близкимъ другомъ съ извѣстнымъ кружкомъ Герцена, Грановскаго и др.

Припоминается любопытный и характерный для того времени эпизодъ. Отецъ мой, лояльнѣйшій человекъ, тѣмъ не менѣе числился впоследствии въ спискахъ III отдѣленія, какъ опаснѣйшее лицо, за сношенія съ эмигрантомъ Герценомъ, каковыхъ въ дѣйствительности не было. Никакихъ данныхъ, писемъ, вообще фактовъ не было установлено, но это и ставилось ему въ особенную вину со стороны III отдѣленія. Герцена я помню хорошо до его отъѣзда въ 1847 году.

Такимъ образомъ, въ меня вошли преданія людей 40-хъ годовъ, которые заняли въ моемъ воспитаніи довольно выдающееся мѣсто. Въ 1849 году наше семейство переселилось въ Петербургъ, и тамъ я началъ учиться систематически съ 7 лѣтъ отъ роду. Въ 1854 году къ намъ пріѣхалъ Грановскій для того, чтобы представиться министру. Грановскій уговорилъ отца послать меня въ Москву съ тѣмъ, чтобы отдать въ лучшей тогда пансіонъ, Циммермана. Недѣлю я жилъ въ пансіонѣ, а по воскресеньямъ приходилъ къ Грановскому. Пансіонъ, къ счастью, былъ безъ программы; программа составлялась самимъ

¹⁾ Замѣтимъ, что сколько-нибудь своя біографія акад. Корша отсутствуетъ. Въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона, вообще очень обстоятельнымъ, О. Е. Коршу отведена замѣтка лишь въ несколько строкъ.

Циммерманомъ, умнымъ и образованнымъ человѣкомъ. Я вышелъ оттуда со знаиёмъ 5 языковъ — французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, латинскаго и греческаго, и лично изучилъ итальянскій. По окончаніи курса, по экзамену поступилъ въ московскій университетъ въ 1860 году. Я могу назвать себя человѣкомъ 60-хъ годовъ. Они наложили на меня неизгладимую печать въ двухъ отношеніяхъ: приверженностью къ свободѣ и недовѣріемъ къ авторитетамъ. Для меня авторитетность не существуетъ. Я и своимъ ученикамъ говорилъ: «Не вѣрьте никому, начиная съ меня самого».

Попалъ я въ университетъ въ хорошее время, когда профессорами были Афанасьевъ, Буслаевъ, Соловьевъ, талантливый историкъ Ешевскій, Леонтьевъ и др. Много обязанъ я П. Я. Петрову, профессору восточныхъ языковъ: санскритскаго, арабскаго и персидскаго.

Окончилъ университетъ въ 1864 г. и оставленъ былъ при университетѣ для преподаванія греческаго языка. Кромѣ того преподавалъ французскій языкъ въ Александровскомъ военномъ училищѣ по особой системѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. Чтобы юнгеровъ познакомить съ классическимъ образованіемъ, имъ новые языки преподавались, какъ мертвые, въ переводахъ латинскихъ и греческихъ писателей. Лестный выборъ, — говоритъ О. Е., — превратить живой французскій языкъ въ дохлый палецъ на меня.

Въ 1868 году я защитилъ магистерскую диссертацию «De versu Saturnino», которую написалъ и защищалъ на латинскомъ языкѣ.

Въ качествѣ магистра римской словесности я былъ избранъ въ «казенные доценты».

Въ томъ же году получилъ заграничную командировку: въ Берлинѣ слушалъ выдающихся филологовъ-классиковъ Авг. Потта, Ад. Кирхгоффа, Т. Моммсена.

Тогда же написалъ о «Словѣ о полку Игоревѣ».

Въ Вѣнѣ практически ознакомился съ славянскими языками.

Былъ въ Италиі; въ Римѣ изучалъ памятники и надписи на Аппіевой дорогѣ.

Въ 1870 году вернулся въ Москву, занялъ кафедру латинскаго и греческаго языковъ.

Въ 1887 году защитилъ докторскую диссертацию: «Способы относительнаго подчиненія», по поводу которой проф. Поповъ говорилъ, что самое заглавіе неблагонадежное: «Подчиненіе должно быть безусловное, а не относительное»!.

Въ теченіи 1890—1892 года былъ переведенъ въ Новороссійскій университетъ, — очевидно, для того, чтобы воспитать Пуришкевича, который слушалъ мои лекціи. Воспитавъ его, вернулся въ Москву. За подачу коллективнаго протеста въ 1894 г. по поводу массовыхъ арестовъ студентовъ былъ подвергнутъ «сожалѣнію», въ то время какъ проф. Чупровъ, Герье, Эрисманъ и Остроумовъ получили выговоръ. Кромѣ того, я былъ лишенъ права предѣдательства въ экзаминаціонныхъ комиссіяхъ и долго не получалъ орденовъ.

Въ 1900 году выбранъ въ Академію Наукъ по отдѣлу, по которому не ожидалъ назначенія, — русскаго языка и словесности.

Въ 1907 году вступилъ въ общество славянской культуры.

IV.

Самое чествованіе О. Е. Корша состоялось 22 апрѣля 1913 года, на его квартирѣ, куда собрались депутаціи отъ ученыхъ обществъ ¹⁾.

Первымъ было прочитано привѣтствіе отъ Императорской Академіи Наукъ, отъ отдѣленія русскаго языка и словесности.

Ректоръ Московскаго Университета М. К. Любавскій принесъ привѣтствіе отъ Университета.

Деканъ А. А. Грушка сказалъ привѣтствіе отъ историко-филологическаго факультета.

Многочисленна была депутація отъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, съ директоромъ проф. П. В. Гидуляновымъ. Старѣйшій изъ преподавателей Специальныхъ Классовъ, М. О. Аттая, сказалъ задушевнѣйшее привѣтствіе отъ Лазаревскаго Института, въ которомъ О. Е. донинѣ занимаетъ кафедру персидской словесности.

Депутація отъ Археологическаго Общества въ лицѣ графини П. С. Уваровой и предсѣдателя Восточной Комиссіи В. К. Трутовскаго поднесла О. Е., состоящему 27 лѣтъ членомъ Общества и основателемъ Восточной Комиссіи, адресъ, прочитанный В. К. Трутовскимъ. С. О. Долговъ сказалъ привѣтствіе отъ Славянской Комиссіи Археологическаго Общества, гдѣ О. Е. состоитъ предсѣдателемъ.

А. Е. Грузинскій съ И. А. Бѣлоусовымъ и П. Н. Сакулинымъ принесли привѣтъ отъ Общества любителей російской словесности.

Проф. П. И. Новгородцевъ привѣтствовалъ отъ имени Общества славянской культуры, указавъ, что О. Е. съ самаго возникновенія Общества славянской культуры сталъ во главѣ его и съ неослабной энергіей руководить его дѣятельностью до настоящаго времени, направляя ее по пути истинной любви къ славянскимъ народамъ, по пути признанія каждымъ народомъ правъ національнаго самоуправленія и самостоятельной культурной дѣятельности. Далѣе сказано было привѣтствіе отъ польской колоніи въ Москвѣ.

Д. Н. Ушаковъ привѣтствовалъ отъ московской діалектологической комиссіи Академіи Наукъ; О. Е. Коршъ состоитъ предсѣдателемъ этой комиссіи.

Г. Юксимовичъ поздравилъ юбиляра отъ имени московской сербской колоніи и вручилъ привѣтствіе отъ имени президента сербской академіи наукъ Стояна Новаковича.

Преподаватель армянскаго языка въ Лазаревскомъ Институтѣ Кусиковъ сказалъ привѣтствіе на черкесскомъ языкѣ.

Представителями учащейся молодежи поднесены были адреса отъ студентовъ историко-филологическаго факультета Московскаго Университета и отъ студентовъ Лазаревскаго Института.

¹⁾ Пользуемся описаніемъ, которое дано въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (1913, № 33), кое-въ-чемъ его пополняя по „Русскому Слову“ и указаніямъ присутствовавшихъ.

Кн. В. Д. Голицынъ сказалъ привѣтствіе отъ Румянцовскаго музея и поднесъ Архангельское Евангеліе 1092 года, фототипически изданное ко дню 50-лѣтія музея. Заслуж. проф. Л. М. Лопатинъ привѣтствовалъ отъ Психологическаго Общества, Е. А. Ефимовскій — отъ славянскаго комитета. Приносили личное привѣтствіе профессоры Московскаго Университета и высшихъ женскихъ курсовъ: М. Н. Розановъ, С. А. Котляревскій, М. М. Покровскій и мн. др.

Затѣмъ началось чтеніе безчисленныхъ телеграммъ.

Телеграфически прислали привѣты изъ Академіи Наукъ: вице-президентъ Имп. Акад. Наукъ Никитинъ, секретарь Академіи С. О. Ольденбургъ, академики Фортунатовъ, Шахматовъ, Вс. Миллеръ, Истринъ, Залеманнъ, Радловъ, А. И. Соболевскій, Вернадскій, П. К. Ковцовъ, Ягичъ и др.

Телеграфически привѣтствовали московскія общества: Императорское Общество любителей естествознанія, этнографическій Отдѣлъ того же Общества и отдѣлъ музыкально-этнографическій, Русское Библиографическое Общество, Общество исторіи и литературы, хранители Музея Александра III въ Москвѣ, историческая комиссія Общества распространенія техническихъ знаній, педагогическая комиссія того же Общества, украинское землячество при московскомъ университетѣ, музыкальное Общество «Кобзарь» (по-украински), украинская и чешская секціи Общества славянской культуры, совѣты III и V московскихъ гимназій и гимназіи Адольфа, Литературно-Художественный Кружокъ, редакція «Вѣстника Воспитанія», редакція «Украинской Жизни». Общества Петербурга: лингвистическая секція Неофилологическаго Общества, Музей Антропологии и Этнографіи, Общество славянскаго научнаго единенія, студенцькій гуртокъ імени Шевченка при петербургскому университетові, редакція «Вѣстника Европы» (по-украински). Изъ обществъ другихъ городовъ: гелсингфорское Угро-финское научное Общество, историко-филологическій факультетъ кіевского университета, рада старшин громадського зібранія «Родина», редакція українського часопису «Рада», харьковскій университетъ, харьковское Историко-филологическое Общество, одесскій университетъ, одесское Общество исторіи и древностей, одесское Историко-филологическое Общество.

Безчисленны телеграммы отдѣльныхъ лицъ. Привѣтствовали: бывшіе министры народнаго просвѣщенія Зенгеръ (латинскими стихами) и Шварцъ, профессоры В. И. Герье (съ женою), Зѣлинскій, Бартольдъ, Рудневъ, П. А. Лавровъ, Вульффертъ, Архангельскій, Анучинъ, Умовъ, Поспѣловъ, С. И. Соболевскій, Р. Ф. Брандтъ (стихами), М. Н. Сперанскій, В. Н. Щепкинъ, С. К. Кузнецовъ, А. П. Новицкій, Сетеле, Миккола, Ю. Кулаковскій, Сумцовъ (по-украински), Бузескуль, Варнеке, Попруженко, Линниченко, В. М. Ляпуновъ, Ю. И. Айхенвальдъ, Н. В. Давыдовъ (съ семьею), Пичета, Будинъ, директоръ Историческаго музея кн. Щербатовъ, бібліотекаръ того же музея

И. Станкевичъ, директоръ музея изящныхъ искусствъ И. В. Цвѣтаевъ, помощникъ попечителя московскаго округа Исаенковъ, С. Н. Фишеръ, вдова бывшаго директора Лазаревскаго Института В. И. Кананова, И. Якушкинъ, А. Р. Ледницкій, В. Обнинскій, С. А. Заюнчкова (урожд. Гатцукъ), Гиляровскій, Тардовъ, болгарскій посланникъ Бобчевъ, петербургскій мулла Искендеръ (по-татарски), Богдановичъ (по-бѣлорусски), редакция «Донской Рѣчи», помощникъ попечителя Кавказскаго округа Лопатинскій, рядъ бывшихъ воспитанниковъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ (консулъ въ Персіи Преображенскій и др.), множество москвичей. Письмомъ (по-малорусски) привѣтствовалъ профессоръ исторіи Украины въ львовскомъ университетѣ М. С. Грушевскій, и т. п.

Растроганный юбиляръ произнесъ краткую и, какъ всегда, остроумную рѣчь:—«Я вѣрю въ смыслъ моей работы,—говорилъ между прочимъ онъ.—Вѣдь недаромъ же Богъ создалъ столько самыхъ разнообразныхъ языковъ. Конечно, Творецъ міра имѣлъ вѣскія причины, въ разсмотрѣніе коихъ я входить не дерзаю. И думается мнѣ, только, что посвятившій свою жизнь изученію этого божественнаго разнообразія совершаетъ дѣло не богопротивное»...

Вечеромъ въ честь акад. О. Е. Корша былъ данъ въ «Прагѣ» банкетъ. Присутствовали многіе изъ тѣхъ, кому днемъ не удалось принести своего привѣтствія (С. О. Долговъ, А. С. Орловъ, Д. Н. Ушаковъ и др.). Въ числѣ тостовъ первымъ былъ произнесенъ отъ имени персидской московской колоніи тостъ Мирзы-Джафара (читающаго персидскій живой языкъ въ Спеціальныхъ Классахъ Лазаревскаго Института). Мирза-Джафаръ съ горячей благодарностью подчеркнул неизмѣнное любовное отношеніе акад. О. Е. Корша къ родинѣ оратора—Персіи. Дальнѣйшую свою рѣчь ораторъ произнесъ по-персидски, цитируя любимаго О. Е. Коршемъ творца бессмертной «Шахъ-наме».

Въ отвѣтномъ словѣ О. Е. сказалъ, что онъ всегда преклонялся передъ глубокой, проникновенной культурой персидскаго народа,—народа «ваньки-встаньки», которую не могли сломить никакія напасты и которому въ исторіи культуры еще предстоитъ блестящая будущность. Затѣмъ говорилъ Е. А. Ефимовскій, секретарь славянскаго комитета и общества славянской культуры, указавшій: О. Е. тѣмъ дорогъ намъ, что, при глубокомъ проникновеніи въ чужія культуры, онъ сумѣлъ остаться человѣкомъ русскимъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Юбиляръ, отвѣчая, подчеркнул, что онъ считаетъ себя не только русскимъ, но даже тѣснѣе—великороссомъ. Однако рядомъ съ великорусскимъ сознаниемъ въ его душѣ живетъ высокое уваженіе къ культурнымъ потребностямъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ и на ряду съ національнымъ русскимъ сознаниемъ искренняя любовь къ чужимъ культурамъ, живетъ мечта о будущемъ единеніи всѣхъ народовъ,—за это грядущее братство онъ поднимаетъ свой бокалъ.

Въ дальнѣйшемъ послѣдоваль рядъ тостовъ, изъ которыхъ особенно слѣдуетъ отмѣтить слово заслуженнаго профессора Л. М. Лопатина, привѣтствовавшаго своего стараго учителя отъ лица профессуры московскаго университета и выразившаго надежду, что О. Е. вернется въ свою «alma mater».

О. Е. отвѣтили, что если бы современная молодежь, въ связи съ общими условіями, дала ему такихъ учениковъ, какіе были у него въ старые годы, онъ съ радостью бы вернулся въ университетъ. Къ сожалѣнію, русская наука теперь переживаетъ тяжелый кризисъ. Въ частности университету грозитъ опасность превратиться въ фабрику аттестатовъ.—Я пью за то,—заканчиваетъ свою рѣчь юбиляръ,—чтобы скорѣе разсѣялась тьма и чтобы университетъ московскій снова поднялся на прежнюю высоту.

Вечеръ закончился исполненіемъ старой студенческой пѣсни: «Gaudeamus igitur»...

V.

На привѣтствія, принесенныя акад. О. Е. Коршу 22 апрѣля, онъ отвѣчалъ открытымъ письмомъ въ редакцію «Утра Россіи» (1913 № 102):

М. г., г. Редакторъ!

Усердно прошу васъ дать мѣсто настоящему письму на страницахъ вашей многоуважаемой газеты.

Когда я узналъ, что нѣкоторые изъ моихъ друзей собираются отпраздновать 70-лѣтнюю годовщину моего рожденія (22 апрѣля) болѣе торжественно, чѣмъ принято отмѣчать такія событія частной жизни, я былъ столь же удивленъ, сколько смущенъ этимъ превращеніемъ скромнаго и мало кому известнаго домашняго торжества во что-то въ родѣ юбилея, въ которомъ я виноватъ лишь тѣмъ, что не принималъ никакихъ, по крайней мѣрѣ, экстренныхъ мѣръ, къ преждевременному пресѣченію своего существованія. И въ самомъ дѣлѣ, было отъ чего смутиться: какъ могъ я рассчитывать на сколько-нибудь широкое сочувствіе такому безразличному для другихъ обстоятельству, что мнѣ было суждено дотянуть кое-какъ свою жизнь до того возраста, въ которомъ и еврейская, и эллинская мудрость считали человѣка пожившимъ достаточно? Правда, я зналъ, что на Западѣ достиженіе этой степени непререкаемой зрѣлости, иногда, такъ сказать, вмѣняется въ юбилей; но вѣдь это—на Западѣ и лишь иногда. При такомъ отношеніи къ затѣѣ моихъ друзей, вполне естественно, что я былъ уже не удивленъ, не просто обрадованъ, а пораженъ и подавленъ неожиданностью и чувствомъ благодарности, когда услышалъ произносимыя мнѣ привѣтствія и когда на меня посыпалось множество поздравительныхъ адресовъ, писемъ и телеграммъ, которыя я продолжаю получать до сего дня. Эти знаки сочувствія шли и отъ учреждений, вниманіемъ которыхъ должны гордиться даже самые заслуженные научные и общественные дѣятели, и отъ отдѣльныхъ лицъ,

между которыми есть немало такихъ, что имени каждаго изъ нихъ довольно для громкой рекламы отмѣченнаго ихъ привѣтомъ.

Само собой разумѣется, что, помимо этого письма, я сдѣлаю все возможное для выраженія своей глубокой благодарности знакомымъ и незнакомымъ, вспомнившимъ обо мнѣ въ знаменательный для меня день, но эта возможность особенно сильно ограничена въ настоящую пору года, когда всѣ, такъ или иначе соприкасающіеся съ наукой, преподаваніемъ и общественной дѣятельностью, заняты спѣшнымъ сведеніемъ концовъ съ концами своихъ трудовъ за истекающій академическій годъ. Съ покорнѣйшей просьбой о перепечаткѣ этого письма обращаюсь и къ другимъ газетамъ, московскимъ, петербургскимъ и провинціальнымъ,—по крайней мѣрѣ, къ тѣмъ изъ нихъ, которыя признаютъ меня честнымъ русскимъ дѣтелемъ, а не измѣнникомъ своей родины. Впрочемъ, я въ самомъ началѣ своего письма говорилъ о «многоуважаемыхъ» газетахъ...

4 мая 1913 г.

О. Коршъ.

VI.

Помѣщаемъ подлинныя тексты привѣтствій,—по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя намъ доступны. Многія привѣтствія, написанныя въ чрезчуръ частномъ характерѣ, даже нельзя было бы опубликовать.

На первомъ мѣстѣ издаемъ привѣтствія и поздравленія, присланныя изъ Петербурга, потомъ — изъ Москвы, потомъ — изъ другихъ мѣстъ.

Петербургъ.

№ 1. Изъ Академіи Наукъ:

Глубокоуважаемый Теодоръ Евгеньевичъ!

Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ привѣтствуетъ Васъ въ день Вашего семидесятилѣтія, съ благодарностью отмѣчая Ваши полныя силы и таланта труды, которыми Вы прославили Академію Наукъ и 2-е ея отдѣленіе.

№ 2. Отъ вице-президента Академіи Наукъ Никитина:

Примите мои сердечныя пожеланія добраго Вамъ здоровья, крѣпости, силъ и бодрости духа на многія лѣта.

Акад. Никитинъ.

№ 3. Поздравляемъ Васъ и желаемъ здоровья Вамъ и всѣмъ Вашимъ.

Академикъ Фортуатовъ.

№ 4. Въ день семидесятилѣтія дорогого Теодора Евгеньевича, я, его благодарный ученикъ, желаю сохраненія драгоценныхъ его силъ на долгое время.

Академикъ Шахматовъ.

председатель Отдѣленія русскаго языка и словесности.

№ 5. Шлемъ сердечныя поздравленія и лучшія пожеланія.

Наталія и Софія Шахматовы.

№ 6. Горячо привѣтствуемъ Васъ съ семидесятилѣтіемъ дня рожденія и шлемъ сердечныя пожеланія здоровья и новыхъ силъ для продолженія ученой и общественной дѣятельности на пользу отечественной и славянской науки и культуры.

Секретарь Академіи Наукъ С. О. Ольденбургъ.

Акад. К. Г. Залеманъ.

№ 7. Многоуважаемому юбиляру посылаю искреннее поздравленіе ко дню семидесятилѣтія и желаю, чтобы еще много лѣтъ онъ такъ же плодотворно и жизнерадостно работалъ на благо науки и радость друзей.

Академикъ В. Радловъ.

№ 8. Дорогому наставнику и товарищу въ день семидесятилѣтія жизни шлю привѣтъ и горячія пожеланія долгихъ дней, счастья и здоровья.

Академикъ Алексѣй Соболевскій.

№ 9. Слишкомъ частное письмо академика П. К. Коковцова не можетъ быть оглашено въ печати.

№ 10. Горячо поздравляю.

Академикъ Вернадскій.

№ 11. Отъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Зенгера:

Dena vicens celebras qui lustra adiuncta quaternis
Septima Korsch te iterum claudere nempe doces.
Hoc tibi dant Musae, ne tanta laude peractos
Deseruisse annos, sed rediisse putes.
Permaneas igitur studiis florensque virensque
Et sine nube dies exige dulce decus.

Земеръ.

№ 12. Письмо отъ бывшаго министра А. Н. Шварца не можетъ быть напечатано.

№ 13. Привѣтствую Васъ, глубокоуважаемый Теодоръ Евгеньевичъ, въ сегодняшний знаменательный день Вашей жизни. Да сохранятся у Васъ силы и бодрость духа еще на многіе годы для славной учебной, академической и общественной дѣятельности!

Профессоръ Н. Зѣлинскій.

№№ 14—16. Письма профессоръ С.-Петербургскаго университета В. В. Бартольда, А. Д. Руднева и П. А. Лаврова не могутъ быть напечатаны.

№ 17. Сердечныя поздравленія и пожеланія здоровья на многіе годы отъ стараго товарища.

Проф. А. Вульфбертъ.

№ 18. Поздравляю и сердечно желаю Вамъ еще много лѣтъ идти по тому славному пути, по которому до сихъ поръ Вы шли.

Профессоръ Архангельскій.

№ 19. Лингвистическая секція Неофилологическаго Общества привѣтствуетъ Васъ, желая еще много лѣтъ юношеской энергіи и умственной бодрости на пользу русской науки.

Предсѣдатель проф. Буличъ.

№ 20. Отъ имени ученаго персонала Музея антропологій и этнографіи привѣтствую славнаго лингвиста въ день его семидесятилѣтія и желаю еще долго работать на поприщѣ любимой науки.

Л. Штернбергъ.

№ 21. Отъ завѣдующаго Этнографическимъ Музеемъ имени Александра III въ Петербургѣ:

Почтительныя привѣтствія, сердечныя поздравленія и пожеланія долгой еще дѣятельности въ наукѣ и добрыхъ честныхъ отношеніяхъ шлетъ

Ө. Волковъ.

№ 22. Общество славянскаго научнаго единенія шлетъ сердечный привѣтъ и поздравленія глубокоуважаемому ученому, общественному дѣятелю и благородному носителю лучшихъ славянскихъ идеаловъ.

Президентъ акад. Бехтеревъ.

№ 23. Отъ кружка имени Шевченка при Петербургскомъ университетѣ:

Щиро витаємо славетного російського вченого, що з уст його пролунав уперше прихильний до України голос, озброєний наукою.

Гурток імени Шевченка при університеті.

№ 24. Отъ редактора «Вѣстника Европы»:

Дай Вамъ Боже орлиный кликъ, та лебединий вікъ¹⁾.

Славинскій.

№ 25. Сердечне привітання і щирі бажання на все найкраще.

Стебницький.

№ 26. З цілої душі вітаємо й засилаємо найкращі бажання на все добре.

Лотоцькі.

¹⁾ Запорожское привѣтствіе. *Ред.*

Глубокоискренній и почтительный привѣтъ благородному выразителю идеи равенства славянскихъ народовъ.

Гржибовскій. Носовъ.

№ 28. Горячо привѣтствую съ знаменательнымъ днемъ Вашей жизни, исполненной неустаннаго и плодотворнаго труда на научномъ и общественномъ поприщѣ.

Боларскій посланникъ Бобчевъ.

№ 29. Отъ муллы Искендера изъ Петербурга (по-татарски).

Эльсинен шаркийе шейхлеринден олан мешһур Атаулла Москови бин яша! дин, мулла Искендер тебрик идер ¹⁾).

№ 30. Душевно поздравляемъ и желаемъ здравствовать еще многіе годы.

Лукьяновы.

№ 31. Сердечно поздравляемъ съ праздникомъ и желаемъ здоровья.

Бобровниковы.

№ 32. Поздравляю дорогого юбиляра и желаю прожить Маеусайловы годы. Привѣтъ всей семьѣ.

Ташкентскій Корнѣ.

Москва.

№ 33. Принесенное отъ имени Московскаго Университета устное привѣтствіе ректора М. К. Любавскаго не было записано.

№ 34. Привѣтствіе отъ историко-филологическаго факультета, сказанное деканомъ А. А. Грушкою, въ общемъ совпадаетъ съ его статьею, напечатанною выше (стр. VII-VIII).

№ 35. Адресъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, поднесенный пожизненною предсѣдательницею граф. П. С. Уваровою въ сопровожденіи секретаря Общества В. К. Трутовскаго и многихъ членовъ:

Глубокоуважаемый Ѳеодоръ Евгеньевичъ!

Съ глубоко-искреннимъ, глубоко-сердечнымъ чувствомъ приносить Вамъ Императорское Московское Археологическое Общество свои поздравленія сегодня, въ день исполнившагося 70-лѣтія Вашей жизни и въ годъ 45-лѣтія Вашей неустанной ученой дѣятельности. Въ исторіи развитія всемірной науки не много найдется ученыхъ, которые, подобно Вамъ, съ одной стороны, обладали бы такими громадными, такими разнообразными и такими точными знаніями и внесли бы такъ много свѣта въ разработку и изученіе всевозможныхъ язы-

¹⁾ Т.-е. „Шейхъ восточныхъ языковъ, знаменитый Ѳеодоръ (Атаулла) Московить, тысячу лѣтъ да живеть! Привѣтъ отъ муллы Искендера“.

ковъ, а съ другой — были бы такъ доступны и такъ охотно дѣлились бы своими знаніями со всякимъ, прибѣгающимъ къ Вамъ съ научной жадью, — дѣлились бы знаніями, быть-можетъ, иной разъ и въ ущербъ своимъ собственнымъ трудамъ, предположеніямъ и намѣченнымъ себѣ самому темамъ. Востокъ, древній, средневѣковый и новый, языческій и мусульманскій, славянство, во всѣхъ его проявленіяхъ, классическій міръ Рима и Греціи, родной языкъ и чуть ли не всѣ европейскіе, исторія, литература и, наконецъ, поэзія и не только теоретическая, но и какъ вдохновенный даръ, — все это знаетъ Васъ, какъ одного изъ лучшихъ и ученѣйшихъ своихъ представителей. Съ 1886 г., т.-е. 27 лѣтъ, Вы состоите членомъ Общества, и Ваше участіе въ трудахъ его, особенно въ Комиссіяхъ Восточной и Славянской, является однимъ изъ главнѣйшихъ стимуловъ ихъ существованія и дѣятельности.

Предоставляя Восточной Комиссіи своевременно привѣтствовать Васъ, въ особо назначенный для того день, Императорское Московское Археологическое Общество нынѣ, отъ лица всѣхъ своихъ членовъ всѣхъ специальностей, проситъ Васъ принять его горячія пожеланія — еще много лѣтъ здравствовать и продолжать по-прежнему обогащеніе науки не только учеными трудами, но и молодыми научными силами; ихъ Вы такъ много вызвали къ ученой дѣятельности своей любовью къ наукѣ, своимъ непрестаннымъ трудомъ, своимъ ободряющимъ словомъ и научной поддержкой.

22 апрѣля 1913 года.

№ 36. Отъ секретаря Восточной Комиссіи:

Привѣтъ патриарху русскаго востоковѣдѣнія и свѣтилу европейской филологіи!

Крымскій.

№ 37. Привѣтъ отъ Специальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ принесенъ былъ многочисленною депутаціей, съ директоромъ проф. П. В. Гидуляновымъ во главѣ. А слово было сказано самымъ старымъ членомъ коллегіи (араб. яз.) — М. О. Атгаей.

Глубокоуважаемый и дорогой Федоръ Евгеньевичъ!

Лазаревскій Институтъ Восточныхъ языковъ съ первыхъ шаговъ Вашей ученой дѣятельности слѣдилъ за развитіемъ той мощной и научной силы, какой Вы нынѣ достигли. Еще когда Вы были молодымъ доцентомъ, Институтъ приглашалъ Васъ присутствовать на экзаменахъ по греческому языку, и, почти съ основанія Специальныхъ Классовъ, стали приглашать Васъ на экзамены по восточнымъ языкамъ. Ваше присутствіе на этихъ экзаменахъ было настоящимъ торжествомъ и праздникомъ какъ для профессоровъ, такъ и для студентовъ. Вы оживляли ихъ, возбуждая въ нихъ живой филологическій интересъ. Я хорошо помню, какъ бесѣды о возбужденныхъ Вами вопросахъ продолжались послѣ экзаменовъ до поздней ночи. Многократное присутствіе Ваше на экзаменахъ имѣло для Института огромное и важное значеніе: оно сблизило Васъ со всѣмъ персоналомъ Специальныхъ Классовъ Института и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

возбудило въ Васъ самихъ новый интересъ къ восточнымъ языкамъ. Въ результатѣ оказалось, что горчичное зерно оріентальнаго знанія, посаженное въ Васъ профессоромъ Московскаго Университета Петровымъ, стало расти и расти и выросло, наконецъ, въ огромное, тѣнистое дерево знанія восточныхъ языковъ. Это было отмѣчено тогдашнимъ Совѣтомъ Специальныхъ Классовъ, и, по освобожденіи персидской каѳедры, Совѣтъ усиленно приглашалъ Васъ занять ее. Вы, послѣ долгихъ колебаній, согласились вступить на эту каѳедру и осѣнить ее могучимъ деревомъ оріентальнаго знанія, подъ сѣнью котораго уже 22 поколѣнія Лазаревцевъ ютились и получали оріентальное образованіе, а профессора и преподаватели лакомились его зрѣлыми плодами. Многіе учебники и спеціальныя ученые труды по востоковѣдѣнію составлялись по Вашей инициативѣ или съ Вашимъ содѣйствіемъ и соучастіемъ. Позвольте мнѣ, дорогой Теодоръ Евгеньевичъ, отмѣтить здѣсь двѣ черты Вашего характера, которыя красной нитью прошли черезъ всю Вашу многополезную жизнь. Во-первыхъ, любовь къ наукѣ: Вы въ интересахъ науки и литературы не жалѣли ни своего времени, ни здоровья и отдавали ихъ каждому, кто обращался къ Вамъ за совѣтомъ или содѣйствіемъ; часто Вы годами работали безкорыстно надъ чужимъ трудомъ, напримѣръ, надъ чѣмъ-либо переводомъ поэтовъ, лишь бы переводъ вышелъ точнымъ и изящнымъ. Во-вторыхъ, необыкновенная любовь къ человѣчеству безъ различія національности: Вы видите передъ собой не нѣмца, поляка, или араба, а человѣка, говорящаго на томъ или другомъ языкѣ, и, благодаря этой чертѣ характера, Вы пріобрѣли много искреннихъ друзей во всѣхъ странахъ запада и востока. Эти двѣ черты — любовь къ человѣчеству и къ наукѣ, вмѣстѣ съ дарованнымъ Вамъ отъ Бога необыкновеннымъ талантомъ — возвели Васъ на такой пьедесталъ славы, что мы, Ваши сослуживцы по Лазаревскому Институту, дивимся Вашему уму, преклоняемся передъ Вашей гениальностью и гордимся Вами. Одинъ изъ нашихъ товарищей мѣтко и справедливо назвалъ Васъ патриархомъ оріенталистики въ Москвѣ.

Мы въ 70-лѣтній день Вашего рожденія молимъ Господа Бога даровать Вамъ здоровья и силъ еще на многія лѣта на пользу человѣчества и науки и на радость Вашимъ друзьямъ.

М. Антал.

№ 38. Отъ жены покойнаго директора Лазаревскаго Института:

Сердечно привѣтствую Васъ, глубокоуважаемый Теодоръ Евгеньевичъ, и прошу принять мои лучшія пожеланія.

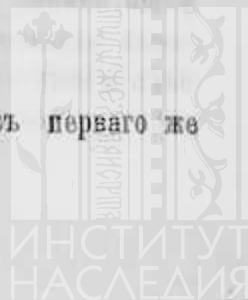
Барбара Кананова.

№ 39. Письмо бывшаго инспектора Лазаревскаго Института И. С. Тандова не можетъ быть напечатано изъ-за слишкомъ частнаго его характера.

№ 40. Адресъ студентовъ Специальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института, Восточныхъ языковъ.

Дорогой Теодоръ Евгеньевичъ!

Вамъ лучше, чѣмъ кому-нибудь другому извѣстно, что съ перваго же

дня нашего вступленія въ стѣны Лазаревскаго Института мы неизмѣнно сталкиваемся съ весьма значительнымъ затрудненіемъ: необходимостью изученія трехъ трудныхъ языковъ, — и болѣе: языковъ, принадлежащихъ къ различнымъ семьямъ. Наша работа по изученію этихъ во многомъ необычныхъ языковъ дѣлалась бы невозможной, если бы она не одухотворялась любовью къ языковѣднѣю, поддерживавшей въ насъ вѣру въ свои силы, въ конечное торжество, во имя чего мы и съ радостью шли навстрѣчу всѣмъ трудностямъ и преодолевали ихъ. Оглядываясь назадъ, на пройденный нами въ стѣнахъ Лазаревскаго Института путь, мы невольно убѣждаемся, что всемогущей любовью къ дѣлу, глубокимъ интересамъ къ получаемымъ предметамъ мы въ высшей степени обязаны Вамъ и Вашимъ лекціямъ, удобопонятнымъ и популярнымъ, несмотря на ихъ строгую и глубокую научность, живымъ и жизненнымъ, несмотря на кажущуюся сухость матеріала.

Нигдѣ, быть-можетъ, такъ ясно не чувствовалась близость человѣка къ человѣчеству, какъ именно на Вашихъ лекціяхъ, въ Вашей аудиторіи. И это объяснялось тѣмъ, что вы не довольствовались узкими рамками преподаваемого Вами предмета, а при всякомъ удобномъ случаѣ своимъ стремленіемъ указывать общее, родственное между отдѣльными группами языковъ и идеями литературъ ихъ пріучали насъ съ должнымъ и одинаковымъ уваженіемъ относиться къ проявленіямъ человѣческой мысли, отъ кого бы она ни исходила и въ какую бы форму ни вылилась.

Слѣдствіемъ этого неизбѣжно являлась у насъ интенсивность въ работѣ и подчиненіе себя началамъ высшаго порядка: служенію наукѣ, а вмѣстѣ съ ней и всему человѣчеству. Въ этомъ отношеніи Вы шли еще дальше: съ присущей Вамъ чуткостью Вы подмѣчали, поддерживали и развивали въ отдѣльныхъ личностяхъ стремленіе къ специализаціи и, давая пищу ихъ запросамъ, направляли ихъ по избранному ими пути.

Съ гордостью и глубокой радостью мы въ нынѣшній день думаемъ и говоримъ о Васъ, ибо видимъ и чувствуемъ, что Вы, на своей недостижимой научной высотѣ, удивительно сохранили доброту и отзывчивость къ намъ-студентамъ, и мы Вамъ, а Вы намъ — не чужіе.

Два нераздѣльныхъ чувства вызываетъ въ насъ Вашъ свѣтлый образъ: чувство глубокаго преклоненія передъ Вашей духовной мощью и горячаго обожанія къ Вамъ за Ваше столь чуткое вѣчно молодое сердце.

Дорогой Θεодоръ Евгеньевичъ! Мы счастливы, что хоть какъ-нибудь можемъ выразить Вамъ волнующія насъ чувства и передать Вамъ наше душевное спасибо.

(Слѣдуютъ поименныя подписи студентовъ всѣхъ курсовъ).

№№ 41—49. Телеграммы бывшихъ слушателей Специальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института: консула Б. А. Преображенскаго, Бове, Левкіевскаго, Гарейзе, Кашина, Андреева, Соколова, Новикова, Достоевскаго — не приводятся.

№ 50. Императорское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи

и Этнографіи при Московскомъ Университетѣ привѣтствуетъ своего почетнаго члена и желаетъ ему долголѣтняго процвѣтанія на пользу науки и славянства.

Президентъ *Анучинъ*.

№ 51. Этнографическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія привѣтствуетъ глубокоуважаемаго Федора Евгеньевича въ день семидесятилѣтня днѣ его рожденія и шлетъ искреннее пожеланіе быть еще многіе годы среди его членовъ гордостью русской науки.

Предсѣдатель акад. *Всев. Миллеръ*.

№ 52. Отъ секретаря Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи:

Шлю дорогому старцу задушевный привѣтъ и горячо желаю ему здоровья на многіе годы. Съ нимъ жило бодро, когда онъ былъ молодъ,—съ нимъ дружится все лучшее молодое и въ дни его свѣтлой старости.

Владиміръ Богдановъ.

№ 53. Отъ члена музыкальной комиссіи при Этнографическомъ Отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія:

Глубокоуважаемый Федоръ Евгеньевичъ!

Сегодняшній почтенный и знаменательный въ Вашей жизни юбилей вызываетъ во мнѣ чувство искренней радости и удивленія передъ Вашей энергіей, которая согрѣвала и ободряла самые разнородные круги научныхъ дѣятелей, въ этомъ числѣ и насъ, музыкальныхъ этнографовъ. Примите мое скромное привѣтствіе съ пожеланіемъ долгой и славной дѣятельности.

Александръ Масловъ.

№ 54. Правленіе Общества Взаимопомощи студентовъ-филологовъ Московскаго Университета приноситъ свои поздравленія въ день Вашей семидесятилѣтней годовщины,—въ день, радостный для русской науки и русскаго общества.

Предсѣдатель Правленія *Александръ Позднѣвъ*.

№ 55. Отъ украинскаго студенческаго землячества при Московскомъ Университетѣ:

В день Вашего юбилея, високоповажаемый Хведоре Евгеновичу, приедемся до загальної радости російскаго громадянства.

Українське земляцтво при Московському Університетові.

№ 56. Хранители Университетскаго Музея Александра III привѣтствуютъ въ нынѣшній праздникъ Вашъ и русскаго просвѣщенія примѣчательнаго вождя въ области античной филологіи.

Мальмбергъ, Назаревскій, Щербаковъ, Туревъ.

№ 57. Письмо отъ директора музея Императора Александра III проф. И. В. Цвѣтаева не можетъ быть напечатано.

№ 58. Общество Истории Литературы в Москвѣ привѣтствуетъ маститаго юбиляра, пытливый духъ котораго проникаетъ во всѣ области міровой литературы и всюду вноситъ новый и новый свѣтъ въ безконечно разнообразныя проблемы творчества человѣческаго духа. Общество шлетъ дорогому Федору Евгеньевичу единодушное пожеланіе здоровья и продленія его служенія наукѣ и русскому обществу на многіе и многіе годы.

Предсѣдатель, профессор *Сперанскій*.
Секретарь *Ржиса*.

№ 59. Русское Библиографическое Общество при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ привѣтствуетъ глубокоуважаемаго юбиляра, славное имя котораго согрѣваетъ сердца всѣхъ друзей науки.

Комитетъ.

№ 60. Московскій Литературно-Художественный Кружокъ присоединяетъ свои привѣтствія къ голосу всей Россіи, чтущей день Вашего семидесятилѣтія, своего великаго ученаго, славнаго писателя и прекраснаго поэта.

Предсѣдатель лекцій *Валерій Брюсовъ*.

№ 61. Отъ украинской секціи Общества славянской культуры:

Українська секція Товариства слов'янської культури прилучає і свій голос, бажаючи, аби й надалі Ваше слово сприяло вільній і братерській згоді і порозумінню між окремими націями нашої держави.

Голова *С. М. Хвостов*.

№ 62. Отъ украинскаго кружка «Кобзарь»:

Комітет українського гуртка «Кобзар» у Москві щиро вітає Вас, високошановний і глибокоповажаний Хведоре Євгеновичу, безмірно цінуючи Вашу славетну, талановиту діяльність, що одбувається пів-століття; і шанобливо дозволяє собі щиро побажати Вам, щоб іще на багато-багато літ Ви зберегли свої сили й бадьорість духа для дальшої суворо-научної й продуктивної праці, з якої йде добро спільно-слов'янській культурі в загалі, а українській з'особна.

Голова *Дикій*.

№ 63. «Не вважай на врожай; сій жито—хліб буде». На полі науки й на широкому лані життя Ви сіяли зерна просвіти та єднання. Віку довгого і праці невтомної бажає сердечно приятелю українського народу

Редакція «*Украинской Жизни*».

№ 64. Чешскій кружокъ въ Москвѣ съ чувствомъ глубокаго уваженія приносить Вамъ искрениѣйшія поздравленія ко дню Вашего семидесятилѣтія и жадаєть еще многихъ лѣтъ плодотворной жизни на пользу науки и славянскаго дѣла.

Предсѣдатель *Павлу*.

№ 65. Педагогическая Комиссія Учебнаго Отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній, навсегда сохраняя благодарную память о знамени-

тельной въ ея лѣтописяхъ датѣ 22 марта 1913 года, когда Вы, глубокоуважаемый Федоръ Евгеньевичъ, оказали ей высокую честь своимъ участіемъ въ ея скромномъ засѣданіи, и преклоняясь передъ колоссальнымъ значеніемъ Вашей многосторонней научной дѣятельности, приносить Вамъ свое почтительнѣйшее поздравленіе въ торжественный день семидесятилѣтія со дня Вашего рожденія и горячо желаетъ Вамъ силъ и здоровья для дальнѣйшей Вашей плодотворной работы на благо русской науки и русской культуры.

Предсѣдатель Комиссіи *Валентинъ Бочкаревъ.*

№ 66. Глубокопочитаемый Федоръ Евгеньевичъ!

Ваши выдающіяся научныя заслуги во многихъ областяхъ знанія, проникнутыя высокой идейностью, ставятъ Васъ въ разрядъ тѣхъ лицъ, которыми живетъ и гордится Россія.

Съ глубокимъ почитаніемъ редакція журнала «Вѣстникъ Воспитанія» привѣтствуетъ Васъ.

№ 67. 3-я Московская гимназія, гдѣ и русскому языку, и древнимъ, и исторіи обучаютъ Ваши ученики, шлетъ Вамъ искреннія, горячія благожеланія въ этотъ знаменательный день.

Директоръ *Виноградовъ.*

№ 68. Педагогическій Совѣтъ Московской 5-ой классической гимназіи, имѣющей въ своемъ составѣ многихъ Вашихъ учениковъ и питающей къ Вашей научной и педагогической дѣятельности глубокое уваженіе и благодарность, съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ Васъ въ день Вашего рожденія и желаетъ Вамъ здоровья, душевной бодрости и силъ для продолженія Вашей плодотворной работы на пользу науки и родного просвѣщенія.

Директоръ, бывший Вашъ ученикъ, *Викторъ Соколовъ.*

№ 69. Педагогическій Совѣтъ частной гимназіи Адольфа привѣтствуетъ глубокоуважаемаго Федора Евгеньевича и шлетъ ему искреннія пожеланія здоровья и дальнѣйшей выдающейся дѣятельности на пользу науки Россіи и славянства.

Директоръ *Стрѣльцовъ.*

№ 70 и № 79. Письма директрисы гимназіи С. Н. Фишеръ и помощника московскаго учебнаго округа В. Д. Исаенкова, въ силу частнаго характера, не печатаются.

№ 80. Отъ члена Государственнаго Совѣта, проф. В. И. Герье:

Болѣе недѣли осаждаемый въ постели невидимыми врагами, могу только вскользь, а не лично привѣтствовать и поздравить стараго товарища по университету, Лазаревскому Институту и многимъ другимъ хорошимъ воспоминаніямъ.

Владиміръ Герье.

№ 81. Вспоминая многіе и долгіе годы добрыхъ отношеній и общихъ

интересовъ, съ особеннымъ сочувствіемъ и радостью привѣтствую товарища юныхъ лѣтъ.

Евдокія Герье.

№ 82. Поздравляю дорогого юбиляра со славнымъ восхожденіемъ на одну изъ трудно достижимыхъ вершинъ времени Сохраненныя Вами силы и бодрость Вашихъ духовныхъ стремленій дадутъ наукѣ и русскому обществу увѣренность въ столь же славномъ продолженіи Вашего подъема.

Товарищъ по двумъ университетамъ.

№ 83. Привѣтствую высокоуважаемаго коллегу, русскаго Меццофанти, но болѣе ученаго, воплощающаго въ себѣ культурную связь классицизма и гуманизма, запада съ востокомъ, европеизма съ славянствомъ, филологіи съ поэзіей, специализацію съ общественностью. Лучшія пожеланія физики и психики на многія лѣта!

Проф. Д. Н. Анучинъ.

№ 84. Сердечно привѣтствую въ день рожденія и желаю разныхъ благъ, а наипаче здоровья.

Горячопреданный *Николай Давыдовъ.*

№ 85. Подобныя же телеграммы Екатерины и Софьи Давыдовыхъ.

№ 86. Не имѣя возможности поздравить Васъ лично, я желаю Вамъ еще много лѣтъ плодотворной работы на славу Россіи и на благо человѣчества.

Вельмъ.

№ 87. Примите, глубокочтимый Ѳедоръ Евгеньевичъ, мое горячее поздравленіе съ Вашимъ семидесятилѣтнимъ юбилеемъ. Отъ всего сердца желаю Вамъ здоровья и долгоденствія на многія лѣта со всѣмъ семействомъ.

Профессоръ Пospelовъ.

№ 88. Отъ профессора славянскихъ нарѣчій Р. Ѳ. Брандта (поэтической псевдонимъ «О. Головининъ»):

Вступившему въ восьмой десятокъ
По-телеграфски буду кратокъ:
Еще насъ долго, бодръ и свѣжъ,
Крѣпи наукой, шуткой тѣшъ.

Брандтъ.

№ 89. Поздравляю дорогого учителя и желаю долгихъ счастливыхъ лѣтъ.

Профессоръ С. И. Соболевскій.

№ 90. Лишенный возможности привѣтствовать лично дорогого новорожденнаго, шлю сердечное поздравленіе съ исполнившейся семидесятилѣтней годовщиной и горячее пожеланіе здоровья и силъ на многіе годы.

Искренно Васъ любящій и признательный ученикъ Вашъ

проф. Михаилъ Сперанскій.

№ 91. Горячо обнимаемъ и желаемъ силъ, здоровья, горячо благодаримъ.

Щеткины.

№ 92. Позвольте, многоуважаемый Феодоръ Евгеньевичъ, и мнѣ, бывшему слушателю, присоединить свой голосъ къ привѣтствіямъ по случаю знаменательной для Васъ годовщины.

Пичета.

№ 93. Позвольте и мнѣ, одному изъ Вашихъ признательныхъ учениковъ, принести Вамъ свои глубокія поздравленія и привѣтствовать въ Вашемъ лицѣ мудреца, проникшаго во всѣ прекрасныя тайны и музыку всемірнаго человѣческаго слова.

Эйхенвальдъ.

№ 94. Привѣтствія И. А. Булдина, № 95 семьи Гибсиныхъ (музык. училище), № 96 М. Н. Муромцевой не могутъ быть напечатаны.

№ 97. Разрѣшите привѣтствовать Васъ въ день, радостный для науки и друзей.

Всегда признательный *Иванъ Якушкинъ.*

№ 98. Привѣтствіе бібліотекаря Историческаго музея А. И. Станкевича не печатается.

№ 99. Отъ директора Историческаго Музея:

Грущу о невозможности лично поздравить Васъ, глубокоуважаемый Феодоръ Евгеньевичъ, съ годовщиной славной 45-лѣтней ученой дѣятельности Вашей. Дай Богъ здоровья и силъ для продолженія ея на многіе годы. Если засѣданіе не затянется, прибѣгу.

Князь Щербатовъ.

№ 100. Глубокоуважаемый Феодоръ Евгеньевичъ! Не откажите принять мое привѣтствіе по случаю дня семидесятилѣтія Вашего. Душевно желаю Вамъ сохранить на долгіе годы здоровье и умственные силы на пользу науки. Извинюсь, что по слабости здоровья не могу лично высказать Вамъ моихъ сердечныхъ пожеланій.

Искренно Васъ почитающій проф. *С. К. Кузнецовъ*

№ 101. Позвольте пожелать Вамъ, глубокоуважаемый Феодоръ Евгеньевичъ, дождаться того времени, когда русская дѣятельность будетъ достойнымъ фономъ для науки, представляемой такими блестящими именами, какъ Ваше, и когда государственный строй приблизится къ общему нашему идеалу.

Викторъ Обнинскій.

№ 102. Примите, глубокоуважаемый и дорогой Феодоръ Евгеньевичъ, мои сердечныя пожеланія еще многихъ лѣтъ славной дѣятельности ученаго-гуманиста, всегда и неизмѣнно направлявшейся къ укрѣпленію началъ уваженія личности какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и націй. Скорблю, что безлѣзнь приковала меня къ постели и лишаетъ возможности принести лично мои поздравленія.

Душевно преданный *А. Р. Ледницкій.*

№ 103. Отъ историка искусства въ Школѣ Живониси и Ваянія А. П. Новицкаго:

Щиро й сердечно вітаю і всього найкращого бажаю посивілому оборонцеві покривджених і ображених. Боже щастя Вам на довгі літа!

Олекса Новицький.

№ 104. Примите искреннія поздравленія и пожеланія еще долго украшать русскую науку.

Тардовъ.

№ 105. Привѣтствую славнаго Федора Евгеньевича и шлю сердечныя пожеланія много лѣтъ здравствовать.

Владимиръ Гиляровский.

№ 106. Приношу усерднѣйшія поздравленія и желаю долгіе годы работать на славу и радость русской науки.

Стрѣльцовъ.

№ 107. Не откажите принять отъ меня, вмѣстѣ съ выраженіемъ глубокаго уваженія, всепреданнѣйшее поздравленіе съ знаменательнѣйшей годовщиной Вашего рожденія и мои самыя наилучшія пожеланія дальнѣйшаго благоденствія на благо науки, родины, Вашего семейства и всѣхъ чтущихъ Васъ.

Константинъ Шевелевъ.

№ 107. Отъ дочери А. А. Гатцука:

Примите и мое сердечное поздравленіе и пожеланіе всего самаго лучшаго.

Заіончковская.

№№ 108—126. Телеграммы: Аделины и Александры Карзинкиныхъ, В. Карташева, Хафизы Дьяченко (урожд. Аттая), Ромейко, Горбатовыхъ, Дубницкой, Шамониной, Лавровой, Воронцовыхъ, д-ра Валерштейна, Вѣры Цитро, Давида Иловайскаго, Головачевой, Келлеръ, Мисюры, А. Думанина, С. Дурасовича, Бѣлодѣда, С. Иванцова,— не печатаются: одни въ силу ихъ крайней краткости, другія въ силу частнаго ихъ характера.

Гельсингфорсъ.

№ 127. Отъ Финно-угорскаго Ученаго Общества:

Septuaginta annos peractos tibi, vir celeberrime, gratulatur venerabunda Societas Fennougrica. Summa tibi gratia debetur ob opera, quibus felici vita syntaxin, phoneticam, metricam, etymologiam, et in antiquis et in Orientis linguis illustravisti. Nobis vero praecipue grata est eritque tua laus, quae ea elucet doctrinae parte, quam Castren ille noster constituit. Valeas nostri memor!

№ 128. Viro eruditionis copia insigni Fennorum amico multos laboris et laetitiae annos gratulatur, multos in posterum exoptat

Setaelae.

№ 129. Честь и слава гениальному ученому и благородному сердцу, которому *nil humani alienum, in multos annos,*

Миккола.

Кіевъ.

№ 130. Историко-филологическій факультетъ университета св. Владимира въ очередномъ засѣданіи горячо привѣтствуетъ почетнаго члена нашего университета съ истекшимъ семидесятилѣтіемъ. Глубоко цѣня блестящіе таланты и разнообразные и многочисленныя труды заслуженнаго юбиляра, историко-филологическій факультетъ шлетъ свои пожеланія добраго здоровья для дальнѣйшей, плодотворной работы на благо родного просвѣщенія.

За декана *Ю. Кулаковскій.*

Секретарь *В. Н. Перець.*

№ 131. Отъ совѣта старшинъ общественнаго собранія «Родина».

Рада старшин громадського зібрання «Родина» щиро вітає глибокоповажаного оборонця української справи і бажа довгого віку і праці на користь поневолевих народів.

Рада старшин.

№ 132. Отъ редакціи кіевской украинской газеты «Рада»:

Редакція газети «Рада» віта в вашій особі, вельмишановний Хведоре Євгеновичу, справжнього вченого та громадянина, оборонця покривджених націй і прихильника українського народу. Щастя Боже на працю!

№ 133. Сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія дорогому учителю шлетъ

проф. *Ю. Кулаковскій.*

Харьковъ.

№ 134. Императорскій Харьковскій университетъ привѣтствуетъ глибокоуважаемаго юбиляра и шлетъ пожеланія на многіе годы продолженія его славной ученой и академической дѣятельности.

И. д. ректора *Паліенко.*

№ 135. Историко-филологическій факультетъ Харьковского университета шлетъ глибокоуважаемому Федору Евгеньевичу привѣтъ и наилучшія пожеланія.

Деканъ *Сулцовъ.*

№ 136. Харьковское Историко-филологическое Общество, полное глибокаго уваженія къ Вамъ, дорогой Федоръ Евгеньевичъ, шлетъ Вамъ свои привѣтствія и наилучшія пожеланія.

№ 137. Славному ученому, глибокочтимому Федору Евгеньевичу въ день

семидесятиліття душевній привітть і сердечнія пожеланія еще много лѣтъ жизни, силъ, здоровья и столь же славной неутомимой дѣятельности.

Проф. *Бузескулъ*.

№ 138. Пошана та слава глибокому гуманістові-вченому, оборонцеві добра й правди. Бажаю Вам довгого життя та веселих днів.

Професор *Микола Сумцов*.

Одесса.

№ 139. Совѣтъ Новороссійскаго Университета въ засѣданіи единогласно постановивъ привітствовать Васъ, своего почетнаго члена, какъ красу и гордость русской науки, по случаю исполнившагося семидесятиліття Вашего жизненнаго пути.

Ректоръ *Кишенскій*.

№ 140. Императорское одесское Общество исторіи и древностей сердечно привітствуетъ своего дорогого сочлена въ знаменательный день и желаетъ ему еще много лѣтъ работать на славу русской науки.

№ 141. Историко-филологическое Общество при новороссійскомъ университетѣ привітствуетъ своего почетнаго члена со знаменательнымъ днемъ семидесятилітняго пути и шлетъ пожеланія быть долго еще красой русской науки.

Предсѣдатель *Вилинскій*.

№ 142. Примите сердечныя поздравленія и пожеланія добраго здоровья.

Проф. *Варнеке*.

№ 143. Привітствую дорогого учителя.

Профессоръ *Попруженко*.

№№ 143—146. Привітственныя письма профессоровъ И. А. Линиченка и Б. М. Лянунова и телеграмма Виціевскаго не могутъ быть опубликованы, равно какъ писанное по-бѣлорусски письмо М. Богдановича.

Ростовъ-на-Дону.

№ 147. Отъ редактора «Донской Рѣчи», бывшаго редактора «Украинской Рѣчи».

Прийміть, високошановний і дорогий Хведоре Євгеновичу, мое щире по-здоровлення та гарячі бажання, щоб Ви ще багатько літ здорові були, нас навчали та вкупі з нами обороняли дорогу справу, близьку й Вашому гарному серцеві.

Саліковскій.

Не могутъ быть напечатаны привітствія:

№ 148. Изъ Ярославля отъ Сперанскихъ.

№ 149. Изъ Анны (Воронеж.) отъ свящ. Аристова, Циммермана, Цыбульского.

№ 150. Изъ Тамбова отъ Липпе.

№ 151. Изъ Дивово отъ Эм. и Ал. Энгельмейеровъ.

№ 152. Изъ Тифлиса, отъ помощника попечителя Кавказскаго учебнаго округа Л. Г. Лопатинскаго.

№ 153. Изъ Тифлиса, отъ А. В. Маркова (высшіе женскіе курсы).

№ 154. Изъ Вѣны, отъ академика В. В. Ягича.

№ 155. Изъ Львова (Галичина) отъ профессора украинской исторіи М. С. Грушевскаго (по-украински).

№ 156. Изъ Софіи (Болгарія), отъ директора Національной библіотеки Н. С. Бобчева.

№ 157. Изъ Бѣлграда (Сербія):

Знаменитому ученому и великому славянину привѣтъ изъ Сербіи и многая лѣта!

Кошутичъ.

ББК 74
УДК 74.001.01
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

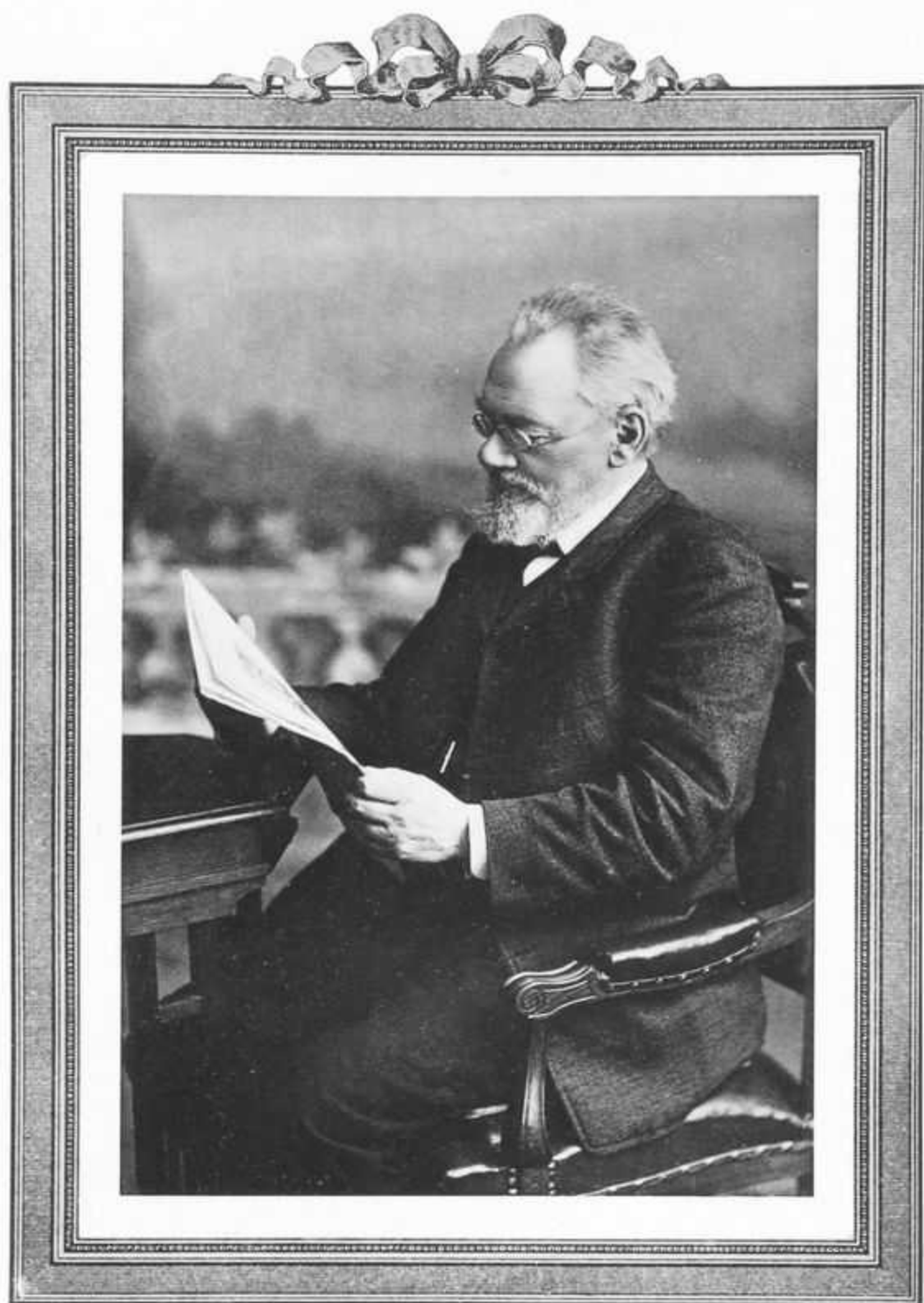

Профессоръ П. Е. Копцевъ.

1887.

Академикъ В. Копинъ.

1913.

О МИТАННІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

XV в. до Р. Х.

(По поводу работы Ферд. Борка: „Die Mitannisprache“. Берлинъ 1909 = Mittheilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, XIV, 1—2.

*Председателя Восточной Коммисіи В. Θ. Миллера*¹⁾.

Какъ извѣстно, митаннійское государство рельефно выступаетъ въ исторіи XV в. до Р. Х.,—въ памятникахъ Тель-Амарнскаго архива. Одна изъ таблицъ Амарнскаго архива представляеть собою обширное письмо митаннійскаго царя Тушратты къ фараону Аменхотпу III, который былъ его зятемъ; прочія его письма—на языкѣ вавилонскомъ.

Митаннійское письмо Тушратты содержитъ до 400 строкъ. По содержанию своему оно, въ общихъ чертахъ, совпадаетъ съ вавилонскими его письмами, гдѣ онъ жалуется на неточную выплату вѣна за дочь, а кромѣ того, если Боркъ понимаетъ одно темное мѣсто правильно, Тушратта толкуеть о кое-какихъ статьяхъ оборонительнаго союза между государемъ Митанни и государемъ Египта, противъ наступательнаго движенія хаттійцевъ на сѣверо-египетское пограничье. Съ точки зрѣнія языковѣдной письмо Тушратты уже подвергалось изслѣдованію. Имена митаннійскихъ царей—арійскія: Артатама, Сутарна, Арташумара, Душратта (Тушратта); божественная номенклатура—арійская: Индра, Варуна, Нашатья; тѣмъ не менѣе языкъ митаннійскій не представляетъ ровно ничего индоевропейскаго. Повидимому, въ созданіи Митаннійскаго государства принялъ участіе индо-европейскій элементъ, но побѣдители, какъ это часто бываетъ, растворились въ средѣ покореннаго неиндоевропейскаго населенія и усвоили мѣстный языкъ, своеобразнаго типа, въ которомъ отсутствуютъ опредѣленныя грамматическія формы (въ нашемъ, индо-

¹⁾ Настоящая статья представляетъ собою резюме обширнаго сообщенія В. Θ. Миллера, доложеннаго на засѣданіи Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 11 Ноября 1909 года.

европейскомъ смыслѣ), и изобилуютъ разные, весьма подвижные элементы, детерминирующіе, поясняющіе и модифицирующіе. Предшественникомъ Борка въ изслѣдованіи митаннійскаго языка былъ Мессершмидтъ, и Боркъ — продолжатель Мессершмидта; кромѣ того онъ во многомъ пользовался изслѣдованіями Hüsing'a по языку эламскому. Въ своей книгѣ и онъ приходитъ къ выводу, что языкъ митаннійскій имѣетъ отношеніе къ языкамъ урартійскому (иначе — протоармянскому), хеттитскому и арзавійскому, равно какъ къ эламскому, а изъ современныхъ языковъ онъ стоитъ въ связи съ кавказскими, и именно занимаетъ средину между сѣверно-кавказскими и южно-кавказскими языками.

Главныя особенности митаннійской фонетики, насколько она выражается орфографіей, Боркъ указываетъ слѣдующія. Въ области согласныхъ отмѣчается перебой звуковъ, неразличеніе глухихъ и звонкихъ: $k=g$, $t=d$, $p=b$, напр. Душратта—и Тушратта; —черта, отличающая и языкъ эламскій. Число гласныхъ, какъ и въ эламскомъ, пять: a , e , i , o , u . Согласные — опять лишь тѣ самые, что и въ эламскомъ: h , k , t , p , j , w , $\check{s}$, s , $\check{s}$, m , n , g , l ; — другихъ согласныхъ нѣтъ.

Главныя особенности языка указаны Боркомъ вотъ какія. Въ глаголѣ — поразительное обиліе формъ и правильность ихъ: замѣчательно, что нѣтъ различія между *activum* и *passivum*. Существуетъ рядъ преимущественно именныхъ формъ съ тематическимъ гласнымъ i , и рядъ преимущественно глагольныхъ формъ съ тематическимъ a ; отъ послѣднихъ образуются т. н. «конечныя» формы. При этомъ единственное и множественное число въ глаголахъ не различаются: такъ, «я даю» и «мы даемъ» одинаково выражаются черезъ $tana+u$ (т. е. «дающій здѣсь»); «ты даешь» и «вы даете» — одинаково $tan+o$ («дающій тамъ»); $tan+a$ («дано») означаетъ и «онъ даетъ», и «они даютъ». Отсюда видно, что т. н. «конечныя» формы (о нихъ см. у Борка стр. 10) — ничто иное, какъ предикативныя причастія, видоизмѣняющіяся черезъ приставку нарѣчій мѣста или мѣстоименій мѣста (*Ortspronomen*). Личные экспоненты могутъ быть и опускаемы, если по контексту не можетъ выйти недоразумѣнія; оттого $tana$ можетъ, смотря по контексту, одинаково означать: «я даю», «мы даемъ», «ты даешь», «вы даете».

Остатки времени. *Praeteritum* — съ $o\check{s}$ ($tan-o\check{s}\check{s}-ikk\ u$), *aorist* — съ $\check{s}t$ ($tana-\check{s}t-ikk\ u$).
Инфинитивная основа образуется приставкой ikk ($tan-ikk-u$); потенциальная основа образуется приставкой j ($tan-j-u$), *desiderativ* — черезъ $-ewa$ ($tan-ewa\ u$), *inchoativ* — черезъ $-eta$ ($tan-eta-u$), *perfect* — черезъ $-etta$ ($tan\ etta+u$), и мн. др.

Отгѣнки времени. *Praeteritum* — съ $o\check{s}$ ($tan-o\check{s}\check{s}-ikk\ u$), *aorist* — съ $\check{s}t$ ($tana-\check{s}t-ikk\ u$).

Къ личнымъ экспонентамъ u , o , a , могутъ быть (стр. 11) прикрѣпляемы объектные суффиксы. Напр., $tan-o\check{s}a-u+n$ — «я его (u) далъ»; $tana-\check{s}\check{s}ena$ — «онъ ихъ (eos) далъ».

Словомъ, приставокъ въ глаголахъ для отгѣнковъ видовъ, залоговъ, и пр. — множество.

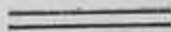
Обосновывая свое убѣжденіе, что митаннѣйскій языкъ (см. стр. 68) вмѣстѣ съ эламскимъ и хаттѣйско-хальдѣйскимъ (урарту) принадлежитъ къ кавказской вѣтви языковъ, Боркъ и отмѣчаетъ въ ихъ строѣ многія, роднящія ихъ общія черты. Связь частей предложенія достигается, какъ и въ эламскомъ, внѣшними средствами—связующими, поясняющими, повторяющими частицами-элементами. Логически связанные части получаютъ и окончаніе одинаковое. Глаголь носитъ характеръ причастія, напр., *tana-ššena*—«[есмы] дающій ихъ», *dans eos* [sum], и не имѣетъ ни *activ'a*, ни *passiv'a*. Одна изъ чертъ сходства митаннѣйскаго языка съ южно-кавказскими есть та, что болѣе точное значеніе указывается характерными гласными: *a* (*verbal-transitiv*), *i* (*nominal-intransitiv*). Какъ въ кавказскихъ языкахъ, въ митаннѣйскомъ языкѣ нѣтъ различія рода, но есть различіе между существами разумными и предметами-неразумными (стр. 71). Въ немногихъ словахъ, въ словообразованіи только именномъ, проявляется мужескій и женскій родъ; напр. *la* для женщинъ: *e la*—«сестра», *ša-la*—«дочь».

Подобныя черты сходства названныхъ языковъ касаются лишь общаго ихъ строя. Въ лексическомъ же составѣ сходство услѣдить труднѣе; да Боркъ (стр. 71) и не придаетъ большого значенія лексикальному: митанни отъ современныхъ кавказскихъ языковъ отдѣленъ огромнымъ промежуткомъ въ 3500 лѣтъ, и вполне естественно, что словарный запасъ долженъ былъ сильно измѣниться въ новѣйшихъ языкахъ. Нѣкоторые случаи словарнаго совпаденія Боркъ впрочемъ приводитъ. Такъ, самостоятельное митаннѣйское мѣстоименіе 1-го лица *šū-š* сходно съ чеченскимъ *suo*, абхазскимъ *sa-ga*, черкесскимъ *se-ge*, *sse*. 2-ое лицо по-митаннѣйски *we-š*, по-чеченски *juo*, по-абхазски *vo-ga*, по-черкесски *ua-vo*. Митаннѣйскій глаголь *kul* (или *gul*)—«говорить» сопоставляется у Борка съ аварскимъ *gal-ize*. Митаннѣйское *tīwī* (или *dīwī*)—«слово» сопоставляется съ хюркилинскимъ *dīw*. Иногда звуковое сходство замѣтно въ суффиксахъ: такъ, въ митаннѣйскомъ повторительность выражается суффиксомъ *oll* (напр. *nib-oll-ew-a*), въ лакскомъ—черезъ *lu* (*u-lu-wa*, отъ глагола *u-wa*); въ абхазскомъ языкѣ подобное же значеніе придается инфиксомъ *la*. Митаннѣйская отрицательная частица есть инфиксъ *w* (*ow*, *wa*); можетъ быть, она—въ звуковомъ родствѣ съ абхазскимъ суффиксомъ *m*; срв. абхазское *se-qa-zag* (=«если бы я былъ») и абх. *se-qa-m-zag* (=«если бы я не былъ»). Митаннѣйскому *conditionalis'у* съ примѣтою *ill* соотвѣтствуютъ въ хюркилинскомъ три подобныхъ же глагольныхъ образованія съ примѣтами *li*, *lilli*, *lilla*. Подробнѣе другихъ кавказскихъ языковъ Боркъ изучилъ аварскій, и онъ (стр. 73—78) уясняетъ звуковое отношеніе между обоими языками въ системѣ спряженія.

Какъ сказано, Боркъ сближаетъ съ митаннѣйскимъ языкомъ языкъ эламскій, изслѣдованный Нюсінгомъ. Звуковое сходство ихъ конста-

тировать можно не разъ. Самая система звуковъ въ обоихъ языкахъ одна и та же, съ тѣмъ развѣ отличіемъ, что митаннѣйскому билабиальному *w* соотвѣтствуетъ въ эламскомъ консонантизмѣ звукъ *m*; имѣя это въ виду, можно установить звуковое митаннѣйско-эламское родство и формъ, и словъ. Примѣръ — окончаніе *locativi* въ митаннѣйскомъ (*-wa, -we*), и въ эламскомъ (*-ma*). Митаннѣйскій глаголь *wari* («братъ») имѣетъ себѣ звуковую параллель въ эламскомъ *mar-gi-id*. Сходны названія родства: митан. *attai* («отецъ») = эламское *atta*; митан. *ša-la* («дочь») = элам. *ša-k* («сынъ»); митан. *e-la* («сестра») = элам. *i-ke* («братъ»); митан. *ammati* («старый») = элам. *hamit* («старшій братъ»). Другія сходныя слова: митан. *ominiš* («область») = элам. *humaniš* («городъ»); митан. *par* (повидимому «богъ») = элам. *par* («богъ»); митан. *en* («господинъ») = элам. *in* (въ *in-šušinak* «Господь Сузы»); митан. *tan* («давать») = элам. *tun* («давать»); митан. *rag + uši* («посылать») = элам. *rog + iḡe*. Отмѣчаетъ Боркъ и нѣкоторыя другія черты митаннѣйско-эламскаго лексическаго сходства.

Въ общемъ про работу Ф. Борка можно сказать, что сходство языка митаннѣйскаго и эламскаго является ею установленнымъ. Но когда Боркъ сближаетъ языки митаннѣйскій, эламскій и прочіе того періода съ современными языками кавказскими, то тутъ сближенія его остаются еще шаткими. Возможно, конечно, допустить, что нынѣшніе кавказскіе языки — потомки или родственники той клинописной группы, но эта гипотеза нуждается еще въ обстоятельной провѣркѣ. А провѣрка — тѣмъ труднѣе, что еще не установлено съ полной очевидностью сродство даже современныхъ кавказскихъ языковъ другъ къ другу: сходство нынѣшнихъ сѣверно-кавказскихъ и южно-кавказскихъ языковъ вовсе вѣдь не такъ очевидно, какъ взаимное сходство на примѣръ языковъ индоевропейскихъ. Поэтому, когда Боркъ сближаетъ митанни сразу со всѣми кавказскими языками, то многое должно казаться далеко неубѣдительнымъ.

Старинная исторія Аравіи Южной

отъ древне-вавилонскихъ временъ до подчиненія страны
пророку Мохаммеду.

*Дѣйствительнаго члена Общества, Секретаря Восточной Коммисіи
А. Е. Крымскаго.*

Литература предмета указана у меня отчасти въ „Исторіи арабовъ и арабской литературы“, ч. I (1911), на стр. 15—16 и 23—24, при общемъ очеркѣ „Аравія и арабы“, отчасти же въ III части „Семитскихъ языковъ и народовъ“ (1909—1912, стр. 311—312, стр. 315—316 и стр. 606, въ отдѣлѣ о южно-арабскомъ языкѣ. Главнымъ образомъ мы должны считаться въ настоящее время съ обобщительными работами послѣднихъ двухъ десятилѣтій: Глязера 1890—1906, Вилклера 1898—1905 съ Отто Веберомъ 1901, Хомеля 1904—1910, Гримме 1904, Март. Хартманна 1909. Но, конечно, мы не можемъ забывать и собирателей-дешифровщиковъ сырого эпиграфическаго Йеменскаго или иного матеріала (отъ стараго Нибура 1772 до болѣе новыхъ: Халеви 1870, того же Глязера, съ его четырьмя путешествіями 1882—1894, Эйтинга, и др.), равно какъ обобщительныя работы тѣхъ ученыхъ арабистовъ, которые работали еще безъ помощи эпиграфическихъ данныхъ, каковы Коссенъ де-Персеваль 1847 и Шпренгеръ 1875.

Источники—надписи, клинообразныя вавилонско-ассирійскія и „люснадныя“ южно-аравійскія; свѣдѣнія греческихъ и греко-римскихъ писателей; сообщенія арабо-мусульманскихъ авторовъ.

Изъ нихъ арабо-мусульманскія сообщенія о прошломъ Йемена носятъ сильно-легендарный характеръ, и оттого трудъ Коссена де-Персеваля „Essai sur l'histoire des Arabes avant l'islamisme (1847), довърчиво резюмирующій то, что говоритъ о Йеменѣ историографія арабская, слишкомъ далеко отъ подлинной, достовѣрной исторіи, какал обнаруживается изъ эпиграфическаго матеріала. Къ тому же, Коссенъ даже арабскія свѣдѣнія бралъ часто не изъ первыхъ рукъ, а изъ болѣе позднихъ компиляцій, и важнѣйшій для исторіи Йемена мусульманскій историкъ, йеменскій археологъ Хамданій (ум. 945), остался Коссеномъ неиспользованъ.

Ниже, когда мы дойдемъ въ нашемъ изложеніи до періода сасанидскаго, мы будемъ имѣть случай перазъ характеризовать мусульmano-арабскіе источники съ нѣскольکو болѣею подробностью.

Отъ древнѣйшихъ временъ Римской Имперіи.

Въ южной Аравіи, именно въ плодородномъ приморскомъ Йеменѣ со «страною ладана» (Хадрамавтомъ и Махрою), на торговомъ морскомъ пути между Индіей и странами Средиземнаго моря (Сиріей, Египтомъ), очень рано развился осѣдлый, культурный бытъ, и торговый, и земледѣльческій, въ то время, какъ сѣверная Аравія жила своей исконовеочною первобытною жизнью.

Начатки йеменской цивилизации.

Съ какого же времени начинается йеменская цивилизация? Былъ ли Йемень культурно-осѣдлымъ уже во времена старѣйшей Вавилоніи, т. е. въ 3-емъ тысячелѣтіи до Р. Хр.?

Съ документальной точностью отвѣтить на это нельзя. Аравію во всякомъ случаѣ старѣйшая Вавилонія знала, и въ составъ огромной міровой старо-авилонской державы, которую основала династія Агадская (ок. 2800—2600 до Р. Хр.), входила также Аравія. Именно, второй царь этой династіи Нарам-синъ Агадскій, покорилъ «Дильмунъ, Маганъ и Мелуху, побѣдилъ 17 царей съ 30.000 людей». Дильмунъ — это жемчужные острова Бахрейнъ на Персидскомъ заливѣ (конечно, съ прилежащей береговой полосой), Маганъ — приблизительно восточная Аравія, Мелуха — западная Аравія¹⁾. Подъ этой властью Вавилоніи Аравія оставалась до самаго конца Агадской династіи; это видно изъ того, что одинъ изъ самыхъ позднихъ вассаловъ (патеси) агадской династіи, царь-строитель Гудеа Лагашскій (ок. 2600), привозилъ на корабляхъ sic!) матеріалъ для своихъ построекъ и изъ Магана (вост. Аравіи), и изъ Мелухи (зап. Аравіи). Сообщеніе Вавилоніи съ западной Аравіей вплоть до юга Сиріи «на корабляхъ» должно было производиться, очевидно, черезъ Персидскій заливъ и вокругъ всего Аравійскаго полуострова²⁾ съ проѣздомъ, значитъ, возлѣ Йемена и посѣщеніемъ Йемена. Но клинописныя надписи, покаместъ, умалчиваютъ, имѣлъ ли Йемень въ это время (ок. 2600 г. до Р. Хр.) культурную осѣдлость.

А затѣмъ, послѣ эпохи Агадской династіи, Вавилонія чуть ли вѣковъ не на двадцать вообще прекращаетъ морскія отношенія съ Аравіей; причина, повидимому, заключается въ образованіи особаго государства на Тигро-Ефратскомъ взморьѣ Персидскаго залива: оно отрѣзало Вавилонію отъ моря. Однако очень трудно предполагать, чтобы Йемень остался изолированъ отъ воздѣйствія

¹⁾ „Маганъ“ — сумерійская передача мѣстнаго имени „Ma'ân“ (поздн. „Ma'in“), а съ сумерійскимъ „Мелух“ Хубертъ Гримме удачно сопоставилъ ветхозавѣтное „Амалек“ (т. е. предполагаемое арабск. множ. число „Amâliq“ отъ ед. „амлуq“). Срвн. Х. Винклеръ: *Musri, Melucha, Ma'in* (Берл. 1898) и Ф. Хоммельъ: „Arabien vor dem Islâm“ (1910) въ лейденской „Enzyklopädie des Islâm“ I, 394 б.

²⁾ Это — общепринятое воззрѣніе ассириологовъ. См. заключительное слово у Хуго Винклера: „Auszug aus der vorderasiatischen Geschichte“ (Лейпц. 1905) стр. 8 и стр. 70; срвн. также Хоммеля въ „Enzykl. des Islâm“ I, 394 б (1910). Въ противность этому, общепринятому, предлагалось другое объясненіе — что матеріалы могли доставляться изъ Аравіи черезъ Нильскій каналъ въ Финикію, изъ Финикіи доставлялись сухимъ путемъ до сѣвернаго Ефрата, а по Ефрату — опять на судахъ внизъ по рѣкѣ до Вавилоніи (Hubert Grimme: „Mohammed“, Мюнхенъ 1904, стр. 11—12). Если бы такъ-то подъ Мелухой надо бы понимать лишь небольшую часть восточной Аравіи у Синаи (гдѣ библ. „Амалекитяне“), а подъ Маганомъ — сѣверный Хиджазъ. Но этого толкованія не принимаютъ, потому что для него пришлось бы слишкомъ насиловать волюнтарное свидѣтельство надписи.

вавилонской культуры. — «Нѣтъ ничего невѣроятнаго», говоритъ повѣйшій изслѣдователь исторіи Йемена ¹⁾, «что со временемъ найдена будетъ переписка южноарабскихъ царей съ какимъ-нибудь вавилонскимъ царемъ, на такихъ же глиняныхъ таблѣткахъ, какъ знаменитая Телль-эль-Амарнская переписка XV в. до Р. Хр.» — Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и религія Вавилоніи оказывала свое воздѣйствіе на Йемень. Мы знаемъ йеменскую религію, пожалуй, лишь въ 1-омъ тысячелѣтіи до Р. Хр., но многое въ ней отражаетъ, конечно, болѣе старинную пору. Какъ и въ Вавилоніи, это былъ преимущественно культъ свѣтила: эротическій богъ утренней звѣзды 'Адтаръ (срвн. вавилонскій культъ богини Иштаръ-Венеры), богиня солнца Шямсъ (срвн. вавилонск. бога солнца Шамашъ); богъ мѣсяца, любимый арабскій богъ, назывался въ разныхъ мѣстахъ Йемена разнo ²⁾ и между прочимъ такъ, какъ въ Вавилоніи—Синъ ³⁾. Трудно, конечно, выяснить, что здѣсь — общесемитское, что — подверглось воздѣйствію Вавилоніи.

Минейское царство.

Лѣтъ за тысячу передъ Р. Хр. въ Йемень ярко выступаетъ совсѣмъ готовая, чрезвычайно блестящая, богатая и достаточно своеобразная земледѣльская и иная культура, которая въ глазахъ Востока осталась окружена какимъ-то волшебнымъ, сказочнымъ ореоломъ; Йемень — страна оиміама и страна чудесъ. Библия для нагляднаго доказательства славы Соломоновой (X в. до Р. Хр.) сообщаетъ, что этотъ премудрый и блестящій царь находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ самою «царицей Савской» («царицей Южской», какъ она еще именуется по-славянски); и донинѣ про эту «царицу Савскую» (называемую у арабовъ «Былькъсъ») существуетъ рядъ легендъ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ. Очень возможно, что подобная царица въ Йемень дѣйствительно существовала въ X вѣкѣ; по крайней мѣрѣ, обстоятельное описаніе китайскаго морскаго путешествія X вѣка въ невѣдомую область полусказочной царицы ⁴⁾ относятся, вѣроятно же всего, къ южной Аравіи съ Абиссиніей. Только, названіе ея «царица Савская» есть предвосхищеніе позднѣйшихъ событій: южноарабское, йеменское государство въ тѣ времена было еще не сабейское, а майнское (главный городъ былъ Ма'инъ), или, по болѣе обычному позднему греческому выговору александрійской эпохи — минейское.

Начало царства, называемаго минейскимъ, не установлено. Обыкновенно относятъ его возникновеніе тысячи за полторы лѣтъ до Р. Хр., самое позднее — ок. 1200 года до Р. Х., и согласно съ этимъ опредѣляютъ срокъ его

¹⁾ Martin Hartmann: „Der islamische Orient, Bd. II, Die arabische Frage mit einem Versuche der Archäologie Jemens“ (Лейпцигъ 1909), стр. 426.

²⁾ Въ Ма'инѣ—Вадъ, въ Сабъ—Хаубасъ *هويس*

³⁾ Синъ чтился въ Хадрамавтѣ.

⁴⁾ Объ этомъ путешествіи, на основаніи работы А. Форка (1904), мы съ большою подробностью говоримъ ниже, на стр. 5.

существованія лѣтъ въ пятьсотъ-семьсотъ ¹⁾. Предѣлы торговаго минейскаго царства не ограничивались Йеменомъ: минейцамъ въ южной Аравіи принадлежала и «страна ладана» Хадрамавтъ, а на сѣверѣ минейцы въ пору своего разцвѣта сумѣли распространить свою власть очень далеко: вдоль Красноморскаго побережья сѣверной Аравіи до юга Палестины, сквозь землю бедуиновъ; по этой линіи лежала караванная дорога, которая вела въ Газу; торговля производилась ладаномъ, миррою, индійскими и африканскими пряностями; ладанъ—особенно знаменитъ ²⁾. На протяженіи этой караванной дороги минейцы устроили въ оазисахъ сѣверной Аравіи, среди земель кочевниковъ-бедуиновъ, рядъ остановочныхъ укрѣпленныхъ пунктовъ-«факторій», какъ сказали бы мы по-нынѣшнему. Къ числу такихъ принадлежала Макраба (вѣроятно, позднѣйшая Мекка) ³⁾, Ядрийъ (позднѣйшая Медіна) и, въ сѣверномъ Хиджазѣ, оазисъ аль-'Обя, чрезвычайно важная сѣверная колонія-факторія минейцевъ, донынѣ испещренная ихъ надписями. Наконецъ, едва ли можно сомнѣваться, что колоніей минейцевъ (ма'инцевъ) былъ также еще болѣе сѣверный городъ Маанъ (позд. Петра), лежавшій на пограничьи Египта, Аравіи и Палестины ⁴⁾.

Выше мы мимоходомъ высказались, что пресловутая «царица южская», съ которой, по Библии, имѣлъ отношенія Соломонъ („Былкыса“—арабскихъ преданій) ⁵⁾, пожалуй, вовсе и не есть легендарная личность. Подробнѣе

¹⁾ Otto Weber: Arabien vor dem Islâm (Лпц. 1901=Der alte Orient III, № 1), стр. 26; Hugo Winckler: Auszug (1905), стр. 70. Пожалуй, Мартинъ Хартманнъ во 2-мъ томѣ своего „Der islamische Orient“ (Лейпцигъ 1909), гдѣ у него дано новое изслѣдованіе археологій Йемена, желалъ бы отодвинуть образованіе минейскаго царства попозже (см. стр. 130-132); но его скептицизмъ мнѣ не представляется убѣдительнымъ (какъ не представляется убѣдительнымъ и Хоммелю, 1910, въ „Enzykl. des Isl.“ I, 395-396). Во всякомъ случаѣ, М. Хартманнъ оспаривать считаетъ нужнымъ раннее возникновеніе лишь царства минейскаго, но не возникновеніе йеменской культуры.

²⁾ „Ладанъ и культъ мѣсяца—вотъ чѣмъ характеризуется міровое вліяніе этого народа“—высказывается Хоммель (1910), полную цитату изъ котораго мы цитировали въ другомъ мѣстѣ („Исторія арабовъ“, ч. I, стр. 7). Онъ же подчеркиваетъ 'Адраму'ттию (т. е. поселеніе хадрамаутскихъ торговцевъ ладана) въ Ликии и Троадѣ.

³⁾ По очень правдоподобной догадкѣ Э. Глязера, можно сказать создателя йеменской археологій, „Макораба“ древнихъ есть не что иное, какъ арабское „макраб“ или „микраб“, т. е. святилище,—обозначеніе, ближе всего подходящее къ Меккѣ. См. E. Glaser: Skizze der Gesch. und Geogr. Arabiens (Берл. 1890), стр. 235. И Хартманнъ (т. II, 1909 г., стр. 121) принимаетъ эту догадку.

⁴⁾ Для Хартманна (Der islamische Orient, т. II, 1909, стр. 121) это кажется сомнительнымъ лишь потому, что онъ относитъ дѣятельность минейцевъ къ болѣе позднему времени, чѣмъ общепринято,—ко времени, когда въ сѣверномъ Хиджазѣ существовало уже самостоятельное, такъ-называемое Арабско-Египетское государство со столицей именно въ Маанѣ.—Тождество именъ „Маанъ“ и „Маннъ“ (столица минейцевъ въ Йеменѣ) не вызываетъ сомнѣній.

⁵⁾ Нѣмецкій ученый G. Rösch сблизаетъ имя „Былкыса“ съ греческимъ словомъ παλλαξίς, т. е. наложница, гетера, и видитъ въ арабскомъ „былкыса“ простое искаженіе греческаго слова, которымъ древній міръ характеризовалъ въ своей памяти эту слишкомъ вольно державшуюся царицу. Срвн. у фонъ-Оппенгейма: „Vom Mittelmeer zum Persischen Golf“, т. I (Берл. 1899), стр. 279.

мы ужъ говорили объ этомъ въ III части „Семитскихъ языковъ и народовъ“ (М. 1912, стр. 303), и здѣсь повторимъ то же.

Китайскій царь Му Вангъ (1001-946), Хойской династии, страстный путешественникъ, оставилъ обстоятельное описаніе своего путешествія 985 г до Р. Х. въ чудесную, случайно имъ открытую страну, состоящую подъ управленіемъ „царицы-матери Се“ (Се-вангъ-му, Си-вангъ-му),—и по описаніямъ флоры, фауны, этнографіи той страны, равно какъ по историческимъ намекамъ, можно въ той странѣ узнать какъ будто Йеменъ съ Абиссиніей. Описаніе путешествія сдѣлано не самимъ царемъ Му Вангомъ, а его секретарями, которые его сопровождали, а изслѣдовано оно А. Форке'омъ: „Mu Wang und die Königin von Saba“—въ VII томѣ (=1904) берлинскихъ Mittheilungen des Seminars für orientalische Sprachen (отд. I, стр. 117-172). Форкъ понимаетъ и самый титулъ „Се-вангъ-му“, или „Си-вангъ-му“, въ смыслѣ: „царица-мать Се[бы]“ = „Сабы“ = „царица сабейская“. Такое Форково толкованіе имени „Се“, „Си“ едва ли приемлемо (царицей она могла быть лишь минейской, а не сабейской), но самое отождествленіе этой царицы X в. съ современницей Соломона (= X в.) нельзя принять за совсѣмъ невѣроятное.

Царь Му посѣтилъ „царицу-мать Се“ въ ея столицѣ, былъ ею обласканъ (очевидно, не одинъ Соломонъ могъ плѣнить сердце этой аравійской Клеопатры) ¹⁾ и остался въ восторгѣ отъ ея блестящаго двора. Подъ властью царицы находилась также область, признаваемая Форкомъ за Абиссинію (по описанію ея природы) и названная у Му Ванга „К'ун-лун“; теперь мы знаемъ въ Абиссиніи, въ области Шоа, горы „Колло“, самую высокую цѣпь абиссинскихъ горъ.

Не будучи китайстомъ, не рѣшаюсь высказываться съ увѣренностью за или противъ Форка и только констатирую его интересныя сопоставленія. Во всякомъ случаѣ его сопоставленія представляются мнѣ болѣе вѣроятными чѣмъ тѣхъ нашихъ коллегъ-семитологовъ, которые вовсе отрицаютъ существованіе „царицы южской“ X в., современной Соломону, и ищутъ царицу Савскую въ VII вѣкѣ, среди кочевыхъ царицъ сѣверной Аравіи (какъ О. Веберъ. „Arabien vor dem Islam“, 1901, стр. 29-30).

Появленіе сабейцевъ.

Въ VIII в. передъ Р. Х. мы видимъ власть минейскаго царства поколебленной, разшатанной. Его бывшія сѣверно-арабскія (хиджасскія) владѣнія находятся подъ властью мѣстнаго сѣверно-арабскаго кочевого царства, такъ-называемой «Египетской Аравіи» (Мусри),—царства, существованіе котораго, пожалуй, отмѣчается ассирійскими надписями еще и раньше, около 1000 года; но состояло оно тогда, повидимому, еще въ зависимости отъ минейцевъ, а въ VIII вѣкѣ Египетская Аравія, наоборотъ, стала тѣснить минейцевъ, въ ихъ хиджасскихъ факторіяхъ, да даже и на югѣ. Среди же южныхъ арабовъ въ VIII вѣкѣ политически выдвигается другая вѣтвь, сабейцы, того же южноарабскаго племени, что и минейцы, только съ небольшими отличіями въ говорѣ ²⁾. И вотъ мы видимъ, какъ минейское государство продолжаетъ существовать, но клонится

¹⁾ См. предыдущую ссылку, гдѣ этимологія имени.

²⁾ См. „Семитскіе языки и народы“, ч. III (1912), стр. 68—69. Такъ, напримѣръ, минейцы говорили „сагтала“ (=онъ заставилъ убить), а сабейцы—„лагтала“; минейцы говорили „су“ (=онъ), а сабейцы—„лу“.

къ упадку и уменьшается, а сабейское государство постепенно образуется, возрастает и приходит въ разцвѣтъ.

Первое точное хронологическое упоминаніе о сабейцахъ дается намъ клинообразной надписью 715 года ассирійскаго царя Саргона (722—705), который, перечисляя сѣверно-арабскія племена, заплатившія ему дань, упоминаетъ (наряду съ именами арабовъ сѣверныхъ), что дань взнесъ и «Ит'амра-сабеецъ»: золото, пряности, рабовъ, лошадей и верблюдовъ; «царемъ» онъ въ надписи не названъ. Это же имя, въ формѣ «Йатаѣ'амаръ»¹⁾, попадаетъ часто и въ йеменскихъ сабейскихъ надписяхъ, какъ имя нѣсколькихъ сабейскихъ государей, съ титуломъ «мюкаррибъ», или «мюкаррабъ». Титулъ этотъ — не то, что «царь»; онъ означалъ, быть можетъ, шейха-жреца, вассальнаго царю; всѣ первые государи сабейцевъ, въ теченіе очень долгаго періода, назывались только мюкаррабами²⁾. Вполнѣ естественно — сблизить клинописнаго Ит'амру-сабейца 715 г. съ какимъ-нибудь изъ тѣхъ Йатаѣ'амаровъ-мюкаррибовъ, которые упоминаются на надписяхъ сабейскихъ.

Надо полагать, что онъ, датированный 715 годомъ, былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ сабейскихъ мюкаррабовъ, если не просто самый ранній. Очень сомнительно, уже въ центрѣ ли Йемена находились его владѣнія, или, можетъ быть, сѣвернѣе, ближе къ Хиджазу; вѣроятно, послѣднее³⁾. Вѣдь, должно быть, сабейское государство клинописнаго Ит'амры 715 г. было еще полукочевое — хищническое, которое вмѣстѣ съ сѣверными арабами способно было нападать на караваны минойцевъ⁴⁾.

Эпоха сабейскихъ мюкаррабовъ.

Какъ бы ни было, 715-ый годъ, годъ дани Ит'амры-сабейца ассирійскому царю Саргону, есть твердая дата для дальнѣйшей исторіи Йемена. И если въ этомъ

¹⁾ Огласовка не извѣстна. Читаютъ и «Йитѣ'амар[а]».

²⁾ Титулъ этотъ пишется въ надписяхъ (сабейскими буквами, конечно) такъ: **مكرب**. Южно-арабскій корень **كرب** сродни сѣверно-арабскому **كرم**. Обычное чтеніе (Глязера и др.) «мюкаррибъ» (=сѣв.-ар. **مكرم**), т. е. «освящающій»; М. Хартманнъ: „Der islam. Orient“ II (1909), стр. 132—133, предлагаетъ читать страдательнымъ причастіемъ: «мюкаррабъ» (=сѣв.-арабск. **مكرم**) и при томъ не въ смыслѣ „освященный“, а въ смыслѣ „высокопочтенный“, „превознесенный“. Хоммель (1910), повидимому, принимаетъ чтеніе Хартманна (см. „Enzyklopädie des Islām“, I, 395a: 19).

³⁾ Otto Weber: Arabien vor dem Islām (Лейпц. 1901=Der alte Orient III, № 1), стр. 29; Fr. Hommel: Grundriss einer Geschichte und Geographie des alten Orients, т. I, (Мюнхенъ 1904), стр. 142. И заключительное его мнѣніе такое же — въ „Enz. des Isl.“ I, 396a (1910).

⁴⁾ Срви. надпись собранія Глязера № 1155=Халеви № 535, гдѣ два минойскихъ имѣстника благодарятъ боговъ за избавленіе ихъ каравановъ отъ нападенія разбойниковъ — Саба и вѣтви мидйанитовъ. Область мидйанитовъ — ближе къ Синаю, и сабейцы, какъ видимъ, упомянута рядомъ съ ними, въ одномъ сотовариществѣ. Въ пѣнскомъ переводѣ надпись имѣется у Отто Вебера: „Arabien vor dem Islām“ (Лейпц. 1901 стр. 15-16. Толкованіе у него же, стр. 27-29.

году государство сабейцевъ могло находиться еще только на окраинѣ Йемена, то въ теченіи VII и VI-го вѣковъ оно все больше и больше вдвигалось въ югъ, стѣсняя государство минейцевъ. Владѣтели минейцевъ VII—VI вв. могли себѣ титуловаться очень гордо царями, а владѣтели сабейцевъ только мюкаррабами, — тѣмъ не менѣе предѣлы государства мюкаррабовъ росли и росли на счетъ предѣловъ минейскихъ царей.

И политическій центръ сабейскихъ мюкаррабовъ VII—VI вв. перенесенъ былъ съ окраины (изъ Неджрана) уже въ середину йеменской области, нѣсколько западнѣе отъ минейской столицы Ма'инъ. Центръ этотъ былъ городъ Ма'рибъ (иначе — Сабá). Точной хронологической даты его созданія мы не знаемъ, но надо думать, что сабейскія надписи, повѣствующія о его устроеніи, относятся именно къ VII вѣку.

Такъ, изъ одной сабейской надписи мы узнаемъ о сооруженіи огромной плотины у Ма'риба, — плотины, которая оплодотворила неплодотворную мѣстность и затѣмъ на много столѣтій явилась жизненнымъ нервомъ страны. Это была огромная запруда въ долинѣ съ сѣверной стороны города, образывавшая гигантскій резервуаръ для водъ горныхъ потоковъ, съ исполинскими шлюзами, черезъ которые вода проходила по каналамъ въ разныя мѣстности; остатки этой гигантской плотины сохраняются и теперь ¹⁾. Изъ другой сабейской надписи мы узнаемъ, что одинъ изъ мюкаррабовъ ²⁾ обнесъ городъ Ма'рибъ стѣною.

Бывшіе минейскіе города медленно, но послѣдовательно и постепенно, одинъ за другимъ переходили подъ власть сабейскихъ мюкаррабовъ Ма'риба. Кажется, около 550 года до Р. Х., если не позже ³⁾, состоялась рѣшительная битва сабейцевъ ⁴⁾ противъ коалиціи минейцевъ и другихъ йеменскихъ сосѣдей. Побѣдилъ сабейскій мюкаррабъ, убилъ — по словамъ надписи — 16.000 враговъ, взявъ въ плѣнъ 40.000. На причинную связь, а значитъ и на болѣе или менѣе близкую хронологическую связь съ этой побѣдой, напрашивается то обстоятельство, что сабейскіе государи титулуются затѣмъ въ надписяхъ уже не мюкаррабами, а прежнимъ титуломъ государей минейскихъ — царями ⁵⁾.

¹⁾ Въ надписи на плотинѣ соорудителемъ ея названъ Йатаг'амаръ Беййинъ, безъ эпитета „мюкаррабъ“, но, конечно, мюкаррабъ. — Описаніе современныхъ остатковъ Ма'рибской плотины см. у Arnaud въ „Journ. Asiat.“ 1874, т. III, стр. 3 и слѣд., съ планами; оттуда — у Моммсена въ „Римской исторіи“, т. V (русск. перев., М. 1885) стр. 594.

²⁾ мюкаррабъ Йадаг'иль Дѣрихъ.

³⁾ Во всякомъ случаѣ едва ли раньше. Ниже мы укажемъ тѣ ариѳметическія вычисленія, которыя позволяютъ придти къ этой датѣ. См. сноску 5-ю.

⁴⁾ подъ начальствомъ мюкарраба Кариб'ила Ватира, „послѣдняго мюкарраба“, какъ считаютъ возможнымъ называть его (О. Веберъ: „Arabien vor dem Islam“ 1901, стр. 30) на томъ основаніи, что за титулъ всѣхъ слѣдующихъ послѣ него сабейскихъ государей принимаютъ уже „царь“.

⁵⁾ Хронологія здѣсь выйдетъ, однако, до крайности предположительная и условная, и колебаніе на нѣсколько десятковъ лѣтъ здѣсь, покамѣтъ, вполне допустимо. Въдѣ дата „550-ый годъ“ получается путемъ того разчета, что цифра сабейскихъ госу-

Съ превращеніемъ сабейскихъ мюкаррабовъ въ царей, ихъ прежніе сюзерены—минейцы теряютъ въ Йеменѣ всякое значеніе, и самая память о ихъ власти постепенно изглаживается. Даже ихъ прежняя старинно-культурная обаятельная слава, на примѣръ, время Соломона, приписывается въ народномъ представленіи Востока сабейцамъ.

Надо, однако, замѣтить, что александрийскій географъ-библіотекаръ Эратосѣенъ (ок. 230 года до Р. Х.), повторенный (16, 4) Страбономъ (ум. ок. 24 года послѣ Р. Х.), говоритъ про современную ему Счастливую Аравію, что въ ней живутъ четыре народа: минейцы съ большимъ городомъ Карною (Карна—это иное имя Ма'йна), сосѣдніе съ ними сабейцы съ главнымъ городомъ Мариабю (= Ма'рибъ), катабанцы и хатрамотиты. Положимъ, подыскано ослабляющее толкованіе для этого Эратосѣенова свидѣтельства¹⁾, но все же остается возможнымъ, что окончательное упраздненіе царства минейскаго и замѣна его въ Йеменѣ царствомъ сабейскимъ произошли ужъ послѣ 230-го года до Р. Х.²⁾

Вопросъ этотъ интересенъ, впрочемъ, скорѣе лишь для выясненія времени происхожденія титула „царь“ у сабейскихъ государей. Фактически же руководящее значеніе въ Йеменской политикѣ должно было принадлежать сабейцамъ гораздо раньше 230-го года, хотя бы ихъ государи назывались лишь просто мюкаррабами, а минейскіе—царями, или даже хотя бы тѣ и другіе одновременно титуловали себя царями. Вѣроятно, побѣда сабейцевъ надъ минейской коалиціей, относимая приблизительно къ 550 г., имѣла политическую силу рѣшающую.

дарей, извѣстныхъ намъ съ титуломъ „царь“, есть 17. Если допустимъ, что на одно царствованіе приходится среднимъ числомъ по 25 лѣтъ, то весь „царскій“ сабейскій періодъ займетъ въ совокупности лѣтъ 425. А такъ-какъ паденіе сабейскаго царства можно со значительными основаніями опредѣленно приурочить къ 115 году до Р. Х. (году новой Йеменской эры, какъ увидимъ ниже), то прибавивши къ 115-ти цифру 425, получимъ 540; пакнемъ для круглаго счета 10, получимъ 550, въ качествѣ года рѣшительной побѣдодосной битвы послѣдняго сабейскаго мюкарраба противъ минейцевъ и въ качествѣ года принятія имъ царскаго титула. См. такой расчетъ у Отто Вебера: „Arabien vor dem Islam“ (1901), стр. 31, и такое же мнѣніе у Хуберга Гримме: „Mohammed“ (Мюнхенъ 1905), стр. 20. Другіе изслѣдователи, и въ ихъ числѣ „последнее слово науки“, т. е. Хоммель (1910), приблизительно относятъ превращеніе сабейскаго „мюкаррабства“ въ „царство“ къ 500 году (см. „Enz. des Isl.“ I, 395a: 22). А М. Хартманнъ утверждаетъ (Zeitschr. für Assyriologie, т. X, 32; Orient. Litter.-Ztg. 1907, September, 431; Der islamische Orient, т. II, 1909, стр. 130-132), что и позже затѣмъ, около 400 года до Р. Х., все еще можно констатировать существованіе царя минейскаго и, одновременно, еще только мюкарраба сабейскаго, а не царя.

¹⁾ Эдв. Глазеръ толкуетъ это мѣсто Эратосѣена повидному въ томъ смыслѣ, что минейцы здѣсь разумѣются просто, какъ племя или народность, а не какъ государство. Впрочемъ выражается Глазеръ довольно неясно: „Eratosthenes meint damit offenbar nur die nicht besonders genannten, wenn auch sehr grossen, ehemals minäischen, damals, wie wir später erörtern werden, schon beduinischen Stämme, vor denen er übrigens nichts weiter berichtet, was als historisch bezeichnet werden könnte“ (Skizze, 1899, стр. 10). При этомъ Глазеръ ссылается на не выпущенную имъ въ свѣтъ книгу (1-ю часть „Skizze“).

²⁾ М. Хартманнъ: Der islamische Orient, т. II (1909), стр. 132.

Сабейское царство VI—II в. Феодальныя отношенія.

Йеменъ, какъ подъ властью прежнихъ царей минейскихъ, такъ и подъ властью царей сабейскихъ не представлялъ изъ себя единого централистическаго государства съ неограниченнымъ повелителемъ-деспотомъ великоазиатскаго типа, какъ Ассирія и Египеть. Напротивъ, Южная Аравія—это было аристократическое феодальное государство, состоявшее изъ многихъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, ленныхъ и вассальныхъ владѣній со своими феодальными наследственными династіями, или знатными родами, представители которыхъ имѣли права и титулы, соответствующіе европейскимъ феодальнымъ князьямъ, баронамъ, графамъ, дворянамъ и т. п. Простой народъ, который занимался хлѣбопашествомъ и плантаціями (плодовыхъ деревьевъ, пряностей, благовоній), состоялъ въ ближайшей зависимости, и экономической, и социальной, отъ своихъ помѣстныхъ господъ-феодаловъ¹⁾, и чѣмъ обширнѣе были земельныя владѣнія какого-нибудь феодала, тѣмъ выше было его значеніе среди сосѣдей.

Къ царю своему йеменскіе феодалы относились безъ всякаго раболѣпія, въ противность тому, что было извѣстно въ Египтѣ и Ассиріи, и къ тому же ограничивали царскую власть посредствомъ особыхъ коллегій. Цари минейскіе имѣли при себѣ для управленія и для законодательства особый сенатъ, или—это будетъ болѣе близкій переводъ—«боярскую думу», или—еще буквально—«палату господъ» («мйсвад»), которая состояла изъ представителей знати, судей и духовенства; именованіе новаго члена этой боярской думы зависѣло отъ царя и одобренія самой думы²⁾. При царяхъ сабейскихъ тоже существовало аналогичное учрежденіе, можетъ быть болѣе демократичнаго характера, но во всякомъ случаѣ дававшее высокія права феодаламъ и стѣснявшее власть.

Между собою феодалы враждовали не разъ; среди нихъ выдвигались болѣе сильныя, у которыхъ были болѣе обширныя владѣнія; царю тоже было хлопотъ съ ними не мало.

Такъ протекала жизнь въ Йеменѣ, въ то время какъ міровое господство въ Азіи перешло отъ ассирійцевъ къ персамъ, а отъ персовъ къ Александру Македонскому и его преемникамъ.

Возникновеніе царства сабейско-хымъярскаго³⁾.

Наиболѣе значительными владѣніями были въ періодъ сабейскаго царства—Хадрамавтъ («страна ладана»), Катабанъ, Рейданское (Хымъярское). Изъ нихъ

1) «Крестьянство воздѣлывало землю, но не оно ѣло плоды своего пота». М. Хартманнъ: *Der islamische Orient*, II (1909), стр. 17. Заслуга освѣщенія йеменской исторіи съ экономической точки зрѣнія принадлежитъ именно Хартманну.

2) М. Хартманнъ, т. II, стр. 29-30 и 429-433.

3) Въ этой главѣ принято то освѣщеніе событій, какое дано, на основаніи очень серьезнаго анализа запутанныхъ надписей, М. Хартманномъ въ *„Der isl. Or.“*, II (1909),

Хадрамавтѣ и Катабанѣ управлялись владѣтелями, которые титуловались царями; Хымъярское — было просто княжество. Княжество Хымъярское, или Рейданское (названное такъ по столичному замку Рейдану)¹⁾, это — область въ юго-западномъ углу Йемена, омываемая Аравійскимъ заливомъ и Индійскимъ океаномъ.

Около 115-го года до Р. Х. (по наиболѣе общепринятой хронологіи)²⁾ эти владѣнія и сабейскій царь вступили въ междоусобную борьбу, вызванную, насколько можно догадываться³⁾, стремленіемъ сабейскаго Ма'рибскаго царя ввести вассаловъ въ свои рамки; претендентомъ на сабейскій престолъ и представителемъ интересовъ феодальной знати было княжество Хымъярское (Рейданское), а царства Хадрамавтѣ и Катабанѣ, вѣроятно, ревнивыя къ царю сабейскому, помогли князю Хымъярскому противъ его сюзерена.

Среди военныхъ усобицъ и дипломатическихъ переговоровъ выдвинулась княжеская семья Хамданская, которая сперва выступила въ качествѣ повѣренныхъ представителей царя сабейскаго и блюстителей его интересовъ, или, какъ они себя аттестуютъ на надписяхъ, въ качествѣ «миротворцевъ»⁴⁾; воспользовавшись удобнымъ моментомъ, «миротворцы» князя Хамданскіе столкнули Ма'рибскую сабейскую династію (положимъ, какъ оказалось, не навсегда), и одинъ изъ нихъ, Альханъ Хамданскій, самъ занялъ сабейскій престолъ. Устранивши царя, хамданецъ обратился противъ его соперника, представителя феодаловъ, князя Хымъярскаго-Рейданскаго, и привлекъ на свою сторону царя хадрамавтскаго; да кромѣ того, для лучшаго успѣха, хамданецъ пригласилъ себя на подмогу абиссинцевъ изъ Африки.

При помощи этой сабейско-хадрамавтско-абиссинской коалиціи, относительно которой въ разныхъ мѣстахъ страны сохранились торжествующія надписи одинаковаго содержанія, царь-узурпаторъ Альханъ Хамданскій нанесъ пораженіе Хымъярскому князю Рейдану и группировавшимся возлѣ него другимъ феодаламъ; однако окончательный перевѣсъ получили только сыновья Альхана.

стр. 141-153 и 468-470; срив. II, 38. Оно расходится отъ принятаго у другихъ изслѣдователей и, въ томъ числѣ, отъ формулировки Отто Вебера (1901) въ энциклопедической серіи „Der alte Orient“ („Arabien vor dem Islâm“, стр. 33) и отъ формулировки Хоммеля (1910) въ „Enzyklopädie d. Islâm“, I, 395a. Но отъ хронологіи Хартманна я, все же, отступаю.

¹⁾ Замокъ Рейданъ, по всему вѣроятію, состоялъ при городѣ Зафарѣ, который, въ заущевіи, донныи существуетъ и еще могъ бы быть важнымъ городомъ страны. Турки этого не оцѣнили: мѣстопребываніе турецкаго губернатора — въ городѣ Сан'а. Срив. у Хартманна II, 469, въ противность напримѣръ Хоммелю въ „Enzyklop. des Isl.“ (1910), I, 395a (у того — гора Рейданъ, въ Катабанской области, къ ю.-в. отъ Ма'риба).

²⁾ Срив. энциклопедическую статью О. Вебера: „Arabien vor dem Islam“ (1901, въ серіи „Der alte Orient“, III, 1, стр. 33); Хуб. Гримме: „Mohammed“ (Мюнхень, 1904), стр. 20; Хоммель (1910) въ „Enzyklopädie des Islâm“ I, 395a. Выше мы упомянули (и ниже на стр. 12 еще разъ вернемся къ этому же), что 115-ый годъ до Р. Х. есть новая эра йеменскаго лѣтосчисленія; слѣдовательно, этотъ годъ чѣмъ-то былъ особенно достопримѣчательнъ.

³⁾ М. Хартманнъ, II, (1909), стр. 143.

⁴⁾ Глазеръ, № 1359-1360 = Hartmann II, 142.

Они присоединили хымъярскую область прямо къ царству сабейскому, перенесли и царскую столицу въ хымъярскій городъ Зафаръ (очевидно, замокъ Рейданъ находился при городѣ Зафарѣ) и стали титуловать себя «царями Сабы и владѣтелями Рейдана».

Положимъ, шамданская узурпаторская династія удержалась на престолѣ не долго: послѣ этихъ двухъ сыновей Альхана царствовали, быть можетъ, еще лишь одинъ шамданецъ¹⁾, и затѣмъ царскій престолъ опять достался представителямъ прежней, свергнутой сабейской династіи²⁾. Однако возстановленные сабейскіе цари уже не отказались отъ обладанія хымъярской (рейданской) областью и не перенесли столицу обратно въ Ма'рибъ, а продолжали резидировать въ рейданской области, и ихъ титулъ остался ужъ: «царь Сабы и владѣтель Рейдана»,—титулъ, котораго не имѣли ихъ предки до революціи.

Этотъ новый періодъ сабейскаго царства, со столицей въ хымъярской землѣ, съ упоминаніемъ торжества надъ Хымъяромъ (Рейданомъ) даже въ царскомъ титулѣ, произвелъ извѣстную путаницу въ представленіяхъ даже тогдашнихъ сосѣднихъ народовъ, а тѣмъ болѣе позднѣйшихъ арабовъ. Сосѣдніе греки Египта и всѣ эллинистическіе народы стали называть царей сабо-рейданскихъ преимущественно гим'яритскими или—въ болѣе эллинизированной формѣ—гомеритскими, а йеменцевъ—гомеритами (*Ἰομηρίται*, *Homeritae*)³⁾; позднѣйшіе арабы даже самую династію, которая утвердила столицу въ Хымъярской землѣ и въ титулѣ которой было упоминаніе о хымъярацѣхъ (Рейданѣ), признали за родовитую хымъярскую, и послѣреволюціонный періодъ царства сабейскаго извѣстенъ у позднихъ арабовъ подъ именемъ царства Хым'ярскаго. И ориенталисты, даже послѣ открытія подлинныхъ эпиграфическихъ памятниковъ въ самомъ Йеменѣ (Глязеръ и проч.), не рѣшаются отдѣлаться отъ традиціи въ этомъ пунктѣ и повторяютъ утвержденіе, что царство сабейское было замѣнено царствомъ хымъярскимъ⁴⁾.

Всѣ эти событія происходили въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. Но когда именно?

Намъ уже приходилось мимоходомъ указывать, что господствующее мнѣніе, установившееся послѣ открытій и изслѣдованій Глязера, приурочиваетъ начало

¹⁾ М. Hartmann: *Der islam. Orient*, (1909), II, 154-155.

²⁾ Тамъ же, стр. 148.

³⁾ Напр., около 60 г. до Р. Х. одинъ египетскій купецъ составилъ путеводитель для мореходовъ подъ заглавіемъ: „Объѣздъ (Περιήγος) по Красному морю“. Въ § 23 онъ говоритъ про главный городъ Зафаръ, „гдѣ пребываетъ Харибаазъ, законный царь обоихъ народовъ, гомеритскаго и сабейскаго“. Мы видимъ, что гомериты отмѣчены на первомъ мѣстѣ.

⁴⁾ Ограничимся указаніемъ на энциклопедическую статью „Arabien vor dem Islam“ Отто Вебера (1901, въ серіи „Der alte Orient“, III, № 1, стр. 33) и на такую же статью Хоммеля въ „Enzykl. des Islâm“, 1910 (вып. 7), стр. 395а. Но мнѣ лично представляется настолько убѣдительнымъ анализъ надписей, сдѣланный Хартманномъ (1909), что я послѣдовалъ именно изложенію Хартманна, о чемъ заранѣе и предупредилъ (стр. 9).

революціи приблизительно къ 115-му году до Р. Х. ¹⁾. И эта дата представляеть слишкомъ многое за себя, потому что 115-ый годъ имѣеть особое значеніе для хронологіи Йемена: онъ, какъ мы ужъ и отмѣчали, есть йеменская эра лѣтосчисления. Въ старину въ Йеменѣ годъ какого-нибудь событія датировался по сановнику-эпониму, и это было неудобно для дальнѣйшихъ поколѣній, потому-что время существованія того или другого эпонима оставалось сбивчивымъ ²⁾. Въ 115 году, когда эпонимомъ былъ нѣкій Мабхадъ (или Мабхұдъ), ибнъ-Абхадъ, рѣшено исчислять всѣ дальнѣйшіе годы только отъ него («Мабхадова эра»). Слѣдовательно въ этомъ году произошло какое-то очень важное событіе, достойное стать новой эрой, и такимъ событіемъ скорѣе всего могло быть паденіе царства сабейскаго и замѣна его сабейско-хымъярскимъ.

Но самый послѣдній изслѣдователь южно-арабской археологіи М. Хартманъ и считаетъ необходимымъ подвинуть хронологию всѣхъ этихъ событій нѣсколько ближе къ началу христіанской эры. Ему изъ многихъ сопоставленій представляется необходимымъ отнести начало революціонныхъ междоусобій и первое выступленіе коварныхъ „миротворцевъ“—Хамдѣановъ не до, а послѣ 100-го г. передъ Р. Х. ³⁾, и притомъ изрядно послѣ; царствованіе сыновей 'Альһана Хамдѣанскаго онъ относитъ ко времени ок. 29 года послѣ Р. Х. ⁴⁾, а возстановленіе свергнутой старой сабейской династіи Хартманнъ, на основаніи показаній (§ 23, § 26, § 31) египетскаго «Періплосу» ⁵⁾ а (сост. ок. 60 г. по Р. Х.), относитъ ко времени незадолго до составленія «Періплосу» ⁶⁾.

Намъ не представляются убѣдительными соображенія Хартманна насчетъ хронологіи этихъ событій, хотя самый ходъ событій мы считаемъ изложеннымъ у Хартманна правильно.

Сабейско-Хымъярское царство въ Римскій періодъ. Торговый упадокъ Йемена.

Начались вышеизложенныя междоусобія, во всякомъ случаѣ, еще въ тотъ періодъ, когда Египтомъ владѣли греки-Птолемеи, а не римляне ⁶⁾. Между эллинистическимъ египетскимъ государствомъ Птолемеевъ-Лагидовъ и царствомъ сабейскимъ происходилъ самый живой обмѣнъ торговыхъ отношеній,—и что интересно: не только по сушѣ черезъ набатейскій Синай, какъ въ старину, но

¹⁾ См., напр. резюмирующую формулировку у Отто Вебера въ „Arabien vor dem Islam“ (1901, стр. 33) въ энциклопедической серіи „Der alte Orient“. Или у Хуберта Гримме: „Mohammed“ (Мюнхенъ 1904), стр. 20. Или у Хоммеля (1910) въ „Enzyklop. des Islâm“ I, 395a.

²⁾ Принципъ обозначенія года эпонимомъ былъ взятъ въ старину йеменцами, вѣроятно, отъ вавилоно-ассирійянъ; срв. вавилоно-ассирійскихъ „лму“. Это общепринятая мысль; см. у Хоммеля въ „Enzyklop. des Isl.“ I (1910), стр. 395a. См. еще Н. Winkler: „Altorientalische Forschungen, 2-te Reihe, II, 351 и слѣд.“

³⁾ M. Hartmann: „Der islamische Orient, II (1909), стр. 38.

⁴⁾ „Der islamische Orient, II, 147 и 155.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 153-155.

⁶⁾ Египетъ обращенъ въ римскую провинцію въ 30 году до Р. Х.; Сирія—еще въ 64 г.

и прямо по Красному морю ¹⁾). При этомъ Йемень, конечно, не могъ убѣждать отъ извѣстнаго культурнаго влiянiя эллинизма, который тогда всюду могущественно дѣйствовалъ ²⁾); а съ другой стороны въ Египтѣ знали про «Счастливую Аравiю» очень хорошо, какъ про благодатную, счастливую страну, гдѣ и своихъ природныхъ богатствъ много и куда свозятся товары изъ Индiи и другихъ восточныхъ странъ; воображали даже, что у сабейцевъ есть собственные колонiи въ самой Индiи ³⁾). Завладѣть этой богатой страной, «Счастливою Аравiей», Лагиды однако не чувствовали достаточно силъ.

Въ 30 году до Р. Х. римскiй императоръ Октавианъ Августъ, покончивши съ Антонiемъ и его очаровательницей, египетской царицей Клеопатрой ⁴⁾), обратилъ ихъ Египетъ въ римскую провинцiю и черезъ какихъ-нибудь лѣтъ пять повелъ на Йемень. Что могло побудить Августа къ этому рискованному замыслу,—его, вообще не охотника до завоеванiй? Изъ сообщенiй Страбона, современника событiй, выходило бы, что Августа прельстила молва о богатствахъ «Счастливой Аравiи»: приобрѣсти для имперiи новую, богатую область было желательно, а къ тому же сосѣднее съ Египтомъ набатейское сѣверно-арабское царство, соперничавшее тогда въ торговлѣ съ Йеменомъ, старалось представить Августу самостоятельное существованiе Йемена опаснымъ для римскаго Египта ⁵⁾). Проницательный Моммсенъ ⁶⁾), имѣя въ виду миролюбiе Августа и постоянно соблюдаемый имъ принципъ неразширенiя границъ, усматриваетъ въ его замыслахъ иныя побужденiя: Августу хотѣлось, чтобы торговля—отнынѣ римскаго—Египта съ Индiей находилась исключительно въ рукахъ римскихъ и регулировалась римлянами;—и, разъ на перепутьѣ находилась Счастливая Аравiя, необходимо было ее покорить. Повидимому соображенiе Моммсена справедливо. Очень возможно, что Августъ хотѣлъ при этомъ уничтожить сухопутную передаточную роль Йемена и ввести торговлю Индiйскаго океана съ Египтомъ исключительно въ морское русло ⁷⁾). Въ связъ съ этимъ можно бы поставить то обстоятельство, что вскорѣ же послѣ включенiя Египта въ число римскихъ провинцiй побѣдитель—Августъ получилъ изъ Индiи дружественное посольство.

Въ 24 году до Р. Х., черезъ пять-шесть лѣтъ послѣ присоединенiя Египта, тайкомъ снарядилось и отплыло изъ Египта подъ начальствомъ римскаго

¹⁾ Хартманнъ, II, 34 и 461—462.

²⁾ См. у меня въ Исторiи Аршакидовъ (М. 1905, „Труды по востоковѣдѣнiю“, вып. XXI), стр. 213.

³⁾ Сообщение о сабейскихъ колонiяхъ въ Индiи даетъ Агатархидъ (120 г. Р. Х.) Объясненiе этого неточнаго извѣстiя см. у Глязера: Skizze (1890), стр. 10.

⁴⁾ См. у меня подробно въ Исторiи Аршакидовъ, стр. 283 и 293—300.

⁵⁾ Разбору извѣстiй Страбона о походѣ римлянъ 24 г. на Йемень посвящены у Глязера въ „Skizze“ (1890) двѣ спеціальныя главы, стр. 43—66 и слѣд.

⁶⁾ Th. Mommsen: Römische Geschichte, V (1885) 607=русск. перев. (М. 1885) стр. 596-597.—Пользуясь этимъ томомъ Моммсена, полезно считаться съ рецензiей Т. Нельдеке въ „Zeitschr. der D. Morg. Ges.“, т. 39 (1885), стр. 331—351; для даннаго вопроса см. тамъ стр. 340—341.

⁷⁾ M. Hartmann: Der islam. Orient, II (1909), стр. 39.

полководца Элія Галла войско въ 10.000 человекъ, среди которыхъ было 500 евреевъ (отъ вассальнаго Ирода Іудейскаго),—ратниковъ, едва ли очень храбрыхъ. Войско высадилось на аравійской сторонѣ Краснаго моря у сѣверныхъ предѣловъ Йемена и врасплохъ двинулось вглубь страны сабейцевъ къ Ма'рибу, очевидно считая его, а не столичный Рейданъ, ключемъ къ странѣ и обладанію ею. Не смотря на страшныя лишенія и трудности, всѣ города, лежавшіе по дорогѣ между берегомъ и Ма'рибомъ, были римскимъ войскомъ взяты; но осада крѣпкаго Ма'риба не удалась изъ-за недостатка воды, и Элія Галлъ съ тяжелымъ трудомъ могъ провести свое войско назадъ къ морю. Августъ подумывалъ было о новомъ походѣ на Счастливую Аравію, но ужъ инымъ путемъ: онъ мечталъ, что ему удастся отправить флотъ изъ устьевъ Ефрата и изъ Персидскаго залива, послѣ соглашенія съ Парсией. Дальше мечтаній дѣло это не пошло ¹⁾.

Послѣ Августа римляне не повторяли своихъ завоевательныхъ попытокъ и вошли въ дружественныя отношенія съ сабейцами. По крайней мѣрѣ, египетскій «Періплосъ», ок. 60 г. по Р. Х., прямо говоритъ (§ 23), что «законный царь гомеритовъ и сабейцевъ» состоитъ въ дружбѣ съ кесаремъ (тогда царствовалъ Неронъ 54-68, любимецъ восточныхъ народовъ) ²⁾ и что между ними постоянно поддерживается обмѣнъ посольствами и подарками. Тѣмъ не менѣе, чего Августъ для египетской торговли желалъ, того онъ достигъ, или если не нѣ, то его преемники достигли: торговыя сношенія Египта съ Индійскимъ океаномъ стали вестись непосредственно по морю, безъ сухопутной южно-аравійской передачи. Прежде индійскіе товары доставлялись обыкновенно въ Оманъ (т. е. на восточно-аравійское побережье, ближе къ Персидскому заливу) и оттуда шли караванной дорогой въ центрально-сабейскій городъ Ма'рибъ; и изъ Хадрамавта ладанъ тоже шелъ сперва въ Ма'рибъ; а ужъ изъ Ма'риба караваны черезъ сѣверно-аравійскій Хиджазъ везли товаръ въ землю набатейцевъ, къ Синаю (Петра, Газа), откуда одна часть направлялась въ Сирію, другая—въ Египетъ. Съ наступленіемъ міровой римской имперіи, включившей въ себя значительную часть азіатскаго востока, это перемѣнилось ³⁾; изъ Индіи и изъ «ладаннаго» побережья Хадрамавта направились корабли черезъ проливъ Бабъ-эль-мандабъ прямо въ египетскіе порты на Красномъ морѣ (Міось-гормось, «Μοῦς ὄρμος» = «гавань Мыши» — на египетской сторонѣ Аравійскаго моря, недалеко отъ Синая) Сухопутный внутренне-йеменскій Ма'рибъ пересталъ быть складочнымъ мѣстомъ товаровъ и потерялъ свое прежнее высокое торговое значеніе; притомъ онъ пересталъ быть и столицей Йемена, потому что, какъ мы видѣли (стр. 11, хотя бы, напримѣръ изъ «Періплосъ'а», § 23, ок. 60 г. по Р. Х.), столицей «законнаго царя обоихъ народовъ, гомеритскаго и сабейскаго», оказался ужъ болѣе запад-

¹⁾ Моммсенъ: Римская исторія, т. V. (М. 1885), стр. 600.

²⁾ См. мою исторію пареванскихъ Аршакидовъ (М. 1905, въ XXI выпускѣ „Трудовъ по востоковѣдѣнію“), стр. 339—342.

³⁾ О торговлѣ греко-римскаго міра съ востокомъ есть и на русскомъ языкѣ диссертация казан. профессора М. Хвостова (1907): „Восточная торговля греко-римскаго Египта“.

ный хымъярскій Зафаръ (=Рейданъ). Ма'рибъ, изрядно запущенный, обдѣлѣ. Обдѣлѣ вообще и весь Йемень, сравнительно съ періодомъ прежняго блеска. Прежняя волшебная слава Йемена исчезла.

Въ противность мусульманскимъ историкамъ, мы не должны себя представлять упадокъ сабейскаго Ма'риба, какъ слѣдствіе внезапнаго, сразу грянушаго, одного стихійнаго удара. Напротивъ, это былъ результатъ вѣкового-полуторавѣковаго экономическаго процесса. Очень возможно, что эра т. н. «счастливаго періода Римской имперіи», начавшагося съ императора Траяна (98-117, того самаго Траяна, который, — кстати напомнить, — въ началѣ своего царствования обратилъ въ 106 году сѣверно-арабское Набатейское государство въ «Provincia Agabia», а въ концѣ своего царствования совершилъ побѣдоносный походъ на парванскую столицу Ктесифонтъ, 116, и увезъ оттуда золотой тронъ царей-аршакидовъ), — очень возможно, думаемъ мы, что эра этого счастливаго періода имперіи Римской далеко уже не была эрой счастья для обдѣлѣвшей «Счастливой Аравіи». Еще болѣе возможно думать, что, въ то время какъ императоръ Адрианъ (117—138) осчастливливалъ своимъ резидированіемъ то одну, то другую провинцію своей колоссальной имперіи, между прочимъ и провинцію Египеть, и временно превращалъ такимъ образомъ Александрію въ фактическую столицу міра, а какой-нибудь маленькій городокъ — въ чудо свѣта (Антинополь), бывшая йеменская столица Ма'рибъ, бывшее «чудо свѣта», покинутая караванами, низошла уже до степени захолустнаго города, который, если и не терялъ окончательно своего значенія, то только потому, что надо же было кому-нибудь жить и поддерживать устроенную возлѣ него на Вади-Йесранъ гигантскую резервно-оросительную плотину ¹⁾. Народное арабское преданіе увѣряетъ, будто бы, около середины II вѣка по Р. Х., не стало и этой плотины. Оно (см. ужъ и Коравъ, сура 34: «Сабâ», 14-16) говоритъ, будто бы эта знаменитая Ма'рибская плотина, образовывавшая резервуаръ со шлюзами для водъ горныхъ потоковъ и орошавшая страну каналами, вдругъ прорвалась, вода пучиною хлынула, затопила городъ и окрестности, занесла пескомъ плодородныя мѣста, — словомъ, произвела полное, непоправимое опустошеніе. Отчаявшееся населеніе, по этой легендѣ, не сочло ужъ возможнымъ возстановить и плотину и вообще сабейское царство, и массаи перешло на сѣверъ, одни въ Хиджазъ, откуда часть, бедуинизировавшись и по нравамъ и по языку, проникла еще сѣвернѣе — въ Сирію (гассаниды), другіе — на Ефратъ (хирскіе лахмиды); съ тѣхъ поръ и пословица у арабовъ: «даһабу, айди Сабâ» = «разбѣлись, какъ сабейцы», — для обозначенія людей, которые долго жили счастливой совместной жизнью, а потомъ безвозвратно разошлись въ разныя стороны ²⁾.

¹⁾ См. выше стр. 7.

²⁾ См. эту пословицу въ сборникѣ Мейданія Нишапурскаго (ум. 1124) съ ея вариантомъ. = Г. Фрейтагъ: „Proverbia Arabum“ (Боннъ 1838), т. I, стр. 497—498. Срв. стихъ Абу-Новаса, поэта времени Харуна-ар-Рашида, по поводу расставшейся компаніи друзей: „Фомма араба з-замано фа қтасаму — айди Сабâ фи ль-билâди фа иша абу“ = Der Diwan des Abu-Nowâs, herausgeg. von W. Ahlwardt (Greifswald 1861), стр. 5; или по

Исходный пунктъ этой легенды безусловно не вѣренъ. Если во II вѣкѣ по Р. Х. плотины М'арибская и дѣйствительно прорвалась (документальныхъ эпиграфическихъ свидѣтельствъ объ этомъ нѣтъ), то, конечно, сейчасъ же была восстановлена. Вѣдь вотъ же изъ сабейской надписи 450 г. по Р. Х.¹⁾ мы вполне опредѣленно знаемъ, что и въ 450 г. случилось этой м'арибской плотинѣ прорваться; и что же? царь (Шорахбилъ Йа'фуръ) выставилъ 20.000 рабочихъ—и запруду удалось поправить очень скоро; равнымъ образомъ въ 542 г. (изъ надписи абиссинскаго намѣстника 'Абраи это извѣстно) опять м'арибская запруда прорвалась—и за 58 дней все было поправлено²⁾. Слѣдовательно, виною выселенія части южныхъ арабовъ на сѣверъ было нѣчто иное. Самый же фактъ выселенія едва ли нужно оспаривать. Повидимому, не иначе вѣдь, какъ изъ южной Аравіи, вышли и тѣ арабы, которые, подъ именемъ «бану-Джорхомъ», вели яростную борьбу въ Хиджазѣ съ мѣстными жителями (напр. у Мекки, въ теченіи трехъ столѣтій передъ исламомъ) и въ особенности—тѣ, которые устроились на сѣверныхъ окраинахъ и образовали съ одной стороны, на Ефратѣ, вассально-персидское арабское царство Хирское (по условно-приблизительному счету ок. 195 г.), а съ другой стороны на границахъ Сиріи по Хаврану—вассально-римское арабское царство Гассанское (условно полагають ок. 292 г.). Усумниться можно только въ томъ, чтобы они, выселяясь изъ южной Аравіи, были осѣдлыми высококультурными горожанами, а въ Сирію и на Ефратъ прибыли кочевыми варварами-бедуинами: такое превращеніе не слишкомъ-то естественно. Скорѣе можно думать, что предки хирцевъ и гассанцевъ вели и у себя на прежней родинѣ жизнь кочевую, потому что вѣдь и въ южной Аравіи, надо допустить, не все населеніе было городскимъ: имѣлись и южно-аравійскіе кочевники. И, лѣтъ семь тому назадъ³⁾, склоненъ былъ выводить ефратскихъ хирцевъ больше изъ 'Омана, съ его кочевьями, чѣмъ изъ очага сабейской культуры—Йемена, чѣмъ изъ бывшей сабейской столицы М'аріба; теперь новѣйшій изслѣдователь старинной исторіи Йемена М. Хартманъ поставилъ этотъ вопросъ вполне рѣзко и призналъ хирцевъ и гассанцевъ за исконныхъ чистыхъ кочевниковъ, которые впрочемъ изъ своей родины, южной Аравіи, вынесли кое-какія культурныя черты, заимствованныя отъ своихъ осѣдлыхъ соплеменниковъ⁴⁾. Побужденіемъ къ ихъ выселенію меньше всего могъ бы быть прорывъ М'арибской запруды, а скорѣе голодъ или предприимчивость какихъ-нибудь энергичныхъ вождей.

моей антологіи при I томѣ „Арабской литературы въ очеркахъ и образахъ“ (М. 1911), стр. 11. Или см. эту пословицу, вставленную въ элегію андалусца ибнъ Абдуна Эворскаго (ум. ок. 1126), которую тотъ составилъ послѣ завоеванія своей родины вторгшимися Альморавидами (Текстъ имѣется и въ хрестоматіи Шейхо, т. V, стр. 241).

¹⁾—№ 554 собранія Глязера.

²⁾ См. Glaser: „Zwei Inschriften über den Dammbbruch von Mârib“—въ Mittheilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft“ 1897. Объ этомъ подробно будетъ рассказано у насъ ниже, въ своемъ мѣстѣ (стр. 28-29).

³⁾ Срв. мою „Исторію Сасанидовъ“ (М. 1905 въ XXI вып. „Трудовъ по восточновѣдѣнію“), стр. 364.

⁴⁾ М. Hartmann: Der islamische Orient, II (1909), стр. 499—500.

Йемень между римлянами и сасанидами въ III—IV вв.

Побѣда единой державы въ Йеменѣ въ концѣ III-го вѣка (ок. 280). Соперничество съ Аксумомъ. „Первое“ абиссинское владычество надъ Йеменомъ ок. 345—375 гг. Изгнаніе абиссинцевъ.

Какъ бы то ни было, во II вѣкѣ по Р. Х. южно-аравійское Сабо-Рейданское царство оказывается пострадавшимъ экономически и лишеннымъ своего международного торговаго значенія. Устраненные отъ мірового рынка, жители излили свою врожденную энергію повидимому на сведеніе своихъ внутреннихъ счетовъ, на оборудованіе своихъ внутреннихъ дѣлъ. Намъ неясенъ тотъ процессъ длинной борьбы, который происходилъ во II—III в. между царемъ и феодальными вассалами, и неясна роль, какую сыграло при этомъ свободное городское населеніе. Извѣстенъ намъ только заключительный результатъ: въ концѣ III вѣка, т. е. лѣтъ черезъ полтора послѣ легендарной катастрофы въ Ма'рибѣ, единой державѣ (я абсолютистическая идея?) одержали въ Йеменѣ побѣду. Именно, ок. 280 г., царскій титулъ въ южно-аравійскихъ надписяхъ оказывается не тотъ довольно еще короткій, какой былъ до сихъ поръ («царь Сабы и владѣтель Рейдана»), а гораздо полновѣснѣе: «Царь Сабы, Рейдана, Хадрамавта и всего Йемена».

Имя перваго царя, принявшаго этотъ «всеийеменскій» титулъ, одно изъ наиболѣе широко извѣстныхъ: Шамиръ Йоһар'ишъ (ок. 274—281), прозвище, которое можно перевести: «Заставляющій трепетать»¹⁾, и особенно хорошо извѣстно имя «Шамиръ» въ пышнѣйшихъ россійскихъ предѣлахъ, именно въ Средней Азій, въ россійскомъ Туркестанѣ. Преданіемъ, которое въ Туркестанѣ живетъ и въ устахъ народа и аккуратно воспроизводится въ мѣстныхъ книгахъ, Шамиру Йоһар'ишу приписывается походъ изъ Йемена въ Среднюю Азію и разрушеніе Трансоксанской столицы, послѣ чего она была восстановлена уже подъ именемъ «Шамирограда» (Шамирендъ=Самаркандъ)²⁾. Понятно, что на самомъ дѣлѣ никогда йеменскій царь Шамиръ въ Средней Азій не бывалъ и никакихъ Самаркандовъ не разорялъ и не строилъ, — и тѣмъ не менѣе возможно, что въ легендѣ скрывается отдаленный намекъ на подлинное историческое событіе, на отношеніе Южной Аравіи при царѣ Шамирѣ къ великой персидской державѣ «царя царей», къ державѣ Сасанидовъ³⁾. Въ это

¹⁾ Ибнъ-Котейба (ум. 889) въ „Книгѣ свѣдѣній по исторіи“ (изд. Вюстенфельда, 1850, стр. 306—307; егип. изд. 1300—1883, стр. 210) достаточно прозрачно говоритъ, что форма „Йоһар'ишъ“ равняется сѣверо-арабской „Йор'ишъ“ (IV ф. отъ корня رعش). Слѣдовательно, имя должно означать: „[тотъ, кто] заставляетъ трепетать“, а не „заливка ли ртуті ашини, кѣна биһи“ какъ объясняетъ ибнъ-Котейба.

²⁾ Положимъ, восточные писатели объясняютъ окончаніе „кендъ“ не какъ „городъ“, а какъ „разрушилъ“, т. е. приурочиваютъ къ персидскому глаголу کندن „кѣндѣнъ“. См. у ибнъ-Котейбы (ум. 889): „Книга свѣдѣній“ (изд. Вюстенфельда, 1850, стр. 307: 4; егип. изд. 1300—1883, стр. 210: 27). Оттуда, съ прямой ссылкой на ибнъ-Котейбу и на его филологическое объясненіе, см. у ибнъ-Халликана (ум. 1282), египет. изд. 1310—1893, т. I, стр. 416: 21 (или въ англ. переводѣ Слезна II, 480), и др.

³⁾ М. Hartmann: Der islamische Orient, II (1909), стр. 42, стр. 155—156, стр. 495.

время каждое государство восточнаго міра находилось передъ дилеммой: «Римъ, или Ктесифонтъ? на чьей сторонѣ стать? великой ли Римской имперіи? или великой Сасанидской имперіи?» Римъ и Иранъ давно вели соперничество, но въ половинѣ III вѣка борьба обострилась, и вѣсы въ ту пору явно склонялись въ пользу Ирана: въ то время какъ въ Римской имперіи шли неурядицы, вызываемыя господствомъ солдатъ, въ Иранѣ водворилась новая, дѣятельная династія Сасанидская, и второй шахъ династіи, отважный Шапуръ I (242—272), доходилъ въ своихъ походахъ до Средиземнаго моря, до Антиохіи. Царь Йеменскій Шамиръ не могъ знать, что вскорѣ, по смерти Шапура I, счастье повернется къ римлянамъ (Діоклетіанъ), и очень естественно думать, что онъ отдался въ сферу вліянія Ирана, а не Рима, съ которыми у йеменцевъ меньше было культурной общности, чѣмъ съ Ираномъ. Выборъ протектора сасанидовъ, а не римлянъ былъ для Йемена тѣмъ болѣе естественнымъ, что съ запада, въ Африкѣ, у него явился опасный врагъ-соперникъ, тянувшій къ римлянамъ, обладателямъ Египта, Сиріи и сѣверной Аравіи. Эготъ соперникъ было усилившееся въ Абиссиніи въ III вѣкѣ Аксумское царство, которое имѣло также свои колоніи въ южной Аравіи и, какъ видно изъ дальнѣйшаго, очень не прочь было бы взять въ свои руки торговую дорогу изъ Йемена въ сѣверную Аравію.

Послѣ Йонариша (т. е. послѣ 281 г.) въ исторіи военно-сосѣдскихъ отношеній Рима съ сасанидской Персіей отмѣчается важныхъ поворотныхъ моментовъ два: одинъ около 300 года, другой — лѣтъ шестьдесятъ спустя; и оба отражаются въ отношеніяхъ Абиссиніи и Йемена. Первый моментъ, въ пользу Рима, поточнѣе датируется 297-мъ или 298-мъ годомъ, когда Діоклетіановъ цезарь Галерій разбилъ шаха Нарсѣ въ Арменіи и заключилъ съ персами миръ, по которому границей между двумя государствами дѣлался Тигръ (не Ефратъ!): Персія отказалась въ пользу Рима отъ Месопотаміи и Арменіи. Наоборотъ, когда спустя лѣтъ 60 съ лишнимъ императоръ Юліанъ Отступникъ (363) предпринялъ походъ въ Персію на шахскую столицу Ктесифонтъ и погибъ, потерпѣвши пораженіе отъ шаха Шапура II, то его преемникъ императоръ Йовіанъ заключилъ съ персами такой миръ, по которому отвоеванная римлянами 60 лѣтъ тому назадъ Месопотамія съ частью Малой Арменіи возвращены были Персіи¹⁾. И вотъ аналогичныя, параллельныя, приблизительно одновременныя колебанія мы, послѣ Шамира Йонариша, видимъ и въ отношеніяхъ между Абиссиніей и Йеменомъ.

Такъ, есть вѣроятность — думать, что около 300 года, вскорѣ же послѣ побѣды Діоклетіана надъ державой сасанидовъ, абиссинцы совершили побѣдоносное вторженіе изъ Африки въ Йемень, — еще не серьезное завоеваніе, а только вторженіе. Есть вѣроятность думать, что именно къ этому времени относится та греческая надпись невзвѣстнаго по имени абиссинскаго государя, въ которой онъ хвалится, что завладѣлъ въ Аравіи прибрежной полосой Краснаго моря (Тинѣмой) и держитъ въ своихъ рукахъ охрану торговыхъ

См. у меня въ „Исторіи Сасанидовъ“ (1905), стр. 35, 43—47.

отношений между южной и сѣверной Аравіей¹⁾. А еще полвѣка спустя аксумскій царь даже въ сношеніяхъ съ чужими державами титуловался «царемъ Аксумскимъ, Гомеритскимъ (=Хымъярскимъ), Рейданскимъ, [Эѳіопскимъ], Сабейскимъ» и пр. «Βασιλεὺς Ἀξουμιτῶν καὶ Ὀμηριτῶν καὶ τοῦ Ῥαειδάν... καὶ Σαβαειτῶν»...²⁾ И вмѣстѣ съ тѣмъ мы стоимъ передъ фактомъ, что вся первая половина IV вѣка (т. е. отъ 300-го года и слѣд.) не даетъ намъ ни одной йеменской надписи съ именемъ своего, родного йеменскаго царя. Какой же выводъ можно изъ этого сдѣлать? Выводъ—тотъ, что приблизительно съ 300-го года абиссинцы на Йемень напирали и напирали, а около 345 или 350-го года Йемень завоевали³⁾. Рѣшительному завоеванію предшествовало, очевидно, новое, сильное вторженіе ихъ изъ Африки, а вообще вторженій между 300-мъ и 345 годомъ могъ быть цѣлый рядъ.

Далѣе, надпись 378 года говоритъ намъ опять о южно-аравійскомъ своемъ собственномъ государѣ (Малики-кярибѣ Йоһа'минѣ), съ прежнимъ длиннымъ йеменскимъ титуломъ⁴⁾. Если мы, какъ естественно, предположимъ, что появилась надпись эта (378 года) довольно скоро же послѣ возстановленія власти мѣстной династїи, то датую изгнанія абиссинскихъ завоевателей изъ страны можно будетъ признать приблизительно 375-й годъ, въ крайности положимъ даже 370-й,—словомъ, около этого.

Такимъ образомъ окажется, что эпоха владычества (т. н. «перваго») абиссинскихъ завоевателей IV вѣка надъ цѣлымъ Йеменомъ, разъ завоеваніе состоялось около 345—350 года, длилась чуть ли не четверть вѣка, незадолго отъ середины IV столѣтія до 370—375 г.⁵⁾ Опять напрашивается параллель съ хронологіей дѣлъ римо-персидскихъ. Пораженіе персами римлянъ въ лицѣ Юліана Отступника (363) было предвѣстіемъ изгнанія абиссинцевъ йеменцами⁶⁾.

¹⁾ Принимаю построеніе Хуб. Гримме: „Mohammed“ (Мюнх. 1904), стр. 236. Глазеръ (Skizze 1890, стр. 509 и 521) склоненъ былъ считать автора надписи за мѣстнаго аравійскаго государя.

²⁾ Это былъ Анзанъ, сынъ Элы Амиды; онъ и братъ состояли въ перепискѣ съ римскимъ императоромъ Констанціемъ, и сохранилось письмо Констанція къ нимъ 356 года съ просьбой оказать помощь противъ Аванасіевой ереси. Письмо это имѣетъ довольно обширную литературу, среди которой важень анализъ Дильмана въ его работахъ по исторїи Аксумскаго царства 1879—1880, а резюме дается напр. у Моммсена: „Римская исторія“ т. V (1885), стр. 591 и 602, или у Глазера: „Skizze“ 1890, стр. 471 475 сноски, 511, 522—524.

³⁾ Завоевали около 345-го года, по мнѣнію Глазера (Skizze 1890, стр. 504, 528, 539).

⁴⁾ Глазеровская № 389. Срв. у него въ „Skizze“ (1890), стр. 510—511; „Zeitschr. d. D. Morg. Ges.“ т. 44 (1890), стр. 178, въ статьѣ Мордтманна. См. еще у Глазера же: „Zwei Inschriften über den Dammbbruch von Mârib“ (Берл. 1897), стр. 41 и слѣд.; Hub. Grimme: „Mohammed“ (Мюнх. 1904), стр. 236.; M. Hartmann: „Der islamische Orient“, II, (1909), стр. 162.

⁵⁾ Того предварительнаго, такъ сказать подготовительнаго, вторженія абиссинцевъ въ прибрежный Йемень, какое могло состояться около 300-го года, мы за господство абиссинцевъ надъ Йеменомъ можемъ вѣдь еще и не считать.

⁶⁾ Кромѣ часто цитированной книги Э. Глазера: Skizze II (1890), съ ея хронологической таблицей на стр. 542, см. его же очень содержательную книгу: „Die Abessy-

Періодъ тоббовъ V вѣка, до Зу-Новаса (525).

Положеніе Химъярскаго царства отъ конца IV-го до четверти VI-го в. (ок. 375—525) между христіанской восточно-римской имперіей и персидской державой сасанидовъ. Распространеніе христіанства изъ Абиссиніи среди южно-аравійскаго населенія и приватіе еврейства Йеменскимъ правительствомъ. Царь-іудействующій Зу-Новасъ (ок. 520—525) и вторженіе христіанъ-абиссинцевъ въ 525 г.

Несомнѣнно, что абиссинцы, очищая ок. 370—375 года Йемень, сумѣли удержать за собою кое-какія укрѣпленныя мѣста въ странѣ, напримѣръ, 'Аденъ у Баб-эль-мандабскаго пролива или иные прибрежные пункты; это видно изъ дальнѣйшаго хода событій.

Во всякомъ случаѣ, въ упомянутой надписи 378 года ¹⁾ мы видимъ въ странѣ вновь возстановленную, въ лицѣ царя Малики-кяриба Йоһа'мина ²⁾, власть своихъ собственныхъ йеменскихъ государей. Это тѣ же «цари Сабы, Зу-Рейдана, Хадрамаута и всего Йемена», какихъ мы знали и до абиссинскаго вторженія IV в., или «химъярскіе тоббы», какъ ихъ называетъ Коранъ и арабско-мусульманская легендарная или полуполулегендарная исторія (ед. ч. تَبَعٌ мн. ч. تَبَاجِعَةٌ).

Укажемъ литературу разработки вопроса, т. е. выясненія исторіи тоббовъ 375—525 г.

Арабско-мусульманская легендарная или полуполулегендарная картина исторіи тоббовъ,—а она, хоть довольно обстоятельна, но слишкомъ и слишкомъ часто не совпадаетъ съ показаніями подлинныхъ йеменскихъ надписей,—эта картина связано, но довѣрчиво, давно ужъ изложена у Коссенъ-де-Персевала въ его „Essai sur l'histoire des Arabes avant l'islamisme“ (Пар. 1847), т. I, стр. 61-160³⁾. Намъ уже приходилось (стр. 1) отмѣчать

nier in Arabien und Afrika“ (Мюнхенъ 1895), стр. 179.—Нельзя при этомъ не оговорить того обстоятельства, что М. Хартманнъ, который сперва вполне признавалъ фактъ „1-го“ владычества абиссинцевъ надъ южной Аравіей („Der islam. Orient“, II, 1909, стр. 44 и 161), вдругъ усумнился въ немъ („Der islam. Orient“, II, 1909, 503—506, приложение).—Если первая половина IV вѣка до 378 г. не представлена намъ надписями съ именами мѣстныхъ йеменскихъ царей,—сталъ скептически разсуждать Хартманнъ,—то такой пробѣлъ можетъ объясняться вѣдь и чистой случайностью, не исключительно тою гипотезою, что Йемень былъ въ это время завоевываемъ и завоеванъ абиссинцами. А что тогдашняго абиссинскаго царя Анзана въ 356 году величали царемъ йеменскимъ, то это у Анзана могъ быть пустой притязательный титулъ и только. Отмѣчая эти сомнѣнія Хартманна, считаю нужнымъ подчеркнуть, что я лично не нахожу ни малѣйшей убѣдительности въ скептическихъ разсужденіяхъ Хартманна. Не поколебали они, кстати сказать, и Фр. Хоммеля, что видно изъ его статьи о доисламской Аравіи въ Enzyklopädie des Islam (т. I, вып. 7, 1910, стр. 395а).

¹⁾ Библиографія надписи 378 г. (Глязеровская № 389) указана была выше на стр. 19, сноски 4.

²⁾ „Малики-кяриб“ общепринятое чтеніе. Но при шаткости огласовокъ не исключено, разумѣется, и чтеніе Хартманна: „Малик-йакроб“ (см. „Der isl. Or.“ II, 1909, стр. 482 и 496).

³⁾ „Essai“ Коссенъ-де-Персевала переведанъ факсимильно въ 1902 г.

что трудъ Коссена даже арабо-мусульманскія свѣдѣнія беретъ не всегда изъ самыхъ первыхъ рукъ, а пользуется не разъ и поздними компиляціями, и что важнѣйшій мусульманскій историкъ Йемена, мѣстный йеменскій археологъ Хамдани (ум. 945), остался у Коссена неиспользованнымъ. — Съ указаніемъ легендарнаго характера свѣдѣній, южно-аравійская исторія по комментарию изъ „Хымъярскую касыду“ Нашъвана Хымъярскаго (ум. 1177) изложена была въ трудахъ Альфр. фонъ-Кремера: „Die südarabische Sage“ (Лейпц. 1864) и др., къ которымъ примыкаютъ затѣмъ работы пользующагося Хамданиемъ D. H. Müller'a (1877, 1879—1880).

Какой-бы очистительной критикѣ ни подвергались мусульmano-арабскія легенды, въ результатѣ онѣ, однѣ сами по себѣ, должны дать исторію слишкомъ сомнительную. Оттого труды и Кремера, и Мюллера заставляютъ многого еще желать. Вопли же подлинная южно-аравійская исторія, тоббовъ въ томъ числѣ, какая выяснилась изъ эпитафическихъ находокъ, представлена была въ трудахъ Эдв. Глязера: „Skizze“ (1890) и, рельефнѣе всего, въ его „Zwei Inschriften über den Dambruch von Märib“ (1897)¹⁾. Материалъ и изслѣдованія Глязера легли въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій или обобщительныхъ резюме, каковы брошюра ассириолога О. Вебера: „Arabien vor dem Islam“ (1901), критическое введеніе X. Гримме къ „Mohammed“ (Мюнх. 1904), въ отдаленной степени—даже „Grundriss der Geographie und der Geschichte des alten Orients“ X. Хоммеля (1904)²⁾ и др. Казалось бы, ихъ историческіе тезисы, опирающіеся на эпиграфику, стали научными аксіомами даже у широкой публики.

Тѣмъ не менѣе, когда въ 1907 году Р. Никольсонъ, издавая свою „A literary history of the Arabs“ (Лонд. 1907), принужденъ былъ коснуться исторіи тоббовъ, то онъ почти не счумѣлъ или не захотѣлъ воспользоваться открытіями и работами Глязера и его продолжателей, и изложилъ Никольсонъ эту исторію (стр. 17-29) приблизительно такъ же, какъ она излагается у мусульmano-арабскихъ писателей. Никольсонъ аттестуетъ йеменскія надписи, какъ „austere and meagre remains“, и радуется, что въ (баснословныхъ!) произведеніяхъ арабо-мусульманскихъ авторовъ мы имѣемъ болѣе полную исторію: „Fortunately we possess a considerable literary supplement to these somewhat austere and meagre remains“ („A liter. hist. of the Arabs“, 1907, стр. 11).

Новая провѣрка эпиграфическихъ данныхъ (а значитъ, и выводовъ), въ связи съ привлеченіемъ новонайденныхъ матеріаловъ, предпринята была года три тому назадъ М. Хартманномъ во второмъ томѣ его „Der islamische Orient“ (Лейпц. 1909). Краткое резюме того, что намъ даютъ о тоббахъ подлинныя надписи, см. тамъ у Хартманна въ „Der isl. Orient“, II, на стр. 161—164. Тамъ же у Хартманна помещенъ и спеціальнй критическій экскурсъ, гдѣ произведено (пессимистическое) сопоставленіе мусульманскаго преданія съ эпиграфическими показаніями: „Die Tubba's und die islamische Sage“ (=Der isl. Orient II, 473—498). Въ этомъ экскурсѣ Хартманнъ (срвн. II, 481) привлекаетъ къ изслѣдованію тѣ легендарныя данныя, которыя, въ двухъ нѣскольکو отличныхъ версіяхъ, находятся у историковъ ибнъ-Котейбы

1) Изданъ этотъ „Dambruch“ Глязера въ серіи „Mittheilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft“ 1897, 6.

2) Лишь „въ отдаленной степени“ — потому, что „Grundriss“ Хоммеля выветъ вѣдь дѣло лишь съ наиболѣе старымъ періодомъ исторіи, и въ тѣхъ страницахъ, которыя посвящены южной Аравіи (стр. 129—150), книга Хоммеля можетъ давать на позднѣйшую исторію лишь случайные, мимоходные намеки.

(ум. 889) и Табарія (ум. 923). Такія свѣдѣнія, ближе совпадая съ ибнъ-Котейбою, находятся и въ комментаріи на „Хымъярскую касыду“ филолога Нашъвана Хымъярскаго (ум. 1177), разобранную Кремеромъ. Хартманнъ и „Хымъярской касыдою“ широко пользуется.

Это обстоятельство заставляетъ насъ сказать кое-что и про „касыду“. Конечно, и сама „Хымъярская касыда“ Нашъвана Хымъярскаго XII в., и одновременный комментарий на нее—явленія позднія ¹⁾. Но важенъ этотъ поздній комментарий XII вѣка тѣмъ, что составитель пользовался недошедшими до насъ (пожалуй, опять—таки легендарными) начальными арабскими историками омейядскаго періода. Впрочемъ, пользовался онъ ими, вѣроятно, не изъ первыхъ рукъ, а черезъ посредство историка Хамдāнiя (ум. 945), отрывокъ изъ книги котораго про южно-арабскую древность, именно, про йеменскіе замки, дошелъ и до насъ. См. D. H. Müller: „Die Burgen und Schlösser Südarabiens nach dem Iklil des Hamdāni“ (Вѣна, 1879—1880, отд. изъ 94-го и 97-го тт. „Sitzungsberichte“ вѣнской Академіи Наукъ). См. еще того же Мюллера: „Südarabische Studien“ (1877), со статьями: Die handschriftlichen Werke des al-Himjarī (=Нашъвана) und des al-Hamdāni. Die himjarischen Schriftdenkmäler in der arabischen Ueberlieferung. Himjarische Kaside, и др.: въ этихъ Мюллеровыхъ „Südarabische Studien“ на стр. 108 (№ 2) приведено сохранившееся оглавленіе всѣхъ десяти книгъ „Иклила“ (=„Вѣнца“) Хамдāнiя, изъ которыхъ до насъ дошли лишь отрывки, напр., вышестомѣченный—о замкахъ; оно же, т. е. оглавленіе „Вѣнца“, дано и у Кремера въ „Culturgeschichte des Orients“, т. II (Вѣна 1877), стр. 422, и у Никольсона: „A liter. history“ (1907), стр. 12.

Собственно, Хартманномъ и кончается современное изслѣдованіе исторіи тоббовъ. Въ издающейся „Enzyklopädie des Islām“ (именно, въ 7-мъ выпускѣ I тома, 1910 г.), въ статьѣ „Arabien vor dem Islām“ Ф. Хоммеля, періоду тоббовъ отведено лишь нѣсколько словъ (стр. 395). Косвенно, впрочемъ, Хоммель и въ нихъ кое-въ-чемъ опровергаетъ выводы М. Хартманна.

Около полутораста лѣтъ (приблизительно 375—525) возстановленные тоббы царствуютъ надъ Йеменомъ въ мирномъ сосѣдствѣ съ нелюбимой Абиссиніей. И между двумя великими соперничающими міровыми державами того времени, Римомъ и Сасанидской Персіей, тоже тогда наступило вѣковое затишье. Римская имперія, кстати напомнить, раздѣлилась къ этому времени (395) на двѣ разрозненныя половины: западную и восточную; раздѣлъ этотъ былъ произведенъ императоромъ Θεодосіемъ Великимъ (383—395), который отдалъ Италію, Галлію и вообще западныя владѣнія своему сыну Гонорію, а Иллирію, Грецію и востокъ—другому своему сыну Аркадію. Съ самостоятельными странами Востока пришлось дѣла имѣть, естественно, лишь имперіи Восточной, т. е. греческой, которая затѣмъ постепенно дѣлается все болѣе и болѣе известна подъ именемъ Византійской.

У насъ нѣтъ никакихъ документальныхъ данныхъ, которыя свидѣтель-

¹⁾ Библиографію „Хымъярской касыды“ XII в. и ея комментарія см. у Брокельманна: „Gesch. der arab. Litter.“ I (1898), стр. 300—301. При этомъ надо, разумѣется, поправить ошибку въ датѣ у Брокельманна, который заставляетъ Нашъвана Хымъярскаго умереть въ 1117 г. (см. 1177). Еще библиографію „Хымъярской касыды“, въ болѣе подробной характеристикой, см. у Р. Никольсона: „A literary history of the Arabs“ (Лонд. 1907), стр. 12—14.

ствовали бы прямо, что въ теченіи V вѣка Йемень поддерживалъ политическія отношенія съ имперіей Сасанидовъ. Однако, судя по тому, что случилось вѣкъ спустя, мы имѣемъ право думать, что и въ V вѣкѣ йеменскіе цари чувствовали большее политическое тяготѣніе къ персидской державѣ Сасанидовъ, чѣмъ къ Восточно-Римской имперіи¹⁾. Что касается Абиссиніи, то про нее, напротивъ, мы и безъ догадокъ очень опредѣленно знаемъ, что она свои политическіе интересы соединила именно съ интересами Восточно-Римской имперіи, а никакъ не съ сасанидскими. И этому содѣйствовалъ еще одинъ факторъ, религиозный, въ силу котораго не остывавшая политическая рознь между Абиссиніей и Йеменомъ, или вѣрнѣе—между ихъ правительствами, продолжала въ теченіи V вѣка подогрѣваться. Этотъ религиозный факторъ было христіанство.

Еще въ половинѣ предыдущаго IV вѣка прибыли въ Аксѹмъ христіанскіе миссіонеры изъ византійскихъ предѣловъ (въ которые входилъ и Египетъ), и скорѣ Абиссинія (или, какъ она себя съ этихъ поръ обыкновенно величаютъ по книжному, Эѳіопія) не только сама приняла христіанство, но успѣла его распространить и въ разныхъ пунктахъ южной Аравіи—такихъ, какъ йеменскіе Наджранъ и 'Аденъ²⁾. Если и раньше мы видѣли тяготѣніе языческой Абиссиніи къ Риму, то отнынѣ христіанская Абиссинія-Эѳіопія своими политическими симпатіями вполне естественно должна была примкнуть къ кругу интересовъ Восточной Римской имперіи, которая тогда для христіанскаго востока являлась такимъ же оплотомъ, какъ, положимъ, теперь Россія. А йеменцы? Въ силу реакціи противъ своихъ враговъ-эѳіоповъ, извѣстная часть патриотовъ-йеменцевъ не могла испытывать большого влеченія къ христіанству, и въ то время, какъ одна часть йеменцевъ (наджранцы, 'аденцы на первомъ мѣстѣ) исповѣдывали въ Йеменѣ христіанство, эта первая, абиссинофобская, часть держалась своей религіи языческой или поддавалась еще одному религиозному теченію—пропагандѣ іудейской, давно уже проникавшей сюда съ сѣвера³⁾. Пропагандѣ іудейства, проникавшаго въ Аравію, содѣйствовало то обстоятельство, что іудейская пропаганда въ Аравіи успѣвала, насколько это для іудейства возможно, лишиться своей націоналистической, специально-еврейской окраски и, пожалуй, являлась скорѣе просто монотеизмомъ.

Какое же положеніе по отношенію къ обѣимъ религіямъ, проникавшимъ въ страну, христіанству и іудейству, занято было йеменскимъ правительствомъ, хымъярскими то б б а м и?

¹⁾ Срвн. соображенія М. Хартманна: *Der islam. Orient*, II (1909), стр. 48 и стр. 509—экскурсъ N 129.

²⁾ Христіанство, сверхъ того, распространялось въ Йеменѣ и черезъ Сирію обращеніе Наджрана приписывается именно сирійцу, св. Феміону (فیمیون); имѣлъ Йемень христіанскія отношенія и съ Нижней Месопотаміей.

³⁾ Арабы-іудеи извѣстны были на сѣверѣ задолго до этого. Въ „Дѣяніяхъ Апостоловъ“ (гл. II, стихъ 11) отмѣчено, что въ числѣ людей іудейской религіи, пришедшихъ въ Іерусалимъ на праздникъ Пятидесятницы (и, конечно, Пасхи), были арабы. Вѣроятно, это были арабы изъ Набатен.

Тоббы, въ продолженіи V вѣка, склонились къ еврейству, а не къ христіанству. Причинъ могла быть далеко не одна, а нѣсколько.

Возможно, что симпатія къ іудейству, отчасти, вытекала и изъ личнаго, внутренне-религіознаго убѣжденія тоббовъ. Намекъ на это дается легендой, сообщаемой арабскими историками ¹⁾, про одного изъ тоббовъ ²⁾, который привезъ въ Йеменъ изъ Медины двухъ раввиновъ-чудотворцевъ: самъ тобба' по чистому убѣжденію принялъ еврейство еще въ Мединѣ, — гласитъ легенда, — а его подданные отъ души послушались проповѣди двухъ привезенныхъ раввиновъ тогда, когда тѣ, со Священнымъ Писаніемъ на головѣ, безбоязненно прошли сквозь разожженный огонь и остались вполнѣ невредимы ³⁾. Политическая антипатія тоббовъ къ христіанству, какъ къ религіи Византіи и Абиссиніи, тоже должна была содѣйствовать симпатіи тоббовъ къ іудейству. Очень вѣроятно также, что счеты тоббовъ съ мѣстными, всегда непокорными въ своихъ замкахъ феодалами ⁴⁾ могли въ свою очередь оказывать вліяніе на выборъ религіи: кажется, что къ христіанской религіи эіюповъ съ особенной охотой тянулись именно йеменскіе феодалы, для которыхъ періодъ абиссинскаго вторженія и владычества въ 300—370 гг. былъ, очевидно, періодомъ свободы отъ самодержавной власти царя, а изгнаніе абиссинцевъ тоббою ок. 370 г. — эпою обратнаго стѣсненія отъ него; значить, еще и по этой допустимой причинѣ христіанство могло быть для тоббовъ неслишкомъ симпатично. Наконецъ, очень не лишена основанія и остроумная догадка М. Хартманна, что, сверхъ внѣшняго политическаго антагонизма тоббовъ къ христіанской Эіюніи, въ ихъ предпочтеніи къ еврейству сыграла значительную роль одна внутренняя политико-экономическая причина: необходимость для тоббовъ бороться противъ своихъ непокорныхъ феодальныхъ вассаловъ средствами экономическими ⁵⁾. Финансовая жизнь Йемена въ V вѣкѣ была достаточно сложна; хозяйство было

¹⁾ Ибнъ-Хишамъ (ум. 834): „Жизніе Посланника“, изд. Вюстенфельда, стр. 13—17; вкратцѣ у Ибнъ Котейбы (ум. 889): „Книга свѣдѣній по исторіи“, изд. Вюстенфельда 1850, стр. 310 (= египет. изд. 1300—1883, стр. 212—213); Табарій (ум. 923), лейд. изд. I, 905; Ма'удій (ум. 956): „Золотые луга“, гл. 43, по парижск. изд. т. III, стр. 155; Хамза Исфаханскій (961): „Лѣтопись“, отдѣлъ VIII, по изд. Готтвальда, стр. 131 араб. = 144 лат. (Лейпц. 1848).

²⁾ Для выясненія его хронологіи см. М. Хартманна: *Der islam. Or.*, II (1909) стр. 485 (и 506). У арабскихъ историковъ имя его „Тобба' ибнъ-Хассанъ“.

³⁾ Поэтому я считаю недопустимымъ категорическое отрицаніе Хартманномъ всякаго религіознаго убѣжденія у тоббовъ въ дѣлѣ принятія ими іудейства: „Diese religiöse Richtung“, голословно утверждаетъ онъ, „war eine Frage politischer Opportunität; von Ueberzeugung war da keine Rede“ (*Der islam. Or.*, II, 1909, стр. 45).

⁴⁾ о которыхъ см. извѣстную работу Д. Х. Мюллера (1879—1881), основанную на Хамданіи (ум. 945). У насъ стр. 22 и 21.

⁵⁾ М. Hartmann: *Der islam. Orient*, II (1909), 45—47; срви. еще стр. 49 и замѣчаніе на стр. 506: „Meine Konstruktion hat vorläufig keine Stütze in den Denkmälern oder anderen Urkunden; sie scheint mir aber das einfachste Mittel zu sein, um den Uebertritt süd-arabischer Könige zum Judentum, der gut bezeugt ist, zu erklären“.

здѣсь не какое-нибудь первобытно-натуральное, сдѣлки велись на чужденныя мѣстныя деньги ¹⁾, и финансовому уму было надъ чѣмъ поработать. Евреи, хорошіе финансисты, хорошіе назначен, международные коммерсанты, должны были содѣйствовать монополизированію капитала въ царско-правительственныхъ рукахъ и парализовать денежную силу феодаловъ. Что феодалы, такимъ образомъ, не могли воспылатъ сочувствіемъ къ еврейству, это само собою разумѣется.

Не только явное, но прямо наступательное торжество іудейства на йеменскомъ престолѣ мы видимъ ок. 520 г., когда іудействующей партіи въ Йеменѣ удалось возвести на южно аравійскій престолъ дѣятельнаго своего ставленника, воинственнаго Юсифа Зу-Новаса (520—525). Новый тобба оказался активнымъ большимъ врагомъ христіанъ, а такъ какъ въ христіанскомъ городѣ Наджранѣ, который со своими окрестностями былъ послѣднимъ оплотомъ эѳіоповъ въ южной Аравіи, умеръ какъ-разъ тогда намѣстникъ, то Зу-Новасъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Подъ случайнымъ предлогомъ (наджранцы, будто бы, убили двухъ іудейскихъ дѣтей), Зу-Новасъ выступилъ въ походъ, завладѣлъ городомъ Наджраномъ и Наджранскимъ округомъ и потребовалъ, чтобы жители отреклісь отъ христіанства и приняли іудейство. За нежеланіе отречься отъ христіанства казнено было 320 знатныхъ наджранцевъ; вообще же цифра христіанъ погубленныхъ въ Наджранѣ Зу-Новасомъ (523), гиперболически опредѣляется сказаніями (напр., у Табарія) въ 20.000 человекъ.

Источники:

Гоненіе Зу-Новаса на йеменскихъ (Наджранскихъ) христіанъ ярко представлено, между прочимъ, въ современномъ сочиненіи (писанномъ въ 524 году въ Хирѣ, на Ефратѣ, въ видѣ посланія) монофизита-сиріянина Симеона изъ Бейтъ-Аршамы ²⁾. Этотъ Симеонъ Бейтъ-Аршамскій (ум. до 548 г.) — одинъ изъ немногихъ тогда монофизитовъ, жившихъ въ Персіи, которая, какъ извѣстно, была главнымъ пристанищемъ не для монофизитовъ, а для ихъ враговъ-несторіанъ. Особаго историческаго безпристрастія въ сообщеніяхъ Симеона о Наджранскомъ гоненіи 523-го года предположить намъ нельзя, потому что другое сочиненіе этого же Симеона Бейтъ-Аршамскаго, объ извѣстномъ несторіанскомъ „дикомъ кабанѣ“ Бар-

¹⁾ О нихъ см. замѣтку: „Münzwesen“ у М. Хартманна въ „Der isl. Orient“, II (1909), 506—507, полезнымъ дополненіемъ къ которой остается и то болѣе старое, что сказано у Моммсена: „Римская исторія“, т. V (М. 1885), стр. 594.

²⁾ Изд. съ итал. перев. И. Гвиди: *La lettera di Simeone vescovo di Beth-Arsham sopra i martiri Omeriti* (1881), оттискъ изъ „*Memorie della Accademia Reale dei Lincei*“ (стр. 471 и слѣд.). Переизд. Бежанъ въ I томѣ „*Acta martyrum et sanctorum*“ (Пар. 1890). У Нельдеке въ „*Gesch. der Perser und Araber aus Tabari*“ (Лейд. 1879) на стр. 185 перечислены болѣе старыя изданія этого письма Симеона Бейтъ-Аршамскаго, начиная съ Ассеманіевой „*Bibliotheca Orientalis*“ I, 364 и слѣд. Къ литературѣ объ этомъ послѣднемъ надо добавить статью I. Мордтманна въ „*Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges.*“, т. 35 (= 1881), стр. 693 и слѣд., и соответствующее мѣсто въ диссертациі Г. Рагнштейна „*Die Dynastie der Lachmiden in al-Hira. Ein Versuch zur arabisch-persischen Gesch. zur Zeit der Sasaniden*“ (Берл. 1899) стр. 80.

Савмѣ (изгнанномъ въ 457 г. изъ Эдессы) ¹⁾ и о возникновеніи несторіанства, кишитъ прямо несомнѣнными, явными извращеніями, подрывающими довѣріе къ объективности автора вообще.

Письмо Симеона рано было переведено на греческій языкъ. Впрочемъ, помимо Симеона, оказались и другіе источники свѣдѣній о гоненіи христіанъ Зу-Новасомъ—у историковъ греческихъ и сирскихъ ²⁾, отъ которыхъ, равно какъ изъ устныхъ арабскихъ преданій, обстоятельныя свѣдѣнія попали затѣмъ и къ историкамъ арабскимъ. Среди говорящихъ объ этомъ арабскихъ историковъ можно отмѣтить ибнъ-Хишâма (ум. 834, въ „Житіи Пророка“) ³⁾, ибнъ-Котейбу (ум. 889) ⁴⁾, обстоятельнаго Табарія (ум. 923) ⁵⁾, Мас'удія, ум. 956) ⁶⁾, законическаго Хамзу Испаханскаго (961) ⁷⁾.

85-ая сура Корана, сообщающая о мученикахъ во рву огненномъ, относится по многимъ комментаторамъ тоже къ наджрâнскимъ мученикамъ время Зу-Новаса, и всѣ перечисленные историки (ибнъ-Хишâмъ и проч.) слѣдуютъ этому мнѣнію коранскихъ комментаторовъ. Положимъ, едва-ли комментаторы въ этомъ случаѣ правы (срв. у меня въ „Старѣйшихъ сурахъ Корана“, М. 1905, стр. 204—205), и вѣроятно будетъ думать, что Мохаммедъ имѣлъ въ виду библейскихъ трехъ отроковъ въ печи Вавилонской; но, разъ комментаторское преданіе приурочило эту 85-ую суру къ Зу-Новасу, то историческія свѣдѣнія о Зу-Новасѣ оказались собраны и во всѣхъ толкованіяхъ на Коранъ, (при сурѣ 85-ой, стихи 4 и слѣд.); а изъ числа толкованій особенно интересенъ старѣйшій огромный сводный „Тафсір“ знаменитаго Табарія (ум. 923), того самаго, что извѣстенъ и своимъ историческимъ колоссальнымъ сводомъ. Здѣсь же мы упомянемъ однородныя сообщенія въ „Кысаасъ аль-анбийâ“ (= „Повѣствованія о пророкахъ“) коранскаго комментатора Талябія Нишанурскаго (ум. 1036); см. по егип. изд. 1297—1880, стр. 421 и слѣд.

Критическія работы европейцевъ о Зу-Новасовомъ гоненіи и о послѣдовавшихъ политическихъ событіяхъ отмѣчены у насъ нѣсколько ниже, на стр. 27.

Такъ какъ Зу-Новасъ заранѣе могъ ожидать, что ээіоны не оставятъ всего этого безнаказаннымъ, то онъ, повидимому, задумалъ завязать дружественныя отношенія съ сильнымъ врагомъ Византіи—Персіей. По крайней мѣрѣ, онъ

¹⁾ Про несторіанина Баръ-Савму, въ связи съ исторіей несторіанства въ Персіи, см. у меня въ „Семитскихъ языкахъ и народахъ“, ч. II (1910), стр. 181—182. О Симеонѣ см. тамъ же, стр. 187.

²⁾ Boissonade: *Anecdota graeca*, V, 1 и слѣд.; R. Duval: *Littérature syriaque* (1907), 136 и слѣд.

³⁾ У ибнъ-Хишâма см. по изданію Вюстенфельда, стр. 23—28 = нѣм. пер. Вейля (1864), т. I, 16—21. Трудъ ибнъ-Хишâма есть лишь редакція труда ибнъ Исхâка (ум. 768).

⁴⁾ У ибнъ-Котейбы см. „Ма'âрифъ“ егип. изд. 1300 = 1883, стр. 213—214.

⁵⁾ У Табарія см. про гоненіе христіанъ Зу-Новасомъ по лейденскому изданію серія I, т. II, стр. 925 и слѣд. Переведено у Нельдеке въ „Gesch. der Perser und Araber, aus Tabari“ (1879), стр. 185 и слѣд.

⁶⁾ У Масудія см. о Зу-Новасѣ, по парижск. изд., т. I, 129, а также т. III, 156 (въ главѣ 43-ей: „О Йеменѣ и царяхъ его“).

⁷⁾ У Хамзы Испаханскаго см. по изданію Готтвальдта стр. 133 араб. = 105—106 латин. (Лпц. 1848).

о наджранскихъ дѣлахъ написалъ увѣдомленіе Мюнзыру III (505—554), царю вассально-персидскаго арабскаго царства Хирскаго на нижнемъ Ефратѣ.

А эіопскій негусъ тѣмъ временемъ получилъ побужденіе и помощь отъ Византіи, отъ императора Юстина I (518—525); потомъ эту же политику продолжалъ и Юстиніанъ I Великій (527—565). Императоръ Юстинъ I, когда къ нему бѣжали христіане-йеменцы, спасшіеся отъ кроваваго Зу-Новасова истребленія 523 г., самъ писалъ письмо къ негусу, побуждая его вторгнуться въ ожидавшій Йемень и завоевать его. Византія, понятно, находила очень выгоднымъ для себя, чтобы въ Йеменѣ оказалось преданное Византіи государство, которое, съ юга, могло бы оказывать противодѣйствіе ненавистному для византійцевъ грабительскому арабскому царству Хирскому.

И вотъ, на византійскихъ судахъ, эіопы въ 525 году высадились съ войскомъ на югъ Йемена, у суроваго мыса Хыснъ-Горабъ («твердыня ворона»), подъ начальствомъ лица, которое у мусульмано-арабскихъ историковъ носитъ имя Арйатъ ¹⁾ اریاط. Тѣ изъ йеменцевъ, которые не питали склонности къ жидовствующимъ, стали на сторону вторгшихся эіоповъ. Зу-Новасъ былъ побѣжденъ и погибъ ²⁾, и вмѣсто прежнихъ тоббовъ надъ Йеменомъ сталъ во главѣ абиссинскій намѣстникъ (525). Сперва это былъ членъ царскаго йеменскаго дома, но вскорѣ же былъ замѣненъ природнымъ абиссинцемъ Абраһою (Авраамомъ).

Съ этихъ поръ Йемень, можно сказать, пересталъ существовать, какъ самостоятельное государство.

Въ дополненіе къ бібліографіи источниковъ (стр. 25-26) укажемъ особія.

Критическій обзоръ сообщеній о преслѣдованіи христіанъ въ Йеменѣ и войнахъ абиссинцевъ съ йеменцами данъ у Винанда Фелля: *Christenverfolgung in Süd-Arabien und die himjarisch-aethiopischen Kriege*—въ *Zeitschrift d. Deutsch. Morg. Ges.* 1881 (т. XXXV), стр. 1—74.

Очеркъ предшествующихъ событій см. у Друэна [Drouin] въ *„Revue Archéologique“* 1882, сент., стр. 153—172.

Что касается болѣе старыхъ европейскихъ обработокъ, то, не говоря ужъ объ *„Essai sur l'histoire des Arabes“* Коссенъ-де-Персевала, т. I (1847), стр. 128—133, очень не надо забывать эпохальнаго труда Т. Нельдеке: *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari, übersetzt und mit ausführlichen Erläuterungen versehen von Theodor Nöldeke* (Лейд. 1879). Въ частности см. его примѣчанія къ стр. 185—204. То, что мы находимъ у Р. Никольсона: *„A literary history of the Arabs“* (Л. 1907, стр. 26—28), есть лишь сокращеніе изъ книги Нельдеке.

¹⁾ Но въ надписи высадившихся, которую они оставили на Хыснъ-Горабѣ въ 525 г., такого имени мы не находимъ.—Да и у мусульманскихъ историковъ имя это не всегда пишется „Арйатъ“: встрѣчаются рукописи, гдѣ есть чтеніе „Арбатъ“ ارباط, о чемъ см. у Нельдеке: *„Gesch. der Perser und Araber aus Tabari“* (Лейд. 1879), стр. 190. Нельдеке готовъ, хотя съ нерѣшительностью, допустить сближеніе имени „Арйатъ“ съ гречизированнымъ именемъ Ἀρείθας.

²⁾ По разсказу Табарія (лейд. изд. I, 927: 19 сл.), побѣжденный Зу-Новасъ въ отчаяніи бросился верхомъ на конѣ въ море и былъ поглощенъ волнами. Срв. у Мас'удія, по парижск. изд., т. III, 156—157.

Йемень подъ чужимъ владычествомъ въ теченіи столѣтія передъ исламомъ.

Абраха, эоипскій намѣстникъ (ок. 525—570) и его замѣчательная культурная дѣятельность. Царевичъ Сейфъ ибнъ-Зу-Йазанъ и прибытіе персидскаго флота (ок. 572). Йемень—персидское намѣстничество (597—628). Подчиненіе Мохаммеду.

Во время оккупации Йемена эоипами (525) въ Персіи царствовалъ шахъ Кавадъ I (489—531), отецъ великаго Хосрова I Ануширвана. До конца его царствованія южная Аравія оставалась подъ властью Эоіопіи и безбоязненно продолжала оставаться подъ ея властью и при Хосровѣ I Ануширванѣ (531—579),—въ общемъ, полстолѣтія. А въ Византійской имперіи царствовалъ въ это время славный современникъ и соперникъ Ануширвана императоръ Юстиніанъ I Великій (527—565), покровитель эоіоповъ. Резиденціей эоіопскаго намѣстника былъ городъ Са'а, съ замѣчательной роскошной церковью, которая блистала золотомъ и чудными красками. По словамъ мусульманскаго преданія, мозаика, мраморъ и самые мастера присланы были для созданія этой пышной церкви изъ владѣній византійскаго императора ¹⁾.

Мусульмано-арабскимъ преданіемъ это пятидесятилѣтнее владычество Эоіопіи надъ Йеменомъ представляется, какъ періодъ страшнѣйшаго угнетенія туземцевъ. И особенно жестокимъ тираномъ представленъ въ преданіяхъ самъ намѣстникъ 'Абра'а (ок. 525—570). Но справедливо ли?

Пожалуй, Абра'а можетъ считаться виновникомъ гибели царя Зу-Новаса ²⁾. Вполнѣ вѣроятно также, что онъ, водворяясь, совершилъ далеко не одну тяжелую расправу съ провинившимися. Слишкомъ возможно и то, что еврейскіе капиталисты-финансисты, съ его водвореніемъ, подверглись обычному въ такихъ случаяхъ «погрому» и, убѣгая въ сѣверную Аравію (въ Мекку, въ единовѣрную Медіну), имѣли основаніе рассказывать о звѣрствахъ Абра'а крайніе ужасы. Да только, при всемъ этомъ, оказывается, что въ культурномъ отношеніи правленіе Абра'а было для Йемена очень плодотворнымъ.

Эдв. Глазеръ открылъ въ Ма'рибѣ и издалъ въ 1897 г. съ толкованіемъ большую надпись Абра'а 542—543 года ³⁾, откуда видно, что эоіпскій намѣстникъ сослужилъ Йемену чрезвычайно полезную службу: энергично и спѣшно (при помощи солдатъ въ томъ числѣ) Абра'а поправилъ знаменитую оросительную Ма'рибскую плотину, которая при немъ (въ 542 году) прорвалась и,—это и раньше ужъ бывало ⁴⁾—грозила разореніемъ странѣ.—«Силою и ми-

¹⁾ Нельдеке, касаясь этого извѣстія у Табарія („Gesch. der Perser und Araber, aus Tabari“, 1879, стр. 205), не находитъ невѣроятнымъ факта присылки византійскихъ мастеровъ въ Йемень. И мы изъ исторіи кievской Руси XI вѣка знаемъ подобные же факты.

²⁾ Срв. надпись J. Halévy, 63: 7=Hommei въ „Enz. des Islâm“, 1910, вып. 7, стр. 395, 6: 20—21.

³⁾ Edw. Glaser: „Zwei Inschriften über den Dambruch von Marib“ въ серіи: „Mittheilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft“ 1897, 6.

⁴⁾ См. выше, стр. 15—16 и стр. 7.

лостью и милосердіемъ Милосерднаго («рахманъ») и Христа его и святого Духа, написалъ на кампѣ эту надпись Абраха, намѣстникъ гэзскаго (=аксумскаго) царя Рамхиса Зу-би-Йамана, царя Сабейскаго, Зу-Рейданскаго, Хадрамаутскаго и всего Йемена («Йаманат»¹⁾), — такъ начинается этотъ замѣчательный памятникъ, и далѣе, въ числѣ прочаго, даетъ интересныя свѣдѣнія о посольствахъ, которыя присутствовали на торжественномъ празднованіи окончанія работъ. Оказывается, присутствовали здѣсь всѣ йеменскіе владѣтели, успокоившіеся послѣ своихъ мятежныхъ волненій; были послы отъ самаго царя ээіонскаго, отъ соперничающихъ великихъ державъ Византіи и Персіи («Рум» и «Фарс»), отъ соперничающихъ окраинныхъ арабскихъ царьковъ — вассально-персидскаго Мюнзыра III Хирскаго («Мюдзиранъ») и вассально-византійскаго Хариса ибнъ-Джабали Гассанскаго.

Такіе факты едва ли могутъ говорить о нестерпимой тяжести ээіонскаго владычества надъ южной Аравіей. Ненавистенъ остался Абраха въ памяти арабовъ (не только евреевъ), вѣроятно, больше всего за свой походъ на сѣверъ, и въ томъ числѣ на Мекку, — походъ, предпринятый, повидимому, съ цѣлью вторгнуться въ сферу вліянія Персіи, а по мнѣнію преданія — съ цѣлью уничтожить тамошній языческій пантеонъ Ка'бу и ввести христіанство. Его войско сопровождали слоны, — животныя, неизвѣстныя въ Меккѣ. Походъ «слоповьяго» Абрахи на Мекку оказался неудаченъ: абиссинцы, اصحاب الغيل²⁾, во время осады города, пострадали не то отъ чумы, не то, скорѣе, отъ оспы (отъ стаи чудесныхъ птицъ ابا جیل, по Корану, 105: 3) и вернулся въ Йемень ни съ чѣмъ. По преданію, это случилось около 570 года; возможно, что и раньше.

Около этого же 570 года отправился въ отдаленную Персію просить помощи противъ абиссинцевъ послѣдній принцъ свергнутой хымъярской династіи, потомокъ Зу-Новаса, прославленный герой Сейфъ, сынъ Зу-Йазана.

Сейфъ ибнъ Зу-Йазанъ سيف بن ذي يزنъ навсегда остался въ арабской поэзіи идеаломъ и символомъ храбраго витязя, до самыхъ новыхъ временъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ позднихъ поэтовъ, Абуль-Бакъ Рондскій, оплакивая паденіе Севильи, завоеванной Фердинандомъ III Святымъ (1248), и отмѣчая бренность всего существующаго на свѣтѣ, говоритъ, что всякій мечъ («сейфъ» سيف) долженъ въ концѣ концовъ прійти въ негодность, „будь этотъ мечъ (сейфъ) самъ Сейфъ ибнъ Зу-Йазанъ“.

„Wa йантады кюлю сейфин ли-ль-фанâ'и wa лав

„Кана бна зі-Йазани.....

Путемъ школьнаго воспитанія этотъ образъ, содержащій въ себѣ игру словъ, употребляется арабскими поэтами до сихъ поръ, вплоть до нашихъ дней.

Сейфъ ужъ передъ тѣмъ долго, но напрасно, боролся противъ ээіоновъ — и теперь обратился съ просьбой о помощи къ Хосрову I Ануширвану. Для

¹⁾ Огласовка послѣдняго слова возможна, конечно, и иная (срв. замѣчаніе Хартманна въ „Der Islam. Org.“ II, 1909, стр. 161). Мнѣ лично чтеніе съ окончаніемъ „атъ“ (съ долгимъ â) представляется наиболѣе естественнымъ (fem. plur.).

²⁾ Коранъ, сура 105: 1.

этого онъ, какъ говорятъ, обезпечивши себѣ рекомендацію хирскаго царя, прибылъ самъ лично вмѣстѣ съ хирскимъ царемъ въ столицу шаха Ктесифонтъ на р. Тигръ¹⁾. Хосровъ I Ануширванъ, послѣ колебаній, отправилъ въ Йемень, въ Адень, по морю (этотъ способъ переѣзда собственно и былъ причиною колебаній Хосрова) небольшое персидское войско, человекъ въ восемьсотъ (ок. 572 г.) подъ начальствомъ Ваһриза. Приѣзжее это войско было усилено на мѣстѣ тѣми йеменцами, которые не могли примириться съ господствомъ абиссинцевъ. Соединенными персидскими и мѣстными силами абиссинцы-эіопы безъ труда были прогнаны. Преданный персамъ Сейфъ былъ водворенъ на йеменскомъ престолѣ.

Да только, онъ черезчуръ сильно началъ притѣснять оставшіяся въ странѣ эіопскій элементъ населенія, и былъ убитъ. Возобновилась смута. Абиссинцы вновь завладѣли было странюю. И тогда Ваһризь (ок. 597?) присоединилъ Йемень къ Ирану, ввелъ здѣсь персидскую податную систему и сдѣлался шахскимъ намѣстникомъ этой области. Въ Персіи въ это время эффектно царствовалъ Хосровъ II Первизъ (590—628), который вообще счумѣлъ побѣдоноснымъ, хотя эфемернымъ, образомъ расширить предѣлы иранскаго владычества до самыхъ отдаленныхъ краевъ: сухопутныя войска персовъ, покоривши византійскую Сирію съ Палестиною, прошли дальше и присоединили къ хосроевымъ владѣніямъ новую провинцію, Египетъ²⁾, морское войско еще раньше присоединило провинцію Йемень.

Однако, если въ Египтѣ персидское правительство не продержалось и пятилѣтія (до 618), то въ Йеменѣ персидскіе намѣстники преемственно оставались вплоть до Мохаммеда. Послѣ Ваһриза это были преимущественно потомки Ваһриза же и прозывались у арабовъ «аль-абна», т. е. «сыновья». Впрочемъ, вслѣдствіе отдаленности страны отъ Ирана и нелюбви персовъ къ морскимъ переѣздамъ, власть Ирана надъ Йеменомъ осталась больше номинальной, чѣмъ реальной, и «сыновья», жившіе въ главномъ йеменскомъ городѣ Сан'а, мало вмѣшивались въ дѣла отдѣльныхъ мелкихъ йеменскихъ князьковъ, или царьковъ.

Послѣдній персидскій намѣстникъ, поставленный шахомъ Хосровомъ II Первизомъ, назывался Базанъ. Послѣ смерти Хосрова II (уб. 628) Базанъ принялъ новопронвѣданную религію, мусульманство, и призналъ верховную власть хиджазскаго пророка Мохаммеда. Въ повомъ, исламскомъ, государствѣ Йемень, нѣкогда славный, блестящій, могущественный, занялъ совершенно второстепенное мѣсто.

¹⁾ См. у Нельдеке: „Gesch. der Perser und Araber, aus Tabari“ (1879), стр. 231 и у Г. Ротштейна: „Die Dynastie der Lachmiden in al-Hira. Ein Versuch zur arabisch-persischen Geschichte zur Zeit der Sasaniden“ (Берлинъ 1899), стр. 80.

²⁾ См. у меня въ „Исторіи Сасанидовъ“ (М. 1905), стр. 126—127.

Къ археологіи Іудеи.

Дѣйствительнаго члена Общества *И. Я. Стеллецкаго.*

а) На поискахъ крѣпости Йотапаты.

Йотапата—знаменитая іудейская крѣпость, находившаяся въ неприступныхъ горныхъ тущобахъ Галилеи, къ сѣверу отъ Назарета. Прославилась геройской защитой противъ грозныхъ римскихъ легионовъ Веспасіана въ послѣднюю «Іудейскую войну», подробно описанную историкомъ Іосифомъ Флавіемъ, очевидцемъ и главнымъ защитникомъ осажденной крѣпости.

Йотапата издавна возбуждала собою вниманіе археологовъ и туристовъ, но немногимъ удалось посѣтить ея развалины за чрезвычайной трудностью доступа къ нимъ. Широкой публикѣ она вовсе неизвѣстна; даже путеводители по Сиріи и Палестинѣ, въ томъ числѣ извѣстнаго Бедекера, совсѣмъ о ней не упоминаютъ. Существуетъ даже мнѣніе, что крѣпость находилась не тамъ, гдѣ ее показываютъ ¹⁾. Я, находясь въ Сиріи, рѣшилъ провѣрить вопросъ фактически и предпринялъ дважды попытки отыскать подлинную Йотапату, которую раньше посѣтили Шульцъ, въ 1847 году, и, позже, Робинсонъ.

Первое путешествіе, предпринятое мною въ 1906 г., въ сопровожденіи каваса-араба, кончилось неудачей: мы, путники, заблудились въ горахъ и только къ ночи попали—въ Назаретъ.

Годъ спустя, на поиски Йотапаты я отправился вторично, на этотъ разъ съ учителемъ-арабомъ русской школы ²⁾, но лишь къ вечеру того дня намъ удалось, наконецъ, найти ее. Это обстоятельство, а также рѣшительное неже-

¹⁾ См. нѣкоторое колебаніе, въ указаніи мѣстоположенія Йотапаты, и въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, полутомъ 26 (Спб. 1894), стр. 765.

²⁾ Въ Назаретѣ, какъ извѣстно, есть школа Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, съ пансіономъ.

ланіе спутника - араба почевать въ дикой и безлюдной мѣстности, помѣшали мнѣ изслѣдовать историческую руину въ томъ масштабѣ, въ какомъ слѣдовало бы. Все же, произведеннымъ изслѣдованіемъ я установилъ съ несомнѣнностью нахожденіе древней крѣпости именно въ этомъ мѣстѣ.

Городъ - крѣпость Йотапата былъ расположенъ на кругломъ холмѣ, соединяющемся съ высокою горою Дейдебе узкимъ перешейкомъ въ видѣ моста и круто обрывающемся съ трехъ сторонъ въ глубокую долину Баттуфъ.

Посреди холма возвышается на семь аршинъ круглая голая скала съ плоскою вершиною, на которой обнаружено четыре глубокихъ кувшинообразныхъ цементированныхъ цистерны; двѣ изъ нихъ, прикрытыя камнями, содержали воду.

Вокругъ скалы - «акрополя», по склонамъ холма, обнаружено одиннадцать обширныхъ искусственныхъ пещеръ-комнатъ, съ каменными лѣстницами, внутренними переходами, опорными колоннами и цементированными стѣнами.

Нѣкоторыя изъ пещеръ окрестными пастухами обращены въ загонъ для овецъ.

Поздній часъ не позволилъ мнѣ сдѣлать фотографическіе снимки, рисунки и пр., тогда какъ на стѣнахъ и камняхъ возможно нахожденіе надписей, а внутри пещеръ и въ окрестностяхъ — нахожденіе другихъ какихъ-либо цѣнныхъ памятниковъ кипѣвшей нѣкогда тамъ жизни.

Нынѣшней замѣткой я желаю вновь привлечь вниманіе археологовъ Іудеи къ Йотапатѣ, особенно русскихъ археологовъ.

II.

Подземный Іерусалимъ.

Въ мірѣ не найдется уголка, столь богатаго пустотами, искусственными и природными, какъ Палестина. Палестинскія пещеры уже съ отдаленныхъ временъ троглодитовъ служили мѣстами обитанія человѣка. Позднѣе, съ развитіемъ культуры, для той же цѣли человѣкомъ высѣкались въ скалистой почвѣ Палестины искусственные гроты, подземные ходы, цѣлые удивительные города, какъ знаменитая Петра Аравійская.

Эти краснорѣчивые памятники таинственного прошлаго еще ждутъ своего Колумба, а пробуждающійся къ нимъ интересъ въ обществѣ говоритъ за то, что близится ихъ очередь.

Тѣ слабыя попытки, какія до сихъ поръ сдѣланы учеными въ этомъ направленіи, намѣчаютъ контуры грандіозной картины, имѣющей развернуться вскорѣ во всю ширь передъ взорами изумленнаго наблюдателя.

Подземному Іерусалиму, безспорно, принадлежит первое мѣсто, какъ одному изъ древнѣйшихъ на землѣ.

Главная роль въ раскрытіи подземныхъ тайнъ тысячелѣтняго города принадлежитъ европейцамъ. Робинсонъ, Портеръ, Бонаръ, Варренъ, Вогюзъ, Паркеръ и др. не мало сдѣлали въ этомъ отношеніи и успѣли значительно освѣтить «подземную тьму» Іерусалима.

Грандіозныя цистерны въ видѣ обширныхъ сводчатыхъ палатъ съ колоннами, древніе акведуки-ходы, таинственные колодцы бездонной глубины, загадочные тоннели съ колоннами и заложеными дверями—таковъ подземный Іерусалимъ, въ которомъ легенда, народный вымыселъ, тѣсно переплетаются съ дѣйствительностью.

Ключемъ къ подземнымъ тайнамъ библейскаго города служитъ мечеть Омара, сооруженная на мѣстѣ храма Соломонова въ VII в.

Соломонъ, какъ извѣстно, непременно хотѣлъ построить свой храмъ на священной горѣ Моріа. А такъ какъ послѣдняя была слишкомъ для этого мала, то онъ пристроилъ къ ней обширную искусственную площадь, утвердивъ ее на (высокихъ столбахъ) высокихъ, суживающихся кверху столбахъ.

Подземелье подъ этой площадью извѣстно подъ именемъ «конюшенъ царя Соломона»; или, — нѣсколько преувеличенно, — «подземелья трехъ тысячъ колоннъ», хотя тамъ и насчитывается до пятнадцати рядовъ четырехугольных полуарочныхъ столбовъ.

Уровень подземелья постепенно повышается къ сѣверу, гдѣ оно завалено землею и задѣлано стѣною новѣйшей постройки. Между тѣмъ, тамъ расположены древнѣйшія цистерны, указываемыя преданіемъ и упоминаемыя Тацитомъ.

Историкъ Іосифъ Флавій говоритъ, что въ въ подземельяхъ Соломоновыхъ осажденные находили вѣрное убѣжище и пріютъ, такъ какъ особыми подземными ходами отсюда могли сообщаться съ крѣпостью Сіона.

Любопытныѣ ходы имѣются подъ скалою Моріа, лежащей подъ особымъ балдахиномъ посреди мечети. Черезъ небольшое отверстіе въ ю.-в. углу скалы проникаютъ въ подземную палату, до 10 м. въ діаметрѣ, нынѣ оштукатуренную и освѣщаемую люстрами.

Здѣсь показываютъ гробницы Авраама, Давида, Соломона, Георгія Побѣдоносца, а также одну плиту, издающую, при ударѣ, характерный звукъ пустаго подъ нею пространства.

Это—знаменитый у мусульманъ колодезь, «источникъ душъ», съ которымъ связано столько легендъ!

Какъ объяснить его происхождение?

Отвѣтъ содержитъ библейское сказаніе (1 Пар. XXII, 1), будто скала Моріа служила «Жертвенникомъ всесоженія». Въ такомъ случаѣ, подземная

палата служила резервуаромъ для стока жертвенной крови, откуда послѣдняя черезъ колодезь, особыми каналами, изливалась въ Бедронскій потокъ.

Кстати упомянуть о напумѣвшей въ прошломъ году исторіи, связанной съ «Источникомъ душъ».

Народная молва о послѣднемъ побудила англійскую ученую экспедицію, работавшую, подъ руководствомъ Паркера, надъ изслѣдованіемъ холма Офель, лежащаго къ югу отъ городской стѣны, провѣрить слухъ.

Англичанамъ удалось проникнуть въ мечеть и обслѣдовать легендарный «источникъ».

Подъ плитою оказался не «колодезь», а лишь небольшое углубленіе сант. въ 25.

Археологическое открытіе это, благодаря обычной у англичанъ конспиративности работъ, имѣло самыя неожиданныя послѣдствія.

Когда экспедиція, по окончаніи изслѣдованій, тронулась въ путь, навьючивъ нѣсколько верблюдовъ походнымъ багажемъ, по Іерусалиму быстро разнеслась грозная вѣсть, что «франки», подкопавшись тайно подъ мечеть, похитили и увезли ящикъ съ драгоценными камнями, мѣшки съ золотымъ пескомъ, жезлъ Моисея, Ковчегъ Завета, корону Соломона, печать Аме и т. д.

Произошли крупныя беспорядки, во время которыхъ погибло нѣсколько христіанъ.

Подземные ходы мечети Омара сообщаются, несомнѣнно, съ подземельями мечети эль-Акса.

Здѣсь, у сѣверной стороны паперти, находится спускъ въ грандіозный, 150×15 арш., тоннель, образующій сильный уклонъ въ глубь.

Направо, у входа,—заложная дверь, ведущая, по преданію, въ боковой подземный ходъ, пересекающій городъ.

Въ началѣ тоннель, раздѣляясь стѣною, идетъ двумя корридорами, которые, сливаясь, образуютъ комнату съ красивыми сводами на подобіе скуфьи. Своды опираются на огромную, въ три обхвата, колонну—монолитъ. Въ южномъ направленіи изъ комнаты вели упоминаемыя Іосифомъ Флавіемъ, нынѣ заложеныя, двѣ двери. Планъ и снимки хода изданы Фергюссономъ и Барклаемъ.

Вопросъ о времени происхожденія этого сооруженія рѣшается учеными различно.

Византійскій историкъ Прокопій признаетъ его памятникомъ эпохи императора Юстиніана; по мнѣнію другихъ, Юстиніанъ его лишь реставрировалъ, при закладкѣ церкви.

Судя по выдержанному полигональному способу кладки стѣнъ и сводовъ тоннеля, время его сооруженія нужно отнести къ эпохѣ древнѣе римской.

Акведуки составляютъ необходимую принадлежность подземнаго Іерусалима. Они достаточно обширны, чтобы заброшенные изъ нихъ могли служить при случаѣ, въ качествѣ потайныхъ ходовъ.

Особенно пригодны въ этомъ смыслѣ сообщающіеся между собою акведуки царя Гизкіи, Прода Великаго и Понтія Пилата.

Заслуживаютъ большаго вниманія и т. н. каменоложни царя Соломона. Входъ въ нихъ со стороны грота прор. Іереміи.

Въ настоящее время онѣ взяты на откупъ американцами и попасть въ нихъ можно по особому платному билету.

Подземелья эти совершенно неизслѣдованы и никѣмъ не описаны. Разнятся они отъ римскихъ тѣмъ, что имѣютъ форму не корридоровъ-катакомбъ, а огромной сплошной палаты, съ неровнымъ потолкомъ и стѣнами, съ поломъ, заваленнымъ слоемъ щебня, обломками саженныхъ глыбъ, кучами мусора.

У передней стѣны подземелья изъ каменной толщи просачивается каплями совершенно чистая вода.

На стѣнахъ наглядное объясненіе того, какимъ образомъ ухитрились въ древности выламывать огромныя, правильной формы глыбы строительнаго, камня.

Въ каменной толщѣ продѣлывались черезъ натираніе пескомъ глубокія борозды. Въ нихъ загонялись сухіе клинья, которые затѣмъ смачивались водою.

Въ результатъ—огромныя, идеальной формы каменные глыбы откалывались легко, какъ бы сами собою.

Нѣкоторыя персидскія этимологіи.

Дѣйствительнаго члена **О. Е. Корша.**

а) Моргъ مرگ = сопли.

Есть всѣ основанія думать, что это слово — сродни русскому «сморкаться», польскому *smarzać*, ц.-сл. «сморжати», литовскому *smirgis*. Конечно, славянское начальное *с* не есть предлогъ *съ*, а такъ называемое «*с* подвижное», — явленіе, хоть и загадочное, но несомнѣнное въ индоевропейскихъ языкахъ. Конечное *г* گ въ персидскомъ морг مرگ — закономерно происходитъ изъ *к*; срв. горг (волкъ گرگ) изъ *vrka*, мѣргъ (смерть مرگ) изъ *marka*, и т. д. (Но морγ = птица مرغ съ γ — изъ заднебнаго *ι*).

б) рѣсѹ راسو (имя звѣря, въ родѣ ласки).

Слово рѣсѹ راسو предполагаетъ собою болѣе старую форму *рѣсѹк (*راسوك), которая вполнѣ — кромѣ долготы звука *у* — можетъ быть сближаема съ русскимъ «ласка», ц.-сл. ласка. Начальное *р* въ персидскомъ рѣсѹ относится къ русскому *л* въ «ласка» закономерно, потому-что въ индо-европейскомъ праязыкѣ было три плавныхъ звука: *р*, *л* и средній звукъ между *р* и *л*, который, вѣроятно, и находился въ данномъ словѣ. Самый же корень здѣсь есть лас; срв. малорусское «ласий» (= лакомый), греческое λῶ (изъ λάω), λῆς (= λάεις) и т. д.

в) човганъ چوگانъ и савладжанъ صولجانъ.

Човганомъ چوگانъ называется по-персидски палка съ крючкомъ на концѣ для заграбання шаровъ (گوی), — игра, въ западныхъ языкахъ называемая «поло». Игра эта — конная, въ родѣ арабскаго جرید (джарід); она была широко распространена, что видно изъ общенавѣстной поэтической метафоры: گوی وچوگانъ, т. е. цѣль и средства къ ея достиженію.

Откуда же происходитъ слово човганъ? Въ средне-персидскомъ мы имѣемъ начертаніе чобганъ, выговоръ котораго установить съ точностью не легко въ виду неопредѣленности чтенія хузвареша: б. м. човганъ, б. м. чубганъ. Арабская передача этого слова есть صولجان *ṣawladjān*; арабское *ص* въ древнихъ заимствованіяхъ очень часто передаетъ собою персидское ч, а интересно присутствіе здѣсь звука л. Въ этой своей арабизованной формѣ слово *صولجان* перешло и обратно въ персидскій языкъ. Срв. въ «Месневи» Джелаледдина Руми:

گاه حیران ایستاده گه دوان
گاه غلطان همچو گوی از صولجان،

гдѣ слово *صولجان* несомнѣнно означаетъ палку *چوگان* для мяча (*گوی*).

Другая арабская форма этого слова есть *جوبلان* *джубиланъ* тоже со звукомъ л. Интереснѣе же всего сирская форма: *атшүлганъ* (полученная Френкелемъ путемъ исправленія начертанія «*аштүлгіа*»), гдѣ передъ *шүлганъ* мы видимъ еще какое-то приставочное *ат*. Что это за непонятное *ат*? По турецки *ат* *آت* = конь; не это ли турецкое слово «конь» и скрывается въ *атшүлганъ*, причемъ *шүлганъ* должно быть поставлено въ связь съ турецкимъ глаголомъ *чабмак* (=гнать) и *чабылмак* (=быть пускаему вскачь)? Быть можетъ, всѣ эти слова: човганъ, *ṣawladjān*, *атшүлганъ*, *джубиланъ*—восходятъ къ турецкому *ат-чабылганъ*, предполагаемому имени для турецкой конной игры съ мячемъ и этой палкой? Въ такомъ случаѣ арабское *джубиланъ* (безъ г передъ *ан*), быть можетъ, скрываетъ въ себѣ южно-турецкую форму причастія: *чабыланъ*, а прочія слова (съ окончаніемъ—ганъ)—сѣверно-турецкую причастную форму.

2) Болбол (соловей) *بلبل*.

Слово «болбол» (соловей) очень тѣсно связано въ персидскомъ словоупотребленіи со словомъ «гол» *گل* (=роза). Общеизвѣстенъ поэтическій миѳъ «гол о болбол»—о томъ, что соловей есть несчастный любовникъ розы. Только ли въ силу созвучія возникъ этотъ миѳъ? Не сродни ли этимологически слово «болбол» съ «гол»?

Какое этимологическое происхожденіе перваго слога «бол» — въ «болбол»?

Персидскій начальный звукъ *б* можетъ восходить къ древне-иранскому *б*, напр., *bānd* (*بند* связь, уза) изъ *banda-*, но можетъ восходить иногда и къ *в* (*v*); срв. перс. *бâд* (*باد* вѣтеръ) изъ *vâta*. Однако, если за древнимъ *в* слѣдовало слоговое *р*, оно въ ново-персидскомъ языкѣ обыкновенно переходило въ *л*, какъ видно хотя-бы изъ упомянутаго выше *врка*—*горъ* (*گرگ*) волкъ. Звукъ *л* (въ «бол-») можетъ восходить къ индоевропейскому *р* и *л*, равно какъ и къ сочетанію *рд*; срв. изъ *varda* персидское *دل* *гәл* (*л* = *рд*); перс. *дил* (*دل* сердце) = санскритское *hrd*,

авестич. *zrd*, армянск. *sirt* (гдѣ *t* изъ *d*.) Слѣдовательно, первая по ловина слова «болбол» могла бы безпрепятственно быть возведена къ «вард-», если-бы не только-что оговоренное исключеніе, въ силу котораго *v* слова «вард» обратилось въ *v* въ словѣ *گل*. Такъ какъ то-же встрѣтится намъ и ниже, разберемъ его при дальнѣйшемъ изслѣдованіи занимающаго насъ теперь слова.

И такъ, что касается второй половины (тоже «бол») слова болбол, то прежде ея разсмотрѣнія надо напомнить, что въ литературномъ новоперсидскомъ языкѣ, въ основѣ котораго лежитъ лишь одно нарѣчіе, а не нѣсколько, попадаются все же элементы, вошедшіе въ него изъ другихъ говоровъ, хотя эти элементы своимъ звуковымъ составомъ противорѣчатъ общей, обычной новоперсидской фонетикѣ. Мы знаемъ наримѣръ, съ одной стороны, обычный переходъ арійскаго *n* въ новоперсидское *b* въ такихъ соотношеніяхъ, какъ арійское *an* = вода и новоперсидское *āb* (آب). И въ то же время видимъ въ говорахъ названіе для воды не *ab*, но *āv* (отразившееся и въ русскомъ «гуляб-ная вода» گلاب), да и въ литературномъ персидскомъ языкѣ находимъ у Садія *gārm-āvā* گرماءъ вмѣсто ожидаемаго *gārm-ābā*. Подобнымъ же образомъ мы находимъ въ литературномъ языкѣ неожиданное присутствіе звука *v* въ *čār vādār* (погонщикъ, изъ *čār nādār*), гдѣ *v* изъ *n*; равно какъ арійскому *xšatra nā* соответствуетъ новоперсидское литературное *šāhr vā* شهروا, съ звукомъ *v*, взятымъ изъ говоровъ¹⁾. Другой примѣръ вторженія діалектическихъ звуковыхъ особенностей въ обычный типъ новоперсидскаго языка — это, напр., появленіе звука *z*, а не *d*, въ *gōzāštān* گذشتن: по правилу, *t* должно было бы перейти въ *d*, а не въ *z* (ذ, что теперь = ز; срв. также превращеніе арабскаго *xydmet* خدمة въ персидское *xyzmet* خدمت). Или еще примѣръ. Кузнечикъ въ зендѣ называется *ma dā xā*; мы ждали бы въ новоперсидскомъ языкѣ вмѣсто *d* звука *ñ*, а на самомъ дѣлѣ находимъ въ этомъ словѣ звукъ *l*: *mā lā x* ملخ (срв. въ армянскомъ *marax*), — явленіе, которое могло произойти скорѣе всего на почвѣ афганской: тамъ *l* изъ *d* — обычно (срв. афганское *las* = рука при персидскомъ *dāst*). — Имѣя въ виду подобные примѣры возможнаго вторженія діалектическихъ звуковыхъ особенностей въ литературный новоперсидскій языкъ, попытаемся дать посильное объясненіе второй, а съ нею и первой, половинѣ слова болбол.

Можно думать, что звукъ *b* въ -бол восходитъ къ староиранскому *v* (*v*). Правда, по обыкновенному закону, уже приведенному выше, староиранское *v* (*v*) передъ краткой гласной даетъ въ новоперсидскомъ звукъ *v*, особенно передъ длительными согласными. Чаше

¹⁾ Въ живомъ персидскомъ языкѣ слово شهروا, правда, не употребляется, но оно сохранилось въ преданіи о кожаныхъ деньгахъ, выпущенныхъ будто-бы однимъ жестокимъ царемъ شهروا и имѣвшихъ лишь принудительный курсъ.

всего *v* (*v*) переходитъ въ *i* передъ *y*, т.-е., точнѣе, староиранскія *vi* и *var* (*vr*) превращаются въ новоперсидское *yu*; рѣже *va* (*va*)—въ *ia*. Иногда однако вмѣсто ожидаемаго *i* мы видимъ звукъ *b*. Такъ, индоевропейскій корень *vert*, арийское *vart*, отражается въ персидскомъ языкѣ не только въ видѣ обычнаго *vārdān*, *vāštān*, но и въ видѣ *bārdān*: извѣстно пов. *n-nie bārd!* = убирайся! Иранское названіе риса было, по всей вѣроятности, *vrīzi* или *vrīnzi* (срв. въ санскритѣ *vrihi*); однако вмѣсто ожидаемаго *ori* и *ndj* (извѣстнаго лишь въ говорахъ) мы въ новоперсидскомъ имѣемъ обычно *birindj*. Частица *vi* (*vi*) переходитъ по-персидски всегда по правилу въ *yu*, — срв. изъ существительнаго *vimāna* перс. *گمان* (*iomān* = подозрѣніе) или глаголь *ostārdān* *گستردن*, гдѣ корень — *star* (онъ есть въ *stōrēnuom*, *sterno*, *стѣлти*); и между тѣмъ въ словѣ *bištār* *بستر* (= постель) мы видимъ въ началѣ не звукъ *i*, а *b*: *vi* перешло не въ *yu*, а въ *bi*. Еще примѣръ: предполагаемое староперсидское *vištāha* (срв. арм. *vystāh*, средне-перс. *vi-stāh*), т.-е. «дерзкій», отражается въ персидскомъ языкѣ не только въ формѣ *gostāh* *گستاخ* *gostāh*, но и въ формѣ *bištāh*, показываемой словарями. Алтайско-тюркское *паштак* (= шаловливый), заимствованное, конечно, изъ иранскаго, относится сюда же: *n* = *b*, изъ *v*. То иранское нарѣчіе, которому особенно свойственъ переходъ стариннаго *v* въ *b*, это — курдскій языкъ. Кабанъ, напримѣръ (авестич. *varāza*), по-курдски *bāraz* (новопер. *orāz* *گراز*); изъ *vitārštan* (= проводить, перс. *vōzāštān*) вышло курдское *buhārtin*, *buhūrtin* (= проводить время). — Вотъ почему и второе *b* въ персидскомъ *bolbol* можно возводить къ діалектическому *v* (*v*).

Остается объяснить конечное *l*. Принимая въ соображеніе слово *pl* *пол* (= мостъ) = авестич. *pērtu*, среднеперс. *puhr*, *puhl* равно какъ *pehu* *пәһлү* (= бокъ) = авестич. *pērtu*, среднеперс. *paḥrūk*, *paḥlūk*, можно думать, что конечное *l* въ *bolbol* восходитъ къ *pt*.

Итакъ, позволительно предположить, что *bolbol* происходитъ изъ неизвѣстнаго документально, но вполне возможнаго «варда-варта» т.-е. вращающійся среди розъ. Существованіе такого слова можно допустить, имѣя въ виду авестическое *gūšōvarēta* (что по перс. было бы *гошгәрд* *gohgārd*, т.-е. вращающійся въ испражненіяхъ). Правда, изъ «вардаварта» въ обычномъ новоперсидскомъ языкѣ вышло бы *голгәрд* *golgard*, но вѣдь предполагается, что *bolbol* есть фонема діалектическая.

Гдѣ такое названіе соловья могло возникнуть? Скорѣе всего въ такихъ мѣстахъ, лишенныхъ рощъ, гдѣ есть лишь искусственно насаженные розовые цвѣтники, остающіеся единственнымъ приютомъ для соловья. Такихъ мѣстностей въ Персіи — не одна; но не изъ ихъ ли числа и Курдистанъ, изъ нарѣчія котораго легче всего объяснить переходъ «вардаварта» въ *bolbol*?

д) булатъ.

Слово «булатъ» зашло къ намъ отъ турковъ. Считается оно заимствованнымъ изъ персидскаго языка, гдѣ звучитъ пұлад فولاد. Въ среднеперсидскомъ оно пишется такъ, что можно прочесть пұла-ф[а]т. Въ арабскомъ языкѣ оно получило видъ فولاذ (фұлад), فولاد (фұлад). Въ армянскомъ языкѣ, гдѣ заимствовано оно изъ персидскаго, мы (транскрибируя выговоръ γ чрезъ этимологическое λ) находимъ полат, полпат, полат (=мечъ-кладенецъ). У курдовъ: пұла, пұла.

Какъ звучало это слово по-пехлевійски, не извѣстно; быть можетъ, *пұлат; такое о обыкновенно появляется изъ болѣе стараго ав.

Иранской этимологіи для слова «булатъ» فولاد не придумано. Фр. Мюллеръ видѣлъ въ этомъ словѣ передѣлку греческаго, фиктивно имъ созданнаго *πολύπαταξ (съ невѣрнымъ удареніемъ на υ, тогда какъ скорѣе слѣдовало бы ждать πολοπάταξ). Кажется однако, надо вспомнить древнеиндійское «павіра-м», имя какого-то остраго инструмента. Какого—не извѣстно. Но, такъ какъ плугъ имѣетъ по-индійски эпитетъ павірава[н]т, то ясно, что, оружіе павіра-м было рѣзущее, а не колющее (хотя паві—м. р. означаетъ, по словарямъ, металлическую обивку копья или стрѣлы). Въ различныхъ нарѣчіяхъ иранскихъ индійское павірават могло перейти въ *павілават, и, черезъ формы, близкія къ вышеуказаннымъ армянскимъ, изъ павілават могло получиться нынѣшнее пұлад, булатъ. О почетѣ, въ какомъ были индѣйскіе клинки у Персіянъ, можно судить по нерѣдкому упоминанію ихъ въ Шах-намѣ, напр., въ рассказѣ о смерти Фируда:

چو رهام دید آن در آمد ز پشت
= خروشان یکی تیغ هندی بمشت

=«когда Руххамъ увидѣлъ это, онъ заѣхаль сзади,* крича, съ индѣйскимъ мечемъ въ рукѣ» и т. п. Особенно характеристично то мѣсто въ рассказѣ о принесеніи сборника «Калила и Димна» ученымъ Барзуюмъ изъ Индіи для Ануширвана, гдѣ перечисляются дары индѣйскаго раджи Барзую:

چو بگشاد لب رای بنواختش
یکی خلعت هندوی ساختش
دو یاره بهاگیر ودو گوشوار
یکی طوق پرگوهر شاهوار
همان نثاره هندی همان تیغ هند
= همه روی آهن سراسر چرند

=«когда онъ (Барзу) открылъ уста (=заговорилъ), раджа обласкалъ его, устроилъ ему индѣйскую почетную одежду (=облекъ его въ и. п. од.) два драгоцѣнныхъ запястья и двѣ серьги, ожерелье съ царскими жемчужинами, также индѣйскую чалму вмѣстѣ съ индѣйскимъ мечемъ, желѣзо котораго блестяло сплошною политурой».

По поводу этимологіи словъ „човгън“ и „сауладжън“.

Секретаря Восточной Коммисіи, действительнаго члена Общества

А. Е. Крымскаго.

Въ нынѣшнемъ выпускѣ «Древностей Восточныхъ» издается высокопоучительная статья Ѳ. Е. Корша: «О нѣкоторыхъ персидскихъ этимологіяхъ», представляющая собою резюме его доклада въ засѣданіи Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества 4 декабря 1909 г. (см. протоколъ № 114).

Эрудиція, проницательность, остроумныя сопоставленія, ясность изложенія и, въ результатѣ, убѣдительность—вотъ обычныя отличительныя черты лингвистическихъ докладовъ Ѳ. Е. Корша. И въ докладѣ 4 декабря 1909 года онѣ не отсутствовали, такъ что и меня онѣ заставили сильно поколебаться насчетъ двухъ арабо-персидскихъ этимологій, которыя я до тѣхъ поръ считалъ непрекаемыми. Эти двѣ этимологіи—больболь и сауладжън.

Слово «больболь» (соловей, вообще птичка-щебетушка), присущее и персидскому и арабскому языку, я прежде безъ малѣйшихъ колебаній считалъ звукоподражательнымъ. Звукоподражательность,—полагалъ я,—дѣлаетъ понятнымъ присутствіе этого слова одновременно и въ персидскомъ и въ арабскомъ языкѣ,—языкахъ неродственныхъ. Въ частности у арабовъ,—думалось мнѣ,—образованіе этого слова, съ удвоеннымъ корнемъ, отличается достаточно типичнымъ семитскимъ характеромъ ¹⁾. Теперь Ѳ. Е. Коршъ предложилъ совсѣмъ другую этимологію, суть которой сводится къ тому, что «больболь» есть слово чисто персидское, происходящее изъ вполне возможнаго «вардаварт» (=вращающійся въ розахъ) и возникшее, судя по его фонетическимъ чертамъ, быть

¹⁾ Подробнѣе см. въ „Протоколахъ засѣданій Восточной Коммисіи“, № 114, стр. 51—52. (т. IV).

можетъ, на почвѣ курдскихъ говоровъ, въ области Курдистана. Пожалуй, вторую половину этой догадки, касательно Курдистана, очень позволительно оспаривать: Курдистанъ вѣдь покрытъ превосходными лѣсами, гдѣ соловью есть много пріютовъ, помимо искусственныхъ розовыхъ цвѣтниковъ; да къ тому же старинная культура розъ и существованіе насаженныхъ розовыхъ цвѣтниковъ въ дикомъ Курдистанѣ — это вещь едва ли очень правдоподобная. Во всякомъ случаѣ, эта черта въ гипотезѣ *Θ. Е. Корша* не имѣетъ существеннаго значенія. — За то, первая половина догадки *Θ. Е. Корша*, чисто этимологическая, обставлена очень серьезными соображеніями, которыя показываютъ, что вопросъ далеко не такъ простъ, какъ это мнѣ казалось раньше.

Что касается этимологіи персидскаго «човгân» и арабскаго «савладжân», то я прежде считалъ слово «човгân» (означающее палку для игры въ мячъ) чисто-персидскимъ словомъ, находящимся сродни съ персидскимъ же «чуб» (=палка). Въ арабскомъ «савладжân» вмѣсто ожидаемаго «савджân» («човгân») я появленіе звука *л* приписывалъ вліянію аналогіи, народному осмысленію. Вѣдь есть по-арабски слово «савл», «савле» *صولة*, означающее «мощный напоръ», «стремительный ударъ», — и мнѣ казалось, что «савладжân» есть очень естественный плодъ сдѣлки между «савджân» и «савл». Теперь, по этимологіи *Θ. Е. Корша*, оказывается, что мы въ «савладжân» имѣемъ право усматривать тюркскій корень глагола «чабмак» (=гнать) и «чабылмак» (=быть пускаему вскачь).

Если эта тюркская этимологія вѣрна, то она намъ позволитъ предложить цѣлый рядъ культурно-историческихъ сопоставленій и заключеній. Филологія придетъ на помощь исторіи.

Но сперва зададимъ вопросъ: Съ какого времени персы и арабы знаютъ игру савладжân (=човгân)? Раньше ли или позже того времени, когда тюрки могли своимъ бытомъ и языкомъ оказывать вліяніе на нихъ?

Персы считаютъ игру савладжân заимствованной персами изъ Индіи, все равно какъ и шахматы, еще до ислама. См. по этому поводу слова перса Хасана ибнъ-Саһля IX в., тестя халифа Ма'муна (813-833), процитированныя въ антологіи 1058 года «Заһр аль-âдâб» Хосрія (егип. изд. 1293=1876, т. I, стр. 142-143, на поляхъ «Ыгда»).

У арабовъ игра въ «савладжân» оказывается любимой халифской игрой какъ въ дамаскомъ халифатѣ омейядскомъ VII вѣка, такъ и въ багдадскомъ (съ VIII в.).

Такъ, изъ омейядскихъ (дамасскихъ) халифовъ ей былъ предаць *Иезидъ I* (680-683), при дворѣ котораго, кстати сказать, извѣстны были и шахматы. См. «Fragmenta historicorum Arabicorum», изд. де-Гуе (de Goeje), стр. 114; срв. стр. 102.

Изъ аббасидскихъ халифовъ савладжану былъ преданъ отецъ Харуна ар-Рашида Ма'дїй (775-785), и на это указываетъ въ своей злополучной сатирѣ поэтъ-звндикъ Бешшаръ ибнъ-Бюрдъ, говорящій про Ма'дїя, что онъ «йаль'або би д-дабӯди ва с-савладжанъ» (см. у Табарїя, ум. 923, лейден. изд., серія III, т. 1, стр. 538 : 17; «Китабъ аль агани» ок. 963 г., т. III, стр. 70 : 5). За эту сатиру Бешшаръ ибнъ-Бюрдъ заплатился жизнью, въ 783 году.

Любилъ играть въ савладжанъ также самъ Харунъ ар-Рашидъ (786-809). См. у Мас'удїя (ум. 956): «Золотые луга», париж. изд., т. VIII, (1874), стр. 295-296 (съ ненадежною, впрочемъ, ссылкой). Умершій въ его царствованіе (793) филологъ Сибавейнъ подвергаетъ слово «савладжанъ» филологическому обсужденію.

Описаніе игры («дарб би-с-сав'алидже»), какъ ее вель на конной площади халифъ Мо'тасымъ (833-842), приводится у Табарїя (ум. 923) подъ 227 г. хиджры (= 841-842 по Р. Х.); см. лейденское изданіе, серія III, стр. 1326-1327.

Слова тестя халифа Ма'муна (813-833), перса Хасана ибнъ-Са'ля, о томъ, что игра савладжанъ стала извѣстна персамъ изъ Индіи, еще до ислама, мы привели выше, по антологїи Хосрїя 1058 г., т. I, стр. 142-143. Въ другомъ томѣ этой же антологїи Хосрїя (т. III, стр. 55, изд. 1293 г.) мы находимъ стихъ изъ халифской обстановки конца IX вѣка, гдѣ слово «савладжанъ» употреблено, кажется, не въ смыслѣ палки для конной игры, а въ смыслѣ «царственный жезлъ», «скипетръ», т.-е. въ томъ, уже вторичномъ значеніи, какое придается этому слову «савладжанъ» въ живой арабской рѣчи (напр. въ Сирїи) и не отмѣчается классическими словарями.

Можно ли совмѣстить и примирить филологическую гипотезу Ѳ. Е. Корша съ подобными историческими показанїями?

На первый взглядъ казалось бы, что нѣтъ, нельзя. Если персы усвоили игру човганъ-савладжанъ изъ Индіи, то значить не отъ тюрокъ, и имя игры — не тюркское; если персы ее усвоили во времена сасанидовъ, то значить изрядно раньше тюркскаго вліянія на Азію ¹⁾. А отъ кого могли заимствовать эту игру дамаскіе халифы омейядскіе VII вѣка? очевидно, только отъ персовъ, потому что о тюркскомъ вліяніи въ Сирїи VII вѣка исторїя не говоритъ. Наоборотъ, исторїя говоритъ и отмѣчаетъ какъ памятную вещь, что тюрокъ, этихъ грубыхъ «варваровъ» - «олуджей» (علوج), выписалъ въ качествѣ гвардейцевъ-преторіанцевъ впервые лишь халифъ Мо'тасымъ (833-842), въ слободу Сюрра-ман-раа подъ Багдадомъ, т.-е. полтора ста лѣтъ спустя послѣ того, какъ игру савладжанъ уже зналъ Йезидъ I въ Сирїи (680-683). И самое слово

¹⁾ Тюрки вторглись въ Среднюю Азію изъ сѣверныхъ стеней ок. 560 г.

«савладжѣн» ко времени прибытія тюркскихъ «варваровъ» (олудж) въ Багдадъ было настолько обычнымъ въ арабскомъ языкѣ, что уже успѣло получить даже другой смыслъ «скипетръ», «царственный жезлъ». Значить,—думалось бы,—филологическая гипотеза Ө. Е. Корша о тюркскомъ происхожденіи игры и слова «човганъ» (савладжѣн) должна быть отвергнута, какъ противорѣчающая исторіи.

Да, но если, напротивъ, именно она вѣрна? Тогда что?

А тогда мы должны будемъ отнестись очень критически къ показаніямъ арабскихъ историковъ и видоизмѣнить историческіе выводы.

Во-первыхъ, мы должны будемъ отвергнуть свидѣтельство Хасана ибнъ-Саиля о заимствованіи этой игры изъ Индіи и увидѣть въ его словахъ простую легенду. (Замѣтимъ кстати, что абсолютно никакой индійской этимологіи придумать для «савладжѣн» или «човганъ» нельзя).

Во вторыхъ, мы должны будемъ допустить, что тюркское вліяніе, лингвистическое или бытовое, на мусульманскую Азію началось не въ багдадскій періодъ жизни халифата, а раньше: еще въ I вѣкѣ хиджры, при дамаскскихъ халифахъ-омейядахъ. Если же очень трудно — допустить, чтобы въ VII вѣкѣ находились въ Сиріи тюрки, то придется допустить, что омейяды усвоили эту игру «савладжѣн» отъ покоренныхъ персовъ, а персы раньше усвоили ее отъ тюрковъ въ послѣдніе годы существованія сасанидской имперіи, и что, слѣдовательно тюркское вліяніе на бытъ и языкъ Ирана началось еще въ доисламскія времена.

Исторія объ этомъ молчитъ, но, въ такомъ случаѣ, за нее будетъ говорить филологія.

والله اعلم.

Уже послѣ того, какъ предыдущія строки были отпечатаны, я обратилъ вниманіе на двѣ замѣтки объ игрѣ въ човганъ-савладжанъ — Катрмера (1837) и К. Иностранцева (1902), которыя я упустилъ было изъ виду. Первая — въ большомъ подстрочномъ петитномъ примѣчаніи къ французскому переводу египетскаго историка Макрызія XV в.: «*Histoire des sultans mamlouks de l'Egypte, trad. par Et. Quatremère*», т. I (Парижъ 1837), стр. 121 — 132; вторая — К. Иностранцевъ: «Къ исторіи игры въ поло» въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Русск. Импер. Арх. Общ.», т. XIV, стр. 0108 — 0113. Главное содержаніе замѣтокъ — свѣдѣнія о распространеніи игры при дворахъ позднѣйшихъ мусульманскихъ владѣтелей (не самыхъ раннихъ), равно какъ свѣдѣнія о существованіи этой игры въ древне-персидскую пору. Арабо-персидскіе авторы, привлеченные Э. Катрмеромъ и К. Иностранцевымъ, это не тѣ, которые привлечены мною, и такимъ образомъ всѣ три наши замѣтки взаимно пополняютъ другъ друга.

Вопроса объ индійскомъ или, тѣмъ паче, тюркскомъ происхожденіи игры въ «човганъ-савладжанъ» ни Катрмеръ ни К. Иностранцевъ не возбуждаютъ и, повидимому, считаютъ ее за чисто-персидскую, испоконвѣчно-персидскую. — «*Si je ne me trompe, c'est dans la Perse qu'a pris la naissance l'exercice de la paume à cheval*», говоритъ Катрмеръ (т. I, стр. 123) и приводитъ указанія на древне-иранскую эпоху:

Въ «Шâh-nâmé» = «Книгѣ Царей» Фирдовсіа играютъ въ човганъ эпическіе герои, совершенно ли баснословные (Сіавошъ, Лобрасль), историческіе ли сасанидскіе (Ардерширъ-Бабеганъ)¹⁾. Фирдовсій — писатель довольно поздній (X—XI в.), и Катрмеръ самъ оговаривается, что рѣшающаго историческаго значенія подобныя беллетристическія указанія имѣть, конечно, не могутъ. Болѣе авторитетны, но все же приблизительно въ томъ же духѣ — приводимыя Катрмеромъ указанія арабозычныхъ халифатскихъ историковъ относительно иранскихъ до-исламскихъ шаховъ. Сасанида-Ардешира (224—242) и цесаревича Шапура рисуетъ играющими въ игру - савладжанъ историкъ Табарій X в. (вѣроятно, на основаніи арабскаго перевода исчезнувшей сасанидской «Книги Владыкъ» VI—VII в.). — При дворѣ шаха Хосрова II Первиза (590—628), современнаго византійскому императору Ираклію, а еще раньше — Маврикію, игра была любимой придворной, по словамъ культурно-литературной арабской исторіи X вѣка «Китабъ аль-агані»; сообщается, что арабъ-хирецъ 'Адй ибнъ-Зейдъ (до 600 г.) обучился этой игрѣ при шахскомъ дворѣ. Въ дополненіе къ этимъ указаніямъ Катрмера, мы у К. Иностранцева можемъ отмѣтить выдержку изъ приписываемой Джâхызу IX вѣка «Книги красоть и противоположеній» (издана она фанъ-Флотеномъ 1898; см. стр. 369 — 371), гдѣ въ числѣ новогоднихъ подарковъ, полученныхъ Хосровомъ-Первизомъ отъ греческаго императора Маврикія, описывается драгоценная игрушка: всадникъ, играющій савладжаномъ въ мячъ. — Изъ совсемъ позднихъ, поздне-компилятив-

¹⁾ По этому поводу, лѣтъ 50 спустя послѣ Катрмера, издалъ статью J. J. Modi: „The game of ball-bat (Chougân Gu) among the ancient Persians, as described in the epic of Firdousi“. Бомбей 1890.

ныхъ сообщеній, почерпнутыхъ однако изъ болѣе старинныхъ источниковъ. Интересно аналогичное сообщеніе у почти новаго историка — Хондемира XVI в. въ «Хебіб ос-сіер» 1521—1524 г. о томъ, какъ незадолго до завоеванія Ирана арабами, при послѣднемъ сасанидскомъ шахѣ Йездигердѣ, одинъ табаристанскій прикаспійскій владѣтель, играя въ човганъ, слетѣлъ съ коня и убится на смерть.

Въ какой степени достовѣрны подобныя сообщенія? Если мы совсѣмъ оставимъ въ сторонѣ поздняго Хондемира (XVI в.) и остановимся лишь на достаточно старомъ псевдо-Джахызѣ IX в., то должны будемъ считаться съ возможностью, что псевдо-Джахызово извѣстіе, въ основѣ своей, имѣлось въ сасанидской «Книгѣ Владыкъ». Тѣмъ не менѣе, какъ вѣрно замѣчаетъ К. Иностранцевъ (стр. 0108), подробности внѣшняго быта сасанидовъ VI в., рисуемыя въ извѣстіяхъ арабскихъ писателей IX вѣка, должны вызывать въ насъ скептицизмъ; мы, скорѣе, можемъ въ нихъ видѣть указанія лишь на явленія той матеріальной культуры, которая современна была не сасанидамъ, а пишущему о сасанидахъ арабскому, болѣе позднему автору.

Такимъ образомъ, вышеуказанныя свидѣтельства историковъ IX в. не рѣшаютъ вопроса съ убѣдительностью. Однако, какой бы скептической критикѣ мы ни подвергали подобныя извѣстія, передъ нами остается знаменательный фактъ, что въ убѣжденіи халифатскихъ писателей IX вѣка игра въ савладжанъ была не новинкой, не новозаимствованіемъ, а считалась существовавшею въ доисламскій персидскій періодъ, по меньшей мѣрѣ при послѣднихъ сасанидахъ.

К. Иностранцевъ въ своей статьѣ дѣлаетъ еще ссылку на главы «Chicanery», «Chicanery» (стр. 145—147) и «Polo» (стр. 544—545) въ глоссаріи «Hobson-Jobson, being a glossary of anglo-indian colloquial» (Лондонъ 1886), составленный Юлемъ и Барнеллемъ (Jule-Barnell), и указываетъ, что Jule-Barnell дали въ названныхъ двухъ статьяхъ исторію этой игры, перешедшей въ Европу. К. Иностранцевъ отмѣчаетъ, что глоссарій «Hobson-Jobson» считаетъ возможнымъ производить варіаціи имени «човганъ», «чулганъ», «савладжанъ» также и отъ индійскаго корня, именно изъ *пракритскаго* языка: отъ какого именно *пракритскаго* слова—К. Иностранцевъ не сообщаетъ. Я (стр. 11), отрицая возможность индійской этимологіи, имѣлъ въ виду данныя санскрита. Глоссарія Jule-Barnell я не имѣю подъ руками. Если окажется, что подмѣченная у Jule-Barnell'я *пракритская* этимологія на самомъ дѣлѣ основательна, тогда надо будетъ очень и очень считаться съ подчеркнутыми мною указаніями мусульманскихъ писателей объ индійскомъ происхожденіи этой игры (наряду съ игрою въ шахматы и др.).

„Роза и Соловей“.

Къ иллюстраціи положенія армянъ въ XVI вѣкѣ.

Члена Восточной Комисіи **К. І. Костяниця.**

Въ началѣ XVI вѣка за обладаніе Арменією завязалась упорная борьба между турками и персами. Результатомъ этой борьбы является чалдыранскій договоръ ¹⁾, заключенный въ 1515 году между турецкимъ султаномъ Селимомъ I (1512—1520) и персидскимъ шахомъ Исмаиломъ I (1501—1526). Въ силу этого договора западная часть Арменіи подпала подъ власть турковъ, восточныя же области, непосредственно прилегающія къ Азербейджану, остались подъ властью Персіи.

Водвореніе мира въ Арменіи не имѣло никакого значенія въ отношеніи улучшенія быта христіанскаго населенія страны. Ближайшій къ тѣмъ временамъ армянскій писатель, Аракедь Тавризскій († 1670), со словъ лѣтописцевъ, имѣ тщательно собранныхъ, передаетъ факты, указывающіе на весьма печальное положеніе христіанъ. Мусульманскими властями были пущены въ ходъ не только систематическое разореніе страны путемъ взысканій податей и повинностей натурою, но и насильственное преслѣдованіе вліятельныхъ лицъ, истребленіе лучшихъ представителей страны и т. п. Вотъ какіе, между прочимъ, факты, хотя очень сжато, сообщаются въ лѣтописяхъ ²⁾:

„Лѣта 967 (1518) инородцы (читай „мусульмане“) отняли у армянъ великій соборъ св. Θεодора въ Амидѣ (= Діярбекирѣ) и превратили въ мечеть. „Лѣта 968 (1519) султанъ Селимъ разозлился и собралъ мальчишковъ отъ христіанъ. „Лѣта 982 (1533) сожгли Айрацета, винока Тевскаго монастыря. „Лѣта 984 (1535) сожгли одного священника изъ селенія Шынкурукъ. „Лѣта 999 (1550) въ городѣ Эрзерумѣ въ одну ночь перебили 70 душъ дворянъ.

Послѣдствіемъ подобныхъ жестокостей является добровольное оставленіе лучшими людьми своего родного очага и переселеніе ихъ въ дальніе города западной Европы. Убѣжищемъ ихъ, между прочимъ, служила Венеція, со временъ послѣднихъ царей Киликіи сдѣлавшаяся важнымъ центромъ торговыхъ сношеній армянъ съ Западомъ.

¹⁾ См. Исторію Аракеда Тавризскаго, 1896. Вагаршанатъ, стр. 629; см. продолж. Хронологію Сам. Анійск. 1893, Вагарш. стр. 176.

²⁾ См. Ар. Тавр. 567, 572, 629, 630.—Хронологія Самуила Анійскаго, приложенія, 1893 Вагаршанатъ, стр. 176.

Положеніе христіанскаго населенія Арменіи еще болѣе ухудшилось послѣ того, какъ турецкій султанъ Сулейманъ I (1520 — 1566), нарушая чалдыранскій договоръ, возобновилъ враждебныя дѣйствія. Въ 1535 году онъ повелъ свои войска противъ столицы Азербейджана, но, какъ Аракель передаетъ, ему не удалось овладѣть Тавризомъ. Тогда онъ направилъ свои силы противъ Багдада, который былъ взятъ турками.

Тѣмъ временемъ персидскій шахъ Тахмаспъ I (1524 — 1576) выступилъ противъ турокъ по другому направленію. Онъ напалъ на Грузію, разгромилъ эту страну и въ 1541 году взялъ городъ Тифлисъ¹⁾.

Католикосъ всѣхъ армянъ, Стефанъ V (1541—1551), по свидѣтельству армянскихъ лѣтописцевъ самый образованный и ученый мужъ своего времени, предчувствуя надвигающуюся грозу, рѣшилъ лично обратиться къ христіанскимъ державамъ съ просьбою о помощи. Въ 1547 году онъ передалъ Эчмиадзинскій престолъ замѣстителю своему, Михаилу, впоследствии католикосу, и самъ предпринялъ путешествіе въ Венецію, проѣздомъ предварительно посѣтивъ паству въ Константинополь. Какъ Алишанъ передаетъ²⁾, въ архивѣ венеціанской республики хранится итальянскій переводъ той „петиціи армянскихъ господъ“, которую Стефанъ V представилъ венеціанскому сенату. Въ петиціи, написанной въ 1547 году въ Эчмиадзинѣ, между прочимъ говорится: „отъ имени всѣхъ нашихъ епископовъ и архимандритовъ, всего церковнаго клира и всѣхъ дворянъ, и вообще всего народа“ — „посылаемъ къ вашему великосіятельному господству нашего патриарха Стефана по многимъ причинамъ, дабы онъ засвидѣтельствовалъ наше почтеніе, и вамъ отъ нашего имени поручилъ бы насъ“. „Мы, бѣдные армяне, живущіе въ удѣлѣ персовъ подъ жестокимъ гнетомъ иновѣрцевъ, — говорится далѣе, — ждемъ вашего прихода“ — „увѣрены, что отъ мудрости Венетовъ воспослѣдуетъ наше спасеніе и освобожденіе“.

Въ Венеціи патриарху былъ оказанъ радушный пріемъ. Оттуда онъ отправился въ Римъ и былъ принятъ папою, Павломъ III. Повидимому, онъ тамъ пользовался почетомъ, достойнымъ его высокаго сана. Тутъ Стефану V была предоставлена возможность 16 сентября 1549 года совершить торжественный обрядъ посвященія епископа и учредить въ Римѣ епископскую кафедру для армянъ, живущихъ въ Италіи³⁾. По словамъ Чамчяна⁴⁾, католикосъ изъ Рима отправился въ 1550 году въ Германію и представился императору Карлу V.

Къ сожалѣнію нѣтъ подъ рукою достаточно матеріала для установленія результатовъ посѣщенія Стефаномъ V европейскихъ дворовъ. Конечнымъ пунктомъ его путешествія былъ городъ Леопольс (Львовъ, Лембергъ) въ Галиціи, гдѣ тогда находилась богатая армянская колонія. Въ этомъ городѣ Стефанъ V скончался въ 1551 году. Земные его останки покоятся тамъ же.

1) Тамъ же стр. 567, 630.

2) Армянская Венеція, 1890 Венеція, гл. XI.

3) См. Reinaldi, XIV, 374 и Алишанъ, Арм. Вен. 324.

4) Исторія Арменіи, III.

Надгробный его камень носить слѣдующую надпись ¹⁾: „Hoc Sepulcrum est Rev. Patris Stephani Patriarche Majoris Armenie. Rome fuit, et Leopoli adueniens, animam suam Deo tradidit, 1551“.

Между тѣмъ обращеніе армянъ къ венеціанской республикѣ, союзницѣ Турціи, сильно раздражая персовъ, очевидно, оказало обратное воздѣйствіе. Такъ, въ 1548 году шахъ Тахмаспъ I направилъ свои жестокіе удары противъ армянъ. По словамъ лѣтописцевъ ²⁾, подтверждаемымъ и указаніями рукописныхъ меморій, персы, не щадя, разоряли монастыри, оскверняли церкви, убивали священниковъ, по пути отъ Тавриза до Эрзингана опустошали сады, предавали огню посѣвы, житницы и всякое добро мирныхъ поселенъ, которыхъ они безпощадно перебивали или уводили въ плѣнъ. Города турецкой Арменіи: Хлатъ, Мушь, Хнусъ, Басенъ, Эрзерумъ, Бабердъ и Эрзинганъ одинъ за другимъ были взяты персами и разгромлены.

Султанъ Сулейманъ I, быть можетъ, поощренный политикой венеціанской республики, выдвинулъ наконецъ, въ 1550 году, свои войска противъ персидскихъ силъ. Но война затянулась, оставляя за собою, безъ сомнѣнія, слѣды еще большаго опустошенія. Наконецъ въ 1555 году воюющія стороны заключили миръ, нисколько не считаясь съ вопросомъ объ улучшеніи положенія христіанъ въ Арменіи.

Событія политическаго характера втиснули армянъ въ тѣсныя рамы пассивнаго существованія. Быть можетъ, они, когда стремились установить протекторатъ венеціанской республики въ Арменіи, вполнѣ сознавали свое безсиліе, и не могли придумать другого исхода. Вѣдь иначе и не могло быть: христіане, подчиненные мусульманскому правопорядку, политически не могли пользоваться правами, равными съ мусульманскими. Единственное, что имъ не было отказано, это—право просить у повелителя милости и снисхожденія: они къ этому и привыкли со времени утвержденія арабовъ въ Арменіи. И въ этомъ и состоитъ, кажется, вся суть устанавливающихся права армянъ въ мусульманскихъ государствахъ актовъ, носящихъ громкое названіе привилегій.

Терпѣливо примиряясь съ безотрадной своей участью въ родной землѣ, армяне XVI вѣка стремились однако къ поддержанію и къ подкрѣпленію тѣхъ узъ духовнаго единенія, которыми они считали себя связанными со своими единовѣрцами на Западѣ. Подтверженіемъ этому служитъ то, что было предпринято Стефаномъ V и его совѣтниками въ первой половинѣ XVI вѣка. Преемникъ его, Михаилъ I (1547—1574), продолжая его начинанія, пошелъ по другому направленію. Осторожный и дальновидный архипастырь въ виду глубокаго невѣжества духовенства и скудости народнаго образованія, обращая взоры свои на Западъ, гдѣ процвѣтали богатая армянскія колоніи, сосредоточилъ свое вниманіе на усиленіи просвѣтительныхъ средствъ. Между прочимъ, предметомъ его попеченій сдѣлалось книгопеча-

¹⁾ Алишанъ, Каменецъ, Венеція, 1896, стр. 135.

²⁾ см. Ар. Тавр. 630.

танье, тогда уже получившее право гражданства въ Европѣ. Можетъ быть, патриарху не было извѣстно, что въ 1512 году была уже выпущена первая печатная книга на армянскомъ языкѣ; а еще вѣроятнѣе, что по причинѣ войнъ и смутнаго времени она осталась вообще незамѣченной. Но такъ или иначе, представителю католика, уроженцу города Евдокии (Токать) въ Малой Азій, Абгару, мужу знатному и образованному, выпала честь основанія первой армянской типографіи въ Венеціи, потомъ перенесенной въ Константинополь, и изданія тамъ въ 1565 году армянскаго псалтыря при содѣйствіи сына своего, архидіакона Антонія Султаншаха ¹⁾.

Шагъ, предпринятый Абгаромъ, доказываетъ, что, не смотря на неблагоприятныя условія, армяне не прервали связи съ общимъ движеніемъ литературнаго и научнаго преуспѣянія.

Армянская литература XVI вѣка вообще, какъ отраженіе жизни, носитъ отпечатокъ той тоски, того унынія, которыя навѣяны, во-первыхъ, печальными событіями при борьбѣ двухъ политическихъ соперниковъ, турковъ и персовъ, и, во-вторыхъ, тѣми стремленіями, которыя были направлены къ улучшенію быта христіанъ въ Арменіи.

Краткія меморіи рукописей, бѣгло и сжато составленная лѣтопись, пѣсни, стихотворенія, аллегорическіе рассказы и прочее, чѣмъ почти исчерпывается литературный матеріалъ того времени, обнаруживаютъ не то отчаяніе, не то надежду, но всегда одну и ту же картину разбитой жизни.

Скудость матеріаловъ объясняется отчасти тѣмъ, что жизнь сама въ дѣйствительности представлялась убогою и безотрадною. Можно допустить и то, что произведенія того времени пока еще не вполне намъ извѣстны. Такъ или иначе, въ исторіи армянской литературы, по скудости матеріаловъ, XVI вѣкъ занимаетъ чуть ли не первое мѣсто.

Изъ писателей мы можемъ отмѣтить такихъ, которые оставили намъ въ наслѣдство довольно интересныя стихотворенія, представляющія картину жизни. Къ числу таковыхъ принадлежитъ Григорій Ахтамарскій (ок. 1515—1569).

О жизни и трудахъ Григорія, къ сожалѣнію, мы очень мало знаемъ. Извѣстно, что онъ былъ современникомъ католика всѣхъ армянъ, Михаила I (1547—1574), и самъ замѣщаль престола католика на островѣ Ахтамаръ, на Ванскомъ озерѣ, въ Турецкой Арменіи. Духовная власть ахтамарскаго католика, кафедра котораго учреждена въ началѣ XII вѣка, распространялась на нѣкоторыя области вокругъ озера Ванъ. Сборникъ стихотвореній Григорія Ахтамарскаго, впервые изданный нами въ Тифлисѣ въ 1898 году, заключаетъ въ себѣ данныя, указывающія, что Григорій учился у другого Григорія, котораго онъ называетъ „великимъ учителемъ“ (стих. 12). Оттуда же мы узнаемъ, что одно изъ его стихотвореній написано въ 1515 году (стих. 11) и что онъ жилъ въ дни турецко-персидскихъ гоненій. О послѣднемъ обстоятельстве Григорій упоминаетъ въ 1523 году въ одномъ двустишіи, которое гласитъ такъ (стих. 3):

¹⁾ см. Алишанъ. Воспоминанія, 1869. Венеція, I 529—532.

„Агаряне (= Мусульмане) какъ огонь
Кривымъ закономъ обжигаютъ нашъ народъ“.

Характерная черта стихотворений Ахтамарскаго—это упрощенная рѣчи и мотивы свѣтской жизни. Въ упрощенной его рѣчи мы видимъ вообще переходъ отъ древнеармянскаго книжнаго языка къ ново-армянской рѣчи. Это—фазисъ совмѣстнаго, смѣшаннаго, употребленія формъ того и другого нарѣчія. Среди армянской рѣчи у Ахтамарскаго попадаются, какъ мы увидимъ ниже, выраженія изъ другихъ восточныхъ языковъ, главнымъ образомъ изъ персидскаго, что указываетъ на вліяніе персидской культуры.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о художественномъ творествѣ Григорія Ахтамарскаго, на этотъ разъ мы удовольствуемся передачею перевода двухъ его стихотворений. Одно изъ нихъ въ нашей собственной рукописи 1695 года озаглавлено такъ ¹⁾:

„Пѣснь объ одномъ епископѣ, который только-что развелъ садъ; и садъ еще не далъ плодовъ, какъ наступилъ день смерти; и въ часъ агоніи онъ спѣлъ это умоленіе“.

Судя по этому заглавію, мы имѣемъ дѣло со стихотвореніемъ чисто бытоваго характера. И дѣйствительно, изъ содержанія пѣсни явствуютъ бытовыя черты времени. Садъ обведенъ заборомъ изъ камней и колючекъ, доставленныхъ съ рѣкъ и горъ. Въ немъ есть фонтанъ со вкусной водою, „небесной росой“, окруженный цвѣтами, кустами красной и бѣлой розы, и зелеными лозами винограда. Въ саду возведено точило для выжимки вина, въ немъ заготовлены глиняные чаны для собиранія вина, въ эти чаны съ виномъ вкладывались пучки розы для придачи пріятнаго аромата и пр. Каково же однако отчаяніе того хозяина, который такъ тщательно обставилъ себя удобствами въ ожиданіи пріятнаго наслажденія плодами своихъ трудовъ, когда въ неожиданный часъ приходится ему расстаться съ жизнью. Ахтамарскій имѣлъ въ виду аллегорически представить именно моментъ такого отчаянія, иначе говоря, внутреннюю борьбу человѣка за существованіе на семъ свѣтѣ, гдѣ ему не даетъ наслаждаться злосчастная судьба.

Но существуютъ варианты этой пѣсни, указывающіе на двойственность нашего текста. Это видно, во-первыхъ, по разнообразію заглавія въ рукописяхъ и, во-вторыхъ, по содержанію и по складу рѣчи.

По одному списку ²⁾ заглавіе гласитъ такъ:

„Прекрасная пѣснь о садѣ души и тѣла.“

По другимъ спискамъ ³⁾ пѣснь эта озаглавлена слѣдующими словами:

„Пѣснь о радостяхъ противоположнаго (характера)“ или же „Пѣсню (эту) спой при молодыхъ покойникахъ“.

¹⁾ Французскій переводъ этой пѣсни подъ заглавіемъ „Mon jardin“ сдѣланъ г. А. Чабаняномъ См. Les Trouvers Arméniens, Paris 1906, стр. 195—211.

²⁾ Н. Марръ: Изъ лѣтней поѣздки. 31.

³⁾ Я. Тащянъ: Каталогъ рукописей, Вѣна, стр. 521 и 554.

Разнообразіе заглавія одной и той же пѣсни объясняется, очевидно, тѣмъ, что существуютъ тексты, другъ отъ друга отличающіеся по содержанию, хотя по формѣ и по конструкціи они одинаковы между собою. Мы уже имѣли случай въ упомянутомъ нашемъ сборникѣ представить одинъ вариантъ, отличный отъ текста Ахтамарскаго. Въ этомъ вариантѣ видимъ соотвѣтственную съ однимъ изъ заглавій аллегорію души и тѣла, и ту борьбу, которая возникаетъ, по представленію народа, при появленіи архангела Гавріила, требующаго выдачи души. Съ этого и начинается первое четверостишіе варианта:

Утро каждое съ разсвѣтомъ
Гавріилъ говоритъ моей душѣ,
Встань, уходи изъ этого сада,
Изъ этого вновь-посаженнаго сада!

При сравненіи двухъ вариантовъ мы невольно приходимъ къ заключенію, что передъ нами лежатъ двѣ различныя темы двухъ различныхъ авторовъ, быть-можетъ, черпающихъ одинъ отъ другого. Наше предположеніе подтверждается отчасти и тѣмъ, что въ одномъ спискѣ (см. рукопись 1617 года Эчміадз. монаст.; пѣснь 73) вариантъ, нами отмѣченный, приписывается другому автору, по имени Захарія Эрзингянскій. Кто собственно Захарія, мы не можемъ точно опредѣлить. Подъ этимъ именемъ было у армянъ нѣсколько стихотворцевъ. Между прочимъ извѣстенъ ученикъ Ахтамарскаго, Захарія Хыжижскій, который особенно славится стихотворными приписками (кафа) въ лжекаллистоеновой исторіи Александра Великаго на армянскомъ языкѣ¹⁾.

Нашъ переводъ представляетъ только тѣ отрывки пѣсни Ахтамарскаго, которые рисуютъ картину жизни.

Не желая дать какую-либо прикрасу творенію Ахтамарскаго, мы, соображаясь съ обстоятельствами, подъ впечатлѣніемъ которыхъ вылились его мысли, склонны думать, что въ аллегоріи его скрывается нѣкоторая доля идеализаціи явленій данной эпохи. Въдѣ дѣйствительно на глазахъ народа безпощадно истреблялось его же многовѣковое культурное достояніе,—и все то, что было создано трудолюбивою рукою для личнаго счастья каждаго, силою вещей переходило въ наслѣдство къ его врагамъ; армянамъ же оставалось невольно покориться повелѣнію злого рока, дѣлая выборъ между рабствомъ на родинѣ и относительной свободою на чужбинѣ.

Такая же аллегорія, только въ другомъ направленіи, скрывается, мы думаемъ, во-второмъ стихотвореніи Ахтамарскаго подъ заглавіемъ „Пѣснь о розѣ и соловѣѣ“. Пѣснь эта, даже если она есть переводъ или переложеніе изъ какого-либо восточнаго языка, является очень интереснымъ произведеніемъ какъ по формѣ, такъ и по содержанию и по языку²⁾.

¹⁾ Сборникъ стихотвореній Захаріи изданъ мекхитаристомъ о. Н. Акиняномъ въ Вѣнѣ въ 1910 году.

²⁾ Поэтическая тема о злополучной любви соловья къ розѣ очень обильна въ восточныхъ литературахъ,—и даже какъ разъ во времена Григорія Ахтамарскаго гремѣла турецкая поэма „Роза и Соловей“ Ка ра - Фез ли (ум. 1564), посвященная сыну

По формѣ — это аллегорическій разсказъ въ стихахъ, состоящій изъ 35 четверостишій, изъ которыхъ одно (28) не полно. Оригинальность формы заключается въ повѣствовательной конструкціи со многими лирическими мѣстами. При единствѣ дѣйствующаго лица, какимъ является соловей, аллегорическій представитель вдохновеннаго пѣвца, выступаетъ на сцену главный предметъ очарованія, роза, аллегорическая представительница красоты и нѣжности, а для иллюстраціи взаимныхъ чувствъ — садъ, родники, деревья, вѣтеръ, цвѣты, градъ, птицы и пр. Все это инсценировано для выраженія извѣстнаго настроенія. Авторъ влагасть въ уста упомянутыхъ представителей свои упреки, сѣтованія и возраженія, и самъ является какъ бы въ сторонѣ, безучастнымъ наблюдателемъ, повѣствующимъ о явленіяхъ природы.

Содержаніе пѣсни о розѣ и о соловѣѣ, можно сказать, очень просто, и въ этой простотѣ заключается ея оригинальность. Соловей вдругъ видитъ, что роза исчезла изъ сада. На него находитъ ужасная тоска. Онъ начинаетъ искать ее. Обращается ко всѣмъ окружающимъ и спрашиваетъ всѣхъ; они, конечно, отвѣчаютъ, что сами не знаютъ куда могла скрыться роза. Соловей начинаетъ отчаяваться. Наконецъ является садовникъ и утѣшаетъ его. Онъ говоритъ:

„Не плачь, соловей, придетъ твоя роза,
Вотъ уже появилась фіалка, предтеча розы!“

Послѣ этого соловей посылаетъ къ розѣ письмо и умоляетъ поскорѣе возвратиться. Получивъ утѣшительный отвѣтъ розы, соловей радуется и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ прибытія розы. Наконецъ, появляется и роза, и дѣлаетъ конецъ мученіямъ соловья. Этимъ кончается аллегорическій разсказъ. Послѣднее четверостишіе есть упрекъ автора къ самому себѣ:

Сулеймана Великолѣвнаго Мустафѣ незадолго до его казни (1552). Турокъ Фезли не оригиналенъ: онъ подражалъ одноименной поэмѣ на персидскомъ языкѣ Бедіэддина Тебризскаго (до 1456), которая, пожалуй, вообще имѣла не очень большую извѣстность, но Ахтамарцу, жившему не такъ далеко отъ Тебриза, могла бы быть извѣстна. Могъ онъ знать и „Книгу Соловья“ (= „Большоль-намѣ“) знаменитаго персидскаго поэта шейха Феридеддина Аттара, погибшаго при нашествіи монголовъ. См. А. Крымскаго: „Исторія Турціи и ея литературы“, т. II (М. 1910) стр. 123; его же: „Исторія Персіи и ея литературы“, т. II (М. 1912), стр. 257. Что же касается лириковъ персидскихъ (Джелаледдина, Сади XIII в., Хафиза XIV в.) и ихъ турецкихъ подражателей, то образъ любви соловья къ розѣ повторяется у нихъ до безконечности, даже до пошлости. Подыскивать у нихъ параллели къ армянину Ахтамарцу, конечно, можно (срв. напр. фіалку-посредницу, или письмо соловья къ розѣ, у Фезли XVI в.), но едва ли удастся назвать определенное персидское или турецкое произведеніе, которое съ достовѣрностью могло бы быть призвано за непосредственный оригиналъ для Ахтамарскаго; вѣрнѣе, что мы имѣемъ дѣло съ бродячей темой. Относительно исполонвѣчности этого образа на востокѣ см. замѣтку акад. Ф. Е. Корниа объ этимологіи слова „большоль“ въ IV томѣ „Древностей Восточныхъ“ (стр. 2 и протоколы стр. 52, — цитата изъ естествоиспытателя Казвинія XIII в. о физиологической связи соловья съ розой).

„Опомнись ты, глухой Ахтамарец!
 Вѣдь сего міра любовь вообще колючка!
 Даетъ тебѣ немножко порадоваться, затѣмъ горевать и плакать,
 Какой же прокъ отъ той радости, когда въ исходѣ плачь?“.

Что касается до оригинальности языка Ахтамарскаго, въ данномъ стихотвореніи мы должны подчеркнуть, во-первыхъ, много отступленій отъ общепринятаго книжнаго языка, иначе говоря, присутствіе формъ новоармянской рѣчи, и далѣе—вульгаризмовъ, что указываетъ на преобладающее вліяніе простонародной рѣчи въ литературѣ, и, во-вторыхъ, наличность словъ, выраженій и даже предложений изъ мусульманскихъ языковъ ¹⁾. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства и возникаетъ подозрѣніе относительно перевода или переложенія пѣсни изъ персидскаго языка; впрочемъ подозрѣніе это можетъ отпасть, если предположить, что персидскія предложенія (число которыхъ очень мало) суть позднѣйшія вставки отъ посторонней руки.

Но въ отношеніи оригинальности для насъ болѣе важно одно обстоятельство, которое нельзя не подчеркнуть. Аллегорія розы и соловья у Ахтамарскаго самостоятельна тѣмъ, что связана къ мотивами свѣтской жизни. Между тѣмъ, насколько намъ извѣстно, до него аллегорія эта служила для передачи идей и представленій религіознаго характера. Еще въ XIV вѣкѣ одинъ изъ армянскихъ симпатичныхъ поэтовъ, Константинъ Эрзингянскій, даетъ намъ нѣсколько стихотвореній подъ такими заглавіями:

„Пѣснь розы аллегорически рассказываетъ о Христвѣ“, или же: „Пѣснь весны аллегорически о Христвѣ. Не считайте эту пѣснь свѣтскою, а духовною“ ²⁾. Константинъ тутъ же даетъ толкованіе своей аллегоріи, иначе говоря, стихами рассказываетъ содержаніе Св. Писанія. Кромѣ Константина мы можемъ указать и на другихъ авторовъ, у которыхъ аллегорія розы и соловья предназначается для представленія религіозныхъ понятій. Между прочимъ извѣстны авторы XV вѣка Мкртичъ Нагашъ ³⁾ и Аракель Багишскій. Послѣдній въ одномъ четверостишіи выставляетъ слѣдующее толкованіе ⁴⁾:

„Соловей—это архангелъ Гавріилъ.
 А роза—это Матерь Божія Богородица.
 Небесный царь—это Иисусъ Христосъ,
 Который воплотился отъ неувядаемой розы“.

Если по этому вопросу мы обратимся къ болѣе древнимъ временамъ,

¹⁾ Приводимъ всѣ примѣры: 1) слова: польнюль (п.), ггар, икһрар (а), куша (п.) тһесели (а.), һ азардастан (п.), піата (п.), тиван (п.), пһасар (а.), сарай (п.); 2) фразы: зар у фигап (п), салвар у султан (п. т.); 3) предложенія: четверостишіе 9 стр. 4: аз ма нагаһ рафтһ сыри у пһинһап (п), четв. 18 стр. 18: тһура хапар амат, сѣлам у туај (п). Четв. 26 стр. 2: на дарам тһаг'атһ на екһ мехал хун (п).

²⁾ См. Сборникъ пѣсенъ Константина Эрзингянскаго, изд. мехитаристомъ Ф. М. Потурянцомъ въ Венеціи въ 1905 г., стр. 110 и 132 и пр.

³⁾ См. Сборникъ пѣс. М. Нагаша, изд. нами въ Эчмиадзинѣ въ 1898 г., стр. 28.

⁴⁾ См. Сборн. пѣсенъ подъ заглавіемъ „Айергъ“, изд. А. Тевтавцъ, Тифлисъ, 1882, стр. 108.

то въ армянскомъ языкѣ и литературѣ мы найдемъ другія подтвержденія. Во-первыхъ, праздникъ Преображенія Господня по-армянски называется Вардаваръ отъ слова вардъ, что означаетъ роза. Но это есть названіе собственно языческаго праздника богини Анантъ, которой посвящали, между прочимъ, и розы. М. Хоренскій въ своемъ Словѣ на праздникъ Преображенія сопоставляетъ явленіе Преображенія съ украшеніемъ природы цвѣтами и зеленью, упоминая, что греки праздникъ этотъ называютъ „праздникомъ вѣтчиковъ“¹⁾. Во-вторыхъ въ X вѣкѣ св. Григорій Нарекскій²⁾, замѣчательный пѣснопѣвецъ—духовнаго содержанія, между прочимъ, оставилъ намъ пѣснь на праздникъ Преображенія. Пѣснь эта есть ничто иное, какъ художественная картина вѣшней природы на берегу озера Ванъ, гдѣ жилъ Нарекскій. Тутъ выступаютъ на сцену роза, лилія, разные цвѣты, кусты и деревья, зефиръ, роса и прочее, которыя играютъ съ лучами солнца. Нарекскому представляется картина краснаго и бѣлаго цвѣтовъ при освѣщеніи солнечными лучами въ слѣдующей образности:

„Бриллиантъ-роза приняла покрывало (сотканное) изъ величественныхъ волосъ (лучей) солнца“.

„Бриллиантъ-лилія“ „сіяетъ и отсвѣчиваетъ въ долину противъ солнца“ „наполненная росой, сіяющею какъ навизанная ниточка жемчужинъ“.

Какъ бриллиантъ-роза, такъ и бриллиантъ-лилія, представляютъ такимъ образомъ аллегорію Преображенія³⁾. Сюда мы можемъ присовокупить, наконецъ, и то, что въ армянской духовной литературѣ очень часто встрѣчается аллегорія розы для изображенія мученической крови, пролитой за вѣру. Да не нужно упускать изъ виду, что у армянъ въ древности было и собственное, личное, имя Вардъ⁴⁾, женское—Вардапуйшъ, унаслѣдованное, вѣроятно, отъ язычества. Но имѣетъ ли это имя связь съ понятіемъ о розѣ, объ этомъ пока ничего нельзя сказать, въ виду родства его съ именемъ Варданъ, Варданесъ.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что армянскіе авторы до Григорія Ахтамарскаго пользовались аллегоріею о розѣ и соловьѣ для представленія религіозныхъ понятій. Между тѣмъ у Григорія Ахтамарскаго аллегорія эта даетъ картину опять—таки разбитой жизни, впрочемъ, поддерживаемой надеждою на возстановленіе и обновленіе, картину, вполне соответствующую историческому и бытовому положенію армянъ XVI вѣка, какъ мы указали выше.

¹⁾ См. М. Хор. Полное собр. Венеція, 1865, стр. 334.

²⁾ См. Г. Нарекскій, полное собр. сочин. Вев. 1840, стр. 482.

³⁾ Слѣдуетъ отмѣтить, что слово вард, означающее роза, въ арм. языкѣ имѣетъ нѣсколько эпитетовъ, вѣроятно въ зависимости отъ разныхъ родовъ розы. Такъ голар-вард (брилл. роза), назар-вард или назрвард, пут-вард, дул-вард, сир-вард, сут-вард, въ народныхъ пѣсняхъ кхайур-вард. и пр. См. Смотри Похвалу Цвѣтовъ Давида Саладзорскаго въ нашемъ изд. Новый сборникъ, II, 66.

⁴⁾ См. Фавствъ Виз. V, 43. Лазаръ Париск., Венеція 1873, 62 и сл.

„Пѣснь объ одномъ епископѣ“

(отрывки изъ стихотворенія Григорія Ахтамарскаго).

1. Утро каждое съ разсвѣтомъ
Соловей садится въ моемъ саду,
И сладостно воспѣваетъ розу.
А мнѣ говорятъ: встань, уходи изъ этого сада!
2. Я собралъ камень съ рѣкъ,
Колючку собралъ я съ горъ,
Я устроилъ заборъ этому саду,
А мнѣ говорятъ: встань, уходи изъ этого сада!
3. Фонтанъ я построилъ въ этомъ саду,
Небесная роса въ этомъ фонтанѣ,
Сладкая, вкусная вода.
А мнѣ говорятъ: встань, уходи изъ этого сада!
4. Кустъ я посадилъ въ этомъ саду—
Зеленой виноградной лозы;
Не ѣлъ я еще этихъ плодовъ.
А мнѣ говорятъ: встань, уходи изъ этого сада!
5. Разцвѣли уже въ этомъ саду—
Бѣлыя и красныя розы,
Я еще не наслаждался ихъ ароматомъ.
А мнѣ говорятъ: встань, уходи изъ этого сада!
6. Точило устроилъ я въ этомъ саду,
И чаны устроилъ для вина,
Я еще не пилъ изъ этого вина.
А мнѣ говорятъ: встань, уходи изъ этого сада!
7. Сорву я пучокъ моей розы,
Вложу я въ чанъ моего вина,
Чтобъ наслаждаться ароматомъ.
А мнѣ говорятъ: встань, уходи изъ этого сада!
8. Цвѣты исчезли изъ моего сада.
Распалась роза въ моемъ саду.
Заборъ моего сада разрушился.
Вотъ теперь я вышелъ изъ моего сада.

9. Ко мнѣ, соловью, не благоволи роза.
 Мой голосъ уже заглохъ во мнѣ.
 Душа моя вышла изъ моего тѣла.
 Скажите: О, рабъ, горе тебѣ!

Подстрочный переводъ стихотворенія Григорія Ахтамарскаго подъ заглавіемъ

„Пѣнь о розѣ и о соловѣѣ“

1. По уходѣ розы соловей пришелъ въ садъ.
 Увидѣлъ ея шатерь пустымъ, и вырвалась его душа.
 Блуждалъ онъ и спрашивалъ про свою возлюбленную.
 Среди ночи все взывалъ онъ плачевно и уныло.
2. „О, садъ, съ тобой я говорю, дай мнѣ отвѣтъ!
 Почему ты не берегъ дорожку мою розу,
 Главу и царицу всѣхъ цвѣтовъ,
 Цвѣтомъ прекрасную, ароматомъ (дарующую) безсмертіе?“
3. Такъ пусть обрушится крѣпкая стѣна твоя, и ты станешь раз-
 валиною!
 Пусть засохнуть вѣтки и листья твоихъ стройныхъ деревьевъ!
 Пусть смѣло топчетъ тебя всякая нога!
 И пусть исчезнуть травы, злаки, и всякій корень земли!
4. Родники, вы, обильно-текущіе, не идите впередъ!
 О, вы деревья, страхните листву вашу зеленую!
 Ясно, отчетливо говорю я, и не стѣсняясь объявляю,
 Что унесли отъ меня благородную мою любимицу.
5. Мою розу отъ меня унесли, и повергли меня въ уныніе.
 Похитили свѣтъ очей моихъ, и мною овладѣлъ мракъ.
 Я оплакиваю день и ночь непрестанно,
 Сдѣлался я меланхоликомъ, нѣтъ силы крѣпости.
6. Можетъ быть, это учинилъ надо мною садовникъ.
 Унесъ онъ розу отъ меня, и моей душѣ причинилъ боль.
 Больше не увижу я ее, какъ же быть мнѣ, рабу?
 Въгъ вмѣсто веселыхъ печальныхъ пою я пѣсни!
7. Боюсь, всталъ суровый, страшный вѣтеръ,
 Отъ того увяли листья розы;
 Иль солнечный зной жарнимъ дуновеньемъ
 Побилъ, затускнилъ красоту розы.

8. Думаю, что цветы, завидуя мне, учинили это,
И похитив удалили от меня розу.
Иль от тучи выпалъ сильный градъ,
И безжалостно ее поразивъ, отрѣзалъ отъ вуста“.
9. Цветы говорятъ ему все единогласно,
Что «нѣтъ у насъ свѣдѣнія вовсе о розѣ.
Мы тебѣ утѣха, о, повѣствователь-на-тысячу-ладовъ!
У насъ отъ тебя ничего не скрывается».
- Соловей пошелъ къ птицамъ и спросилъ у нихъ о розѣ:
10. Соловей крыльями поднялся въ воздухъ.
Сказалъ: спрошу я у птицъ дружелюбно.
Если они знаютъ, пусть объявятъ мнѣ поскорѣ,
А то слезы, какъ море, потекутъ изъ моихъ глазъ.
11. „О, птицы, знаете, что сегодня творилось?
Прелестная роза исчезла изъ сада!
Не знаете ли, куда она пошла, или кто ее укралъ?
Можетъ быть, вы ее видѣли, или слышали вѣсть о ней?“
12. Говорятъ: „Господь Создатель вѣдаетъ.
Вѣдь Онъ все сокровенное въ сердцахъ видитъ.
Иди, обходи, ищи ее въ другомъ мѣстѣ,
Твоей розы мы не видали, Богъ свидѣтель“.
13. Соловей огорчился. Говоритъ: Какъ мнѣ быть?
Вѣдь я всю ночь до разсвѣта мучаюсь въ думахъ!
Боюсь, что внезапно безъ розы я умру,
Тоскуя въ разлукѣ, сойду въ могилу.
14. Вмѣсто розы хотъ мнѣ дадутъ весь мѣръ,
Презрѣнно все для меня, ничтожно и негодно!
Или пусть пѣснопѣвцевъ съ музыкаю хоры
Станутъ пѣть сладостно, все мнѣ зловѣще и тягостно!
15. Куда тебя унесли отъ меня или гдѣ скрыли?
Какъ я забуду твою любовь?
Душа и сердце сильно у меня уязвлено,
И все цветы вообще сегодня увядаютъ.
16. Жизнь моя какъ сонъ, и я весь трепещу.
И свѣтъ солнца мнѣ кажется какъ мракъ.
Въ боли и въ горести провелъ я дни мои,
Такъ что они и не входятъ въ счетъ моей жизни.

17. Моя разлука съ розою жалостна и плачевна.
И ко миѣ относится слово пророка:
Хуже пеликана я въ пустынь,
И сдѣлался я какъ сова на развалинахъ.

Пошелъ садовникъ, говорилъ съ соловьемъ и сказалъ:

18. Садовникъ пришелъ и утѣшилъ его.
Сказалъ: „Не плачь, соловей, твоя роза придетъ.
Вотъ уже пришла фіалка, предтеча розы.
Къ тебѣ пришла добрая вѣсточка, поклонъ и поздравленіе“.

19. Онъ тотчасъ обрадовался и благословилъ его:
„Дай Богъ мирно жить тебѣ на семь свѣтъ!
Пусть распустится твой садъ и цвѣты въ немъ!
Пусть обновится ограда, и фонтаны въ немъ!“

20. Пусть все корни и вѣтки зеленѣютъ!
Пусть они покроются росой съ облаковъ, и возсіяютъ!
Пусть они складно колыхнутся, качаясь отъ пріятнаго вѣтра,
И распространять ароматъ на благоуханіе людямъ!“

Затѣмъ соловей написалъ письмо къ розѣ. И роза созвала цвѣты, и отдала читать передъ всеми. Оно имѣло такой видъ.

21. Взяли и отнесли письмо ко двору розы.
(Выбрали) розу-астру чтецомъ въ присутствіи.
Та встала на ноги, и письмо въ рукахъ,
Громко прочла въ слухъ для всехъ.
22. „Я пишу тебѣ поклонъ, душевно любимая!
И спрашиваю о твоёмъ здравіи, о блаженная!
Надѣюсь на Бога всехъ, ни въ чемъ ненуждающагося,
Что ты жива и безпорочна тѣломъ.“
23. Весь день, простирая руки, нахожусь я въ молитвѣ,
Молю Бога, чтобы твоя жизнь продолжалась.
Ты, глава вообще цвѣтовъ,
Какъ царица и владычица ты властвуешь надъ всеми!
24. По цвѣту прекрасная, по запаху пріятная,
Каждое утро ты сіяешь ярче солнца.
Блаженъ тотъ часъ, когда увижу тебя.
Ибо ты натурою безпорочна и кротка.

25. Покоривъйше изъ дали кланяюсь я тебѣ.
 Прощу твоего возвращенія, умиловись надо мною!
 Пожелаешь узнать о твоёмъ покорномъ слугѣ,—
 То лишень я ума и толка, и всякой мудрости.
26. Не имѣю покоя, спокойствія, и не строю гнѣзда.
 Нѣтъ у меня силы, и ни одного золотника крови,
 Такъ какъ безъ твоего лицезрѣнія я живу въ трепетѣ.
 Ночью сонъ не является, и я остаюсь въ бдѣніи.
27. Сътуя, надрываюсь. Когда же наступить весна?
 Изнуряся и тоскуя по тебѣ, весь я истощился.
 Провель я суровую морозную зиму
 И много по тебѣ вынесъ я горя, печали.
28. Меня упрекали и говорили: „Ты рабъ!
 Роза къ тебѣ не питаетъ любви“.

Выслушала роза письмо соловья и возвратила ему отвѣтъ:

29. Роза отвѣтила на это письмо.
 Сказала: Много цвѣтовъ пошлю я къ нему.
 Пусть покроются горы, и поля, и всѣ дворцы,
 Чтобъ соловей жилъ тамъ съ радостью.
30. Для моего отъѣзда пора теперь неудобная.
 Пусть соловей подождетъ еще немного.
 Если его любовь ко мнѣ совершенна,
 Скажите, чтобъ онъ искалъ меня въ саду.

Пошли и отнесли то письмо къ соловью. И онъ открылъ уста съ радостью и говоритъ:

31. Услыша эти слова, соловей обрадовался.
 Сказалъ, что „въ сей день мнѣ сообщили радостную вѣсть:
 Прелестная роза опять придетъ въ садъ.
 Да всѣ твари совокупно не стоятъ одной розы“!
32. Когда солнце взошло и дошло до Овна,
 Вдругъ туча на небѣ загремѣла росой,
 И тысяча тысячь цвѣтовъ выросло на землѣ,
 Не было розы среди нихъ. Соловей искалъ.
33. Потомъ онъ увидѣлъ зеленый листъ розы—
 Еще болѣе благороднымъ, и яркимъ какъ прежде.

Роза возсѣдала за завѣсою на тронѣ,
И всѣ цвѣты вообще били передъ ней челомъ.

34. Увидя это, соловей сказалъ: „Слава Богу,
Отъ всѣхъ устъ благословеніе,
И царю небесному славословіе!
Глазами увидѣлъ я розу межъ кустовъ“.

35. Опомнись ты, глупый Ахтамарецъ!
Вѣдь сего міра любовь вообще колючка.
Дастъ тебѣ немножко порадоваться, затѣмъ горевать и плакать,
Какой же прокъ отъ той радости, когда въ исходѣ плачъ?

Двѣ замѣтки по древне-русской литературѣ.

Сообщилъ В. В. Каллашъ.

I.

Татары—печенѣги—половцы.

Какъ извѣстно, нашъ былевой эпосъ забылъ о давнихъ врагахъ Руси—печенѣгахъ и половцахъ и замѣстилъ ихъ татарами: послѣднее, наиболѣе яркое впечатлѣніе вытѣснило предшествующія, поблекнувшія. До сихъ поръ еще не было указано, что такое смѣшеніе и замѣщеніе начались очень рано. Они отчасти объясняются и неумѣніемъ разбираться въ этнической разницѣ кочевниковъ, „силовавшихъ“ Русь.

Вотъ что говоритъ о первомъ появленіи у насъ татаръ Лаврентьевская лѣтопись (подъ 1223 г.): „Того же лѣта явишася языци, ихже никтоже добрѣ ясно не вѣсть, кто суть и отколѣ изидоша, и что языкъ ихъ, и которого племени суть, и что вѣра ихъ; и зовуть я Татары, а инии глаголють Таумены, а друзи Печенѣзи, ини глаголють, яко се суть, о нихъ же Мефодий Патарскый епископъ свѣдѣтельствуеть... Богъ же единъ вѣсть ихъ, кто суть и отколѣ изидоша, премудрии мужи вѣдятъ я добрѣ, кто книги разумно умѣеть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть, но сдѣ вписахомъ о нихъ памяти ради Русскихъ князий бѣды, яже бысть отъ нихъ“.

Изданный кн. М. Оболенскимъ (Москва, 1851) „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго“ (повидимому, по рукописи XV вѣка) въ нѣсколькихъ мѣстахъ смѣшиваетъ печенѣговъ и татаръ: то говоритъ о печенѣгахъ, то подставляетъ вмѣсто нихъ татаръ.

Подъ 993 г. (стр. 32—33): „Придоша Печенези по оной стране от Сулы... Преде к нему (Владиміру) князь Печенежскый... Вели ми добыти вола Татарскаго велика и силна... Приведоша Тотарове мужа... Бѣ бо Печенегъ велми великъ и страшень... Въсмѣявся Печенѣгъ узрѣвъ его... Почася крѣпко Татаринъ тръгати... Печенежинъ задрыга рукама.. Печенѣзи побѣжаша“.

Подъ 996 г.: „у Василеве бився с Татары“—Владиміръ Святой.

Подъ 1091 г. (стр. 51): „Татарове взяша 3 гради... Тожъ есть Тръкмени, Печенези, Турці, Кумані, тожъ и Половци“.

Такъ, уже къ XV в. „татаринъ“ сдѣлался синонимомъ насильника и враждебнаго Руси кочевника вообще и постепенно вытѣснилъ изъ прежняго сознанія забывшееся имя печенѣговъ и половцевъ ¹⁾).

II.

Займствованіе въ Галицко-Волынской лѣтописи.

Одинъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ нашей древней литературы, Галицко-Волынская лѣтопись и до сихъ поръ еще совершенно не разработана, хотя она всего больше объясняетъ появленіе такихъ памятниковъ, какъ „Слово о полку Игоревѣ“, и вообще является наиболѣе художественнымъ, послѣ „Слова“, произведеніемъ нашей до-Монгольской литературы.

Подъ 1288 г. она рассказываетъ, въ очень прочувствованныхъ тонахъ, о смерти Владиміра Васильковича Галицкаго. Часть этого рассказа—приспособленіе къ Владиміру Васильковичу конца „Слова о законѣ и благодати“ митрополита Иларіона, того, что онъ говоритъ о Владимірѣ Святомъ.

Для доказательства приведемъ нѣсколько параллельныхъ выписокъ.

¹⁾ Необходимо помнить, что прежде всего „татарами“ называлось одно изъ племенъ монгольскихъ (не тюркскихъ), именно татарами звалось то племя, къ которому принадлежалъ родъ Джингизъ-хана Темучина. По имени этого главнаго, первенствующаго монгольскаго племени всѣ монголы-завоеватели XIII вѣка могли безъ лингвистической ошибки называться „татарами“. Но въ Руси XIII вѣка произошла путаница термина политическаго съ этнографическимъ. Тѣ подчиненныя монголамъ кочевья полчища, массою которыхъ была завоевана Русь въ XIII вѣкѣ, состояли не столько изъ природныхъ монголовъ (эти были лишь вождями и ядромъ войска), сколько изъ разныхъ племенъ тюркскихъ (турецкихъ), говорившихъ языкомъ не монгольскимъ, а тюркскимъ; и русскіе, не давая себѣ труда разбираться въ фактѣ разницы между языкомъ монгольскимъ и тюркскимъ, перенесли на этихъ тюрковъ, своихъ завоевателей, имя ихъ монгольскихъ вождей, стали называть нахлынувшихъ тюрковъ: „татары“, и ихъ тюркскій (турецкій) языкъ—„татарскимъ“. А съ другой стороны, такъ какъ у старыхъ знакоцевъ Руси—печенѣговъ и половцевъ (кумановъ), давно уже жившихъ въ южно-русской степи, языкъ тоже былъ тюркскій и лишь диалектически отличался отъ рѣчи тѣхъ новопрішедшихъ тюркскихъ полчищъ, которыя вторглись съ монголами, то нѣтъ ничего изумительнаго, что терминъ „татары“ свободно могъ быть перенесенъ русскими и на половцевъ, и на печенѣговъ. Смѣшать рѣчь тюрковъ-половцевъ (кумановъ) и рѣчь тюрковъ, вторгшихся съ монголами, было очень легко даже для болѣе или менѣе ученыхъ языковѣдовъ того времени. Извѣстенъ памятникъ половецкой (куманской) рѣчи, т. е. „Codex Cumanicus“, датированный 11 июля 1303 года, въ монастырѣ св. Іоанна (гдѣ-то въ южной Россіи); это переводы изъ Новаго Завіта и изъ молитвослова, написанные итальянскими миссіонерами. И что же? подъ видомъ куманскихъ (половецкихъ) образцовъ эта рукопись предлагаетъ намъ не только подлинныя куманскіе тексты, но и совершенно другіе тюркскіе („татарскіе“, какъ мы сказали бы по нынѣшней терминологіи), близкіе къ рѣчи тѣхъ ордъ, которыя вторглись съ монголами.

Лѣтопись.

Возстани отъ гроба твоего, о честная главо, возстани! Отряси сонъ: нѣси бо умерлъ, но спишь до общаго возстанія. Возстани: нѣси бо въмерлъ, нѣсть бо ти умерети лѣпо, вѣровавшу во Христа, всему миру Живодавца; отряси сонъ, возведи очи, да видиши, какая ти чести Господь тамо сподоби, и на землѣ не без памяти ты оставилъ братомъ своимъ Мѣстиславомъ. Возстани, видь брата твоего, красящаго столъ земли твоея... Радуйся, учителю нашъ и наставниче благовѣрѣя! ты правдою бѣ оболченъ, крѣпостью препоясанъ и милостынею яко гривною утварю златою украсуся, истиною обить, смысломъ вѣнчанъ...

Иларіонъ.

Въстани, о честная главо, отъ гроба твоего, въстани, отряси сонъ, нѣси бо умерлъ, но съспиши до общаго всѣмъ въстанія. Въстани, нѣси умерлъ, нѣсть бо ти лѣпо умрѣти, вѣровавшю въ Христа, живота всему міру. Отряси сонъ, възведи очи, да видиши, какая ти чести Господь тамо сподобивъ, и на земли не безпамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Въстани, виждь чадо свое Георгія... виждь красящаго столъ земля твоея...

Радуйся, учителю нашъ и наставниче благовѣрїю. Ты правдою бѣ облеченъ, крѣпостию препоясанъ, истиною обуть, смысломъ вѣнчанъ и милостынею, яко гривною и утварю златою, красуся.

Такое заимствованіе указываетъ степень популярности „Слова“ Иларіона и вскрываетъ литературные приемы Галицко-Волынской лѣтописи. Оно было возможно тогда тѣмъ болѣе, что еще не сложилось самое понятіе о литературной собственности, литература въ значительной степени была анонимной, слагалась на переводахъ и подражаніяхъ, и свободно выдавала переводы и подражанія за оригинальныя произведенія, произведенія же русскихъ писателей приписывала популярнымъ византійскимъ писателямъ.

Вл. Каллашъ.

Изъ комментарий къ старо-османскому переводу хроники малоазійскихъ сельджукидовъ, т.-наз. хроники Ибнъ-Биби.

Члена Восточной Коммисіи В. А. Гордлевскаго.

Разбирая со студентами-лазаревцами отрывки изъ придворной хроники малоазійскихъ сельджукидовъ, приписываемой Ибнъ-Биби, я наталкивался на различныя затрудненія: одни объясняются дефектами рукописей, бывшихъ въ распоряженіи издателя, профессора Хутсма (Th. Houtsma)¹⁾; другія проистекаютъ просто изъ условностей старо-османскаго языка, на которомъ писали лица, прошедшія предварительно школу иностранную или точнѣе: мыслившія на языкахъ иностранныхъ,—арабскомъ и персидскомъ; наконецъ, кое-что—темно вслѣдствіе недостаточныхъ свѣдѣній нашихъ о языкѣ и бытѣ Малой Азии въ эпоху сельджукидовъ. Мнѣ казалось, поэтому, умѣстнымъ сгруппировать въ настоящей замѣткѣ наблюденія надъ текстомъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были сдѣланы на лекціяхъ моими слушателями. Заранѣе, однако, оговариваюсь, что мнѣ не удалось устранить всѣхъ недоумѣній. Моя задача сводится, главнымъ образомъ: 1) къ реальному комментарий отрывковъ и 2) къ исправленію текста и къ разъясненію нѣкоторыхъ словъ постольку, поскольку это не затронуто Вамбери въ его работѣ „Alt-osmanische Sprachstudien. Leiden. 1901“, которая, какъ ни какъ, представляетъ чуть ли не единственное пособіе для знакомства со старо-османскимъ языкомъ. Иногда я уклоняюсь и распространяюсь о грамматическихъ (синтаксическихъ) фактахъ, характерныхъ, впрочемъ, не только для старо-османскаго языка, но и для ново-османскаго.

Материаломъ послужили мнѣ два отрывка изъ хроники, перепечатанные въ хрестоматіи профессора В. Д. Смирнова (Образцовыя произведенія османской литературы въ извлеченіяхъ и отрывкахъ. С.-Петербургъ, 1903. [2-е изданіе], стр. 2—16); но ссылатся буду я, конечно, на изданія профессора Хутсма (Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides. Leide. 1902. Vol. III, стр. 152—163, IV, 208—219; Vol. IV, стр. 67—72, 91—94),—старо-османскій переводъ²⁾ хроники, выполненный въ царствованіе сул-

¹⁾ Иногда, впрочемъ, Хутсма исправлялъ очевидныя искаженія: напр., стр. 217, 4.

²⁾ Историкъ Хайр-улла (отецъ современнаго османскаго поэта Абд-ул-Хакка Хаккида бей) называетъ переводчикомъ дефтердара Джафара Челеби-заде: Неджибъ Асымъ نورک نازیشی Константинополь. 1318 г. х., стр. 430.

тана Мурада II (1421—1451) и персидскій экскерптъ изъ хроники, составленной въ Малой Азии на персидскомъ языкѣ въ XIII-мъ вѣкѣ.

Хроника малоазійскихъ сельджукидовъ написана *ad usum delphini*¹⁾; естественно, что авторъ впадаетъ въ реторику и морализаторство. Однако въ культурно-историческомъ отношеніи значеніе хроники, отъ начала до конца, внѣ всякаго сомнѣнія. Несмотря на незначительный объемъ отрывковъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, въ нихъ тоже выпукло очерчена какъ придворная жизнь султановъ, такъ, отчасти, военно-общественное устройство вотчиннаго малоазійскаго государства.

Во главѣ государства стоялъ султанъ. Хроникеръ зарисовываетъ портреты султановъ; но реальныя черты отступаютъ нерѣдко на второй планъ передъ идеаломъ мусульманскаго правителя: султанская власть установлена отъ Бога; поэтому султанъ обязанъ исполнять божественныя велѣнія, нашедшія себѣ формулировку въ Коранѣ и въ хадисахъ; улемы, какъ хранители божественнаго закона, *personae gratissimae*. На-ряду съ этимъ выдвигается значеніе вельможъ: добрый султанъ совѣщается съ ними и огосударственныхъ, и о личныхъ дѣлахъ. Неудачу сирийскаго похода хроника объясняетъ тѣмъ, что султанъ ослушался своихъ сановниковъ-совѣтниковъ. Во взглядахъ на объемъ султанской власти обнаруживаются, такимъ образомъ, чаянія и тенденціи аристократовъ или, вообще, служилаго придворнаго класса. Насколько совпадали воззрѣнія вельможъ съ воззрѣніями султана,—характерно указаніе на кругъ чтенія (политическаго) султана Ала-эд-дина Кай-Кубада I (618—634): *نظام الملك كتابن كه سير الملوك* (217, 11—12). Какъ князь сельджукидскій, султанъ, разумѣется, долженъ былъ черпать наставленія въ книгѣ „Объ управленіи“ (*سیاست نامه*), или „Права царей“ министра великихъ сельджукидовъ, Низам-оль-молька, чтобы предотвратить распаденіе малоазійскаго государства. Однако султаны были сыны степей, и, какъ кочевники, на зиму уходили въ Адалію,—на берега Средиземнаго моря. Поэтому строй придворной жизни султанъ Кай-Кубадъ I регламентировалъ, насколько это было удобно, по обычаямъ предковъ, для чего руководствомъ служила ему „Огузь-наме“ *اوغوز تورہ سین واوغوز نامه و سایر تواریحی ایو بلوردی* (217, 12—11): Онъ хорошо зналъ обычное право огузовъ, „Огузь-наме“ и прочія историческія сочиненія. Турецкія воззрѣнія проникаютъ не только придворную жизнь, но и военно-общественную.

При султанѣ было два совѣта: въ одномъ (*شرعی*) рѣшались дѣла духовныя,—здѣсь участвовали духовныя лица; въ другомъ (*دیوانی*) султанъ единолично рѣшалъ дѣла, причемъ *اوره سنجه اوغوز احکامی دیوانی* (217, 13—14): Рѣшенія по свѣтскимъ дѣламъ (султанъ) постановлялъ на основаніи точныхъ указаній „Огузь-наме“ или по аналогіи съ „Огузь-наме“. Слово *قیاس* говоритъ, впрочемъ, о совершающемся переворотѣ въ міровоззрѣніи турка-кочевника. Дѣла эти преимущественно были военно-административныя,—правильный наборъ войска

¹⁾ Recueil, IV, стр. XII—XIII.

отъ турокъ и подвластныхъ народовъ, и регистрація государственныхъ доходовъ. Повидимому, въ Малой Азии были всѣ 24 племени огузовъ¹⁾, князья которыхъ признали надъ собою власть малоазійскаго султана (стр. 210,12). По числу 24 племень огузовъ было 24 секретаря (کاتب): во время Кай-Кубада I, 12 изъ нихъ *اموال ممالکی ضبط ادلردی*, 12 другихъ—(214,15) *چری و مواجبلرن و تیمارلرن یازرلردی*. Были еще „секретари“; но это были уже, такъ-сказать, секретари дворцоваго вѣдомства. Эта военно-общественная организація вытекала изъ строя огузскихъ племень: отъ cadaго племени бралъ султанъ по 10,000 человекъ; только отъ своего племени бралъ султанъ 4 „тмы“, т.-е. 40,000 человекъ. Однако задачи государственнаго управленія въ Малой Азии были сложны: отъ малоазійскихъ сельджукидовъ зависѣли христіанскіе народы. Мусульмане ихъ отдѣляли отъ своей общины; выдѣляли ихъ и сельджукиды, гдѣ все было построено на родовомъ бытѣ. Для сбора и счета „хараджа“ были, поэтому, заведены *خراج کاتبلری* (210,13).

Какъ аккуратный хозяинъ, султанъ входилъ въ подробности управленія и достойныхъ „секретарей“ отличалъ. Въ письмѣ принятъ былъ, повидимому, почеркъ „сіякатъ“, сохранившійся впоследствии у янычаръ. Служба султану, въ военное время, награждалась дарованіемъ въ пожизненное владѣніе помѣстій. Фактически, можетъ-быть, они обращались въ вотчины и переходили отъ отца къ сыну. Но, прежде чѣмъ утвердить сына во владѣніи отцовскимъ помѣстьемъ, султанъ производилъ ему испытаніе въ военномъ дѣлѣ,—умѣнья ѣздить верхомъ и владѣть оружіемъ.

Дворъ малоазійскихъ сельджукидовъ сформировался подъ персидскимъ вліаніемъ. Большинство придворныхъ чиновъ носитъ персидскіе титулы: *چاشنیکیр*, *خزانہ دار*, *امیر اخور*, *امیر مجلس*. Восточныя игры, какъ напр., поло, заимствованы были сельджукидами изъ Персіи. Однако и на пирахъ, и на охотѣ, — обычныхъ развлеченіяхъ султана, — господствовали преданія предковъ. Извѣстно, какъ сильно развито было у турокъ „мѣстничество“. Устраивая пиры, султанъ садилъ гостей за 3 столами: за однимъ сидѣлъ онъ самъ съ царевичами (принцами ханской крови) и духовенствомъ; на остальныхъ двухъ сидѣли беи и вельможи, и султанъ слѣдилъ, чтобы *اوغوز رسمنجہ هر خانک و ملوک سوکلو سوکلن قورلردی* (215,1)²⁾: По обычаямъ огузовъ, передъ каждыиъ ханомъ и князькомъ клали кость (и кусокъ мяса, разумѣется), соответствующій его положенію.

Строгий порядокъ наблюдался также во время большой охоты, происходившей дважды въ годъ: устраивали облаву на звѣря, и когда звѣрь бѣжалъ на охотниковъ, первымъ металъ стрѣлу султанъ; затѣмъ—беи и сипахи, наконецъ—остальные присутствующіе. За удачный выстрѣлъ султанъ награждалъ: если, напр., кто поразилъ тигра,—тому у локтя подвѣшивали хвостъ

1) Изъ огузскихъ племень хроника вскользь упоминаетъ племя „кайы“ *قایی*. *اوچی: قایی*. *قایی دن ارطغرله اصمردی* (218, 1—2). Онъ возложилъ (охрану) границъ... на Эр-Тогрула изъ племени „кайы“. Ср. Th. Houtsma, *Die Ghuzenstämme*: W. Z. K. M., II, стр. 222.

2) Ср. Th. Houtsma, *op. c.* стр. 229—230.

тигра; если кто стрѣлой убилъ птицу,—укрѣпляли на головномъ уборѣ султана. За воинскіе подвиги конь героя украшался кутасомъ.

При дворѣ вошли въ употребленіе занесенныя изъ Персіи игры: трикъ-тракъ, шахматы, и султанъ Ала-эд-динъ Кай-Кубадъ I, напр., игралъ неподобно. Вообще же въ будни царя патриархальность: султанъ Кай-Кубадъ I развлекался тѣмъ, что дѣлалъ луки, плотничалъ, рисовалъ, раскрашивалъ (نقاشلق), дѣлалъ сѣдла, ножи, и, какъ всякій восточный чело-вѣкъ, зналъ толкъ въ драгоценныхъ камняхъ.

Размѣренный темпъ жизни нарушался во время брачныхъ торжествъ. Хроника подробно описываетъ бракосочетаніе султана Изз-эд-дина Кай-Кавуса I (607—616 г. х.).¹⁾ При скудости старыхъ этнографическихъ данныхъ о западныхъ туркахъ, это описаніе пріобрѣтаетъ большое значеніе. Вотъ главные моменты свадебнаго ритуала²⁾.

Прежде всего султанъ посылаетъ въ Эрзинджанъ сватовъ („дүңүр“). Эрзинджанскій князекъ (ملك) Фахр-эд-динъ прекрасно сознаетъ честь, оказываемую ему могущественнымъ султаномъ, и немедленно изъявляетъ согласіе, между тѣмъ какъ сейчасъ, даже въ деревняхъ, считается хорошимъ тономъ немножко поломаться и заставить отца жениха нѣсколько разъ послать сватовъ. Въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ эрзинджанскіе мастера и ювелиры заняты приготовленіемъ приданого,—сюда входятъ и золотыя вещи, и домашняя утварь, и даже такіе предметы, какъ лѣстница, для того, чтобы невѣстѣ на пути изъ Эрзинджана въ Конію было удобнѣе садиться на верблюда. (Такія лѣстницы до сихъ поръ употребляются въ Персіи). Когда все было готово, князь извѣщаетъ султана объ этомъ, а султанъ оказываетъ посламъ всевозможныя почести. Тѣмъ временемъ изъ Адаліи³⁾ (большого торговаго города) были привезены головы сахару, въ которыя искусно было вдѣлано, въ разномъ количествѣ,⁴⁾ золото,—и распределены между членами посольства. Упоминаніе о томъ, что деньги были даны въ сахарныхъ головкахъ, цѣнно съ точки зрѣнія свадебнаго ритуала. Сахаръ служитъ какъ бы символомъ возстановленія мирныхъ отношеній, являясь отголоскомъ той эпохи, когда было умыканье женъ, вносившее ссоры и вражду между двумя родами. Въ свадебномъ ритуалѣ Сивасскаго и Ангорскаго вилайетовъ, записанномъ мною въ Константинополѣ, сахаръ значится тоже въ числѣ подарковъ, отправляемыхъ изъ дома жениха.⁵⁾

1) Такъ датируетъ Лангъ-Пуль. Въ хроникѣ (IV, 39, 14; 82, 14) годъ вступленія на престолъ—608, годъ смерти—617.

2) Впрочемъ, возможно, что на свадьбѣ сельджукида отразился церемоніаль свадебныхъ торжествъ халифа Мамуна, рассказъ о которыхъ сохранился у историковъ (см. напр., „Мурдж-уз-захаби“, Мас'удіа, VII, стр. 65). Хроникеръ замѣчаетъ (стр. 156, 20), что цѣлѣмъ читалъ молитву эпохи халифа Мамуна. Съ другой стороны, это предположеніе парализуется заявленіемъ (IV, стр. 69 слѣд.), что выборъ имама опредѣлялся, между прочимъ, краткостью молитвы.

3) Въ текстѣ „انطاليه“,—со вставочнымъ звукомъ „н“.

4) Очевидно, для того, чтобы не возбудить зависти между членами посольства.

5) Въ сахарѣ выражается также, пожалуй, пожеланіе сладкой жизни между супругами.

Послѣ этого былъ заключенъ, согласно шаріату, брачный договоръ; султанъ уплатилъ калымъ (١٠٠) въ 100 тысячъ флориновъ.¹⁾

Началось заочное празднованіе свадьбы. Запѣли свадебныя пѣсни. Хроника сохранила традиціонный свадебный припѣвъ: „кутлу, мубарек олеун!“ (Да будетъ свадьба счастлива и благословенна!)²⁾. Гостей осыпали золотомъ, серебромъ и драгоценными каменьями³⁾, такъ что «дворецъ обратился въ луга, которые весна украсила розами». Вечеромъ былъ пиръ. На другой день султанъ снарядилъ посольство, которое отвезло въ Эрзинджанъ подарки жениха. Князь Фахръ-эд-динъ тоже отдалъ посольство; между подарками на первомъ мѣстѣ стоять, конечно, халаты. Подъ вечеръ свадебный кортежъ вышелъ изъ города Эрзинджана, чтобы на зарѣ слѣдующаго дня двинуться въ далекій путь. Кажется, это обусловлено вѣрой въ *horae fastae* и *nefastae*. Въ Коніи султанъ разукрасилъ дворецъ. Няньки привели невѣсту въ брачную комнату („гердек“), которая, можетъ - быть, сохраняла еще черты, оправдывающія имя. Затѣмъ, няньки сняли съ невѣсты чувяки. Авторъ хроники, видно, цѣнитель женской ножки, потому что говорить: (161,6) ... *فاگهان کنج شایکانی ادکلر اچنده بولب*. Неожиданно нашли они подъ чувяками царственное сокровище. Посольство еще разъ попиравало и, награжденное халатами и деньгами, откланялось и вернулось въ Эрзинджанъ.

Вопросъ объ источникахъ⁴⁾ оригинала хроники (персидскаго текста) лежатъ внѣ сферы нашего вниманія. Замѣтимъ только, что переводчикъ хроники (на старо-османскій языкъ) былъ также воспитанъ на персидской литературѣ и при случаѣ намекаетъ на это. Иногда можно открыть какъ будто слѣды басни или притчи: о волкѣ, который, воспользовавшись тѣмъ, что настухъ подвышилъ, уноситъ овцу (216,3—4); персидскую поговорку (стр. 212,15—16): *عادت چو کهن شود طبیعت کردد* (Привычка—вторая натура). Нечего и говорить, что рассказъ часто прерывается стихами. Приводя рубай Хейяма, повторявшееся султаномъ Ала-эд-диномъ Кай-Кубадомъ I, авторъ какъ бы оправдывается,—тѣмъ, что въ то время турецкой поэзіи еще не было; вотъ почему султанъ „*تورکی الاصل*“ (турокъ по происхожденію), долженъ былъ увлекаться персидской поэзіей. Любонь-

1) Золотые флорины начали чеканить во Флоренціи только въ срединѣ XIII-го вѣка. Возможно, что переводчикъ хроники изъ XV-го вѣка бросаетъ ретроспективный взглядъ, и допускаетъ анахронизмъ.

2) Этотъ припѣвъ встрѣчается въ пѣснѣ, записанной мною въ деревнѣ Андавалъ подъ Нигде: Образцы османскаго народнаго творчества [печатается], стр. 109—110.

3) Осыпаніе гостей деньгами, конфетами—въ большомъ ходу на Востокѣ. Я помню, какъ въ 1906 году, во время инспекціоннаго объѣзда школъ Палестинскаго Общества въ Сиріи, вмѣстѣ съ консуломъ Дамаска, Г. Д. Батюшковымъ, жители горныхъ деревень осыпали насъ монетами и конфетами.

4) Разумѣется, авторъ пользовался для своей хроники и рассказами приближенныхъ султана: такъ, въ одномъ мѣстѣ (213,5 слѣд.), онъ ссылается на Джеяль-эд-дина Каратая, въ теченіе 18 лѣтъ служившаго султану Ала-эд-дину Кай-Кубаду (616—634 г. х.). Сл. Шнагъ (*Konia, la ville des derviches tourneurs* Paris. 1897, стр. 159), однако, отодвигаетъ невинство Каратая на эпоху султана Кай-Кавуса II (643—655 г. х.).

тень также старый сказочный оборотъ, рисующій силу моленій султана Кай-Кубада I: „если бы горы услышали, онѣ испустили бы вздохъ“ (213,14—15).

Въ своей замѣткѣ я нарушилъ уже естественный порядокъ, и отъ реального комментарія перехожу къ изученію хроники со стороны формы,—къ критикѣ текста и глоссарию. Предварительно я выдѣлю еще синтаксическія ²⁾ явленія. Конечно, я не хочу сказать, что всѣ грамматическія формы, подмѣченные въ памятникѣ XV-го вѣка, составляютъ исключительную особенность старо-османскаго языка; онѣ разомъ не исчезли и не могли исчезнуть въ языкѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются въ памятникахъ XVI-го вѣка, напр., въ сборникѣ анекдотовъ Ламіи († 1531).

Сочетаніе двухъ существительныхъ. Когда въ ново-османскомъ языкѣ опредѣленіе существительное обозначаетъ количество, опредѣляемое не принимаетъ мѣстоименнаго аффикса 3-го лица. Однако въ старо-османскомъ языкѣ опредѣленіе существительное (для обозначенія *времени*), рассматривалось, какъ обыкновенное опредѣленіе-существительное, и говорили напр.: *بر آی مدتی* — промежутокъ въ одинъ мѣсяць (154,16; также 213,7). Въ ново-османскомъ языкѣ эта конструкція сохранилась въ сложныхъ обстоятельствахъ времени (на вопросъ: сколько времени? въ теченіе какого времени?) *بر آی ظرفنده* — въ теченіе одного мѣсяца.

Падежи: а) дательный. Слово *مشغول* сочиняется съ дательнымъ падежемъ, теперь — съ послѣлогомъ *ایله*, напр., *تجهیزه مشغول اولدی* (154,23; также 213,10): Онъ занялся приготовленіемъ приданаго.

б) *Мѣстный падежъ.* Повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстный падежъ замѣняетъ исходный. Напр.: *طودقارنده اویدی* (161, 4): онъ поцѣловалъ (ее) въ губы; *اولدن شهرلرنده کلوب مجتمع اولمشلردی* (156, 8). Здѣсь тоже мы скорѣе ожидали бы исходный падежъ: „придя еще прежде *изъ своихъ городовъ*, они (улема и т. д.) собрались. Впрочемъ, возможно, что *شهرلرنده* согласовано не съ непосредственно слѣдующимъ за нимъ глаголомъ, а со вторымъ глаголомъ. Авторъ какъ бы говоритъ: придя еще раньше, они собрались *въ городъ*. Или: *اوئرنده و طورنده کمسنه محروم قلمادی*. Между сидѣвшими и бывшими вообще никто не былъ обдѣленъ. (157, 11).

Согласованіе по смыслу (ad intellectum) (157, 8—9): *هرکشی... تناول قلدلر*: Каждый... вкусилъ.

Употребленіе множественнаго числа имени существительнаго встрѣчается очень часто при сочетаніи съ числительнымъ количественнымъ и неопредѣленнымъ, напр., *شول مقدار موملر... اوچ یوز اعلی... خلعتلر* (160, 16): Триста лучшихъ... халатовъ (159, 20—21); столько свѣчей; также: 210, 12; но: *یوزباش Ат* (162, 14).

1) Изъ морфологическихъ фактовъ отмѣтимъ: 1) мѣстоименіе *نیهمه* = *ذیکیم* (214,8), 2) формы (со вставочнымъ, по аналогіи, звукомъ н): *اشبونلر* (216,15), 3) давно-прошедшее повѣствовательное отъ дѣепричастія на „об“, *ویریدی* (155,8).

2) На лексикѣ, можетъ-быть, отразилось вліяніе джагатайскаго (средне-азіатскаго литературнаго) языка.

Въ текстѣ встрѣчаются *конструкціи персидскія*; нѣкоторыя выраженія представляютъ дословный переводъ съ персидскаго языка, напр.: *یرنه کتردی* (157, 17) — исполнилъ [= *بجا آورد*]¹⁾. Кажется, персидское вліяніе можно усмотрѣть и въ выраженіи *بن قول حقنده* [= *در حق من بنده*]. Выраженіе *محروسه* *ارزنجان ملکه خدمتته وارهلر* (158, 4—5): (для того, чтобы) они отправились къ царицѣ въ „богоспасаемый“ Эрзинджанъ — тоже сложилось подъ вліяніемъ персидскаго текста [= *که تا محروسه ارزنجان بخدمت ملکه روند*], IV, 70, 16—17). Персидскимъ же вліяніемъ объясняется постановка прилагательнаго арабскаго - определенія (въ мужскомъ родѣ) при определяемомъ - арабскомъ существительномъ (въ множ. числѣ женскаго рода или во множественномъ мужскомъ). Такъ: *هدایای ثمین* (153, 17) — драгоценныя дары, но на-ряду съ этимъ уже встрѣчается конструкція, въ которой примѣняются правила арабской грамматики: *خلاخل و خواتم نفیسه* (155, 2) — драгоценныя ножныя браслеты и перстни. Вообще съ женскимъ родомъ не только прилагательныхъ, но и причастій авторъ не въ ладу: онъ пишетъ на стр. 212, 12: *...تعذیب مستاکله و خونه کندوزنه لازم بلوردی*. Онъ считалъ для себя необходимымъ наказывать „міроѣдовъ“ и измѣнниковъ. Здѣсь *مستاکله* должно замѣнять форму множественнаго числа мужскаго рода, — *مستاکلون*.

Герундій. а) При сокращеніи русскаго придаточнаго предложенія обстоятельства времени, дѣйствіе котораго предшествовало другому дѣйствію, герундій принимаетъ еще мѣстоименный аффиксъ 3-го лица, напр., (155 16) *طعام یندکندن صکره* — послѣ того, какъ пища была съѣдена²⁾.

б) Герундій вспомогательнаго глагола «быть» *ایدوک* сочетается въ сокращенномъ видѣ съ существительнымъ, напр., *اتیجی ایدوکی = آنجیدغی*, 211, 9... для того, чтобы его (удачный) выстрѣлъ сталъ извѣстенъ. Такое объясненіе было предложено Казембекомъ (*Allgemeine Grammatik der türkisch tatarischen Sprache. Leipzig. 1848, стр. 162*).

Дьепричастіе на „и“ обозначаетъ цѣль и ставится послѣ глаголовъ обозначающихъ движеніе, напр., (153, 20—21) *ملکه دیلیو... الچی کلور* — приходитъ посоль, чтобы сватать царевну. (То же у Ламіи).

Обычность дѣйствія выражается не только посредствомъ глагола *کلمک* но и глагола *اولق*, напр.: (211, 4) *عادت وتوره شويله اولا کلمشدی* — таковъ уже обычай предковъ; *ملوک تاجداردن انوک کبی عالمه احترام اوله... اولندی* (136, 1) — со стороны вѣнценосныхъ правителей это было обычное уваженіе въ отношеніи къ такимъ ученымъ, какимъ былъ, напр., онъ (кады Шерефъ-эд-динъ).

Сложныя предложенія, построенныя асиндетически. Дополнительные предложенія, зависящія отъ глаголовъ думать, полагать и т. д. (*verba*

1) Выраженіе это вошло въ употребленіе въ османскомъ языкѣ.

2) Впрочемъ, въ османскихъ сказкахъ попалось мнѣ выраженіе „гдеже жатты-ында“ (когда онъ лежалъ ночью...): J. Kúnos, *Oszman-török népköltési gyűjtemény. Budapest. 1889 (II), сказка № 78, стр. 20.*

sentiendi et putandi) предшествуютъ, какъ всякое придаточное предложене, зависящему предложению безъ всякаго союза, при чемъ глаголь ставится въ личной формѣ, напр.: (213, 8—9) *راحت اولور نوردم*. Я не видѣлъ, чтобы султанъ отдыхалъ. Это явленіе обычно въ литературныхъ памятникахъ и въ разговорномъ языкѣ, напр.: *اوغلی محمد شاه یاننده اوتورور کوردی*. Онъ (Бекиръ „су-баши“) увидѣлъ, что сынъ его Мехмедъ сидитъ рядомъ съ шахомъ (Аббасомъ I). [Наима].

Желательное наклоненіе: 1) Послѣ глагола „буѣурмак“ (приказывать) въ придаточномъ предложени ставится желательное наклоненіе, но иногда и изъявительное наклоненіе, когда не остается никакихъ сомнѣній въ томъ, что приказаніе будетъ исполнено, напр.: (153, 17—18) *بویردی که*... *هدایای ثمین*... *چقارب ترتیب اند لر*. Онъ приказалъ, чтобы вынули и приготовили драгоценные дары; (157, 18—19) *بویردی که شوپله که کرک ولایق در*. Онъ приказалъ, чтобы приготовили такъ, какъ это нужно и приличествуетъ.

2) Послѣ глагола „дімек“ (говорить), когда дѣйствіе относится къ будущему времени, напр., *یارین قیامت کوننده*... *ماخوذ اولاوز دیрدی* (211, 14—15). Онъ говаривалъ: Завтра, въ день свѣтопреставленія будутъ насъ упрекать. Очень часты формы эти и въ ново-османскомъ языкѣ. Полу-грамотный ангорецъ, диктуя мнѣ свадебный ритуаль, повторялъ въ своихъ формулахъ сватовства: „*şöjle bileсіz... деді*“ Онъ сказалъ: такъ и знайте!

Послѣдовательность временъ и притяженіе наклоненія. (Consecutio temporum и attractio modi).

Когда въ придаточномъ предложени, въ силу той или другой причины, должно быть желательное наклоненіе, то, если въ зависящемъ предложени — одно изъ прошедшихъ временъ (изъявительнаго или сослагательнаго) наклоненія, въ придаточномъ предложени ставится также *прошедшее* время желательнаго наклоненія напр.: *مسکت کوسترردی که غایت رفتدن طاغیر ایشتنسه... دود* (213, 14—15): Онъ проявлялъ такое уничиженіе (въ молитвахъ), что если бы услышали горы, отъ крайней степени жалости изъ нѣдръ (دل) (ихъ) показался бы дымъ. Или: *شکرئی قنقی دلله ادا فلا بلم کم*. *اگر سلطنت حضرتی خدمتندن فرمان اولیدی که... عیالم... جوارسی اراسنده منتظم اولیدی* (154, 11—12): Какъ могу я выразить (благодарность)... Если бы его величество султанъ приказалъ, чтобы моя жена была его рабыней...

Поправки къ тексту изданія.

Напечатано:

Читай:

Стр. 153, 1 سلطان... جمله غزاییده التزام 1, 153, 1 Стр. Вм.: غزایمنده — غزایینده (какъ по-персидски: IV, 67, 10).

Султанъ обнаружилъ покорность во всѣхъ дѣлахъ, положеніяхъ и обязанностяхъ (предписанныхъ Богомъ).

Стр. 153, 7... تخیرا لطیفکم... Вм. въ персидскомъ текстѣ (IV, 67, 10) хадисъ напечатанъ правильно:.....

Выбирайте себѣ на сѣмя (осмотрительно)...

Стр. 153, 13—14... اول عماذك صدفی... انساب طاهر سلطان قلیج ارسلان... استخراج بولشدی... Вм. ارسلانندن — آرسلан По - персидски: یتیمه‌الدهر از عمان فضل... و اصلا ب سلطان قلیج ارسلان

Дѣвушка, жемчужина того глубокаго моря, происходила изъ чистаго рода султана Кылычъ-Арслана. (Вольный переводъ).

Стр. 154, 16 برآی مدتی... وچ آی مدتی... Такъ напечатано дальше (155, 1), да и въ персидскомъ текстѣ стоитъ مدت سه ماه (IV, 68, 8):

Стр. 155, 2... خواتیم... خواتم... صدرالدین روحوی... صدرالدین قونوی... اکردور شهرندن... کدوک شهرندن

Такъ пишется слово нѣсколько разъ въ персидскомъ текстѣ. Повидимому, разумѣется нынѣшнее селеніе Сивасскаго вилайета. О существованіи его я узналъ отъ С. Г. Дзеруцьяна.

Стр. 155, 12... قتلوجه... قتلوجا [= قتلوجه... کلفشان ربیعی بکی... کالی افشان ربیعی کبی

1) Въ персидскомъ текстѣ [69, 13] стоитъ لہاوری

2) О немъ: Cl. Huart. Konia, la ville der derviches tourneurs. Paris, 1897. Стр. 159—171.

Стр. 158, 3 ... وارندو امين پاكيزه خادملى ... ولوند امين ... خادملى

(Онъ отправилъ) *стройныхъ*, вѣрныхъ и чистыхъ дочерей.

Стр. 158, 17 ... امير مجلس نظيرى ... — نظيرى نظرى
بيراقنه دوشدى

Взглядъ эмира совѣта упалъ на знамя (султана).

Стр. 158, 17 ... برى بيرله كورشدار ... [بر بريله =] بر بيرله كورشدار

Такъ, по крайней мѣрѣ, дальше,—на стр. 159, 2. Впрочемъ, по казанско-турецки говорятъ: برى برايله.

Стр. 159, 8 ... الحان خوش نوالرندن ... الحان خوش نوالرندن

Отъ мелодичнаго ихъ пѣнія.

Стр. 160, 14 ... وملكه كردك تختنه نصب ... [ملكه بى =] ملكة—ملكة
اندلر

Они усадили царевну на тахту въ брачной комнатѣ.

Стр. 160, 15 ... شولقدر بخور سرور ... دتزدار—دتزدار (دۇتۇدۇلەر).
مجمره حبور اچنده دتزدار

Они такъ воскуряли ошимаъ радости въ кадилницахъ веселья.

Стр. 160, 21 ... ايسيه ... ايسيه

Имя жены фараона, воспитавшей Моисея.

Стр. 161, 21 ... قاپوجى لر پرده يوقرو ... — بکلر ... بکلره
کوثر بکلر بارگاه کرمه
دستور ويردلر

Привратники, поднявъ занавѣсъ, впустили во дворецъ беевъ.

Стр. 162, 10 ... دوستگانی دوستگامى

Стр. 208, 21 ... کشوردار دین پرور و شهریار داد کستر کشوردار دین پرور شهریار داد کستر

Стр. 209, 14 ... ویا طوعه حتما و فرضا لازما

Въ персидскомъ текстѣ (IV, 92, II) полустипіе такъ читается:

(او طوعه حتما و فرضا (و لازما)

Выбросить союзъ و ?

Стр. 210, 4	تندق	تندق
Стр. 210, 7	بو یوردی	بو یوردی
Стр. 212, 4	عمال و اموال تصرف ادن	

Не лучше ли вм. *عمال* читать *اعمال*?

Стр. 212, 19	یوهندی	یوقلدی или یوغلدی!
Стр. 213.	Въ примѣчаніи ссылка на Коранъ указана не точно; нужно: сура 73, стихи 2—4.	
Стр. 214,13	سلطان — سلطانی	Вм. سلطانی... حکم ادب

Султанъ (самъ) рѣшалъ дѣла.

Стр. 214,18	کندوریسی	لندوزیبی
Стр. 215,13	اش مصاحت	اش و مصاحت
	(Такъ ниже, стр. 215,21).	
Стр. 215,23	ایچوب	[ایچروب] ایچرب
Стр. 215,15	ییرلری سوزرلردی	ییرлری سورлردی
Стр. 216,19	Въ старо-османскомъ текстѣ въ первомъ полустипіи выбросить первое слово.	

Стр. 216,19 слѣд. Это четверостишіе Хейяма читается иначе въ изданіяхъ

Nicolas и Whinfield:

Nicolas. № 37, стр. 23.	Wihnfield. № 41, стр. 29.
ناهشیارم در طرجم نقصانست	تا هشیارم طرب زمن پنهانست
چون مست شدم برخردم نادانست	چون مست شدم درخردم نقصانست

Дальше въ обоихъ изданіяхъ одинаково:

	حالیست میان مستی وهشیاری	
	من بنده آن که زندانی آنست	
Стр. 217,3	کتوردی	کتورردی
Стр. 217,5	معتقددی	معتقددی
Стр. 217,6	سفردهده ختم روان بیله یوردی	Вм. سفردهده — سفردهده

Слова.

برآراسته خوان انواع (п.) — похлебка. (155,15). Они накрыли столъ и разставили похлебки и кушанья.

که آتیبی — бросающий, стрѣлокъ. (211,9): Для того, чтобы знали о его (удачной) стрѣльбѣ.

آذین (п.) — украшеніе, празднество. (160,7): Они устроили празднество. Въ Крыму это выраженіе утратило уже основной смыслъ, и значить: „закрыли лавки“.

اوغلان — (отборный) всадникъ ханскаго рода (215,16).

الشدرمک (öleşdirmek) — раздѣлять (162,18). У Вамбери (стр. 200) — öleşmek — „sich in Etwas theilen“. Впрочемъ, глаголъ извѣстенъ и въ ново-османскомъ языкѣ.

آقدرمق (актармак) обратить въ бѣгство, сокрушить. دشمن بهادرلرن اقدرسه (211, 5—6): Если бы кто поразилъ вражескихъ богатырей, тому вѣшали на шею лошади золотой кутась.

هرآلپار (джаг.) — герой, геройскій. (211,4). Всякій герой и мужъ...

دعا والقیش — молитва. ایدوب (215,4)... Вамбери (Alt-osmanische Sprachstudien, стр. 22) говоритъ: у юрюковъ слово „алкыш“ значить: молитва, въ старо-османскомъ языкѣ — благословеніе, въ ново-османскомъ языкѣ слово вытѣснено арабскимъ „دعا“. Это не совсѣмъ такъ. Въ старо османскомъ языкѣ „алкыш“ — синонимъ „دعا“. Это слово

пришлось мнѣ однажды слышать въ затерявшейся въ горахъ деревнѣ Али-ходжалы (Конійскаго вилайета) въ смыслѣ „благословеніе, одобреніе“. Въ ново-османскомъ языкѣ употребляется производный глаголъ „алкышламак“ — выразить одобреніе, аплодировать.

ایاغندن خدایکانک ادکلرن — чувяки. (161,5): Онѣ (няньки) свяли съ ногъ царственные чувяки. Вамбери (ор. с., 164) переводитъ слово неточно: Stiefel, Fussbekleidung. Радловъ, Опытъ словаря турецкихъ нарѣчій (I, 854): мягкіе сапоги (у женщинъ); сапожки, туфли (Сив. вил.).

والاییمک و ایچمک اربابلره و بازركانلره دخی میسر اولور (214,6). А то вѣдь ѣсть и пить умѣютъ ремесленники и купцы.

واکر منشی و. اورو — (örü) — вверхъ. یازیبیه... اوقتسه عزت ایدب اورو (218,12—13): Если же онъ (султанъ) приказывалъ секретарю или писцу читать (письмо халифа), ...то изъ почтенія (слушалъ) стоя. Вамбери (стр. 212) не рѣшался категорически высказаться о значеніи слова. Радловъ, ор. с. I, 1222.

او قمق — звать, приглашать. Въ этомъ значеніи до сихъ поръ употребляется въ Коніи, напр., „دیؤنه окумак“ — приглашать на свадьбу.

اولیکنمک (öjünmek) — слѣдовать, подражать. انلرک احقاق و فضايلنه تمثيل ایدوب (217,5—6): Подражая добродѣтельнымъ ихъ правамъ, онъ

(султанъ) слѣдовалъ имъ. Глаголь употребляется и сейчасъ въ значеніи хвастаться.

اکندن (ікіндіи) — около времени предвечерней молитвы (155,7). Это — инструментальный падежъ отъ слова اکندی, употребляющагося и въ современномъ османскомъ языкѣ. Радловъ, ор. с. I, 1418.

كدوك شهرندن — впередъ. (155,10) اوگردو سلطان خدمتته وارب ...отправившись впередъ къ султану изъ города Гедюка. Ср. въ персидскомъ текстѣ: واز كدوك پيشتر رفت (IV, 68, 21).

اورمق — коснуться, дотронуться. (161,4). النى زلف... حلقه مشکبارنه اوردى. Онъ коснулся рукой мускусныхъ завитковъ „кудрей“ невѣсты.

چرى بابنده بلوى و بلو — знаніе и способность. (211,2) عقل و كفايتى زياده اولسه (211,2). Если у кого оказывались изрядныя знанія и сообразительность въ военномъ дѣлѣ... Хутема напрасно предполагаетъ здѣсь арабское слово بلا (211, примѣчаніе). Слово „bilü“ извѣстно изъ языка туркменъ малоазійскихъ; на ряду съ нимъ употребляется и другое слово بلگو (bilgü). Радловъ, ор. с., IV, 1795 отмѣчаетъ слово въ казанско-турецкомъ языкѣ.

بله — вмѣстѣ. (158,5) خدمتتجه بله — вмѣстѣ съ нею. Здѣсь „bile“ соединяется съ релятивнымъ падежомъ. (Дополненіе къ Вамбери, стр. 151).

سرایک حوض و برکه — бассейнъ, озеро. (156,14—15) شربت طولدردلر. Они наполнили дворцовый бассейнъ и прудъ... шербетомъ. Вамбери, переводя берке словомъ Teich, ставитъ вопросъ (стр. 152).

اوغوزک — родъ, колѣно, племя. (210,8) يكرمى درت بويى عددتجه. По числу 24 огузскихъ племенъ...

ارمن (текір) (п.) — царь армянскій. (210,1) تکرلر ین. Армянскихъ царей

Въ ново-османскомъ языкѣ تکر — ласкательное имя для кошки.

تومن (п.) — „тыма“ = десять тысячъ. يكرمى درت تومن كه ايكى يوز قرق بيكار اولور (210, 8—9): 24 „тымы“, что составляетъ 420 тысячъ человекъ.

خدمت (а.) — послѣлогъ: 1) въ дательномъ падежѣ (съ мѣст. аффиксомъ) — къ (на вопросъ: куда?) 2) въ мѣстномъ падежѣ (съ мѣст. аффиксомъ) — у (на вопросъ: гдѣ?) Напр.: سلطان حضرتى (153, 16). Они (вельможи) доложили его величеству султану. Это выраженіе представляетъ дословный переводъ съ персидскаго: درخدمت، بخدمت.

خوان سالار — завѣдующій столомъ, оберъ-шенкъ. خوان سالارلر و چاشنيکيلر (215, 2). Завѣдующіе столомъ и приготавливающие пищу.

چاولو بك — Чаулу-бей (155, 13): 1) Или слово указываетъ на происхожденіе его изъ города Чау въ Туркестанѣ, 2) или значить „знаменитый, голосистый“ (چاغ + لو). Вамбери, стр. 154.

چوقلق — множество, многій. (157, 19—20) آلات و اسباب مرتب اولدى... Много вещей и предметовъ было приготовлено.

دروكرلك — плотничество (218, 5). Теперь это слово произносятся: дүлгер, дүлгер + лик.

دگورلك — сватовство (157, 18). Это слово до сихъ поръ употребляется въ Малой Азии, напр., въ Ангорѣ. Когда отецъ намѣтилъ для сына невѣсту, онъ посылаетъ къ ея отцу сватами своихъ друзей, — вообще лицъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ. [Свадебный ритуаль Ангорскаго вилайета, записанный въ Константинополь со словъ уроженца Анны, будетъ скоро опубликованъ мною].

دل (диль) — языкъ, слово, слова.

آنوك ايو آدى دلرده سويلنوردى (218, 22—23): Добрая слава о немъ была у всѣхъ на языкахъ. Въ ново-османскомъ языкѣ слово „dil“ въ соединеніи съ глаголами: *كزملك* (съ мѣстнымъ падежемъ) и *دوشمك* (съ дательнымъ падежемъ) значитъ: понасть на зубокъ, получить дурную славу.

دليم — много. *كيمىاي سعادت* (217, 11—12). Онъ много читалъ книгу (Газали) „Химія счастья“.

دترمك (дүтүзбек) — дымить, воскурять. *شولقدر بخور سرور مجمره حبور* (160, 14—15): Они такъ воскуряли еиміамъ радости въ кадилницахъ веселья.

دورباش (п.) — 1) окрикъ „берегись!“, 2) дубина; стража. *چاوشلر و دورباشلر* (155, 18—19): Чауши и „дурбаши“... стали по обѣ стороны.

دوغبا [изъ *دوغ آبا*] — каша (жидкое кушанье) изъ кислаго молока *puls oxugalaе* (Вуллерсъ). *انواع اطعمه... زيربا* (стр. 157, 9—10): Когда были съѣдены различныя кушанья....

دوستگانى (п.) — застольная чаша (Вуллерсъ). *دوستگانى رسميله طولولر اچمه*. *باشلادلر* (159, 9—10): Они начали вѣть изъ застольной чаши.

زيربا (п.) — родъ супа съ мясомъ (мелко изрѣзаннымъ). (157, 9). [Вуллерсъ.]

سنبوسه (п.) — пирожокъ медовый съ начинкой (сладкой) (157, 10). Въ дополненіе къ объясненію Вамбери (на стр. 204), заимствую описаніе „самбўсека“ изъ „Исторіи Турціи“ А. Крымскаго. Москва, 1910, стр. 78, примѣчаніе: (у сирійскихъ арабовъ) „это — треугольный изжаренный въ маслѣ пирожокъ съ сладкой, обильно подсахаренной начинкой (вѣрифе — пирожное) изъ толченыхъ орѣховъ“...

سورقوج [теперь: *سرغوج* или *صورغوج*] султанъ. *سورقوج كوترردى* (211, 8). Онъ клалъ на голову султанъ.

رفعت (а.) — возвышеніе (у окна), подоконникъ (161, 8).

سيمين نباكوش (п.) — красавецъ, мочки уха котораго бѣлы, какъ серебро. (159, 17). Выраженіе обычно въ персидской поэзіи.

سوكش (сöwüş) — мясо въ супѣ *خاصه سوكش و سوكمه و برياندن* (214, 21—215, 1): Они клали (передъ гостями косточки) отъ супового мяса и (вообще) жаренаго мяса. Радловъ, ор. с. IV, 573—574

ابخنى (джаг.) — вареное мясо = *سوكمه* Радловъ, ор. с. IV, 574.

شيلان (п.) — царскій пиръ (215, 4).

صاچو [Вамбери, 204] *سچو* — разбрасываніе. *التون و كمش و جواهر صاچو* (157, 6) Пригоршнями разбрасывали золото, серебро и драгоценныя каменья.

جهان كورمش (саваш) — битва. *صواش* (213, 1 9): Видавшіе „виды“ (міръ) и испытанные въ бояхъ.

عذرا كنارندن وامق — встать. *طورمق* (191, 16—17): Вставъ изъ объятій Азры подобно Ваміку, онъ (султанъ) направился въ баню. Въ ново-османскомъ языкѣ *طورمق* значитъ: 1) пребывать, 2) останавливаться.

امارى (а.) — балдахинъ (деревянный) на спинѣ верблюда (158, 2).

فلورى (п.) — флоринъ (золотой) *يوزبك فلورى* (157, 3) 100 тысячъ флориновъ.

قلب (а.) — голова (сахару), (156, 11). Въ этомъ значеніи извѣстно и въ ново-арабскомъ языкѣ; въ ново-османскомъ языкѣ слово употребляется въ смыслѣ: колодка, форма.

قمران — (кымран) вареное коровье молоко, смѣшанное съ водою. Радловъ, ор. с., II, 854. *شردنر و قميز*

و قمران اچلدی (156, 5—6): Выпили шербаты, кумысь и кырань.

قنق (конук) — гость, союзник (?).
...گندی بویندن قنقدن ساچوقیلردی
(210, 13): (Это) были сельджуковичи изъ его собственнаго рода и изъ союзниковъ. У Вамбери (стр. 192) дано только значеніе Gast.

قوتاس — украшеніе лошади (211, 6).
См. выше подъ словомъ أقدرمق

قوجا قوجاکورشدلر — обнимать. فوجمق
(158, 19): Они свидѣлись, упавъ другъ другу въ объятія.

قورخو (корху) [= قورقو] — страхъ
(212, 14).

کارخانه — мастерская (210, 18). Въ ново-османскомъ языкѣ слово употребляется въ специфическомъ значеніи: „лупанаръ“.

کوچ — откочевыванье, выступленіе.
کوج کوسن اورب (160, 4): Ударивъ въ барабанъ (въ знакъ) выступленія...

کلجی (gyludju) — смѣшная вещь.
انوک مجلسنده هزل و یارمز کلجی لره
(216, 4—5): У него въ собраніи невозможны были шутки и непристойныя насмѣшки. Слово извѣстно изъ лексикона Ламин (Парижск. рук.). Смирновъ, Хрестоматія, (стр. 241).

ماست آبه (п.) (157, 9) или ماستوا (215, 3) — кушанье изъ кислаго молока.

مههم (а.) — (157, 21) или مههمت (156, 7) важное дѣло, событіе.

معظم (а.) — (съ эпитетами: مههم, 3), اعلى (160, 13) — титулъ „валиде султанъ“, — матери царствующаго султана. Здѣсь употреблено прегнантно о „высоко-нареченной“ невѣстѣ султана.

قاضی شرف الدینی (а.) — домъ. وثاق
...وثاقنه التدلر (156, 6—7): Они отвели кадыя Шерефъ-эд-дина домой.

هوادار (п.) — приверженецъ, сторонникъ, любимецъ (?). سلطنت دولتنک
هوادارلری (160, 17): Сторонники сул-

танскаго государства. Въ ново-османскомъ языкѣ слово употребляется въ значеніи: „заключающій въ себѣ много воздуха, просторный“.

يوجلدجی (jüdželēdǰi) — возвышающій.
اسلام سنجقارنی... انوک کبی یوجلدجی
سلطان کمدی (208, 20): Не явился (еще) султанъ, который, подобно ему, такъ бы возвеличивалъ знамена ислама.

قبجاق (джаг.) — равнина, степь. یازی
یازیلرندن شام... بریه لرینه دکن
(209, 8) Отъ кипчацкихъ степей до земель сирійскихъ. Въ значеніи „степь“ слово یازی сохранилось до сихъ поръ въ Конин; тамъ говорятъ, напр.: قونییه یازیسی — конійская равнина. Радловъ, ор. с. III, 3236.

بکله و یاساق — приказъ, запретъ.
صوباشیلره یاساق و امر اتمشدی
(213, 13): Онъ отдалъ приказъ и наказъ беямъ и правителямъ. У Вамбери (стр. 179) случайно даны только значенія: geordnet, regelmässig.

یوقلمق — исчезать, уничтожаться.
جور وظلم عالمدن کریزاندی بالکلی وجودلری
یوهندی (212, 18—14): Притѣсненіе и тираннія бѣжали изъ міра, и ихъ существованіе совершенно уничтожилось. Хутсма въ примѣчаніи къ слову یوهندی справедливо спрашиваетъ: faut-il penser à un dérivé de یوق = annuler? Въ формѣ „jəyalmaq“ глаголь существуетъ въ киргизскомъ языкѣ. Радловъ, ор. с. III. 410-411: jəyalmaq (барабин.), III, 541: jūyalmaq (казан).

یولق (jawлак) очень, сильно. یولق
امین اولشلردی (212, 16): Сдѣлались очень вѣрными. Вамбери (стр. 180) по контексту склонялся къ значенію „wohl, gut“. Радловъ, ор. с. III, 18: (по-уйгурски) возвышенный, прекрасный, очень.

Замѣтка о „Турецкомъ собраніи“ въ Константинополѣ ¹⁾.

«تورك (توركي)»

Члена Восточной Коммисіи В. А. Гордлевскаго.

Съ момента выступленія турокъ на арену исторіи, изученіе турецкихъ языковъ находилось преимущественно въ рукахъ иностранцевъ. Языки турецкіе, какъ средство общенія, прежде всего интересовали сосѣдніе народы, входившіе съ турками въ политическія или торговыя соприкосновенія; львиная доля турецкихъ грамматикъ и лексикологическихъ сборниковъ принадлежитъ въ средніе вѣка арабскимъ филологамъ. У турокъ родной языкъ, даже больше: родная старина—были въ загонѣ. Атрофированіе національной идеи какъ въ политическомъ, такъ и въ научномъ смыслѣ, проходитъ красною нитью черезъ исторію всѣхъ турецкихъ народовъ: оно характерно для турокъ орхонскихъ надписей, увлекавшихся китайской культурой; для сельджукидовъ, подпавшихъ подъ вліяніе персовъ; оно характерно также для османцевъ, въ теченіе столѣтій питавшихся чужими культурными традиціями,—византійцевъ и персовъ.

Еще въ серединѣ XVIII вѣка составитель перваго арабско-османскаго словаря, Эсаадъ подчеркиваетъ, въ предисловіи къ своей книгѣ, служебное значеніе родного языка, облегчающаго изученіе языка арабскаго, на которомъ зиждилось богословское образованіе. Были, правда, изрѣдка лица, у которыхъ любовь къ отечеству торжествовала надъ естественными условностями вѣковъ, но ихъ усилія, какъ ни значительны они были (въ отдѣльныхъ случаяхъ),—среди современниковъ терялись безслѣдно и не находили сторонниковъ или подражателей. Только въ XIX вѣкѣ, какъ реакція противъ усиленія западнаго, «гяурскаго» вліянія,—сперва безсознательно,—возникаетъ въ литературѣ теченіе національное, своего рода, народничество; но оно не отливается пока въ ярко-выразительную форму: слишкомъ ужъ долго жила османская интеллигенція обосо-

¹⁾ О немъ: М. Hartmann. Unpolitische Briefe aus der Türkei. Leipzig. 1910, J. Germanns. Turk Darnay. تورك درنگی. Keleti Szemle. 1909 (X), стр. 341-344. Собственно говоря, это—статья, написанная по поводу „Турецкаго собранія“.

²⁾ Вопросъ о правописаніи слова „түрк“ (تورك или تورك) въ концѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія горячо дебатировался на столбцахъ газеты Игдэмъ.

бленной отъ народа жизнью; трудны были, поэтому, попытки опредѣлить міровоззрѣніе народа и дать ему художественное выраженіе. А этнографическое изученіе народа тормазилось переживаніемъ въ интеллигенціи взглядовъ на «подлый» народъ, какъ на хранитель двоесвѣрій и вздорныхъ басенъ, отвергнутыхъ исламомъ. Въ исторіи османской литературы отсутствовалъ романтическій періодъ увлеченія народомъ. Какъ въ политической исторіи обновленіе государственнаго строя выросло подъ давленіемъ европейскаго вмѣшательства, такъ и въ первыя страницы исторіи османской этнографіи будутъ вписаны имена европейскихъ (мадьярскихъ и нѣмецкихъ) ученыхъ, вызвавшихъ интересъ къ забытому, не только на Западѣ, но и на Востокѣ, народу. Своего Гердера, своихъ братьевъ Гриммовъ Турція пока не видѣла.

Возстановленная три года тому назадъ конституція, казалось, сразу измѣнила взгляды османской интеллигенціи. Среди Обществъ, основанныхъ вскорѣ послѣ 11-го іюля 1908 года, было и «Турецкое собраніе» (تورک درنگی), въ программѣ котораго было широко поставлено изученіе турецкихъ народовъ. Правда, скудость умственныхъ силъ среди османскаго общества разрушила быстро иллюзіи; работа «Турецкаго собранія» свелась, какъ мы увидимъ, къ нулю; для осуществленія намѣченныхъ въ уставѣ задачъ, у членовъ «Турецкаго собранія» не было подъ ногами почвы; не было элементарныхъ представленій о научныхъ методахъ и объ успѣхахъ туркологіи за границей.

«Турецкое собраніе» было основано 24-го декабря 1908 года; между инициаторами его были Неджибъ Асымъ и Веледъ-челеби.

Имя Неджиба Асыма не безызвѣстно въ европейской литературѣ. Въ журналѣ «Keleti Szemle» появляются (не всегда, впрочемъ, научныя) статьи, въ которыхъ онъ знакомитъ то съ вновь найденной въ Турціи надписью, то съ какимъ-нибудь мало-азійскимъ говоромъ османскаго языка. Онъ передѣлалъ или скорѣе перевелъ «Introduction à l'histoire de l'Asie» Каэна; словомъ, долго это былъ чуть ли не единственный османскій ученый, представлявшій соединительное звено между своими соотечественниками и европейской наукой. Въ позапрошломъ году, когда для составленія коллективнаго труда по исторіи Османской имперіи была образована въ Константинополѣ, по желанію султана Мехмеда V, комиссія, ¹⁾—въ члены ея вошелъ и Неджибъ Асымъ. Въ книгохранилищѣ Сераля, куда европейцы проникали съ величайшимъ трудомъ, онъ нашелъ рядъ рукописей, посвященныхъ начальному періоду Османской исторіи и, какъ сообщилъ уже,—впрочемъ, скоропалительно,—профессоръ М. Гартманъ, ²⁾ хочетъ из-

¹⁾ Бѣглая замѣтка о ней была помѣщена въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“, 1909, № 2—3, стр. 278—279.

²⁾ Unpolitische Briefe aus der Türkei [= третій томъ „Der islamische Orient“, Leipzig 1910, стр. 37 слѣд.

дать отысканный имъ новый списокъ хроники мало-азійскихъ сельджукидовъ, хроники т. - наз. Ибнъ-Биби.

Веледь-челеби — типъ восточнаго филолога. Онъ родился въ сердцѣ Малой Азій, — въ Коніи и происходитъ изъ рода основателя ордена «мевлеви», Мевлана Джеляль эд-дина Руми. Въ Коніи, вдали отъ европейцевъ, Веледь-челеби завершилъ свое восточное образованіе: это — знатокъ «трехъ языковъ», какъ говорятъ въ Турціи. Потомокъ автора «Месневи», онъ хорошо знаетъ произведенія своего знаменитаго предка; вообще у него обширная эрудиція не только въ персидской поэзи, но и въ арабской. Вдобавокъ, — что такъ рѣдко бываетъ въ Турціи, — у Веледа-челеби сказывается еще преклоненіе передъ языкомъ турецкимъ. Въ области восточно-мусульманской филологіи онъ написалъ рядъ трудовъ, и если бы его знанія были приведены въ стройную систему, слава о немъ давно бы уже проникла въ Европу. Однако приемы у него схоластическіе, и работа сводится часто къ столь любимому на востокѣ комментированію. Въ глазахъ младотурокъ, мысль которыхъ вращается вокругъ политики, Веледь-челеби, представитель стараго азіатскаго направленія въ наукѣ и въ литературѣ, подчасъ консервативенъ. Тѣмъ не менѣе, когда въ концѣ 1908 года османскій «университетъ» (دارالغنون) въ Константинополѣ былъ преобразованъ, Веледу-челеби была предложена кафедра персидской словесности. Веледь-челеби остался вѣренъ своимъ принципамъ. Онъ писалъ дома «лекціи» и, приходя въ аудиторію, вызывалъ къ доскѣ студента, который безмолвно въ теченіе часа, до боли въ рукѣ списывалъ съ бумаги на доску лекціи преподавателя, — комментированные стихи персидскихъ поэтовъ. ¹⁾ Въ рукописи у него хранится большой словарь подъ заглавіемъ «تورک دیلی» (Турецкій языкъ); однако разнообразный матеріалъ сваленъ въ беспорядочную кучу, и цѣнность словаря, такимъ образомъ, уменьшается.

Неджибъ - Асымъ и Веледь - челеби сумѣли, своею мыслью объ основаніи «Турецкаго собранія», вызвать въ обществѣ подъемъ. Скоро къ нимъ примкнули люди, занимающіе видное положеніе. Въ серединѣ декабря 1908 года былъ выработанъ уставъ «Турецкаго собранія», подписанный османскимъ «энциклопедистомъ» или, какъ его называютъ въ Турціи, — «пишущей машиной» (يازй макнеһси), Ахмедомъ Мидхатомъ, профессоромъ исторіи въ университетѣ; депутатомъ османскаго парламента, Эмр-улла, ех-министромъ народнаго посвѣщенія, редакторомъ «Османской энциклопедіи»; ректоромъ университета, Джеляль беємъ (одно время — министръ внутреннихъ дѣлъ); «философомъ» (вольтерьянцемъ) ²⁾ Ризой Тевфикомъ, сотрудникомъ англійскаго ираниста Брауна; писателемъ Ахмедомъ Хикметомъ, авторомъ остроумныхъ разсказовъ,

¹⁾ Однимъ изъ результатовъ преподаванія въ университетѣ явилась персидская грамматика, вышедшая въ 1909 году.

²⁾ По своей наивности такъ и подписывающимся въ газетахъ и журналахъ.

гдѣ не безъ юмора старое османское міровоззрѣніе противопоставляется поверхностно усваиваемому европеизму, и т. д. Число членовъ-учредителей «Турецкаго собранія» достигало 16. Почетное предѣдательство въ «Турецкомъ собраніи» принялъ наслѣдникъ престола, Юсуфъ Изз-эд-динъ.

Программа «Турецкаго собранія» поражаетъ своей широтой и разносторонностью, пожалуй,—даже безтолковостью. Каждый членъ «Турецкаго собранія» хотѣлъ сказать свое слово; и чтобы угодить всѣмъ, пришлось включить въ программу пожеланія отдѣльныхъ членовъ. Какъ первое научное Общество, «Турецкое собраніе» взвалило себѣ на плечи непосильную тяжесть и хотѣло заняться вопросами разнообразнаго характера; но оно не рассчитало своихъ способностей, и скоро умерло, хотя родилось подъ благопріятными ауспичіями. Девизомъ «Турецкаго собранія»¹⁾, самое имя котораго будило шовинизмъ шишковистовъ,—первоначально должно было быть бравурно-патріотическое стихотвореніе Мехмеда Эмина²⁾: «بن بر تورکم دیتیم جنسم اولو در» («я—турокъ; моя вѣра, мой родъ—высоки»).

«Турецкое собраніе»,—какъ значится во 2 § устава,—занимается изученіемъ произведеній, дѣйствій и состояній (احوال و افعال), въ прошломъ и въ настоящемъ, всѣхъ турецкихъ народовъ; иными словами,—занимается археологіей, исторіей, языкомъ, народной и искусственной литературой, этнографіей, этнологіей, общественнымъ устройствомъ и современнымъ культурнымъ состояніемъ, географіей, исторической и политической.

На-ряду съ такими необъятными задачами, «Турецкое собраніе», уступая, главнымъ образомъ, Ахмеду Хикмету,—включило въ тотъ же § 2 вставку, въ которой «Турецкое собраніе» распространяло сферу своихъ задачъ, на реформу османскаго языка. «Турецкое собраніе» предполагало упростить османскій языкъ, измѣнить османскую орфографію, составляющую камень преткновенія не только для иностранцевъ, но и для османцевъ.

Членомъ «Турецкаго собранія» могли быть не только османцы или османскіе подданные, но и иностранцы. Къ сентябрю 1909 года число членовъ поднялось до пяти десятковъ; въ книгахъ «Турецкаго собранія» изъ иностранцевъ значатся имена Карачона³⁾, Гартмана,

1) Въ Константинополѣ слово *درنگ* не всѣмъ уже понятно, и я помню, что когда я спрашивалъ въ первый разъ, гдѣ собрались члены «Турецкаго собранія» *تورک درنگی*,—на меня смотрѣли съ удивленіемъ, и рѣшили, что я что-нибудь перепуталъ.

2) О немъ: В. О. М и н о р с к і й, Національныя стихотворенія Эмина-Бей. Древности Восточныя. Т. III, Выпускъ I. Еще о стихотвореніяхъ Эмина-Бей. Древности Восточныя. Т. II., Выпускъ III 230—244.

3) Мадьярскій ученый, между прочимъ, переведшій на англійскій языкъ ту часть путешествія Эвлия-челеби, которая касается Венгріи. Умеръ въ 1911 году въ Иерусалимѣ. Некрологъ его напечатанъ Н. Асымомъ въ „Revue historique“ (изд. въ Константинополѣ на османскомъ языкѣ), 1911, № 8, стр. 516—520.

Бува и др. Ежегодно на общемъ засѣданіи долженъ былъ избираться совѣтъ изъ *девяти* членовъ, — президіумъ для завѣдыванія дѣлами «Турецкаго собранія». Разъ въ мѣсяць созываются засѣданія для чтенія рефератовъ и заслушанія текущихъ дѣлъ. Такъ значилось на бумагѣ; въ дѣйствительности, въ администраціи «Турецкаго собранія» участвовали обыкновенно присутствовавшіе на засѣданіи члены; всѣ функціи были перепутаны; засѣданія были посвящены утомительнымъ дебатамъ по какимъ-нибудь мелочнымъ административно-хозяйственнымъ вопросамъ; вопросы научные откладывались на конецъ засѣданія, и отъ нихъ отдѣльвались наспѣхъ, какъ отъ чего-то докучливо-непріятнаго. Уже тогда было видно, что дни «Турецкаго собранія» сочтены, и оно должно увянуть до расцвѣта. Русскіе мусульмане, какъ-то: публицистъ Акчуринъ и казанскій писатель Исхаковъ, — всегда принимавшіе въ жизни «Турецкаго собранія» большое участіе, — скептически, тѣмъ не менѣе, ожидали развязки. Перечитывая уставъ «Турецкаго собранія», я убѣждаюсь, что учредители его скорѣе были знакомы съ финансовыми операціями, чѣмъ съ задачами ученыхъ Обществъ. Въ уставѣ, напр., подробно разработанъ источникъ доходовъ «Турецкаго собранія», указанъ даже размѣръ денегъ, передаваемыхъ провинціальными отдѣленіями въ центральный комитетъ, и т. д.

Такимъ образомъ, «Турецкое собраніе» хотѣло работать въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: научномъ и практическомъ, и разность задачъ часто раскалывало членовъ на-двое; нерѣдко члены «Турецкаго собранія» грозили уйти, если «Турецкое собраніе» отречется отъ реформы языка, въ чемъ они полагали главную свою задачу.

Обстоятельства вообще складывались такъ, что волей-неволей «Турецкое собраніе» должно было откликнуться на завязавшійся лѣтомъ 1909 году въ османской прессѣ споръ о языкѣ.

Споръ о языкѣ подъ разными предлогами не разъ поднимался и раньше. Впервые азербайджанскій писатель Фетхъ-Али-Ахундъ-заде, забавлявшій когда-то въ пятидесятыхъ годахъ на подмосткахъ Тифлискаго театра кавказскаго намѣстника, гр. Воронцова своими комедіями (въ русскомъ переводѣ), — возбудилъ вопросъ о реформѣ алфавита; однако брошюра его въ Константинополь была встрѣчена консерваторами отрицательно¹⁾. Правда, въ печати долго еще дебатировалась идея Ахундова; но въ концѣ-концовъ прогрессивная печать, опасаясь возбудить противъ себя недовольство всесильнаго духовенства, высказалась за безразличность того или иного алфавита. Вопросъ, связывавшійся съ реформой османскаго языка, на-время затихъ; однако съ годами для общества все настойчивѣе выдвигалась необ-

¹⁾ В. Д. Смирновъ. Очеркъ исторіи турецкой (= османской) литературы. Всеобщая исторія литературы Корша-Кириичникова, т. IV, стр. 528.

ходимость болѣе глубокаго изученія родного языка. Лѣтъ пять тому назадъ, еще въ эпоху абсолютизма султана Абд-ул-Хамида, между органами печати снова возгорѣлась полемика, — о значеніи преподаванія языковъ въ средней школѣ. Поддерживая взгляды клерикальной партіи, — газета «*ترجمان حقیقت*» настаивала на усиленіи преподаванія языка арабскаго, какъ языка священнаго, на которомъ написанъ Коранъ; газета «*اقدام*», окрашенная націоналистически, требовала изгнанія изъ преподаванія арабскаго языка, потому что средняя школа только понапрасну отымаеъ у дѣтей время; съ болѣею пользой время, затрачиваемое на арабскій языкъ, можно употребить — прежде всего на изученіе языка османскаго или языковъ западно-европейскихъ. Въ силу цензурныхъ условій споръ скоро прекратился; но, воспользовавшись свободой, газеты въ 1909 году снова подняли на своихъ столбцахъ наболѣвшій вопросъ, — только въ другой формѣ. Мысль объ алфавитѣ была забыта; забыты препирательства о пользѣ языковъ въ школѣ. Вопросъ шелъ исключительно о языкѣ османскомъ. Усматривая въ уставѣ «Турецкаго собранія» угрозу новымъ «освободительнымъ» идеямъ, — такъ своеобразно была понята мысль объ очищеніи османскаго языка, — газета Абу-з-зія-Тевфика «*یکى تصویر افکار*» и еженедѣльный иллюстрированный журналъ «*ثروت فنون*», въ лицѣ литераторовъ С. Назифа и А. Нусрета, доказывали, что сила и красота османскаго языка зависитъ отъ иностранныхъ, арабскихъ и персидскихъ, словъ и выраженій. Въ этомъ спорѣ «Турецкое собраніе» заняло странную позицію. Несмотря на то, что Назифъ и Нусретъ обиняками упрекали «Собраніе» въ потворствѣ косности, «Турецкое собраніе», обсуждая на своихъ засѣданіяхъ появлявшіяся за недѣлю статьи о языкѣ, упорно отказывалось отъ открытой полемики: члены «Собранія», въ надутомъ чванствѣ своемъ, вообразили, что они въ странѣ уже авторитетъ, и считали унижительнымъ для своего достоинства опровергать своихъ литературныхъ противниковъ. Когда однако «Турецкое собраніе» заговорило, кавказская печать, видимо, заинтересованная полемикой о языкѣ, подняла «Турецкое собраніе» на смѣхъ. Юмористическій журналъ «Молла Наср-эд-динъ» удивлялся, какимъ образомъ «Турецкое Собраніе», ратующее за упрощеніе языка, пріютило на страницахъ своего органа статью Хаккы, пересыпанную рѣдкими арабскими словами. Такъ неудачно выступило «Турецкое собраніе» на защиту своихъ принциповъ. Впрочемъ, «Турецкое собраніе» раньше, устами рьянаго сторонника реформы языка, А. Хикмета, развило свои принципы. Статья А. Хикмета «Нашъ языкъ», напечатанная въ №№ 1 и 2 журнала «Турецкаго собранія», носитъ симптоматическій характеръ. Еще не такъ давно рѣчь А. Хикмета, — насколько можно судить по его рассказамъ ¹⁾, — была

¹⁾ Нѣсколько его рассказовъ переведены на нѣмецкій языкъ д-ромъ Ф. Шрадеромъ (Türkische Bibliothek, Bnd. VII).

изысканно-тонка и пестрѣла иностранными словами; но за послѣдніе годы взгляды его рѣзко измѣнились. Въ одной кавказской газетѣ онъ напечаталъ «Молитву» *یاقارش*, въ которой религіозное чувство турка втиснуто въ словарный запасъ турецкаго языка. Попытка эта, впрочемъ, не удачна, потому что морсѣ сухъ и искусственъ.

Въ вышеупомянутой статьѣ «Нашъ языкъ» слышится горячій призывъ къ упрощенію языка и изгнанію иностранныхъ словъ. А. Хикметъ скорбитъ объ обиліи иностранныхъ (sc.: арабскихъ и персидскихъ) словъ, наводняющихъ языкъ до такой степени, что чтеніе произведеній становится уже затруднительно для человѣка рабочаго, для ремесленника. А. Хикметъ выбираетъ нѣсколько такихъ словъ, и не безъ ироніи спрашиваетъ, много ли найдется въ Турціи уволенныхъ въ отставку великихъ везировъ, которые сумѣли бы правильно прочесть свой титулъ (*ابهتلو*). Между общественными классами разверзлась какъ бы пропасть;—причинъ запутанной пестроты османскаго языка нѣсколько:

1) Такъ какъ Коранъ написанъ на арабскомъ языкѣ, образованные османцы какъ бы сроднились съ арабскимъ словарнымъ матеріаломъ

2) Обиліе персидскихъ словъ объясняется вліяніемъ «Месневи» Джелаль-эд-дина Руми.

(Въ частномъ разговорѣ А. Хикметъ еще рѣзче отзывается о вредѣ, причиненномъ этими двумя книгами).

3) Османскіе поэты въ цѣляхъ просодическихъ вводили въ свои произведенія многосложныя иностранныя слова.

4) Люди, воспитанные на иностранныхъ литературахъ, гнушались роднымъ языкомъ.

Рядомъ искусно подобранныхъ цитатъ А. Хикметъ подтверждаетъ свою мысль. Уже Ашикъ-паша такъ говоритъ въ «غریب نامه»:

تورک دیلنه کیمسه لر باقماز ایدی
 تورکلره هرکز کوکل آقماز ایدی
 تورک دخی بیلمزدی بو دیллری
 اینچه یولی اول اولو منزللری

(Никто не взиралъ на турецкій языкъ; никогда ничего сердца не влекло къ туркамъ; да и турокъ не зналъ этихъ «троповъ» и фигуръ ¹⁾):

Въ словахъ Ашика-паши можно еще, пожалуй, видѣть сожалѣніе о паденіи родного языка; въ послѣдствіи поэты выражаются откровеннѣе. Вотъ, напр., цитаты изъ корифеевъ османской поэзіи:

تورک اهلنک ای خواجه بزاز باشی قبا در

¹⁾ 3-й и 4-ый стихи переведены съ сокращеніемъ.

Ба кы.

(О ходжа! У турецкихъ людей (= османцевъ) голова немного туповата).

تورله حق چشمه عرفانی حرام اینمشدر
ایلسه هر نه قدر سوزلرینی سحر حلال

(Богъ закрылъ передъ туркомъ источникъ знанія, какъ бы онъ ни претворялъ словъ своихъ въ поэзію (سكر حلال)).

Не ф'и.

Послѣ этого, нечего удивляться, что изъ устъ Фузули срываются такія откровенныя признанія:

«اول سبیدن فارسی لفظیله چوقدر نظم کیم
نظم نازک ترک لفظیله ایکن دشوار اولور
لهجه ترکی قبول نظم و ترکیب ایله یوب
اکثری الفاظی نا مربوط و ناهموار اولور
بنده توفیق اولسه بو دشواری آسان ایله رم
نوبهار اولغاچ دیکندن برگ کل اظهار اولور.»

(Потому-то на персидскомъ языкѣ такъ много стиховъ, что поэзія (на томъ языкѣ) изящна, а если писать по-турецки, бываетъ тяжело. Когда включаешь въ стихи турецкое слово или выраженіе, — ббльшей частью, это — безсвязно и нескладно. Если со мной будетъ помощь Бога, я устраню эти трудности и изъ шиповъ весеннихъ извлеку розовый листъ).

Въ результатѣ, османскій языкъ изъ литературныхъ салоновъ удалился въ анатолійскія деревни. Однако А. Хикметъ надѣется, что конституція снова пробудитъ интересъ къ родному языку, потому что свобода только тогда можетъ утвердиться въ государствѣ, когда основы ея будутъ понятны народу, а для этого нужно говорить съ народомъ на понятномъ ему языкѣ¹⁾. Еще со времени И. Шинаси, родоначальника новой османской литературы, подчеркивалась мысль о необходимости согласованія формы идей съ общимъ уровнемъ пониманія; но за истекшее полстолѣтіе народныя массы все также чужды просвѣщенію; народъ стоитъ въ сторонѣ отъ культурнаго движенія, волнующаго интеллигенцію, и только въ провинціи

¹⁾ Цитаты эти извлечены изъ статьи А. Хикмета.

²⁾ На эту тему А. Хикметъ произнесъ 29-го марта 1911 года публичную лекцію. Онъ настаивалъ на реформѣ языка, тѣмъ болѣе, что османскій языкъ долженъ явиться соединительнымъ звеномъ 400 милліоновъ мусульманъ, населяющихъ міръ. Такая реформа можетъ быть легче всего осуществлена ученымъ учрежденіемъ, — Академіей. Въ лекціи много вздору! Отчетъ въ газетѣ Зія, (ضیا) 1911, № 17, отъ 30-го марта.

сдѣланы были недавно попытки издавать газеты для народа, — («Крестьянинъ») (کویلی) — въ Смирнѣ, Эски Шехиръ (اسکی شهر) — въ Эски Шехирѣ, Брусскаго вилайета).

Вмѣсто того, чтобы своей работой доказывать сочувствіе идеямъ А. Хикмета, «Турецкое собраніе» ограничивалось изъявленіемъ благодарности военному министерству или отдѣльнымъ членамъ Верхней Палаты за ихъ старанія изгнать изъ оффиціального языка слова иностранныя.

Какъ прежде вопросъ объ очищеніи османскаго языка разрѣшался одновременно съ вопросомъ объ орфографіи, такъ и теперь, озабоченные распространеніемъ культуры среди народа, литераторы видѣли, что однимъ изъ препятствій для быстрого проникновенія новыхъ идей служить искусственная во многихъ отношеніяхъ орфографія, основанная на непригодномъ для турецкихъ языковъ алфавитѣ. Съ позапрошлага года появилось въ газетахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ нѣсколько проектовъ новыхъ алфавитовъ, для устранения этого недостатка. Между прожектерами былъ и д-ръ Хаккы, сумѣвшій, очевидно, такъ воздѣйствовать на «Турецкое собраніе», что оно въ одномъ изъ номеровъ своего журнала рекомендовало изобрѣтенный имъ алфавитъ вниманію общества. Вопросъ объ алфавитѣ свелъ на очереди въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и обсуждается въ особой комиссіи, въ составъ которой упомянутый докторъ однако не попалъ. И это — естественно, потому что алфавитъ д-ра Хаккы представляетъ дѣтское измышленіе разныхъ черточекъ и фигуръ. Несмотря на то, что основа алфавита д-ра Хаккы заимствована изъ алфавита арабскаго, онъ счелъ возможнымъ нарушить принципъ его, и произвольно соединяетъ у себя знаки, въ арабскомъ алфавитѣ раздѣльные. Стало-быть, защищая систему д-ра Хаккы, «Турецкое собраніе» доказало, что оно защищаетъ безсистемность, усвоенную фантазеромъ. Такъ и въ этомъ вопросѣ «Турецкое собраніе» скорѣе вредило, чѣмъ облегчало нужды. А какъ глубоко волнуетъ этотъ острый вопросъ общество, — говоритъ статья редактора газеты طنین, Хусейна Джахида, — Вопросъ о преподаваніи (تدریسات مسئله سی) ¹⁾ въ ней отсталость мусульманскаго населенія Джахидъ ставилъ въ связь съ непригодностью методовъ школьнаго преподаванія и съ трудностями алфавита, отнимающаго у школьниковъ время на дешифрировку буквенныхъ знаковъ. Можетъ-быть, какъ отвѣтъ на стоны публициста, лѣтомъ 1910 года газеты опубликовали нѣсколько новыхъ проектовъ новаго алфавита для османскаго языка. На мой взглядъ, наиболее серьезнымъ является проектъ наборщика-армянина Хачика, который изобрѣлъ знаки, приближающіеся къ куфическому письму, хотя алфавитъ Хачика только вводитъ единообразную форму въ начертаніе буквъ, вопросъ же о гласныхъ знакахъ у него не затрагивался.

¹⁾ Танияъ, 1909, № 322 (отъ 31-го іюля).

Такъ разрѣшало «Турецкое собраніе» тотъ пунктъ своего устава, гдѣ шла рѣчь объ упрощеніи османскаго языка. Эта задача своей ясностью привлекала поэтовъ и стихоплетовъ. Прежде всего, глава народническаго направленія въ поэзіи, Мехмедъ Эминъ, авторъ «Турецкихъ стихотвореній», (تورکچه شعرلر) заинтересовался «Турецкимъ собраніемъ» и декламировалъ на засѣданіяхъ свои стихотворенія, восторгая слушателей. Для него, повидимому, «Турецкое собраніе» должно было быть средоточіемъ народничества, и однажды онъ обратился къ членамъ «Турецкаго собранія» съ просьбой, — разработать ему программу газеты для народа. «Турецкое собраніе» охотно печатало у себя въ журналѣ его стихотворенія и стихотворенія своего предсѣдателя, полковника Раифа Фуада, хотя въ программу «Собранія» это и не входило. Очевидно, матеріаль научный былъ скуденъ, и не могло не сознавать «Турецкое собраніе», что въ обществѣ прочныя симпатіи завоевала себѣ только художественная литература.

Задачи научныя, включенныя во 2 § устава «Турецкаго собранія», еще выпуклѣе обрисованы въ программѣ занятій для провинціальныхъ отдѣленій «Собранія». Программа эта носитъ этнографическій характеръ; но на-ряду съ цѣнными указаніями, она удивляетъ своей наивностью; выбираемъ главные пункты программы:

Прежде всего «Турецкое собраніе» рекомендуетъ: 1) завести тетрадь и вписывать мѣстные слова, сравнивая ихъ значенія, гдѣ это возможно, по словарямъ Шемсъ-эд-дина Сами и Ахмеда Вефика.

2) Записывать произведенія народнаго творчества: пѣсни, пословицы, анекдоты, рассказы и т. д.

3) Записывать обычаи и обряды жителей, названія родовъ.

4) Изучать исторію вилайетовъ и населенія его, изучать генеалогію знаменитыхъ родовъ.

5) Изслѣдовать библіотеки.

6) Изучать археологическіе памятники.

7) Изучать народную медицину.

Такихъ отдѣленій «Турецкаго собранія» въ провинціи было основано два: одно — въ Смирнѣ, другое — въ Кастамуни, не считая еще раньше основаннаго отдѣла въ Руцукѣ и отдѣла въ Будапештѣ, объ учрежденіи котораго извѣстилъ «Собраніе» д-ръ И. Куношъ.¹⁾

Въ общемъ, нужно признать, что программа «Турецкаго собранія», какъ она выражена въ инструкціи провинціальнымъ отдѣленіямъ, опредѣленнѣе широковыщательныхъ фразъ устава, и если бы «Собраніе» исполняло ее, оно оказало бы несомнѣнную пользу. Однако о дѣятельности «Турецкаго собранія» въ этомъ направленіи

¹⁾ О содѣйствіи мадьярскихъ ученыхъ просило само «Турецкое собраніе» J. Sertanus, op. c., стр. 343.

у насъ нѣтъ данныхъ. Мы знаемъ только, что на обложкѣ выпущенныхъ «Турецкимъ собраніемъ» номеровъ своего журнала оно приглашало читателей присылать ему словарный матеріалъ, въ дополненіе къ Словарю («قاموس ترکی») Сами. Повидимому, — какъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ намъ предсѣдатель «Собранія», Неджибъ Асымъ, — призывъ «Собранія» не остался безъ отвѣта.

Съ мая 1909 года «Турецкое собраніе» издавало подъ тѣмъ же именемъ свой органъ. Оставляя въ сторонѣ статьи публицистическія и полемическія, мы можемъ раздѣлить печатный матеріалъ на два главныхъ отдѣла: во-первыхъ, статьи, по турецкой филологіи вообще, и статьи, ближе касающіяся османцевъ. Естественно, что статьи перваго отдѣла представляютъ, главнымъ образомъ, переводъ или обработку статей, написанныхъ на иностранныхъ языкахъ; но и здѣсь выборъ статей не всегда удаченъ: такъ, въ № 1 журнала Неджибъ Асымъ вздумалъ — было переводить на османскій языкъ статью Галеви о происхожденіи турецкихъ числительныхъ, и т. д. Во второмъ отдѣлѣ, рядомъ съ такими вздорными статьями, какъ статья Р. Фуада объ удареніи въ османскомъ языкѣ, встрѣчается дѣльная статья мадьяра Карачона объ историкѣ Печеви. Веледъ-челеби обѣщаль опубликовать вновь найденныя имъ турецкія стихотворенія Джеляль-эд-дина и сына его Султана Веледа, но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе возникшихъ недоразумѣній, оборвалъ печатаніе статьи.

Въ приложеніи къ журналу братъ покойнаго археолога-этнографа Хамди, Халиль, директоръ «Османскаго музея», рѣшивъ, что докторская диссертация Меліоранскаго разошлась, — сталъ печатать имѣющійся у него списокъ рукописи, опубликованной въ «Арабѣ-филологѣ».

Наибольшій интересъ представляетъ то, что Халиль называетъ авторомъ труда нѣкоего Ибнъ-Муханна (ابن مهنا); однако основанія отъ читателя сокрыты: предисловіе издателя къ памятнику должно было быть напечатано въ концѣ книги.

Сперва предполагалось, что журналъ будетъ выходить ежемесячно; однако скудость матеріаловъ и средствъ все измѣнили. Помимо всего этого, никакого редакціоннаго комитета не было, и въ большинствѣ случаевъ, каждый отдавалъ для журнала что хотѣлъ. Журналъ издавался на суммы, образовавшіяся отъ членскихъ взносовъ (20 піастровъ = 1 р. 60 коп. въ 3 мѣсяца) и отъ разныхъ пожертвованій депутатовъ и другихъ лицъ; въ собираніи пожертвованій большое участіе принималъ бывший одно время предсѣдателемъ Р. Фуадъ, энергіи котораго «Собраніе» многимъ обязано. Однако рвеніе остыло, и на седьмомъ номерѣ журналъ прекратилъ уже свое существованіе. Вообще дѣятельность «Собранія», съ отъѣздомъ Р. Фуада въ Іемень и секретаря Акчурина — за границу, — заглохла. Когда лѣтомъ 1910 года Акчуринъ вернулся въ Константинополь, онъ снова принялъ горячее участіе въ судьбѣ «Собранія» и, желая его возродить, задумалъ созвать «конгрессъ», на которомъ долженъ

былъ бытъ произведенъ смотръ наличнымъ силамъ. Конгрессъ сперва назначенъ былъ на начало мѣсяца рамазана (на сентябрь 1910 года); но подготовительныя работы шли такъ вяло, что скоро конгрессъ былъ отложенъ на конецъ рамазана (конецъ сентября). Я уѣхалъ изъ Константинополя въ серединѣ рамазана, и долго не зналъ, какъ прошелъ съѣздъ. Я даже думалъ, что съѣздъ не состоялся. На Пасхѣ, однако, я получилъ повѣстку, въ которой сообщалось, что съѣздъ «Турецкаго собранія» назначенъ на 29-е апрѣля. Какъ я прочелъ потомъ въ газетахъ, новый секретарь Собранія, поэтъ Джеяль Сахиръ сдѣлалъ на съѣздѣ докладъ о дѣятельности «Турецкаго собранія», ¹⁾ при чемъ все время старался подчеркнуть заслуги «Собранія» въ смыслѣ пробужденія интереса къ турецкому языку и народности. Несомнѣнно, «Собраніе» зимой 1910—1911 года иногда подавало слабые признаки жизни. Такъ, ему удалось устроить нѣсколько публичныхъ лекцій. Акчуринъ прочелъ 3 лекціи изъ исторіи турокъ (о походахъ Чингизъ-хана); морской офицеръ Сафветъ—о мореплаваніи у османцевъ. Въ этой лекціи Сафветъ какъ бы упрекалъ современное общество въ апатіи и лѣни, отмѣчая, что прежде османцамъ лучше были извѣстны берега Средиземнаго моря. Казанскій драматургъ Исхаковъ прочелъ лекцію о литературѣ казанскихъ татаръ. ²⁾

Когда весною газета «Тасвири эфкяръ» (1911, № 548) ³⁾ обрушилась на татаръ, обвиняя ихъ въ кровожадности,—между газетами возгорѣлась полемика. Сбоку-припеку ввязалось въ споръ и «Турецкое собраніе»; но публицистическій протестъ «Собранія» свидѣтельствуется только о безграмотности автора ⁴⁾. На защиту татаръ сталъ вскорѣ Акчуринъ; однако публичное обсужденіе вопроса было запрещено полиціей, разогнавшей собраніе. ⁵⁾

Лѣтомъ 1911 года, разъ въ мѣсяцъ, тоже происходили засѣданія «Турецкаго собранія», на которыхъ обсуждали, кажется, публицистическіе или, пожалуй, даже политическіе вопросы, но все это были скорѣе вопросы дня. О выполненіи программы «Турецкаго собранія» никто уже не думалъ и мало кто, вообще, интересовался «Собраніемъ».

Да и можно ли удивляться паденію «Турецкаго собранія», когда между членами постоянно происходили размолвки, и каждому казалось, что кромѣ него, никто ничего не понимаетъ. Въ этомъ ска-

¹⁾ Напечатанъ въ газетѣ „Танинъ“, 1911, № 979 (отъ 11-го мая).

²⁾ Лекція (подъ заглавіемъ (شمال تورکلرینک یکی ادیبیا ننده حکایه تیاترو و شعر) напечатана въ газетѣ سنین 1911, №№, 27, 28 (alias: طنین, 1911, № 1003, 1004).

³⁾ Между прочимъ, въ этой статьѣ газета нападала на русскихъ, и за это, по настоянію русскаго посольства, была закрыта.

⁴⁾ Танинъ. 1911, № 928.

⁵⁾ Объ этомъ: Танинъ, 1911, № 930.

залось характерное тщеславіе османцевъ. Предсѣдательское кресло тоже находилось въ неумѣлыхъ рукахъ. Въ послѣднее, напр., время Неджибъ Асымъ, выбранный предсѣдателемъ вторично, — послѣ отъѣзда Р. Фуада, — являясь на засѣданіе, углублялся въ чтеніе газеты.

«Турецкое собраніе» въ исторіи туркологіи не сыграло никакой роли, — иначе и не могло быть. Разработка научныхъ вопросовъ будетъ возможна только въ томъ случаѣ, если молодое поколѣніе османцевъ пойдетъ сперва въ выучку на западъ и принесетъ на родину знакомство съ методомъ. О нынѣшнихъ дѣятеляхъ, проникнутыхъ, правда, благородными стремленіями, приходится, — уввы! — напомнить заключительныя слова басни Крылова: «А вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь»!

Въ Турціи, однако, «Турецкое собраніе» прошло не совсѣмъ уже безслѣдно: оно вызвало къ жизни новые кружки. Въ Салоникахъ, напр., образовалась группа молодыхъ людей, которая издаетъ съ апрѣля мѣсяца двухнедѣльный журналъ «Молодые писатели» (کنج قلمگر). Никакихъ авторитетовъ зеленая молодежь въ Салоникахъ не признаетъ; но у нихъ самихъ нѣтъ ни знаній, ни опыта, чтобы импонировать другимъ; и если что въ журналѣ пріятно ласкаетъ слухъ, это — легкій языкъ, приближающійся къ разговорному языку.

Въ Константинополѣ задача понятна еще шире: среди студентовъ-медиковъ возникла мысль основать народнической кружокъ, который преслѣдовалъ бы цѣли:

- 1) политико-націоналистическія (распространеніе османскаго языка между арабизированными турками Сиріи и Месопотаміи),
- 2) научныя (собираніе матеріаловъ по народной словесности)
- 3) и хожденіе въ народъ (для распространенія просвѣщенія и для врачеванія больныхъ).

Въ организаціи кружка принимаетъ большое участіе Акчуринъ, который вообще вѣритъ въ успѣхъ и думаетъ, что студенты-провинціалы, въ противоположность студентамъ, уроженцамъ Константинополя, способны на самопожертвованіе для блага своей родины. «Блаженъ, кто вѣруетъ». Признаюсь, мнѣ все это кажется пустой затѣей! ¹⁾

¹⁾ Когда я просматривалъ уже корректурные листы замѣтки, мнѣ былъ присланъ изъ Константинополя первый номеръ новаго литературно-политическаго журнала «تورك يوردی», который долженъ служить интересамъ турокъ. Журналъ издается подъ редакціей Ю. Акчурина. — Почти одновременно съ журналомъ возникло «Турецкое просвѣдительное Общество»: [توران نشر معارف جمعیتی].

Приложеніе.

Оглавленіе журнала «تورک درنگی».

№ 1. Отъ Редакціи. Циркуляръ «Турецкаго собранія». Веледъ-челеби. Мевлана Султанъ Веледъ. Тахиръ Брусскій. Ашикъ-паша. Муфти-оглу А. Хикметъ. Нашъ языкъ. А(кчуринъ). Нужно знать и знакомиться съ турками. Р. Фуадъ. Удареніе въ османскомъ языкѣ. Балъ Хасанъ-оглу Н. Асымъ. Турецкія числительныя. Р. Фуадъ. Весенняя дѣтская пѣсенка. Текстъ поздравительной (юбилейной) телеграммы, акад. В. В. Радлову.

№ 2. Веледъ-челеби. Мевлана Султанъ Веледъ. (Окончаніе). Муфти-оглу А. Хикметъ. Нашъ языкъ. (Окончаніе). Акъ джигитъ-оглу Муса. Пословицы на казанско-турецкомъ языкѣ. Р. Фуадъ. Удареніе въ османскомъ языкѣ. (Окончаніе). М. Зюхди. Гармонія гласныхъ. (Статья не окончена). Тахиръ Брусскій. Джебри Алій-эфенди (богословъ). Н. Асымъ. Описаніе рукописи *فردوس الاقبال*. (Исторія Хивинскаго ханства). М. Эминъ. Родина. (Стихотвореніе).

№ 3. Муфти-оглу А. Хикметъ. Молитва. (Стихотвореніе). Владиміръ Гордлевскій. Радловъ. (Біографическій очеркъ). Н. Асымъ. Описаніе рукописи *فردوس الاقبال* (Окончаніе). М. Эминъ. Туркменъ. (Патріотическое размышленіе о бѣдности османцевъ). М. Эминъ. Гутенбергъ. (Стихотвореніе). Д-ръ Карачонъ. Ибрагимъ Печеви. (Біографія). Махмудъ Муинъ. Сложныя выраженія-сравненія. Р. Фуадъ. *Normusan*. (Изъ Платена). Списокъ членовъ «Турецкаго собранія».

№ 4. Веледъ-челеби. Турецкіе стихи Мевлана Султана Веледа. Р. Фуадъ. Призывъ къ единенію. (Стихотвореніе). М. Эминъ. Къ палачамъ знанія. (Стихотвореніе). Бар. Карра-де-Во. Этрусскія надписи. (Статья переведена А. Тынгыромъ). Р. Фуадъ. Турецкое стихосложеніе. Сафветъ. Историческая османская географія. Хаккы. Размышленіе объ упрощеніи языка.

№ 5. Открытое письмо военному министерству. Открытое письмо Бесарія-эфенди. (Благодарность за мѣры, направленные къ очищенію османскаго языка). Р. Фуадъ. Національная молитва. (Стихотвореніе). Его же. Турецкое стихосложеніе. Сафветъ. Историческая османская географія. Исхаковъ. Очеркъ литературы казан-

скихъ татаръ. Акчуринъ. О послѣднихъ открытіяхъ П. К. Козлова. Р. Фуадъ. Левъ и мышь. (Вольный переводъ изъ Лафонтена). (Его же ?) Моя возлюбленная. (Стихотвореніе). Новый алфавитъ. (Одобрительный отзывъ объ алфавитѣ д-ра Хакки). Списокъ членовъ въ провинціальныхъ отдѣленіяхъ «Турецкаго собранія». Письмо д-ра И. Кунноша и д-ра Ю. Германуса объ открытіи отдѣленія Собранія въ Будапештѣ.

№ 6. Открытое письмо великому везиру. Д. Сахиръ. Вздохи разлуки. (Стихотвореніе въ прозѣ) Н. Асымъ. Открытія въ Турфанѣ. (По Journal Asiatique). Сафветъ. Историческая османская географія. А. Тынгырь. Орфографическія правила въ османскомъ языкѣ. Хаккы. Газета *Tasviri zefkâr* и нашъ (sc. мой) алфавитъ. Инструкція провинціальнымъ отдѣленіямъ «Турецкаго собранія».

№ 7. А. Тынгырь. О правописаніи и упрощеніи османскаго языка. Н. Асымъ. Открытія въ Турфанѣ. Р. Фуадъ. Турецкое стихосложеніе. Сафветъ. Историческая османская географія. Омаръ Халисъ. Стихотвореніе. (Въ подражаніе М. Эмину). Зарифъ Бешири. Чуваши. Р. Фуадъ. Лѣсной царь. (Переводъ изъ Гёте).

Съ особой пагинаціей печатались: 1) Ибнъ-Муханна. كتاب اللغة التركية, 2) Антонъ Тынгырь. Грамматика турецкаго языка. (Въ основу положенъ М. Мюллеръ).

АБАНЪ ЛАХЫКЫЙ.

ИЗЪ

исторіи арабской повѣствовательной литературы индо-персидскаго характера.

VIII—IX в.

Дѣйствит. члена Общества, Секретаря Восточной Комм. А. Е. Крымскаго.

I.

Введеніе объ арабской переводной литературѣ индо-персидскаго характера въ блестящій періодъ халифатской жизни. Асбагъ Сиджистанскій.

Извѣстно, что въ исторіи мірового распространенія индійскихъ и индо-персидскихъ повѣствовательныхъ сборниковъ значительную роль сыграли арабскіе переводы, сдѣланные персами въ халифатскую эпоху со своего доисламскаго, пехлевійскаго языка. Мы знаемъ напримѣръ, какое значеніе имѣлъ переводъ «Калилы и Димны» (индійской «Паньчатантры»), совершенный около середины VIII в. ибнъ-аль-Мокаффою, переводчикомъ такъ же иранской «Книги царей». Личность ибнъ-аль-Мокаффы выяснена европейскою наукою съ достаточной ясностью, и мною въ другомъ мѣстѣ данъ былъ обзоръ ¹⁾ посвященной ему литературы, какъ на языкахъ европейскихъ, такъ и на русскомъ.

Въ томъ своемъ обзорѣ я не отмѣчалъ ибнъ-Котейбы (ум. 889), который въ своихъ «Источникахъ извѣстій» чрезвычайно часто цитируетъ и «Китабъ аль-Индъ», т. е. Калилу и Димну.

Считаю также нелишнимъ добавить здѣсь указаніе на антологию сѣверо-африканца Хосрія 1058 г.: «Цвѣтъ словесности», издаваемую трехтомно на поляхъ «Ыкда» ибнъ-Абдъ-Раббиини (егип. изд. 1293—1876, и др.).

Такъ, Хосрій, т. I, 104, передаетъ, что среди писательства ибнъ-аль-Мокаффа часто останавливался съ перомъ въ рукахъ и, потомъ, объяснялъ, что перо его не можетъ справиться съ наплывомъ мыслей.

У Хосрія I, 180-181—рассказъ ибнъ-Мокаффы о его замѣчательномъ любимомъ братѣ (или другѣ ^خ), который отличался своей кротостью, снисходительностью и нетребовательностью и довольствовался малымъ. Далѣе Хосрій I, 183 приводитъ морализаторское изреченіе ибнъ-аль-Мокаффы о жадномъ завистникѣ.

¹⁾ Въ VIII выпускѣ «Трудовъ по востоковѣдѣнію, издаваемыхъ Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ», М. 1905, стр. LXIV—LXXX.

Хосрій II, 2—отзывъ ибнъ-аль-Мокаффы о красотахъ бедуинской арабской рѣчи. Судя по предыдущему контексту, отзывъ этотъ приводится Хосрїемъ чуть ли не со словъ Джâхыза (ум. 869).

Кромѣ того заслуживаютъ вниманія у Хосрїа III, 20, слова ибнъ-Мокаффы о неотразимыхъ увлеченіяхъ, и III, 52—о дружбѣ.

Регистрируемъ эти мелочи собственно потому, что изслѣдователи почему-то крайне мало обращаютъ вниманія на антологию Хосрїа, и матеріалы, содержащіяся въ ней, остаются обыкновенно неиспользованными и даже неизвестными.

Такихъ, какъ ибнъ-аль-Мокаффа, переводчиковъ съ пехлевійскаго языка на арабскій было въ халифатѣ много; только, не обо всѣхъ мы имѣемъ точныя свѣдѣнія и далеко не всѣхъ знаемъ по именамъ, потому-что арабскіе библіографы, напримѣръ багдадецъ Надїмъ въ «Фирристѣ» (988), перечисляя заглавія арабскихъ переводовъ съ пехльви, чаще всего не указываютъ ни времени перевода, ни порою даже именъ переводчиковъ¹⁾. Все-таки мы можемъ считать достаточно ясными слѣдующія указанія, которыя вытекаютъ изъ библіографическихъ сообщеній «Фирриста» X в. и историко-литературныхъ сообщеній Джâхыза IX в., Мас'удїа X в., и др.

Ко времени второго аббасидскаго (багдадскаго) халифа Мансѹра (754—775) относится первый обильный наплывъ пехлевійскихъ (или иныхъ) повѣстей въ арабскую литературу, т. е. обильное появленіе переводовъ такихъ повѣстей на языкѣ арабскомъ. Это совершенно ясно вытекаетъ изъ сопоставленія двухъ мѣстъ «Золотыхъ луговъ» («Морудж аз-захаб») Мас'удїа (ум. 956)²⁾ и не находится въ противорѣчїи съ «Фирристомъ» (988), гдѣ (244: ult.) при перечнѣ переводчиковъ индійскихъ повѣстей названо, однимъ изъ первыхъ, лицо съ опредѣленной хронологической датой: Джâбаля, сынъ Салима, секретаря дамасскаго халифа Хишама Омейядскаго³⁾. Хишамъ, у котораго служилъ Салимъ, отецъ Джâбали, царствовалъ отъ 724 до 743 года; не будетъ ошибкой отнести дѣятельность сына къ царствованію Мансура (754—775). Довольно вѣроятно, что тогда-то именно, при халифствѣ Мансура, т. е. между упомянутыми 754—775 гг., появилась на арабскомъ языкѣ среди общей массы переводовъ хоть одна изъ тѣхъ трехъ (или четырехъ) исторій Будды (царевича Боддисатвы), о переводѣ которыхъ съ пехлевійскаго упоминаетъ «Фир-

¹⁾ См. «Фирристъ» изданіе Флюгеля и Рѣдигера (Лейпц. 1871), стр. 304 sq.; съ именами 244 sq.

²⁾ См. «Морудж аз-захабъ» по парижскому изданію Барбье де Мейнара, т. VIII (1874), 291 и т. IV (1865), 89.

³⁾ О Джâбалѣ см. въ «Фирристѣ», стр. 244—245 и 306: 9—10. О его отцѣ Салимѣ см. «Фирристъ», стр. 117: 27—30 (срв. тамъ же 117: 21—24 о тестѣ, или свокѣ Салима); стр. 125: 19; стр. 126: 12. На Салима и на его тестя, бывшаго другомъ ибнъ-аль-Мокаффы, обратилъ вниманіе, еще до изданія Фирриста, Хаммеръ въ своей «Literaturgeschichte der Araber», т. II (Вѣна 1851), стр. 219—220.

ристъ»¹⁾. Переведенной должна была оказаться какъ разъ та исторія Будды, которая полна знаменитыхъ притчъ, т. е. книга «Балау-хар и Бѣдасаф» (вар. Йѣдасаф), которая потомъ по-христіански называлась «Варлаамъ и Іоасафъ», которая получила, сложными и неоднородными путями, особую міровую популярность и превратила «язычника-Будду» въ любимѣйшаго христіанскаго святого, «царевича Іоасафа», его же память у православныхъ празднуется 16 августа, а у католиковъ 27 ноября. — Если, по недостатку вполнѣ точнаго указанія, мы затруднимся приурочить арабскій переводъ «Балау-хара и Бѣдасафа» непременно къ царствованію Мансура, то все равно при-нуждены будемъ помѣстить его появленіе въ царствованіе ближай-шаго, слѣдующаго за нимъ халифа — Махдія (775-785), или его сына Харуна ар-Рашида (786-809), потому-что одинъ изъ Харуновыхъ поэтовъ (Лахыкый) далъ уже стихотворную обработку «Балау-хара и Бѣдасафа», а стихотворной обработкѣ должна же была предшествовать прозаиче-ская.

По этой же причинѣ не позже чѣмъ къ халифству Харуна ар-Рашида (786-809) должно относиться датированіе того момента когда персь «Асбагъ Сиджистанскій далъ по-арабски полную «Синдибадову книгу о женскомъ коварствѣ», или «Большой Синдибадъ»²⁾. Ниже увидимъ, что можно его отнести къ царствованію Мансура (ум. 775).

Поэтъ халифа Харуна ар-Рашида и везирской семьи персовъ Бармековъ персь Абанъ Лахыкый (ум. 815 при халифѣ Ма'мунѣ)³⁾, по настроенію — какъ увидимъ въ нынѣшнемъ изслѣдо-ваніи — очень нечуждый манихейства, обработалъ Асбаговскій «Большой Синдибадъ» стихами. Лахыкый, такъ же, стихотворно изло-жилъ «Калилу и Димну» (извѣстную уже арабамъ въ прозаическомъ переводѣ ибнъ-аль-Мокаффы ок. середины VIII в.), стихотворно изло-жилъ также «Балау-хара и Бѣдасафа» (очевидно, тоже съ раньше существовавшей арабской прозы), равно какъ сасанидскія «Дѣянія

¹⁾ Именно, въ „Фирристъ“ на стр. 305:20-21 (печ. изд. 1871) въ рубрикѣ пере-веденныхъ книгъ индійскихъ значится „Книга Будды“, „Книга Будасафа и Б[а]лау-хара“ и „Книга Будасафа сама по себѣ“ (или „самого по себѣ“ کتاب بوداسف مفرد). А на той же страницѣ 305:5, въ рубрикѣ переведенныхъ книгъ персидскихъ, но со-ставленныхъ не персами (составленные самими персами занимаютъ особую вѣдь руб-рику, на той же страницѣ), значится одна, заглавіе которой затемнено отсутствіемъ діакритическихъ точекъ; его можно прочесть: «Будасаф ва Білау-хар».

²⁾ См. «Фирристъ» I, 305:2 и 305:19-20, а въ дополнительномъ II томѣ см. стр. 149:6-4 связи (указаніе имени переводчика-Асбага, отсутствующее въ томъ спискѣ, который положенъ Флюгелемъ въ основу изданія, т. е. въ I томѣ). Къ объяс-ненію этихъ свидѣтельствъ «Фирриста» мы еще вернемся.

³⁾ Въ „Фирристъ“ нѣтъ даты его смерти. Мы ее беремъ изъ болѣе позднихъ компиляцій („Поджум“ египтянина Абуль-Махасына ибнъ-Тагрибырдія XV в.).

Ардешира», «Дѣянія Ануширвана» и «Книгу про Маздака» (вѣроятно, по прозаическимъ переводамъ ибнъ-Мокаффы).

Не позже халифства Мютаваккія (847-861), быть можетъ около 850 г., сасанидская «Книга царей» (уже разъ переведенная ибнъ-аль-Мокаффою) еще разъ была обработана, очень вольно, Мусой Кисравіемъ, который (у грековъ Μωῦσος ὁ Πέρσης) покороче изложилъ «Синдибадову книгу» о коварствѣ женщинъ; иначе сказать, Муса Кисравій вмѣсто прежняго «Синдибада Большого» (арабизованнаго Асбагомъ и Лахыкыемъ) далъ теперь по-арабски книгу «Синдибадъ Малый», родоначальницу всемірно знаменитыхъ «Семи мудрецовъ».

Къ IX жъ вѣку, если еще не къ VIII-му¹⁾, относится арабскій переводъ персидской «Хезар эфсанэ» (= 1000 повѣстей), который въ X вѣкѣ послужилъ багдадцу Джаншірію (ум. 943²⁾ образцомъ и отчасти источникомъ для своей арабской компіляціи: «1000 ночей». Отсюда идетъ начало славныхъ во всемъ мірѣ т. н. «арабскихъ сказокъ 1001 ночи».

Наконецъ, — объ этомъ ужъ не изъ бібліографіи, а просто изъ историческаго изученія догадаться можно³⁾, — около X вѣка, вѣроятно всего въ торговой приморской Басрѣ, скомпированы были изъ всякихъ международныхъ розказней, индійскихъ въ томъ числѣ, «Странствованія морехода Синдибада», потомъ тоже вошедшія въ «1001 ночь»⁴⁾.

Таковы могущіе быть установленными факты. Арабская литература, сверхъ «Книги царей» и «Калилы и Димны», переведенныхъ ибнъ-аль-Мокаффою еще въ концѣ омейядскаго періода, восприняла изъ пехлевійской литературы при первыхъ аббасидахъ еще три знаменитыхъ повѣствовательныхъ сборника: «Варлаамъ и Іоасафъ», «Синдибадову книгу» и «Тысячу повѣстей», не считая, конечно, множества менѣе славныхъ. А съ этими славными сборниками связаны имена четырехъ писателей: въ VIII-IX вѣкѣ — Асбага Сиджистанскаго, Лахыкыя и Мусы Кисравія; въ I-ой половинѣ X вѣка — Джаншірія. Личности, или литературная дѣятельность, двухъ послѣднихъ изъ этой четверицы, т. е. Мусы Кисравія и Джаншірія, болѣе или менѣе ясны. Муса Кисравій посильно освѣщенъ благодаря трудамъ

¹⁾ Срв. „Фирриетъ“ 305 : 5 при 304.

²⁾ Годъ смерти Джаншірія сохраненъ намъ Абульмахасымомъ ибнъ-Таррибирдіемъ XV в.

³⁾ „Труды по востоковѣдѣнію“, вып. VIII (М. 1905), стр. XXXV.

⁴⁾ Къ исторіи имени „Синдибадъ“, какъ чисто индійскаго, см. „Баньянъ“ Джанхиви (ум. 869), т. I (Канръ 1311=1894), стр. 40: 19. Такъ назывался, напр., одинъ изъ индусскихъ врачей, выписанныхъ ко двору халифа Харуна ар-Рашида изъ Хиндустана.

русскихъ ориенталистовъ—бар. В. Р. Розена и С. Θ. Ольденбурга¹⁾; Джаһшіярія не разъ касались тѣ, кто серьезно интересовался судьбою «1001 ночи»²⁾. Но первые два, т. е. Асбагъ и Лахыкый, остаются далеко не ясны; по крайней мѣрѣ, далеко еще не весь зарегистрированъ и исчерпанъ тотъ историко-литературный арабскій матеріалъ, изъ котораго можно почерпнуть свѣдѣнія о нихъ. Какъ изъ заглавія моей статьи видно, я намѣренъ посвятить нынѣшнюю работу Лахыкыю. Предварительно однако резюмирую: что же мы знаемъ о его предшественникѣ Асбагѣ?

Дѣятельность Асбага Сиджистанскаго *الاصبع السجستاني*³⁾ я выше отнесъ къ послѣднимъ годамъ халифства Мансура (ум. 775). И полагаю, что такое предположительное датированіе едва ли ошибочно. Оно, путемъ нѣкоторыхъ сопоставленій, вытекаетъ изъ тѣхъ короткихъ свѣдѣній, которыя мы находимъ въ «Фирристѣ» и въ „Книгѣ животныхъ“ Джахыза (ум. 869).

«Фирристъ» сообщаетъ, что у арабовъ было двѣ версіи (سختان I, 305:2) книги Синдибада: «Синдибадъ Большой» (иначе: «Асламъ и Синдибадъ», II, 149) и «Синдибадъ Малый». Которая изъ версій появилась по-арабски раньше, этого Надимъ, авторъ «Фирриста» (988), не указываетъ, но за то авторомъ «Синдибада Большого» Фирристъ прямо называетъ аль-Асбага Сиджистанскаго (II, 149). Мы знаемъ далѣе, изъ «Фирриста» (163:10), что поэтъ Абанъ Лахыкый (ум. 815) передѣлалъ [арабскую] прозаическую «Книгу Синдибада» въ стихи. Ясно: если намъ удастся доказать, что Лахыкый передѣлалъ не «Синдибада Малаго», а Асбаговскаго «Синдибада Большого», то этимъ самымъ время жизни Асбага приблизительно установится, извѣстенъ станетъ *terminus ante quem*.

А доказать пользованіе Лахыкыя именно «Синдибадомъ Большимъ», т. е. Асбаговскимъ—это возможно. Дѣло въ томъ, что греческая версія «Синтиповой книги» гласитъ, что авторъ книги есть *Μοῦσος ὁ Πέρσης*. Такъ-какъ въ греческой версії (и въ другихъ сродныхъ съ нею) ни слова нѣтъ про «Аслама», выступавшаго въ Асбаговскомъ «Синдибадѣ Большомъ», то естественно думать, что араб-

¹⁾ Бар. В. Р. Розенъ: Къ вопросу объ арабскихъ переводахъ „Худай-намъ“—въ факультетскомъ сборникѣ „Восточныя Замѣтки“ (СПБ. 1895), стр. 153—191; С. Θ. Ольденбургъ: „О персидской прозаической версії книги Синдибада“—въ юбил. сборникѣ „аль-Мозаффарійѣ“ учениковъ бар. Розена (СПБ. 1897), стр. 253-278.

²⁾ Срв. мою статью о 1001 ночи въ VIII выпускѣ „Трудовъ по востоковѣдѣнію“ (М. 1905), стр. XV, стр. XXIХ—XXX, стр. XXXV.

³⁾ Полное его имя—аль-Асбагъ ибнъ-Абдалъ-азизъ ибнъ-Салимъ ас-Сиджистаній. Выше было отмѣчено, что свѣдѣнія о немъ можно почерпнуть въ „Фирристѣ“ въ т. I, стр. 305:2 и 305:19-20 (безъ его имени), а отсутствующая въ изданной рукописи фраза о немъ съ его именемъ—отмѣчена въ дополнительномъ II томѣ, стр. 149:6-4 снизу. У Джахыза см. „Книгу животныхъ“, т. IV (Каирь 1324=1906), стр. 144:13.

скій текстъ издѣлія *Moḡos'a toḡ Pērsoḡ* это былъ «Синдибадъ Малый»¹⁾. Время же жизни этого автора «Малаго Синдибада», перса *Moḡos'a*, можетъ быть опредѣлено съ порядочной точностью: середина IX вѣка. Почему?—потому что, изъ всего видно, *Moḡos' o Pērsoḡ* есть одно лицо съ Мусой Кисравіемъ, дѣятельность котораго бар. Розенъ съ полнымъ основаніемъ приурочиваетъ къ серединѣ IX вѣка около 850 года²⁾. Ну, а поэтъ Лахыкый, умершій въ 815 году, могъ ли передѣлать въ арабскіе стихи этого самаго «Синдибада Малаго», составленнаго около 850 года? Очевидно, что нѣтъ, разъ «Синдибадъ Малый» составленъ былъ только лѣтъ 30 спустя послѣ смерти Лахыкыя. Значитъ, та готовая-уже арабская прозаическая версія, которую обработалъ Лахыкый стихами, была ничто иное, какъ «Синдибадъ Большой» Асбага Сиджистанскаго, и Асбагъ, стало быть, жилъ или раньше Лахыкыя (напримѣръ, при послѣднихъ омейядахъ), или жилъ онъ, въ крайнемъ случаѣ, одновременно съ Лахыкыемъ, т. е. при первыхъ аббасидахъ (Мансуръ 754-775, Махдіъ 775-785), или при Харунѣ ар-Рашидѣ (786-809).

А *terminus post quem*? Можетъ ли онъ быть опредѣленъ? Путемъ гипотезы, — не думаю даже чтобы очень смѣлой, — я прихожу къ заключенію, что Асбагъ Сиджистанскій былъ современникъ Лахыкыя, а у Джâхыза нахожу документальное подтвержденіе моему зеключенію.

Происхожденіе Асбага или его рода — несомнѣнно персидское³⁾. Попытаемся отыскать другихъ хронологически извѣстныхъ персовъ, которые могли бы быть его родными. Полное имя его—Асбагъ, сынъ Абдаль-азиза, внукъ Салима. Одного перса-Салима, арабскаго литератора-переводчика, мы знаемъ, и выше (стр. 2) о немъ упоминали мимоходомъ. Это т. н. «кâtîb Хишамъ», секретарь дамаскаго омейядскаго халифа Хишама (724-743)⁴⁾. Онъ былъ персъ и *قد نقل من رسائل اوسطاليس الى الاسكندر* (Фирп. 117:30) = «переводилъ [на арабскій языкъ] [лже-] Аристотелевы посланія къ Александру

¹⁾ См. статью Т. Нельдеке въ „Zeitschr. der Deutsch. Morgenl. Ges.“ т. 33 (=1879), стр. 513-536; эта статья есть, собственно, разборъ изданія и перевода F. Baethgen'a : *Sindbân, syrisch und deutsch* (Лейпц. 1878); о *Moḡos' o Pērsoḡ* см. у Нельдеке стр. 521.—Бар. Розенъ: „Объ арабскихъ переводахъ Худай-намэ“, стр. 188, сноска.—С. Ольденбургъ: „О перс. версiи Синдибада“, стр. 254 и 270.

²⁾ См. у бар. Розева: „О перев. Худай-намэ“, стр. 169.

³⁾ Это видно изъ его переводческой дѣятельности, да отчасти и изъ прозвища „Сиджистанскій“. Сиджистанъ, иначе Систанъ, это прежняя область скиновъ-саковъ, въ восточномъ Иранѣ, поближе къ Афганистану и Индіи.

⁴⁾ Должность секретаря (кâtîb) при халифахъ-омейядахъ приблизительно соответствовала должности министра, — „везира“, какъ потомъ говорилось при Аббасидахъ; только, омейядскій министр-кâtîbъ не имѣлъ еще такихъ широкихъ полномочій, какія имѣлъ везиръ у Аббасидовъ. См. у меня въ „Исторіи арабовъ“, т. II (М. 1912), стр. 149.

[Македонскому)], вѣроятно, со своего родного языка персидскаго пехлевійскаго, а то пожалуй — и съ греческаго языка, которому не трудно было выучиться въ Дамаскѣ¹⁾. Знаемъ мы и его ختن'а, т. е. тестя или свояка, который состоялъ въ очень тѣсной дружбѣ съ переводчикомъ «Калилы и Димны» ибнъ-аль-Мокаффою. Знаемъ мы и его сына Джабалию ибнъ-Салима, который тоже занимался переводами съ персидскаго языка на арабскій²⁾. Неужели же, при восточной родовой преемственности профессій и интересовъ, не соблазнительно предположить, что переводчикъ Асбагъ Сиджистанскій принадлежалъ къ этому же кругу переводчиковъ? Не соблазнительно ли предположить, что онъ, внукъ Салима, былъ внукъ вышеупомянутаго переводчика Салима, Хишамова секретаря, а переводчику Джабалѣ ибнъ-Салиму приходился племянникомъ?

Если моя гипотеза вѣрна (а по моему — она имѣетъ за себя многое), то хронологія Асбага Сиджистанскаго устанавливается безъ труда. Внукъ человека, жившаго при Хишамѣ (724 - 742), отдѣленъ былъ отъ своего дѣда промежуткомъ, очевидно, лѣтъ въ пятьдесятъ. Слѣдовательно, Асбагъ Сиджистанскій жилъ въ 770-хъ годахъ и позже, и приходился Лахыкью современникомъ. Лахыкый, стало быть, версифицировалъ «Синдибадову книгу», какъ свѣжую, модную новинку, вышедшую недавно изъ-подъ пера его соплеменника.

Этотъ выводъ добытъ путемъ гипотезы. А у Джахыза мы находимъ прямое указаніе, что Асбагъ былъ не только современникомъ, но и тѣснымъ пріателемъ Лахыкыя. Въ своей „Книгѣ животныхъ“ (IV, 144:13) Джахызъ отмѣчаетъ, что въ составъ вольнодумнаго литературнаго „зидикскаго“ кружка Хаммада 'Аджрада въ Басрѣ ок.

¹⁾ Изъ этой короткой цитаты „Фирриста“ (гдѣ, кстати сказать, и самый глаголь نقل من, букв. „перенесъ изъ чего-нибудь“, не вполне устойчивъ въ своемъ значеніи и даже не всегда обязательно долженъ означать „перевелъ“) трудно понять, о какихъ собственно посланіяхъ Аристотеля идетъ рѣчь; но едва ли нужно сомнѣваться, что рѣчь идетъ вовсе не о чемъ-нибудь глубоко-философскомъ, а скорѣе всего объ апокрифическомъ произведеніи типа домостроя — энциклопедіи, гдѣ мудрые совѣты, хозяйственныя, медицинскія, политическія и иные, влагаются въ уста Аристотелю въ видѣ наставленій, преподаваемыхъ его питомцу Александру Македонскому. Въ формѣ „Тайны тайнъ“ (по болѣе позднему, южно-русскому: „Аристотелевы Врата“) мы констатируемъ существованіе подобной домостройной энциклопедіи у арабовъ съ несомнѣнностью ок. X—XI в.; исследователи отказываются признать для нея греческій оригиналъ, съ котораго она могла быть переведена, а считаютъ ее халифатскимъ произведеніемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если Салимовы „Посланія Аристотеля къ Александру“ представляютъ собою одинъ изъ прототиповъ „Аристотелевыхъ Вратъ“ и имѣютъ корни въ литературѣ пехлевійской. Срв. мой экскурсъ объ „Аристотелевыхъ Вратахъ“, помѣщенный въ 1-ой части „Исторіи арабовъ и ихъ литературы“ (1912) стр. 127 - 132.

²⁾ Библиографическія ссылки, какія относятся ко всемъ тремъ названнымъ лицамъ, уже приведены были выше, на стр. 2, сноски 3.

770-хъ гг. ¹⁾, всѣ члены котораго были „какъ одна душа“ (IV, 143:11), входили также Асбагъ и Абанъ Лахыкый. Ихъ имена Джахызъ помѣщаетъ рядомъ. Какого же другого (очевидно, общеизвестнаго) „зидикскаго“ литератора Асбага могъ имѣть въ виду Джахызъ, если не нашего Асбага Сиджистанскаго, переводчика „зидикскихъ“ вещей? Какой другой литераторъ Асбагъ могъ быть пріятелемъ Абана Лахыкыя, если не Асбагъ Сиджистанскій, обрабатывавшій тѣ же литературныя индо-персидскіе сюжеты, что и Абанъ Лахыкый?

Теперь обратимся къ Лахыкыю.

II.

Библиографическій обзоръ литературы о Лахыкыѣ.

Источники, откуда можно почерпнуть свѣдѣнія объ Абанѣ Лахыкыѣ ар-Раккашій (ум. 200=815), довольно многочисленны. Но изданы они были преимущественно за послѣднее десятилѣтіе и потому вообще мало изслѣдованы; по отношенію же къ Лахыкыю — тѣмъ менѣе. А то, что для моей работы послужило главной основой, даже не издано: я въ виду имѣю Сулія (начала 900-хъ г.), историко-литературный трудъ котораго извѣстенъ, можно сказать, лишь въ единственной рукописи, и то дефектной (въ ней не хватаетъ первыхъ листовъ). Это рукопись unicum принадлежитъ Хедивской библиотекѣ въ Каирѣ № 594.

Перечислю арабскіе источники, привлеченные мною къ изслѣдованію:

1) Три сатиры извѣстнаго гедоническаго поэта Харуфъ-ар-Рашидовскихъ временъ—Абу-Новаса (ок. 756—813), направленные противъ Лахыкыя. См. «Диванъ Абу-Новаса», егип. изданіе Искандара Асафа (Каиръ 1898), стр. 180—181 и стр. 18 ²⁾. Сатирами этими, собственно первую изъ нихъ, выясняется вопросъ о національномъ происхожденіи и религіи Лахыкыя, о его философскихъ воззрѣніяхъ. Изъ нихъ выясняются также нѣкоторыя бытовыя подробности той литературной обстановки, въ которой онъ жилъ. Въ своемъ полномъ видѣ эти сатиры Абу-Новаса имѣются только въ его диванѣ. Полностью ли (какъ слѣдовало бы ждуть) онѣ процитированы были у обстоятельнаго Сулія, этого намъ нельзя рѣшить, потому что въ рукописи-уникатѣ Сулія не хватаетъ именно тѣхъ листовъ, гдѣ, судя по дальнѣйшему контексту, находились сатиры Абу-Новаса. У Джахыза (ум. 869) онѣ цитируются въ болѣе короткомъ видѣ, въ «Агани» (963) — еще короче (но полезны для различій), въ «Бкдѣ» (авторъ ум. 940) цитируется лишь одна, и то менѣе характерная.

¹⁾ О кружкѣ 'Аджрада у насъ еще будетъ рѣчь ниже, стр. 17 и др.

²⁾ Переизданы у меня въ арабской хрестоматіи при I томѣ „Арабской литературы въ очеркахъ и образцахъ“ (М. 1911), стр. 25.

2) Джахызъ (ум. 869), извѣстный басрійскій разносторонній писатель: и беллетристъ, и филологъ, и историкъ литературы, и космографъ, и зоологъ, и т. д.—а) Изъ трудовъ Джахыза риторико-стилистическая «Китаб аль-байан ва т-табейн» (Каиръ 1313=1896) разбрасываетъ то тамъ, то сямъ интересныя свѣдѣнія о персахъ-предкахъ Лахыкыя, вообще о писательствѣ въ его роду (см. т. I, 119; т. II, 7; и др.), [или содержитъ оцѣнку Лахыкыя со стороны самого Джахыза (напр., I, 24).—б) Еще интереснѣе и содержательнѣе у Джахыза по отношенію къ Лахыкыю одно мѣсто въ его «Китаб аль-хайawan»=«Книгѣ животныхъ», изданной недавно въ Египтѣ, 1905—1907 ¹⁾; именно, см. т. IV, стр. 143—144 (Каиръ 1324=1906), гдѣ говорится о «зидикскомъ» кружкѣ трехъ Хаммадовъ, однимъ изъ членовъ котораго былъ, оказывается, и Абанъ Лахыкыи. Здѣсь самое существенное—сатира Абу-Новаса на Лахыкыя; пожалуй, она какъ было выше указано, приводится Джахызомъ въ нѣсколько сокращенныхъ выдержкахъ, но для установленія правильного текста она все равно цѣнна.

3) Имѣю основанія думать ²⁾, что ибнъ-Котейба (828-889) кое-что говоритъ о Лахыкыѣ въ своихъ «Источникахъ свѣдѣній» (=‘Ойун аль-ахбар). Но это, вѣроятно, во второй половинѣ «Источниковъ свѣдѣній», которую Броккельманнъ не успѣлъ еще издать.

4) Мобаррадъ (ок. 826—898) несомнѣнно былъ хранителемъ свѣдѣній о Лахыкыѣ, потому-что Суліи въ своихъ сообщеніяхъ (нач. 900-хъ гг.) дѣлаетъ довольно частыя ссылки на Мобаррада, и вѣроятно, что у Мобаррада имѣлось и написанное сочиненіе о Лахыкыѣ. Но въ огромномъ Мобаррадовомъ сводѣ «Камиль» (изд. Райтъ, 1864 и слѣд.) я не нашелъ о Лахыкыѣ ни единого слова.

5) Табарій (838—923) случайно цитируетъ въ своей колоссальной исторіи подъ 176=792 годомъ стихъ Лахыкыя про одну холодную мѣстность, гдѣ остановился бармекидъ Фадль ибнъ-Яхъя на походѣ противъ возставшаго Дейлема. См. лейден. изд. Табарія, серия III, т. 1 (1880), стр. 616 : 1—4.

6) Суліи Абу-Бакръ Мохаммедъ ибнъ-Яхъя писалъ въ Багдадѣ въ началѣ 900-хъ гг. (умеръ въ изгнаніи въ 946 г.). О немъ и о его аккуратномъ способѣ писать см. у меня въ «Хамасѣ», введеніе (М. 1912), стр. 15-18 и 160. Трудъ Суліи объ исторіи Аббасидскихъ халифовъ и ихъ стихотворцевъ («Аль-аурақ фи ахбар аль-Аббас ва аш’ари-ним») дошелъ до насъ (для событій VIII—IX в.) въ единственной, крайне неполной, фрагментарной, истощенной червями рукописи, которая хранится въ Хедивской библиотекѣ въ Каирѣ ³⁾; къ счастью, о Лахыкыѣ статья здѣсь сохранилась, и какъ разъ ею и начинается эта единственная дошедшая до насъ рукопись Аурақ ⁴⁾. Сообщенія

¹⁾ Насчетъ „Книги животныхъ“ Джахыза и ея характера см. у меня въ „Исторіи арабовъ и арабской литературы“, т. I (1912), стр. 118.

²⁾ Догадываюсь изъ „Бкда“ андалусца ибнъ-‘Абдъ-Раббиhi (ум. 940).

³⁾ Рукопись „Аурақ“ Суліи по печатному (арабскому) каталогу библиотекы отмѣчена въ т. V, стр. 16. У насъ есть съ нея буквальная копія, про которую мы скажемъ ниже.

⁴⁾ Для событій и писателей второй половины IX в. (съ 842 г.) найдутся кое-какіе отрывки Суліи въ другихъ книгохранилищахъ, и то лишь три фрагмента. См. замѣтку В. Бартольда въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія“, т. XVIII (1908), стр. 0149.

объ Абанѣ Лахыкыѣ, съ образцами его творчества, занимаютъ въ рукописи лл. 1—29; далѣе идутъ сообщенія о творествѣ Хамдана сына Абана и Абу-Шакира, брата Абана, лл. 29 об.—л. 43. Изъ нѣкоторыхъ ссылокъ Сулія мы видимъ, что статья о Лахыкыѣ лишена, въ дошедшей рукописи, своего начала; Сулій, говоря про обмѣнъ Лахыкыя и Абу-Новаса эпиграммами, замѣчаетъ, что онъ уже привелъ эти стихотворенія «фі аwwали ахбâри-ни ма' аль-Барâмйе» (л. 7; срв. л. 15), т. е. въ началѣ главы объ отношеніяхъ Лахыкыя къ везирымъ Бармекидамъ, а такъ-какъ въ дошедшей рукописи нѣтъ этихъ стихотвореній, то ясно, что въ ней нѣтъ и начала соответствующей главы. Но все же рукопись начинается съ отношеній Лахыкыя именно къ Бармекидамъ, равно какъ къ халифу Харуну ар-Рашиду (786—809), лл. 1—7 об. Какъ и естественно ждать, ужъ и въ этой главѣ встрѣчаются указанія на стычки и отношенія Лахыкыя съ другими поэтами; а специально этимъ отношеніямъ посвящена слѣдующая глава (лл. 7 об.—17 об.). Тамъ, между прочимъ, говорится о любовныхъ увлеченіяхъ Абана тюркскимъ рабомъ (л. 7 об.) и сосѣдками-невольницами (л. 8—11 об.), приводятся стихотворенія на другихъ поэтовъ (л. 11 об. и слѣд.), и въ томъ числѣ упоминаются стихи Лахыкыя, положенные на музыку Ибрахимомъ Мбсульсвимъ¹⁾. Ухаживаніе за ибнъ-Мунâзіромъ, л. 14—14 об. (со ссылкой прямо на Мобаррада, тогда какъ въ «Агани» XX, 72 рассказъ передается черезъ посредство Ахфаша, ученика Мобаррада, и оттого—варианты). По поводу сатиры Абу-Новаса о манихействѣ Лахыкыя, л. 15. Исторія стихотвореній по поводу умершаго еврейскаго мальчика-красавца изъ Басры (л. 15 и слѣд.); сатира Халифа Ахмара (л. 16). Слова Абу-'Обейды, что Лахыкыя не мусульманинъ, а жидъ, почитатель Торы (л. 17), и стихотворный отвѣтъ Лахыкыя на это (л. 17 об.). Слѣдующая короткая глава: «О правовѣрїи Абана» (л. 17 об.—18 об.) заканчивается указаніемъ на его стихотворныя обработки: «Калылу и Димну», «Китâб аль-мантыкъ» (т. е. «Зât аль-холяль»,—ср. «Аг.» XX, 73:15) и на «Адаб» ибнъ-Мокаффы (л. 18 об.) и переходитъ въ главу: «Любовныя стихотворенія (газль) Абана, которыхъ очень немного» (л. 18 об.—20); здѣсь отмѣчено мнѣніе самого Лахыкыя (въ отпоръ Абу-Новасу), что его призваніе—стихотворный эпосъ, а не лирика (л. 19), но тутъ же даются и образцы его любовной лирики (л. 19—20). Глава о стихотвореніяхъ панегирическихъ и иныхъ (элегійхъ и т. п.), л. 20—24 об. Заключительная глава — «Выборка изъ Абановыхъ касыдъ (=стихотворныхъ эпическихъ обработокъ)», л. 24 об.—29. Тутъ приводится стихотворное введеніе къ «Калилѣ и Димнѣ» (л. 24 об.—25), стихотворная глава оттуда же «О львѣ и быкѣ» (л. 26—28) и отрывки изъ набожно-аскетической поэмы (л. 28—29), послѣ чего (съ листа 29-го), слѣдуетъ уже новая статья — о сынѣ Лахыкыя Хамданѣ и его творествѣ. Всюду у Сулія — иснадные ссылки на источники; очень частый непосредственный источникъ—Мобаррадъ.

Рукопись «Аврâкъ» Сулія до крайности ветха и насквозь изъедена червями, а отъ этого во многихъ словахъ не хватаетъ то точекъ, то цѣлой буквы, то двухъ буквъ; больше всего пострадали первые

¹⁾ Мимоходомъ отмѣтимъ на л. 13 об.—14 кое-что о «Зейнабахъ» пѣвца послѣднихъ омейядскихъ временъ Юниса Катиба, одного изъ источниковъ для „Книги пѣсенъ“ Абульфараджа X вѣка. Абанъ писалъ стихи на его мелодїи.

пять листовъ. Нашъ бывший слушатель Ф. И. Хури любезно снялъ съ нея для насъ буквальную, точную копию, со всѣми этими изъянами въ чтеніи, съ проточенными лакунами. Приходится, при чтеніи, многое лишь угадывать по смыслу, отчасти же путемъ сопоставленія съ текстомъ «Книги пѣсенъ» = «Китабъ аль-агани» X в., въ которую, хотя и съ сокращеніями, попала порядочная часть сообщений Сулія.

7) Андалусецъ антологистъ ибнъ-'Абдъ-Раббиби (860—940) въ своемъ «'Ыкдъ» = «[Драгоценномъ] ожерельи», въ отдѣлѣ о письменныхъ принадлежностяхъ, приводитъ въ качествѣ стильнаго образчика просительный панегирикъ Лахыкыя къ бармекиду Фадлу ибнъ-Яхъфъ, принятый Фадломъ во время полученія грамоты изъ Арменіи, и цитируетъ также сатиру Абу-Новаса по этому поводу съ ея послѣдствіями (срв. Диванъ Абу-Новаса, 1898, стр. 18; отчасти у Сулія, л. 7; въ «Агани» XX, 75). См. «'Ыкдъ» египетское изд. 1293 = 1876, т. II, стр. 225—226. Подозрѣваю, что непосредственнымъ источникомъ для ибнъ-'Абдъ-Раббиби были «Источники свѣдѣній» ибнъ-Котейбы (ум. 889).

8) У Мас'удія (ум. 956 въ Египтѣ) въ I томѣ «Золотыхъ луговъ», тамъ, гдѣ онъ говоритъ о правахъ иудусовъ, приводится стихотворный отрывокъ изъ «Затъ аль-хольяль» Лахыкыя: стихотворный врачебный совѣтъ о вредѣ задержанія вѣтровъ въ желудкѣ. См. «Золотые луга», парижск. изданіе, т. I (1871), стр. 391—392.

9) Предисловіе Хамзы ибнъ-аль-Хасана Испаханскаго X в. къ дивану Абу-Новаса, редактированному имъ, Хамзою¹⁾. Въ этой редакціи диванъ, съ предисловіемъ Хамзы, изданъ въ Каирѣ 1898. Хамза (стр. 13 : 11-13) просто приводитъ цитату изъ Джэхыза (ум. 869), въ которой Абанъ кратко характеризуется съ самой благоприятной стороны, какъ представитель очень естественнаго, невынужденнаго стиля и какъ плодовитый стихотворецъ. И далѣе, уже въ самомъ текстѣ дивана Абу-Новаса,—поэта, который, какъ мы видѣли (стр. 8), отпустилъ сатиры противъ Абана Лахыкыя,—редакторъ-Хамза, для лучшаго разъясненія Абу-Новасова творчества, вставилъ стихотвореніе Лахыкыя къ Бармекиду Фадлу ибнъ-Яхъфъ, вызвавшее Абу-Новасову сатиру (стр. 17—18; она же есть въ «'Ыкдъ» II, 225—226 и въ «Агани» XX, 75; и была она, но затеряна, у Сулія).

10) «Китабъ аль-агани» = колоссальный сводъ «Книга пѣсенъ» Абульфараджа Испаханскаго ок. 963 г. (род. 897, ум. 967)²⁾. Послѣ Сулія (изъ котораго, кстати сказать, Абульфараджъ черпаетъ очень многое)³⁾ это важнѣйшій источникъ нашихъ свѣдѣній объ Абанѣ ЛахыкыѢ. По египетскому изданію «Агани» 1285—1868 года поэту отведена въ сводѣ довольно значительная статья въ т. XX, стр. 73—78, съ точными иснадными ссылками на источники и первоисточники. Въ

¹⁾ „Хызанетъ аль-адаб“ XVII в. (т. I, 168) называетъ редактора Абу-Новасова дивана ‘Алиемъ ибнъ-Хамзою Испаханскимъ, — „wohl durch Verwechslung mit dem Herausgeber der Diwane des Abu-Tammâm und al-Buhturî“, замѣчаетъ Броккельманъ въ своей статьѣ про Абу-Новаса въ лейденской „Enzyklopädie des Islâm“ (т. I, вып. 2 стр. 109a, Лейд. 1908).

²⁾ Соображенія, въ силу которыхъ конецъ составленія „Агани“ слѣдуетъ отнести къ 963 г., см. у меня въ „Хамасъ“, I, введене (М. 1912), стр. 34.

³⁾ Ссылки Абульфараджа на Сулія, см. напр., XX, 74 : 18; 75 : 3; 75 : 11; 76 : 17; 76 : 26, и т. д., и т. д.

статья этой предложена довольно выразительная биография Абана Лахыкы съ образцами его стиховъ (болѣе короткими, чѣмъ у Сулія), указано его происхождение (XX, 73), выяснены его отношенія къ везирской семьѣ Бармековъ (73, 75, 76), очерчено его положеніе среди прочихъ тогдашнихъ литераторовъ VIII—IX в. (Абу-Новаса и др.), причемъ выясняются обвиненія ими Лахыкы въ манихействѣ (сатиры Абу-Новаса 73 и Мо'аззала 74 : 17), сообщены пикантныя подробности о его любовныхъ дѣлахъ (76—77).—Сверхъ этой специальной главы, литературныя свѣдѣнія о Лахыкѣ попутно сообщены въ «Книгѣ пѣсенъ» еще въ т. III, 52 (Абанъ и зиндикъ Бешшаръ ибнъ-Бюрдъ, казн. 783); т. IV, 118 (по поводу стиховъ на мелодіи свода: «Зейнабы-красавицы»; срв. у Сулія, л. 3); т. IX, 24 (стихи); т. X, 100 и 102 (пріятельскія отношенія съ Абу-и-надыромъ); т. XII, 57 (сатира на поэта Мо'аззала ибнъ-Гейлана).

11) «Ф и н р и с т ъ» = «Библиографическій перечень» Надима Багдадскаго, 988 г. Въ замѣткѣ: «Ахбър Абанъ аль-Лахыкый (по лейпцигскому изданію 1871, т. I, стр. 119: 1—5) указано его полное имя, характеръ творчества, и перечислены заглавія произведеній. Въ рубрикѣ: «Абанъ аль-Лахыкый wa ало-лу» (т. I, 163 : 7—12) повторены приблизительно тѣ же свѣдѣнія, что и выше, и указана также литературная дѣятельность родичей его. Наконецъ на стр. 305 : 15 онъ отмѣченъ «Финристомъ» въ рубрикѣ прочихъ литераторовъ, обработывавшихъ индоперсидскія произведенія.

12) И б н ъ - Б а д р у н ъ (ок. 1164): Комментарій на элегію ибнъ-Абдуна¹⁾. Въ элегіи испанскаго араба ибнъ-Абдуна Эворскаго о гибели династіи своего удѣльнаго Афтасидскаго государя при вторженіи аль-Моравидовъ въ Испанію (1092) есть стихъ о паденіи везирской семьи Бармекидовъ при Харуфъ ар-Рашидѣ (въ 803 г.), и ибнъ-Бадрунъ въ своемъ комментарий счелъ нужнымъ дать этому стиху обстоятельное историческое разъясненіе. И, между прочимъ, ибнъ-Бадрунъ сообщаетъ, что для лучшаго запоминанія «Калилы и Димны» Яхъей-Бармекидомъ поэтъ Лахыкый переложилъ ее ему въ стихи; тутъ же ибнъ-Бадрунъ приводитъ и два первые стиха Лахыкыевой обработки (срв. въ «Агани» XX, 73).

13) «М и р ' а т а з - з а м а њ н ъ» = «Зерцало времени» Сьбтъ-ибнъ-аль-Джаузія (1186-1257), исполнскій сводъ исторіи съ биографическимъ словаремъ знаменитостей, касается Лахыкы, повидимому, подъ 200=815 годомъ (годомъ его смерти) и сообщаетъ про его стихотворную обработку «Калилы и Димны» для бармекида Яхъи ибнъ-Халида. «Зерцало времени» до сихъ поръ не издано (библиографію рукописей см. у Броккельмана: «Gesch. der arab. Litter» I, 1898, стр. 347), и мнѣ не приходилось пользоваться имъ въ рукописи; а свѣдѣніе свое я заимствую изъ «Geschichte der Chalifen» Г. Вейля, т. II (Маннхеймъ 1848), стр. 142 въ сноскѣ. Вейль ссылается на 29 л. парижской рукописи № 640 (которую вкратцѣ описываетъ въ предисловіи, т. II, стр. IX).

14) Странно, что въ биографическомъ словарѣ и б н ъ - Х а л л и к ѡ н а (ум. 1282) не только нѣтъ особой биографической статьи, посвященной Лахыкы, но и вообще ни слова о немъ нѣтъ. Между тѣмъ ибнъ-Халликанъ очень удобно могъ бы упомянуть Лахыкы, напримѣръ, въ статьѣ про Джа'фара-Бармекида (егип. изд. 1310=1893, т. I, стр.

¹⁾ Критическое изданіе Р. Дози: Commentaire historique sur le poème d'Ibn-'Abdoun par Ibn-Badrour (Лейденъ 1846).

105—110 = англ. перев. Слэна I, 301—319), для составленія которой широко пользовался ибнъ-Бадруновскимъ комментариемъ на элегію ибнъ-‘Абдуна, именно на стихъ про паденіе Бармекидовъ. Мы указывали (стр. 12), что въ числѣ комментаторскихъ сообщеній ибнъ-Бадруна было свѣдѣніе и про Лахыкья, и ибнъ-Халликанъ не могъ не прочесть его.

15) Абуль-Махъасинъ ибнъ-Тагрибырдій (1411—1469) въ своей исторіи «Поджум» = «Звѣзды» (Лейденъ, т. I, ч. 2; 1855) отмѣчаетъ подъ 200 = 815 годомъ кончину Абана Лахыкья (стр. 576 : 13) и, отводя ему три строки, сообщаетъ, что это былъ поэтъ везирей-Бармековъ и обработалъ для нихъ стихами «Калилу и Димну». Самое важное въ этомъ свидѣтельствѣ — точное указаніе на годъ смерти Лахыкья, не отмѣченный ни въ одномъ изъ вышеперечисленныхъ источниковъ, кромѣ — повидимому — «Зеркала времени» Сибтъ-ибнъ-аль-Джаузія XIII в.

16) «Хызанет аль-адаб» = «Сокровищница словесности» каирца ‘Абдалькадыра Багдадскаго (1621—1682), о важномъ значеніи которой см. у меня введеніе къ «Хамасъ» (М. 1912, I, стр. 91—93), отводитъ Абану Лахыкью двѣ страницы (т. III, 458—459, Булакъ 1299 = 1882), съ точнымъ обозначеніемъ, что все свѣдѣнія взяты исключительно изъ «Китаб-аль-агани» X в. Вниманіе ‘Абдалькадыра было привлечено собственно лишь неправовѣріемъ Абана, причемъ онъ приводитъ изъ «Агани» отрывки сатиръ Мо‘аззала и Абу-Новаса. Также предлагаетъ ту касыду, которая оказалась такъ угодна халифу Харуну ар-Рашиду.

Европейская литература о Лахыкѣ.

Европейская ориенталистика занималась Абаномъ Лахыкьемъ въ высшей степени мало, только урывками, — почти исключительно тогда, когда поднимался вопросъ о судьбѣ странствующихъ восточныхъ по-вѣствовательныхъ сборниковъ.

Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi. Tome dixième. A Paris, 1818. Здѣсь на стр. 174-й Сильв. де-Саси, давая поясненія къ описываемой имъ рукописи персидскаго перевода «Калилы и Димны» Насраллаха XII в., приводитъ выписку изъ ибнъ-Бадруновскаго толкованія XII в. на знаменитую элегію ибнъ-‘Абдуна о паденіи Афтасидовъ (1092). Выписка эта у С. де-Саси гласитъ, что, для легкаго запоминанія «Калилы и Димны» Яхъей Бармекидомъ, она была для него переложена въ стихи поэтомъ Абдальхамидомъ Лахыкьемъ, и приводятся два первыхъ полустишія Лахыкьевской версификаціи. — На стр. 267-й Сильв. де-Саси дополнительно приводитъ тѣ краткія свѣдѣнія о Лахыкѣ, какія онъ нашелъ въ «Фирристѣ» 988 г. Ни ибнъ-Бадрунъ, ни «Фирристъ» не были тогда изданы, и С. де-Саси извлекалъ свѣдѣнія изъ рукописей.

Ibn Khallikan's Biographical Dictionary, translated by b-n Mac Guckin de Slane, vol. I (Парижъ 1843). У самого ибнъ-Халликяна ничего нѣтъ про Лахыкья, но Слэнь, воспользовавшись упоминаніемъ ибнъ-Халликяна (въ главѣ «Абу-Теммамъ») о Мо‘аззалѣ, сдѣлалъ примѣчаніе, на основаніи «Агани», что съ этимъ Мо‘аззалемъ былъ знакомъ Лахыкый (I, 354—355); а въ отдѣлѣ добавленій къ I тому Слэнь, на стр. 674-ой, привелъ заглавія литературныхъ трудовъ Лахыкья по «Фирристу».

G. Weil: *Geschichte der Chalifen*, т. II (Маннхеймъ 1848), стр. 142, сноска, въ разсказѣ о Бармекидахъ. На основаніи «Мир'ат аз-заман» Ibn Djuzi ¹⁾, Вейль сообщаетъ про обработку «Калилы и Димны» для бармекидовъ Абаномъ ибнъ Хомейдомъ и приводитъ годъ его смерти [200=815].

Hammer-Purgstall: *Literaturgeschichte der Araber*, т. III (Вѣна 1852), стр. 363—365, небольшая статья № 1281: «Aban el-Lahiki»; къ ней отчасти дополнение на стр. 508—509 въ статьѣ о Хаммадѣ Аджрадѣ. Много здѣсь путаницы (напр., время жизни опредѣляется около 835 г.; заглавія сочиненій страшно искажены), но цѣнно, что привлечены были важные источники, оставшіеся, конечно, еще въ рукописяхъ: Джахызъ («Книга животныхъ»), «Бикдъ», «Агани» и Абульмахасынъ; правда, они въ короткой статьѣ Хаммера остались почти не использованы и были лишь намѣчены. Интердиктъ, который вскорѣ (1859) былъ наложенъ на Хаммера среди ориенталистовъ книгою Альвардта о Халафѣ Ахмарѣ, заставилъ ученыхъ совсѣмъ забыть о трудѣ Хаммера, а вмѣстѣ съ тѣмъ и статья его о Лахыкыхъ прошла совершенно незамѣченной для дальнѣйшихъ поколѣній.

Alfr. von Kremer: *Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams* (Лейпцигъ 1873). Прямо о Лахыкыхъ нѣтъ здѣсь ни одного слова, и даже имя его не названо нигдѣ въ изложеніи, но за то обрисованъ (по Джахызу) зиндикскій кружокъ Хаммада Аджрада въ Басрѣ, къ которому принадлежалъ и Абанъ Лахыкый, и вообще даны интересныя свѣдѣнія о зиндикствѣ при первыхъ Аббасидахъ. Въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 42-й сказано: «см. въ приложеніи замѣчательное стихотвореніе Абу-Новаса». Стихотвореніе это (№ XVIII арабскаго приложенія) оказывается сатирой Абу-Новаса на Лахыкыя. Переводъ не данъ.

Th. Nöldeke: a) *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden*, aus Tabari (Лейденъ 1879), стр. 461, сноска. Нельдеке, говоря о религіозномъ коммунистическомъ движеніи, которое поднялъ Маздакъ въ началѣ VI вѣка, высказываетъ догадку, что та «Книга Маздака», которую переводилъ ибнъ-Моаффа (уб. 757) и обрабатывалъ стихами Лахыкый, была не религіозное сочиненіе въ духѣ Маздака, а чисто беллетристическое, — оттого ее свободно и переводили. — б) Въ томъ же году, при разборѣ книги F. Baethgen'a: «Sindban» (Лейпц. 1879), Нельдеке для выясненія хронологіи Большого и Малаго Синдбада у арабовъ привлекъ къ дѣлу и фактъ обработки «Синдбада» Лахыкыемъ стихотворно, — фактъ, отмѣченный «Фихристомъ». См. этотъ разборъ въ «Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges.», т. 33 (1879), стр. 521.

F. Hommel: *Die älteste Barlaam-Recension* — въ «Verhandlungen» 7-го международнаго съѣзда ориенталистовъ, semitische Section (Вѣна 1887), стр. 118 и слѣд. Касаясь сообщеній «Фихриста» о нѣсколькихъ переводахъ и редакціяхъ «Варлаама и Юасафа» (или исторіи царевича Будды) съ пехлевійскаго языка на арабскій и выясняя время перевода, Хоммель касается и Лахыкыя, какъ автора стихотворной обработки «Варлаама и Юасафа».

Іван Франко: Варлаам і Юасаф, старохристиянський духовний роман і его літературна історія — въ журналѣ «Записки Наукового товариства імени Шевченка у Львові» 1897, т. 20, стр. 146—147.

¹⁾ Понимать надо: Сыбъ-ибнъ аль-Джаузія (ум. 1257). Ибнъ-Джаузій умеръ на 56 лѣтъ раньше.

Свѣдѣнія о Лахыкѣ и вообще о «Билалхарѣ и Юдасифѣ» изъ «Фирриста» сообщаются Ив. Франкомъ, какъ онъ самъ указываетъ въ сноскѣ на стр. 140-й, по статьѣ Хоммеля въ трудахъ VII-го съѣзда ориенталистовъ.

С. Θ. Ольденбургъ: О персидской прозаической версіи книги Синдибада—въ юбилейномъ сборникѣ учениковъ бар. В. Р. Розена (Спб. 1897). На стр. 254 авторъ касается стихотворной обработки «Книги Синдибада» Абаномъ Лахыкыемъ и основывается на указаніи «Фирриста», на которомъ остановивался и Нельдеке (1879).

Ign. Goldziher. Muhammedanische Studien, т. I (Халле 1889). Въ главѣ о «шо'убистахъ» въ халифатѣ и ихъ научной дѣятельности Гольдциеръ (I, 198) въ видѣ примѣра касается литературной дѣятельности рода Раккашіевъ и, на основаніи «Фирриста», бѣгло отмѣчаетъ стихотворную арабскую работу Абана Лахыкыя надъ персидскими повѣстями, лирическое творчество его сына Хамдана и брата [ибнъ-] Абдалхамида ¹⁾ и вообще литературную способность въ ихъ роду; при этомъ, на основаніи Джахыза IX в., Гольдциеръ дѣлаетъ указаніе, что и при сасанидахъ персы-предки Абана отличались краснорѣчивыми способностями (I, 199). Пѣсколько далѣе (I, 203—204), излагая перебранку въ халифатѣ между арабами и не арабами, Гольдциеръ передаетъ на основаніи «Агани» X в., что Абу-Обейда честилъ Абана и его родичей именемъ «жидъ», «жиды». Въ т. II, 101 Гольдциеръ, передавая о династическихъ спорахъ по поводу законности правъ Аббасидовъ или Алидовъ на халифатъ, цитируетъ (по «Агани») ту хвалебную насыду, которую преподнесъ Харуну ар-Рашиду Абанъ Лахыкыи.—Эти бѣглыя замѣчанія Гольдциера—самое существенное, что сказано о Лахыкѣ европейскою наукою.

K. Brockelmann: Geschichte der arabischen Litteratur, Лейпцигъ 1901, въ популярной Амеланговой серіи: «Die Litteraturen des Ostens in Einzeldarstellungen». На стр. 96, въ отдѣлѣ о повѣствовательной литературѣ, Броккельманъ называетъ Лахыкыя и перечисляетъ (несомнѣнно по «Фирристу») заглавія его произведеній. При этомъ «Синдибадову книгу [о женскомъ коварствѣ]» Броккельманъ превращаетъ въ «ein Buch über den Seefahrer Sindbad», т. е. про удивительныя путешествія Синдибада-морехода ²⁾.

Edw. Brown: A literary history of Persia, т. I (Лонд. 1902). На стр. 332, при разсказѣ о судѣ надъ Афшиномъ (казн. 841) и о «Книгѣ про Маздака», которую онъ называлъ не вредной для ислама, Браунъ вспоминаетъ мнѣніе Нельдеке, что эта книга, переведенная ибнъ-аль Мокаффою и стихотворно обработанная Лахыкыемъ, была просто беллетристическое произведеніе, а не религіозно-еретическое.

Въ лейденской «Encyclopädie des Islām», т. I, вып. 1 (Лейд. 1908) редакторъ М. Т. Хутсма (Houtsma) далъ небольшую замѣтку (стр. 4-5): «Abân b. Abd al-Hamid al-Lâhîqî», которая, по идеѣ изданія, должна бы быть послѣднимъ словомъ науки и итогомъ всего,

¹⁾ Гольдциеръ, по недосмотру, называетъ брата просто Абдалхамидомъ (I, 198). На дѣлѣ же братъ назывался Абу-Шакіръ Абдаллахъ и бнъ-Абдалхамидъ. См., Авраамъ Сулія, л. 42 об.

²⁾ Броккельманъ не первый, кто совершаетъ подобную ошибку. У меня въ исторіи 1001 ночи (въ VIII вып. „Трудовъ по востоковѣдѣнію“, М. 1905, стр. XVI, сноска 1) указанъ еще одинъ такой случай.

что сдѣлано до сихъ поръ ориенталистикой. Замѣтка очень скудна. Изъ источниковъ Хутсма указываетъ лишь «Фирристъ» и «Агани», изъ пособій — мимоходныя замѣчанія Гольдциэра въ «Muhammedanische Studien» и Хоммеля въ докладѣ о «Варлаамѣ и Иоасафѣ» на VII съѣздѣ ориенталистовъ. Да и на самомъ дѣлѣ то, очень немногое, что Хутсма сообщаетъ о Лахыкыѣ и его литературной дѣятельности, не идетъ далѣе Гольдциэра.

Если ко всему этому прибавить м о и сообщенія о Лахыкыѣ въ I части «Исторіи арабовъ и арабской литературы» (1911-1912), стр. 42—43, то можно и закончить обзоръ европейской литературы о немъ.

Попробуемъ на основаніи подобраннаго нами матеріала, связно очертить личность и дѣятельность этого писателя-перелазгателя.

III.

Начало поэтической карьеры Абана Лахыкыя и положеніе его въ литературномъ Вармекидскомъ кругу.

Полное имя его—Абанъ ибнъ-Абдальхамидъ¹⁾ ибнъ-Лâхыкъ ибнъ-Офейръ ар-Раққâшій. Послѣдній эпитетъ, «Раккашій», усвоенъ отъ знатнаго арабскаго рода бану-Раккашъ (изъ племени Бакритовъ), клиентомъ котораго состоялъ Абанъ²⁾.

Годъ рожденія неизвѣстенъ. По обстоятельствамъ жизни можно вычислить, что родился Абанъ въ 750-хъ гг. Если и раньше, то немногимъ раньше. Ближе всего время его жизни совпадаетъ съ временемъ жизни его сотоварища, знаменитѣйшаго поэта басрійца Абу-Новаса (ок. 756-813).

Персидская семья, къ которой принадлежалъ Абанъ, искони съ дѣда-прадѣда отличалась высокими литературными наклонностями.—Предки ея,—говоритъ Джахызъ³⁾,—были мастерами слова («хотаба») при дворѣ еще персидскихъ шаховъ-хосроевъ. Когда Иранъ былъ завоеванъ арабами, персидскій родъ этотъ (Джахызъ называетъ его по антиципаціи: «Раккашій») обарабился и развернулъ на арабскомъ языкѣ ту же литературную способность, которою отличался во время сасанидовъ: далъ арабамъ рядъ отличныхъ поэтовъ и мастеровъ слова. Впрочемъ,—прибавляетъ Джахызъ (повторяя шовинистическія противарабскія слова Абу-Обейды VIII—IX в.),—смѣшеніе съ чужою кровью испортило въ концѣ концовъ эту ихъ жилку.

Раккашій-персы, въ роли тѣхъ арабскихъ (ужъ не персидскихъ) литераторовъ, про какихъ говоритъ Джахызъ, начинаются именно съ нашего Абана Лахыкыя, который, какъ мы указали, ро-

¹⁾ Или «Абдальхомейдъ», какъ читаетъ издатель «Фирриста», стр. 119: 2 (Дип. 1871).

²⁾ «Китабъ аль-агани», т. XX, 73: 3—5.

³⁾ Джахызъ (ум. 869): Китабъ аль-байанъ ва т-табейюнъ, т. I (Каиръ 1311—1894) стр. 119.

даться могъ въ 750-хъ гг., а умеръ въ 815 г. ¹⁾ За нимъ, его арабскою литературною дорогою, пошелъ сынъ его Хамданъ ²⁾ и братъ Абу-Шакиръ Абдаллахъ ибнъ-Абдальхамидъ ³⁾ въ качествѣ хорошихъ арабскихъ поэтовъ; далѣе, внукъ Абана Фадль ибнъ-Иса Раккашій со своимъ сыномъ отличились какъ стилисты, «мин ахтаб ин-наѣ», по выраженію Джахыза ⁴⁾. Но самое начало дѣятельности персовъ-Раккашійевъ въ области арабской литературы положилъ именно нашъ Абанъ Лахыкій, придворный современникъ славнаго халифа Харуна ар-Рашида (786-809) и непридворный современникъ двухъ тоже славныхъ его предшественниковъ: халифа Махдія (775-785) и Мансура (754-775).

Съ чего онъ началъ творить? И гдѣ?

Сулій въ «Аврâq» отмѣчаетъ ⁵⁾, что Абанъ Лахыкій чувствовалъ себя очень мало поэтомъ-лирикомъ. Какъ-то указали Абану на заслуживающій подражанія примѣръ Абу-Новаса, и Абанъ отвѣтилъ: «За то Абу-Новасъ не перелагалъ въ стихи цѣлыхъ книгъ, какъ я! Я творю согласно моему дарованію» ⁶⁾. Поэтому нѣтъ ничего неестественнаго въ предположеніи, что съ версификаціи эпическихъ произведеній молодой Абанъ и началъ, по призванію, свою литературную карьеру. Гдѣ?—вѣрнѣе всего, въ Басрѣ. Въ послѣдніе годы царствованія Мансура (ум. 775) мы вѣдь видимъ Лахыкыя, очевидно еще юношу, въ качествѣ выдающагося члена знаменитаго вольнодумнаго „зиндикскаго“ клуба Хаммада 'Аджрада въ Басрѣ ⁷⁾, въ компаніи между прочимъ съ Асбагомъ ⁸⁾. Довольно вѣроятно, что

¹⁾ Годъ смерти сохраненъ у Абульмахасна XV в.: „Ноджум“, I, 576: 13 (Лейд. 1855) и повидимому, въ „Мир'ат аз-заман“ Сыбтъ-ибнъ-аль-Джаузиза (1186-1257).

²⁾ О Хамданѣ—у Сулія (900-хъ гг.), л. 29 об.—37 об., съ образцами его лирики. Помѣтка въ „Фирриетъ“ 163: 11.

³⁾ Въ „Фирриетъ“ 163: 12 онъ ошибочно названъ просто: „Абдальхамидъ“, что повторено и Гольдцѣромъ въ „Muhamm. Stud.“ I (1889), стр. 198. См. о немъ у Сулія, л. 37 об.—43, съ образцами творчества.

⁴⁾ „Байан“, т. I (1311—1894), стр. 118: 25, въ главѣ про „Аль-хотаба ва ль-болагâ“. Джахызъ очень часто цитируетъ этихъ Раккашійевъ, напр., т. I, 51, 112, 113, 118, 119 и др.; т. II (1313—1896), стр. 180, и др.

⁵⁾ „Аврâq“, рукоп., л. 18 об.—л. 19, со ссылкой на Джахыза. Мѣсто это очень искажено въ рукописи, и я читаю по догадкѣ.

⁶⁾ „Фа Абу-Новас лям йанзолы ль-кютоба би ши'рин, кямâ вақалто; ва иннамâ а'мало ш-ши'ра фî-мâ йанфа'о-ни“. Сулій, л. 19.

⁷⁾ Объ этомъ пресловутомъ басрийскомъ клубѣ, привлечшемъ къ себѣ Лахыкыя и рельефно обрисованномъ у Джахыза (ум. 869) въ „Книгѣ животныхъ“ (т. IV, 1324—1906, стр. 143-144), мы подробнѣе будемъ говорить ниже (стр. 24-25), при разборѣ сатиры Абу-Новаса. Замѣтимъ, что поэтъ Моты' ибнъ-Айасъ, членъ этого клуба и пріятель Лахыкыя, умеръ еще при Мансурѣ,—значитъ, не позже 775 года.

⁸⁾ Джахызъ: Хаяванъ, IV, 144: 13. Срв. у насъ выше, стр. 7.

Асбагъ перевелъ тогда «Большого Синдибада» прозою; а Лахыкый обработалъ свѣжую новинку своего пріятеля стихами.

Съ другой стороны, едва ли можно сомнѣваться, что довольно рано Абанъ долженъ былъ испробовать свои силы и на любовной лирикѣ, къ которой онъ, что ни говорить, безусловно имѣлъ талантъ: достаточно прочитавъ образцы, приведенные у того же Сулія и въ «Агани», чтобы въ этомъ наглядно убѣдиться. Лирика Лахыкыя, по своей естественности, граничила съ пѣсней ¹⁾; мы знаемъ, что славный пѣвецъ-композиторъ того времени Ибраһимъ Мосульскій (743-804) положилъ кое-какія стихотворенія Лахыкыя на музыку ²⁾; держались они въ репертуарѣ и другихъ музыкантовъ ³⁾. Мы имѣемъ достаточно опредѣленные свидѣтельства, что и самъ Лахыкый писалъ нѣкоторыя свои стихотворенія ⁴⁾ примѣнительно къ извѣстнымъ сборникамъ мелодій болѣе раннихъ пѣвцовъ-композиторовъ: знаменитаго Мабада (ок. 668-744) и его ученика Юниса Катѣба VIII вѣка, автора «Зейнабъ-красавицъ» ⁵⁾. Когда же и гдѣ же это было? Мы не знаемъ, съ ариѳметическою точностью, ни года смерти Юниса, ни года рожденія Абана ⁶⁾, но во всякомъ случаѣ можемъ соображать, что зрѣлые годы и распространеніе, уже въ Багдадѣ, славы мединца Юниса Катѣба совпали съ еще юношескими годами Абана. Находимъ поэтому очень возможнымъ, что именно тогда, когда «Зейнабы-красавицы» мединца Юниса были въ Багдадѣ еще недавно пришедшей новинкой и распѣвались молодымъ Ибраһимомъ Мосульскимъ и вообще публикой въ качествѣ модныхъ романсовъ, Абанъ и написалъ лирическіе стихи на ихъ модныя мелодіи. Вотъ почему намъ и думается, что довольно рано испыталъ Абанъ свое творчество, какъ и полагается молодымъ поэтамъ, также на любовной лирикѣ, не только на эпосѣ, и что находился онъ тогда не въ Басрѣ, а въ халифской столицѣ-Багдадѣ. Очевидно, это было въ халифство Махдія (775-785).

Ко двору халифа Харуна ар-Рашида попалъ Абанъ Лахыкый не сразу. Мы имѣемъ, правда, одно его льстивое стихотвореніе, которое относится къ году возшествія Рашида на престолъ, послѣ

¹⁾ О естественности языка Лахыкыя см. отзывъ Джахыза: „Байан“, I (1311=1894), стр. 24: 3.

²⁾ О музыкѣ Ибраһима Мосульскаго на слова Лахыкыя см. у Сулія л. 5 об. и въ „Агани“ XX, 72 и IV, 118: 25.

³⁾ Сулія, л. 13 об., вверху.

⁴⁾ вѣроятно, не безъ побужденія молодого еще Ибраһима Мосульскаго; „Агани“, IV, 118: 21.

⁵⁾ Сулія, л. 13 об.—л. 14; „Агани“, IV, 118: 15 (полностью касыда имѣется у Сулія, л. 2 об.—л. 4).

⁶⁾ Пріятель и соперникъ Лахыкыя Абу-Новасъ род. ок. 756 г. Онъ, ученикъ Валибы (басрийскаго пріятеля Лахыкыя), могъ быть на нѣсколько лѣтъ моложе Лахыкыя.

сверженія Амина (809) ¹⁾, но, повидимому, оно осталось безрезультатнымъ. И попалъ онъ лишь за тотъ свой удачный панегирикъ, гдѣ, согласно обычному требованію, которое Харунъ ар-Рашидъ предъявлялъ своимъ панегиристамъ ²⁾, постарался развить ту мысль, что потомки 'Аббаса (=дяди Пророка) имѣютъ законныхъ, генеалогическихъ правъ на халифатъ больше, чѣмъ потомки Алія (=двоюроднаго брата Пророка):

أ عمّ نبیّ الله اقرب زلفه
إليه أم ابن العمّ في رتبة النسب

Халифъ пожаловалъ тогда Лахыкыю за эту пріятнѣйшую для него сирвенту 20.000 дирхемовъ и приблизилъ къ себѣ ³⁾. Лахыкый далеко не ограничился этимъ панегирикомъ халифу и составилъ ему еще рядъ другихъ стихотвореній ⁴⁾.

Больше всего, однако, Лахыкый ютился и льнулъ къ вельможамъ-меценатамъ Бармекамъ, какъ и Абу-Новасъ и другіе поэты его времени. Эта везирская семья персовъ-Бармековъ играла полновластную и благотворную роль въ государствѣ при первыхъ Аббасидахъ (пока не была низложена въ 803 году прогнѣвавшимся халифомъ Харуномъ ар-Рашидомъ) и служила превосходнымъ звеномъ между арабами и персами. Къ Абану Лахыкыю Бармеки относились очень хорошо, покровительствовали ему. Онъ для нихъ перелагалъ—въ арабскіе стихи—произведенія доисламской персидской или индоперсидской литературы, къ чему имѣлъ наибольшее дарованія, по его же признанію ⁵⁾; дидактическую «Калилу и Димну» онъ имъ изложилъ стихами ради того, «чтобы имъ легче было заучивать ее на память» ⁶⁾. Онъ воспѣвалъ Бармековъ въ стихахъ-панегирикахъ, «какъ голосистый соловей» (кя ль-бюльболь ис-саййах), по его собственному выраженію ⁷⁾.

¹⁾ Оно у Сулія, л. 7. озаглавлено: «фи бей'ат ар-Рашид ли ль-Амин» и начинается словами: «'Ақю ль-халифати — бей'атон ли Мохаммадин».

²⁾ Объ этомъ требованіи Харуна см. вромѣ «Агани» XX, 75-76 еще лучше въ «Агани» XII, 17: 9. Указалъ на это И. Гольдцѣръ: *Muhamm. Studien*, II (1890), стр. 101.

³⁾ См. у Сулія, л. 1 об.—л. 2, гдѣ приводится и вся касыда. Выдержки изъ нея имѣются въ «Агани», XX, 76.

⁴⁾ Сулія приводитъ ихъ достаточно на л. 1 об.—7 об. Кромѣ похвалъ халифу, тамъ встрѣчаются и иные стихи, напр. на смерть его невольницы.

⁵⁾ Сулія, л. 18 об.—л. 19. Ниже, въ гл. 5-ой, мы передадимъ относящійся анекдотъ (стр. 29).

⁶⁾ «Агани» XX, 73: 10. Тамъ же и подробности. У Сулія соответствующій рассказъ находился, повидимому, на утерянныхъ первыхъ листахъ рукописи. Бартольдъ см. л. 18 об. внизу.

⁷⁾ Сулія, л. 7 (при невольномъ рассказѣ); «Агани» XX, 75: 6 снизу; Диванъ Абу-Новаса (Кауръ 1898), стр. 18: 7. Въ «Бюльболь», т. II (1293 = 1876), стр. 226: 7, слово «бюльболь» (=соловей) замѣнено словомъ «джюльджоль» (=бубенчикъ).

При Бармекахъ группировался большой кругъ арабскихъ поэтовъ, персовъ по происхожденію, и Лахыкый былъ изъ ихъ числа. Отчасти онъ ихъ зналъ еще по Басрѣ, по клубу Хаммада Аджрада, но были тутъ и другіе. Абанъ дружилъ съ ними, состязался, пикировался, ссорился, мирился. Поводовъ для ссоръ и мира было достаточно, потому что поэты эти были народъ фривольный, распущенный, типа знаменитаго «арабскаго Гейне» — Абу-Новаса (ок. 756-813), выдающагося среди нихъ¹⁾. И споры, или насмѣшки, часто возникали на почвѣ любовныхъ увлеченій, не разъ — со специальной восточной окраской, т. е. изъ-за мальчиковъ. Въ этомъ грѣхѣ, который такъ опозитизированъ Абу-Новасомъ, одинаково повиненъ былъ и Лахыкый.

Нѣкоторые забавные, и для нравовъ характерные, случаи изъ этой области переданы и въ „Аврâq“ Сулія (л. 7 об - л. 8; л. 14), и въ „Китâб аль-агâни“ (т. XX, стр. 76 и 77). Для исторіи литературныхъ взаимодействій интересенъ тамъ, на примѣръ, рассказъ объ увлеченіи Лахыкыя молодымъ тюркскимъ рабомъ, который жилъ въ соседнемъ домѣ, стѣна о стѣну, и никто не подозрѣвалъ о любовныхъ чувствахъ Лахыкыя къ нему:

„Я страдаю отъ того, кого назвать не могу,
„И притомъ мой сосѣдъ живетъ домъ-о-домъ.....
„Вотъ мимо несутъ на носилкахъ мертвеца,
„А я и живой — словно мертвецъ.

Заканчивается стихотвореніе (или выдержка изъ него) высказаннымъ желаніемъ — испить слюну своего милаго турченка, вмѣстѣ съ виномъ, которое тотъ подаетъ²⁾. Этотъ послѣдній стихъ, по своему образу, чрезвычайно сходенъ съ такимъ же стихомъ Абу-Новаса³⁾ насчетъ своего милаго виночерпия - христіанина.

Другой рассказъ Сулія (л. 14) съ варіантомъ (по нѣскольکو иному источнику) въ „Китâб аль-агâни“ (т. XX, 77) повѣствуетъ о комичныхъ ухаживаніяхъ Лахыкыя за поэтомъ ибнъ-Мюназиромъ, изъ того же Вармекскаго круга. — „Я умру, и ты даже элегіи не напишешь обо мнѣ!“ грустно пенялъ влюбленный Лахыкый на безсердечнаго ибнъ-Мюназира, и тотъ, обозлившись на приставанія, составилъ эпиграмму:

¹⁾ Извѣстный знатокъ древнеарабскаго жанра, каившійся даже въ поддѣлкахъ подъ доисламскую поэзію, басріецъ Халляфъ аль-Ахмаръ (ум. ок. 800) тоже, по видимому, льнулъ къ общей компаніи. Срв. у Сулія, л. 16. Впрочемъ Лахыкый могъ съ нимъ встрѣчаться раньше, еще до Багдада.

²⁾ Агани XX, 77 : 1. У Сулія (л. 8 : 1 - 2) окончаніе — иное, и этотъ стихъ отсутствуетъ. За то, аналогичный стихъ приводится у Сулія въ другомъ мѣстѣ, въ творчествѣ Хамдана, сына Лахыкыя (л. 31 об.).

³⁾ Диванъ Абу-Новаса (1898) стр. 265 : 18.

Жеманное кокетничанье Абана и мягкость его рѣчи указываютъ людямъ, что для него, словно для самки, наступила пора течки¹⁾.

„Гей вы, родичи Лахыкыя! вѣдь всѣ вы, какіе есть на свѣтѣ, знаете про эту его болѣзнь?....“

„Такъ знайте же, что, когда наступитъ вечеръ и окутаетъ его своей тьмою, на улицахъ Багдадскихъ найдутся для него врачи:“

„Тамъ бродятъ кобели въ ошейникахъ и ищутъ сучки. Сведите къ нимъ Абава, чтобы ему стало легче!“

Казалось бы, что послѣ такого оскорбленія Абанъ станетъ вѣчнымъ врагомъ ибнъ - Мюназира. Но, — прибавляетъ Сулія (л. 14 об.), — потомъ оба поэта примирились.

Въ стихотворныхъ восточныхъ перебранкахъ всегда, какъ извѣстно, богатый матеріалъ для остроумія дается религіею противниковъ. Какой религіи придерживался Абанъ Лахыкый? Былъ ли онъ уже мусульманиномъ? Или возможно, что онъ, клиентъ арабовъ Раккашійевъ, все же оставался въ вѣрѣ своихъ персидскихъ предковъ? Вѣдь огромная часть персовъ въ VIII—IX в. еще не была мусульманами, и придерживалась своей прежней сасанидской религіи²⁾. Какъ же обстояло дѣло съ Лахыкыемъ?

IV.

Вопросъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ Лахыкыя.

«Аврâq» Сулія (нач. 900-хъ гг.) съ достаточной обстоятельностью, а вслѣдъ за Суліемъ такъ же «Книга пѣсенъ» X в. (эта—съ гораздо меньшей обстоятельностью) — стараются заднимъ числомъ обфлиить Абана и влагаютъ, напимѣръ, въ уста одному почтенному старцу сообщеніе, что Лахыкый не былъ *كافر* «гяуръ», что, пожалуй, именно такая память сохранилась о немъ, но на дѣлѣ былъ онъ вполне набожнымъ мусульманиномъ. Приводятъ они и еще нѣсколько такихъ же свидѣтельствъ³⁾.

Но передъ тѣмъ оба эти источника даютъ намъ сообщенія, что одинъ изъ современниковъ Лахыкыя, филологъ-фоклористъ Абу-Обейда (извѣстный знатокъ «безславія» арабовъ)⁴⁾, желая уколоть Абана въ генеалогическомъ спорѣ, съязвилъ, что правительство слишкомъ небрежно относится къ своимъ обязанностямъ (*لقد اغفل السلطان كل*)

¹⁾ «авна-ну халақи [иѣон] *حلقى*», такъ у Сулія. По варианту «Агани» читается «алақи» — моя пьявка, т. е. «пристаётъ ко мнѣ, словно пьявка».

²⁾ См. у меня въ «Исторіи Персіи», т. I, вып. 1 (1909), стр. 40.

³⁾ У Сулія есть особая рубрика (л. 17 об.-18): «Сообщенія о правотѣ Абана» — «Ма рошійа фі сыххати дини Абана», и именно отсюда кое-что взято въ «Книгу пѣсенъ», т. XX, 78. Въ другомъ мѣстѣ у Сулія приводится ода Лахыкыя въ честь Медины (л. 20), которая тоже могла бы быть приобщена къ упомянутой рубрикѣ.

⁴⁾ Литературу объ Абу-Обейдѣ см. въ «Gesch. der arab. Litter.» Броккельманна, т. I (1898), стр. 103—104. Род 728, ум. 825; еврей-бабріецъ.

سـ), если забываетъ взыскивать съ Лахыкыя иновѣрческую подушную подать («джизйе»): вѣдь Лахыкый—жидъ, и весь его родъ жидовскій, и въ домахъ у нихъ—списки Торы, а не Корана. Лучшее доказательство ихъ жидовства (таһавводи-һим)—то, что большая часть ихъ хвастается своимъ знаніемъ Торы на память, а изъ Корана они не знаютъ даже столько, сколько требуется для простой молитвы¹⁾.

Упрекъ въ жидовствѣ (да еще со стороны Абу-Обейды, ругателя еврея), конечно, совершенно не основателенъ по отношенію къ Лахыкыю и его родичамъ: іудеемъ онъ, очевидно, не могъ быть. Извѣстно, что ради издѣвательства мусульмане называли иногда персовъ-зороастрійцевъ жидами²⁾. По отношенію къ Лахыкыю такая насмѣшка была тѣмъ допустимѣе, что и зороастрійцами чистыми его предки едва ли были. Сатиры Абу-Новаса, современныя Лахыкыю и заслуживающія поэтому серьезнаго вниманія, равно какъ сатиры или эпиграммы нѣкоторыхъ другихъ тогдашнихъ поэтовъ, осмѣиваютъ Абана, какъ сторонника манихейства. Манихейство же и съ зороастрійской точки зрѣнія было ересью, иновѣріемъ,—значить, своего рода «жидовствомъ». Вопросъ о возможной принадлежности Абана къ манихейству тѣмъ интереснѣе въ литературномъ отношеніи, что не разъ уже выставлялась гипотеза³⁾ о важной роли именно манихейства въ переходѣ буддійскихъ повѣстей изъ индійской литературы въ персидскую (откуда—въ арабскую).

Чтобы обсудить этотъ вопросъ ближе, приведемъ главную сатиру Абу-Новаса въ русскомъ переводѣ, причемъ заранѣе отмѣтимъ, что мнимо-ригористическій, мнимо-набожный гнѣвъ Абу-Новаса, отъявленнаго грѣшника, есть лишь удачный риторическій приемъ, съ цѣлью малость побогохульничать самому. Сатира написана, впрочемъ, въ пылу досады на предпочтеніе, которое незадолго передъ тѣмъ досталось Лахыкыю на поэтическомъ турнирѣ въ присутствіи одного изъ Бармековъ⁴⁾. Кромѣ того могъ Абу-Новасъ питать противъ Абана кое-какое раздраженіе за его попытки вмѣшиваться сатирами въ семейныя дѣла людей, болѣе или менѣе близкихъ Абу-Новасу⁵⁾.

¹⁾ Сулій, л. 17; „Агани“ XX, 78:2-6.

²⁾ Объ этомъ издѣвательствѣ надъ зороастрійцами см. у Гольдцера: *Muhammedanische Studien*, т. I (1889), стр. 204-205.

³⁾ См. напр. П. Кассель: *Aus Literatur und Symbolik* (Лейпцигъ 1884), гдѣ въ главѣ „Barlaam und Josaphat“ (=стр. 152-228) есть специальный отдѣлъ: *Buddhismus und Manichaeismus*.

⁴⁾ Сулій, л. 14 об.; „Агани“, т. XX, 73:17.

⁵⁾ Мы, впрочемъ, не знаемъ, произошло ли вмѣшательство Абана до или послѣ сатиры Абу-Новаса. Разсказъ данъ лучше въ „Агани“ (XX, 77), чѣмъ у Сулія (л. 8а—л. 9); въ рукописи Сулія здѣсь, повидимому, есть нѣкоторый пропускъ, происшедшій по вѣщъ переписчика.

И сказалъ Абу-Новасъ, осмѣивая Абана ибнъ-Абдальхамида аль-Лахыкыя, кліента („мавля“) Раккашійевъ¹⁾:

1. Пришлось мнѣ однажды быть вмѣстѣ съ Абаномъ... Чтобъ этому Абану пусто было!—

2. Находились мы тогда въ пріемномъ портикѣ властелина въ Нахранавѣ²⁾.

3. Ну, вотъ наступила пора полдневной молитвы и минаретнаго зова³⁾.

4. И воззвалъ на молитву мюэззинъ, яснымъ, выразительнымъ голосомъ.

5. Пока мюэззинъ возглашалъ свой призывъ, я повторялъ за нимъ всѣ слова [т. е. „свидѣтельствую, что нѣтъ бога, кромѣ Аллаха! свидѣтельствую, что Мохаммедъ—посланникъ Бога]—до конца призыва⁴⁾.

6. А Лахыкый и говоритъ: „Какъ вы можете свидѣтельствовать это, не выдавши?“

7. „Я ни во вѣкъ не стану чего-либо свидѣтельствовать, пока этого не увидятъ мои глаза!—

8. — „Хвала Господу моему!“ прервалъ его я.— „Хвала Манесу!“—отвѣтилъ онъ⁵⁾.

9. — „И Иисусъ—посланникъ“, продолжалъ я.— „Отъ сатаны“, дополнилъ Абанъ.

10. — „Моисей—говорилъ я даже—былъ собесѣдникомъ Бога⁶⁾, всевидящаго, ласковаго утѣшителя“.—

11. — „Значитъ, у твоего Бога“, спросилъ Абанъ, „есть глаза со зрачками и языкъ?!“

12. „И самъ Овъ это себѣ создалъ? Или кто?..“ Тогда я вскочилъ съ мѣста,

13. — воскликнулъ: „Господь мой милосердъ и даруетъ прощеніе!“

14. И скорѣе подобралъ свои полы, чтобы уйти отъ осмѣителя Корана,

15. — отъ гура, который бахвалится своимъ невѣріемъ въ Милосердаго

¹⁾ Основной текстъ я беру изъ дивана Абу-Новаса (изд. 1898), стр. 180—181, перепечатанный у меня въ арабскомъ приложеніи къ „Арабской литературѣ въ очеркахъ и образцахъ“, т. I (М. 1911), стр. 25. Но для лучшаго уразумѣнія я, при переводѣ, привлекаю и тѣ варианты (спеціально же для в. 4 и в. 10), которые мы имѣемъ въ выдержкахъ изъ этой сатиры (съ поясненіями) въ „Китабъ аль-хавван“ Джахыза, ум. 869 (Каиръ, т. IV, 1324 = 1906, стр. 143-144) и въ „Китабъ аль-агани“ Х вѣка (т. XX, стр. 73). Въ рукописи Сулія, предшественника „Агани“, сатира была приведена на тѣхъ начальныхъ листахъ, которые утеряны. См. у насъ выше, стр. 10.

²⁾ Нахранавъ—городъ неподалеку отъ Багдада, на востокъ отъ р. Тигра.

³⁾ Въ подлинникѣ сказано: „первой молитвы“. Но изъ контекста видно, что рѣчь не можетъ идти о самой ранней, утренней молитвѣ. По-персидски тоже „вѣмаз-нишия“ значитъ „полдневная молитва“, а не утренняя.

⁴⁾ Для оцѣнки провіа Абу-Новаса надъ собою, надо помнить, что во многихъ другихъ мѣстахъ своего дивана онъ прямо хвастается своимъ умѣньемъ забывать о молитвѣ и проводить молитвенный часъ въ пьянствѣ. Напримѣръ см. Диванъ (1898), стр. 273.

⁵⁾ Для удобства склоненія я воспользовался здѣсь той формой имени основателя манхейства, которая взята изъ греческаго, т. е. „Манесъ“ (вмѣсто обычнаго, несклоняемаго „Мави“).

⁶⁾ Изъ разночтеній я остановился на „калімъ“ (=собесѣдникъ), какъ у Джахызы,

16. — и хочеть сравняться съ цѣлой шайкой такихъ же людей:

17. — съ [Хаммадомъ] 'Аджрадомъ, съ 'Обадою, съ Валибою [ибнъ-Хобабомъ],

18. — съ [Мотыемъ] ибнъ-аль-Айасомъ, который стоветь по „двумъ пальмамъ въ Хольванѣ“,

19. — и съ [Хосейномъ ибнъ-ад-Даххакомъ] Халі'емъ, этой—по моему мнѣнію—душистой базиликой собутыльничковъ.

20. Эхъ! видно, и я, и ты — одинаково развратны! оба — полны блуда и плевеловъ!

Историческое поясненіе къ этой сатирѣ мы имѣемъ у Джахыза: „Хайаван“, т. IV (Каирь 1324=1906), стр. 143-145,—тамъ, гдѣ онъ рассказываетъ о вольнодумномъ „зндикскомъ клубѣ“, кружкѣ Хаммада 'Аджрада въ Басрѣ, къ которому принадлежали всѣ названные Абу-Новасомъ литераторы ¹⁾ и еще другіе, напримѣръ пріятель Лахыкыя Асбагъ (IV, 144: 13)—очевидно, прозаическій переводчикъ „Большого Синдибада“—и высоко-даровитый поэтъ „зндикъ“ Бешшаръ ибнъ-Бюрдъ ²⁾. Бешшаръ былъ казненъ Махдіемъ въ 783 г., а лѣтъ за пять передъ тѣмъ и гостепріимный меценатъ Хаммадъ 'Аджрадъ тоже былъ казненъ за вольнодумство ³⁾. 'Аджрадъ былъ не просто манихей, но даже священнослужитель манихейской общины въ Куфѣ ⁴⁾. Нѣсколько раньше ихъ двухъ умеръ знаменитый Моты ибнъ-Айасъ (при дворѣ халифа Мансура, 754-775). Это былъ поэтъ и сентиментализма ⁵⁾, и разнузданнаго гедоническаго направленія, арабъ, но не бедуинъ, а вполнѣ

¹⁾ На основаніи Джахыза я возстановилъ при переводѣ правильную форму именъ измененную Абу-Новасомъ ради стиха.

²⁾ Про Бешшара ибнъ-Бюрда см. въ европейской литературѣ: а) Хаммеръ: *Literaturgeschichte der Araber*, т. III (Вѣна 1852), стр. 512—528, съ образцами стиховъ; б) Кремеръ: *Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams* (Лейпц. 1873), стр. 34-35, съ обрисовкой его положенія въ зндикскомъ клубѣ 'Аджрада;—в) Броккельманъ: *Gesch. der arabischen Litteratur*, I (1898), стр. 73-74;—г) Никольсонъ: *A literary history of the Arabs*, 1907, стр. 372—375.

³⁾ Объ 'Аджрадѣ часто упоминаетъ Джахызъ не только въ „Хайаван“, но и въ „Байан“ и цитируетъ его часто: см. напр., „Байан“, т. I (1311=1894), стр. 15, 23, или т. II (1313=1896), стр. 120 (первые попавшіеся примѣры). Часто его цитируетъ „Ыкдъ“ X в., напр. какъ поэта шедрости т. I (изд. 1293=1876), стр. 87; т. III, 331-332. Еще объ 'Аджрадѣ см. въ „Агани“ X в. очень большую статью въ т. XIII, стр. 73-101 и въ біографіяхъ членовъ 'Аджрадовскаго кружка. Съ непристойной стороны очерченъ Хаммадъ 'Аджрадъ Хамзою Испананскимъ X в. въ редакторскихъ примѣчаніяхъ къ дивану Абу-Новаса; см. по каир. изд. 1898, стр. 42, и „Моджун“ (Каирь 1316=1899), стр. 8-9. У ибнъ-Халликая (ум. 1282) небольшая замѣтка въ т. I, стр. 165-166 по егип. изд. 1310=1893 г. (по англ. перев. Слэна т. I, стр. 474-476). У Абульмахасына XV в., т. I, 429 (Лейденъ 1855). Въ европейской литературѣ: а) Хаммеръ: *Literaturgeschichte*, т. III (1852), стр. 505-510;—б) Бар. В. Розенъ: *Древне-арабская поэзія и ея критика* (Сиб. 1872), стр. 70;—в) Кремеръ: *Streifzüge* (1873), стр. 35-36.

⁴⁾ См. рассказъ очевидца въ „Агани“, т. XIII, 74.

⁵⁾ Къ сентиментальнымъ относится и стихотвореніе Моты о „двухъ пальмахъ въ Хольванѣ“, которое Абу-Новасъ подымаетъ на зубокъ, но которое доставило автору громадную славу. См. въ „Агани“ XII, 107-108; въ пословицахъ Мейдавія (ум. 1124) по изданію Фрейтага: *Proverbia Arabum* (Боннъ, т. II, 1839, стр. 47), огл. XVI, 62; дѣ Фрейтагомъ данъ и латинскій переводъ этого стихотворенія.

горожанинъ по тону, достойный предшественникъ своего младшаго товарища Абу-Новаса ¹⁾; уроженецъ Куфы, онъ проникся ученіемъ „зндиковъ“, читалъ ихъ священныя книги, и, какъ потомъ показывала его дочь на допросѣ у халифа Харуна ар-Рашида, отецъ воспиталъ ее въ вѣрѣ „зндиковъ“, на ихъ священномъ писаніи ²⁾. Изъ прочихъ названыхъ у Абу-Новаса поэтовъ, членовъ зндикскаго клуба Хаммада' Аджрада, выдѣляется еще В а л и б е и б н ѣ - Х о б а б ѣ, учитель и развратитель юнаго Абу-Новаса ³⁾. Что касается Хосейна и б н ѣ - а д - Д а х х а к а аль-Халі'и (т. е. „распутника“), упомянутаго Абу-Новасомъ въ сатирѣ (по крайней мѣрѣ по одному изъ вариантовъ, въ „Диванѣ“), то Джахызъ не называетъ его членомъ зндикскаго клуба Хаммада Аджрада, и это—по очень существенной причинѣ: ибнъ-ад-Даххакъ родился только въ 778 году ⁴⁾. Поэтъ это былъ типа Абу-Новаса, и многія его застольныя пѣсни ходили у потомства подъ именемъ Абу-Новасовыхъ; да тотъ и самъ не церемонился красть у ибнъ-ад-Даххака удачныя стихи ⁵⁾.

Въ приведенной сатирѣ Абу-Новаса мы находимъ, казалось бы, совершенно ясное, неоспоримое, прямое доказательство, что Абанъ Лахыный былъ не только манихей по духу, но и манихей по исповѣданію. Когда мусульмане славятъ Аллаха и Мохаммеда, Абанъ возглашаетъ: «Хвала Манесу!» Онъ принадлежитъ—говоритъ Абу-Новасъ, — къ той же шайкѣ, что и манихейскій священникъ Хаммадъ Аджрадъ.

Будь сатира Абу-Новаса лишь единственнымъ свидѣтельствомъ о манихейской вѣроисповѣдности Лахыкыя, мы не могли бы ее считать черезчуръ доказательной. Вѣдь мало ли что утверждаютъ стихотворцы въ своихъ сатирахъ! Въ другой своей коротенькой сатирѣ, вѣрнѣй эпиграммѣ, на Абана Лахыкыя, Абу-Новасъ остерить по поводу его имени: говоритъ, что, собственно, подлинное его имя должно было

¹⁾ Про Моты' и б н ѣ - А л с а см. въ „Агани“ XI, 81-111. Въ европейской литературѣ: а) Х а м м е р ѣ: *Literaturgeschichte*, т. III (1852), стр. 438-442;—б) К р е м е р ѣ: *Streifzüge* (1873), стр. 40-41, и *Culturgeschichte des Orients*, т. II (1877), стр. 368-369 и 170-171;—в) Б р о к к е л ь м а н н ѣ, I (1898), 73.

²⁾ „Агани“ XII, 89.

³⁾ См. о В а л и б е у меня въ „Арабской поэзіи“ (М. 1906), стр. 123-125. Раньше у Хаммера, т. III (1852) стр. 442-443; интересное наблюдение у Гольдцера: *Muhammedanische Studien*, I (1889), стр. 119. Источникъ—„Агани“, XVI, 148-151 и XIII, 87-88 (въ клубѣ Хаммада' Аджрада).

⁴⁾ Умеръ въ 864. Про и б н ѣ - а д - Д а х х а к а см. большую статью „Агани“ VI, 170-212; разбросано у Хосрїя (1058) въ антологіи „Заһр аль-адаб“, напр., II, 17 (1293—1876, на поляхъ „Икда“) о безцеремонномъ обращеніи Абу-Новаса съ его стихами, или II, 353 примѣръ его художественныхъ образовъ; сжатая статья у и б н ѣ - Х а л л и к ѣ я н а (ум. 1282), ег. изд. 1310 (1893), т. I, стр. 154—англ. перев. Слэна т. I, 447-447; въ „Поджум“ А б у л ь м а х а с ы н а XV в., лейд. изд. т. I (1855), стр. 768 (посмертная замѣтка) и 644-645 (случай съ халифомъ Мамономъ). Стихотворенія ибнъ-ад-Даххака въ отношеніяхъ съ Абу-Новасомъ—см. въ диванѣ Абу-Новаса (1898), стр. 49, 39. Кое-что изъ его стиховъ есть и въ нѣм. переводѣ Хаммера: „Lit.-Gesch.“ т. IV (1853), стр. 572-577, и т. III (1852), стр. 628-629.

⁵⁾ Хосрїй II, 17.

бы звучать «Аманъ», т. е. «ослица»; да только, когда Лахыкый лежалъ еще въ люлькѣ, мать его, плохо выговаривавшая звуки, перепутала буквы т и б и назвала сына «Абанъ» ¹⁾; а Лахыкый въ отвѣтъ на это называлъ Абу-Новаса «сыномъ жеребца» ²⁾. Буквы арабскія б и т (ب ت) перепутать—можно, онѣ пишутся сходно; но спутать звуки б и т—трудненько. И если въ этой сатирѣ Абу-Новаса мы видимъ филологическое измышленіе ради краснаго словца, то и въ предыдущей сатирѣ сообщеніе о религіозномъ славословіи Абана Манесу могло бы быть измышлено тоже ради краснаго словца. Нельзя притомъ не видѣть, что ни въ первой, ни во второй сатирѣ Абу-Новаса не ощущается подлинная, искренняя злость, стремящаяся повредить противнику доносомъ о его неблагонадежности. Обѣ онѣ, съ обратнымъ отвѣтомъ Лахыкыя Абу-Новасу—простая пикировка между пріятелями. Притворно-наивное, якобы горестное, заключеніе Абу-Новаса («видно, оба мы—одинаковые блудники!») могло бы показывать, что стихотворство Лахыкыя сродни было, по мнѣнію Абу-Новаса, стихотворству самого же Абу-Новаса, а онъ былъ бражникъ, человѣкъ легкихъ нравовъ, очень плохой блюститель предписаній ислама и правосмыслія, и все же мусульманинъ, а не манихей. Словомъ, можно было бы дать такое объясненіе: если въ своей сатирѣ Абу-Новасъ, якобы набожно, обвиняетъ [Лахыкыя въ вѣроисповѣдномъ манихействѣ, то и самое обвиненіе, и набожный, негодующій тонъ взяты имъ только съ тою цѣлью, чтобы рѣзче отгнать свое собственное вольнодумство неожиданнымъ для читателя заключеніемъ: «Но увы! и я такой же!» ³⁾.

Однако не одинъ вѣдь Абу-Новасъ называлъ Абана манихеемъ. Былъ у Абана пріятель, поэтъ Мо'аззаль; жили они дружно; и тѣмъ не менѣе, «ма' садâрати-нимâ», этотъ Абановъ другъ тоже величалъ его въ эпиграммахъ гяуромъ («йаһджу'лу би ль-кюфр») и опредѣленно говорилъ, что религія Лахыкыя—манихейство («дîно-лу 'али дîни Мânî») ⁴⁾. Конечно, можно бы было и къ этому случаю приложить опять то самое объясненіе, какое мы попытались приложить къ сатирѣ Абу-Новаса, т. е. что и Мо'аззаль допустилъ въ своей сатирѣ измышленіе ради краснаго словца. И все жъ, если два человѣка

¹⁾ Диванъ (Абу-Новаса), стр. 181.

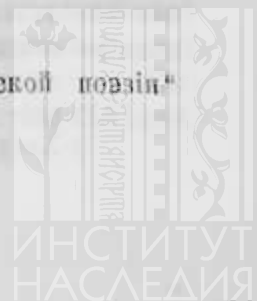
²⁾ Стихотворный отвѣтъ Лахыкыя см. въ „Агани“, т. XX, стр. 73, внизу.

³⁾ Срв. подобный же приемъ у того же Абу-Новаса по отношенію къ своимъ собутыльникамъ:

Бесабаго сав'ин ла тарâ д-даһро мида-һом,
Ва ин кюнто ми-һом ла барі'ан ва ла сыфра.

Диванъ (1898), стр. 274: 5. По-русски переведено у меня въ „Арабской поэзіи“ (М. 1906), стр. 173.

⁴⁾ „Агани“, XX, 74:4 и 74:17.

утверждаютъ одно и то же, приходится надъ этимъ задуматься. Было, значитъ въ воззрѣніяхъ Лахыкыя нѣчто спеціально манихейское.

Какъ же оно совмѣщалось съ исламомъ? Или онъ вовсе былъ чуждъ ислама? Кажется, удачный отвѣтъ даетъ намъ Джахызъ (ум. 869) въ своей «Книгѣ животныхъ». Въ ней Джахызъ (IV, 144: 9-10), высказывая свои замѣчанія по поводу сатиры Абу-Новаса на Лахыкыя, ничуть не забываетъ того обстоятельства, что Лахыкый произносилъ религіозную формулу: «Хвала Манесу!» И все же Джахызъ добавляетъ, что нельзя ставить Абана на одну доску съ завѣдомымъ зиндикомъ Хаммадомъ Аджрадомъ и его завсегдатаями: онъ могъ, въ противность Корану, пить съ ними вино, но онъ былъ здравомысленнѣе ихъ («кѣна Абано, wa huwa сакрано, асахха 'аqlан мин һаўла'ы», IV, 144: 14).—А поточнѣе высказаться о его убѣжденіяхъ,—продолжаетъ Джахызъ,—я не рѣшаюсь. Слишкомъ многое люди дѣлаютъ безсознательно, по традиціи и чужому примѣру.—Къ этимъ словамъ Джахыза добавимъ, что въ тѣ времена была прямая мода—корчить изъ себя «зиндиковъ»; иногда даже очень усердный мусульманинъ лишь тайкомъ совершалъ всѣ мусульманскія обрядности, а передъ публикой считалъ нужнымъ ради хорошаго тона разыгрывать зиндика («волтерьянца», сказали бы при Екатеринѣ, хотя бы человекъ и не читывалъ Вольтера)¹⁾. Тѣмъ болѣе Лахыкый, сердцу котораго многія манихейскія идеи были и на самомъ дѣлѣ вѣдь дороги, могъ, числясь мусульманиномъ, открыто высказываться передъ публикой въ духѣ моднаго манихейства, хотя и не принадлежать къ манихейской церкви.

Скажемъ больше: какъ-разъ сатира Абу-Новаса и даетъ намъ прозрачное указаніе на ту вѣтвь мусульманства, къ которой Абанъ принадлежалъ и которая тоже не разъ честилась именемъ «зиндикства». Это—м'отазилитство²⁾. Къ числу существенныхъ м'отазилитскихъ доктринъ³⁾ относилось (наряду съ ученіемъ о свободной волѣ и сотворенности Корана) отрицаніе атрибутовъ въ Божествѣ. М'отазилиты говорили, что назвать Бога всевѣдущимъ, все-

1) См. сатиру на одного изъ современниковъ Лахыкыя въ „Агани“, т. XVII, 15. Переведена по-нѣмецки въ „Streifzüge“ Кремера (1873), стр. 42. Осмѣиваемому указываютъ, что, какъ онъ ни старается шикнуть зиндикствомъ и пустить пыль въ глаза, всѣ прекрасно знаютъ, что онъ, дома, очень аккуратно молится какъ добрый мусульманинъ.

2) Извѣстный м'отазилитъ Наззамъ титулуется въ стихотвореніяхъ того же Абу-Новаса и глуромъ, и зиндикомъ; ему приписывается, какъ зороастрійцамъ, воздержаніе отъ моря. См. напр., Диванъ Абу-Новаса (Каиръ 1898), стр. 176; „Моджунъ“ (Каиръ 1899), стр. 9. Эпиграмма переиздана у меня въ приложеніи къ „Арабской литературѣ въ очеркахъ и образцахъ“, I (1911), стр. 24.

3) Насчетъ мотазилитства ограничусь указаніемъ на свою „Исторію арабовъ и арабской литературы“, ч. I (1912), стр. 143-147.

видящимъ, всемилостивымъ, возсѣдающимъ во славъ и т. п. — это значитъ признать рядъ новыхъ боговъ: каждый атрибутъ является ужъ особымъ божествомъ, а кромѣ того идея напимѣръ возсѣданія на престолѣ влечетъ за собою очень антропоморфическое, прямо неприличное представленіе о Богѣ. Такія же философскія воззрѣнія, сходныя съ м'отазилитскими, Абу-Новасъ приписываетъ и Лахыкыю; этотъ вѣдь, на его слова о Богѣ всевидящемъ и вселасковомъ утѣшителѣ, насмѣшливо освѣдомился (v. 11): «Значитъ, у твоего Бога есть глаза со зрачками и языкъ? Самъ Онъ себѣ это создалъ, или кто?»..... Ознакомить съ ученіемъ м'отазилитовъ Абану было очень легко, потому-что Басра, гдѣ сформировалось Абаново міровоззрѣніе, была и мѣсторожденіемъ, и главнымъ очагомъ м'отазилитства. Совмѣстить м'отазилитство съ приверженностью къ манихейскимъ идеямъ тоже было не трудно,—и Абанъ, очевидно, совмѣщаль.

Но какова бы ни была степень его симпатіи къ манихейству, мы можемъ считать его манихеемъ только по духу (въ крайнемъ случаѣ — тайнымъ манихеемъ), но не по официальному вѣроисповѣданію. Мы вправѣ съ полной увѣренностью утверждать, что официально Абанъ Лахыкый принадлежалъ не къ манихейской церкви, а къ исламу. Это видно и изъ язвительнаго замѣчанія Абу-Обейды о томъ, что, молъ, съ такихъ «жидовъ», какъ Лахыкый, надо бы взыскивать иновѣрческую подать, «джизйе»¹⁾. Изъ словъ Абу-Обейды ясно, что иновѣрческой подати Абанъ не платилъ. Значитъ, онъ передъ властями считался принадлежащимъ къ государственному исповѣданію, къ мусульманству. Да вѣроятно, и арабы Раккашіи не захотѣли бы считать своимъ клиентомъ («мавля») завѣдомаго, официально отступника отъ ислама.

Обзоръ сочиненій Абана Лахыкыя не только не опровергнетъ всего вышесказаннаго, но скорѣе—вполнѣ подтвердитъ. Наиболѣе характернымъ и довольно неожиданнымъ явится самое послѣднее его сочиненіе, которое мы назовемъ при обзорѣ.

V.

Обзоръ произведеній Абана Лахыкыя.

Мы не будемъ долго останавливаться на лирикѣ Лахыкыя, къ которой онъ, по его словамъ, не имѣлъ призванія²⁾ и которая поэтому не многочисленна, хотя талантлива³⁾. Образцы разсыпаны и у Сулія, и (меньше) въ «Агани» (т. XX).

¹⁾ Мы выше (стр. 21-22) приводили слова Абу-Обейды полнѣе, по Сулію (т. 17) и по «Агани» (т. XX, 78).

²⁾ Сулію, л. 18 об.-л. 19, со ссылкой на Джахыза.

³⁾ Срв. у насъ выше, стр. 17.

Призваніемъ своимъ Лахыкый считалъ стихотворную обработку по-арабски (на q l) цѣлыхъ книгъ¹⁾, т.-е., главнымъ образомъ, повѣствовательныхъ и indo-персидскихъ сборниковъ,—уже имѣвшихся въ прозаической арабской версіи, какъ объ этомъ можно заключить по аналогіи «Калилы и Димны», «Книги про Маздака», «Дѣяній Ануширвана» и «Правиль благовоспитанности»; эти четыре прозаически перевелъ ибнъ-Мокаффа (ум. 757)²⁾, раньше вѣдь стихотворной обработки Лахыкыя. Съ наиболѣе знаменитой «Калилы и Димны» мы и начнемъ обзоръ литературныхъ произведеній Лахыкыя, тѣмъ болѣе, что благодаря уникальной рукописи Сулія мы имѣемъ изъ этого Абанова труда очень значительный отрывокъ. Въ основѣ нашего библиографическаго обзора долженъ лежать тотъ сухой, но связный перечень сочиненій Абана, который данъ въ библиографическомъ «Фирристъ» 988 г. (Лейпц. 1871, стр. 119). Итакъ, его версификаціи—вотъ какія:

1) Калила и Димна. См. голое упоминаніе въ «Фирристъ», стр. 119:4-163:9; 305:15-16. У Сулія (900-хъ гг.) сперва есть бѣглая помѣтка объ этомъ трудѣ Абана на л. 18 об.; затѣмъ на л. 24 об.—25 об. приведено цѣликомъ Абаново стихотворное введеніе (размѣръ—парный раджязъ), и послѣ него приведено переложеніе главы «О быкъ и левъ» (л. 26—л. 27 об.); и еще есть у Сулія упоминаніе на л. 28. Въ «Агани» (ок. 963 г.) процитировано лишь два стиха изъ введенія (т. XX, 73:11-12); они отсюда переведены по-нѣмецки у Хаммера: «Liter.-Gesch.» III, 363. Произвелъ эту свою стихотворную обработку Лахыкый нарочно ради везирей-Бармековъ (Сулій, л. 18 об.; «Аг.» XX, 73)³⁾, для того, чтобы имъ легче было запомнить ее («Аг.» XX, 73:10) За свой трудъ онъ получалъ 10.000 червонцевъ (динаровъ) отъ бармекида Яхьи ибнъ-Халида (по Сулію 100.000 дирхемовъ), получалъ 5000 червонцевъ отъ Фадла ибнъ-Яхьи, а отъ Джафара ибнъ-Яхьи—ничего: «Развѣ съ тебя не достаточно, что я заучиваю твое произведеніе на память и являюсь твоимъ равиемъ-стихохранителемъ?!» замѣтилъ ему Джафаръ («Аг.» XX, 73:14).

2) «Адаб ибн-аль-Мокаффа» = «Благовоспитанность - ибнъ Мокаффы». Единственное упоминаніе о существованіи такой обработки у Лахыкыя даетъ Сулій л. 18 об. Изъ «Фирриста» 118:28 мы знаемъ, что «Адаб» самого ибнъ-аль-Мокаффы не былъ его оригинальнымъ сочиненіемъ, но переводомъ съ персидскаго языка, и что такія «Правила хорошаго тона» ибнъ-аль-Мокаффа перевелъ даже въ двухъ видахъ, большемъ и меньшемъ. Полагаю, что и на персидскомъ языкѣ это не было своимъ роднымъ произведеніемъ, а тоже переводомъ изъ литературы Индіи, родины множества моральныхъ книгъ. На счетъ стихотворной Абановой передѣлки Сулій говоритъ, что Абанъ ее обработалъ (амила) для Яхьи Бармека.

1) См. тамъ же у Сулія, л. 19.

2) Всѣ четыре, какъ переводъ съ персидскаго, отмѣчены въ спискѣ ибнъ-аль-Мокаффиныхъ произведеній «Фирристомъ» 118:27-28.

3) Сулій отмѣчаетъ эту стихотворную работу Абана терминомъ «qalaba», а «Агани» терминомъ «naqala» (какъ «Фирристъ» 119:14).

3) «Китаб Билашар ва Будасаф» = «Книга Варлаама и Иоасафа». Заглавіе это возстановлено по догадкѣ. Въ «Фихристъ» мы находимъ искаженіе заглавныхъ именъ: بلوهر و بردانية 119 : 4 (и даже безъ точекъ, II, 52), или الزهر و بردانسف 163 : 9. Вѣроятно, въ вѣнской рукописи «Фихриста», которою пользовался Хаммеръ («Lit.-Gesch.» III, 363), читалось زلوهر و بردانى. И т. п.

4) «Китаб Синдбад» = «Синдибадова книга о женскомъ коварствѣ». Фибр. 163 : 10. Мы видѣли (стр. 6), что это могла быть передѣлка лишь «Синдбада Большого», т. е. Асбага Сиджистанскаго, а не «Синдбада Малаго». Считаемо за очень вѣроятное, что эта передѣлка представляла собою первый литературный трудъ Лахыкыя, исполненный имъ еще въ Басрѣ, гдѣ онъ жилъ дружно съ Асбагомъ (см. стр. 8 и 17-18).

5) «Зат аль-хобляль» ذات الحلال = «Природа явленій», «De rebus natura». У Сулія полное сообщеніе объ этой стихотворной обработкѣ Лахыкыя находилось на утерянныхъ начальныхъ листахъ, а въ сохранившемся текстѣ Сулія мы только на л. 18 об. находимъ помѣтку, что Абанъ обработалъ для Яхъи Бармека стихами «логическую книгу» («Китаб аль-мантыгъ»). Изъ «Агани» (XX, 73) мы узнаемъ, что подъ «логической книгою» надо разумѣть именно «Природу явленій». — Въ этой поэмѣ, — говоритъ «Агани», — Абанъ изложилъ начатки мірозданія (= космогонію), устройство міра (= космологію) и кое-что изъ логики (= очевидно, изъ реторики и діалектики) и назвалъ эту книгу «Зат аль-хобляль»; и хотя иные люди приписываютъ ее Абуль-Атаһіѣ¹⁾, но на самомъ дѣлѣ она принадлежитъ Абану (см. «Агани» XX, 73 : 14-16). Значитъ, это была энциклопедія въ стихахъ. Какъ водится въ энциклопедіяхъ, имѣлся здѣсь, очевидно, и отдѣлъ гигиены. По крайней мѣрѣ, Ма'удіѣ (ум. 956) въ «Золотыхъ лугахъ» (т. I, Пар. 1871, стр. 391-392) приводитъ изъ «Зат аль-хобляль» врачебный индусскій совѣтъ — не задерживать гремучихъ вѣтровъ въ желудкѣ и не думать, что испускать ихъ въ обществѣ есть невѣжливость. Кашлять и сморкаться — да, не вѣжливо; чихать — злое предзнаменованіе, а громкій вѣтеръ изъ желудка — лучше, чѣмъ отрыжка, являющаяся послѣдствіемъ задержанія вѣтра²⁾. Изъ приведеннаго отрывка, касающагося индусской медицины, мы видимъ, что и эта обработка Лахыкыя, какъ и другія у него, заимствована была изъ литературы индусской; «Природа явленій» была, очевидно, какая-то индійская популярно-энциклопедическая «De rebus natura», гдѣ было всего по немногу. Невольно напрашивается на сопоставленіе интереснѣйшее указаніе у Джахыза (ум. 869) въ его «Байанъ», т. I (Каиръ 1311 = 1894), стр. 40—41, гдѣ онъ рассказываетъ про книгу краснорѣчія (بلاغة) и логическаго искусства (صناعة المنطق), которую привезъ съ собою въ Багдадъ одинъ изъ индійскихъ врачей (NB), вызванныхъ Бармекидами (NB) изъ Хиндустана при Харунѣ ар-Рашидѣ. У Джахыза приведена и обширная выдержка изъ этой книги врача-индуса, поучающая, какъ добиться краснорѣчія; но, вѣ-

¹⁾ Поэтъ-пессимистъ (748-828), современный Лахыкыю. Ему посвящено изслѣдованіе И. Ю. Крачковскаго: «Поэтическое творчество Абуль-Атаһія» въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія», т. XVIII (1908).

²⁾ Барбье де-Мейнаръ, издатель Ма'удіа, очевидно, на основаніи лишь этого отрывка, рѣшилъ перевести заглавіе «Зат аль-хобляль» черезъ «Choses licites».

роятно, было въ этой книгѣ нѣчто и врачебное, если врачъ-индусъ считалъ нужнымъ и интереснымъ везти ее съ собою изъ Индіи въ Багдадъ. Не была ли это та самая энциклопедическая «De rebus natura», которую для тѣхъ же Бармековъ обработалъ стихами Лахыкый?—Въ «Фирристъ», среди перечня сочиненій Абана (стр. 119), вовсе нѣтъ сочиненія съ заглавіемъ «Зат аль-хобляль», а названы за-то какіе-то «Расайль» = «Трактаты» (119 : 5). Я полагаю, что «Трактаты» это лишь иное заглавіе для той же энциклопедіи «Зат аль-хобляль», состоявшей, какъ мы видѣли по описанію въ «Агани», изъ ряда отдѣльных трактатовъ.

Думается мнѣ, что эта самая индійская энциклопедія имѣется въ виду и дальнѣйшимъ титуломъ: «Хыль аль-һинд» *حلم الهند* = «Мудрость индусовъ», который въ «Фирристъ» (119 : 5) помѣщенъ непосредственно послѣ титула «Расайль» = «Трактаты». Въ «Фирристъ», въ печатномъ изданіи, текстъ установленъ издателемъ-Флюгелемъ такъ: «китабъ расайль китабъ хыль аль-һинд» = «книга трактатовъ книга мудрости индусовъ» (выходитъ, по Флюгелю, два сочиненія). А я позволяю себѣ установить текстъ такъ: «китабъ расайль фи хыль аль-һинд» = «Книга трактатовъ по мудрости индусовъ», т. е. энциклопедія «Зат аль-хобляль». Въ моей догадкѣ укрѣпляетъ меня то обстоятельство, что рукописный экземпляръ «Фирриста», какимъ пользовался Хаммеръ (см. «Lit.-Gesch.» III, 363 : 5), дѣйствительно не имѣетъ слова «китабъ» послѣ «расайль»¹⁾.

6) «Сирет Ардашир» = «Дѣянія сасанидскаго шаха Ардешира (224-242 гг.). Указаны «Фирристомъ» (119 : 4). Едва ли можно сомнѣваться, что эти «Дѣянія Ардешира» переведены были ибнъ-аль-Мокаффою съ того самаго пехлевійскаго оригинала (ок. 600 г.), какой и до нашихъ временъ сохранился подъ названіемъ: «Кар-намак-и Артахшпир-и Панакаан»²⁾.

7) «Сирет Ануширванъ» = «Дѣянія Хосрова I Ануширвана» (531-579). Указаны въ «Фирристъ» 119 : 4. А въ перечнѣ трудовъ ибнъ-аль-Мокаффы (ум. 757) «Фирристъ» (118 : 28) тоже отмѣчаетъ «Сирет Ануширванъ». Конечно, прозаическій переводъ ибнъ-аль-Мокаффы и легъ, по обычаю, въ основу поэтической обработки Лахыкыя.

8) «Китабъ Маздакъ» = «Книга [про] Маздака», сасанидскаго еретика-коммуниста начала VI в. Отмѣчена въ «Фирристъ» 163 : 10. Въ перечнѣ прозаическихъ переводовъ ибнъ-аль-Мокаффы въ «Фирристъ» (118 : 27) тоже отмѣчается «Книга Маздака». Какъ указалъ еще Нельдеке (въ нѣмецкомъ переводѣ изъ Табарія: «Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden».

¹⁾ Въ Хаммеровской рукописи „Фирриста“ это мѣсто, повидимому, читается по-арабски такъ: „Китабъ расайль иля Халини ль-һинди“. Заключаю это изъ нѣмецкой передачи Хаммера: „Buch der Sendschreiben an Halini den Inder“ (т. III, 363 : 4-5). Вариантъ Хаммера интересенъ для меня лишь какъ доказательство, что послѣ „расайль“ не во всѣхъ рукописяхъ „Фирриста“ имѣется „китабъ“, принятое въ печатномъ изданіи Флюгеля.

²⁾ Есть нѣмецкій переводъ „Карнамак“ Т. Нельдеке 1879 (отт. изъ IV тома гёттингенскихъ „Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen“). Въ 1900 г. въ Бомбеѣ Эдальджи Керсасиджи Антіа издалъ пехлевійскій текстъ, съ англійскимъ и гуджерагскимъ переводомъ и съ выдержками изъ Фирдовсіевой „Шаһ-наме“. Срв. у меня въ „Исторіи Персіи и ея литературы“, т. I. вып. 4 (М. 1909), стр. 243.

Лейпц. 1879, стр. 461, сноски 2-я), эта «Книга Маздака» была, конечно, не религіозная вѣручительная книга, а повѣствовательная, беллетристическая вещь; иначе ее не могли бы свободно переводить прозою ибнъ-аль-Мокаффа́ и обрабатывать стихами Абанъ Лахыкый. Эдв. Браунъ въ своей «A literary history of Persia», т. I (1902), стр. 332, подтверждаетъ эту же мысль ссылкой на оправдательныя слова полководца-перса Афшйна къ судьямъ (казн. 841) при его процессѣ: «Я хранилъ книги моихъ немусульманскихъ предковъ—и это не вредило чистотѣ моего ислама, какъ вашему исламу не вредитъ находеніе у васъ Калилы и Димны и Книги Маздака». Соглашаясь съ доводами Нельдеке и Брауна, я думаю поэтому, что заглавіе надо переводить не «Книга Маздака», а «Книга про Маздака», «Повѣсть о Маздакѣ».

Всѣ до сихъ поръ перечисленныя арабскія обработки Лахыкыя относятся къ области литературы индо-персидской или старо-персидской и не содержатъ въ себѣ ничего мусульманскаго. Въ иномъ духѣ составлено послѣднее извѣстное намъ его произведеніе:

9) «К и т а б а с - с ы й а м в а л ь - ы т и к а ф» = «Книга поста и созерцательнаго уединенія». Такъ ея заглавіе напечатано въ «Фирристъ» 163 : 10¹⁾. Пока она была извѣстна только по сухому заглавію «Фирриста», еще можно было подозрѣвать, что и эта книга не мусульманская, что въ ней можетъ идти рѣчь напримѣръ о подвижничествѣ буддійскомъ или манихейскомъ. Рукопись Сулія устраняетъ подобныя догадки, и, хотя мы изъ разсказа Сулія узнаемъ, что составилъ свою поэму Абанъ не по собственному побужденію, а по заказу, строго-мусульманскій ея характеръ отъ этого не мѣняется. Исторія ея возникновенія, по Сулію (л. 28), вотъ какая. Когда Абанъ переложилъ для Бармекидовъ «Калилу и Димну» въ парные стихи и получилъ за это огромную плату, ему было сказано (qıla lahu): «А почему бы тебѣ не составить стиховъ насчетъ подвижничества? (А л а та'мало ши'ран фі з-зоһд?)». Тогда онъ составилъ (амила) парными стихами поэму «Ф и с - с ы й а м в а з - з а к а т» = «О постѣ и взносѣ исламской десятины». Изложивши предварительно эти обстоятельства, Сулія приводитъ на лл. 28-29 большой отрывокъ изъ начала этой поэмы. Первые стихи содержатъ похвалу Корана, пророку Мохаммеду и принесенной имъ религіи. Правда,—говоритъ въ стихахъ Абанъ,—насчетъ хадисовъ и кыса есть среди мусульманъ разномысліе, но въ общемъ они сходятся, и лучшимъ выразителемъ истиннаго закона является Абу-Юсофъ (ум. 798, ученикъ Абу-Ханифы). Его-то ученіе объ обязанностяхъ мусульманина, спеціальнѣе же о постѣ въ мѣсяцъ Рамаданъ и о взносѣ закята, Лахыкый и излагаетъ стихами, даже прямо отъ его имени (Qāla bno-Юсофа).—«Это очень длинная поэма», говорить въ заключеніе Сулія (л. 29), выписавши изъ нея свою большую выдержку.

Послѣднимъ сочиненіемъ вопросъ о религіозной принадлежности «зиндика» Абана Лахыкыя рѣшается ясно. Онъ былъ мусульманинъ,—значитъ, не былъ прямо манихеемъ, а былъ только манихействующимъ.

¹⁾ Сейчасъ же мы увидимъ, что вмѣсто „аль-ы тикаф“ الاعتكافъ слѣдуетъ читать „аз-закат“ الزكاة.

Съ вышенапечатанными стр. 1—32, послѣ того какъ послѣдняя корректура была подписана къ печати, произошло типографское несчастье: былъ просыпанъ наборъ, и опять онъ былъ возстановленъ уже безъ новой авторской корректуры. Такимъ образомъ успѣла появиться крайне искажающая смыслъ ошибка на стр. 21 и три-четыре болѣе мелкія:

Стр. 5:16. Въмѣсто „схатани“ чит. „носхатани“.

Стр. 6:22. Опрокинутое слово надо читать „заключенію“.

Стр. 9:4. Чит. „табейион“.

Стр. 9:7. Въмѣсто „оцннку“ чит. „оцннку“.

Стр. 21, сноска 3. Двѣ послѣднихъ, безиримѣрно искаженныхъ строки надо читать такъ: „Въ другомъ мѣстѣ у Сулія характерна въ этомъ отношеніи элегін (л. 22), которая приводится велѣдъ за одной Лахыкыя въ честь „медінет Феса“ (л. 20) и которая тоже могла бы быть приобщена къ упомянутой рубрикѣ“.

Пользуюсь случаемъ сдѣлать пояснительную добавку къ стр. 16:

Стр. 16:28. Родомъ предки Лахыкыя были изъ Фесы (къ ю.-в. отъ позднѣйшаго Шираза) въ Фарсѣ. См. Суліи, л. 20.

И еще сдѣлаю двѣ добавки:

Стр. 1:21. Въ „Буддѣ“ X-го в., т. III, 327 къ ибнъ-аль-Мокаффѣ относится анекдотъ со скупымъ. Въ т. п. Джэхъизовой „Книгѣ красоть“ (изд. фанъ-Флогенъ 1898) см. стр. 91.

Стр. 29 № 2. „Адаб“ ибнъ-аль-Мокаффы недавно изданъ (Канръ 1329=1912).

Дополнительная замѣтка къ стр. 2—3 и къ стр. 30.

„ВАРЛААМЪ И ЮАСАФЪ“.

I.

Общій историко-литературный очеркъ.

«Варлаамъ и Юасафъ» (въ восточныхъ версіяхъ «Балавхаръ и Будасафъ») — всемірно-знаменитая, на всѣхъ языкахъ имѣющаяся, богатая нравоучительными притчами «страстующая» повѣсть, которая въ своей основѣ содержитъ индійскую легенду о царевичѣ Буддѣ (Боддисатвѣ), изложенную въ VI—VII в. на сасанидско-персидскомъ, т. п. пехлевійскомъ языкѣ, чуть ли не какимъ-то христіаниномъ изъ сасанидскихъ сирійцевъ. Очень вѣроятно (хотя и не доказано съ точностью), что съ пехлевійскаго языка христіане-сирійцы перевели эту буддійскую повѣсть и на свой родной языкъ сирскій, тоже около VI—VII вѣка¹⁾.

Мы видѣли, что въ VIII—IX в. съ пехлевійскаго языка повѣсть, въ нѣсколькихъ видахъ, была обрабатываема на языкѣ создателей обширнаго халифата мусульманъ — а р а б о в ъ: «Балавхаръ и Будасафъ» (Будасафъ = Боддисатва)²⁾,

¹⁾ Что такое сирскій „Разсказъ о царевичѣ“ въ берлинской рукописи (описание Захау 109, лл. 72а—85б, въ его „Verzeichniss“ 1899)? Не прольетъ ли онъ свѣта на вопросъ? Срв. „Зап. Вост. Отдѣл.“ XIII, 1900, стр. 101.

²⁾ Выговоръ „Будасафъ“, надо полагать, возникъ при переводѣ, на почвѣ языка арабскаго, гдѣ буква *ф* передаетъ собою персидское *н*. Въ персидскомъ же (пехлевійскомъ) языкѣ буддійскій терминъ „Боддисатва“ звучалъ „Будаси“ и „Бумаси“. См. статью Карра-де-Во: „Budd, Buddha“ въ 13-мъ вых. 1-го тома „Enzyklopädie des Islams“ (Лей-

«Будасафъ одинъ» и др., и что манихействующій поэтъ времени Харуна ар-Рашида Абъанъ Лахыкый (ум. 815) переложилъ по арабски «Балавара и Будасафа» даже стихами, — очевидно, съ готовой прозаической арабской версіи ¹⁾. По меньшей мѣрѣ, къ тому же времени ок. VIII—IX в. (если только не къ болѣе раннему) надо относить появленіе, въ палестинскомъ монастырѣ св. Савы, версіи старо-грузинской: «Мудрость Баллвара», семитизмы которой показываютъ, что она переведена или съ сирскаго языка (въ такомъ случаѣ, быть можетъ, еще ок. VII в.), или (это, пожалуй, вѣрнѣе) съ арабскаго; старѣйшая рукопись XI—XII в. ²⁾.

Имѣются историко-литературныя указанія греческія и грузинскія (не всеми признаваемые), что именно съ грузинскаго языка произведена переработка по-гречески, т. е. самая знаменитая, главный источникъ мірового распространенія; согласно грузинскому житію св. Евфимія XI в., переводчикомъ былъ онъ, св. Евфимій Иверъ, монахъ на Аѳонѣ (умеръ въ 1028 году). Такъ ли это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ только съ XI вѣка начинаются греческія рукописи; заглавіе — «Варлаамъ и Іосафъ»; содержаніе — вполнѣ христіанское, со вставками изъ разныхъ христіанскихъ греческихъ писаній (символь вѣры, Апологія христіанства Аристида II в., Откровеніе св. Петра и др.). Немного спустя, съ этой греческой христіанизованной обработки произведенъ былъ буквальный переводъ на другой міровой языкъ средневѣковья — латинскій; рукописи съ XII вѣка ³⁾. Какъ отъ греческой версіи пошли все дальнѣйшіе переводы православныя (церковно-славянскій, христіанскій-арабскій и пр.), такъ отъ латинскаго перевода и его сокращеній (напр. въ *Legenda aurea* XIII в.) пошли все католическіе ⁴⁾.

И такимъ образомъ житіе Будды было усвоено цѣлымъ средневѣковымъ христіанскимъ міромъ въ качествѣ житія праведника христіанина. Авторомъ житія, на рукописяхъ съ XIII в., былъ названъ св. Іоаннъ Дамаскинъ VII—VIII в. И оно до такой степени стало близко всемъ христіанамъ, что герой повѣсти, прежній Боддисатва, успѣлъ даже канонически превратиться изъ язычника Будды въ любимѣйшаго и поэтичнѣйшаго христіанскаго святого, «индійскаго царевича Іосафа», его же память празднуется теперь у православныхъ

день 1912), стр. 802. Когда мусульмане, послѣ времени Махмуда Газневидскаго (998—1030), сами познакомились съ религіей индусовъ, они для термина „Боддисатва“ ужь не стали примѣнять форму „Будас[а]ф“, а создали новую форму: „Бу’дсаті“ съ множ. „Бу’дсатійіе“, которую мы въ рукописно-искаженномъ видѣ находимъ и въ „Книгѣ религій“ Шахристанія (ум. 1153), изд. Кюретона 416 (издано: „Бу’дсатійіе“; буква *ж* вм. *з*.)

¹⁾ Вѣроятно же всего, что именно на арабской почвѣ впервые произошла переделка имени „Будасафъ“ *جودساف* на вариантъ „Іудасафъ“ *يودساف*, вполнѣ засвидѣтельствованный мусульманскими рукописями.

²⁾ Такъ какъ опредѣленіе даты сдѣлано на основаніи только палеографіи, то датированіе грузинской рукописи XI—XII в. должно считаться лишь приблизительнымъ. Имя царевича читается въ ней *ბოდსაფი*, т. е. „Іодасаф“ или „Іодасапн“.

³⁾ Печатные латинскіе тексты начинаются съ XV в., вскорѣ же послѣ изобретенія книгопечатанія.

⁴⁾ О нихъ — ниже (стр. 43), въ отдѣлѣ западно-славянскихъ обработокъ.

19 ноября (прежде въ августѣ)¹⁾, а у католиковъ 27 ноября. У католиковъ официальное включеніе царевича Юасафа въ число христіанскихъ святыхъ состоялось, собственно только въ концѣ XVI в. (въ четве-мисейномъ «Martyrologium Romanum» кардинала Баронія 1583 г.), хотя и въ «Catalogus sanctorum», житіяхъ концъ XIV вѣка, Варлаамъ и Юасафъ числятся уже святыми (Бароній ихъ взялъ именно оттуда). У православныхъ святость обоихъ признана гораздо раньше, хотя все же лишь послѣ XI вѣка, потому что, сколько извѣстно, въ XI вѣкѣ православные мѣсяцесловы и житія святыхъ безусловно еще не знаютъ святого царевича Юасафа.

II.

Сюжетъ повѣсти. Какая версія арханчиѣ?

Сюжетъ повѣсти, или «житія», въ его христіанизованномъ видѣ, сводится къ тому, что у индійскаго языческаго царя Абенера (Авенира) былъ сынъ Юасафъ, котораго царь захотѣлъ воспитать въ невѣдѣніи земныхъ скорбей и смерти. Это ему не удалось, царевичъ понялъ, что въ мірѣ есть и скорби и болѣзни и смерть, и когда къ царевичу Юасафу явился подѣ видомъ купца-ювелира отшельникъ-христіанинъ Варлаамъ, Юасафъ жадно внялъ его притчамъ и обстоятельной догматической проповѣди христіанства и наконецъ принялъ отъ него тайное крещеніе. Вступивши на престолъ, Юасафъ окрестилъ своихъ подданныхъ индійцевъ, а самъ удалился затѣмъ къ Варлааму въ пустыню, чтобы тамъ скончать дни свои. Мощи обоихъ обрѣтены нетлѣнными.

Такъ излагается исторія въ обычной христіанской версіи: греческой и ея истокахъ²⁾. Въ грузинской версіи рѣчь идетъ тоже о христіанствѣ царевича, но мы еще не видимъ загроможденія христіанскимъ схоластическимъ, т.-е. догматическо-богословскимъ, элементомъ, такъ-что грузинская версія для изслѣдователей очень важна своей примитивной архаичностью.

Еще арханчиѣ и всѣхъ примитивнѣе — изводы мусульmano-арабскіе VII-VIII вв., переведенные или обработанные непосредственно съ пехлевійскаго оригинала (который безвозвратно ужъ потерянъ); въ нихъ не только нѣтъ проповѣди христіанства царевичу и индійцамъ, но и вообще какой бы то ни было христіанскій налетъ почти отсутствуетъ, если не считать, напримѣръ, притчи о сѣятелѣ, вставленной въ текстъ «Балавѣара и Будасафа», или упоминанія христіанскихъ сирскихъ монаховъ въ «Будасафѣ одномъ». Но эти вставки имѣлись, очевидно, и въ потерянныхъ пехлевійскихъ текстахъ. Въ виду безслѣдной утери послѣднихъ, мусульmano-арабскія версіи намъ важнѣе всѣхъ прочихъ для изученія старѣйшей исторіи повѣсти и для выясненія ея отношеній къ основной индійской легендѣ о Буддѣ.

Впрочемъ, сверхъ нихъ нѣкоторую пользу можетъ приносить изслѣдователю также привлеченіе еврейской передѣлки (съ мусульmano-арабскаго текста):

¹⁾ Срв. у насъ выше, стр. 3, гдѣ надо добавить слово „теперь“.

²⁾ Печатную библиографію греческаго текста см. ниже, стр. 40.

«Царевичъ и нищій» ибнъ-Хисдая XIII в., и неизвѣстно когда сдѣланныхъ, тоже съ арабскаго, переводовъ новоперсидскихъ, которые покаместъ открыты лишь въ составѣ позднихъ сборниковъ (XVII в.) или въ позднихъ рукописяхъ.

III.

Исторія разработки вопроса и библиографія.

Критическое отношеніе къ исторіи Варлаама и Іоасафа началось еще въ XVI вѣкѣ: въ то время, какъ издатель твореній Іоанна Дамаскина Биллиусъ (1577) доказывалъ принадлежность «Варлаама и Іоасафа» именно Дамаскину, іезуитъ Беллярминъ, Поссевинъ и другіе сомнѣвались не только въ авторствѣ Іоанна Дамаскина, но и въ историческомъ значеніи многихъ подробностей повѣсти, усматривая въ ней разныя яркія несообразности историческія и географическія, напр. сосѣдство Индіи съ Эѳіопіей. Все-таки узаконеніе святости личностей Варлаама и Іоасафа черезъ «Мартирологій Римскій» 1583 г. должно было содѣйствовать заглашенію скептицизма. И когда въ 1612 г. историкъ португальскихъ завоеваній въ Индіи Діего де Коуте (Couto) обратилъ вниманіе на сходство индусской исторіи Будды съ житіемъ Варлаама и Іоасафа, имъ былъ отсюда сдѣланъ лишь тотъ выводъ, что индусы на легендарную жизнь своего языческаго Будды перенесли біографическія черты исторически-подлиннаго, житіемъ засвидѣтельствованнаго индійскаго царевича-христіанина Іоасафа.

Этому пажбно-довѣрчивому католическому заключенію мы не можемъ пзумляться, если вспомнимъ, что даже въ серединѣ XIX в. пылливый изслѣдователь А. Н. Пыпинъ въ своемъ эпохальномъ «Очеркѣ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (1858, стр. 125) говорилъ: «Пустынный Варлаамъ былъ лицо историческое, III—IV в. по Р. Х.». Лишь два года спустя, послѣ изданія монографіи Бартелеми Сентъ-Илера о Буддѣ (1859) и послѣ выхода сравнительно-методной Бенфеевой «Паньчагантры» (1859), Феликсъ Либрехтъ научно и непоколебимо установилъ буддійское происхожденіе христіанской повѣсти про «Варлаама и Іоасафа» (1860; 2-ое изд. 1879 въ Либрехтовой книгѣ «Zug Volkskunde»).

Съ тѣхъ поръ тожество Будды и Іоасафа есть непреложная въ наукѣ аксіома.

Въ Россіи А. Н. Кирпичниковъ (Харьк. 1876: «Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ») пытался было (стр. 211—265) отнести къ этому отождествленію скептически; но А. Н. Веселовскій, въ разборѣ книги Кирпичникова («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1877, іюль, 124—154), утвердилъ въ Россіи идею Либрехта; къ Веселовскому примкнулъ и сербскій профессоръ Стоянъ Новаковичъ въ своемъ резюмирующемъ изслѣдованіи о «Варлаамѣ и Іоасафѣ» у сербовъ, болгаръ и русскихъ (Бѣлградъ 1881, въ 50 томѣ ученаго «Гласника»).

Въ западной Европѣ единоличность «царевича Іоасафа» съ Буддою оназала въ всеобщемъ сознаніи настолько неопровержимою истиною, что даже пра-

вовѣрные католики-фоклористы не рѣшились противъ нея спорить. Только, взамѣнъ того, они постарались выставить доказательства, что «Римскій Мартирологій» 1583 г., впервые укрьившій празднованіе памяти Варлаама и Юсафа католиками, никакой канонической авторитетности не имѣетъ, и католическая церковь поэтому должна быть свободна отъ упрека въ признаніи буддистовъ за католическихъ святыхъ. Такъ сдѣлалъ Коскеиъ (E. Cosquin, 1880; перепечатано во введеніи къ его «Contes populaires de Lorraine», т. I, Пар. 1883) и Ральстонъ (въ «Academy» 1881, 22 янв.).

Обстоятельнымъ, всестороннимъ сличеніемъ всѣхъ извѣстныхъ тогда версій «Варлаама и Юсафа» и спеціальнымъ анализомъ греческаго текста, еще считавшагося тогда основнымъ среди налчыхъ, занялся Н. Zotenberg (1886) въ своей цѣнной и эрудитной монографіи: «Mémoire sur le texte et sur les versions orientales du livre de Barlaam et Joasaph», Парижъ 1886 (въ 28 томѣ «Notices et extraits»; суть изслѣдованія изложена имъ же въ «Journal Asiatique» 1885, т. V, 517—531; важная рецензія бар. Розена въ «Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества», т. II, 1887, стр. 166—174 и 277). Время составленія повѣсти, или точнѣе — время письменной передѣлки ея съ устной индійской легенды о Буддѣ, Цотенбергъ отнесъ къ 620—634 г.; мѣстомъ составленія повѣсти, — составленія но занесеннымъ изъ Индіи устнымъ рассказамъ, — онъ призналъ лавру св. Савы въ Палестинѣ; авторомъ — монаха этой лавры, по имени Юанна, но, конечно, не святого Юанна Дамаскина (VII—VIII в.), который тогда еще и не родился. Коренную неправильность Цотенбергъ допустилъ въ томъ, что съ существованіемъ пехлевійской стадіи онъ не посчитался и принялъ греческую (вполнѣ христианизованную) версію за непосредственное, хотя бы и вольное, переложеніе оригинала индійскаго. Всѣ прочія версіи, арабскія въ томъ числѣ, Цотенбергъ полагалъ происшедшими изъ греческой; при этомъ, хотя Цотенбергъ очень хорошо зналъ версію арабо-христіанскую, которая, дѣйствительно, есть буквальный переводъ съ греческаго (рукописи находятся въ Румянцевскомъ Музеѣ и въ Лазаревскомъ Институтѣ), онъ имѣлъ достаточно смутное представленіе о версіяхъ арабо-мусульманскихъ; по его мнѣнію «Balawhar wa Budasaf» тоже передѣлка съ греческаго, а поэтъ Абанъ Лахыкый (ум. 815) могъ стихами излагать версію арабо-христіанскую.

Послѣдовавшее обнаруженіе мусульmano-арабскаго текста Ф. Хоммелемъ (1887, F. Hommel: «Die älteste arabische Barlaam-Version», въ трудахъ 7-го съѣзда ориенталистовъ въ Вѣнѣ; англ. перев. Rehatsek въ XII томѣ «Journ. of the R. Asiat. Society») воочию показало, что какъ разъ въ мусульmano-арабской версіи, — а она переведена съ пехлевійскаго языка, — и заключается старѣйшая изъ дошедшихъ до насъ форма нашей повѣсти. Текстъ однако, опубликованный Хоммелемъ, былъ дефектенъ, и для дополненія Хоммельъ предлагалъ пользоваться еврейской передѣлкой ибнъ-Хисдая XIII в.; онъ, въ приложеніи къ нѣмецкому переводу Н. Вейслова этой еврейской передѣлки: «Prinz und Derwisch» (1890), отмѣтилъ, что она, основанная на мусульmano-арабскомъ текстѣ, должна стоять къ пехлевійскому первообразу несомнѣнно ближе, чѣмъ схоластически догматизованная версія греческая и происшедшія

изъ нея прочія христіанскія. Впрочемъ, очень скоро значеніе еврейской обработки XIII в. умалено было для науки тѣмъ, что тогда же оказался отлитографированъ ибнъ-Дживаханомъ въ Бомбеѣ 1306=1889 полный арабскій текстъ «Балавһара и Будасафа»¹⁾.

Кромѣ того много удачнѣе, чѣмъ поздноватая и вольная еврейская перекладка XIII в., могъ послужить для критическаго установленія арабскаго (значить, и пехлевійскаго) текста повѣсти новооткрытый персидскій ея переводъ съ арабскаго.

Персидскіе переводы, правду сказать, уже не должны были бы считаться тогда новинкой, потому что были издаваемы вѣдь давненько да и не разъ. Такъ, одинъ такой персидскій переводъ «Балавһара и Будасафа» лѣтъ за семьдесятъ передъ тѣмъ былъ отлитографированъ (Техранъ 1240=1825) въ составѣ сборника: «*Э Е й н о л ь - з е й ѳ т*» Аги Мохаммеда-Бақыра (авторъ писалъ ок. 1612 г.); по изданіе это тогда (въ 1889) осталось исследователямъ неизвѣстно (лишь въ 1896 г. о немъ заговорили; см. въ «Зап. Вост. Отд.», т. X, 1897, стр. XIV—XV и въ т. XVII, стр. XXXI; объ авторѣ см. въ *Grundriss der iran. Phil.*, II, 351). Забыты были и морализаторскія «*А б ѡ а б о л ь - д ж и н ѳ н*» (= «Врата рая»), XVII в. (объ авторѣ см. «*Grundriss*» II, 351), отлитографированныя нѣсколько разъ (Тебризъ 1240=1825; Техранъ 1274=1858; Лакнау 1868) и тоже содержащія персидскій текстъ «Балавһара и Будасафа» (о чемъ я знаю отъ Мирзы Абдуллы Гаффарова). Забыто было и лубочное литогр. персидское изданіе повѣсти 1269=1853 г. Поэтому для науки явился тогда неожиданнымъ открытіемъ «Персидскій изводъ повѣсти о Варлаамѣ и Юасафѣ», извлеченный С. О. Ольденбургомъ (1889) изъ персидскихъ рукописей Британскаго музея и опубликованный имъ частію по-персидски, частію въ русскомъ сжатомъ пересказѣ («Зап. Вост. Отд.», т. IV, 1889, стр. 229—265; IX, 1895, стр. 275—276); это былъ персидскій переводъ того арабскаго текста повѣсти, который по-арабски былъ включенъ въ шіитско-мессіанистическій поучительный сборникъ ибнъ-Бабавейһа Куммсаго (ум. 991; Брокк. I, 1898, 187 и 520 и II, 693)²⁾. И хотя сейчасъ же (1889) вслѣдъ за Ольденбургомъ бар. Розенъ и Ф. Хоммель стужбли открыть подлинный арабскій текстъ самого ибнъ-Бабавейһа («Зап. Вост. Отд.» IV, 1889, 397—400; Хоммель у Вейсловица 1890, стр. 176), все же работа С. О. Ольденбурга сохраняетъ свою цѣнность, потому что открытый арабскій текстъ ибнъ-Бабавейһа остался открывшими его не изданъ³⁾; (въ ходу текстъ Хоммеля 1887 и бомбейскій 1889).

Почти одновременно, по инициативѣ бар. Розена («Зап. Вост. Отд.» II, 1887, стр. 173) состоялось открытіе для науки грузинской версін: «Мудрость Балавһара»; позднюю рукопись⁴⁾ описалъ Н. Я. Марръ 1888 (въ «Зап. Вост.

¹⁾ Въ готовящееся новое изданіе „Арабской хрестоматіи“ М. Аттан должны быть включены всѣ притчи Бомбейскаго изданія.

²⁾ И всѣ прочія извѣстныя персидскія версін основаны на ибнъ-Бабавейһѣ.

³⁾ Въ 1901 году приступилъ къ изданію всего сборника ибнъ-Бабавейһа Е. Мёллер: *Beiträge zur Mahdilehre des Islams*, I (Heidelberg 1901).

⁴⁾ Отыскалъ ее собственно А. С. Хахановъ, но для науки она сперва осталась неизвѣстной. Ниже увидимъ, что и старѣйшую рукопись нашель тоже Хахановъ.

Отд., т. III, 1888, 223—260, и т. V, 285; о полномъ изданіи 1895 и русскомъ переводѣ см. ниже 40). Оказалось, что и грузинская версія архаичнѣе греческой, слѣдовательно и всѣхъ европейскихъ. И бар. Розенъ съ Н. Марромъ, вспоминая надписи о грузинскомъ подлинникѣ на греческихъ рукописяхъ «Варлаама и Іоасафа» и біографическія свѣдѣнія объ афонскомъ монахѣ-грузинѣ св. Евфиміи (ум. 1028), высказали убѣжденіе, что грузинская версія явилась промежуточнымъ звеномъ между предполагаемою ими сирскою (ок. VII в.) и версією греческою, которая, слѣдовательно, исполнена была только въ нач. XI вѣка на Афонѣ; сама же грузинская версія могла быть сдѣлана съ сирской въ монастырѣ св. Савы въ Палестинѣ, гдѣ было много монаховъ-грузинъ.

Проводимая бар. Розеномъ и Н. Марромъ мысль встрѣчена была сочувственно Хоммелемъ, но не другими европейцами.

Эрн. Кунъ, въ своей всерезумирующей книгѣ: «Barlaam und Ioasaph, eine bibliographisch-literargeschichtliche Studie» (1893, въ 20-мъ томѣ мюнхенскихъ «Abhandlungen»), пожалуй, охотно принималъ и развивалъ гипотезу бар. Розена о томъ, что существовала ранняя христіанско-сирская версія ок. VII в., почти одновременная съ пехлевійскою, и что изъ пехлевійской редакціи вышла редакція мусульмано-арабская, а изъ сирской—грузинская; но не изъ грузинской, а опять-таки изъ предполагаемой сирской выводилъ Кунъ редакцію греческую, и потому составленіе ея онъ полагалъ никакъ не въ XI вѣкѣ, но раньше. Трудъ Куна (отпечатанный, къ сожалѣнію, въ крайне маломъ количествѣ экземпляровъ и совершенно разошедшійся) былъ очень старательнымъ подведеніемъ итоговъ науки, хотя бы лишь въ суховатомъ видѣ критико-библіографическаго обзора; послѣ Цотенберга (1886) онъ оказался, и донинѣ оказывается, важнѣйшимъ моментомъ въ ходѣ разработки исторіи «Варлаама и Іоасафа».

Примыкая въ общемъ къ Куну, очень толковое и обстоятельное разсмотрѣніе исторіи вопроса о генеалогіи повѣсти далъ, по-малорусски, въ спеціальной диссертациі И. В. Франко: «Варлаам і Іоасаф, старохристіянський духовний роман и его літературна історія», 1895—1897 (въ VIII, X, XVIII и XX тт. львовскихъ «Записокъ Наукового Товариства імени Шевченка»), съ анализомъ редакцій, въ томъ числѣ славянскихъ.

Необходимымъ дополненіемъ къ Куну служитъ III томъ «Bibliographie des ouvrages arabes» В. Шовена (Vict. Chauvin, Льежъ, 1898), гдѣ, сверхъ бібліографіи восточныхъ переводовъ повѣсти (не только арабскихъ), дано резюмирующее изложеніе каждой притчи и cadaго разсказа, находящихся въ арабскихъ версіяхъ (и въ передѣлкѣ ибнъ-Хисдая) и указаны фоклористическія параллели къ нимъ.

Къ Куну примыкають, или съ нимъ полемически считаются, всѣ дальнѣйшія работы, при чемъ большое вниманіе удѣляется въ нихъ грузинской «Мудрости Балъвара» и связи ея съ греческимъ текстомъ.

Въ статьѣ Коинбира о старо-грузинской и старо-армянской версіяхъ (F. Conybeare, въ лондонскомъ «Folk-lore», т. VII, 1896, 101—142) предложена очень неубѣдительная догадка, будто имѣлось нѣсколько редакцій греческаго текста, изъ которыхъ одна, болѣе поздняя и сильно христіанствованная, представляетъ собою общезвѣстную нашу греческую версію, а другая предпо-

лагаемая, болѣе ранняя и мало христіанизованная, послужила оригиналомъ для предполагаемой сирской; съ сирской былъ сдѣланъ переводъ не только грузинскій, но и армянскій, якобы, напрасно, принимаемый за передѣлку общеизвѣстнаго греческаго текста. Опроверженіе Копибиру отчасти далъ И. Франко въ «Варлаамі і Юсафѣ» (1897, стр. 164—170), главнымъ же образомъ Н. Марръ (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1897, апрѣль, и въ «Зап. Восточн. Отдѣл.», т. XI, 1898, стр. 51—56).

Не безъ вліянія Н. Марра грузинскую версію полностью напечаталъ, въ сожалѣнію лишь по извѣстнымъ тогда позднимъ спискамъ, Е. Такайшвили (Тифлисъ 1895; рец. Марра въ «Зап. Вост. Отдѣл.» X, 1896, стр. 211—213), а по-русски перевелъ И. Джаваховъ («Зап. Вост. Отд.» XI, 1898, стр. 1—48); затѣмъ фрагменты XI—XII в. издалъ съ русскимъ переводомъ А. Хахановъ (въ IX выпускѣ «Трудовъ по востоковѣдѣнію» Лазаревскаго Института, 1902)¹⁾. Вновь пересматривая вопросъ, Н. Марръ упорно отстаиваетъ позднее происхожденіе греческой версіи, т.-е. только въ XI в., не иначе какъ изъ грузинской, изъ-подъ пера аеонскаго монаха-грузина св. Евфимія (ум. 1028), причѣмъ грузинскую версію онъ готовъ уже признать за переводъ не съ гипотетической сирской ок. VII в., а съ общеизвѣстной мусульмано-арабской ок. VIII—IX в. (см. «Зап. Вост. Отдѣл.» т. XI, 1898, стр. 49—78; т. XIII, 1900, стр. 88—108). Съ меньшей категоричностью, А. Хахановъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія (предисл., стр. XIII—XIV).

Отыскана и издана по-арабски Эдв. Брауномъ и переведена по-русски бар. Розеномъ еще одна редакція повѣсти, по вѣзмъ признакамъ «Будасафъ одинъ», обработанный на основаніи буддійскихъ индійскихъ источниковъ при сасанидахъ ок. VII в. (быть можетъ, на сирскомъ, а не на пехлевійскомъ языкѣ, по догадкѣ бар. Розена) и переведенный по-арабски ок. VIII—IX в. (см. «Зап. Вост. Отдѣл.» т. XIV, 1902, стр. 77—118).

Обращается теперь вниманіе на личность и литературную дѣятельность манихействующаго Абана Лăхыкыя (ум. 815), арабскаго версификатора «Балаһнара и Бұдасафа» и прочихъ индо-персидскихъ повѣствовательныхъ сборниковъ. (Имѣю въ виду вышепомѣщенную въ пылѣшнемъ выпускѣ мою работу и ниже издаваемый текстъ Сулія по уникальной хедивской рукописи).

Ждетъ критическаго изданія греческій текстъ повѣсти, потому что парижское изданіе Буассонада (1832, въ IV томѣ «Anecdota Graeca»), перепечатанное съ латинскимъ переводомъ въ 96 томѣ Патрологіи Мипя (1860, въ отдѣлѣ сочиненій св. Іоанна Дамаскина), заставляетъ многого желать²⁾, равно какъ и аеонское изданіе 1885³⁾.

¹⁾ Отрывки XI—XII в., изданные А. С. Хахановымъ, представляютъ собою лишь 1/4 того грузинскаго текста, какой намъ извѣстенъ по позднѣйшимъ грузинскимъ спискамъ.

²⁾ По-русски, иногда въ буквальномъ переводѣ, иногда въ изложеніи, представилъ текстъ Буассонадовскаго греческаго изданія А. Кирпичниковъ въ приложеніи къ своимъ „Греческимъ романамъ“ 1876, стр. 74—113, часто съ подстрочнымъ приведеніемъ греческаго текста.

³⁾ Кажется, съ аеонскаго изданія сдѣланъ русскій переводъ 1888.

IV.

„Варлаамъ и Іоасафъ“ у славянъ.

Съ греческаго языка сдѣланъ былъ переводъ церковно-славянскій (рукописи съ XIV в., балканскія и русскія), съ латинскаго — на западно-славянскіе: чешскій (въ XV в.) и польскій (въ XVI в.).

а) Церковно-славянскій „Варлаамъ и Іоасафъ“ и его судьба у православныхъ.

Время и мѣсто появленія церковно-славянскаго перевода неясны.

Отдѣльныя притчи (о лютомъ ипорогѣ и соблазнительной каплѣ меда, о трехъ друзьяхъ, и пр.) могли распространиться раньше перевода цѣлой повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ и даже имѣть своимъ источникомъ вовсе не ее (см. ниже 44). Поэтому наличность, напримѣръ, притчи «о человекѣ бѣлоризцѣ» у Кирилла Туровскаго не является доказательствомъ, чтобы въ XII в. существовалъ уже готовый церковно-славянскій переводъ «Варлаама и Іоасафа», изъ котораго долженъ былъ черпать Кириллъ; напротивъ, нельзя не считаться съ фактомъ, что только съ XIV вѣка начинаются церковно-славянскіе списки самой повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ.

По догадкѣ А. Соболевскаго (въ докладѣ «Обществу Любителей Древней Письменности» 7 марта 1897) переводчикъ повѣсти былъ русскій, и уже съ его редакціи начались списки южно-славянскіе. Обычное же мнѣніе ученыхъ — обратное, т.-е. что Русь получила этотъ переводъ отъ болгаръ и сербовъ; см. А. Пыпинъ: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (Спб. 1858, стр. 129); А. Кирпичниковъ: «Греческіе романы» и т. д. (Харьковъ 1876, стр. 182; разборъ А. Веселовскаго въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1877 июль); Стоянь Новаковичъ: «Прилог и познавану... у Срба, Бугара и Руса» (Бѣлградъ 1881); Пыпинъ: «Исторія русской литературы», 1-е изд. т. II (Спб. 1898, стр. 51; во 2-мъ изд. 1902 г. т. I). Очень возможно, что церковно-славянскихъ переводовъ было два: переводъ южно-славянскій и переводъ русскій. Этимъ предположеніемъ не объяснится ли фактъ значительной разности даже между самыми старыми рукописями русскими и балканскими?

Кирпичниковъ (1876), констатировавшій путемъ обзорѣнія рукописей фактъ существованія двухъ неодинаковыхъ изводовъ (стр. 169—183), близокъ былъ (стр. 182) къ заключенію и о двухъ переводахъ; срв. и у Ив. Франка близость къ такому же выводу: «Варлаам і Іоасафъ» (1896, стр. 46 и 1897, стр. 132).

О южнославянскихъ спискахъ см. послѣ «Очерка» Пыпина 1858 и послѣ «Греческихъ романовъ» Кирпичникова 1876 преимущественно у Новаковича (1881), съ извлеченіями изъ Шишатовецкаго списка 1518 г. Русская редакція, старинная и мало еще отдѣланная, включена въ Маваріевскія Четыри Минеи XVI в.; на ней останавливался и Кирпичниковъ 1876, говоря о русскихъ руко-

писяхъ (стр. 173—176 и 182). Прочія замѣчательныя русскія рукописи, XIV вѣка, отмѣчены у А. Соболевскаго: «Переводная литература Московской Руси» (Спб. 1903, стр. 4, въ «Сборникѣ» Акад. Наукъ, т. 74). Образецъ стараго текста по «Златой Чепи» XIV в.—въ «Исторической хрестоматіи» Ѳ. Буслаева (М. 1861, стр. 1082—1083). Факсимильное изданіе самарскаго списка XVII в. кн. Вяземскаго (Спб. 1877, Общества Любителей Древней Письменности, № 88) интересно преимущественно рисунками, а не качествомъ текста. Въ малорусской диссертациі Ив. Франка (1896—1897) напечатаны обильныя отрывки по галицкому Креховскому списку (XVI в.).

Въ XVI вѣкѣ московскій изгнанникъ кн. Курбскій, переводя творенія св. Іоанна Дамаскина, вновь перевелъ также приписываемаго Дамаскину «Варлаама и Іоасафа» на церковно-славянскій языкъ съ нѣкоторымъ незначительнымъ количествомъ западно-русскихъ примѣсей¹⁾. По всѣмъ признакамъ (см. А. Поповъ: «Описаніе рукописей Хлудова», М. 1872, стр. 119; съ чѣмъ не согласенъ Кирпичниковъ 1876, стр. 176), этотъ рукописный переводъ кн. Курбскаго послужилъ пособіемъ для печатнаго изданія уже на характерномъ западно-русскомъ языкѣ, типографіи василіанскаго Кутенинскаго монастыря 1637 г.: «Гисторія албо правдѣвое выписан' [е] с[в]я[т] [о] г[о] Іоанна Дамаскина, о житіи с[в]я[т]ыхъ [т]хъ пр[е]п[од]обныхъ от [е]щъ варлаама і осафа и о наверненію Індіиць..., ново з' грецкого и словенского на рускій языкъ преложена, року 1637»²⁾ (срв. у И. Каратаева: «Описаніе славяно-русскихъ книгъ» Спб. 1883, стр. 455—456; отрывокъ въ «Исторической хрестоматіи» Ѳ. Буслаева, М. 1861, стр. 1077—1080). Для удобообразумѣнія ополяченной южно-русской православной интеллигенціи кіевскіе малорусскіе ученые XVII в. готовы были перелгать «Варлаама и Іоасафа» даже на польскій языкъ, стихами, не гнушаясь брать для оригинала латинскій текстъ; именно, такъ сдѣлалъ, вѣроятно на основаніи текста «*Legenda aurea*» XIII в., черниговскій архіерей Лазарь Барановичъ въ виршеванной книгѣ *Żywoty świętych* (Кіево Печерская лавра 1670; образцы у Ив. Франка въ диссертациі, стр. 109—112).

Но у великоруссовъ воспослѣдовавшее въ Москвѣ большое изданіе in-folio 1680—1681 г., съ гравюрами Симона Ушакова, держалось строго церковно-славянскаго текста «Исторіи, или повѣсти» (описаніе у А. Пыпина: «Очеркъ», 1858, стр. 127—128 и у Кирпичникова: «Греческіе романы» 1876, стр. 179—180; образецъ текста въ хрестоматіи Буслаева 1861, стр. 1080—1082). Въ удобочитаемомъ сокращенномъ видѣ, съ опущеніемъ догматической схоластики, житіе свв. Варлаама и Іоасафа напечатано было (подъ 19 ноября) въ Четвѣхъ-Минеяхъ св. Дмитрія Ростовскаго (конца XVII в.), и съ тѣхъ поръ перепечатывается во всѣхъ многочисленныхъ русскихъ «Житіяхъ святыхъ»

¹⁾ Не понимаю, почему проф. А. Архангельскій выражается о принадлежности перевода Курбскому съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: „приписывается Курбскому“. См. его очеркъ „Борьба съ католичествомъ и умственное пробужденіе южной Руси къ концу XVI вѣка“ въ „Кіевской Старинѣ“ 1886, іюнь, стр. 249.

²⁾ Экземпляръ въ Румянцовскомъ Музеѣ, № 210. Въ текстѣ всегда имя „Іоасафъ“, а не „Осафъ“.

вплоть до нашихъ временъ ¹⁾. Въ наши же времена, въ 1888 году, появился и литературный русскій переводъ, повидимому съ греческаго текста, полнаго «Варлаама и Іоасафа», изъ-подъ пера ярославскаго іеромонаха Антонія ²⁾.

б) Вліяніе повѣсти на русскіе духовные стихи.

Огромное вліяніе имѣла повѣсть и на народную русскую словесность, въ частности на духовные стихи (особенно на раскольничьи скитскіе): «Стихъ о Іоасафѣ-царевичѣ», «Похвала пустынь» и пр. Изданы у Варенцова 1860, П. Безсонова: «Калѣки переходящія», вып. I, 1861 и др. О нихъ все существенное сказано у Кириичникова 1876 (стр. 183—187).

в) Судьба „Варлаама и Іоасафа“ у славянъ западныхъ.

У западныхъ славянъ повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ распространялась какъ черезъ латинскій переводъ съ греческаго мнимо-Дамаскина ок. XII в. (новый, научный латинскій переводъ Билліуса 1577), такъ и черезъ сокращенныя латинскія изложенія: въ «Legenda aurea» Якова де-Ворагине (ум. 1298), «Speculum historiale» Винцентія де-Бове (ум. 1256), «Catalogus Sanctorum» XIV в. и пр.

Съ латинскаго языка на чешскій повѣсть была переведена Лаврентіемъ изъ Тынь-Горшова 1470 и не разъ обрабатывалась впоследствии; печатныя изданія начались съ 1504 г. (см. въ диссертациі Ив. Франка, 1897, стр. 108—109).

На польскомъ языкѣ повѣсть популяризовалась гораздо меньше.

Впервые, и притомъ сокращенно, она по-польски появляется, повидимому, лишь въ четъе-минейномъ «Martyrologium Kosciola Rzymskiego» (Краковъ 1591), представляющемъ собою польскій переводъ того самого Бароніевскаго «Martyrologium Romani» 1583, черезъ который католическая церковь ясно канонизовала Варлаама съ Іоасафомъ. О стихотворной польской передѣлкѣ православнаго архіерея Лазаря Барановича въ «Żywotach Świątych» (Кіево-Печерская Лавра, 1670; кажется, по «Legenda aurea» XIII в.) было выше упомянуто. Вскорѣ латинскій переводъ полной повѣсти (Билліуса, еще XVI вѣка) послужилъ католическому ксендзу М. Кулиговскому для его стихотворнаго, довольно близкаго переложенія: «Krolewic Indyiski» (Краковъ 1688). Въ слѣдующемъ столѣтіи познанскій профессоръ пѣвтики М. Лихоневичъ обработалъ для сцены (и напечаталъ) исторію царевича Іоасафа въ видѣ драматической мистеріи: «Historya Jozefata króla Indyiskiego» (1760).

Объ этихъ польскихъ передѣлкахъ подробно, съ выписками текстовъ, см. въ малорусской диссертациі И. Франка 1897, стр. 109—122.

¹⁾ Напр. въ „Полномъ собраніи житій святыхъ православной греко-россійской церкви, подъ редакціей Е. Поселянина“, ноябрь, стр. 134—140 (приложеніе въ „Русскому Паломнику“ 1908).

²⁾ Сказаніе о жизни святыхъ отцовъ нашихъ Варлаама и Іоасафа, приписываемое св. Іоанну Дамаскину, изданное на греческомъ языкѣ на основаніи пергаментныхъ рукописей, хранимыхъ на священной горѣ. Перевелъ и издалъ іеромонахъ Антоній. Одесса 1888, стр. VI,+292.

V.

Самостоятельная исторія отдельныхъ Варлаамовыхъ притчъ.

Огромное вліяніе на міровую литературу, письменную и устную, имѣлъ нашъ памятникъ не только общимъ своимъ сюжетомъ и совокупнымъ составомъ, но и отдельными Варлаамовыми притчами.

Прослѣдить въ частностяхъ бродячую письменно-литературную и фолклорную исторію каждой притчи не легко, тѣмъ болѣе что та или иная изъ притчъ, вложенныхъ въ уста Варлаама, имѣется еще и въ другихъ «странствующихъ» сборникахъ.

Такъ, не только въ «Варлаамъ и Іоасафъ», но и въ т. н. Бидпаевыхъ басняхъ («Паньчатавтра», «Калила и Димпа») оказывается знаменитая притча о лютомъ слонѣ (единорогѣ), спасаясь отъ котораго путникъ повисъ надъ обрывомъ колодца и тутъ же началъ тянуться къ каплѣ меда¹⁾. Она въ міровой литературѣ—одна изъ самыхъ любимыхъ, до новѣйшихъ временъ включительно (вспомнимъ художественную ея обработку Рюккерта, переведенную по-русски поэтомъ Жуковскимъ, или «Исповѣдь» графа Льва Толстого); но именно ея генеалогія и международная литературная исторія одна изъ наиболее запутанныхъ и сложныхъ; см. напр. у Пыпина: «Очеркъ» 1858 (стр. 130—131); у Кирпичникова: «Греческіе романы» 1876 (стр. 232—234); E. Kuhn: *Der Mann im Brunnen* въ юбилейномъ сборникѣ Отто Бётлингга (Штуттг. 1888); на болгарскомъ языкѣ, Ив. Франко: «Притча-та за единорога и нейниятъ български вариантъ» (въ XIII томѣ софійскаго «Сборника за народ. умотворения»). Дополненія—въ «Bibliographie» Шовена, т. II (898), стр. 99—100.

Такую же особую самостоятельную литературную исторію имѣетъ очень популярная Варлаамова притча о трехъ друзьяхъ, изъ которыхъ спасителемъ явился лишь третій, казавшійся наименѣе надежнымъ; притча о царѣ, избираемомъ лишь на одинъ годъ, а затѣмъ позорно изгоняемомъ («оземьствьньномъ»); и еще иныя. Срв. у Пыпина: «Очеркъ» 1858, стр. 131—134; Кирпичниковъ: «Греческіе романы» 1876 (стр. 235 и слѣд.); Веселовскій: «О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа» 1879 (въ 34 томѣ Записокъ Академіи Наукъ, стр. 63—70).

Оріентироваться въ библиографіи и въ параллеляхъ помогаетъ въ такихъ случаяхъ III томъ «Bibliographie des ouvrages arabes, par Victor Chauvin» (Льежъ 1898), а кромѣ того слѣдуетъ обращаться въ своднымъ трудамъ по фолклорнымъ сюжетамъ, напр. въ «Popular tales and fictions» В. Клоустона (Лонд., 2 тт., 1887).

¹⁾ По бейрутскому изданію «Калилы и Дамны» 1896 притча о разъяренномъ слонѣ и чловикѣ въ колодцѣ—на стр. 99—100. По русскому переводу М. Рыбникова и М. Аттан (М. 1889) на стр. 54—55.

AL-AWRÂQ FÎ AKHBÂR

ÂL 'ABBÂS

WA

ASH'ÂRI-HIM.

Texte arabe (intact) de Souli.

AL-AWRÂQ FÎ AKHBÂR

ÂL'ABBÂS

WA

ASH-ARI-HIM

Texte arabe (mirat) de Solt.

مطابعه پراکتیک در شهر مسکوف واروارقه کوچہ زنامینسکی پرتولق خانہ ۸
۱۹۱۳ سنہ میلادیہ .

Imprimerie «Praktik» de Kushel à Moscou, rue Petit-Znamensky péréoulok, № 8

1913.

AL-AWRÂQ FÎ AKHBÂR ÂL 'ABBÂS

wâ ash'âri-him

par Abou-Bakr Mohammad ibn-Yahyâ as-Soûli (vers 900).

L'unique manuscrit appartenant à la Bibliothèque Khédiviale au Caire

N° 594, ff. 1—43.

Edité par **A. Krymski** et Mirzâ 'Abdoullâh Ghaffarov sans aucun changement ni corrections d'après la copie faite par Fauzi Khouri.

Comme j'ai indiqué dans mon article sur Abân-al-Lâhiqî, l'oeuvre de Soûli (vers 900) sur l'histoire de la littérature de la période abbâsside intitulée „Awraq“, à laquelle les historiens littéraires nous renvoient souvent (parmi eux le code énorme „Kitâb-al-Aghânî“ du X siècle), n'est pas parvenu jusqu'à nous et s'est perdu, excepté quelques fragments épars de l'oeuvre d'un contenu varié, qui se sont conservés jusqu'à nos jours.

Un de ces fragments, qui est d'ailleurs le plus volumineux et qui se rapporte à la première moitié de l'oeuvre, concernant l'époque splendide des premiers Abbassides, se trouve dans la Bibliothèque Khédiviale au Caire (N° 594 de la section historique), et il mérite complètement d'être qualifié d'unique, parce que les trois autres fragments (deux à S. Pétersbourg *) et un à Paris) se rapportent à une autre partie de l'ouvrage. Quelques extraits de ce manuscrit khédivial de l'Awraq (en forme de citations. f. 112 b, 145 a, 147 a, 149 a-150 a) ont été depuis peu (1908) publiés par le professeur V. Barthold dans son article: „De quelques manuscrits orientaux conservés dans les bibliothèques de Constantinople et du Caire“ **); les passages qu'il a publiés contiennent l'appréciation peu avantageuse que Souli donne de son précurseur l'historien Ahmad ibn Abi-Tâhir Teïfour al-Baghdâdi et quelques détails sur la biographie du poète-pessimiste Aboul-'Atâhyah. Un extrait plus ou moins complet et terminé de ce rare „Awraq“ n'a pas été jusqu'ici publié. Or c'est à nous qu'appartient l'initiative de la publication en entier de 43 premières feuilles de l'ouvrage.

En les imprimant nous avons conservé la pagination du manuscrit, de sorte que notre édition reproduit le manuscrit original cairote feuille par feuille, ligne par ligne, avec cette seule différence, que le manuscrit original est écrit d'un côté et de l'autre, tandis que nous imprimons le côté

*) L'authenticité des fragments de Pétersbourg est très-discutable. Voir I. Kratchkovski: „О творчествѣ Абуль-Атаһи“, dans „Записки Вост. Отдѣл. Имп. Археол. Общ.“ t. XVIII (1908), p. 78, note 1.

**) „Записки Вост. Отд.“ t. XVIII, pp. 0115 sqq. Voir p. 0148-0153.

droit et le revers de chaque feuille de l'original cairote sur une seule page de l'édition typographique, et nous séparons le côté de face et le côté revers avec un signe =, placé au milieu de chaque page imprimée, y ajoutant aussi la remarque „V“ (=verso) à la marge droite.

Pour obtenir une copie de l'unique original cairote de l'„Āwrâq“ qui pût servir aux buts typographiques, je me suis adressé à notre ancien auditeur Mr. Fauzi Khouri, originaire de Sichem (an-Nablous) en Palestine. Quand il était sur le point de partir pour le Caire, je lui demandai de me faire une copie autant que possible la plus authentique, la plus littéralement faite, la plus exacte, sans changer un seul mot, ni une seule lettre par rapport à l'original. Or Mr. Fauzi Khouri étant arrivé au Caire, m'informa qu'il se trouvait dans un certain embarras. Le manuscrit cairote, cet exemplaire unique de l'ouvrage, avait été préparé par un copiste non pas des plus lettrés, qui commettait des fautes graves dans les vers et même assez souvent dans la prose; par ex.: le nom d'Ābou-Nowâs étant composé de deux mots, le copiste le prenait pour un seul nom et ne déclinaît pas le mot Ābou, le laissant invariable au génitif de même qu'à l'accusatif. De là—m'écrivait Mr. Khouri— a résulté dans quelques passages une grave ambiguïté et une mutilation grossière du sens. Un autre défaut du manuscrit, encore plus sensible, provient de sa vétusté et de ses vermoulores. Ce sont surtout les premières feuilles qui présentent beaucoup de trous; les points diacritiques y sont rongés, une partie de telle ou telle lettre y manque souvent, en conséquence de quoi les contours conservés ont l'aspect d'une tout autre lettre qui doit se prononcer tout autrement (par ex. il y a des cas où au lieu de la lettre * (āin) s'est formée la lettre ≈ (hâ) à cause de la vermoulore *).

En m'exposant ses embarras Mr. Fauzi Khouri me demandait conseil, pour savoir, comment il devait agir dans des cas semblables: devrait-il copier le texte corrompu mot à mot, lettre par lettre, ou devrait-il tâcher d'y faire des corrections grammaticales et logiques. Je l'ai prié de transcrire l'Āwrâq tout textuellement, avec une exactitude irréprochable, sans corriger aucune faute d'orthographe, ni un seul caractère écrit, tout vicieusement qu'il pût se présenter. Après cela Mr. Khouri m'envoya la copie en indiquant dans sa nouvelle lettre qu'il avait strictement suivi mon conseil, qu'il avait tout copié très-textuellement, conservant les mêmes interversions et déformations qui proviennent du peu d'instruction du copiste khédivial et des lacunes dues à la vermouloire et qu'il n'avait pas négligé de transcrire aussi les signes étranges et peu compréhensibles posés au dessus de quelques mots épars. Mais,—ajouta-t-il—il se permettait cependant (lui, Mr. Khouri) de faire quelques écarts très-legers et peu importants qui ne compromettent point l'exactitude de sa copie. Notamment dans les cas où l'absence d'un point diacritique vermoulu était trop évidente ou quand la partie conservée d'une lettre permettait facilement de restaurer la lettre entière, Mr. F. Khouri se permettait de faire les restaurations nécessaires.

D'après lui l'exactitude complète de sa copie n'en avait aucunement souffert, parce que tout autre lecteur du manuscrit cairote, quel qu'il fût, aurait dû lire les caractères en question précisément de la même manière que Mr. Khouri les avait lus.

Malgré les précautions prises par notre copiste (Mr. Khouri) je ne me flatte pas pourtant de l'idée que la copie ci-éditée soit une reproduction tout-à-fait exacte et absolument indiscutable du manuscrit original cairote. Seule une édition fac-simile phototypique pourrait être une reproduction cer-

*) Voir p. ex. f. 3 a: 4 où l'on trouve quasi مغلج tandis qu' on lit dans la variante de l'Aghāni IV, 118 تغلج .

taine du monument qui se trouve en si mauvais état de conservation. Le principe sur lequel s'était guidé Mr. Khouri étant d'admettre (soit fort rarement) la restaurastion d'une lettre rongée en se basant sur le morceau non rongé de ses contours,—ce principe-là,—croyons nous,—doit toujours laisser place aux conjectures purement personnelles, subjectives et arbitraires. Et je me vois obligé de déclarer sans équivoques que la détermination de la susdite édition avec l'épithète „édition littérale“ ne doit être acceptée qu'avec des scrupules et restrictions, et que le lecteur ne doit pas oublier la conventionalité de ce terme-là.

Notre édition imprimée ne s'écarte en rien de la copie envoyée par Mr. Khouri. Il est vrai, plusieurs corrections s'offraient à nous d'elles-mêmes pendant la lecture, et il aurait été bien facile de les noter dans les marges de l'édition. Je ne l'ai pas fait, étant persuadé que toutes ces corrections-là viendraient sans doute à l'esprit de tout autre arabiste, d'elles-mêmes, sans mes indications. Et ce n'est que très-rarement que j'ai proposé mes conjectures dans les marges de l'édition *).

Quelques passages de l'Awraq de Souli se trouvent in-extenso dans „Le livre de chansons“ (Kitab-al-Aghani) qui peut servir en pareils cas à collationner notre texte et à en établir la vraie lecture. Quelque chose de pareil se trouve aussi dans l'anthologie andalousienne du X siècle intitulée „Al-Iqd al-Farid“. Ces passages-là furent soigneusement relevés par moi dans le Kitab al-Aghani et dans l'Iqd (d'après l'édition du Caire 1273) et notés sur les marges du texte que nous éditons.

C'est dans les marges aussi que j'ai fait quelques autres indications concernant spécialement le texte envoyé par Mr. Khouri;—surtout j'ai tâché de marquer avec le mot: „sic“ ou „sic!“ tout ce que quelqu'un eût pu prendre pour des errata d'impression, p. e. f. 17 verso ابيات évidemment au lieu de ابيات

Mon estimé collègue Mirzâ 'Abdoullâh Ghaffârov a bien voulu prendre obligeamment sur lui le travail de lire les premières épreuves, travail rendu pénible par la nécessité de collationner le plus soigneusement possible les épreuves typographiques avec l'exemplaire préparé par Mr. Khouri. C'est pourquoi je regarde comme juste d'insérer son nom dans le titre de l'édition. Puis c'est moi personnellement qui ai lu la dernière épreuve en la collationnant de nouveau avec l'exemplaire de Khouri, et c'est moi aussi qui ai donné l'„imprimatur“.

En ce qui concerne Souli lui-même, je trouve qu'il serait superflu de donner ici quelques renseignements sur lui, soit biographiques, soit historico-littéraires. Quant à ceux qui y prennent un certain intérêt, je peux les renvoyer à ma dissertation sur la „Hamâsah“ **). Souli écrivit vers 900 et mourut en 946 Ch.

*) Le lecteur de mon article sur al-Lâhîqî pourra parfois voir, d'après la traduction russe, ma manière de comprendre le texte mutilé du manuscrit arabe du Caire.

**) Moscou 1912: „Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским Институтом“, livraison № 36, page 15—19.

حتى اجزت الاحماس انى على امثال هاتيك حازم بطل
 فلم يرغها الا قيام لدى الباب فجاءت والمشى متخذل
 تقول يا مرحبا ويرعيها الخوف من الحاضرين والوجل
 فارخيت ذوتنا وقد هداليل ستور الحجال والكل
 ثم دعتنى الى مبارزة الحب فرحبت من حنالمثل
 فكان شى هيات اذكره انى ضنين بسرها بخل
 فهرولت عند ذلك اذ عظم الامر وقالت ودمعها هطل
 اين من آحى افر ان علمت افى بما قد صنعت يا رجل
 كيف احتيالى لهذا اذا فطنت ما ينفع اليوم عندها العلل
 قد كان يجزيك لو قنعت به فما فعلت اللزام والقبل
 لكن ابت شقوتى فهات فما احتال اما اقول ان ساءلوا
 قلت بقولين للذى يسئل يمنعى من جوابك الكسل
 شعر اسمعيل بن بشر بن المفضل

وَعَنَى مطرب القوم على المثلث والزير
سليمى تلك فى العين قفى ان شئت او سيرى
فسارت تحتنا الارض و ما قلنا لها سيرى
وقال أيضا

ايا فَهْدَ ما ذالجزع الظاهر يا فهد
و ما هذا الذى احدثت يا بررونة زرده
ان اطلقت اصبحت عن الاسلام مرتده
وولوت واعولت واوردت هن الرعد
وهتكت ستور البيت للوحشة للوحده
الست القندة الحلوة يا احكى من القنده
فتاه رشحا مسك وفى ريقها شهده
اذا ما عبرت قالت ايا أم ويا جد
فما يبكيك من قرد لقرد امه قرده
لئيم الجد كابي الزيد اما اقتدحوا زنده
بقى الله وكونى امة حازمة جلده
وقولى قول ذى لب رجاله و ما عنده
ايا رب لك الحمد على الرخا والشه

وهى طويلة * قال ابو بكر وانشدنا محمد بن يزيد المبرد لابي شكر
عبدالله بن عبد الحميد وهو اخو ابان *

يا طلل الحى جادل الطلل مالك وحش العراض يا طلل
لست ادى فيك من عهدت وقد كنت لهم موطنا فما فعلوا
ايام جبل الصفا ومنك ومن بهجة بيت الاسباب متصل
جارية كالمهاة بارعها الحدين والخذ شادن عضل
لم يلق بوسا ولم تعان ادى لكن عداها النعيم والجنل
دست رسولا ان اتنا رقدته الحى اذا ما علمتهم عقلوا
فجئت والليل ملتسى سدف الظلمة وهنا والطرق احتل

v.

أَعَدَّ الشرَّ للقوم مفاجأة على غرَّة
 اتاهم خائلاً كاللص يمشى قطرة قطره
 فاعلى رأس عتاد على الغفلة اجره
 فنار القوم للحرب على الكرة والفره
 فعين اللاطم الوجه بالكفين مخضرة
 وعباد له في وجهه من دمه غرَّة
 وهذا مثل سكران وهذا مثل ذى مرَّة
 حكوا في فعلهم هذا هراش الهرّ والهره
 وفي شربه ولهوه ووصف مجلس الزهرى الذى
 مدحه ابو شاكر

الادب حديث لنبي الله ماثورة
 بان لا يدخل الجنة اهل الافك والزور
 كمثل الا عور المعور والقوم معاويز

v.

وشخص لا اسميه من اهل المجد والخير
 حبانى صفووتيه منه ما شئت بتقدير
 وشرب من بنى زهرة امثال الدنانير
 توافوا يوم دجن مذكر للهو ممطور
 فظلوا يشربون الخمر صرفا فى القواوير
 بكفى طفلة حورا بل زادت على الحور
 كستها الشمس فى الخدين منها بهجة النور
 فقلنا قد ولت الحلم قولا غير معدور
 فان شئت علينا فاعدلى فى الحلم او جور
 فلم يلبث بنا ان خبرتنا اى بخبير
 مقاصير تبدي منهم دون مقاصير
 وابواب من الساج باصناف المسامير
 وكنا مثل خيل تجادى فى مناصير

وزمار وسفار عليم مطرب النعمره
 والوان ملاء لست احصيها من الكثره
 وظبي ذو دلال غنج في طرفه فتره
 له على عنبر الهند على جبهته طره
 وقد قدحلى الفصن ووجه لاح كالزهره
 غزال جعل الدر له من لفظه سحره
 فما يلفظ الاسقطت ممن فمه دره
 تشنى وتغنى قل لعبدالله يا عتره
 لقد صيرتني لما نطقت الشعر بي شهره
 فكم من بحره قد بحر الشرب ومن نعمره
 ولبوه كما لبي حليف والحج والعمره
 وصرنا فيه صفين بارى زمرة زمرة
 فكنا يمينه نصف ونصف جالس يسره

v.

وامرنا اميرين وكل جائر الامره
 فناديتهم صبوا قليلا ينجلى العمره
 الى ان خانوا اصحابي وذاقوا سرعة الفتره
 بنفسى اتم كروا فان الفتح في الكره
 فكروا بعد ما والله هم القوم بالقره
 وما زلت بهم حتى اتانا الله بالنصره
 وحتى جعل الله على اعدائنا الدبره
 امين القوم قد دبر ان يلعب بالكسره
 وجاء امرنا تمناه فاحطت استه الحفره
 وكم من لذة اعقبت صاحبها حسره
 وفي السرب عدوان مصبان على فجره
 كلا الشخصين قد أرصد ان يحثل بالقدرة
 الى ان قام ايوب من البيت الى الحجره

ان قلبى امسى اسير امير ليس من راية فكاك الاسير
 ملك المسعدى بالحسن رقى فاسابى فمن عليه مجيرى
 جاني ازرقيه تنثنى عضن بان ولحظ حشف عزير
 لحو شرب لا فحش فيهم ولكن حلماآ ودو عفاف وخير
 اعملوا كاساهم فطابت بما طاب لهم من معتقات الخمور
 ليس يدرون غير ماهات واشرب وحديث كاللؤلؤ المنثور
 فاتاهم بدر فحيوه بالكاس وفتدوه من صروف الدهور
 فتعالت به الشمول فعنى أسعد بد معك المنزور
 ثم تى والقوم قد طربواه منه قياما به لفضل السرور
 هل عرفت الديار يا بن انيس دارس آيها الخط الزبور
 ثم نادى يا ارض سيرى فسارت طوع امر يفوق أمر الأمير
 يا خليلي قد كنت تزعم انى ساحر اللفظ صايب النذير
 مد ورتى سحرت من قبل ان اسحر فأعجب لساحر مسحور

v.

قال ابو بكر وعلى بن مسعدة هذا يقال انه احسن من ولد بالبصرة كان
 الناس يقصدونه لبروا وجهه وحسنه الى ان شاخ وفيه
 يقول أبو نؤاس .

رايت الهلال بوجه الهلال على بن مسعدة الزراع
 وابوشاكر القائل فى الزهدى يمدحه وجدت هذه القصيدة له فى
 كتاب .

الا يا مجلس الشرب على نهر ابى بكره
 لدى القصر وعند الروض فى الغبطة والنضرة
 وعبد الماجد الواحد من خير بنى زهره
 كريم الجد وادى الرند معض طيب العشره
 ظللنا عنده فى عيش صدق ناصر الزهره
 تدينا الراح والريحان فى دق وفى ذكره
 وعواد وطبال يخرناء عن جبهه

ابو شاکر عبدالله بن عبدالحمید

ان عثمان الکردود بن اشد ذو ولايات على كل احد
يملك الاكل عليهم قبل ان ياكل لللال في كل بلد
قد تولى حبر الحضرة من قبل الله عليهم والرصد
يسرح الاشهب اعلى سحر لا تخليه من ركض وكد
مرة عند جوس او ابي حنين انهما طمعا اعد
فاذا استصعب اذن ساعة قال يا حارث ذا يوم نكد
عد الى البيت الذي نعرفه وانزل اذنك ان كان ركد
خبزنا اطيب من خبزهم وكذا الخمرة يطفوا بالزبد
مثل الثعلب والعقود اذا قصرت عنه يدها حين مد
قال مثل الخل دعه جانبا وهو كالسكر طيبا والشهد

حدثني محمد بن حسن البلعي قال حدثني ابو حاتم سهل بن محمد قال كان
ابو شاکر عبدالله بن عبدالحمید من فتیان البصرة وظر فائهم

v.

وعمر عمرا طويلا وكان موشرا لا يعرف الا الشرب والسماع
فشرب يوما عند قوم من بنى زهرة كان يعاشروهم فدخل اليهم ابن
مسعدة الذراع في حاجة لابييه وكان أحسن من بالبصرة وجها
فاوصل رقعة واخذ الجواب واراد الانصراف فحلف ابو شاکر
انه ان لم يجلس انصرف فسألوه ذلك فقال اردت الجواب واعود اليكم
فمضى ثم رجع فشرب وغنى فقال ابو شاکر

لهف نفسي على الغزال العزيز وعلى وجهه الجميل النضير
وعلى طبعه فدآله اهلى ومالى ومعشرى وعشيرى
ذاك يدع من خلق ربك لم نجعل له في جماله من نظير
امه الشمس كان الفخها البدر فجاءت بنور حسن لنور
مابرى الله مثله بشرا سبحان خلاقه العليم القدير
يا خابلى لا صبر لى عيل صبرى قابديت ما يحن ضميرى
فاشر ما تراه بارك فيك الله من قائل لنا ومشير

وسخول خمسة اوستة فاذا قلوا فعندي أربعة
 وخباب هادران هدرها ودساتنج ملاً مترعه
 ومغين غرد يطربني فاذا شئت غنيت معه هـ

قال فكتب اليه ابو حمدان نشدتك الله يا بني ان تدخل البصرة وهذه
 حالك فان احتجت الينا لحقنا بك . قال الصولي فقلت لابي ذكوان
 حين قرأت عليه هذا الخبران بعض اهل البصرة ينشد بعض هذه
 الابيات لبعض اولاد الغني فقال لي حال شعراً حر فانشدني
 وابان هذا قليل الشعر جدا لا أعرف له الاغزلا وجدته في بعض كتب
 اهله فمناه ما قاله في الف له تالي عنه

عاب على حسن وصلنا الهجر فحان قلب المقيم الصبر
 وانتظمت اسهم الفراق له جوانجا بين طيها جمر
 والبين مذكان آفه قضيت بنقض عن دهر عمرها العمر
 من لم يمت بين هجرة ونوى فما له في حياته عذر

ثم قدم غابيه هذا فقال

بنفسى من ولى وخلفى الحزن ولرك للعين خطا من الوسن
 اذا ما أراد العاذلات ملامتى اتاهم بعذر واضح وجهه الحسن
 فمن كان مسرورا بقرب لقائه فلا ذاق ما قد ذقت منه من الحزن
 يقرب منى ما بمنت قربه وتلك لعممرى نعمه ما لها ثمن
 ففرت بما اهوى واعطنى الرضا وكنت ذا وجد عليها بدا الزمن

شعر ابي شاكر عبد الله بن عبد

الحميد بن لاحق

وانما اتساهل في اختيار اشعار هاؤلاء لانهم ملقون فان لحق اشعاراً
 حق الاختيار قلت وذهبت . قال الصولى حدثنا محمد بن يزيد
 المبرّد قال كان عثمان بن راشد العميرى صالح الادب مليح
 الشعر وكان سراة اهل البصرة يدعونه ويعاشرونه
 فقال فيهم

مكاتم لحبه ❖ في بعده وفي قرينه
 فذاك حب يكمد ❖ نيرانه لا تخمد
 ومنهم من يلتف ❖ بالحب حين يسعف
 اذا الحبيب صدا ❖ ولم ينله ودا
 باه عليه وحرقت ❖ وصد عنه وحمق
 وقال في آخرها

قد تم مني وصف ❖ ولم يحض الرصف
 وابعضت القصيده ❖ محبوبة حميده
 والحمد للرحمن ❖ ذي العز والسلطان
 والذم للشيطان ❖ ذي العزم والطفيان

اخبار ابان بن حمدان بن ابان عبد

الحميد بن ابان وشعره

حدثني ابو بكر بن اسماعيل قال حدثنا بكر بن محمد المازي قال كان حمدان بن ابان بن عبد الحميد موسرا سريا وكان ابنه ابان بن حمدان بن ابان ظريفا ما جنايد من الشراب ويصحب الخلفاء فقال له ابوه يا بني قد اتضحت البلد بافعالك هذه المشهورة فلو غمضتها وسترتها ما يظهر منها واستعملت ذلك في البساتين كان اخي واستر فلزم البساتين وترك دخول البصرة جملة واقام بناحية المعمار فكتب ابوه حمدان يذكر شوقه اليه وسففته عليه من البستان وحميانه فكتب اليه يا ابي لا ترث لي من غيبتي انا في خير ولهو ودعه صرت من حبس دنا مطلقا ومن الضيق الى كل سعه بيت حس وبلذ سانع وحيال الباب مني مشرعه ومعنى في كل يوم مسمع حاذق يطربني او مسمعه ومدامي كمصا بيح الدجي كلهم ياخذ كاسا مترعه لا ببالي من لحافي شربها ابدا حتى سور مصرعه

v.

فذاك حب العيب * ليس به من عيب
 من دونه حجاب * ودونه ابواب
 فما لذاك لبث * وليس منه مكث
 حتى يرى مقهورا * في حبه مسحورا
 ومنهم جبار * في حبه ازورار
 يزهي اذا ما عشقا * ورهنه قد غلقا
 يلتزم اللجاجة * فليس يمد الحاجه
 فذاك حب الفوت * وفيه كرب الموت
 ومنهم من للنظر * يهوى ولم يعد البصر
 اذا رأى حليله * داوى به عليه
 يكتم ما يقاسى * من عين الجلاس
 ومنهم من اقتصر * على الحديث والنظر
 غايته السلام * واللحظ والكلام
 مدافع عن حبه * يكتم وجد قلبه
 نفي الهوى وينكره * وبالثرى يسيره
 فذاك حب العاقل * حب اديب كامل
 وبعضهم لا لقنعه * الاعمود يودعه
 قد طلب الحراما * والتمس لا ثاما
 فذاك حب النهم * الماحن المغتلم
 حق له الحرمان * والمنع والخذلان
 وبعضهم مذاق * معانت ملاق
 مستعمل للكذب * وحرق في الكتب
 فذاك حب الزور * يلسع كالزنبور
 وبعضهم عميد * غاية ما يريد
 خلوة من يهواه * في مشهد يلقاه
 لحظه مسارقه * مدة معانقه

من جرب الحب عرف * ما بين ملك واسف
 لن يبلغ الصب المنا * الابصير وعنا
 ان الهوى ضروب * وامره عجيب
 واهله اطوار * فله لهم اوطار
 للعاقل الشريف * والاحق السخيف
 فمنهم مرزوق * محب ومعشوق
 على اضطراب الخلق * منه وسوء الخلق
 تقضى له الاوطار * وتعمل الاشعار
 مقرب ما تقصى * مطاوع ما يعصى
 ومنهم محروم * محارف مشؤم
 على جمال هيئته * وحسنه وبهجتة
 ومنهم من يبئدا * ينال عيشا رغدا
 من غير سعى وطلب * وغير كد ونصب
 فجد ذاك الاسعد * والبخت منه اجود
 اذ فاز باللذات * ودرك الحاجات
 ومنهم من يتعب * في حبه ويبدأب
 اسقمه طول الهوى * وشقه واجد الجوى
 فذاك صب قد شقى * بوسى له ما ذالقى
 ومنهم البصير * العاقل النحرير
 محتهل الهجوانا * ويحمل الاحزانا
 فلا يزال مبتلى * حتى ينال املا
 ومنهم العميد * الجاهل البليد
 يحب بالتضجر * والجهل والتكبر
 يلقي الحبيب باهتا * فلا يزال ساكتا
 ومنهم من يهوى * بالغيب يأبى عفوا
 فيزدع العموما * مستحب هموما

v.

وعدهم وعيد ❖ اقرارهم جحود
 بوسى لاهل العشق ❖ اهل الضنا والدق
 ليس لهم وسيلة ❖ ولا وجوه حيله
 رايت لما أخذلوا ❖ وفي هواهم وحلوا
 ان ارشد المغفلا ❖ الجاهل المضللا
 الى الطريق الواضح ❖ عند البلاء الفادح
 واتدى كتابا ❖ لوصف باب بابا
 يا ايها الناس فعوا ❖ وصيتى واستمعوا
 ففى صفاتى عجب ❖ وفي كتابى ادب
 فصيدي مقومه ❖ الفاظها منظمه
 فيها هوى العشاق ❖ ومنية المشتاق
 وصفت اهل العشق ❖ ولم أمل عن حق
 فاسمع مقالا صادقا ❖ يا من نلت عاشقا
 للحب خليان ❖ هما هما اللتان
 الصبر والرفق معا ❖ يوما اذا ما اجتمعا
 فى عاشق مهجور ❖ مباعد مفدور
 قضى قريبا وطرا ❖ وبلغاه الوطرا
 ما الحسن والاحسان ❖ والملك والسلطان
 يعدل وصل الالف ❖ وكسره الطرف
 ما حسن فى العين ❖ احسن من العين
 يوما اذا ما التقيا ❖ فى مجلس اذا اشتفيا
 مد او مين للنظر ❖ قد انا كل حذر
 يبادران الحلوه ❖ ويظهران الصبوه
 مناعدين اتفقا ❖ باتا ولم يفترقا
 هواهما محزون ❖ سرهما مدفون
 مد اورين اصبحا ❖ للناس لم يفتضحوا

انظر القادم من بركم وما لصوم الهجر اطار

ما آخَرْنَاهُ مِنْ قَصِيْدَةٍ حَمْدَانٌ ٢

بن ابان بن عبد الحميد بن ابان في وصف الحب
واهله وهي طويلة

ما بال اهل الادب * منا واهل الكُتُبِ
قد وضعوا الادبا * واتبعوا الكُتَّابَا
لكل فن دفتر * منقط محبر
ففرقت اجناسا * وعلموها الناسا
الجيل الرفيقه * والفتن الدقيقه
فارشدوا الضلالا * وعلتوا الجهالا
سوى المحبين فكم * يرعوا لهم حق الذم
في علم ما قد جهلوا * وما به قد اسلوا

قد غلقت رهوبهم * واستعبرت عيونهم
وحالفوا السهادا * وخالفوا السرقادا
قليلهم طويل * ونومهم قليل
ابدانهم نحيله * متعبة عليه
نفوسهم حزينة * مسعوفة رهينه
ظاهره عمومهم * باطنه كَلَّومهم
باكية عيونهم * قريحة جفونهم
ان ظلموا لم يظلموا * وان شكوا لم يرحموا
اجابهم في لعب * وفي دوام الطرب
ما فيه الوانهم * ضاحكة اسنانهم
قد سكنوا القصورا * وقارنوا السرورا
تفرغوا للهجر * والنوى والغدر
يعاشق بهواهم * بالله ما أقسامهم

v.

sic

فاذا اوقعتها فهي حروط وضروط
وقال يهجوا

قد راينا حسن ساباطك والدار الطويلة
وعلمنا ان فيها كلما يلقي القبيلة
غير ان الحن لا يحسن في حزل حبله
حدثني الصولي قال حدثني عون قال مدح حمدان بن ابان بن عبد
الحيد بن ابان ابراهيم بن رياح فلم يثبه فقال لا اعطى والله زوج
حسنوية العاهرة على مدحه ثوابا فقال يهجوهُ

يا ابن رياح انت في صورة تورث من دب وخزيره
مازلت ترعى بين اعفاجها ملاح مخمور ومخموره
حتى بدا رأسك من فرجها شبه فتجا رأس ستوره
من قحبة قوادة لم تزل معروفة بالسحق مشهوره
كان نبت الشعر حول استها ذرابزين حول مقصوره

وقال ايضا

انت يا عمران جعس بعضه رطب ويابس
يضحك الناس وانت الدهر من بعضك عابس
تدعى اموال قارون وانت الدهر سانس
ابدا تملو وتعلو وراجل طوراً وفارس
كيف ما كنت فبئس التي ملبوس ولابس

وقال ايضا

وابائي من رزقها ليلة وقد خلى من بيضه الشهر
فلم ازل اشرب من ريقها ما لا يدرى طيبة الخمر
وقلت والليل لحظر المنى عشاوة يبيعه الفجر
نوى عن البدر وعن غرة الشمس وانت الشمس والبدر

وقال ايضا

احباب قلبي كم يكون القلى اما لكم عن ذلك اقصار

؟ وا بآبي

in Agh. XX, 77: 1 si-
milis versus patri
adscribitur.

v.

فقلت يا زرقاء دلست لي وانت في منع وفي سيب
فسابه قد حرفت منحري بالقسو من كم ومن حيب
قالت وهل تنكر الا الذي لست اراه لي بالعيب
كذلك يلقي كل عبده لا تك في ذلك من ريب

وروى محمد بن ابي داود عن ابي العينا قال حدثني ابوسبل البرجمي قال اشدني
حمدان بن ابان لنفسه يهجو وليدا الزامر وكانت بنته حسويه
تحت

يا وليد الزامر الزاني وابن الزانيين * يا ابا قرّة عيني ويا سخته عيني
انت والله من الاحثان شين غير زين * قدر الله لها منك ولي عاجل بين
وقال وقد انكر على امرأته شيئا يخاطبها

تعالى لا تلتط ولا تلطى وتكشف ما تريد ولا نطى
على الى امط اذا افترقنا فثأنتك عند فرقنا فمطى

قال واهل البصرة يشدون له الا المبرّد فانه يشد لغيره
يلاحظها ظرفي فتومي بظرفها وتخبر عما في الضمير من الود
فان فطن الواشون صدت واعرضت وان عقلت قالوا تراك عن الود
وقال في ظل مغنية كانت لبعض الحول

يا ظل ما ابصرت احلى ولا املح من وجهك باطل
لا سيما ساعة ودعتنا والدمع من عينيك منهل
فقدت مولاك الذي وجهه ينصح فيه أبداً خل

وكان غضب على امرأته ثم ردها فليم في ذلك فقال
ان تكن قرّة عيني اسقطت في الناس سقطه
او تكن مرت بزهد فلقد جاءت بعطه
والميزي له كانت على المنبر شرطه
ثم قد اصبح ما بعد له صاحب شرطه
وقال يهجو مغنيه

فرحها دون بشوط وهي من حلف ظروف

والصوم في المنفعة ان لم يجد * هديا وكان بالصيام تقتدى
 صيام ايام موصلات * ثلاثة في الحج مفردات
 وبعد ما يرجع صوم سبعة * عشرة كاملة في المتعة
 اما الثلاثة التي في الحج * فكان من ادركت من صحح
 او غيره ممن يرى ان يرويه * يقول يوما قبل يوم الترويه
 ويومها وصوم يوم عرفة * مؤتلفات الصوم لا مختلفه
 قالوا وان احب ان يفرقا * فذاك ما ليس عليه ضيقا
 ان كان ذاك الصوم منه بعدما * يكون في عمرته قد أحرمنا
 ولو أراد الصوم في شوال * من بعد ان يوجب بالهلال
 عمرته لكان ذاك مجريا * بذاك يفتى من اتى مستفتيا
 وهي طويلة جدًا

اخبار حمدان بن ابان بن عبد

الحميد بن ابان ومختار من شعره

قال ابو بكر الصولي حدثني محمد بن زياد قال كانت في عبد الصمد
 بن المعذل عريضة اذا سكر فعربد يوما في مجلس فيه حمدان
 بن ابان بن عبد الحميد بن ابان وكان ايتدا فقال لهم كلوه
 الى وحدي واخذه وكتفه وجعله في بيت واغلق
 بابه وقال اذا اصبحتم فاطلقوه وانصرف فبلغه ان
 عبد الصمد حلف ليهجونه سنة فقال حمدان
 يهجوهم *

قل لعبد الصمد الاحق لا يفضب عليه . وعلى امك فاغضب واكوها في الهزلية
 امك العقلا جابني بسلمى ورقية . وهي ساق ليلة فاطمة اخرى آيه

ففضينا فيهم الحق وقلبنا السوية

وقال يهجوهم ويذكر جدته المعروفة بالزرقاء

لم تخل زرقا من العيب في والموت في عيب

جاء ببعزأ صمانية في حجرها نبذ من الشيب

ببعض والاحسان فيها قليل فقد اضربتن ذكرها والاختيار
منهما وفيما حكيناه مما ذكرناه منها غنا وكفاية حدثنا محمد بن
سعيد قال حدثني علي بن محمد النوفلي قال لما عمل ابان كتاب كليله
ودمنة شعرا في قصيدته المزروجة اعطاه البرامكة على
ذلك ما لا عظيما فليل له بعد ذلك الا تعمل شعرا في الزهد فعمل قصيدة
مزروجة في الصيام والزكاة نواصم بها تلك وقد وجدت هذه القصيدة
وترجمتها .

قصيدة الصيام والزكاة * نقل ابان من قم الرواة

قال ابان بن عبد الحميد اللاحقي

هذا كتاب الصوم وهو جامع * لكل ما قامت به الشرائع
من ذلك المنزل في القرآن * فضلا على من كان ذا بيان
ومنه ما جاء عن النبي * من عهد المتبع المرضي
صلى الاله وعليه سلما * كما هدى الله به وعلمنا

وبعضه على اختلاف الناس * من اثر ماض ومن قياس
والجامع الذي اليه صاروا * رأى ابي يوسف مما اختاروا
قال ابو يوسف اما المقترض * فرمضان صومه اذا عرض
والصوم في كفارة الايمان * من حنث ما يجرى على اللسان
ومعه الحج وفي الطهار * الصوم لا يدفع بالانكار
وخطا القتل وحلق المحرم * لراسه فيه الصيام فافهم
فرمضان شهره معروف * وصومه مقترض موطوف
والصوم في الطهار ان لم يقدر * مظاهرا يوما على محرر
والقتل ان لم يك عمدا قتله * فان ذلك في الصيام مثله
شهران في العدة كاملان * متصلان لا مفرقان
والحنث في رواية مقبولة * ثلثه ايامها موصولة
ومثلها في العدة الأيام * للمحرم الحالق في الاحرام
ثلثه يصومها ان حلقا * لا باس ان بايعها او فرقا

v.

الرجل العاقل من لا يسكره • بكاس حمو واقتدار بطره
 فالحيل الثابت فى اصوله • لا يقدر الريح على حويله
 والناقص العقل الذى لا رأى له • يطغى اذا ما نال ادنى منزله
 مثل الحشيش ايمارىح جرت • ماتت به فاقبلت وادبرت
 الاهل والاخوان والاعوان • عند ذوى الاموال حيث كانوا
 والمال هادى الرأى والمرؤه • وهو على كل الامور قوه
 والمال فيه العز والجمال • والنذل حيث لا يلون المال
 وربما دعا الفقير فقره • الى التى يحبط فيها اجره
 فيخسر الدين كما كان خسر • دنياه والخسران ما لا يجبر
 وليس من شى يلون مدحا • لذى الغنى الا تكون برحا
 على الفقير وتكون ذمما • كذاك يدعى وبه يسمى
 فان يكن بجدا يقولو الهوج • كذاك عند الحرب لا يعرج
 وهو اذا كان جوادا سيد • سمي للفقر مضيعا مفسدا

v.

او يك ذا حلم ثقل ضعيف • او يك بسا ما يقل سخيف
 الرجل العاقل فيما يسدى • مقتبضا لكسبه للحمد
 لانه باع قليلا فانيا • واعتاض من ذلك كثيرا باقيا
 فاغبط الناس الكبير نايله • ومدرك النجح لديه سايله
 فلا تعدن ذا غنى غنيا • حتى يكون ماجدا سريا
 واعلم بان الملك المشاورا • ذا العقل فيما سابه الموازرا
 فانه يعضد التاييد • يعنى به عن كثرة الجنود
 والتابع الحازم امر الحرمه • النصحا غير اهل التهمه
 يزداد حرما بهم ورشدا • زيادة البحر اذا ما مدا
 بما يصب فيه من انهاره • حتى يهيج المرج من تياره
 والموت من مات كريما صابرا • خيرا من العيش ذليلا صاغرا
 قال ابو بكر والله ما ادري لاما اخترت ولا ما تركت ولو علمت حقيقة
 هذه القصيدة ما ضمنت لانها قصص لا يحس بعضها الآ

من باب الأسد والثور

وان من كان دنى النفس • يرضى من الرفع بالاخس
 كمثل الكلب السقى البأس • يفرح بالعظم العتيق اليابس
 وان اهل الفضل لا يرضيهم • شىء اذا ما كان لا يعينهم
 كالاسد الذى يصيد الارنب • ثم للغير المجد هربا
 فيرسل الارنب من اظفاره • وتتبع العير على ادباره
 والكلب من دقته يرضيه • بلقمة يقذفها في فيه
 فمن يعيش ما عاش غير خامل • له سرور دائم ونائل
 فهو وان كان قصير العمر • اطول عمرا من حليف امر
 ومن بعش في وحشة وضيق • وقله المعروف في الصديق
 فهو وان عمر طول دهره • ليس بمغبوط بطول عمره
 وقيل ايضا انه قد ينبغى • للرجل الفاضل فما يتبغى
 الآ يرى الا مع الاملاك • او يعبد الله مع النساء

كالفيل لا يصلح الا مركبا • لملك او داعيا مسيبا
 قال له السبع لقد سمعت • وكل ما تقول قد فهمت
 لكننى لست اظن ما تظن • بالثور من غش بلى ظنى حسن
 قال له دمنه من ثم اتى • وهذه من حاله هى التى
 رفعته حتى تعدى طوره • وكان هذا لك منه شكره
 وتلك اخلاق اللئيم الفاجر • الكافر المغرور غير الشكر
 ما ان يزال ناصحا نفاعا • حتى يرى من حاله ارتفاعا
 فعندها سموا الى ما فوقها • الى التى لا يستطيع اوقها
 وربما كان هلاك الشجر • فى حسن الفصن وطيب الثمر
 وذنب الطاووس فهو زينه • كذاك احيانا وفيه حينه
 وباذل النصح لمن لم يشكره • كطارح فى سبع ما يبذره
 لا خير للعاقل فى دى المنظرة • ان هو لم تحمده عنك المخبره
 وليس فى الصديق ذى الصفا • خيرا اذا لم يك ذاوفا

(Ghaff.) ؟ فيما

v.

non distincte; for-
siran

فيه دلالات وفيه رشد . وهو كتاب وضعته الهند
 فوصفوا اداب كل عالم . حكاية عن السنن البهايعم
 فالحكماء يعرفون فضله . والسخفا يستهون هزله
 وهو على ذلك يسير الحفظ . لا على اللسان عند اللفظ
 يا نفس لا تشاركى الجهالا . في حب مذموم كان قد زالا
 يا نفس لا يشتقى ولا تعنى . في طلب الدنيا ولا تمنى
 ما لم ينله احد الاندم . اذا تولى ذلك عنه وسدم
 دنياك بالاحباب والاخوان . كثيرة الآلام والاحزان
 وهى ان نيل بها السرور . آفاتها وغمها كثير
 يا نفس لا تحملك حب اهلك . ولا ادانك على ان تهلكى
 في جمع ما يرضيهم فانه . يضرب من امثال ذلك الدحينه
 ببال قوم عرفها وتحترق . داي به يرضى اخو الراى الحق
 وجدت ذا النسق الذى قد فكرا . فزاده تفكيره توقرا

v.

وقل لما رضى اهتمامه . وتسم من سروره تمامه
 وترك الدنيا لمن يشفى بها . ومن يقاسى الكدم انصابها
 فعندها نجا من الشرور . ونال اقصى غاية السرور
 ثم سخت عن كل فان نفسه . فلقى السعد وغاب نحسه
 وابصر الثواب فى القيامة . فامن الحسرة والندامة
 ومثل الدنيا كبرق الخلب . من يقرر منه يسقي يكذب
 وهو قياسا مثل نوم النائم . يفرحه اضغاث حلم الحالم
 حتى اذا استيقظ صار هتما . ما كان فى النوم والما
 فكيف بالصبر على ايام . عما قليل هن لانصرام
 وكيف والدنيا بلا كلها . لا يائمن الآفات فيها أهلا
 أشهد أن الله فردا واحدا . اقر وانكر ذلك جاحد
 ليس له كفؤ ولا نذ احد . لم يلد الله لا له ولد
 وانى بما عملت مرتهن . ما كان منه من قبيح وحسن

كم من تريد لابي مسلم جاء على الطي بطومار
 في سب لو تم افضى الى داهية دهياً مذكار
 فرده عزم امرى حاذم صلب القوى ليس بجوار
 ناه عن المنكر يبغى به الله وبالمعروف امار
 وفي ولاء الحرج اذ عاندوا اعذر منهم اى اعذار
 فانزل الله به منهم اخيارُ عمال باشرار
 كان المرجى لعدو اذا أبرّ والمدرك بالشار
 انى وان اكرت في ذكره يقل عمّا فيه اكبارى
 وقولنا اذ نزلت هذه بحسن تسليم واقرار
 انا لله وانا له رب الانام الخالق البارى
 ورحمة الله ورضوانه على ابن عبدالله سوار

قال ابو بكر وهى قصيدة طويلة جئت بهذا منها وزعموا انه لم يرث قاض
 احسن منها * وجدت بخط الكرانى انشدنى ابان لجدّه هم

v.

سعدتما ما بقيتما ابدا وتم في غبطة سروركما
 خيرنى الباهلى انكما عاديتما بكرة صبوحكمما
 فارتاح قلبى الى حديثكما لما استوى منكما اجتماعكما
 ان كان شوقا كما الى كما وصفت من صبوتى انكما
 وكتب اليهما مرة اخرى

بعثت برقتى شوقا اليكم فلم يك منكم رجل يجيب
 فما زالت تسكنى سلىمى ببيت قاله رجلاً لبيب
 فان يك صدر هذا اليوم وتى فان غداً لناظره قريب
 وهذا يومنا لذّ فعيشوا بما اعطيتم منه وطيبوا

(Ghaff.) تسكننى ؟

مختار شعر ابان من قصائده

المزودجات * قال في قصيدته التى نقل بها كليله ودمنه
 هذا كتاب كذب ومحنة ، وهه الذى يدعى كليل دمه ،

sic! Aliter Agh. XX,
73: 11

قد طال في أيديهم أسرها وكان يفديها بقَطَّار
 وخَائِفِ أَمِنْ مِنْ بَعْدِ مَا ضَاقَتْ بِهِ أَفَاقُ اقْطَارِ
 كَمْ حَقَّ اِبْرَارٍ وَمَا يَرْتَجَى خَلَصَ مِنْ اظْفَارِ جِبَارِ
 وَظَالِمِ نَكَبٍ عَنِ قَصْدِهِ رَدَّ بِاقْمَاءٍ وَاصْفَارِ
 لَيْسَ بِخِلَافِ لَوَايِ وَآلٍ وَلَيْسَ فِي الْعَهْدِ بِخِتَارِ
 وَلَمْ يَكُنْ تَزْرَأُ بَكِيًّا وَلَا كَانَ إِذَا قَالَ بِمَهْدَارِ
 وَالْجُودِ مَطْبُوعٍ عَلَيْهِ فَمَا يَمْسُكُ مَالًا خَوْفِ اقْتَارِ
 سِيَانٍ فِي الْبِحَقِّ إِذَا مَا عَرَا حَالَهُ فِي عَسْرِ وَايْسَارِ
 مِنْ لِلْيَتَامَى كَانَ يُعْتَادُهُمْ مِنْهُ بِاِكْرَامِ وَايْثَارِ
 وَالْفَارِمِ الْمَحْتَاجِ وَالْمَبْتَلَى وَالضَّيْفِ وَالْمَسْكِينِ وَالْجَارِ
 كَانَ لَهُمْ حَصْنًا حَصِينًا إِذَا سَمَاؤُهُمْ ضَنْتَ بِامْطَارِ
 كَمْ قَدْ شَرَى لِلَّهِ مِنْ مَرَّةٍ نَفْسًا دَعَاهُ اللَّهُ مِنْ شَارِ
 عَلَى سَبِيلِ الْحَقِّ لَا بَدْعَةَ يَزْدِي عَلَى مُحَدَّثِهَا الزَّارِي
 فَمَرَّةٌ مِنْهَا وَتِلْكَ الَّتِي طَائِفٌ لِأَفْئَاتِ وَأَمْصَارِ
 فِي مَشْرَبِ الْمَصْرِ وَقَدْ كَادَهُ قَوْمٌ بِأَفْسَادِ وَاضْرَارِ
 لِيُصْلِحَ الْمَاءَ عَلَى أَهْلِهِ مِنْ شَرِبَ نَهْرٌ لَا كَابْهَارِ
 لَمَّا رَأَى الْوَفْدَ وَادْنَاهُمْ أَكْبَرَ ذَاكُمْ أَيُّ الْاِكْبَارِ
 وَقَامَ بِالْحَقِّ الَّذِي قَدْ رَأَى مَقَامَ جَهْرٍ غَيْرِ اسْرَارِ
 فِي مَوْطِنٍ تَرَجَّفَ مِنْهُ الْحَشَا مَخَافَةَ مِنْ سَوْجِبَارِ
 وَمَرَّةٌ أُخْرَى وَتِلْكَ الَّتِي خَاطَرَ فِيهَا أَيُّ اِخْطَارِ
 فِي سَاكِنِ الْبَحْرِ إِذْ طَوَّلِبُوا بِهِ مِنْ مِنْهَا وَاؤْتَارِ
 فَسَارَ حَتَّى حَلَّ فِي دَارِهِمْ أَبْنَاءَ حَرْبٍ غَيْرِ اِعْمَارِ
 فَاسْتَقْدَّ اللَّهُ بِهِ سُنْمَهُمْ مُحْكَمٍ وَالِ غَيْرِ جَوَّارِ
 وَفِي النَّبِيِّ انْقَدَ مِنْ حُكْمِهِ إِذْ وَضَحَ الْحَقُّ لِمُخْتَارِ
 عَيْنِي إِمَامٍ سَوْطِهِ سَيْفُهُ لَيْسَ إِذَا هُمْ بِنِظَّارِ
 فَيَجِدُ فِي اللَّهِ مِنْ دُونِهِ بَلْ أَحْكَمَ الْحَكْمَ بِاِمْرَارِ

وحق للباكي عليه البكا ما طرفت عين باشفار
 وما دعت ورقاً راد الضحى في ايكة حفت باشجار
 وما جرت ادم الفيا في وما لاح سراب المربة الجارى
 كاننا يوم فقدناه لم نمس باسماع وابصار
 امام عدل فاضل قائل يجلو دجي الشك بانوار
 كانت وجوه الحق قد اسفرت فاطلمت من بعد اسفاً
 و آذان البشر باقتاله وآذان الخير بادبار
 وعناث اهل البغي لما راى اهل الهنى قله انصار
 ومرّ دهر كان محلوليا وعاد ممزوجا با مرار
 وكان سوار الى مده يجرى الى الحق بمقدار
 لما نقصت واتى يومه عاد عليه الباسل الضارى
 دهر على امثاله طال ما انجى بانياب واطفار
 اذا انتحى جبار ملك اتى من دون حجاب واستار
 يا بعد سوار وان لم يكن اصبح منا نازح الدار
 وكيف لا تبعد من فوقه صفايح الترب واحجار
 في حفرة حبل بها وحده موحشة ضيقة الغار
 مكن فيها بيته حافر بمنسف طوراً ومحفار
 قد ودع الدنيا وسكانها واعتاض اجواراً باجوار
 لا يسمعون الصوت اما دعوا ولا يهشون لزوار
 سفي الرياح الترب من فوقهم سجا باقبال وادبار
 وان يكن مات قلما يمت طيب ثنا منه واخبار
 وسنن الدين الذى سنها خلف منها خير اثار
 لا تبرح السالك منهاجا منها بخير ما سرى السارى
 كم مسلم انقد من عصبة يسجد للصليان كفار
 يدعى الى الكفر فان عاقبه دان باكره واجبار
 وحاصن يفتر عن دينها يتلى بعين دمعها جارى

؟ باقباله (Ghaff.)

v.

وليل ان اظلم ليل بها وصبحها ان آن اسفارها
 معتدل سوي تقديره اذ غيره خولف اقدارها
 نسيمه اطيب من مسكة اذكى بها المحجر عطارها
 لا الموطن الناوي بها يتغى دارا ولا تساق زوارها
 فيها هلالى كلها معجب يشغل فيها الطرف نظارها
 منها رهان الخيل ان ارسلت في حلبة يشهر مضارها
 فلو تراها حين تجرى معا كان لمع البرق واحضارها
 رايت ما لم ترشبا له مذشق للاعين ابصارها
 وطرد الصيد فما ان ندى طبأوها عقري واعيارها
 والعود والصنح بها معمل والطبل ان شئت ومزمارها
 فالحسن قد فاز بتفضيله نساؤها العون وابكارها
 ناعمة الاحشاء ممكورة كان لين الزف انشارها
 ولو ترى والى احكامها لقلت بالبصرة سوارها

حلماً وعلماً غاربا جهله وسيرة جلبها عارها
 يهون في الحق عليه اذ عانذك الاشراف اصغارها
 سيان في الحق اذا ما بدأ ساكنها الاذنى وختيارها
 وحبذا لحبشان من اهلها عنها الغزوامضارها
 يحسن في العشرة اخلاقها وفي الندى تعظم اخطارها
 في الحق لو قدم تفصيلها ان فصلت للناس امضارها
 وخصلة خصت بها انه خير بنى الكفار كفارها
 اوفاهم في عهدهم ذمة ان ضيع الذمة عذارها
 لو قيل لى اختر لانال جهد اكنت اختارها

وقيل يرثى سواً بن عبدالله القاضى بالبصرة

نشر نومي الخبر السارى اذ صرح النعى بسوار
 هتديته ركني واآض الحشا كأنما سعر بالنار
 يا عين فابكيه ولا تقصرى فليس هذا حين اقصار

يقصره بمجلسها فتاة تشبه صورة القمر المنير
 كان التاج معصوب برأسي احيا فوق الواح السرير
 اذا خلت اناملها وعلت الم تررع بمنزلة ودور
 رايت العيش جمعة لك اذا تمت كفتك من السرور
 طبيع الشمس لم يسفه نار ولم يعبق به وضر القدور
 وجاريتان يوقع ذى بطبل وتحسن تيك مثنى وزير
 واشكال من الفتيان صمت خلايقهم على كرم وخير
 يفدى بعضهم بعضا اذا ما تمشت فيهم كاس المدير

مختار شعر ابان في المدح وغيره

قال يصف مدينة فسا وأصلهم منها في قصيدة طويلة مدح قاضيها
 يا حبذا فسا ويا طيبها صرتها العليا واقطارها
 اذا البلاد اغبر افاقها وجال بالحاصب اعصارها

وئس العود وجف الثرى وقيل هذا العام افتارها
 زادت على ذلك بدى تربة واشرقت للعين انوارها
 والقيظ ان صرت على قبظها اذا كسى الاوراق اشجارها
 اذا سرى الماء الى عوده واطردت تستن انهارها
 واخرجت زينتها ارضها وسم في البهجة انضارها
 رايت عيشا لم ترمثله ما طرفت في الاعين اشفارها
 فيها لاهل الدين

ذاك الدنيا وابنائها منزلة يسعد عتارها
 ما اشتهت الانفس اذ لذت الاعين او نالت افكارها
 صردية حريه ايما شاء فقد وافق مختارها
 ان هبت الريح مساء بها لم يجد القربها جارها
 اوركدت في القيظ لم تؤذه من لتق العلة اقدارها
 فالحر والقر وفصلاهما يلذه اباوى وسفارها

v.

sic.

في العزل كما تقول في ابي نواس قال فابو نواس لم ينقل الكتب بشعر
كما نقلت وانما اعمل الشعر فيما ينفعني وقال ابان

صرمتك بعد وصالها وسيمت طول مطالها
ورمت فلم تحظ فؤادك مرشقات نبالها
لما رات ككفى بها منعت قليل نوالها
ولها ما ارضى به واراها من اجمالها
انس الحديث وقبلة اشفى الصدا بزلالها
فاذا اردت عتابها الجمت من اجلالها
فكر الفؤاد بها وهم النفس من بلالها
اما النهار فلا تخف العين من ديمالها
وايتت متحى الهموم اخوض في اهوالها
وكان ناظر مقلتي وقف على ثمالها
وبئيت فارغة الهوى ما ان خطرت ببالها

لو خيرت من خلقها لم تعد فضل كمالها
ما الشباب بحدتها والحسن في سر بالها
فالموت ان هي ادبرت والعيش في اقبالها

قال الصولي وانشدنا المبرد لعبد الصمد يقولها في غلام من اولاد الجند
مت من حبه وبغض ابيه فقال لنا اول من نطق بهذا
ابان اللاحق فان كان حب جارية للهديل اسمها مديحة وكان الهديل
يعين عليها فاذا علم ان ابانا في مكان لم يوجه بها اليه فقال ابان
اني اراي سوف اصبح ميتا اولا ساصبح ثم لا امسى
من حب جارية الهديل وبغضه وكلاهما قاض على نفسي
فكلاهما اشفى به سُقمي واذا تكلم عادلى بكسي

وقال من أبيات

لئن حبس المشيب عنان لهوي وبقي لي قليل من كثير
فكلم من ليلة قصرت وطابت ومن يوم لهوت به قصير

قلت للجوارى قد طولت اتعابى مالى وللشعر والقرآن اولى بى
 مالى وللشعر لولا تكلفنى وقد مضت حقبلى بعد احقاب
 وهذه قصيدة له له فيها مدح وهجاء رحمته حدثنى محمد بن سعيد قال
 حدثنى عيسى بن اسماعيل قال كنا فى مجلس ابى زيد فذكروا ابان بن
 عبد الحميد فقالوا كان كافرا فقال ابو زيد وغضب كان جارئى
 فما فقدت قراته فى ليلة قط رحمته وقال غير ابى زيد كان ابان
 ينصرف من دور البرامكة فينام لعله ما شرب ثم ينتبه
 فيصلى حتى يصبح وهو القائل حين اراد الرشيد ان يجعل بعض الصدقات
 البصرة صياح البصرة خواجا واجتمعوا اليه وسألوه ان يعمل آياتا
 الى يحيى بن خالد فقال

اشهد ان لا اله الا . الهنا الخالق الكبير
 محمد عبده رسول جاء بحق عليه نور
 وان هارون خير وال فى العدل ما ان له نظير

خليفة الله قد رضينا ما سار فينا ويسير
 فانه خير ما امام وان يحيى له وزير
 ابا على اليك يشكو ظلما عرانا به معير
 تزعم اموالنا خراجا وهى كما لم يزل عشور
 وشرطنا ان كل محى فهمى له ملكها يصير
 حكم نبي الهدى اتينا سنته وهو لا يجور

حدثنا الغلابى قال حدثنا مهدي بن سابق قال كان ابان بن عبد
 الحميد اللاحقى جاراً الى وكان باطنه خيرا من ظاهره وكان يصلى
 بالليل وقلب ليحيى كتاب كليله ودمنه فاعطاهم مائة الف درهم
 وعمل له كتاب المنطق بشعر وادب ابن المقفع بشعر رحمته

الغزل لابان وهو قليل جداً

حدثنا محمد بن على الماوردى قال حدثنا الجاحظ قال قيل لابان قل

(cf. Agh. XX, 78).

inde deest in Agh.

v.

ثلثة انجم افلوا جميعا درارى يضى* دجى الظلام
وعاش مدمم لفساد دهر خؤون العهد يلعب بالانام
يريد الشئى* يجرى فيه حرف فجعل طوله شهر الصيام
صواب القول اجاز بليغ واعيا الفى اكنار الكلام
كذلك الخيل يبقى الدون منها فاما السابقات فللجمام

(Ghaff.) ايجاز ?

cf. Agh. XX, 78.

sic!

حدثنا محمد بن سعيد قال حدثني عيسى بن اسماعيل قال جلس ابان اللاحق
ليلة فلب المفيدة وقال يقدرح في الانساب ولا نسب له فم من خضره
الى ابى عبيدة فجلس في مجلسه وقال لقد اعقل السلطان كل شئ*
حتى اعقل اخذ الجزية من ابان اللاحق واهله وهذه منازلهم فيها
اسفار التوراة وليس فيها مصحف واوضح الادلة على تهودهم
ان اكثرهم يدعى حفظ التوراة ولا يحفظ من القرآن ما يصلى به
فبلغ ذلك ابانا فقال

لا تتمن عن صادق حديثا واستعد من سر النمام

واخفض الصوت ان نطقت بديل والتقت بالنهار قبل الكلام

قال ابو بكر وجدت بخط ابى على الكرائى انشدنى ابو عبد الله محمد بن
زياد اليؤيو لابان من ابياث

sic.

هذا اوان الصرم فاذهب عليك العفا من صاحب وخليط
قطعتك فاقطعنى فغاية وصلنا اذا كان من مروايب نشيط
قال هذا مولى لعبيد الله بن زياد خانه فى شئ* وهرب الى مرو فجعل اهل
البصرة يقولون فى امثالهم يرجع بسط من مرو

deest in Agh.

ما روي في صحة دين ابان

قال ابو بكر حدثني محمد بن الرياشى قال ذكر ابان اللاحق عند ابى فطمن رجل
على دينه فود عليه ابى وقال حدثني ابن عائشة وحسبك به انه ما اخذ
على شئ من دينه قط مع كثرة قراءة القرآن وصدقته
شئ انشدنى ابى له

قال ابو بكر ولا بان خبر مع العتبي انا اتى به بعقب هلا * حدثني
 ابو ذكوان عن النورى قال صحف الفيض بن عبد الحميد في حلقه يونس
 بن حبيب وانشد بيت ذى الاصبع العدواني *
 عذير الحى من عدوان كانوا حته الارض
 قال الفيض حنه الارض فقال حلف الاحمر يهجو
 لنا صاحب مولع بالحلاف كثير الخطا قليل الصواب
 اشد لحاحا من الخنفسا واذهى اذا ما مشى من غراب
 اذا ذكروا عنده عالما رنا حدا اورماه بعاب
 وليس من العلم فى كفه اذا ذكر العلم غير التراب
 اصاليل جمعها شوكر واخرى مولد لابن باب
 فزاد ابان على ابياته وذكر تصحيحا لابي العتبي وقد ذكر رجلا
 فقال مضى انا الضيم وانما هو يابى الضيم فقال ابان
 فلو كان ما قد روى عنهما سماعا ولكنه من كتاب
 راي احرفا فاشبهت فى آهجا سوا اذا عدها فى الحساب
 فقال ابي الضيم بكى اباولست اتى وانما هوا آب
 وفى يوم صقين تصحيحه واخرى له فى حديث الكلاب
 وتصحيحه فيض بن عبد الحميد فى حنه الارض او فى الدياب
 وعالى بذلك فى صوته كمعمعة الرعد بين السحاب
 حدثنا البلقى عن ابن حاتم قال سمع ابان رجلا يقول شر الدواب بقى
 على الارى فقال
 رايت الموت اعرض عن حميد والعي داهرا تحت التراب
 وفوه الحيل هالكة وسقى على اريه شر الدواب
 قال الصولى ثم رجعت بخط الكرأتى انشدنى ابو على بن عمارة شيخ
 من آل ابي عمرو بن العلاء لان اللاحق مذكر هذين البيتين ثم قال
 وانشدنى ايضا فى المعنى
 مضى انس وقفاه حسين ومات اخوهما عبد السلام

sic, nomen حلف sine puncto.

v.

Littera s in ultima voce
 paginae clare non legitur.

حمدان بن ابان ومعه تاتب وكان ابوه ينهاه عن مجون اشعاره فلا يقبل
فكان ذلك سبب قول ابي نواس

نادمت يوما ابانا لا درّ درّ ابان

فجا بايات قدي ذكرناها قال الحسين فاجابه حمدان بن ابان

ابو نواس ابن هاني وامه حليان

وقد روينا هذه الايات لابان ورواها الحسين عن شاعر حمدان

ابن ابان وقال فلما انشده اباه ابانا

ان زدت شيئا على ذا ما عشت فاقطع لساني

قال له ابان ليس يزيد فلا ترد انت حدثنا ابو ذكوان عن ابراهيم

ابو سفيان الزبدي ان غلاما يهوديا كان يقال له هिला وكان يجالس

ابا العتبي عبيدالله وكان احسن الناس وجها وابوه من مياسير

يهود البصرة فمات فوجد به العتبي وجدا شديدا و بكاه ورثاه

فقال له ابان واشدني بيتين من شعر ابان ثم دفع الي وانا بواسط

v.

ابوطالب الانباري كتابا با بخط ابي علي الكراني وكان قد سمع منه وانا

اعرف الناس به لان وكيعا اخرج الي منه شيئا كثيرا اخذه من الكراني

انشدني عبد الرحمن بن عبد الواحد ابو علي العميري لان اللاحق فهجوا

ابا العتبي

الاقل لعبيدالله ما بالك لا تسلا اهكذا كله فرط اسى منك على هिला

وقد صاروا من النار الي اطباقتها السفلى تبكيه وترثيه بكاء الواله التلحي

لقد املى لك الله فلا يفررك ما املى

وقد احسن اذ ابلاك فاشكر حق ما ابلى كافي بك قد خلعت دنياك كما خلا

فلا اخرة بلت ولم تبق لك الا ولى وقد خيرت فاخترت صديقا مثله يقلا

شبيها بك في القدر وفي كفر الذي تولى

وقد حدثني عنه وما كذبه يعلى وعن قنطرة الشط حديثا غيره احلا

يقول العبد في الكندوج يا مولاي ذا احلى فما ادري وقدعا بابه الهما الاعلى

كان العبد من فوق ام الفوق هو المولى لقد عمهما اللعن فاولى لهما اولى

(cf. Agh. XX, 73).

inde abest in Agh.

في كل هذا عنى يونس الكاتب * ومنها
يا زينب الحسناء يا زينب، يا اكرم الناس اذا تنسب
ومنها

انما زينب الهوى وهى الهمَّ والمنى، ومنها
زينبى راعى وصالى واسمعى منى مقالى، وقول ابان
يوم تبدي لنا قبيلة عن حبيد اسيل ترينه الاطواق
الغنا فيه لمعد وقول ابان واقلى ضوءً برق يرتد قول الاحوص
ضوءً برق بدا لعيتك ام سبت بنى الاثل من سلامة نارُ
الغنا فيه لمعد وقول ابان عفا مرح اراد قول الاحوص ايض
عفا مزج الى لصق الى الهضبات من هكر

إلفاً لما لك بن السطح * حدثنى المبرد قال حدثنى ابي ائله وان
كان ابان بن عبد الحميد اللاحق يتولع بابن منذر الصيرى من بنى صبير
بن بربوع بن حنظله بن مالك بن زيد مائة بن تميم ويقول له اذا مت
فلا ترثينى يعرض به بانه لا يجيد الشعر الا فى المراثى فقال ابو منذر
يهجوه

عنج ابان ولين منطقته يخبر الناس انه حلقي
دا به تعرفون كلكم يا ال عبد الحميد فى الأفق
قد بلبث الشيخ منكم حقبا بين ابين ولذغه الحرق
حتى اذا ما السماء جلله كان اطنأؤه على الطرق
ففرجوا عنه بعض كربتة بمسيطر مطوق العتق

وهجاه بمثل هذا القصار فامسك عنه ابان ثم شعر بينهما واصطلحا
حدثنا الحسين بن على المهرى قال حدثنى شكر بن عبد الله بن عبد الحميد
ابن لاحق قال الحسين وكان لاحق محدثا فاما البشر بن الفضل بن
لاحق فمحدث حليل روى عن ابن شبرمة وعن غيره فاما شاعر
فان يحيى بن خالد قد جعل ابان بن عبد الحميد على الشعر يعرضون عليه اشعا
رهم
فما رضيه آفته وما لم يرضه اسقطه وكان ابو نواس طير

var. in Agh. XX, 77
(ubi isnād discrep.).

v.

(Agh. XX, 77).

hic versus deest in
Agh. XX, 77.

inde abest in Agh.

cf. Agh. XX, 76
(brevius).

يا جاهلا فوت بجل تريد في تمرانه ، طوبى لصاحب نخل خربت في بستانه
حدثنا محمد بن سعد قال حدثنا عيسى بن اسماعيل بن عبد الله بن محمد بن عثمان
ابن لاحق قال اولم محمد بن خالد فدعا ابان بن عبد الحميد وسهم بن عبد الحميد
وعبيد الله بن عمر والعبتي والحكم بن قنبر فاحتبس عنهم الغدا
فجاء محمد بن خالد فوقف على الباب وقال لكم حاجة يمازحهم
فقال ابان

حاجتنا عجل علينا بها من الحشاوى كل طردين
فقال ابن قنبر

ومن خبيص قد حكت عاشقا صفرته زين تبلوين
فقال سهم

sic.

واتبعوا ذاك يا الله فانكم اصحاب ابين
فقال عبد الله

دعنا من الشعر واوصافه واعجل علينا بالاخاوين

v.

abest in Agh. XX
(sunt pauca in
Agh. IV, 118).

فاحضر الغدا وخلع عليهم ووصلهم . حدثنا محمد بن سعيد قال
حدثني حماد بن اسحاق قال سالت اسحاق عن قصيدة ابان اللاحق
ومعنى قوله فيها

واقلى ضوء برق مثل ما اقلى عفا برح ، وابغض يوم بينى والترائب كلها سمح
وبعجبنى لابراهيم والوتار نعليج امر مدامة صرفا كان صديها ودج
فقال لى ابي الزيانب ذكرن فى اصوات ومن اشهرهن زين بنت عكرمة
بن عبد الرحمن بن الحرث بن هشام يقول فيها ابن دهيمه مولى
عثمان بن عفان *

sic (fatha super r).

تصاييت ان بانة بعقال زينب وكيف تصابى الشيخ والراس واشب
ومنها

دعنى ام مسكين دعنى لا تلومنى فان اللوام يا زينب يودينى ويعزنى
ومنها
لما زينب همتى باقى تلك وامى ، بابي زينب لا آلى ولكنى استمى

omnia sic.

بك السُّلُّ والله ما يبرا مسلول
 ولكن ربما جدّ اذا ما كان تمهيل
 كما كان وقد كان به القرحة مكحول
 ويوم حارّ بالغير والعسي بهلول
 وكل كان ذا جمع له هم وتأميل
 فصاروا جزرا للموت قد غالتهم غول
 وانت الرابع التابع ما عن ذلك تاجيل
 ولا يعزرك من طبل اقوال اباطيل
 بادي فيك علامات وللأشياء تأويل
 هزالا قد برى جسمك ولللول مهزول
 وذبان حوالبك فموقود ومقتول
 وحمى منك في العظم فانت الدهر مملول
 واعلام سوى ذلك تواريها السراويل
 ولو بالقليل مما بك عشر ما نجا الفيل
 اهذى نكهة المعدة ام ضردسك ماكول
 وما هذا على فيك قلاع ام دماويل
 ام الحمى حبتك فهذا البئر تقبيل
 وما بال مناجيك يولى وهو مقلول
 فان كان من الخوف فقد سال بك النيل
 وان تحتج الى على وطنى لك مبدول
 عليك الحنظل المدقوق سفا وهو منخول
 وقد يوصف مما بك جلّيت وفتيل
 ولا عذبا ولا صبر بلا طبخ مثاقيل
 فدا وصف نوحيك بلا قال ولا قيل

وقال يهجو محمد بن بشير الجمعي

اقول لابن بشير وسلحه في عجانته، وبعده في حشاه وما زل عن ميز^{اه}

cf. Agh. XX, 78.
(sed non omnia).

v.

فعلقت قتي كان يدخل معهم الى يزيد حتى اشتهر أمرها معه
 فكتب ابان الى يزيد التام
 ايزيد انك نائم فاستيقظ ومضتيع لقوام جاهل فاحفظ
 كن لينا ما لم تكن مستضعفا واذا تنكر صاحب لك فاغلظ
 لاشربن الدهر الا ما صفا فاذا رأيت قدي بكاسك فالفظ
 وخذ النصيحة من اخ لك واعظ والبس سكينه مقلع مستوعظ
 مالي رايتك ستحذي بذى النهى وتصيح اذنك للمليح المنعظ
 ياتك من لو قيل توهب بدره لك ان لحظت مسارقا لم يلحظ
 فيقال ليس هناك بأبي اخر لا بالودود تخاله كالمحفظ
 فيقال بت جذعا واصبح ناعما وشتت فما ان بذلك او قظ
 زعم الندي كحل الاحيصر عينه ان لست تضبط منزلا تتحفظ
 اعنى به من لا ابوح بذكره ابدا واكنى عن مليح الملحظ
 لو كنت حرًا ما بجامن ضربه يصى بها ان نفسه لم تلفظ
 واذ امرؤ بالوعظ خللى سمعه فعصى النهى فكأنه لم يوعظ
 حدثنا الفضل بن الحباب قال حدثنا محمد بن سلام قال لما ولي معاذ
 بن معاذ قضا البصرة كتب اليه ابان .
 يا معاذ بن معاذ الخير باخير حكيم، قد نهيا اللاحقين فاصناف تميم
 لزموا مسجدنا في ضيقة اى لزوم، شمووا القمص وحكوا موضع السجد بثوم
 حلهم يامل ان تودعه مال يتيم، فاتق الله فقد اصبحت فى امر عظيم
 قال الفضل قد رويت لابن منذر وهى لابان . قال ابو بكر وكنتم
 يوما بحضرة ابي ذكوان فشعل ثم قذف ثم شكى من مفاصله فجعلنا
 ندعوا له فقال انا والله كما قال ابان اللاحقى ان ابان بن عبدالرحيم كان
 يعادى جاراً له يقال له محمد بن خالد بن عاصم الثقفى وكان كثير
 العمل وكان يلقب ابا الاطول فبلغ الموت من علة كانت به
 ثم تمثل فجلس على بابيه يثلب من ارجف بموته فقال ابان .
 انا الاطول طولت وما ينفع تطويل

v.

var. in Agh. XX, 78.

لأمر قيل في الامثال من عزّ امرأ برا

وكان زناد صديقا للاحشيش سار الزنادى والجوشنى من موالى تميم وكان
في الاحشر سار لثن كلام فكان ابان سميها الاحسن فخرج
الجوشنى مع بعض الامراء فاهدى الى الزباد هديه فلم ينصبه منها
فقال ابان يمازحهما

قل ليتضاً بضة ذات اعطاف وساف لفا كالجماره
لفتاة كحلا يستوطن المسجد رعونها باحشين ساره
شطبة رخصة الانامل هيفاً شنى في مشيها خطاره
انعمى يا فتاة آل زيد زادك الله نعمه وغضاره
اجمع الناس على خلاف على حسنك ان قداذنى على حسن ساره
وعلى حسن ساكن الجب لما اخرجته من جبه السياره
خبرينا بالله ربك بالحق فللحق بهجة واناره
اى شىء اليك اخت بنى جوشن اهدت من فائدات الاماره

اى شىء اهدت اليك من العشر الدنى اميره عشاره
ولقد زرت دارها وارى الاخت نودى للاخت حق الزياره
قالت الخير يا مكلف اهدت والامانى تارة بعد تارة
كل الصين بن مصبوعه زرقاً تتلو مصبوغة جلتاره
وارتنى الابطال من عنبر لدن ومسك في مسك تسعين فاره
وادنى حصر الحشيش ولا ذالصين من كل رطبه ذات شاره
واتى تدرج ويبع كثير ونعال سندنه صياره
تلك اختى وتلك ذخرى التى ليست من الناس غير ما محتاره
هى مثل القضيبي في دعص رمل جمعت حسن منظر ووثاره
قد اعادت شمس النهار ضياً وجمالاً فحسنها الاعاره
قلت هذا لكم فما حظنا منه فقالت حظ الحسود حجاره
حدثنا ابوذكوان قال انشدنى الما زنى لابان في جار له يقال له يزيد
التام لتمام خلقه وكانت له جارية تبنى وبالفه ابان واخوان من اجله

v.

قال فلما سمعت عمارة هذه بشعره هذا هربت فحرم الثقي من
 جهتها مالا كثيرا . قال ابو بكر حدثني القاسم بن اسماعيل
 قال حدثني ابواسحاق الزياتي قال عسكر مولى سليمان بن علي شرب
 يوما عند ابان اللاحقى منكر ابان فقال له الفضل بن عروة الثقي لو
 سمحت لعسكر نعتك الخز لكثرت من يشكوك عليها ريعوضك منها
 فخلعها عليه فلما اصبح ندم وقال

اباني عسكر احزاه من اياي قد اخزا
 وقد البست من شقوه حتى جيتي الخزا
 وكانت من بلاد مودع من شفق حرزا
 حذارا ان يراها طامع يوما فبتنزا
 فجاء القدر الجالب بي يحفزني حفزا
 الى مستك يدعى بفضل حافظ المعزى
 فقال اكس قتي يمنحك الود تزد عزى

فلا والله لا بدل في العالم او ترزا
 فلما قال ذا كنت كسيف هنز فاهترا
 فاهرت الى الجبة رايأ موريا عجزا
 وقد يتته لما حواها قال من عزا
 فما كان لما نال وان كان قد اشتهزا
 الكسوه ولم ارب له سوطا ولا حرزا
 فقال الكلب اذ فاز وما يسمع لي وكزا
 وخاز الف ووالجته قد اعطيت اشكزا
 فما ان في من خير سوى ان اكل الخبزا
 واني اقبل الضيم واني احلب العزا
 واني من شراب الشيخ كسرى اكسر القلزا
 وقد طاوعني المنطق حتى قلت ما اجزا
 فعزوني عن الجبة عفى الله من عزا

(Mirzâ 'Abd.)? بجبتك num

V.

قبلة تنعش ميتا اننى حى كمت
 لا اسميه ولكن هو فى كيت وكيت
 قال كان اسمه بيتك * قال الصولى حدثنى سوار بن ابى شرعة
 قال حدثنى ابوالعينا عن العباس بن رستم قال دخلت مع ابان بن عبد
 الحميد على عنان جارية الناطقى وهى فى حيش فقال لها ابان
 العيش فى الصيف خيش فقالت سرعه
 اذ لا قتال وجيش وانشدتها لجرير
 ظلمت ارى صاحبى صابى وقد علقتنى من هواك علوق
 اذا عقل الخوف اللسان تكلمت اسراره عنى عليه نطوق
 وكان فى جوار ابان رجل من يقيف يقال له محمد بن خالد بن عمار الثقفى
 وكان عدواً لابان فتنزوج بعمارة بنت عبدالرحمن الثقفى وكانت
 كثيرة المال فقال ابان يهجوها ويحذرهما منه
 لما رايت البر والنبارة والفرش قد ضاقت به الحارة
 واللوز والسكر يرمى به من فوق ذى الدار وذى الدارة
 واحضروا الملهين لم تركوا طبلا ولا صاحب زماره
 قلت لماذا قيل اعجوبه محمد زوج عماره
 لا عثر الله بها ربه ولا رائه مدركا ثاره
 ما ذا رات فيه وما ذا رحبت وهى من النسوان مختاره
 اسود كالسفود يمضى لنا التنور بل محراك قياره
 تجرى على اولاده خمسة ارغفة كالریش طياره
 واهله فى الارض من خوفه ان افرطوا فى الاكل سياره
 ويحك فرى واعصى ذاك بى فهذه اختك فراره
 اذا غفى الليل فاستيقظى ثم اطفرى انك طفاره
 فصعدت قائلة سلما نخاف ان تصعده الفاره
 سرور غرتها فلا عوفيت فانها حنا عراره
 لو قلت ما اعدت من ريقها ان لها بفته سحاره

Deest unus versus; cf.
 Agh. XX, 77.

cf. Agh. XX, 76.

cf. Agh. XX, 77
 (aliter).

v.

وقال في بيعة الرشيد للأمين
عقد الخليفة بيعة لمحمد فعلى التمام
لمستي مهدي الملوك محمد خير الانام
سيما الخلافة بين في الوجه منه مع الفطام
نور كواضح غدة البدر المنور في الظلام
مصداق اما كنا نحدث فيه من ملك الغمام
لا قصرت عنه ولا وصلت اليه الف عام

sic (legendum est لفضل).

cf. Abu-Nowâs (1898),
17-18.

cf. Agh. XX, 75;
'Iqd II, 225-226; Abu-
Nowâs 18.

sic (invicem ان legendum
est أنت).

In diwâno Abi-Nowâsi haec qasida correcte legitur, sed in discrepanti recensione.)

cf. Agh. XX, 76.

وقال ابو بكر ولما قال ابان الفضل بن يحيى
انا بغية الامير وكتر من كنوز الامين ذو ارباج^د
وروى ان الموصل لها الى الفضل من يحيى محمد بن المنصور الذي يعرف يفتى
المسكر وقد ذكرتها لابان في اول اخباره * مع البرامكة
بلغت قصيدته ابو نواس فقال

ان اولى نقله الحظ منى المسمى بالبلبل الصياح

قد راوا منه حين غب لديهم^د اخرس الصوت غير ذى افصاح
لم يكن فيك من صفاتك شئ غير خلق مدحج دحداح
لحيه نطة وانف قصير واتمنا عن التقي والصلاح
فيك ما يحمل الملوك على الخرق وبسطوا بالسيد الجحججاج
والذى قلت فيك باق صحيح والذى قلت ذاهب في الرياح

اخبار لابان متفرقة مع جماعة

من الشعراء

حدثنا محمد بن يحيى قال حدثنا محمد بن زياد قال حدثني ابان بن عبد الملك
بن ابان قال اشترى جار لابان علاميا تركيا بالف دينار فكان ابان يهواه
ويحفي ذلك عن مولاه فقال فيه

ليستى والجاهل المغرور من غز بلت
بلت من لا اسمي وهو جارى بت بت

كم عاقل احظى وكم جاهل انشغه العلقم انشاغا
 وشادن احورذى صيغة حسنها الرحمن اذ صاغا
 يسكن من بغداد في كرخها حيث رايت القصر والباغا
 زاد بقزوين خيال له يسرى على قصد وما راغا
 بات يشاغيني فياليتيه كان اذا الصبح بدا نساغا
 يارب موسى وانتي قلتها اصبح في الاحرار ولاغا
 لا يظفر الواشى بافساد ما بينهم ان دب نزاغا
 راموا انتقال الملك عن اسه فما زجا ذاك ولاساغا
 فافسدوا صالح دنياهم واحتملوا في الدين اوزاغا
 لما راوا ليثا ابا اشبل يولعها في الدما يلاغا
 فلا با العباس تمت له النعمة افضالا واسباغا
 من بعد ما اعذر في نصحه فلم يدع نصحا وابلاغا
 يعدوا به عبّل سليم الشظا اكمل الواحا وارساغا

non distincte; forsitan
 scriptum فافسد و اصلح
 est.
 sic.

sic!

v.

يحسن بالسيف قراع العدى وينزع الارماح اترغا
 فاوى الى السلم جنوحا وقد خاضوا من الفتنة ارداغا
 وقال في الفضل بن يحيى

بالفضل يحسن لفظ كل مقال وبه تسير غرائب الامثال
 وبه تكشف مظلم الفتن التي تسمى العباد بها على زلزال
 حسن التي بالفضل ردت مسخوفها باد لئن كانت لعير قتال
 اعطى ابن عبدالله يحيى ذمة وصل الوفا جبالها بحبال
 وقال في ذلك ويخاطب امير المؤمنين الرشيد
 اطال الله في عز ونصر بفاك يا امير المؤمنين
 اذا ما الحزب شب لها ضرام نقلت فيه ايدى النا لبينا
 قول مهتها الفضل بن يحيى وقد رجعت في يحيى الظنوننا
 مقرا بالذى قد كان ياتي ويفعل حربه للتشيعوننا
 لئن خصتك نعمتها بفضل لقد عمت جميع المسلميننا

حزان حزن منهما ظاهر و أوجع الحزين ما اخفى
انت اهلت الترب من فوقها مواريا تحت الثرى الفا
لهفى على هيلان لو أنه يرد شيئا فاستا لهفى

قال يخاطب الرشيد وبينه بما فعل الفضل في امر يحيى بن عبد الله بن حسن
هنيئا أمير المؤمنين لك الظفر فقد تمت النعمى وقد ساعد القدر
مال اله الناس اولى نملكه فاصفاكه لا من فيه ولا كدر
وقد كان يحيى الفاطمى سمى به له همة في الصدر جاش لها وجر
اراد التى تهوى الجبال لكونها وترجف منها الارض لو تم ما تمر
وكان رجا بالطالغان ذخيرة كنوزا له كانت على الدهر تدخر
فكان هو الكثر الذى ايدت به خلافة هارون الامام وما شعر
اتاك بيحيى الفضل سلما يقوده مقرا ولو لا يمن حدك ما افتر
لئن كان يوم الفضل فيه مشهرا لاکرم بيوم منه اقبى به الحزر
وقال يرثى هيلانه

fortasse افر scriptum
est (distincte non le-
gitur).

اربل من السرور الحزن لما ثوت هيلان في جدث ورمس
واصبت البلاد غداة ولت عليها وحشة من بعد انس
وقال يمدح الرشيد ويذكر امر الفضل وما صنعه في امر يحيى

cf. 4 vv. in Agh.
XX, 72.

لقد برز الفضل بن يحيى ولم يزل * سامى من الغايات ما كان ارفعا
راه امير المؤمنين لملكه ويحيى لما اعطى من العهد مقنعا
قضى بالذى شدت لهارون ملكه واحيت ليحيى نفسه فتمتعا
فامست بنو العباس بعد اختلافها وآل على مثل ردى تدما
لئن كان من ستي القريض اجاء لقد اصاغ ابراهيم فيه واوقعا
قال ابو بكر يعنى ان ابراهيم ميمون الموصلى المعنى غنى في هذا الشعر
وقال يمدح الفضل بن يحيى ويذكر امر يحيى بن عبد الله بن حسن

sic اصاغ contra met-
rum.

sic (contra metrum).
non distincte; fortas-
se ارى .

ان شغل الشيب فناع البلى مفارقا منى واصدغا
فقد ردى اشوس ذامرة وحيّة اريد لداغا
ريانس في الصيد اذا رمته فسارا ما شئت رواغا

الى ملك كضوء الصبح تغشى عنده السرج
 له ميراث عباس وقرباه التي تشج
 قويم الدين ما في حكمه زيع ولا عوج
 وما عنه لملتس اراد الحق منفرج
 فان يصفح فعادته وان يوقع فلا حرج
 اطائف جنة اهوى بيحيى قاده هوج
 الى ان ساقه قسر المؤلب حربيه رهج
 اسيرا في يدي علع عدته بلومها علع
 حيب الخوف لا أمر ولا عز ولا فرج
 اتاك به وليل لم يحف ناراً لها وهج
 فطل سيع شهوته كما يستيع البذج

البذج اجل يقول تمتع يحيى ما يريد الفضل كما يتبع البذج امه . قال
 ابوبكر : ولما مات هيلانة جارية الرشيد وجد بها وجداً شديداً

v.

فرثاها الشعر فوصلهم فقال ابان لسان الرشيد
 اعيني لقد جاز الزمان فجودي * ولا تطلبالي راحة لجهود
 لقد بنت ياهيلان منى فقيدة * ورب قرين بان غير فقيد
 سقى الله دهرها كان يجمع بيننا * ويرغم فيه انف كل حسود
 تمر لنا طير الزمان سوانجا * وانجمه تجرى لها بسعود
 ففقدك ياهيلان كدر عيشتي * واخلق من دنياي كل جديد
 قال بعزى الرشيد عنها

يا امير المؤمنين المرتضا احمد الله على ما قد قضا
 ان تكن هيلان واقت قدرا فاسل تعقبك به الله الرضا
 انما يحزن من ليس له خلف سليه عما قد مضا
 بل انا الباكي لشب راعبي وشباب بان منى فانقضا
 وقال يريثها

بث ضجيع الحزن ما اغفى لحادث جل عن الوصف

cf. 5 vv. in Agh.
IV, 118 (ex «Ze-
jâhib»), ubi lectio
correctior datur.

أحب من الفناء مليح ما أيقاعه الهرج
واقلى صوت برق مثل ما ألقى غنا مزج
وابفض يوم تبدى والزباب كلها سجع
وسعجبنى لابراهيم والاورتار مختلج
امرّ سلافة صرفا كان صبيها ودج
كذلك العيش اذ قلبى رختى ناله بلج
أحب الى من دبحان والاعلاج قد ثلجوا
وهبت ذات صرّاد نلبس الثلج تنتفج
وما قروين لى وطن طواهرها ولا الولج
بفصل يفرج العمى من اذا ضاقت فتتفرج
باهر برمكى العزّ بعليّة به درج
رحيب الصدر ان ضاقت على ذى المحبه الفرج
ما فى باعه قصر ولا فى لفظه رتج
اخوهيجا اطال مراسها ذرب بها لهج
به صدء الحديد ممازجا مسكاله ارج
وار عن ذى كتاب بالفضا غداؤه المهج
تسير به ذووضغن عليه الصدد مشرج
سما فضل له بالحيل فى انائها شج
فاوهل منه شاهقة وعالت لجة لجج
كما قد شد بالمغرور اباع له همج
غواة قادهم داع الى غى فقد لحجوا
وكم قدرامها منهم اولواجج فما فلجوا
فما نهاهم الاولى وذمهم الذى نسجوا
وما لله سعنهم ولا غضبا له حرجوا
وما حجوا بذلك بل عليهم كانت الحجج
كانى بالبعال وقد ات غاياتهم تسج

v.

فان كان ذاق فعمدا اضاعه وان كان ذادعوا فكفوا عن الشغب
وهبة كما قلتهم وليس كذاكم اما ذادكم عنها المطالب واغتصب
فاهملتموها لم ترواحيلة لها الى ان اراد الله اتمام ما أحب
نخط بنومروان منها وخطكم مع العسط والحرمات والعيلة الحرب
فقام بها من لم يكلمها اليكم ومن هو أولى بالذنى نزو استلب
امام بنى العباس حين سماها وبالله فيما رام ادرك ما طلب
فشرد اهلوه واودى وصيه بحبس ابن مروان فسلم واحتسب
فان كانت القرى فهم أهل حقه وهم اهلها ان كان حق لمن غلب

ثم جاء بهذه الابيات الى الفضل وقال قد اقترضت فوفر على الجارى
فقال ما نقب وما ترد اليوم على امير المؤمنين شىء اعجب اليه من
اياتك فركب فانشدها الرشيد فأمر لا بان بعشرين الف درهم واتصل به بعد
ذلك ملحد الرشيد وتعلقه به فحدثنى برد بن حارثه الربعى قال حدثنى
ابو اسماعيل ابان بن عبد الحميد بن ابان بن عبد الحميد قال لما سخص الفضل بن

يحيى بن خالد الى الرى لمحاربة يحيى بن عبد الله بن حسن خرج معه
جدي معه جدي ابان فظفر بيحيى على امان ولده له وقدم
به الى الرشيد وعمل ابى فى الفضل قصيدة مشهورة كان ابان عملها قبل
صلح الفضل ليحيى فلما صالحه الحق فيها اياتا وسلكت مسلك اياته المقدمه

أحزنك الآلى ردوا جمال الحى وادلجوا
نعم فبات هم الصدر فى الاحشاء تغلج
ومنزلة وقفت بها لادنى عهدا حجج
محتها الريح بعشى الترب معناها وسج
نعنا ليلة الانعام حيث الفرج ينعرج
بناعمة كمثل البدر شاب دلالتها نحج
تعاديني المعازف عودها والصبح والريج
بكفى شادن لم اسنه فى طرفه غنج
له نغمات قينات بها الارواح تختلج

v.
scriptio distincte
non legitur (et totum
carmen depravatissi-
mum est).

من كتاب الاوراق في اخبار آل
عباس واشعارهم لمحمد بن يحيى
الصولى المتوفى سنة خمس وثلاثون
وثلاثمائة او (؟) كشف الظنون .

لما جرى وجرى لهم سبق الجياد على عجل
والعزم سيف صارم والحلم اوزن من جعل
حلوا وفيه مَرارة مَرَجًا بَعْدَل فاعتدل
فَلذِي العداوة علقم ولذِي الوداد جنى العسل
لو كنت تاخذ مثل ما تُعطي انا لك ان تمل
او كان ذاك من القرات لما دنى فيه بلل
ولو ان مال القل حمل ما تحتمل ما استقل
ملك اعير مهابة لم يحل قلباً من وجل
واذا تنافرت الخصوم اليه في لبس فصل
لا مائلاً لهوى ولا عن حق اعداء عدل
اكرم ببرمك والداً ومن البنين بما نجل
لا يتغى بدلاً بهم ابدأ ومن ابن البدل

اخبار ابان متصلة مع البرامكة

واخباره مع الرشيد

قال الصولى حَدَّثَنِي محمد بن سعيد قال حَدَّثَنَا
على بن محمد النوفلى قال عاتب ابان البرامكة فى اعطأ
الرشيد الاموال للشعراء فقره مع ذلك مع خدمته
لهم وموضعه منهم فقال له الفضل ان سذكت
مذهب مروان اوصلت شعرك ولمقنك ارادتك
قال والله ما استحل ذاك فقال له الفضل كنا
يفعل ما لا يحل ولك لنا وبشائر الناس اسوة فقال
ابان

نشدت بحق الله من كان مسلماً . اعم به ما قلته العجم والعرب
اعم نبي الله اقرب زلفة * اليه ام ابن العم فى رتبة النسب
وانهما اولى به وبعده ومن ذاله حق التراث بما وجب
فان كان عباس احق تلکم وكان على بعد ذاك على سبب
فان عباس هم يرثونه كما العم لابن العم فى الارث قد حجب
ولى حسن ذ قاتم فيه حجة فقد باعها لا ينكر الناس او وهب

cf. Agh. XX, 75: 27 sqq.

cf. Agh. XX, 76.

inde abest in Agh.

О неизслѣдованномъ, старѣйшемъ спискѣ путешествія Антиохійскаго патріарха Макарія 1654 года.

Изъ рукописнаго собранія А. Е. Крымскаго.

ОПИСАНІЕ А. А. ОЛЕСНИЦКАГО,

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ ЗАМѢТКОЙ РЕДАКТОРА.

Та рукопись путешествія патріарха Макарія по православнымъ землямъ въ 1654 году, составъ которой мною изслѣдованъ, принадлежитъ профессору арабской словесности въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, моему учителю А. Е. Крымскому, и вступительное слово о ея происхожденіи и общемъ значеніи я представляю сказать ему самому, владѣльцу рукописи.

А. Ол.

I.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМѢЧАНІЕ.

Отъ А. Е. Крымскаго.

Число рукописей путешествія антиохійскаго патріарха Макарія по Молдавіи, Малороссіи и Московіи въ XVII вѣкѣ, путешествія очень цѣннаго въ историко-этнографическомъ отношеніи, оказывается крайне ограниченнымъ. Сохранилось какихъ-нибудь рукописи четыре, даже три, потому-что одна изъ четырехъ, чрезвычайно важная къ тому же и самая полная, повидимому исчезла. Исчезла та лондонская рукопись, съ которой сдѣланъ англійскій переводъ Бельфоромъ (Belfour) въ 1829—1836 году. Остальные три списка находятся въ Россіи, и все приблизительно одновременно, 50-хъ годовъ 19-го столѣтія. Одинъ российский списокъ, 1859 года, находится въ Москвѣ, въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, а два другихъ въ Петербургѣ: въ учебномъ отдѣленіи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ Публичной библіотекѣ. Оба петербургскихъ списка сдѣланы, по всемъ признакамъ, съ той же рукописи, что и мо-

сковскій списокъ, т. е. дамаской XVIII вѣка¹⁾). Дамаскскій же старыи оригиналъ, надо полагать, сгорѣлъ во время рѣзни христіанъ 1860 года.

Надо полагать, что дамаская рѣзня 1860 года погубила и другіе старыя списки путешествія, какіе имѣлись у дамаскихъ христіанъ. Русскій переводчикъ Г. А. Муркосъ ѣздилъ въ 1890-хъ гг. въ Сирію, разыскивалъ рукописей усердно — и ничего не могъ найти. Я въ 1896 году былъ нѣсколько счастливецъ Г. А. Муркоса: при дѣйтельной помощи генеральнаго консула кн. А. А. Гагарина и православныхъ митрополитовъ, собравшихся въ Дамаскъ, мнѣ удалось и открыть и заполучить обгорѣлую неполную рукопись, должно быть середины XVIII вѣка. Она случайно сбереглась въ Сейданайскомъ монастырѣ подъ Дамаскомъ. Изъ всѣхъ нынѣ извѣстныхъ списковъ, этотъ списокъ оказывается самымъ старымъ.

Привезенная мною рукопись не имѣетъ ни начала, ни конца: они утеряны, и остался фрагментъ въ 138 страницъ, изъ середины манускрипта. Форматъ — т. н. писчая четвертушка. Почеркъ — церковно-христіанскій, т. н. „канѣси“. вполне четкій. По изложенію это есть сокращеніе обычной редакціи: это такъ сказать эпитома. Существованіе подобной краткой редакціи указываетъ, что нѣкогда путешествіе патріарха Макарія по Московіи очень интересовало его земляковъ-потомковъ: вѣдѣ, разъ они сочли нужнымъ привести громоздкое описаніе въ удобочитаемый и скорочитаемый видъ, значить путешествіе было для нихъ книгою популярною. Я, во всякомъ случаѣ, изъ-за краткости рукописи сперва не придавалъ значенія своему пріобрѣтенію. Главную цѣнность моей рукописи я, лично для себя, видѣлъ въ томъ, что она, даже въ своемъ сокращенномъ видѣ, позволяетъ мнѣ провѣрять степень точности русскаго перевода Г. А. Муркоса и, иногда, лучше понимать тѣ мѣста, которыя у него переведены не удачно. А почему Г. А. Муркосъ неудачно ихъ переводилъ, не берусь сказать наобумъ. Возможно, что онъ дѣлалъ ошибки изъ-за несовершенства того Архивскаго арабскаго списка, какимъ пользовался въ качествѣ оригинала. Возможно и другое — что Архивскій списокъ не при чемъ, а просто самъ Г. А. Муркосъ не хорошо разбирался въ немъ. Но какъ бы то ни было, моя рукопись позволяла мнѣ установить рядъ поправокъ къ переводу Г. А. Муркоса. Приведу нѣсколько образчиковъ:

Муркосъ, вып. I, стр. 42. „Мы наняли (на Дунаѣ) 10 верблюдовъ, кои всѣ съ горбами, ибо таковы всѣ здѣшніе верблюды“. Изъ своей же рукописи я вижу, что въ текстѣ написано: «جميعهم بالزلوط», т. е. «всѣ они голышемъ, безъ сѣделъ».

Муркосъ, вып. I, стр. 46: «Печи (у молдаванъ) утверждаются на двухъ столбахъ и имѣютъ желѣзную крышку, которая зовется на ихъ

¹⁾ Съ нея же предположено было изготовленіе мнимо-древней рукописи, о которой см. письмо Абуда (моей коллекціи), изданное въ „Юбилейномъ сборникѣ“ Вс. Миллера (1900).

языкъ каптуръ, а если много—капатырь. Оттого въ домѣ бываетъ теплѣ бани». Мѣсто, какъ видимъ, очень неясное; выходитъ, что и въ румынскомъ языкѣ существуетъ т. н. «разбитое» южносемитское множественное число: «капатырь». Взглянувши же въ арабскій текстъ, я вижу изъ синтаксическаго строя фразы, что не крышку, а самую печь авторъ путешествія называетъ *قبطور* (точнѣе по молдавански «коптьоръ»), и вовсе не упражняется въ грамматическомъ образованіи формъ «разбитаго» южносемитскаго множ. числа, но просто говоритъ: *وكتير قباطير*, т. е. «и такихъ коптьоровъ въ домѣ много, оттого въ домѣ теплѣ бани».

Муркосъ, вып. 1, стр. 46: «Въ Константинополѣ вдовы носятъ на головѣ оранжево-желтыя покрывала, а въ Молдавіи, Валахіи и у козаковъ онѣ носятъ покрывала чернаго цвѣта». По-арабски употреблено слово «фарайа» *فرايا*. А «фарайа»—это вовсе не покрывало, но родъ чепца, или шапочки-коробочки, въ которую вкладываются волосы-косы за головѣ. При терминѣ «фарайа» мы, конечно, легко узнаемъ козачекъ съ ихъ «кораблями», а при терминѣ «покрывало на головѣ» остановимся въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Муркосъ, вып. 1, стр. 50: «Въ навечеріе и въ утро праздниковъ, при всякой литургіи, зажигается передъ мѣстомъ нашего владыки-патріарха свѣча». Но какая же можетъ быть литургія въ навечеріе? А въ моемъ арабскомъ текстѣ и полнѣе, и ясно: «въ навечеріе и утро праздниковъ и воскресеній, (*والاحاد*), равно какъ при литургіи (*وفي القداس*).»

Муркосъ, вып. 1, стр. 54: «Прибыль (въ Ясы) бояринъ, великій служаръ». Что за слово «служаръ»? А у меня въ рукописи «силяхдър», т. е. «оруженосецъ»,—слово понятное. См. напр. у ибнъ-Батуты (изд. Дефремери), т. III, 222: 4.

Муркосъ, вып. 1, стр. 59: «Всякій разъ, когда логоуетъ прочитывалъ одно письмо (патріарховъ іерусалимскаго, константинопольскаго и др.), [молдавскій] господарь, вставши съ кресла, вскрывалъ другое». А по-арабски (л. 9: 7 снизу): *«وقام عن كرسیه وكشف قلبقه»*, т. е. «господарь вставалъ съ трона и снималъ шапку свою».

Муркосъ, вып. 1, стр. 60: «И еще далъ (патріархъ господарю) склянку съ муромъ; тогда господарь исполнился великой любви къ нашему владыкѣ патріарху». А по-арабски (л. 9: ult.) *«واحبه قلبه واکرم سيدنا كثير»*, т. е. «И муро ему понравилось, и онъ его облобызалъ, и очень почтилъ владыку нашего».

Муркосъ, вып. 1, стр. 62: «У сербовъ, болгаръ, козаковъ и москвитовъ—языкъ одинъ, лишь разнствующій по мѣсту, по нижній языкъ у нихъ одинъ и тотъ же». Непонятное «разнствующій по

мѣсту» дѣлается понятнымъ при взглядѣ въ арабскій текстъ. Оказывается, арабъ-авторъ имѣетъ въ виду не «разнствоваіе по мѣсту», а степень правильности и отклоненій живыхъ славянскихъ языковъ отъ литературнаго типа: языкъ — одинъ, но кое-въ-чемъ (букв. «иногда» بعض الأحيان) отклоняется отъ правильности; а книжный языкъ у всѣхъ славянъ одинъ и тотъ же.

Изъ подобныхъ примѣровъ видно, что привезенная мною рукопись, при всей ея краткости, можетъ быть полезна для критики текста,—или, по меньшей мѣрѣ, для критики перевода Г. А. Муркоса. И это я давно зналъ.

Въ прошломъ 1910-мъ году молодой ориенталистъ А. А. Олесницкій (сынъ извѣстнаго археолога Палестины) приступилъ къ моей рукописи съ другими цѣлями: онъ рѣшилъ проанализировать ея составъ, по крайней мѣрѣ первой ея половины, и рассмотреть, какія мѣста въ моей рукописи выпущены сравнительно съ тѣмъ текстомъ, который извѣстенъ по переводамъ Бельфора и Муркоса. А. А. Олесницкій свѣрилъ первую половину рукописи,—и оказалось, что, если съ одной стороны въ ней есть пропуски, то съ другой стороны въ ней есть такія мѣста и такія свѣдѣнія, какихъ нѣтъ въ переводахъ Бельфора и Муркоса.

Вотъ два мѣста, указанные г. Олесницкимъ. Привожу ихъ не по-арабски, а въ русскомъ переводѣ самого г. Олесницкаго.

Отъ рукописной стр. 28: 20 до стр. 29: 16:

„Что касается насъ и монастырей, то мы все это время совершали молебны и почныя бдѣнія, но не получили (отъ этого) пользы. Слава Богу единому! Что касается господаря Василія, то онъ потерялъ всѣхъ своихъ друзей, знакомыхъ, родственниковъ, своего зятя, того (извѣстнаго) храбреца, свою жену и своихъ дѣтей. И подумалъ онъ про себя и сказалъ: «Гдѣ твое благополучіе, о господарь! гдѣ твои побѣды, гдѣ твои богатства, гдѣ вельможи твоего государства! Ты вышелъ, подобно Іову, нагой, какъ бы изъ чрева своей матери. Но это для оправданія пословицы, которая говоритъ: „когда свершится предназначенное, тогда терпѣніе лопнетъ“. И если событіе сдѣлается громкимъ (т. е. общезвѣстнымъ), то всякое утѣшеніе является лишнимъ. Его положеніе испортилось навѣки. Кромѣ того, мы достоверно узнали отъ лицъ, которымъ можно довѣрять, что съ начала этой смуты до сего времени пало подъ мечемъ—жителей Молдавіи и Валахіи, грековъ, венгровъ, сербовъ, арабовъ и турокъ около ста тысячъ человекъ. И этотъ новый господарь забылъ про нихъ всѣхъ! Слава единому Богу“.

Рукопись, стр. 39: 3-11.

„Знай, что въ Молдавіи вилоть до Валахіи и во всѣхъ другихъ странахъ христіанскихъ, когда желаютъ казнить какого-нибудь преступника, то его берутъ Субаши и его подчиненные и ведутъ въ церковь. Навстрѣчу имъ выходитъ кто-либо изъ священниковъ, принимаетъ преступника, исповѣдываетъ его, причащаетъ святыхъ, божественныхъ Тайнъ, выводитъ и снова передаетъ его Субаши. Преступникъ (тогда) проситъ прощенія у всѣхъ встрѣчныхъ; затѣмъ его ведутъ и казнятъ, какъ имъ заблагоразсудится. Это мы видали, смотрѣли на это, и это—ихъ обычай“.

II.

ОПИСАНІЕ РУКОПИСИ ВЪ ЕЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ

А. А. ОЛЕСНИЦКАГО.

Я обследовалъ составъ рукописи проф. А. Е. Крымскаго только въ ея первой половинѣ, гдѣ говорится о пребываніи путешественниковъ въ Молдавіи и на возацкой Украинѣ; Московіи я не касаюсь.

За основу сличенія я взялъ русскій переводъ Г. А. Муркоса и отъ него исхожу, потому что переводъ Г. Муркоса—сводный: въ него вошли все мѣста, имѣющіяся въ русскіихъ рукописяхъ путешествія Макарія, и все мѣста, имѣющіяся въ англійскомъ переводѣ—Бельфора, по тексту пропавшей великобританской рукописи.

Арабское правописаніе подлинника я сохраняю въ неизмѣнномъ видѣ. Съ точки зрѣнія классическаго языка орѳографія рукописи ужасна. Но она бываетъ интересна своей простонародностью. Есть впрочемъ много обыкновенныхъ искаженій, происшедшихъ отъ непониманія переписчикомъ того, что онъ переписывалъ; я и такія мѣста оставлялъ нетронутыми.

Переводъ Муркоса:

Рукопись Крымскаго:

КНИГА I.

„Отъ Алеппо до Молдавіи“.

Глава IV.

Страница 1-ая, строка 1-3:

„Константинополь.— «ابرشيتته لها و منها توجه الى مدينة القسطنطينية و دخلها ضحوة يوم الاربعاء من تشرين الاول»
Пріѣздъ“.

Глава XVII.

Со страницы 1-ой, строки 3-ой:

„Черное море“.

«ثم قلع بنا المركب و رسونا بقرب الفنار.....»

до страницы 2-ой, строки 18-ой:

«وستكرينا خمس عراياات بعشرة جمال عاليه جميعهم بالزلوط بلا رحول صيفا و شتاء».

Глава XVIII.

Со страницы 2-ой, строка 18-ой:

„Болгарія“.

«واقينا الى قرية مسييين بلغار اسمها انيكتيضا.....»

до страницы 3-ой, строки 1-ой:

«والخنازير عندهم قطعان مرديه».

Переводъ Муркоса:

Рукопись Крымскаго.

КНИГА II.

„Молдавія“.

Глава I.

Со страницы 3-ой, строки 1-ой:

„Молдавія“. — Га-
лацъ“.«و اما نهر الطونا المذكور فهو عظیم و عمیق جدا.....»
до страницы 3-ой, строки 8-ой:
«ودخلنا للغص».

Глава II.

Со страницы 3-ой, строки 8-ой:

„Молдавія — Жилища
и одежда“.«صفت بيوت تلك البلاد من البغضان ثم الى الفلاخ و
بلاد المصكوف من خشب.....»
до страницы 4-ой, строки 12-ой:
«واما ارامل بلاد المصكوف فلايسات صوف اسود واسع جدا
و طويل باكمام كبار».

Глава III.

Со страницы 4-ой, строки 13-ой:

„Молдавія — Васлуй“.

«واما حكم بيك البغطان اربعة و عشرين قضاوه.....»
до страницы 5-ой, строки 8-ой:
«اما الخورص في حنايا دايره من القبلة و الشمال بكراسي».

Глава IV.

Со страницы 5-ой, строки 9-ой:

„Молдавія. — Скип-
тей“.«ثم رحلنا و اتينا الى مدينة ياش التي هي
البغضان.....»
до страницы 5-ой, строки 18-ой:
«واصطفت العساكر قدامنا».

Глава V*. *)

Со страницы 5-ой, строки 19-ой:

„Молдавія. — Яссы.
Въездъ Патріарха въ
городъ“.«و دخلنا الى مدينة ياش التي هي البغضان عشية الثلثا
خاميس و عشرين كانون الثاني.....»

и

*) Глава V и VI по переводу I. Муркоса въ нашей рукописи перепутаны переписчикомъ. Глава V помѣщается отъ страницы 5, строки 19 до страницы 7-ой, строки 9-ой + страница 7-ая (: 11—13). Глава VI—страница 7-ая (: 9—11).

Переводъ Муркоса:

Рукопись Крымскаго:

Глава VI.

до страницы 7-ой, строки 13-ой:

„Яссы. Церковь св. Савы“.
 «ثم بيدقو ناقوس القربان ای کل من عنده قربان يحضره الى الكنيسة فقد حان وقت القداس».

Глава VII.

Со страницы 7-ой, строки 13-ой:

„Яссы. Приемъ при дворѣ. Подарки“.
 «اعلم باننا (باننا?) لما دخلنا الى مدينة ياش مدينة الحكم كان البيك غايب.....»

до страницы 9-ой, строки 7-ой:

«و لكنه راح ضايع يا حيف على تعبنا».

Глава IX

Со страницы 9-ой, строки 7-ой:

„Яссы. Пиръ при дворѣ. Характеристика господаря“.
 «ثم بعد ثامن يوم ارسل البيك اعلم سيدنا البطرك ان ينهيا الحضور الى عنده.....»

до страницы 12-ой, строки 13-ой:

«وكانوا حاملينهم علانية على اياديهم».

Глава X.

Страница 12-ая, отъ строки 14-ей, до строки 17-ой:

„Яссы. — Монастыри“
 «ثم اذا اراد يخرج البطرك الى مكان ما في علاه يخرج بغير متية و قوجية و ماشا فتى الاركوب سيدنا في القوجية و روسا الدياره من يمينه و شماله و يديه تبارك على الخلايق في الاسواق و الازقة و الترك تنظر».

Глава XI.

Со страницы 12-ой, строки 17-ой:

„Яссы. — Великий постъ. — Съѣстные продукты“.
 «واعلم ان خضرة البيك كان يعمل في كل يوم ديوان و لكن ديوان يوم السبت مختص بالحرامية.....»

до страницы 15-ой, строки 6-ой:

«ثم ليلة الاحد الاول من الصوم ارسل البيك كلف سيدنا البطرك يبات على خدمة في دير الغلظة على اسم البيك».

Глава XII.

Со страницы 15-ой, строки 6-ой:

„Яссы. — Служение патриарха“.
 «ثم صباح الاحد مضينا بالقوجية و كملنا الفرض و لبس سيدنا البطرك بدلته و سعد جلس في كرسيه.....»

Переводъ Муркоса:

Рукопись Крымскаго:

до страницы 20 ой, строки 12 — 15-ой:

«و لما كانت تخرج الصحون من المطبخ الى فوق كان تدق
الطبول و تزعق النفيرات و الزمور و النوبة السلطانية وغنى
الترك الى المسا لا يبطل و هذا كان اخر ايام الفرح
والسرور».

Глава XIII.

Со страницы 20-ой, (строки 15—21):

«اعلم ان عاداتهم فى هذه البلاد اذا مات انسان ما يقبروه
بعد يومين و ثلاثه و مع هذا فبغير كفن مكشوف الوجه
و يشعلوا حوله الشموع ليلا و نهارا و اى من اراد من
الكهنة ان يمضى الى عنده و يقرأ عليه الانجيل من اوله
الى اخره و لو كانوا خمسين كاهن و شماسه و ذلك
لاجل الجسنه».

Глава XIV.

Со страницы 21-ой, строки 1-ой:

„Яссы. — Возстаніе
великаго логогета“.

«اعلم ان الساعه الحديدية التى فى دار الافندى كانت
تدق من اول اذار الى عشرة ايام منه اثنى عشر ساعه ليلا
و اثنى عشره ساعة نهارا سوا و من بعد العشرة ايام ادارة
تدق اربعة عشر ساعه نهارا و عشرة ساعات ليلا.....»

до страницы 23^а-ей, строки 5 ой:

«و لكن كان عيد السواد بالخوف و الجزع».

Глава XV.

Со страницы 23^а-ей, строки 5-ой:

„Яссы. — Война. При-
бытіе козаковъ въ Мол-
давію и поражение но-
ваго господаря“.

«و يوم اثنين الباعوت الى احد الجديد ما صار قداس.....»

до страницы 23^а-ей, строки 18-ой:

«و كنا ننظرهم من ابراج النوقيس شرايد و القزق
ورا هم تقتل و نهبوا جميع وجدوه».

Глава XVI.

Со страницы 23^а-ей, строки 19-ой:

„Яссы. — Возвращеніе
Василія“.

«اقبل تيموثاوس ابن اخميل بعسكره القزق و دخل الى

مدينة ياش و مر على دير مار سابا.....»

Переводъ Муркоса:

Рукопись Крымскаго:

до страницы 23⁶-ей, строки 20-ой:

«و لما دخل و جلس فى كرسيه فضربوا جميع عسكر
الغزق تفنكهم ثم المدافع حتى قامت البلده.»

Глава XVII.

„Яссы. — Выступле-
ніе въ походъ. Служе-
ніе патриарха“.

Со страницы 23⁶-ей, строки 20-ой:

«ويوم احد المخلع تفرجنا على ابن اخميل لما اجا الى
عند عمه فاسيلى ببيك ليودعه.....»

до страницы 23⁶-ей, строки 7-ой:

«ثم البيك ركب بعساكر البغضانيه الخائين ديما من القديم
على حكامهم و لحق صهره.»

Глава XVIII.

„Яссы. — Неудача Ва-
силія“.

Со страницы 23⁶-ей, строки 8-ой

«ثم جانا خبر بان البيك و صهره تحارب مع الفلاخ و كرسهم
(كسرهم?) اربعة مرات و ما احد ثبت قدامهم.....»

до страницы 24-ой, строки 6—8 ой:

«و كانت الضلالة الاخيرة اشتر من الاوله و نحن كنا فى افزاع
نهارا و ليلا.»

Глава XIX.

„Яссы. — Троицынъ
день. Монастырь св.
Іоанна Новаго. Плоды“.

Со страницы 24-ой, строки 8-ой:

«ثم عملنا العنصره فى ديرنا ثم عزمتا رئيس الدير الذى
ليوحنا الجديد.....»

до страницы 25-ой, строки 2—6-ой:

«اعلم ان الساعت الحديدية كانت تدق من اول نيسان و
جايه خمسة عشر ساعة نهارا و تسعة ساعات ليلا و اما فى
شهر حزيران و تموز فكانت تدق عشر ساعات نهارا و ثمانية
ساعات ليلا.»

Глава XX.

„Яссы. — Окончатель-
ное поражение“.

Со страницы 25-ой, строки 6-ой:

«نعاون وفيما نحن بين الخوف و قلت الخوف و اذا شاع
الخبر بان عدو فاسيلى وهو البيك الجديد قد اتا و معه
عساكر الاونكلروس (sic).....»

до страницы 26-ой, строки 5-ой:

«وكل هذا بسو حظنا.»

Переводъ Муркоса:

Рукопись Крымскаго:

Глава XXI.
„Яссы.—Грабежь“.

Со страницы 26-ой, строки 6-ой:

«ثم اقبل البيك الجديد وصحبته العساكر الى ياش.....»

до страницы 26-ой, строки 18-ой:

«لاننا لنا ننظر اراخت فاسيلي بيك بعد عزهم بتسياب
ثه مقطوعين الاناف و منهم الاذان بعد عذابات جمه (جمد?)».

Глава XXII.
„Яссы. — Вторичное
прибытіе Тимоѳея съ
козаками въ Молдавію“.

Со страницы 26-ой, строки 19-ой:

«و فى ابتدا شهر آب بلغنا ان تيموثاوس ابن اخميل
مع عسكر القزق اتى المحاربه البيك على قلعت صتجا».

и

Глава XXIII*)
„Молдавія. — Осада
Сучавы. — Смерть Ти-
моѳея“.

до страницы 28-ой: 18—20:

«و اخذ حروته كبيره (?) مع من معها و وضعها فى قريه
كفقيرة و وضع عليها الحراس و منع الداخل و الخارج».

Глава XXIV.
„Молдавія. — Василій.
— Татары. — Отъѣздъ
патріарха“.

Со страницы 29-ой, строки 16-ой:

«ثم نحن ضجرنا من انفسنا وارسل سيدنا يطلب من البيك
لمسير فما سمع له.....»

до страницы 29: ult.

«فخرجنا من البغضان ثالث عشر شهر تشرين الاول
سنت ٧١٦٢ للعالم».

Глава XXV.
„Молдавія.—Романъ“.

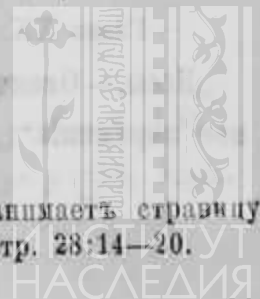
Со страницы 30-ой, строки 1-ой:

«و قضينا مخاوف و افزاع و مهاول فى الطريق.....»

до страницы 30-ой, строки 20-ой:

«وهبوا منهم خمسة و سبعين الف انسان».

*) Глава XXII и XXIII въ рукописи перелутаны. Глава XXII занимаетъ страницу
26 : 18—стр. 27 : 5+стр. 28 : 1—4. Глава XXIII стр. 27 : 5—стр. 28 : 1+стр. 28 : 14—20.

Переводъ Муркоса:

Рукопись Крымскаго:

КНИГА Ш.

„Валахія“.

Глава I.

„Валахія. — Бузео.
Тырговиштъ“.

Со страницы 30-ой, строки 21-ой:

«نعاولد ولما اقبلنا على مدينة صورعشت.....»

до страницы 33-ой, строки 11 — 12-ой:

«وما بيعرفوا يضبطوا بلادهم.»

Глава II.

„Тырговиштъ. — Дворецъ. Служеніе въ дворцовой церкви“.

Со страницъ 33-ой, строки 12-ой:

«ولهم عادة المشى بيدق الطبل لمنع المشى فى الدروب بالليل و الهراس (sic) دايره كلمن وجدوه فى الليل با الله الجيره (?) للمقتل.....»

до страницы 35-ой, строки 19-ой:

«و بيهنوه فى العيد و الخلع عليهم.....»

Глава III.

„Тырговиштъ. Праздникъ Богоявленія“.

Со страницы 35-ой, строки 19-ой:

«و يوم بارمون الغطاس صلوا على الماء كالعاده.....»

до страницы 38-ой, строки 15-ой:

«حتى اكابر الدولة دايمًا مواضبين (ض=ظ?) على الصلوات وحضور القداس.»

Глава IV.

„Тырговиштъ. Митрополичій домъ“.

Со страницы 38-ой, строки 17-ой:

«و هذه مدينة صورعشت و هى مدينة كبيره.....»

до страницы 38-ой, строки 20-ой:

«و الفواكه كثيرة و اعظم.»

Глава V.

„Тырговиштъ. — Кли-
матъ. Нравы и обычаи“.

Со страницы 38-ой, строки 21-ой:

«واعلم ان نسا و بنات الفلاخ اعضا اطهار مضبوطين و من

سرفيا و منهم بشى ردى.....»

до страницы 39-ой, строки 3-ой:

«و النسا للغرريق.»

Переводъ Муркоса:

Рукопись Крымскаго:

- Глава VI. Со страницы 39-ой, строки 12-ой:
 „Тырговиштъ.— Опи- «اجزنا مدة الفسحة الى الصوم المقدس.....»
 сание похороннаго об- до страницы 39-ой, строки 16—17-ой:
 ряда“ . «و صار افراح وسرور كما في الاعياد الماضيه واعظم.»
- II
- Глава VII. «Тырговиштъ.— Ве-
 ливій постъ. Чинъ умо-
 венія ногъ. Святая не-
 дѣля“ .
- Глава VIII. Со страницы 39-ой, строки 17-ой:
 „Тырговиштъ.— Кон- «وثالث الفصح طلبنا اجازة للمسير الى جوا و زهبنا
 чина господаря Матвѣя“ «حواچينا.....»
 до страницы 41-ой, строки 17-ой:
 «و سلن سرايته الى الان.»
- Глава IX. Со страницы 41-ой, строки 17-ой:
 „Тырговиштъ.— Опи- «هذا طقس عمل ببيك جديد.....»
 сание чина поставленія до страницы 43-ой, строки 9—10-ой:
 всаго государа“ . «ثم كانوا يقبلوا يمين سيدنا كذلك يمين البيك وذيله ثم
 يمين المطران و ينصرفوا حتى الى اخرهم.»
- Глава X. Со страницы 43-ой, строки 10-ой:
 „Тырговиштъ.— По- «ثم خرجنا الى جنازة البيك المتوفى.....»
 хороны господаря Мат- до страницы 43—44 ой:
 вѣя“ . «و فرقوا علينا حسنه وافرہ بمحارم مع خلع مكلفات.»
- Глава XI. Со страницы 44-ой, строки 1-ой:
 „Тырговиштъ.— Опи- «ثم بسم البيك الجديد لسيدنا ان يقيم عنده شهرا.....»
 сание чина вкрестнаго до страницы 44-ой, строки 7-ой:
 хода по четвергамъ въ «فرجة تدعش الناظرين.»
 Валахїи“ .

Переводъ Муркоса:

Рукопись Крымскаго:

Глава XII.

Со страницы 44-ой, строки 7-ой:

„Тырговиштъ.—Соля-
ныя копи. Рудники:
Посольство въ Стам-
буль. Праздникъ Воз-
несенія“.

ثم كان البيك الجديد ارسل الى القسطنطينيه عرض
حال.....»

до страницы 45-ой, строки 11-ой:

«و لا يمكن ان يصير بيك اصلا.»

Глава XIII.

Со страницы 44-ой, строки 11-ой:

„Тырговиштъ.—Отъ-
ѣздъ. Монастырь въ
Филипешти“.

«ثم افتهينا الى نهار عيد العنصره.....»

до страницы 46-ой, строки 5-ой:

«تتحدث اطار غزيرة تصير الزيادة (?)».

КНИГА IV.

„Украина и Кіевъ“.

Глава I.

Со страницы 46-ой, строки 6-ой:

„Украина. Переправа
черезъ Днѣстръ. Раш-
ковъ. Набожность жи-
телей. Церковное пѣніе.
—Грамотность. Дѣти-
сироты. Протяженіе ко-
зацкой земли“.

«وليله احد الرابع بعد العنصره دخلنا الى بلد اسمي
راشيكويو من حكم القزق.....»

до страницы 47-ой, строки 2—3-ой:

«و دياتتهم زايدته حتى و الاولاد والنساء.»

Глава II.

Со страницы 47-ой, строки 3-ой:

„Украина.—Причина
подчиненія Малороссіи
царю.“

«و لما كان يقول الكاهن ارحمنا يا الله.....»

до страницы 47-ой, строки 7-ой:

«اتفق رايبهم مع الختمان اخميل و سجدوا له وسلموه
بلادهم مما ذكره مفصلا.»

Переводъ Муркоса.

Рукопись Крымскаго.

Глава III.

„Украина. — Исторія войны козаковъ съ ляхами“.

и

Глава IV.

„Украина. — Продолженіе исторіи войны съ ляхами“.

Глава IX.

„Украина. Богуславъ. Свиданіе патріарха съ гетманомъ Хмельницкимъ“.

Глава X.

„Украина. — Посвященіе патріархомъ козацкаго лагеря и прощаніе съ гетманомъ“.

и

Глава XI.

„Украина. Триполье. Описаніе церкви“.

Со страницы 47-ой, строки 9-ой:

«اعلم يا هذا ان بلاد القزق.....»

до страницы 51-ой, строки 10-ой:

«و هو المتقدم فى الكهنة يخرج ببدايته مع الهكنه لاستقبالنا».

Со страницы 51-ой, строки 11-ой:

«ثم اننا انتهينا الى قلعه و الى بلد كبيره.....»

до страницы 52-ой, строки 17-ой:

«و مضى الى الوادى حيث عساكره».

Со страницы 52-ой, строки 17-ой:

«واعلم ان هذه بلاد القزق الذى فى حكم زينويوس.....»

до страницы 53-ой, строки 14-ой:

«ثم والليل ستة ساعات و نصف».

Вторую половину рукописи проф. А. Е. Крымскаго я не ввожу въ свой обзоръ и предоставляю ее обследовать кому-либо другому.

А. Олеськичій.

НОГАТА,

ея происхождение и ея мѣсто среди цѣнностей древней Руси.

Предсѣдателя Восточной Комиссіи В. К. Трутурскаго.

(Въ засѣданіи Московскаго Нумизматическаго Общества, 7 февраля 1911 года, я прочиталъ докладъ подъ названіемъ «Къ вопросу о ногатѣ», въ коемъ изложилъ вкратцѣ свое мнѣніе объ этой загадочной единицѣ кунной системы и тѣ выводы, къ каковымъ привело меня изученіе данныхъ о ней ¹⁾). Докладъ этотъ, также въ сокращенномъ видѣ, но въ нѣсколько иной формѣ, я напечаталъ въ «Трудахъ» Предварительнаго Комитета XV Археологическаго Съѣзда, но уже подъ заглавіемъ «Что такое ногата?» ²⁾ и въ такомъ видѣ доложилъ его на самомъ Съѣздѣ въ Новгородѣ ³⁾. Желая, главнымъ образомъ вызвать замѣчанія по поводу моего положенія, что ногата въ своемъ первоначальномъ, древнѣйшемъ, видѣ была половиной аббасидскаго диргема и вызвана была торговыми сношеніями съ арабами, а также и по вопросу объ отношеніи ея къ древнѣйшему Новгородскому рублю, я, какъ въ статьѣ, такъ и въ чтеніи, совершенно опустилъ всѣ подробности относительно ея происхожденія отъ نقاد, литературу этого вопроса и кое-какія ссылки на нѣкоторыя сочиненія, попутно затрагивавшія вопросъ о ногатѣ. Избавляя такимъ путемъ читателей и слушателей съѣзда отъ слишкомъ специальныхъ разсужденій, и толкованій, я хотѣлъ сосредоточить вниманіе ихъ на главныхъ, основныхъ, теоретическихъ вопросахъ. Теперь же, пользуясь любезнымъ предложеніемъ Восточной Комиссіи, я печатаю мое изслѣдованіе о происхожденіи ногаты цѣликомъ, восстанавливая всѣ пробѣлы и давая широкое мѣсто разсужденіямъ относительно филологической возможности происхожденія ногаты эти نقاد и дѣлая попутно и дополненія къ раньше высказанному и поправки и опускаю лишнее).

¹⁾ Нумизм. Сборникъ, изд. Москов. Нумизм. Общ. т. I, М. 1911., стр. 667—668.

²⁾ Томъ I, М. 1911.

³⁾ Извѣстія XV Археологическаго Съѣзда въ Новгородѣ. М. 1911., стр. 141—142, засѣд. 31 іюля.

* * *

Наша древнѣйшая денежная система, такъ называемая «кунная», получила, какъ извѣстно, свое названіе отъ общаго обозначенія въ древней Руси денегъ—платежныхъ единицъ «кунами». Кромѣ того, ея кратная величина носила названіе «гривны кунъ» и, наконецъ, одна изъ главнѣйшихъ единицъ всей системы, какъ въ послѣдствіи выяснится—старшая, называлась «куна». Такимъ образомъ это слово «куна» играло важнѣйшую роль въ номенклатурѣ всей системы — обстоятельство весьма важное и, какъ мы увидимъ это дальше, имѣвшее серьезнѣйшія основанія для этого. Единицами, входившими въ эту систему были слѣдующія: ногата, самая крупная, за ней кунa и равноправная ей рѣзана, а въ послѣдствіи, хотя и не долго, и другая, также равноправная кунѣ—долгея и, наконецъ, самая младшая—векша ¹⁾ и ея равноцѣнные — бѣлка и вѣверица. Кратная величина системы, гривна кунъ, по вполне провереннымъ даннымъ и нынѣ уже не вызывающимъ сомнѣнія выводамъ, заключала въ себѣ, до реформы XII вѣка—20 ногаты, 50 кунъ (рѣзанъ) и, приблизительно, 900 векшей (бѣлокъ, вѣвериць). Говорю «приблизительно» потому, что цифра эта еще не выяснена окончательно и остается спорной. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ, отношенія старшихъ единицъ къ векшѣ не играютъ роли.

Въ первой трети XII вѣка среди кунныхъ цѣнностей, была произведена реформа, по которой гривна кунъ почти вся уменьшилась вдвое, сохранивъ при этомъ правильныя пропорціональныя отношенія въ стоимости ея отдѣльныхъ единицъ между собою и, кромѣ того, въ нее введена была новая единица—кунья мордка, равная 2 кунамъ ²⁾. Такимъ образомъ, начиная съ 1126—1134 годовъ ³⁾, мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ для Новгорода, вплоть до перехода новгородцевъ, въ 1410 году, на иностранныя деньги, гривну кунъ = 10 ногатамъ = 15 мордкамъ куннымъ = 30 кунамъ = 300 векшамъ ⁴⁾. Какъ видно изъ сравненія этихъ двухъ гривенъ кунъ, древнѣйшей и XII в., отношеніе ногаты къ кунѣ, въ первой было какъ 1:2½, въ новой, какъ 1:3. Надо, однако, думать, что отношеніе это и при первой гривнѣ было то же, т.-е. какъ 1:3, ибо первое отношеніе было высчитано на основаніи расцѣнки крупной, такъ сказать, партіи кунъ въ 50 штукъ. Между тѣмъ извѣстно, что дорогой мѣхъ въ болѣе крупныхъ партіяхъ однороднаго достоинства шкуръ всегда повышается въ цѣнѣ; да, кромѣ того, допустить разрѣзъ шкурки куницы, хотя бы только пополамъ, нельзя, ибо также извѣстно, что мѣхъ, при разрѣзѣ его сильно теряетъ

¹⁾ Ставлю „векшу“ на первомъ планѣ, такъ намъ именно она упоминается въ древнѣйшихъ официальныхъ актахъ, а не бѣлка или вѣверица.

²⁾ Нумизмат. Сборникъ, т. I. М. 1911. В. К. Трутовскій. Русскія мѣховыя цѣнности и техника чеканки монетъ на миниатюрахъ XVI., стр. 454.

³⁾ Ibid. стр. 411.

⁴⁾ Ibid. стр. 449.

въ цѣнѣ, гораздо болѣе чѣмъ вдвое, если онъ разрѣзанъ пополамъ, еще болѣе, когда разрѣзанъ на три части и т. д. Наконецъ, какъ видно будетъ далѣе, цифра 50 играла тутъ несомнѣнно важную роль и равенство гривны кунъ именно 50 кунамъ было установлено вполне цѣлесообразно. А что нормальное отношеніе ногаты къ кунѣ было съ самаго начала дѣйствительно какъ 1:3, это видно изъ новой гривны, гдѣ число ногаты уменьшилось ровно вдвое, а кунъ стало не 25, какъ можно было бы ожидать при равенствѣ ногаты $2\frac{1}{2}$ кунамъ, а 30. Отношеніе ногаты къ векшѣ было въ первой гривнѣ кунъ, какъ 1:45, во второй, какъ 1:30; что же касается до куньей мордки, то ногата равнялась $1\frac{1}{2}$ этой мордки, что ясно указано въ «памяти какъ торговали доселе Новгородцы», найденной въ одномъ документѣ 1494 года ¹⁾: «пять лобцовъ четвереца, а десять лобцовъ двѣ четверецы, ино то мордка, а ногата полторы мордки, три четверецы... а двѣ векши лбець».

По отношенію ко всей кунной системѣ и ея отдѣльнымъ единицамъ можно считать установленнымъ, во 1-хъ, что куны и векши (бѣлки, вѣверицы), были единицы мѣховыя (а впоследствии, вѣроятно, кожаныя); во 2-хъ, что мордки, какъ кунья, такъ и явившаяся въ концѣ XIV вѣка бѣля, обѣ были условными кожаными кредитными знаками и въ 3-хъ, что отношенія между собой всѣхъ этихъ единицъ вычислены правильно. Можно также считать до известной степени установленнымъ, что и одна изъ равноправныхъ кунѣ единицъ — долгея, или какъ она еще называется въ нѣкоторыхъ спискахъ — долгая, была единицей кожаной ²⁾. Но зато двѣ единицы — ногата и рѣзана — остаются до сихъ поръ загадкой. Не предпрѣшая заранѣе вопроса о нихъ, скажу только о рѣзанѣ, что именно она-то и послужила первымъ поводомъ къ сомнѣнію въ томъ, что кунныя цѣнности были мѣховыя ³⁾; что указаніе на нее является самымъ сильнымъ изъ доказательствъ взгляда, что эти цѣнности были металлическими и самымъ слабымъ мѣстомъ защитниковъ мѣховой теоріи. Основаніемъ къ такому ея значенію послужило все то же соображеніе о порчѣ мѣха разрѣзываніемъ и названіе впоследствии, въ XVI вѣкѣ, тѣмъ же именемъ несомнѣнно обрѣзанныхъ псковскихъ денегъ ⁴⁾. Каково же было ея истинное происхожденіе, это, мнѣ кажется, должно выясниться лишь тогда, когда будетъ разгадана ногата, къ каковой попыткѣ я и перехожу теперь.

¹⁾ Прозоровскій. Монета и вѣсъ въ Россіи до начала XVIII в. (Зап. И. Арх. Общ. т. XII, стр. 500).

²⁾ Долгея и долгая встрѣчены и довольно поздно и за очень короткое время — всего на протяженіи 25 лѣтъ, лишь въ договорахъ Новгорода съ Тверью 1305—1308 годовъ и 1317 года и послѣдній разъ въ договорѣ Полоцка съ Ригею 1330 г. Припоминая указаніе Ахмеда Тусскаго, подъ 1160 г., что въ Россіи ... кожаныя деньги шкуры бѣлокъ (сѣрыхъ), а не диргемы, и кожи безъ мѣха (шерсти) съ передними и задними лапками и когтями можно думать, что такая голая шкурка и замѣнила, послѣ реформы XII в. мѣховую шкурку и по внѣшнему новому виду была названа долгой, вытянутой.

³⁾ Кругъ. Критич. разыск. о древ. рус. мон. СПб. 1807. — Г. Успенскій Опытъ повѣста. о древн. русскихъ. Харьковъ. 1811—1818 г.

⁴⁾ I Псков. лѣгон., подъ 1537 г. «да тогда же рѣзанныя деньги перековаша».

Существующія въ научной литературѣ объясненія ногаты можно раздѣлить на двѣ категоріи: по одной центръ тяжести вопроса сводился къ филологическому разбору этого слова, при чемъ одни искали въ немъ русскихъ (славянскихъ) корней ¹⁾, другіе—иностранный слогъ ²⁾; по другой, въ зависимости отъ принадлежности автора къ мѣхово-теоріи или металлической, въ ногатѣ видѣли то мѣховую — кожаную единицу ³⁾, то иностранную монету ⁴⁾. Но никто не подходилъ къ ней съ точки зрѣнія законовъ, руководившихъ созданіемъ гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было, первоначальныхъ платежныхъ единицъ. А между тѣмъ, примѣненіе этихъ законовъ къ вопросу о происхожденіи всей системы кунъ, несомнѣнно, дало бы намъ руководящую нить также и въ рѣшеніи вопроса о природѣ ея единицъ и объ ея нормальномъ составѣ, а не только по отношенію къ данному вопросу—вопросу о ногатѣ. Попытаюсь восполнить этотъ пробѣлъ и взглянуть на мѣсто и характеръ ногаты сперва съ точки зрѣнія этихъ законовъ по отношенію ко всей системѣ.

Законы эти, насколько можно судить о томъ, изучая исторію созданія и появленія первоначальныхъ платежныхъ единицъ вообще у человѣчества, сводятся къ слѣдующему ⁵⁾.

Во 1-хъ, такая единица должна была имѣться въ данной странѣ или въ данномъ государствѣ, постоянно въ большомъ количествѣ, имѣть малую цѣнность дома и быть интересной, нужной и даже рѣдкой для другаго, или правильнѣе, многимъ другимъ государствамъ, такъ какъ главной причиной, вызывавшей созданіе такихъ единицъ, регулирующихъ мѣновую, примитивную, торговлю, была внѣшняя торговля, но не внутренняя. Отсюда, само собой, такими единицами становились главнѣйшіе продукты каждой страны, имѣвшіеся въ ней въ наибольшемъ количествѣ и легче всего добываемые, какъ естественные, такъ и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, выработанные искусственнымъ путемъ.

Во 2-хъ, если продуктъ, давшій отъ себя такія единицы, относился къ разряду предметовъ неодушевленныхъ, то выбирался всегда какой-нибудь одинъ, будь онъ природный или искусственный — безразлично и притомъ или такого рода, чтобы изъ него можно было легко и свободно составлять любыя кратныя величины и тогда онъ самъ являлся самой мелкой, послѣдней, единицей ⁶⁾, или же такой, который могъ свободно давать изъ себя какъ самыя крупныя, такъ и самыя мелкія цифровыя комбинаціи ⁷⁾.

¹⁾ Кн. Щербатовъ, Прозоровскій, гр. И. Толстой, Усовъ, Шодуаръ, Schoen и др.

²⁾ Шторхъ, Пабстъ, Гутцейтъ, гр. И. Толстой, Тизенгаузенъ, Меліоранскій и др.

³⁾ Кн. Щербатовъ, Карамзинъ, Бекетовъ, Лешковъ, Ланге, Шодуаръ, Ключевскій, Казанскій и др.

⁴⁾ Успенскій, Каченовскій, Мрочекъ-Дроздовскій, гр. Толстой, Черепнинъ, Казанскій и др.

⁵⁾ В. К. Трутовскій. Нумизматика. I. Общее введеніе. М. 1909.

⁶⁾ Напр. куриныя яйца въ Перу, сушеная рыба въ Гренландіи, орѣхи и раковины въ Африкѣ, и т. п.

⁷⁾ Напр. зерновой хлѣбъ въ Халдеѣ, соль въ Абиссиніи, опиумъ въ Катъѣ, чай въ Монголіи и др.

Въ 3-хъ, если платежныя единицы брались изъ міра одушевленнаго, т.-е. изъ царства животныхъ, то таковыхъ всегда бралось два, изъ коихъ одно животное давало единицы для крупныхъ комбинацій, другое — для мелкихъ ¹⁾.

Въ 4-хъ, въ странахъ, гдѣ главнымъ естественнымъ продуктомъ былъ одинъ лишь типъ животнаго, преимущественно домашняго, т.-е. скота, опять-таки выбирались двѣ единицы: для старшей — это животное, для младшей — что нибудь изъ другихъ естественныхъ же продуктовъ, болѣе такъ сказать, дешевыхъ или, лучше, не имѣющихъ не измѣняемой величины ²⁾. Такимъ образомъ, разъ хоть одной платежной единицей являлось живое существо, оно не могло оставаться одинокимъ въ системѣ и требовало себѣ вторую, какую бы то нибыло, младшую, единицу, хотя бы и иной природы, соотвѣтственно предыдущему закону.

Въ 5-хъ, разъ избранные, естественные или искусственные продукты, неодушевленные или одушевленные, никогда не уступали своего мѣста и значенія никакому другому подобному продукту, никогда не замѣнялись таковымъ.

Въ 6-хъ, единственно, кто давалъ изъ себя единицы, равноправныя первоначальнымъ платежнымъ единицамъ, преимущественно при концѣ обращенія таковыхъ, хотя очень часто долго и наравнѣ съ тѣми, былъ металлъ, составляющій въ исторіи развитія платежныхъ цѣнностей вездѣ и всегда вторую стадію этого развитія.

Прилагая теперь эти законы къ нашимъ куннымъ цѣностямъ, мы видимъ, что эти цѣнности не могли быть металлическими уже потому, что древняя Русь совершенно не обладала никакими природными запасами металловъ, въ томъ числѣ и серебра, т.-е. того металла, который чаще всего былъ матеріаломъ древнихъ денежныхъ единицъ и впоследствии сталъ на Руси основнымъ въ ея металлическомъ и денежномъ обращеніи. Объ этомъ мы имѣемъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ, какъ нашихъ лѣтописей, такъ и восточныхъ и иныхъ писателей о древней Руси. Мало того, и въ позднѣйшее время, въ XV — XVI столѣтіяхъ, западно-европейскіе путешественники какъ напр., Ланноа, Гваньини, Рубрукъ, Герберштейнъ, Ювій, Гаклюйтъ и другіе, опять-таки подчеркиваютъ недостатокъ, а нѣкоторые, и отсутствіе въ Россіи серебряныхъ рудниковъ, и даже въ XVII вѣкѣ Котошинъ говорилъ еще о томъ же. Да наконецъ, какъ выше было сказано

¹⁾ Это вполне понятно, ибо, конечно, нельзя было и думать о дробленіи живого существа и въ тоже время нельзя было найти такое животное, постоянное и неизмѣнно большое количество котораго всегда было бы налицо, такъ что изъ него можно было бы всегда создавать любыя кратныя. Что же касается до типа животнаго, наиболѣе употреблявшагося въ древности для такихъ единицъ, то, насколько извѣстно, почти вездѣ выбираемъ былъ рогатый скотъ, т.-е. быки и коровы для старшей единицы, и бараны и овцы — для младшей. При этомъ мы наблюдаемъ, что такого рода выборъ совершался обыкновенно въ странахъ, обладавшихъ благоприятнѣйшими естественными условіями для пастбищъ, т.-е. въ долинныхъ, варнинныхъ и горныхъ.

²⁾ Напр. въ Ирландіи, гдѣ старшей единицей былъ быкъ (или корова), а младшей — мѣшокъ съ ячменемъ, навываемый *miach*.

металлъ всегда и вездѣ являлся лишь второй стадіей развитія платежныхъ единицъ, что было также и въ Россіи. Но по отношенію къ древнѣйшей Руси, мы не имѣемъ ни малѣйшаго намека на ея обладаніе большими запасами природныхъ металловъ и потому мысль о томъ, что кунныя цѣнности были металлическими, приходится окончательно отбросить. А разъ это такъ, то, значить, матеріаль для нашихъ древнѣйшихъ платежныхъ единицъ далъ какой-нибудь другой, мѣстный, естественный или искусственный, продуктъ, имѣвшійся на Руси въ изобиліи и составлявшій главный предметъ вывоза, какъ наиболѣе интересный, нужный и дорогой для тѣхъ странъ и государствъ, съ которыми наши предки создали и вели наиболѣе оживленную торговлю. Карамзинъ ¹⁾, затѣмъ Шодуаръ ²⁾, Казанскій ³⁾ и, въ особенности Мрочекъ-Дроздовскій ⁴⁾ и Усовъ ⁵⁾, утверждали, что таковыми единицами былъ на Руси скотъ, въ древнѣйшее время, а затѣмъ уже мѣха, или кожи, основываясь, главнымъ образомъ, на аналогіи съ исторіей «пастушескихъ» народовъ, въ родѣ древнихъ Грековъ и Римлянъ, и частью на особомъ толкованіи данныхъ нѣкоторыхъ письменныхъ памятниковъ. Но этотъ взглядъ, несмотря на блестящую, на первый взглядъ, аргументацію М.-Дроздовскаго и Усова, совершенно ошибоченъ и не отвѣчаетъ результатамъ изученія этого вопроса. Не вдаваясь здѣсь въ подробный разборъ его, я позволю себѣ остановиться лишь на нѣкоторыхъ возраженіяхъ.

Во-первыхъ, обращеніе сперва скота, а затѣмъ мѣховъ въ качествѣ платежныхъ единицъ въ одной и той-же странѣ, противорѣчило бы тому основному закону, по которому, разъ избранный для созданія изъ изъ него платежныхъ единицъ мѣстный продуктъ, никогда не замѣняется другимъ, таковымъ же, а уступаетъ свое мѣсто лишь металлу. Въ крайнемъ случаѣ, это можно было бы допустить, если бы цѣлый народъ, цѣлое государство, силою вещей вынуждено было бы переселиться въ мѣстность совсѣмъ иного характера, гдѣ не было бы мѣста тѣмъ продуктамъ, которые раньше давали матеріаль для его платежныхъ единицъ, въ особенности въ нужномъ, и во всякомъ случаѣ очень большомъ, первое время, количествѣ и нельзя было бы его культивировать въ такомъ количествѣ. Если допустить теперь, что наши предки славяне пришли изъ-за Дуная, какъ о томъ говорятъ лѣтописи, то непрерывный рядъ римскихъ монетъ I—IV в.в. тянущійся отъ Дуная внутрь Россіи до Ярославля показывалъ бы намъ, что эти славяне занесли съ собой эти монеты, которыя они не могли не знать

¹⁾ И. Г. Р. т. I, прим. 477

²⁾ Обозрѣніе русскихъ денегъ. СПб. 1837. ч. I, стр. 46—49.

³⁾ Изслѣдованіе о древней русской монетной системѣ въ XI, XII и XIII вв. (Зап. Имп. Арх. Об. т. III).

⁴⁾ Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ Русской Правды. М. 1881. в. I.

⁵⁾ Сочиненія, т. II. Замѣтка о древне-русскихъ деньгахъ по Русской Правдѣ, стр. 78 и 92.

идя изъ римскихъ колоній и уходя изъ подъ римскаго владычества. А знакомство съ монетой, которая въ Римѣ появилась въ видѣ ассовъ очень давно, а въ серебрѣ съ 268 г. до Р. Х., исключаетъ уже мысль о скотѣ—деньгахъ для неорганизованныхъ славянъ.

Во-вторыхъ, скотъ, какъ сказано выше, даетъ всегда двѣ платежныхъ единицы, имѣющія каждая свое названіе. Ни въ языкѣ нашемъ, ни въ памятникахъ, ни въ устной словесности у насъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, чтобы какаѣ-нибудь порода скота или какія-нибудь подобныя единицы когда либо имѣли подобное значеніе.

Въ третьихъ, скотъ въ нашихъ письменныхъ памятникахъ встрѣчается лишь въ значеніи цѣннаго имущества, каковымъ онъ и былъ въ виду его рѣдкости на Руси и въ составъ понятія скота входили и рогатый скотъ и овцы и лошади и свиньи и козы и порты, т.-е. одежда и оружіе, и серебро, какъ металл. Именно, рѣдкость скота на Руси и не позволила бы быть ему платежной единицей если ограничить это понятіе домашнимъ, рогатымъ скотомъ, а тѣмъ болѣе, если взять его во всемъ объемѣ этого понятія.

Въ четвертыхъ, условія топографическія древней Руси — сплошные лѣса, болота, богатство водныхъ бассейновъ и обиліе дикихъ звѣрей — прямо противоположны тѣмъ условіямъ, каковыя требовались бы для скота—денегъ, т.-е. равинамъ, полямъ и лугамъ. Нѣтъ и намека на то, чтобы наши отдаленнѣйшіе предки стремились бы къ разведенію скота и принаравливанію мѣстности для этого.

Въ пятыхъ, если подразумѣвать подъ скотомъ кожу, то опять-таки надо было бы ожидать отголоска этого въ нашемъ языкѣ или памятникахъ, а мы этого не имѣемъ и слово «скора» не играетъ никакой роли въ номенклатурѣ платежныхъ или мѣновыхъ единицъ древней Руси¹⁾.

Въ шестыхъ, наконецъ, само слово «скотъ» — не славянскаго происхожденія, а заимствованное изъ готскаго или старо-нѣмецкаго языковъ²⁾, значитъ не ранѣе IV столѣтія, т.-е. послѣ прекращенія связи древней Руси съ при-Дунайскими славянами и оно встрѣчается, изъ другихъ славянскихъ языковъ, лишь въ Польшѣ, т.-е. опять таки въ области древней Руси. Также оказываются заимствованными изъ чужихъ, не славянскихъ языковъ, названія и отдѣльныхъ единицъ скота, кромѣ его потомства, что указываетъ еще разъ на знакомство славянъ со скотомъ при посредствѣ народовъ, чуждыхъ имъ по языку и происхожденію. А разъ названіе какого-нибудь понятія является заимствованнымъ то и существо такого понятія можетъ быть только заимствованнымъ.

Находя для даннаго случая достаточными эти нѣсколько возраженій, прихожу къ заключенію, что теорія о скотѣ-деньгахъ въ древней Руси

¹⁾ Указаніе Мрочекъ-Дроздовскаго на серебро „корное“—„скорное“— полное недо-разумѣніе.

²⁾ Коршъ Э. Е. О нѣкотор. бытов. слов., заимствов. древн. славян. изъ такъ назыв. урало-алтайскихъ языковъ (Зап. И. Р. Г. О. по Отд. Этногр. т. XXXIV).

должна быть отложена. Остается, значить, признать, что, теоретически, кунныя цѣнности должны были быть ничѣмъ инымъ, какъ мѣхами. И топографическія условія—лѣса, богатые пушнымъ звѣремъ и данныя о древнѣйшей торговлѣ Руси съ Востокомъ, въ которой мѣха играли главную роль и, наконецъ, самыя названія такихъ единицъ, какъ куна — куница, векша, вѣверица, бѣлка — чисто русскія и сохранившіяся до сихъ поръ въ нашемъ языкѣ, письменныхъ и устныхъ памятникахъ—все говоритъ въ пользу признанія нашихъ древнѣйшихъ платежныхъ единицъ, если не всѣхъ, то большинства изъ нихъ—мѣхами. И такой выводъ вполне отвѣчаетъ всѣмъ основнымъ законамъ о созданіи первоначальныхъ цѣнностей и въ исторіи обращенія цѣнностей въ древней Руси, мы видимъ, совершенно правильно и вполне послѣдовательно, отчасти современниками, а затѣмъ законными преемниками мѣховъ—слитки золота и серебра, какъ вторую законную стадію развитія таковыхъ цѣнностей¹⁾.

Но разъ наши древнѣйшія цѣнности были мѣховыми, то невольно рождается вопросъ, сколько же ихъ должно было быть,—одна или двѣ, т.-е. какому должны были онѣ подчиниться закону—объ единицахъ неодушевленныхъ, или же одушевленныхъ? Несомнѣнно, въ силу своей природы, по которой мѣхъ теряетъ слишкомъ много при разрѣзываніи его, въ силу того, что онъ получается отъ живыхъ существъ и, наконецъ потому, что невозможно найти такого пушнаго звѣрка, который одинъ могъ бы создать платежную систему — единицъ этихъ должно было быть двѣ и система эта должна быть отнесена къ системамъ единицъ изъ міра одушевленнаго. Подтвержденіе этому можно видѣть въ платежныхъ единицахъ, бывшихъ у березовскихъ самоѣдовъ и остяковъ. Тамъ тоже было двѣ единицы: старшая — шкурка песца, замѣняемая иногда 20 лапками песцовыми же и младшая—рыба муксунъ, которой шло 30 штукъ на песцовую шкурку или 1¹/₂ на одну песцовую лапку²⁾. Несомнѣнно здѣсь и песецъ и муксунъ разсматриваются какъ живыя существа, хотя отъ перваго бралась лишь шкура, а второй былъ снулый, сушеный или замороженный. Думать, что въ изъятіе закона объ единицахъ изъ животнаго міра, здѣсь, т.-е. на Руси, была еще третья, однородная, единица—нельзя, ибо эти третьи единицы, если онѣ бывали гдѣ, всегда изображались металломъ и знаменовали собою близость перехода къ металлическому обращенію. Такимъ образомъ, мы должны отнести къ кунной системѣ и ея кратной величинѣ—гривнѣ кунъ, лишь двѣ единицы, однородныя, и мы ихъ находимъ въ видѣ, несомнѣнно теперь доказанныхъ, что эти были мѣха,—кунъ=куницъ и векшъ, бѣлокъ, вѣверицъ. Отсюда становится вполне яснымъ и понятнымъ и естественнымъ названіе денежныхъ единицъ, и вообще денегъ въ древней Руси—кунами и кратной величины системы—

¹⁾ Ср. В. К. Трутовскій, Мѣх. цѣн., гдѣ между прочимъ изданы миниатюры XV в., ясно указывающія на куны, какъ на мѣховыя единицы и на мордки, какъ на кожанныя.

²⁾ Какъ параллель этому, мы видимъ, указанную выше, систему древнихъ Ирландцевъ: быкъ (или корова) и мѣшокъ съ ячменемъ.

гривной кунъ, не говоря уже о массѣ производныхъ отъ куны и бѣлки, заключающихъ въ себѣ понятіе денежныхъ платежей.

Въ результатѣ, съ точки зрѣнія чисто теоретической, ногата стоитъ внѣ системы кунъ, лишь рядомъ съ таковой, дополнительной единицей, и, слѣдовательно, въ силу основныхъ законовъ, должна была быть не мѣховой или кожанной, не какой-либо изъ другихъ естественныхъ или искусственныхъ продуктовъ единицей, а только металлической. Принимая же во вниманіе, что на Руси, рядомъ съ ея мѣховыми цѣнностями, обращались исключительно серебряныя иностранныя монеты, диргемы и другія, и что второй стадіей въ развитіи платежныхъ единицъ древней Руси является опять таки серебро въ видѣ слитковъ—гривень, мы должны и ногату считать какой либо опредѣленной, серебряной именно, единицей. А вслѣдствіе этого и рѣзана вырисовывается рядомъ съ ней, какъ тоже серебряная единица, оправдывая, такимъ образомъ, мнѣніе Круга, и всѣхъ послѣдователей металлической теоріи, объ ея происхожденіи.

Перехожу теперь къ разбору существующихъ въ научной литературѣ попытокъ объясненія ногаты; но въ виду того, что объясненія этого слова изъ русскаго языка тѣсно связаны съ толкованіемъ ея, какъ единицы мѣховой или кожанной, я эти объясненія не буду отдѣлять отъ тѣхъ толкованій, чтобы не повторяться. При этомъ я вообще буду останавливаться лишь на главнѣйшихъ, болѣе или менѣе обоснованныхъ, объясненіяхъ ногаты съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Монета и вѣсь въ Россіи до конца XVIII столѣтія», Прозоровскій, отстаивая свою мысль, что куна—не мѣхъ, а диргемъ, говоритъ: «Если бы куна была дѣйствительно куница, то она не могла бы оцѣниваться дешевле ногаты и мордки, которая, въ смыслѣ шкура, надобно производить отъ ноги¹⁾ или ногтя²⁾ (лапа) и отъ морды³⁾». Другой еще болѣе извѣстный, современный, нумизматъ, гр. И. И. Толстой, затронувъ въ своемъ изслѣдованіи «Монеты Великаго Новгорода» и этотъ вопросъ, отнесся къ предложенію Прозоровскаго съ недоумѣніемъ, назвавъ его «сомнительнымъ»⁴⁾, а въ другомъ своемъ трудѣ «Монеты Псковскія», нѣсколько подробнѣе развилъ свое несогласіе съ нимъ и предложилъ свое собственное объясненіе на тотъ случай, если считать ногату единицей мѣховой. Категорически заявивъ, что слово «ногата» никогда не могло произойти отъ «ноги», онъ продолжаетъ: «Этимологически правильно было бы лишь предполагать, что слово ногата—сокращеніе выраженія «скора (шкура) или куница ногатаа», т. е. шкура съ ногами, съ лапками (несмотря на всю странность такого выраженія) въ противоположность обрѣзанной

1) Мнѣніе Раковицкаго въ его Prawda Ruska I, 166.—С. А. Усовъ. *Op. cit.*, стр. 86—87. I. Schoen: *Novae quaedam in rem nummariam antiquae Rossiae observationes*, 9.

2) Мнѣніе Кн. Щербатова въ Опытъ о древн. Россійск. мон., 308.

3) Стр. 518.

4) Стр. 12, примѣчаніе.

шкурѣ, цѣнимою ниже»¹⁾, каковой, надо добавить, гр. Толстой считалъ куну, основываясь на ея равноправности съ рѣзаной. Въ доказательство возможности такого объясненія онъ далѣе замѣчаетъ, что будто бы «всѣ русскія названія цѣнностей являются сокращенными имъ полными прилагательными формами (чистыя прилагательныя или причастія) или производными отъ прилагательныхъ существительными» и указываетъ при этомъ на происхожденіе будто бы словъ «гривна—отъ гривенная, отъ гривы (шея), рѣзана—отъ рѣзати, бѣла—отъ бѣлая, морд(т)ка отъ мордата, подобно тому, какъ перстатка (перчатка) произошло изъ (рукавица) перстата» и др. При этомъ, впрочемъ, онъ, какъ убѣжденный послѣдователь металлической теоріи, оговаривается, что допускаетъ такое производство лишь въ томъ случаѣ, если всѣ названія эти производить отъ русскихъ корней, а не иностранныхъ, каковыми, въ сущности, онъ ихъ считаетъ.

Эти объясненія и Прозоровскаго и гр. Толстого нашли многихъ сторонниковъ, которые, въ свою очередь, видѣли рѣзкое доказательство правильности производства ногаты отъ ногатаа, въ извѣстіи персидскаго астронома XIII в. Насир-эд-Дина Ахмеда Тусскаго, который, въ своемъ сочиненіи «Чудеса творенія» говоритъ, подъ 1160 г., о русскихъ цѣнностяхъ такъ: «и у русскихъ кожанья деньги шкуры бѣлокъ (сѣрыхъ), а не диргема, и кожи безъ мѣха съ передними и задними лапками и когтями; если что-либо изъ этого не достаетъ у кожи, то она считается негодной для вывоза»²⁾ и считали что Ахмедъ говоритъ именно о ногатахъ.

Однако, ни одного изъ этихъ объясненій принять нельзя и вотъ почему.

Ноготь есть исключительная принадлежность человѣка и никогда русскій языкъ не примѣнялъ его къ животнымъ или птицамъ. У тѣхъ и другихъ—коготь, который мы встрѣчаемъ и въ приложеніи къ человѣку, имѣющему особенно большіе, жесткіе, острые и длинные ногти, но никогда ноготь не замѣнялъ когтя у животныхъ. Но если бы даже допустить, вопреки всему, что въ глубокой древности Русь называла когти ногтями и относила ихъ къ звѣрямъ, то въ данномъ случаѣ, онъ долженъ былъ бы или отличаться какой нибудь необыкновенной формой или величиной у звѣрка, давшего свою шкурку для ногаты и своимъ видомъ поразить взоръ нашихъ предковъ, или же явиться элементомъ, придававшимъ особенную цѣнность шкурѣ. Иначе названіе ногаты не было бы отличительнымъ или характернымъ, каковымъ, на самомъ дѣлѣ оно обязательно должно было бы быть. Но допустить то или другое предположеніе у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ ни въ исторіи, ни въ языкѣ, ни въ памятникахъ и потому это объясненіе надо совершенно оставить.

Равнымъ образомъ трудно допустить и производство ногаты отъ «нога» или «ногатаа» (скора). Извѣстно, что окончности у всѣхъ животныхъ и птицъ, снабженныя перепонками, называются «лапами», неимѣющія такихъ—«ногами». Такимъ образомъ, мы имѣемъ пѣтушью, лошадиную,

¹⁾ Стр. 10—12, примѣчаніе.

²⁾ Текстъ Ахмеда см. В. К. Трутовскій. Мѣх. цѣн., стр. 441—442.

верблюжью, аиста, человеческую — ногу, но гусинья, утинья, кошачьи, собачьи, песцовья, волчьи, медвѣжьи — лапы. Правда, говорятъ про «медвѣжью ногу», но лишь когда идетъ рѣчь о медвѣжьемъ окорокѣ, а сосетъ онъ зимой «лапу». У пушныхъ звѣрей, у всѣхъ, конечности перепончатая, почему и называются исключительно лапами, отчего въ скорняжномъ дѣлѣ мы имѣемъ «лапчатый мѣхъ». Допустить ногу для пушныхъ звѣрей не мыслимо, какъ трудно видѣть и усѣченное прилагательное «ногатаа», приложенное къ «скорѣ» и скоро отбросившее свое опредѣляемое. Суффиксъ «атый» скорѣ указываетъ на выдающуюся особенность того понятія ¹⁾, отъ котораго онъ создаетъ прилагательное: носатый — съ большимъ носомъ, волосатый — особенно сильно украшенный волосами, сопатый — постоянно и рѣзко сопящій, сохатый (олень) — съ громадными рогами, рогатый — съ выдающимися рогами (коза, баранъ, лань и т. д. не рогатая, хотя и съ рогами), полосатый — съ рѣзкими полосами или съ большимъ ихъ количествомъ и т. д. Вѣроятно, звѣрекъ, давшій свою шкуру для денежной, да еще высшей, единицы, долженъ былъ бы обладать какими-либо особо выдающимися лапами, прозванными за то ногами, и всегда сохранить эту особенность, переходившую даже на содранную съ него шкуру. Такого пушнаго звѣрка, съ ногами, вмѣсто лапъ, и притомъ исключительнаго вида мы не знаемъ и не можемъ себѣ представить, кромѣ кенгуру! Вѣдь если бы подобный звѣрекъ существовалъ бы когда-нибудь на Руси, то, для того, чтобы изъ его шкуры создалась денежная единица, онъ долженъ былъ бы имѣться въ очень большомъ и постоянномъ количествѣ, какъ тѣ же куницы и бѣлки и, конечно, хорошо знакомъ нашимъ предкамъ. Однако на это нѣтъ никакихъ даже самыхъ отдаленныхъ намековъ ни въ памятникахъ языка, ни въ письменныхъ памятникахъ.

Нѣкоторые сторонники теоріи скоть - деньги, высказывали мнѣніе, что ногата — это бычья шкура съ ногами; но и этого мнѣнія нельзя принять въ виду того же, что уже высказано выше. Да нога быка и не могла бы придавать шкурѣ особой цѣнности.

Что же касается до извѣстія Ахмеда Тусскаго, то допуская даже, что подъ словомъ «кожи» онъ говоритъ не о бѣлкѣ, а о другомъ какомъ-либо пушномъ звѣркѣ, на примѣръ куницѣ, все-же отнести его замѣчаніе къ ногатѣ невозможно. Облѣзлая шкура, «безъ мѣха», хотя бы съ лапами и ногтями, все же не могла бы быть дороже въ $2\frac{1}{2}$ — 3 раза цѣльнаго мѣха, шкурки куницы.

Очевидно въ связи съ этимъ же извѣстіемъ стоитъ и производство ногаты отъ «нагота». По поводу этого, кромѣ только что сказаннаго

¹⁾ А вовсе не «соотвѣтствуетъ предлогу съ», какъ то утверждалъ Усовъ (ор.-сѣт., стр. 87), желая доказать, что ногатый = съ ногами. (Примѣч. редакц. По-малорусски «ногатый» значитъ какъ разъ «съ ногами» и противопоставляется понятію «безногий». Конечно, заключительный выводъ изслѣдованія В. К. Трутовскаго не нарушается этимъ фактомъ).

можно еще прибавить, что «нагой», «нагота» и т. п. никогда не имѣли значенія «облѣзлаго», «безволосаго» и къ шкурѣ, лишенной волосъ не примѣнялись, не говоря уже всей странности такого примѣненія.

Таковы объясненія ногаты съ точки зрѣнія русскаго языка, а потому и съ точки зрѣнія русскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ кожанно-мѣховаго ея происхожденія. Другіе сторонники того же ея происхожденія, вопросовъ филологіи не касались, а только утверждали, что эта единица была мѣховая—кожаная. Относительно болѣе или менѣе подробно высказались въ этомъ направленіи кн. Шербатовъ, В. О. Ключевскій и П. С. Казанскій.

Первый, отказавшись скоро отъ первоначальнаго своего предположенія, о происхожденіи ногаты отъ «ноготъ»¹⁾, предположилъ считать ее «низкошерстнымъ мѣхомъ»²⁾, не дорогой цѣны, не приведа однако, въ пользу этого, никакихъ доказательствъ. Но уже само положеніе ногаты, какъ самой старшей единицы системы, оцѣниваемой, притомъ, въ $2\frac{1}{2}$ —3 раза дороже куны-куницы и въ 30—45 разъ дороже векши—бѣлки—вѣверицы, достаточно свидѣтельствуесть, что ногата не могла быть дешевымъ мѣхомъ, если ее считать таковымъ и въ самомъ принципѣ заставляетъ отвергнуть теорію перваго нашего историка и археолога. Не менѣе слабо обосновано и мнѣніе Ключевскаго. Упомянувъ въ своемъ «Курсѣ русской исторіи» объ обращеніи цѣнностей въ древней Руси, онъ, допуская одновременное существованіе «какъ бы двухъ валютъ мѣховой и металлической», считаетъ, что ногата относится къ первой, а куна ко второй и говоритъ: «Въ Русской Правдѣ находимъ указаніе и на постоянное отношеніе мѣховыхъ и металлическихъ цѣнностей. Она устанавливаетъ добавочную пошлину по судебнымъ пенямъ въ 5 кунъ—«на мѣхъ 2 ногатѣ»: это значить, что 5 металлическихъ мунъ могутъ быть замѣнены двумя мѣховыми ногатами. И такъ мѣхъ—ногата равнялся $2\frac{1}{2}$ металлическимъ кунамъ»³⁾. Какъ на доказательство такого, въ сущности неожиданнаго и ничѣмъ не оправдываемаго мнѣнія о валютѣ ногаты, онъ указываетъ на свидѣтельство Ибн-Дасты (Ибн-Росте), что у поволжскихъ болгаръ «звонкую монету замѣняютъ куньи мѣха, а каждый мѣхъ стоитъ $2\frac{1}{2}$ диргема». А разъ у болгаръ куній мѣхъ стоитъ $2\frac{1}{2}$ диргема, а у нашихъ предковъ ногата равнялась $2\frac{1}{2}$ кунамъ, то значить ногата—это куній мѣхъ, а куна—арабскій диргамъ! На все это надо замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, что изъ текста Р. П. невозможно сдѣлать никакого вывода о той или другой валютѣ ногаты или куны, кромѣ того, что 2 ногаты замѣнили 5 кунъ, т.-е. ногата= $2\frac{1}{2}$ кунамъ, что совершенно вѣрно, и что куна была «мѣхъ». Это еще яснѣе видно изъ текста Р. П. по Синодальному списку XIII в., наиболѣе исправному, гдѣ весь пунктъ читается такъ: «...писчу ї коунъ, перекладнаго ѣ коунъ, а за мѣхъ двѣ ногатѣ»⁴⁾.

1) См. выше, стр. — примѣчаніе.

2) *Op. cit.*, 318.

3) Курсъ русской исторіи. Изд. второе, 1906 г. ч. I, стр. 263.

4) «Русская Правда» по Синодальному списку. Подъ редакціей Н. А. Маркса. М. 1910.

Ключевскій же пользовался обработкой, довольно своеобразной и своевольной, Русской Правды, В. И. Сергѣевича, положившаго въ основаніе обработки текстъ Правды по Троицкому списку XIV в. ¹⁾ Но и при чтеніи «на мѣхъ двѣ ногаты» все равно можно сдѣлать только тѣ-же выводы. Что же касается до извѣстія Ибн-Ростеха, то онъ дѣйствительно говоритъ, что болгары вмѣсто серебра даютъ шкуры (куницы), оцѣнивая ихъ по $2\frac{1}{2}$ диргема каждая, но Гардизи опредѣляетъ эту цѣну уже въ 2 диргема и сверхъ того прибавляетъ: «потомъ они тѣ диргема отдаютъ руссамъ и славянамъ, такъ какъ тѣ люди не продаютъ товара иначе, какъ за чеканенные диргамы ²⁾». Изъ этого ясно, что болгары взимали $2-2\frac{1}{2}$ диргема за продаваемыя ими шкуры куницы, а не за покупаемыя у руссовъ или славянъ. Торгуя сами пушнымъ товаромъ они конечно могли его цѣнить при продажѣ какъ хотѣли, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что именно за эту цѣну они покупали куньи шкурки у нашихъ предковъ; во всякомъ случаѣ покупали они гораздо дешевле, чѣмъ продавали, а продавали различно, что видно изъ сравненія цѣны шкурки у Ибн-Ростеха и Гардизи.

Послѣдній изъ названныхъ мною авторовъ, Казанскій, высказалъ мнѣніе нѣсколько согласительнаго характера. Основываясь на указаніи Ніенштедта, въ его «Chronicon Livoniae», что у ливонцевъ, въ XI в. въ качествѣ денегъ обращались бѣличьи ушки съ закрѣпленными въ нихъ серебряными гвоздиками,—указаніи, осмѣянномъ Каченовскимъ, но признаваемомъ Казанскимъ «замѣчательнымъ»,—послѣдній предположилъ, что ногата была не что иное, какъ мордка, т. е. лоскутокъ кожи, съ закрѣпленнымъ въ ней серебрянымъ денежнымъ знакомъ. «Не указываетъ ли оно (извѣстіе Ніенштедта), говоритъ авторъ, на обычай нашихъ праѣдковъ мелкую серебряную монету для сохранности укрѣплять въ лоскутки звѣриныхъ шкуръ? Отсюда такъ легко могло образоваться у иностранцевъ, видѣвшихъ русскихъ, мнѣніе, что въ Россіи ходили бѣличьи и куньи мордки или ушки—части шкуры, негодныя для мѣха, ³⁾ но надежныя для храненія монетъ». На это можно возразить, что кунья мордка была единицей не равной ногатѣ, а въ $1\frac{1}{2}$ раза ея меньше, а бѣличья не менѣе какъ въ 30 разъ меньше, что въ эпоху существованія куньей мордки русскихъ серебряныхъ монетъ не существовало, а иностранныя обращались такъ, какъ онѣ были, безъ всякаго закрѣпленія въ лоскутки и что увеличить стоимости мордки лишь въ $1\frac{1}{2}$ раза путемъ прикрѣпленія къ ней серебрянаго знака не имѣло смысла. Бѣличьей же мордки, кромѣ того, въ это время еще не было, появилась она только въ концѣ XIV в., такъ что для удорожанія такой мордки въ 30

¹⁾ Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ. Издавъ В. Сергѣевичъ. Спб. 1904. Стр. 19, п. 99.

²⁾ Абу-Саидъ Гардизи (XI в.) «Украшеніе извѣстій» (В. Бартольдъ. Отчетъ о поездкѣ въ Среднюю Азію. Зап. Имп. Акад. Наукъ, VIII серия, т. I, № 4, стр. 98 текста и 121 перевода.

³⁾ Op. cit., стр. 140.

разъ требовалось бы помѣстить на нее очень крупный серебряный знакъ, ибо въ это время 100 бѣлокъ цѣнились 1—2 рубля. Къ тому же появленіе бѣличьей мордки было лишь за 12—15 лѣтъ до перехода Новгородцевъ на иностранныя деньги и за 25 лѣтъ до начала ими чеканки своихъ денегъ и относилось къ Москвѣ, имѣвшей уже свои серебряныя деньги.

Наконецъ, ногата является совершенно одинокимъ словомъ и въ нашемъ языкѣ и вообще въ славянскихъ языкахъ. Отъ нея нѣтъ ни производныхъ, ни сложныхъ, ни видоизмѣненныхъ словъ, ни въ специальныхъ областяхъ—въ терминологіи зоологической, скорняжнаго дѣла, денежнаго обращенія,—ни вообще въ языкѣ. Отсутствие такихъ словъ и соответствующаго корня, не можетъ не указывать на то, что она, очевидно, явила и являла во все время своего существованія въ нашемъ языкѣ, какое-то чужое, заимствованное понятіе, случайное, временное и узко-спеціальное, исчезнувшее, затѣмъ, одновременно съ исчезновеніемъ того предмета, котораго она олицетворяла. Въ то же время мы видимъ, что куна и бѣлка, свои родныя единицы, имѣли и имѣютъ до сихъ поръ массу производимыхъ отъ себя словъ, олицетворяютъ понятія, по крайней мѣрѣ въ отношеніи животнаго міра, до сихъ поръ, и сохранили еще пережитки своего древняго, спеціального—денежнаго значенія въ народномъ языкѣ и въ настоящее время, какъ напр., куничное—свадебный выкупъ, названіе денегъ кунами въ Тверской губ. и мордками—въ Рязанской губ. и, наконецъ, нашъ гривенникъ—столосокъ древней гривны. Изъ этого ясно, что ногату надо искать среди воспринятыхъ нашими предками отъ иныхъ народовъ незнакомыхъ до того Руси понятій.

Существующія въ наукѣ толкованія ногаты изъ иностранныхъ языковъ не сходятся между собою въ объясненіи понятія, подъ ней подразумеваемаго. Одни пытаются видѣть въ ней кожанно-мѣховую единицу, другія—иностранныя серебряныя монеты, главнымъ образомъ, арабскіе диргеми. Остановлюсь сперва на первомъ толкованіи, чтобы окончательно подвести итоги по вопросу объ ея мѣховомъ происхожденіи.

Такого рода толкованіе—лишь одно, но оно создало не только небольшую литературу, но въ настоящее время должно считаться и наиболѣе распространеннымъ вообще и въ частности наиболѣе принятымъ наукой. Это—что ногата заимствована изъ финскаго языка и носитъ названіе чисто финскаго характера.

Первый, кто высказался въ этомъ направленіи, былъ очень извѣстный въ свое время политико-экономъ проф. Генрихъ Шторхъ. Въ своемъ «Курсѣ политической экономіи» онъ указалъ на существованіе въ эстонскомъ языкѣ слова *nahat*, обозначающее мѣха (*Pelzwerk*), и предложилъ видѣть въ немъ нашу ногату ¹⁾. Эту мысль подхватилъ и Шодуаръ ²⁾ и другіе, а Эд. Пабстъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ изданному имъ тексту

¹⁾ Cours d'économie politique, VI, note 6, p. 25 и 42.

²⁾ Обзоръніе и т. д. СПб. 1838. т. I, стр. 39.

Ливонской Хроники Генриха Латыша, даже категорично заявилъ, что ногата несомнѣнно происходитъ отъ эстонскаго *nahk*—кожа, во множественномъ числѣ *nahhad*, или же отъ ливскаго *pag*, *pag*—кожа, во множественномъ числѣ *pagöd*, *pagöd*. Кожи, добавляетъ онъ, кунницъ и сѣрыхъ бѣлокъ или кусочки кожъ обращались какъ деньги». Нѣсколько осторожнѣе, но не протестуя, выразился о томъ-же проф. Л. Майеръ: «въ ней (ногатѣ) подозрѣваютъ эстонское множественное *nahhad* отъ *nahk*—кожа, мѣхъ; также и для эстонскаго же *nahha*—деньги, предполагаютъ первоначально значеніе мѣха, мѣховой вещи»¹⁾. Предположеніе это, какъ сказано было выше, нашло себѣ много послѣдователей. У сторонниковъ мѣхового происхожденія кунныхъ единицъ, оно было чуть ли не единственнымъ научно-филологическимъ объясненіемъ, такъ какъ предположенія Прозоровскаго и гр. Толстого принадлежатъ сторонникамъ металлической теоріи и высказались ими лишь академически. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно было и самымъ сильнымъ и серьезнымъ изъ ихъ положеній, такъ что противники ихъ должны были очень считаться съ нимъ, кромѣ Каченовскаго, который, признавая существованіе этого слова у эстонцевъ, рѣзко опровергалъ возможность какого-либо отношенія его къ ногатѣ, считая ее монетой²⁾. Графъ же Толстой признавалъ вполне возможнымъ и правильнымъ это объясненіе, говоря, что «производство слова ногата отъ нога или ноготь сомнительно и что давно предложено объясненіе его словомъ *nahka*, множественное *nahhad*, что значитъ кожа, шкура»³⁾. Вполнѣ допускающая возможность происхожденія ногаты отъ *nahhad*, одинъ изъ современныхъ изслѣдователей, Гутцейтъ, считаетъ его ближе и важнѣе, чѣмъ отъ нога, но тутъ же, какъ сторонникъ металлической природы ногаты, высказываетъ мысль, что Генрихъ Латышъ упоминалъ о ней, какъ русскою единицею, но не какъ объ эстонскомъ и тѣмъ болѣе ливскомъ множественномъ *nahhad* или *pagöd* и что въ словѣ ногата надо видѣть «опредѣленное и большое число (*einig, grösseren, doch bestimmten Anzahl*) мѣховъ, почему это русское названіе и перешло къ эстамъ и ливамъ въ значеніи мѣха»⁴⁾. Съ этимъ взглядомъ нельзя не согласиться, припоминая, что ногата равнялась или $2\frac{1}{2}$ —3 куннымъ шкуркамъ или же 30—45 бѣлкамъ, и что слова *nahk*—*nahhad* у эстонцевъ и *pag*, *pag*—*pagöd* и *pagöd*—у ливовъ оказываются такъ же заимствованными и также стоятъ въ этихъ языкахъ одиноко, какъ ногата въ русскомъ. Да и трудно допустить, чтобы такія бѣдныя племена, обитавшія къ тому же мѣстность далеко не богатую пушнымъ звѣремъ и сравнительно поздно явившіяся на исторической сценѣ, дали бы вдругъ богатѣйшей мѣхами странѣ свое слово для ея высшей денежной единицы. Вѣдь если они дали свое названіе, значитъ они дали и само понятіе и о мѣхѣ, и о деньгахъ, а это совершенно не допустимо и неестественно.

1) Sitzungberichte der gel. Estnisch. Gesellschaft, 1876, s. 11.

2) Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ. М. 1849.

3) Монеты Псковскія, стр. 10—12 прим.

4) Nagaten und Mordken. Riga. 1884. S. 4.

Кромѣ эстовъ и ливовъ почти тѣ же слова оказываются, по словамъ Крохина, и у кареловъ-биармійцевъ. «Торговали карелы-биармійцы, говоритъ онъ, главнымъ образомъ шкурами пушныхъ звѣрей. Особенно много было бѣличьихъ шкурокъ, которыя замѣняли собою въ торговомъ обращеніи нынѣшнюю мелкую монету и назывались гага. Это слово, при появленіи потомъ въ обращеніи металлической монеты, перешло на нее и стало обозначать деньги вообще. Употреблялось, для обозначенія такой денежной единицы и другое слово гага — шкурка, которое было заимствовано и русскими славянами, напр., въ Словѣ о полку Игоревѣ «была бы чага по ногатѣ»¹⁾).

Сопоставляя это замѣчаніе съ предъидущимъ, мы видимъ, что у народовъ финскаго происхожденія были два слова для обозначенія кожъ, мѣховъ, шкуръ и денегъ. Первое—гага—у всѣхъ одинаково и вездѣ имѣетъ преимущественное значеніе денегъ. Къ ногатѣ оно ни съ какой стороны, съ точки зрѣнія филологіи, не подходитъ и потому его можно оставить въ покоѣ. Другое, имѣвшее главное значеніе мѣха, кожи, шкуры всячески варьируется въ разныхъ нарѣчіяхъ и въ то же время, насколько можно судить по изслѣдованіямъ, стоитъ вездѣ одиноко. Можно ли его считать обще-финскимъ и можно ли въ послѣднемъ случаѣ, допустить заимствованіе его славянами? Несомнѣнно нѣтъ. Существованіе уже одного обще-финскаго обозначенія кожъ—денегъ въ разныхъ нарѣчіяхъ безъ измѣненія—гага, не позволяетъ существованію рядомъ другого такого же слова, того же происхожденія и того же значенія. Оно могло явиться только какъ заимствованное и обозначающимъ родственное, близкое, имѣвшееся уже, но иной природы, понятіе. Если предположить, что оно было создано финнами изъ своего языка, какъ слѣдствіе ими же созданнаго такого новаго понятія, т. е. въ данномъ случаѣ, новаго, рѣзко отличающаго отъ прежняго типа денежныхъ единицъ, то для этого надо было бы допустить, что финскія племена VIII-X в. обладали уже значительной культурой, составляли бы нѣчто цѣлое и представляли бы изъ себя правильное государство, дающее тонъ и направленіе сосѣдямъ-славянамъ. Этого не было и славяно-руссы гораздо раньше сплотились въ самостоятельное государство и стали создавать свою культуру, мощь и богатство. А въ такомъ случаѣ всѣ эти формы — nahk, nahhad, nog, nag, nagöd, nogöd, — могутъ быть только заимствованы отъ чуждаго финскому языку корня, чему нельзя не видѣть доказательства и въ разнообразіи ихъ. Да наконецъ, существованіе въ русскомъ да и вообще въ славянскихъ языкахъ, своихъ собственныхъ словъ, какъ кожа, мѣхъ, шкура (скора) и громадное количество ихъ производныхъ уже само исключаетъ возможность заимствованія еще другого слова для тѣхъ же понятій. Дать же нашимъ предкамъ понятіе о деньгахъ, да къ тому же повидимому металлическихъ, финны, конечно, не могли и предположить это было бы только смѣшно. Для мѣховыхъ-кожаныхъ же цѣнностей мы имѣемъ ясныя «куны».

¹⁾ Исторія карель. Сообщ. В. Крохинъ. Рус. Старина, Августъ 1907 г. стр. 352—353.

Такимъ образомъ, въ пользу мѣхового и кожаного происхожденія ногаты, мы не находимъ ничего, ни въ теоретическихъ соображеніяхъ, ни въ филологическихъ расысканіяхъ, ни въ историческихъ или археологическихъ данныхъ. Все, наоборотъ, приводитъ къ необходимости искать ее среди какихъ-нибудь металлическихъ цѣнностей. Съ этого рода поисками обращаюсь теперь къ тѣмъ письменнымъ памятникамъ, на которые ссылаются изслѣдователи металлической теоріи, какъ на заключающіе въ себѣ письменныя указанія на ногату—металлическую единицу. Сюда же надо отнести и предложенія искать ея происхожденіе и корень въ арабскомъ языкѣ.

Данныхъ письменныхъ памятниковъ въ пользу этой теоріи не много, всего три, но они въ достаточной степени могутъ служить предположенію о металлическомъ происхожденіи ногаты.

Изъ этихъ указаній, два находятся у Генриха Латыша, который рассказываетъ въ своихъ «Origines Livoniae», что въ 1209 году «rex magnus Novogardiae», т. е. Мстиславъ, осадивъ городъ Оденпе, принудилъ жителей голодомъ къ сдачѣ и взялъ съ нихъ выкупа «quadringentas marcas pagatorum», ¹⁾ а годъ спустя тоже сдѣлалъ съ городомъ Варбола, назначивъ выкупъ почти вдвое больше—въ 700 «marcas pagatorum». Думать, что въ Ливоніи въ XIII вѣкѣ ходили русскія или свои подъ тѣмъ же названіемъ мѣховыя или кожаныя цѣнности, или что Мстиславъ взялъ контрибуцію все тѣми же мѣхами, которыхъ у него было такъ много дома и которые онъ, при всякой возможности, превращалъ въ серебро, имѣя уже основной денежной единицей—гривну серебра—нѣтъ никакого основанія. Наши предки, воюя съ сосѣдями или между собой, имѣли обыкновеніе брать окупъ съ побѣжденныхъ только серебромъ, въ которомъ всегда нуждались и которое искали всюду, не имѣя своихъ природныхъ источниковъ его ²⁾. И Мстиславу не было никакихъ основаній измѣнять этому обыкновенію, да еще по отношенію къ сосѣдямъ-иностранцамъ, у которыхъ серебра, благодаря близости западно-европейскихъ государствъ и близкимъ торговымъ съ ними сношеніямъ, всегда можно было найти въ достаточномъ количествѣ. Наконецъ если бы выкупъ съ Оденпе и Варболы былъ бы взятъ мѣховыми цѣнностями, то мы вправѣ были бы ожидать расчетъ на гривны кунъ—marcas sinen, извѣстныя и Генриху Латышу, какъ на высшую величину кунной, мѣховой системы. Указаніе Ніенштедта, что въ Ливоніи въ XIII в., въ качествѣ мѣстной единицы обращались ушки бѣлокъ съ серебряными гвоздиками, невольно свидѣтельствуетъ, что тамъ серебра было достаточно много, разъ такія мелкія денежныя единицы были серебряныя ³⁾. Наконецъ выкупъ могъ быть взятъ просто серебромъ

¹⁾ Гр. И. И. Толстой. Монеты Псковскія, стр. 4.

²⁾ Ср. Лйт. «Серебромъ и златомъ не имамъ налѣсти дружины, а дружиною владѣу серебро и злато». Лйт. по Лавр. сп. Изд. Арх. Кой. 1872 г., стр. 123.

³⁾ Какъ разъ въ XIII в., именно въ 1241 г., Фридрихъ I выпустилъ въ Урбинно кожаныя лоскутки съ серебряными гвоздиками, какъ мелкую монету.

въ металлѣ, какъ товаръ, по расчету на ногаты, какъ на серебряную единицу. Говоря по поводу этихъ событій, Гутцейтъ приравниваетъ гривну кунъ=маркѣ серебра и вычисляетъ выкупъ съ Оденпе и Варболы въ 8000 и 14000 ногатъ и затѣмъ переводитъ на рубли, основываясь на вычисленіяхъ Прозоровскаго. Но и его выводы и расчеты Прохоровскаго совершенно невѣрны, ибо гривна кунъ не только никогда не равнялось маркѣ серебра, но была въ 7—8 разъ меньше ея. Въ этомъ расчетѣ важно то, что онъ не сомнѣвается въ монетномъ происхожденіи ногаты. Особенно же многозначительны его дальнѣйшія указанія, что въ XVI в. подъ названіемъ ногаты бились въ Ригѣ двойные шиллинги. Въ доказательство этого онъ ссылается на Ливонскую хронику Арндта ¹⁾. Игакъ у мѣстныхъ историковъ и археологовъ не было ни какого сомнѣнія въ металлическомъ, монетномъ, характерѣ ногаты, что очень важно.

Третье указаніе заключается въ помѣщенной Германомъ Вартбергскимъ, въ его «*Chronicon Livoniae*», жалобѣ русскихъ купцовъ на дерптскаго епископа 1362 года. Суть жалобы сводилась къ тому, «что въ Дерптѣ, когда имъ приходится что-либо продавать, то имъ засчитываютъ ногату въ 6 Любскихъ пфенниговъ, когда же имъ приходится покупать товаръ, то ногату считаютъ въ 7 пфенниговъ» ²⁾. Епископъ обѣщаль, что ногата будетъ считаться въ Дерптѣ въ 6 пфенниговъ, «*sicut per totam Livoniam*»—«какъ по всей Ливоніи», но потомъ установилъ ее въ 7 пфенниговъ. Хотя и убѣжденный, но все-же крайне осторожный въ своихъ выводахъ сторонникъ металлической теоріи, гр. И. И. Толстой, замѣчая, что на основаніи этой жалобы, ногата считалась въ Ливоніи, во второй половинѣ XIV в., равной 6 Любекскимъ пфеннигамъ, вычисляетъ, по таблицамъ Граугофа, равенство ея въ моментъ жалобы 37—47 долямъ серебра 90-й пробы. Однако, высказаться категорично, что ногата была серебряной единицей, онъ все-же не рѣшается, хотя нѣсколько раньше, принимая расчетъ Прозоровскаго о равенствѣ полтины 1422 года 175 ногатамъ и считая, съ своей стороны, полтину въ 22 золотника, выводитъ въ ногатѣ XV вѣка 12 долей лигатурнаго серебра и сближаетъ ее съ «*grote penninghe*» Любека. Отсюда, по его мнѣнію, ногата за 60 лѣтъ (1362—1422 г.) упала въ стоимости въ 3 раза. Эти выводы, какъ мы увидимъ ниже, очень спорны и по отношенію къ полтинѣ и въ отношеніи ногаты, но важно то, что въ извѣстіи «*Chronicon Livoniae*» ногата является несомнѣнно серебряной единицей. Въ это время и въ Ливоніи и въ Ригѣ и въ Дерптѣ и кругомъ въ нѣмецкихъ и шведскихъ городахъ—вездѣ были уже давно свои монетныя системы, достаточно стройныя и развитыя и допустить, чтобы рядомъ съ ними ходили кожи или мѣха въ качествѣ денегъ и наравнѣ съ мѣстными монетами невозможно.

Считаютъ также ногату монетой Каченовскій, Черепнинъ ³⁾ и др., но никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія они не приводятъ.

¹⁾ Op. cit. S. 6.

²⁾ Гр. И. И. Толстой. Мон. Псков., стр. 4 и 9.

³⁾ Значеніе кладовъ съ куфическими монетами. Рязань. 1892.

Итакъ, въ пользу металлическаго происхожденія ногаты, и притомъ на иностранной, не славянской, почвѣ, все же имѣются данныя и въ теоретическихъ соображеніяхъ и въ письменныхъ памятникахъ и въ данныхъ нумизматики. Это даетъ возможность и основаніе попытаться разыскать ее какъ таковую, и въ этомъ отношеніи теорія филологическаго происхожденія слова «ногата» изъ арабскаго языка является чрезвычайно интересной и важной.

Первый, кто высказалъ печатно такого рода предположеніе, былъ маститый нумизматъ и ориенталистъ баронъ В. Г. Тизенгаузенъ. Коснулся онъ этого вопроса лишь мимоходомъ, въ одной изъ своихъ рецензій на труды западныхъ ориенталистовъ, и очень осторожно, именно въ разборѣ двухъ сочиненій Г. Якоба—а) *Der Bernstein bei den Arabern des Mittelalters* (Berlin 1886) и б) *Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus dem nordisch-baltischen Ländern* (Leipzig 1886) ¹⁾. Возражая Якобу на его догадку о причинахъ прекращенія привоза куфическихъ монетъ въ XI в., онъ говоритъ между прочимъ: «Относительно обращавшихся у насъ куфическихъ монетъ (диргемовъ) не могу не коснуться еще интереснаго, затронутого уже гр. И. И. Толстымъ ²⁾ вопроса: какъ назывались металлическія цѣнности въ обилии обращавшіяся на Руси съ древнѣйшихъ временъ?» и отмѣчая, что «дѣйствительно немислимо, чтобы напр., для куфическихъ монетъ, обращавшихся у насъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій въ такомъ громадномъ количествѣ не установилось въ народѣ опредѣленныхъ терминовъ» предлагаетъ свою догадку. «Отсутствіе стариннаго слова, говоритъ онъ, которое хотя бы нѣсколько напоминало извѣстное специальное названіе серебряной монеты того времени, диргемъ, заставляетъ меня думать, что онѣ назывались у насъ другимъ, болѣе общимъ именемъ, которымъ на востокѣ обозначаются вообще наличныя деньги, т.-е. словомъ نقد *накд* (во множ. نقود *нукуд*) ³⁾; نقدا *накдан* - чистоганомъ, по созвучію прямо напоминающимъ наше нагата или ногата, для котораго до сихъ поръ все еще не приискано соотвѣтствующее толкованіе». Эта прекрасная мысль покойнаго маститаго ученаго только 16 лѣтъ спустя нашла себѣ не менѣе серьезное и научное подтвержденіе полной возможности филологическаго производства ногаты отъ نقد въ статьѣ безвременно почившаго ориенталиста проф. П. Меліоранскаго. Въ своей работѣ «Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ» онъ довольно подробно останавливается на ногатѣ и говоритъ слѣдующее ⁴⁾: «10). Ногата.

¹⁾ Зап. Вост. Отд. И. Р. А. О. т. I, в. III, стр. 238—239.

²⁾ Мон. Псковскія, стр. 13 прим.

³⁾ Къ этому онъ дѣлаетъ слѣдующее важное примѣчаніе: «Въ изданномъ въ Бейрутѣ (въ 1870 году) арабскомъ словарѣ محيط المحيط составленномъ отчасти на основаніи другихъ, болѣе древнихъ лексиконовъ, значится между прочимъ: *ورجها سميت الدراهم بالنقود ايضا* „верѣдко диргема называются также „нукуд“. См. Dozy. *Suppléments aux dictionnaires arabes*, II, 709.

⁴⁾ Изв. Отд. Рус. Яз. и Слов. Им. Акад. Наукъ. 1902 г. т. VII, кн. 2, стр. 293.

Слово это съ яснымъ значеніемъ какого-то рода монеты встрѣчается и во многихъ другихъ русскихъ памятникахъ домонгольскаго времени. В. Тизенгаузенъ первый высказалъ предположеніе, что это слово вышло изъ арабскаго نقد накд, деньги, наличныя деньги, полноцѣнная монета. По словарю Дози نقد значило вообще «серебряная или золотая монета», иногда даже служила синонимомъ слова درهم dirhām, диргемъ. Предположеніе это намъ кажется очень удачнымъ. Глухой заднеязычный «к» (ق) очень трудно отчетливо артикулировать непосредственно передъ звонкимъ язычно-альвеолярнымъ «д» (د), такъ что онъ легко могъ перейти въ «т»¹⁾, послѣ чего вѣроятно конечный «д» «отвердѣлъ» въ «т». Какъ разъ такую форму этого слова, въ транскрипціи «nagt» мы находимъ въ Codex Sumanicus, со значеніемъ «rescupia, سیم (т.-е. серебро), асса (т.-е. деньги)». Затѣмъ уже вѣроятно на русской почвѣ между «г» и «т» развился гласный звукъ и получилась форма *нагат, перешедшая, затѣмъ, въ *ногат. Женскій родъ былъ усвоенъ этому слову уже впоследствии, вѣроятно по аналогіи со словами «гривна, куна, резана». На подробностяхъ исторіи фонетическаго развитія этого слова настаивать, конечно мудрено; мы допускаемъ, что возможенъ и такой ходъ: накд, нагд, нагад, нагат, ногата».

Этотъ взглядъ двухъ извѣстныхъ ориенталистовъ на ногату, какъ на слово заимствованное у арабовъ, въ особенности въ его детальной обработкѣ проф. П. Меліоранскаго, почти не оставляетъ сомнѣнія не только въ возможности, но и въ полной правильности такого филологическаго объясненія этого слова. Однако надо еще отмѣтить, что развиться на русской почвѣ гласный звукъ между «г» и «т», не могъ самостоятельно, ибо это не въ духѣ и характерѣ славянскихъ языковъ, какъ это отмѣчено было акад. Э. Е. Коршемъ²⁾. Онъ могъ получиться лишь при помощи какого либо посредника, принадлежащаго къ турецкому племени. И мы его находимъ въ приволжскихъ булгарахъ — народѣ, признаваемомъ теперь несомнѣнно таковымъ племенемъ. А что наши предки получили ногату именно черезъ болгаръ, въ этомъ также не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо вся торговля тогдашней Руси съ арабами и началась и шла черезъ нихъ. Достаточно вспомнить слова Гардизи: «эти диргеми они (булгары) ломаютъ и каждый кусокъ (употребляютъ въ дѣло?»); потомъ они тѣ диргеми отдаютъ руссамъ и славянамъ»³⁾. Что же касается до исторіи фонетическаго развитія накд въ нагату и ногату, то, по отношенію къ двумъ послѣднимъ формамъ, я думаю, что тутъ сказались

¹⁾ Изъ нѣкоторыхъ указаній арабскихъ грамматиковъ можно заключить что «ق» вообще діалектически произносился вродѣ „г“, см. у насъ „Арабъ-филологъ о турецкомъ языкѣ“, стр. XXXIII, прим. 2. Бар. В. Р. Розень замѣтилъ во время чтенія нашего доклада, что діалектически произношеніе ق какъ „г“ и теперь наблюдается. Прим. П. М.

²⁾ См. Изв. Рус. Яз. и Сл. И. А. Н. т. т. VIII, 4; X, 2; XI, 1.

³⁾ В. Бартольдъ. Op. cit., стр. 121 и 98: *واين دم ببريد واز ايشان هر چیزی و باز ايشان آن دم بروسيان و سغلابيان دهند*

два главнѣйшихъ говора нашего языка—акающій и окающій, отразившіеся въ письменныхъ передачахъ этого слова.

Итакъ, можно сказать, что съ точки зрѣнія чисто филологической происхожденіе слова «ногата» отъ نقد можно считать безусловно возможнымъ. Но этого еще очень мало, ибо نقد обозначало вообще серебряныя и золотыя монеты, тогда какъ ногата являла собой вполнѣ опредѣленную самостоятельную единицу. И если историческія соображенія и археологическіе выводы приведутъ насъ къ арабскому происхожденію ногаты, независимо отъ филологіи, то лишь тогда, сопоставивъ выводы относительно другихъ объясненій ногаты и найдя оправданіе филологическому объясненію бар. Тизенгаузена и Мелиоранскаго, можно будетъ считать вопросъ объ арабскомъ именно происхожденіи ногаты окончательно рѣшеннымъ въ положительномъ смыслѣ; этимъ же закончится и вообще вопросъ о ногатѣ и ея природѣ.

Обращаюсь теперь къ историческимъ и теоретическимъ соображеніямъ по вопросу—откуда могла появиться у насъ, въ древней Руси, металлическая единица, подъ чѣмъ вліяніемъ и когда могла она у насъ быть введена въ нашу мѣховую систему и наконецъ какого металла должна была бы она быть? Относительно послѣдняго пункта, мнѣ кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что она была серебряная. Объ этомъ свидѣлствуютъ и клады, исключительно серебра, и наша система гривенъ серебра и вообще весь ходъ исторіи нашего денежнаго обращенія и монетнаго дѣла. Но Русь своего серебра не имѣла въ древнѣйшій, особенно, періодъ,—слѣдовательно оно могло быть лишь заимствованнымъ. Получалось оно главнѣйшимъ образомъ, торговымъ путемъ и лишь отчасти и значительно позже «налѣзаніемъ», а этотъ-то путь, т.-е. внѣшняя торговля, и вызвалъ у насъ, какъ и вездѣ, созданіе первыхъ нашихъ платежныхъ единицъ, нашу кунную систему. Съ кѣмъ же была тогда эта торговля, наиболѣе интенсивная и оказавшая такое важное вліяніе на Русь? Съ Востокомъ, съ арабами, ибо съ Византіей она развилась позднѣе, да и въ денежномъ дѣлѣ тамъ было золотое обращеніе, котораго на Руси никогда не было, а не серебряное, а съ Западомъ торговныя сношенія въ полной мѣрѣ сложились еще позднѣе, да и правильныя монетныя системы тамъ установились, сравнительно съ Востокомъ, очень поздно. Отсюда прямой выводъ, что если ногата — серебряная единица, то ее можно искать только на Востокѣ, откуда мы получали въ такомъ количествѣ «чеканенные диргемы», какъ о томъ свидѣлствуетъ Гардизи. Но мы знаемъ обычныя названія арабскихъ монетъ разныхъ типовъ, а именно динаръ — для золотыхъ, диргемъ — для серебряныхъ и фельсъ—для мѣдныхъ, какъ о томъ уже было сказано выше. Ни одно изъ нихъ, ни малѣйшимъ образомъ, не напоминаетъ ногату. Мало того, ни одно изъ нихъ, не смотря на продолжительныя и живыя сношенія съ Востокомъ и булгарами, не сохранилось въ нашемъ языкѣ, ни даже малѣйшимъ намекамъ. Такъ что теперь, когда начала выясняться серебряная природа ногаты и ея болѣе чѣмъ возможное происхожденіе именно съ Востока, остается искать ее въ какихъ-либо иныхъ, общихъ

обозначеніяхъ денегъ у Арабовъ. Филологическія соображенія и изысканія, направленные въ эту сторону даютъ намъ нить къ разрѣшенію этого, уже частнаго вопроса. Однако, предположенія бар. Тизенгаузена и Меліоранскаго и вышеприведенныя дополненія къ ихъ замѣчаніямъ все-же остались бы просто возможнымъ филологическимъ выводомъ, еще не дающимъ ключа къ разрѣшенію загадки, если бы не существовало еще одно, въ высшей степени важное, обстоятельство. Это то, что само слово نقد происходитъ отъ глагола نقدا на ка да, обозначающаго не только «сортировать деньги, отбирать хорошіе экземпляры отъ дурныхъ, платить наличными, чистоганомъ», но еще и «разбивать, раскалывать, ломать». Это же послѣднее понятіе ломанья, раскалыванья—заключается и въ словѣ نقد. Разъ слово «диргемъ», обозначавшее цѣльную, неповрежденную монету, не было заимствовано и усвоено нашими предками, а взято было, повидимому, иное, имѣющее лишь общее отношеніе къ диргемамъ, не къ отдѣльному экземпляру, а вообще къ ихъ суммамъ, и несмотря на это примѣнено къ отдѣльной единицѣ, то само собой логичнымъ является выводъ, что ногата соотвѣтствовала не цѣлой монетѣ, а только какой-то ея части¹⁾. Изъ свидѣтельствъ Истахри²⁾, Ибн-Хаукаля и др. мы знаемъ о томъ, что на Востокѣ, за отсутствіемъ болѣе мелкихъ серебряныхъ единицъ, диргема дробили на части, а Гардизи, какъ раньше было сказано, ясно отмѣчаетъ, что и Булгары дробили ихъ и въ такомъ видѣ отдавали руссамъ и славянамъ. И мы дѣйствительно видимъ въ кладахъ арабскихъ монетъ VIII—IX в. в. громадное количество ломанныхъ, рубленныхъ и надломанныхъ диргемовъ, въ общемъ значительно превышающее число находимыхъ цѣльныхъ диргемовъ³⁾. Этотъ фактъ невольно требуетъ его сопоставленія съ понятіемъ дробленія, заключающимся въ корнѣ слова نقد и въ такомъ случаѣ филологическія сравненія ногаты съ نقد, полная научная возможность происхожденія одной отъ другаго, принимаютъ иной видъ и получаютъ въ высшей степени серьезное и важное значеніе.

Остается еще одинъ пунктъ. Разъ ногата является въ нашей системѣ единицей не только высшей, но и вполне опредѣленной, постоянной и устойчивой, то, очевидно, и представляемая ею часть диргема должна была быть избрана также опредѣленной и постоянной и, конечно, болѣе удобной для облегченія всевозможныхъ расчетовъ. Какая же это могла быть часть, можно ли ее найти и какъ ее искать? Опредѣленное рѣшеніе этихъ вопросовъ и, затѣмъ, соотвѣтствіе, возможное, конечно, этого рѣшенія даннымъ историческимъ, археологическимъ и нумизматическимъ, съ своей стороны, разрѣшило бы намъ, наконецъ загадку «о ногатѣ».

¹⁾ О несогласіи А. Е. Крымскаго съ этой этимологіей и выводомъ изъ нея см. протоколъ Восточной комиссіи № 123.

²⁾ В. Тизенгаузенъ. О Саманидскихъ монетахъ, стр. 13. Зап. Имп. Археол. Общ., т. VI.

³⁾ П. Савельевъ. Мухам. нумиз., стр. XXVIII—XXX. — А. Черепнинъ. О гривенной денежной системѣ по древнимъ кладамъ. Труды Москов. Нумиз. Общ. т. II, в. 2. — Онъ-же. Коростовскій кладъ. Рязань, 1892. — Онъ-же. Значеніе кладовъ съ куваческими монетами. Рязань 1892.

Отвѣтъ на это можетъ дать лишь попытка сопоставленія арабской денежной системы—съ нашей, кунной.

У арабовъ, какъ я уже говорилъ, были монеты: золотыя—динары, серебряныя—диргема и мѣдныя—фельсы. Динаръ соотвѣтствовалъ въ торговлѣ 10 диргемамъ¹⁾ и разному количеству фельсовъ, колеблющемуся отъ 250 до 480, т. е. отъ 25—48 на диргемъ. Но фельсы не играютъ въ данномъ случаѣ существенной роли. Средній вѣсъ динара былъ 96—97 долей, диргемовъ—различный въ разныя эпохи: при первой династїи халифовъ, при Омейядахъ, царствовавшихъ съ 661 по 756 годъ нашей эры, онъ высчитывается въ 57,6 долей, при второй—Аббасидахъ, правившихъ съ 750 по 1258 г.—въ 64 доли²⁾, и при династїи Саманидовъ, эмировъ, управлявшихъ востокомъ отъ имени Аббасидскихъ халифовъ съ 875 по 999 г., но на дѣлѣ дѣйствовавшихъ вполнѣ независимо и самостоятельно, онъ равнялся 72 долямъ. При какой же изъ этихъ династїй могла создаться ногата? Если мы обратимся за данными для этого къкладамъ диргемовъ, то увидимъ, что на долю Омейядовъ приходится сравнительно очень незначительное количество монетъ, на долю же остальныхъ, Аббасидовъ и Саманидовъ,—все остальное количество, при чемъ нѣкоторое первенство изъ нихъ принадлежитъ Саманидамъ. Последнее обстоятельство легко, конечно, объясняется тѣмъ, что это была послѣдняя халифатская династїя, съ которой древняя Русь вела правильную, обширную торговлю. Преемники ихъ имѣли золотую валюту, тогда какъ Русь привыкла къ серебру, да кромѣ того сильныя внутреннїя смуты въ средне-азиатскихъ государствахъ совершенно сперва затормозили, а затѣмъ и прекратили нашу торговлю съ Востокомъ и монеты ближайшихъ преемниковъ Саманидовъ встрѣчаются въ кладахъ и рѣдко и въ небольшомъ количествѣ. Но Саманиды появляются довольно поздно, въ послѣдней четверти IX в. и думать, что торговля древней Руси съ Востокомъ развилась именно при нихъ, нѣтъ никакихъ основаній. Судя по показаніямъ восточныхъ писателей, въ IX в. она была уже въ полномъ разгарѣ, а клады съ монетами VII—VIII и начала IX вѣковъ «наглядно показываютъ, что именно въ VIII в. возниклась и упрочилась торговля славянъ днѣпровскихъ съ хазарскимъ и арабскимъ востокомъ», какъ говоритъ Ключевскій³⁾. Значитъ, вѣрнѣе и правильнѣе всего отнести возникновеніе ногаты къ эпохѣ династїи Аббасидовъ.

Средній вѣсъ нормальныхъ аббасидскихъ диргемовъ, какъ сказано было выше, высчитывается въ 64 доли. Принимая эту цифру мы получаемъ, что динаръ = 10 диргемамъ = 640 долямъ серебра = $6\frac{2}{3}$ зол. сер. Отсюда ясно, что отношеніе золота къ серебру въ денежномъ дѣлѣ арабовъ при Аббасидахъ, было какъ 1 : $6\frac{2}{3}$. Въ числѣ нашихъ древнѣйшихъ па-

¹⁾ В. Тизенгаузенъ. Мон. Вост. халиф., XII.

²⁾ И. Кауфманъ. Русскій вѣсъ, его развитіе и происхожденіе въ связи съ исторїей русскихъ денежныхъ системъ съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1906, стр. 82—83.

³⁾ Op. et. loc. cit.

мятниковъ мы имѣемъ между прочимъ, такъ называемую статью «о безчестіи», которая гласитъ: «за безчестную гривну золота, аже будетъ баба была въ золотѣ и мати взяти ему 50 гривенъ за гривну золота; аще будетъ баба не была въ золотѣ и по матери ему не взяти золота, взяти ему гривна серебра, а за гривну серебра полъ осьмы гривны»¹⁾. Разъ гривна золота приравнивалась по стоимости 50 гривнамъ кунъ, а гривна серебра $7\frac{1}{2}$ гривнамъ кунъ, то ясно, что отношеніе золота къ серебру въ нашемъ древнѣйшемъ денежномъ оборотѣ было какъ $50 : 7\frac{1}{2}$, т.-е. тоже $6\frac{2}{3}$. Это сходство отношеній главнѣйшихъ металловъ въ денежномъ дѣлѣ у насъ и арабовъ, не представляя собою ничего невѣроятнаго, является чрезвычайно важнымъ и знаменательнымъ.

Теперь возникаетъ новый, весьма важный вопросъ: чему равнялась на серебро гривна кунъ? Расчеты и вычисленія ея, существующія въ спеціальной литературѣ и принадлежащія Карамзину, Бекетову, бар. Шодуару, Лешкову, Ланге, Бѣляеву, Казанскому, Погдину и Прозоровскому, не смотря на эти почтенныя имена, не могутъ быть, къ сожалѣнію приняты, какъ основанные на невѣрныхъ данныхъ и, главнымъ образомъ, на апіорныхъ рѣшеніяхъ о размѣрѣ и цѣнности серебряныхъ гривенъ, ничѣмъ не подтвержденныхъ, вслѣдствіе чего разница въ оцѣнкѣ ихъ гривны кунъ была отъ 1 р. 18 к. (Ланге) до 20 р. (бар. Шодуаръ). Какъ же подойти къ рѣшенію этого вопроса такъ, чтобы не повторять прежнихъ ошибокъ и идти за документами и данными, не подгонять ихъ во чтобы то ни стало подъ рѣшеніе а priori? Для этого, мнѣ кажется мы имѣемъ слѣдующія данныя. Въ 1274 году, во Владимірѣ, соборъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Кирилла, устанавливалъ, между прочимъ, пошлины за поставленіе въ духовные чины. За образецъ былъ взятъ церковный законъ Исаака Комнена (1057—1059), гдѣ пошлина за послѣдовательное поставленіе въ священника была установлена въ 7 златицъ: «ничтоже лишнее о ставленіи да не емлемо будетъ развѣ 3 златниці: едину бо златницу, егда поставляютъ кого въ четцы, а 1 егда на диаконство, 1 же, егда на поповство»²⁾, Владимірскій соборъ переложилъ эти златницы на гривны кунъ: «...да възмоутъ клирошане 3 гривенъ отъ поповства и отъ дяконства отъ обоѣго»³⁾. Изъ этого Прозоровскій сдѣлалъ совершенно правильный выводъ, хотя и оспариваемый, но совершенно неубѣдительно, проф. Мрочекъ-Дроздовскимъ⁴⁾, «что значитъ наша тогдашняя гривна и византійскій червонецъ были одной цѣнности»⁵⁾. Къ этому надо добавить, что златицей, златницей, златникомъ и т. д. называлась вообще золотая монета, а не специально какая нибудь одна, на примѣръ, византійскій solі-

¹⁾ Софійск. Времен., ч. I., стр. 148. Ср. Мрочекъ-Дроздовскій. Опытъ изсл. стр. 86 П. С. Р. Л. VI, 82.

²⁾ Акты историч., т. I, стр. 44.

³⁾ Русскія достопамят., т. I, стр. 112.

⁴⁾ Op. cit., стр. 110—112.

⁵⁾ Монета и вѣсъ, стр. 495.—О кунн. цѣнос. (Сборн. Археологич. Ивстив. т. IV, стр. 37).

aus aureus или цехинъ ¹⁾). И наши золотые кievскихъ князей назывались златниками. Предки наши, начавъ свою торговлю съ арабами задолго до установленія тѣсныхъ сношеній съ Византіей, не могли не знать арабскихъ динаровъ, хотя и рѣдко, но все же встрѣчающихся въ кладахъ и отдѣльных находкахъ и, вѣроятно, первое названіе златника отнесено было именно къ динару. Во всякомъ случаѣ, мы вправѣ думать, что они такъ называли динаръ. Проф. Кауфманъ даже утверждаетъ, что наши собственные златники Ярослава, Владиміра и др. чеканились по нормѣ арабскихъ динаровъ, а не византиновъ ²⁾. Отсюда, разъ гривна кунъ приравнена была златицѣ, то совершенно логичнымъ будетъ выводъ, что она создана была примѣнительно къ динару и равнялась ему по стоимости на золото, слѣдовательно на серебро соотвѣтствовала $6\frac{2}{3}$ золот. Такимъ образомъ, въ торговлѣ Руси съ арабами мы получаемъ такое соотвѣтствіе денежныхъ системъ: 1 динаръ = 10 диргемамъ = $6\frac{2}{3}$ зол. серебра = 1 гривнѣ кунъ = 20 ногатамъ. А изъ этого вполне выясняется, какой частью диргема была ногата:—она была его половиной.

Этотъ выводъ, вполне объясняетъ намъ, между прочимъ, почему не сохранилось въ нашемъ языкѣ названія «диргемъ», почему было взято общее обозначеніе денегъ **نق** и почему мы имѣемъ въ кладахъ и находкахъ такъ много половинокъ диргемовъ, особенно аббасидскихъ. Затѣмъ онъ же даетъ намъ возможность рѣшить, что такое была рѣзана и почему она стала единицей равноправной кунѣ. Познакомившись съ чеканенной монетой и ея значеніемъ, взявъ таковую, въ видѣ половины диргема, себѣ единицей старшей своихъ, Русь не могла не создать и другую еще единицу, серебряную же, равную своей старшей. Имѣя такой эквивалентъ по отношенію къ монетной системѣ своихъ главныхъ покупателей, Русь этимъ вносила сильное облегченіе и удобство не только во внѣшней торговлѣ, но и во внутреннихъ расчетахъ, приравнивала обращеніе своихъ платежныхъ, единицъ да и самую кунную систему къ арабской—монетной и установила основаніе своего перехода впослѣдствіи къ серебряному обращенію дома. Такой посредствующей единицей должна была бы явиться часть ногаты, соотвѣтствующая отношенію къ послѣдней куны, какъ старшей и основной единицы системы. Отношеніе ногаты къ кунѣ было, какъ выше отмѣчено, какъ 1 : 3, рѣзана, слѣдовательно, должна была отвѣчать этому отношенію и быть равной $\frac{1}{3}$ ногаты; отсюда ея равенство кунѣ. Переводя на доли, мы получаемъ равенство рѣзаны $10\frac{2}{3}$ долямъ серебра. Этимъ происхожденіемъ и этой природой рѣзаны вполне объясняется и ея названіе, отъ корня рѣз—рѣзать. Серебряный диргемъ можно было легко рубить и рѣзать, не измѣняя пропорціональной стоимости этихъ отрѣзовъ, что практиковалось и на Востокѣ и на Западѣ по отношенію къ серебрянымъ деньгамъ и рѣзана, такимъ образомъ, являлось во всѣхъ от-

¹⁾ Даже въ концѣ XVII в., въ букварѣ Каріона Истомина, гравированномъ Л. Бунинымъ, золотая монета Двоевластія названа „Златица“. Нум. Сбор. т. I, стр. 541.

²⁾ Русскій вѣсъ, стр. 85.

ношеніяхъ крайне важной и удобной единицей. Какъ серебряная единица она могла вполнѣ равняться кунѣ, но если предположить, что это былъ мѣхъ, то оказывался бы на лицо какой-то другой звѣрокъ, равноцѣнный кунѣ, что допустить очень трудно, или что это былъ обрѣзъ болѣе дорогого мѣха, что было бы бессмысленнымъ или же выходило бы что часть равна цѣлому, если рѣзану считалась обрѣзанной шкуркой куницы, что также невозможно. Въ видѣ же извѣстной, опредѣленной части серебряной единицы, части равной по стоимости мѣховой единицы, она является вполнѣ нормальнымъ и очень цѣлесообразнымъ дополненіемъ къ мѣстной системѣ, связующимъ ее съ сосѣдской.

Возвращаясь къ ногатѣ, приходится прежде всего поставить такого рода вопросъ: если ногата была половиной диргема, да еще вполнѣ опредѣленнаго-аббасидскаго, то вѣдь она должна была исчезнуть вмѣстѣ съ его исчезновеніемъ или же быть замѣнена какимъ-нибудь эквивалентомъ. Что она не исчезла не только послѣ прекращенія аббасидскихъ диргемомъ, но и послѣ саманидскихъ, т. е. послѣ прекращенія появленія у насъ диргемовъ вообще—это ясно видно изъ многочисленныхъ памятниковъ, изъ которыхъ самый поздній относится къ 1494 году. Это—не разъ упоминавшаяся «память какъ доселе торговали новгородцы». Вытѣснило ее окончательно лишь начало чеканки новгородцами собственныхъ денегъ въ 1420 году. Не имѣя же эквивалента она не могла бы существовать въ теченіи цѣлыхъ четырехъ столѣтій, т. е. съ 1015 года, къ каковому относятся послѣдніе по времени чеканки диргема, встрѣчаемые въ кладахъ и находкахъ, и до 1420 года. Какой же это былъ эквивалентъ? Очень разнообразный въ зависимости отъ эпохи и мѣстности древней Руси, такъ какъ онъ брался опять таки отъ сосѣдей. Въ основѣ его лежало или соотвѣтствіе или возможность близкаго примѣненія къ валютѣ ногаты—къ 32 долямъ, если брать эту такъ сказать, идеальную ея валюту, ея цѣнность *de jure*. На практикѣ же, *de facto*, были колебанія въ 6—10%, что болѣе, чѣмъ естественно. Прежде всего, ближайшими эквивалентами ногаты аббасидской, были Саманидскіе диргема. Правда, вѣсъ ихъ былъ больше аббасидскихъ—72 доли вм. 64 д. и половина такого диргема получалась въ 36 дол., а не 32 доли, но надо замѣтить, во 1-хъ, что диргема получались Русью не на вѣсъ, а счетомъ, т. е. какъ монета и какъ она обращалась и на родинѣ и у Булгаръ, и потому такое ничтожное колебаніе не могло быть даже и подмѣчено въ обращеніи; во 2-хъ—саманиды чеканили свои диргема отъ имени аббасидскихъ халифовъ и потой-же нормѣ, т. е. по тому же отношенію динаря къ диргему, какъ 1:10, въ 3-хъ—ихъ то мы и встрѣчаемъ въ наиболѣе разрѣзанномъ видѣ, въ 4-хъ, грубый, несовершенный вѣсъ того времени не могъ бы даже показать эту разницу не только въ вѣсѣ, половинокъ диргема, но даже, возможно, и въ такихъ крупныхъ суммахъ, какъ 50-100 диргема, въ 5-хъ разновѣсность самихъ диргемовъ, чеканившихся далеко не идеально равномерно, все равно не дала бы однообразныхъ вѣсовыхъ величинъ въ вѣсѣ каждаго 50-100 диргемовъ. Наконецъ возможно, что ногата аббасидскаго происхожденія за-

мѣнилось потомъ половиной симанидскаго диргема и на этомъ и закрѣпилась ея нормальная валюта для послѣдующаго времени. Выяснить это можно будетъ лишь сопоставленіемъ расчетовъ по ногатѣ—аббасидской и по ногатѣ—саманидской. Затѣмъ—византійскіе милліарезіи, постоянно находящіяся въ обрѣзанномъ и разрѣзанномъ видѣ, хотя въ общемъ они имѣли мало обращенія на Руси, судя по рѣдкости и незначительности находокъ. Такъ какъ въ Византіи было золотое обращеніе, то милліарезіи чеканились очень неправильно, но все же можно судить, по среднимъ выводамъ найденныхъ экземпляровъ, что $\frac{1}{4}$ милліарезія почти точно равнялась нормѣ ногаты, имѣя средней вѣсъ въ 35 долей. Обращались онѣ не долго и исчезли послѣ 1025 года. Дальше ходили на Руси англійскія монеты—до 1066 г. Наилучшіе, самые полные экземпляры ихъ, напримѣръ, Этельреда I (978—1016) вѣсятъ въ среднемъ 34 доли. Затѣмъ нѣмецкія монеты, исчезнувшія послѣ 1100 г. вѣсятъ, напр., Конрада II около 31 доли, магдебургскіе—30 д. другіе же— $33\frac{1}{2}$ дол., въ общемъ же среднемъ около 33 долей. Позже, въ сѣверо-западной Россіи, въ областяхъ Новгородскихъ и Псковскихъ, несомнѣнно давали матеріалъ для «ногаты» пражскіе гроши, вѣсившіе нѣсколько болѣе 64 долей, а затѣмъ монеты Ганзы, изъ которыхъ, напримѣръ, любскіе пфенниги 1305 года, по таблицамъ Граутофа, вѣсили около 8 долей, отчего ихъ могло идти ровно 4 штуки на ногату. Въ Ригѣ, въ концѣ XIV в. и началѣ XV в. артигъ вѣсилъ 32 доли. Въ южной и сѣверо-восточной Руси, съ конца XIII в. нормѣ ногаты вполне отвѣчали Золотоордынскія монеты, которыя, исключая битыхъ въ Булгарѣ въ концѣ XIV в. и въ кавказскихъ городахъ—въ концѣ XIV в. и начала XV, вѣсятъ всѣ 32 доли. Наконецъ нельзя не сказать и того, что обладаніе Русью съ XI в. своими серебряными слитками-гривнами, продолженіе существованія кунной системы, уже пополненной съ XII в. условнымъ знакомъ—куньей мордкой, появленіе въ концѣ XIV в. бѣличьей мордки, отдѣленіе внѣшней торговли отъ внутренней,—все это отразилось не только на точности идеальной валюты ногаты, но строго судя, сводило ее на нѣтъ, превращая ее въ счетную единицу и учитывая ее лишь какъ $\frac{1}{300}$ серебряной, большой гривны ¹⁾. И мы дѣйствительно, въ новгородскихъ, напримѣръ, актахъ, видимъ ее лишь въ XIII в. въ извѣстіи Генриха Латыша о выкупѣ съ Оденпе и Варболы, затѣмъ въ «памяти» 1494 г., гдѣ, въ виду вздорожанія и серебра и кунныхъ единицъ, перваго въ $3\frac{1}{2}$ раза, а вторыхъ въ 3 раза, отъ перехода на чеканенныя деньги, она оцѣнена въ 7 денегъ. Эти крайне рѣдкія указанія на ногату съ промежуткомъ въ 200 лѣтъ и даютъ возможность заключить объ ея счетномъ характерѣ. Къ этому нельзя не прибавить и указанія на постоянно колеблющееся достоинство иностранныхъ монетъ на Западѣ ²⁾, на пониженіе ихъ валюты, на измѣненіе системъ, на ухудшеніе качества, что, конечно, съ одной стороны легко могло заставить

¹⁾ В. К. Трутовскій. Мѣховыя цѣнности, стр. 449-453.

²⁾ Споръ рижскихъ купцовъ съ дерптскими о стоимости ногаты ясно указываетъ на колеблющуюся цѣну пфенниговъ.

напримѣръ Новгородцевъ, числить ногату счетной единицей, а затѣмъ, съ другой, послѣ недолгого опыта со введеніемъ у себя обращенія любекскихъ пфеннисовъ, нѣмецкихъ артуговъ и литовскихъ грошей, перейти къ чеканкѣ своихъ денегъ въ нормѣ, приближающейся къ монетнымъ системамъ своихъ ближайшихъ торговыхъ сосѣдей-нѣмцевъ и въ тоже время, несомнѣнно, вытекающей изъ прежней своей системы и, конечно, близкой къ ней.

Какъ-то одиноко и странно стоитъ ногата въ Смоленскѣ и его владѣніяхъ. За XIII и XIV в.в. она вообще встрѣчается почти исключительно въ актахъ и документахъ лишь этого края и притомъ всегда съ подчеркиваніемъ «ногата Смоленская» ¹⁾. Но такъ какъ и другія единицы кунной системы въ тѣхъ же актахъ тоже упоминаются не иначе, какъ съ тѣмъ же эпитетомъ: «куна Смоленская», «мордка Смоленская» ²⁾, то изъ этого ясно слѣдуетъ, что въ Смоленскѣ или при общей гривнѣ кунъ, отношенія къ ней и въ ней всѣхъ этихъ единицъ было иное или же сама гривна кунъ была иной величины. Повидимому было это послѣднее, судя по грамотѣ 1229 г., въ которой сказано: «...за гривну серебра по 4 гривны кунами» ³⁾, тогда какъ вообще гривны серебра равнялись—меньшая, древнѣйшая,— $7\frac{1}{2}$ гривенъ кунъ, а бѣльшая, позднѣйшая—15 гривенъ кунъ, да кромѣ того, во 2-й половинѣ XIII в. въ Смоленскѣ, судя по уставной грамотѣ Ростислава 1150 г., гривна кунъ не уменьшилась вдвое, что случилось въ Новгородской области и сохранила еще 20 ногатъ-50 кунъ ³⁾. Когда же и подъ какимъ вліяніемъ и какое именно измѣненіе произошло съ этой гривной кунъ, пока сказать очень трудно. Возможно что тутъ играла главную роль литовская гривна, но и она сама до сихъ не выяснена окончательно.

И такъ, думается, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ серебряной природѣ ногаты, въ происхожденіи ея названія съ арабскаго и въ томъ что она въ древнѣйшій періодъ своего существованія равнялась половинѣ аббасидскаго диргема. Также, полагаю, ясно и то, что она стояла внѣ системы кунъ, а лишь рядомъ съ ней, не только не нарушая этимъ законовъ созданія первыхъ платежныхъ единицъ, но вполне отвѣчая имъ, ибо металлъ постоянно дѣйствовалъ рядомъ съ основной системой примитивныхъ единицъ, тѣмъ болѣе, когда главные потребители мѣстныхъ продуктовъ уже имѣли его въ видѣ ли слитковъ или же монетъ. Будучи совсѣмъ иной природы и типа, ногата была главнымъ вспомогательнымъ денежнымъ знакомъ у нашихъ предковъ, во время главенства кунной системы, а затѣмъ, она же легла въ основаніе созданія всѣхъ нашихъ серебряныхъ знаковъ—гривенъ, полтинъ, рублей и, наконецъ, денегъ. Рѣзана же создана была какъ мостикъ между арабскими деньгами и кунами и она не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ равноправной кунѣ, т. е. равной $\frac{1}{3}$ ногаты, почему и названа была рѣзаной, подобно тому, какъ въ словѣ ногата скрыто было такое же понятіе.

Опечатка на стр. 1 : 6 снизу: «ети». Надо: «взі»

¹⁾ Договорная грамота 1229 г. Смолен. кн. Мстислава Давыдовича съ Ригей и Готскимъ берегомъ. Русско-Лив. акты, стр. 405-447.

²⁾ Русско-Ливонскіе акты, изд. Куника. Приложение I.

³⁾ В. К. Трутовскій. Мѣхов. цѣнн., стр. 448.

БАШШАРЪ ИБНЪ-БИЮРДЪ.

(ок. 700-783)

Главныя біографическія черты.

Абуль-Мо'азъ Башшаръ ибнъ-Бюрдъ Слѣпой (род. ок. 700-хъ гг., казненъ 783)—арабскій свободомыслящій поэтъ-«зиндікъ». Дѣйствоваль онъ отчасти еще при халифахъ-омейядахъ, но главнымъ образомъ какъ выдающійся талантъ—при первыхъ аббасидахъ, въ уже блистательную багдадскую эпоху халифатской поэзіи, хотя еще до-Харун-ар-Рашидовскую. Персъ по происхожденію, онъ былъ персъ и по своимъ «шо'убійско»-націоналистическимъ воззрѣніямъ («шадід ат-гаша ۴۴۰ ob wa t-ta ۴۴۰ ob li l-۴ Adjam», Ag. III, 21 : 16), и даже по своимъ религіознымъ старопиранскимъ симпатіямъ (не то манихейскаго, не то зороастрійскаго оттѣнка), хотя официально былъ мусульманинъ.

Отецъ Башшара привезенъ былъ въ Месопотамію, въ Басру, какъ плѣнникъ и рабъ, захваченный при покореніи арабами Средней Азіи (точнѣе—изъ Тохаристана, на верховьяхъ Аму-Дарьи), и принадлежалъ, будто бы, къ царственной иранской крови. Сынъ-Башшаръ, родившійся въ Басрѣ, съ дѣтства былъ вырощенъ одною знатною арабскою дамою, которая его и воспитала и свободу ему даровала, и онъ остался «мавля» (кліентомъ) ея рода ¹⁾. Съ дѣтства, благодаря ея заботамъ, онъ изучилъ арабскій языкъ во всѣхъ тонкостяхъ, и десяти лѣтъ составлялъ уже стихи. Юнецъ вздумалъ даже вызывать эпиграммою на стихотворный бой царя бедуинской сатиры, месопотамско-омейядскаго поэта Джарира (ум. 728); тотъ, впрочемъ, не удостоилъ его отвѣдью, и Башшаръ впоследствии говаривалъ: «А если бъ онъ, самъ Джариръ, мнѣ отвѣтилъ, я смѣло могъ бы считаться высшимъ поэтомъ въ мірѣ ²⁾» (لكنت أشعر الناس).

Однако и безъ этой чести Башшаръ, оказалось, свободно могъ обойтись. Не только исторія литературы признала Башшара ибнъ-Бюрда краеугольнымъ столпомъ современнаго ему стихотворства («Ag.» III, 20: 7-8), но и его живые современники изумлялись, какъ его таланту, такъ въ особенности той чертѣ, которая у арабовъ вообще наибольше цѣнится въ поэзіи,—классической чистотѣ его арабскаго языка.—«Какимъ образомъ это у тебя выходитъ?»—освѣдомлялся у Башшара одинъ литераторъ: «вѣдь другіе поэты, природные арабы,

¹⁾ именно, бану' Одайль.

²⁾ „Китаб аль-агани“, т. III, стр. 23:12-13; стр. 24 : 2. Далѣе заглавіе „Китаб аль агани“ будетъ цитироваться сокращенно: „Ag.“.

не могутъ составить стиховъ безъ того, чтобы бедуины не уловили въ нихъ какой-либо ошибки противъ языка, а у тебл, не араба, всегда все безъ ошибокъ!»—«Да съ какой стати быть у меня ошибкамъ?» шутливо возмутился Башшаръ ибнъ-Бюрдъ: «Уроженецъ я здѣшній, выросъ въ кругу восьмидесяти шейховъ племени бану-Окаиль, которые говорили отборнымъ языкомъ и не знали, что такое ошибка въ рѣчи. А если я попадалъ къ ихъ женщинамъ, то вѣдь ихъ женщины говорятъ еще болѣе изысканной рѣчью!» («Аг.» III, 26: 3-7).

Случилось какъ-то, въ домѣ одного басрійскаго литератора ¹⁾ собрался кружокъ поэтовъ, съ Башшаромъ въ ихъ числѣ, какъ вдругъ вошелъ пріѣзжій бедуинъ.—Кто это?—освѣдомился онъ у хозяевъ, глядя на слѣпое и оспенное, изрядно отталкивающее лицо Башшара, съ красными мясными наростами вмѣсто глазъ ²⁾.—«А это одинъ вольноотпущенникъ, «мавля», хорошій поэтъ».—«Какое жъ дѣло инородцамъ-вольноотпущенникамъ до арабской поэзіи!» презрительно замѣтилъ бедуинъ. Башшаръ помолчалъ было, но затѣмъ не выдержалъ, испросилъ у хозяина разрѣшеніе и съимпровизовалъ замѣчательную стихотворную отповѣдь. Манера творчества Башшара была комична: поэтъ предварительно начиналъ ерзать на мѣстѣ, похлопывалъ въ тактъ руками, покашливалъ, отплевывался направо и' налево («Аг.» III, 22: 19-20). Но самая отповѣдь, которую онъ произнесъ насчетъ арабства заносчивому жителю пустыни, была настолько ѣдка и убійственна, что тотъ былъ раздавленъ, и присутствующіе признали, что онъ получилъ по дѣломъ («Аг.» III, 33—34).

Черты творчества Башшара.

Жилъ Башшаръ то въ своей Басрѣ, то въ Багдадѣ. Въ Басрѣ онъ состоялъ живымъ участникомъ и безпокойнымъ скептическимъ спорщикомъ мѣстнаго интеллигентнаго кружка писателей и вольнодумныхъ мыслителей, который разцвѣлъ къ срединѣ VIII вѣка, т.-е. къ концу омейядской и началу аббасидской эпохи, и куда входили люди очень неодинаковыхъ направленій. Тутъ провозглашались идеи и буддистовъ («соманійе»), и зороастрійцевъ-парсовъ, и немало говорившія сердцу Башшара идеи «зиндиковъ» манихейскаго оттѣнка ³⁾, или иного ⁴⁾; тутъ же вращались и евреи, и христіане; тутъ же на-

¹⁾ Не «въ мечети», какъ передано у Гольдциера (въ главѣ объ арабахъ и не-арабахъ («Muhamm. Studien», I, 1889, стр. 120), который не вчитался въ текстъ «Агъанъ», III, 33: 19. Въ Басрійской мечети было чтеніемъ Корана то лицо, отъ кого исходитъ рассказъ «Агъ», а дѣло съ Башшаромъ происходило въ частномъ домѣ, гдѣ собрались стихотворцы.

²⁾ О непріятной, даже безобразной наружности Башшара см. «Агъ» III, 22: 18-19; III, 37: 10.

³⁾ «Фирристъ», изд. Флюгеля, Лейпц. 1871, стр. 338: 10. Надо принимать въ соображеніе и предыдущія страницы контекста «Фирриста», посвященные специально религіи Мани.

⁴⁾ Терминъ «зиндикъ»—очень неопредѣленный. Джâхызъ (ум. 869) вазываетъ такъ даже буддистовъ («Китабъ аль-гайаванъ» IV, 146, Канръ 1324—1906; срв. этотъ стрывокъ

ходилъ и основатель рационалистическаго исламскаго толка мотазитовъ рано умершій Васылъ ибнъ-Атá (ум. ок. 748 г.). Башшаръ вель съ этими басрийскими вольнодумцами оживленныя бесѣды, споры; иногда на религіозные споры (напр. о почитаніи огня) онъ невоздержно отвѣчалъ язвительной эпиграммой вмѣсто доводовъ; такъ, главу мотазилизма Васыля ибнъ-Ату онъ именно за высказанныя имъ сомнѣнія насчетъ огнепочитанія стихотворно представилъ уморительно-долговязой жирафой¹⁾. Но при всѣхъ спорахъ и препирательствахъ съ пріятелями, онъ сближался съ ними въ скептическомъ вольномысліи по отношенію къ правовѣрному исламу.

Полнаго дѣлана стихотвореній Башшара ибнъ-Бюрда мы не имѣемъ²⁾; однако и тѣ многочисленныя образцы, которые сбережены въ «Агáни» X в. и другихъ историко-литературныхъ книгахъ, вполне хорошо характеризуютъ поэта.

Въ стихахъ его есть много настроенія жизнерадостнаго, гедоническаго, не желающаго считаться съ ограничительными предписаніями ислама. Постъ-рамаданъ, пилигримство-хаджжъ — подвергаются кощунственному высмѣиванію. И въ то же время проскальзываетъ восхваленіе особенностямъ прежней, домусульманской религіи Ирана, раздаются комплименты староиранскому почитанію огня:

الارض مظلمة و النار مشرقة
و النار معبودة منذ كانت النار

Т.-Ф. „Земля темна, а огонь свѣтозарень,

И огонь—предметъ поклоненія съ тѣхъ поръ, какъ огонь существуетъ,—

— двустипіе, которое Джáхызъ (ум. 869) приводитъ для показанія «дѣвольской» ереси Башшара³⁾.

Своей приверженности къ иранизму Башшаръ не скрываетъ; персидскаго, инородческаго своего происхожденія онъ не стыдится. Напротивъ, свою національную принадлежность онъ гордо подчерки-

въ давнишемъ изданіи бар. Розена еще по рукописи: „Записки Вост. Отдѣл.“, т. VI, 1891, стр. 337—338). Чаще всего зиндиками называли манихеевъ, варужно принявшихъ мусульманство; рѣже—скрытыхъ зороастрійцевъ. О „зиндикахъ“, входившихъ въ составъ басрийскаго круга (Ажрада), см. подробно въ моей работѣ: „Абáвъ Лáхыкый“ (М. 1913), стр. 23-25 и 7-8. Также срв. „Исторію арабовъ“, ч. II (1912), стр. 154.

¹⁾ Джáхызъ: „Китáб аль-байáн ва т-табейюн“, т. I, Каиръ 1311—1894, стр. 8: 20-22; 11: 20-21; полнѣе въ „Агáни“, т. III, 24: 8-14.

²⁾ „Фирристъ“ 988 г. (лейпц. изд. 1871, стр. 159: 25-26) отмѣчаетъ, что дивана стихотвореній Башшара никто и не собралъ, а въ обращеніи имѣются болѣе или менѣе объемистыя выборки. Изъ другихъ мѣстъ „Фирриста“, перечисленныхъ у насъ ниже на стр. 5, мы получаемъ свѣдѣніе, какіе именно антологисты IX и начала X в. составляли выборки изъ Башшаровыхъ стихотвореній. Въ ихъ числѣ „Фирристомъ“ отмѣченъ (147: 1) очень извѣстный Ахмадъ ибнъ-Аби-Тáһиръ Тейфуръ Батдадскій, 819—893, о которомъ см. у меня во введеніи въ „Хамáсу“ (М. 1912) стр. 12—15.

³⁾ См. у Джáхыза: „Китáб аль-байáн ва т-табейюн“, Каиръ I, 1311—1894, стр. 8: 23-24; стр. 13: 14; 15: 14-15. Оттуда, со ссылкой на Джáхыза и съ повто-

ваетъ во всѣхъ случаяхъ («Аг.» III, 21:16), въ томъ числѣ передъ самимъ халифомъ Махдіемъ (775—785), отцомъ Харуна-ар-Рашида. — «Языкъ и нарядъ мой—арабскіе»,—говоритъ онъ халифу, «но родъ—не арабскій *واما الاصل فعمی*. Предки мои—корейшиты надъ неарабами, *wa aslı — Qoreysh аль-ع* Аджам!» («Аг.» III, 21:3-9). Мало того: когда приходится отражать арабскую заносчивость, Башшаръ не колеблется задѣвать арабовъ, какъ націю ¹⁾.

Халифъ Махдій цѣнилъ панегирики Башшара ибнъ-Бюрда, и потому поэтъ могъ чувствовать себя въ безопасности. Положимъ, Махдій,—«*wa kâna min'ашядди н-наси ҃ейратан*» (=«а это былъ одинъ изъ ревнивейшихъ мужчинъ», «Аг.» III, 41:8-9),—пытался наложить узду на одну область творчества Башшара—на его эротическія стихотворенія: онъ находилъ, что Башшаръ слишкомъ безцеремоненъ, и что стихи его тлетворно дѣйствуютъ на женщинъ Басры («Аг.» III, 41—42). Но за религіозныя воззрѣнія никто Башшара, халифскаго панегириста, не тревожилъ, хотя жестокія гоненія на зиндиковъ, съ казнями, съ распятіями, начались съ первыхъ же лѣтъ Махдіева халифства ²⁾.

Гибель Башшара.

Башшаръ сгубилъ себя тѣмъ, что вздумалъ писать сатиры или эпиграммы на полновластного временщика, Махдіева везира Ясрұба ибнъ-Даўда. Въ одной такой эпиграммѣ поэтъ выразился, что подлинный, фактическій халифъ это—Якубъ, а вѣнценосный халифъ занятъ только любовными дѣлами да игрою въ «савладжѣнъ» (родъ конной лапты) ³⁾. Везиръ подобострастно доложилъ эту эпиграмму ха-

решіемъ его словъ о дѣвольскомъ характерѣ такой ереси, стихи повторены въ „Агани“ (ок. 963 г.), т. III, стр. 24:8-11. Какъ нечестіе, приводитъ тѣ же стихи и ибнъ-Халликанъ (ум. 1282, егип. изд. 1310—1893, т. I, 89:22-24; англ. переводъ Слена I, 256), сопровождая пояснительнымъ указаніемъ (срв. у Джѣхыза 13:14; 15:14-15), что, по мнѣнію Башшара, дѣволъ (созданный изъ огня) поступилъ правильно, отказавшись поклониться Адаму (созданному изъ земли) и, такимъ образомъ, послушавшись самого Бога. Съ этимъ примѣчаніемъ стихи повторены въ „Ноджум“ Абуль-махъсына (ум. 1469), лейд. изд. т. I (1855), стр. 446.

¹⁾ Срв. въ „Агани“ тамъ же III, 21 всю страницу и III, 33-34 ту сатиру на бедуина, о которой мы упоминали выше (стр. 2).

²⁾ См. исторію Табарія (ум. 923) подъ 163—780 годомъ; лейден. изд. серія III, т. 1 (1880) стр. 499:9-11.—Позже, въ 167—783 году, противъ зиндиковъ учреждена была Махдіемъ уже специальная инквизиція (см. Табарій III, т. 1, стр. 519—520) во главѣ съ особымъ чиновникомъ—верховнымъ инквизиторомъ, который назывался „сѣзъиб аз-занѣдира“ (Таб. III, ч. 1, 522:1).

³⁾ См. эти эпиграммы у Табарія, лейд. изд. III, ч. 1, стр. 538:17-18; стр. 508:13-15. Въ „Агани“ III, 70:5-10.—Что касается самой игры „савладжѣнъ“, то у Табарія можно найти ея описаніе (III, стр. 1326—1327), какъ ее велъ на конной площади халифъ Мо'тасымъ (833—842). Игра эта перешла къ арабамъ отъ старинныхъ персовъ, при чемъ однако сами персы считали ее, какъ и шахматы, своимъ изобретеніемъ изъ Индіи; см. антологию „Заһр аль-ѣдѣб“ Хосрія 1058 г., каирское изданіе 1876—1293 г. на поляхъ „Бѣда“ т. I, стр. 142—143, съ цитированіемъ словъ образован-

лифу Махдию, и Башшаръ ибнъ-Бурдъ былъ засѣченъ до смерти и брошенъ въ топъ недалеко отъ Басры (783)¹⁾. Вскорѣ, впрочемъ, палъ и временникъ-везирь.

Источники.

Главный нашъ источникъ для біографіи (и для текста стиховъ) Башшара ибнъ-Бурда есть „Китабъ аль-агани“ (= „Книга пѣсенъ“), составленная ок. 963 г.; см. въ „Аг.“ большую статью въ III т. стр. 11-72 и т. VI, 47-52.

Правда, можно найти о немъ цѣнныя свѣдѣнія и у болѣе равныхъ писателей, напримѣръ, у басрийца Джâхъиза (ум. 869) въ его стилистическомъ „Китабъ аль-байân wa т-табейюн“ (такъ, см. т. I, Каиръ 1311=1894, стр. 8, 11 и слѣд., 23, 53, и др.; т. II, 1313=1896, стр. 34; II, 177 и т. п.) и въ Джâхъизовой же беллетристической зоологii: „Китабъ аль-зайawân“, гдѣ, напримѣръ, упоминаются отношенія Башшара къ кружку басрийскихъ вольнодумцевъ (т. II, Каиръ 1323=1905; стр. 56; т. IV, 1324=1906, стр. 142—145), или цитируются его стихи, положимъ, въ такихъ отдѣлахъ, какъ о собакѣ, о курицѣ и др. См. т. I, 1323=1905, стр. 121, 151, 180; т. II, 122; т. III (1324=1906), стр. 38, 39 и др. Но вѣдь это лишь разсыянные отрывки, обыкновенно притомъ уже и использованные составителемъ „Агани“; срв. въ „Аг.“ III, 24:4-5 ссылку на „Байân“—и см. печ. изд. „Байân“ I, 23; или срв. въ „Аг.“ III, 24:8 голую, но важную ссылку на имя Джâхъиза, безъ обозначенія заглавія книги,—и см. печ. изд. „Байân“ I, 8.—Есть о Башшарѣ специальная глава тоже въ болѣе равней, чѣмъ „Агани“, историко-литературной „Книгѣ поэзи“ ибнъ-Котейбы (ум. 889), по лейден. изд. 1904, стр. 476-479; но глава—небольшая, и даетъ она мало біографическихъ сообщеній, хотя чрезвычайно важна собраніемъ образцовъ творчества Башшара.—Въ „Гидъ“ андалусца ибнъ-Абд-Раббана (860-940) есть въ числѣ сообщеній про Башшара анекдотъ, который имъ былъ составленъ о влюбленномъ ослѣ и его пѣсенкѣ; см. егип. изд. 1293=1876, т. III, стр. 444-447=Агани III, 64 (Анекдотъ, впрочемъ, бродячій. См. у меня „Хамаса“, I, стр. 31-32).—Важнѣе—то, что мы находимъ у Табарія (ум. 923) и чего мы коснемся ниже, но все это есть и въ „Агани“.

Послѣ „Агани“ хронологически слѣдуетъ въ качествѣ источника краткое біографо-библіографическое указаніе въ „Фирристѣ“ 988 г. (лейпц. изд. Флюгеля, 1871, стр. 159:25-26), съ разбросаннымъ перечисленіемъ (въ другихъ мѣстахъ труда) въ которыхъ, болѣе раннихъ чѣмъ „Агани“, антологистовъ IX в. и нач. X в., хранившихъ стихи Башшара (143:3 снизу; 144:8; 147:1; 132:11), съ приблизительнымъ описаніемъ стихотвореній (160:2) и съ помѣщеніемъ Башшара въ перечнѣ тайныхъ манихеевъ (338:10).

Дальнѣйшимъ матеріаломъ для характеристики Башшара ибнъ-Бурда можетъ служить полубеллетристическое „Посланіе о всепрощеніи“ (= „Risâletъ аль-гофранъ“) знаменитаго поэта-пессимиста Абуль'али Мааррисканаго (973-1057), которое вообще важно для исторіи энциклістикства. Изд. въ Каирѣ 1907.

Въ біографическомъ словарѣ ибнъ-Халликаяна (ум. 1282) статья о Башшарѣ очень мала; см. егип. изд. 1310=1893 г., т. I, стр. 88—90—англ. переводъ Слэна, т. I (1843), стр. 254—257. Она вся основана на „Агани“, и если одинъ разъ ибнъ-Халликанъ привлекаетъ всеобщую исторію Табарія (ум. 923) по вопросу о сатирѣ Башшара ибнъ-Бурда на халифа Махдию съ его

наго и знатнаго перса, тестя халифа Ма'муна (813—833). Подробнѣе бібліографія—въ моемъ приложеніи къ „Персидскимъ этимологіямъ“ акад. Корша въ IV т. „Древностей Восточныхъ“ (1913).

¹⁾ Табарій III, ч. 1, стр. 538—539; „Агани“ III, 70—72.

везиремъ, то вѣдь это все имѣется и въ „Агани“; срв. лейд. изд. Табарія, серія III, т. 1, стр. 508 и 538—539, и „Агани“, т. III, стр. 70—71.

Такимъ же эксцерптнымъ характеромъ отличаются разбросанныя замѣтки про Башшара въ „Поджум“ египтянина Абуль-махъсына ибнъ-Тагрибырдія (ум. 1469). См. лейденское изд. 1855, т. I, 420—421, о вольнодумномъ басрийскомъ кружкѣ, среди котораго вращался Башшаръ; т. I, 444, о сатирическихъ стихахъ Башшара противъ полновластнаго везира халифа Махдія; т. I, 445-446 некрологъ Башшара, подъ 168—783 годомъ, съ цитированіемъ его нечестивыхъ стиховъ.

Европейскія пособия:

Hammer-Purgstall: Literaturgeschichte der Araber, т. III (Вѣна 1852), № 1397—стр. 512-528. Пересказана біографія Башшара ибнъ-Бурда по „Агани“ (которая еще тогда не была издана печатно), при чемъ переведено стихами (плохенькими) много образцовъ. Извлечены его стихи и изъ разныхъ другихъ антологій, нпр. изъ „Книги животныхъ“ Джâхъза, тогда еще неизданной.

Alfred von Kremer: Culturgeschichtliche Streifzüge auf dem Gebiete des Islams, Лейпц. 1873, стр. 34 и слѣд.; важно для выясненія религиозныхъ взглядовъ поэта и окружающихъ. Это главная работа о Башшарѣ. Онъ же: Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen, т. II (Вѣна 1877) стр. 410—411.

Gustave Dugat: Histoire des philosophes et des théologiens musulmans. Парижъ 1878, стр. 64—67 и стр. 75. Замѣтка основана на позднихъ историкахъ, послѣмонгольскихъ, безъ знакомства съ Кремеромъ.

Ignaz Goldziher: a) Muhammedanische Studien, т. I (Халле 1889), стр. 162, въ главѣ „Arab und Aḡam“;—б) косвенное отношеніе къ Башшару имѣетъ статья: Sâlih b. 'Abd al-Quddûs und das Zindiqthum während der Regierung des Chalifen al-Mahdi—въ „Transactions“ IX-го съѣзда ориенталистовъ въ Лондонѣ 1892, II, стр. 105 sqq. Но для самого Башшара статья ничего не даетъ.

C. Brockelmann: Geschichte der arabischen Litteratur, т. I (Веймаръ 1898), стр. 73-74. Кое-какимъ дополненіемъ служить то, что сказано у него же въ популярной Амеланговской „Gesch. der arab. Litteratur“ (Лейпц. 1901), стр. 80.

Cl. Huart: Littérature arabe. Парижъ 1902, стр. 67—68. Сравнительно съ сухимъ Броккельманомъ, внесены кое-какія живыя дополненія (изъ ибнъ-Халикъана?).

It. Pizzi: Letteratura araba. Миланъ 1903, стр. 140. Переведено и стихотвореніе Башшара (по бейрутской хрестоматіи: „Маѣвиль-адаб“ III, стр. 123).

R. Nicholson: A literary history of the Arabs. Л. 1907, стр. 371-375. Глава „The zindiqs“ (стр. 371-375) заполнена преимущественно Башшаромъ ибнъ-Бурдомъ. Примыкаетъ къ Кремеру.

J. Hell: „Bashshâr“ въ „Enzyklopädie des Islâm“ т. I вып. 11 (Лейд. 1911), стр. 699,—коротенькая и малосодержательная замѣтка, пересказъ изъ Броккельмана.

А. Крымскій: „Башшаръ ибнъ-Бурдъ“—въ V томѣ „Новаго Энциклопедическаго Словаря“ Брокгауза и Ефрона (Сиб. 1912), стр. 510-511. Справочная замѣтка.

Вышеприведенная біографія и бібліографія¹⁾ вполне достаточна, чтобы мы могли предложить русскій переводъ нѣкоторыхъ (не спеціально «зидикскихъ») образцовъ творчества Башшара²⁾.

А. Тейле.

I.

„Wa dâto dallin.... sakrâna“ (Агани, т. III, стр. 32—33)³⁾.

Изящная, оживленная красавица, съ лицомъ, что свѣтель мѣсяць,....—

Она пѣла вчера на вечерѣ—и до глубины опьянила мое сердце.

Да, люди добрые! ухо мое влюбилось...

Иногда уши влюбляются раньше очей.

А очи ея, черныя, быстрыя очи...

Сразили меня [-слѣнца], и, сразивши, не оживили.

И воскликнулъ я: „Славно спѣла ты, красавица, желанная, упо-
ванная!“

Дай же мнѣ услышать хоть одно ласковое слово, Богъ да воз-
дастъ тебѣ!“

Слышу въ отвѣтъ: „И ничего лучшаго душа твоя не просить
„Отъ того, кѣмъ сердце твое переполнено и увлечено?“

„Странно, однако: какъ ты можешь
Любить то, чего [слѣпецъ ты] не видалъ?“—

—„Правильно!“—согласился я:—но вѣдь ты—солнце,
„Которое, восходя, озарило сердце и грудь яркими огнями...“

„Дай же, дай мнѣ послушать мелодичный твой голосъ,
„Отъ котораго любовь возрастаетъ въ сердцѣ!“—

„Я желалъ бы быть сорваннымъ для тебя ароматнымъ яблокомъ,
„Я желалъ бы стать стеблемъ душистой базилики,

„Для того, чтобы ты могла вдохнуть мой запахъ и наслаждаться
мною—

„Но только—чтобы я, добившись такого близкаго общенія съ то-
бою, все-таки остался живымъ человѣкомъ!“—

Она ударила по струнамъ лютни, оживилась,

Запѣла въ аккомпаниментъ... и что было со мною дальше, того
ужь не скроешь!

¹⁾ Принадлежитъ она редактору „Древностей Восточныхъ“.

²⁾ Помощью въ подборѣ и переводѣ образцовъ мы обязаны редакціи.

³⁾ Порядокъ стиховъ кое-гдѣ переставленъ, и въ расчетъ приняты варианты изъ другихъ мѣстъ „Агани“.

Свѣтало, и я оказался самымъ покорнымъ;
И нечего людямъ подстрекать меня къ послушанію.

Я сказалъ: „Ты привела меня въ восторгъ, о, краса нашего со-
бранія!

„По добротѣ—ты выше всѣхъ насъ,

„Однако, если бы я зналъ, что любовь убьетъ меня,

„Я бы заблаговременно, прежде встрѣчи съ тобою, заготовилъ бы
себѣ саванъ!—

Она запѣла прелестную застольную пѣснь на рамальный напѣвъ,
Который меня, слушателя, прожигалъ радостью и въ то же время
заставлялъ плакать кровавыми слезами.

Но Господь не убьетъ того, кто страдаетъ отъ постоянства въ
любви.

Людей въроломныхъ—тѣхъ Онъ, пожалуй, убьетъ.

II.

„Мина ль-мафтуни...—мюрдия“ („Агани“, III, 23).

Отъ прельщеннаго Башшаара ибнъ-Бюрда
Къ племени Шейбанцевъ, пожилыхъ ли стариковъ, или безборо-
дыхъ юнцовъ [посланіе]:

Се юница ваша разграбила сердце мое,—

Одна половина—у нея, другая половина—у меня.

III.

„Лям йатол лейлі...—алям“ (= „Агани“, III, 26).

Ночь мнѣ не показалась длинной, хотя я не спалъ.

Призракъ той, по комъ я страдаю, прилетѣлъ.

Абда, Абда! развѣй мою боль! Знай,

Что вѣдь я—человѣкъ, изъ мяса и крови!

Но когда я ей сказалъ: „побудь со мною дольше!“

Она ушла молчаливо, не сказавши ни „да“, ни „нѣтъ“.

Обезсилѣлъ я! и плащъ мой покрываетъ такое хрупкое тѣло,
Что достаточно налечь на него—оно подломится.

Любовь къ ней придавила мою шею, какъ бы рабскимъ тавромъ,
И наложеніе этой печати сдѣлало меня изъ свободнаго подне-
вольнымъ.

IV.

„Инвамаъ газма...—л-жамали“ („Аг.“, III, 28).

Станъ Солеймы, возлюбленной моей Солеймы,
Это станъ изъ сахарнаго тростника, а не изъ тѣхъ костей, что
бываютъ и у верблюда.

А если бы я поднесъ къ Солеймѣ луковку,
То исходящее отъ Солеймы мускусное благоуханіе преодолѣло бы
запахъ лука ¹⁾).

V.

„Сада л-Лаһо...—л-рыбаби“ (Джахызъ: „Халван“, I, 180).

Да оросить Богъ благодѣтельнымъ дождемъ тотъ холмъ, гдѣ стояла
палатка Абды,

Гдѣ и на восточной и на западной сторонѣ есть слѣды ея кочевья!

И да дастъ намъ Богъ безмятежно длить и коротать наши дни такъ,
Чтобы сторожевыя лохматыя собаки мирно спали!

VI.

„Қад лама-ни...—дажаро“ („Аг.“, III, 41).

Омаръ порицалъ меня за мою любовь къ возлюбленной...
Неразборчивый упрекъ—та же ругань.

—„Тебѣ надо опомниться!“—сказалъ онъ.—„Нѣтъ!“ отвѣтилъ я.—
„Да!“ возразилъ онъ.

И добавилъ: „Про васъ обоихъ и такъ ужъ идутъ разные толки
среди людей!“

—„Ну, и пусть идутъ толки!“—говорю я:

„Тебѣ-то чего тревожиться? ты-жъ не виноватъ въ моемъ неизви-
нительномъ поведеніи.“

„Да и людямъ что за дѣло? Почему они нѣмо молчать,
Если случится имъ увидать свои собственные недостатки?“

„Я люблю самъ про себя,—а они нападаютъ на это, словно турки
Хищно обрушивающіеся на хазарь.“

Странныя нападки! Очень странно—
Укорять человѣка за то, что онъ влюбленъ!

¹⁾ Исхакъ Мбсульскій (767—849, сынъ Ибраһима) высказался, основываясь на этомъ стихотвореніи, что въ поэзіи Башшара благородное путается съ неблагороднымъ („Аг.“, III, 28). Но далеко не всѣмъ на востокъ подобный образъ казался низменнымъ. Онъ есть у перса Саадія XIII в. въ предисловіи къ „Голистану“ (о душистомъ мнѣ, — см. по переводу Холмогорова, М. 1882, стр. 6).

VII.

— „Твои сравненія очень хороши, — сказали какъ-то Башшару: — но откуда ты ихъ берешь? ты вѣдь слѣпъ“. По этому поводу поэтъ составилъ стихотвореніе.

„ґаміто...—мау'илá“ (= „Аг.“, III, 23).

Отъ природы я слѣпъ, однако талантъ мой — какъ разъ отъ слѣпоты.

Дивное мышленіе! ты вмѣстилище познанія.

Свѣтъ очей съ усиленной проницательностью перенесся въ глубь сердца.

Когда люди теряютъ зрѣніе, они начинаютъ видѣть сердцемъ.

Магическимъ ключемъ къ глубоко зарытымъ въ саду кладамъ называется поэтический даръ:

Если они съ трудомъ даются, поэзія облегчаетъ къ нимъ доступъ ¹⁾.

VIII.

(„Аг.“, III, 42).

Башшаръ пріѣхалъ въ Фарсъ и поднесъ хвалебное стихотвореніе Халиду Бармекиду. Тотъ ему пообѣщаль награду, но замедлилъ. Слепой поэтъ велѣлъ повести себя на ту улицу, по которой долженъ былъ проѣхать Халидъ въ мечеть. Схвативши за поводья Халидова мула, Башшаръ сказалъ стихи:

„Аталта... ришáшо-һá“ („Аг.“, III, 42).

Ты простеръ-было надо мною облако,
Изъ котораго сверкнула для меня молнія, и брызнуль-было дождь.

Но больше ужъ не сверкаетъ молніей то облако, и я — въ безнадежномъ, страстномъ ожиданіи:

Нѣтъ дождя! жажда томить!

Халидъ приказалъ выдать ему 10.000 дирхемовъ и сказалъ: „Не оросивши тебя, облако не унесется“.

Но въ общемъ Башшаръ не имѣлъ склонности быть вѣчнымъ попрошайкой.

¹⁾ Красочные зрительные образы Башшара, поразительные для слѣпого, направлялись иногда на предметы, которые общаго съ поэтичностью имѣютъ какъ-будто маловато. Въ „Книгѣ поэзи“ ибнъ-Котейбы (лейд. изд. 1904, стр. 478) Башшаръ, говоря о чувственныхъ волненіяхъ, которыя обуреваютъ отрока послѣ тринадцати лѣтъ, отпускаетъ насчетъ его „дакар“-а двустипіе, по своей безцеремонности не поддающейся переводу:

Wa tará-hu багда ґалáґа-ґашрата qá'иман
Нызра л-моаддани шакка йаума саґáби.

IX.

Беззаботность о будущемъ.

„Халілій-ла...—ли халіқи“ („Аг.“, III, 68).

Мой другъ! трудная минута раньше-позже пройдетъ,
И для человѣка съ достоинствомъ надежда на облегченіе — въ
завтрашнемъ днѣ.

Я—все равно, что погода: прояснится—и я прояснюсь,
Затуманится—и я затуманюсь.

И тебѣ, красавица-смуглянка, скажу: Не могу я скаредничать!
Не могу я копить шелки и узорчатая ткани и не быть щедрымъ!

Бери изъ моей руки, что придется. Время прояснится, солнце
взойдетъ, и ладно!

Дорого не богатство, а людская благодарность.

Не могу я удовлетвориться низкимъ образомъ жизни!
Никакой другъ не долженъ попрекнуть меня скупостью.

Милый мой! нѣтъ прока въ деньгахъ,
Если изъ нихъ не попользуются ни братъ, ни пріятель.

Случалось, мнѣ тяжеленько приходилось гдѣ-нибудь:
Я направлялся въ другое мѣсто, и тамъ мнѣ было привольнѣе.

Надо выбирать между Богомъ и людьми, и не плохую торговлю
совершаетъ тотъ,
Кто займется богопочтениемъ и похвальными дѣлами.

Благій Господь не отяготитъ смиреннаго тяжелымъ бременемъ.
Нравы человѣческіе—тѣ могутъ отяготить.

X.

Wa стагни...—ḡaḡaboh (Джахызъ: „Хаявân“, I, 151).

Довольствуйся лишь тѣмъ, что необходимо, и не ищи золота.
Ни съ однимъ изъ бывшихъ до тебя людей золото не осталось
навѣки.

Пусть скряга копить имущество для тѣхъ, кто его расточитъ.
Благородный левъ—тотчасъ утоляетъ свой голодь.

XI.

(„Аг.“ III, 42; XII, 91).

Одинъ изъ пріятелей Башшара, по имени Са'дъ ибнъ-аль-Ка'ка', какъ-то въ бесѣдѣ съ нимъ сказалъ: „Эхъ! люди вѣчно твердятъ, что мы—зиндѣки, и это, наконецъ, неприятно! Не създитъ ли намъ на богомолье въ Мекку, чтобы прекратить подобные толки?“ — „Ты хорошо придумалъ!“ согласился Башшаръ. Они купили верблюда, навьючили, поѣхали въ Аравію. Но когда

добрались до Зорары ¹⁾ на нижнемъ Ефратѣ, Са'дъ грустно воскликнулъ: „Еще триста миль до Мекки! По пустынь! Когда это мы ихъ пройдемъ? Давай, останемся въ Зорарѣ и проведемъ здѣсь время недурно, а когда паломники будутъ возвращаться съ богомолья, мы, обстригши волосы, присоединимся къ каравану въ Кадисійѣ ²⁾, и людямъ въ голову не взбредеть сомнѣваться, что мы ѣдемъ съ богомолья“. Башшару мысль понравилась, но онъ боялся, что болтливый Са'дъ проговорится. Тотъ его успокоилъ. Они, въ веселыхъ попойкахъ, въ вольныхъ кутежахъ, пробыли въ Зорарѣ паломнической періодъ, а въ Кадисійѣ, съ обстриженными головами, примкнули къ возвращающимся изъ Мекки паломникамъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, принимали поздравленія отъ людей. Са'дъ ибнъ-аль-Ка'ка составилъ по этому поводу стихи:

„А лям тара—...т-гиджара“ („Аг.“ III, 42).

Подумать только: я и Башшаръ совершили долгъ паломничества!
И паломничество наше оказалось выгодной сдѣлкой.

Выѣхали мы въ расчетъ на долгій путь ³⁾,
А дорога привела насъ въ Зорару.

Люди вернулись, получивши званіе „хаджіевъ“ послѣ благочестиваго подвига,
А мы вернулись, получивши почетное званіе на даровщинку! ⁴⁾.

XII.

Одному изъ знакомыхъ, упрекавшему его за его образъ мыслей и поведеніе, Башшаръ отвѣтилъ стихами:

Тоби то...—ль-монаддаба („Аг.“ III, 62).

Я былъ созданъ такимъ, какъ я есть, не по своему выбору и желанію.
Имѣй я право свободнаго выбора, я вышелъ бы совершеннымъ.
Но вѣдь пожелаю я чего-нибудь,—и не дается оно мнѣ. А дается,
когда я ничего не желалъ.
Мое познаніе бессильно постигнуть эту тайну.

Не стану жъ я и добиваться, разъ мое познаніе ограничено.
Но, и спать ложась, и пробуждаясь, не перестаю я дивиться.

¹⁾ У Мас'удія (ум. 956) въ „Золотыхъ лугахъ“ читаемъ: „Зорара—село въ окрестностяхъ Куфы, недалеко отъ Вавилонскаго Моста (Джисръ Бабель)“. См. по париж. изд., т. IV (1865), стр. 266. Изъ контекста Мас'удія видно, что среди жителей было много евреевъ, т. е. обычныхъ шинкарей.

²⁾ Недалеко отъ Хиры,—мѣсто, знаменитое сраженіемъ 637 года.

³⁾ Вар. „Аг.“ XII, 91: „собираюсь сотворить благо и праведность“.

⁴⁾ Въ другомъ мѣстѣ „Китабъ аль-агани“ вся эта исторія, со ссылкой, восходящей къ ибнъ-Хордадбеһу (пис. 844-848), отнесена не къ Башшару, а къ геловнику Мотью ибнъ-Аясу, жившему при Мансурѣ (754-775), и добавлено, что анекдотъ и стихи приписываются еще къ другимъ вольнодумцамъ.

Сказанія о семи спящихъ отрокахъ и ихъ работѣ въ царствѣ

Сказаніе о семи спящихъ отрокахъ и ихъ работѣ въ царствѣ

Сказаніе о семи спящихъ отрокахъ и ихъ работѣ въ царствѣ

СКАЗАНІЯ

О СЕМИ СПЯЩИХЪ ОТРОКАХЪ.

Легенда о семи спящихъ отрокахъ и ея арабскія версія.

Дѣйствительнаго члена Общества *М. О. Аппаи*.

Введение. ¹⁾

I.

Распространенность сюжета помимо христіанскаго міра. Античные мифы о долгомъ снѣ. Иудейскія легенды.

Легендарная тема о долгомъ снѣ людей, длившемся многіе годы, цѣлыя столѣтія, повсемѣстно распространена въ мірѣ, и между прочимъ она извѣстна была классической древности.

Извѣстно, напримѣръ, въ греческой мифологіи изящное сказаніе о вѣчно-юномъ, вѣчно-прекрасномъ Эндиміонѣ, любимцѣ богинь, въ томъ числѣ Луны-Селены, котораго навсегда усыпилъ Зевсъ. Въ пещерѣ, озаряемой нѣжнымъ свѣтомъ луны, дремлетъ съ открытыми глазами этотъ вѣчно-юный красавецъ. То въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ Эллады даже съ точностью показывали пещеру Эндиміона: въ элидской Олимпіи, въ Спартѣ, въ Малой Азіи (въ Каріи на горѣ Латмѣ) недалеко отъ Милета (южнѣе Эфеса).

Эндиміону, по легендѣ, не суждено проснуться. А въ другой классической легендѣ, про юнаго Эпименида, греки рассказывали, что этотъ юноша отправился искать потерянную овцу, заблудился, заснулъ въ пещерѣ и проспалъ 57 лѣтъ. Проснувшись, Эпименидъ и не подозрѣвалъ, что сонъ его длился такъ долго. Онъ вышелъ изъ пещеры, продолжалъ поиски за потерянной овцой, не могъ узнать измѣнившейся мѣстности и вернулся въ городъ. Тамъ все было ему чуждо, пока его не опозналъ младшій его братъ, успѣвшій превратиться уже въ сѣдовласаго старца. У Плинія мы находимъ добавку ²⁾, что Эпименидъ вскорѣ, черезъ 57 дней (по числу лѣтъ, которые онъ проспалъ въ пещерѣ), превратился въ старика.

У іудеевъ въ Палестинѣ эта бродячая тема отразилась въ старыхъ частяхъ Талмуда, гдѣ извѣстна легенда о Хони, приуроченная ко времени разрушенія храма ³⁾. Хони проспалъ въ пещерѣ 70 лѣтъ, до конца плѣненія Вавилонскаго, и, проснувшись, увидѣлъ возстановленный храмъ. Близкимъ вариантомъ талмудической легенды о Хони является христіанско-ветхозавѣтный апокрифъ объ Абимелехѣ, ученикѣ пророка Іереміи. И этотъ Абимелехъ, проснувшись, черезъ

¹⁾ Ред.

²⁾ Плиній: Hist. Nat. VII, 52.

³⁾ Талмудъ Іерус., Таан. III, 9, 66d; Талм. Вавил., Таан. 23 а. Лица, на авторитетъ которыхъ дѣлается ссылка, жили во II в. по Р. X.

70 лѣтъ, не могъ узнать ни измѣнившейся мѣстности, ни города, хотя фиги, сорванныя имъ передъ сномъ, оказались вполне свѣжими ¹⁾. Еще одинъ вариантъ, тоже характера библейско-ветхозавѣтнаго — коранскій (II, 261); въ самомъ Коранѣ имя чудесно-заснувшего не названо, а у комментаторовъ онъ именуется Эзрою, извѣстнымъ дѣятелемъ обновленія храма.

II.

Легенда христіанъ о семи заснувшихъ отрокахъ Эфесскихъ. Переходъ ея въ мусульманскій міръ. Приуроченіе ко всевозможнымъ мѣстностямъ исламскаго міра.

Въ первыя столѣтія торжества христіанства въ Римской имперіи, на рубежѣ древней и средней исторіи, эта бродячая, извѣстная и язычникамъ, и іудеямъ тема о долгомъ, вѣковомъ снѣ оказалась развита у христіанъ въ сказаніи о семи благочестивыхъ юношахъ христіанахъ временъ язычества, уроженцахъ г. Эфеса въ Малой Азіи. Городъ Эфесъ—въ той же Каріи, гдѣ,—пожалуй, нѣсколько южнѣе Эфеса,—язычникамъ извѣстна была пещера Эндиміона. По христіанской легендѣ, семь отроковъ, спасаясь отъ гоненій императора-идолопоклонника на христіанство, укрылись въ пещерѣ и проспали 300 лѣтъ (или даже 372), пока вѣра Христа не восторжествовала въ Римской имперіи всецѣло. Императоръ, при которомъ они заснули, былъ, по словамъ легенды, Декій (249-251), а проснулись они въ царствованіе императора Θεодосія II Младшаго (408-450). Одинъ изъ нихъ, Ямблихъ (срв. въ ветхозавѣтномъ апокрифѣ имя «Абимелехъ»), пошелъ въ городъ и не могъ узнать мѣстности, изъ-за происшедшихъ перемѣнъ. Какъ Ямблихъ, такъ и его товарищи, проснувшись, не жили уже долго. Они успѣли рассказать, людямъ въ назиданіе, свою повѣсть, и умерли. Мощи ихъ остались нетлѣнны. Имена сихъ свв. семи отроковъ Эфесскихъ обычнѣе всего въ святцахъ такіа: Максимилианъ, Гамвлихъ, Мартиніанъ, Діонисій, Антонинъ, Ексакустодіанъ [или Константинъ], Іоаннъ. Память ихъ празднуется церковью 22 октября ²⁾ и 4 августа, а прежде—и во многіе другіе дни ³⁾. И донинѣ пока-

¹⁾ См., напр., греч. текстъ апокрифа объ Абимелехѣ въ „Anecdota graeco-byzantina“ А. Васильева (М. 1893), стр. 308-316; А. Веселовскій: „Изъ исторіи романа и повѣсти“ I (1886), 331-363. Паломники описываютъ невдали отъ горы Масличной самую смоковницу, подъ которой заснулъ Абимелехъ. См., напр., у діакона Θεодосія нач. VI в., по изд. въ 28-мъ вып. „Православнаго Палестинскаго Сборника“ (Спб. 1891, лат. стр. 3, русск. пер. стр. 15; срв. стр. 60-61 примѣч.).

²⁾ Къ тому же дню 22 окт. русская церковь присоединила также празднованіе Казанской иконы Божіей Матери, избавившей Русь Московскую отъ игоковъ въ 1612 году.

³⁾ См., напр., архим. Сергія: „Полный мѣсяцесловъ востока“, т. II (М. 1876), отд. I, стр. 204 и 280. У католиковъ 27 іюля.

зываютъ ихъ пещеру у Эфеса, но чтоъ случилось съ мощами — не извѣстно. Въ XII вѣкѣ Даниль Паломникъ видѣлъ мощи, не просто пещеру ¹⁾.

Сдѣлавшись достояніемъ христіанства, легенда эта получила огромное, міровое распространеніе. Всюду, гдѣ водворилось христіанство (а гдѣ оно не водворилось?), стало извѣстно и сказаніе о семи спящихъ отрокахъ Эфесскихъ и породило литературныя обработки, — въ православныхъ ли странахъ, въ католическихъ, въ сирійско ли еретическихъ.

Отъ христіанъ-сирійцевъ легенда объ Эфесскихъ отрокахъ устнымъ путемъ попала въ Коранъ (гл. XVIII: «Пещера») аравійскаго пророка Мохаммеда (ум. 632) ²⁾, а съ іудейско-йеменской примѣсью — къ раннимъ коранскимъ комментаторамъ ³⁾. Въ мусульманскомъ мірѣ она стала, пожалуй, еще популярнѣе, чѣмъ въ христіанскомъ, и разцвѣтилась самымъ художественнымъ образомъ ⁴⁾.

При этомъ и мѣсто дѣйствія стало у мусульманъ переноситься въ самые разнообразныя, иногда очень неожиданныя пункты.

Сперва мусульмане, какъ и христіане, признавали, что пещера Спящихъ Отроковъ находится въ Малой Азіи. Положимъ, обязательнаго исключительнаго приуроченія къ Эфесу мы у мусульманскихъ писателей не видимъ: по однимъ, «Пещерники» жили въ Эфесѣ, по другимъ — въ Тарсѣ (т.-е. близко къ Сиріи), по третьимъ — въ Арабиссоусѣ (см. у насъ стр. 66), т.-е. пограничной крѣпости между владѣніями мусульманъ въ сѣв. Сиріи и христіанъ въ Малой Азіи ⁵⁾; но все-же это — Малая Азія. Наряду съ этимъ появляется локализованіе пещеры — въ Палестинѣ. Такое локализованіе, т.-е. палестинское, облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что Мохаммедъ въ Коранѣ, въ главѣ «Пещера», говоритъ не только о «жителяхъ Пещеры» но упоминаетъ тутъ же «обитателей Ракыма», которые (такъ можно заключить изъ контекста) тоже надолго заснули чудеснымъ сномъ, или, по крайней мѣрѣ, испытали въ своей пещерѣ нѣчто чудесное.

¹⁾ Стр. 5 по изд. Палест. Прав. Общ.

²⁾ Однородная іуданстическая легенда (Хони, Абимелехъ, Эзра), приуроченная ко времени разрушенія и возсозданія іерусалимскаго храма, по съ опущеніемъ имени заснуваго, тоже пересказана въ Коранѣ (II, 261 и слѣд.). См. выше, стр. II.

³⁾ Срв. у насъ ниже перечень старѣйшихъ арабскихъ версій на стр. 2 и слѣд., гдѣ участіе принимаетъ Ка'бъ-йеменецъ, поставщикъ свѣдѣній для ибнъ-Аббаса. См. M. Hartmann: „Der islamische Orient“, II (Липс. 1909), стр. 477-478.

⁴⁾ Достаточно взглянуть, хотя бы, на одного Табарія (838-923). См. ниже, стр. 8-24.

⁵⁾ Де-Гуе (de Goeje), издатель арабскихъ географовъ, посвятилъ этому географическому вопросу свою дѣльную работу: „Die Legende der Zeven slapers van Efeze“ (въ „Verlagen en Mededeelingen“ Амстердамской Королевской Академіи 1904, IV, стр. 9-33). Самъ онъ лично стоитъ за то, что описанія арабскихъ географовъ и путешественниковъ, видѣвшихъ пещеру съ мощами, относятся къ Арабиссоусу, не къ Эфесу.

Ракымскую пещеру указывали въ Палестинѣ¹⁾—и отсюда одинъ лишь шагъ былъ до того, чтобы тутъ же въ Палестинѣ помѣстить мѣсто дѣйствія легенды также о семи спящихъ отрокахъ Эфесскихъ. Нибуръ во время путешествія по южной Аравіи (Йемену) въ XVIII в. видѣлъ тамъ показанную туземцами ему пещеру Седмичисленниковъ²⁾. Страннѣе, что пещеру семи отроковъ показывали и въ далекой Испаніи XII в. (у насъ см. № 43 и № 44). Въ наши времена на Кавказѣ, въ Эриванской губерніи, мѣстные мусульмане-татары—считаютъ мѣстомъ жительства коранскихъ уснувшихъ отроковъ закавказскій г. Нахичевань³⁾, а пещеру, въ которой юноши укрылись отъ гоненій Декьянуса (=императора Декія), закавказцы-татары видятъ въ соседней горѣ, называемой Асабъ-Кяфъ⁴⁾. Въ Средней Азійи мѣстные турки приурочиваютъ мѣсто дѣйствія легенды о спящихъ отрокахъ къ разнымъ городамъ и мѣстностямъ китайскаго Туркестана, и пещера вблизи г. Турфана служитъ мѣстомъ пилигримства въ качествѣ могилы коранскихъ Пещерниковъ, скрывшихся въ нее отъ гоненій царя Дакіануса⁵⁾.

III.

Рядъ невыясненныхъ вопросовъ относительно созданія и литературнаго фиксированія христіанской легенды.

И, несмотря на повсемѣстное распространеніе этой легенды, исторія ея возникновенія у христіанъ и литературная исторія ея въ отдѣльныхъ пунктахъ остается все еще неясной или спорной.

Должны ли мы видѣть въ христіанской легендѣ о семи спящихъ отрокахъ Эфесскихъ простое использованіе бродячей дохристіанской темы фантазирующими набожными христіанами, или же въ Эфесѣ

¹⁾ Извѣстный археологъ Clermont-Ganneau въ своей статьѣ „El-Kahf et la Caverne des Sept Dormants“ (въ „Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions“ 1899, т. 27, стр. 564-574) отмѣчаетъ съ именемъ „Ракымъ“ нѣсколько мѣстностей въ Палестинѣ (въ частности—Амманъ-Балька), гдѣ преданіе (у старыхъ географовъ) фиксируетъ пещеру, ознаменованную Божьимъ чудомъ. Подобную пещеру Мохаммедъ могъ видѣть лично во время своихъ поѣздокъ въ Сирію и слышать о ней преданіе, если не тождественное, то въ чемъ-либо аналогичное съ преданіемъ объ Эфесскихъ отрокахъ.

²⁾ На это мѣсто изъ „Описанія Аравіи“ Нибура обратилъ вниманіе Semelet въ своемъ франц. переводѣ „Голистана“ Са'дія (Пар. 1834, стр. 129).

³⁾ Это отмѣчалъ еще въ XVIII вѣкѣ путешественникъ по Персіи Олеарій въ приобщаніи къ вышеотмѣченному мѣсту „Голистана“ Са'дія, т.-е. къ V главѣ.

⁴⁾ См. „Легенду о горѣ Асабъ-Кяфъ“ въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“, т. II (Тифлисъ 1882), отд. II, стр. 108-117. Легенда всецѣло совпадаетъ съ общезвѣстной мусульманской.

⁵⁾ Эта китайско-татарская легенда записана и переведена у И. Катанова: „Татарскія сказанія о семи спящихъ отрокахъ“—въ VIII томѣ „Записокъ Восточн. Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ.“, 1894, стр. 224-241.

случилось какое-либо подлинное историческое событие, для разказа о которомъ примѣненъ былъ готовый дохристіанскій мифъ? И когда собственно состоялось христіанизированіе бродячаго сказанія? И когда оно, христіанизировавшись сперва въ формѣ (надо полагать) устной, впервые было записано? И на какомъ языкѣ записано?

Въ рѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ нѣтъ единодушія у ученыхъ, хотя, казалось бы, что въ имѣющемся матеріалѣ заключаются достаточныя данныя для вполне опредѣленнаго рѣшенія.

IV.

Возможность историческаго христіанскаго ядра легенды въ видѣ факта обрѣтенія пещерныхъ мощей при Θεодосіи II. Свидѣтельство сивайскаго подвижника св. Іоанна Колоба нач. V вѣка.

Первый вопросъ, о возможной исторической подкладкѣ христіанской легенды, можетъ быть нѣсколько упрощенъ тѣмъ, что не для всѣхъ же легендарныхъ подробностей мы должны найти историческую подкладку. Явно-фантастичную благочестивую добавочную черту о воскресеніи заснувшихъ юношей, объ ихъ хожденіи послѣ 300-лѣтняго сна по землѣ и о бесѣдѣ съ людьми мы прямо можемъ отбросить, какъ неестественную и, значить, неисторическую. Самое большее, что можно исторически предположить, это — обрѣтеніе нетлѣнныхъ мощей ¹⁾, и въ такомъ случаѣ вопросъ формулируется реалистически, безъ чудесныхъ примѣсей, такъ: „Имѣются ли достовѣрныя историческія указанія, указанія современниковъ Декія и Θεодосія II, въ силу которыхъ мы могли бы признать за историческій фактъ, что при императорѣ Декіи (250 г. по Р. X.) семь юношей скрылись отъ Декіевыхъ гоненій въ пещерѣ, и что ихъ нетлѣнныя мощи спустя 300 лѣтъ (или, точнѣе, спустя 372 года, какъ гласитъ сказаніе) были обрѣтены при императорѣ Θεодосіи II Младшемъ (408 - 450).“

На одну половину этого вопроса, связывающую страданіе юношей со временами Декія, отвѣтъ долженъ быть безусловно отрицательнымъ. Ни у писателей-церковниковъ временъ Декія (249 - 251), ни у писателей-церковниковъ IV вѣка вплоть до начала V-го в. не найдено до сихъ поръ абсолютно никакого указанія и даже намекъ на успеніе 7 юношей временъ Декія въ пещерѣ подъ Эфесомъ или гдѣ-либо. Да и съ ариѳметической стороны хронологія легенды, привлекающая имя Декія, тоже не выдерживаетъ критики. Императоръ Θεодосій II, при которомъ — въ первую половину его царствованія —

¹⁾ На такую почву (т.-е. обрѣтеніе мощей, но не воскресеніе) вопросъ былъ поставленъ еще у историка-византолога конца XVII вѣка, француза Tillemont'a.

мощи были обрѣтены, умеръ въ 450 году, а вступилъ на престолъ въ 408-мъ. Если юноши проспали въ пещерѣ 300 лѣтъ (а то и 372, какъ указываютъ версіи), то выходитъ, что заснуть они должны были не при Декіи, а лѣтъ за полтораста-двѣсти до Декіева гоненія (бывшаго въ 250 г.). Ясно, что и вообще обработыватели легенды, приурочившіе время жизни обрѣтенныхъ нетлѣнныхъ святыхъ къ Декію, совсѣмъ не считались съ исторіей.

А дѣйствительно ли были обрѣтены при императорѣ Θεодосіи II въ пещерѣ Эфесской (или подобозвучной) какія-либо мощи семи (или около того) отроковъ? ¹⁾

Повидимому, да. Обрѣтеніе подобныхъ мощей при Θεодосіи II есть, кажется, неопровержимый, несомнѣнный историческій фактъ. Синайскій подвижникъ св. Іоаннъ Колобъ (ум. ок. 422 г. въ царствованіе Θεодосіа II), излагая житіе своего друга и учителя св. синайскаго аввы Паисія Великаго (ум. ок. 400), мимоходомъ упоминаетъ въ этомъ житіи о чудесномъ воскресеніи древле-уснувшихъ эфесскихъ отроковъ ²⁾. Св. Іоаннъ Колобъ жилъ во времена Θεодосіа II, значитъ былъ современникомъ (правда, не очевидцемъ) открытія далекихъ новоявленныхъ мощей; его свидѣтельство показываетъ, что вѣсть о новообрѣтенныхъ (въ Эфесѣ?) святыхъ распространилась за предѣлы Малой Азіи и—(должно-быть, какъ увидимъ далѣе, черезъ Сирію съ Палестиной, гдѣ давно была готова почва для воспріятія и прикрашенія подобныхъ вѣстей легендарными подробностями)—долетѣла въ прикрашенномъ видѣ до Синайской обители, на границѣ Сиріи и Египта.

Писалъ св. Іоаннъ Колобъ раньше Эфесскаго собора 431-го г. Съѣздъ же духовенства и іерархіи на соборъ въ Эфесѣ, гдѣ съѣхавшіеся не могли, конечно, не познакомиться съ мѣстной святыней, долженъ былъ содѣйствовать распространенію вѣсти о пещерныхъ мощахъ въ самыхъ отдаленныхъ концахъ римско-христіанскаго міра. И если въ какой-либо странѣ существовали старинныя мѣстныя легенды про людей, заснувшихъ въ пещерѣ, легенды эти легко могли быть переносимы на новоявленные эфесскія пещерныя мощи.

¹⁾ Любимое ходячее число 7 (астрального происхожденія) могло быть приурочено и къ меньшему и къ большому количеству мощей. Семь мучениковъ за вѣру знала ужъ и ветхозавѣтная исторія (семь мучениковъ Маккавейскихъ—при Антиохѣ Эпифанѣ); въ іуданстическомъ „Assumptio Mosis“ Левитъ Таксонъ спасается въ пещеру отъ тирана—съ семью сыновьями, что подчеркнул Кассель (1890).

²⁾ Архим. Сергій: „Полный мѣсяцесловъ востока“, т. II (М. 1876), отд. II, „Замѣтки“, стр. 172, 354 и 231. Западнымъ изслѣдователямъ это указаніе не повѣствово. См., напр. Хуберъ: „Die Wanderlegende von den Siebenschläfern“ (Лпц. 1910, стр. 552 и сл.), для котораго самое раннее свидѣтельство—Іоанна Серутскаго, ок. 520 г.

V.

Сирія—старѣйшее христіанское хранилище легенды о свв. уснувшихъ отрокахъ. Литература сирскія, или заимствованная отъ сирійцевъ, обработки VI вѣка.

Нельзя не обратить вниманія, что страна, которая явилась старѣйшимъ хранилищемъ христіанской легенды о заснувшихъ на долгіе годы седмичисленникахъ, была прежде всего Сирія (можетъ-быть, потому, что въ ней издавна жили іудеистическія легенды такого же содержанія), и всѣ старѣйшія литературныя обработки легенды—сирскія, или связанная съ сирскимъ посредствомъ.

Самое старое упоминаніе, св. Іоанна Колоба нач. V в., отмѣченное выше,—ужь и оно можетъ быть включено въ рубрику сирійскихъ или, что одно и то же, сирійско-палестинскихъ; Синайскій полуостровъ очень вѣдь тѣсно связанъ съ Сиріей. Характернѣе однако дальнѣйшіе безспорные факты.

Не то въ концѣ того же вѣка, не то скорѣе въ началѣ VI вѣка, мы можемъ констатировать самое обстоятельное знакомство съ легендой о семи спящихъ отрокахъ въ сѣв. Месопотаміи вблизи сѣв. Сиріи, у сирійскаго монофизитскаго епископа Іакова Серугскаго (ум. 521), прозваннаго флейтой св. Духа и арфою вѣрующей церкви¹⁾. Именно, въ его проповѣдяхъ—„гомиліяхъ“, написанныхъ виршами на его родномъ, сирскомъ языкѣ, дважды изложено сказаніе о чудесно воскресшихъ семи эфесскихъ отрокахъ (въ двухъ вариантахъ)²⁾. Монофизиты во времена Іакова Серугскаго подвергались самому жестокому, самому беспощадному гоненію со стороны греческаго діофизитскаго правительства; достаточно вспомнить 519-й годъ, когда діофизитъ-императоръ Юстинъ сразу низложилъ и сослалъ 55 монофизитско-сирскихъ епископовъ и вообще воздвигъ своего рода Декіево гоненіе противъ «правовѣрныхъ». Гомиліи Іакова, которыя напоминали правовѣрнымъ монофизитамъ о доблестныхъ семи отрокахъ, стойко выдерживавшихъ гоненіе язычника-императора Декія и за то прославленныхъ Господомъ, очень подходили къ духу времени.

Приблизительно въ ту же пору мы имѣемъ у паломника по Св. Землѣ (ок. 520 г.) діакона Θεодосія краткое латинское содержаніе легенды³⁾. Источникъ Θεодосія—очевидно, проводникъ палести-

¹⁾ Библиографію, относящуюся къ Іакову Серугскому, см. у А. Крымскаго въ „Очеркъ сирской литературы“ (во II части „Семитскихъ языковъ и народовъ“. М. 1910), стр. 186-187.

²⁾ Обѣ версии Іакова Серугскаго (ум. 521) переведены по-итальянски у Гвиди въ „Testi orientali sopra i sette Dormienti“, Римъ, 1885, отд. изъ „Rendiconti della Reale Accad. dei Lincei“ 1884).

³⁾ „Въ провинціи Азіи есть городъ Ефесъ, гдѣ почиваютъ семь спящихъ братьевъ, и у ногъ ихъ лежатъ собака Виріканъ. Имена ихъ: Ахиллидъ, Диомедъ, Евгеній,

нецъ, т.-е. сиріецъ. Наличие указанія на заснувшего пса еще сильнѣе выдѣляетъ сирійскую ткань легенды.

Лѣтъ пятьдесятъ спустя (послѣ 569 г.) мы имѣемъ обстоятельный сирскій текстъ легенды ¹⁾ въ сирской передѣлкѣ греческаго труда: «Церковная лѣтопись Захаріи Ритора» (т.-н. епископа Митиленскаго) ²⁾. Греческій подлинникъ составленъ ок. 518 г., но про легенду о воскресеніи эфесскихъ седмичисленниковъ сирскій передѣльватель съ опредѣленностью говоритъ (II, 1), что онъ ее «нашелъ на языкѣ сирскомъ»,—слѣдовательно, взялъ не изъ греческаго оригинала. Повидимому, имѣлся вариантъ и въ сирской «Церковной исторіи» ок. 585 года (или раньше) Іоанна еп. Эфесскаго ³⁾, именно въ той части, которая въ непосредственномъ своемъ видѣ затеряна, но которая вошла въ компилятивный сирскій же сводъ VIII вѣка: «Лѣтописи [дже-] Діонисія Тель-Махрійскаго», такъ-что доступна нашему сужденію. Дошелъ до насъ, кажется, еще и третій сирскій вариантъ все того же времени, ок. 584 года ⁴⁾.

Извѣстный западный лѣтописецъ Франціи св. Григорій, еп. Турскій (род. ок. 538, ум. 594), составилъ про семь спящихъ отроковъ: «*Passio sanctorum martyrum septem dormientium apud Ephesum auctore Io. Syro, quam Syro quodam interpretante in Latinum transtulimus*» ⁵⁾; сокращеніе—въ «*Gloria Martyrum*» ок. 590) ⁶⁾. Самое заглавіе гласитъ, что оригиналомъ для Григорія Турскаго былъ сирскій текстъ, которымъ онъ могъ пользоваться при помощи одного сирійца.

Стефанъ, Проватій, Савватій и Квиріакъ; мать ихъ по-гречески зовется Каратина, по-латыни Филекита. Тутъ почиваетъ святой Тимофей, ученикъ святого Павла». См. 28-й выпускъ «Православнаго Палестинскаго Сборника» (Спб. 1891), гдѣ «*De situ Terrae sanctae*» діак. Θεοδοσία издано полностью по-латыни съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями проф. Помяловскаго. Стр. 21 русск.—стр. 9 лат. (Срв. стр. 89, гдѣ для объясненія разности именъ отроковъ указывается старинное соображеніе, что они при крещеніи получили другія имена).

¹⁾ При томъ въ очень старой рукописи, начала VII вѣка.

²⁾ въ книгѣ II, гл. I. Библиографію сирской передѣлки лѣтописи Захаріи Ритора см. у А. Крымскаго въ «Очеркъ сирской литературы» (во II части «Семитскихъ языковъ и народовъ», М. 1910), стр. 191. Нѣм. переводъ Аренса и Крюгера, Лид. 1899; англійск. пер. Хамильтона и Брукса, Лонд. 1899.

³⁾ Библиографію про Іоанна еп. Эфесскаго см. въ «Сем. яз. и нар.», II (1910), стр. 191 и 201. Итал. перев. легенды—у Гвиди 1885; нѣм. пер. легенды—у Ryssefя 1894-1895.

⁴⁾ именно въ составѣ сирской рукописи Британ. Музея 584 года (Cod. syr. Add. № 12.160). Возможно однако, что та часть, гдѣ содержится легенда, лишь случайно переплетена съ древней рукописью, а сама—новѣе.

⁵⁾ См. сочиненія Григорія Турскаго, изданныя Крушемъ въ «*Scriptores rerum Meroving.* I, 2 (Ханнов. 1884-1885), 847-850.

⁶⁾ Krusch: *Script. Merov.* 550-552 (I, гл. 94-95).

Сирійскихъ колоній въ южной Франціи было много, о чемъ мы знаемъ, между прочимъ, изъ того же Григорія Турскаго ¹⁾.

Родившійся въ томъ же VI вѣкѣ Мохаммедъ (род. ок. 570, ум. 632), въ Коранѣ котораго мы находимъ главу объ отрокахъ Пещеры ²⁾, черпалъ христіанскія легенды у христіанъ-сирійцевъ.

Греческихъ и латинскихъ версій сказанія (не считая, конечно, Григорія Турскаго, который, не скрываясь, черпаетъ изъ сирскаго источника) мы въ VI вѣкѣ не знаемъ. Онѣ начинаются въ VIII-IX в.

VI.

Сирская литературная обработка есть старѣйшая; греческая и прочія версіи произошли отъ нея. Неудачная попытка Хубера (1910) оживить греческую гипотезу.

Должны ли мы изъ всего вышесказаннаго сдѣлать выводъ, что Сирія была той страной, гдѣ сказаніе о семи уснувшихъ отрокахъ получило свою первую письменную, литературную обработку, и что кака-либо сирская письменная версія есть основа всѣхъ дальнѣйшихъ,—прежде всего, конечно, греческой?

Такой выводъ болѣе чѣмъ естественъ, и онъ ужъ сдѣланъ. Онъ можетъ считаться даже наиболѣе общепринятымъ въ наукѣ, по крайней мѣрѣ у ориенталистовъ. Сверхъ хронологическаго первенства сирскихъ версій и сверхъ ихъ рельефной архаичности, въ расчетъ были приняты филологическія особенности старѣйшихъ греческихъ и латинскихъ сравнительно съ сирскими. Сравнительное изученіе текстовъ, произведенное такимъ опытнымъ востоковѣдомъ-лингвистомъ какъ Нѣльдеке 1886 ³⁾, а затѣмъ развитое Рюсселемъ 1894—1896 ⁴⁾, отчасти авторомъ статьи въ „Bessarione“ 1897 ⁵⁾, вновь Хеллеромъ 1904 ⁶⁾ и др.—обнаружило, что въ греческихъ и латинскихъ текстахъ есть несомнѣнные сиризмы или такія ошибки, которыя возможны только при переводѣ съ сирскаго. Насколько убѣдительно, сопоставленія, видно изъ того обстоятельства, что великій семито-

¹⁾ Григорій Турскій: Hist. Franc. VIII, 1; X, 26; VII, 1. См. вообще собранный матеріалъ у Bréhier: „Les colonies d'orientaux en Occident au commencement du moyen-âge V-VIII siècle“ въ лейпцигской „Byzantinische Zeitschrift“, XII (1903), стр. 1-39.

²⁾ Переведена по-русски ниже, стр. 1-2.

³⁾ Статья Т. Нѣльдеке—въ „Göttingische Gelehrte Anzeigen“ 1886, т. I, № 11 (1 іюня), стр. 453-459.

⁴⁾ Vict. Ryssel: a) Syrische Quellen abendländischer Erzählungsstoffe—въ „Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen“ Xeppara 1894, стр. 241 сл., 1895, стр. 369 сл.;—б) Einfluss der syrischen Literatur auf den Occident—въ „Theologische Zeitschrift aus der Schweiz“ 1896, стр. 43—66.

⁵⁾ I sette Dormienti—въ „Bessarione“ (Ромъ 1897), 316-325, 370-376, 447-453, 545-553.

⁶⁾ Bernhard Heller: Eléments, parallèles et origine de la légende des Sept Dormants—въ „Revue des études juives“ 1904, т. 49, стр. 190-218.

логъ Иг. Гвиди, который сперва (1885), не безъ вліянія Коха¹⁾, считалъ оригиналомъ легенды текстъ греческій²⁾, потомъ отказался отъ своего мнѣнія и примкнулъ къ Нельдеке³⁾.

Сданную, казалось бы, окончательно въ архивъ греческую гипотезу вновь выдвигаетъ новѣйшій изслѣдователь М. Хуберъ (1910)⁴⁾. Кропотливая его книга (нѣсколько хаотичная), несомнѣнно, содержитъ очень много полезнаго справочнаго матеріала, но въ разработкѣ вопроса о первоисточникѣ легенды поражаетъ своей близорукой субъективностью и архипроизвольными, натянутыми толкованіями. Къ тому же Хуберъ не ориенталистъ, съ восточными языками не знакомъ и можетъ пользоваться восточными текстами только въ переводахъ (иногда какихъ-то случайныхъ и даже невѣжественныхъ)⁵⁾; по отношенію къ фактамъ восточной литературы невѣдѣніе у Хубера иногда чудовищно⁶⁾; и оттого онъ прямо даже не въ силахъ сознательно разбираться въ вопросахъ, для рѣшенія которыхъ надо быть востоковѣдомъ.

1) John Koch: Die Siebenschläferlegende, ihr Ursprung und ihre Verbreitung, eine mythologisch-literaturgeschichtliche Studie (Лейпц. 1883). Кохъ въ очень талантливо написанной своей книгѣ исходитъ изъ греческихъ мѣровъ объ Эндиміонѣ и т. п. и видитъ въ христіанской эфесской легендѣ дальнѣйшее развитіе стараго мѣстическаго достоянія. Съ сирскими версіями Кохъ знакомъ былъ недостаточно, потому что въ его времена не вполне еще было оцѣнено значеніе сирской литературы въ исторіи развитія легенды, апокрифовъ и т. п.

2) Гвиди—въ своей работѣ, помѣщенной въ Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei (Римъ 1884—1885): „Testi orientali inediti sopra i Sette Dormienti di Efeso“. Содержательный отчетъ о трудѣ Гвиди—бар. В. Розена въ „Запискахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.“ I (1886), стр. 329—331.

3) Въ статьѣ „Bemerkungen zum I Bande der syrischen Acta martyrum et sanctorum“ (въ „Zeitschr. der D. Morg. Ges.“ т. 46—1892, стр. 744 и сл.) Гвиди, говоря о старѣйшей сирской версіи сказанія про спящихъ отроковъ, прибавляетъ, что это есть старѣйшій первообразъ всѣхъ версій, потому что послѣ Нельдеке можно съ большой вѣроятностью принимать, „dass die Siebenschläferlegende, ursprünglich syrisch verfasst, erst später in andere Sprachen übertragen worden ist“ (стр. 749).

4) Mich. Huber: Die Wanderlegende von den Siebenschläfern, eine literargeschichtliche Untersuchung (Лейпц. 1910). Большая книга, около 600 стр.

5) Одинъ изъ курьезныхъ образцовъ—то мѣсто Талябія Нишанурскаго XI в., которое читатель можетъ прочесть у насъ въ русскомъ переводѣ на стр. 38. Дѣло идетъ о масти и прозвищѣ пса, сопровождавшаго Пешерниковъ. Арабскій текстъ,—а онъ ясное Божьего дня,—гласитъ, что по словамъ аль-Авзайя (707—774) песъ назывался „Натва“, по Моджâhidу (642—721)—„Кантурія“, по Абдаллаху ибнъ-Саламу (ум. 663)—„Басытъ“. Хуберъ переноситъ имена собаки на личность богослова и создаетъ богослововъ-передатчиковъ: „Al Iwazzâi Natavi, Mugahid Quantûrijâ und 'Abdallah ben Selam Basit“ (стр. 20), при чемъ наивно жалуется (стр. 19), что все это невѣдомые передатчики (eine Menge von Gewährsmännern oft ziemlich unbekannter Natur).

6) Напр. на стр. 35-ой, рѣшившись заговорить о персидскихъ вариантахъ, Хуберъ заявляетъ, что сочиненія Мирхонда и Хондемира, повидимому, не сохранились до нашихъ временъ („nicht erhalten zu sein scheinen“)! Это говорится о писателяхъ, которые извѣстны всѣмъ и каждому, многократно издавались, не разъ и переводились! (По англійскому переводу Rehatsek'a, Лондонъ 1892, легенда о семи отрокахъ напечатана во II томѣ первой части на стр. 190—202).

Сирскаго языка Хуберъ абсолютно не знаетъ. Это ему не мѣшаетъ однако оспаривать филологическіе доводы авторитетнаго Нельдеке и, основываясь на личномъ (на не-ориенталистическомъ!) впечатлѣніи, относить сирскія версія къ разряду переводовъ съ греческаго (см., напр., стр. 487).

Предполагаемый греческій оригиналь сирскихъ версій Хуберъ относитъ къ V вѣку. Для этого съ сирскими памятниками онъ поступаетъ, какъ ему только заблагоразсудится. Извѣстный сирскій писатель Іоаннъ Эфесскій, ок. 585 г., написалъ свою церковную исторію по-сирски¹⁾; — по Хуберу, Іоаннъ писалъ по-гречески (стр. 14, стр. 486), а ужъ съ греческаго текста онъ былъ передѣланъ по-сирски. Сирскій передѣлыватель церковной исторіи Захаріи Ритора, ок. 569, опредѣленно говоритъ, что легенду о семи отрокахъ онъ вставилъ въ свою передѣлку изъ готоваго сирскаго текста; это не мѣшаетъ Хуберу утверждать (стр. 486:22), что въ греческомъ текстѣ Захаріи Ритора уже имѣлась легенда. Подобнымъ же упрощеннымъ способомъ расправляется Хуберъ и съ Григоріемъ Турскимъ VI вѣка. Григорій Турскій заявляетъ, что свое латинское изложеніе легенды онъ взялъ изъ сирскаго сочиненія, и переводчикомъ служилъ для него сиріецъ; по Хуберу, Григорій Турскій лжетъ, или, какъ деликатнѣе выражается Хуберъ: „Gregor von Tours, der seine lateinische Uebersetzung aus dem Syrischen gemacht haben will“ (стр. 13).

Для Григорія Турскаго имѣется у Хубера еще одно толкованіе: подъ сирскимъ оригиналомъ надо, молъ, понимать греческій (стр. 504); Григорій Турскій переводилъ, по Хуберу, на латинскій языкъ съ греческаго. Но при этомъ предположеніи самъ Хуберъ испытываетъ кое-какія затрудненія. Дѣло въ томъ, что греческій текстъ легенды не есть, по Хуберу, старѣйшій первообразъ: греческая версія, по неожиданной догадкѣ Хубера, переведена... съ латинскаго языка. Но вотъ тутъ и возникаетъ затрудненіе. Хуберъ чувствуетъ, что читатель можетъ задать вопросъ: „Если, по Хуберу, латинскій текстъ уже существовалъ во времена латинянина Григорія Турскаго и притомъ послужилъ оригиналомъ для греческаго, то зачѣмъ понадобилось Григорію Турскому изготовлять свой латинскій переводъ — съ греческаго? Почему латинянинъ Григорій не воспользовался готовымъ, оригинальнымъ латинскимъ текстомъ?“ Отвѣтъ на это Хуберомъ дается такой: Григорій, пренебрегая латинскимъ подлинникомъ, дѣлалъ новый латинскій переводъ съ греческаго перевода для того, что такимъ приемомъ рассчитывалъ внушить читателямъ большее довѣріе къ легендѣ (стр. 513).

Можно было бы привести изъ книги Хубера еще длинный рядъ всякихъ произвольныхъ толкованій, всякихъ неожиданныхъ открытій.

Неосновательные домыслы Хубера не содержатъ въ себѣ, понятно, никакой убѣждающей силы. Ясные доводы Нельдеке и другихъ ориенталистовъ остаются непоколебленными. Старѣйшей письменной формой легенды о семи отрокахъ мы должны считать сирскую; греческая происходитъ отъ сирской.

¹⁾ См., напр., „La littérature syriaque“ Р. Дюваля (Пар. 1907), стр. 181 и сл., гдѣ давъ обзоръ сохранившихся частей Іоанна Эфесскаго.

VII.

Арабская группа сказаній объ уснувшихъ свв. Пещерникахъ.

Арабская группа сказаній о семи спящихъ отрокахъ своеобразнѣе прочихъ. Первооснова арабскихъ (точнѣе—арабо-язычныхъ) сказаній—сирская, но на эту сирскую первооснову налегло множество наслоеній мѣстныхъ: частію—іудейскими-йеменскими¹⁾, частію—б. м. бедуинско-аравійскихъ²⁾, частію—бытовыхъ халифатскихъ, частію—даже сказочно-персидскихъ съ зороастрійскими чертами³⁾.

Исслѣдователи старѣйшей литературной исторіи сказанія объ отрокахъ эфесскихъ интересуются арабскими версіями лишь постольку, поскольку изъ нихъ можно извлечь черты, которыя могутъ быть возведены къ сирскимъ первоисточникамъ и могутъ послужить для возсозданія древнѣйшихъ формъ легенды. Между прочимъ, попытку выдѣлить изъ арабскихъ текстовъ старо-сирскія черты, отбросивши то, что наслоено фантазіей мусульманъ, произвелъ въ своей важной, не разъ цитированной нами работѣ „Testi orientali inediti sopra i Sette Dormienti di Efeso“ Игн. Гвиди (1884-1885)⁴⁾.

При такой точкѣ зрѣнія, всѣ мусульманскія, мѣстныя наращенія являются для исслѣдователя лишнимъ балластомъ. Напротивъ, историкъ арабской литературы долженъ посмотреть на дѣло иначе: для него мусульманскія наращенія заслуживаютъ не менѣе вниманія, чѣмъ старая сирская основа. Благодаря имъ, переведенная, чужая легенда превратилась въ занимательный, часто очень художественный бытовой халифатскій романъ. Въ высшей степени вѣроятно, что именно въ силу выросшихъ интересныхъ романическихъ подробностей легенда о Пещерникахъ получила самую широкую популяризацию во всемъ восточномъ мірѣ. Она имѣла и обратное вліяніе на христіанъ,—по крайней мѣрѣ, на христіанъ восточныхъ.

Для насъ лично арабскія версіи одинаково интересны какъ въ фоклорно-христіанскомъ, такъ и въ арабско-литературномъ отношеніи. Поэтому въ нижеиздаваемыхъ русскихъ переводахъ мы не даемъ никакого предпочтенія версіямъ, пригоднымъ для агіолога-сировѣда, передъ версіями, развившимися на почвѣ исламскаго халифата. Просто,

¹⁾ См. выше, стр. 3-ю, сноску 3-ю.

²⁾ Броккельманнъ въ „Mittheilungen“ берлинской востоковѣдной семинаріи 1901 (т. IV, отд. 2, стр. 228—229) въ замѣткѣ „Eine altarabische Fassung der Siebenschläferlegende“ указываетъ староарабское (записанное впрочемъ въ исламскія времена) преданіе объ охотникѣ, который во время ливня укрылся съ собаками въ пещерѣ и былъ заживо погребенъ обрушившейся скалою. Такихъ случаевъ могло быть въ арабской дѣйствительности побольше одного, и рассказы о нихъ могли сливаться съ запечатленной сирско-христіанской темой объ отрокахъ въ пещерѣ.

³⁾ См., напр., у насъ № 29 (изъ Талябія Нисапурскаго XI в.).

⁴⁾ Точнѣе заглавіе см. на стр. X и XIV, гдѣ указана и русская статья бар. Розена 1886, резюмирующая выводы Гвиди.

дается сплошной русской переводъ всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ старѣйшихъ арабскихъ текстовъ. Въ составѣ ниже переводимыхъ текстовъ есть значительная разница отъ текстовъ, использованныхъ у заслуженнаго итальянскаго арабиста Гвиди, не только количественная, но и качественная. Теперь изданы и стали доступны для перевода болѣе старые тексты (напр., объемистыя толкованія Табарія IX—X в. на Коранъ), чѣмъ тѣ, которыми орудовалъ Гвиди. Кромѣ того, изъ русскаго перевода совершенно исключены авторы, писавшіе послѣ XIII вѣка. У Гвиди одинъ изъ нихъ, именно египтянинъ Дамирій (род. 1344, ум. 1405), занимаетъ выдающееся мѣсто.

Трудъ, употребленный на изготовленіе русскаго перевода, распределенъ между переводчиками такъ, что если съ одной стороны цифра арабскихъ авторовъ, которыми занялся А. Крымскій, оказывается вдвое большей, чѣмъ цифра авторовъ, взятыхъ на себя М. Аттаей, то, съ другой стороны, количество страницъ, переведенныхъ М. Аттаей, оказывается безусловно вдвое большимъ, чѣмъ количество страницъ, переведенныхъ А. Крымскимъ. На 70 страницъ издаваемого русскаго переводнаго текста приходится на долю М. Аттая приблизительно 50 страницъ, или слишкомъ $\frac{2}{3}$ общаго числа. Причина та, что среди авторовъ, переведенныхъ М. Аттаею, оказываются такіе объемистые, какъ Табарій IX—X в. и Талябій Нишапурскій XI в. ¹⁾

VIII.

Библиографическій указатель.

Въ заключеніе намъ остается дать библиографическій перечень историко-литературныхъ работъ о Семи Спящихъ Отрокахъ. Изъ изслѣдованій XVI—XVIII в. назовемъ лишь три-четыре важнѣйшихъ. Изъ XIX в. почти не коснемся тѣхъ трудовъ, которые появились раньше книги Коха (1883). Напомнимъ, что болѣшая часть ниже предлагаемой литературы уже отмѣчена была выше, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ нашему введенію.

C. Vaganius: *Martyrologium Romanum* (Римъ 1586), подъ 27 іюля. Церковникъ этотъ достаточно скептически относится къ легендѣ. Къ нему примыкаетъ:

L. Tillemont: *Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique des six premiers siècles* (Брюссель, 1699), II, 197-200 и 426-428.

¹⁾ Мимоходомъ можемъ отмѣтить, что М. Аттай иногда давалъ свои тексты (Табарія и др.), ради упражненія въ языкѣ, переводить то тому, то другому изъ своихъ слушателей, при чемъ руководилъ ихъ работою и провѣрялъ ее. Одна изъ изготовленныхъ такимъ образомъ русскихъ редакцій была доложена на засѣданіи Восточной Комиссіи Импер. Моск. Археол. Общ. 19 февр. 1909 года (см. протоколъ № 109). Для нынѣ издаваемого русскаго перевода она была принята въ соображеніе, частью даже какъ основа.

Acta Sanctorum (замѣчательное ученое изданіе житій святыхъ съ изслѣдованіями іезуитовъ-Болландистовъ), т. VI, за іюль (Антверп. 1729), стр. 375-387, статья о В. Кайперса (Kuypers, Superus), въ высшей степени эрудитно исчерпывающая предметъ.

Архимандритъ Сергій: Полный мѣсяцесловъ востока, т. II, (М. 1876); отд. 1, святцы, стр. 204 и 280; отд. 2, примѣчанія къ святцамъ, стр. 231-232. Учено развивается мысль, что „сколь ни чудесна эта исторія, но она имѣетъ весьма сильныя доказательства своей достовѣрности“.

M. Gaster: Beiträge zur vergleichenden Sagen und Märchenkunde. Choni haméagel [und Abimelech] — въ „Monatschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums“ Франкеля и Греца, т. XXX, (Кротонинъ, 1881), стр. 78-82, 130-138, 368-374, 413-423.

John Koch: Die Siebenschläferlegende, ihr Ursprung und ihre Verbreitung. Eine mythologisch-literaturgeschichtliche Studie (Лейпцигъ, 1883). Авторъ этой небольшой (215 стр.), ясно и стройно написанной монографіи — не ориенталистъ. Оттого его выводы быстро успѣли устарѣть, какъ только взялись за задачу ориенталисты.

Ign. Guidi: Testi orientali inediti sopra i Sette Dormienti di Efeso (Римъ, 1885) — въ отчетахъ Accademia dei Lincei. Переведены тексты коптскіе, сирскіе, арабскіе, эіонскіе, армянскіе ¹⁾. Гвиди, подобно Коху, готовъ считать источникомъ восточныхъ версій предполагаемый греческій утерянный оригиналъ нач. VI в., но сомнѣвается въ эфесскомъ происхожденіи легенды. Затѣмъ Гвиди примкнулъ къ

Th. Nöldeke — рец. на Гвиди въ „Göttingische Gelehrte Anzeigen“ 1886 (т. I), № 11, 1 іюня, стр. 453-459. Подтверждена неприложимость географической номенклатуры къ Эфесу, и впервые установлено сирское литературное происхожденіе легенды.

А. Веселовскій: Изъ исторіи романа и повѣсти, I (1886).

P. Cassel: Harmageddon, apokalyptische Beobachtungen (Берлинъ, 1890). Попытка возвести легенду къ іуданстическому „Assumptio Mosis“ (гл. 9), гдѣ левитъ Таксонъ съ семью сыновьями спасается отъ тиранскаго (Домиціанова?) преслѣдованія въ пещеру.

Guy Le Strange: Palestine under the Moslems (Л. 1890), стр. 274 и сл., стр. 792. О палестинской пещерѣ, которую арабскіе географы считаютъ упоминаемой въ Коранѣ.

[Fl. Groff: Les Sept Dormants. La ville d'Iram. Алжиръ 1891. Отмѣчаю, собственно, ради библиографіи, потому что эта книжка осталась совсѣмъ незамѣченной].

И. Помяловскій — примѣчаніе (стр. 89-91) къ изданному имъ по-латыни съ русскимъ переводомъ хожденію діакона Θεодосія въ Святую землю, нач. VI в. — въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ“, выш. 28 (Спб. 1891). По Коху и Гвиди, безъ знакомства съ Нельдеке.

М. Сперанскій: О змѣвикѣ съ семью отроками — въ „Археологическихъ Извѣстіяхъ и Замѣткахъ“, 1893, № 2, стр. 49-60. Археологическое описаніе русскаго амулета съ надписью XII-XIII в.

¹⁾ Бар. В. Розенъ въ своей содержательной рецензій (въ „Запискахъ Вост. Отдѣл.“, т. I, 1886, стр. 329-331) основательно указываетъ, что должны быть болѣе старые армянскіе тексты, чѣмъ тѣ два, которые опубликованы у Гвиди (патріарха Григорія II Врасера XI в. и другой недатированный).

Амулетъ долженъ былъ послать мирный сонъ страдавшимъ лихорадочною бессонницею.¹⁾ Объ исторіи легенды нѣтъ ни слова.

Victor Ryssel: а) Syrische Quellen abendländischer Erzählungsstoffe — въ Херриговомъ „Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Litteraturen“ 1894-1895 (= т. 93, стр. 241 и сл.; т. 94, стр. 369 и сл.; т. 95, стр. 1-54); — б) Einfluss der syrischen Literatur auf den Occident — въ „Theologische Zeitschrift aus der Schweiz“ 1896 (т. 13, стр. 43-66).

Статья „I Sette Dormienti“ — въ римскомъ журналѣ „Ves-sario ne (pubblicazione periodica di studi orientali, редакт. Н. Марини)“, 1897 (I, стр. 316-325; 370-376; 447-453; 545-554) признаетъ авторомъ легенды безусловно не эфесянина, а какого-то сирійскаго монаха второй половины V вѣка.

J. Clermont-Ganneau: а) El Kahl et la caverne des Sept Dormants — въ „Comptes Rendus“ парижской Академіи надписей 1899 (4-я сер., т. 26, стр. 564-576); — б) Recueil d'archéologie orientale, т. III (1899), стр. 293 и сл. Разматривается вопросъ о пещерѣ заснувшихъ отроковъ въ Заиорданьи²⁾.

C. A. Bernoulli: Die Heiligen der Merovinger (Тюбинг. 1900), стр. 160-169. Популярная статья, съ проведенной мыслью, что судьбу пострадавшихъ подлинныхъ мучениковъ народная фантазія облекала ходячими мифологическими подробностями.

M. J. de Goeje („де-Гье“): De Legende der Zeven-slapers van Efeze — въ амстердамскихъ „Verlagen en Mededeelingen“ королев. Академіи Наукъ 1901 (Letterkunde, 4-de Reeks, IV Deel), стр. 9-33. Разбирая извѣстія арабскихъ писателей-географовъ о городѣ „Афеусѣ“, гдѣ находится пещера чудесно уснувшихъ отроковъ, де-Гье доказываетъ, что географы имѣли въ виду не общеизвѣстный „Эфесосъ“, а каппадокійскій городъ „Абусъ“, иначе называемый „Арабиссосъ“ (нын. Ярузъ), на пограничьи Сиріи. Перенесеніе подробностей арабиссосской легенды на мощи эфесскія представляется, слѣдовательно, чертою позднѣйшею.

H. Demoulin: Epiménide de Crète — въ „Bibliothèque“ философско-словеснаго факультета въ Льежѣ, вып. 12 (Брюссель 1901).

¹⁾ Въ параллель къ этому приведемъ мѣсто изъ „Жизни животныхъ“ Дамирія (ум. 1405), который, перечисливши семь именъ отроковъ съ ихъ исомъ Бытмиромъ (и сдѣлавши при этомъ ссылку на йеменца Ваһба ибнъ-Мюнаббиха VII-VIII в.), добавляетъ: „Это пишутъ для сна и для прекращенія плача дѣтей. Для дѣтскаго сна и прекращенія ихъ плача, пишутъ еще вотъ какъ: Прибѣгаю къ защитѣ совершенныхъ словъ Господа, силою которыхъ уснули Пещерники... (и т. д.)... Пошли, Господи, крѣпкій сонъ и покой тому, кто носитъ эту грамоту“. См. по егип. изд. 1314 = 1897, т. II, стр. 252: 7 sqq. Это второе заклинаніе формулировано въ чисто-мусульманскомъ духѣ, но первое заклинаніе (съ именами отроковъ), точной формулы котораго Дамирій не приводитъ, содержитъ въ себѣ намекъ на греческое происхожденіе. Одинъ изъ отроковъ названъ „Амліхâ“ (съ буквою алифомъ), тогда какъ обычное его имя у мусульманъ есть „Ямліхâ“ (съ буквою Й въ началѣ; пишется „Ймліхâ“). Появленіе алифа въ „Амліхâ“ могло бы графически объясняться изъ греческаго начертанія ΓΑΜΒΑΙΧΟΣ, которое при переводѣ могло быть прочтано ΑΜΑΙΧΟΣ, послѣ чего — воспроизведено [по-сирски и] по-арабски съ буквою алифомъ.

²⁾ Противъ Клермона-Ганно см. замѣтку въ „Analecta Bollandiana“ 1900 (т. 19) стр. 356-357.

Bernh. Heller: *Eléments, parallèles et origine de la légende des Sept Dormants* — въ „Revue des études juives“ 1904 (т. 49, стр. 190 - 218). Тѣсно примыкаетъ къ Нельдеке и Русселю въ филологическихъ и историческихъ доказательствахъ первенства сирской обработки передъ греческой и всѣми прочими. Указанъ рядъ параллелей изъ іудейской легендарной литературы. — Къ этому рец. въ „Analecta Bollandiana“ 1905 (т. 24, стр. 503).

Zöckler: *Siebenschläfer, die heiligen* — статья въ 3-мъ изданіи лейпцигской Херцоговой церковной энциклопедіи 1906: „*Realenzyklopädie für protestantische Theologie und Kirche, begründet von I. Herzog* ¹⁾, in 3-er verbess. und vermehr. Aufl. hsgb. v. A. Hauck“, т. XVIII (Лейпц. 1906), стр. 309 - 310. Авторъ констатируетъ недиалогическіе ученые въ вопросѣ о происхожденіи легенды и воздерживается отъ личнаго заключенія. Никакого вниманія не удѣлено арабскимъ версиямъ.

Mich. Huber: *Die Wanderlegende von den Siebenschläfern. Eine literargeschichtliche Untersuchung* (Лейпц. 1910). По исчерпывающему обилію матеріала (стр. XXI+574+32), книга Хубера занимаетъ первое мѣсто, и, какъ справочникъ, она очень полезна, несмотря на свою хаотичность. По выводамъ — неприемлема. Большой этой монографіи предшествовали подготовительныя публикаціи матеріала („*Beitrag zur Siebenschläferlegende*“) въ приложеніяхъ къ годовичнымъ отчетамъ (или программамъ) гуманистической гимназіи въ Меттенъ: въ 1902 - 1903 году латинскіе тексты; въ 1904 - 1905 г. греческіе тексты; въ 1907 - 1908 году обзоръ — по чужимъ переводамъ — сирскихъ текстовъ и Григорія Турскаго. Восточные мусульманскіе тексты (по переводамъ, конечно) Хуберъ разсмотрѣлъ въ журналѣ „*Romanische Forschungen*“ Фольмеллера 1909 (т. 26, стр. 462 - 583). Въ общемъ — трудолюбіе чрезвычайное.

A. Wensinck: *Ashâb al-Kahf, die Leute der Höhle* — въ лейденской „*Enzyklopaedie des Islâm*“, т. I, вып. 8 (Лейпцигъ, 1911), стр. 497 - 498. Все почерпнуто изъ де-Гуе. Съ книгою Хубера и накопленными у него матеріалами Венсинкъ, повидимому, не знакомъ.

Въ этотъ перечень вошли изслѣдованія и статьи лишь компендіальныя, или болѣе-менѣе общаго характера. Что касается работъ, гдѣ затрогиваются частныя мелочи (напр., замѣтка Броккельмана 1901), то наиболѣе существенныя изъ нихъ читатель найдетъ въ сноскахъ. То, что относится къ арабскимъ первоисточникамъ, сообщено въ случаѣ необходимости при нижеслѣдующихъ русскихъ переводахъ.

¹⁾ 1-е изд. Херцоговой церковной энциклопедіи вышло въ Готѣ: съ т. XIV (Гота, 1861), стр. 353.

Арабскія версіи легенды о Семи спящихъ отрокахъ Эфесскихъ.

Переводы арабскихъ текстовъ VII-XIII в.

I.

Коранъ гл. 18 „Пещера“ (vv. 8-26).

Съ измѣненіями беремъ переводъ „Корана“ Саблукова.—М. Атт.

8. Думалъ ли ты, что Обитатели пещеры и Рахыма были однимъ изъ чудныхъ знаменій Нашихъ?

9. Эти юноши, когда скрылись въ пещеру, сказали: „Господи нашъ! пошли намъ отъ Себя милость и покажи правоту нашу въ нашемъ дѣлѣ“.

10. Въ пещерѣ Мы наложили глухоту на уши ихъ въ продолженіи извѣстнаго числа лѣтъ.

11. Послѣ того Мы пробудили ихъ, чтобы Намъ знать, какая изъ двухъ общинъ вѣрно знаетъ, сколько времени пробыли они тамъ.

12. Мы вѣрно расскажемъ тебѣ повѣсть о нихъ. Они были юноши, вѣровавшіе въ Господа своего, и Мы увеличили у нихъ усердіе къ прямому пути.

13. Мы укрѣпили сердца ихъ, когда они тамъ стояли и сказали: „Господь нашъ есть Господь небесъ и земли; кромѣ Него мы не призовемъ никакого Бога: мы уже сказали, что они совершенная ложь.“

14. „Эти соотечественники наши чтятъ боговъ другихъ, кромѣ Него: пусть представятъ они вѣрное доказательство о нихъ. Есть ли кто несчастливѣе того, кто вымышляетъ ложь о Богѣ?“

15. „Когда мы ¹⁾ удалимся отъ нихъ и отъ того, чему поклоняются они, оставивши Бога, то укроемся въ пещеру: Господь нашъ да ниспошлетъ на насъ милость свою и да устрѣтитъ для насъ наши дѣла по своему благоволенію.—“

16. Знаешь, что солнце, когда восходило, уклонялось отъ пещеры ихъ на правую сторону; а когда заходило, отходило отъ нихъ на лѣвую сторону, тогда какъ они были посрединѣ ея. Это было одно изъ знаменій Божьихъ: кого Богъ ведетъ прямо, тотъ идетъ прямо; а кого вводитъ въ заблужденіе, тому не найти для себя покровителя и наставника.

17. Ты думаешь, что они бодрствовали, тогда какъ они спали, когда мы заставили ихъ ворочаться на правый бокъ и на лѣвый, а пещь ихъ протягивалъ обѣ лапы свои на порогъ. Если бы ты нечаянно подошелъ къ нимъ, то побѣжалъ бы прочь отъ нихъ и наполнился бы страхомъ къ нимъ.

18. И вотъ Мы пробудили ихъ, чтобы они разспросили другъ друга. Одинъ изъ нихъ спросилъ: „сколько долго пробыли мы?“. Отвѣчали: „мы пробыли день или часть дня“. Они сказали: „Господь нашъ лучше всѣхъ знаетъ, сколь долго мы были тутъ. Теперь пошлемте кого-нибудь изъ насъ въ городъ съ этими нашими деньгами. Пусть онъ посмотритъ, какая пища вкуснѣе,—пусть и принесетъ намъ потребное количество ея; но пусть онъ держитъ себя скромно и пусть никому не дастъ знать о насъ.“

19. „Если они прійдутъ къ намъ, то или побьютъ насъ камнями, или обратятъ насъ въ свою вѣру, и въ такомъ случаѣ мы никогда не будемъ счастливыми.—“

20. Мы сдѣлали это извѣстнымъ для людей, чтобы они знали, что обѣтованіе Божіе истинно. И что часъ (время кончины міра) не подлежитъ сомнѣнію, тогда какъ они спорятъ между собой о дѣлахъ своихъ. И они сказали: „построимте надъ усопшими какое-нибудь зданіе“. Господь ихъ лучше всѣхъ знаетъ ихъ. Тѣ, которые первенствуютъ у нихъ въ дѣлахъ ихъ, построили надъ ними храмъ.

1) Въ оригиналѣ вездѣ здѣсь говорится не „мы“, а „вы“, согласно духу арабскаго языка.

21. Будутъ говорить: ихъ было трое, а четвертый пещь ихъ; также будутъ говорить, все гадательно: пять, а шестой пещь ихъ; и будутъ говорить: ихъ было семь, а пещь ихъ восьмой. Скажи: Господь мой вѣрнѣе всѣхъ знаетъ число ихъ; знаютъ ихъ только немногіе,

22. потому ты не спорь съ ними о нихъ, если споръ не рѣшается прямо. И ни у кого изъ нихъ не спрашивай мнѣнія о нихъ.

23. А ты никогда о чемъ-либо не говори: „завтра сдѣлаю то-то“, не сказавъ: „если захочетъ Богъ“. И когда забудешь это, вспомни имя Господа твоего и скажи: „Господь мой, можетъ быть, покажетъ мнѣ прямой путь, дабы я вѣрно пришелъ къ сему“.

24. Они въ пещерѣ своей пробыли триста лѣтъ съ прибавкой девяти.

25. Скажи: „Господь вѣрнѣе всѣхъ знаетъ, сколько времени они пробыли: у Него тайны небесъ и земли. Какъ ясно это видитъ Онъ, какъ вѣрно слышатъ Онъ! Кромѣ Его нѣтъ покровителя имъ, и никого не сдѣлалъ Онъ участникомъ Себѣ въ своемъ управленіи.“

II.

Недошедшія до насъ, но цитируемыя версіи VII - IX в.

а) Устные старѣйшіе первоисточники.

[Болѣе чѣмъ сомнительны ссылки на 'Обаду ибнъ-ас-Самыта якобы посланнаго халифомъ Абу-Бакромъ 632—634 къ византійскому императору и видѣвшему мощи— № 50 Якутъ, № 56 Казвиній¹⁾. Вложенный въ уста 'Обады рассказъ — передѣлка одной изъ версій, указываемыхъ у насъ дальше въ рубриктѣ с.].

'Омаръ-халифъ (634—644) = № 6 Табарій.

Абдаллаъ ибнъ-'Омаръ (613—692), сынъ халифа, знатокъ исламскихъ преданій = № 1 Вохарій, № 22 Мокадасій, — отъ Абдаллахова кліента Нафіа ибнъ-Хормуза (ум. 735); № 57 Казвиній.

Ка'бъ-аль-ахбаръ (ум. ок. 653), йеменецъ, поселившійся въ Сиріи, извѣстный знатокъ библейскихъ преданій = № 28 и № 30 и № 36 у Та'лябий.

Алі-халифъ (656—661) = № 29 и № 30 Та'лябий, № 42 Замахшарій.

Но'манъ ибнъ-Баширъ, сподвижникъ пророка Мохаммеда (ансаръ), омейядскій правитель въ сѣв. Сиріи въ Хомсѣ (уб. 684) = № 27 Та'лябий,

Ибнъ-Аббасъ (ок. 622—687), двоюродный братъ пророка Мохаммеда (ум. 632), главный первоисточникъ (устный) мусульманскихъ комментариевъ на Коранъ = № 9 и (о мощахъ) № 14 Табарій, № 28 и № 30 и № 35 Та'лябий, № 39 о мощахъ (и № 41?) Замахшарій; № 45 Якутъ, № 52 ибнъ-аль-Асиръ, № 56 Казвиній.

Ученики ибнъ-Аббаса:

Моджа'нидъ ибнъ-Джубейръ (642—721), [устный] толкователь Корана и хранитель преданій = № 8 и № 10 Табарій; (№ 21 Мокадасій — рассказъ Моджа'нида — не этого — о личномъ посѣщеніи мощей въ 720 г.)²⁾; № 30 Та'лябий.

Са'идъ ибнъ-Джубейръ (666—714) = Та'лябий № 28.

'Икрима (ок. 645—724), вольноотпущенникъ и ученикъ ибнъ-Аббаса = № 13 Табарій, № 45 Якутъ, № 53 ибнъ-аль-Асиръ.

Катада (род. 679, ум. 735), слѣпой басрийскій хранитель преданій, со словъ ибнъ-Аббаса, Икрымы и др. = № 13 и № 14 Табарій (второе — о мощахъ).

Мокатилъ (ум. 767), толкователь Корана изъ школы ибнъ-Аббаса = № 30 Та'лябий.

'Абдаллаъ ибнъ-'Обейдъ ибнъ-'Омейръ [ибнъ-Катада Лейсіецъ], отецъ котораго 'Обейдъ (ум. 696) тоже былъ хранителемъ повѣствовательныхъ преданій = № 11 № 16 Табарій, № 31 Та'лябий.

¹⁾ №№ относятся къ ниже предлагаемымъ русскимъ переводамъ.

²⁾ Видѣвшій мощи называется у Мокадасія Моджа'нидъ ибнъ-Йезидъ, тогда какъ общеизвѣстнымъ хранителемъ преданій былъ Моджа'нидъ ибнъ-Джубейръ.

б) Старѣйшіе письменно-литературные обработчики легенды.

Вахъ ибнъ-Мюнаббинъ (666—728), йеменецъ, авторъ книги: „Повѣствованія о пророкахъ“—№ 12 Табарій, № 33 Талябий, № 59 Казвиній.

Абу-Алій Зоһрій (673—742), извѣстенъ какъ сводчикъ-записыватель преданій съ историческими интересами (напр., для біографіи Мохаммеда)—№ 30 Талябий.

Ибнъ-Исхакъ (ок. 690—768), ученикъ Зоһрія, авторъ знаменитаго дошедшаго до насъ „Житія Посланника“ и недошедшихъ „Повѣствованій о пророкахъ“—№ 7 и № 8 и № 15 Табарій, № 34 Талябий, № 52 ибнъ-аль-Асиръ (также Дамирій XIV—XV в. и др.).

Кяльбіи-отецъ (ум. 763), письменный сводчикъ ибнъ-Аббасовыхъ комментариевъ на Коранъ, и Кяльбіи-сынъ (ум. ок. 820), авторъ указанной „Фирристомъ“ (96:21) исторической „Книги про Пещерниковъ (асъабъ аль-каһф)“, какъ и многихъ другихъ сочиненій по библейской исторіи. На отца ссылка въ № 30 Талябія, а на сына въ № 21 Мокаддасія.

Салляма изъ Рея (ум. 806), ученикъ ибнъ-Исхака и учитель одного изъ частыхъ Табаріевыхъ источниковъ—ибнъ-Хомейда изъ Рея же (ум. 863)=[№ 6 Табарій, гдѣ ибнъ-Хомейдъ не отъ Саллямы], № 7 и № 8 и № 11 и № 15 и № 16 Табарій (всѣ—ибнъ-Хомейдъ отъ Саллямы).

Абдерреззакъ (ум. 826), йеменецъ, составитель своднаго комментарія на Коранъ—№ 12 и № 13 Табарій.

Хасанъ ибнъ-Яхья (нач. IX в.), ученикъ Абдерреззака (который ум. 826) и современникъ Табарія (а тотъ 838—923), восходящій—конечно, черезъ своего йеменца-учителя—къ Вахбу ибнъ-Мюнаббину—№ 12 и № 13 Табарій; срв. № 21 Мокаддасія.

в) Описатели вѣдѣнныхъ Ракымскихъ мощей.

[Очевидно, не на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ псевдо-'Обада, мнимый посоль халифа Абу-Бакра въ Византію 632—№ 50 Якутъ, № 56 Казвиній Псевдэпиграфъ этотъ едва ли раньше X вѣка].

[Ибнъ-Аббасъ (ок. 622—687) уже упомянутъ былъ выше—№ 14 Табарій (въ походѣ около 642 г.), № 39 Замахшарій (гдѣ ибнъ-Аббасъ—съ Моавіей,—конечно, еще не халифомъ). Тоже повидимому псевдэпиграфъ].

Моджаһидъ ибнъ-Иезидъ въ 720 г., упомянутъ былъ выше;—№ 21 Мокаддасій (совпадаетъ съ псевдо-'Обадой).

Мохаммедъ ибнъ-Муса Звѣздохетъ (ум. 872)—№ 3 ибнъ-Хордадбеһъ, № 19 Масудій, № 23 аль-Вируній, № 43 Идрисій, № 46 Якутъ.

Алій ибнъ-Яхья Армянинъ (ум. 863), или Алій ибнъ-Яхья Звѣздохетъ (ум. 888)—№ 4 ибнъ-Хордадбеһъ, № 24 аль-Вируній, № 49 Якутъ.

Философъ Ахмадъ ибнъ-Таййибъ Сарахскій (ум. 899), составилъ особое сочиненіе о мощахъ Пещерниковъ—№ 18 и № 19 Масудій.

А. Кр.

III.

Бохарій (810-870).

Взято изъ его сборника хадисовъ: «асъ-Саъбъ», изъ отдела 60-го: „О прежде бывшихъ пророкахъ“, гл. 52 и 53. По лейденскому изданію „Сахыха“ Лудольфа Креля (Krehl) см. т. II (Лейд. 1864), стр. 374—375. Русскій переводъ А. Кр.

Глава 52. Богъ, всемогущій и всемогущій, говоритъ [въ Коранѣ]: «Развѣ ты не думаешь, что асъабъ аль-каһфъ ва р-рақумъ»... (сура XVIII:8). Слово «ал-каһфъ» значитъ «отверстіе въ горѣ», а «ар-рақумъ»—«писаніе»; срв. «мар-қумъ»—«писанный»...

Глава 53. Преданіе о пещерѣ (зодіѳъ ал-җар). Мнѣ рассказывалъ Исмаилъ

№ 1. сынъ Халиля, а тому—Алій сынъ Мюшира, а тому 'Обейдаллаъ сынъ 'Омара, а тому-Нафі', а тому—сынъ [халифа] 'Омара¹⁾, что Посланикъ Божій сказалъ: Однажды, когда трое людей изъ бывшихъ передъ вами [поколѣній] шли, вдругъ ихъ застигъ дождь. Приютились они въ одной пещерѣ (уър), а она [обвалившись у входа] сомкнулась за ними. И стали они говорить между собою: «Да, друзья, ей Богу, только правдою можно намъ спастись. Пусть изъ насъ каждый помолится [Богу], указывая при этомъ, когда онъ поступилъ по правдѣ». И сказалъ первый изъ нихъ.

— Боже! Знаешь Ты, что былъ у меня наемный работникъ, который заработалъ у меня мѣрку (фараq) рису, но ушелъ, не забравши ея. Я взялъ да и пустилъ ту мѣрку въ посѣвъ; за выручаемая деньги мнѣ, подъ конецъ, удалось купить быковъ. Потомъ пришелъ работникъ за своимъ заработкомъ. Я и говорю ему: «Бери вотъ тѣхъ быковъ и гони съ собою.»—«Мнѣ причитается съ тебя мѣрка рису», возразилъ онъ.—«Бери тѣхъ быковъ!» повторилъ я: «они—отъ той мѣрки». Работникъ угналъ ихъ. Знаешь Ты, Господи, что я это сдѣлалъ изъ страха Твоего. Избави же насъ!

Скала [загромоздившая входъ] слегка сдвинулась. И сказалъ другой:

— Боже! Знаешь Ты, были у меня глубокіе ст арки-родители, и я каждый вечеръ приносилъ имъ молока отъ своихъ овецъ. Однажды вечеромъ я замѣшкался, и, когда пришелъ къ нимъ, они уже спали; между тѣмъ собственная моя семья, дѣти мои—вопили отъ голода. Я не давалъ имъ молока, пока сперва не напьются мои родители, но будить родителей мнѣ не хотѣлось, и не хотѣлось также отойти отъ нихъ, чтобы не заставить стариковъ [если вдругъ они проснутся] дожидаться своего питья. Такъ я простоялъ все время, пока наконецъ взошла заря. Знаешь ты, Господи, что я это сдѣлалъ изъ страха Твоего. Избави же насъ!

Скала сдвинулась настолько, что [заключенные въ пещерѣ] могли увидеть небо. И сказалъ третій:

— Боже! Знаешь Ты, была у меня двоюродная сестра, любимѣе всѣхъ на свѣтѣ. Я добивался ея, а она отказывалась [исполнить мое желаніе], пока я не принесу сто червонцевъ. Постарался я и добылъ, наконецъ, такія деньги, принесъ къ ней, вручилъ ей. Тогда она отдалась въ мое распоряженіе. И когда я уже возлегалъ на нее, она мнѣ сказала: «Побойся Бога—и не разбивай печати неправедно!» Я всталъ, ушелъ и покинулъ ей тѣ сто червонцевъ. Знаешь Ты, Господи, что я сдѣлалъ это изъ страха Твоего. Избави же насъ!

Богъ ихъ избавилъ, и они вышли.

IV.

Д ж а х ы з ь (ум. 869).

Джахызъ — известный басрийскій писатель-энциклопедистъ, знакомый и съ греческою наукою²⁾. Ему принадлежитъ, между прочимъ, полубеллетристическій bestiary:

¹⁾ т. е. Абдаллахъ ибнъ-Омаръ (613—692). Такъ и у Мокадасія (№ 22). У Талябія (№ 27) вариантъ, восходящій къ сподвижнику Пророка Нобману ибнъ-Баширу. — Нафі' есть, конечно, не общезвѣстный корановѣдъ ибнъ-Аби-Нозеймъ (ум. 785), но ибнъ-Хормузъ (ум. 735) клиентъ ибнъ-Омара.

²⁾ Черезъ арабо-сирскіе переводы.

„Книга о животныхъ“ (изд. въ 7 чч. въ Каирѣ 1323-1325—1905-1907). Первый двѣ части „Книги животныхъ“ (Китабъ аль-хайаванъ) въ значительной степени завлты споромъ защитника собаки съ защитникомъ пѣтуха (онъ же хулитель собаки). Защитникъ собаки въ числѣ прочихъ доводовъ въ ея пользу указываетъ на благодушное отношеніе къ собакамъ со стороны библейскихъ лицъ. Такъ, Иисусъ сынъ Маріи, — говоритъ онъ (т. II, стр. 60 : 5) проходилъ съ апостолами возлѣ вздохшей собаки, и одинъ изъ апостоловъ сказалъ: „Что за вонь!“, а Иисусъ на это отвѣтилъ: „А отчего бы тебѣ не полюбоваться бѣлизною зубовъ ея?“ Нѣсколькими страницами дальше, для доказательства превосходства собаки надъ другими животными, вспоминается рассказъ Корана о Пещерникахъ (т. II, стр. 68 : 19):

Всевышній Богъ сказалъ своему Пророку (благословеніе ему и привѣтъ!), что Пещерники и Ракумцы принадлежать къ дивнымъ знаменіямъ Божьимъ. — „Когда юноши эти укрылись въ пещеру, они сказали...“

и т. д., по Корану. Мы у Джахыза далѣе находимъ только буквальное воспроизведеніе отрывка изъ XVIII суры Корана, гдѣ, какъ извѣстно, упоминается пещь, сопровождавшій благочестивыхъ отроковъ. Никакихъ подробностей, сверхъ текста Корана, сторонникъ собаки не приводитъ и уверяетъ лишь на фактъ, что спутникомъ святыхъ юношей оказалась собака, а не иное животное. Равнымъ образомъ онъ видитъ великій доводъ на пользу собаки въ томъ обстоятельстве, что надъ могилой отроковъ и собаки былъ построенъ храмъ и что Богъ въ Коранѣ ставитъ собаку всецѣло наряду съ отроками: „Будутъ говорить: ихъ было трое, а четвертый изъ нихъ — пещь ихъ. Будутъ говорить: пятеро, а шестой изъ нихъ — пещь ихъ. Будутъ говорить: семеро, а восьмой изъ нихъ — пещь ихъ“ (Кор. XVIII, 21). Подобный способъ рѣчи указываетъ-де на высокое значеніе собаки: „пещь какъ-будто одинъ изъ числа отроковъ, или равенъ имъ, или подобенъ имъ, или близокъ къ нимъ“ („Книга животныхъ“, т. II, 69 : 5 снизу). И затѣмъ объ Эфесскихъ Отрокахъ рѣчь прекращается.

Въ другомъ мѣстѣ „Книги животныхъ“ (т. I, стр. 150) Джахызъ сообщаетъ, что, желая подшутить надъ однимъ изъ своихъ пріятелей, притязавшихъ на всевѣдѣніе, онъ послалъ пріятелю письмо съ цѣлымъ рядомъ запросовъ. Въ числѣ запросовъ мы находимъ у Джахыза такой:

(I, 150 : 5 sqq.) „И сообщи намъ... про Озайгыша, [а это —] имя собаки Пещерниковъ. Почему случилось такъ, что собаки не лаютъ на того, кто произнесетъ это имя? И куда дѣлась запись (китабъ шарт) ихъ?“

Начертаніе „Озайгышъ“ *أظيغش* въ силу свойствъ арабской азбуки и письма, свободно можетъ быть прочитано и какъ „Отайфышъ“, и какъ „Энтайфышъ“, „Эбтайфышъ“, и (это тоже легко могло бы быть) какъ „Энтафиошъ“, „Эбтафиошъ“, и др. Позволительно ли въ этомъ увидѣть сирско-арабскую искаженную передѣлку словъ *ἐνταφίος* или „ἐπιτάφιος“? Обычное названіе пса есть „Кытміръ“, что, почти навѣрное, восходитъ къ „*κλιμητήριον*“.

„Запись ихъ“ (китабъ шарт-ним I, 150 : 8), о которой шутя освѣдомляется у всезнайки-пріятеля Джахызъ, есть по видимому свинцовая таблица Декіевыхъ временъ съ изложеніемъ исторіи заснувшихъ Пещерниковъ. Легенду объ этой свинцовой таблицѣ мы, ниже, будемъ встрѣчать не разъ. Въ Коранѣ ея нѣтъ.

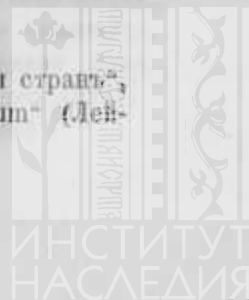
А. Кр.

V.

Ибнъ-Хордадбейъ

(пис. въ 844-848 г.).

Месопотамскій персъ. Изъ его географическаго труда: „Книга путей и странъ“, изд. де-Гуе (de Goeje) въ VI т. серіи „Bibliotheca Geographorum Arabicorum“ (Лейденъ 1889), стр. 106—107. Русскій переводъ сдѣланъ А. Крымскимъ.

Область Таркасисъ (=Тракесіонъ). Къ ея укрѣпленнымъ мѣстамъ принадлежитъ Афсисъ ¹⁾ въ округѣ аль-Аваси,—это городъ „Обитателей Пещеры“ (аѡѡаб ал-ка h ф),—и еще четыре укрѣпленія. Въ мѣстномъ храмѣ („фі масджиди-him“) можно прочесть надпись по-арабски, [гласящую] о [побѣдномъ] вступленіи Маслямы въ страну Румъ (Римлянъ) ²⁾. Что касается „Рахимцевъ“ (аѡѡаб ар-Ра q im), то они—въ Харамѣ, округѣ между Амориумомъ и Никеей.

№ 3. Нѣкогда [халифъ] аль-Васикъ-билляни [842-847] отправилъ Мохаммеда ибнъ-Мусу Звѣздочета [ум. 872] въ страну Римлянъ для осмотра „Рахимцевъ“ ³⁾ и написалъ къ властелину Рума письмо съ просьбою отрядить кого-нибудь, кто проводилъ бы ибнъ-Мусу къ нимъ. И вотъ что мнѣ сообщилъ [самъ] Мохаммедъ ибнъ-Муса:

Властелинъ Рума отправилъ съ ибнъ-Мусою одно лицо, которое сопровождало его до Корры ⁴⁾. Затѣмъ онъ проѣхалъ четыре перехода,—и вотъ открылась небольшая гора, площадь основанія которой имѣла діаметръ мѣнѣе чѣмъ въ 1000 локтей. Въ этой горѣ на уровнѣ съ землею оказался подземный ходъ, ведущій въ то мѣсто, гдѣ лежатъ „Рахимцы“.

— Мы начали съ того,—говорилъ мнѣ ибнъ-Муса,—что поднялись сперва на самую гору, на вершину ея. Оказывается, тамъ вырыть колодезь, настолько широкій, что мы могли различить воду на днѣ. Послѣ того мы спустились обратно, къ дверямъ подземнаго хода, и, прошедши по подземелью около 300 шаговъ, достигли того мѣста, надъ которымъ мы сверху стояли. Тутъ оказалась въ горѣ галерея съ высѣченными колоннами и со множествомъ келій. Среди нихъ есть одна келія съ высокимъ порогомъ, приблизительно въ ростъ человѣка высотой, съ высѣченной каменной дверью. Тутъ-то и находятся покойники, а при нихъ—сторожъ, приставленный для ихъ охраны, да еще съ нимъ евнухи, очень видные. Ему сильно не хотѣлось, чтобы мы осматривали и обслѣдовали мощи, и онъ говорилъ, что это дѣло опасное: всякаго, кто попытается сдѣлать это, можетъ постигнуть бѣда. Однимъ словомъ, онъ хотѣлъ насъ одурачить и не подвергать опасности свои обычные доходы, извлекаемые изъ мощей.—„Пѣть, ты все-таки пусти меня посмотреть на нихъ“, сказалъ я сторожу „а всякая отвѣтственность съ тебя снимается“. И я поднялся въ пещеру, взявши огромную свѣчу. Меня сопровождалъ мой слуга.

¹⁾ Обычно Эфесъ по-арабски называется не Афсисъ, а Аф[а]су'съ (что выговаривается также вродѣ „Эфесось“).

²⁾ Масляма—омейядскій полководецъ, братъ халифа Валида (705—715). „Страна Римлянъ“ (биля'д ар-Рум) чаще всего просто значитъ „Малая Азія“, но можетъ означать и Византію вообще. Въ № 14 (стр. 17) сообщеніе ибнъ-Аббаса про Хабиба ибнъ-Масляму, время Османа.

³⁾ Астрономъ и математикъ Мохаммедъ ибнъ-Муса (ум. 872), вместе со своими двумя братьями Ахмадомъ и Хасаномъ, работавшими въ той же спеціальности, участвовали въ отъ своего отца Мусы ибнъ-Шакира. Выдвинулись сперва при дворѣ ученаго халифа Ма'муна (813—833). Срв. у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litt.“ (1898), стр. 216.

⁴⁾ Корра—крѣпость въ Каппадокіи.

Увидѣлъ я мощи. Вѣтхія ихъ облаченія крошатся въ рукѣ. Тѣла ихъ умащены алоемъ, миррою и камфорою, для сохранности. Кожа ихъ тѣсно пристааетъ къ костямъ. Я провелъ рукою по груди одного изъ нихъ и нащупалъ жесткіе волосы, сильно вросшіе.

Хранитель мощей приготовилъ намъ ѣду и пригласилъ откушать у него. Отвѣдавши ее, мы почувствовали отвращеніе и позывъ къ рвотѣ. Онъ, видно, хотѣлъ сгубить насъ или заставить насъ подавиться, чтобы оправдаться его увѣренія передъ государемъ Рума, а именно, будто это—Ракымцы ¹⁾.

— „Мы думали“,—сказали мы хранителю мощей,—„что ты намъ покажешь такихъ покойниковъ, которые похожи на живыхъ. Эти не похожи“.

При описаніи дороги изъ сѣверной Сиріи въ Малую Азію черезъ т.-н. Киликійскія ворота (по направленію къ Амориуму) ибнъ-Хордадбехъ сообщаетъ (стр. 110—111 по изд. де-Гуе) еще разъ свѣдѣнія о Ракымѣ (не о „Пещерѣ-каѳ“):

Передъ тобою будетъ Лу'лу'а, далѣе ты проѣдешь до одной крѣпости, далѣе доѣдешь до Валіи, а это—озеро Масканинское ²⁾. Далѣе ты прибудешь къ лоцинѣ ар-Ракымъ.

Она—углубленіе въ землѣ, приблизительно двѣсти локтей въ длину и двѣсти въ ширину. Посерединѣ—озерцо, окруженное деревьями, а за деревьями вокругъ у подножія горы—кели и жилища, гдѣ могутъ пріютиться болѣе чѣмъ сто человекъ. Здѣсь въ горѣ есть подземный ходъ, который приведетъ тебя въ долину. Окрестнымъ людямъ, которые [сверху] смотрятъ въ глубь ея (= лоцины Ракымской), она представляется какъ бы миской.

[Заѣхавшему сюда на походѣ] Алію ибнъ-Яхъ ³⁾ принесли въ видѣ № 4. дара кувшинъ воды изъ этого озера, печенаго хлѣба да сыру, и сказали: „Мы безпомощные византійцы (догфа р-Рум), не вступающіе въ войну. Мы только служимъ вотъ-этимъ людямъ, которыхъ положилъ здѣсь Богъ“. [По разсказу Алія ибнъ-Яхъ], покойники лежатъ въ пещерѣ, въ которую надо взойти изъ-внутри [Ракымской] лоцины по лѣстницѣ. Размѣромъ она—локтей въ восемьдесятъ, или около того. Ихъ,—вижу,—тринадцать человекъ,

¹⁾ Фразу эту можно бы понимать и эллинистически,—тогда надо было бы перевести ее: „будто это сдѣлали Ракымцы“. Но мы дальше изъ № 23 аль-Бируніа будемъ видѣть, что онъ понималъ эту фразу такъ: „будто это подлинные Ракымцы“, т.-е. тѣ самые, про которыхъ говоритъ и Коранъ.

²⁾ Или, б. м., Масканинское.

³⁾ Алія ибнъ-Яхъ Армянинъ былъ пограничный полководецъ аббасидскихъ халифовъ, нѣсколько позже завѣдывавшій арабскою охраною сирійско-византійскаго пограничья (между 237—248 = 851—862 гг.). Затѣмъ, въ 862 г., онъ получилъ въ управленіе Арменію и Азербейджанъ (см. Табарій, серія III, т. 3, стр. 1508: 6-7), но черезъ годъ (Табарій III, т. 3, стр. 1509 : 11) Алія ибнъ-Яхъ погибъ въ бою съ византійцами (863).—Есть и другой Алія ибнъ-Яхъ, з в ѣ з д о ч е т ь, современный этому полководцу Алію Армянину, только умершій послѣ него (въ 275 = 888 г., въ халифской слободѣ подъ Багдадомъ Сюрра-маи-ра'а). Онъ былъ не только придворный астрологъ, но и поэтъ, небезызвѣстный въ исторіи литературы. Біографія Алія есть у ибнъ-Халликяна (ум. 1282) подъ № 479 изд. Вюстенфельда = англ. Слэнъ, т. II, стр. 312. Часто онъ упоминается въ „Агана“ X в. въ отношеніяхъ съ поэтами IX вѣка и съ халифомъ Мотавакеллемъ (847-861).—Про котораго Алія говоритъ ибнъ-Хордадбехъ?

и среди нихъ безбородый юноша. На нихъ шерстяныя облаченія и шерстяныя плащаницы. На нихъ башмаки и сандалии. Я захватилъ горсть волосъ надъ челомъ одного изъ нихъ и потянулъ, но ничего у меня въ рукѣ не осталось.

VI.

Ибнъ-Котейба

(род. 828, ум. 889).

Багдадскій персъ. Изъ его сжатаго историческаго компендія: „Книга свѣдѣній по исторіи“. По изд. Ф. Вюстенфельда (Гёттинг. 1850) стр. 26; по каирскому изданію 1300 = 1883, стр. 18. Русскій переводъ—А. Кр.

- № 5. Пещерники—римскіе юноши, которые вошли въ пещеру во времена до Христа. Богъ тамъ навелъ на нихъ глубокій сонъ. Когда явился Христосъ, онъ сообщилъ ихъ повѣсть. Богъ воскресилъ ихъ во времена между Христомъ и Мохаммедомъ.

VII.

Табарій.

(838 - 923).

Багдадскій персъ, извѣстный компиляторъ всеобъемлющихъ, исчерпывающихъ сводовъ. О Пещерникахъ говоритъ онъ и въ своей огромной всеобщей исторіи (по лейденскому изданію см. во II томѣ 1-й серіи, 1881—1882, стр. 775—782), но еще подробнѣе—въ колоссальномъ свѣдѣ толкованіи на Коранъ: „Джâми' аль-бâйân“ (по каирскому изданію 1902 г. см. т. XV, стр. 123 и слѣд.). Мы ограничиваемся переводомъ того, что собрано у Табарія въ толкованіяхъ на Коранъ, считая излишнимъ переводить послѣ того еще текстъ, помѣщенный въ его же исторіи, но въ болѣе короткомъ видѣ.—М. А т т а я.

- № 6. Передалъ намъ ибнъ-Хомейдъ [ум. 863], восходя въ ссылкахъ къ Хакаму ибнъ-Баширу, а тотъ—къ [халифу] Омару [ум. 644]:

Обитатели Пещеры и Ракымцы были юноши-христиане, преданные Богу. А царь ихъ былъ невѣрующимъ и выставилъ идола для поклоненія. Они отказались поклоняться ему, говоря: „Нашъ Господь—Богъ небесъ и земли, мы не назовемъ никого другого Богомъ. Мы говоримъ, что это заблужденіе съ вашей стороны“. И юноши ушли отъ своего народа для поклоненія Богу.

И одинъ изъ нихъ предложилъ: „У моего отца есть пещера, куда загоняются его овцы. Пойдемъ со мной туда!“ И они отправились.

Когда юноши пропали, то народъ ихъ искалъ, и кто-то указалъ, что они живутъ въ вышеупомянутой пещерѣ. Тогда народъ сказалъ: „Мы не хотимъ для нихъ иного наказанія и мукъ кромѣ того, чтобы завалить ихъ пещеру. Это будетъ самое сильное наказаніе“. Они поставили дворъ и заложили пещеру совѣмъ.

Спустя много лѣтъ послѣ этого Богъ послалъ народу царя-христианина, и тотъ разрушилъ то сооруженіе, которымъ пещера была заложена. Юноши спросили другъ друга: „Сколько мы тутъ пробыли?“ Одни отвѣчали: „сутки“.

другіе—что часть сутокъ. Нѣкоторые посовѣтовали послать кого-нибудь въ городъ съ серебряными монетами, чтобы купить себѣ пищи и питья. Серебряныя монеты того времени были большія.

Когда посланный вышелъ за двери пещеры, онъ увидѣлъ что-то непривычное для себя. И захотѣлъ было вернуться обратно, но все-таки пошелъ и вошелъ въ городъ. И все, что онъ видѣлъ въ немъ, было странное. Когда онъ вынулъ деньги, то купцы заподозрили и его и деньги. И сказали: „Откуда у тебя эти деньги? Эти деньги не нашего времени“. Около него собралось много народу, стали его допрашивать и повели его къ царю. У этого народа была доска, на которой записывалось все, что случалось. Царь спросилъ его подробно о его исторіи. Тогда посмотрѣли на доску и прочли написанное на ней въ то время, когда юноши пропали. Народъ обрадовался этому юношѣ и его товарищамъ и сказалъ ему: „пойдемъ, покажи намъ твоихъ товарищей“. И онъ пошелъ съ народомъ, чтобы ихъ показать. Онъ вошелъ къ своимъ товарищамъ раньше народа, и Богъ наслалъ на нихъ сонъ. Тѣ, которые были поражены этимъ дѣломъ, сказали: „мы построимъ тутъ храмъ“.

Вотъ что передаетъ намъ ибнъ-Хомейдъ со словъ Саламы, а этотъ со № 7. словъ ибнъ-Исхака [ум. 768; срв. № 34]:

Дѣла христіанъ свихнулись. Среди нихъ грѣховность увеличивалась, цари ихъ возгордились. Они поклонялись идоламъ и приносили имъ жертвы. Но среди нихъ остались нѣкоторые, вѣрующіе ученію Исы, сына Маріамы, и крѣпко держались поклоненія Богу и единобожія. И былъ изъ числа тѣхъ царей, которые поступали такъ, какъ выше сказано, римскій царь Дакіаносъ. Онъ поклонялся идоламъ, приносилъ имъ жертвы и убивалъ тѣхъ, которые не повиновались ему въ этомъ, именно тѣхъ, которые держались вѣры Исы, сына Маріамы. Дакіаносъ разбѣжжалъ по городамъ Рима и въ каждомъ городѣ призывалъ къ идоламъ и жертвоприношенію имъ, а ослушавшихся онъ казилъ. Между прочимъ, Дакіаносъ пріѣхалъ въ городъ юношей, обладателей пещеры. Когда онъ прибылъ, то это былъ великій ужасъ для вѣрующихъ: одни скрылись, другіе разбѣжались по разнымъ странамъ. До своего пріѣзда Дакіаносъ приказалъ преслѣдовать вѣрующихъ и захватывать ихъ. И назначилъ для этой цѣли полицію изъ невѣрующихъ, которая стала преслѣдовать вѣрующихъ, гдѣ бы они ни скрывались, арестовывала ихъ и приводила къ Дакіаносу. И онъ водилъ ихъ въ храмъ, гдѣ приносились жертвы идоламъ, и предлагалъ имъ или казнь или поклоненіе идоламъ и приношеніе жертвы имъ. Одни изъ-за желанія остаться въ живыхъ и изъ-за страха казни соблазнялись, а другіе отказывались поклоняться иному Богу и были казнимы. Увидѣвъ это, люди, крѣпкіе въ вѣрѣ въ Бога, стали отдавать себя мукамъ и казнямъ. Ихъ казнили, рубили на куски, затѣмъ отрубленные куски тѣла привязывали другъ къ другу и вѣшали на всѣхъ городскихъ стѣнахъ и на каждомъ воротахъ города. Такъ что настало великое несчастье для вѣрующихъ. Одни изъ нихъ приняли невѣріе, а другіе были распяты и казнены за свою вѣру. Когда юноши, обладатели пещеры, увидѣли это, то сильно горевали, измѣнились въ лицѣ, изнурились въ

тѣлѣ и находили утѣшеніе въ молитвѣ, постѣ, подаваніи, въ славословіи и восхваленіи Господа, взываніи къ Нему, въ плачѣ и уныніи. Они были юными, свободными сыновьями знатныхъ римлянъ.

№ 8. Вотъ что намъ передаетъ ибнъ-Хомейдъ: передалъ намъ Саляма со словъ ибнъ-Исхака, а тотъ со словъ Абдаллаха сына Абу-Нажиха, а послѣдній со словъ Моджахида [ум. 721], который сказалъ:

Миѣ передавали, что нѣкоторые изъ юношей были такъ молоды, что пухъ едва былъ виденъ на ихъ лицахъ.

№ 9. Ибнъ-Аббасъ [ум. 687] говоритъ, что они день и ночь проводили въ молитвѣ, плача и прося у Бога помощи. Ихъ было восемь человѣкъ: Максимилина старшій изъ нихъ, который говорилъ съ царемъ отъ ихъ имени, Махемиланина, Ямлиха, Мартосъ, Кашутавишъ, Бируносъ, Динамосъ, Ятуносъ, Калосъ.

Когда Дакіаносъ собралъ всѣхъ жителей города для поклоненія и жертвоприношенія идоламъ, юноши плакали и обращались съ молитвою къ Богу, говоря: „Боже, Господь небесъ и земли! мы не назовемъ никого кромѣ Тебя Богомъ! облегчи эти смуты для Твоихъ вѣрныхъ рабовъ и отклони отъ нихъ несчастья и дай рабамъ Твоимъ, вѣрующимъ въ Тебя, крѣпкимъ въ поклоненіи Тебѣ, съ радостью скрывающихъ вѣру въ Тебя, чтобы они явно могли поклоняться Тебѣ“. Въ то время, какъ они были въ такомъ положеніи, главари невѣрующихъ изъ тѣхъ, которые собирали жителей города для поклоненія идоламъ и жертвоприношенія имъ, узнали объ этомъ и заговорили о нихъ между собою. А когда юноши были въ часовнѣ, гдѣ поклонялись они Богу и молились Ему, чтобы Онъ избавилъ ихъ отъ Дакіаноса, то эти невѣрующіе пошли и вошли къ нимъ въ часовню. И нашли ихъ всѣхъ молящимися, плачущими и просящими Бога избавить ихъ отъ Дакіаноса и его людей. Когда эти невѣрующіе начальники увидѣли ихъ, то сказали: „Что заставило васъ уклониться отъ исполненія приказанія царя? Ступайте къ нему!“ Затѣмъ они вышли отъ нихъ, пошли къ Дакіаносу и доложили о нихъ, говоря: „Ты заставляешь (даже простой) народъ приносить жертву твоимъ богамъ, а эти юноши, твои родственники, презираютъ тебя, смѣются надъ тобою, не повинуются твоему приказанію и, оставляя твоихъ боговъ, идутъ въ молельни, принадлежащія имъ и послѣдователямъ Исы, сына Маріамы, гдѣ они молятся, обращаясь къ своему Богу-Исѣ и его послѣдователямъ. Зачѣмъ ты имъ это позволяешь? Вѣдь они изъ числа твоихъ родственниковъ, которые раздѣляютъ съ тобой и власть и могущество. Ихъ восемь человѣкъ. Глава ихъ Максимилина, и они сыновья вельможъ этого города“.

Когда обо всемъ этомъ доложили Дакіаносу, онъ послалъ за обладателями пещеры. Ихъ привели изъ молельни, въ которой они находились. Изъ глазъ ихъ текли слезы, а лица ихъ были сѣры, какъ прахъ. Царь ихъ спросилъ: „Кто вамъ мѣшаетъ принести жертву нашимъ богамъ, которымъ мы поклоняемся на землѣ? И почему вы сами служите дурнымъ примѣромъ для жителей вашего города и для присутствующихъ здѣсь людей? И даю вамъ на выборъ слѣдующее: или вы принесете жертву нашимъ богамъ, какъ сдѣлалъ нашъ народъ, или я васъ казню!“.—„У насъ есть Богъ, которому

мы поклоняемся, Его могущество наполняет небеса и землю. Никогда мы не признаемъ иного Бога и никогда не признаемъ того, къ которому ты насъ зовешь. Мы поклоняемся Богу нашему, Ему мы воздаемъ славу, величїе и славословіе отъ себя вѣчно и искренне. Ему единому мы поклоняемся, у Него одного мы просимъ спасенія и добра. А что касается идоловъ и поклоненія имъ, то мы никогда не признаемъ ихъ. Мы не будемъ рабами дьявола и не дадимъ душамъ и тѣламъ нашимъ поклониться имъ послѣ того, какъ Богъ навелъ насъ на истинный путь, изъ-за страха передъ тобою ¹⁾. Сдѣлай съ нами, что хочешь“. Затѣмъ товарищи Максимины подтвердили царю то, что сказалъ ихъ товарищъ. И когда они это подтвердили, то Дакіаносъ велѣлъ снять съ нихъ платье, а на нихъ было одѣяніе вельможъ. Затѣмъ сказалъ: „Велѣдствіе того, что вы поступаете такъ, я исключаю васъ изъ жителей моего государства, изъ числа моихъ приближенныхъ и изъ числа жителей моихъ городовъ. Я только вами займусь и исполню ту угрозу, которую вамъ сказалъ. Миѣ никто не мѣшаетъ сейчасъ же исполнить это, но я вижу, что вы еще юны, и миѣ непріятно казнить васъ, не давая вамъ срока, чтобы вы образумились. Назначаю вамъ годъ, въ продолженіи котораго, можетъ быть, вы передумаете“. Затѣмъ онъ приказалъ снять съ нихъ бывшіе на нихъ золотыя и серебряныя украшенія, и они были сняты съ нихъ. Потомъ приказалъ онъ ихъ вывести, и увелъ ихъ отъ него.

Въ тотъ же день Дакіаносъ отправился въ Ниневію, бывшую недалеко отъ ихъ города, по нѣкоторымъ своимъ дѣламъ.

Когда юноши увидѣли, что Дакіаносъ выѣхалъ изъ города, они подумали, что онъ скоро вернется, и побоялись, какъ бы вернувшись не вспомнилъ о нихъ. Они посовѣтовались между собою и постановили: пусть каждый изъ нихъ возьметъ изъ дома отца деньги; часть ихъ они раздадутъ бѣднымъ, а часть приберегутъ на запасъ. Затѣмъ, пойдутъ въ близкую отъ города пещеру, находящуюся въ горѣ Банджалюсъ ²⁾, гдѣ они спрячутся и предадутся своему Богу. А когда Дакіаносъ вернется, то они явятся къ нему, и пусть онъ сдѣлаетъ съ ними, что захочетъ.

Когда они такъ условились между собою, каждый изъ нихъ отправился домой и взялъ на расходъ деньги. Изъ части ихъ они роздали милостыню, а съ оставшимися деньгами отправились въ ту пещеру, бывшую въ горѣ. И за ними пошелъ ихъ песъ. Они стали жить въ пещерѣ, не занимаясь ничѣмъ кромѣ какъ молитвой, постомъ, славословіемъ и восхваленіемъ Господа, ища только угожденія Всевышнему и будущей жизни. Они назначили въ завѣдующіе своимъ хозяйствомъ юношу изъ ихъ числа, по имени Ямлиху. Онъ заботился о ихъ пищѣ и покупалъ припасы тайкомъ отъ жителей города. Они его избрали потому, что онъ былъ болѣе искуснымъ и настойчивымъ изъ нихъ, и вотъ какъ, бывало, Ямлиха поступалъ. Собираясь отправиться въ городъ, онъ снималъ съ себя хорошее платье и одѣвался ни-

¹⁾ Текстъ испорченъ.

²⁾ Начальное „Б“ можетъ быть просто предлогомъ.

щимъ, просящимъ милостыню, бралъ съ собой серебро и шель въ городъ покупать для товарищей пищу и питье. Онъ подслушивалъ и развѣдывалъ для нихъ новости, на примѣръ, говоритъ ли о немъ или о его товарищахъ простой народъ въ городѣ, и т. п. Затѣмъ онъ возвращался обратно, неся пищу и питье, и рассказывалъ имъ, какія новости онъ слышалъ отъ народа.

Когда прибылъ Дакіаносъ-тиранъ изъ того города, въ которомъ былъ, то приказалъ вельможамъ принести жертву богамъ. Вѣрующіе люди испугались и попрятались въ подземелья. Ямлиха въ это время былъ въ городѣ и покупалъ своимъ товарищамъ пищу и питье за часть ихъ денегъ. И вернулся онъ къ своимъ товарищамъ, плача, и съ нимъ мало провизіи. И сказалъ имъ, что Дакіаносъ вернулся въ городъ и что о нихъ вспоминали и пекали ихъ, какъ и другихъ вельможъ города, чтобы они принесли жертву богамъ. Когда онъ имъ рассказалъ объ этомъ, они очень испугались, пали ницъ, взывая къ Богу, молясь Ему и прося Его помощи противъ соблазна. Затѣмъ Ямлиха сказалъ имъ: „Братья, подымите ваши головы и покупайте этой пищи, которую вамъ принесъ, и уповайте на Господа вашего“. Они подняли головы свои, изъ глазъ ихъ текли слезы, и они опасались и страшились за себя. Все же немного поѣли съ заходомъ солнца, затѣмъ сѣли разговаривать и бесѣдовать другъ съ другомъ, грустя и жалуясь вслѣдствіе тѣхъ новостей, которыя принесъ ихъ товарищъ.

И въ такомъ положеніи Богъ наслалъ на нихъ въ пещерѣ сонъ, который продолжался годы, и несъ ихъ лежалъ у входа въ пещеру съ протянутыми впередъ лапами. И уснули они вѣрующими, убѣжденными въ будущую жизнь. И деньги, взятые ими на расходъ, были при нихъ. А на второй день Дакіаносъ потребовалъ ихъ къ себѣ, но ихъ не нашли. Тогда онъ сказалъ знатнымъ жителямъ города: „Меня зло беретъ на этихъ юношей, которые ушли! Вѣдь они, должно быть, предполагали, что я на нихъ сердитъ за то, что они сдѣлали по своему неразумію, а я не таковъ, чтобы мстить имъ, убить кого изъ нихъ или захватить, лишь бы, конечно, они раскаялись и поклонились моимъ богамъ. Если бы они это сдѣлали, я оставилъ бы ихъ въ покоѣ и не наказалъ бы за прошлое“. Знатные города отвѣтили: „Развѣ ты въ правѣ помиловать людей скверныхъ, бунтовщиковъ, неповинующихся, упорно держащихся своего неповиновенія и несправедливости? Ты вѣдь далъ имъ срокъ и отложилъ для нихъ то наказаніе, которымъ наказывалъ другихъ. И если бы они хотѣли, то за это время могли бы вернуться къ тебѣ; но они не раскаялись и не пожалѣли о томъ, что сдѣлали. И даже съ того времени, какъ ты ушелъ, они стали расточать въ городѣ свое имущество и, узнавъ о твоёмъ пріѣздѣ, убѣждали, и никто не видѣлъ ихъ послѣ этого. А если ты хочешь, чтобы ихъ привели къ тебѣ, то пошли за ихъ родителями, пытай ихъ, тогда они укажутъ тебѣ, гдѣ они находятся. Вѣдь они кроются отъ тебя“.

Когда сказали это Дакіаносу-тирану, онъ сильно разгнѣвался. Затѣмъ онъ послалъ за ихъ родителями. И привели ихъ къ нему. И спросилъ онъ о нихъ, говоря: „Расскажите мнѣ о вашихъ сыновьяхъ - бунтовщикахъ, которые ослушались моего приказанія и отказались признать моихъ боговъ.“

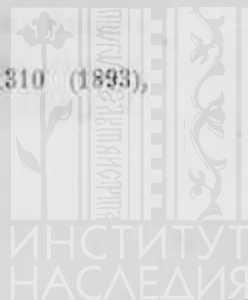
Приведите ихъ сюда, или скажите мнѣ о ихъ мѣстопребываніи“. Отцы ему отвѣтили: „Вѣдь мы-то тебя не ослушались и исполнили твое желаніе. Мы признали твоихъ боговъ и принесли имъ жертву. Зачѣмъ же ты хочешь казнить насъ изъ-за бунтовщиковъ? Они взяли наши деньги и расточили ихъ по улицамъ и по базарамъ города, затѣмъ ушли и поднялись на гору Банджалюсъ,—между ней и нашимъ городомъ большое разстояніе. И все это они сдѣлали, чтобы убѣжать отъ тебя“. Когда отцы это сказали, онъ отпустилъ ихъ.

И сталъ онъ совѣщаться, что сдѣлать съ юношами. Всевышній и Всемогущій Богъ внушилъ ему задѣлать входъ въ пещеру. Это Онъ отъ милости своей желалъ почтить юношей и сберечь тѣла ихъ, чтобы никто не измѣнилъ ихъ и не коснулся ихъ. Онъ имѣлъ въ виду снова оживить ихъ, чтобы они были чудомъ для будущихъ поколѣній, дабы ясно имъ показать, что послѣдній часъ непремѣнно будетъ, и что нѣтъ сомнѣнія въ воскресеніи мертвыхъ. Итакъ, Дакіаносъ велѣлъ задѣлать пещеру и сказалъ: „Пусть эти юноши-бунтовщики, отказавшіеся отъ моихъ боговъ, умрутъ, какъ они есть, въ пещерѣ, отъ голода и жажды. И пусть эта пещера, которую они избрали для себя, будетъ имъ могилой“. Этотъ врагъ Божій думалъ, поступая такъ съ ними, что они живы и знаютъ, какъ онъ поступаетъ съ ними. Между тѣмъ, Богъ взялъ къ себѣ ихъ души, наславши на нихъ сонъ. А песъ ихъ съ распростертыми лапами лежалъ у входа въ пещеру. И Богъ наславъ на него тотъ же сонъ, что на прочихъ. [Ангелы] же переворачивали ихъ то на правый, то на лѣвый бокъ. Затѣмъ два правовѣрные мужа, бывшіе въ домѣ Дакіаноса и скрывшіе свою вѣру, Яндарусъ и Рунасъ, условились между собою написать на двухъ свинцовыхъ доскахъ дѣло этихъ юношей, обитателей пещеры, ихъ родословную, имена ихъ и ихъ отцовъ и ихъ исторію. Затѣмъ сдѣлать мѣдный ковчегъ, куда положить эти свинцовыя доски, затѣмъ написать и на ковчегъ, положить его въ отверстіе пещеры съ наружной стороны постройки и запечатать этотъ ковчегъ своими печатями. И говорили другъ другу: „Можетъ быть, Богъ до воскресенія мертвыхъ пошлетъ вѣрующихъ, которые откроютъ этихъ юношей. И кто откроетъ ихъ, узнаетъ, прочитавши эти надписи, ихъ исторію“. Они такъ и поступили. И они задѣлали ковчегъ въ этой постройкѣ. Затѣмъ Дакіаносъ и сверетники его жили столько, сколько было угодно Богу, чтобы они жили. Потомъ Дакіаносъ и поколѣніе, которое было вмѣстѣ съ нимъ и многія другія поколѣнія погибли. И такъ одно поколѣніе замѣняло другое.

Передастъ намъ аль-Касимъ, говоря: передалъ намъ аль-Хосейнъ, го- № 10.
воря, что ему сказала Хажжажъ со словъ ибнъ-Джорейха, а этотъ со словъ Абдаллаха бенъ-Кесира, а тотъ со словъ Моджахида [ум. 721], говорившаго ¹⁾;

Обитатели пещеры были сыновья знатныхъ людей и кушцовъ своего города. Они вышли за-городъ и сошлись безъ ранѣ назначеннаго условія.

¹⁾ Хронологія иснада сбивчива. Срв. ибнъ-Халикянъ, егип. изд. 1310 (1893), I, 250—англ. Слэнт II, 20.—Ред.

Одинъ изъ нихъ, самый старшій, сказалъ: „Я чувствую въ себѣ то, что, кажется, каждый изъ васъ чувствуетъ“. Его спросили: „А что ты чувствуешь?“ Онъ отвѣтилъ: „Я чувствую, что мой Господь—Господь неба и земли“. Товарищи сказали: „Мы чувствуемъ то же самое“. И они все вмѣстѣ вскочили и сказали: „Нашъ Господь есть Господь неба и земли, мы другого Бога не признаемъ! Мы раньше дѣйствовали ошибочно“. И они рѣшили жить въ пещерѣ, а правителемъ города ихъ былъ тогда тиранъ, по имени Дакіаносъ. И они оставались въ пещерѣ 300 и 9 лѣтъ спящими.

№ 11. Передастъ намъ ибнъ-Хомейдъ, что передалъ ему Салѣма со словъ Абдалъ-Азиза сына Абу-Завада, а этотъ со словъ Абдаллаха сына Обейда внука Омейра [VII-VIII в.]. И тотъ сказалъ:

Обитатели пещеры были юноши царскаго рода. Они носили ожерелья, браслеты и отпускали себѣ локоны. Съ ними была охотничья собака. Въ какой-то день своего великаго праздника они выѣхали за городъ торжественно на колесницахъ. И взяли они съ собой боговъ своихъ, которымъ поклонялись. А Богъ внушилъ юношамъ истинную вѣру, и они увѣровали въ Него. Но каждый изъ нихъ скрывалъ свою вѣру отъ товарищей и говорилъ самъ про себя, не открывая своему другу своей вѣры: „Мы видимъ, что дѣлается въ нашемъ городѣ. Какъ бы не постигло насъ наказаніе за ихъ грѣховность!“ Одинъ изъ нихъ отошелъ и, дошедши до тѣни дерева, сѣлъ. Затѣмъ вышелъ другой и, увидя его сидящимъ одинокаго, подумалъ, что онъ съ такой же мыслию, какъ и онъ самъ, но, не показавъ ему этого, сѣлъ возлѣ него. Затѣмъ вышли и остальные, пришли туда и сѣли около нихъ обоихъ. Такъ они собрались все вмѣстѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Что васъ привело сюда?“ Другой сказалъ: „Вы скажите, что васъ привело сюда!“ И каждый изъ нихъ скрывалъ свою вѣру передъ другими, опасаясь за себя. Затѣмъ сказали: „Пусть отдѣлятся отъ насъ двое юношей и, уединившись, дадутъ другъ другу обѣтъ не выдавать тайну, сказанную ему его товарищемъ. Затѣмъ каждый изъ нихъ скажетъ своему товарищу свою вѣру, ибо мы надѣемся, что мы все одного и того же мнѣнія“. И вотъ, дѣйствительно, они все оказались на истинномъ пути. Они увидѣли пещеру въ недалекой отъ нихъ горѣ. Тогда сказали другъ другу: „Приутимся мы въ этой пещерѣ, Богъ нашъ распространитъ на насъ милость свою и найдетъ для насъ выходъ изъ нашего положенія“. И они вошли въ пещеру съ своей охотничьей собакой и легли спать. Богъ наслалъ на нихъ продолжительный сонъ, и они заснули на 300 и 9 лѣтъ. Разказчикъ продолжаетъ: Народъ хватился ихъ. И стали ихъ искать. Послали развѣдчиковъ, но Богъ скрылъ ихъ слѣды отъ нихъ и ихъ пещеру. И когда тѣ не могли найти ихъ, написали они ихъ имена на табличкѣ: „Такой-то—сынъ такого-то, такой-то—сынъ такого-то, сыновья нашихъ вельможъ,—мы ихъ потеряли въ такой-то праздникъ такого-то мѣсяца, такого-то года въ царствованіе такого-то, сына такого-то“. И спрятали они табличку въ казнохранилищѣ. И умеръ тотъ царь, и въ этой странѣ воцарился правовѣрный царь вмѣстѣ съ правовѣрными. И проходилъ вѣкъ за вѣкомъ, а они оставались въ своей пещерѣ 300 и 9 лѣтъ. А другіе передаютъ, что они спаслись въ пещеру, убѣгая отъ царя, ко-

торый преслѣдовалъ ихъ за какое-то преступленіе, совершенное однимъ изъ нихъ.

Передаеть намъ аль-Хасанъ сынъ Ихъи. Онъ сказалъ: рассказывалъ № 12. намъ Абдарразакъ [ум. 826], со словъ Ма'мара ¹⁾, который говорилъ: передалъ мнѣ Исмаиль бенъ-Шаррусъ, что онъ вотъ что слышалъ отъ Вахба сына Мюнаббиха [666-728]:

Пришелъ одинъ изъ апостоловъ 'Исы, сына Маріамы, въ городъ (будущихъ) Обитателей пещеры и хотѣлъ войти въ него, но ему сказали, что у воротъ этого города поставленъ идолъ, и каждый, кто входитъ въ этотъ городъ, обязанъ ему поклониться. Апостолъ не захотѣлъ войти въ городъ. А неподалеку отъ города была баня. Онъ туда и отправился и поступилъ тамъ банщикомъ. Хозяинъ бани замѣтилъ благодать отъ него и обиліе прибыли. А апостолъ предложилъ ему исламъ, [т.-е. вѣру въ Единого Бога]. И хозяинъ ласкалъ его. Къ нему почувствовали пріязнь нѣсколько юношей изъ жителей города, которымъ онъ и сталъ говорить о небѣ и землѣ, о будущей жизни, пока они не увѣровали въ него и не повѣрили ему. И они подобно ему преобразились. Онъ поставилъ хозяину бани условіе: ночь принадлежитъ мнѣ, и ты не долженъ отрывать меня ночью отъ молитвы. И такъ онъ жилъ, пока не пришелъ царевичъ съ какой-то женщиной и не вошелъ съ ней въ баню. Апостолъ его устыдилъ, говоря: „Ты царевичъ, аходишь въ баню съ такой блудницей!“ Царевичъ устыдился и ушелъ. Но онъ вернулся въ другой разъ, и, когда апостолъ ему сказалъ то же, что и тогда, то онъ его поносилъ, обругалъ и не обратилъ на него вниманія. Онъ вошелъ въ баню вмѣстѣ съ женщиной, и они тамъ вмѣстѣ умерли. Царю донесли объ этомъ и сказали ему: „Твоего сына убилъ банщикъ“. Онъ искалъ его, но найти его не могли. И стали спрашивать, кто съ нимъ дружилъ. Были названы тѣ юноши. Ихъ искали, но они заранѣе убѣжали изъ города. Проходили они мимо одного своего друга, бывшего на полѣ своемъ. Онъ раздѣлялъ ихъ убѣжденія, и потому они рассказали ему, что ихъ преслѣдуютъ. И онъ пошелъ вмѣстѣ съ ними и со своей собакой. Они шли, пока не пришли къ пещерѣ. Они вошли въ нее, говоря: „Мы эту ночь переночуемъ здѣсь, а когда утромъ встанемъ, если будетъ то угодно Богу, подумаемъ, что намъ предпринять“. И Богъ послалъ на нихъ совѣ. Между тѣмъ царь со своей свитой преслѣдовалъ ихъ, пока не нашелъ ихъ. Подошли къ пещерѣ, но всякій, кто ни пожелалъ войти въ нее, приходилъ въ ужасъ и не могъ войти. Кто-то сказалъ: „Развѣ ты не убилъ бы ихъ, если бы могъ войти туда?“—„Да“, отвѣтилъ (гонитель).—„Въ такомъ случаѣ“, продолжалъ тотъ, „заложи дверью входъ въ пещеру, и пусть они тамъ умрутъ отъ голода и жажды“. Такъ и поступили.

Аль-Хасанъ, сынъ Ихъи продолжаетъ (восходя къ йеменцу Вахбу, ум. 728):

Сказаніе о воскресеніи юношей:

¹⁾ Абу-Обейда Ма'мартъ, родомъ персидскій еврей, ум. 728—825; йеменецъ же Ма'маръ ибнъ-Абу-Орва ум. 770.

Они заснули на долгое время, послѣ того какъ люди задѣлали входъ въ пещеру. Затѣмъ случилось, что около этой пещеры оказался пастухъ, застигнутый дождемъ. Онъ сказалъ самъ про себя: „хорошо было бы открыть эту пещеру и укрыть моихъ овецъ отъ дождя“. И онъ принялся работать надъ этимъ, пока не открылъ ее. Потомъ онъ сказалъ: „Я туда сейчасъ не войду“. А на другой день юношамъ были возвращены души ихъ къ тѣламъ ихъ. Когда юноши встали, послали одного изъ своихъ съ серебряными монетами покупать пищу. Когда тотъ дошелъ до воротъ города, увидѣлъ необыкновенныя (для себя) вещи, все же онъ вошелъ туда и, подошедши къ одному человѣку, сказалъ: „Продай мнѣ за эти деньги пищу“. — „Откуда у тебя эти деньги?“ — спросилъ тотъ. Юноша отвѣтилъ:— Вчера я со своими товарищами отправился за городъ, мы тамъ переночевали, нынче проснувшись они послали меня“. — „Эти деньги“, сказалъ человѣкъ, — „были во времена такого-то царя. Откуда ты могъ ихъ достать?“ И человѣкъ повелъ юношу къ царю, который былъ очень добрымъ царемъ. Царь его спросилъ: „Откуда у тебя эти серебряныя монеты?“ — „Я вышелъ, — отвѣтилъ юноша, — вчера со своими товарищами за городъ, и насъ застигла ночь въ пещерѣ такой-то. Потомъ они приказали купить для нихъ провизію“. — „А гдѣ твои товарищи?“ спросилъ царь. — „Они въ пещерѣ“. Разказчикъ передаетъ, что люди пошли вмѣстѣ съ нимъ, пока не дошли до входа въ пещеру. Юноша сказалъ: „Пустите, я войду къ моимъ товарищамъ раньше васъ“. И когда онъ прошелъ къ товарищамъ своимъ и они увидѣли его, Богъ наслалъ на него и на нихъ сонъ, и кто ни захотѣлъ войти къ нимъ, былъ пораженъ страхомъ и не могъ войти къ нимъ. Построили тамъ храмъ, который послужилъ для людей мѣстомъ молитвы.

№ 13. Передать намъ аль-Хасанъ сынъ Яхьи, говоря: передалъ намъ Абдар-раззакъ [ум. 826], а ему Ма'маръ со словъ Катады [ум. 735], а этотъ со словъ Икримы [ок. 645-724], который передалъ вотъ что:

Пещерники эти были дѣти римскихъ царей (=вельможъ). Богъ имъ внушилъ вѣру въ Единобожіе. Они твердо держались своей вѣры и отдалились отъ своего народа. И когда они дошли до пещеры, Богъ наслалъ на нихъ сонъ. Они долгое время пребывали въ такомъ состояніи, пока не погибъ весь ихъ народъ и не явился народъ вѣрующій, съ царемъ вѣрующимъ. Расходились въ ученіи о духѣ и о тѣлѣ. Одни говорили, что воскреснуть и духъ и тѣло, а другіе говорили, что воскреснетъ только духъ, а тѣло отыдетъ въ землю, и что отъ него ничего не останется. Царь огорчился этимъ раздоромъ между ними въ ученіи, пошелъ, одѣлъ лохмотья и сѣлъ на золу. Затѣмъ обратился къ Всевышнему Богу съ слѣдующей молитвой: „Господи! Ты видишь, какой расколъ у этихъ людей. Пошли имъ чудо, которое имъ докажетъ истину“. — И Богъ воскресилъ Обитателей пещеры. И они послали одного изъ нихъ купить для нихъ пищу. Онъ отправился на базаръ. Онъ не узнавалъ лицъ (людей), но узнавалъ улицы. И замѣтилъ, что вѣра въ городѣ торжествуетъ. Все же онъ пошелъ скрываясь и подошелъ къ одному человѣку покупать пищу. Но когда человѣкъ посмотрѣлъ на серебряныя монеты, его взяло сомнѣніе, и сказалъ онъ: „Подумай,

что они похожи на подушки четырехгодовалыхъ верблюдовъ“. Юноша спросилъ: „Развѣ вашъ царь не такой-то?“—„Нѣтъ“, отвѣчалъ человѣкъ,— „Нашъ царь—такой-то“. И между ними недоразумѣніе не прекращалось, пока человѣкъ не повелъ юношу къ царю. А тотъ его допросилъ. Юноша разсказалъ ему подробно о своихъ товарищахъ. Тогда царь созвалъ народъ, и когда собрались, сказалъ: „Между вами расколъ въ ученіи о духѣ и о тѣлѣ, и вотъ Богъ послалъ вамъ чудо. Вотъ вамъ человѣкъ изъ народа царя такого-то (который давно умеръ)“. Юноша сказалъ: „Идемте со мной къ моимъ товарищамъ!“ Царь торжественно поѣхалъ вмѣстѣ со своимъ народомъ, пока не доѣхалъ до пещеры. А юноша сказалъ: „Позвольте мнѣ войти раньше къ моимъ товарищамъ“. И какъ только онъ ихъ увидѣлъ, то Богъ наслалъ на него и на нихъ сонъ. И когда онъ долго не выходилъ, то царь вошелъ туда вмѣстѣ со своимъ народомъ и увидѣлъ тамъ обыкновенныя тѣла, но безъ души. Царь сказалъ: „Вотъ чудо, которое совершилъ для васъ Богъ“.

Сказалъ Катада [ум. 735] про ибнъ-Аббаса [622-687], бывшаго въ походѣ № 14. вмѣстѣ съ Хабибомъ, сыномъ Маслямы [ок. 642?], что они, проѣзжая мимо Пещеры, нашли тамъ кости. Кто-то тогда сказалъ: „Вотъ кости Обитателей Пещеры!“—На это ибнъ-Аббасъ отвѣтилъ:— „Да вѣдь ихъ кости исчезли уже болѣе чѣмъ 300 лѣтъ назадъ!“

Передалъ намъ ибнъ-Хомейдъ [ум. 863] со словъ Салямы [ум. 806] отъ ибнъ-Исхака [ум. 768] въ числѣ сообщеній его относительно Обитателей Пещеры: № 15.

Затѣмъ въ этой странѣ царствовалъ добрый царь по имени Тизосисъ (Θεοδосίης). Когда онъ царствовалъ и прошло отъ его царствованія 68 лѣтъ, то народъ его царства раздѣлился на партіи. Одни изъ нихъ вѣровали въ Бога и признавали, что послѣдній часъ (воскресеніе мертвыхъ) — истина, а другіе отрицали это. Такой раздоръ очень огорчалъ добраго царя Тизосиса. Онъ плакалъ и обращался съ молитвой къ Богу. И грусть его была очень велика, когда онъ замѣтилъ, что люди невѣрующіе прибавляются въ числѣ и берутъ верхъ надъ людьми вѣрующими. Они учили, что нѣтъ жизни кромѣ жизни этого міра, и что на самомъ дѣлѣ только однѣ души воскреснутъ, но не тѣла, и забыли то, что написано въ Писаніи. И сталъ Тизосисъ посылать къ тѣмъ, которые, думалъ, были свѣдущими въ истинѣ. Но и тѣ стали опровергать воскресеніе, такъ что чуть не отклонили весь народъ отъ истины. Число проповѣдующихъ истину стало уменьшаться. Когда добрый царь Тизосисъ увидѣлъ это, вошелъ въ свой домъ, заперся въ немъ, одѣлся въ лохмотья, положилъ подъ себя золу и сѣлъ на нее. И долгое время днемъ и ночью молился Богу и плакалъ о томъ, что видѣлъ въ своемъ народѣ. А Всемилостивый и Милосердный Богъ, который не желалъ гибели своихъ рабовъ, задумалъ, черезъ юношей, Обитателей пещеры, показать истину и разъяснить людямъ ихъ заблужденіе и въ лицѣ этихъ юношей явить чудо и доказательство для народа, дабы люди знали, что послѣдній часъ прійдетъ, что онъ несомнѣненъ, и что Богъ внемлетъ рабу своему доброму Тизосису и вполнѣ надѣляется его милостью своей, и что Онъ отъ него не отниметъ ни той власти ни той вѣры, которую Онъ ему даровалъ,

съ тѣмъ, чтобы Тизосиель поклонялся Единому Богу и чтобы къ нему присоединились отступившіе отъ вѣры правовѣрныхъ. Для этой цѣли Богъ внушилъ одному человѣку изъ жителей этого города, гдѣ была пещера (а пещера была въ горѣ Банджалосъ, а имя этого человѣка Абу-Ильясъ), чтобы онъ разрушилъ то сооруженіе, которое было у входа въ пещеру, и чтобы устроилъ тамъ загонъ для своихъ овецъ. И нанялъ тамъ двухъ рабочихъ. Они стали снимать тѣ камни и устроили тотъ загонъ, при чемъ сняли все со входа въ пещеру. И такъ, они открыли для юношей входъ пещерный. Богъ скрылъ юношей отъ нихъ посредствомъ устрашенія. Говорятъ, насчетъ самаго храбраго изъ тѣхъ, которые хотѣли посмотрѣть на нихъ: все, что могъ онъ сдѣлать, это лишь войти въ пещеру, сдѣлать нѣсколько шаговъ и увидѣть, какъ ихъ пещь спалъ у входа.

Послѣ того, какъ тѣ два работника сняли камни и открыли тѣмъ входъ пещерный, Всесильный, Всемогущій, Всевластный, Воскрешающій мертвыхъ Богъ позволилъ юношамъ сѣсть внутри пещеры. Они усѣлись, радостные съ сіяющими лицами, добродушными. И они привѣтствовали другъ друга, какъ будто они проснулись послѣ ночи. Затѣмъ они приступили къ молитвѣ и молились, какъ обыкновенно они дѣлали, не замѣчая ни на своихъ лицахъ ни на тѣлахъ ничего необыкновеннаго. Они были въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ легли спать вчерашнюю ночь. И думали они, что ихъ царь, тиранъ Дакіаносъ, ищетъ и преслѣдуетъ ихъ. Когда они совершили свою обыкновенную молитву, они обратились къ Ямлихѣ, который завѣдывалъ ихъ хозяйствомъ, покупалъ имъ въ городѣ пищу и питье, и который бывало приносилъ вѣсти о томъ, что Дакіаносъ ихъ преслѣдуетъ и спрашиваетъ о нихъ. И сказали ему: „Разскажи намъ, братецъ, какъ люди вчера говорили о насъ передъ этимъ тираномъ“. Они думали, что они спали столько, сколько они обыкновенно спятъ. Но нѣкоторымъ изъ нихъ представилось, что они спали болѣе обыкновеннаго въ эту ночь, такъ что они стали спрашивать другъ друга:— „Сколько мы спали?“ Одни говорили, что сутки, а другіе, — что часть сутокъ. А нѣкоторые сказали: „Богъ лучше знаетъ, сколько мы спали“. Это впрочемъ ихъ ничуть не тревожило. И Ямлиха имъ сталъ разсказывать, что въ городѣ замѣтили ихъ отсутствіе и начали искать ихъ, и что царь хочетъ сегодня привести ихъ, чтобы они принесли жертву богамъ, или, въ противномъ случаѣ, казнить ихъ. А то, что желательно Богу, то Онъ и сдѣлаетъ. Тогда Кесилиманна сказалъ: „Братья, знайте: что бы съ вами ни случилось, вы не отказывайтесь отъ своей вѣры. И когда призоветъ васъ этотъ врагъ Божій, то не отрицайте будущей жизни, разъ вы уже увѣровали въ Бога и въ жизнь послѣ смерти“. Затѣмъ они сказали Ямлихѣ: „Ступай теперь въ городъ и послушай, что о насъ говорятъ сегодня и что о насъ доложили Дакіаносу. Но будь остороженъ, и пусть никто не замѣтитъ нашего мѣстопробыванія. купи намъ пищи и привнеси намъ ее, — вѣдь теперь время идти, — однако привнеси больше, чѣмъ ты привнесъ вчера. Вѣдь ты мало вчера привнесъ, и мы нынче встали голодными“.

Ямлиха сдѣлалъ то, что онъ обыкновенно дѣлалъ: снялъ свое платье,

оцѣль другое, въ которомъ ходилъ неопознанный, взялъ на расходъ серебряныя монеты, бывшія у нихъ,—а онѣ были чеканены печатью Дакіаноса,—и отправился въ городъ.

Когда онъ вышелъ изъ пещеры, то увидѣлъ тѣ камни, которые были сняты со входа въ пещеру, и удивился. Но это не особенно его смутило. Онъ пошелъ въ городъ, избѣгая большой дороги и боясь, какъ бы кто-нибудь изъ жителей города не замѣтилъ его и опознавши не повелъ бы къ Дакіаносу. И не вѣдалъ добрый рабъ Божій, что Дакіаносъ и современники его погибли 300 и 9 лѣтъ тому назадъ по соизволенію Божію: вѣдь прошло со времени того, какъ они заснули, до того какъ они проснулись, 300 и 9 лѣтъ. Когда Ямлиха дошелъ до городскихъ воротъ, то онъ поднялъ свой взоръ и увидѣлъ надъ воротами знаменіе, которое принадлежитъ вѣрующимъ, когда вѣра ихъ торжествуетъ. Когда онъ замѣтилъ это знаменіе, удивился и сталъ смотрѣть на него тайкомъ: то онъ посмотритъ направо, то налево! Все же онъ скрывалъ свое удивленіе въ себѣ и, оставивши эти ворота, перешелъ къ другимъ воротамъ. И обошелъ онъ такъ все ихъ, и вездѣ видѣлъ подобное знаменіе. Тогда ему показалось, что это не тотъ городъ, который онъ зналъ. Ему показалось, что и люди для него новые, раньше невиданные. Онъ шелъ, удивлялся, и ему казалось, что онъ заблудился. Затѣмъ онъ вернулся къ тѣмъ воротамъ, къ которымъ подошелъ раньше, и, скрывая свое смущеніе, сказалъ про себя: „Что это значить? развѣ вѣрующіе, еще вчера, не скрывали этого знаменія, и даже сами не скрывались? А нынче эти знаменія выставлены открыто! Можетъ быть, я сплю?“ Затѣмъ увидѣлъ, что не спитъ. Онъ взялъ свой плащъ, надѣлъ его на голову и вошелъ въ городъ.

И сталъ Ямлиха ходить по улицамъ, и услышалъ, какъ многіе люди клялись именемъ Исы, сына Маріамы. Это увеличило его удивленіе. И подумалъ онъ, что онъ въ забытіи. Онъ подошелъ къ одной изъ стѣнъ города, прислонился къ ней спиной и сказалъ самому себѣ: „Ей Богу, не понимаю, что случилось за эту ночь! Вчера еще въ этомъ городѣ казнили каждаго, кто упомянетъ имя Исы, сына Маріамы, а теперь я слышу, что всякій призываетъ Ису и не боится!“ Потомъ подумалъ про себя: „Можетъ быть, это не тотъ городъ, который я знаю? Я слышу рѣчь жителей этого города, но никого не узнаю. Но, ей Богу, я не знаю вблизи нашего города еще другого города!“ И онъ сталъ въ тупикъ, недвижимъ въ лицѣ своемъ. Шелъ ему на встрѣчу одинъ юноша изъ жителей города, и онъ его спросилъ:— „Юноша! какъ называется этотъ городъ?“— „Онъ называется,— отвѣтилъ юноша,—Даксусъ“¹⁾. Ямлиха подумалъ про себя: „Можетъ быть, со мною несчастье. Я лишаюсь ума! Ей Богу, мнѣ нужно спѣшить и уйти отсюда раньше чѣмъ осрамлюсь или чѣмъ постигнетъ меня что-нибудь, и я погибну. Стану я, Ямлиха, рассказывать это моимъ товарищамъ—и они увидятъ, что я съ сумы сошелъ!“ Немного погодя онъ успокоился и сказалъ: „Клянусь Богомъ, мнѣ слѣдуетъ поскорѣе уйти отсюда, раньше чѣмъ меня узнаютъ. Это будетъ лучше для меня“.

¹⁾ „Даксусъ“ *دقسوس* могло (черезъ сирское „де“) возникнуть изъ „Эфесось“.

Онъ подошелъ къ торговцамъ, досталъ серебряныя монеты, бывшія съ нимъ, и далъ одному изъ нихъ, говоря: „Продай мнѣ, рабъ Божій, припасовъ на эти деньги“. Человѣкъ этотъ взялъ монеты, посмотрѣлъ на чеканку и изумился. Потомъ передалъ ихъ другому, тотъ посмотрѣвши передалъ третьему. И купцы передавали такъ монеты одинъ другому, выражая свое удивленіе. Затѣмъ переговорили между собою и сказали другъ другу: „Этотъ человѣкъ нашелъ скрытый долгое время кладъ“. Когда онъ увидѣлъ, что купцы что-то говорятъ о немъ промежь себя, онъ сильно испугался и сталъ дрожать, думая что они вспомнили его и узнали его и что они хотятъ вести его къ ихъ царю Дакіаносу и передать его ему. Стали и другіе люди подходить къ нему и всматриваться въ него. А онъ имъ въ сильномъ страхѣ сказалъ: „Сдѣлайте милость! вы взяли мои монеты,— оставьте ихъ у себя, и не нужна мнѣ ваша провизія“. Они ему сказали: „Кто ты, юноша, и какова твоя исторія? Ей Богу же, ты нашелъ очень древній кладъ и хочешь скрыть его отъ насъ! Нѣтъ! ты пойдѣ, покажи намъ его и подѣлись съ нами, а то, боимся, твоя находка не принесетъ тебѣ пользы. Если ты не сдѣлаешь этого, мы поведемъ тебя къ царю и передадимъ тебя ему, а онъ казнитъ тебя“. Когда юноша услышалъ ихъ слова, смутился и сказалъ: „Вотъ я и попалъ въ такое положеніе, попасть въ которое опасался!“ Тогда они сказали: „Юноша! ей-Богу, ты и не въ силахъ скрыть того, что нашелъ, да и не думай, что скроешь!“ А Ямлиха даже не зналъ, что имъ отвѣтить и возразить.

Увидѣли они, что онъ молчитъ, взяли его плащъ, обернули имъ его шею и потащили его по улицамъ города, крича во всеуслышаніе, что онъ нашелъ кладъ. Всѣ жители города, малый и большой, собрались вокругъ юноши, стали его осматривать и говорить: „По, ей-Богу, этотъ юноша не изъ жителей этого города, мы никогда его не видали и не знаемъ!“ Ямлиха не зналъ, что имъ сказать, слушавши все это. И когда жители города собрались вокругъ него, онъ струсилъ, замолчалъ и ничего не говорилъ. И если бы даже онъ сказалъ, что онъ житель этого города, то ему не повѣрили бы, хотя онъ былъ увѣренъ, что его отецъ и братья живутъ въ городѣ и что родственники его — знатные жители города, что они непременно придутъ, когда услышатъ о немъ. А между тѣмъ онъ увѣрился только въ одномъ, что вчера вечеромъ онъ зналъ многихъ жителей города, а сегодня никого не знаетъ. Онъ стоялъ въ такомъ смущеніи, ожидая, когда кто-нибудь изъ его родныхъ, отецъ или братья, придутъ и освободятъ его изъ ихъ рукъ. Вотъ схватили его и повели къ городскому головѣ и начальнику полиціи. Они оба управляли городомъ и были добрыми людьми. Имя одного Арийосъ, а другого Астийосъ. Когда вели Ямлиху къ нимъ, Ямлиха думалъ, что его ведутъ къ тирану Дакіаносу, отъ котораго убѣжалъ онъ. И сталъ онъ смотрѣть то направо то налево, а народъ смѣялся надъ нимъ, какъ смѣются надъ сумасшедшимъ и смущеннымъ. Ямлиха сталъ плакать. Затѣмъ онъ поднялъ голову къ небу и къ Богу и сказалъ: „Боже, Владыко неба и земли! вложи сегодня Твой духъ въ меня, чтобы онъ подкрѣпилъ меня предъ этимъ тираномъ!“ И продолжалъ онъ плакать и говорить про себя: „Онъ

разъединилъ меня съ братьями моими. О, если бы они знали, что случилось со мною и какъ меня ведутъ къ этому тирану Дакіаносу! Вѣдь если бы они знали это, то навѣрное пришли бы и вмѣстѣ со мною предстали предъ Дакіаносомъ. Мы дали обѣтъ другъ другу быть вмѣстѣ, вѣровать только въ Бога и не поклоняться другимъ богамъ кромѣ Бога истиннаго. Онъ разъединилъ насъ, и они больше меня не увидятъ, не увижу и я ихъ никогда. А вѣдь мы дали другъ другу обѣтъ не разставаться ни при жизни ни при смерти! О, что этотъ со мной будетъ дѣлать!“ Вотъ что думалъ Ямлиха про себя, и это онъ рассказывалъ своимъ товарищамъ, когда вернулся къ нимъ.

Когда Ямлиха дошелъ до этихъ двухъ добрыхъ людей Арийбса и Астыйбса и замѣтилъ, что его не поведутъ къ Дакіаносу, онъ пришелъ въ себя и пересталъ плакать. Тѣ взяли монеты, стали разсматривать ихъ и восхищаться ими. Затѣмъ одинъ изъ нихъ сказалъ: „Юноша! гдѣ кладъ, который ты нашелъ? Эти монеты свидѣтельствуютъ о томъ, что ты нашелъ кладъ“. Ямлиха имъ отвѣтилъ: „Я не находилъ никакого клада, а эти монеты принадлежатъ моему отцу и чеканены въ этомъ городѣ. Клянусь Богомъ я не знаю, что со мной, и не знаю, что отвѣтить вамъ“. Другой правитель сказалъ ему: „Откуда ты?“ Ямлиха отвѣтилъ: „Я не знаю! я прежде думалъ, что я житель этого города“. Спросили его: „Кто твой отецъ и кто тебя знаетъ здѣсь?“ Онъ сказалъ имя своего отца, но они не нашли никого, кто бы зналъ его и имя его отца. И одинъ сказалъ ему: „Ты лгунъ и правды не говоришь“. Ямлиха не зналъ, что имъ отвѣтить. Онъ потушился, а окружающіе сказали: „Да этотъ человекъ сумасшедшій“. Но другіе отрицали это, говоря: „Онъ не сумасшедшій, но нарочно дурачится, чтобы улизнуть отъ насъ“. Тогда одинъ изъ присутствующихъ пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ: „Ты думаешь, что, если ты притворяешься сумасшедшимъ, мы тебя отпустимъ и повѣримъ тебѣ, что это деньги твоего отца, тогда, какъ онѣ чеканены уже болѣе 300 лѣтъ тому назадъ! Ты, человекъ молодой, думаешь обмануть насъ! Посмотри, мы стары, вокругъ тебя—знать этого города и правители его. Я думаю приказать, чтобы покрѣпче тебя наказали. Затѣмъ—привязать тебя, пока ты не признаешься, гдѣ этотъ кладъ, который ты нашелъ.“ Когда онъ это сказалъ, Ямлиха отвѣтилъ: „Вы отвѣтите только на одинъ мой вопросъ. Если вы отвѣтите, то я повѣрю вамъ. Видѣли ли вы вчера въ этомъ городѣ царя Дакіаноса и то, что онъ дѣлалъ?“ Ему отвѣтили: „Нѣтъ на землѣ человека по имени Дакіаносъ. Только былъ одинъ царь, который умеръ давнымъ давно. И прошли послѣ него многіе вѣка“. Тогда Ямлиха сказалъ: „Клянусь Богомъ, я изумленъ, и никто изъ людей не повѣритъ тому, что я скажу. Я знаю, что мы убѣжали отъ тирана Дакіаноса, и что я видѣлъ его вчера, когда онъ въѣзжалъ въ городъ Дакусъ. Но я не знаю, этотъ городъ—Дакусъ, или нѣтъ? Идите со мной въ пещеру, которая въ горѣ Банджалюсъ, и я покажу вамъ моихъ товарищей“. Когда услыхалъ Арийбсъ, что говоритъ Ямлиха, онъ обратился къ народу и сказалъ: „Можетъ быть, это чудо изъ чудесъ Божьихъ, которое Онъ посылаетъ для васъ посредствомъ этого юноши. Идемъ мы съ нимъ, и пусть, какъ сказалъ, онъ покажетъ намъ своихъ товарищей“.

И отправился вмѣстѣ съ нимъ Арійосъ и Астійосъ. И жители города, малый и великій, пошли съ нимъ къ Обитателямъ пещеры, чтобы посмотрѣть на нихъ.

Тѣмъ временемъ юноши, Обитатели пещеры, видя, что Ямлиха задержался и не приходитъ съ пищей и питьемъ и со всѣмъ, съ чѣмъ бывало приходилъ, предположили, что онъ захваченъ и представленъ къ царю Дакіаносу, отъ котораго они убѣжали. Когда они думали это и выражали свои опасенія, они услышали голоса и топотъ ногъ лошадей, несущихся по направленію къ нимъ. Они подумали, что это посланцы тирана Дакіаноса, отправленные имъ, чтобы захватить ихъ. И когда услышали шумъ, они поднялись на молитву. Пожелали они другъ другу спасенія и сказали другъ другу: „Пойдемъ всѣ къ нашему брату Ямлихѣ, потому что онъ теперь въ рукахъ тирана Дакіаноса и ожидаетъ нашего прихода къ нему“. Какъ только они это сказали, сидя внутри пещеры, они замѣтили Арійоса и его спутниковъ, стоящихъ у входа въ пещеру. Но Ямлиха шелъ впереди и вошелъ къ нимъ плача. Увидѣвъ его, они заплакали вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ стали спрашивать, что случилось съ нимъ, и онъ разсказалъ имъ все съ начала до конца. И поняли они тогда, что они все это время спали по приказу Господа, и что теперь они пробуждены, чтобы быть чудомъ для народа и подтвержденіемъ воскресенія мертвыхъ и чтобы люди поняли, что послѣдній часъ безъ сомнѣнія прійдетъ. Велѣдъ за Ямлихой вошелъ Арійосъ. Онъ увидѣлъ мѣдный ковчегъ, запечатанный серебряными печатами, остановился у входа въ пещеру, призвалъ нѣсколькихъ людей изъ знатныхъ жителей города и открылъ ковчегъ при нихъ. И нашли они тамъ двѣ свинцовыя дощечки, на которыхъ были письмена, гласящія: „Максильминина, Махсильминина, Ямлиха, Мартуносъ, Кастуносъ, Ябуросъ, Якруносъ, Ятбаюносъ и Калушъ. Ихъ всѣхъ было восемь, и они убѣжали отъ своего царя, тирана Дакіаноса, изъ боязни, что онъ отвратитъ ихъ отъ ихъ религіи. Они вошли въ эту пещеру, но, узнавъ о ихъ мѣстопребываніи, царь приказалъ задѣлать пещеру камнями. И мы написали случившееся съ ними и ихъ повѣсть, чтобы, если кто наткнется изъ нихъ изъ послѣдующихъ поколѣній, узналъ бы это“.

Прочитавши все это, пришедшіе очень изумились и прославили Бога, который показалъ имъ чудо воскресенія. Они вознесли пѣснопѣнія свои къ Господу и вошли къ юношамъ, Обитателямъ пещеры. И нашли ихъ сидящими внутри пещеры съ сіяющими лицами и нетлѣнными одеждами. Арійосъ со своими спутниками налъ ницъ передъ ними. И снова восхвалили они Бога, который показалъ имъ чудо изъ своихъ чудесъ. Затѣмъ они вступили въ разговоръ другъ съ другомъ, и юноши, Обитатели пещеры, разсказали имъ все, что испытали они отъ того царя, тирана Дакіаноса, отъ котораго они убѣжали.

Затѣмъ Арійосъ и его спутники послали нарочнаго къ доброму царю Тизосису съ извѣстіемъ: „Спѣши! можетъ быть, ты увидишь чудо изъ чудесъ Божьихъ, которое Онъ совершилъ въ твоемъ царствѣ и назначилъ его чудомъ для всего міра, чтобы оно сіяло какъ свѣтъ и подтвердило воскресеніе мертвыхъ. Спѣши къ юношамъ, которыхъ Богъ воскресилъ послѣ того, какъ умертвилъ ихъ болѣе чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ!“ Когда эта вѣсть

дошла до царя Тизосиса, онъ всталъ съ своего сѣдалища, и вернулся къ нему его разумъ и ушло отъ него горе. И вознесъ онъ къ Всевышнему Богу молитвы свои: „Хвала Тебѣ, Боже Господи небесъ и земли! Я поклоняюсь Тебѣ и прославляю Тебя. Я прославляю Тебя, что милостивъ былъ Ты ко мнѣ и не угасилъ того свѣта, который Ты даровалъ отцамъ моимъ и доброму царю Коствтинису“. Когда жители города были извѣщены обо всемъ этомъ, то они поѣхали вмѣстѣ съ царемъ и прибыли въ городъ Даксусъ. Ихъ встрѣтили жители того города и, пошедши вмѣстѣ съ ними, поднялись къ пещерѣ и пришли туда. И когда юноши увидѣли Тизосиса, обрадовались ему и поклонились ему. Затѣмъ Тизосисъ подошелъ къ нимъ, обнялъ ихъ и заплакалъ. И они сѣли передъ нимъ на землю, славя Бога и прославляя Его. Онъ сказалъ: „Клянусь Богомъ, вы похожи на апостоловъ Христа, когда они увидѣли Его (послѣ Его воскресенія). Да облегчитъ Богъ участь вашу, такъ какъ вы были вызваны Имъ, чтобы возстать изъ могилъ“. Юноши отвѣтили Тизосису: „Мы мирно прощаемся съ тобой, и да будетъ миръ Божій надъ тобой, и милость Его да сохранитъ тебя! Да пошлетъ Онъ миръ въ царствѣ твоемъ, и да избавитъ Онъ тебя отъ злыхъ людей и дѣуховъ!“

Въ то время какъ царь стоялъ, юноши пошли къ мѣсту ихъ ложа и заснули. И Богъ по своему желанію унесъ ихъ души. Тогда царь подошелъ къ нимъ, наложилъ на нихъ свое одѣяніе и приказалъ сдѣлать каждому изъ нихъ по золотому гробу. Но когда настала ночь, и царь заснулъ, юноши явились къ нему во снѣ и сказали: „Мы не сотворены изъ золота и серебра, мы сотворены изъ праха и къ нему вернемся. Оставь насъ какъ мы были въ пещерѣ, и Богъ воскреситъ насъ изъ земли“. Царь тогда приказалъ сдѣлать для нихъ гробы деревянные, и ихъ положили въ нихъ. Затѣмъ Всевышній Богъ скрылъ ихъ, когда люди ушли отъ нихъ со страхомъ. И никто послѣ этого не могъ войти къ нимъ. А царь приказалъ надъ пещерой построить храмъ и назначилъ въ честь ихъ великій праздникъ и приказалъ каждый годъ его праздновать.—Таково преданіе объ Обитателяхъ пещеры.

Передалъ намъ ибнъ-Хомейдъ, говоря: рассказалъ намъ Саляма со № 16. словъ Абдал-азіза, сына Абу-Равада, а этотъ со словъ Абдалаха, сына Обейда сына Омейра (см. иснадъ № 11):

Богъ воскресилъ юношей, Обитателей пещеры, въ то время, когда на престолъ возвелъ царя истинновѣрующаго. И наслалъ Богъ на юношей голодъ. Кто-то изъ нихъ сказалъ: „Сколько мы тутъ пробыли?“ Одни сказали: „Мы пробыли сутки“, а другіе:— „часть сутокъ“. И рѣшили они, что Богъ ихъ лучше знаетъ, сколько они тутъ пробыли. И сказали они: „Пошлемте кого-нибудь изъ насъ съ этими деньгами въ городъ“. А эти монеты были чеканены во времена того царя, въ царствованіе котораго они жили. „Пусть онъ принесетъ за эти деньги для насъ пини, и пусть никто не узнаетъ о насъ“. Одинъ изъ нихъ вышелъ и увидѣлъ, что весь міръ измѣнился. Онъ дошелъ до города и не узнавалъ никого изъ встрѣчныхъ людей. Его тоже не узнавали, и такъ онъ дошелъ до купца, торгующаго съѣстными припасами. Онъ приторговалъ его товаръ, и купецъ сказалъ ему: „Давай деньги“. Тотъ вынулъ монеты. Купецъ спросилъ: „Откуда у

тебя эти деньги?“ Тотъ отвѣтилъ: — „Это жъ наши деньги, деньги нашей страны“. — „Подай-ка ихъ сюда!“ сказалъ купецъ, „да вѣдь онѣ чеканены при такомъ-то царѣ, сынѣ такого-то, 300 и 9 лѣтъ тому назадъ! Ты нашель кладъ, и я тебя не оставлю, а поведу къ царю“. И, дѣйствительно, онъ повелъ его къ царю, а царь былъ вѣрующимъ; вѣрующими были и его приближенные. Онъ обрадовался; обрадовались и они. И открылъ онъ правителямъ, что съ нимъ было, и рассказалъ о своихъ товарищахъ. Царь послалъ за табличкой въ казнохранилище. Написанное на ней совпадало съ тѣмъ, что рассказалъ юноша. Невѣрующіе тогда сказали: „Эти деньги принадлежатъ намъ по праву, все равно какъ и эти люди—правнуки нашихъ отцовъ“. Но правовѣрные отвѣтили: „Мы на нихъ имѣемъ правъ больше, вѣдь они правовѣрные“. И пошли вмѣстѣ съ нимъ всѣ къ пещерѣ. Когда дошли до входа въ нее, юноша сказалъ: „Оставьте меня, я войду къ моимъ товарищамъ и обрадую ихъ новостью; а то, если они увидятъ васъ со мною,—испугаются“. Онъ зашелъ къ нимъ, рассказалъ имъ все, а Богъ взялъ ихъ души къ себѣ. Разказчикъ передаетъ: Богъ ослѣпилъ тѣхъ людей, и они не могли найти ихъ мѣстопребываніе. Невѣрующіе сказали: „Мы построимъ для нихъ памятникъ, такъ какъ они правнуки нашихъ отцовъ, и у этого памятника будемъ молиться Богу“. А истинные правовѣрные сказали: „Мы больше имѣемъ права на нихъ. Мы построимъ храмъ и будемъ молиться въ немъ и поклоняться Богу“.

VIII.

Хамза Испаханскій.

(нач. X в.; ум. ок. 961?)

Багдадскій персъ. Его чрезвычайно сжатый и небольшой размѣрами очеркъ всеобщей исторіи издавъ М. Готтвальдтомъ (Лейпц. 1844). Отрывокъ, ниже слѣдующій въ переводѣ А. Крымскаго, см. по-араб. на стр. 73, въ отдѣлѣ о римскихъ царяхъ.

- № 17. Декіосъ и Диклитіаносъ. Что касается Декіоса, то онъ велѣлъ захватывать на казнь христіанъ и расправился со множествомъ ихъ. Отъ него бѣжали Обитатели Пещеры, они были изъ жителей Эфесоса. Въ христіанско-римскихъ исторіяхъ повѣствуется, что черезъ 309 лѣтъ Богъ ихъ воскресилъ ради одного римскаго царя, который сомнѣвался въ воскресеніи мертвыхъ. Что касается Диклитіаноса и его сотоварища Максиміаноса, то они чинили розыскъ христіанъ по странамъ римскимъ и несли имъ казнь, узы, рабство.

IX.

Масудій (ум. 956).

Культурный историкъ, много путешествовавшій, родомъ чистый арабъ. Жилъ и въ Сиріи. См. „Золотые зуга“ по парижскому изданію Барбье де-Мейнара, т. II (1863), стр. 306—309, въ главѣ XXVIII-ой (о Римлянахъ). Переводъ сдѣланъ А. Крымскимъ.

Послѣ него (Гордіана) шестьдесятъ лѣтъ царствовалъ Декіосъ-вдоло-поклонникъ. Онъ ревностно занялся избіеніемъ христіанъ и розыскомъ ихъ. Отъ этого царя бѣжали „Пещерники“.

Люди разногласятъ насчетъ „Пещерниковъ“ и „Рахимцевъ“. Одни полагаютъ, что Пещерники тождественны съ Рахимцами; увѣряютъ, что „ракимъ“ это есть начертаніе („мѣ роқыма“) именъ Пещерниковъ на каменной доскѣ у дверей ихъ пещеры. Другіе же думаютъ, что „обитатели Пещеры“ это одно, а „обитатели Рақыма“—это другое. Мы, говоря о землѣ Римлянъ, изложили свѣдѣнія и о томъ и о другомъ, согласно тому, какъ объ этомъ рассказываетъ Ахмадъ ибнъ-Таййибъ ибнъ-Марванъ Сарахскій, ученикъ Я куба ибнъ-Исхака аль-Киндія ¹⁾. № 18.

У Ахмада Сарахскаго былъ источникомъ по отношенію къ Рахимцамъ Мохаммадъ ибнъ-Муса астрономъ; его отправлялъ (халифъ) Вăсикъ Билляхи [842—847] изъ (халифской резиденціи) Сурра-манъ-раа въ землю Римлянъ (=византійцевъ), и ибнъ-Муса посѣтилъ „обитателей Рақыма“. Ракимъ—мѣсто въ землѣ Римлянъ, извѣстное у нихъ подъ именемъ Хăрими. И вотъ мы въ нашей „Средней книгѣ“ (гдѣ съ одной стороны) изложили повѣсть про Пещерниковъ, указывая мѣстонахожденіе ихъ пещеры въ землѣ Римлянъ и рассказывая о положеніи ихъ вплоть до нынѣшняго времени, — (съ другой стороны) сообщили мы тамъ также свѣдѣнія о „Рахимцахъ“ согласно рассказу Мохаммеда ибнъ-Мусы астронома ²⁾. Тотъ потерпѣлъ отъ хранителя (мощей) „Рахимцевъ“. Хранитель (Рахимскихъ мощей) хотѣлъ отравить ибнъ-Мусу астронома и погубить мусульманъ, сопровождавшихъ его. Рассказъ нашъ — въ томъ мѣстѣ нашей книги, гдѣ мы говоримъ о преградѣ, построенной Александромъ Македонскимъ (Зуль-қарнейн) противъ Гога и Магога..... преградѣ баснословной, по мнѣнію людей разсудительныхъ и вдумчивыхъ. № 19.

Ахмадъ ибнъ-ат-Таййибъ,—онъ былъ казнень при Мотадыдѣ-Билляхи [892—902], — составилъ, какъ мы упоминали, отдѣльныя сочиненія про „Пещерниковъ“ и про „Рахимцевъ“. Все, что сказано (у него) по этому поводу, мы и привели въ нашей „Средней книгѣ“.

Въ слѣдующей, т.-е. XXIX-й главѣ, рассказавши о Юліанѣ Отступникѣ и смѣнившемъ его Іовіанѣ, Масудій продолжаетъ (т. II, стр. 325—326):

Царствованіе его (=Іовіана) продолжалось годъ. Послѣ него на престолъ вступилъ Уăлесъ (=Валенсъ), придерживавшійся (сперва) религіи христіанъ. Впослѣдствіи онъ отступилъ отъ нея и погибъ въ одной изъ войнъ. Проществовалъ онъ, пока не погибъ, 14 лѣтъ.

Говорятъ, что въ дни его (Валенса) проснулись отъ своей долгой дремоты Жители Пещеры („аһль аль-каһф“). Такъ о нихъ сообщаетъ и Богъ, да превознесетъ хвала Ему, а именно (въ сурѣ Корана XVIII, 18): „они № 20.

¹⁾ Ахмадъ Сарахскій, философъ (казнень въ 899 г.), самый замѣчательный изъ учениковъ патріарха арабской философіи аль-Киндія (ум. послѣ 861 г.). Кратко о немъ см. у Брокельманна: „Gesch. der arab. Litt.“ I (1898), стр. 310. Онъ былъ приближеннымъ халифа Мо тадыда и казнень былъ за то, что разоблачилъ довѣренную ему халифскую тайну.

²⁾ „Средняя книга“ Масудія до насъ не дошла. Но приводимый имъ рассказъ астронома Мохаммеда ибнъ-Мусы мы встрѣчали выше (стр. 6—7) у ибнъ-Хордадбега.

послали одного изъ нихъ съ деньгами въ городъ“. Эта мѣстность (гдѣ случилось событіе) принадлежитъ къ землѣ Римлянъ, на сѣверѣ. Люди, основательно изучившіе науку о сводѣ небесномъ, много толковали насчетъ уклоненія солнца въ пещерѣ, какъ при восходѣ, такъ и при заходѣ, къ мѣсту нахождения уснувшихъ, сѣверу, потому что такъ вѣдь объ этомъ сообщаетъ Всесильный и Всевышній Богъ въ своей Книгѣ, въ стихѣ Коранѣ (XVIII, 16): „Ты могъ бы видѣть, какъ солнце, восходя, уклонялось отъ пещеры ихъ“ и т. д.

Пещерники принадлежали къ числу жителей города Афейса, въ землѣ Римлянъ.

Послѣ Уалеса воцарился надъ Римлянами Гратіисъ (= Граціанъ) и процарствовалъ 15 лѣтъ. На второмъ году его царствованія состоялся соборъ христіанъ, одинъ изъ (извѣстныхъ) соборовъ. Здѣсь они дали окончательное выраженіе своему ученію о Духѣ Святомъ и отлучили Македонія, патріарха Константинопольскаго. Это т. н. второй синодъ. Послѣ того воцарился Тадусисъ Великій, имя котораго объясняется какъ „даръ Божій“...

О Пещерникахъ при Тадусисѣ Великомъ Мас'удій ничего не упоминаетъ.

...Царствованіе Тадусиса, вплоть до его гибели, продолжалось 17 лѣтъ. Воцарился послѣ него Аркадіосъ и правилъ 14 лѣтъ, держась вѣры христіанъ; а послѣ него царемъ сталъ его сынъ, Тадусисъ Младшій, именно въ городѣ Афейсѣ.

Про Пещерниковъ въ царствованіе Θεодосіа Младшаго Мас'удій ни словомъ не упоминаетъ.

X.

Мокаддасій

(985).

Географъ-путешественникъ, родомъ изъ Иерусалима, критичнѣйшій изъ арабскихъ географовъ X в., иначе — Макдисій (Мохаммедъ ибнъ-Ахмадъ). Трудъ его: „Свѣдѣнія о климатическихъ поясахъ“ издавъ у де-Гуе (de-Goeje) въ „Bibliotheca geographorum arabicorum“, т. III (Лейд. 1876). Нижеслѣдующій отрывокъ — на стр. 152 - 154. Переводъ А. Крымскаго.

Мы опускаемъ сообщеніе о Тарсосѣ и его области, потому что они въ рукахъ Римлянъ. Что касается Пещеры, то городъ (связанный съ событіемъ) именно и есть Тарсосъ. Въ немъ и могила Дакіаноса. Въ округѣ его есть холмъ съ возведеннымъ храмомъ („мечид“). Говорятъ, храмъ какъ-разъ надъ Пещерой.

№ 21. Миѣ разсказывалъ богословъ-законовѣдъ Абу-Абдаллахъ Мохаммедъ ибнъ-Омаръ Бохарскій, а тому—Абу-Талибъ Йеменскій, а тому—Хасанъ ибнъ-Яхья [нач. IX в.] со словъ отца, а отцу его разсказывалъ Мохаммедъ ибнъ-Саһль Хорасанскій, вычитавшій у Хишâма ибнъ-Мохаммеда¹⁾, что Маджаһидъ ибнъ-Йезидъ повѣствовалъ ему слѣдующее:

Я выѣхалъ съ Халидомъ, начальникомъ правительственной почты („альбаридій“), тогда, когда онъ направлялся къ повелителю невѣрныхъ²⁾ въ

¹⁾ Ибнъ-аль-Кальбій? Ум. ок. 820. ²⁾ Т. е. византійскому императору.

102 [=720] году. Съ нами не было никакого третьяго мусульманина. Побывали мы въ Константинополь и обратный путь держали на Амориумъ ¹⁾, и, черезъ четыре ночныхъ перехода, проѣхавши сожженную Ладикіе ²⁾, мы прибыли ко впадистому углубленію во внутренности одной горы.

Намъ было сказано, что тамъ въ пещерѣ находятся мертвецы, неизвѣстно кто они такіе. При нихъ состоятъ хранители. Насъ повели подземнымъ ходомъ, длиною локтей въ 50, шириною локтя въ два. Шли со свѣтильниками. Вдругъ посреди подземнаго хода предстала желѣзная дверь. Это удобное приѣжище въ случаѣ нападенія бедуиновъ. Здѣсь оказалось большое пустое мѣсто, съ наполненнымъ водоемомъ по срединѣ, ширина котораго—приблизительно локтей 15; а вверху просвѣчиваетъ небо. Тутъ-то пещера [съ мощами], въ глубинѣ горы.

И ввели насъ въ какую-то пещеру, совсѣмъ въ глуби подземнаго помѣщенія, длиною локтей въ 20. Тамъ оказалось тринадцать человѣкъ, почивающихъ навзничъ. На каждомъ одѣяніе, не то изъ шерсти, не то изъ пушистой шерсточки, только сѣраго цвѣта, и еще сверху сѣрая плащаница, шуршащая какъ тонкій пергаментъ. Плащаницей прикрыто и лицо и все тѣло. По краямъ плащаницы—бахрома. Иные изъ покойниковъ обуты въ башмаки, до половины голени; другіе—въ сандаляхъ; третьи—въ туфляхъ. И вся обувь новая.

Я открылъ лицо одного изъ нихъ. Волосы на головѣ и бородѣ оказались непотерпѣвшими измѣненій. Кожа на лицѣ—свѣтлая; виденъ румянецъ; словно они сейчасъ лишь уснули. Члены ихъ мягки, какъ наиболѣе могутъ быть мягкими члены живого человѣка. Всѣ они—молодые люди, развѣ что кое-у-кого пробивается сѣдинка. У одного изъ нихъ, смотримъ, голова отрублена. На мой вопросъ миѣ отвѣтили: „Насъ однажды одолѣли бедуины и завладѣли подземельемъ. Мы имъ рассказали повѣсть объ этихъ покойникахъ, а они не повѣрили, и одинъ бедуинъ отрубилъ этому голову“.

Хозяева подземелья увѣряли также, что ежегодно въ день новаго года, а это у нихъ праздникъ, они собираются сюда и поднимаютъ покойниковъ, каждаго по очереди. Оставляя мощи въ стоячемъ положеніи, они ихъ обтираютъ, выбиваютъ пыль изъ ихъ одеждъ и приводятъ въ порядокъ плащаницы, но такъ чтобы при этомъ мощи не свалились и не потерпѣли изъяна. Потомъ хранители опять ихъ укладываютъ. Они же имъ подрѣзаютъ ногти, три раза въ годъ, послѣ чего ногти опять отрастаютъ.

Мы спросили хранителей, откуда эти мощи и что за исторія ихъ. Тѣ сказали, что ровно ничего про ихъ исторію не знаютъ:—„Зовемъ ихъ про-роками, да и только“.

Моджâидъ и Хâлидъ говорятъ: Полагаютъ, что это [упомянутые въ Коранѣ] Обитатели Пещеры. А наилучше знаетъ Богъ.

Нѣсколькими страницами дальше, когда Мокâддасій описываетъ Палестину и

¹⁾ Слѣдовательно, въ сторону Эфеса.

²⁾ Нынѣшній Ладикъ (между Амориумомъ и Иконіей), а не общезвѣстная при-морская Лаодикія.

Заіорданье, въ частности 'Амманъ, онъ упоминаетъ о библейско-памятныхъ мѣстахъ, такихъ, какъ могила Урии, и затѣмъ приводитъ сообщеніе о Рахимѣ, повѣствовательная часть котораго близка къ Бохарію (у насъ № 1), а отъ Та'лябія XI в. (= № 27) отличается кое-въ-чемъ. Вотъ переводъ отрывка изъ Мокаддасія (=араб. стр. 175—176 по изд. де-Гуе):

Рахимъ — деревня на разстояніи мили (фарсаха) отъ 'Аммана [въ Заіорданьи] на рубежѣ пустыни. Тамъ есть пещера съ двумя входами, малымъ и большимъ. Увѣряютъ, будто тому, кто войдетъ большимъ входомъ, невозможно войти малымъ. Въ пещерѣ хранятся три могилы. Про нее именно рассказывалъ намъ Абуль-фадль Мохаммедъ ибнъ-Мансуръ, ссылаясь на слова Абу-Бакра ибнъ-Саида, которому сообщилъ Фадль ибнъ-Хаммадъ, а тому ибнъ-Абу-Марьямъ [ум. 839], а тому Исмаиль ибнъ-Ибраһимъ ибнъ-'Окба [719—809], а тому Нафи' [ибнъ-Хормузъ, ум. 735], слышавшій отъ Абдаллаха сына [халифа] Омара [613—692], которому самъ Посланникъ Божій, да благословитъ его Богъ и да привѣтствуетъ, рассказалъ слѣдующее [о чудѣ, случившемся въ Рахимѣ]:

№ 22. Трое людей шли вмѣстѣ, какъ вдругъ застигъ ихъ дождь. Они укрылись въ одной горной пещерѣ, — и тутъ съ горы свалилась къ устью пещеры огромная скала и заперла ихъ. Тогда они стали говорить другъ другу: „Раземотримъ-ка добрыя дѣла, какія кто изъ насъ совершилъ въ угоду Богу, всеильному, всеславному, и помолимся Богу во имя ихъ: авось, Онъ воздастъ за нихъ спасеніе“. И сказалъ первый изъ нихъ:

— Боже! Были у меня родители, глубокіе старики, и были у меня малыя дѣти, за которыми я ухаживалъ. Когда я шелъ къ нимъ съ надоеннымъ молокомъ, я сперва шелъ къ моимъ родителямъ и приносилъ молоко прежде имъ, а ужъ потомъ своему ребенку. Случилось однажды, что мнѣ не удалось управиться утромъ, и я пришелъ домой лишь вечеромъ. Оказалось, что родители уже спятъ. Надолъ я молока, какъ обыкновенно, принесъ его и сталъ у изголовья моихъ стариковъ, не желая будить ихъ. Я не желалъ пойти сперва къ дѣтямъ и дать имъ молока раньше, чѣмъ дамъ родителямъ; а тѣмъ временемъ дѣти навзрыдь плакали. И такъ дѣло дотянулось до восхода зари... Если Ты признаешь, что я, сдѣлавши это, угоденъ сталъ предъ лицомъ Твоимъ, то открой намъ выходъ хоть настолько, чтобы мы увидали небо!

Богъ открылъ имъ выходъ настолько, что они увидали небо. Тогда сказалъ второй:

— Боже! Была у меня двоюродная сестра, которую я любилъ самой сильной любовью, возможной для мужчины. Я добивался ея, — она мнѣ отказала, пока я не принесу ей сто червонцевъ. Съ трудомъ я скопилъ сто червонцевъ и принесъ ей. Когда я уже возлежъ къ дѣвушкѣ, она мнѣ сказала: „Рабъ Божій! Побойся Бога и не нарушай неправедно моей дѣвственности!“ И я всталъ отъ нея... Если Ты признаешь, что я, сдѣлавши это, угоденъ сталъ предъ лицомъ Твоимъ, то раскрой намъ еще сколько-нибудь выходъ!

Богъ имъ еще нѣсколько раскрылъ выходъ. И сказалъ третій:

— Боже! Я нанялъ одного рабочаго, уговорившись заплатить ему опре-

дѣленное количество риса. Когда онъ покончилъ работу, онъ хотѣлъ было взять свою плату, но, задержавшись, оставилъ ее у меня и не взялъ. А я все время продолжалъ сѣять этотъ рисъ, такъ-что за выручку сѣумѣлъ приобрѣсти стадо коровъ и пастуха къ нимъ. Потомъ тотъ человѣкъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „Если ты боишься Бога, то не обидь меня и дай мнѣ то, что мнѣ причитается“.—„Ну, такъ иди къ тѣмъ коровамъ и ихъ пастуху“, сказалъ я, „и забирай ихъ“.—„Побойся Бога, не насмѣхайся надо мною!“,—сказалъ онъ.—„Я и не насмѣхаюсь надъ тобою“,—отвѣтилъ я:—„забирай тѣхъ коровъ и пастуха!“ Онъ взялъ ихъ и удалился съ ними. Если Ты признаешь, что я, сдѣлавши это, угодилъ передъ лицомъ Твоимъ, то открой намъ выходъ до конца.

И Богъ совѣмъ открылъ имъ выходъ.

XI.

Аль-Бирунїй

(въ 1000 г.).

Высоконаучный, критическій Абу-Рейханъ аль-Бирунїй (973—1048), персъ, жившїй то въ Средней Азїи, то въ нынѣшнемъ Афганистанѣ при дворѣ султана Махмуда Газневидскаго, былъ по специальности прежде всего математикъ и астрономъ. Въ своемъ сравнительно-хронологическомъ большомъ трудѣ: „Аль-аѳъаръ аль-баѳийе“ и т. д. (что переводятъ проще: „Хронологія восточныхъ народовъ“), написанномъ въ 390—1000 году, аль-Бирунїй между прочимъ имѣетъ особую главу (XV-ую): „Христіанскїй мѣсяцесловъ“. Порядокъ мѣсяцевъ начинается съ октября (тишрїна I). О семи отрокахъ Эфесскихъ см. подъ 5-мъ октября (по лейцигскому изданію Эд. Захау, 1878, стр. 290—291). Переводъ А. Крымскаго.

5-го числа этого мѣсяца — память Пещерниковъ, иже въ городѣ Эфессѣ. Это то, что упомянуто и въ преславномъ Коранѣ.

Халифъ Мо'тасымъ ¹⁾ отправилъ со своимъ послемъ къ царю Римскому № 23. еще одного человѣка, который осмотрѣлъ мѣстонахожденіе Пещерниковъ и осязалъ ихъ своей рукою. Разсказъ общезвѣстенъ. Впрочемъ, тотъ, кто осязалъ (эти мощи), именно Мохаммедъ ибнъ-Муса ибнъ-Шакиръ [ум. 872], оставляетъ (у читателя) сомнѣніе, они ли это (т. е. тѣ самые ли отроки, о которыхъ упоминаетъ Коранъ), или же это другіе покойники, выдаваемые за нихъ.

(Другой) звѣздочетъ 'Алій ибнъ-Яхья [ум. 888] ²⁾ говоритъ, что, когда № 24. онъ возвращался съ похода (противъ византійцевъ), заѣхалъ въ это мѣсто. Это небольшая гора. Діаметръ ея основанія—меньше 1000 локтей. Въ ней, на уровнѣ съ землею ³⁾, подземный ходъ, который ведетъ внутрь горы шаговъ

¹⁾ Несомнѣнно, что надо читать „Васикъ ибнъ-Мо'тасымъ“, т. е. Васикъ сынъ Мо'тасыма. Срв. выше (стр. 6) у болѣе ранняго ибнъ-Хордадбега (IX в.) и (стр. 25) у Мас'удїа (первой половины X вѣка). Отецъ Васика, халифъ Мо'тасымъ, царствовалъ отъ 833 до 842. Ошибку, вѣроятно, допустилъ переписчикъ, а не самъ аль-Бирунїй.

²⁾ О двухъ Аліяхъ ибнъ-Яхьяхъ см. у насъ стр. 7. ³⁾ Т. е. снаружи.

на триста и приведетъ тебя къ подземной галлерей, поддерживаемой высѣченными колоннами. Тамъ много келій. Алій ибнъ-Ихъя говоритъ, что онъ тамъ видѣлъ 13 человекъ, въ числѣ которыхъ — одинъ безбородый юноша. На нихъ шерстяныя облаченія, шерстяныя плащаницы, башмаки и сандалии. Онъ захватилъ горсть волосъ на челѣ одного изъ нихъ и потянулъ, но волосы нисколько не поддались.

Что (мощей этихъ) больше семи, (какъ полагалось бы) по счету мусульманъ, и больше восьми, (какъ полагалось бы) по счету христіанъ, — случилось это, быть можетъ, отъ того, что (седмичисленники) пополнены мѣстными умершими монахами. Тѣла монаховъ имѣютъ особое свойство — долго сохраняться: вѣдь монахи изнуреніями доводятъ себя до того, что сырые элементы (ихъ тѣла) исчезаютъ, и между ихъ костями и кожей не остается почти ничего; они (заживо) выгораютъ такъ, какъ угасающій свѣтильникъ. Иногда они, опершись на свои посохи, остаются такъ цѣлые вѣка. Подобное явленіе можно во-очію провѣрить вездѣ, гдѣ живутъ подвижники.

Упомянутые отроки пробыли въ пещерѣ 372 года, по преданію христіанъ, а по нашему — 300 солнечныхъ лѣтъ, какъ объ этомъ сообщаетъ Всевышній Богъ въ особо имъ посвященной [XVIII-ой] главѣ Корана. Надбавка въ девять лѣтъ [указанная въ Коранѣ, гдѣ названо число лѣтъ 309] должна естественно получаться при переводѣ, если солнечные годы переводятся на [наши] лунные. Въ точности эта [разница] составляетъ 9 лѣтъ да еще 75 дней и $16\frac{4}{5}$ часовъ.... Но подобныя дробныя числа [какъ 2 мѣсяца съ лишнимъ] не принимаются въ расчетъ при повѣствованіи.

XII.

- № 25. Абу-л-лейсъ Самаркандскій (ум. ок. 993) цитируется Багавіемъ (№ 37).

XIII.

Аль-Кисаіъ (нач. XI в.).

- № 26. „Повѣсти о пророкахъ“ Абу-Бакра аль-Кисаіа, начала XI вѣка, донныя остаются неизданы. Сохранившіяся рукописи, которыя собраны въ европейскихъ книгохранилищахъ, перечислены у К. Броккельманна въ „Geschichte der arabischen Litteratur“, т. I (1898), стр. 350. Мы, къ сожалѣнію, лишены возможности дать русскій переводъ Кисаіевой версіи „Пещерниковъ“, потому что въ Москвѣ и вообще въ Россіи мы не знаемъ ни одной рукописи его подлиннаго труда.

Упомянуть, однако, Кисаіа мы считали нужнымъ въ цѣляхъ предупрежденія, потому что подъ именемъ Кисаіевыхъ извѣстій ходятъ позднія передѣлки интересующаго насъ сказанія, съ явными персидскими наслоеніями, съ разными сказочными нарещеніями типа 1001 ночи¹⁾. Всѣ подобныя наслоенія не должны быть приписываемы подлинному арабскому тексту самого аль-Кисаіа XI в.

Время, когда создалась лже-Кисаіева передѣлка, съ точностью не извѣстно. Кохъ (1883, стр. 150) и Хуберъ (1910, стр. 251—252), видящій въ лже-Кисаіевой версіи продуктъ того же типа, что сказки 1001 ночи, фиксируютъ время созданія этой версіи

¹⁾ Обзоръ и анализъ лже-Кисаіевыхъ вариантовъ данъ у Хубера: „Die wanderlegende von den Siebenschläfern“ (1910), стр. 23—27 и 251—310.

такъ, что оно приблизительно совпадаетъ съ отдѣлкою 1001 ночи, т.-е. ок. XV вѣка ¹⁾: въ лже-Кисаіевомъ Дакіаносѣ они видятъ отраженіе личности Тимура (1336—1405). Эта датировка не можетъ быть принята. Если бы Коху и Хуберу была извѣстна старо-турецкая передѣлка „Повѣстей о пророкахъ“ Рубгузи 1310 года (о ней—стр. 66), гдѣ вкратцѣ оказываются черты, общія съ лже-Кисаіемъ (напр. выѣздъ юношей верхомъ за городъ для игры въ поло, „джеридъ“, „човганъ“), то они съ очевидностью убѣдились бы, что лже-Кисаіевскій типъ легенды долженъ былъ создаться во всякомъ случаѣ раньше 1310 года, т.-е. по меньшей мѣрѣ въ XIII вѣкѣ, въ начально-монгольскій періодъ. Касаясь Рубгузія, мы укажемъ (стр. 68—69) на участіе сирско-несторіанскаго христіанина въ развитіи лже-Кисаіевскаго текста.

Подлинный же Кисаіи XI в., повидимому, едва ли очень далекъ, въ изложеніи легенды о спящихъ отрокахъ, отъ нижеслѣдующаго Талябія (тоже XI вѣка).—А. Кр.

XIV.

Талъбій Нишапурскій (ум. 1036.).

Изъ его свода „Кысае аль-анбийа“ (= Повѣсти о пророкахъ), главнаго источника популяризаціи священныхъ легендъ среди мусульманъ. См. текстъ по каирскому изданію 1312—1895 г., стр. 243—253. Русскій переводъ М. О. Аттани.

Глава о житіи Обитателей Пещеры.

Всевышній Богъ сказалъ: „Не считаешь ли ты, что Обитатели Пещеры и Рақыма были значительнымъ чудомъ изъ чудесъ нашихъ?“ Ученые различно понимаютъ „Пещеру“ (каф) и „Рақыма“.

Ансаръ Но'манъ ибнъ-Баширъ [уб. 684] передаетъ о [Рақымскомъ чудѣ] слѣдующее: Я слышалъ, какъ пророкъ Божій (да помилуетъ его Богъ и спасетъ его!), упоминая о „Рақыма“, говорилъ:

Трое людей отирались искать пастбищъ для (стадъ) своихъ семействъ. № 27. Въ то время, какъ они шли, надъ ними разразилась гроза. Они нашли пріютъ въ одной пещерѣ. На нихъ свалилась съ горы скала, закрыла входъ въ пещеру и заперла ихъ. Одинъ изъ нихъ предложилъ слѣдующее: „Пусть каждый изъ насъ расскажетъ лучшее благодѣяніе, которое онъ когда-либо совершилъ,—авось, Богъ помилуетъ“. Тогда другой юноша рассказалъ слѣдующее:

Я когда-то сдѣлалъ доброе дѣло. У меня были наемные рабочіе, исполнявшіе для меня одну работу. Каждаго изъ нихъ я нанялъ за опредѣленную плату въ день. Однажды явился въ полдень какой-то человѣкъ (на работу), и я его нанялъ за половину той платы, которая была назначена его товарищамъ. Но онъ столько наработалъ за оставшееся время дня, сколько каждый изъ нихъ за цѣлый день, и поэтому я счелъ себя обязаннымъ не уменьшать ему ничего сравнительно съ другими, изъ-за его усердія въ работѣ. Тогда одинъ изъ работавшихъ сталъ заявлять притязанія, говоря мнѣ: „Ты платишь этому человѣку столько, сколько и мнѣ, а между тѣмъ тотъ работалъ только половину дня“. Я отвѣтилъ: „О, рабъ Божій! я не уменьшалъ

¹⁾ Сближеніе это, въ сущности, ни къ чему не ведетъ. Арабская 1001 ночь получила свою отдѣлку въ Египтѣ, а лже-Кисаіи—въ далекой Персіи, гдѣ литературная исторія шла независимо отъ арабско-египетской.

тебѣ ничего изъ условленной платы, и я воленъ распоряжаться своими деньгами, какъ хочу“. Онъ однако разсердился, ушелъ и не взялъ слѣдуемыхъ ему денегъ. Я отложилъ ихъ въ сторону. Прошло нѣсколько времени. Мимо моего дома вели на продажу рогатый скотъ. На отложенныя деньги рабочаго я купилъ нѣсколько коровъ. Прошло еще нѣкоторое время. Мимо моего дома прошелъ немощный старикъ, котораго я не узналъ, и сказалъ мнѣ: „А вѣдь за тобою должокъ!..“ Я отвѣтилъ: „Разскажи, какъ это было, — пожалуй, я и признаю“. Онъ припомнилъ — и оказалось, что это былъ тотъ самый работникъ, который не взялъ своей платы. — „Я тебя давно ищу“, — сказалъ тогда я: — „Вотъ твой долгъ. Возьми вотъ ихъ!“ И я указалъ на коровъ. — „О, рабъ Божій, не смѣйся надо мной!“ — проговорилъ старикъ: „Если ты не хочешь подать мнѣ милостыни, то, по крайней мѣрѣ, возврати мнѣ то, что долженъ.“ — „Клянусь Богомъ“, — отвѣтилъ я бѣднягѣ, — „я не смѣюсь надъ тобой. Это все тебѣ принадлежитъ. Ни на одну изъ коровъ я не имѣю права“. И я отдалъ ему всѣхъ коровъ... О, Боже! если мой поступокъ былъ угоденъ Тебѣ, то пошли намъ облегченіе!..

Свалившаяся скала сдвинулась настолько, что трое заключенныхъ могли увидѣть кое-какой свѣтъ. Затѣмъ сталъ другой изъ нихъ рассказывать:

Я тоже когда-то сдѣлалъ дѣло доброе. Когда, однажды, людей постигъ голодный годъ, у меня было кое-что приколпено. Явилась ко мнѣ женщина и попросила помощи. Я сказалъ: „Клянусь Богомъ, я готовъ буду къ твоимъ услугамъ, если ты согласишься принадлежать мнѣ.“ Женщина не согласилась и ушла. Черезъ нѣкоторое время она вернулась и, заклиная меня именемъ Бога, стала снова просить помощи. Я ей ничего не далъ и повторилъ: „Клянусь Богомъ, ты получишь тогда, когда будешь моею“. Она снова отказалась, ушла, рассказала обо всемъ своему мужу, и тотъ ей сказалъ, чтобы она отдалась мнѣ и добилась помощи для своей семьи. Молодка вернулась ко мнѣ и опять молила, заклиная именемъ Бога. — „Только тогда, когда будешь моею“, — отказалъ ей я. Убѣдившись въ моей настойчивости, она рѣшила мнѣ отдаться. И вотъ, когда я ее раздѣлъ и возымѣлъ желаніе овладѣть ею, она, оказалось, вся такъ дрожить въ моихъ объятіяхъ, что я спросилъ: „Да что съ тобой?“ — „Мнѣ страшно передъ Господомъ, Творцомъ міровъ“, проговорила она. — „Ты и въ несчастіи боишься Его?“ — опомнился я: „А я, злополучный, и въ счастіи Его забылъ!“ Я выпустилъ ее изъ объятій; сколько денегъ она просила, столько далъ ей, не опозоривши ея. Боже! Если то, что я сдѣлалъ, было угодно Тебѣ, облегчи нашу участь!“

Гора сдвинулась настолько, что заключенные могли узнавать другъ друга.

И тогда повелъ рассказъ третій изъ нихъ: — Я также сдѣлалъ однажды доброе дѣло. У меня были старые-престарые родители и небольшое стадо овецъ. Занимался я тѣмъ, что кормилъ и поилъ родителей и ухаживалъ за своимъ стадомъ. Однажды сильный дождь задержалъ меня со стадомъ до вечера. Къ вечеру сбѣгалъ я домой, захватилъ подойникъ, подоилъ овецъ и оставилъ ихъ тамъ же, а самъ съ молокомъ отправился къ родителямъ. Оказалось, они уже спали. Что дѣлать? — затруднился я: — Будить родителей не-

удобно, а оставить овецъ безъ надзора—тоже не приходится!—Я не уходилъ и простоялъ съ подойникомъ въ рукахъ до тѣхъ поръ, пока не разбудило родителей наступающее утро. Только тогда я ихъ напоилъ молокомъ. О Боже! Если я сдѣлалъ угодное Тебѣ, то облегчи намъ то положеніе, въ которомъ мы очутились!..

Но мѣнь продолжаетъ: Слово донинѣ слышу я, какъ пророкъ Божій, да помилуетъ его Богъ и да спасетъ его, говорить: „И гора совсѣмъ отодвинулась, и Богъ послалъ имъ спасеніе, и они вышли“. [Эти трое были Ракамцы].

А вотъ что сообщаетъ ибнъ-Аббасъ [ок. 622-687]: „Ракамъ—долина № 28. между Гадбаномъ и Айлою, близъ Палестины. Это—и есть долина Пещерниковъ. Кабъ же [ум. ок. 653] говоритъ: „Ракамъ—ихъ городъ“. А по мнѣнію Саида ибнъ-Джобейра [666-714] и другихъ знатоковъ, Ракамъ есть скрижалъ каменная (другіе же думаютъ—свинцовая), на которой были написаны имена Обитателей Пещеры и ихъ исторія. Люди положили эту доску въ сундукъ и помѣстили у входа въ пещеру.

А въ Коранѣ Всевышній Богъ выражается такъ: „Когда юноши нашли пріютъ въ пещерѣ, они говорили: Господи, пришли намъ отъ себя милость“...

Толкователи Корана и историки утверждаютъ, что событіе съ Пещерниками происходило во дни царствованія удѣльныхъ государей между временемъ Иисуса и Мохаммеда, благословеніе Божіе и миръ Имъ!

[Въ отличіе отъ Ракамцевъ] повѣсть про Обитателей Пещеры (каһф) такова:

№ 29.

Передаютъ ¹⁾, что, когда повелитель правовѣрныхъ Омаръ, сынъ аль-Хаттаба, помилуй его Богъ, вступилъ въ управленіе халифатомъ [634], къ нему пришла депутація изъ ученыхъ евреевъ и сказала: „Ты теперь правитель послѣ Мохаммеда, и ты былъ его другомъ. Мы желаемъ задать тебѣ нѣсколько вопросовъ. Если ты разрѣшишь ихъ, мы признаемъ, что исламъ есть истинная вѣра и что Мохаммедъ былъ пророкомъ. А если не разрѣшишь, то мы останемся при убѣжденіи, что исламъ есть вѣра ложная, а Мохаммедъ не былъ пророкомъ“.—„Хорошо“,—сказалъ Омаръ:—„спрашивайте, что вамъ угодно“. Они задали ему слѣдующія задачи: „Что такое замки небесные? Что такое ключи небесные? Что за могила, которая двигалась съ похороненнымъ въ ней! Кто такой, не человѣкъ онъ и не духъ, предостерегъ свой народъ? Что это за пять существъ, которыя ходили по землѣ, не бывши въ утробѣ матери? Что говоритъ тетеревъ, когда онъ токуетъ? Что говоритъ пѣтухъ, когда кричитъ? Что говоритъ конь, когда ржетъ? Что говоритъ лягушка, когда квакаетъ? Что говоритъ осель, когда реветъ? И что говорятъ жаворонокъ, когда светитъ?“

Тогда Омаръ опустилъ голову и сказалъ: „Не стыдно Омару сказать „не знаю“, если онъ дѣйствительно не знаетъ, и не стыдно ему спросить о томъ, чего онъ не знаетъ“. Всѣ евреи вскочили и закричали: „Мы свидѣтельствуемъ, что Мохаммедъ не былъ пророкомъ, и исламъ—вѣра ложная“.

¹⁾ Иснада нѣтъ, а характеръ разсказа—шіитско-персидскій, со старинно-иранскими наслоеніями.

— „Подождите немного!“ сказалъ имъ Сельманъ-персъ, а самъ направился къ Алію сыну Абу-Талиба.

— „Абу-Хасанъ!“ сказалъ онъ Алію, вошедши къ нему: „Помоги исламу“. — „А что случилось?“ спросилъ Алій. Сельманъ ему рассказалъ обо всемъ. Алій пошелъ съ нимъ.

Когда Алій, сынъ Абу-Талиба, вошелъ къ Омару, на немъ красовался плащъ Пророка Божія. Омаръ, завидѣвши его, поспѣшно всталъ и, обнимая его, говорилъ: „Абу-ль-Хасанъ! къ тебѣ обращаются при всякихъ несчастіяхъ и затрудненіяхъ!“ — „Ну“, — сказалъ Алій, обращаясь къ евреямъ: „спрашивайте все, что вамъ угодно. Вѣдь Пророкъ, да помилуетъ его Богъ и да спасетъ, преподалъ мнѣ тысячу главъ изъ книги знанія, и каждая глава породила у меня тысячу разрѣшенныхъ мною задачъ“. Евреи стали задавать свои вопросы. Алій однако поставилъ предварительное условіе: „если я разрѣшу вамъ ваши вопросы согласно вашей Библии, вы обязаны принять нашу вѣру и увѣровать“. Евреи согласились. — „Ну, такъ спрашивайте теперь каждую загадку поодиночкѣ“.

— „Скажи намъ, что такое небесные замки?“ — „Небесные замки, — отвѣтилъ Алій, это вѣра въ многобожіе, потому что ни одна людская просьба, мужчигъ ли, женщинъ ли, когда они поклоняются многимъ богамъ, не доходитъ до небесъ: многобожіе запираетъ для нихъ небеса на замокъ“. — „Ну, скажи тогда намъ, что такое ключи небесные?“ — „Ключи небесные — вѣра въ то, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Мохаммедъ рабъ и посланникъ Его“. Тутъ евреи стали посматривать другъ на друга и переговариваться: „Алій-то молодець, не промахъ“. Затѣмъ спросили его евреи о могилѣ, которая движется вмѣстѣ съ похороненнымъ въ ней. — „Эта могила, — сказалъ Алій, — есть китъ, который проглотилъ Іону, сына Матвѣя, и плавалъ съ нимъ по семи морямъ“. — „Да, это такъ“, отвѣтили они, — „ну, а скажи намъ, кто такой, не изъ джинновъ и не изъ людей, предостерегъ свой народъ?“ — „Это былъ одинъ муравей временъ Соломона, сына Давида. [Когда войско Соломона вошло въ муравьиную долину], одинъ муравей обратился къ своему народу со словами: Гей, муравьи! войдите въ жилища свои, чтобы Соломонъ и его войско васъ не потоптали, не замѣтивши васъ“¹⁾. — „Хорошо“, — сказали евреи: — Ну, скажи намъ теперь о пяти существахъ, которыя ходили по землѣ, но не изъ утробы матери вышли“. — „Это были“, отвѣтилъ Алій, „Адамъ, Ева, верблюдица пророка Салыха, овца Авраама и посохъ Моисея“. — „Такъ. Ну, а что говоритъ тетеревъ, когда онъ токуетъ?“ — „Милостивый Богъ на тронѣ возсѣлъ“. — „Хорошо. Ну, скажи, что говоритъ ибѣтухъ, когда поетъ?“ — „Онъ говоритъ; о, вы, нерадивые, вспомните о Богѣ!“ — „Хорошо“, соглашались евреи, „а что говоритъ конь, когда ржетъ?“ — „Когда конь идетъ съ правовѣрными на священную войну, онъ говоритъ: Господи, помоги твоимъ рабамъ-правовѣрнымъ одержать побѣду надъ невѣрующими“. — „Хорошо, а что говоритъ осель, когда реветъ?“ — „Онъ говоритъ: да проклянетъ Богъ ростовщиковъ! — и своимъ крикомъ пугаетъ дьяволовъ“. — „Хо-

¹⁾ Та'лябий не считаетъ нужнымъ давать поясненій къ этому эпизоду, предполагая, что каждый мусульманинъ знаетъ его изъ суръ XXVII: „Муравьи“.

рошо. Скажи же, что говоритъ лягушка, когда квакаетъ?“ — „Она говоритъ — отвѣтилъ Алій:—слава моему Господу, которому всѣ твари поклоняются и который научилъ ихъ плавать въ морскихъ пучинахъ.“ — „А что говоритъ жаворонокъ, когда свиститъ?“ — Алій отвѣтилъ: „Онъ говоритъ: О, Боже, пошли свое проклятіе на ненавидящихъ Мохаммеда и семью его“...

Евреевъ было трое. Двое возгласили: „Мы свидѣтельствуемъ, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, и Мохаммедъ посланникъ Божій!“ Третій же ученый еврей подскочилъ со словами: „Вотъ видишь, Алій, два моихъ соотарища признали вашу религію и увѣровали въ нее. Миѣ же остается спросить тебя только объ одномъ“. — „Спрашивай“, — согласился Алій. — „Что за люди“, спросилъ ученый еврей, „которые умерли давно, и спустя 309 лѣтъ Богъ воскресилъ ихъ? Какова ихъ исторія?“

Алію, да помилуетъ его Богъ, сказалъ: „О, еврей, то были Обитатели Пещеры, и о нихъ Богъ извѣстилъ нашего пророка въ Коранѣ, гдѣ изложена и вся ихъ исторія. Если тебѣ угодно, я прочту тебѣ ее.“ — „Нѣтъ“, отвѣтилъ еврей, — „я очень часто слышалъ, какъ читали эту исторію въ Коранѣ. А если ты дѣйствительно знающій человекъ, то скажи миѣ имена ихъ и имена ихъ отцовъ, названіе ихъ города, имя царя ихъ и собаки. Скажи, какъ называлась ихъ гора и пещера, и, вообще, скажи ихъ исторію съ начала до конца“.

Алію, да возвыситъ его Богъ, поправилъ на себѣ плащъ пророка Божія и сказалъ:

— „О, другъ раввинъ! Миѣ передалъ мой возлюбленный Мохаммедъ, да помилуетъ его Богъ и спасетъ его, что въ землѣ Римлянъ былъ городъ по имени Эфесось. Нѣкоторые его называютъ Тарсось; дѣло же въ томъ, что до ислама звали его Эфесось, а со времени ислама—Тарсось. У жителей этого города былъ добрый царь. Но онъ скоро умеръ, и управление государствомъ разстроилось. И услышалъ объ этомъ одинъ изъ персидскихъ ¹⁾ царей Дакіанось,—невѣрующій тиранъ. Онъ явился со своими войсками, занялъ Эфесось и сдѣлалъ его столицей своего государства. Здѣсь онъ построилъ замокъ“.

Еврей приподнялся и обратился къ Алію: „Если ты ученый, опиши миѣ тотъ дворецъ и его отдѣльныя части“. Алій отвѣтилъ:

— „О, другъ еврей! Дакіанось построилъ въ Эфесосѣ мраморный замокъ, длиною въ фарсангъ и шириною въ фарсангъ, употребивши на то 4000 золотыхъ колоннъ и 1000 золотыхъ лампадъ, висящихъ на серебряныхъ цѣпочкахъ. Въ этихъ лампадахъ каждый вечеръ горѣли благовонныя масла. На восточной сторонѣ замка, какъ и на западной, было по 180 оконъ, и солнце отъ восхода до захода все освѣщало въ замкѣ. Въ замкѣ же царь поставилъ золотой тронъ, длиною въ 80 локтей, а шириною въ 40, весь осыпанный жемчугомъ. Съ правой стороны трона онъ размѣстилъ 80 золотыхъ кресель, которыя служили сѣдалищами для его вельможъ, съ лѣвой

¹⁾ „малик мин молюк Фѣр[и]с“. Срв. дальше старо-иранскія подробности, типа Джемшида.

же стороны поставилъ также 80 золотыхъ креселъ, предназначенныхъ для военачальниковъ. Возсѣдая на тронѣ, онъ надѣвалъ корону“.

Тутъ еврей поднялся и сказалъ: „Если ты ученъ, скажи, изъ чего была его корона?“ Алії отвѣтилъ:

— „О, братъ-еврей! Его корона была изъ чистаго золота, съ девятью колонками, и на каждой колонкѣ по жемчугу, который свѣтился какъ свѣтильникъ въ темную ночь. Этотъ царь,—продолжалъ Алії,—избралъ себѣ 50 юношей изъ сыновей вельможъ и надѣлъ на нихъ пояса изъ красной парчи и шаровары изъ чистаго зеленаго шелка. На головы имъ онъ далъ короны, а на руки и ноги—браслеты. Въ руки онъ вручилъ имъ золотые жезлы. Это была его свита, стоявшая позади и охранявшая его. Затѣмъ тотъ царь избралъ шесть юношей изъ дѣтей ученыхъ и назначилъ ихъ своими везирями; ничего онъ не рѣшалъ безъ нихъ. Трое изъ нихъ стояли по правую сторону отъ царя, трое по лѣвую“.

Еврей поднялся и сказалъ: „Алії, если ты правъ, скажи, какія были имена этихъ шести юношей?“ И Алії отвѣтилъ:

— „Мой возлюбленный Мохаммедъ, да помилуетъ его Богъ и спасетъ его, передалъ мнѣ, что имена юношей, стоявшихъ по правую сторону отъ царя, были: Тамлиха, Максимилина и Махсалямина, а стоявшихъ по лѣвую сторону—Мартилюсь, Каштось и Саданюсь. Царь совѣтовался съ ними во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Ежедневно во внутреннемъ дворѣ дворца онъ принималъ народъ. Въ то время дверь изъ внутреннихъ покоевъ открывалась, и являлись три юноши. Одинъ держалъ въ рукѣ золотую чашу, наполненную мускусомъ, другой—серебряную съ розовой водой, а третій держалъ птицу. По приказанію послѣдняго птица летитъ и опускается въ чашу съ розовой водой. Тамъ она окунается и мочитъ свои перья и крылья. Затѣмъ по приказу второго юноши вылетаетъ и опускается въ чашу съ мускусомъ, гдѣ она осушаетъ въ мускусѣ свои перья и крылья. Наконецъ, отдаетъ приказаніе третій, и она вылетаетъ и садится на коронѣ царя. Отъ перьевъ ея и крыльевъ на голову царя струится ароматъ мускуса и запахъ розы. Благодаря этому царь прожилъ 30 лѣтъ, не подвергаясь ни головной боли, ни лихорадкѣ, ни кашлю, ни насморку и никакой другой болѣзни. Замѣтивши это, онъ сильно возгордился и пересталъ повиноваться Богу и вѣрить въ Него, заявляя, будто онъ самъ—Богъ. Призвавши къ себѣ вельможъ своего государства, онъ объявилъ имъ о своей божественности, при чемъ одарилъ и почтилъ каждаго, кто призналъ его богомъ. Не признавшихъ же его онъ казнилъ. Вслѣдствіе этого многіе признали его за Бога и долгое время поклонялись ему вмѣсто Всевышняго.“

Однажды въ праздничный день, царь сидѣлъ на тронѣ, съ короной на головѣ. Къ нему подошелъ одинъ изъ вельможъ и сообщилъ тайно, что [къ государству] незамѣтно подступили персидскія войска и желаютъ его убить. Царь такъ разстроился извѣстіемъ, что корона упала съ его головы, и самъ онъ свалился съ трона. Глядя на это, Тамлиха, очень умный изъ трехъ юношей, стоявшихъ по правую сторону, подумалъ про себя: „Если бы Дакіанюсь былъ богомъ, то онъ не долженъ былъ бы разстраиваться. Да вѣдь онъ и

спить, и ѣсть, и мочится, и испражняется, а такія отправленія богамъ неподобають“.

Среди этихъ юношей было принято собираться каждый день у одного изъ нихъ. Въ этотъ день всѣ собрались у Тамлихи. Ъли и пили. Но Тамлиха ничего ни ѣлъ и не пилъ.—„Тамлиха, что съ тобой?“—спросили товарищи:—„ты ничего не ѣшь?“ „Друзья“,—отвѣтилъ Тамлиха,—„то, что у меня на душѣ, лишаетъ меня возможности ѣсть, пить и снать.“—„Что такое?“—сказали друзья.—„Я долго думалъ,—отвѣтилъ Тамлиха,—относительно неба. Я спрашивалъ себя: кто его утвердилъ, какъ держится этотъ сводъ, безъ укрѣпленій сверху и подпиоры снизу? кто заставляетъ ходить по немъ солнце и луну? кто украсилъ его звѣздами? Я долго думалъ и о землѣ. Кто растянулъ ее до пучинъ морскихъ? кто обуздываетъ эти пучины? кто, словно якоремъ, прикрѣпилъ ее къ горамъ, чтобы она не шаталась? Я долго думалъ о самомъ себѣ и размышлялъ: кто меня вывелъ изъ утробы матери? кто кормилъ и растилъ? Очевидно, всему этому долженъ быть причиною Всемогущій Творецъ, а не царь Дакіаносъ.“

Услышавъ эти слова, юноши пали къ ногамъ Тамлихи и стали ихъ цѣловать, говоря: „Тамлиха! Нашими сердцами чувствовали мы то, что ты постигъ своимъ.“—„Друзья“,—отвѣтилъ Тамлиха,—я не нахожу ни для себя, ни для васъ другого исхода, кромѣ бѣгства отъ этого тирана къ царю небесъ и земли.“—„Да“,—отвѣтили юноши,—это единственный исходъ.“ Тамлиха ушелъ и, продавши финиковъ на три дирхема, спряталъ ихъ въ верхней одеждѣ. Всѣ сѣли на лошадей и выѣхали изъ города.

Проѣхавъ разстояніе въ три мили, Тамлиха обратился къ юношамъ со словами: „Друзья! мірская власть отошла отъ насъ, и мы болѣе не нуждаемся въ ней. Сходите же съ лошадей и пойдемте пѣшкомъ. Можетъ-быть, Богъ найдетъ для насъ выходъ изъ этого положенія и облегченіе.“ Они сошли съ лошадей, и семь фарсанговъ прошли пѣшкомъ. Кровь стала течь съ ихъ ногъ, такъ какъ они не привыкли къ долгой ходьбѣ. Въ это время имъ встрѣтился пастухъ. Они сказали ему:—Пастухъ, не найдется ли у тебя глотка воды или немного молока?“—„У меня есть все то, чего вы хотите. Но... вашъ видъ кажется мнѣ царскимъ. Одно можно только предположить, что вы бѣглецы. Расскажите, что съ вами случилось?“ Они отвѣтили: „Мы приняли вѣру, которая не позволяетъ намъ лгать. Какъ по-твоему? спасеть насъ правда?“—„Конечно, спасетъ“. Тогда они рассказали повѣсть о себѣ. Пастухъ бросился къ ногамъ ихъ и сталъ цѣловать, говоря: „Я давно почувствовалъ своимъ сердцемъ то, что вы поняли своимъ. Подождите меня здѣсь, пока я не отведу стада къ хозяевамъ и не вернусь къ вамъ“. Они подождали. Пастухъ отвелъ стадо и скоро пришелъ. За нимъ послѣдовала его собака.“

Тутъ еврей приподнялся и сказалъ: „Если ты дѣйствительно ученъ, то скажи, какой масти была эта собака и какъ ее звали?“ Алій отвѣтилъ: „О, братъ еврей! мой возлюбленный Мохаммедъ, да благословить его Богъ и спасетъ его, передалъ мнѣ: „Это была бѣлая собака съ черными пятнами, по имени Кытмиръ“.

№ 30. Примѣчаніе составителя про мѣстныя другія касательно цвѣта и имени этой собаки. Наставникъ [аль-остад—ибъ-Исхакъ?] говорить:

„Ученые несогласны о масти той собаки, которая была у Обитателей пещеры. По ибъ-Аббасу [ок. 622-687], шерсть ея была полосатая, какъ у тигра. По Мокатилю [ум. 767] шерсть была желтаго цвѣта (асфар)¹⁾; по Мохаммеду ибъ-Кабу [ум. ок. 726]—желтая, но близкая къ красному; по аль-Кальбию [ум. 763], цвѣтъ ея былъ какъ сѣнь; другіе говорятъ, что какъ у кошки; третьи—какъ небо. По относительно имени собаки²⁾ нѣтъ согласія. Нѣкоторые передаютъ со словъ Алія (да почтитъ Богъ ликъ его!), что имя собаки было „Райанъ“. Ибъ-Аббасъ же, со словъ Алія [ум. 661], говоритъ, что ее звали „Кытміръ“; Шо'айбъ-аль-Джоббâйй называлъ ее „Хомръ“ [Хамра?]; аль-Авзâ'ий [707-774]—„Натвâ“; Моджâхидъ [642-721]—„Кантурія“; Абдаллахъ-ибъ-Салимъ [ум. 663]—„Басмъ“. По Кабу [ум. ок. 653] собака была бурая (асхаб), имя ея „Тагнй“³⁾. А мнѣ передалъ ибъ-Фатхавейхъ съ испомощью отъ Абу-Ханифы [699-767], что имя собаки было „Кытміръ“, по другимъ „Кытфйръ“⁴⁾. Абу-Алій Зохрйй [673-742] испомощью сообщилъ мнѣ, что ибъ-Аббасъ относительно словъ Всевышняго Бога: „про нихъ [Обитателей Пещеры] знаютъ лишь немногіе“ сказалъ: «Я одинъ изъ этихъ немногихъ. Обитатели пещеры суть: Максимилина, Тамлиха, Мартиліосъ, Бинбсъ, Сâвиосъ, Дâвиосъ и Кантосъ (настухъ), и имя собаки—Кытміръ. Она была полосатая, какъ тигръ, побольше „калатыя“, поменьше журавля». Мохаммедъ ибъ-Амсаъ объясняетъ, что „калатый“—маленькая собака, и добавляетъ, что всѣ рассказчики въ Нисабурѣ записали отъ него это преданіе, между прочимъ и Абу-Амръ Джабаріосъ [= ибъ-аль-Аля, коранскій филологъ? ум. 770]⁵⁾“.

№ 29. Вернемся однако къ повѣствованію. Алій продолжалъ:

— Когда юноши посмотрѣли на собаку, они сказали другъ другу: „Мы опасаемся, какъ бы эта собака своимъ лаемъ не выдала насъ“,—и стали настойчиво гнать ее, бросая камнями. Собака, посмотрѣвши на нихъ, присѣла на заднія лапы, подняла переднія и сказала чистымъ человѣческимъ голосомъ: „Люди, зачѣмъ вы меня гоните? Вѣдь я вѣрую, что нѣтъ божества кромѣ Бога единого, и нѣтъ ему товарища. Разрѣшите мнѣ оберегать васъ.“

¹⁾ Терминъ „асфар“ по отношенію къ масти животныхъ можетъ означать и „черный“ только съ дѣтально-желтымъ отливомъ.—А. Кр.

²⁾ Считаю нужнымъ подчеркнуть, что переводъ этого мѣста у М. О. Аттан является не только основательнымъ, но и единственно возможнымъ. Пониманіе Хубера („Die Wanderleg. von den Siebenschl.“ 1910, стр. 14—20), который воображаетъ, будто рѣчь идетъ не объ именахъ собаки, а объ именахъ историковъ-передатчиковъ, есть непролазная бессмыслица. А. Кр.

³⁾ Краткіе гласные звуки всѣхъ этихъ именъ не выражаются на письмѣ, и можно чтеніе именъ варіировать. Можно напр. читать не „Тагнй“, а „Таганий (і)“; „Нитнй“, а не „Натвâ“.

⁴⁾ Странно, что среди этого множества варіантовъ имени собаки отсутствуетъ тотъ старинный, подъ которымъ собака Пещерниковъ извѣстна была Джâхъу (ум. 869). Въ своей „Книгѣ о животныхъ“ (егип. над. 1323 = 1906, т. I, стр. 150 : 7-8) Джâхъу собаку Обитателей Пещеры называетъ „Озайгъшъ“ الطبعش. См. у насъ выше, стр. 5, гдѣ указаны и возможные другія чтенія вмѣсто „Озайгъшъ“.

⁵⁾ Другіе филологи-корановѣды Абу-Амры: ибъ-Шарахиль ан-Ша'бйй (641-723), Сакафйй (ум. ок. 766), Шейбâнйй (ум. глубокимъ старикомъ 821).

Этимъ я угрожу Господу Богу, слава Ему“. Они перестали гнать ее и пошли дальше. Пастухъ поднялся съ ними на гору и остановился у пещеры....

Тутъ еврей подошелъ къ Алію и сказалъ: „А какъ называлась эта гора и пещера“? Повелитель правовѣрныхъ Аліи отвѣтилъ ему: „О, братъ еврей! гора называлась Нажалость, а пещера—Васыдъ (по другимъ—Хайрамъ).

И продолжалъ Аліи: „И вотъ невдалекѣ отъ пещеры находились плодовые деревья и обильный источникъ. Юноши поѣли плодовъ, а съ наступленіемъ ночи пріютились въ пещерѣ. Собака сторожила входъ въ пещеру, протянувъ къ нему лапы. Богъ приказалъ ангелу смерти взять души всѣхъ бывшихъ въ пещерѣ. Каждого изъ нихъ Богъ, затѣмъ, поручилъ двумъ ангеламъ, которые должны были ихъ поворачивать съ праваго бока на лѣвый и обратно. Ибнъ-Аббасъ говоритъ: „Ангелы переворачивали юношей въ каждый годъ одинъ разъ, чтобы земля не разъядала ихъ мяса“. Нѣкоторые говорятъ, что день, въ который ангелы ихъ переворачивали, былъ день Ашура [10-й день мѣсяца Мохаррама]. А по словамъ Абу-Хорейры [600-676] ангелы ихъ переворачивали два раза въ годъ.

Дальше Аліи—такъ передаетъ повѣствованіе,—продолжалъ:

Всевышній Богъ внушалъ солнцу, чтобы оно при своемъ восходѣ уклонялось направо отъ ихъ пещеры, а при заходѣ—налѣво.... А ушли юноши изъ города тогда, когда царь Дакіаносъ уѣхалъ было на какой-то праздникъ. Вернувшись, царь спросилъ о юношахъ. Ему отвѣтили: „Они поклоняются другому Богу, а не тебѣ, и, покинувши городъ, они бѣжали отъ тебя“. Тогда царь поѣхалъ съ 80000 всадниковъ за юношами. Разыскивая ихъ слѣды, онъ поднялся на ту гору и приблизился къ пещерѣ. Онъ увидѣлъ ихъ лежащими и, подумавши, что они спятъ, сказалъ своимъ приближеннымъ: „Какое бы наказаніе я имъ ни придумалъ, оно не будетъ больше того, что они сами себѣ избрали. Приведите мнѣ каменщиковъ“. Привели. Дакіаносъ приказалъ задѣлать входъ въ пещеру камнями и известью. Каменщики это исполнили. Затѣмъ царь обратился къ своимъ приближеннымъ: „Крикните-ка этимъ юношамъ! скажите имъ, пусть попросятъ своего Бога на небесахъ вывести ихъ изъ этого мѣста, если ихъ правда“...

Такъ юноши оставались въ пещерѣ 309 лѣтъ. И вотъ вдохнулъ въ нихъ Богъ душу. При восходѣ солнца они очнулись отъ своей спячки и стали говорить другъ другу: „Въ эту ночь мы проспали время поклоненія Всевышнему Богу. Пойдемъ скорѣй къ источнику [совершить омовеніе]“. Оказалось, что источникъ изсякъ, и всѣ деревья засохли. Молодые люди очень удивились:—„Вотъ чудо! такой источникъ въ одну ночь изсякъ, и такія деревья въ одну ночь засохли!“... Всевышній Богъ возбудилъ въ нихъ голодъ. Они стали говорить другъ другу: „Тотъ изъ насъ, кто пойдетъ съ деньгами въ городъ за припасами, пусть смотритъ, чтобы они не были приготовлены на свиномъ салѣ“. Это—согласно словамъ Всевышняго: „Поваемте одного изъ насъ въ городъ, пусть онъ выберетъ тамъ лучшую пищу [т.-е. дозволенную закономъ и лучшаго качества]“. И вотъ что сказалъ Таллиха: „Братья, никто не пойдетъ за припасомъ кромѣ меня. Но только съ тобой, пастухъ, мы помѣняемся одеждами.“

Надѣвши платье пастуха, Тамлиха пошелъ. Мѣстность, по которой онъ проходилъ, была ему незнакома, и дорога казалась неизвѣстной. Но все-таки онъ подошелъ къ городскимъ воротамъ. На воротахъ было зеленое знамя, а на немъ написано: „Иѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Иисусъ—духъ Божій, да благословить Богъ нашего пророка, миръ ему!“ Юноша сталъ смотрѣть на это знамя и протирать себѣ глаза, говоря: „Не во снѣ ли вижу я все это?“ Долго стоялъ онъ у воротъ въ такомъ недоумѣніи, затѣмъ вошелъ въ городъ. Проходилъ онъ мимо людей, которые читали Евангеліе. Всѣ встрѣчные были ему незнакомы. Онъ подошелъ къ базару. Тутъ ему попался булочникъ, котораго онъ спросилъ: „Какъ называется этотъ городъ?“ Тотъ отвѣтилъ: „Эфесось“—„А какъ зовутъ вашего царя?“—„Рабъ Всемиловаго (Абд-ар-Рахманъ)“. Тогда Тамлиха сказалъ: „Если ты говоришь правду, то все это очень странно. Ну, однако, дай мнѣ пици на эти дирхемы.“ А дирхемы того времени [когда юноши еще жили въ городѣ] были большіе и тяжелые. Булочникъ удивился, увидѣвши такіе дирхемы...

Тутъ еврей подошелъ къ Алію и сказалъ: „Если ты ученый, скажи, сколько вѣсилъ каждый дирхемъ?“—„О, братъ еврей,— отвѣтилъ Алію,— мой возлюбленный Мохаммедъ, да благословить его Аллахъ и да спасетъ его, говорилъ мнѣ: „Каждый дирхемъ вѣсилъ 10²/₃ драхмы“.

Затѣмъ Алію продолжалъ:

Булочникъ обратился къ Тамлихѣ и сказалъ: „Ты, навѣрно, нашелъ кладъ. Дай мнѣ часть его, не то я поведу тебя къ царю“.—„Никакого я клада не находилъ“, отвѣтилъ ему Тамлиха:—„эти дирхемы выручены мною 3 дня назадъ отъ продажи финиковъ. А изъ города я выѣхалъ вѣлѣдствіе того, что жители его поклонялись царю Дакіаносу“. Булочникъ разсердился и сказалъ: „Ладно! предположимъ, что ты, нашедши кладъ, не хочешь по-дѣлиться со мной,— но зачѣмъ ты упоминаешь о человѣкѣ-тиранѣ, который выдавалъ себя за Бога и уже триста лѣтъ, какъ умеръ? Ты смѣешься надо мной!“ И онъ задержалъ Тамлиху. Повели юношу къ царю, очень умному и справедливому.—„Что съ этимъ юношей?“—спросилъ царь. Народъ отвѣтилъ: „Онъ нашелъ кладъ“.—„Не бойся“,—сказалъ царь Тамлихѣ,—„вѣдь нашъ пророкъ Иисусъ, миръ Ему, приказалъ отчислить изъ найденныхъ кладовъ только одну пятую часть. Дай намъ пятую часть клада и ступай по-добру по-здорову.“ Тамлиха отвѣтилъ: „Да разслѣдуй мое дѣло! Я не находилъ никакого клада! Я самъ—житель этого города.“—„И это правда?“—спросилъ царь.—„Да“,—отвѣтилъ юноша.—„А знаешь ли ты,—спросилъ царь,—кого-нибудь здѣсь?“—„Знаю“.—„Назови намъ, кого ты знаешь“. Юноша назвалъ имена около 1.000 человѣкъ. Но никто изъ присутствующихъ не могъ признать ни одного изъ названныхъ людей, и ему возразили: „Юноша, мы не знаемъ никого изъ упомянутыхъ тобой. Да и имена такія не употребляются въ наше время“. Царь спросилъ юношу: „Есть ли у тебя домъ въ городѣ?“—„Есть, государь. Пошли со мной кого-нибудь. Я укажу, гдѣ“. Царь послалъ съ нимъ нѣсколько человѣкъ. Юноша привелъ ихъ къ самому высокому дому въ городѣ и сказалъ: „вотъ мой домъ.“ Затѣмъ онъ постучалъ въ дверь. Оттуда вышелъ къ народу дряхлый старикъ, брови котораго

свѣсились отъ старости надъ глазами, и въ страхѣ и сильномъ испугѣ сказали: „Что вамъ нужно?“— „Этотъ юноша, — отвѣтилъ царскій посолъ, — думаетъ, что это его домъ“. Старикъ разсердился, но все-таки повернулся къ Тамлихѣ и сталъ его разсматривать. Потомъ спросилъ: „Какъ твое имя?“ Тотъ отвѣтилъ: „Я — Тамлиха, сынъ Фалестына“. Старикъ переспросилъ: „Какъ, какъ? повтори!“ Юноша повторилъ. Тогда старикъ бросился къ его рукамъ и ногамъ и сталъ ихъ цѣловать, говоря: „Клянусь Богомъ и Ка'бой, что это есть мой дѣдъ, одинъ изъ тѣхъ юношей, которые убѣжали отъ царя-тирана Дакіаноса къ Творцу небесъ и земли. Объ этомъ намъ разсказывалъ самъ Исусъ, миръ Ему. Онъ говорилъ намъ, что юноши воскреснутъ“. О случившемся доложили царю. Царь пріѣхалъ къ нимъ верхомъ. Увидѣвши Тамлиху, онъ сошелъ съ своего коня и посадилъ юношу себѣ на плечо. Народъ сталъ цѣловать ему руки и ноги и спрашивать: „Что же случилось съ твоими друзьями?“— „Они въ пещерѣ“, — отвѣтилъ имъ Тамлиха...

А въ городѣ было два правителя. Одинъ мусульманинъ, другой — христіанинъ. Въ сопровожденіи Тамлихи, оба они со своими единовѣрцами поѣхали къ пещерѣ. Когда они приблизились къ ней, Тамлиха сказалъ имъ: „Я боюсь, какъ бы мои друзья, услыхавъ топотъ коней и звяканье уздечекъ и оружія, не подумали, что идетъ на нихъ Дакіаносъ, и не умерли бы отъ страха. Вы подождите тутъ немного, а я пойду къ нимъ и извѣщу ихъ“. Народъ остановился, а Тамлиха направился къ юношамъ. Тѣ подбѣжали къ нему, обняли и сказали: „Слава Богу, который спасъ тебя отъ Дакіаноса!“ Тамлиха сказалъ: „Оставьте меня и не вспоминайте Дакіаноса. Какъ вы думаете, сколько времени вы тутъ пробыли?“ Они отвѣтили: „Ну, одинъ день, а можетъ быть и нѣсколько дней“.— „Нѣтъ, — отвѣтилъ Тамлиха“ — вы пробыли здѣсь 309 лѣтъ, Дакіаносъ же давно умеръ. И не одно поколѣніе смѣнило другое. Жители города теперь всѣ вѣрятъ во Всемогущаго Бога. Сейчасъ они идутъ сюда“.— „Тамлиха!“ — сказали друзья, — „ты хочешь сдѣлать насъ искушеніемъ для людей?“ — „А что же дѣлать?“ — сказалъ Тамлиха. — „Подыми обѣ твои руки, а мы подыдемъ свои“. И они стали молиться: „О, Боже, во имя того чуда, которое ты проявилъ въ насъ самихъ, умоляемъ Тебя взять наши души, чтобы никто не могъ насъ найти!“ Тогда Богъ повелѣлъ ангелу смерти взять ихъ души и сдѣлать невидимымъ входъ въ пещеру. Оба правителя ходили вокругъ пещеры семь дней и, не находя доступа къ ней, убѣдились въ чудѣ Всеблагого Бога, который временно показалъ имъ отроковъ ради назидательнаго примѣра. Послѣ этого правитель-мусульманинъ сказалъ: „Эти юноши умерли, исповѣдуя ту же вѣру, что и я. Поэтому я построю здѣсь мечеть“. Но христіанскій правитель возразилъ: „Нѣтъ, они умерли христіанами, и я построю тутъ монастырь“. Пospоривши изъ-за этого, оба правителя стали сражаться. Мусульманинъ побѣдилъ христіанина и построилъ у пещеры мечеть. Это соответствуетъ словамъ Всевышняго Бога: „Тѣ, которые побѣдили, сказали: Мы тутъ построимъ мечеть“... Вотъ, о, братъ еврей, что передаетъ преданіе объ Обитателяхъ Пещеры“.

Послѣ этого Алій самъ обратился къ еврею съ вопросомъ: „Заклинаю тебя Богомъ, еврей, сказать мнѣ, соответствуетъ ли все это тому, что сва-

зано въ вашей Библии?“. Еврей отвѣтилъ: „Ты не одной буквы не прибавилъ и не убавилъ. Прошу тебя, Абу-Хасанъ, не называть меня евреемъ. Я вѣрую, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, что Мохаммедъ рабъ и посланникъ Его, и что ты самый свѣдущій среди мусульманъ“.

Вотъ еще какъ передаетъ [Абдаллахъ, сынъ] 'Обейда [ум. 696], сына Омейра:

- № 31. Обитатели Пещеры были юношами. Они носили ожерелья и браслеты и ходили съ развѣвающимися локонами. Постоянно ихъ сопровождала охотничья собака. Однажды въ большой народный праздникъ, когда во время торжества жители города выставили своихъ боговъ, которымъ они поклонялись, не признавая истиннаго Бога, Богъ вдохнулъ въ сердца этихъ юношей истинную вѣру. Одинъ изъ нихъ былъ министромъ у царя. И вотъ всѣ въ душѣ увѣровали, но каждый скрывалъ это отъ другихъ. Каждый въ отдѣльности думалъ: „Уйду я отъ этого народа, чтобы избавить себя отъ наказанія за его грѣховность.“ Отдалился одинъ изъ нихъ и сѣлъ въ тѣни дерева. Затѣмъ отошелъ другой и, увидѣвши перваго сидящимъ обособленно, почувствовалъ упованіе, что тотъ въ одинаковомъ съ нимъ настроеніи; ничего не говоря, онъ подошелъ къ товарищу. Обособились и остальные и, наткнувшись на первыхъ, подошли рядомъ. И стали они говорить другъ другу: „Что насъ сюда привело? Навѣрно, каждый изъ насъ скрываетъ кое-какія свои мысли, опасаясь за себя“. Рѣшили, чтобы двое изъ нихъ остались наединѣ и чтобы одинъ открылъ другому свои мысли. Отошли двое и, разговарившись, каждый открылъ другому свою тайну. Вернувшись къ товарищамъ, они сказали: „Да, насъ объединяетъ одна мысль“. Въ концѣ-концовъ оказалось, что всѣ юноши принадлежатъ къ одной и той же вѣрѣ. Случилось такъ, что недалеко отъ нихъ, въ горѣ, была пещера. Они сказали другъ другу: „Пойдемъ, пріютимся въ этой пещерѣ. Богъ намъ пошлетъ свою милость и даруетъ благоприятный исходъ“. Они вошли въ пещеру со своей охотничьей собакой, и проспали тамъ 309 лѣтъ. Говорятъ, когда они исчезли, народъ сталъ ихъ искать. Но Богъ скрылъ отъ людей слѣды юношей, и не могли ихъ найти. Тогда люди записали ихъ имена и родословную на плитѣ: „Такіе-то и такіе-то сыновья нашихъ царей. Мы ихъ потеряли въ такой-то день, такого-то мѣсяца, такого-то года, въ царствованіе такого-то царя, сына такого-то.“ Плиту положили въ царской сокровищницѣ, говоря: „Пожалуй, эта плита очень пригодится“. Царь умеръ. Смѣнилось много поколѣній.

- № 32. Аль-Хасанъ, сынъ Хосейна Сакафіецъ рассказывалъ намъ, подтверждая свой рассказъ иснадомъ отъ Абу-Джафара-Бақыра [ум. 731, имамъ-алидъ, правнукъ Алія]: Обитатели Пещеры были мѣнялами.

- № 33. А вотъ что передаетъ еще Вахбъ ибнъ-Мунаббихъ [666-728]:

Одинъ изъ учениковъ Христа, миръ ему, прибылъ въ тотъ городъ, гдѣ жили (будущіе) Пещерники. Когда онъ хотѣлъ войти въ городъ, ему сказали: „У воротъ города поставленъ идолъ, и каждый входящій въ городъ долженъ ему поклониться“. Ученикъ Христа не пожелалъ войти туда. Недалеко отъ города находилась баня. Онъ отправился туда и наваялся въ банщики. Хозяинъ бани подмѣтилъ, что съ прибытіемъ этого человека бла-

госостояніе его увеличилось, и стали имъ дорожить. Банщика полюбили молодые люди изъ жителей города. Онъ рассказывалъ о небѣ, о землѣ, о будущей жизни, пока они не увѣровали въ него и не повѣрили ему. Какъ и банщикъ, юноши имѣли привлекательную наружность.

Однимъ изъ условій, поставленныхъ банщикомъ хозяину, было то, что ночь принадлежитъ ему. Никто не долженъ былъ его беспокоить. Онъ проводилъ ночь въ молитвѣ. Такъ продолжалось нѣкоторое время.

Однажды въ баню пришелъ съ женщиной царевичъ. Банщикъ сталъ его увѣщевать. — „Ты, — говорилъ онъ, — царевичъ, а ходишь съ такой женщиной!“ Царевичъ былъ смущенъ и удалился. Но скоро онъ пришелъ опять. Банщикъ повторилъ ему то же, что и въ первый разъ. Но теперь царевичъ обругалъ его и, не обращая вниманія, вошелъ со спутницей въ баню. Оба тамъ умерли. Объ этомъ доложили царю и сказали: „Банщикъ убилъ твоего сына“. Стали искать юношу, но не нашли. — „Кто былъ съ нимъ друженъ?“ — спросилъ царь. Ему назвали товарищей банщика. Ихъ также стали искать; но юноши убѣжали изъ города.

Проходя мимо селянина, который исповѣдывалъ такую же, какъ и они, вѣру, юноши рассказали ему, что ихъ преслѣдуютъ. Онъ отправился вмѣстѣ съ ними, взявъ съ собой свою собаку. На ночь они отыскали пріютъ въ одной пещерѣ и, входя въ нее, сказали: „Проведемъ-ка здѣсь ночь. А утромъ, если Богу будетъ угодно, подумаемъ, что дѣлать.“ Богъ наслалъ на нихъ глубокой сонъ.

Между тѣмъ царь со своими приближенными выѣхалъ искать ихъ. Нашли ихъ, когда они уже лежали въ пещерѣ. Однако, какъ только кто-нибудь изъ людей собирался войти въ пещеру, имъ овладѣвалъ такой страхъ, что онъ не въ состояніи былъ исполнить намѣренія. Одинъ изъ приближенныхъ обратился къ царю со словами: „А если бы ты овладѣлъ ими, ты бы ихъ убилъ?“ — „Да, конечно“, — сказалъ царь. — „Въ такомъ случаѣ, задѣлай входъ въ пещеру и оставь ихъ тамъ. Они умрутъ отъ голода и жажды“. Царь такъ и поступилъ.

Вахбъ передаетъ:

Прошло много времени послѣ того, какъ задѣлали входъ въ пещеру. Однажды возлѣ этой пещеры застигъ какого-то пастуха дождь. Пастухъ подумалъ: „Хорошо было бы найти входъ въ пещеру, ввести туда мое стадо и укрыться отъ дождя“. Долго онъ старался добиться своей цѣли; наконецъ, нашедши входъ, ввелъ въ пещеру свое стадо. А на другой день утромъ Богъ оживилъ спящихъ.

Вотъ еще [срв. № 7] рассказъ объ этомъ Мохаммеда, сына Исхака № 34. [ок. 690-768]:

Христіане отступили отъ своего Евангелія. Среди нихъ умножилась грѣховность. Цари возгордились и стали поклоняться идоламъ и приносить имъ жертвы. Но между ними осталось нѣсколько людей, крѣпко державшихся вѣры Христа и поклонявшихся Всевышнему Единому Богу. Въ числѣ отступившихъ отъ вѣры царей былъ римскій („Рум“) императоръ Дакіановъ. Онъ кланялся идоламъ и приносилъ имъ жертвы, казня тѣхъ людей, которые не раздѣлили его убѣжденій и остались вѣрны Христову ученію. Бы-

вало, онъ подъѣзжалъ къ какому-нибудь римскому городу и убивалъ тамъ христіанъ всѣхъ до единого. Пріѣхавъ онъ также въ городъ Эфесось. Когда онъ прибылъ туда, вѣрующіе люди испугались. Одни скрылись, другіе разбѣжались въ разныя страны. Причиной было то, что Дакіанось, прибывши въ Эфесось, сталъ гнать вѣрующіхъ. Онъ собралъ много блюстителей порядка изъ невѣрующіхъ, которые должны были преслѣдовать вѣрующіхъ и загонять ихъ въ храмъ, гдѣ приносились жертвы идоламъ. Имъ было предлагаемо на выборъ — или быть казненными, или поклониться идоламъ и принести имъ жертвы. Тѣ изъ христіанъ, которымъ тяжело было разстаться съ жизнью, поклонились идоламъ; тѣ же, которые не захотѣли поклониться кому-либо иному, кромѣ Всевышняго Бога, слава Ему, были казнены. При видѣ такого бѣдствія, многіе вѣрующіе добровольно отдавались на муки и казнь. Они были не только казнены, но нѣкоторые изъ нихъ были изрублены, и куски ихъ тѣлъ были выставлены на стѣнахъ и воротахъ города. Велико было испытаніе для вѣрующіхъ. Одни признали иное божество, кромѣ Аллаха, и тѣхъ пощадили; многіе же были распяты за вѣру и казнены.

Когда это увидѣли восемь юношей изъ знатныхъ римлянъ, они очень возскорбѣли и стали молиться, прославлять Господа и умолять Его, чтобы Онъ пощадилъ народъ. Они плакали, рыдали и молились такимъ образомъ: „Господь нашъ, Творецъ небесъ и земли! Никогда мы не обратимся къ иному Богу, кромѣ Тебя, [а если обратимся], то скажемъ: мы находимся въ заблужденіи. Господи! облегчи твоимъ рабамъ - правовѣрнымъ тягостное ихъ положеніе! удали отъ нихъ это горе и даруй имъ милость!“ Между тѣмъ, какъ они творили это въ одной молельнѣ, куда они часто собирались, къ нимъ пришли блюстители порядка и застали, что они стоятъ на колѣняхъ, припавши лицами къ землѣ. Они плакали и молились Всевышнему Богу, прося Его избавить ихъ отъ Дакіаноса и его соблазновъ. Увидѣвши юношей, невѣрующіе сказали имъ: „Что заставляетъ васъ не слушаться приказанія царя? Идите къ нему“. Сами они отправились къ Дакіаносу и доложили обо всемъ: — „Мы загоняемъ для тебя, — сказали они, — всѣхъ ослушниковъ, а между тѣмъ вотъ тѣ юноши, живущіе въ твоёмъ дворцѣ, насмѣхаются надъ тобой и не слушаются тебя“.

Услышавши это, Дакіанось велѣлъ представить юношей. Они явились съ заплаканными глазами и сѣрыми отъ пыли лицами. Царь сказалъ имъ: „Что вамъ мѣшаетъ присутствовать при принесеніи жертвъ богамъ, которымъ мы поклоняемся на землѣ? что вамъ мѣшаетъ поступить такъ, какъ поступаютъ другіе?“ Затѣмъ онъ предоставилъ имъ на выборъ: или принести жертву богамъ, какъ это дѣлали другіе, или быть казненными. Максимилина, самый старшій изъ нихъ, сказалъ: „У насъ есть Богъ, величіемъ котораго преисполнены небеса и земля. Никогда мы не обратимся къ иному Богу, кромѣ Бога нашего, и не признаемъ того, къ которому ты насъ призываешь. Мы будемъ поклоняться Господу Богу нашему, Ему и слава и величіе, хвала и святость, вѣчно и искренно желаемыя нами. Ему-то мы поклоняемся, у Него-то просимъ спасенія и блага. Что же касается до удо-

ловъ, то никогда не поклонимся имъ. Дѣлай съ нами, что хочешь“. Затѣмъ въ такомъ же духѣ говорили царю Дакіаносу и товарищи Максимилины. Когда они кончили, царь приказалъ снять съ нихъ царскія одѣянія, въ которыя они были облечены. Это было исполнено. Затѣмъ царь сказалъ имъ: „Не смотря на все то, что вы сдѣлали, я даю вамъ срокъ, послѣ котораго займусь вами и исполню наказаніе, какое я вамъ обѣщаль. Я дѣлаю это исключительно потому, что вижу, какъ вы юны и незрѣлы, и мнѣ непріятно губить васъ. Итакъ, назначаю вамъ срокъ. Можетъ-быть, вы образумитесь“. Затѣмъ онъ приказалъ снять съ нихъ все, какія были на нихъ, золотыя и серебряныя украшенія. А послѣ этого Дакіаносъ отправился въ другой городъ, недалеко лежащій, по нѣкоторымъ дѣламъ.

Когда юноши узнали, что Дакіаносъ уѣхалъ, они побоялись, какъ бы онъ скоро не вернулся и не вспомнилъ о нихъ. Поэтому они [рѣшили бѣжать и] условились, чтобы каждый взялъ деньги изъ дому на расходы. На одну часть они будутъ творить добро, на другую покупать пищу. Затѣмъ рѣшили отправиться въ пещеру, находящуюся неподалеку, въ горѣ по имени Нѣжалось. Тамъ они будутъ жить и поклоняться Всевышнему Богу. Ну, а если и туда явится Дакіаносъ, они выйдутъ къ нему, предстанутъ передъ нимъ, и пусть онъ дѣлаетъ съ ними, что хочетъ. Поговоривъ другъ съ другомъ объ этомъ, юноши отправились домой къ своимъ родителямъ и взяли денегъ на расходы. Часть денегъ они роздали, какъ милостыню, а другую взяли себѣ и пошли. За ними послѣдовала собака, принадлежащая одному изъ нихъ. Они пришли въ пещеру и поселились въ ней.

Ибнъ-Аббасъ [ок. 622-687] говоритъ:

№ 35.

Юноши убѣждали отъ Дакіаноса ночью. Ихъ было семеро. Они шли мимо одного вѣрующаго пастуха, съ которымъ была собака.

По Кабу [ум. ок. 653], собака пошла за ними. Они отгоняли ее отъ себя. Собака лаяла на нихъ. Нѣсколько разъ отгоняли они ее. Наконецъ, собака сказала: „Что вы отъ меня хотите? Не бойтесь меня! Я чту любящихъ Бога. Ложитесь спать — я васъ буду сторожить“.

№ 36.

Продолжимъ рассказъ ибнъ-Исхака [ок. 690-768]:

№ 34.

И жили они въ той пещерѣ, не занимаясь другимъ дѣломъ, кромѣ молитвы, поста и прославленія Господа. Все деньги они вручили одному изъ нихъ, по имени Тамлиха. Онъ тайкомъ покупалъ для нихъ въ городѣ припасы. Это былъ самый стойкій и самый красивый изъ нихъ. Вотъ какъ онъ поступалъ. Отправляясь въ городъ, онъ снималъ бывшую на немъ красивую одежду и надѣвалъ одежду нищихъ, просящихъ милостыню. Затѣмъ, взявши одинъ дирхемъ, отправлялся покупать пищу и питье. Между прочимъ онъ разузнавалъ разныя новости, а также, что говорили о нихъ люди, и возвращался къ друзьямъ.

Такъ они жили долгое время, пока Дакіаносъ не вернулся въ городъ и не приказалъ всемъ вельможамъ принести жертвы богамъ, о чемъ очень сокрушались все вѣрующіе. Въ то время Тамлиха былъ въ городѣ и покупалъ пищу. Вернувшись къ своимъ товарищамъ, онъ со слезами разказалъ имъ, что Дакіаносъ возвратился въ городъ, и что о нихъ вспомнили и

искали, съ цѣлью принудить къ жертвоприношенію вмѣстѣ съ вельможами. Услышавши это, юноши сильно испугались и стали на колѣняхъ молиться Всевышнему Богу и просить Его объ избавленіи отъ соблазна. Затѣмъ Тамлиха сказалъ товарищамъ: „Братья! встаньте и, съ упованіемъ на Бога, поѣдимте, что я принесъ“. Они встали. Изъ глазъ ихъ текли слезы скорби. Они покушали. Это было при заходѣ солнца. Затѣмъ они сѣли бесѣдовать, напоминая другъ другу тексты изъ Писанія. Въ это время Богъ наслалъ на нихъ непробудный сонъ. Ихъ собака легла тутъ же и протянула свои переднія лапы по направленію къ выходу изъ пещеры. Ее постигло то же, что и ихъ.

На другой день Дакіанось спросилъ о юношахъ, сталъ искать ихъ, но не нашелъ. Одному изъ приближенныхъ онъ сказалъ: „Меня очень огорчаетъ уходъ этихъ юношей. Они вѣдь предполагаютъ, что я на нихъ очень сердитъ за грубость по отношенію ко мнѣ. На самомъ же дѣлѣ я противъ нихъ совсѣмъ не буду питать гнѣва, если только они раскаются и поклонятся моимъ богамъ“. Вельможи ему сказали: „Ты будешь неправъ, если помилуешь бунтовщиковъ-ослушниковъ, которые упорно не желаютъ тебѣ повиноваться. Ты вѣдь далъ имъ срокъ. Если бы они хотѣли раскаяться, то этого срока было бы для нихъ вполне достаточно, но они не раскаялись“. Выслушавши это, царь сильно разгнѣвался и, пославши за отцами юношей, спросилъ ихъ: „Скажите, гдѣ находятся ваши непокорные сыновья, которые ослушались меня“. — „Мы, государь, — отвѣтили тѣ, — тебя не ослушались. Ты не станешь насъ казнить изъ-за бунтовщиковъ. Они и насъ не послушались. Они ушли въ гору Накалось“. Царь отпустилъ ихъ, и не зналъ, что дѣлать. Но Богъ внушилъ ему повелѣніе, чтобы юноши были замуравлены въ пещерѣ. Этимъ Богъ желалъ почтить юношей, совершивши черезъ нихъ чудо для людей, которые будутъ жить и слѣ нихъ, и показать, что несомнѣнно грядетъ послѣдній часъ, и тогда Онъ воскреситъ находящихся въ могилахъ. И вотъ Дакіанось, приказалъ замуравить юношей въ пещерѣ и сказалъ: „Пусть они тамъ такъ и останутся. Они умрутъ въ пещерѣ отъ голода и жажды. Выбранная ими пещера будетъ для нихъ могилой“. Царь думалъ, что они не спятъ и понимаютъ, что онъ дѣлаетъ, тогда какъ Богъ наслалъ глубокий сонъ на нихъ и на ихъ собаку, которая, протянувши переднія лапы къ выходу изъ пещеры, обмерла заодно съ ними. [Но все-таки ангелы] переворачивали ихъ то направо то налево. — Затѣмъ два вѣрующихъ человека изъ дома царя Дакіаноса, скрывавшіе свою вѣру (одного звали Тандрось, другого — Рубасъ), рѣшили записать исторію этихъ юношей: ихъ родословную, имена ихъ и свѣдѣнія о нихъ, на свинцовой доскѣ. — Они помѣстили доску въ мѣдномъ ларцѣ, который положили въ задѣланную стѣну пещеры. Они сказали: „Можетъ быть, Богъ натолкнетъ какой-нибудь вѣрующій народъ еще до дня воскресенія на этихъ юношей. И кто наткнется на нихъ, прочитавъ эту доску, узнаетъ ихъ исторію“. Такъ они и поступили.

Послѣ этого Дакіанось жилъ, сколько было угодно Богу, и умеръ. Поумирали и его подданные, и смѣнилось нѣсколько поколѣній. Однимъ царямъ наследовали другіе, пока не воцарился въ тѣхъ странахъ добрый

мужъ по имени Тандусисъ. Онъ царствовалъ 88 лѣтъ. Во время его царствованія народъ раздѣлился на разные толки. Одни вѣровали въ великаго Бога и въ часъ воскресенія, другіе ни во что не вѣровали. Это сильно огорчало добраго царя. Онъ возносилъ молитвы Всевышнему Богу, жалуясь на свой народъ. Еще болѣе онъ опечалился, когда замѣтилъ, что число невѣрующихъ людей увеличилось и превышаетъ число вѣрующихъ. Вотъ что говорили невѣрующіе: „Нѣтъ другой жизни, кромѣ мірской. Воскреснуть только души; тѣла же не воскреснуть, ибо земля сѣдаетъ тѣло человѣческое“. Они забыли, что сказано въ Писаніи. Царь Тандусисъ хотѣлъ найти поддержку у людей, о которыхъ у него было хорошее мнѣніе и которые, какъ онъ былъ увѣренъ, стоять за вѣру. Но оказалось, что эти тоже не только не вѣрили въ день Восресенія, но сѣяли даже среди народа сомнѣнія о вѣрѣ и объ ученіи апостоловъ Христа. Когда добрый царь увидѣлъ это, онъ затворился дома и, облекшись въ рубище, усѣлся на золу, день и ночь молясь Всевышнему Богу и оплакивая то состояніе, въ которомъ находились люди. Онъ говорилъ: „О, Господи! Ты видишь, какой расколъ среди моего народа. Пошли ему чудо!“ Тогда Всемиловитый и Милосердный Богъ (да будетъ Онъ высокъ и могущъ), которому не угодны расколы среди людей, пожелалъ народу явить юношей-Пещерниковъ и, обнаруживши ихъ положеніе, сдѣлать ихъ чудеснымъ знаменіемъ и доказательствомъ истинной вѣры, да увѣдаютъ люди, что часъ воскресенія несомнѣнно грядетъ. Этимъ Онъ хотѣлъ также показать, что внялъ рабу своему Тандусису, и продолжаетъ оказывать ему милость, что онъ не отниметъ у царя ни царства, ни вѣры, внушенной ему. Поклоняясь только Всевышнему Богу, Тандусисъ соберетъ вѣрующихъ, разсѣянныхъ повсюду. Для того Богъ внушилъ одному изъ жителей города, лежавшаго недалеко отъ пещеры, разрушить задѣланный входъ въ пещеру, для постройки загона своему стаду. Этого человѣка звали Уліасомъ ¹⁾. Онъ нанялъ двухъ рабочихъ, которые стали разбирать камни изъ задѣланнаго входа и строить изъ нихъ загонъ. Такъ они двое работали, пока не отвалили всего, что заграждало входъ въ пещеру, и открыли входъ. Богъ [сперва] скрылъ юношей отъ людей. Говорятъ храбрѣйшіе изъ желавшихъ взглянуть на юношей,—пытались войти въ пещеру, но сдѣлавши шагъ впередъ, тотчасъ же и отступали при видѣ ихъ спящей собаки.

Когда камни были сняты и входъ въ пещеру открытъ, Всевышній, Всемогущій и Всевластный Богъ, оживляющій мертвыхъ, соизволилъ, чтобы юноши вышли изъ пещеры. Они радостно съ веселыми лицами и въ благодушномъ настроеніи сѣли внѣ пещеры и поздоровались другъ съ другомъ, какъ-будто только-что проснувшіеся; они думали, что дѣло происходитъ на другой день послѣ ихъ прихода. Стали они на молитву и помолились, какъ дѣлали раньше, не замѣчая ни на лицахъ, ни на кожѣ ничего необыкновеннаго. Они были въ такомъ же видѣ, какъ вчера, когда легли спать. Они думали, что царь Дакіаносъ преслѣдуетъ ихъ. Окончивъ молитву, они ска-

¹⁾ Срв. стр. 25, № 20 (= Масудій), гдѣ Валенсъ (Vâлесъ)—императоръ.

зали Тамлихъ, завѣдующему покупкой припасовъ: „Скажи намъ, что говорили люди про насъ вчера вечеромъ въ городъ“. Спрашивая это, одни изъ юношей думали, что они спали, какъ обыкновенно, другимъ же казалось, что дольше обыкновеннаго. Они говорили другъ другу: „Сколько времени мы здѣсь пробыли?“ Одни сказали: „Одинъ день“. Другіе говорили: „Нѣсколько дней“. Третьи же сказали: „Богъ лучше знаетъ, сколько мы тутъ пробыли“. И не придавали этому значенія. Тамлиха имъ напомнилъ: „Вчера въ городъ васъ искали, чтобы принудить васъ къ жертвоприношенію богамъ. Въ противномъ случаѣ васъ хотятъ казнить“. Нѣкоторые изъ нихъ сказали: „Что Богъ захочетъ, то и будетъ“. Тогда Максимилина всталъ и обратился ко всѣмъ со словами: „Братья, знайте, что вы предстанете передъ Богомъ; поэтому не отступайте отъ вѣры, когда васъ завтра позовутъ“. Затѣмъ Тамлихъ сказалъ: „повыслушай сегодня, что говорятъ о насъ; но будь остороженъ, чтобы никто на тебя не обратилъ вниманія. Купи намъ пищи побольше, чѣмъ ты принесъ вчера. Вчерашней намъ не хватило, и сегодня мы встали голодными“.

Тамлиха поступилъ такъ, какъ раньше: снялъ свое платье, надѣлъ то, въ которомъ ходилъ неопознанный, взялъ монеты, чеканенныя Дакіаносомъ, каждая—величиной въ ступню молодого верблюда, и отправился. Вышедши изъ пещеры и увидѣвши у ея входа наваленные камни, онъ удивился. Дальше онъ прошелъ украдкой, поодаль отъ настоящаго пути: онъ опасался, какъ бы кто-нибудь изъ жителей города не увидѣлъ его и, узнавъ, не пошелъ къ тирану Дакіаносу. Добрый человекъ не зналъ, что Дакіаносъ вмѣстѣ со своимъ поколѣніемъ уже 300 лѣтъ, какъ умеръ. Увидѣвши городскія ворота, онъ сталъ присматриваться и замѣтилъ, что надъ воротами знамя людей вѣрующихъ. Онъ очень удивился и сталъ разглядывать его съ опаской, посматривая направо и налево. Затѣмъ онъ оставилъ эти ворота и перешелъ къ другимъ. Посмотрѣвъ на нихъ—увидѣлъ то же самое. Ему стало казаться, что это не тотъ городъ, который онъ зналъ. Замѣтилъ онъ много новыхъ людей, которыхъ раньше не было. Онъ ходилъ и удивлялся. Ему казалось, что онъ ничего не понимаетъ. Вернувшись къ прежнимъ воротамъ, Тамлиха сказалъ самому себѣ: „Вчера вечеромъ вѣрующіе скрывали это знамя, а вотъ сегодня его выставляютъ! Можетъ-быть, я во снѣ вижу это“. И провѣряя себя, онъ сталъ себя щипать.—„Нѣтъ, я не сплю“.

Онъ вошелъ въ городъ и сталъ ходить по улицамъ. Слышать онъ, многіе клянутся именемъ Исуса, сына Маріи. Это еще больше его удивило и смутило. Прислонившись къ стѣнѣ, онъ сказалъ себѣ: „Не понимаю, что все это значитъ! Еще вчера вечеромъ тутъ казнили всякаго, кто произносилъ имя Исуса, а сегодня слышу, какъ каждый клянется имъ и не боится!“ Онъ рѣшилъ, что не тотъ это городъ, какой ему извѣстенъ, и сказалъ: „Я слышу [знакомую] рѣчь жителей города, но не знаю ни одного изъ нихъ. Между тѣмъ, я хорошо помню, что близъ нашего города нѣтъ другого“. Пораженный, онъ стоялъ, не двигаясь съ мѣста. Ему встрѣтился юноша изъ горожанъ, и Тамлиха спросилъ: „Какъ называется этотъ городъ?“ Тотъ отвѣтилъ: „Эфесось“. Тамлиха подумалъ: „Меня, кажется, поразилъ злой

духъ, или я сошелъ съ ума. Клянусь Богомъ, мнѣ нужно поскорѣе выйти отсюда, прежде, чѣмъ постигнетъ меня здѣсь несчастье, и я погибну“.

Подоспелъ онъ къ одному продавцу припасовъ и, вынувши деньги, которыя были при немъ, далъ ихъ ему и сказалъ: „Рабъ Божій, продай мнѣ на эти деньги припасовъ“. Купецъ посмотрѣлъ на чеканку монеты и изображеніе на ней, удивился и передалъ другому купцу. Тотъ тоже посмотрѣлъ и, удивившись, передалъ третьему. Такъ монета переходила отъ одного человека къ другому. Всѣ удивлялись и стали совѣщаться между собой, говоря: „Этотъ человекъ нашелъ кладъ, давно положенный въ землю“. Когда Тамлиха увидѣлъ, что они о чемъ-то совѣщаются изъ-за него, онъ сильно испугался и затрепеталъ, думая, что его узнали и хотятъ доставить къ царю Дакіаносу. Между тѣмъ стали подходить другіе и разсматривать его. Онъ отвѣчалъ имъ въ испугъ: „Отстаньте отъ меня! Вы взяли мои деньги,— ну, и оставьте ихъ себѣ. Мнѣ не нужно вашихъ припасовъ“. — „Юноша, кто ты?“ — продолжали его спрашивать: — „ты, очевидно, нашелъ кладъ и хочешь его утаить. Лучше пойди съ нами, покажи, гдѣ онъ находится, и подѣлись. Тебѣ жъ лучше будетъ. Если же ты этого не сдѣлаешь, мы поведемъ тебя къ царю и передадимъ тебя ему“. Услышавъ ихъ слова, Тамлиха смутился еще больше и сказалъ: „Вотъ я и попался въ бѣду, которой боялся!“ Они же сказали: „Клянемся Богомъ, тебѣ не удастся скрыть то, что ты нашелъ! Не думай, что мы тебя покроемъ!“ Онъ не зналъ, что дѣлать, что сказать и какъ отвязаться отъ нихъ. Онъ такъ сильно испугался, что не могъ ничего говорить. Когда люди увидѣли, что Тамлиха молчитъ, они взяли его плащъ, привязали къ шеѣ и стали водить юношу по улицамъ города на привязи. Въ городѣ заговорили о событіи: быстро распространился слухъ, что задержанъ человекъ, у котораго есть кладъ. За нимъ стали собираться толпы большихъ и малыхъ. Его разсматривали и говорили: „Клянемся Богомъ, этотъ юноша не изъ жителей города. Мы его никогда не видали и не знаемъ“. Когда народъ собрался, Тамлиха не могъ молвить ни слова. Но если бы онъ и сталъ утверждать, что онъ тоже изъ жителей города, ему все-равно не повѣрили бы. А между тѣмъ, онъ былъ убѣжденъ, что его отецъ и братья находятся въ городѣ, принадлежать къ знати и придутъ къ нему, какъ только услышатъ о немъ. Только, ему казалось страннымъ, что еще вечеромъ онъ зналъ многихъ въ городѣ, а сегодня среди нихъ нѣтъ ни одного знакомаго. И онъ стоялъ пораженный, ожидая, когда придетъ къ нему кто-нибудь изъ родственниковъ и освободитъ его. Въ такомъ состояніи его схватили и доставили двумъ градоначальникамъ. Это были люди добрые. Одного звали Армѣсъ, и другого Астіѣсъ. Когда Тамлиху повели, онъ думалъ, что его ведутъ къ царю Дакіаносу. Онъ сталъ озираться направо и налево, и люди смѣялись надъ нимъ, какъ надъ сумасшедшимъ и юродивымъ. Онъ заплакалъ и, поднявъ голову къ небу, сказалъ: „О, Боже, Творецъ небесъ и земли! даруй мнѣ на сегодня терпѣнія и вдохни въ меня духъ Твой, чтобы онъ, укрѣпивши меня, далъ силы встрѣтиться съ тираномъ“. Онъ еще сильнѣе заплакалъ и прибавилъ: „Меня разлучили съ братьями. Если бы они знали, что я испытываю, они, навѣрно, пришли бы и вмѣстѣ

со мной предстали бы передъ гонителемъ. Мы условились быть вмѣстѣ, не отступать отъ вѣры въ Бога. Ни жизнь, ни смерть не должны насъ разлучить. Боже! какъ поступить со мною царь? убѣть онъ меня, или нѣтъ?.. Все это потомъ рассказывалъ самъ Тамлиха, когда вернулся къ своимъ друзьямъ...

Узнавши, что его ввели не къ Дакіаносу, Тамлиха опомнился и успокоился. Армось и Астийось взяли деньги, посмотрѣли на нихъ и удивились... — „Юноша!“ — сказала одинъ изъ нихъ: — „гдѣ тотъ кладъ, который ты нашелъ?“ — „Я никакого клада не находилъ, — отвѣтилъ Тамлиха, — это деньги моихъ родителей. Они чеканены въ этомъ же городѣ. Клянусь Богомъ, я самъ не знаю, что со мной и что мнѣ сказать.“ — „А ты кто?“ — спросилъ другой. — „Я — Тамлиха“, — отвѣтилъ юноша. — „А кто твой отецъ? кто знаетъ тебя въ городѣ?“ Юноша назвалъ имя отца. Но не нашлось никого, кто бы зналъ такого человѣка. Тогда первый правитель сказалъ: „Ты лгунъ, ты не говоришь правды“. Тамлиха не зналъ, что отвѣтить, и опустилъ взоръ къ землѣ. Одинъ изъ присутствовавшихъ замѣтилъ: „Вѣроятно, онъ сумасшедшій“. Другіе же говорили: „Нѣтъ, онъ нарочно притворяется дуракомъ, чтобы увильнуть“. Посмотрѣвъ на Тамлиху одинъ изъ правителей и сказалъ: „Неужели ты думаешь, что мы тебя отпустимъ и повѣримъ, будто это деньги твоего отца? Онѣ чеканены болѣе 300 лѣтъ назадъ! Ты еще юноша, а думаешь провести насъ и посмѣяться надъ нами — стариками! Вокругъ тебя знаютъ и правители города. Казна въ нашихъ рукахъ. Но тамъ нѣтъ ни одного дирхема съ такой чеканкой... Я тебя хорошо накажу и заключу въ оковы, пока не укажешь найденнаго тобой клада“... Тогда Тамлиха сказалъ: „Задамъ я сначала вамъ одинъ вопросъ. Если вы готовы дать отвѣтъ, я скажу всю правду, которую знаю“. — „Спрашивай, мы ничего не скроемъ отъ тебя“. — „Что случилось съ царемъ Дакіаносомъ?“ — „Мы не знаемъ теперь на землѣ ни одного царя по имени Дакіанось. Это царь, который давнымъ-давно погибъ. Послѣ него смѣнилось нѣсколько поколѣній“. — „Ну, такъ я готовъ поклясться Богомъ, — отвѣтилъ Тамлиха, — не найду среди васъ я людей, которые повѣрятъ тому, что я скажу. Насъ было нѣсколько юношей. Царь Дакіанось хотѣлъ насъ силой принудить къ поклоненію идоламъ и къ приношенію имъ жертвъ. Мы убѣжали вчера вечеромъ отъ него и провели ночь въ пещерѣ. Когда мы проснулись, я отправился купить своимъ друзьямъ пицци и узнать новости. И вотъ я здѣсь, какъ вы видите. Пойдемъ со мной въ пещеру, находящуюся на горѣ Нажалось, и я покажу вамъ своихъ товарищей“.

Услышавши слова Тамлихи, Армось вышелъ къ народу и сказалъ: „Можетъ-быть, это — чудо изъ чудесъ, которое Богъ послалъ въ назиданіе намъ черезъ того юношу. Пойдемъ съ нимъ, онъ покажетъ намъ своихъ друзей“. И вотъ вмѣстѣ съ Тамлихой отправились по направленію къ пещерѣ Армось, Астийось и всѣ жители города, желавшіе увидѣть Обитателей Пещеры. Между тѣмъ товарищи Тамлихи, видя, что Тамлиха задержался и не привозитъ имъ пицци и питья въ теченіи такого времени, какое онъ обыкновенно тратилъ на это, рѣшили, что онъ схваченъ и доставленъ къ Дакіаносу. Думая объ

этомъ и находясь въ такомъ страхѣ, они услышали голоса и топотъ лошадей. Они рѣшили, что это посланцы тирана, которые хотятъ ихъ схватить. Пещерники приготовились бѣжать въ пустыню, стали уже прощаться другъ съ другомъ, но затѣмъ передумали и сказали: „Пойдемъ вмѣстѣ къ нашему брату Тамлихѣ. Онъ вѣдь теперь ждетъ у Дакіаноса, когда мы придемъ“. Все это они говорили, сидя въ пещерѣ, и потому не замѣтили, какъ Армось и его приближенные уже подошли ко входу. Тамлиха обогналъ своихъ спутниковъ и, вошедши къ друзьямъ, сталъ плакать. Глядя на его слезы, прослезились и они, и освѣдомились, въ чемъ дѣло. Онъ имъ разсказалъ обо всемъ. Тогда юноши поняли: они проспали все это время по приказанію Божію, а теперь разбужены, чтобы быть чудомъ, въ подтвержденіе воскресенія изъ мертвыхъ, передъ людьми, и чтобы люди знали, что часъ грядетъ несомнѣнно.

Вслѣдъ за Тамлихой вошелъ въ пещеру Армось и увидѣлъ тамъ ларецъ изъ мѣди, съ серебряной печатью. Онъ остановился у входа и, кликнувши городскую знать, открылъ передъ ней ларецъ. Внутри ларца онъ нашелъ двѣ свинцовыя доски. На нихъ было написано: „Максимилина, Тамлиха, Мартунось, Каштуношь, Дасіосъ, Такріосъ и Батынось, люди еще молодые, убѣжали отъ своего царя-гонителя, опасаясь, какъ бы онъ не совратилъ ихъ, и спаслись въ эту пещеру. А царь, узнавши мѣстопребываніе юношей, приказалъ ихъ замуравить въ пещерѣ. И вотъ мы написали ихъ исторію, чтобы тѣ люди, которые найдутъ эти письмена, прочли ихъ и прославили Всевышняго Бога, когда онъ черезъ юношей покажетъ имъ чудо воскресенія“. Присутствующіе стали громко возносить молитву къ Богу, а когда вошли въ пещеру, нашли юношей сидящими, и лица ихъ сіяли. Одежда ихъ не истлѣла. Армось и его приближенные встали на колѣни и воздали хвалу Богу, который показалъ имъ одно изъ своихъ чудесъ. Затѣмъ всѣ стали разговаривать съ юношами. Послѣдніе разсказывали, что имъ пришлось испытать отъ царя Дакіаноса.

Армосъ и его приближенные послали своему доброму царю Тандусису сказать: „Пріѣзжай скорѣй. Ты можешь увидѣть чудо изъ чудесъ Божіихъ, которое Богъ проявилъ въ твоемъ царствѣ. Послѣши къ юношамъ, которыхъ Богъ воскресилъ, послѣ того, какъ они пробыли болѣе 300 лѣтъ мертвыми“. Услышавъ это, царь всталъ съ трона, на которомъ сидѣлъ и сказалъ: „Воздаю Тебѣ хвалу, Боже небесъ и земли! Долгое время Ты оказывалъ мнѣ милости, Ты не далъ погаснуть свѣту ученія, которое Ты ниспослалъ моимъ предкамъ и доброму рабу твоему, царю Фастытусу“¹⁾. Когда обо всемъ этомъ узналъ также весь городъ, жители его отправились и вмѣстѣ съ царемъ пришли къ пещерѣ. Юноши, увидѣвши царя Тандусиса и всѣхъ бывшихъ при немъ, стали на колѣни передъ Богомъ и припали лицами къ землѣ. Тандусисъ подошелъ къ нимъ и сталъ обнимать и плакать. Юноши же, сидя передъ нимъ, славил и хвалили Бога, говоря царю: „Мы привѣтствуемъ тебя и поручаемъ Богу. Да сохранитъ Богъ тебя и царствіе твое, и да из-

¹⁾ Конечно, начальное φ (ف) = κ (ق). Въ искаженномъ начертаніи скрывается скорѣе всего имя „Ко [и] стангіосъ“.

бавить Онъ тебя отъ злыхъ джинновъ и людей“. Царь остался стоять, а юноши подошли каждый къ своему ложу и легли. И Богъ взялъ ихъ души. Царь подошелъ и, положивши на нихъ свои одѣянiя, приказалъ сдѣлать для каждаго золотой гробъ.

Когда наступила ночь, юноши явились царю во снѣ и сказали: „Мы сотворены не изъ золота и не изъ серебра, а изъ праха, и въ прахъ обратимся. Оставь насъ такъ, какъ мы были, въ пещерѣ на землѣ, пока насъ не воскреситъ Богъ“. Тогда царь заказалъ для юношей дощатые гробы, и ихъ положили туда. Богъ сдѣлалъ юношей невидимыми и навелъ страхъ на людей, такъ что послѣ этого никто не рѣшался войти къ нимъ. Царь приказалъ построить у входа въ пещеру храмъ, въ которомъ стали совершать молитву, и, назначивши въ честь юношей великiй праздникъ, велѣлъ ежегодно отпрапляться къ пещерѣ на поклоненiе.

Другiе говорятъ, что, когда правитель и его приближенные подошли къ пещерѣ, Тамлиха сказалъ: „Пустите, я войду къ своимъ товарищамъ и обрадую ихъ“. Онъ вошелъ, но Богъ взялъ души его и его товарищей и скрылъ это мѣсто отъ людей, чтобы они не могли найти его.

— И вотъ вся повѣсть про Обитателей Пещеры,— закончилъ Алiй ибнъ-Абу-Талибъ. Передаютъ, что пророкъ Божiй, да благословитъ его Богъ и помилуетъ его, попросилъ Господа Бога своего показать ему Обитателей Пещеры. Богъ отвѣтилъ: „Въ этомъ мiрѣ ты никогда не увидишь ихъ. Но пошли къ нимъ четырехъ лучшихъ твоихъ сподвижниковъ съ извѣщенiемъ, что ты посланникъ Божiй, и съ призывомъ къ вѣрѣ въ тебя“. Тогда Пророкъ Божiй обратился къ Гавриилу и спросилъ: „А какъ послать мнѣ своихъ сподвижниковъ?“ Гавриилъ отвѣтилъ: „Разстели свое верхнее платье и посади на одномъ изъ краевъ его Абу-Бакра, на другомъ— Омара, на третьемъ— сына Абу-Талиба, а на четвертомъ— Абу-Зарра. Затѣмъ призови тотъ легкiй вѣтеръ, который подчинился когда-то Соломону сыну Давида. Богъ приказалъ тому вѣтру повиноваться тебѣ“. Пророкъ исполнилъ все, что приказалъ Гавриилъ. И вотъ вѣтеръ понесъ тѣхъ четырехъ людей и доставилъ ихъ ко входу въ пещеру. Всѣ четверо подошли къ нему и вынули камни. Собака зарычала и хотѣла напасть на нихъ, но опознавши подняла голову и завилыла хвостомъ, приглашая головой войти въ пещеру. Они вошли и сказали спящимъ юношамъ: „Миръ вамъ! Милость Божья и благословенiе Его да будетъ надъ вами!“ Богъ вернулъ юношамъ ихъ души. Они встали и отвѣтили: „И вамъ миръ. И надъ вами да будетъ милость Божья и благословенiе Его“. Сподвижники Мохаммеда сказали: „Пророкъ Божiй Мохаммедъ, сынъ Абдаллаха, да благословитъ его Богъ и помилуетъ его, шлетъ вамъ привѣтъ“. Юноши отвѣтили: „И Мохаммеду-посланнику да будетъ привѣтъ, пока существуютъ небеса и земли! И вамъ тоже привѣтъ за ваше извѣстiе!“ Затѣмъ всѣ сѣли бесѣдовать. И увѣровали юноши въ Мохаммеда и приняли исламъ, говоря: „Передайте отъ насъ Мохаммеду привѣтъ“. Затѣмъ они пошли къ своимъ ломамъ и снова заснули. Проспятъ они до появленiя Махдiя, что произойдетъ въ концѣ мiра. Говорятъ, что Махдiй будетъ ихъ тогда привѣтствовать, а Всевышнiй Богъ ихъ оживитъ. Затѣмъ

они снова заснуть и возстанутъ только въ день воскресенія. Сподвижники Мохаммеда снова сѣли на свои мѣста и легкой вѣтеръ понесъ ихъ. Гавриилъ, миръ ему, спустился къ Мохаммеду и рассказалъ ему все, что съ ними случилось. Когда они вернулись, Пророкъ спросилъ ихъ: „Въ какомъ положеніи нашли вы Обитателей Пещеры, и что они вамъ сказали?“—„Пророкъ Божій,—отвѣтили сподвижники,—мы вошли къ нимъ и привѣтствовали ихъ. Они встали и отвѣтили на привѣтъ. Тогда мы извѣстили ихъ, что ты посланникъ Божій. Они увѣровали въ тебя, признали, что ты истинный посланникъ Божій и возславили Бога за то, что онъ далъ имъ возможность вѣрить въ твое пророчество и внушилъ тебѣ мысль послать имъ твоихъ сподвижниковъ“. На это пророкъ Божій сказалъ: „О, Боже, не разлучай меня съ моими зятями и друзьями и прости грѣхи тѣмъ, кто любитъ меня, любитъ мою семью, мой народъ и сподвижниковъ!“

XV.

Багавій (аль-Фарра).

(род. ок. 1045 г., ум. 1122 г.)

Хорасанецъ. О немъ см. у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litt.“ I (1898), № 37, стр. 363—364, и у А. Крымскаго: „Исторія арабовъ“, I (1912), стр. 205. У Багавія есть комментарий на Коранъ: „Признаки наитія“, характера преимущественно историческаго (изд. въ Бомбей 1269 = 1852; въ Каирѣ 1310 = 1893). То, что онъ повѣствуетъ о Пещерникахъ, сходно въ общемъ съ повѣствованіями Та'лябія Нишапурскаго (умеръ 1036), которыя выше переведены М. О. Аттаею. Въ ссылкахъ своихъ Багавій восходитъ къ божіе равнему, чѣмъ Та'лябія, разностороннему улему—Абу-л-Лейсу Самаркандскому (ум. ок. 993 г.; Брокк. I, 196). А. Кр.

XVI.

Замâхшарій (1074-1143).

Персъ - мотазилитъ, авторъ толкованія къ Корану „Аль-Кашшафъ“; см. калькутт. изд. Nassau-Lees 1854-1861. Начало перевода сдѣлалъ А. Кр.

(Къ XVIII, 8; т. I, стр. 791). «Аль-Каһфъ», это — обширная пещера (ġâr) № 38. въ горѣ, а «ар-Рақымъ» — имя собаки усыпленныхъ юношей. [Въ несомнѣнномъ смыслѣ собачьяго имени] мы находимъ «ар-Рақымъ» въ стихѣ [донсламскаго поэта] Омеййи ибнъ-Аби-с-Салта ¹⁾:

Тамъ только ар-Рақымъ сторожить
На порогѣ возлѣ нихъ, а сами люди дремлютъ въ пещерѣ (каһф).

Говорятъ еще, что Рақымъ—свинцовая доска, на которой были начертаны («роқыматъ») ихъ имена и которая была помѣщена у входа въ пещеру. Говорятъ также, что ²⁾ люди начертали (рақаму) ихъ повѣсть, высѣвши надписи въ

¹⁾ Омеййя ибнъ-ас-Салтъ (добавка „Аби“ въ отчествѣ его—излишняя) дожилъ до времени Мохаммеда, но не принялъ ислама. Ум. въ 631 г. См. Брокк. I (1898), 27—28.

²⁾ У Бейдâвія: „[Рақымъ]—или доска каменная, или“...

[каменной] горѣ. И еще говорятъ, что Ракумъ, это—долина, гдѣ находится пещера (каһф). Говорятъ, что Ракумъ — гора. Говорятъ, что Ракумъ — [родная] деревня ихъ [уснувшихъ юношей], и говорятъ, что эта мѣстность—между Гадбавомъ и Айлой у Палестины ¹⁾...

(Къ XVIII, 17; т. I, стр. 793). «Ты бы подумалъ, что они бодрствовали, — тогда какъ они спали». — Говорятъ, что глаза ихъ, хотя они сами спали, были открыты; оттого, кто взглянулъ бы, подумалъ бы, что они бодрствуютъ. Говорятъ также, (что ихъ можно было бы счесть за бодрствующихъ) изъ-за частыхъ переворачиваній; переворачиваніе, говорятъ, совершалось дважды въ годъ, при чемъ одно изъ нихъ—въ день 'Ашурá (мѣсяца Мохаррама) ²⁾...

№ 39. «Если бы ты нечаянно подошелъ къ нимъ, то побѣжалъ бы прочь, отъ страха». — Это оттого, что Богъ ихъ одѣлъ ужасомъ: у нихъ говорятъ, выросли очень длинные ногти и волосы, и тѣла стали громаднѣхъ размѣровъ ³⁾, а говорятъ — и мѣсто было дикое. Про Моавію (впослѣдствіи халифа 661 — 680) рассказываютъ, что онъ, при походѣ на римлянъ, проѣзжалъ мимо Пещеры (каһф) и высказалъ желаніе повидать уснувшихъ Пещерниковъ безъ покрова. — «Нельзя!», возразилъ Моавія ибнъ-Аббâсъ [622-687]: «Всевышній это воспретилъ даже тому, кто лучше тебя! И если бы ты успѣлъ взглянуть на нихъ, то побѣжалъ бы прочь». Моавія однако рѣшилъ непремѣнно изслѣдовать ихъ (= мощи), и съ этой цѣлью, отрядилъ людей въ пещеру. Когда тѣ вошли въ пещеру (каһф), Богъ наслалъ на нихъ сильный вѣтеръ, который ихъ попалилъ.

(Къ XVIII, 18, т. I, 793). — «Мы пробыви, — говорили проснушіеся юноши, — день или часть дня». — Рассказываютъ, что вошли они въ пещеру по утру, а проснулись подъ вечеръ, и подумали, что это одни сутки. Взглянувши однако на длину своихъ ногтей и волосъ, они сказали: «Богъ лучше знаетъ, сколько мы тутъ пробыви»...

(т. I, 794). — «Отправимте кого-нибудь изъ насъ съ этими деньгами въ городъ». — Слово «waraq» (= деньги) означаетъ серебро, чеканенное или не чеканенное. А городъ, говорятъ, былъ Тарсось.

(къ XVIII, 20; т. I, 794). Пещерники были воскрешены, „чтобы несомнѣнность грядущаго часа увѣдали спорящіе“. Люди тогда спорили о религіозныхъ вопросахъ и расходились во мнѣніяхъ насчетъ подлинности грядущаго воскрешенія. Одни говорили: „Воскреснутъ души, а не тѣла“. Другіе говорили: „И тѣла воскреснутъ съ душами“. Вотъ Пещерники и были воскрешены для устранения подобнаго разногласія и для обнаруженія того, что тѣла воскреснутъ живыми, чувствующими, одушевленными, какими были прежде смерти... Впрочемъ, толкуютъ слово „спорящіе“ также въ смыслѣ „спорящіе про воскресшихъ Пещерниковъ“.

¹⁾ У Бейдавія здѣсь вставка (= Та'лябій) насчетъ трехъ людей, заваленныхъ упавшею скалою; Ракумцы это они—трое, а Пещерники, которыхъ семеро, это другіе люди.

²⁾ У Бейдавія, при коранскомъ упоминаніи о собакѣ, вставленъ рассказъ изъ Та'лябія о собакѣ настуха, — какъ она, отгоняемая, заговорила человѣческимъ голосомъ.

³⁾ Вставка Бейдавія: „и они спали съ открытыми глазами“.

(Послѣ XVIII, 20; т. I, 795 : 5). Переводъ сдѣланъ М. О. Агтаею ¹⁾.

Передаютъ, что среди христіанъ увеличивалась грѣховность. Заблуждались № 40. и цари ихъ, такъ что стали поклоняться идоламъ и принудили народъ къ поклоненію имъ. Больше всѣхъ (изъ царей) настаивалъ на этомъ Дакіаносъ. Онъ пожелалъ принудить нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ знатнаго рода поклониться идоламъ и пригрозилъ имъ казнью. Они отказались, твердо держась своей вѣры, и упорствовали въ этомъ. Затѣмъ они убѣжали въ одну пещеру. Они шли мимо пса, и онъ пошелъ вслѣдъ за ними. Они его прогнали, но Богъ заставилъ пса сказать (человѣческимъ голосомъ): «Что вы отъ меня желаете? Я люблю тѣхъ, кто любитъ Бога. Ложитесь спать и, когда вы будете спать, я буду караулить васъ». А нѣкоторые говорятъ, что молодые люди шли мимо пастуха, съ которымъ былъ песъ, и пастухъ послѣдовалъ ихъ ученію и пошелъ съ ними въ пещеру, гдѣ они поклонялись Богу. Затѣмъ Богъ усыпилъ ихъ.

Незадолго до ихъ пробужденія въ ихъ городѣ вступилъ на престолъ добрый правовѣрный мужъ. Жители его государства расходились во мнѣніяхъ. Одни признавали воскресеніе мертвыхъ, а другіе отрицали его, вслѣдствіе чего царь вошелъ въ свой домъ, заперъ двери, одѣлъ войлочное платье, сѣлъ на золу и сталъ просить Господа своего выяснить для нихъ истину. Богъ внушилъ пастуху, жителю этого города, разрушить то, чѣмъ былъ закрытъ входъ въ пещеру, — чтобы пользоваться этой пещерой, какъ загономъ для своего скота. Когда тотъ, котораго послали купить провизіи, вошелъ въ городъ и показалъ монеты, что были чеканены Дакіаносомъ, то жители города заподозрили его въ томъ, что онъ нашелъ кладъ и повели его къ царю. Онъ рассказалъ ему всю исторію. И отправился царь и жители города съ нимъ и увидѣли тѣхъ, и прославили Бога за это чудо, доказывающее воскресеніе мертвыхъ. Затѣмъ молодые люди сказали царю: «Мы поручаемъ тебя Богу и просимъ Его избавить тебя отъ зла дѣуховъ и людей». Затѣмъ они вернулись на то мѣсто, гдѣ лежали раньше, и представились Богу. Царь наложилъ на нихъ свое платье и приказалъ сдѣлать каждому изъ нихъ по золотому гробу, но, увидѣвъ во снѣ, что они не любятъ золота, перемѣнилъ ихъ на деревянные. И построилъ у входа въ пещеру храмъ.

(Къ XVIII, 21; т. I, 795). Переводъ А. Крымскаго.

Говорятъ ²⁾, что Сеййидъ и Акыбъ съ товарищами, изъ наджранцевъ № 41. [= йеменцевъ-христіанъ], находились у Посланника Божія, благословеніе ему и миръ, и зашла рѣчь о Пещерникахъ. Сеййидъ, [монофизитъ-] іаковитъ, говорилъ: «Было ихъ трое, а четвертый — песъ» ³⁾, Акыбъ же, несторіанинъ, утверждалъ, что было ихъ пятеро, а шестой — песъ ⁴⁾. Мусульмане же говорили, что

¹⁾ Бейдавіемъ рассказъ этотъ выпущенъ, потому что суть его по частямъ изложена въ разбросанныхъ примѣчаніяхъ къ другимъ стихамъ Корана.

²⁾ Передъ тѣмъ Замахшарій помянулъ ибнъ-Аббаса (622-687).

³⁾ У Бейдавія вставлено: «говорятъ, что такъ утверждали и іудеи». Очевидно, Бейдавій расширяетъ предыдущее Замахшаріевское «ахль аль-китаб».

⁴⁾ Замѣчательный вариантъ къ этому мѣсту имѣется у Рубгузія 1310 г. (см. ниже стр. 68-69).

было ихъ семь, а песь—восьмой. Богъ подтвердилъ истину словъ мусульманъ; они получили свѣдѣніе [о семерыхъ въ числѣ] отъ Посланника Божія, который это узналъ изъ устъ Гаврііла.

№ 42. По словамъ [халифа] Алія, да будетъ онъ Богу угоденъ, ихъ было семь слѣдующихъ:

Ямлиха, Макшалниія, Машлиія¹⁾,—эти были приближенные царя и сидѣли по правую руку его,—Марнѹшъ, Дабарнѹшъ, Шаданѹшъ,—эти сидѣли по лѣвую руку царя. Съ этими шестерыми царь совѣтовался во всѣхъ своихъ дѣлахъ. А седьмымъ былъ пастухъ, который сошелся съ ними, когда они бѣжали отъ своего царя Дакіаноса. Городъ ихъ назывался Эфесось, а имя пса ихъ—Бытмиръ.

XVII и XVIII.

Идрисій (ок. 1154) и ибнъ-'Атыййе Гранадскій (ок. 1147).

№ 43. Идрисій-андалусецъ (род. 1099); много путешествовалъ и составилъ ок. 1154 г. для сицилійскаго короля Рожера II свой географическій сводъ. Трудъ его полностью переведенъ А. Jaubert'омъ (Пар. 1836—1840). См. т. II, стр. 299 и слѣд., гдѣ Идрисій рассказываетъ, какъ онъ, еще юношей, посѣтилъ въ 510—1117 г. пещеру съ мощами семи отроковъ,—ту самую, которую описываютъ географы Сиріи. Рассказъ Идрисія не заслуживаетъ перевода, потому что Идрисій просто повторяетъ повѣствованіе астронома Мохаммеда ибнъ-Мусы IX в. (изъ ибнъ-Хордадбега; см. у насъ стр. 6-7), и добавляетъ развѣ, что мощей семь (не 13; срв. № 21 и № 24) и что отъ пса остался еле распознаваемый скелетъ.

Интересна добавка у Идрисія, что въ Испаніи, въ г. Лохъ, [т. е. въ Гранадской], тоже есть пещера съ семью мощами, съ собакою возлѣ нихъ, и что испанцы именно ихъ и считаютъ за подлинныхъ Пещерниковъ (упомянутыхъ Коравомъ), хотя и не знаютъ, какъ они и когда попали въ Испанію. Идрисій въ 510—1117 г. былъ и въ этой испанской пещерѣ. Лохскія мощи дѣйствительно сохранины; даже собака, какъ она ни засохла, все же цѣла. Но Идрисій находитъ, что лохскія мощи это не подлинныя Пещерники, а какіе-то другіе святые.

№ 44. Этихъ испанскихъ Пещерниковъ посѣтилъ въ 504-1110 году также современникъ Идрисія комментаторъ Корана гранадецъ Абдальхаккъ ибнъ-'Атыййе (род. 1088, ум. ок. 1147 г., о которомъ см. у Броккельмана: „Gesch. der arab. Litt.“ I, 1898, стр. 412). Трудъ ибнъ-Атыййе не изданъ, однако изъ него черпалъ коранскій комментаторъ ибнъ-Фарахъ Кордовскій (ум. 1272; см. о немъ у Брокк. I, 415), вообще тоже неизданный, но зато хоть по вопросу о лохскихъ мощахъ экцерпированный ориенталистами (де-Гье въ „Zevenstappers“ 1901). Описаніе лохскихъ мощей (съ собачьимъ скелетомъ) у ибнъ-'Атыййе сходно съ описаніемъ Идрисія, который посѣтилъ ихъ на семь лѣтъ позже.

А. Кр.

XIX.

Януть (ум. 1229).

Ученый путешественникъ (ум. въ Аленно 1229 г.). Переводимъ изъ его географическаго словаря (изд. Вюстенфельдъ, Лейпцигъ 1867 г.), т. II, стр. 806.—М. О. Аттая.

№ 45. И въблизи Балка въ окрестности Дамаска есть мѣстность, называемая ар Ракиъмъ. Нѣкоторые думаютъ, что въ этомъ мѣстѣ Дамаска—Обитатели Пещеры; на самомъ дѣлѣ тѣ въ странѣ Римлянъ...

¹⁾ Вариантъ Бейдāvія: „МаѢлиія“.

Аль-Фарра¹⁾, приводя слова Всевышняго: «думалъ ли ты, что Обитатели Пещеры и Рақыма были однимъ изъ чудныхъ знаменій нашихъ?», говоритъ: Одни полагаютъ, что Рақымъ есть свинцовая доска, на которой была написана ихъ родословная, ихъ имена, ихъ вѣра и отъ кого они убѣжали. Другіе говорятъ, что ар-Рақымъ было имя города, въ которомъ они жили. Третьи говорятъ, что это — имя горы, въ которой была пещера. Икряма [ок. 645-724] передаетъ со словъ ибнъ-Аббаса, да благословитъ его Богъ [ум. 687]: Я не знаю, что такое ар-Рақымъ, — книга ли это, или постройка?

Нѣкоторые передаютъ, опираясь на слова того же ибнъ-Аббаса, что относящихся къ Рақыму лицъ — семь. Вотъ ихъ имена: Ямлиха, Максимилина, Машлина, Мартуносъ, Дабаріосъ, Сарабіунъ, Афстатосъ, а имя пса ихъ — Кытмиръ, а имя ихъ царя Дакіаносъ. Имя города, откуда они вышли, Эфесосъ въ округѣ ар-Рассъ, а имя пещеры ар-Рақымъ. А надъ ними былъ копъ, а не курдъ (???). Ихъ имена приводятся еще иначе.

А та упомянутая пещера (каһф), въ которой жили Пещерники, (асъаб аль-каһф), находится между Амурійе и Никіе и отстоитъ отъ Тарсоса на разстояніи десяти или одиннадцати дней пути.

Аль-Васикъ [халифъ 842-847] отправилъ Мохаммеда ибнъ-Мусу астролога № 46. въ Византію, чтобы посмотрѣть и на обитателей Пещеры и ар-Рақыма. Вотъ что говоритъ тотъ объ этомъ: «Мы прибыли въ Румъ и нашли тамъ небольшую гору, подножіе которой менѣе 1000 локтей. Въ этой горѣ есть подземный ходъ, идущій снаружи. Ты войдешь въ подземелье, пройдеши 300 шаговъ и прійдешь къ портику въ горѣ, построенному на высѣченныхъ столбахъ, а въ немъ нѣсколько помѣщеній. Одно изъ нихъ имѣетъ высокой пороги приблизительно въ человѣческой ростъ, на немъ есть каменная дверь, и въ этомъ помѣщеніи находятся и покойники. Поручены они одному человѣку, который ихъ охраняетъ; въ помощь ему дано два внуха. Онъ насъ отстранялъ отъ нихъ и не допускалъ, чтобы мы ихъ изслѣдовали, говоря, что онъ опасается, какъ бы болѣзнь не постигла того, кто коснется ихъ; онъ наводилъ на насъ этимъ затѣненіе, чтобы по прежнему продолжать свой доходъ. Я сказалъ ему: «Допусти меня посмотрѣть на нихъ, — и ты будешь невиненъ, [если я заболѣю]». Съ большимъ трудомъ я поднялся къ нимъ съ однимъ изъ моихъ слугъ. Я взглянулъ на нихъ. И оказалось, что волосы на нихъ искусственные и даже сѣкутся въ рукѣ. Ихъ тѣла намазаны алоемъ, миромъ и вамфорой, чтобы ихъ сохранить. Однако ихъ кожа касается ихъ костей. Я провелъ рукой по груди одного изъ нихъ и почувствовалъ жесткость его волосъ и упругость его платья. Затѣмъ завѣдующій ими принесъ намъ нищи и просилъ насъ покушать. Когда мы взяли нищу и попробовали ее, то наша душа ее не приняла, и намъ стало непріятно. Повидимому, этотъ лукавый хотѣлъ насъ [всѣхъ] убить, или убить нѣкоторыхъ изъ насъ, чтобы оправдать то, чѣмъ онъ морочилъ царя, говоря, что это, молъ, сдѣлали съ нами обитатели Рақыма²⁾. Мы, уходя, ему

1) Фарра — иначе Багавій, вышеуказанный комментаторъ Корана (ум. 1123 г.). См. у насъ стр. 53.

2) Якутъ расширяетъ добавочными словами фразу ибнъ-Мусы, крайне лаконическую. Но Бируній, мы видѣли (стр. 7 и 29), понимаетъ это мѣсто совсемъ иначе.

сказали: «Мы предполагали, что они живые и лишь походятъ на мертвыхъ, но оказалось, что это не такъ».

- № 47. Другіе говорятъ, что въ Балка въ землѣ пустынныхъ арабовъ, въ окрестности Дамаска, есть мѣстность, которая и есть „каф“ = Пещера, Ракумъ — вблизи Аммана.

Амманъ, — говорятъ, — это и есть городъ Дакіаноса, находящійся въ Афсось, въ Византіи, вблизи Абулюстейна ¹⁾. Говорятъ онъ и есть городъ Дакіаноса.

- № 48. И въ Андалусіи есть мѣсто, такъ называемое „Джинану-ль-Вардъ“ (розовые сады), съ Пещерой (каф) и съ Ракумомъ. И тамъ есть нѣсколько мертвыхъ негнѣющихъ тѣлъ, какъ говорятъ объ этомъ окрестные жители. Нѣкоторые говорятъ, что городъ Дакіаноса есть Толедо ²⁾.

- № 49. Передаётъ Аліи ибнъ-Яхья ³⁾, что онъ, возвращаясь съ войны, захватилъ [къ мощамъ]. Онъ увидѣлъ пещеру, куда поднимаются по лѣстницѣ въ 300 аршинъ. — Я ихъ видѣлъ — говоритъ онъ, — ихъ 13 человекъ. Среди нихъ одинъ совсѣмъ юный, безбородый. На нихъ шерстяные плащи, шерстяныя одежды, они въ сандаляхъ и башмакахъ. Я взялъ нѣсколько волосъ, висящихъ на лбу у одного изъ нихъ, и потянулъ къ себѣ, — ничто мнѣ не противилось ⁴⁾. На самомъ дѣлѣ, подлинныхъ Обитателей Пещеры [должно быть] семь, а византійцы прибавили къ нимъ остальныхъ изъ числа знатныхъ духовныхъ лицъ. И они смазали тѣла ихъ алоемъ и другими снадобьями, по своему разумѣнію. Передаютъ со словъ Обады ибнъ-ас-Самыта ⁵⁾, да благословить его Богъ:

- № 50. „Абу-Бакръ Правдивый въ годъ воцаренія [632] отправилъ меня посломъ къ царю Римлянъ призвать его къ исламу, или, въ противномъ случаѣ, предупредить его о войнѣ. Я отправился, вступилъ въ страну Римлянъ, и когда приблизился къ Константинополю, предъ нами показалась красная гора. Сказали намъ, что это гора Пещерниковъ и Ракумцевъ. Мы доѣхали къ одному монастырю на этой горѣ, спросили жителей монастыря про нихъ (про Обитателей Пещеры). Тѣ насъ повели въ подземный ходъ въ горѣ. Мы имъ сказали: „Желаемъ Пещерниковъ видѣть“ и по ихъ просьбѣ подарили имъ червонецъ. Вошли они въ подземный ходъ, и мы съ ними. У входа была желѣзная дверь. Они открыли ее. Наконецъ мы дошли до большого помѣщенія, высѣченнаго въ горѣ, гдѣ лежало 13 человекъ на спинѣ, какъ-будто они спали, и на каждомъ изъ нихъ сѣрый плащъ и одѣяніе сѣрое, и они покрыты ими съ головы до ногъ.

„Мы не могли опредѣлить, изъ какого матеріала ихъ одежда: изъ обык-

¹⁾ Если Афсось — вблизи Абулюстейна, то онъ не можетъ быть классическимъ Эфесомъ, а долженъ быть на границахъ Сиріи. А. Кр.

²⁾ Приуроченіе къ Толедо (а не къ Лохѣ Гранадекой) Якутъ повторяетъ и въ статьѣ „Джинанъ“ (т. II, стр. 125:2-4). А. Кр.

³⁾ Выше мы видѣли (стр. 7 и 29), что существовалъ Аліи ибнъ-Яхья Армянинъ (уб. 863), и былъ другой Аліи ибнъ-Яхья, поэтъ и звѣздочетъ (ум. 888), которому приписываютъ эту повѣсть аль-Бируний. А. Кр.

⁴⁾ Въ болѣе старыхъ вариантахъ (напр. у ибнъ-Хордадбега IX в.) мы читаемъ не *منعني* (какъ у Якута), а *تبعني* (= прядь волосъ [не] поддавалась). А. Кр.

⁵⁾ Обада ибнъ-Самытъ вообще извѣстенъ какъ одинъ изъ передатчиковъ Гватка хижры. Но данный рассказъ апокрифиченъ (какъ и самое посольство его). Срв. № 21, стр. 26-27. А. Кр.

повенной ли шерсти, или изъ пуховой. Все же она была плотнѣе парчи и хрустѣла отъ сильнаго прикосновенія. На большинствѣ изъ нихъ были башмаки до половины голеней, другіе же обуты въ сандаліи изъ мягкой кожи. Какъ ихъ покровы¹⁾, такъ и ихъ сандаліи великолѣпно пошиты и изъ невиданно мягкой кожи. Мы открыли ихъ лица одно за другимъ. По цвѣту лица и свѣжести его они какъ бы живые. Нѣкоторые изъ нихъ покрыты сѣдиною, а нѣкоторые юны, съ черными волосами. У однихъ волосы въ безпорядкѣ, а у другихъ причесаны. И всѣ они одѣты какъ мусульмане. Мы осмотрѣли ихъ до послѣдняго, который оказался битымъ по лицу мечомъ, какъ будто его ударили сегодня.

„На наши разспросы о мощахъ монахи сказали, что каждый годъ въ день праздника, назначеннаго въ честь Обитателей Пещеры, они (монахи) входятъ къ нимъ. Тогда на нѣсколько дней собираются жители страны со всѣхъ городовъ и деревень ко входу въ эту пещеру, „и мы выставляемъ мощи, но никто [изъ богомольцевъ] къ нимъ не дотрагивается. Мы выбиваемъ пыль изъ ихъ платья и плащей, подрѣзываемъ у нихъ погни, стрижемъ ихъ усы, затѣмъ укладываемъ ихъ въ такое положеніе, въ какомъ вы ихъ видите“. Мы справились, кто они, какова ихъ исторія и давно ли они въ этомъ мѣстѣ. Монахи связали—въ ихъ книгахъ написано, что мощи оказались въ этомъ мѣстѣ за 400 лѣтъ до появленія Христа, и что они были пророками, посланными въ ту эпоху, и сверхъ этого не извѣстно ничего изъ ихъ исторіи.

Вотъ что я передаю изъ книгъ свѣдущихъ людей. Но Богъ лучше знаетъ правда ли все это.

Въ статьѣ „Каһф“ (т. IV, стр. 331) Якутъ говоритъ, что всѣ свѣдѣнія по этому поводу онъ изложилъ въ статьѣ „ар-Рахым“,—которую мы перевели. Въ статьѣ „Уфсусъ“ (съ У или О въ началѣ, т. I, стр. 330) Якутъ сообщаетъ:

Это городъ на пограничьи Тарсуса. Говорятъ, что этотъ городъ—[коран- № 51. свихъ] Пещерниковъ (асъаб-аль-каһф).

XX.

Ибнъ-аль-Асиръ (1160—1232).

Взято изъ всеобщей исторіи: „аль-Камиль“ Абу-ль-Хасана Алиа, извѣстнаго подъ именемъ ибнъ-аль-Асира (род. 1160, ум. 1232). См. т. I, стр. 141—143, по каврскому изданію 1290—1873 г. Перевелъ М. О. Аттая.

Обитатели Пещеры жили во дни царя Декіуса, а нѣкоторые называютъ № 52 его Дакіаносъ. Они были изъ византійскаго города Эфесоса. Царь ихъ поклонялся идоламъ, но эти молодые люди вѣрили въ Господа своего, какъ объ этомъ говоритъ Всевышній Богъ: «Думалъ ли ты, что Пещерники и Рахымцы были чудомъ изъ знаменій нашихъ?» А Рахымъ—это ихъ исторія, написанная на доскѣ, которая висѣла у входа въ пещеру, гдѣ они принежились (нѣкоторые полагаютъ, что исторія ихъ была написана однимъ изъ современниковъ ихъ и находилась въ самомъ зданіи), при чемъ на доскѣ записаны были имена ихъ, указаніе, въ царствованіе какого царя они жили, и причина, по-

¹⁾ Кажется, лучше было бы читать не *لحاف*, а *خفاف* (= башмаки). А. Кр.

чему они поселились въ пещерѣ. Иные говорятъ, что все это написалъ тотъ царь, который ихъ открылъ и построилъ церковь надъ ними. Число ихъ, какъ говоритъ ибнъ-Аббасъ [ум. 687], было семь, а восьмой—ихъ пещь. Ибнъ-Аббасъ добавляетъ: «Я одинъ изъ немногихъ, которые знаютъ ихъ исторію. Говорить ибнъ-Исхакъ [ум. 768]: «Ихъ было восемь, а ихъ пещь былъ девятымъ». Они были изъ византійцевъ и поклонялись идоламъ. Богъ ихъ направилъ на путь истинный, и они приняли религію Христа (миръ Ему!). А нѣкоторые полагаютъ, что они жили до Христа, и что Христосъ говорилъ о нихъ своему народу, и что они были воскрешены Богомъ послѣ Вознесенія Христа. Первое мнѣніе—вѣрное.

Причина, побудившая ихъ увѣровать въ Христа, слѣдующая:

Одинъ изъ апостоловъ Иисуса пришелъ къ ихъ городу и пожелалъ вступить въ него. Но ему сказали, что у воротъ этого города—идоль, и всякій, вступающій въ городъ, долженъ ему поклониться. Онъ въ городъ не вошелъ, отправился къ находящейся недалеко отъ города банѣ и сталъ тамъ на службу. Хозяинъ бани замѣтилъ, что благодаря ему у него увеличилась прибыль; а молодые люди, служащіе въ банѣ, привязались къ нему. Сталъ онъ имъ рассказывать о небесахъ, землѣ, о будущей жизни, и они увѣровали въ него и повѣрили ему. И такъ онъ продолжалъ учить, пока не пришелъ съ одной женщиной царевичъ и не вошелъ въ баню. Апостолъ его устыдилъ. Тотъ, устыдившись, ушелъ. Затѣмъ вернулся, обругалъ апостола, поносилъ его, пригрозилъ ему и вошелъ съ женщиной въ баню. И оба они въ банѣ умерли. Царю донесли, что ихъ убилъ тотъ служитель бани. Его искали, но не нашли. Тогда стали спрашивать, кто дружилъ съ нимъ. Сказали: «Нѣкоторые изъ молодыхъ служащихъ». Искали и ихъ, но они убѣжали и, проходя мимо одного знакомаго, который нахалъ землю, рассказали ему о случившемся съ ними. Онъ пошелъ вмѣстѣ съ ними, и за нимъ послѣдовалъ его пещь. Когда наступила ночь, поселянинъ ихъ пріютилъ въ пещерѣ. Они сказали: «Мы тутъ переночуемъ до утра, потомъ подумаемъ, что намъ дѣлать». Вошли они въ пещеру, нашли тамъ источникъ воды и много плодовъ. Они съѣли плодовъ и выпили воды. Когда наступила ночь, Богъ усыпилъ ихъ и поручилъ ихъ ангеламъ, которые поворачивали ихъ то направо, то налѣво. Солнце восходило на нихъ. А царь Дакіаносъ, когда услышалъ о нихъ, выѣхалъ со своей свитой преслѣдовать ихъ и нашелъ ихъ уже въ пещерѣ. И приказалъ онъ своей свитѣ войти къ нимъ и выгнать ихъ оттуда. Но каждый разъ, когда кто-нибудь изъ людей пытался войти, былъ поражаемъ страхомъ и возвращался. И нѣкоторые изъ свиты сказали царю: «Ну, а если бы ты ихъ настигъ, царь, ты, навѣрное, убилъ бы ихъ?»—«Да», сказалъ онъ.—«Въ такомъ случаѣ, задѣлай входъ въ пещеру, и пусть они тамъ умрутъ отъ голода и жажды». Онъ такъ поступилъ. И они остались тамъ на долгое время. Случилось, что какой-то пастухъ, застигнутый дождемъ, сказалъ самому себѣ: «А что если я открою входъ въ эту пещеру и введу туда моихъ овецъ?». И онъ открылъ ее. На другой день утромъ Богъ вернулъ имъ души и воскресилъ ихъ. И послали они одного изъ своихъ съ серебряными монетами, чтобы купить пищи. Имя его Тамлиха. Какъ только онъ дошелъ до городскихъ воротъ, все показалось ему чужимъ. Онъ подошелъ

къ одному человѣку и сказалъ: «Продай мнѣ за эти дирхемы пищи». — «Откуда у тебя эти дирхемы?» — спросилъ купецъ. Юноша отвѣтилъ: «Вчера я отправился съ своими друзьями за городъ, и сегодня утромъ встали они и послали меня сюда купить для нихъ пищи». Купецъ ему сказалъ: «Но вѣдь эти деньги ходили еще во времена такого-то царя!» — и отправился съ нимъ къ царю, который былъ государемъ добрымъ. Царь сталъ его спрашивать, но юноша повторилъ то самое свое показаніе. «Гдѣ твои товарищи?» — сказалъ царь. — «Пойдемте со мной, я вамъ ихъ покажу!» — отвѣтилъ Тамлиха. Пошли люди вмѣстѣ съ нимъ и пришли ко входу въ пещеру. Тогда онъ сказалъ: «Пустите, я пойду раньше васъ къ моимъ товарищамъ предупредить ихъ, — какъ бы, услышавши ваши голоса, они не испугались и не подумали, что Дакіаносъ узналъ о нихъ». И онъ вошелъ къ нимъ и разсказалъ имъ все. Тогда товарищи его стали на колѣни и прославили Бога и помолились Ему, чтобы Онъ взялъ ихъ къ Себѣ. Богъ услышалъ ихъ молитвы и призвалъ къ Себѣ Тамлиху и другихъ. Когда царь хотѣлъ войти къ нимъ, то каждый изъ его людей, кто бы ни входилъ туда, былъ охватываемъ страхомъ. И они не могли туда войти. И оставили Пещерниковъ и построили надъ ними церковь для молитвословія.

Вотъ что передаетъ Икрима [ок. 645-724]:

№ 53.

Когда Богъ ихъ воскресилъ, царемъ былъ государь вѣрующій. Жители его государства разно думали о духѣ и тѣлѣ и ихъ воскрешеніи. Одни говорили, что Богъ воскреситъ и то и другое вмѣстѣ, а другіе говорили, что воскреситъ Онъ духъ, а не тѣло. Это очень огорчало царя. Одѣлся онъ въ лохмотья и сталъ просить у Бога выяснитъ ему истину. Тогда Богъ утромъ воскресилъ Обитателей Пещеры. Когда солнце взошло, они сказали другъ другу: «Мы въ эту ночь были нерадовыми къ молитвѣ». Они пошли къ водѣ; у пещеры былъ источникъ и деревья. И оказалось, что источникъ изсякъ, а деревья высохли. И стали они говорить другъ другу: «Что-то странное случилось съ нами! въ одну ночь — источникъ изсякъ, а деревья высохли!» Богъ послалъ на нихъ голодь, и они сказали: «Кто изъ насъ пойдетъ въ городъ, — выберетъ лучшую пищу и принесетъ намъ; но пусть онъ будетъ осторожнымъ, чтобы никто не узналъ про насъ». Одинъ изъ нихъ отправился покупать припасовъ, и, когда онъ оказался на рынкѣ, то узналъ всѣ улицы, а лица (людей) оказались ему незнакомыми. Но видѣлъ онъ, что вѣра торжествуетъ въ городѣ. Когда онъ сталъ покупать у одного человѣка, то тотъ заподозрилъ деньги и повелъ его къ царю. Юноша спросилъ: «Развѣ вашъ царь не такой-то?» Купецъ сказалъ: «Нѣтъ, а такой-то». Юноша этому очень удивился. И когда его привели къ царю, онъ разсказалъ ему о случившемся съ его товарищами. Тогда царь собралъ народъ и объявилъ ему: «Вы не сходите въ вопросѣ о духѣ и о тѣлѣ, и, вотъ, Господь воскресилъ для васъ, какъ знаменіе, этого человѣка изъ народа такого-то» (т.-е. изъ подданныхъ царя, который былъ раньше). Юноша сказалъ: «Пойдемте со мной къ моимъ товарищамъ». И поѣхалъ царь, и народъ вмѣстѣ съ нимъ. Когда они дошли до пещеры, юноша сказалъ царю: «Пустите, я раньше васъ войду къ моимъ товарищамъ — предупредить ихъ о вашемъ прибытіи, чтобы они не испугались, когда услышатъ топотъ ногъ вашихъ лошадей и голоса ваши, и чтобы не подумали, будто ты Дакіаносъ». Царь сказалъ:

«Сдѣлай такъ». И тотъ пошелъ впередъ къ своимъ товарищамъ, вошелъ къ нимъ и разсказалъ имъ все. Только тогда они узнали, сколько времени пробыли они въ пещерѣ. Заплакали они отъ радости и попросили Бога послать имъ смерть, для того чтобы никто изъ пришедшихъ ихъ не видѣлъ. И они тотчасъ скончались. Пришедшіе, долго ожидая, вошли къ юношамъ и нашли тѣла ихъ свѣжими, не возбуждающими подозрѣнія; только одно—что они ужъ безъ души. Тогда царь сказалъ: «вотъ вамъ чудо». И замѣтилъ тутъ царь мѣдный ковчегъ съ печатью. Онъ его открылъ. Увидѣлъ тамъ свинцовую доску, на которой были написаны имена отроковъ и то, что они убѣждали отъ царя Дакіаноса, боясь за себя и за свою вѣру, и что они вошли въ эту пещеру, и что, когда Дакіаносъ узналъ, что они находятся въ пещерѣ, то онъ ее заложилъ, и „пусть всякій, кто читаетъ нашу грамоту, вѣдаетъ, что такова ихъ повѣсть“⁴. Когда царь и его спутники прочитали это, они изумились и восхваляли Всевышняго Бога, который имъ показалъ воочію чудо воскресенія. И громко славилъ и прославлялъ они Бога. Другіе же передаютъ, что царь и бывшіе съ нимъ люди вошли къ отрокамъ и увидѣли ихъ живыми съ сіяющими лицами, при чемъ одежда ихъ не истлѣла, и юноши разсказали имъ, что они испытали отъ своего царя Дакіаноса. Царь тогда ихъ обіялъ, и они сѣли вмѣстѣ съ нимъ, восхваляя Бога и прославляя Его. Затѣмъ они обратились къ царю и сказали: «Мы тебя поручаемъ Богу». И пошли къ мѣсту своего ложа и почилъ какъ раньше. Царь построилъ имъ не золотому гробу. Но когда онъ заснулъ, то увидѣлъ ихъ во снѣ, и они сказали: «Мы не сотворены изъ золота, мы сотворены изъ праха, и въ него мы возвратимся». Тогда царь сдѣлалъ для нихъ деревянные гробы. И построилъ онъ у входа въ пещеру храмъ и назначилъ въ честь ихъ великій праздникъ. Имена этихъ отроковъ: Макалимна, Тамлоха, Мартусъ, Нироисъ, Кастумосъ, Дипумосъ, Ритуфосъ, Кэлосъ, Максимилина. Всѣхъ ихъ 9 именъ. Таково самое полное преданіе. А собака ихъ называется Кытміръ.

XXI.

Бейдавій.

(ум. ок. 1286)

Перъ атабекскихъ временъ, кадый въ Ширазѣ и въ Тебризѣ. Онъ авторъ высокочтимаго комментарія на Коранъ („Тафсіръ“),—комментарія, считаемаго у мусульманъ почти за святую книгу. Но обыкновенно Бейдавій просто экскерпируетъ „Кашшафъ“ ученаго еретика Замахшарія (ум. 1143), иногда кое-въ-чемъ и пополюя его (см. у меня въ „Исторіи арабовъ и ихъ литературы“ ч. I, М. 1912, стр. 206—207). По отношенію къ XVIII сурѣ Корана: „Пещерники“ Бейдавій дѣлаетъ то же, при чемъ къ

№ 54. Замахшарію добавляетъ вставки изъ Талябія Нишанурскаго XI в. Выше, давая переводъ отрывковъ изъ Замахшарія, мы понутно отмѣтили и прибавки Бейдавія, такъ что здѣсь нѣтъ ужъ ни малѣйшей необходимости давать особый переводъ изъ Бейдавія. См. стр. 53-55.

Бейдавій, конечно, повторяетъ и неточности Замахшарія. Напр. цитируя по Замахшарію доисламскій стихъ Омеййи ибнъ-ас-Салта (ум. 631), Бейдавій вмѣстѣ съ За-

махшаріемъ называетъ автора „ибль-Аби-с-Салтъ“. См. напр. константинопольское изданіе „Тафсир“-а, т. II (1296=1879), стр. 3—4¹⁾. А. Кр.

XXII.

Казвиній (1203-1283).

Захарія сынъ Мохаммеда внукъ Махмуда Казвинскій въ своей космографіи „Аджліб аль-Махлуѳатъ“ (=„Чудеса міра“), говоря о горѣ *Рахымъ* на 161 стр. 1-го тома изд. Вюстенфельда (Геттингенъ 1848 г.), сообщаетъ слѣдующее (переводъ М. О. Аттани):

Эта гора упомянута въ Коранѣ: «Развѣ ты не считаешь, что Обитатели № 55. Пещеры и Рахыма были чудомъ изъ нашихъ чудъ?» Говорятъ, что Рахымъ — имя горы, въ которой была Пещера, а другіе (говорить), что это имя города; откуда происходили Обитатели Пещеры. Нѣкоторые же предполагаютъ, что Рахымъ находится въ Балкѣ (въ Сиріи), — о ней будетъ дальше упомянуто, если будетъ угодно Богу, — а гора Обитателей Пещеры, по преобладающему мнѣнію, находится въ Византіи между Амурійе и Никійе.

Далѣе Казвиній передаетъ рассказъ Обăды ибнъ-ас-Самыта, будто бы посланнаго № 56. Абу-Бакромъ (632—634) къ византійскому императору и видѣвшаго мощи 13 человекъ. Повѣствованіе у Казвинія совпадаетъ съ Якутовымъ (ум. 1229). См. у насъ стр. 58. Вновь переводить рассказъ Обăды, поэтому, нѣтъ здѣсь необходимости.

Передаютъ со словъ ибнъ-Аббаса, (да помилуешь его Богъ), что Обитателей пещеры семь: Максимилина, Ямлиха, Маргунось, Баминунось, Сарабиюнось, Даванаваносъ, Кафаштатиюнось²⁾, а имя ихъ собаки Кытмиръ, а имя царя ихъ Давіаносъ. И будетъ сказано о нихъ подробно въ отдѣлѣ городовъ, а именно, когда рѣчь пойдетъ о городѣ Эфесосъ, если будетъ угодно Богу. № 57.

Въ статьѣ Балкѣ (въ Сиріи), т. I, 1847, стр. 105, Казвиній говоритъ о пещерѣ Рахымцевъ, т.е. о трехъ людяхъ, заваленныхъ въ дождь скалою. Повѣствованіе совпадаетъ съ Бохаріевымъ (см. № 1, стр. 4) и Мокаддасіевымъ (№ 22, стр. 28) и также влагается въ уста Абдаллаху ибнъ-Омару (613-692). Не будемъ переводить вновь.

(Т. II, 1848, стр. 335-337). Эфесосъ, извѣстный городъ въ Румѣ. При № 58. надлежалъ Давіаносу-тирану, отъ котораго убѣжали Обитатели Пещеры. Между Пещерой и этимъ городомъ — два фарсага разстоянія. Пещера обращена къ созвѣздію Большой Медвѣдицы, поэтому солнце въ нее никогда не проникаетъ. Въ этой пещерѣ покойники мужского пола, которые не разложились, числомъ семь. Шесть изъ нихъ лежатъ на спинѣ, а одинъ изъ нихъ лежитъ въ концѣ пещеры на правомъ боку. А спина его къ стѣнѣ пещеры. У ногъ ихъ мертвая собака, у которой ни одинъ членъ тѣла не отпалъ. Она распростерла свои переднія лапы впередъ, какъ выставляютъ львы свои лапы при нападеніи. Надъ этой пеще-

¹⁾ Константинопольское это изданіе, правда, полно опечатокъ. Но вставка „Аби“ не можетъ же объясняться опечаткою. (Критическаго изданія Флейшера у меня нѣтъ въ данный моментъ подъ руками) А. Кр.

²⁾ Въ каирскихъ изд. Казвинія (напр., на поляхъ Дамирія, т. I, 237 по изд. 1313 г. Г.) рѣзкіе варианты именъ.

рой построенъ храмъ. Молитвѣ въ этомъ храмѣ Богъ внимлетъ. Народъ стекается къ этому храму. Жители города видятъ ночью надъ пещерой большой огонь и знаютъ, что онъ исходитъ отъ Обитателей Пещеры. Начало исторіи Обитателей Пещеры это то, что передаетъ Вахбъ, сынъ Мюнаббиха [666-728].

№ 59. Когда скончался Соломонъ, сынъ Давида, римскій императоръ вернулся къ идолопоклонству. А Дакіаносъ, одинъ изъ его полководцевъ, также вернулся съ нимъ (послѣдовалъ за нимъ). А кто его ослушивался, того онъ наказывалъ казнью: сжигалъ (живымъ) и распиналъ. Случилось, что однажды нѣсколько молодыхъ людей, сыновья витязей, пошли посмотрѣть на наказываемыхъ, признающихъ Единого Бога. Богъ предопредѣлилъ направить юношей на истинный путь и просвѣтилъ ихъ взоры. И они видѣли, что, когда приводили человѣка, вѣрующаго въ Единого Бога, на казнь и убивали его, то ангелы съ неба спускались и, взявши его душу, улетали съ ней. Юноши увѣровали. И жили они въ своей вѣрѣ, пока не открылась ихъ преданность Богу («исламъ»). Царь послалъ за отцами ихъ и упрекалъ за то, что ихъ дѣти преданы Единому Богу. Тѣ сказали: «Мы отъ нихъ отказываемся, дѣлай съ ними что хочешь». Царь призвалъ молодыхъ людей къ себѣ и сказалъ имъ: «Я даю вамъ трехдневный срокъ, такъ какъ на эти три дня отлучаюсь изъ города. А когда возвращусь на четвертый день и найду васъ непослушными мнѣ, то я устрою вамъ такое наказаніе, какое полагается тѣмъ, кто не слушаетъ меня». Когда наступилъ третій день, молодые люди собрались вмѣстѣ и сказали: «Въ нашемъ распоряженіи остается этотъ день и слѣдующая ночь». И рѣшили они убѣжать въ ту ночь. Каждый изъ нихъ унесъ немного денегъ отъ своихъ отцовъ, и пѣшкомъ вышли они изъ города. Они проходили мимо пастуха, пасшаго овечье стадо ихъ отцовъ. Тотъ узналъ ихъ и сказалъ: «Господа мои! Что съ вами случилось?» Они открыли пастуху свое положеніе и призывали его къ вѣрѣ въ Единого Бога. Пастухъ согласился съ ними, и они взяли его съ собою. И пошла за пастухомъ собака его. Они шли всю ночь, а утромъ очутились у входа въ Пещеру, куда они и вошли. И сказали они пастуху: «Возьми немного серебряныхъ денегъ, ступай въ городъ и купи намъ пищи. Вѣдь народъ не знаетъ о томъ, что ты ушелъ вмѣстѣ съ нами». Онъ взялъ деньги и отправился, а за нимъ пошла его собака. У городскихъ воротъ былъ идолъ. И кто бы ни входилъ въ городъ, долженъ былъ до вступленія въ городъ сначала поклониться этому идолу. Пастухъ стоялъ въ заботѣ: какъ же поклониться идолу? Но Богъ внушилъ собакѣ побѣжать передъ нимъ и войти въ городъ. Тогда пастухъ побѣжалъ за ней, крича: «ловите ее! ловите!», и такъ миновалъ онъ идола, не поклоняясь ему. Когда онъ дошелъ до базара и купилъ часть того, что ему нужно, услышалъ, что кто-то говоритъ: «И пастухъ, такой-то, также пошелъ за тѣми». Услышавши это, пастухъ испугался, не закончивъ покупки и, поспѣшно вышедши изъ города, прибылъ къ своимъ товарищамъ. Что было съ нимъ, рассказалъ имъ. Они поѣли и легли спать. И Богъ ударилъ по ихъ ушамъ (т.-е. наслалъ на нихъ сонъ). Когда вернулся царь, ему передали о ихъ бѣгствѣ. Онъ вышелъ въ поиски за ними, пока не дошелъ до входа въ Пещеру. Узнавши, въ какомъ они положеніи, царь сказалъ: «Довольно съ нихъ того наказанія, что они умерли отъ голода».

Богъ погубилъ Дакіаноса и спустилъ у входа въ Пещеру скалу. И послалъ въ жителямъ того вѣка тринадцать пророковъ, которые призывали людей къ вѣрѣ въ Единого Бога. Много народа увѣровали въ Него. И тотъ царь, во дни котораго Онъ оживилъ юношей, былъ уже вѣрующимъ въ Единого Бога. Когда настала годъ, въ который Богъ пожелалъ вернуть юношей къ жизни, одинъ еловѣкъ изъ жителей этого города отправился и избралъ мѣстомъ своего пребыванія это мѣсто, чтобы пасти свои стада. Желая устроить для своего стада загонъ, онъ приказалъ своимъ помощникамъ отодвинуть скалу, бывшую у входа въ пещеру. Юноши встали, подобно тому, кто спитъ одну ночь, спокойно, въ чистыхъ одѣянїяхъ. И они увидѣли свою собаку съ вытянутыми впередъ лапами, какъ бы на-сторожѣ. И это—послѣ 300 лѣтъ по римскому счету, а по счету арабовъ больше еще на 9 лѣтъ, такъ какъ счетъ у римлянъ солнечный, а счетъ у арабовъ лунный и разница въ каждомъ столѣтїи на 3 года. Они очнулись въ концѣ дня. Нѣкоторые изъ нихъ сказали другимъ: «Сколько времени мы тутъ пробыли?» Другіе отвѣтили: «Пробыли мы или одинъ день», или: «часть дня». — «Часть дня», сказали они, видя, что солнце еще не заходило. Но когда они увидѣли длину своихъ волосъ и ногтей, они сказали: «Господь нашъ лучше знаетъ, сколько мы тутъ пребываемъ». Затѣмъ сказали пастуху: «Ты вчера намъ мало принесъ пищи. Ея было недостаточно для насъ. Возьми немного денегъ, ступай въ городъ и купи намъ поѣсть». Онъ, хоть и со страхомъ, все-таки отправился и дошелъ до городскихъ воротъ,—а съ воротъ идолъ былъ снятъ. Затѣмъ онъ вошелъ въ городъ, сталъ всматриваться въ лица людей, но никого не узнавалъ. Когда онъ дошелъ до базара, гдѣ продаютъ съѣстное, и заплатилъ серебряными деньгами, то ему вернули ихъ обратно, говоря: «Это старье, теперь они не въ ходу». Онъ однако отдалъ все, что было у него, и сказалъ: «Берите этихъ денегъ, сколько хотите». Торговецъ, увидѣвши такія деньги, шепнулъ своему сосѣду: «Думаю, онъ нашелъ кладъ». Подмѣтилъ пастухъ, что они шепчутся между собою, подумалъ, что они его узнали. Онъ бросилъ деньги и обратился въ бѣгство. Купецъ сталъ кричать народу вслѣдъ за нимъ: «Хватайте его! онъ нашелъ кладъ!» Его схватили и привели къ царю. Разказали царю объ его дѣлѣ и о деньгахъ. Царь оставилъ его въ покоѣ, пока онъ не пришелъ въ себя. Затѣмъ спросилъ: «Что съ тобой, юноша? разкажи мнѣ твою исторїю и не безпокойся». Юноша отвѣтилъ: «Какъ называется этотъ городъ?» Ему сказали: «Эфесось». — «А что дѣлаетъ Дакіанось?» спросилъ онъ. — «Ужъ 300 лѣтъ», отвѣтили ему, «какъ Богъ погубилъ Дакіаноса». Юноша разказалъ имъ свою повѣсть и повѣсть его товарищей. Царь сказалъ: «Я думаю, что этотъ чловѣкъ не въ полномъ умѣ». — «Если ты хочешь увѣриться въ томъ, что я говорю», — сказалъ пастухъ, — «ступай со мной къ моимъ товарищамъ, и ты навѣрное ихъ увидишь въ пещерѣ». Отправился царь верхомъ, и съ нимъ многіе жители города. Пастухъ сказалъ: «Когда мои товарищи услышатъ шумъ людей, они испугаются. Позволь мнѣ, царь, предупредить ихъ». Царь ему позволилъ. Пастухъ пошелъ впередъ, дошелъ до входа пещеры, вошелъ къ товарищамъ и разказалъ о гибели Дакіаноса, о появленїи „ислама“ (вѣры въ единство Бога), о томъ, что наредѣ находится подъ управленїемъ добраго царя, и что онъ вотъ пришелъ къ нимъ, и съ

нимъ много жителей города. Когда тѣ услышали это, воскликнули: «Богъ великъ!» и прославили Его. Въ это время прибылъ къ нимъ царь и жители города. Царь ихъ привѣтствовалъ и спросилъ о каждомъ изъ нихъ поодиночкѣ и обнялъ ихъ. И народъ привѣтствовалъ ихъ. Они поспѣшили рассказать свою исторію, а когда ее окончили—пали мертвыми. Жители города построили надъ пещерою храмъ и назначили въ этотъ день праздникъ въ честь ихъ. И Обитатели Пещеры въ такомъ состояніи—до нашихъ дней.

Два персидско-турецкихъ отрывка XIII—XIV в.

XXIII.

Ибнъ-Биби (въ 1280-хъ гг.).

Эмиръ Наскреддинъ Яхъя, извѣстный подъ прозвищемъ ибнъ-[аль] Биби, принадлежалъ къ сельджукскому кругу, написалъ исторію малоазіатскихъ сельджуковъ, между 681-684=1282-1285 гг. ¹⁾ Персидскій текстъ изданъ Хаутсмою (M. Th. Houtsma) въ IV томѣ „Recueils de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides“ (Лейд. 1902). Въ рассказѣ о событіяхъ приблизительно около четверти XIII вѣка, при сообщеніи о передвиженіи войскъ на пограничье Сиріи и Малой Азіи, отмѣчается:

№ 60. Арабусу *اربسوی* (=очевидно, *Ἀραβισσός*), который былъ родиною Пещерниковъ (мѣнш'аи *әсҗабъ аль-каһф*) и мѣстомъ пребыванія Дакіаноса.—А. Кр.

XXIV.

Рубгузи (1310).

Рубгузи—составитель одного изъ самыхъ раннихъ дошедшихъ до насъ произведеній на тюркскомъ языкѣ: „Повѣсти о пророкахъ“ (Кысас ад-анбийя), 1310 года. Повидимому, въ основу Рубгузиевой компіляціи, или перевода, легъ текстъ т.-н. же-Кисаевыхъ „Повѣстей о пророкахъ“, т.-е. персидская передѣлка, приписанная Кисаю XI вѣка (см. у насъ выше стр. 30-31). Форма именъ у Рубгузи наводитъ меня на мысль, что дѣло у него (или у же-Кисаия) не обошлось безъ посредства сирскаго христіанина-несторіанина (см. у насъ ниже сноску на стр. 69).

Старѣйшая рукопись Рубгузи (XV вѣка) хранится въ Британскомъ Музеѣ и описана у Ш. Ръё въ его „Catalogue of the Turkish manuscripts in the British Museum“ (Лонд. 1888), стр. 269—272, гдѣ собраны кое-какія (скудныя) свѣдѣнія о самомъ Рубгузи; къ этому см. рецензію бар. В. Р. Розена въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія“, т. III (1888), стр. 287—288. Отрывокъ о пророкѣ Салыхъ по этой рукописи переведенъ на русскій языкъ П. Меліоранскимъ въ юбилейномъ сборникѣ бар. В. Розена (1897), стр. 279—308. Печатно изданъ Ильминскимъ весь Рубгузи, но не по очень стариннымъ рукописямъ (Казань 1275=1859), и тамъ глава 50-ая (т.-е. стр. 440—443) представляетъ собою повѣсть объ Юношахъ Пещеры. Съ печатнаго текста русскій переводъ этой главы былъ напечатанъ Н. Катановымъ въ VIII томѣ „Записокъ Восточнаго Отдѣленія“ (1893), стр. 242—245 въ статьѣ „Татарскія сказанія о Семи спящихъ отрокахъ“. Этотъ переводъ Н. О. Катанова ²⁾ мы здѣсь и воспроизводимъ.

А. Кр.

¹⁾ Ограниченія В. Бартольда насчетъ авторства ибнъ-Биби см. въ его „Туркестанъ“ (Сиб. 1900), стр. 31 и стр. 372.

²⁾ Отдѣльныя мѣста своего сказанія Рубгузи подкрѣпляетъ цитатами изъ XVIII главы Корана, безъ цитатъ онъ оставляетъ лишь тѣ мѣста, которымъ не нашель въ Коранѣ соответствующихъ стиховъ. Эти цитаты изъ Корана, числомъ 17, при рус-

Рассказываютъ, что въ Румѣ (т.-е. византійской имперіи) былъ одинъ царь, по имени превеликій гонитель Дакьянусъ. Войска у него было несмѣтное количество. Однажды онъ сражался съ нѣкимъ царемъ и убилъ его. У этого (убитаго царя) было 6 сыновей, и всѣхъ ихъ (Дакьянусъ) взялъ въ плѣнъ. (Дакьянусъ) требовалъ отъ всѣхъ, чтобы его признавали Богомъ. Шестерыхъ юношей онъ заставилъ поклоняться ему, (ибо и) весь міръ считалъ Дакьянуса Богомъ. № 61.

Однажды кошка возилась съ мышью и дерясь съ нею, свалилась съ дыньки на землю. Дакьянусъ, увидѣвъ это, испугался. Вышеупомянутые 6 братьевъ, увидѣвши (что Дакьянусъ испугался кошки), сказали: «Оказывается, этотъ человекъ не — Богъ: онъ испугался этой кошки!» Они стали совѣщаться, говоря: «Идите сюда, пойдемте искать Бога!» Старшій братъ, по имени Ямлиха, сказалъ: «Мы уйдемъ тогда, когда царь намъ велитъ играть въ шары. Мы будемъ бить послѣднѣе по направленію къ степи (чтобы, подъ предлогомъ игранія въ шары, удалиться отъ дома), а какъ станемъ подходить къ дому, то будемъ бить послѣднѣе!» Съ этими словами они согласились (играть въ шары).

Обычай Дакьянуса состоялъ въ слѣдующемъ. Самъ онъ сидѣлъ въ началѣ поля, на которомъ происходило зрѣлище. Кто прекрасно ударялъ въ шаръ и (бѣгая за нимъ) выказывалъ удалое наѣздничество, тому (Дакьянусъ) имѣлъ обыкновение дѣлать подарки. Каждый день прѣзжали обыкновенно молодые люди и поочередно ударяли въ шаръ.

Разъ пришла очередь (ударять) и вышеупомянутымъ 6 юношамъ. Они прибѣгли къ (слѣдующей) уловкѣ и хитрости. Выѣхавши (на середину поля), они били въ шаръ сначала потихоньку, а потомъ, подѣхавши къ парку, стали бить докряпче. Подъ влдомъ игранія въ шары они уѣхали далеко и, прибывши въ одно селеніе, закопали свои чистыя одежды въ землю и, надѣвши грубые халаты, двинулись въ путь.

Они пришли къ одному пастуху, (который) далъ имъ айрану (вислего молока) и спросилъ: «Куда вы идѣте?» Они отвѣчали: «Мы идѣмъ искать Бога!» Пастухъ спросилъ: «Развѣ Дакьянусъ не — Богъ?» Они отвѣчали: «Оказалось что онъ — не Богъ!» Пастухъ сказалъ: «Подождите одинъ часъ, и я пойду съ вами!» Пастухъ пошелъ и вручилъ овецъ хозяевамъ; (затѣмъ вернулся и) присоединившись къ юношамъ, двинулся съ ними въ путь.

У него (т.-е. у этого пастуха) была одна собака, по имени Каркарицъ, а по словамъ нѣкоторыхъ Кытмырь. Имена же ихъ: перваго (юноши) — Ямлиха, втораго — Максильмина, третьяго — Мартунусъ, четвертаго — Менитунусъ, пятаго — Сарфунусъ, шестаго — Зуанванусъ, а имя пастуха — Кефиститатюнусъ.

Сказали они овечьему пастуху: «Бей свою собаку, чтобы она не шла за нами, — она выдастъ насъ!» Пастухъ ударилъ собаку, но она не вернулась. Онѣ переломили собакѣ одну ногу. Благодаря могуществу Всевышняго Господа, собака, заговоривъ человѣческимъ голосомъ, сказала: «Если Всевышній Господь

скомъ переводѣ здѣсь выпущены, для того чтобы народное сказаніе совершенно отделиться отъ Корана, и лишь въ скобкахъ поставлены цифровыя указанія на соответствующіе стихи Корана.—Н. К.

нуженъ вамъ, то развѣ Онъ не нуженъ мнѣ?» Услышавъ (эти) слова, они взяли собаку на руки.

Наступилъ вечеръ, и они пришли къ одной пещерѣ. Вошли они внутрь ея и легли спать. Всевышній Господь далъ имъ особенный сонъ. Царь, разысывая ихъ, пріѣхалъ къ пещерѣ и, увидѣвъ, что паукъ затянулъ ея отверстіе паутиною, счелъ ихъ умершими (XVII, 10). Дакьянусъ сказалъ: «Они отреклись отъ меня, поэтому-то и умерли!» Съ этими словами онъ вернулся домой.

Они пролежали въ этой пещерѣ 309 лѣтъ (XVIII, 24). Относительно 9 не согласуются. Нѣкоторые говорятъ «9 мѣсяцевъ», а нѣкоторые «9 дней». Когда они проснулись, то одинъ, именно Ямлиха, сталъ говорить другимъ: «Сколько времени мы пролежали здѣсь?» (XVIII, 18). Одинъ сказалъ: «Прошло полъ-дня!», а другой: «Прошли одиѣ сутки!» (XVIII, 18). (Тогда) они сказали: «Всевышній Господь знаетъ лучше всѣхъ!» (XVIII, 18).

Потомъ сказали: «Пошлемте одного на базаръ (XVIII, 18), пусть онъ пойдетъ и посмотритъ. Которая пища чище, пусть ту онъ и принесетъ. Кроме этого (порученія),— пусть съ жителями (города) ведетъ разговоры и бесѣды обдуманно, чтобы никому не дать знать (о себѣ и объ насъ)!» (XVIII, 18). Затѣмъ они опять сказали: «Если узнаютъ этого человѣка, то поймаютъ и станутъ бить его, или обратятъ въ свою вѣру, а потомъ мы не избавимся отъ нихъ во вѣки вѣковъ (XVIII, 19). Ямлиха всталъ и пошелъ на базаръ. Онъ сказалъ хлѣбнику: «Дай мнѣ чистыхъ хлѣбовъ!» Хлѣбникъ взялъ (у него) монету и увидѣлъ на ней имя Дакьянуса.— «Ты, вѣроятно, нашелъ кладъ,— эта монета вышла уже изъ употребленія; гдѣ ты взялъ ее?» спросилъ хлѣбникъ. Онъ взялъ Ямлиху и представилъ его царю. Имя царя было Ястакадъ¹⁾. Онъ былъ мусульманинъ; люди (его) тоже были мусульмане. Спросили Ямлиху: «Что ты за человѣкъ?» Онъ разсказалъ подробно обо всемъ (происшедшемъ). Царь Ястакадъ собралъ ученыхъ и сказалъ: «Правда-ли то, что онъ разсказываетъ?» Одинъ изъ ученыхъ сказалъ: «Я въ одной исторіи читалъ, что въ царствованіе Дакьянуса 6 юношей убѣжали, ушли въ горы и вошли въ пещеру!»

Царь сѣлъ на коня и отправился (со свитою) смотрѣть эту пещеру. Когда онъ подѣхалъ уже близко, Ямлиха сказалъ: «Вы обождите одиѣ часъ! чтобы они не испугались, я пойду впередъ и повидаюсь съ ними!» Ямлиха, придя раньше (другихъ), извѣстилъ (товарищей) о томъ, что ѣдетъ (къ нимъ) царь. Услышавши о царѣ, они сейчасъ же лишились чувствъ. Пришедши въ себя, они опять спросили, и Ямлиха сталъ разсказывать (обо всемъ).

Между тѣмъ подѣхалъ царь и, увидѣвъ всѣхъ, сказалъ имъ: «Я отправляю васъ въ городъ!» Эти остались недовольны и спустились въ глубину пещеры. (Царь) тронулся въ (обратный) путь. Лицеѣры сказали: «Тутъ мы воздвигнемъ гостиницу!», а вѣрующіе: «Мы воздвигнемъ мечеть!» и построили (тутъ) мечеть (XVIII, 20).

№ 62.

Иудей и язычники не согласуются (относительно числа отроковъ). Мать-Якуби говорятъ, что ихъ было трое, а съ собакою четверо, а Мелькай гово-

¹⁾ Вѣроятно, надо читать «Яздададъ», что является букввальнымъ персидскимъ переводомъ греческаго имени Θεодосій.—А. Кр.

рить, что ихъ (было) пятеро, а съ собакой шестеро (XVIII, 21)¹⁾. Ихъ слова не заслуживаютъ довѣрія, — это никому не извѣстно (XVIII, 21). Вѣрующіе говорятъ, что ихъ семь, а съ собакой восемь (XVIII, 21). Богъ сказалъ Мухаммеду: „Эй, Мухаммедъ, скажи, что Господь нашъ лучше знаетъ, и что числа ихъ не знаютъ іудеи, тогда какъ и вѣрующіе-то знаютъ мало“ (XVIII, 21). Абдулла-ибнъ-Аббасъ говоритъ: „Изъ вѣрующихъ знаютъ ихъ немногіе, въ числѣ которыхъ и я. Ихъ было семь, а съ собакой восемь. Говорить такъ есть слѣдующее основаніе. Богъ велѣлъ спросить, сколько времени они пробыли (въ пещерѣ). Объ этомъ спросилъ одинъ изъ нихъ (XVIII, 18) и они сказали (XVIII, 18): „Мы пробыли день или часть дня!“ (XVIII, 18). Такъ говорили трое, ибо „сказали“ стоять во множ. числѣ, — а всѣхъ ихъ было семь человекъ, съ собакой восемь“.

(Архангелъ) Гавріиль спускается (съ неба) и переворачиваетъ ихъ лежащихъ одинъ разъ въ мѣсяцъ съ праваго бока на лѣвый (XVIII, 17). Устье пещеры — по направленію къ сѣверу. Солнечные лучи никогда не проникаютъ (внутри пещеры). Отъ Бога посылаются къ нимъ слуги, которые брѣютъ имъ головы и подрѣзываютъ ногти. Говорятъ, былъ халифъ Моавія; когда, желая посмотрѣть ихъ, онъ подѣхалъ близко къ пещерѣ, то въ него стали летѣть камни. Моавія вернулся, не удостоившись увидѣть ихъ. № 63.

ДОБАВЛЕНИЕ О ДВУХЪ АВТОРАХЪ XIV-XV ВѢКА.

XXV.

Дамирій (1344-1405).

Такъ какъ, по нашему плану, мы рѣшили ограничиться переводомъ арабскихъ текстовъ, писанныхъ не позже XIII вѣка, то словарь „Жизнь животныхъ“ довольно поздняго египтянина Дамирія (род. 1344, ум. въ Каирѣ 1405), разумѣется, исключенъ нами, хотя въ работѣ Гвиди онъ занимаетъ выдающееся мѣсто. Сводку легендъ о Седмичисленникахъ и Ракумцахъ Дамирій даетъ въ большой словарной статьѣ „Кяльб“ = „Собака“ (по печатному египетскому изданію 1313=1896 г. см. т. II, стр. 238-252). Лѣтъ восемь тому назадъ началъ печататься полный англійскій переводъ индійскаго подполковника Джаякара: „Ad-Damîri's Hayât al-hayawân (A zoological lexicon)“,

¹⁾ „При плачевномъ состояніи текста сочиненія Рубгузи всякія догадки о томъ, какихъ авторовъ разумѣть Рубгузи подъ именами *مار يعقوبی* и *ملکای*, были бы преждевременны. Прежде всего было бы желательно знать, какъ эти имена читаются въ рук. Британскаго Музея“. (Примѣч. бар. В. Розена). — Но вѣдь смыслъ этихъ именъ вполне ясенъ изъ комментаріевъ на Коранъ, напр. изъ Замахшарія и Бейдавія (см. нашъ переводъ стр. 55). Сирское „Маръ-Якуби“ вполне — буквально соответствуетъ арабскому „Сейиду-іаковиту [монофизиту]“, указанному въ коранскомъ комментарий. Другой христіанинъ, который у Рубгузи названъ „Мелькай“, названъ у арабскихъ комментаторовъ „несторіаниномъ“. Отсюда, по-моему, слѣдуетъ, что или у Рубгузі или у же-Кисаія помощникомъ былъ сиріанинъ-несторіанинъ который вмѣсто неуряднаго для него въ исламскомъ преданіи слова „несторіаналь“ подставилъ въ контекстѣ слово „мелькитъ“, т.-е. „греко-православный“. [А. Крыскій].

но до сихъ поръ полностью вышелъ только I томъ (Бомбей 1906), а изъ II тома, сколько намъ извѣстно, напечатана лишь первая половина (Бомбей 1908), кончающаяся буквою „Ф“. Отдѣлъ буквы „К“ (гдѣ статья „Кяльб“) входитъ въ составъ той части англійскаго перевода, которая еще не выпущена въ свѣтъ. Покамѣстъ, все важное изъ этой статьи Дамирія доступно для пользованія неориенталистамъ по работѣ Гвиди: „Testi inediti sopra i Sette Dormienti di Efeso“ 1884-1885.

Для того, кто располагаетъ всѣми вышеприведенными у насъ болѣе ранними арабскими авторами (съ Табаріемъ IX-X в. и Та'лябіемъ XI в. въ ихъ числѣ), текстъ Дамирія дастъ ужь очень немного новаго. Въ мелочахъ онъ, конечно, можетъ быть далеко небезынтересенъ.

Одну мелочь, указанную у Дамирія насчетъ изготовленія усыпительныхъ и успокоительныхъ амулетовъ изъ именъ Пещерниковъ, мы случайно отмѣтили выше (стр. XV), касаясь работы о русскихъ амулетахъ-змѣвикахъ.

XXVI.

Мирхондъ (1433-1498).

Мирхондъ — писатель не арабскій, а персидскій, и мы не подумали бы его даже касаться, если бы изъ специальной монографіи Хубера (1910, стр. 35) не выяснилось, что этотъ столь усердно читаемый на востокѣ Мирхондъ можетъ кое-кому изъ изслѣдователей не-востоковѣдовъ казаться не только малоизвѣстнымъ, но даже вовсе утеряннымъ (!) ¹⁾. Отмѣчаемъ поэтому, что Мирхондъ не только не утерянъ, но не разъ переводился и на европейскіе языки въ XIX вѣкѣ. По переводу E. Rehatsek'a 1892 („The Rauzat ussafa, or, Garden of purity, containing the histories of prophets, kings and khalifs“) глава „Record of the Companions of the Cave“ находится въ I части, томѣ 2-мъ (Лонд. 1892, стр. 190-202).

Изъ заключительныхъ словъ Мирхонда (стр. 202) видно, что онъ, дѣлая свою компиляцію легенды, считался съ Табаріемъ, но и отступалъ отъ него. Первоисточникомъ своихъ версій Мирхондъ считаетъ пбнъ-Аббаса (ок. 622-687) и пбнъ-Исхака (ок. 690-768). Къ цѣпи легендъ о семи отрокахъ Мирхондъ предпосылаетъ рассказъ (стр. 190-191 англ. перевода) объ эфесскомъ знаменитомъ греческомъ врачѣ Джалинусѣ (=Галенѣ), объ его неудавшемся стремленіи объяснить исцѣленія, производимыя Исою (=Иисусомъ), чисто-медицинскимъ, научнымъ путемъ, и объ обращеніи раскаявшагося Джалинуса съ его школой къ ученію Иисуса, послѣ чего христіанство стало распространяться въ Эфесѣ. Начавши съ этой легенды, Мирхондъ предлагаетъ другую версію, объ обращеніи Эфеса въ христіанство однимъ изъ учениковъ Шим'уна-ас-сафы (Симона Кифы) и о гоненіи Декіануса. — А. Кр.

¹⁾ Срв. у насъ выше, стр. X.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Общій историко-литературный очеркъ сказанія о Семи Спящихъ Отрокахъ	I—XVI
Распространенность сюжета помимо христіанскаго міра. Античные мифы о долгомъ снѣ. Иуданстическія легенды	I—II
Легенда христіанъ о семи заснувшихъ отрокахъ Эфесскихъ. Переходъ ея въ мусульманскій міръ. Приуроченіе ко всевозможнымъ мѣстностямъ исламскаго міра	II—IV
Рядъ невыясненныхъ вопросовъ относительно созданія и литературнаго фиксированія христіанской легенды	IV—V
Возможность историческаго христіанскаго ядра легенды въ видѣ факта обрѣтенія пещерныхъ мощей при Θεодосіи II. Свидѣтельство синайскаго подвижника св. Іоанна Колоба нач. V вѣка	V—VI
Сирія—старѣйшее христіанское хранилище легенды о свв. уснувшихъ юношахъ. Литературныя сирскія, или заимствованныя отъ сирійцевъ, обработки VI вѣка	VII—IX
Сирская литературная обработка есть старѣйшая; греческая и прочія версіи произошли отъ нея. Неудачная попытка Хубера (1910) оживить греческую гипотезу	IX—XI
Арабская группа сказаній объ уснувшихъ свв. Пещерникахъ	XII—XIII
Библиографическій указатель литературы предмета	XIII—XVI
II. Переводы арабскихъ версій легенды о Семи спящихъ отрокахъ Эфесскихъ VII—XIII в.	стр. 1—70
Коранъ, глава „Пещера“	1—2
Недошедшія до насъ, но цитируемыя версіи VII—IX в.	2—3
Бохарій (810-870)	3—4
Джахызъ (ум. 869)	4—5
Ибнъ-Хордадбеһъ (пис. въ 844-848 г.)	5—8
Ибнъ-Котейба (828-889)	8
Табарій (838-923)	8—24
Хамза Испанскій (нач. X в.)	24
Мас'удій (ум. 956)	24—26
Мокаддасій (985)	26—29
аль-Вируній (въ 1000)	29—30
Кисаі (нач. XI в.)	30—31
Та'лябіи Нишанурскій (ум. 1036)	31—53
Багавій аль-Фаррâ (ок. 1045-1122)	53
Замахшарій (1074-1143)	53—56
Идрисій (ок. 1154) и ибнъ-Атйе Гранадскій (ок. 1147)	56
Якутъ (ум. 1229)	56—59
Ибнъ-аль-Асиръ (1160-1232)	59—62
Бейдавій (ум. ок. 1286)	62—63
Казвиній (1203-1283)	63—66
Два персидско-турецкихъ отрывка XIII—XIV в.	стр. 66—69
Ибнъ-Биби (въ 1280-хъ гг.)	66
Рубгузи (1310)	66—69
Добавленія о двухъ авторахъ XIV—XV вѣка	стр. 69—70
Дамирій (1344—1405)	69—70
Мирхондъ (1433—1498)	70

Сообщенія старинныхъ армянскихъ писателей о Мохаммедѣ и исламѣ съ VІІ вѣка

собралъ членъ Восточной Коммисіи А. Е. Туманянъ.

Древне-армянскіе писатели по отношенію къ Корану и его автору рѣзко дѣлятся на два лагеря. Въ то время какъ представители болѣе ранней эпохи, говоря объ арабахъ, въ частности о Мохаммедѣ и его ученіи, выражаются въ крайне спокойномъ, эпическомъ тонѣ, послѣдующіе, наоборотъ, всей силой ненависти и язвительности кидаются на мусульманъ, безпощадно бичуя какъ личную жизнь Посланника, такъ и его религію.

Начальная симпатія объясняется очевидно тѣмъ, что въ первомъ вѣкѣ существованія халифата арабы въ покоренныхъ странахъ фактически никакихъ прозелитскихъ цѣлей не преслѣдовали, или во всякомъ случаѣ проводили политику большой вѣротерпимости¹⁾. Помимо этого и священная книга ихъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ еще не была извѣстна широкимъ массамъ, и въ далекой Арменіи со словъ побывавшихъ въ плѣну армянъ знали изъ нея развѣ то, что по законамъ Мохаммеда запрещалось «ѣсть мертвечину, пить вино, лгать и прелюбодѣйствовать»; а это—запрещенія, которыя въ большинствѣ случаевъ предписывались и самимъ христіанамъ. Отсюда понятно даже чувство прямой симпатіи къ далекимъ арабамъ, ибо армянинъ 7-го вѣка, приходившій въ соприкосновеніе съ язычествомъ сосѣднихъ персовъ, долженъ былъ въ арабахъ видѣть завоевателей съ болѣе или менѣе родственной ему библейской религіей.

Съ другой стороны однако арабскія завоеванія представляли и такой рядъ фактовъ, который поражалъ христіанъ неприятно. Осада Константинополя арабскими войсками, кощунственныя мнѣнія ихъ военачальника Моавія о христіанахъ и ихъ святыняхъ, наконецъ рѣзкая перемѣна внѣшней политики халифовъ, съ воцареніемъ Аббасидовъ, ожесточенная полемика между греками и мусульманами, нашедшая себѣ отраженіе и въ армянской литературѣ—все это сильно способствовало тому, что армяне къ своимъ покорителямъ перестали относиться съ прежнимъ довѣріемъ и симпатіей, и мы, съ ходомъ времени, видимъ, что въ армянахъ постепенно пробуждается и развивается глубокая ненависть къ «человѣко-подобнымъ звѣрямъ», «свирѣпымъ варварамъ», которые, нисколько не стѣсняясь, сжигали и оскверняли храмы, безчестили христіанскихъ женщинъ, безпощадно истребляли мирныхъ жителей. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше, страницы армянской историче-

¹⁾ А. Крыжскій: „Исторія арабовъ“, ч. II (М. 1912), стр. 124—129.

ской литературы заполняются тенденціозно-подобранными, подчасъ весьма нелѣпыми, рассказами о безнравственности и необузданности религіи «нечестиваго и поганаго» Мохаммеда, развратности и порочности самихъ арабовъ. Вполнѣ понятно, что подобныя свидѣтельства, преслѣдовавшія одну только тенденціозную цѣль—развѣнчать Посланика, и лишеныя строгой объективности, для историка врядъ ли могутъ послужить серьезными матеріалами при изученіи жизни и дѣятельности Пророка. За то представляютъ они цѣнность съ культурно-исторической точки зрѣнія, какъ наглядная картина эволюціоннаго измѣненія взглядовъ и отношеній армянъ къ религіи своихъ покорителей.

Два предварительныхъ примѣчанія предпосылаю выпискамъ.

I. О моназлахъ (Примѣчаніе къ стр. 16).

Вниру, предполагаемаго учителя и наставника Мохаммеда, Товма Арцруни въ своей исторіи называетъ монази — *մոնազն*,— слово, которое нѣкоторые изъ нашихъ историковъ передаютъ черезъ монахъ. Затрудняясь дать правильный этимологическій разборъ слова «моназнъ», я, однако, считаю возможнымъ замѣтить, что «монахъ» не вполнѣ точно опредѣляетъ содержаніе и сущность его. Моназнъ или малазнъ или маг'азнъ — *մաղազն* есть нѣчто среднее между отшельниками и священниками; съ первыми ихъ сближало безбрачіе, а со вторыми—тѣсное общеніе съ народомъ. Они не были удалившимися отъ міра и углубленными въ себя созерцателями, которые умерщвленіе плоти и вытекавшее отсюда самобичеваніе считали единственнымъ идеаломъ жизни. Наоборотъ, подобно первымъ апостоламъ, они постоянно находились среди народа и, кочуя изъ одного мѣста въ другое, своими живыми проповѣдями вызвали и поддерживали въ людяхъ истинную вѣру. Для подготовки лицъ къ такой проповѣднической дѣятельности существовали обители, являвшіяся центромъ и средоточіемъ моназновъ. Одна изъ такихъ обителей находится (теперь она не обитаема) недалеко отъ гор. Елисаветполя въ 2-хъ верстахъ отъ села „Һарцанкис“, нынѣшняго Човдаръ. Она и понынѣ известна среди мѣстныхъ жителей подъ именемъ Мг'знабердъ — *մղզնաբերդ*. Въ Елисаветполѣ въ церкви Св. Іоанна Крестителя среди другихъ рукописныхъ Евангелій ¹⁾ я нашелъ одно, переписанное въ этой самой обители въ 17-мъ вѣкѣ. И вотъ что тамъ сказано:

«Արդ գրեցաւ սր ամանկար աւետարանս ձեռամբ անարժան յովհաննիսի, ի յերկիրս դանջայ, ի դեօղս հարցանկիս, ի դրան սր մալազոնաբերթին, ի հայրապետութեն երկց» երանելոյ հովուապետին տանս աղուանից տեանն Պետրոսի սրբազան կթղիսին, եպստութեն սր ամենափրկչին, բազ և արի

¹⁾ См. мой докладъ въ Восточной Комиссіи Имп. Моск. Археол. Общ., 19 февр. 1912 г. (протоколъ № 121, стр. 109 сл.).

բարունապետի խաչատուր վրդապետի և թգրութն պարսից փոքր շահապադին, խանութի երկրիս, աղուրլու խանին թվկնութես չայոց Խ. Ճ. Ժե ամի»

Насколько мнѣ удалось прослѣдить, институтъ монашескихъ просуществовалъ вплоть до 19-го столѣтія, съ той только разницей, что они не были уже проповѣдниками въ широкомъ смыслѣ слова, а собирателями податей и подаяній въ пользу эджмιάдинскаго собора. Какъ и священники, они носили черную рясу, но не могли отправлять какіе-либо церковные обряды,—соотвѣтствовали, приблизительно, русскимъ „странникамъ“.

II. О недосмотрѣ проф. Н. О. Эмина (къ стр. 32, по поводу имени „Исравъ“ и слова „намазъ“).

Здѣсь, въ переводѣ Н. О. Эмина, мы находимъ явное недоразумѣніе, даже рядъ недоразумѣній. „Исравъ“, какой-то невѣдомый правитель, якобы побѣдившій могучаго Махмуда Газневидскаго, настолько рѣзко вызываетъ историческія сомнѣнія, что я счелъ нужнымъ сличить переводъ, данный у проф. Эмина, съ подлиннымъ армянскимъ текстомъ Вартана Великаго, изданнымъ въ Венеціи въ 1862 году. И выяснилось, что со стороны заслуженнаго, уважаемаго армениста допущена самая непростительная небрежность. Выпишемъ полный контекстъ того мѣста въ исторіи Вартана Великаго, гдѣ говорится о нападеніи Махмуда Газневидскаго на область Ре или hpe.

և անցանէ [մահմուտ] զայ յըսէ և աէրն Ռէոյ Մաջաղաւլա Ռսաով, երեք աւուրք յառաջ առեալ զ գեղիկսն՝ եւ ընդ առաջ նորա, և զայ 'ի Սրաւ ան- չնարին ուժով, և ընդ նմա երկերիւր և յիսուն ֆիդ: և տեսեալ զնա, աւէ- Շահ, նամազ կարգացեալ ես. և նա աւէ. Այո. և դարձեալ ասաց. ձատրկուց խղացեալ ես.—Այո. Ապա աւէ. Թագաւոր 'ի թագաւորի տուն մտէ՝ թէ ոչ. և նա լռեաց, եւ առ ժամայն կապեալ զնա յգարկէ 'ի խորասան, և դամնայն ինչս նորա առեալ՝ տիրեալ Ռէոյ, և զայ 'ի Տապարաստան և 'ի Տարարի, և 'ի Սարի. ապ 'ի ձեռս Մասխուտի որդւոյ իւրոյ զՌէ, և զզազուին և զբոճա- ստան բովանդակ. թողլով զնա յՌէ, զայ 'ի Սրաւ և առնու չարիւր չազար գենարի, և անցանէ 'ի նաչաւուրն 'ի չորեքչարիւր բսան և մի թուին իւրեանց: (Ист. Вар. Вел. стр. 94—95 изд. Вен. 1862 г.). Эминъ въ своемъ переводѣ исторіи Вартана Великаго этотъ кусокъ передалъ такъ:

„Оттуда онъ пошелъ на Ре, а владѣтель Ре—Маджадавла Ростомъ, еще за три дня передъ тѣмъ взявшій Дельмисъ, вышелъ ему навстрѣчу. Тогда пришелъ Исравъ съ несмѣтной силой, съ двумя стами пятьюдесятью слонами и, увидя Махмуда, спросилъ его: „Шахъ, читаль-ли ты намазъ?“ Тотъ отвѣтилъ: „Читаль“.—Исравъ оиать спросилъ: „Играль ли ты въ три-тракъ?“ Тотъ отвѣчалъ: „Играль“. Исравъ снова спросилъ: „Можетъ ли царь взойти въ домъ (другого) царя, или нѣтъ?“ Махмудъ замолчалъ. Тогда Исравъ, заключивъ его въ оковы, немедленно отправилъ въ Хорасанъ, и самъ, захвативъ все его богатства, завладѣлъ (городомъ) Ре. Потомъ онъ отправился въ Табарастанъ, въ Тараби и въ Сарду, отдавъ сыну своему Махсуду Ре Хазвинъ и Керхастанъ. Исравъ снова возвращается въ Ре и

береть 100,000 денаріевъ и въ 421 году ихъ лѣтосчисленія отправляется въ Нашавуръ“.

Если мы взглянемъ въ выше выписанный армянскій текстъ, то насъ непременно поразитъ то обстоятельство, что реченіе *ի Սրահ* (и Срав), мѣстный падежъ отъ слова „Сравъ“ (Сравъ—названіе города въ Атрипатаканѣ), переведено у Эмина черезъ „Исравъ“. Эминъ, не всмотрѣвшись въ падежную форму, создалъ какого-то мифическаго правителя, неизвѣстно откуда появившагося. Этотъ промахъ тѣмъ удивительнѣе, что подъ текстомъ Венеціанскаго изданія на той же 95 стр., въ примѣчаніи 2-мъ, прямо сдѣлана помѣтка, что Сравъ есть городъ. Разъ допущенная ошибка повлекла за собою цѣлый рядъ другихъ, и въ дальнѣйшемъ переводѣ проф. Эмина всѣ факты, касающіеся излагаемаго историческаго событія (похода на Рей), оказались до неузнаваемости искажены переводчикомъ. Махмудъ оказался не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ. Правильный переводъ долженъ быть вотъ какой:

„Онъ (=Махмудъ Газневидскій) пришелъ въ область Ре, въ городъ Сравъ, съ несмѣтной силой, съ двумя стами пятьюдесятью слонами; къ нему навстрѣчу вышелъ владѣтель Ре—Маджа-давла Ростомъ, который за три дня до этого покорилъ дейлемцевъ. И, увидѣвши его, (Махмудъ) спросилъ: „Читалъ ли ты Шâhnâmè?“ (sic). Тотъ отвѣтилъ: „Да“. И вновь спросилъ [Махмудъ]: „Игралъ ли ты въ шахматы?“—„Да“. Затѣмъ [Махмудъ] сказалъ: „Царь входитъ ли въ область другого царя или нѣтъ?“¹⁾ Тотъ смолчалъ. Въ тотъ же часъ Махмудъ, связавъ его (=бовеихида Маджа-давла Ростомъ), отправилъ въ Хорасанъ; затѣмъ, отобравъ все его имущество и овладѣвъ Реемъ, направилъ въ Табарастанъ, Тараби и въ Сарв; далъ въ руки сына своего Масхута Ре, Хазвинъ и Коһастанъ цѣликомъ; затѣмъ, оставивъ его въ Ре, пришелъ самъ въ Сравъ и, взявъ 100,000 динаріевъ, переправился въ Нишавуръ“.

Въ одной ошибкѣ своего перевода проф. Эминъ не очень виноватъ: виноватъ неисправный текстъ. Въ печатномъ армянскомъ текстѣ сказано: „Читалъ ли ты шахъ намазъ?“ Эминъ перевелъ: „Шахъ! читалъ ли ты намазъ?“ Сличеніе съ мусульманскими историками показываетъ намъ, что у Вартана Великаго было написано: „Читалъ-ли ты Шâhnâmè?“—какъ я и перевелъ. Очень возможно, что моя поправка не пришла бы и мнѣ въ голову, если бы еще на студенческой скамьѣ я не слышалъ отъ проф. А. Е. Крымскаго, при изложеніи исторіи борьбы Махмуда Газневидскаго съ ослабѣвшей бовеихидской династіей (1029), этого самаго историческаго анекдота о встрѣчѣ грознаго газневида со слабоумнымъ Медждь-од-довлею²⁾.

А. Т.

¹⁾ Примѣнительно къ шахматной игрѣ надо сказать: „Встрѣчаются ли два короля одновременно на одной сторонѣ шахматнаго поля?“.

²⁾ Анекдотъ впрочемъ не разъ печатно бывалъ использованъ европейскими историками. См., напр., у Авг. Мюллера: „Исторія ислама“, т. III, Сиб. 1896, стр. 61.

I.

Епископъ Себеосъ (VII в.) — ок. 660 г. ¹⁾.

(Отдѣлъ III, гл. 30). Они (евреи) ушли и направили свой путь по пустынь въ Тачкастапъ къ сынамъ Исмаиля ²⁾ и звали ихъ къ себѣ на помощь, доказывая имъ изъ св. Писанія свою единоплеменность. Хотя тѣ вѣрили въ близкое родство ихъ, но не могли убѣдить всей толпы потому, что богослуженія разлились другъ отъ друга.

Въ то же время одинъ мужъ изъ самихъ сыновъ Исмаиля, по имени Махметъ (*Ժահմեդար* ³⁾), явился къ нимъ какъ бы по повелѣнію Бога, для проповѣдыванія между ними пути истины, и училъ ихъ познавать Бога Авраамова. Онъ былъ свѣдущъ и знакомъ съ исторіей Моисея. Такъ какъ повелѣніе было свыше, то по одному предписанію его всѣ обратились къ единству вѣрованія, и, оставивъ суетныя свои богослуженія, они обратились къ живому Богу, который явился отцу ихъ, Аврааму.

Магомедъ законодательствовалъ: не ѣсть мертвечины; не пить вина; не лгать и не прелюбодѣйствовать. Онъ говорилъ: «Богъ клятвенно обѣщаль страну эту Аврааму и потомкамъ его послѣ него, на вѣчныя времена. Онъ исполнялъ все обѣщанное, доколѣ любилъ Израиля. Вы тоже дѣти Авраамовы. Въ лицѣ вашемъ, Богъ исполнитъ обѣтъ свой Аврааму и потомкамъ его; только любите Бога Авраамова,—идите и берите страну, которую Богъ далъ отцу вашему, Аврааму. Никто войной не можетъ сопротивляться вамъ потому, что съ вами Богъ».

Тогда собрались всѣ вмѣстѣ отъ Евила до Сура у Египта, и ушли изъ пустыни Фарана 12 племенъ, по числу родоначальниковъ своихъ. Они раздѣлили между своими племенами 12 тысячъ сыновъ Израилевыхъ—тысячу мужей на каждое племя, чтобы ввести ихъ въ землю іерусалимскую. Они отправились туда лагерями, по числу племенъ: Набеутъ, Кедаръ, Абдюль, Мосамбъ (Мастъ), Масма, Идома, Масэ, Холдаты, Теманъ, Іетуръ, Нафесъ и Кедма. Вотъ роды Исмаиля.

О Евреяхъ и о злыхъ намѣреніяхъ ихъ (отд. III, гл. 31).

Разскажу и о намѣреніи мятежныхъ Евреевъ, которые получивъ на нѣсколько времени помощь отъ Агарянъ, вознамѣрились возстановить храмъ Соломоновъ. Найдя мѣсто, называемое святая святыхъ, они устроили его на твердомъ основаніи — мѣстомъ для своихъ молитвъ. Но Исмаильтяне возненавидѣли ихъ и изгнали изъ того мѣста, назвавъ его мѣстомъ своихъ молитвъ. Евреи въ

¹⁾ То, что я могъ найти въ авторитетныхъ русскихъ переводахъ, я не считалъ нужнымъ переводить вновь. Оттого для Себеоса я пользуюсь готовымъ переводомъ полной „Исторіи Иракліа“, принадлежащимъ проф. К. П. Патканьянцу (Спб. 1862). — А. Т.

²⁾ Только позднѣйшіе писатели иногда употребляютъ слово „арабы“, древніе же ихъ чаще называютъ „дѣтьми Исмаиля“, „Таджиками“, „Агарянами“ и „Сараццинами“ А. Т.

³⁾ Переводчикъ думаетъ, что это искаженная форма отъ слова *Ժահմեդար* = купецъ.

другомъ мѣстѣ построили основаніе своей молельни. Тогда они взялись привести въ исполненіе злое намѣреніе свое: наполнить Іерусалимъ съ конца въ конецъ кровью и истребить всѣхъ христіанъ въ Іерусалимѣ. Нѣкто изъ знатныхъ мужей исмаильскихъ шелъ одинъ на поклоненіе въ молельню. Ему встрѣтились трое изъ знатныхъ Евреевъ, которые, убивъ двухъ свиней, положили ихъ въ молельнѣ, а кровь пролили по стѣнамъ и по полу дома. Когда этотъ мужъ поравнялся съ ними, то остановился и заговорилъ съ ними: «О чемъ говорятъ?» Они отвѣчали ему и прошли мимо его.

Онъ вошелъ внутрь молельни, чтобы помолиться. Увидя зло, онъ тотчасъ воротился, чтобъ схватить тѣхъ мужей. Не найдя ихъ, онъ замолчалъ и воротился къ себѣ. Послѣ него вошли многіе, видѣли нечестіе и распространили въ городѣ печальную вѣсть. Евреи говорили начальнику города, что христіане осквернили мѣсто ихъ молитвъ. Правитель приказалъ собрать всѣхъ христіанъ; но въ то время, когда ихъ всѣхъ хотѣли истребить мечемъ, тотъ мужъ пришелъ, сталъ передъ ними и сказалъ: «за что вы проливаете напрасно столько крови? Прикажите созвать всѣхъ Евреевъ, и я покажу вамъ преступниковъ».

Когда собрали всѣхъ Евреевъ, то онъ вошелъ въ середину толпы и узналъ трехъ мужей, встрѣтившихся ему. Схвативъ ихъ, судили судомъ страшнымъ (до тѣхъ поръ), пока они открыли намѣреніе свое. Но такъ какъ правитель былъ изъ Евреевъ, то онъ приказалъ умертвить только шестерыхъ главныхъ зачинщиковъ, а остальнымъ позволялъ отправиться домой.

(Отд. III, гл. 36). Письмо царя исмаильскаго къ Константину, царю греческому. Моавія, князь Исмаильтянъ, идетъ на Халкедонъ и побѣждается Господомъ.

...Онъ говоритъ: «Если желаешь въ мирѣ сохранить жизнь свою, отступись отъ этой тщетной религіи, которую исповѣдуешь съ малолѣтства. Отвергни этого Исуса, обратись къ великому Богу, которому я поклоняюсь, къ Богу отца нашего, Авраама.

«Распусти множество войскъ своихъ по мѣстамъ своимъ. Я сдѣлаю тебя великимъ княземъ этихъ странъ, отправлю въ городъ твой правителей и ревизую всѣ твои сокровища. Я прикажу раздѣлить ихъ на 4 части. Три части—мнѣ; одна — тебѣ. Дамъ тебѣ сколько угодно войска, и буду брать отъ тебя подати, сколько можешь дать. Въ противномъ случаѣ—Исусъ, который не могъ спасти себя отъ Евреевъ, какимъ образомъ спасетъ тебя изъ рукъ моихъ?»

Собрались всѣ войска изъ странъ восточныхъ—Персіи, Хужастана, Индіи, Аруастана и Египта къ Моавію, предводителю войска, пребывавшему въ Дамаскѣ.

Устроили военные корабли въ Александріи и другихъ приморскихъ городахъ, и наполнили оружіемъ и махинами 300 кораблей; на каждомъ кораблѣ помѣщалось 1000 человекъ, избранныхъ всадниковъ. Легкихъ кораблей приказалъ построить 5000. Онъ посадилъ въ нихъ малое количество людей для легкости—по 100 человекъ на каждомъ кораблѣ, чтобъ они быстро порхали мимо большихъ судовъ на поверхности моря, и отправилъ ихъ въ море. Самъ же, взявъ войска свои, отправился на Халкедонъ. Когда онъ явился въ этой странѣ, всѣ подчинились ему въ подданство: жители странъ приморскихъ, горныхъ и низменныхъ.

Письмо царя своего Исмаильтяне отправили къ Константину.

Тогда прибыли въ Халкедонъ огромные корабли изъ странъ александрійскихъ, вмѣстѣ со всѣми малыми кораблями и со всѣми снарядами. На корабляхъ были устроены стѣнобитныя машины, извергавшія огонь, камни, стрѣлковъ, пращниковъ, для той цѣли, чтобъ достигнувъ стѣнъ города съ легкостью, съ вершины башенъ полѣзть на стѣны города.

Моавія приказалъ построить корабли въ строй и устремиться на городъ. Когда же они удалились отъ суши на двѣ стадіи, то можно было видѣть силу страха Господня; ибо мигнулъ Господь съ неба порывомъ страшнаго вѣтра: поднялся вѣтеръ—вихрь сильный. Поколебалось море изъ-подъ бездны, поднялись волны, какъ вершины высокихъ горъ, и вихрь, крутящійся надъ ними, гремѣлъ какъ громъ, и завывалъ. Послышался страшный шумъ бездны: пали башни, рушились машины, разстроились корабли, множество войска погрузилось въ глубину моря; переносимые волнами туда и сюда, они потонули при воздыманіяхъ и пониженіяхъ волнъ. Открыло море пасть свою и поглотило ихъ.

Исмаильтяне, увидя персть страха Господня, упали духомъ, и вышедши ночью изъ Халкедона, ушли во-свояси. Другое войско, находившееся въ странахъ капутскихъ (каппадокійскихъ), воевало съ Греками и, разбитое Греками, бѣгствомъ ушло въ страны Аруастана, разграбивъ Четвертую Арменію. По прошествіи осенняго времени, и при наступленіи зимняго, войско Исмаильтянъ прибыло и остановилось въ Двинѣ, имѣя намѣреніе итти на Иверцевъ и обречь ихъ острію меча.

Онъ (предводитель отряда) говорилъ съ ними угрозами, посредствомъ переговорщика, и предлагалъ: или вступить въ ихъ подданство или оставить страну и уйти. Но тѣ не согласились и приготовились къ войнѣ. Пошелъ на нихъ Исмаиль войной—чтобъ истребить ихъ совершенно. Но въ то время, какъ онъ выступили въ путь, обнялъ ихъ холодъ и снѣгъ зимній, почему они поспѣшно отправились въ Ассирію, не сотворивъ злодѣяній въ Арменіи».

(Отдѣлъ III, гл. 35).

Говорилъ съ нимъ властитель Исмаіля: «Вотъ обѣтъ примиренія моего съ вами, на сколько вамъ угодно лѣтъ: не буду брать съ васъ податей въ продолженіе трехъ лѣтъ. По прошествіи этого времени будете платить столько, сколько пожелаете; имѣйте въ странѣ вашей 15000 всадниковъ. Посылайте мнѣ хлѣбъ изъ страны вашей, и я сочту это въ подать царскую; всадниковъ вашихъ не потребую въ Сирію; но въ другую страну, куда бы я ни приказалъ, они должны быть готовы къ дѣлу; не пошлю къ вамъ въ крѣпости эмировъ, ни одного арабскаго офицера изъ многихъ и ни одного всадника. Непріятель не войдетъ въ Арменію, и если придутъ на васъ Греки, то отправлю къ вамъ на помощь войско, сколько вы пожелаете. Клянусь великимъ Богомъ, что не лгу».

(Отдѣлъ III, гл. 38). Въ томъ же году освободились Армяне отъ ига Исмаильтянъ и подчинялись царю Греческому.

Царь Исмаильскій, увидѣвъ, что Армяне свергнули съ себя иго ихъ, умертвилъ мечомъ всѣхъ заложниковъ, которыхъ увелъ изъ страны нашей — въ числѣ 1775. Спаслось только малое число—22, которые въ то время не служились въ томъ мѣстѣ.

Тѣ, которые подлежали перенести атрпатаканской, съ тѣхъ поръ, какъ

прекратилось существованіе персидскаго государства и властвовало исмаильское, всѣ тѣ соединились съ Армянами.

Послалъ Богъ смуты въ лагеря сыновъ Исмаиля; разодралось единоклюбіе ихъ; они возстали другъ на друга и раздѣлились на 4 части. Одна часть—въ странѣ индійской; другая—та, которая владѣла Ассирією и сѣверомъ; третья въ странахъ египетскихъ и тетальскихъ; четвертая — въ странѣ Таджиковъ, въ мѣстѣ, называемомъ Аскоронъ.

Стали воевать другъ съ другомъ и истреблять другъ друга страшной рѣзней. Тѣ, которые были въ странахъ Таджиковъ и Египтѣ, убили царя своего, разграбили огромную казну его и посадили другого государя, а сами отправились во-свояси. Моавія, князь тѣхъ, которые были въ Сиріи, бывший вторымъ въ царствѣ, видя происходившее, уговорилъ войска свои, пошелъ въ пустыню и убилъ того самаго царя, котораго тѣ посадили. Онъ далъ сраженіе войскамъ, бывшимъ въ странѣ Таджиковъ, и нанесъ имъ страшное пораженіе.

Тогда съ великою побѣдою онъ возратился въ Сирію. Войско, находившееся въ Египтѣ, вступило въ переговоры съ греческимъ царемъ, заключило миръ и соединилось съ нимъ. Множество войска, около 15000, увѣровали въ Христа и крестились.

Страшное кровопролитіе происходило въ лагеряхъ Исмаильтянъ. Военныя дѣйствія ввергали ихъ въ бѣдствіе—убивать другъ друга. Мечъ, плѣнь, кровопролитныя войны на морѣ и на сушѣ не переставали до тѣхъ поръ, пока усилился Моавія и побѣдилъ всѣхъ. Подчинивъ всѣхъ своей власти, онъ воцарился надъ владѣніями сыновъ Исмаиля и заключилъ со всѣми миръ. Аминь».

II.

Гевондъ вардапетъ ¹⁾. (VIII в.)—до 788 г.

(Гл. I, стр. 1). Сперва о тѣхъ, которые назывались Амиръ-аль-Муменинами. Послѣ 20-лѣтняго владычества умираетъ Магометь.

(Стр. 1 : 14). И начали они (арабы) собирать войско на владѣнія Константиана, на Іудею и Ассирію; ибо помнили завѣщаніе своего законодателя, сѣятеля раздоровъ. Онъ завѣщаль: «возстаньте на царства, подчините ихъ своей власти; намъ дано въ наслаженіе изобиліе земли; ѣшьте мясо избранныхъ земли и пейте кровь сильныхъ!»! Подстрекали ихъ также и старѣйшины Іудеевъ, которые явились къ нимъ въ лагерь мадіамскій, говорили имъ: «Богъ обѣщаль Аврааму дать его потомству въ рабство всѣхъ жителей земли; и вотъ мы наследники и сыны патриарха. Но огорчился нами Богъ за беззаконность нашихъ поступковъ, отнялъ у насъ скипетръ царства и предалъ насъ въ рабство. Но вы тоже дѣти Авраама и сыны патриарха. Возстаньте съ нами и избавьте насъ отъ подданства царю греческому, и будемъ царствовать вмѣстѣ».

(Гл. II, стр. 6). Они (арабы) раздѣлились на 3 отряда, изъ которыхъ одинъ выступилъ на Васпураканскую область, и завладѣлъ селами и замками

¹⁾ Переводъ К. Патканьянъ, Спб. 1862 г.

до города Нахичевана; другой на страну Таронъ, третій, дойдя до Когойовита, осадилъ укрѣпленіе Арцапъ и, подмѣтивъ входъ въ крѣпость, тайно ночью ворвался въ нее; нашедши стражу спящей, (арабы) взяли крѣпость, и всѣхъ найденныхъ тамъ мужчинъ бросили въ оковы. Тогда, предавшись беззаботности, они съ безчестнымъ насиліемъ стали входить въ преступныя связи съ женщинами.

(Гл. IV, стр. 11). На 4-мъ году правленія Ашота, отрядъ Исмаильтянъ, состоящій изъ сыновъ преступленія и дѣтей нечестія, напалъ на Армению и производилъ беззаконія въ селахъ мидійскихъ, въ Джуга и Хошакуникъ; мужчинъ мучили требованіемъ подати, а женщинъ старались опозорить гнусной срамотой по беззаконію своему.

(Гл. V, стр. 12). Услышавъ заранѣе о его («кровопійцы и бѣсноватаго Махмета») походѣ, многіе изъ осторожности укрылись въ замкахъ и крѣпостяхъ; но онъ и замки бралъ обманомъ: сперва обѣщалъ многимъ миръ и милость; а когда тѣ, довѣряя его словамъ, выходили, то онъ умерщвлялъ мужчинъ и женщинъ, а дѣтей уводилъ въ плѣнъ.

(Гл. V, стр. 18). Услышавъ такую рѣчь, Исмаильтянинъ сказалъ: „Обѣщайте по крайней мѣрѣ меня пощадить, а другихъ предамъ въ ваши руки“. Князья сказали: „не убьемъ“. Войдя къ своимъ Исмаильтянинъ сказалъ: „Нѣтъ пользы намъ долѣе оставаться здѣсь: они безжалостны. Выйдемъ къ нимъ: если убьютъ насъ—умремъ, рай обѣщанъ намъ законодателемъ (нашимъ) Махметомъ; если пощадятъ насъ—будемъ жить“.

(Гл. V, стр. 19). Передъ кончиной онъ (католикосъ Саакъ) написалъ начальнику исмаильскаго войска послѣднія слова о дѣлѣ своего посольства: „Посланъ я къ тебѣ отъ народа моего, совѣтоваться съ тобой, о чемъ просили тебя князья и народъ армянскій; но владыка нашей жизни и смерти прежде времени взялъ меня и не допустилъ меня встрѣтить тебя и говорить съ тобой. И вотъ заклинаю тебя живымъ Богомъ и дѣлаю съ тобой договоръ по обѣту Бога съ Исмаиломъ, отцемъ вашимъ, когда Богъ обѣщаль дать ему вселенную въ рабство и повиновеніе: сотвори миръ народу моему, и будетъ служить тебѣ и платить подати. Отврати мечъ твой отъ крови и руки твои отъ грабежа, и будутъ служить тебѣ отъ всего сердца; но—чтобы въ отношеніи къ вѣрѣ нашей мы были властны сохранить все, что мы вѣровали и что исповѣдывали; чтобы никто изъ вашихъ не принуждалъ насъ измѣнять вѣрѣ нашей. Если ты исполнишь просьбу мою, утвердитъ Господь владычество твое, исполнится желаніе твое, и покоритъ Господь всѣхъ власти твоей. Но если ты не слушаешь словъ моихъ и не повѣришь имъ и нападешь на страну мою: тогда разсѣетъ Господь намѣренія твои, не утвердитъ силою Своею предпріятій твоихъ, отвратитъ сердце войска твоего отъ исполненія воли твоей, и поднимутся со всѣхъ сторонъ притѣснители, и не будетъ владычество твое твердо! И такъ не пренебрегай мольбами моими, и сойдетъ на тебя благословеніе мое“. Когда достигъ Махметъ ¹⁾ Харана, то рассказали ему о католикосѣ, представили нисъмо, которое онъ прочелъ и потомъ распросилъ о кончинѣ его. Ему донесли, что

¹⁾ Нѣкоторые писатели (ср. стр. 24) называютъ его не Махметомъ, а Окбаемъ. А. Т.

онъ еще не похороненъ и недавно еще скончался. Услышавши объ этомъ Махметъ пошелъ въ тому мѣсту, гдѣ лежалъ трупъ покойника, поклонился праху усопшаго и, какъ мы слышали отъ мужей справедливыхъ, онъ повторилъ это три раза. И послѣ, взявъ его за руку, началъ говорить съ покойникомъ, какъ будто съ живымъ: „Узналъ я мудрость твою изъ письма твоего, которое я прочиталъ; ибо весьма прилично и естественно доблестному пастырю заботиться о паствѣ своей. Ты безбоязненно спѣшилъ навстрѣчу грозному мечу моему, и я согласенъ отворотить мечъ мой отъ людей безвинныхъ. И такъ я исполню все то, о чемъ ты просилъ меня, и святое твое благословеніе почіетъ на мнѣ; но если не исполню хоть одного изъ словъ твоихъ, да низойдутъ на меня всѣ проклятія, которыми ты грозилъ мнѣ въ письмѣ своемъ“.

(Гл. VII, стр. 29). Этотъ же Омаръ писалъ письмо къ царю греческому, Леону, чтобы узнать о сущности нашей вѣры. Въ этомъ письмѣ было нѣсколько вопросовъ, которые я кратко изложу ниже.

Письмо Омара и отвѣтъ Леона ¹⁾

«Во имя Бога, Омаръ—властитель вѣрующихъ, Леону, императору греческому. Много разъ я желалъ узнать ваше мнѣніе объ ученіи вашей вѣры, и часто старался свѣдать, что вы о томъ думаете, но мы никакъ не могли понять этого.

«Теперь объясни мнѣ подлинно, во-первыхъ то, почему сказалъ Иисусъ ученикамъ своимъ: «пришли вы наги, и наги возвратитесь»—или, почему вы не принимаете того, что сказалъ Иисусъ о себѣ, а (принимаете) писанія пророковъ и псалмы, чтобы найти въ нихъ свидѣтельства о вочеловѣченіи Христа. Вы сомнѣваетесь и пускаетесь въ толки, и не довольствуетесь тѣмъ, что говорилъ о себѣ Иисусъ, но вѣрите въ то, что сказали пророки. Но Иисусъ подлинно былъ достоинъ вѣрованія, былъ близокъ къ Богу, и ближе зналъ себя, чѣмъ писанія, искаженные и переименованные народами, которыхъ вы не знаете. Почему вы оправдываете эти книги и слѣдуете тому, что въ нихъ вамъ кажется правдоподобнымъ? Вы говорите, что законы (Библия) писались часто и утрачивались сынами Израиля, которые читали и знали ихъ. Въ продолженіи нѣкотораго времени ихъ не было, и израильтяне обходились безъ нихъ, пока нѣкоторые люди не написали ихъ впоследствии по своему разумію—народъ послѣ народа, племя послѣ племени. Но они также были тѣлесны и происходили отъ сыновъ Адама: они могли забывать и разногласить въ своихъ мнѣніяхъ, ибо близокъ къ нимъ діаволь, и тѣ, которые подобны ему по злобѣ своей. Далѣе, почему въ законахъ Моисея нѣтъ ничего о раѣ, адѣ, страшномъ судѣ и воскресеніи? Объ нихъ рассказываютъ вамъ по своему вымыслу тѣ, которые написали евангеліе: Матѳей, Маркъ, Лука и Іоаннъ. Утѣшитель, о которомъ говорится въ евангеліи, что Христосъ пошлетъ его, есть никто другой, какъ нашъ Магометъ. Или почему, послѣ учениковъ Христа, народы христіанскіе раздѣлились на 72 племени? ²⁾ Нераздѣльному могуществу Божию вы придаете еще сото-

¹⁾ Объ этомъ письмѣ говорятъ и другіе авторы. А. Т.

²⁾ О мистическомъ значеніи цифръ „70, 71, 72“, см. А. Крымскаго „Исторія арабовъ“, ч. II (М. 1912), стр. 140.

варища равнаго, подобнаго, признавая трехъ боговъ. Вы самовольно старались измѣнить всѣ законы, обращая обрѣзаніе въ крещеніе, и жертвы—въ приобщеніе освященныхъ хлѣба и вина; вы празднуете воскресеніе вмѣсто субботы. Или, какъ можно было Богу жить въ утробѣ между кровью и плотью и всякой нечистотой? Или, почему вы почитаете кости апостоловъ и пророковъ, знаменіе креста, бывшее по законамъ орудіемъ приговора, также иконы, которымъ вы поклоняетесь? Пророкъ Исаія свидѣтельствуешь о нашемъ законодателѣ, какъ о товарищѣ, равномъ Иисусу; ибо видѣлъ ихъ пророкъ въ видѣніи своемъ спутниками—одного на ослѣ, а другого на верблюдѣ. Вы же почему не вѣрите этому? Увѣдомь меня обо всемъ этомъ, чтобъ я могъ узнать смыслъ и сущность вашего ученія».

Императоръ Флавій Леонъ, вѣрующій въ Иисуса Христа, истиннаго Бога нашего, и царь знающихъ его, Омару, предводителю Сарациновъ ¹⁾.

«Ты говоришь, что измѣнены и переначены Писанія. Если увѣрилъ тебя въ этомъ глава твоего ученія—онъ позабылъ себя; если кто-нибудь другой, то тѣмъ болѣе солгалъ. Послушай же меня и поразмысли хорошенько. Глава твоей вѣры говорить, что нельзя утверждать чего-нибудь безъ свидѣтелей; также говорить, что и законы требуютъ, чтобы все утверждалось на свидѣльствѣ двухъ или трехъ свидѣтелей...

«Ты не соглашаешься со столькими любимыми Господомъ святыми, говорившими о пришествіи Христа, о которыхъ и Махметъ твой свидѣтельствуешь, что они были святы и рабы Божіи. Ты почитаешь своего Махмета достойнымъ большаго вѣрованія, чѣмъ Бога, говорившаго черезъ нихъ, и явившагося въ плоти Слова Божія. Я спрашиваю тебя вкратцѣ, скажи, пожалуйста, что справедливѣе: свидѣтельство ли 111 рабовъ Божіихъ, говорившихъ одно объ одномъ и томъ же, или сказаніе разномыслящаго, разнодумающаго, лживаго и воображающаго, что онъ справедливъ, и утверждающаго истину, говоря ложь? Махметъ твой учитъ васъ признавать вышеупомянутыхъ святыхъ рабами, удобными Богу, и въ то же время не принимаетъ и васъ учитъ не принимать всего того, что черезъ нихъ говорилъ Богъ»...

...«Неужели ты не человѣкомъ почитаешь Махмета, единственно по слову котораго ты пренебрегаешь свидѣтельствами такого числа святыхъ Божіихъ?»..

...«Я знаю, что ты мучишься истиной нашего христіанства, и желалъ бы найти соучастниковъ твоей лживости, чтобъ мы объявили, что Богъ ниспослалъ намъ евангеліе съ неба уже написанное, какъ ты увѣрялъ насъ о своемъ Пуръ-Канѣ, хотя намъ не безызвѣстно, что то написано Омаромъ, Абудъ Урабомъ (=Абу-Турабомъ) и персомъ Салманомъ ²⁾; вы же ложно возвѣщаете, что Богъ ниспослалъ его вамъ съ неба»...

¹⁾ Я привожу только тѣ мѣста письма, которыя имѣютъ отношеніе къ Мохаммеду и его ученію.

²⁾ Абу-Турабъ, т.-е. „отецъ праха“, есть скорѣе всего смиренное прозвище Алія, принятое имъ самимъ. Если понимать это прозвище въ смыслѣ „отецъ земли“

...«Теперь знай, что Утѣшитель называется Параклитомъ, а не Ахматомъ, т.-е. хвалю, и на нашемъ языкѣ харисте не значить параклить»...

...«Но Махметъ твой пришелъ не во имя Господа нашего, а въ свое имя. Духъ Святой, а не человекъ, возвѣщалъ святымъ, то-есть ученикамъ, и ты самъ знаешь, что пророки Господа никогда не видѣли твоего Махмета»...

...«Ученіе ваше принадлежитъ одному народу и одному языку; время его появленія, какъ вы говорите, сто лѣтъ; но въ такое короткое время мы видимъ, что ученіе одного народа раздѣлилось на много сектъ. Вотъ какія изъ сектъ вашихъ дошли до нашего свѣдѣнія: Ковзи, Сабартураби, Кятри, Муроджи, Басли, безбожнаго Еврея, которыя отвергають бытіе Божіе и воскресеніе, и названнаго тобой пророка Гарюръ¹⁾, (секта котораго раздѣляется) на партіи: одна часть миролюбива, а другая такую имѣетъ къ вамъ ненависть, что убить васъ почитаетъ выше всякаго добраго дѣла, признавая васъ за безбожниковъ и непріятелей. А получить отъ васъ смерть они почитаютъ самымъ главнымъ благодѣяніемъ, и это потому, что ты не считаешь за грѣхъ убивать мечемъ тѣхъ, которые нѣсколько разногласятъ съ вами въ мнѣніяхъ. Вотъ какія вещи дѣлаются у васъ, составляющихъ одинъ народъ, одинъ языкъ (имѣющихъ во главѣ одного человека, который въ одно и то же время есть вашъ) начальникъ, правитель, нервосвященникъ и главный палачъ»...

...«Вы привыкли къ подобнымъ поддѣлкамъ, какъ видно изъ поступковъ того Гаджаджа, который, бывъ назначенъ вами правителемъ въ странѣ Персовъ, собралъ всѣ ваши древнія писанія, составилъ (на мѣсто ихъ) другія, согласно своимъ мнѣніямъ, и распространилъ ихъ по всему народу вашему. Это было нетрудно сдѣлать среди одного народа, говорившаго на одномъ языкѣ. Изъ этого уничтоженія спаслись только нѣсколько книгъ Абу-Тураба, потому что (Гаджаджъ) былъ не въ состояніи совершенно истребить ихъ»...

...«Ты, полагаясь на слово твоего Махмета, отвергаешь и называешь ложными столько свидѣтельствъ Святаго Духа, которыя говорилъ Онъ черезъ рабовъ своихъ, пророковъ. Гдѣ же завѣтъ вашего законодателя, который предписываетъ «не утверждать безъ свидѣтелей даже самыхъ малыхъ дѣлъ?» Какъ же ты дерзаешь произнести такую хулу только по его слову? Ужели ты забылъ чрезмѣрную лживость своего законодателя, (да едва ли и ты) знаешь, что не Марія, дочь Амрама, сестра Аарона—мать Господа нашего»...

...«Ты только желаешь поклоняться мѣсту языческаго жертвоприношенія, называя его домомъ Авраама, хотя въ божественномъ писаніи нигдѣ не встрѣчаемъ, чтобы Авраамъ былъ въ той странѣ, которую законодатель вашего народа научилъ васъ повсемѣстно почитать»...

...«Древле приказалъ Богъ совершить обрѣзаніе надъ каждымъ новорожденнымъ мужскаго пола на восьмой день; вы же не только мужчинъ, но и женщинъ каждаго возраста подвергаете оскверненію»...

то оно должно быть почетнымъ, и по увѣренію шитовъ оно въ этомъ смыслѣ дано Алію самимъ Мохаммедомъ; шиты иначе величаются „турабитами“. Попытку Нельдеке объяснить „Абу-Турабъ“ въ смыслѣ пренебрежительной клички, данной Алію врагами, см. въ „Zeitschr. der D. Morg. Ges.“, т. 52 (=1898), стр. 29 и сл.—*Ред.*

¹⁾ Вѣроятно, „хариджиты“, отъ имени села „Харура“. Мюллеръ, „Ист. исл.“, I, 361.

...«Ты безъ основанія назначилъ пятницу днемъ собранія»...

...«Но тѣхъ животныхъ, которыхъ ты называешь нечистыми, не повелѣнїемъ только сотворилъ Богъ»...

...«И то, что ты въ природѣ нашей считаешь самымъ нечистымъ, то назначилъ Онъ для пользы рода человѣческаго, каковы: мѣсячное очищеніе женщинъ—для рожденія людей, и каналы для выложенія лишней пачи и пята—для поддержанія жизни;—вотъ что тебѣ кажется нечистымъ. Но передъ Богомъ то нечисто, что такъ правится тебѣ: распутство, убійство, хуленія и другія подобныя преступленія, а не тѣ, о которыхъ ты выше упомянулъ и которыя онъ самъ опредѣлилъ для рожденія людей и ихъ спокойствія»...

...«Ты не постыдился жертвоприношеніями почитать тотъ домъ, который ты называешь Кабаромъ и домою Авраама; хотя Авраамъ и во снѣ не выдывалъ вашей демонской и безлюдной пустыни; а этотъ домъ народъ вашъ и прежде Махомета почиталъ. Этого обыкновенія вашего не уничтожилъ Махометь, а только назвалъ его домою Авраама. Но чтобы не показаться тебѣ дерзновеннымъ порицателемъ, изложу тебѣ о томъ изъ св. евангелія и изъ твоихъ лѣтописей. Господь часто посылалъ множество бѣсовъ въ ту пустыню, какъ говорится въ евангеліи: «скитаются въ безводныхъ мѣстахъ». Мат. XIII. 43. Вы же тамъ живете. Представляясь вамъ, то подъ видомъ змѣй, то подъ видомъ распутныхъ и нечистыхъ похотей, обольщая васъ по своему обыкновению, они возбуждаютъ въ васъ желанія къ сочетаванію. А вы, не разбирая, попадаете въ ихъ сѣти и уподобяетесь имъ какъ здѣсь, такъ и въ будущемъ. Вы не постигаете, что на томъ свѣтѣ, по евангелію Спасителя, они не могутъ ни къ кому приблизиться; но мятежное насиліе ихъ постоянно злобное, какъ и отецъ ихъ сатана, будетъ связано силою вочеловѣченія Христа и не можетъ вредить явно.

«Ибо еслибы они были въ состояніи и смѣли, то въ одинъ день сожгли бы огнемъ и умертвили бы васъ; но они только обманомъ обольщаютъ васъ на погибель душъ вашихъ. Такъ, напримѣръ, камнемъ, называемымъ Рокунъ, которому самъ не знаешь, почему ты поклоняешься; сатанинской рѣзней, отъ которой и звѣри и птицы отвратились бы и убѣжали на одной ногѣ; то же бросаніемъ камней, бѣганіемъ, бритіемъ головы и другими гадостями, которыя творять они. Пропускаю нечистое предписаніе законодателя вашего о соединеніи мужчинъ съ женщинами,—примѣромъ чему онъ привелъ грядобразное воздѣлываніе полей, и многіе изъ васъ приучились сообщаться съ женщинами такимъ образомъ. Что же говорить мнѣ о цѣломудренной скромности пророка вашего, о безстыдной наглости жены Зедя? Вы приписываете Богу причины этихъ мерзостей, отъ чего и отвратительные законы эти вошли въ вашъ народъ. Есть ли хула хуже той, какъ выставить Бога причиной распутствъ, творимыхъ людьми? Ты говоришь, что и Давидъ взялъ жену Ури. Да, взялъ онъ и согрѣшилъ передъ Господомъ, за что и былъ наказанъ Богомъ. Но Махометь твой и вы впротивитесь истинѣ и хорошо дѣлаете; но что можетъ быть хуже того—какъ творить грѣхъ и не почитать его грѣхомъ, не просить прощенія и не имѣть отпущенія отъ стыда грѣховъ?.. Богъ повелѣлъ въ евангеліи не отпускать жены, какъ только за прелюбодѣянїе, а вы, насытившись

женами, какъ пищею, оставляете ихъ, когда хотите. Если бы можно было мнѣ скрыть стыдъ вашего брака, я бы не упомянулъ о немъ: вы даете женщину сперва на оскверненіе другимъ, а уже послѣ берете ее сами. Какъ мнѣ выразиться о безстыдномъ развратѣ вашихъ любовницъ, на которыхъ вы тратите все имущество и добычу людей, покупая ихъ за дорогую цѣну, и насыщенные ихъ оскверненіемъ, продаете ихъ, какъ скотовъ?..

...«Это врагъ, который оплакиваетъ пустыню свою. Не найдя другого убѣжища, какъ въ твоей пустынѣ, онъ привелъ къ твоему народу двухъ коней своей строптивости, то-есть непостоянство Евреевъ и распутство язычниковъ. Онъ далъ вамъ ихъ вмѣстѣ и тѣмъ увлекъ васъ лукавствомъ, а не насильственно: вы обрѣзываетесь подобно Евреямъ и признаете божество безъ сущаго и творческаго Слова и Духа. Счастью, предопредѣленію и демонамъ вы вѣрите, какъ язычники, и подобно имъ, ведете жизнь въ срамныхъ и невыразимыхъ распутствахъ. Путемъ Божиимъ называете свои набѣги, ознаменованные немилосердіемъ, убійствомъ и плѣненіемъ людей. Вотъ вѣра ваша, и возмездіе и слава ведущихъ (будто-бы) жизнь ангельскую. Мы же, будучи знакомы съ таинствами чудеснаго нашего искупленія, надѣемся по воскресеніи изъ мертвыхъ, наслаждаться въ царствіи небесномъ; ибо мы подчинились проповѣдыванію евангелія, ждемъ тѣхъ благъ, «которыхъ око не видѣло, и ухо не слыхало, которыя приуготовилъ Господь для любезныхъ и вѣрующихъ въ него» 1 Кор. II, 9; а не источникъ вина, млека и меда и совокупленія съ женами, вѣчно дѣвственными, безъ рожденія дѣтей: все это языческія нелѣпости и бессмысленныя бредни...

...«Но вы, такъ какъ не легко насыщаетесь мерзкимъ распутствомъ и сладострастіемъ, и не знаете ничего лучшаго, то царствіе небесное почитаете ничтожнымъ безъ нихъ и ими хотите украсить его».

(Стр. 71) ...Дошедши до крайней степени заблужденія, онъ (Езкирдъ) далъ приказаніе умертвить свиней и истребилъ съ лица земли множество нечистыхъ животныхъ — травоядныхъ свиней.

...(Стр. 79). По дорогѣ выходили къ нему навстрѣчу жители (арабы) разныхъ городовъ съ криками и воплями отчаянія, ударили себя въ лобъ и посыпали пепломъ головы свои.

...(Стр. 81). Соплеменные съ нимъ (Влидомъ) вельможи, видя гнусное поведеніе властителя своего, обратились къ знатокамъ своей религіи, называемымъ кураями, съ вопросомъ, какъ поступить съ нимъ. Они отвѣчали на это: «Такъ какъ онъ осрамилъ честь владычества нашего, преступилъ волю законодателя нашего и предался постыднымъ мерзостямъ, то онъ достоинъ смерти».

...«(Стр. 82). Когда же склонялся день къ вечеру и приближался часъ вечерней молитвы, они (арабы) переставали сражаться: сидя оплакивали павшихъ въ битвѣ съ обѣихъ сторонъ и, собравъ трупы, предавали ихъ землѣ, говоря другъ другу: «составляя одинъ народъ, одинъ языкъ, одну власть, даже будучи братьями, за что мы рѣжемъ другъ друга?»

... (Стр. 97). Встрѣтивъ въ своей области и даже въ своемъ домѣ Исмаильянь, пришедшихъ требовать цѣны за кровь ихъ родственниковъ, убитыхъ семействомъ Мамиконянь, онъ (Мушегъ Мамиконянь) предалъ ихъ всѣхъ лезвію меча.

... (Стр. 98). Изъ бѣжавшихъ непріятелей только небольшое число достигло Двина, гдѣ вышли къ нимъ навстрѣчу соплеменники ихъ—мужчины и женщины—съ воплями и слезами, посыпали землю головы, били себя въ лобъ и рвали на себѣ ворота.

... (Стр. 106) Презирая наши святилища, они старались разрушать и осквернять святыню церковей Христовыхъ: сокрушали изображенія креста Христова, вторыя были водружены при входахъ и выходахъ изъ храма, для поклоненія Единосущной Троицѣ, и огнемъ сожигали ихъ; съ свирѣпой жестокостью обращались съ священниками, монахами и ихъ служителями, принимая ихъ за руководителей вельможъ, падшихъ въ битвѣ; грабили утварь церковную и уносили мощи святыхъ...

... Самъ Абдалла, исполнивши свои злобныя желанія, томимый недугомъ сребролюбія, (недугомъ) свойственнымъ всему роду его, подвергся проклятію пророка, и въ тотъ же годъ умеръ въ отчаяніи.

III.

Товма Арцруни. (X в.)—до 908 г. 1).

(Кн. II гл. IV).

(Стр. 98). Императоръ Ираклій приказалъ осадить ихъ; братъ царя Феодоръ и большинство войска хотѣли ихъ перебить, но императоръ велѣлъ имъ (Евреямъ) выйти изъ предѣловъ своего государства. Они же, идя по дорогѣ въ пустыню, пошли въ Тачкастанъ къ сынамъ Исмаила въ гор. Мадіамъ, его же Израиль, при выходѣ своемъ изъ Египта и во время войны съ царемъ Моавитскимъ Бакакомъ, разрушилъ. А такъ какъ власть персовъ была сильно ослаблена, то они безбоязненно возстановили гор. Мадіамъ и поселились въ немъ. Затѣмъ отправили пословъ къ сынамъ Исмаила, указывали имъ на близкое ихъ родство съ ними, говоря: «мы и вы—дѣти Авраама, (слѣдовательно) братья, вамъ слѣдуетъ притти намъ на помощь, и тогда мы возьмемъ землю нашего наслѣдія». А тѣ, хотя и соглашались, но все таки было и великое разногласіе между ними, такъ какъ они были различны въ поклоненіи богамъ, которыхъ каждое (племя) избирало по своему желанію.

Въ то время въ Каменистой Аравіи въ мѣстности Фаранъ, называемой нынѣ—Маккой, жили два могущественныхъ брата, воинственные, начальники войскъ и служители храма Амовитскаго изображенія, именуемаго—Самамъ и Кабаръ. Случилось, что одинъ изъ нихъ по имени Абдла умеръ, оставивъ ма-

1) Переводъ съ армянскаго мой, по тексту изданія К. Патканова. Спб. 1887 г.

лолѣтняго сына Махмета: мальчикъ до достиженія совершеннолѣтія взялъ его дядя (по отцу) Абу-Талбъ; когда же нѣсколько выросъ, то поселился у нѣкоего богача изъ ихъ родственниковъ, которому служилъ честно: управлялъ домомъ и пасъ верблюдовъ. Прошло нѣкоторое время, и умеръ его хозяинъ; жена (покойнаго), видя въ Махметѣ человѣка вѣрнаго и смышленнаго въ мірскихъ дѣлахъ, вышла за него замужъ и передала ему всѣ заботы о домѣ и имуществѣ. И сталъ онъ богатымъ и опытнымъ купцомъ; по торговымъ дѣламъ предпринималъ далекія путешествія въ Египетъ и Палестину. Въ одно изъ такихъ путешествій случилось ему встрѣтиться въ странѣ Египетской съ однимъ монашомъ ¹⁾ по имени Саргисъ Бхира, послѣдователемъ лжеученія Арія. Познакомившись, а впоследствии и полюбивъ его, Бхира научилъ Махмета многому-чему, особенно изъ Ветхаго Завета, между прочимъ и тому, что (Христосъ) по естеству не есть Сынъ Божій. Онъ предложилъ слѣдовать вѣрѣ первыхъ Израильтянъ, говоря, что «если ты согласишься на это, то по моему велѣнію будешь великимъ полководцемъ и предводителемъ всего своего рода». При этомъ онъ напоминалъ Махмету обѣтъ Бога къ Аврааму, порядокъ обрѣзанія, жертвоприношеній и многое другое, что не мѣсто здѣсь передавать слово въ слово. Это стало предметомъ постоянныхъ думъ Исмаильтянъ.

Случилось однажды, когда Махметъ возвращался отъ него, какой-то чуждый голосъ и страшное демонское внушеніе поразили его настолько, что онъ упалъ безъ памяти. Умѣстно теперь выяснитъ это нижеслѣдующимъ примѣромъ; ибо говорятъ о женщинѣ, отъ которой долженъ былъ родиться антихристъ, что она, желая увидѣть статую жены Давида, отправилась изъ Египта въ Палестину и (достигнувъ ея) сѣла подъ ней отдохнуть; когда же задремала, то чуждый духъ изрекъ устами окаменѣлой женщины, что «ты родишь сына міродержца»; она же сама была незаконной дочерью изъ племени Дана. Подобное же было и съ нимъ, ибо, когда спутники спросили, по какой причинѣ онъ упалъ безъ памяти, отвѣтилъ: «Какой-то страшный голосъ ангела застигъ меня, приказалъ явиться посланникомъ къ народу моему, указывать на Бога, какъ на Творца неба и земли, называться мнѣ главою, избличать и разрушать ложную вѣру въ кумиры». Явившись въ Фаранъ, онъ эти же слова повторилъ и дядѣ своему (по отцу). Абг'джеһру, который сказалъ: «Что это за вѣра, которая исходитъ отъ тебя? если ты еще будешь продолжать говорить такъ, то самъ будешь отвѣчать за себя». И пошелъ Махметъ къ себѣ домой опечаленный, ибо бывалъ понуждаемъ тѣмъ духомъ, (который дѣйствовалъ) быть можетъ съ позволенія Бога; онъ же (Мохаммедъ) свое безпамятство (ошибочно) приписывалъ ангелу. Многіе изъ нихъ (арабовъ) согласились назвать его посланникомъ Божьимъ.

Однажды, когда сидѣлъ онъ грустный изъ-за угрозъ своего дяди, вошелъ къ нему Али, сынъ Абуталба, и сказалъ: «Каковы причины твоей печали»? Отвѣтилъ: «Я проповѣдываю Бога Творцомъ неба и земли, а меня преслѣдуютъ угрозами». Али, будучи мужемъ храбрымъ, сказалъ ему: «дай, выйдемъ, ибо съ нами множество мужей, авось дѣло твое будетъ имѣть полезный исходъ».

¹⁾ О терминѣ „монашъ“, не вполне совпадающемъ съ „монахъ“, см. выше стр. 2.

И по выходѣ наружу, Махметъ тоже самое сталъ говорить публично; поднялся среди народа шумъ и началась драка, такъ что многіе изъ нихъ взялись за оружіе. Сторона Махмета была побѣждена, съ обѣихъ же сторонъ было много раненыхъ; Махметъ и Али вмѣстѣ съ 40 мужами убѣжали въ Мадіамъ, о которомъ мы упомянули выше. Евреи, узнавъ причину ихъ бѣгства, какъ ревнители Бога, сыны Авраама и братья (имъ), ободряли (и склоняли) ихъ къ соединенію, говоря: «истина—сказанія его (Махмета)». Затѣмъ присоединились къ нему, заключили союзъ, дали ему жену изъ племени своего и приготовились слѣдовать за нимъ, куда онъ прикажетъ: можно было подумать, что предложеніе это беретъ начало отъ Бога. Евреи и Исмаильтяне, соединившись вмѣстѣ, составили огромное войско, напали на Фаранъ, нанесли страшное пораженіе противникамъ, убили Абг'джебра и многихъ другихъ изъ амовитскаго и моавитскаго воинства. Они уничтожили изображение Самама, осмѣлились называть капище—домомъ Авраама, покорили все народонаселеніе сосѣднихъ странъ, а непокорныхъ безпощадно истребляли мечемъ.

Увидя союзъ Евреевъ и успѣхъ предпріятій, Махметъ объявилъ себя главою и предводителемъ всѣхъ; затѣмъ, назначивъ начальниками и полководцами изъ Исмаильтянъ Али, Абубикра, Амра и Утмана, отправилъ посла къ Θεодору, брату Ираклія—въ этомъ (также) помогли ему Евреи—сказать: «Страну эту Богъ обѣщаль Аврааму и его потомкамъ, которые продолжительное время владѣли ею; а если за ихъ злодѣяніе Богъ въ гнѣвѣ своемъ передалъ ее въ ваши руки, то достаточно и того, сколько вы владѣли ею. И вотъ, мы—дѣти Авраама, вы же знаете обѣтъ отцу нашему Исмаилу, (слѣдовательно) верните намъ добровольно эту землю; въ противномъ случаѣ мы силой возьмемъ не только ее, но и многія другія».

Θеодоръ хотѣлъ извѣстить объ этомъ царя, но какъ разъ въ это время Ираклій умеръ; сынъ же его Констанцій не могъ отвѣтить согласно его желанію, а только далъ приказъ остерегаться и не выходить противъ нихъ войной, пока не найдетъ исхода создавшемуся положенію. Между тѣмъ войско Исмаильтянъ упорно побуждало Грековъ къ бою; эти послѣдніе, желая показать себя защитниками страны, оставивъ лошадей, пѣшіе двинулись на непріятеля, который въ то время отдыхалъ. (Когда же завидѣлъ ихъ), двинулся имъ навстрѣчу, и греки подъ тяжестью своего вооруженія, утомленные солнечнымъ зноемъ, глубокими песками, не представлявшими твердой опоры, и продолжительнымъ переходомъ, въ совершенномъ изнеможеніи, попались въ руки (арабовъ), которые своими мечами осудили ихъ: послѣ чего направились въ греческій лагерь, забрали богатую добычу и безъ всякаго опасенія разбрелись по всей странѣ, ибо не допускали сопротивленія отъ кого-либо.

Монахъ же аріанскій—учитель Махмета, о которомъ мы говорили выше, увидя такія удачи, всталъ и пришелъ къ Пророку; онъ взывалъ къ его чувству благодарности къ себѣ, (какъ) учителю, по внушенію коего достигъ всего этого; а тотъ, такъ-какъ увѣрялъ, что посланничество свое получилъ отъ ангела, а не отъ человѣка, то въ сильномъ негодованіи тайно убилъ своего учителя.

(Стр. 103). Увидя его ¹⁾, Махметъ призвалъ, оставилъ при себѣ, и предложилъ написать книгу законовъ для народа своего черезъ Исмаильянина Абу-тураба, такъ какъ самъ не зналъ ни буквъ, ни письма. Сах'манъ согласился писать для него и писалъ отдѣльными отрывками, иное по точной памяти, иное, какъ сомнительный вымыселъ. Но и самъ Махметъ, движимый порочной душой, давалъ писать распутное, что мы приведемъ въ маломъ количествѣ изъ многого. Онъ называлъ себя Утѣшителемъ, котораго Господь Христосъ обѣщалъ прислать своимъ ученикамъ; называлъ себя равнымъ Спасителю и спутникомъ его на основаніи словъ пророка Исаи «о сѣдѣщемъ на ослѣ и о сѣдѣщемъ на верблюдѣ»,—все это онъ примѣнялъ къ себѣ. вмѣсто священнаго крещенія (предписывалъ) постоянное омовеніе водой, считая это достаточнымъ для очищенія; вмѣсто небесныхъ наградъ, обѣщанныхъ Господомъ въ будущей жизни, и неизреченнаго ангельскаго возобновленія, онъ объявилъ существованіе тамъ (въ раю) разнообразныхъ кушаній и напитковъ, которыя найдутся готовыми, и конми не насытятся; также—ненасыщающее постоянное сообщеніе съ женщинами, кои остаются дѣвственными. Различны, весьма многочисленны и противны Богу всѣ тѣ мерзости, которыя онъ диктовалъ. Все это, утвердивъ, назвалъ Кураномъ и далъ народу своему.

Здѣсь я расскажу тебѣ, какимъ плачемъ оплакиваетъ ихъ древній писатель, говоря: «Увы, горе тебѣ, народъ Тачиковъ, (горе) мужчинамъ и женщинамъ всѣхъ приморскихъ городовъ, за беззаконія и негодность законовъ, вашего языка, которымъ говорите мерзости, раскрывъ свой поганый ротъ. Достигнувъ, вы стали насупротивъ всемогущаго Бога; вашъ языкъ, который мерзостью точили противъ всеильнаго Царя, да осудитъ васъ новой поразительной язвой, до того какъ (осудитъ) вся вселенная; мощными ударами да уничтожить васъ; чтобы вся вселенная увидѣла васъ дымящимися; да не ослабнетъ огонь на васъ во вѣки вѣковъ, чтобы вы горѣли подобно черепичному горну и чтобы никогда не имѣли покоя!».

И онъ, совершивъ все это зло, утвердивъ гораздо больше, чѣмъ это, далъ народу своему и многіе другіе законы съ инымъ преступнымъ содержаніемъ. Проживъ такъ (въ званіи посланника) 20 лѣтъ, онъ умеръ, поставивъ во главѣ Тачиковъ Абубакра, который скончался черезъ 2 года.

(Стр. 105) Умаръ, сынъ Абдлазиза, правилъ 3 года. Этотъ былъ благороднѣе, чѣмъ всѣ остальные; написалъ греческому императору Леону исповѣданіе вѣры и, получивъ отъ него отвѣтъ, многое вымышленное выбросилъ изъ своего Курана, ибо достоверно узналъ силу его; хотя не осмѣлился уничтожить все, но, сильно устыдившись, томился отъ его лжи ²⁾, что и было уличено въ посланіи императора. Онъ оказалъ множество благодарній всѣмъ христіанамъ,

¹⁾ =Сельмана, или—на армянскій ладъ—Сах'мана.

²⁾ На дѣлѣ же, даже съ самой строгой мусульманской точки зрѣнія Омаръ II (717—720) былъ глубоко истиннымъ, вѣрующимъ мусульманиномъ, въ противоположность индифферентнымъ прочимъ омейядскимъ халифамъ.—А. Т.

къ которымъ вездѣ выказывалъ доброжеланіе. Вернулъ плѣнныхъ; безъ вознагражденія помиловалъ преступленія всѣхъ; а къ своему народу былъ гораздо добрѣе и ближе, чѣмъ всѣ предыдущіе; открывъ свои сокровища, обильно дарилъ ихъ своимъ слугамъ.

(Кн. III, гл. V, стр. 150) И случилось, что по прошествіи трехъ дней дали отнести къ Гургену посланіе, написанное Бугю¹⁾ и полное возмущенія; оно было запечатано печатью повелителя (Джафра), какъ будто написано и послано имъ. Копія этой подложной бумаги, которую вручили ему (Гургену), такова:

«Бугѣ, главѣ всего воинства государства Тачиковъ, Джафрѣ²⁾, властитель моря и суши, равный и законодателю нашему Махумат'у, вѣрный посредникъ между Богомъ и людьми, царь всѣхъ народовъ южнаго княжества, которыхъ жизнь и смерть находится въ его рукахъ»...

(Кн. III, гл. VI, стр. 155). Свою рѣчь царь (Джафрѣ) началъ такъ: «Издавна бывъ, цари изъ нашихъ предковъ дошли до нашихъ дней; множество царей и царствъ покорили мы подъ нашей властью и ни объ одномъ изъ нихъ столько не печлись и не заботились, сколько о васъ и вашей странѣ; вы же постоянно замыслили противное намъ, (а между тѣмъ) сами не отличались способностями: посланные нами къ вамъ царскіе комиссары и попечители всѣ были начальниками и правителями нашихъ странъ; вы собирали войска, создавали конницу, возбуждали къ битвамъ и войнамъ, давали сраженія, мечемъ истребляли нашихъ воиновъ, а родственниковъ нашихъ осаждали и подвергали большимъ стѣсненіямъ; вы являлись разрушителями страны и пренятствовали собираю дани. И вотъ теперь все это мы ни во что не ставимъ, дабы стали извѣстны любовь и жалость попеченія, которое мы имѣемъ къ вамъ. Тѣмъ болѣе, что мы видимъ васъ рослыми и красивыми, (замѣчаемъ) благопристойность и благовидность вашихъ красивыхъ лицъ, (знаемъ), что вы—дѣти царей этого міра и достойны состраданія и (что) вы мужи храбрые; (читаемъ) на вашихъ лицахъ большую твердость, ибо послѣ столькихъ золъ, причиненныхъ вами намъ, вы, приди въ судилище, съ безсовѣстной дерзостью стали предъ

¹⁾ О немъ Товма Арцруни въ той же своей исторіи на стр. 126 говоритъ слѣдующее: „И поставилъ (царь) начальникомъ надъ ними мужа по имени Буга—*гучи* родомъ турка. Онъ былъ княземъ-военачальникомъ всей страны Тачиковъ, и никто, начиная отъ вельможъ до самыхъ простыхъ (подданныхъ), не смѣлъ выйти изъ-подъ воли его, даже самъ царь слушался его приказа“. Въ поясненіе словъ Товмы слѣдуетъ сказать, что Буга былъ начальникомъ карательной экспедиціи въ Арменіи, посланной Джафромъ въ 851 г. (такъ по Арцруни и по Мих. Айр.) и въ 855 г. (по Самуэлу Ан.).—А. Т.

²⁾ Киракосъ Гандз. называетъ его Джамбрѣ и считаетъ его 23-мъ по порядку правителемъ арабовъ. Мих. Айр. считаетъ его 22-мъ. Самуэль Ан. подъ 849 г.: „Амирал-муминъ Джабрѣ 16 лѣтъ“. Вард. Вел. называетъ его Джафрѣ. Но у мусульманъ этотъ халифъ извѣстенъ обычно подъ своимъ титуломъ: „аль-Мотаваккиль“, (847-861), и, лишь начиная повѣствованіе о его царствованіи, мусульманскіе историки отмѣчаютъ, что подлинное его имя было Джафарѣ. См., напр., у Масудія (ум. 956): „Золотые ауга“, париж. изд., т. VII (1873), стр. 189.—А. Т.

нами безъ грусти и печали на лицѣ, какъ будто вы безгрѣшны, добродѣтельны и полны услугъ къ намъ. Мы, жалѣя, не предадимъ васъ смерти, которую заслужили вашими коварными поступками и причиненнымъ намъ зломъ; вы же, не подвергайтесь мученіямъ и терзаніямъ, полнымъ горестныхъ ударовъ, признайте насъ и нашего законодателя Махумата, примите наши Богомъ данныя вѣру и законы, далекіе отъ жи и богатые всѣмъ тѣмъ, что противъ жи; отступитесь отъ вашего суетнаго и неправильнаго поклоненія, которое во имя Христа связало васъ и въ чемъ вы такъ упорствуете. (Тогда) мы не примемъ во вниманіе ваши вредныя дѣянія и ваши преступленія противъ насъ; вы обрѣтете свободу и вмѣстѣ съ вашими сыновьями будете жить и править нашими странами и домами. Не давайте же мучительной смерти вывести васъ изъ мѣстъ вашего жительствова и не вселяйтесь въ адъ».

На это святой патриархъ Іоаннъ совмѣстно съ великими пахарарами Арменіи отвѣтствовалъ: «Въ законахъ твоего же самодержавнаго царства, а также и вашего предводителя, написано: не дѣйствительны свидѣтельства одного человека, хотя бы правдиваго и способнаго, противъ свидѣтельствъ многихъ о большихъ и малыхъ дѣлахъ или въ вопросахъ о жизни и смерти. Отвернувшись, мы отвергаемъ явленіе, (содержащее) безпримѣрный и дикій поступокъ, каковымъ именно и является называемый вами пророкъ Махуматъ, ибо, не то что многіе, нѣтъ даже одного, кто-бы засвидѣтельствовалъ истину ученія его.

Между тѣмъ 111 пророковъ въ различное время, какъ одинъ человекъ, правдиво свидѣтельствовали о божественности Христа,—(я еще) оставляю въ сторонѣ Евангеліе и апостоловъ Его. Мы, увѣровавъ въ истину, не можемъ переимѣнить ее на суетное, вымышленное, скроенное, поддѣльное, разукрашенное и ложное ученіе ваше. А потому, если желанія твои приказываютъ тебѣ, пусть прійдетъ на насъ несчастіе наказанія; мы готовы (перенести) и цѣпи, и тюрьму, и сѣченіе розгами, и огонь, и мечъ, и воду, и мученія ударовъ, и всѣ способы пытокъ».

(Кн. III, гл. VI, стр. 161). А кн. Григоръ ¹⁾ жилъ среди человекоподобныхъ звѣрей (арабовъ), въ собраніи свирѣлыхъ варваровъ, которые къ намъ относились съ большей злостью, чѣмъ ядовитыя животныя.

(Кн. III, гл. IX, стр. 174—175). Узнавъ о плѣненіи мужа, жена Саака, а она была женщина красивая, поспѣшно отправилась къ Бугѣ, чтобы попытаться своей красотой и обильными сокровищами выхлопотать сохраненіе жизни супруга; но она сдѣлалась больше причиной его смерти, нежели жизни. Буга приказалъ палачамъ снести ему голову; жена же, поднявъ крикъ, сказала: «горе мое дойдетъ до государя!», затѣмъ нагая, что было противозаконно для женщины Тачиковъ, стала ходить вокругъ лагеря. Но ничего не помогло; (напро-

¹⁾ Григоръ Арцруни вмѣстѣ съ другими былъ взятъ въ плѣнъ Бугой и отправленъ къ царю, отъ котораго и воспринялъ мученическую смерть за свою вѣру. А. Т.

тивъ) Буга, отрѣзавъ голову его (Саака), далъ отнести во дворець, а вдову его взялъ себѣ въ жены. Женщина вновь подняла крикъ и сказала: «изъ-за меня убилъ моего господина! но мнѣ не твоей женой подобаеъ быть, а—великаго государя». Буга все таки взялъ себѣ жену его (Саака). Черезъ нѣкоторое время отправилъ ее къ царю, чтобы она стала его женой.

IV.

Моисей Каганкатваци ¹⁾. (X в.)—до 914 г.

(Кн. II гл. 27, стр. 158). Тогда князь восточный (Джеванширъ) ²⁾ послѣ мирнаго привѣтствія, просилъ отпустить его. Но царь юга (халифъ) ³⁾ далъ ему клятву истины и твердой дружбы, протянулъ ему правую руку, чего не имѣлъ обыкновенія дѣлать гордый завоеватель съ кѣмъ бы то ни было изъ чужеземцевъ.

(Книга II, гл. 28, стр. 160). Онъ приказалъ даже госпожѣ своихъ женъ ⁴⁾ послать госпожѣ востока ⁵⁾ великолѣпныя украшенія царицъ, шелковыя и золототканныя одежды.

(Книга III, гл. 1). Во время упадка царства персидскаго въ родѣ Сасанидовъ, явился нѣкто Магометъ изъ ложныхъ пророковъ, о которыхъ мы слышали отъ Спасителя. Онъ былъ одержимъ бѣсомъ, дикъ, и жилъ въ пустыняхъ, вооруженный лукомъ. Разъ діаволь, принявъ видъ дикой козы, свелъ его съ однимъ монахомъ секты аріевой, по имени Багира. Тутъ діаволь сдѣлался невидимымъ. Магометъ натянулъ широкій лукъ свой противъ того мужа. Но тотъ, вскрикнувъ сильно, сказалъ: «Не грѣши, сынъ мой, ибо и я такой же человѣкъ!». Говорить ему Магометъ: «Что ты за человѣкъ, и почему живешь въ этой пещерѣ?» Тогда тотъ пригласилъ его къ себѣ и сталъ обучать и наставлять Магомета въ ветхомъ и новомъ завѣтахъ, по ученію Арія, который сына Божія назвалъ твореніемъ. Онъ заповѣдалъ ему разсказать дикимъ Таджикиамъ все выученное отъ него, сквернаго учителя, и просилъ его, чтобъ никто не зналъ его убѣжища. Но невѣжественный, изыческій и человѣкоугодливый народъ тотъ, дивясь его велерѣчію, говорилъ Магомету: «Откуда ты знаешь все это?».

Магометъ, обманывая несвѣдущій народъ свой, говоритъ: «Ангель говоритъ со мной, какъ съ однимъ изъ прежнихъ боговдохновенныхъ пророковъ». Они

¹⁾ Переводъ К. Патканьянъ. Петербургъ 1861 г.

²⁾ Въ своемъ письмѣ къ Джеванширу греческій императоръ Константинъ называетъ его «властителемъ Гардмана, княземъ Агваніи, аспарпетомъ и протонъ-патриціемъ». (Ист. М. Каганк. гл. XXI стр. 145). Въ другомъ мѣстѣ М. Каганк. говоритъ: «На 20-мъ году царствованія Гаскерта совершенно прекратилось существованіе царства персидскаго; то былъ 31-й годъ всемірныхъ побѣдъ Агарянъ и 15-ый господства Джеваншира». Прекращеніе персидской сасанидской державы относятъ къ 650 году.—А. Т.

³⁾ М. Каг. халифа величаетъ «царемъ юга» и нигдѣ не называетъ по имени. По всѣмъ даннымъ приходится принять, что это былъ первый халифъ изъ Омейядовъ—Моавія (661—680).—А. Т.

⁴⁾ Главная жена халифа.

⁵⁾ Супругъ Джеваншира.

назначали тайно соглядатаевъ, чтобъ узнать, кто это ему рассказывалъ, или откуда онъ знаетъ все это.

Узнавъ объ этихъ измѣнникахъ, Магометъ убилъ своего учителя, и зарылъ его въ песокъ. Онъ сѣлъ на томъ мѣстѣ и сказалъ соглядатаямъ: «Въ этомъ мѣстѣ является миѣ ангелъ и рассказываетъ о всякихъ чудесахъ». Увидя его одного, они пришли и рассказали видѣнное порочному и заблудшему народу Таджиковъ. Тогда они огромною толпой устремились въ безводную, бѣсовскую пустыню, и съ большею почестью приняли къ себѣ дышащаго бѣсомъ Магомета. Исполнилось слово Спасителя о явленіи ложныхъ пророковъ. Соблазненный бѣсомъ Магометъ сталъ дѣлать пророчества и говорилъ: «Если вы будете внимать моимъ пророчествамъ и тому, что я вамъ проповѣдую, народъ нашъ достигнетъ великой власти. Такъ говоритъ книга Грековъ, и намъ дана Богомъ власть за вѣру нашу». Мѣста поклоненій и жертвоприношеній своихъ онъ назвалъ куполомъ Авраама. Онъ приказалъ тамъ совершать жертвоприношенія, и войско свое назвалъ Авраамовымъ; повелѣлъ молиться четверугольному жертвеннику, воздвигнулъ каменный столпъ и предписалъ прикладываться къ нему во имя Авраама.

О немъ предсказалъ блаженный пророкъ: «Оставить мужъ жену свою, и она выйдетъ за другого,—если она возвратится къ мужу своему, не осквернится ли та женщина совершенно?».

Это самое совершилъ Магометъ. Нѣкто изъ Таджиковъ Талбъ, имѣлъ красивую жену. Магометъ послалъ къ нему вѣстника: „Богъ приказалъ тебѣ оставить твою жену“. Талбъ привелъ жену свою на площадь и, поставивъ клятвенно свидѣтелей, отпустилъ ее. Магометъ взялъ къ себѣ жену его, и совершивъ съ ней нецѣломудренныя желанія сердца своего, возвратилъ ее Талбу и сказалъ: «Богъ приказалъ тебѣ взять жену обратно». И этотъ (гнусный) законъ принялъ народъ ихъ. Они отпускаютъ женъ своихъ и, положивъ спать съ другимъ, берутъ ихъ обратно къ себѣ. Таково незаконное ихъ обыкновение. Они нарушаютъ клятву, данную въ страшное имя Бога; а если клянутся срамотой женщины, то хранить клятву неложно. И много другихъ мерзостей передалъ онъ тому народу—предтечамъ и воинамъ антихристовымъ, которые будутъ поклонниками и сподвижниками его...

...Въ концѣ 65 г. армянской эры (616 г. по Р. Х.) явился преступный Магометъ въ Мединѣ-Шагастанѣ; въ 70-мъ г. (621—22) онъ пришелъ къ куполу Авраама, и оттуда вступилъ въ тотъ Шагастанъ, который теперь называется по имени его Махметовскимъ, въ мѣсяцъ Софаръ. Тамъ онъ пробылъ одинъ годъ; въ продолженіе цѣлаго года онъ дѣлалъ набѣги изъ Шагастана, и въ мѣсяцъ Шахръ-Раби-ловаль завладѣлъ куполомъ Авраама, и 18-е число мѣсяца Рамазана было осмымымъ годомъ его власти. 15-го числа мѣсяца Шавала онъ сразился съ персомъ Нефомъ. Въ равноденствіе мѣсяца Алкатъ онъ прибылъ въ Мекку, и оттуда возвратился въ свой Шагастанъ. Въ продолженіе 6 дней мѣсяца Зулката онъ остался тамъ; оставилъ въ Меккѣ эмиромъ Седа, сына Абусидова. Товарищи его возвратились въ Мекку. Абубекръ, сынъ Абуна (у Эмина—Абухаба), былъ старшимъ между товарищами. И это было на 9-мъ году власти Магомета. На 10-мъ году въ понедѣльникъ умеръ онъ 2-го числа мѣ-

сяца Раби-Алаваль. Онъ правилъ въ продолженіе 10 лѣтъ, и проповѣдуя 13 лѣтъ свое ложное ученіе, утвердилъ тайную свою вѣру. Сорокъ лѣтъ было ему, когда онъ явился, а умеръ онъ на 63 году.

(Книга III, гл. 16, стр. 259—60). Когда онъ (полководецъ Магометъ) достигъ Сиріи, смертельная язва напала на него, и находясь семь мѣсяцевъ въ предсмертной агоніи, онъ наконецъ издохъ. Похороненный трижды, онъ былъ выбрасываемъ вверхъ: земля не принимала мерзкаго трупа его. Послѣ того взяли одну собаку, изжарили ее съ Махметомъ на вертелѣ, и тогда только открыла земля того злодѣя.

V.

Іоаннъ католикосъ историкъ ¹⁾ (IX—X в.)—до 920 г.

(Стр. 47). Въ это время появился Махметъ изъ сыновъ рабыни Агарь, который, по свидѣтельству Павла, отъ горы Синъ или пустыни въ рабствѣ рожденъ. Онъ, возгордившись надъ народами съ правдивой вѣрой и печатью Христа, исполнилъ бездну своихъ гибельныхъ мыслей, ибо нападеніями на вѣрующихъ не давалъ насыщаться мечу своему, постоянно напаяемому кровью раненыхъ, плѣнниковъ и главъ вражескихъ князей. Хотя и увѣрялъ, что онъ врагъ гордости и (что) по приказу Бога проповѣдуетъ истинность вѣры Авраама и законовъ Моисея, но его безбожное богопознаніе было лишь предательствомъ умовъ невѣждъ. Ибо осужденъ судъ его, безчестны—почитанія, нарушимы—обѣты, бессодержательны—подаванія, и безжалостна жалость его. Вѣдь не можетъ быть, чтобъ отъ Господа было наслѣдованіе сына рабыни сыну свободнаго, какъ и вѣрующаго—невѣрному.

(Стр. 54). Этоть Абдалла ²⁾, схвативъ новопросвѣщеннаго Давида ³⁾, о которомъ нами выше было упомянуто, жестоко мучилъ и терзалъ темницей и склонялъ къ своей гибельной безднѣ.

(Стр. 55). (Саакъ католикосъ) приказалъ посланіе то, по своей смерти, вложить въ правую руку, дабы Огбай, придя, самъ взялъ изъ его руки, (что) быть можетъ вызоветъ его жалость и онъ не выполнитъ беззаконныхъ мыслей своихъ. Востиканъ Огбай, какъ только услышалъ о смерти св. Саака, поспѣшно отправилъ гонца съ приказомъ не хоронить его до своего прибытія; когда же пришелъ, вошелъ (туда), гдѣ находилось тѣло мужа Божьяго, и, согласно своимъ законамъ, движеніемъ руки привѣтствовалъ его какъ живого, говоря: «Сала-малевъ».

(Стр. 72). Нѣкоторые изъ нихъ, признавъ царскія слова, обратились къ ихъ безбожному богопознанію; а другіе, хотя въ тотъ моментъ и не подверглись обрѣзанію, но все таки согласились, что и они также въ нужный часъ точно исполнять волю верховнаго эмира.

¹⁾ Перевожу съ изданія Эмина. Москва 1853 г.

²⁾ Востиканъ Арменіи при халифѣ Моавіѣ.

³⁾ Персъ царскаго происхожденія, принялъ христіанство и вмѣстѣ съ другими армянскими вельможами былъ казненъ.

VI.

Асохикъ (X—XI в.)—до 1004 г. ¹⁾.

(Книга II, гл. II, стр. 87). На двѣнадцатомъ году его ²⁾ (правления) появился Махметъ ³⁾, сынъ Абдалы въ 68 г. (619). И было начало Исмаилитскаго царства въ 72 году (623—624).

(Книга II, гл. II, стр. 103). Но, придя въ Хэрапъ, онъ ⁴⁾ заболѣлъ и обратился (письмомъ) къ Окбаю съ предсмертнымъ словомъ, въ которомъ говорилъ объ общей смерти и пренсподней, а также и о своей кончинѣ на чужбинѣ; затѣмъ приказалъ посланіе это вложить въ его правую руку, чтобъ Окбай, пришедъ, самъ бы взялъ его. Окбай же, какъ только узналъ о смерти св. патріарха, приказалъ не хоронить его до своего прихода; а когда явился и увидалъ мужа Божьяго, простеръ къ нему руки и привѣтствовалъ его говоря: «Салам - алек».

(Книга II, гл. IV, стр. 120). Нѣсколько раньше смерти Хосрова, на восьмомъ году царствованія императора Иракла въ 68-мъ году армян. лѣтоисч. (619), появился изъ Чкастана ⁵⁾ (*չրախտան*) Махметъ, сынъ Абдалы, пророкъ Тачиковъ. Въ то время евреи возстали противъ грековъ и укрѣпились въ гор. Эдессѣ; когда же не смогли противостоятъ греческимъ войскамъ, въ количествѣ 12,000 чел. вышли и направились въ страну Тачиковъ; этимъ они объявили о родствѣ съ ними и призвали ихъ на помощь. И обратился къ нимъ Махметъ: «Если Богъ обѣщаль дать вамъ (ту) страну, то никто не сможетъ выйти противъ васъ войной».

... Махметъ черезъ два года послѣ своего властвованія умеръ на одиннадцатомъ году Иракла.

... Отвели въ плѣнъ младенца Вардана—сына Хосрова, князя Гохтенскаго, воспитывали (въ плѣну) и учили по своимъ поганымъ законамъ.

... Онъ (Езидъ) велѣлъ истребить всѣхъ свиней и стереть ихъ съ лица земли.

Письмо Мслима императору Леону.

«Что—причина твоего упорства? Почему не подчиняешься намъ? Развѣ ты не слышалъ о бѣдствіяхъ, которыя мы причинили тѣмъ изъ государствъ, кои дѣйствовали противъ насъ? Мы уничтожили ихъ, какъ глиняный сосудъ, ибо исполнился обѣтъ (Бога) отцу нашему Исмаилу. Я поклялся не возвращаться въ страну свою, пока не низвергну твое царство и разрушу укрѣпленный городъ твой; домъ твоего поклоненія, именуемый Софіей, я обращаю въ отхожее мѣсто для моихъ воиновъ, крестъ же, которому ты поклоняешься, уничтожу, раздробивъ о твою голову».

... Его (Влита) ⁶⁾ убили собственные нахарары по приказанію кураевъ.

¹⁾ Переводъ мой съ изд. Шахназарянъ. Парижъ 1859 г.

²⁾ Армянскаго царя Давида Сахаруни, 601—625.

³⁾ Мохаммедъ.

⁴⁾ Католикосъ Саакъ.

⁵⁾ Эминъ переводить это—„изъ страны погибели“.

⁶⁾ = халифа Валида.—А. Т.

(Книга III, гл. V, стр. 153). Въ то время были два брата изъ знатнаго и благороднаго рода Гнуни—Гургенъ и Давидъ, которыхъ палачи схватили и привели къ Юсупу; ¹⁾ онъ клятвенно обѣщаль дать имъ полцарства своего, а также разноцвѣтныя блестящія одежды, стремительныхъ коней съ роскошнымъ убранствомъ; при этомъ обвинялъ ихъ шею рукой, цѣловалъ и льстиво увѣщевалъ забыть Христа. Но они, воодушевленные Божественной любовью, смѣло объявили о исповѣданіи ими истинной вѣры: «Мы—христіане, и свѣтъ Богопознанія, который содержитъ въ себѣ безсмертіе, не промѣняемъ на вашу смертоносную ложь, которая—ничто, и ни во что не можетъ считаться».

(Книга III, гл. XIII). Войско Тачиковъ клялось безчестнымъ своимъ закономъ, утверждая, что ихъ не притѣснять и позволять имъ свободно уйти, если только отдадутъ свое оружіе. И они (армяне), вслѣдствіе недалекости ума, дали имъ свое оружіе. (Тачики) отступившись отъ клятвы, данной по еретической своей вѣрѣ, перебили всѣхъ мечемъ, плѣнили Абдлхароба ²⁾ и двухъ князей—Григора и Тиграна; городъ же освободился только благодаря сокровищамъ. На тѣлахъ убитыхъ нашли слѣды нечестивыхъ оскверненій, о которыхъ невозможно говорить; поэтому Господь въ 432 году (983) предалъ ихъ въ руки иноплемениковъ.

(Книга III, гл. XXXIX). Когда сдѣлался эмиромъ Абумсаръ, племянникъ (по сестрѣ) Бата, то онъ, опасаясь тачиковъ гор. Нфркерта, прибѣгъ къ слѣдующей хитрости: въ день ихъ праздника—3-го числа мѣсяца, называемаго у нихъ Алхеденъ, во время совершенія закланія, онъ, подъ предлогомъ ожидаемаго прибытія большого греческаго посольства, приказалъ жителямъ мужескаго пола выйти за городъ... (и т. д.).

VI.

Самуэль Анеци (XII в.)—до 1150 г. ³⁾.

Стр. 16. На 75-мъ году своей жизни Авраамъ удостоился увидѣть Бога; онъ получилъ отъ Него повелѣніе выйти изъ страны своей. Авраамъ ушелъ изъ Харани и поселился въ странѣ Канаанской. На 85-омъ году своей жизни родился у него сынъ отъ Агари, рабыни Сары, котораго онъ назвалъ Исмаиль; отъ него (произошелъ) и народъ Исмаильскій, котораго также называютъ: Агаряне, Саракиньсы и Тачики.

(Стр. 78. 615 г.). Въ это время появился лже-пророкъ Махметъ изъ сыновъ Агари, исмаильтянинъ, наставленный аріанами и Керинтосомъ. Онъ былъ ученикомъ одного отшельника по имени Бхира, послѣдователя Арія, (жившаго) въ пустынѣ Синай, гдѣ, заключенные, размножились (сыны Агари) по преслѣдованію Сарою своей рабыни.

¹⁾ Сынъ Абу-Сада, востиканъ Арменіи. Извѣстны его вторженія въ Арменію съ цѣлью опустошенія въ 907 и 908 гг. Въ 915 году онъ въ городѣ Двинѣ повѣсилъ армянскаго царя Смбата вмѣстѣ со многими вельможами, не пожелавшими принять мохаммеданство.

²⁾ Князь князей Васпураканскій.

³⁾ Переводъ мой съ изданія А. Теръ-Микаелянъ. Вагаршанатъ 1893 г.

616 г. Нѣкоторые изъ историковъ появленіе лже-пророка Махмета относятъ къ 65 г. (616), другіе — 62 (613) и третьи — 68 (619) г. армянскаго лѣтончисленія ¹⁾.

636. Махметъ взялъ Іерусалимъ.

647 ²⁾ Въ это время во главѣ Исмаильянскаго народа сталъ сперва Кагартъ, о которомъ и божественная книга упоминаетъ: «народъ имѣющій уста, собственной кровью напоить мечи свои». Онъ, проживъ 8 лѣтъ, умеръ. Послѣ него — Амаранъ 12 лѣтъ. Но Кагартъ дошелъ до Дамаска и въ Месопотамію до гор. Амита, предалъ ихъ мечу и взялъ несмѣтную добычу; затѣмъ отправилъ три воинства, (изъ которыхъ) одно во главѣ съ Назомъ и его совѣтникомъ повеломъ — въ Грецію, гдѣ они истребили 70,000 грековъ; (другое подъ начальствомъ) Эмира Отмана и военачальника Мавіа — въ сторону Персіи; эти разбили Мюрдата съ 20 тысячами и армянскаго спаранета Мушега съ его воинами. Такимъ образомъ они овладѣли всѣми странами Армянъ, Персовъ, Сирійцевъ, Египтянъ, Мавровъ, Парянъ и Палестинцевъ. Причина же ихъ завоеваній слѣдующая: въ сторонѣ Дамаска былъ нѣкій князь по имени Саргисъ; онъ захватилъ богатое имущество исмаилитскихъ купцовъ, и пропустилъ мимо ушей троекратныя мольбы Кагертъа; тогда Кагертъ собралъ всѣхъ мужей и лошадей своего племени и, трижды напавъ (на Саргиса), вернулъ свое и (забралъ) его (имущество); когда же усилился надъ армянами, сталъ совращать ихъ съ вѣры, но они не поддались. Князь Исмаильянъ нашелъ совѣтника въ лицѣ нѣкогого Махмета египтянина, главы купцовъ; этотъ нѣсколько былъ знакомъ съ законами Моисея, но былъ утвержденъ (въ вѣрѣ) ересью Арія и Керинтоса. Махметъ проповѣдывалъ матеріально-земной рай: пищу живота и бракъ послѣ воскресенія; научилъ законамъ, противнымъ древнимъ и новымъ законодательствамъ: признавать недостойныхъ и говорить неправильное; съ великимъ издѣвательствомъ обезчестилъ обѣтъ Авраама. Тотъ вѣдь написалъ (въ слѣдующемъ видѣ): «обрѣзайте всѣхъ (дѣтей) вашихъ мужского пола на восьмой день»; этотъ же (предписывалъ обрѣзаніе) не только мужчинамъ, но и женщинамъ, чѣмъ и мерзко издѣвался надъ знаменіемъ Господа. (Предписывалъ) также постоянное омовеніе голой водой вмѣсто св. Крещенія и мн. др. недостойныя, смѣшныя и порочныя постановленія. Онъ получилъ (и владѣлъ званіемъ) законодателя, посланника и предводителя 20 лѣтъ, — и истребилъ Бзуниа, Агіовитъ и Таронъ. Этотъ Махметъ удержалъ мечъ и словеснымъ совѣтомъ подчинилъ себѣ большую часть вселенной. Ненарушимой клятвой утвердилъ условіе, (по которому) армяне смѣло могли исповѣдывать христіанство, и продалъ имъ вѣру

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ экземп. Самуэла прибавлено: „Въ это время сталъ господствовать лже-пророкъ Махметъ, которому было 43 года“. — А. Т.

²⁾ Свѣдѣнія, помѣщенные подъ этимъ годомъ, въ высшей степени противорѣчивы; это объясняется тѣмъ, что историкъ выписывалъ ихъ, „не мудрствуя лукаво“, и не замѣчая несуразностей. — Возникаетъ подозрѣніе (срв. стр. 28 и 32), не заключается ли въ сообщеніи о Кагартѣ и Амаранѣ смутное воспоминаніе о сирійскихъ гассанидахъ съ ихъ князьями (Харисомъ - Ареою, Амромъ), а не о халифахъ. Конечно, „Кагартъ“ нѣсколько напоминаетъ „ибнъ-аби-Кохѣфатъ“ (-Абу-Бакаръ), а „Амаранъ“ похоже на Омаръ, но дальнѣйшій контекстъ препятствуетъ подобному отождествленію. Уже скорѣе Кагартъ походилъ бы на полководца Халида. — А. Т.

ихъ, взявъ съ каждаго дыма по 4 монеты, 3 моть хорбалъ, мѣшочку для лошади, веревкѣ изъ волосъ и *ձեթարար* - дзет парар¹⁾. А отъ священниковъ, дворянъ и всадниковъ приказалъ не брать податей. При завоеваніи странъ назывались Амирлмумни. Послѣ 20 лѣтъ Мухмата, власть взяли Абубак'ръ, Отманъ и Омаръ 38 лѣтъ.

650 г. На 24 году правленія Абубак'ра, Отмана и Омара, и на 48-мъ (начиная) съ перваго года Исмаильтянъ К'эг'ерт'а и Махмета, прекратилось царство персидское подъ владычествомъ Сасанидовъ, и ихъ мѣсто занялъ Исмаилитскій народъ.

VIII.

Мхитаръ Айриванеци (XIII в.)²⁾.

Стр. 21. Тираны Тачиковъ.

Махметъ, лже-посланникъ (*Վէջրաճար*) 12 л. (и т. д.).

(Стр. 32). На 86-омъ году жизни родился (у Авраама) отъ Агари сынъ Исмаиль, отъ котораго народились Тачики.

(Стр. 49). Годы 611—615. Появленіе Махмета.

12 тысячь евреевъ, взявъ съ собой книгу Бытія, пошли къ нему.

Императоръ Ираклій захотѣлъ воевать съ Махметомъ; тогда пришелъ къ нему какой-то мужъ и принесъ ему книги геминдроза и Джеминдроза, въ которыхъ было написано, что на 240 лѣтъ дана имъ власть.

Тачики взяли Арчешъ.

(Стр. 54; годы 831 — 841). Тачикъ Давутъ, сынъ Абусахла, далъ христіанамъ приказъ: не хоронить мертвыхъ, не носить креста, не звонить въ колоколъ и не держать свиней.

(Стр. 59. 1081 годъ). Тачики и татары соединились, поставили въ Багдадѣ начальника и назвали его халифъ, т.-е. оставшійся послѣ Махмета.

(Стр. 62). Годы 1121—1131. Аблюаръ принесъ изъ Хлата золотой полумѣсяцъ (букв. подкову) и водрузилъ на куполѣ Анійской церкви.

(Стр. 64). Годы 1161—1181. Халифъ Мустинъ приказалъ по всей странѣ строить церкви.

IX.

Киракосъ Гандзакеци³⁾ (XIII в.)—1265 г.

Стр. 32. А когда исполнился 618 г. по Р. Хр. и 67-й по армянскому лѣтосч., появился ибнкій лжепророкъ, наставленный въ ложномъ ученіи Керинтоса и Арія по имени Махметъ, родомъ Исмаильтянинъ изъ сыновъ Агари. Пока онъ по причинѣ торговли ѣздилъ въ Египетъ, встрѣтился съ однимъ подвижникомъ изъ арианъ, по имени Саргисъ Бхира въ пустынѣ Сенай; этотъ

¹⁾ Значеніе этого слова затрудняемся объяснить. Срв. ниже, стр. 28.

²⁾ Переводъ мой съ изданія Эмина. М. 1860 г.

³⁾ Переводъ мой съ московскаго изданія 1858 г.

научилъ Махмета ложному богопознаію, восхваляя древнюю религію, наученную Моисеемъ, и сказалъ: «Если ты послушаешься меня, то будешь предводителемъ и законодателемъ народа своего». И пошелъ Махметъ по своей дорогѣ, и внезапно вошелъ въ него нечистый духъ, и онъ упалъ, при чемъ изо рта его выступила пѣна. Товарищи его, увидавъ это, остались съ нимъ, пока онъ нѣсколько пришелъ въ себя; затѣмъ подняли и спросили о причинѣ такого бѣснованія; онъ отвѣтилъ, что это случилось по волѣ ангела, который отправилъ его посланникомъ къ народу своему. Прибывъ въ городъ свой, онъ началъ проповѣдывать то, чему научилъ его лже-христианинъ. Были у него главариами—дядя (по отцу); они преслѣдовали его, даже пригрозили смертью, если еще услышатъ отъ него подобныя вещи. Махметъ пошелъ въ домъ свой и сѣлъ грустный; тогда вошелъ къ нему Али, его зять и двоюродный братъ (по отцу) и спросилъ о причинѣ его грусти; тотъ отвѣтилъ: «потому что я проповѣдалъ имъ Бога, а они пригрозили мнѣ смертью». Сказалъ Али: «Встань, пойдемъ и вновь станемъ проповѣдывать, и если они противятся намъ, то мечемъ истребимъ ихъ»; ибо Али былъ мужемъ сильнымъ, и сильными были кто съ нимъ находились. Когда же стали проповѣдывать, начались сильныя волненія и война. Сторона Махмета, потерпѣвъ поражение, убѣжала въ Малую Мадіамъ, гдѣ, (спасаясь) отъ гоненій императора Константина, собралось 12 тысячъ евреевъ. Соединившись съ ними, онъ пошелъ на тѣхъ, кто преслѣдовалъ его и истребилъ ихъ. Евреи, когда увидѣли удачный исходъ дѣла, назначили его своимъ предводителемъ; къ нимъ присоединились и остальные Мединцы во главѣ съ предводителемъ—кагрт-омъ (*քարտ-ոմ*)¹⁾.

Мединцы и признавшіе Махмета попросили у него законы: и далъ онъ имъ въ высшей степени позорныя законы. Онъ проповѣдывалъ рай земной, съ пищею живота и бракомъ въ видѣ постоянного сообщенія съ вѣчно дѣвственными женщинами; научилъ законамъ, противнымъ древнимъ и новымъ законодательствамъ, а именно, признать говорящаго недостойнымъ и позорнымъ непристойности и (относящагося) съ величайшей насмѣшкой къ данному Богомъ Аврааму обѣту. Ибо написано: обрѣзайте всѣхъ восьмидневныхъ дѣтей мужскаго пола; а этотъ предписалъ: обрѣзайте когда и въ какомъ возрастѣ хотите, не только мужчинъ, но даже и женщинъ. Въмѣсто свѣтлаго крещенія, завѣщаннаго намъ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, этотъ проповѣдывалъ постоянно творить зло и только водой омываться и очищаться, и многое другое смѣшное недостойное и порочное.

Махметъ былъ посланникомъ - законодателемъ пять лѣтъ и истребилъ Бзуну, Агіовитъ и Таронъ; онъ сложилъ мечъ, и его слову подчинилась большая часть вселенной; ненарушимой клятвой утвердилъ условіе, (по которому) армянская страна смѣло могла исповѣдывать христианство, и продалъ имъ вѣру ихъ, взявъ съ каждаго дыма по четыре монеты, три мотъ хорбал, т.-е. пшеницы, мѣшочку для лошади, веревкѣ изъ волосъ и дзетнарар—*ձեմարար*.

¹⁾ Имя собственное? Возможно, что рѣчь идетъ о Хâрисѣ (Ареѣ), извѣстномъ князѣ Гассанскомъ, на сирійской дамасской окраинѣ. Срв. это имя въ другомъ контекстѣ на стр. 26.

А отъ священниковъ, дворянъ и конницы приказалъ не брать податей.

Черезъ 20 лѣтъ послѣ Махмета власть надъ Исмаилемъ взяли Аубакръ, Оіманъ и Амръ на 38 лѣтъ ¹⁾.

Стр. 35. До прибытія Махмета ²⁾ въ Харанъ, онъ (пат. Саакъ) написалъ ему письмо съ мольбами, что, дескать, «я шель къ тебѣ, чтобъ передъ тобой хлопотать о моемъ народѣ; но не удостоился твоего лицезрѣнія, ибо то, что является житницей для всѣхъ, призвало и меня. Но я заклинаю тебя объѣтомъ Бога Аврааму и отцу вашему Исмаилю, чтобы ты ничего злого не сотворилъ съ народомъ моимъ,—тогда они подчинятся вамъ; если ты слушаешься моихъ мольбъ, да пребудетъ благословеніе мое надъ тобой; а если не слушаешься, то да пребудутъ проклятія надъ тобой, да отвратить Богъ сердца воиновъ твоихъ и да не послѣдуютъ они волѣ твоей». И когда прибылъ Махметъ въ храмъ, рассказали обо всемъ и вручили ему посланіе; прочитавъ его, Махметъ спросилъ о мѣстонахожденіи могилы покойнаго, и указали ему мѣсто, гдѣ онъ умеръ, но еще не былъ похороненъ. Поспѣшно отправившись (туда), онъ согласно своей вѣрѣ поклонился мертвецу, какъ живому.

Стр. 36. Послѣ Сулимана власть перешла къ Умару, который написалъ письмо царю Леону и просилъ познакомить его съ христіанскимъ ученіемъ. Царь написалъ полный мудростью отвѣтъ, въ которомъ также насмѣхался и надъ ихъ законами. Когда Умаръ прочиталъ его, сильно устыдился и началъ очищать свои законы отъ всего поганнаго; хотя онъ и не осмѣлился уничтожить все, но многое изъ безобразнаго исправилъ.

VIII.

Варданъ Великій ³⁾ (XIII)—1267.

Стр. 80. Около этого времени двѣнадцать тысячъ Евреевъ, собравшись въ Эдессѣ, отложились отъ Ираклія, который пришелъ, осадилъ Урху, взялъ ее и отпустилъ Евреевъ безнаказанно идти куда хотятъ,—не внимая брату своему Θεодору, желавшему истребить ихъ. Оттуда они пошли черезъ пустыню въ Тачкастанъ къ сынамъ Исмаиля, какъ къ сродникамъ, и пригласили ихъ себѣ на помощь. Изъ послѣднихъ одни согласились, другіе—нѣтъ, потому что между ними существовали различные расколы, какъ нѣкогда между Египтянами различныя вѣрованія.

Тогда явился мужъ изъ среды сыновъ Исмаиля, по имени Махомедъ—купецъ по ремеслу. Онъ родился въ городѣ Мадіанѣ на разстояніи двухъ дней пути отъ Мекки, изъ рода, называемаго Корешомъ, отъ Абдаллы, который умеръ, оставивъ его сиротой. Онъ поступилъ къ одному купцу и вскорѣ сдѣлался въ его домѣ первымъ. Послѣ смерти купца онъ завладѣлъ домомъ своего хозяина, женившись на его женѣ. И шель онъ со своими верблюдами въ

¹⁾ См. Самуэль Анеци XII в. годъ 647.—А. Т.

²⁾ Рѣчь должна идти, конечно, не объ основателѣ религіи. (Ср. стр. 9 и 24).—А. Т.

³⁾ Переводъ Эмива. Москва 1861 г.

Египетъ, когда встрѣтился ему какой-то отшельникъ, по имени Сергій, послѣдователь Арія и Керинѳа. Черезъ Ветхій Заветъ онъ далъ Махомеду понятіе о Богѣ, и познакомилъ его съ книгой о «Дѣтствѣ нашего Господа». По возвращеніи на родину Махомедъ сталъ проповѣдывать то, что слышалъ; но народъ прогналъ его и онъ отправился въ пустыню Фарани. Когда пришли двѣнадцать тысячъ Евреевъ, онъ воспользовался случаемъ и сталъ проповѣдывать сынамъ Израильскимъ Бога Авраамова; общалъ имъ, что если они поклонятся ему, то наследуютъ землю, данную Богомъ Аврааму. И вняли они его голосу, и стали стекаться, начиная отъ Евилы до Сура, что насупротивъ Египта. Двѣнадцать тысячъ Евреевъ по числу колѣвъ Израиля они раздѣлили между двѣнадцатью родоначальниками, по тысячѣ на cadaго; такимъ образомъ они сдѣлались удѣломъ двѣнадцати родоначальниковъ, именами которыхъ и стали называться: Наваюеъ, Кидаръ, Навдеилъ, Мавсанъ, Масма, Идума, Массія, Ходдадъ, Ѳеманъ, Іетуръ, Нафесъ, Кедма. И отправились они отдѣльными станами изъ пустыни Фарани въ Роовоъ Моавитскій и перешли по ту сторону Іордана въ жребій Рувима. Тогда греческія войска находились въ Аравіи; они нанесли имъ поражение, и Ѳеодоръ, братъ императора, едва спасся бѣгствомъ. Князья же возвратились въ Аравію и расселились по колѣнамъ. Къ нимъ стеклись всѣ остатки сыновъ Израилевыхъ, и составилось огромное войско. Послали сказать императору, чтобы онъ очистилъ землю, данную Богомъ Аврааму. Императоръ отвергъ ихъ предложеніе и, собравъ семьдесятъ тысячъ войска, подъ начальствомъ вѣрнаго евнуха отправилъ въ Аравію на Исмаиля: войско было истреблено, и станъ Махомеда наполнился богатой добычей. Это случилось въ 65 году (616) нашего лѣтоисчисленія. Такъ какъ совѣтъ, данный Махомедомъ, удался, то народъ сталъ просить у него закона. Мѣсто, гдѣ стояли храмы змievъ, которымъ народъ поклонялся, Махомедъ назвалъ Аль Кауба, что означаетъ «Дверь Божія»; городъ, въ которомъ онъ жилъ, назвалъ «Домомъ Авраама». Когда стало усиливаться христіанство, то бывший въ Дамаскѣ кумиръ—Реманъ, который ничто иное, какъ хромой Гефестъ—перенесли и бросили въ пустынь. Татчики нашли его и перенесли въ храмы змievъ. Жрецы этихъ змievъ не захотѣли ставить его тамъ; вынесли оттуда и поставили на камень, на которомъ выдолбили мѣсто для одной ноги. Египетскіе купцы украли этотъ кумиръ, который былъ отлитъ изъ золота Исмаильянами. Возгорѣлась жестокая война между двумя народами. Когда память объ этомъ событіи исчезла, Махомедъ сталъ увѣрять, что это—слѣдъ ноги Авраама, когда онъ приходилъ на свиданіе съ сыномъ своимъ, Исмаиломъ. (Говорятъ), въ то время Исмаиль былъ на охотѣ. Авраамъ спрашиваетъ жену его: «Гдѣ твой мужъ?»—Та отвѣчаетъ: «Ступай прочь, дряхлый старикъ!». Авраамъ говоритъ: «Когда твой мужъ придетъ домой, скажи ему: «перемѣни дверь дома твоего».—Когда же пришелъ Исмаиль и почувалъ запахъ отца своего, спросилъ жену, и та рассказала ему все слышанное. Исмаиль понялъ (въ чемъ дѣло), отпустилъ жену и взялъ другую до седьмой жены, которая попросила Авраама сойти съ осла, дабы она могла умастить ноги его. Тогда Авраамъ спустилъ одну ногу и положилъ ее на камень, и камень разступился подъ его ногой. Другую же ногу онъ не спускалъ съ вьючной скотины потому, что поклонялся Саррѣ не събшиться,—Сарра опасалась встрѣчи его съ Агарью.

Это—вымысль самого Махомеда; онъ приказалъ со всѣхъ сторонъ стекаться туда на поклоненіе и на одной ногѣ ходить около того камня, повторяя: «лбайк, лбайк», на что, будто-бы, кто-то отвѣчалъ: «ай, ай, авас, авас». Оттуда они проходятъ въ долину, гдѣ бьютъ скотину, потомъ садятся на лошадь и скачутъ до холма Мекки. Во время этого скаканія они спускаютъ съ себя одежду и не должны оглядываться. Проходя между двухъ скалъ, называемыхъ ими Сабою и Мервою, семь разъ въ безпокойствѣ идутъ отъ одной скалы къ другой и бросаютъ камни, говоря, что такъ дѣлалъ и училъ (дѣлать) самъ Махомедъ. Бѣганіе на одной ногѣ есть слѣдствіе слѣда ноги (Авраама); бить и рѣзать скотину въ долинѣ, говорятъ, (доказываетъ то), что Махомедъ принесъ жертву всѣмъ духамъ, дабы они показали ему видѣніе; и когда показались духи, онъ пустился бѣжать.

Хожденіе между двумя скалами и бросаніе камней (намекаетъ на то), что, прежде поклоненія кумирамъ, они поклонялись камнямъ, и что когда Махомедъ совершалъ по обыкновенію молитву—напала на него бѣшеная собака, въ которую онъ сталъ бросать камни.—Онъ приказалъ своимъ дѣлать тоже.

Они не убиваютъ ни гадовъ, ни змievъ, потому что прежде они были предметами ихъ поклоненія.

Избiеніе собакъ, говорятъ, означаетъ то, что когда Махомедъ умеръ—такъ какъ не хотѣли хоронить его, въ той надеждѣ, что онъ послѣ трехъ дней воскреснетъ, подобно Господу нашему—собаки обгрызли все лицо у него. Когда узнали объ этомъ, стали бить собакъ. Приказано дѣлать это каждый годъ въ одинъ и тотъ же мѣсяцъ.

Онъ училъ: «Богъ—единъ, и нѣтъ другого равнаго Ему, а Махомедъ—рабъ Его».

То, что говорятъ на основаніи словъ какого-то Еврея, будто пророки вѣщали какъ для Христа, такъ и для Магомеда—относится къ тому, что Исаія видѣлъ двоихъ сидящихъ на ослѣ и на верблюдѣ.

Какъ-то разъ посредствомъ колдовства Махомедъ вдругъ скрылся. Немного спустя, онъ явился и сказалъ: «Миръ, милость и благодать Божія да будутъ съ вами!».

Спрашиваютъ его въ изумленіи: «Откуда идешь», что означаетъ это новое привѣтствіе, и благодать какого Бога приносишь ты намъ?»

Махомедъ отвѣчаетъ: «Богъ бралъ меня въ Мекку—въ домъ моего и вашего отца, Авраама; тамъ онъ повѣдалъ мнѣ волю свою и завтра пришлетъ намъ законъ».—Онъ взялъ молодую корову, отелившуюся тамъ, гдѣ было стеченіе народа; отвелъ ее отъ теленка; написалъ (на бумагѣ), что ему было угодно и, привязавъ ее къ рогамъ коровѣ, съ преданными себѣ людьми, отправилъ въ пустыню, съ приказаніемъ на другой день отпустить ее. Самъ же, окруженный толпой, дожидаясь. Вдругъ корова прибѣжала съ ревомъ, врѣзалась въ толпу и стала искать теленка. Махомедъ приказалъ схватить ее и, взявъ бумагу, поцѣловалъ ее и сказалъ: «Она—отъ Бога». По этому самому до сихъ поръ въ началѣ Корана написано: «Сурать-аль бакара»—т.е. законъ коровы.

Махомедъ приказалъ семь разъ совершать молитву съ омовеніемъ.—Вѣсто трубъ, бывшихъ въ употребленіи у Израильтянъ, онъ приказалъ призывать къ молитвѣ съ высоты, основываясь на словахъ: «восходи на гору Сіонскую, ты—благовѣститель».—Призывающаго называютъ муди́н, т.е. законоположитель.

Приложеніе пальца къ уху (выражаетъ то), что волей или неволей всѣ должны слышать ухомъ.

Махомедъ назвалъ Христа Словомъ Божиимъ и Духомъ.

Говорятъ, что онъ совершалъ чудеса: сводилъ съ неба луну, разбѣкалъ ее на четыре части, снова соединялъ и отпускалъ на небо.

У Исмаильянъ прежде былъ княземъ Кахертъ; когда они встрѣтили Магомеда, увѣровали въ него во всемъ.

Махомедъ послѣ сорокалѣтняго правленія умираетъ, и наследуютъ власть его Омаръ, Амръ, и Абубакръ.

Стр. 93. «Но (скажите), почему вы называете себя различными наименованіями, каковы: Кузи, Сабри, Турапи, Квари, Мурджи, Басли, Джердже, которые отрицаютъ существованіе Бога, воскресеніе, твоего мнимаго пророка и Харири, и которые раздѣляются на двѣ (секты), изъ коихъ одна ненавидитъ васъ, другая же любитъ миръ? Ваши книги (писали) Омаръ, Абутурабъ и Сулиманъ-парсъ: Хаджаджъ, правитель Парсіи, не мало старался о ихъ исваженіи».

Стр. 94. Омара смѣнилъ Йезидъ, человекъ злобный, одержимый бѣсомъ; онъ не переставалъ преслѣдовать кресты и иконы, истреблять свиней, пока наконецъ не былъ задушенъ злымъ духомъ.

Стр. 95. Послѣ Хешма вступилъ на престолъ Велидъ, провождавшій дни свои въ развратѣ, который впрочемъ по приказанію курраевъ былъ (вскорѣ) убитъ.

Стр. 118. Порядокъ преемства Амиръ Мумніевъ мы довели до Джафра¹⁾ и оставили. Ихъ владычество началось въ 60 г. (611) и вслѣдствіе смутъ прекратилось въ 350—901 году.

Стр. 119. Онъ отнялъ власть рода Махомеда у Махмуда-Мустафы, бывшаго тридцать третьимъ отъ Махомеда на 246 г. ихъ господства. Молва о немъ, сильно распространяясь, дошла до уstraшеннаго халифа, который посылаетъ ему дары и называетъ его Алам, Лалаб, Амиц, Абделла и Султанъ²⁾.

Стр. 119. Тогда пришелъ Исравъ съ несмѣтной силой, съ двумя стами пятьюдесятью слонами и, увидя Махмуда, спросилъ его: «Шахъ, читалъ ли ты намазъ?».....³⁾ и т. д.

Стр. 155. Царь иверійскій, собравъ подъ свое начальство войско изъ гавказскихъ племенъ, напалъ на Двинъ и, взявъ его, всѣхъ находившихся въ немъ, кромѣ христіанъ, предалъ мечу и огню; приказалъ снять съ минарета сваренные нѣкогда черепы, покрылъ ихъ золототканымъ покровомъ, положилъ въ гробы и заставилъ мух'риевъ на плечахъ своихъ съ босыми ногами нести до Тен'хиса, первопрестольнаго своего города въ 612—1163 году.

¹⁾ Мотаваккиля, 847—861. См. выше, стр. 19.—А. Т.

²⁾ Здѣсь говорится о Махмудѣ, который по словамъ Мхитара Айривъ „былъ сынъ Себектана, подобно Арташиру Сасаниду вышедшій въ люди изъ ничтожества“. Иначе сказать, рѣчь идетъ о знаменитомъ султанѣ-завоевателѣ Махмудѣ Газневидскомъ (998—1030). Титулъ, данный ему халифомъ Кадыромъ послѣ паденія династїи саманидовъ, былъ „Намін ад довле ва амін аль-милле“, и былъ имъ введенъ обиходный титулъ: „султанъ“. У Вартана (или, вѣрнѣе, у издателей печатнаго текста и у переводчика—Эмина) мы находимъ здѣсь полную путаницу.—А. Т.

³⁾ Привожу это мѣсто ради слова „намазъ“, даннаго въ переводѣ Эмина. Но на дѣлѣ мы должны констатировать у Эмина грубое недоразумѣніе, вызванное неправильнымъ чтеніемъ армянскаго текста. Подробнѣе см. въ особой нашей замѣткѣ на стр. 3.

Персидскія пословицы.

(Собравіе Мирзы Абдуллы Гаффарова).

Транскрипція, переводъ и комментарий.

Предисловіе.

Въ новое печатное изданіе 1-ой части «Образцовъ персидской письменности (проза)» Мирза Абдулла Гаффаровъ включилъ пятьсотъ пословицъ (стр. 102—116). Ядромъ сборничка послужили собственные записи; впоследствии собраніе расширилось внесеніемъ пословицъ изъ руководства для изученія персидскаго языка Тиздаля (*Modern persian Conversation-grammar by Clair-Tisdall. London. 1902, стр. 208—214*) и изъ какого-то сборника пословицъ, изданнаго въ Константинополѣ¹⁾.

Персидское народное творчество,—какъ замѣтилъ В. А. Жуковский,—«интересное въ отношеніи языка, формы и содержанія, остается до настоящаго времени областью совершенно необслѣдованной и неизвѣстной»²⁾, и я охотно согласился на предложеніе Мирзы Абдуллы Гаффарова популяризовать на русскомъ языкѣ персидскія пословицы. Доля моего участія, впрочемъ, незначительна: я транскрибировалъ текстъ, не притязая на передачу простонародныхъ діалектическихъ особенностей, которыя впрочемъ ступшевывались въ устахъ Мирзы Абдуллы Гаффарова, родомъ азербайджанца. Во время разбора пословицъ Мирза Абдулла Гаффаровъ и, отчасти, братъ его, Мохаммедъ Казимъ, дѣлали цѣнныя замѣчанія объ употребленіи пословицъ, комментировали ихъ и т. д.;—все это я тщательно записывалъ. Такимъ образомъ, я только отдѣлывалъ матеріалъ, предлагавшійся мнѣ для работы. Переводилъ я пословицы близко къ подлиннику; кое-гдѣ, для ясности, вставлялись слова, заключенныя въ круглыя скобки; иногда, впрочемъ, я увлекался близкимъ совпаденіемъ персидской пословицы съ русской и сообщалъ русскій вариантъ пословицъ, отличный, однако, только по формѣ.

¹⁾ Чтѣ это за сборникъ,—мнѣ не удалось установить; во всякомъ случаѣ,—увѣряетъ Мирза Абдулла Гаффаровъ,—это — не сборникъ „Османскихъ пословицъ“ Шинаси, гдѣ напечатаны также персидскіе варианты османскихъ пословицъ.

²⁾ Образцы персидскаго народнаго творчества. СПб. 1902, стр. I.—Впрочемъ, В. А. Жуковский скромно умалчиваетъ о своихъ трудахъ, представляющихъ большое подспорье для знакомства съ персидской народной словесностью.

Въ примѣчаніяхъ сообщаются иногда аналогичныя русскія пословицы или поговорки османскія и азербайджанскія (въ переводѣ).

Въ Персіи, пословицы окружены въ народѣ исключительнымъ вниманіемъ, между тѣмъ какъ народныя произведенія, вообще, квалифицируются какъ безсмыслица ¹⁾. Онѣ собраны въ Персіи въ книгахъ: «Джамі-ут-темсіл» и «Шаһід-и садіқ», и др. Тиздаль, видѣвшій сборникъ «Джамі-ут-темсіл», говоритъ, что тамъ попадаются пословицы, уже устарѣлыя, такъ какъ и составленъ былъ сборникъ нѣсколько столѣтій тому назадъ ²⁾; точнѣе, вѣроятно, въ сборникъ внесены стихи и поговорки изъ литературныхъ произведеній, а не изъ живой рѣчи. Среди пословицъ, собранныхъ Мирзой Абдуллою Гаффаровымъ, нѣкоторыя также стихи персидскихъ поэтовъ; часты, напр., стихи изъ «Голистана» Саадія, но это говоритъ, что Саадій уловилъ типичныя черты народной, житейской, философіи въ Персіи и перенесъ ее въ свою поэзію, откуда народная мудрость, принаряженная въ литературную форму, снова ушла въ народъ,— обратилась въ народное достояніе.

Въ Европѣ персидскія пословицы впервые были напечатаны Уильсономъ (Wilson: A collection of proverbs and proverbial phrases, in the persian and hindoostanee languages by Thomas Roebeck. Calcutta, 1824). Это—огромный томъ, заключающій свыше 2,500 пословицъ ³⁾. Пословицы эти были собраны въ началѣ XIX вѣка Гентеромъ (Hunter) и Робеккомъ (Roebeck). Пословицы даны въ арабской транскрипціи и сопровождаются реальнымъ комментариемъ.

Вл. Гордлевскій.

¹⁾ В. А. Жуковскій, цит. соч., стр. III.

²⁾ Clair-Tisdall, цит. соч., стр. 208.

³⁾ Пословицы, вошедшія въ первую часть (стр. 1—66), взяты, главнымъ образомъ, изъ „Шаһід-и садіқ.“

Транскрипція.

Переводъ.

Хода кѣшти андка-ке хавѣд бѣрѣд,
вагѣр находа джамѣ бѣр тѣн ¹⁾ дѣрѣд.

Богъ направляетъ корабль, куда хочетъ,
хотя бы капитанъ рвалъ на себѣ
одежды.

Примѣчаніе. Народъ думаетъ, что когда Саадій (въ «*Бустанъ*») сочинилъ этотъ стихъ, ему явился во снѣ Фирдоусій и, найдя стихъ блѣднымъ, измѣнилъ порядокъ словъ: «Бѣрѣд кѣшти андка-ке хавѣд *Хода*, . . . *находа*».

Впрочемъ, въ европейскомъ изданіи *Бустана* (Графъ, стр. 301) вмѣсто «Хода» читается «каза» (судьба); народное чтеніе, засвидѣтельствовавшее восточными изданіями (бомбейскимъ, напр., отъ 1309 г. х.), — приемлемѣе для разсказа о Фирдоусіи, который избѣгалъ арабскихъ словъ; да иначе исчезла бы и риѣма (... *Хода*... *находа*).

Гѣр-изѣд зе некмѣт бе-бѣндѣд дѣрѣ,
зе рѣнмѣт номѣжд рѣн-е дѣгѣрѣ.

Если Богъ по мудрости закроетъ одну
дверь, — по своей милости Онъ ука-
жетъ какой-нибудь другой путь.

Агѣр хѣлѣ-ра бе-фрѣбѣ, хѣлѣ-ра нѣ-тѣванѣ
ферѣфт.

Если народъ ты и обманешь, — Бога те-
бѣ не удастся обмануть.

Хода дѣр-гѣр-е сѣхт-гѣр-ѣст.

Богъ поздно наказываетъ, (но) сурово.

Примѣчаніе. «Богъ долго терпѣть, но больно бьетъ».

5 Кафѣр ²⁾ хѣмѣ-ра бе-кѣш-е ход пѣндѣрѣд.

«Гѣуръ» обо всѣхъ судить по своей
вѣрѣ.

Примѣчаніе. «Всѣхъ мѣряетъ на свой аршинъ».

Аз кофр-е иблѣс мѣшѣур-тѣр-ѣст.

Извѣстѣе невѣрѣя «иблѣса».

Примѣчаніе. Когда Богъ создалъ міръ, всѣ ангелы поклонились Адаму, вѣнцу божьяго созданія; дѣволъ одинъ отказался признать его, и былъ проклятъ (Коранъ, сура «Корова», стихъ 32).

Агѣр жар—ѣнл—ѣст, кар—сѣнл—ѣст.

Если другъ (сотоварищъ)—сговорчивый,
и дѣло спорится.

хѣр-че ѣз дуст мѣ-рѣсѣд, нѣву-ст.

Все, что приходитъ отъ друга, — благо.

хѣзар дуст кам—ѣст, жѣкь дошман бесѣр-
ѣст.

Тысяча друзей—мало, одинъ врагъ—
много.

Примѣчаніе. Аналогичная пословица распространена между османцами.

¹⁾ Вариантъ (Tisdall цит. соч., стр. 210, № 34): „ѣз тѣн“ (съ тѣла, — съ себя).

²⁾ Вмѣсто „кафер“.

- 10 Jar-e qādim— āsb-e zīn-kārdā-āst. | Старый другъ, что осѣдланная лошадь.

Примѣчаніе. Какъ образецъ истинной дружбы, на Востокѣ распространень слѣдующій рассказъ. Однажды человекъ пошелъ ночью къ другу, чтобы въ бесѣдѣ съ нимъ облегчить свое горе. Когда другъ услышалъ стукъ въ дверь въ неурочное время, онъ быстро спустился внизъ: въ одной рукѣ у него былъ кошелекъ съ золотомъ, въ другой онъ держалъ саблю, а рядомъ стояла красавица-невольница. Человекъ подивился, а другъ сказалъ: «Съ тобой, видно, приключилось какое-нибудь горе; если у тебя нужда въ деньгахъ,—вотъ тебѣ кошелекъ; если тебя кто обидѣлъ,—вотъ сабля: порази врага; если тоскуетъ твое сердце,—вотъ тебѣ утѣшеніе!» Человекъ поблагодарилъ своего друга за отзывчивость и объяснилъ цѣль своего посѣщенія. Такъ,—думаетъ народъ,—другъ, какъ осѣдланная лошадь, готовъ всегда выручить изъ бѣды.

- Jarī— jarī-st, hesab—hesab. | Дружба — дружбой, счетъ — счетомъ.

Примѣчаніе. «Дружба — дружбой, служба — службой».

- hesab—hesab-āst, kāka—beradār. | Счетъ — счетъ, «кака» — братъ.

Примѣчаніе. Слово «кака» въ Ширазѣ значитъ братъ; въ сѣверной Персіи, однако,—негръ, рабъ.

Del be-del rah darād.

ūlāt-āst an-ke gujānd-ke ze del rāhīst
ba-del: ¹⁾ del-e mān ze ḡossā xun šod,—
del-e to xābār nā-darād.

«Сердце сердцу вѣсть подаетъ».

Ошибочно говорятъ, что отъ сердца къ сердцу путь ведетъ: мое сердце обли- (ва)лось кровью отъ скорби, а твое сердце и не чуетъ.

Примѣчаніе. Это—стихъ поэта Орфи.

- 15 Āz del be-rāvād hār an-ke āz didā be-
raft. | Изъ сердца уходитъ все, что съ глазъ
ушло.

Примѣчаніе. «Съ глазъ долой, изъ сердца—вонь!»

hār-ke bī-jar bovād, pejvāstā bīmar bovād. | Кто бываетъ безъ друга, — всегда хво-
раетъ.

xanā-je duстан be-руб vā-dār-e doшmā-
nan mā-куб! | Подметай домъ друзей и не стучись въ
двери враговъ!

Примѣчаніе. Это—изреченіе Саадія.

- hār an-ke zud be-dāst ajād, dīr nā-pajād. | Все, что быстро попадаетъ въ руки,—
долго не остается.

Примѣчаніе. «Что легко наживается, то легко и проживается».

¹⁾ Варіантъ: „Del-rah“.

Ан-че нā пāјад, дел-бāстāгi ра нā-шāјад | Чтō непрочно,—недостойно привязанности.

Примѣчаніе. Это—изреченіе Саадіа.

20 Сāгъ-ра бе-зур бе-шекар нā-тāван борд. | Нельзя насильно тащить собаку на охоту.

Примѣчаніе. Аналогичная пословица распространена между арабами и османцами.

«Насильно миль не будешь!»

Джā-јi-ке нāмāк хордi, нāмāкдан мā-швāн! | Тамъ, гдѣ ѣль (хлѣбъ) соль, не ломай солонки!

Нāмāкъ—јāкъ āнгошт-āст. | Соль на пальцѣ!

Примѣчаніе. Въ пословицѣ скрытъ намекъ на житейскій восточный обычай: чтобы взять соли, слюнягъ палець и опускають въ солонку; такъ подчеркиваются обязательства, налагаемые «хлѣбосолецтвомъ» хозяина ¹⁾).

Сила этихъ обязательствъ сказывается даже на ворѣ. Рассказываютъ, что основатель династїи Саффаридовъ,—Якубъ-ибнъ Лейсъ, сначала разбойничалъ. Однажды онъ подкопался подъ сокровищницу саманидскаго царя; онъ забралъ уже все драгоцѣнности и хотѣлъ уходить, какъ у дверей замѣтилъ что-то блестящее. Онъ нагнулся и попробовалъ на языкъ,—это была соль. И, находясь подъ чарами народныхъ воззрѣній, онъ побросалъ сокровища и ушелъ. Велико было изумленіе царя, который вошелъ утромъ въ сокровищницу. Онъ объявилъ въ городѣ, что прощаетъ вора, и Якубъ, представъ передъ царемъ, повинился во всемъ. Услышавъ частосердечное признаніе, царь приблизилъ его ко своему двору.

Тā-джiл бāд-āст, вāli дār вар-е хејр нiку-ст. | Спѣшить — дурно, но въ добромъ дѣлѣ, это — похвально.

Примѣчаніе. Въ первой половинѣ заключается намекъ на хадисъ: «Истинно, поспѣшность — отъ діавола...»

Сāваб раh бе-ханā-је ход мi-бārād. | Добро найдетъ дорогу къ себѣ въ домъ.

Примѣчаніе. Въ концѣ-концовъ добрыя дѣянїя вознаграждаются.

25 hāq бе-hāqдар мi-рāsād. | Право приходитъ къ тому, за кѣмъ право.

Примѣчаніе. Такъ или иначе представится случай возстановить свое нарушенное право.

То нiкујi кон-о дār Дежlā āвдаз, | Ты, знай, дѣлай добро и бросай въ
ке Ізād дār бiјабан-āt дāhād баз. | Тигръ, а Богъ воздастъ тебѣ въ пустынь.

¹⁾ Такъ - называемое право соли (حق نمك). «Нужно помнить хлѣбъ - соль» (hāqq-e nāmāk negāh bāјād dāшт), — говоритъ персидская пословица: Роевуск, I, стр. 194, № 810).

hār-ke шіріні форушад, моштāрі бār-веј бе-джушад.	Вокругъ продавца сладостей кишатъ по- купатели.
Забан-е хош мар-ра аз сурах бірун мī- жаварад.	Ласковое слово и змѣю извлекаетъ изъ норы.

Примѣчаніе. Аналогичная пословица—у османцевъ.

Куh бе-куh нā-мī-рāsād, адām бе-адām мī-рāsād.	«Гора съ горой не сходится, человѣкъ съ человѣкомъ сходится».
20 Мадār-ра дел сузād, дајā-ра—дамāн.	У матери горитъ сердце, у пняки— пóлы.

Примѣчаніе. На-ряду съ пословицей распространень стихъ: «Гār бовād дār матāми сād нowhāgār, ah саhāб-дāрд-ра башād āсār» (Если въ горѣ бываетъ сто плакальщицъ,—стонъ дѣйствуетъ на человѣка въ горѣ).

Сір аз hal-е гороснā хāбар нā-дарād.	«Сытый голоднаго не разумѣетъ».
Та тārjaq аз Ераq авāрдā шāvād, мар- гāvīдā мордā башād.	Пока еще изъ Ирака доставятъ противо- ядіе, укушенный змѣей умретъ.

Примѣчаніе. Въ Иракѣ—изобиліе змѣй и скорпионовъ, и отъ укусовъ ихъ народная медицина нашла тамъ лѣкарство. Пословица извѣстна и у арабовъ Сиріи. Здѣсь—изреченіе изъ Саадія, въ устахъ лисы, которая боится, что случайно, второпяхъ, могутъ принять ее за верблюда и взять на войну.

Рāндж бе-кāш та бе-гāнджі бе-рāsī!	Претерпѣвай мученія, чтобы достичь со- кровица!
На-бордā рāндж, гāндж мојāссār нā-мī-шā- вād: мозд ап герефт, жан-е берадār, ке кар кārд.	Пока не испытаешь мученій, кладъ не легко дается (въ руки); пріяль мзду о, дорогой братъ, тотъ, кто пора- ботагъ!

Примѣчаніе. Это—стихъ Саадія.

«Не выдавши горькаго, — не увидишь сладкаго!»

35 hār жа-ке пāрīvāшī-ст, д'вī ба-у-ст.	Тамъ, гдѣ (красавица), похожая на «пери», (сидитъ) и (уродливый) «девъ».
hār-ке-ра тавус бајād, джoвр-е нендостан кāшād.	Если кому нуженъ павлинь, онъ прини- маетъ тяжелый (путь) въ Индію.
Кāсі-ке гол мī-хавād, бајād меншāt-е хар бе-кāшād.	Если кому хочется (сорвать) розу, — обя- занъ взять на себя «преlestи» шиповъ.
Та шāб нā-рāвī, руз бе-джā-жі нā-рāsī!	Если не будешь совершать путь ночью, — днемъ не достигнешь станціи!

Примѣчаніе. На Востокѣ предпочитаютъ путешествовать ночью, когда спадетъ жара.

Дār ханā āgār кās-āст, јāкь hārф бās-āст.	Если въ домѣ есть (умный) человѣкъ, достаточно одного слова.
---	---

Примѣчаніе. Человѣкъ умный понимаетъ съ намека.

- 40 Дошмән-е дана аз дуст-е надан бейтәр-әст. | «Умный врагъ лучше глупаго друга».
Дана данад-о порсәд, надан нә-данад-о | Умный знаетъ и (все-таки) спросить, а
нә-порсәд. | невѣжда и не знаетъ, и не спраши-
ваетъ.

Бе-Локман некмәт-амузӣ че һадкәт? | Что за нужда обучать Локмана му-
дрости?

Примѣчаніе. «Ученаго учить, только портить».

Моәмма чон һәл шәвәд, асан шәвәд. | Когда загадка разгадана, она—легка.
Дир әј-о дорост әј! | Приходи поздно, (за-то) приходи навѣрно!

Примѣчаніе. «Лучше поздно, чѣмъ никогда».

- 45 Сохән та нә-порсәнд, лаб бәетә дар! | Покуда не спрашиваютъ (у тебя) мнѣ-
нїя, не развѣвай рта!

Примѣчаніе. Такой совѣтъ преподалъ Бехлуль купцу, который по своей неосторожности едва не погибъ въ Багдадѣ (Roebuck, I., стр. 226).

«Бшь пирогъ съ грибами, держи языкъ за зубами!»

Зәхм-е сенан бәр тән-әст-о зәхм-е зә- | Рана отъ копыя—на тѣлѣ, рана отъ рѣ-
бац-һбәр жан. | чей—въ душѣ.

Примѣчаніе. Османская пословица (заимствованная у арабовъ): «Рану, (нанесенную) мечомъ, можно излѣчить; нельзя излѣчить рану, (нанесенную) языкомъ».

Сохән-е раст аз диванә бе-шнов! | Правдивыя рѣчи слушай отъ сумасшед-
шаго!

Рух-ра соһбәт-е на-женс әзәбі-ст әлим. | Для души бесѣда съ низкимъ человѣ-
комъ—тягостное мученіе.

Примѣчаніе. Это—стихъ Саадїя.

һәрәкәт—аз то, бәрәкәт—аз Хода ¹⁾. | Инициатива (рвеніе)—отъ тебя, благосло-
веніе—отъ Бога.

Примѣчаніе. «На Бога надѣйся, а самъ не плошай!»

- 50 һәр-ке бе-оммид-е шум-е һәмсајә нешінәд, | Кто сидитъ въ надеждѣ на ужинъ со-
гороснә ми-манәд. | сѣда, остается голоднымъ.

Примѣчаніе. Благочестивые мусульмане, исполняя заповѣдь шарїата, охотно раздаютъ бѣднымъ сосѣдямъ (до «семи дверей») кушанье (когда въ домѣ варится что-нибудь особенное). Такимъ образомъ они какъ бы предупреждаютъ желаніе, или капризь тяжелаго больного или беременной женщины, которые могли бы услышать запахъ пищи.

¹⁾ Варіантъ (Roebuck, I, стр. 81, № 90): «әз ма» (отъ насъ).

«На чужой каравай ротъ не разѣвай; пораньше вставай и свой затѣвай!»

Сақи агар үалат конад, ход нушад.

Если виночерпій ошибется,—ему самому в (придется) пить.

Ход кәрдә-ра тәдбир нист.

Когда самъ что натворилъ,—не поправишь!

Примѣчаніе. «Самъ и расхлебывай кашу!»

Чера ақел конад кәр-ике баз арәд пә-шімані?

Зачѣмъ умному дѣлать то, въ чемъ онъ будетъ еще расканиваться?

Примѣчаніе. Пословица представляетъ второе полустихіе стиха, въ которомъ поэтъ Джамиі произноситъ сужденіе надъ Зюлейхой, ввергшей Іосифа въ тюрьму: ... زینجا مرد از آن حسرت که یوسف گشت زندانی...

Ақел до барә гу! пә-мі-хорәд.

Умнаго человѣка не проведешь дважды!

Примѣчаніе. Аналогичная пословица—у османцевъ.

55 Ақел нә-шавәд үафел.

Умнаго человѣка не (захватить) врасплохъ!

Әз һәлва гофтаи дәһаи ширин пә-гәрәд.

Отъ разговоровъ о халвѣ во рту не будетъ сладко!

Хәр-о гав-ра әз-һәм фәрқ пә-мі-гозарәд.

Онъ не отличаетъ осла отъ быка!

Хәр че данәд қыжмәт-е ноқ!-о пәбат?

Гдѣ знать ослу цѣну сладостей и рафинада?

Һәр до па-ра дәр јакъ кәфш кәрдә.

Онъ закинулъ обѣ ноги въ одинъ «лапотъ».

Примѣчаніе. Намекъ на упрямство.

60 Шотор-ра гом кәрдә пеј-је әфсар әш ми-гәрәд.

Потерялъ верблюда, а ищетъ узду.

Па дәр һәва һәрф ми-зәпәд.

Онъ болтаетъ рѣчи, которыя висятъ въ воздухѣ (=чепуху).

Нам-е боләнд беһ-әз бам-е боләнд. ¹⁾

Доброе имя лучше высокихъ хоромъ.

Јакъ мордә бе-нам беһ зе сәд зендә бе-пәнгъ.

Одинъ покойникъ, честный, лучше ста живущихъ въ позорѣ.

Мордән бе-еззәт беһ-әз зендәгани бе-zellät.

Умереть съ честью лучше, чѣмъ жить въ униженіи.

Примѣчаніе. Это—изреченіе Саадія.

65 Джовр-е остад беһ зе меһр-е педәр.

Строгость учителя полезнѣе ласки родителя.

Остад - е моәллем чо бовәд бі-азар, херсәкь базәнд кудәкан дәр базар.

Когда учитель мягокъ, ребяташки играютъ на базарѣ въ медвѣдя.

Примѣчаніе. Въместо того, чтобы учиться.—Это также стихъ Саадія.

¹⁾ Ср. стихъ Саадія: «نام نیکو کر بماند ز آدمی * چه کزو ماند سرای زرنگار».

Бесјари-је доздаи аз мосамеһа¹⁾-је шәһ- | Обиліе воровъ—отъ нерадѣнія градопра-
нә-әст. | вителя.

Чуб аз беһешт амәдә.

Палка вышла изъ рая.

Примѣчаніе. Эта пословица распространена среди азербайджанцевъ и османцевъ. У азербайджанцевъ такъ думаетъ отецъ, отдавая въ школу ребенка; онъ какъ бы одобряетъ палочную расправу въ школѣ; «тѣло его—твое,—говоритъ онъ учителю,—кости—наши!».—Въ Турціи пословица приобрѣла бурсацкій характеръ. По польски: «Różga bicz święty».

Та нә-башад чуби тәр, фәрман нә-барәд | Пока не будетъ гибкой палка,—ни быкъ,
гав-о хәр. | носель не будутъ внимать приказанію.

70 Чуб-е Хода сәда нә-дарәд.²⁾

Палка Бога—безгласна.

Примѣчаніе. Пословица употребляется въ двухъ значеніяхъ: 1) Богъ такъ наказываетъ, что это *скрыто* ото всѣхъ, 2) Богъ наказываетъ *нежданно-негаданно*.

Соббәт-е никан-әт аз никан конәд.

Общеніе (бесѣда) съ добрыми (людьми) и тебя облагораживаетъ.

Ба никъ неһини, никъ шәви, ба дигъ не- | Посидишь съ хорошимъ человѣкомъ,—
һини,—сijah. | будешь (самъ) хорошимъ; посидишь у
котла,—будешь черепъ!

Примѣчаніе. «Съ кѣмъ поживешь, отъ того и прослывешь».

һәр-че дәр, кан-е нәмәк офгәд, нәмәк | Все, что падаетъ въ соляную руду,—
шәвәд. | обращается въ соль.

Примѣчаніе. Варіантъ азербайджанскій: «Что падаетъ въ солонку,—обращается въ соль».

Хәһи нә-шәви росва,—һәм-рәнг-е джә- | Если не хочешь, чтобы на тебя пока-
ма'әт шоу! | зывали пальцами, поддѣлывайся подъ
тонъ компаніи!

Примѣчаніе. «Съ волками жить, по-волчьи выть!»

75 Шәвр-е јәкьчәшман рәви, јәкьчәшм шоу!

Идешь въ городъ одноглазыхъ, — такъ
закрой одинъ глазъ!

Примѣчаніе. Это—стихъ.

«Если попалъ въ воронье стадо,—то по-вороньи каркай!»

До әсб-ра дәр јәкь джа бе-бәнди, һәмрәнг | Если привяжешь двухъ лошадей въ од-
нә-шәвәнд, һәмху ми-шәвәнд. | номъ стойлѣ, — одной масти онѣ не
станутъ, но приобрѣтутъ одинаковыя
наклонности.

¹⁾ Въмѣсто „мосамәһә“.

²⁾ Roubicek (I, стр., 183, № 740) приводитъ продолженіе: „... вәһти-не әдд, дәвә нә-дарәд“ (а когда ударила,—нѣтъ уже лѣкарства).

Кабутър — ба кабутър, баз — ба баз, | Голубь — съ голубемъ, соколь — съ соко-
 копъд һәм-женс ба һәм-женс пәрваз. ¹⁾ | ломъ, — (словомъ), каждый летаетъ со
 сродными себѣ.

Примѣчаніе. Это — стихъ. — Есть арабскій вариантъ.

Зәррә зәррә к аңдәрін әрз-о сәма-ст, | Атомы, сколько ни есть ихъ на землѣ и
 женс-е ходра һәм-чо кан-о кәһроба-ст. | на небѣ, (притягиваютъ) другъ друга,
 какъ солома и янтарь.

Примѣчаніе. Это — стихъ Джелаль-эд-дина Руми.

Һәр кә-ра сәхавәт-әст, бе-шәдка'ат еһті- | Кто — щедръ, тому нѣтъ надобности
 јадж нист. | быть храбрымъ.

Примѣчаніе. Это — изреченіе Саадія.

80 Армаған-е мур па-је мәләх башәд. | Подарокъ муравья — ножка кузнечика.
 Хәрж чо аз кәсә-је меһман бовәд. | Когда расходы (ложатся) на карманъ
 һатем-е тајі шодән асан бовәд. | гостя, не трудно стать Хатемъ-таемъ.

Примѣчаніе. Щедрость Хатемъ-тая, бедуина, вошла въ поговорку. —

Это — стихъ Низамія.

Ғада данәд-ке момсек кә-ст. | Кто скупой, — про то знаетъ (только)
 нищій.

Примѣчаніе. Пословица выражаетъ удивленіе, откуда говорящій
 могъ это знать.

Дәр-амәд мәрд-ра бәхшәндә сазәд. | Прибыль дѣлаетъ человекъ щедрымъ.
 һәр-ке нан аз амәл-е хіш хорәд, | Кто ѣсть хлѣбъ отъ трудовъ своихъ, ни-
 меннәт аз һатеме-тајі нә-барәд. | чѣмъ не обязывается Хатемъ-таю.

Примѣчаніе. Это — стихъ Саадія.

85 Силі-је пәғд аз'ата-је несјә беһ. | Пощечина наличными лучше, чѣмъ обѣ-
 щаніе подарка.

Примѣчаніе. Отъ пощечины разгорится лицо, и народъ еще подумаетъ,
 что тебѣ хорошо живется.

Хүлі ²⁾ бе-кәф-әм беһ зе коләңгі бе-һәва. | Жаворонокъ у меня на ладони лучше,
 чѣмъ журавль въ небѣ.

Примѣчаніе. «Не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки!»

Серкә-је мофт аз әсәл ширинтәр-әст. | Даровой укусуъ слаще меда.

Примѣчаніе. Пословица распространена и между арабами и османцами.

Шәраб-е мофт-ра казі-һәм ми-хорәд. | И кадій пьетъ даровое вино.
 Та нә-дәһи, — нә-стані! | Не дашь, — не получишь!

¹⁾ Варианты: 1) „qaz“ (гусь): Roubuck, I, стр. 324, № 1655, 2) порядокъ полетѣній
 измѣненъ (тамъ же, стр. 330, № 1697).

²⁾ Вариантъ (Roubuck, I, стр. 325, № 1663): „Kermi“ (червячокъ).

90 Мейман азиз-аёт та се руз. | (Только) ¹⁾ до трехъ дней гость дорогой.

Примѣчаніе. Мусульманская религія предписываетъ поить и кормить гостя въ теченіе трехъ дней; потомъ, гость уже въ тягость; говорятъ: *مهمان جان عزیزاست ولیکن چو نفس خفه میسازد اگر آید و بیرون فرود* (Гость—дорогъ, какъ душа; но какъ воздухъ (дыханіе)—удушить, если войдетъ и не выйдетъ). «Першій день гість золото, на другій—срібло, на третій—мідь, на четвертій хоч їдь» (Кіев. губ.)

Амадѣн—бе-ірадѣт, рафтѣн—бе-еджазѣт. | Придешь,—когда вздумается, а уйдешь,
— когда позволять.

Кар ніку кѣрдѣн аз пор кѣрдѣн-аёт. | Мастерство и ловкость въ дѣлѣ создаетъ
привычка.

Примѣчаніе. Пословица связывается съ именемъ шаха Бехрамъ-гура. Однажды Бехрамъ-гуръ вышелъ на охоту со своей возлюбленной. Завидѣвъ лань, онъ заявилъ, что выстрѣломъ изъ лука попадетъ въ заднюю ногу лани и ухо. И дѣйствительно, сначала онъ попалъ лани въ ухо, а когда лань подвѣла заднюю ногу, чтобы почесать ухо, вторая стрѣла пронзила ей ногу и ухо. Но возлюбленная не выразила удивленія и сказала только, что «ловкость въ дѣлѣ создаетъ привычка». Шахъ, разгнѣванный, отослалъ возлюбленную. Она поселилась на горѣ и ежедневно поднималась на вершину съ теленкомъ на плечахъ. Постепенно теленокъ выросъ, но женщина такъ сумѣла развить въ себѣ силу, что эта тяжесть ей была уже ничемъ. Бехрамъ-гуръ снова ее увидалъ; на изумленіе шаха она отвѣчала старой пословицей. Тогда Бехрамъ-гуръ раскаялся въ опрометчивости и помирился со своей возлюбленной.

На русскомъ языкѣ рассказъ былъ напечатанъ въ «Историческихъ анекдотахъ персидскихъ государей. Отъ самаго основанія персидской монархіи до нашихъ дней, издаанные Пл. Зубовымъ. Москва. 1838.»; я цигую по ѣдкой рецензіи Бѣлинскаго (Полное собраніе сочиненій подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Спб. 1901, т. III, стр. 454).

Бе-жѣкъ гол бѣнар нѣ-мі-шѣвѣд. | Отъ одной розы еще не будетъ весны.
Мошт—номунѣ-же хѣрвар-аёт. | Горсть—образчикъ «хервара».

Примѣчаніе. «Херваръ»—тяжесть, поднимаемая осломъ, равна 100 батманамъ,—приблизительно 19 пудовъ.—Смыслъ пословицы: По нѣсколькимъ словамъ можно уже судить о человѣкѣ.

95 Аз гол—бѣжі, в-аз херс—мѣжі. | Отъ розы—благоуханіе, отъ медвѣдя—
шерсть.

Примѣчаніе. «Съ паршивой овцы хоть шерсти клокъ!»

¹⁾ Въ вариантѣ Коевиск (I, стр. 367, № 1952) есть слово „мѣгар“.

До һендуванā дār якъ дāст нā-мī-тāван | Мудрено удержать въ одной рукѣ два
негаһ дашт. | арбуза.

Примѣчаніе. Османскій вариантъ: «Два арбуза не умѣстятъ подъ мышкой». У арабовъ Сиріи—тоже.

Хаиā-ji-ке до кādбану башād,—хакъ та | Въ домѣ, гдѣ двѣ хозяйки,—грязи (пыли)
вану башād. | по колѣно.

Мама-ке до-та шод, сār-е бāччā чowlā | Когда бываетъ двѣ бабки, голова ребенка
мī-шāвād. | —искривлена.

Примѣчаніе. «У семи нянекъ дитя безъ глазу».

Ашпāз-ке до та шод,—аш іа шур мī- | Когда бываетъ два повара, кушанье или
шāвād, ја—бī-нāмāк. | пересолено, или недосолено.

100 Рāхш бājād та тāн-е Ростām кāшād. | Нужно быть Рахшемъ, чтобы носить на
себѣ Рустема.

Примѣчаніе. Рахшъ—чудесный богатырскій конь персидскаго національнаго героя, Рустема.

Кар-е һār боз нīст хāрмāн куфтāн: | Не всякій козелъ можетъ работать на
гав-е нār мī-хāһād-о мārд-е коһāн. | току: требуется (сильный) быкъ и
матерый мужъ.

Примѣчаніе. На Востокѣ на току крестьянцы становятся на особую четырехугольную раму, подбитую острыми камнями (кременемъ); волю, впряженные въ раму, ходятъ кругомъ; «рама» крошитъ колосъ на мелкіе куски, а зерно осыпается.

Рāшадат-е бī-дка джāваимāргі бар мī- | Неумѣстная храбрость причиняетъ пре-
јавārād. | ждевременную смерть.

һāмīшā хār хорма нā-мī-рīнād. | Не всегда осель будетъ испражняться
финиками.

Примѣчаніе. Махдію (мусульманскому Мессію) передъ Страшнымъ Судомъ будетъ предшествовать «дежжалъ» (Антихристъ) изъ Исфахана, на чудесномъ ослѣ, финиковый пометъ котораго накормитъ вселенную.

Пословица вспоминается, когда кто, разъ получивъ поблажку, рассчитываетъ вторично на снисхожденіе.

Азмудā-ра нā-бājād азмуд | (Разъ) испытанное нечего больше испыты-
вать.

Примѣчаніе. Эта мысль выражена Хафизомъ въ стихѣ:
هر چند آزودم از وی نبود سودم * من جرب المجرّب حلت به التدامة
(Сколько я ни перепробовалъ—мнѣ не было пользы отъ того: «Если кто вторично пыталъ (разъ) испытанное, вызвалъ раскаяніе»).

105 Агār Ālī сарбан-āст, мī-данād шотор-ра | Коли Алій—погонщикъ верблюдовъ, онъ
коджа бе-хабанād. | знаетъ, гдѣ усадить верблюда.

Qādr-e zār zārgār shenasād, qādr-e row-
hār—rowhāri¹⁾.

Цѣну золота знаетъ золотыхъ дѣлъ ма-
стеръ, цѣну драгоценныхъ каменьевъ—
ювелиръ.

Шенāstā ostoхan danād bāha-je mumjāi-ra.

У кого переломъ въ кости, — знаетъ
цѣну лѣкарства «мумья».

Примѣчаніе. «Мумья» бываетъ натуральная и искусственная. Чтобы
добыть «мумью» искусственную, намѣчаютъ рыжеволосаго мальчива; сажаютъ
его 30-ти лѣтъ въ кадку, затѣмъ вливаютъ медь и выдерживаютъ такъ еще
120 лѣтъ (Вуллерсъ, стр. 1231).

Ta tānnur gārm-āst, nan tāvan bāst.

Пока «тандыръ» горячъ,—и хлѣбъ лип-
нетъ.

Примѣчаніе. «Тандыръ»—своеобразная восточная печь,—яма, вырытая
въ землѣ; на дно ямы бросаютъ хворостъ и зажигаютъ. Когда яма нагрѣется,
въ стѣнкамъ ея дѣлать тѣсто въ видѣ тонкихъ лепешекъ.

«Куй желѣзо, пока горячо».

Sāngъ be-dжа-je ход sāngin-āst.

И (маленькій) камень на своемъ мѣстѣ—
тяжелъ.

110 Dāst bala-je dāst бесjар-āst.

(Какъ бы ты ни былъ силенъ,) все же
надъ тобой есть выше люди²⁾.

Mārdit bī-jazmaj в-анgāh zān кон!

Испытай (сперва), насколько ты—муж-
чина, и тогда (уже) бери себѣ жену!

Примѣчаніе. Это—стихъ Саадія.

Sāli-ke niku-st, āz bāhar-āsh pejda-st.

Урожайный годъ узнается по веснѣ.

Dжуjāndā jabāndā-āst.

Ищущій обрѣцетъ.

Порсан порсан be-непдустан³⁾ мi-таван
рāсiд.

Разспрашивая, разспрашивая, можно и
до Индіи добратся.

Примѣчаніе. «Языкъ до Кіева доведетъ».

115 Māvtāb nīrx-e mast ra mī-shkānād.

Лунный свѣтъ сбиваетъ цѣну съ кисла-
го молока.

Примѣчаніе. Бѣлый молочный свѣтъ какъ бы наводитъ на мысль объ
обиліи кислаго молока.

Sāg-e sāfīd zārār-e pāmбā-форуш-āst.

Бѣлая собака вводитъ въ убытокъ про-
давца ваты.

Кузā-je ноў—аб-е хоновъ.

Въ новомъ (глиняномъ) кувшинѣ—вода
студеная.

¹⁾ Варіантъ (Roebusck, I, стр. 317, № 1602): ...qādr-e gol bolbol shenasād, qādr-e
Qāmбār-Алі (...Цѣну розы знаетъ соловей, а Аліи знаетъ цѣну Камбера).

²⁾ Точнѣе: „Надъ нимъ есть еще болѣе мощная длань“.

³⁾ Варіанты: 1) Китай: Tisdall, цит. соч., стр. 209, № 16, 2) Мекка: Roebusck,
I, стр. 151, № 518.

Примѣчаніе. «Новая метла чисто мететь».

Ин гуј-о ин мејдан!

Андәкі джәмаі беһ-әз бесјәрі маі.

Вотъ—мячь, а вотъ—ристалище.

Чуть-чуть красоты лучше большого богатства.

Примѣчаніе. Это—изреченіе Саадія.

120 Ру-је зібә кәлід-е дәрһә-је бәстә-әст вә
мәрһәм-е делһә-је хәстә.

Красивое лицо — ключъ отъ закрытыхъ дверей и лѣкарство для усталыхъ сердець.

Примѣчаніе. Это—изреченіе Саадія.

һәр ке-ра зәр дәр тәразу-ст,
зур дәр базу-ст.

У кого на вѣсахъ золото,—въ мышцахъ сила.

Примѣчаніе. Это—также изреченіе Саадія.

Тәвангәрі бе-һонәр-әст, нә бе-мәлвә бо-
зоргі бе-әқл-әст, нә бе-сал.

Могущество—въ искусствѣ, не въ богатствѣ, величіе—въ умѣ, не въ годахъ.

Примѣчаніе. Это—изреченіе Саадія.

Тас агәр никъ нешінәд, һәмә кәс нәррад-
әст.

Когда выпадаетъ на игральныхъ костяхъ удачное очко, всякій можетъ выиграть въ трикъ-тракъ.

Аб дәр жу-је то-ст.

Вода у тебя въ арыкѣ.

Примѣчаніе. «И на твоей улицѣ—праздникъ».

125 Нан-аш бе-рууән офтадә-әст.

Ширә хәридім, морәбба дәр-амәд.

Хлѣбъ упалъ у него въ масло.

Покупали «сиропъ»,—оказалось варенье.

Примѣчаніе. Намекъ на неожиданную удачу.

Јар дәр ханә-во ма гәрд-е джәһан ми-гәрдім;
аб дәр кузә-во ма тәшнә-ләбан ми-гәрдім.

Другъ (у насъ) въ домѣ, а мы (въ поискахъ) кружимъ весь міръ; вода—въ кувшинѣ, а мы мечемся (всюду), истомленные жаждой.

Асб-е бедәw кан-о джов-е ход-ра зјад
ми-конәд.

Быстроходной лошади (хозяинъ) надбавляетъ солому и овесъ.

һәм—зјарәт, һәм—теджарәт.

И паломничество, и торговля.

Примѣчаніе. Когда, напр., отправляясь въ паломничество въ Мекку, мусульманинъ забираетъ съ собой съ родины рѣдкіе въ Аравіи товары (хорасанецъ—бирюзу, тебризецъ—ковры, и т. д.). Эта ироническая и насмѣшливая пословица распространена и между османцами, и между арабами.

130 Че хош бовәд-ке бәр әјәд бе-јәкь ке-
решмә до кар.

Какъ хорошо бываетъ, когда отъ одного кивка глазъ удается два дѣла!

Примѣчаніе. Продолженіе пословицы ходитъ въ народѣ въ двухъ вариантахъ:

1) يکيش مرگ رقيب و دوم رسيدن يار.

2) زيارت شه عبد العظيم و دیدن يار.

Переводъ: 1) Одно (дѣло)—смерть соперника, второе—свиданіе съ другомъ (въ сборникѣ сказокъ «Чехель-тутти»), 2) Паломничество на могилу шаха Абд-ул-Азима и свиданіе съ другомъ.—Могилы этого святаго находятся въ разстояніи одного «парсанга» (фарсаха) отъ Техрана, одинъ изъ «бестовъ».

«Одной пулей двухъ зайцевъ убить!»

Сабр—tālx-āst, vālvān bār-e шірін дарād. | Терпѣніе—горько, но плодъ его—сладокъ.

Примѣчаніе. Это—стихъ Саадія.

Гар сабр коні, зе гурā hālvā сазі.

Если будешь терпѣливъ, то изъ зеленого винограда сдѣлаешь халву.

Тāḡāрі бе-шкāпād, māсті бе-різād, джāhān гāрдād бе-кам-е касā-лісан.

Разбивается большой глиняный «тагаръ» и разливается кислое молоко; мѣръ пляшетъ подъ дудку блюдолизовъ.

Примѣчаніе. «Тагаръ»—большой глиняный сосудъ, въ формѣ чана.

Шāhnamā ахер-āш хош-āst.

Пріятеиъ конецъ Шахнаме.

Примѣчаніе. Шахъ-наме оканчивается гибелью послѣдняго сасанидскаго шаха, Яздегерда, и завоеваніемъ Персіи арабами, т. е. потерей политической самостоятельности.

«Цыплятъ по осени считаютъ».

135 Рāсідā буд бālā-jī, vāli бе-хеjr гозāшт.

Нагрязнула-было бѣда, да миновала благополучно.

Асб-е хош-роу ніз гāhghāhī сākāндār мi-хорād.

И добрый конь иногда спотыкается.

Примѣчаніе. Есть классическій арабскій вариантъ.

Пāhlevān-е бозоргъ āз пуст-е хārбозā бе-зāмиш мi-хорād.

И знаменитый «пехливанъ» падаетъ на землю отъ кожицы дыни.

Хода рāhm кāрд-ке хун-āш-ра герефтāнд.

Видно, сжалился Богъ, что пустили ему кровь.

Примѣчаніе. Натворилъ бѣду, а потомъ оправдывается.—Эта пословица попала въ комедію Фетхъ Алиа Ахундъ-заде «Ленкоранскій везиръ».

Руз-е бi-абi āз шāш-е муш асjаб мi-гāрдād.

Въ бездождіе мельница вращается отъ мочи мыши.

140 Джa-jī-ке меjвā нiст, чоyондор—солтан-ol-морāккāбат-āст.

Тамъ, гдѣ нѣтъ фруктовыхъ деревьевъ, свекла (сойдетъ) за апельсинъ.

Примѣчаніе. «Солтан-ol-морāккāбат»—родъ громаднхъ апельсиновъ, мандариновъ, лимоновъ и т. п.

«На безрыбьи и ракъ рыба».

Дәр бѣѣбан-е хошкь кәфш-е ковнә | Въ безводной пустынѣ старая туфля—
не смѣт-е Хода-ст. | Божіе благодареніе.
Качі бей-аз һич чи. | «Качи» лучше шиша.

Примѣчаніе. «Качи» — родъ жидкой халвы, даютъ роженицамъ. — Пословица распространена, преимущественно, въ Исфahanѣ.

Дәст-әт чо нә-ми-рәсәд бе-бібі, дәр-ѣаб кә- | Коди руки не достаютъ до хозяйки-
нѣз-е мятбәхи-ра! | сударушки, воспользуйся кухарочкой-
служаночкой!

По! ан тәрәф-е аб манд. | Мостъ остался по ту сторону рѣки.

Примѣчаніе. Alea jacta est!

145 Бе-бу-ѣе кәбаб амәдѣм, дѣдѣм: хәр дау | Мы пришли на запахъ «кебаба», а тутъ—
ми-кованд. | выжигаютъ тавро ослу.

Бәр һәр-ке бе-нгәри, бе-һәмѣн дәрд моб- | На кого ни взглянешь, — и онъ страдаетъ
тәлә-ст. | тѣмъ же горемъ.

Примѣчаніе. Это — второе полустишіе; вотъ — первое полустишіе:
تنها نه من بخال لبش آشنا شدم (Не я одинъ узналъ родинку надъ ея губой).

Һәр кожда сәнгь әјәд, — бәр па-ѣе ләнгь | Всегда камень попадаетъ въ ногу хро-
әјәд. | мого.

Примѣчаніе. «На бѣднаго Макара всѣ шишки валятся».

Һәр-че әз дозд мандә буд, нәсѣб-е рәммал | Что уцѣлѣло отъ вора, досталось «рем-
шод. | малу».

Примѣчаніе. «Реммалъ» — уличный гадатель по песку. На Востоку сильно распространена вѣра въ гадателей, которые, разумѣется, извлекаютъ для себя большія выгоды и морочатъ народъ. Народъ сознаетъ это и добродушно подсмѣивается надъ собой въ сказкѣ на тему объ «отгадчикѣ поневолѣ».

Жиль-былъ «хаммалъ» (носильщикъ); у него была красивая жена. Однажды жена «хаммала» пошла въ баню; баня была занята женой главнаго звѣздочета, которая высокомерно взглянула на бѣдную женщину и велѣла своимъ служанкамъ выгнать ее. Вернувшись домой, женщина стала жаловаться своему мужу на жену звѣздочета и, наконецъ, заявила: «Мнѣ надоѣла уже нищета; ты долженъ тоже стать звѣздочетомъ, или разводишься со мной!». Напрасно мужъ пробовалъ ее отговаривать, — жена твердила все свое: «Я достану тебѣ коврикъ, старыя книги, шкафъ; завтра ты садись на улицѣ и гадай!». Мужъ страстно любилъ свою жену-красавицу, и не дерзнулъ ей перечить.

На другой день онъ уцѣлся на дорогѣ. Вскорѣ подошелъ къ нему погонщикъ, потерявшій мула. На вопросъ хозяина мула, гдѣ искать мула, «хаммалъ» сначала опѣшилъ, а потомъ глубокомысленно сказалъ: «Возьми $\frac{1}{2}$ батмана абрикосовъ, съѣшь ихъ, — и ты найдешь своего мула!». Погонщикъ

подивился отвѣту, однако рѣшилъ исполнить слова «хаммала», и купилъ на послѣднія деньги абрикосовъ. Его схватилъ поносъ; онъ забрался въ какія-то развалины,—и тамъ нашель мула.

Прошло нѣсколько дней. Въ баню явилась жена эмира. Она сняла съ пальца кольцо и, завернувъ его въ прядь волосъ, спрятала въ щель въ стѣнѣ. Одѣваясь, она забыла, куда дѣла кольцо, и заподозрѣла въ кражѣ прислугу. Баня была закрыта; всѣ обысканы,—но безуспѣшно. Дома она вызвала главнаго звѣздочета, но и тотъ не могъ открыть пропажу. Тогда кто-то указалъ женѣ эмира на новаго звѣздочета,—«хаммала». Слуги эмира захватили «хаммала» дома. Спрошенный о покражѣ, «хаммаль» грустно качалъ головой. Въ это время у одной изъ служанокъ задержалось платье. Глядя подъ платье, «хаммаль» бормоталъ: «Ничего я не вижу, кромѣ дырочки въ волосахъ!» Какъ-только онъ это сказалъ, жена эмира вспомнила, куда спрятала кольцо. Она выгнала главнаго звѣздочета,—его мѣсто заступилъ «хаммаль».

Однако въ «хаммальѣ» сказывалась все природная глупость, и онъ совершалъ несуразныя вещи. Такъ, разъ ему вздумалось дать эмиру пощечину; отъ удара съ головы эмира свалилась шапочка. Эмиръ разгнѣвался и позвалъ уже палача, чтобы казнить «хаммала». Кто-то поднялъ съ земли шапочку,—подъ ней сидѣлъ огромный скорпионъ. Эмиръ рѣшилъ, что «хаммаль», зная это, хотѣлъ избавить его отъ вѣрной смерти, и щедро наградилъ его. Вскорѣ за чаемъ «хаммаль» схватилъ эмира и выбросилъ изъ окна; немедленно колонна, гдѣ стоялъ эмиръ, обвалилась. Эмиръ еще болѣе увѣровалъ въ мудрость «хаммала».

Однажды на охотѣ «хаммаль» услышалъ у подошвы горы печальный нѣжный голосъ. «Хаммаль» подошелъ ближе. «Я—твое счастье,—говорилъ невидимый голосъ,—больше не жди отъ меня помощи, потому что я устала уже выручать тебя»; и счастье рассказало, какъ оно поправляло глупости «хаммала»,—какъ, когда «хаммаль» посоветовалъ погонщику съѣсть $\frac{1}{2}$ батмана абрикосовъ, оно должно было найти мула и помѣстить его въ развалинахъ, и т. д.

Вскорѣ на прогулкѣ эмиръ зажалъ въ рукѣ четки и предложилъ «хаммалу» угадать. «Хаммаль» понесъ чепуху, и былъ прогнанъ.

Обзоръ вариантовъ сказки былъ произведенъ въ послѣдній разъ А. Е. Крымскимъ въ замѣткѣ «По поводу сюжета сказки № 94 [изъ сборника Н. Куноша], послужившаго темою перваго ученаго труда В. Ө. Миллера (Юбилейный сборникъ въ честь В. Ө. Миллера, изданный его учениками и почитателями. Москва. 1900, стр. 219—224); новый османскій вариантъ

записанъ Н. Н. Мартиновичемъ: Турецкая сказка «объ отгадчикѣ поневолѣ» (Сборникъ въ честь семидесятилѣтія Г. Н. Потанина. Спб. 1909, стр. 87—98).

Мотивъ о случайности избранія профессіи (благодаря настоянію жены) повторяется въ біографіи поэта Энвери, автора «касыды» (хвалебной оды) въ честь султана Синджара: *تا دل و دست بحر و کان باشد* (Мирза Берхордаръ Ферахскій, Шамса и Кахкаха. Бомбей. 1304 г. х. (Литографированное издание), стр. 389—393; ср. В. А. Жуковскій, Али Аухадэддинъ Энвери. СПб. 1883, стр. 11—13 (Изъ Хондемира).

Эпизодъ о женѣ эмира въ банѣ я слышалъ на османскомъ языкѣ въ Коніи отъ своего учителя Абд-ул-Кадира Хамди-заде.

Забан-е сорх сар-е сибз ми-деһад бар бад. | Красный языкъ губить зеленую голову.

Примѣчаніе. Пословица—сгущенная басня о неосторожномъ мечтателѣ. Однажды крестьянинъ пустилъ изъ арыка воду на свое поле и, сидя подъ деревомъ, говорилъ: «Вотъ, головушка, какъ я хорошо сохранилъ тебя: во всю жизнь не было у меня никакой неудачи!» Подслушалъ это сосѣдъ и взялъ да и на-зло отвелъ воду на пустырь. Усѣлся и ждетъ, когда крестьянинъ спохватится. Тотъ опомнился и, придя къ сосѣду, смиренно заявилъ: «Когда вода напоятъ твой цвѣтникъ, позволь мнѣ взять воды для своихъ тернiевъ!» Сосѣду понравилась рѣчь крестьянина, и онъ сказалъ: «Ты сохранилъ сладкими рѣчами свою голову!» (*با این زبان شیرین سورترا نگاه داشتته*)

Красный языкъ—намекъ на бунтарство, *зеленый*—символь молодости, цвѣтенія.

150 Аш нахордä-во дāһāн-е сухтā.

Не ѣлъ (горячаго) супа, а ожбогъ себѣ ротъ.

Примѣчаніе. Намекъ на напраслину.

Горг-е дāһāн алудä-во Јусоф на-дäрiдä.

(Винятъ) волка, что у него пасть въ крови, хотя онъ и не растерзалъ Юсуфа¹⁾).

Гār мäлек ип-äст-о һāмiп рузгар, з-ип деһ-е вiран дāһāм-äт сäд һäзар.

Если будетъ все этотъ царь и если будутъ все такія же времена, я дамъ тебѣ сто тысячъ такихъ развалившихся деревень.

Примѣчаніе. Султанъ Махмудъ Газневидскій (вариантъ: Ануширванъ) сперва былъ жестокой тиранъ. У него былъ везиръ, понимавшій птичій языкъ. Однажды, гуляя съ султаномъ, везиръ подслушалъ разговоръ двухъ совъ; одна изъ нихъ выдавала дочь замужъ и требовала за нее большой

¹⁾ Юсуфа.

выкупъ (въ формѣ развалинъ), а вторая сова, хвастаясь, отвѣчала, что легко можетъ дать и больше. Это такъ подѣйствовало на султана, что онъ раскаялся и пересталъ угнетать своихъ подданныхъ.

Въ Персіи пословица вспоминается, когда рѣчь заходитъ о Каджарахъ.

Бѣхт чо бѣр гѣшт, пабудѣ дѣвдан мѣ-ше-кѣнѣд.

Когда счастье отвернулось, отъ кисели ломаются зубы ¹⁾.

Дѣстѣк бе-зѣнѣд, ке нѣр че бордѣнд, бордѣнд.

Бейте въ ладоши: что только было, — унесли.

155 Нѣ дохтѣр-е доѣнѣ-ѣм, нѣ песѣр-е ахрѣт.

Мы — не дочери сего міра и не сыновья того свѣта.

Примѣчаніе. «Отъ павъ отстала, а къ воронамъ не пристала» (Вариантъ азербайджанскій — о куропаткѣ.).

Аз шурба-ѣе Ром-о нѣлім-е Кашан мандѣм.

Мы остались безъ супа кумскаго и «халима» кашанскаго.

Примѣчаніе. Кушанье «халимъ» готовятъ изъ мяса и толченого пшена; обливаютъ горячимъ масломъ, а сверху посыпаютъ корицей и сахаромъ; ѣдятъ (зимой) рано утромъ; въ словахъ «супъ кумскій» заключается, повидимому, намекъ на самую обыкновенную ѣду.

Аз инджа рандѣ, аз анджа мандѣ.

Отсюда погнали и туда не приняли.

Джѣ-ѣ-ке шотор ѣкі-до қаз-ѣст, хѣр — қыжмѣт-е вақеі нѣ-дарѣд.

Тамъ, гдѣ верблюдъ стѣбитъ два «гроша», — осель ни во что не цѣнится.

Примѣчаніе. «Казъ» — мелкая монета, десятая часть «шахи» (копейка); 20 «шахи» = 5 «аббаси» = 1 «крану».

Мобарѣкь бѣс-ке хошгел буд, абелѣ-нѣм дѣр-авѣрд.

Нашъ «Блаженный» мало того, что былъ красивъ, а еще лицо все изрыто оспой!

Примѣчаніе. «Мобарекъ» (Благословенный) — имя раба.

160 нѣрѣф-е мѣжлес-ма ход нѣмѣшѣ дел мѣ-борд, ѣлѣ-л хосус-ке пѣрѣѣ-ѣ бѣр-у бѣстѣнд.

Нашъ собесѣдникъ и безъ того свелъ насъ съ ума, а ужъ и по давню, когда его разодрѣли и приукрасили.

Примѣчаніе. Это — стихъ Хафиза.

Хѣр-ѣш бе-гел хабѣдѣ-ѣст.

Его осель увязъ въ грязи.

Примѣчаніе. Намекъ на разстройство въ дѣлахъ.

Сѣр-е гав ту хомрѣ-гѣр кѣрдѣ-ѣст.

Голова быка застряла въ кувшинѣ.

Гав-е ма гусалѣ заїдѣ-ѣст.

Наша корова родила теленка.

Примѣчаніе. Намекъ на неожиданнаго гостя, который вводитъ въ расходы.

¹⁾ Вариантъ (В. А. Жуковскій, «Персидскія версии Шемакина суда», Зап.-вост. отд., т. V, стр. 169): «Когда счастье отвернулось, лошадь въ конюшнѣ дѣлается осломъ».

Аб чо аз сар гозайшт, че якъ нејзә, че сад нејзә! | Когда вода покрыла голову, все равно— на одно копье, или на сто.

Примѣчаніе. Измѣреніе высоты по копью, извѣстное изъ Гардизія, сохранилось до сихъ поръ и въ Малой Азіи, гдѣ говорятъ: «гунеш бір мизрак кадар калды» (солнце стоитъ надъ горизонтомъ приблизительно на высотѣ одного копья).

165 Раһ барікь-әст-о шәб—тарікь-о мавзел | Дорога—узкая, ночь—темная, а постоянный
бас дераз. | дворъ—далеколько. [Букв. араб. вар.].
Кар бе-джан-о кард бе-остохан рәсид. | Дѣло коснулось жизни, ножъ—кости.
Муш-ра—джан кандән, горбә-ра—базі. | Мышкѣ — борьба на-смерть (агонія),
кошкѣ—игрушки.

Примѣчаніе. «Кошкѣ—игрушки, мышкѣ—слезки».

Чо марг-е хәр бовәд, сәгь-ра 'арусі-ст. | Когда ослу умирать,—у собаки торжество.
Сәр-е калафа-ра гом кәрдә-әст. | Онъ потерялъ конецъ мотка.
170 Сурах-е доа-ра гом кәрдә-әст. | Онъ потерялъ отверстіе молитвы.

Примѣчаніе. Пословица эта вышла изъ разсказа Джеләль-эд-дина Руми. У мусульманъ сложены молитвы на обрядъ омовенія тѣла: такъ, когда подмываютъ себѣ передъ или задъ, говорятъ: «Господи, сохрани отъ всякія скверны!»; когда втягиваютъ воду въ носъ,—говорятъ: «Господи, дай мнѣ вкусить аромать рая!» Однажды человекъ, совершая омовеніе, перепуталъ молитвы; прохожій, слышавшій это, не удержался и воскликнулъ: «Ты читалъ хорошо, но ты потерялъ отверстіе молитвы!»

Quz bala-je quz шод. | Поверхъ горба выросъ еще горбъ.
Хаст (рафт) әбру-јаш-ра дорост конәд, | Хотѣлъ подправить ему брови, а вы-
чәшм-әш-ра дәр авәрд. | кололъ глазъ.

Примѣчаніе. Есть османскій вариантъ.

Амадім, беһтәр конім,—батәр шод. | Мы явились, чтобы сдѣлать лучше, а въ-
вышло хуже.
Еј вај ке беһ нә-шод, батәр шод. | Увы, лучше не стало, а хуже!
175 Хәр рафт-о рәсән борд. | Осель ушелъ и унесъ поводъ.
Бичарә хәр арзу-је дом кәрд, нә-јафтә | Бѣдный осель восхотѣлъ хвостъ, хвоста
дом, до гуш гом кәрд. | не обрѣлъ, а потерялъ оба уха.

Примѣчаніе. Это—«сгущенная басня» объ ослѣ, пойманномъ садовникомъ, который отрѣзалъ ему уши.

Аз баран зір-е наудан горіхт. | Отъ дождя убѣжалъ подъ водосточную
трубу.

Примѣчаніе. «Отъ дождя—да въ море!» Есть арабскій вариантъ: «Изъ-подъ протекающей крыши подъ водосточную трубу».

- Дар ханā-је мур шабнāмі туфан-āст. | Въ домѣ муравья и отъ росинки—
наводненіе.
- Рузгар ајіна-ра мохтадж-е хакестар конād. | Судьба заставляетъ зеркало (испытывать)
нужду въ золѣ.
- 180 һасуд һаргез нā-јасуд. | Завистникъ никогда не успокоится.
- Коштā бе-шір мī-зāнād. | Раненный на-смерть бросается на льва.
- Пās аз мārг-е Сохраб—пушдару! | Лѣкарство, когда Сохрабъ уже умеръ!
- Примѣчаніе.* «Нушдару»—чудесное лѣчебное средство Кей-кауса, ко-
торое могло бы еще вылѣчить раны Сохраба(=Зораба), пораженнаго своимъ
отцомъ, Рустемомъ.
- Бā д-аз хāрабі-је Бāсрā ¹⁾. | Послѣ разрушенія Басры.
- Примѣчаніе.* Послѣ ужина—горчица.
- Аз сотун бе-сотун фāрāдж-āст. | Отъ колонны до колонны—спасеніе.
- Примѣчаніе.* Одинъ преступникъ былъ осужденъ на казнь. Когда па-
лачъ, привязавъ его къ столбу, уже занесъ надъ нимъ мечъ, онъ взмолился
чтобы палачъ отвелъ его къ другому столбу, и тогда казнилъ. Палачъ подивился,
однако исполнилъ слезную просьбу осужденнаго. Но въ это время явился гонецъ
и объявилъ, что старый правитель умеръ, а новый даруетъ всѣмъ прощеніе.
- 185 Дојја һāмшā бе-јāкь қāрар нā-мī-манād. | Миръ никогда не остается въ одномъ
положеніи.
- Дар һāмшā бе-јāкь пашнā нā-мī-гāрдād. | Дверь не всегда вертится на одной
петлѣ.
- Примѣчаніе.* Собственно, «пашнā» — «бѣгунъ», желѣзный шипъ, на
который надѣвается дверь (сверху и внизу).
- Та ход фāлāкь аз нāрдā че арād бīрун? | Чего только еще не покажетъ изъ-за
занавѣси судьба!
- Примѣчаніе.* «Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ».
- Шāб абестāн-āст, та че зајād сāһār? | Ночь забеременѣла,—что-то еще родится
на зарѣ!
- Примѣчаніе.* «Утро вечера мудренѣе».
- Домбалā-је рузгар дераз-āст. | У судьбы—длинный хвостъ.
- 190 Та рīшā дār аб-āст, оммід-е сāmārī һāст. | Пока корень—въ водѣ, есть надежда
на плодъ.
- Та пāрīшан нā-шāвād кар, бе-саман нā-
рāсād. | Пока дѣло не разстроится,— не устроится.

¹⁾ Вариантъ (R o e b u s k, I, стр. 387, № 2091): „һār-че дана конād, конād надап, Үкāн...“
(Все, что дѣлаетъ умный, дѣлаетъ и дуракъ, но только послѣ разрушенія Басры).

Пор-аш рафтā, кам-аш мандā.

Омідна дār на-оміді-ст.

Бе-һенгам-е сāхті мā-шоу на-омід:
кās āбр-е сijāh барād аб-е сāфід.

Главное сошло, остались пустыни.

Въ отчаяніи (является) надежда.

Въ годину тяготъ не отчаивайся:
изъ черныхъ тучъ падаетъ свѣтлая
вода.

Примѣчаніе. Это—стихъ Саадія.

195 Хār-ām, нā-мір: бāһар мiад, комбозā-во
хijар мiад.

Ālādki бе-кон в-āз дел-ām хун нā-jajād,
серешк āз рох-ām пакъ кārдāн че һасел?

Тā роф кам кон-о бār мāбlāу āфза!

Маһи āз сār гāндā гārдād,—неј зе дом.

Примѣчаніе. Есть османскій вариантъ. Малор.: «Од головы рыба смердитъ».

Аб āз сār чāшмā гел-алуд-āст.

200 Соһбāt-е сāнг-о сāбу раст нā-гārдād
һāргез.

Осликъ! не умирай: придетъ весна, и
вырастетъ травка и огурцы.

Найди средство, чтобы не точилась изъ
сердца моего кровь: (иначе) какая поль-
за утирать слезы съ моихъ щекъ!

Поменьше церемоній и побольше дѣла!

Рыба тухнетъ съ головы, не съ хвоста.

Вода мутна (уже) у источника.

Бесѣда между горшкомъ и камнемъ ни-
когда до добра не доведетъ.

Примѣчаніе. «Горшокъ котлу не товарищ!» Есть вар. араб.

Мејвā āз дерāхт-е бiд нā-бајād джост.

Нечего искать на явѣ плодовъ!

Примѣчаніе. Есть малор. вариантъ: «Шукае на вербі грушки!»

Тiри-ке āз кāман рафт, бār-нā-гārдād.

Стрѣла, пущенная изъ лука, не вернется.

Примѣчаніе. Есть османскій вариантъ.

Тāрк-е адāt бе-модкеб-е мārāз-āст.

Забвеніе обычаевъ (вызываетъ) болѣзнь
стоитъ плеонастически, по недоразумѣнію

Хār-е Іса гār-аш (или: āгār) бе-Мāккā
бārāнд, чун бi-jajād, һāпуз хār башād.

Если осла Исы (=Исуса) вести въ Мекку,
все же, когда онъ вернется, будетъ
осломъ.

Примѣчаніе. Это—стихъ Саадія.

205 Нiш-е āqrāб нā āз рāһ-е кiц-āст, iqrēзā-
је тāбiāt-аш iн āст.

Скорпионъ жалитъ не изъ ненависти, а
такъ ужъ у него,—отъ природы.

Примѣчаніе. Однажды черепаха шла со скорпиономъ. Дорогой повстрѣ-
чалось имъ озеро, и черепаха, не желая разставаться съ товарищемъ, посадила
скорпиона на спину и пустилась вплавъ. Вдругъ она услышала у себя на
чешуѣ какіе-то звуки; она обратилась къ скорпиону, и тотъ чистосердечно
признался, что хочетъ ужалить ее. «Какъ,—вспылила черепаха,—за добро-
ты платишь зломъ! Лучше тогда тебѣ умереть». Такъ говоря, черепаха
погрузилась въ воду, и скорпионъ утонулъ.

Чуб-е нāрм-ра мур мi-хорād.

Мягкое дерево точитъ червь.

Примѣчаніе. Несчастія мягкаго человѣка лежатъ въ немъ; сильнымъ
нападаетъ на слабого.

Qātrā qātrā jām' gārdād, v-anḡābī dārja | По капль, по капль собирается (вода)
 шавād. | и образуется море.

Примѣчаніе. Есть османскій и азербайджанскій варианты.

Fāvvarā чуи боланд шавād, сār-негуи | Когда струя фонтана достигаетъ (пре-
 шавād. | дѣльной) высоты, она низвергается
 (на землю).

Примѣчаніе. Пословица представляетъ иллюстрацію правоучительнаго стиха о гордецѣ: «... گفتہ اند...» (Гордость влечетъ униженіе; вѣдь изрекли:..).

Аз ма-ст ке бār ма-ст. | Отъ насъ то, что—въ насъ.

Примѣчаніе. Если случается несчастье,—тому виной мы сами.

210 Aqebāt горгъ-задā горгъ шавād. | Въ концѣ-концовъ дѣтенышъ волка
 обратится въ волка.

Примѣчаніе. Это—конецъ стиха Саадія: *رچه با آدمی بزرگ شود* (...Хотя бы онъ выросъ съ человѣкомъ,...).

«Какъ волка ни корми,—онъ все въ лѣсъ смотреть».

Шамшīr-ра ке сеjḡāl нā-зānāнд, зāнḡ | Саблю, что не полируютъ, ѣсть ржав-
 бār-дарād. | чина.

hār ārzānī бi'ellāt-о hār герānī бi-нек- | Всякая дешевизна не безъ причины и
 мāt нiст. | всякая дороговизна не спроста.

Примѣчаніе. «Дорого да мило, дешево да гнило.»

Зāнḡ бe-шостāн сāфiд нā-гāрдād. | Эюипъ отъ мытья не бѣлѣеть.

Примѣчаніе. Пословица встрѣчается уже въ сатирѣ Фирдоусія на султана Махмуда Газневидскаго:

ز ناپاک زاده مدارید امید * که زنگی بشستن نکرد سفید،

(Не возлагайте надеждъ на низкорожденнаго: и эюипъ...).

Хāt-е зешт-āст гār-че бe-аб-э зār не- | Это — дурной почеркъ, хоть и выведенъ
 вештā. | золотыми буквами.

Примѣчаніе. Изреченіе Саадія про богато наряженнаго глупца.

215 Сāḡ ход-āш чiст-ке пāшм-āш че башād? | Кто такой собака, чтобы ея шерсть го-
 дилась на что?

Примѣчаніе. Нечего ей опасаться: собака—неистое животное.

Морг-е hāmсаjā бe-чāшм-е hāmсаjā қаз | Кура сосѣда въ глазахъ сосѣда—гусь.
 мi-ājād.

Примѣчаніе. Есть османскій вариантъ.

Пāндж āнḡшт бāрāбār нiст. | Пять пальцевъ—не одинаковы.

Примѣчаніе. Братья бываютъ различны.— Есть араб. вариантъ.

Горбā hāmā шāб бe-хāб бiвād домбā. | Кошка всякую ночь видитъ во свѣ-
 курдюкъ.

Шотор дәр хаб бинад пәмбә-данә,
gāhi lōn-lōn хорәд, gāh—данә-данә.

Верблюдь видитъ во снѣ хлопковое сѣ-
мя; иногда онъ ѣсть его прожорливо,
иногда—(медленно), зерно за зерномъ.

Примѣчаніе. Человѣкъ во снѣ видитъ то, о чемъ мечтаетъ на-яву.

220 Хофтә-ра хофтә кеј конад бідар?

Какъ спящій можетъ разбудить спящаго?

Примѣчаніе. Невѣжда ничему не научитъ невѣжду. Это—стихъ Саадія.

Хаб—берадәр-е мәрг-әст.

Снѣ—братъ смерти.

Һәр кодка бад,—андка бар бад.

Гдѣ—вѣтеръ, тамъ—разрушеніе.

Ханә-је пор-шішә-ра сәнгі бәс-әст.

Въ домѣ, гдѣ много стекла, достаточно
бываетъ одного камня.

Шішә-је бе-шкәстә-ра пејвәнд кәрдән
мошкел-әст.

Трудненько склеить разбитое стекло.

225 Сохән—әјинә-је мәрд-е сохән-гу-ст.

Рѣчь — зеркало человѣка, (когда) онъ
говоритъ.

Һал-е һәр кәс мовафеқ-е қал-е у-ст.

Поступки всякаго соотвѣтствуютъ его
рѣчамъ.

Әз кузә һәман берун тәравәд ке дәр-у-ст.

Изъ кувшина просачивается наружу то,
что въ немъ.

Примѣчаніе. Есть классическій арабскій вариантъ.

Ан-че дәр дигъ һәст, бе-чомчә ми-әјәд.

Что—въ кастрюли, то и идетъ въ му-
товку.

Дуд әз кондә бәр-ми-хизәд.

Отъ чурбана подымается дымъ.

Примѣчаніе. Между тѣмъ какъ пламя хвороста быстро гаснетъ, пень,
равъ загорѣвшись, долго глѣбеть.

Старый мудрѣ юноши (R o e b u s k, I, стр. 233, № 1061).

230 Хик-е бозоргъ руған-әш хуб пә-ми-шәвәд.

Въ большемъ бурдюкѣ не бываетъ хоро-
шаго масла.

Примѣчаніе. Насмѣшка надъ толстякомъ.

Ан дәфтәр-ра гав хорд.

Ту книгу съѣла корова.

Ан мәмә-ра лулу хорд.

Ту грудь съѣлъ «лулу» (чудовище).

Примѣчаніе. Вотъ смыслъ обѣихъ пословицъ: прежде мы уступали,
теперь миновала уже та пора.

«Лулу», или «улулу»—чудовище, которымъ въ Персіи пугаютъ малень-
кихъ дѣтей, когда отымаютъ отъ груди; у азербайджанцевъ чудовище носитъ
имя «*һаджі бухарі*» (хаджи каминъ); пугаютъ даже словомъ «бууда лаваші»
(ишеничный хлѣбъ).

Ан сәбу бе-шкәст-о ан пејманә рихт.

Тотъ кувшинъ сломался и тотъ кубокъ
пролился.

Морг-е ии енджир нист ¹⁾. | Это—не такая птица, что могла бы съѣсть эту фигу.

Примѣчаніе. О человѣкѣ, который не можетъ исполнить задуманное.

235 Шәуәлі ке морг ми-гірәд, бих-е гуш-аш | У шакала, что хватаетъ куру, мочка зәрд-әст. уха—желтоватая.

Примѣчаніе. Намекъ на силу, ловкость.

Сәг-е зәрд берадәр-е шәуәл-әст. | Рыжая собака—братъ шакала.

Примѣчаніе. Въ обѣихъ пословицахъ, по догадкѣ А. Е. Крымскаго, отражается, быть-можетъ, еще зороастрійское вѣрованіе: рыжая собака—очень мощна,—легко прогоняетъ чертей. Авеста, «Вендидадъ», гл. VIII, ст. 16.

Кәһәр кәм аз кәбуд нист. | Гнѣдко не хуже сѣрни.

Примѣчаніе. «Оба—хороши!»

Зәбан-е хәр-ра хәләдж ми-данәд. | Ослиный языкъ понимаетъ «халаджъ».

Примѣчаніе. Пословица вспоминается, когда совѣтуютъ поручить дѣло тому, кто скорѣе всего можетъ это исполнить; простое дѣло прекрасно понимаетъ простой человѣкъ, а ученый иногда бьется безуспѣшно.

Жители Халаджа, въ представленіи народа, обратились въ глухихъ и грубыхъ насильниковъ; эти качества рельефно выступаютъ въ пословицѣ, сообщенной Мирзой Джафаромъ: «хәр-о херс-о хәләдж,—һәр се бәрар-әнд; бе-һәр бәүи рәсәнд,—решәш дәр-арәнд» (Оселъ, медвѣдь и халаджъ—сродни другъ другу; въ какой бы садъ ни забрались, все перевернутъ вверхъ дномъ!)

Шәуәл-е дкәнгәл-е Мазәндәрән-ра | Шакала изъ мазендеранскихъ лѣсовъ һә-гірәд джоз сәг-е мазәндәрәни. можетъ поймать только мазендеранская собака.

240 һәман аш-әст-о һәман касә. | Тотъ же супъ и та же чаша.

Примѣчаніе. Все остается по-старому.—Есть османскій вариантъ: «Старая шайка и старая баня!»

һәмә сәр-о тәһ-е јәкь кәрбас-им. | Мы—начало и конецъ одного и того же (куска) холста.

Примѣчаніе. Не хвастайтесь: разницы нѣтъ!

Хешт-е әввәл чун неһәд ме мар кәдж, | Когда архитекторъ кладетъ первый та Сорәја ми-рәвәд дивар кәдж. киричь криво, такъ до Плеядъ и будетъ стѣна все крива.

Фозул-ра бе-джәһәннәм бордәнд; гофт: һи- | Болтуна бросили въ адъ, а онъ и тамъ зом-аш тәр-әст. заговорилъ: «Дрова—сырмя!».

Примѣчаніе. Букв. вар. у арабовъ Сиріа.—Болтунъ—шарлатанъ.

¹⁾ Вариантъ (Роевск, I, стр. 398, № 2164): «һәр моргі һә-ми-тәввәд енджир бе-хорәд» (Не всякая птица можетъ ѣсть фиги).

- Бе-шотор гофтанд: «Чера гәрдән-әт кәдж-әст?» — Гофт: «Коджа-м раст-әст?» | Верблюду сказали: «Отчего у тебя кривая шея?», а онъ отвѣчалъ: «А какая часть моего тѣла—прямая?»
- Примѣчаніе.* Есть вариантъ арабскій.
- 245 Хода хәр-ра дід-ке шах-әш-нә-дад. | Богъ зналъ осла, что не далъ ему роговъ.
- Примѣчаніе.* «Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ».
- Хәр-е дизә пеј-е чош ми-гәрдәд. | Упрямый осель поджидаетъ звука «чош!»
- Примѣчаніе.* Звукомъ «чош!» осла останавливаютъ.
- Гав-е нә-роу һазар джәриб бе-тохм-әш. | Упрямому быку наплевать,— хотя бы (вспыхать) тысячу «джерибовъ».
- Примѣчаніе.* «Джерибъ» — мѣра пространства, — $\frac{1}{4}$ десятины. — «Бетохм-әш!» — грубая брань («Тохм» — зерно: яйцо).
- Зән-е нә-за бе-коші-ш, — нә-ми-зад. | Убей неплодную женщину,— все же она не родить.
- Мән ми-гујәм: «нәр-әст». — Ми-гујад: «Бе-душ!» | Я говорю: «Это—самец!», а онъ свое: «Подой ее!».
- Примѣчаніе.* Въ арабскомъ вариантѣ: «козелъ». — «Я говорю: стриженный, а онъ говоритъ: бритый!».
- 250 Аладж-е ваде е піш-әз воу' бајәд кәрд. | Средство отъ несчастія нужно заготовлять загодя.
- Джелов-е зәрәр-ра аз һәр коджа бе-гірі, — мәнфә-әт-әст. | Какъ (поздно) ни прекращать убыточное дѣло,— все же—выгода.
- Гусфәнд-е имам Реза-ра та чашт нә-ми-чәрапәд. | Онъ не пасеть барана имама Ризы и до полудня.
- Примѣчаніе.* О скупомъ эгоистѣ, который думаетъ только о своей выгодѣ.
- Горбә бәрај-е-реза-је Хода муш нә-ми-гі-рад. | Кошка ловитъ мышей не изъ-за благоволенія Бога.
- Кәдж дар-о мә-різ! | Держи криво, но не лей!
- Примѣчаніе.* Нужно умѣть ладить съ людьми и не доводитъ спора до того, чтобы порвать сношенія.
- 255 Гаһ бе-нә'1 ми-зәнәд, гаһ—бе-міх. | То ударяетъ по подковѣ, то—по гвоздю!
- Газ нә-кәрдә, — парә мә-кон! | Не отмѣрилъ,— не рѣжь!
- Примѣчаніе.* «Семь разъ отмѣрь, одинъ разъ отрѣжь!»
- Бі-годар бе-аб мә-зән! | «Не (спросяся) броду, не суйся въ воду!»
- Бід нист-ке бе-ин бадһа бе-ләрзәд. | Не ива, что колеблется отъ (дуновения) этого вѣтра.
- Кур шәвәд доккандәрі-ке моштәрі-је ход-ра нә-шенасәд. | Слѣпнетъ хозяинъ лавки, что не узнаетъ своего кліента.
- Примѣчаніе.* Нужно знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

260 *γάρρα mā-шоу-ке горбе-је абед нāмаз кāрд.* | Не обманывайся, что кошка, которая
выдаетъ себя за отшельника, совершала
молитву!

Примѣчаніе. Это—второе полустигіе стиха Хафиза: *ای کبک خوش خرام کجا میروی بایست...* («О, куропатка, плавно раскачивающаяся, куда ты идешь, стой!»...)

Однажды между куропатками вышелъ споръ изъ-за гнѣзда. Онѣ обратились къ благочестивому кадю-кошкѣ, которая славилась своимъ безпристрастіемъ. Кошка заявила, что подѣ старость она оглохла; а когда куропатки подошли ближе, кошка набросилась на нихъ и растерзала.

Разсказъ распространенъ и среди сартовъ (В. П. Наливкинъ, Руководство къ практическому изученію сартовскаго языка. Самаркандъ. 1898, стр. 175—176).

О хитростяхъ кошки повѣствуетъ еще аллегорическая сатира поэта Обейда Закани «Мышь и Кошка», XIV в.

Однажды кошка, каясь въ грѣхахъ, обратилась въ исламъ и дала обѣтъ оставить въ покоѣ мышей. Мыши на-радостяхъ послали къ ней благодарственную депутацію; едва кошка увидала посольство, она начала еще усердиѣ молиться; мыши безбоязненно подошли къ ней, а кошка ихъ перехватала и съѣла,—уцѣлѣли только двѣ мыши, которыя рассказали объ этомъ своему царю. «Съ тѣхъ поръ, какъ кошка стала отшельникомъ, правовѣрнымъ мусульманиномъ,—говорили очевидцы—мыши,—она уже хватаетъ (мышей) пятками!» (*حاليا پنج پنج میگرد * تا شده عابد و مسلمانا* ¹⁾). Царь мышей объявилъ кошкѣ войну; кошка была захвачена въ плѣнъ и осуждена на висѣлицу,—но среди мышей не нашлось смѣльчака, который вздернулъ бы ее на висѣлицу. Между тѣмъ кошка рванулась и убѣжала.

Произведеніе Обейда Закани вызвало рядъ подражаній и передѣлокъ.
Рубаһ та тāһ-е чаһ-аѣст, кāрбас хејр мi-конāд. | Пока лиса—на днѣ колодезя, она собираетъ пожертвовать кусокъ холста.

Примѣчаніе. Бѣднымъ благочестивые мусульмане нерѣдко раздають холстъ на рубашки.

О хитрости лисы, попавшей въ бѣду, ходять на Востокѣ анекдоты и басни. Такъ, однажды, сиди въ капканѣ, лиса обѣщала пожертвовать пудъ масла на гробницу имамъ-заде, но миновала бѣда, и лиса быстро забыла. Когда вторично лиса въ капканѣ молила имамъ-заде вызволить ее изъ бѣды, послышался голосъ, упрекавшій ее въ обманѣ. «Я не отпираюсь,—сказала лиса,—но развѣ ты явился ко мнѣ за масломъ, и я отказала?»

¹⁾ Этотъ стихъ обратился въ пословицу.

Ан горбе-је мїјав, мїјав кон-е баба аз-
ан-е то,
в-ін қатар-е чамуш-е лагад-зән аз-ан-е
мән.

Та отцовская (нѣжно) мяукающая кош-
ка—пусть будетъ принадлежать тебѣ,
а мнѣ пусть пойдетъ этотъ упрямый,
лягающійся мулъ!

Примѣчаніе. Такъ предлагалъ братъ брату подѣлить отцовское наслѣдство.

Еще рѣзче, хитрости дѣлежа представлены въ стихѣ, проникшемъ уже въ народъ: از بام خانه تا بشریا از آن تو* از صحن خانه تا جلب بام از آن من (Пусть тебѣ принадлежитъ все, — вверху отъ крыши до Плеядъ, а мнѣ, — отъ пола дома — до крыши).

Мърданә духтїм, кәс аз ма нә-мі-хәрәд.
Роу-роу зәнәнә дуз-ке мәрданә мї-хә-
рәнд.

Мы поступали какъ благородные мужи,
и никто насъ не цѣнитъ; ступай же,
поступай (подло), какъ баба, и тебя
будутъ цѣнить какъ благороднаго мужа!

*Аджәб голї бе-аб дад.

Удивительную розу бросилъ онъ въ воду.

Примѣчаніе. Одинъ человѣкъ дружилъ съ дїаволомъ. Однажды, устраивая у себя пиръ, онъ пригласилъ и дїавола, но взялъ съ него слово, что тотъ никому не причинитъ вреда. На пиру дїаволь бросилъ розу въ бассейнъ. Ребенокъ хозяина увидалъ розу и кинулся за ней, но утонулъ въ бассейнѣ. Когда хозяинъ началъ укорять дїавола, послѣдній оправдывался и утверждалъ, что онъ за собой никакой вины не чувствуетъ: «Онъ только бросилъ розу въ воду». — Пословица иронически говорится о человѣкѣ, который однимъ незначительнымъ, можетъ-быть, словомъ, вызвалъ большую бѣду.

265 Qə'ām dār dāst-e došmān-āst.

— | Перо—въ рукъ врага.

Примѣчаніе. Пословица представляетъ легкое видоизмѣненіе стиха Саадїа изъ «Бустана»¹⁾; чертъ явился во снѣ въ образѣ величаваго старца; видя изумленіе, онъ замѣтилъ: «Я чертъ-съ; но кисть, которою меня изображаютъ, въ рукахъ у моего врага». (М. Г [амазовъ?]). Переводы съ персидскаго, турецкаго и арабскаго. Записки восточнаго отдѣленія И. Р. А. О., СПб. 1890, т. V, стр. 281).

Горбә-ра дәр һәджлә коштә-әст.²⁾

— | Онъ убилъ кошку въ брачной комнатѣ.

Примѣчаніе. Жили-были два брата. Однажды младшій братъ зашелъ въ гости къ старшему. Жена подала арбузъ. Была зима, и гость не вытерпѣлъ, чтобы не спросить, какъ у нихъ сохранился арбузъ. «Это жена все заботится», — замѣтилъ хозяинъ. «Только этотъ арбузъ не хорошъ; я велю

¹⁾ قلم در کف دشمن است

²⁾ Вариантъ (Roevick, I, стр. 338, № 1748): „горбә коштән—руз-е әввәл“ (кошку нужно убивать въ первый день).

ей принести получше»,—и онъ послалъ жену на погребъ. Опять арбузъ почему-то хозяйну не понравился. И разъ двадцать посылалъ хозяйнъ жену на погребъ, и жена безпрекословно исполняла волю мужа. Наконецъ, хозяйнъ одобрилъ арбузъ. Во время ѣды младшій братъ, давно сгоравшій отъ любопытства, спросилъ у хозяина, какимъ образомъ онъ сумѣлъ такъ выучить жену. На это хозяйнъ стѣчалъ, что «въ брачную ночь онъ убилъ кошку», и жена убѣдилась, что шутки съ нимъ плохи. Только-то?—перебилъ братъ. «Ты еще больше бы удивился,—прибавилъ хозяйнъ,—если бы зналъ, что у насъ на погребѣ только и былъ одинъ арбузъ; и хотя женѣ моей это было прекрасно извѣстно, она все молчала». Услышавъ рассказъ, младшій братъ задумалъ тоже укротить свою жену. Онъ явился вечеромъ домой и хотѣлъ убить на глазахъ ея кошку, но жена размѣялась ему въ лицо и сказала: «Не трудись понапрасну: мы знаемъ твою храбрость!»

Хејаі мі-копѣд-ке тохм-е до зѣрдѣ авѣрдѣ. | Онъ воображаетъ, что снесъ яйцо съ двумя желтками.

Примѣчаніе. О тщеславномъ человѣкѣ.

Мі-хаѣд дѣллакі-ра аз сѣр е кѣчѣл-е ма јад | Онъ хочетъ изучить ремесло цирюльщика на нашей плѣшивой головѣ.
бе-гірѣд.

Шѣрік-е дозд-о рѣфік-е қафелѣ. | И съ воромъ въ товарищахъ, и съ каваномъ—дружить.

270. До дузѣ мі-базѣд. | Онъ ведетъ двойную игру.

Примѣчаніе. Обѣ пословицы говорятся о двуличномъ человѣкѣ: «И нашимъ, и—вашимъ».

Буджар-е Лѣнджан-ѣст. | Это—вѣяльщикъ изъ Ленджана.

Примѣчаніе. «Онъ держитъ носъ по вѣтру.»

Баденджан довр-е қаб мі-чѣнѣд. | Онъ кладетъ баклажаны вокругъ блина.

Сѣбзі пак мі-копѣд. | Онъ чиститъ зелень.

Примѣчаніе. О льстивомъ человѣкѣ.

Баденджан бад дарѣд. | Баклажанъ испускаетъ вѣтеръ.

275. Мѣн-ке ноукар-е баденджан нѣстѣм. | Не слуга я баклажана!

Примѣчаніе. На Востоку народная медицина распредѣлила овощи и фрукты на категоріи; одни плоды вредны человѣческой природѣ, отъ другихъ наоборотъ, проистекаетъ польза; одни усиливаютъ кровообращеніе, другіе—охлаждаютъ тѣло, отъ третьихъ, какъ, напр., отъ баклажана, вздувается животъ, и т. д.

Мирза Абдулла Гаффаровъ иллюстрировалъ пословицы, 274 и 275, такъ: какой-нибудь богатый человѣкъ выражаетъ мнѣніе о вредѣ баклажановъ, и проситъ не готовить ихъ на обѣдъ; черезъ нѣкоторое время онъ убѣждается въ ошибочности своего взгляда, и обрушивается на слугу. Чтобы оправдаться,

слуга замѣчаетъ: «Да, вѣдь, я слуга не баклажана; мнѣ нужно было угодить тебѣ, и я поддакивалъ» ¹⁾).

Катхода-ра бе-бин-о деһ-ра бе-чап!

Войди въ сдѣлку со старостой и грабь деревню!

Аз ан к-аз то тәрсәд, бе-тәрс, еј һәкәм!

О мудрецъ, трепещи предъ тѣмъ, кто трепещетъ передъ тобой!

Примѣчаніе. Это—стихъ Саадія.

Чо нам-е сәгъ бәри, чуби бе-дәст гир!

Когда упоминаешь о собакѣ,—возьми дубинку въ руки!

Примѣчаніе. Арабскій вариантъ: «о волкѣ».

Дәр-ра зәдәм-ке дивар бе-шеновәд.

Я стукнулъ въ дверь, чтобы отдалось въ стѣнѣ.

Примѣчаніе. «Имѣющіе уши слышатъ, да слышать!»

280 Сәјид Әли-ра бе-па!

Слѣди за сейидомъ Алиемъ.

Примѣчаніе. Пословица предостерегаетъ отъ жулика, который появляется въ толпѣ,—на базарѣ.

Хавә-нешини-је бибі аз би-чаде(о)рі-ст.

Госпожа сидитъ дома только потому, что нѣтъ у нея чадры.

Гушвәр јакъ-бар хәндәд, кәр—до бар.

Когда слухменный смѣется разъ, глухой—два раза.

Примѣчаніе. Есть азербайджанскій вариантъ.

Джәнгъ—сәр-е Іһаф-е молла Нәср-әд-дин-әст.

Драка изъ-за одѣяла муллы Наср-эд-дина.

Примѣчаніе. Однажды ночью мулла Наср-эд-динъ услышалъ за дверью своего дома споръ. Проснулась жена и предложила помирить спорщиковъ. Опъ накинулъ на себя одѣяло и вышелъ. Только воры увидали его,—они бросились на Наср-эд-дина, сдернули съ него одѣяло и убѣжали. Когда жена спросила у него, изъ-за чего шелъ споръ передъ домомъ, мулла отвѣчалъ: «Очевидно, изъ-за моего одѣяла!»

Мән-ке сәр-әм дәрд нә-мі-конәд, дәстмал
. чера бе-бәндәм?

Разъ голова у меня не болитъ, зачѣмъ я буду повязывать голову платкомъ?

285 Кәс нә-гујәд-ке: «дуу-е мән торш ²⁾»-әст.

Никто не говоритъ: «У меня кислый айранъ».

Примѣчаніе. «Не обманешь,—не продашь!»

һәр-ке нәқш-е хіштән бивәд дәр-аб:
бәрз-гәр—баран-о газор—афтаб.

Всякій (хочетъ) увидать въ водѣ отраженіе своихъ чаяній: (такъ), земледѣлецъ (жаждетъ) дождя, прачка—солнца.

Примѣчаніе. «У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ!»

Бајәд хәр-е Кәрім-ра нә-І кәрд.

Нужно подковать осла Керима.

¹⁾ Вариантъ (Roeвиск, I, стр. 364, № 1930): „мән ноукар-е шема һәстәм, ноукар-е баденджан нистәм“. (Я—вашъ слуга, а не баклажана).

²⁾ Или: „торош“.

Примѣчаніе. «Не подмажешь—не поѣдешь!»

Біжән-ра аз чаһ дәр-авәрд.

Онъ вытащилъ Бижену изъ подземной тюрьмы.

Примѣчаніе. Биженъ, очарованный красавицей Мениже, влюбившейся въ героя Ирана, во снѣ былъ перенесенъ ею во дворець. Когда отецъ Мениже, Абрасиабъ, царь Турана, узналъ, что попался злѣйшій врагъ, онъ хотѣлъ уже повѣсить Бижену, и только благодаря заступничеству Пирана согласился ввергнуть его въ темницу. Изъ темницы вызволилъ Бижену Рустемъ (Шахъ-наме, т. III).

Въ пословицѣ заключенъ намекъ на подвигъ.

Хәр-е ход-ра аз пол гозәранид.

Онъ перевелъ своего осла черезъ мостъ.

Примѣчаніе. Онъ обдѣлалъ свое дѣло.

290 Тір-і бе-тарікі мі-әндазәд.

Онъ бросаетъ стрѣлы впотьмахъ (наугадъ).

Примѣчаніе. «Онъ пускаетъ пробный шаръ».

Мар-гәзидә аз рісман мі-тәрсәд.

Укушенный змѣей боится веревки.

Примѣчаніе. Есть у Саадія и есть букв. вариантъ у арабовъ Сиріи.

«Обожжешься на молоко, — будешь дуть и на воду!»

Мәра бе-хејр е то оммид нист, шәр мә-рәсан!

У меня нѣтъ надежды на твои милости; только зла не причиняй!

Примѣчаніе. Это—стихъ Саадія изъ разсказа о поэтѣ, на котораго набросились въ деревнѣ собаки.

Среди азербайджанцевъ распространенъ разсказъ, что Азраилъ (ангелъ смерти) раздавалъ въ деревнѣ дѣтей. Когда объ этомъ сказали отцу семейства, онъ замѣтилъ: «Пусть бы только не трогалъ моихъ дѣтей»...

Му-ра һәфт бәхш ми-коһәд.

Онъ разсѣкаетъ волосъ на семь частей.

Примѣчаніе. Намекъ на хитрость.—Есть османскій вариантъ.

Аз ан мә-тәрс-ке һәј-о һу дарәд, аз ан бе-тәрс-ке сәр бе-ту дарәд.

Не бойся того, кто все кричитъ, а бойся того, кто молчитъ!

Примѣчаніе. «Не бойся той собаки, которая лаетъ; которая молчитъ, скорѣе укуситъ!»

295 Аб-е зір-е каһ-әст.

Вода подъ соломой.

Примѣчаніе. Араб.: «Змѣя подъ соломой». — «Въ тихомъ омутѣ черти водятся!».

Ард біхтәм вә пәрвизән авіхтәм.

Муку я просѣялъ и повѣсилъ сито.

Примѣчаніе. Сдѣлалъ свое дѣло.—Есть османскій вариантъ.

Роуән-е рихтә-ра нәзр-е имам-задә ми-коһәд.

Пролитое масло онъ жертвуетъ (на лампаду) имамъ-заде.

Шаб горбә сәмур ми-помајәд¹⁾.

Ночью кошка кажется сободемъ.

¹⁾ Вариантъ (Roeвuck, I, стр. 281, № 1365): ... „зәвғи бә чәһ һур ми-помајәд“ (... , эвюпскій юноша кажется райской красавицей).

- hār derāxshāndā-jī zār nīst. | «Не все то золото, что блестит».
300 Kēsi-ke āz gorg̃ be-tārsād, gusfānd negāh | Волковъ бояться,—барана не держать.
nā-mī-darād.

Примѣчаніе. «Волковъ бояться,—въ лѣсъ не ходить!»

- ja mā-kon ba fīlbanān dūstī, | Или не дружи съ погонщиками слоновъ,
ja bēna kon xānā-jī dār xord e fīl! | или выстрой домъ по росту слона!

Примѣчаніе. Это—стихъ Хафиза.

- Сурах-е фар—бе-һазар дīнар¹⁾. | (Бываетъ, что) мышьяная пора стобитъ
1000 динаровъ²⁾.

Примѣчаніе. Во время опасности.

- Ahestā roū, hāmīshā roū! | Тихо иди, (но за-то) иди все время!

Примѣчаніе. «Тише ѣдешь,—дальше будешь!»

- Дīвар муш дарād, муш гуш дарād. | Въ стѣнахъ водятся мыши, у мыши—уши.
305 Сāбу-је халі-ра бār сāбу-је пор mā-zān! | Не бей пустого кувшина о полный!

Примѣчаніе. Не спорь съ человѣкомъ, болѣе тебя ученымъ!

- Zīr-e kasā nīm kasā-āst. | Подъ чашей есть (еще) чашечка.

Примѣчаніе. Тамъ еще что-то скрывается.

- Форсāt γānīmāt-āst. | Удобный случай—что добыча.

- Xār-āsh kon-o bār-āsh kon! | Строй изъ него осла и навьючь на него
кладь!

- Xār-e mā āz korragī dom nā-dāsh! | Нашъ осель сызмала былъ безхвостый!

Примѣчаніе. Это—слова погонщика, который, слушая рѣшенія «праведнаго судіи» въ Балхѣ, бросился вопъ изъ суда, чтобы избѣжать наказанія.

Варіанты (персидскіе) народной сатиры на судъ были напечатаны уже В. А. Жуковскимъ подъ заглавіемъ «Персидскія версіи Шемякина суда» (Записки восточнаго отдѣленія И. Р. А. О., СПб. 1891, т. V, стр. 157—178).

Варіантъ, слышанный мной отъ Мирзы Абдуллы Гаффарова, заключаетъ въ себѣ меньшее количество эпизодовъ: 1) человѣкъ оторвалъ ослу хвостъ, 2) выбилъ лошади лѣвый глазъ, 3) вызвалъ у беременной женщины выкидышь, 4) убилъ старика, лежавшаго у дома, 5) рѣшенія судьи, 6) разговоръ человѣка съ судьей о мальчикѣ.

Иначе рассказывалъ Мирза Абдулла Гаффаровъ исторію человѣка, закапываемаго живымъ въ землю:

Такъ какъ Саадій на своемъ вѣку немало путешествовалъ, народъ ведетъ его въ Балхъ. Въ Балхѣ Саадій увидаль, что на кладбищѣ роютъ

¹⁾ Варіантъ (Роевск, I, стр. 34, № 255): „сурах-е муш-ра бе-һазар дīвар мī-хārād“ (Онъ покупаетъ мышьяную нору за 1000 динаровъ),—намекъ на крайнюю нужду.

²⁾ Здѣсь „динаръ“—золотая монета.

могилу. Онъ спросилъ, кого хотять хоронить, и ему указали на человѣка, печально стоявшаго у могилы. Саадій удивился, а окружающіе объяснили: «Этотъ человѣкъ ушелъ на чужбину. Когда въ городѣ прошелъ слухъ, что онъ умеръ, жена, съ разрѣшенія судьи, вышла замужъ и прижила дѣтей. Теперь онъ вернулся и требуетъ жену. Судья подумалъ, что, если развести ее со вторымъ мужемъ, — дѣти ея будутъ незаконнорожденными, и лучше ужъ поэтому умереть первому мужу».

Саадій вошелъ во дворъ судьи: тамъ стоялъ палачъ и выражалъ сомнѣніе въ пригодности человѣка, котораго осудили на плаху, — потому, что онъ слишкомъ тощъ. Тогда народъ началъ оглядываться, ибѣ ли въ толпѣ человѣка толстаго. Взоры всѣхъ упали на Саадія; и только слава Саадія избавила его отъ смерти ¹⁾.

Библиографія указана С. Θ. Ольденбургомъ въ замѣткѣ «Шемакинъ судъ» («Живая Старина», годъ I (1891), вып. III, стр. 183—185).

Османскій вариантъ о «праведномъ судѣ» изъ Хомса (переводъ съ персидскаго) извлеченъ изъ рукописнаго сборника «Аль-фарадж ба́да-ш шиддати» Г. Вамбери, *Der orientalische Ursprung von Schylock, Keleti Szemle.* II (1901), стр. 18—29. Вариантъ, скомпилированный изъ двухъ парижскихъ рукописей, помѣщенъ въ «Образцовыхъ произведеніяхъ османской литературы» В. Д. Смирнова. Спб. 1903, стр. 234—237.

Въ народѣ типъ «праведнаго судьи» олицетворяется въ Каракушѣ: Н. Н. Мартиновичъ. Малоазійскіе сказки, рассказы и анекдоты. Спб. 1911 [Оттискъ изъ «Живой Старины», 1910, вып. III], стр. 10—13; исчерпывающая библиографія о Каракушѣ у Броккельманна «*Gesch. d. arab. Litt.* I, 335.

Повѣсть о Шемакиномъ судѣ разбиралась неоднократно; въ русской литературѣ изслѣдовалъ ее, между прочимъ, Θ. И. Буслевъ (Мои досуги. Москва. 1886. Часть II. Перехожія повѣсти и рассказы, стр. 298, слѣд.).

310 Ріш-хянд-е дәрдіандан філ-ра хәр мі-конәд. | Насмѣшка «соболѣзнующихъ» слона обрацаетъ въ осла.

Примѣчаніе. Слоны фигурируетъ въ пословицѣ: 1) какъ представитель умныхъ животныхъ, 2) какъ символическій образъ могущественнаго человѣка.

hārif hārif-e ход-ра мі-шенасәд. | Человѣкъ узнаетъ своего соперника.

Примѣчаніе. «Рыбакъ рыбака видитъ издалека».

hār-ke bam-āsh bīsh,—bārф-āsh bīштәр. | У кого крыша дома больше,—и снѣгу тамъ больше.

Примѣчаніе. «Большому кораблю большое и плаваніе».

¹⁾ Въ широкой распространенности второго рассказа М. А. Гаффаровъ сомнѣвается. — Этотъ рассказъ — взъ типа анекдотовъ о глупцахъ.

Та баччā нā-герјад, мадār-āш шір нā-
мі-деһād. | Пока дитя не заплачетъ,—мать не дастъ
ему груди.

Примѣчаніе. «Дитя не плачетъ,—мать не разумѣетъ».

Черау па-је ход-āш-ра роушāн нā-дарād. | Свѣтильникъ не бросаетъ свѣта на свою
подножку.

Примѣчаніе. Близкимъ людямъ отъ него пользы нѣтъ.

Па-је черау тарік-āст.

Подножка свѣтильника—во тьмѣ.

315 Кузā-гār āз кузā шекāстā аб мī-хорād. | Горшечникъ пьетъ воду изъ битого
горшка.

Примѣчаніе. «Сапожникъ ходитъ всегда въ драныхъ башмакахъ».

Мур дār ханā-је ход хокм-е Сolejман | Муравей у себя въ домѣ имѣетъ власть
дарād. | Соломона.

Примѣчаніе. Срв. Коранъ, сура XXVII, ст. 18.

Вāфадарі бājād āз сāгъ амухт.

Вѣрности нужно учиться у собаки.

Јар баqі, соһбāt—баqі.

Будетъ другъ,—будетъ и бесѣда.

Примѣчаніе. Еще увидимся и наговоримся.

320 Дāст-е шекāстā вāбал-е гārдāн-āст. | Сломанная рука—обуза для шеи.

Кард дāстā-је ход-āш-ра нā-мī-борād. | Ножъ не рѣжетъ своей рукоятки.

Мehман һār-ке башād, ханā — һār-че
башād. | Гость,—кого (Богъ принесетъ), угоще-
нъе,—что (Богъ пошлетъ).

Примѣчаніе. «Чѣмъ богатъ,—тѣмъ и радъ».

Нан бе-һāmā кās бе-деһ, вāлі нан-е һāmā
кās-ра нā-хор! | Одѣлай всѣхъ хлѣбомъ, но не у всякаго
ѣшь хлѣбъ-соль!

Јāкъ сузāн бе-ход-āt бе-зāн, јāкъ джo-
валдуз—бе-мārдом. | Вонзи въ себя разъ иголкой, и (тогда
уже)—шиломъ въ другихъ!

325 Ход-āt-ра па-хош мī-бīні, рāфīк-āt-ра
мордā бе-дан! | Если тебѣ не по себѣ,—думай, что твой
другъ умираетъ.

Примѣчаніе. Думай больше о чужомъ горѣ!

Мāн ан-че шāрт-е бeлау-āст ба-то мī-гу-
јām,
то хāн āз сохāн-ām пāнд гīр, хāн—mālāl! | Я говорю съ тобой (только) то, что
требуютъ правила приличія, а ты,—
хочешь,—внимай моимъ рѣчамъ,
хочешь,—огорчайся!

Дār-е мāсджед нā кāндāні-ст, нā—сузан-
дāні. | Дверь мечети нельзя ни сорвать (съ
петлей), ни поджечь.

Примѣчаніе. Пословица говорится о другѣ, противъ котораго ничего
нельзя предпринять.

Черау-ке бе-ханā рāва-ст, бе-мāсджед
һāрам-āст. | Свѣтильникъ, нужный въ домѣ, неуго-
денъ (Богу) въ мечети.

Āз ан гонаһ-ке сūdī рāсāд бе-уејр, че
бакъ? | Чего еще бояться грѣха, отъ котораго
(для другихъ) польза?

Примѣчаніе. Это — вторая половина стиха Хафиза; въ первой — рѣчь идетъ о винѣ: اگر شراب خوری جرعه فشان برخاک (Когда ты пьешь вино, пролей капельку на землю!).

- 330 Рандж раһят дан, чо шод матіаб бо-
зоргъ: гард-е галла тутја-је чашм-е
горгъ. | Считай трудъ за отдыхъ, когда передъ
тобой великая цѣль: пыль, (подни-
маемая) стадомъ (барановъ), для глазъ
волва—цинковая тутія.

Примѣчаніе. «Тутія» — цѣлительное средство, усиливающее остроту зрѣнія.

- Һар-че бе-гандад, намак аш ми-заванд,
вај аз ан дам-ке бе-гандад намак. | Если что может испортиться, посы-
паютъ (на всякій случай) солью; бѣда
тогда, когда соль портится.

- Ба-доуіати — аз-тефақ, би-доуіати — аз
нефақ. | Богатство — отъ согласія, бѣдность — отъ
раздора.

- Бе-еттефақ джеһан ми-таван герефт.
Якъ даст сйда пай-дарад. ¹⁾ | При единодушїи можно покорить мїръ.
Одна рука не издаетъ звука.

Примѣчаніе. Есть османскій и арабскій варианты.

- 335 Даст-е раст бе-даст-е чаш мохтадж нй-
шавад. | Правая рука да не нуждается въ лѣвой!

- Ан-че шіран-ра конад рубаһ мазадк,
ехтіјадк-аест, ехтіјадк-аест, ехтіјадк! | Если что дѣлаетъ льва лицемернымъ какъ
лиса, — такъ это нужда, нужда и нужда!

- Риш-аш бе-даст-е дигари-ест. | Борода его — въ рукахъ другого.

Примѣчаніе. Онъ находится подъ властью другого.

- Ба хере дяр джовал рафтй. | Забрался въ одинъ мѣшокъ съ медвѣдемъ.

Примѣчаніе. Онъ ведетъ борьбу съ глупымъ, но сильнымъ человекомъ
Въ пословицѣ сохраняется память о наказанїи преступниковъ: *Ro e bu s k*
цит. соч., I, стр. 6, № 54.

- Асја—бе-ноубат (асја-во пйсса). | На мельницѣ — чередь.

Примѣчаніе. Есть буквальный вариантъ арабскій.

- 340 Займанй ба то нй-сазад, то ба займанй
бе-саз! | Если судьба не ладитъ съ тобою, такъ
ты поладь съ судьбой!

Примѣчаніе. Умѣй уступать!

- Агар хяр пай-жајад бе-паздик-е бар,
то бар-е геран-ра бе-пазд-е хяр ар! | Если осель не подходитъ къ поклажѣ, —
такъ ты возьми и пододвинь къ ослу
тяжелую поклажу!

- Говаһ-е ашеқ-е садеқ дяр астиһ башад. | Доказательство истиннаго друга бываетъ
подъ рукавами.

¹⁾ Вариантъ (Tisdall, цит. соч., стр. 213, № 74): «сйда аз јаък даст бир пай-жајад»
(Отъ одной руки не исходитъ звука). — Араб. вар.: «не хлопаетъ».

- Примѣчаніе.* Рукава на Востокѣ служатъ кошелькомъ.—Эго стихъ.
- Агәр расті, кар-āt арасті.
 Расті,—рәсті!
 345 Расті—āз то, зәфәр—āз Кердегар.
 Мәсті-jo расті.
- Примѣчаніе.* «У трезваго въ умѣ, у пьянаго—на языкѣ».
- Мар та раст нā-шāвād, бе-сурах нā-
 мī-рāвād.
 Ан-ке хījanāt (хājanāt) нā-вārзād, дāст-
 āш дār hesаб нā-lārзād.
- Примѣчаніе.* Это—изреченіе Саадія.
- То пакъ баш-о мā-дар, еј бāрадār, āз
 кās бакъ; зāнāнд джамā-је на-пакъ
 газоран бār сāнгъ.
- Примѣчаніе.* Это—стихъ Саадія.
- 350 Доруу-е мāslehāt-аміз беh-āз раст-е
 фетнā-āнгіз.
- Примѣчаніе.* Это—изреченіе Саадія.
- Афтаб бār ајād,—черау фору рāвād.
 Хār hāман хār-āст, palān-āш авāз шодā.
- Примѣчаніе.* О расфранченномъ невѣждѣ.
- Зār-е пакъ āз мāhākъ нā-мī-тāрсād.
 Tela-ке пакъ-āст че мейнāt-āш зе хакъ-
 āст?
 355 Сār-е бī-гонаh на-је дар мī-рāвād, āмма
 сār-е дар нā-мī-рāвād.
- Мāhākъ данād-ке зār чī-ст?
- Примѣчаніе.* Это — изреченіе Саадія.
- Дозд-е нā-герефтā падешаh-āст.
- Примѣчаніе.* «Не пойманъ, — не воръ».
- Дозд базар-е ашофтā мī-хāhād.
 Ја зāнгī-је Зāнгъ баш, ја румī-је Рум.
- Если ты—правдивъ, твое дѣло устроено.
 Если ты—правдивъ, ты спасся!
 Прямота—отъ тебя, побѣда—отъ Бога!
 Въ пьянствѣ—искренность.
- Змѣя, пока не выпрямится, не пройдетъ
 въ пору.
 Кто не совершаетъ вѣроломства, у того
 рука не дрожитъ при счетѣ.
- Ты, братъ, будь чистъ и никого не
 страшись: только грязное бѣлье прачки
 бьютъ о камень.
- Спасительная ложь лучше правды, поды-
 мающей смуту.
- Взойдетъ солнце, и свѣтильникъ погас-
 нетъ.
 Оселъ все тотъ же оселъ, хотя бы на
 немъ перемѣнили сѣдло.
- Чистое золото не боится пробирнаго камня.
 Чистому золоту не страшна земля.
- Голова человѣка, на котораго взвели
 напраслину, склоняется ¹⁾ передъ висѣ-
 лицей, но не вздымается на висѣлицу.
 Пробирный камень знаетъ, гдѣ золото.
- Непойманный воръ—(свободенъ) какъ
 падишахъ.
- Воръ любитъ суматоху на базарѣ.
 Или будь (чернымъ) негромъ изъ Эѳіо-
 піи, или (бѣлолицымъ) грекомъ изъ
 Рума (Малой Азій)!

¹⁾ Собственно: подходит къ подножію висѣлицы...

Примѣчаніе. Имѣй опредѣленное мнѣніе!

- 360 Мән нә-мі-гујам: сәмәндәр баш ја пәрванә баш;
чун бе-фекр-е сухтән офтадә-ји, — мәрданә баш!
- Я не говорю: будь саламандрой или будь бабочкой; но разъ запало въ мысли (обречь себя) на сожженіе, — будь же мужественъ!

Примѣчаніе. Изъ «Энвар-и Сухейли».

- Анджа-ке'ејан-әст, че наджәт бе-бејан-әст?
Шенідән кеј бовәд манәнд-е дидән?
Доруу-гу һафезә-је дорості нә-дарәд.
Доруу-гу та дәр-е ханә-јәш ¹⁾.
- Тамъ, гдѣ ясно (какъ на ладони), какая нужда въ доказательствахъ?
Какъ можно сравнивать то, что видишь, съ тѣмъ, что слышишь.
У лжеца нѣтъ надлежащей памяти.
Вратъ (можно) только до порога своего дома.

Примѣчаніе. А тамъ ужъ все вранье о роскошныхъ палатахъ обнаруживается воочію.

- 365 Гәндом-нома-је-джоу-форуш.
һәмәдан дур-әст, кәрду-ш—нәздикъ-әст ²⁾.
- Показываетъ пшеницу, а продаетъ ячмень.
До Хамадана — далеко, (а вотъ) грядка — близка!

Примѣчаніе. Пословица — «сгущенная басня» о хвастунѣ, который рассказывалъ, что когда онъ былъ въ Хамаданѣ, тамъ онъ легко прыгалъ черезъ грядки, шириной въ три сажени.

Нис — Rhodus, hic salta!

- Каһ-е пусидә бад ми-деһәд.
Сәд кузә бе-сазәд-ке јәкә дәстә нә-дарәд.
- Онъ пускаетъ по вѣтру гнилую солому.
Дѣлаетъ сто кувшиновъ, и всѣ безъ ручки.

Примѣчаніе. Даетъ пустыя обѣщанія.

- Боз-е гәр әз сәр-чәшмә аб ми-хорәд.
- Паршивый козелъ пьетъ воду у истока.

Примѣчаніе. Осмѣяніе брезгливости грязнаго человѣка. — Тоже по-арабски.

- 370 Нахонәк-чи саһеб-сәлиқә ми-шәвәд.
- У того, кто пробуетъ на базарѣ (товарь), — бываетъ хорошій вкусъ.

¹⁾ Варіантъ (Roevick, I, стр. 221, № 978): «доруу-гу-ра та бе-ханә бәјәд рәсанид» (Лжеца нужно довести до дому).

Пословицу «доруу-гу та ханә-јәш» Roevick (I, стр. 23, № 170) переводитъ: «Лжець почитается только въ своемъ домѣ».

²⁾ Варіанты: 1) «Гәр һәмәдан дур-әст, хіјабан инджа әст: Roevick, I, 341, № 1771), 2) «Гәр Бейза инджа нист, ноһ хәр мәвджуд-әст». (Если Бейза [около Шираза] и не здѣсь, — девять ословъ найдется [чтобы ты могъ показать свою ловкость въ перепрыгиваніи]. Roevick, I, стр. 97, № 197).

Примѣчаніе. «Нахонекчи» — человекъ, который щипеть на базарѣ для пробы виноградъ.

Намекъ на нахальство.

Дар доккани-ке несаб на-дарі, нахонѣкъ | Въ лавкѣ, гдѣ тебѣ не открытъ кредитъ,
ма-зѣн! | не пробуй товара!

Һәм Хода-ра ми-хабѣд, һәм — хорма-ра. | И къ Богу тянется, и къ финикамъ.

Примѣчаніе. «На небо посматриваетъ, а на землѣ пошариваетъ».

Ділаки дарѣд зѣба: һар-че дід, ми-хабѣд. | У него — такое сердечко: что увидалъ,
то и захотѣлъ.

Примѣчаніе. Намекъ на избалованность.

Нн-хандѣ бе-ханѣ-је Хода на-таван рафт. | Незванымъ нельзя идти (даже) въ „домъ
Божій“.

Примѣчаніе. «Божій домъ» — Мекка.

375 Та на-хандѣ-ат, ма-роу дѣр һіч дѣр! | Пока тебя не позовутъ, — ни въ чей
домъ не ходи!

Озр-е бѣтѣр ѣз гонаһ. | Извиненіе хуже самой вины.

Примѣчаніе. На Востокѣ распространены фривольные рассказы о шутѣ, который остроумными выходками забавлялъ своего царя. У арабовъ (и у персовъ) эти анекдоты, съ пословицами, объединились вокругъ имени поэта Абу-Новаса, у османцевъ — вокругъ Инджили-чауша, шута эпохи султана Махмуда II.

1) Однажды падишахъ задалъ своему шуту задачу, чтобы онъ совершилъ какой-нибудь проступокъ и попросилъ извиненіе, которое усугубило бы еще вину. Шутъ, не долго думая, разлетѣлся къ женщинѣ, спускавшейся по лѣстницѣ, и началъ ее щекотать. «Что ты дѣлаешь, — возмутился падишахъ, — вѣдь это — женщина?» — Извините, я-то думалъ, что это султанша, — отвѣчалъ шутъ. Падишахъ былъ въ восторгѣ отъ находчивости шута и щедро наградилъ его.

2) Абу-Новасъ увѣрялъ халифа Харун-ар-рашида, что иногда «извиненіе бываетъ хуже вины», и они побились о закладъ. Однажды поэтъ засталъ халифа у окна. Онъ подкрался сзади и началъ щекотать его. Халифъ, разгнѣванный, обернулся и закричалъ: «Что ты дѣлаешь, шутъ?» — Извините, — возразилъ Абу-Новасъ, — я думалъ, что это — «ситти» (госпожа) Зубейда ¹⁾. — «Тогда вища твоя еще больше!» — Вотъ въ томъ-то и дѣло, — сказалъ поэтъ, воочію доказавъ справедливость своего утвержденія.

Пуст-е сѣгъ-ра бѣр руј-е ход кѣшидѣ. | Онъ надѣлъ себѣ на лицо собачью кожу.

Примѣчаніе. Намекъ на безстыдство.

Дігъ бе-дігъ ми-гујѣд-ке: Тѣһ-е то сѣһѣ аст. | Котель говоритъ котлу: «У тебя дво
закоптѣло».

¹⁾ Жена халифа Харун-ар-рашида.

- Примѣчаніе.* Такъ и у арабовъ Сиріи (и у Санчо-Пансы въ «Донъ-Кихотѣ»).—Есть османскій варіантъ (объ арапахъ).
- Абі-ке дәр јакъ джа істад,—мі-гандәд. | Вода, застрявшая въ одномъ мѣстѣ, испускаетъ зловоніе.
- 380 Ноход-е һәр аші-ст. | (Это)—горохъ, что (идетъ) во всякій супъ.
- Примѣчаніе.* Онъ виѣшивается во всѣ дѣла.
- Аб аз дәст-аш һә-мі-чәкәд. | У него между рукъ вода не капаетъ.
- Примѣчаніе.* Намекъ на скупость.
- «Изъ зубъ кровь пойдетъ» (если дастъ).
- Фәрјад-е сәгъ бе саел ноқсан һә-дарәд. | Лай собаки нищему не во вредъ.
- Примѣчаніе.* На лай придутъ люди и подадутъ милостыню.
- Ғада ру-јаш сјәһ-әст әмма тубрә-әш пор-әст. | Лицо у нищаго—черно, но сума у него биткомъ (набита).
- Примѣчаніе.* Въ словѣ «черный» заключенъ намекъ на оскорбленія, испытываемыя нищимъ.
- јәкі-ра-дәр деһ раһ һә-мі-дадәнд,—ханә-је кәтхода-ра ми-порсід. | Одного человѣка въ деревню-то не пускали, а онъ все спрашивалъ, гдѣ домъ старосты.
- Примѣчаніе.* Намекъ 1) на нахальство или 2) на глушость.
- 385 Баһ аз то нист, кавдан-ке аз то-ст. | Солома, правда, не твоя, но сарай-то—твой!
- Примѣчаніе.* Не набрасывайся на даровое угощенье,—еще разстроишь себѣ желудокъ!
- Горгъ-ра герефтәнд, — һәнд-әш бе-деһәнд. | Поймали волка и давай увѣщевать его, а онъ—въ отвѣтъ: «Отпустите меня, а то стадо ушло!»
- Гофт: «Сәр-әм бе-деһид: гәллә рафт!»
- Сәгъ һаләд (лајәд)-о кәрвән гозәрәд. | Собака лаетъ, а караванъ идетъ себѣ, идетъ.
- Примѣчаніе.* «Собака лаетъ, вѣтеръ носить».
- Сәләм-е руста-јі бі-тәма' нист. | Поклонъ крестьянина не безъ корысти.
- Тәван бе-һәлq фору бордән остохан-е дорошт, | Пожалуй, можно проглотить крупную кость, но она разорветъ животъ, вәлі шикәм бе-дәрәд, чун бе-гірәд | когда подойдетъ къ пунку. әндәр наф.
- Примѣчаніе.* Это—стихъ Саадія.
- 390 Сәләман-е бі-іман! јак—ман ард-о ним | Безчестный Сулейманъ! «Меня» муки, — ман нан! | и (изъ него) только полъ «мена» хлѣба!
- Примѣчаніе.* Вѣсъ «мена» колеблется между 7½ фунтами (въ Гебризѣ) и 30 фунтами (въ Реѣ); шахскій «мень» равняется 15 фунтамъ. Въ торго-

влѣ принять «тебризскій мѣнь», подраздѣляющійся на полный и неполный (=7½ фунтовъ).

Дар-ке не дарі, дәрбан че мі коні?

Разъ пѣтъ у тебя воротъ, на что тебѣ дворникъ?

Хәр сі шаһі, палац—до һазар.

Ослу—цѣна 30 шахи, а сѣдло на немъ стоить 2 тысячи (динаровъ).

Примѣчаніе. 20 шахи, или одинъ крапъ, составляетъ 1000 динаровъ.

Тариф-е ход кәрдан пәмбә хәјдән-әст.

Хвалить себя—все равно, что жевать вату.

Примѣчаніе. Намекъ на бесполезность.

Па-ра бе-андазә-је гелім-е ход дераз коп. | По коврику протягивай ноги!

Примѣчаніе. Такъ и по-арабски.—Русское «По одежкѣ протягивай ножки!», повидимому, вышло съ Востока, но утратило уже восточную яркость и образность: на Востокѣ сидятъ на коврахъ, и, разумѣется, если коврикъ небольшой, приходится подбирать подъ себя ноги, чтобы не выпачкаться.

395 Дәр-е мәсжед баз-әст, һәја-је сәгъ коджа рәфтә-әст.

Дверь въ мечеть (, правда,) открыта; куда все-таки дѣвался у собаки стыдъ?

Басә аз аш гәрм-тәр.

Блюдо горячѣ супа.

Примѣчаніе. Plus royaliste que le roi.

Баденджап-е бад афәт нә-дарәд.

Плохому баклажану порча (уже) не страшна.

Примѣчаніе. О нытикѣ, бесполезномъ для общества.

Ан қадәр бад кәрдә-ке мі-тәрсәм бе-тә-рәкәд.

Онъ такъ надулся, что, боюсь, лопнетъ.

Примѣчаніе. О хвастунѣ.

Ханә-је казі герду бесјар-әст әмма шо-марә дарәд.

Въ домѣ кадія много грецкихъ орѣховъ,— только онъ ведетъ имъ счетъ.

400 Чәндан сәмән-әст-ке јасәмән пејда нист.

Такъ много жасмину, что сливается (въ глазахъ).

Примѣчаніе. «Изъ-за деревьевъ лѣса не видно!»

Пословица употребляется и въ аллегорическомъ значеніи: здѣсь такъ много красивыхъ невольницъ, что моя Жасминъ среди нихъ пропадаетъ.

(Цвѣты служатъ обыкновенно именами для невольницъ).

Донја—дар-е мокафат-әст;

Міръ—домъ возмездія.

Гәндом аз гәндом бе-рујад, жоу—зе жоу: аз мокафат-е әмәл гафел мә-шоу! ¹⁾

Отъ пшеницы произрастаетъ пшеница, отъ ячменя — ячмень; не забывай о возмездіи за дѣла!

¹⁾ Roesbuck (I, стр. 88, № 140): порядокъ полустипшій обратный.

Примѣчаніе. Выражая сомнѣніе въ обоснованности пословицы, тебризецъ, Аббасъ-'Али, въ разговорѣ (въ Константинополѣ) съ соотечественникомъ, Мирзой Абдуллой Гаффаровымъ, подрѣплялъ свое сужденіе рассказомъ о томъ, что съ нимъ приключилось на родинѣ.

Однажды во время «большого челле» (зимней стужи) онъ пошелъ въ гости къ своей теткѣ. Вечеромъ она угостила своего племянника, — какъ это принято зимой въ зажиточныхъ домахъ, — арбузомъ. Уличная жизнь на Востокѣ замираетъ рано, и запоздавшій прохожій рискуетъ попасть въ руки патрулю; (поэтому богатые люди, предвидя, что имъ придется возвращаться домой поздно, спрашиваютъ въ полицейскомъ участкѣ для пропуска пароль (اسم شب)). Естественно, что тебризца тетка оставила на ночь въ своемъ домѣ. Въ большой залѣ, гдѣ ему постлали постель, помѣстили также маленького ребенка, лежавшаго въ люлькѣ: когда человекъ спитъ одинъ, — думаютъ персы, — злой духъ можетъ причинить ему вредъ. Ночью тебризцу захотѣлось мочиться, но онъ боялся выйти наружу, потому что въ саду была огромная собака. Въ отчаяніи онъ взялъ ребенка и переложилъ его на-время въ свою постель, а самъ началъ мочиться въ люльку. Однако, когда онъ взглянулъ на свою постель, — тамъ были экскременты мальчика. Такъ-то отплатилъ ребенокъ мнѣ, — закончилъ свой полу-шутливый рассказъ тебризецъ.

Рассказъ представляетъ отголосокъ (или: эмбрионъ?) бродячаго анекдота о шутѣ, который, изъ страха передъ собакой, мочится въ люлькѣ ребенка, и на изумленіе хозяина отвѣчаетъ: «Если твоя собака ночью все будетъ передъ домомъ — ребенокъ не то еще надѣлаетъ!»

Въ Турціи анекдотъ связанъ съ именемъ Инджили-чауша или, — въ Ко-ниі, — Гиди-огурсуза.

hār-che be-karī, — be-derāvi.

Kowli ʔerbāl-rah dželow-e surāt-āsh ger-raftā, be-rāfiq-āsh goft: «Che toʔr mi-bini?» — Goft: «hāman toʔr-ke to mi-bini».

405 Be-hār chāshmi-ke mi-bivīd mah-rah, hāman chāsh-āst mi-bivād shomah-rah.

«Что поѣешь, то пожнешь!»

Цыганъ положилъ передъ лицомъ своимъ сито и говорить товарищу: «Ну, какъ ты находишь меня?» — Тотъ отвѣчалъ: «Да, такъ, какъ и ты (—меня)».

Какъ вы смотрите на насъ, такъ и мы посмотримъ на васъ.

Примѣчаніе. То же и по-арабски.

Kāluh-āndāz-rah padāsh — sāng-āst.

Кто бросаетъ комкомъ грязи, — въ того летитъ камень.

Примѣчаніе. «Какъ аукнется, такъ и откликнется!»

Aher gozār-e pust be-dābbaʔ-hānā mi-joft-ād.

Шкурѣ въ концѣ-концовъ не миновать дубильщика. [Араб. вар.: «ковѣ»].

Zemestan mi-gozārād-o ru-sijāhi be-zoʔal mi-manād.

Минуетъ зима, и на уголѣ остается чернота.

Примѣчаніе. Теперь я—въ тяжелой зависимости отъ васъ, но впоследствии я стану на ноги, и васъ будетъ мучить совѣсть.

Есть азербайджанскій вариантъ.

Бе-пај-е ход бе-сәллах-ханә амәдә. | Самъ, добровольно, пришелъ на бойню.

Примѣчаніе. Намекъ на глупость, или ослѣпленіе.

410 Сејд-ра чон әджәл әјәд сун-е сәјјад рәвәд. | Когда звѣрю приходитъ смертный часъ,—
онъ бѣжитъ прямо на ловца.

Примѣчаніе. Это—изреченіе Саадія.

Һәр-че коні бе-ход коні, гәр һәмә никъ-о | Что ни дѣлаешь,—дѣлаешь для себя,
бәд коні. | будь хорошее или дурное!

Дәр да ва һәлва қесмәт нә-мі-кәнәнд. | Во время драки не одѣляютъ халвой.

Примѣчаніе. Халву раздають на похоронахъ, на поминкахъ (на сороковой день).

Бад—баран авәрәд, базичә—джәнгъ. | За вѣтромъ идетъ дождь, за шуткой—
драка.

Чаһ-кән һәмшә дәр тәһ-е чаһ-әст. | Кто роетъ колодезь,—всегда (самъ) въ
колодезь.

Примѣчаніе. Чтобы вырыть колодезь, человѣкъ долженъ сидѣть въ землѣ.

415 Чаһ-кән-ра чаһ дәр піш. | Кто роетъ колодезь,—предстоитъ самому
упасть въ колодезь.

Прим. Такъ и по-арабски. — «Не рой другому ямы,—самъ въ нее упадешь!»

Һәрф һәрф ми-авәрәд. | Слово влечетъ за собой слово.

Сохән әз сохән хизәд. | Разговоръ подымается изъ разговора.

Примѣчаніе. Одинъ воръ кралъ съ саду фрукты; увидалъ его садовникъ и спрашиваетъ: «Что ты дѣлаешь?» Тогда воръ, слышавшій о пословицѣ,—чтобы отвязаться отъ садовника,—сказалъ второпяхъ, что сперва взбрело ему въ голову: «А ты почему не покупаешь своей женѣ юбки?»—Тепѣ какое дѣло,—вскипѣлъ садовникъ.—Развѣ ты не слышалъ,—замѣтилъ воръ,—пословицу «Слово за слово».

Сәнгъ сәнгъ-ра ми-шекәнәд. | Одинъ камень разбиваетъ другой.

Примѣчаніе. Камни отличны величиной и цѣной.

Мір-үзәбі «Аһестә бе-бор»! нә-дарәд! | Палачъ ¹⁾ не долженъ понимать словъ
«Рѣжь потише!»

420 Әләдк-е фәсед—бе-әфсәд. | Противъ разрушительнаго снадобья (дѣй-
ствуетъ) болѣе сильное противоядіе.

Примѣчаніе. «Клинь клиномъ вышибаютъ».

Хуні хун-гир шәвәд. | Убийца такъ или иначе платится за
(пролитую) кровь.

¹⁾ Буквально: ремесло палача.

Примѣчаніе. «На ворѣ шапка горить». Ты убилъ отца и оставляешь ребенка; какъ
 Падър кошті-жо баячя бе-гозашті; | же будетъ покой въ (душѣ) сироты?
 падър-коштѣ-ра кеј бовад ашти?

Примѣчаніе. Это—стихъ неизвѣстнаго поэта. Пока я буду помнить о хвостѣ, ты—о
 Та ма-ра дом, то-ра песар јад-ает, | своемъ ребенкѣ,—(разлетѣлась) на вѣ-
 дусті-је ман-о то бар бад-ает. | теръ моя дружба съ тобой!

Примѣчаніе. Крестьянинъ работалъ въ полѣ; жена приносила ему
 кувшинъ молока. Однажды онъ заснулъ. Подползла змѣя и, выпивъ молоко
 изъ кувшина, положила червонецъ. Такъ повторялось нѣсколько дней; но
 вотъ крестьянинъ притворился спящимъ, и только змѣя подползла къ кув-
 шину,—онъ схватилъ ее. «Благодарю тебя,—сказалъ крестьянинъ,—давай
 подружмся: я буду приносить тебѣ молоко, а ты мнѣ червонцы!» Змѣя
 согласилась. Крестьянинъ быстро разбогатѣлъ и, какъ богобоязненный
 мусульманинъ, задумалъ ѣхать въ паломничество,—въ Мекку, а сыну на-
 казалъ подбирать ежедневно въ кувшинѣ червонцы. Однако сынъ крестьянина
 былъ жаденъ: онъ захотѣлъ сразу овладѣть сокровищами змѣи, и когда
 однажды онъ подстерегъ, какъ змѣя уползала въ пору за червонцемъ, онъ
 бросился на нее и отрубилъ ей хвостъ; змѣя обернулась и ужалила его
 на-смерть. Между тѣмъ крестьянинъ вернулся изъ Мекки, снова пытался
 подружиться со змѣей, но змѣя разсудительно уклонилась.—Малоруссы
 влагають анекдотъ въ уста Хмельницкому передъ польскими сенаторами.

Ба бадан—бад баш, ба нѣкан—нѣку; | Съ дурными и ты будь дурнымъ, съ хо-
 джа-је гол—гол баш, джа-је хар—хар. | рошими—хорошимъ; вмѣстѣ съ ро-
 | зой,—будь розой, вмѣстѣ съ шипов-
 | никомъ,—шиповникомъ!

Примѣчаніе. Это—стихъ Саадія.

425 Баді-ра баді саһл башад джаза, | За зло легко возданіемъ бываетъ зло;
 агар марді, аһсен ала ман аса. | если ты—мужъ, воздай добромъ тому,
 | кто сотворилъ (тебѣ) зло.

Примѣчаніе. Эта пословица въ Турціи была извѣстна, по крайней
 мѣрѣ, въ XVI вѣкѣ (Сад-эд-динъ, Таджу-т-теварих, Константинополь.
 s. a. t. II., стр. 365).

Аваз-е доһол шеһидан аз дур хош-ает. | Бой барабана пріятно слушать издали. ¹⁾

Примѣчаніе. Есть османскій и арабскій варианты.

Гардан-е хам-ра шамшир на-боррад. | Склонившуюся шею сабля не рѣжетъ.

Примѣчаніе. «Повинную голову мечъ не сѣчетъ».

¹⁾ Ближайшее знакомство съ человѣкомъ разбиваетъ нерѣдко ожиданія: Козьбиски,
 I, стр. 110, № 276.

- Тоўри бе-коп: нā сiх бе-сузād, нā кāбāб. | Ты такъ дѣлай, чтобы ни вертель не
обгорѣлъ, ни кебабъ!
- Примѣчаніе.* «Чтобы волки были сыты и овцы цѣлы».
- Зур-āш бе-хār нā-мi-рāsād, бе-пāлāн мi- | Ударь отъ него достается не ослу, а
чāsнād. | сѣдлу.
- Примѣчаніе.* Опъ вымещаетъ гнѣвъ, на комъ можетъ.
- 430 Гонāн кārд дār Balx āhān-gārī, | Совершилъ преступленіе кузнецъ въ
бе-Шоштār зādāнд гārдāн-е мес-gārī. | Балхѣ, а голову отрубили мѣднику въ
Шуштерѣ¹⁾.
- Примѣчаніе.* «Коваль завинив, а слюсаря повѣсили».
- Гушт-е хār-о дāндāн-е сāгъ. | Мясо—осла, зубы—собаки.
- Примѣчаніе.* Пословица рекомендуетъ равнодушіе къ ссорѣ людей, для
насъ антипатичныхъ.
- То—дār ханā-је ход, мāн—дār ханā-је | Ты (,сосѣдушка,)—у себя въ домѣ, я—
ход. | у себя.
- Примѣчаніе.* Есть арабскій вариантъ.
- Кур āз Хода че мi-хāhād?—До дiдā-је бiна. | Слѣпой о чемъ молить Бога?—О двухъ
глазахъ. [Такъ и по-арабски].
- Дiг-е шāракāt бе-джуш нā-јājād. | Артельный котель не (скоро) закипаетъ.
- 435 hārф бе-вāрт-āш мi-кāшād. | Время разсказа совпадаетъ со временемъ
событія.
- Хаб-е хār-гуш дādāн-ām та чāнд? | До какихъ поръ водить меня все за носъ!
- Примѣчаніе.* Это—стихъ Низаміа.—Въ выраженіи «хаб-е хārгуш»
(сопъ зайца) скрытъ намекъ на небрежность или притворный сопъ: R o e-
b u s k, I, стр. 21, № 154; стр. 208, № 895.
- Че Alī хаджā, че хаджā Alī! | Что—Алій ходжа, что ходжа Алій!
- Примѣчаніе.* Есть араб. и осман. варианты.—«Что въ лобъ,—что по лбу!»
- јākъ «пā» бе-гу, поh маh сār-е деi нā-кāш. | Лучше разъ сказать: «Нѣтъ!», чѣмъ ту-
жить девять мѣсяцевъ!
- Māhr-ām—hālal, джан-ām—азад. | Чортъ—съ приданымъ! (только бы) ду-
шу свою высвободить!
- Примѣчаніе.* Такъ говоритъ женщина, мечтающая о разводѣ.
- 440 hārф-е мārд—јāкi-āст. | У мужа—слово едино.
- Qагер-е чāмуш бе-мāрг-е ход-о зārār-е | Муль съ норовомъ согласенъ на собствен-
саheb разi-ст. | ную смерть и на убытокъ хозяина.
- Јабу-је āхтā-во адām-е кусā саl-ешан | Не опредѣлить лѣта охолощенной лошади
mā-lūm нā-мi-шāвād. | и человѣка, съ жидкой бороденкой.

¹⁾ М. А. Гаффаровъ, Персидско-русскій словарь (Печатается) s. v. «شور»

Афтабā ва lylāhāngъ jākъ hoкм дарād;
vāqt-е heroū гозаштāн—тāфавот-ешан
мā'-lум мi-шāвād.

Рукомойникъ (мѣдный) и (глиняный)
годны (для омовенія); разница между
ними обнаруживается, когда несешь
ихъ въ закладъ.

Lylāhāngъ-āш аб мi-гiрād.

У него въ глиняномъ рукомойникѣ—вода.

Примѣчаніе. Онъ—со средствами.

445 Пеj-je хār-е мордā мi-гāрдād-ке нā-l-āш-
ра бе-кāшād.

Онъ ищетъдохлаго осла, чтобы снять
съ него подковы.

Примѣчаніе. Намекъ на жадность.—Есть османскій вариантъ.

Palān-āш kādъ-āст (mī-pārранād).

Сѣдло у него—набоку (валится).

Примѣчаніе. 1) Намекъ, что женщина гуляетъ, 2) сомнѣніе въ право-
вѣрiи мусульманина.

Ab ту-гуш-āш kāрдāнд.

Налили въ уши ему воды!

Примѣчаніе. Намекъ на обманъ.

Mesl-е kāбк сār-āш-ра зiр-е бārф kāрдā-
āст.

Точно куропатка, что причесать голову
подъ снѣгъ.

Примѣчаніе. Воображаетъ, что его не замѣчаютъ.

«Бе-бāхшiд: рiсман-ра kāшiдāнд!»

Простите: дернули веревку!

Примѣчаніе. Былъ глупый царь. Однажды явились къ нему послы.

Желая избавить царя отъ позора, везиръ подвязалъ къ ш.....у царя веревку
и сказалъ: «Когда я дерну за веревку, это—знакъ, что ты болтаешь вздоръ,
и замолчи!» Царь согласился. Во время аудіенціи царь увлекся разговоромъ
съ послами. Вдругъ онъ почувствовалъ, что везиръ тянетъ веревку. Онъ
немедленно оборвалъ рѣчь и, обращаясь къ посламъ, сказалъ: «Извините,
продолжать не могу: меня дернули за веревку!»

450 Шāкār-āбi дār мiјан-ешан бе-нāм рāsид. | Между ними образовалась сахарная вода.

Примѣчаніе. «Между ними пробѣжала черная кошка».

Джāвāб-е āblāhan хамушi-ст.

Отвѣтъ глупцамъ—молчаніе.

hālā хār бiјар-о мā-рākā бар кон!

Ну, тащи сейчасъ осла и нагрузи на
него ссору!

Примѣчаніе. Намекъ на безконечный споръ.

Бār хār-мāгās-е мā-рākā lā-пāt!

Да будетъ проклятъ оводъ, (впивающій-
ся) въ толпу.

Примѣчаніе. Насторожившись, толпа слушала дервиша и вдругъ кто-
нибудь протискивается и грубо обрываетъ бесѣду. Тогда изъ толпы несутся
ему проклятiе.

(Дервиши нерѣдко состязаются передъ толпой, повѣствуя чудесные раз-
сказы, и собираютъ за это деньги).

- 455 хәр-е лохт-ра паан бәр-нә-мі-дарәнд. | Съ голаго осла (мудрено) снять сѣдло.
 Хәр-ра ми-бәрәнд бе'арусі,—бар бар-аш | Ведутъ осла на свадьбу, лишь бы навью-
 конәнд ¹⁾. | чить на него грузъ.
 Ин цафелә та-бе һашр лангъ-әст. | Эготъ караванъ не сдвинется съ мѣста
 до скончанія вѣка.
 Ин рещтә сәр-е дераз дарәд. | У этой нитки—длинный конецъ.

Примѣчаніе. Дѣло—непоправимо.

- Кус-е росва-јје ма бәр сәр-е базар зәдәнд. | О нашемъ позорѣ протрубили на базарѣ.
 Нә бе-ан шурі-је шур-о нә бе-ин бі нә- | (Не нужно) ни такъ много соли, (не
 мәкі. | нужно) и такъ,—безъ соли.
 460 һаммам-е зәнанә-әст. | Точно женская баня!

Примѣчаніе. На Востока баня для женщинъ—единственный, своего рода, клубъ.

- Һаджі һаджі-ра дәр Мәккә бинад. | Хаджи видитъ хаджи въ Меккѣ.

Примѣчаніе. Есть османскій вариантъ.

О человекѣ, замѣчающемъ своего сосѣда только во время нужды.

- Джанг-е зәргәрі ми-конәд. | Онъ, какъ золотыхъ дѣлъ мастеръ,
 поднимаетъ крикъ.

Примѣчаніе. Когда заказчикъ является въ назначенный срокъ за вещь, которая неготова, ювелиръ набрасывается притворно на своего подмастерья, обвиняя его въ перадѣни.

- Аз бәс гофтәм,—зәбан-әм му дәр-авәрд ²⁾. | Ужь такъ много я говорилъ ³⁾, что на
 языкѣ у меня выросли волосы.

- Агәр-ра ба-мәгәр тәзвѣж кәрдәнд, аз | «Если» и «развѣ» соединили въ одну
 ішан бәччә-јі шод кашкі нам! | пару, и родилось у нихъ дѣтище
 «Если бы да кабы!»

- 465 Арзу аз джәванан ејб нист ⁴⁾. | Желаніе—не укорь молодцамъ.

Примѣчаніе. «Быль молодцу не укорь».

- Тонд ми-рәві, джана, тәрсәм-әт: фору мані. | Ты быстро идешь, душа моя,—я боюсь,
 что ты отстанешь.

Примѣчаніе. Это—стихъ Хафиза.

¹⁾ Вариантъ (R o e b u s k, I, стр. 20 № 142, стр. 202, № 859): «Хәран-ра кәсі дәр әрусі на-хавәд, мәгәр ан зәман каб-о һизом нә-манәд» (Ослово зовутъ на свадьбу, только когда пужна вода или дрова). Такъ и по-арабски; и у Кочубея Гемюрджинскаго, XVII в.

²⁾ Есть фривольный вариантъ о человекѣ, рассказывающемъ смѣшныя вещи.

³⁾ «Одно и то же»,—толкуеть R o e b u s k (I, стр. 365, № 1937).

⁴⁾ Вариантъ R o e b u s k, I, стр. 77, № 67): «арзу аз мәрдан ејб нист» (Нѣтъ ничего зазорнаго для мужчины выражать свои желанія).

hār-ke ejb-e degāran piš-e to avord-o
шоморд,
bi-goman ejb-e to piš-e degāran xahād
борд.

Кто выкладывает и пересчитывает
передъ тобой недостатки другихъ,—
безъ сомнѣнія, и о твоихъ недостаткахъ
будетъ разглашать другимъ.

Примѣчаніе. Это — стихъ Саадія.

Sāng-e bozorg 'ālamāt-e nā-zādān-āst.

Большой камень—(вѣрный) знакъ, что
имъ не ударятъ.

Примѣчаніе. Кто очень ужъ грозитъ, того бояться нечего!

Dāst-e ma kutāh-o xorma—bār nāxīl.

Руки у насъ коротки, а финики—на
пальмѣ.

Примѣчаніе. Это — стихъ Хафиза.

«Близокъ локотокъ, да языкъ коротокъ».

470 Dāstī-ke nā-tāvan borīd,—bājād busīd.

Цѣлуй руку, которую не можешь отрубить!

Примѣчаніе. Есть арабскій и османскій варианты.

'Ādu shāwād sabāb-e xejr, āgār Хода
xahād.

И врагъ,—если Богъ пожелаетъ,—источ-
никъ добра.

Āgār kuh-e Bādāxshān lā'-l gārdād,
be-dīdar-e bādāxshānī nā-jārsād.

Если гора Бадехшана (цѣликомъ) обра-
тится въ яхонтъ,—изъ-за (отвра-
тительнаго) лица жителя Бадехшана
не стоить (туда идти).

Nā—shīr-e шотор, nā—dīdar-e 'arāb.

(Не нужно мнѣ) ни молока верблюда, ни
рожи араба!

Примѣчаніе. Такъ сказала змѣя арабу,—съ которымъ сперва дружил,—
послѣ того какъ сынъ его отрубилъ ей хвостъ (Изъ варианта разсказа объ
арабѣ и змѣѣ, слышаннаго отъ Мирзы Джафара).

475¹⁾ Dōzd-e na bālād be-kanān mī-zānād.

Неопытный воръ устремляется въ ригу.

Dīr amādā, mī-xahād зуд be-rāvād²⁾.

Пришелъ поздно, а хочетъ уйти рано.

Xahā-je херс-о авāнг-е āнгур?

Въ домѣ медвѣдя и гроздыя винограда,
(развѣшанные) для сушки?!

Примѣчаніе. Есть османскій вариантъ.

Kābutār-e (kāftār-e) dōqftī sād dīnar bā-
raj-e to: «ja Kārim!» nā-mī-xahānd.

Голуби, пара которыхъ стоить 100 ди-
наровъ (=2 копейки), не будутъ вы-
крикивать для тебя: «О, Керимъ!»³⁾

Besjār sāfār bājād ta noxtā shāwād хамі.

Много нужно странствовать, чтобы не-
опытный приобрѣлъ опытъ.

¹⁾ Пословица 472-я случайно напечатана вторично (см. 15-ю поговорку).

²⁾ Вариантъ (Roebusk, I, стр. 240, № 1099): „Дір амādā-о шетаб рафтāн“ (Поздно
прийти и спѣшить уйти!),—о другѣ, который спѣшить къ себѣ домой, заглянувъ только
на минутку.

³⁾ Эпитетъ Бога: Щедрый.

- 480 Кабаб похтā нā-гāрдād мāгār бе гāрдідāн. Кебабъ обжаривается только, если вертѣть его (на огнѣ).
- Асбі-ке дār сār-е пірі соуан āш бе-гі-рāнд, бāрај-е мејдан-е руз е қыјамāt хуб-āст. Если начать тренировать лошадь под старость, она годна будетъ для ристалища въ день Страшнаго Суда.
- Маһи-ра һār вāqt āз аб дār-арі, тазā-ст. Когда рыбу ни вынешь изъ воды,—она свѣжа.
- Мостāми' саһеб-сохāн-ра бār сār-е кар авāрād. (Внимательный) слушатель вдохновляетъ оратора.
- Қорбан бе-рāvām Хода ра: јакъ бам-о до һāва-ра! Да паду я жертвой ради Бога: на одной крышѣ (и) разная погода!

Примѣчаніе. Пословица вскрываетъ семейныя отношенія на Востоке.

Свекровь ревнуетъ всегда своего сына къ снохѣ¹⁾; теща, наоборотъ, тѣмъ болѣе довольна, чѣмъ сильнѣе зять любитъ дочь, и всячески выражаетъ ему свое расположеніе.

Однажды на крышѣ дома матери спали: женатый сынъ и замужняя дочь. Проходя мимо зятя своего, она укрыла его потеплѣе, и подвигая парочку тѣспѣе другъ къ другу, сказала: «Обнимитесь, дѣти, а то здѣсь свѣжо!» А когда увидала, что жена ея сына пѣжно прижалась къ мужу, она толкнула ее и сдернула съ нея одѣяло, подъ тѣмъ предлогомъ, что и безъ того жара. «Безстыжая,—кричала она,—ты задушишь мужа!» Тогда невѣстка, слышавшая раньше сказанныя старухой слова, и выразила свое удивленіе пословицей.

- 485 Зоlm-е бе-с-сāвije' āдl-āст. Одинаковая несправедливость — (уже) справедливость.
- Шафа²⁾ тāһ-е піјалā-ст. Исцѣленіе—на днѣ чаши³⁾.

Примѣчаніе. «Конецъ вѣнчаетъ дѣло».

- Гār то беһтār мi-зāнi,—бе-стан бе-зāн! Коли ты лучше играешь,—пожалуйста, играй!

Примѣчаніе. Такъ сказалъ музыкантъ, сконфуженный тѣмъ, что во время игры пустилъ вѣтры.

- Чāнан бād нāвахт-ке сурначi-һām фāһмiд. Онъ такъ плохо игралъ, что даже дудецъ понялъ.

Примѣчаніе. Есть азербайджанскій вариантъ.

- Афтабā, lāgān до дәст,—шам-о пāһар— һiч чi. Рукомойникъ, тазъ,—и не одинъ, а два,—а на обѣдъ и ужинъ—кукишь.

¹⁾ Въ индо-европейскомъ укладѣ семьи „злая свекровь“—мучительница снохи.

²⁾ Литературное произношеніе этого слова—„шефа“.

³⁾ Въ поговоркѣ скрытъ какой-то обрядъ (можетъ-быть, братанія?), отголоскомъ котораго служитъ, напр., русскій запретъ „оставлять зло въ чашѣ, рюмкѣ“ и т. д.

Примѣчаніе. Намекъ на показную хвастливость.

490 hār rahi-ra be-rahdārī sepordā-ānd.

Каждую дорогу ввѣрили особому стражнику.

Джаддā-је дозд-зādā āmi-āst.

Дорога, гдѣ (только-что) совершена кража, безопасна.

Примѣчаніе. Пословица говоритъ о злостномъ банкротѣ, который, разсчитавшись кое-какъ со всѣми кредиторами, снова открываетъ торговлю. теперь, — разсуждаютъ, — ему можно опять безбоязненно давать товаръ въ кредитъ, потому что нѣкоторое время онъ будетъ платить исправно.

Руз—āз ноу, рузі—āз ноу!

Будетъ день, будетъ и пища.

Примѣчаніе. Есть арабскій вариантъ.

«Дастъ Богъ день, дастъ и пищу!»

Рузі-је меһман піштār āз ход-āш mi-ājād.

Пропитаніе для гостя приходитъ раньше само собой.

Примѣчаніе. Хозяинъ не имѣетъ права предъявлять къ гостю никакихъ претензій, потому что пропитаніе для гостя послалъ ему Богъ.

Mal-e bād biх-e riш-e saheb-āш.

Плохой товаръ возвращается къ хозяину ¹⁾).

495 Чон бе-гāрд-āш nā-mi-rāsī,— «ва гāрд!»

Если не можешь догнать, — откажись!

hār-che-ra bād avārād,— bād-āш bārād.

Все, что приноситъ вѣтеръ, — вѣтеръ и уноситъ.

Примѣчаніе. Есть буквально совпадающій арабскій вариантъ. Толкуется онъ въ томъ смыслѣ, что легко нажитое (или даромъ доставшееся) легко и проживается, проматывается.

Та nā-bašād čizāki,— mārdom nā-gujānd čizha.

Если не будетъ «нѣщечка», — люди не скажутъ (чудовищныхъ) вещей!

Примѣчаніе. «Нѣтъ дыму безъ огня».

Зār zār kāšād,— bi-zārī—dārd-e sār.

Деньги влекутъ (за собой) деньги, безденежье — головную боль.

Бар-е kādъ be-mānzal nā-mi-rāsād.

Кладъ, (нагруженная) криво, не доходитъ по назначенію.

500 Mā-roū be-heнд, be-roū, ба Хода-је хiш бе-саз:
бе-hār коджа-ке rāvi,— асеман hāmin rāngъ-āst.

Нейди въ Индію, а ступай, поладь со своимъ Богомъ: куда бы ты ни пошелъ, — небо (всюду) того же цвѣта!

¹⁾ Буквально: у корня бороды (хозяина).

Примѣчаніе. Пословица заключаетъ въ себѣ указанія на необходимость работы надъ собой; у тебя дѣла нечисты: сперва исправься!

Однажды ласточка предложила своей подругѣ уйти отъ нагаженнаго гнѣзда куда-нибудь подальше и тамъ свить гнѣздо; но подруга замѣтила: «Это—безполезно: мы унесемъ, вѣдь, съ собой нашъ органъ гаженья», «hār rodjā-ke be-rāvīm, kuneān-rā hāmrah mīdārīm».

Замѣченныя опечатки.

На стр. 8, примѣчаніе, вмѣсто **به** нужно **چه**

На стр. 16, 2 строка сверху, вмѣсто **не смѣт-е** нужно **не мѣт-е**.

Изъ области персидской историографіи

монгольскаго періода.

Члена Восточной Коммисіи *Мирзы Абдуллы Таффарова.*

I.

Три отрывка, относящихся къ Руси, у Джовейніа XIII в.

Исторія покоренія міра Джингизъ-ханомъ = «Таріх-и Джинган-гошай», официального монгольскаго историка Джовейніа [род. 1226, ум. 1283]¹⁾ только теперь издается полностью въ свѣтъ. Первый томъ уже напечатанъ въ Лейденѣ (1912) въ высокоцѣнной серіи Gibb Memorial (= вып. XVI),—издательствѣ, которое, кстати сказать, заслуживаетъ одинаковой благодарности не только со стороны специалистовъ-востоковѣдовъ, но и со стороны интеллигентныхъ персовъ, любителей хорошаго историческаго чтенія. Изъ вышеназваннаго I тома приводимъ, въ нашемъ русскомъ переводѣ²⁾, три отрывка, относящіеся къ Бату-хану (Батю русскихъ лѣтописей, 1224-1255), завоевателю Руси.

а) О Туши³⁾ и о воцареніи Бату вмѣсто него

(стр. 221 лейденскаго изд. 1912).

Когда Туши, бывшій старшимъ сыномъ, пришелъ къ Чингизъ-хану въ предѣлы Козанъ-Таши и затѣмъ вернулся назадъ, насталъ обѣщанный [каждому человѣку] срокъ.

Сыновья его были: Бамхаль (Бухаль?), Харду, Бату, Шибканъ, Тенкутъ, Бирка и Биркеджаръ,—вотъ семь сыновей, которые достигли самостоятельности. Бату сдѣлался заступающимъ мѣсто отца и сталъ правителемъ государства и главою братьевъ.

Когда Каанъ⁴⁾ сѣлъ на царскій престолъ, онъ (Бату) усмирилъ и покорилъ слѣдующія земли, сосѣднія съ нимъ: остальной Кыпчакъ, Аланъ, Асъ, Русь и иныя, какъ-то землю Волгарь, М-к-с и прочія. Бату стоялъ въ своемъ становищѣ, которое онъ имѣлъ въ предѣлахъ Итиля. Онъ основалъ городъ, называемый Сарай. Власть его распространилась по всѣмъ странамъ.

Онъ былъ царемъ, который не склонялся ни къ какой вѣрѣ, ни къ какой религіи; онъ признавалъ только Бога, но не былъ приверженцемъ никакой религіи и никакой вѣры. Его жертвамъ и дарамъ не было счета, и щедрость его была безгранична. Когда къ нему приходили цари разныхъ земель, или жители всѣхъ странъ міра, или иной кто-нибудь, кто приходилъ къ нему съ дарами, собиравшимся долгое время, то, прежде чѣмъ успѣвали передать дары въ казну, онъ жаловалъ ихъ всѣ монголамъ, мусульманамъ и случившимся въ его собраніи, не обращая вниманія на то, мало ли было подарковъ

1) Биографическія свѣдѣнія о Джовейніа см. въ нижеслѣдующемъ общемъ очеркѣ монголо-персидской историографіи, стр. 30-33.

2) Въ отрывкѣ русскаго стили намъ помогали нашъ слушатель Л. П. Жирковъ.

3) Туши въ *Джамі-эт-Теваріх* вездѣ названъ *Чучи* или *Джуджи*.

4) Т. е. *Октай-Каанъ* (Угедей 1227—1241), сынъ *Чингизъ-хана*.

или много. И купцы отовсюду привозили къ нему разные товары. И все, что они привозили, отъ нихъ принимали, и цѣну за всякій товаръ онъ платилъ въ нѣсколько разъ больше его стоимости. Онъ выдавалъ грамоты и ярлыги на государей Рума, Сиріи и иныхъ странъ. И кто бы къ нему ни приходилъ, не возвращался не получивъ желаемого.

Когда Куюкъ-ханъ [1246-1248] съѣлъ на ханство, Бату, согласно просьбѣ его и призыву, тронулся въ путь. Когда онъ достигъ Ала Комака, стало извѣстно о кончинѣ Куюкъ-хана [1248], и онъ остановился тамъ, и отовсюду къ нему приходили царевичи. Они возложили дѣла ханства на Манку-Каана. Оттуда онъ возвратился обратно въ свое становище и проводилъ время въ удовольствіяхъ и зрѣлищахъ, какъ обычно. Когда же приходило время устранивать войско, онъ, согласно требованію времени, посылалъ войско приближенныхъ, родственниковъ и эмировъ.

Когда же, въ 653-мъ [= 1255] году, Манку-Каанъ созвалъ другой курылтай, онъ (Бату) послалъ къ Манку-Каану Сартака, который исповѣдывалъ христіанскую вѣру. Еще не достигъ до мѣста Сартакъ, какъ достигла воля Божія, и случилась неизбѣжная кончина (Бату-хана) въ . . . году ¹⁾.

Когда же Сартакъ пришелъ къ Манку-Каану, тотъ встрѣтилъ его съ уваженіемъ и почестями, отличилъ его среди сыновей и равныхъ многими милостями и отпустилъ его, осыпавъ богатствами и благодареніями, достойными такого царя. Еще не достигши своего становища, когда онъ дошелъ до мѣста . . . , онъ тоже отправился вслѣдъ за своимъ отцомъ ²⁾.

Манку-Каанъ послалъ эмировъ искать расположенія у женъ его и братьевъ, и указалъ имъ, что Брагчинъ-хатунъ, старшая жена Бату, издаетъ приказы и воспитываетъ Улагчи, сына Сартака, чтобы онъ, придя въ возрастъ, занялъ мѣсто отца. Но судьбѣ не угодно было это, и Улагчи тоже скончался въ тотъ же годъ. ³⁾

б) Повѣствованіе о покореніи Болгаръ и предѣловъ Асснихъ ⁴⁾ и Русскихъ.

(По лейд. изд. 1912, стр. 224).

Когда Каанъ во второй разъ созвалъ великій курылтай, то на немъ совѣщались объ окончательномъ истребленіи послѣднихъ непокорныхъ и порѣшили на томъ, что надо овладѣть предѣлами Болгаръ, Асовъ и Русовъ, которые соедѣлили со становищемъ Бату и еще не вполне слились съ народомъ (монгозовъ), но гордились многочисленностью своихъ городовъ.

На основаніи такого рѣшенія царь назначилъ для помощи и содѣйствія Бату царевичей: Манку-Каана и брата его Бучака, а изъ сыновей своихъ Кую-Хана и Кадгана, и другихъ царевичей — Кулкана, Бурн и Байдара, и обоихъ братьевъ Бату, и Тенкута, и нѣсколькихъ иныхъ царевичей; а изъ знатныхъ князей былъ Субтай-Бохадуръ.

Царевичи, согласно ратному и военному распорядку, отправились каждый къ своему мѣстопребыванію. Весною же они стонулись со своихъ мѣстъ и съ поспѣшностью продвинулись къ предѣламъ Болгара. Царевичи присоединились другъ къ другу, и отъ множества войскъ земля наполнилась гуломъ и стономъ, а доблесть ратная и отвага войска устрашила дикихъ и хищныхъ звѣрей.

Прежде всего они силою овладѣли городомъ Болгаромъ, который былъ извѣстенъ во всемъ мірѣ неприступностью своего мѣстоположенія и обиліемъ военныхъ запасовъ. Оттуда они отправились на страну Русовъ и покорили ея окраины до города М-к-с ⁵⁾, жители котораго числомъ были какъ муравьи и саранча, а окрестности изобиловали

¹⁾ Батый умеръ въ 1255 году.

²⁾ Очевидно, въ 1256 году.

³⁾ По русскимъ лѣтописямъ Улагчи еще отмѣчается въ 1257 году, — очевидно, только въ 1257 году онъ умеръ.

⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: ارس (А-р-с, О-р-с), стр. 214, прим. 2.

⁵⁾ Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ: М-л-с ملنس, стр. 225, прим. 1.

болотами и лѣсными чащами, въ какихъ и змѣя не могла бы проползти. Царевичи остановились все вмѣстѣ въ его окрестностяхъ. Сначала они проложили тамъ дорогу, такъ чтобы могли проѣхать рядомъ три-четыре повозки, и установили передъ валами города метательныя орудія. По прошествіи нѣсколькихъ дней они не оставили отъ этого города даже самого имени его, и взяли въ немъ обильную добычу и издали повелѣніе: отрубать у жителей его правыя уши, причемъ насчитано было 270 тысячъ ушей. Оттуда царевичи порѣшили вернуться.

в) Повѣствованіе о племенахъ Наларъ (вар. Келардъ) и Башгирдъ.

(По лейденскому изданію 1912 стр. 225).

Когда и Русь, и Кыпчакъ, и Аланъ перестали самостоятельно существовать, остались еще многолюдныя племена Келаръ и Башгирдъ, по вѣроисповѣданію христіане; говорятъ также про нихъ, что они сосѣдять съ Франками.

Бату укрѣпился въ намѣреніи истребить ихъ и съ этой цѣлью собралъ войско. Когда наступилъ новый годъ, онъ отправился. Племена эти гордились своей численностью, мужественною отвагой и крѣпостью вооруженія. Когда прошелъ слухъ о походѣ Бату, они выступили ему на встрѣчу. Ихъ было 400 тысячъ всадниковъ, изъ которыхъ каждый былъ славенъ на войнѣ и бѣгство почиталъ за позоръ. Бату послалъ передъ собою по дорогѣ, въ качествѣ лазутчиковъ и развѣдчиковъ, своего брата Шибкана съ 10 тысячами воиновъ, чтобы они высмотрѣли число враговъ и извѣстили его о ихъ могуществѣ и силѣ.

Согласно этому повелѣнію, Шибканъ отправился и вернулся черезъ недѣлю. Онъ сообщалъ, что враги вдвое превосходятъ войско монголовъ и что все они люди свирѣпыя и отважныя.

Когда войска приблизились другъ къ другу, Бату взѣхалъ на холмъ и тамъ, цѣлыя сутки ни съ кѣмъ не говоря ни слова, молился и рыдалъ, и приказалъ также мусульманамъ, чтобы они собрались вмѣстѣ и молились. На другой день приготовились къ битвѣ, а посреди, (между войсками), была большая рѣка. Ночью Бату послалъ отрядъ войска, и этотъ отрядъ его перешелъ съ этой стороны (черезъ рѣку). И Шибканъ, братъ Бату, самъ вступилъ въ бой и много разъ кидался на врага, но войско враговъ надѣялось на свою силу и не дрогнуло. Зашелъ имъ въ тылъ отрядъ войска, и Шибканъ сразу ударилъ на нихъ со всеми своими силами и направился къ ихъ ставкѣ. Разрубили мечемъ веревки палатки, и, когда свалили ставки, войско Келара пришло въ отчаяніе и обратилось въ бѣгство, и мало кто спасся изъ этого войска.

И страна эта также была покорена, и это одно изъ многихъ великихъ дѣланій и трудныхъ сраженій.

II.

Описаніе рукописи «Восхожденіе двухъ счастливыхъ свѣтилъ» хератскаго историка Абдерреззана Самаркандскаго XV в., принадлежащей Лазаревскому Институту Восточныхъ языковъ.

«Восхожденіе двухъ счастливыхъ свѣтилъ» «مطلع السعدين» хератскаго историка Абдерреззана Самаркандскаго (род. 1413, ум. 1482)¹⁾, который былъ придворнымъ у тимурова сына Шахроха и его преемниковъ, распадается на двѣ части. Первая — не самостоятельна; напротивъ вторая, посвященная Шахроху и его хератскимъ преемни-

¹⁾ Биографическія свѣдѣнія объ Абдерреззакѣ см. ниже, въ общемъ очеркѣ исторіографіи, стр. 50-54.

камъ, оказывается — въ значительной степени—принадлежащей самому Абдерреззаку (только начальные годы Шахрохова царствованія переписаны Абдерреззакомъ изъ Хафиз-и Эбру).

Библиотека Специальныхъ Классовъ Лазаревского Института Восточныхъ языковъ, обладаетъ подъ № 313 (печ. кат.) спискомъ именно второй части, начинающейся Шахрохомъ. Для печатнаго изданія «مطلع السعدين», которое несомнѣнно стоитъ на очереди, рукопись Лазаревского Института можетъ послужить подспорьемъ. Она старинна. Возможно, что принадлежитъ она (судя по почерку) еще къ XV вѣку, или началу XVI-го. Нѣсколькихъ листовъ въ началѣ и нѣсколько листовъ въ концѣ рукописи недостаетъ: они утерялись; естественно, рукопись начата пагинаціею съ того листа, какой сохранился; первое же сохранившееся заглавіе начинается съ 3-го листа. При переплетѣ нѣкоторые листы попали, повидимому, не на свое мѣсто; я, разумѣется, принужденъ давать описаніе рукописи въ порядкѣ пагинаціи переплетенныхъ листовъ.

При случаѣ замѣчу, что въ печатающееся новое изданіе моихъ «образцовъ персидской письменности» (въ «Трудахъ по востоковѣдѣнію» Лазаревского Института) войдутъ нѣкоторыя главы изъ Абдерреззака по тексту нижеописываемой рукописи.

Приступаю къ описанію.

(Description du manuscrit № 313 appartenant à la bibliothèque de l'Institut Lazarev des langues orientales à Moscou):

ذکر توجه حضرت خاقان سعید بجانب ما وراء النهر ومرمت شهر هراته وباقي قضایا
Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Мавераннахръ, возстановленіе города Херата и остальные событія. f 3.

ذکر جلوس حضرت خاقان سعید معین السلطنة والدين ميرزا شهرخ بر سریر سلطنت
Восшествіе на царскій престолъ Хакана Блаженнаго, покровителя царства и вѣры, Мирзы Шахроха. f 4.

ذکر عصیان جهانشاه چاکو و کشته شدن او
Возстаніе Джеханъ-шаха и убіеніе его. f 5.

ذکر فرزندان میرزا عمر شیخ و میرزا پیر محمد و میرزا رستم و میرزا اسکندر و میرزا بایقرا
О дѣтяхъ Мирзы Омара-Шейха, Мирзы Пиръ-Мохаммеда, Мирзы Рустема, Мирзы Искендера и Мирзы Бейкары. 5 v.

ذکر یاغی شدن خواجه سلطان علی سبزواری و شرح آن
Возстаніе Хаджи-Султана Али-Сабзевари и подробности его. f 6.
ذکر احوال میرزا میران شاه گورگان و فرزندان او میرزا ابابکر و میرزا عمر
О Мирзѣ Миранъ-Шахъ-Гурганъ и о дѣтяхъ его Мирзѣ Аба-Бекрѣ и Мирзѣ Омарѣ. 6 v.

تشبیب سخن و توصیف تالیف
Восхваленіе рѣчи и изложеніе сочиненія. f 7.

ذکر فرزندان میرزا جهانگیر بن حضرت صاحب قران بعد از واقعه هایله
О дѣтяхъ Мирзы Джеханъ-гира, сына Владыки Счастья, послѣ страшнаго событія. 9 v.

وقایع سنه ثمان وثمانمایه و تتمه (؟) حکایات که در خراسان واقع شد
 Событія 808-го [=1405] года и продолженіе (?) разсказовъ о томъ,
 что произошло въ Хорасанѣ. 9 v—f 10.

ذکر حکایات که در عراق و آذربایجان واقع شد
 Разсказъ о томъ, что произошло въ Иракѣ и Азербейджанѣ. 10 v.
 ذکر احوال مظفرالدین میرزا ابابکر وجلوس او باستقلال بر تخت سلطنت
 О Музаффер - эд - динѣ Мирзѣ Аба - Бекрѣ и о воцареніи
 его. f 12.

ذکر رسیدن میرزا ابابکر بدار الملك شیراز
 О прибытіи Мирзы Аба-Бекра въ Ширазъ. f 12.
 ذکر رفتن میرزا عمر بطرف عراق و فارس و باتفاق میرزا پیر محمد و برادران بمحاربه آمدن
 Отъѣздъ Мирзы Омара въ Иракъ и Фарсъ и начало войны съ
 Мирзою Пиръ-Мохаммедомъ и братьями. 12 v.

ذکر قضایا که در خراسان واقع شد و قتل امیرزاد سلطان حسین
 Событія, которыя произошли въ Хорасанѣ, и убіеніе царевича
 Султана Хосейна. 13 v.

ذکر یاغی شدن امیر سلیمان شاه و سائر قضایا که در خراسان واقع شد
 Возстаніе Эмира Сулейманъ-Шаха и иныя событія, произошедшія
 въ Хорасанѣ. 14 v.

ذکر عزیمت میرزا الغ بیک بجانب اندخود و شیرغان و شرح بقایای قضایای خراسان
 Отъѣздъ Мирзы Улугъ-Бека въ Эндходъ и Шеберганъ и подроб-
 ности остальныхъ событій въ Хорасанѣ. 15 v.

ذکر محاربه میرزا پیرمحمد جهانگیر و میرزا خلیل سلطان
 Война Мирзы Пиръ-Мохаммеда Джеханъ-гира и Мирзы Халиль-
 Султана. f 16.

ذکر مخالفت امیر سید خواجه بن امیر شیخ علی بهادر
 О сопротивленіи Эмира Сеида-хаджи, сына Эмира Шейха Али-
 Бохадора. f 17.

وقایع سنه تسع وثمانمایه ذکر نهضت حضرت خاقان سعید بجانب طوس و مشهد مقدس
 Событія 809-го (=1406) года. Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ
 Тусъ и Мешхедъ. 17 v.

ذکر شکار فرمودن حضرت خاقان در بیلاق سملقان
 Охота Хакана Блаженнаго въ лѣтнемъ мѣстопребываніи Семельканѣ. f 19.

ذکر رسیدن میرزا عمر بهادر بخدمت حضرت خاقان سعید

Прибытіе Мирзы Омара-Бохадора къ Хакану Блаженному. f 19.

ذکر محاربه که در مازندران واقع شد وانہزام پیر پادشاہ وامیر سعید خواجہ

О войнѣ въ Мазандеранѣ и пораженіи Пиръ-Падишаха и Эмира Сеида-Хаджи. 19 v.

ذکر تفویض ممالک مازندران بجانب میرزا عمر بهادر و ولایات خراسان بمیرزا الغ بیک

Объ отдачѣ Мазендерана Мирзѣ Омару-Бохадору и Хорасана Мирзѣ Улугъ-Беку. 20 v.

ذکر شہادت میرزا جهانگیر بر دست پیر علی تاز لعین

Мученическая кончина Мирзы Пиръ-Мохаммеда, сына Мирзы Джеханъ-гира, отъ руки Пиръ-Али-Таза Проклятаго. f 22.

ذکر مخالفت میرزا عمر بهادر ابن میرزا امیرانشاہ گورگان

О сопротивленіи Мирзы Омара-Бохадора, сына Мирзы Эмиранъ-Шаха-Гургана. 22 v.

ذکر رفتن امرا بجانب غور و آوردن میرزا عمر از طرف مرغاب

Отъѣздъ эмировъ въ Гуръ и приведеніе Мирзы Омара изъ Мургаба. f 22.

ذکر واقعات ممالک آذربایجان

О случившемся въ Азербейджанѣ. f 23.

ذکر عصیان بیان قوجین وقتل او وبائی قضایا

Возстаніе Бейнъ-Кучина, убіеніе его и остальные событія. f 24.

ذکر مخالفت که میان فرزندان میرزا عمر شیخ واقع شد

О раздорахъ, которые произошли среди дѣтей Мирзы Омара-Шейха. 24 v.

وقایع سنہ عشر وثمانمایہ ذکر توجه حضرت خاقان سعید بجانب بلخ

Событія 810-го (=1407) года. Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Бельхъ. 25 v.

ذکر عزیمت حضرت خاقان سعید بجانب مازندران کرّت ثانی

Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Мазандеранъ во второй разъ. 26 v.

ذکر عصیان امیر جهانمملک و جمعی که با او موافق بودند و مآل حال ایشان

О возстаніи эмира Джеханъ-Мелека, о всѣхъ, кто къ нему присоединился, и о концѣ ихъ дѣла. f 27.

ذکر آمدن پیر علی تاز بحدود بلخ و قتل او

Прибытіе Пирь-Али-Таза въ предѣлы Бельха и убіеніе его.
27 v.

حکایات ممالک فارس و بلاد عراق عجم

Разсказъ о Фарсѣ и Персидскомъ Иракѣ. f 28.

ذکر محاربه میرزا ابا بکر و امیر قرا یوسف و کشته شدن معزالدین میرزا میرانشاه گورگان

Война Мирзы Аба-Бекра и эмира Кара-Юсофа и смерть Моиззъ-эд-дина Мирзы Миранъ-Шаха-Гургана. 28 v.

حکایت سلطان احمد بغداد

Разсказъ о Султанѣ Ахмедѣ въ Багдадѣ. 29 v.

وقایع سنه احدی و عشر و ثمانمایه و جشن سنت ختان شاهزادگان

Событія 811-го (=1408) года и празднованіе обряда обрѣзанія царевичей. f 30.

ذکر احوال میرزا ابابکر بعد از واقعه میرزا میرانشاه

Положеніе Мирзы Аба-Бекра послѣ того, что случилось съ Мирзою Миранъ-Шахомъ. 30 v.

ذکر عزیمت خاقان سعید بجانب سیستان

Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Систанъ. f. 31.

ذکر آمدن ایلچیان خطای کرت اول

Прибытіе Китайскихъ пословъ въ первый разъ. 32 v.

ذکر عزیمت ییلاق بادغیس و از آنجا عزم ما وراء النهر

Отъѣздъ въ лѣтнее мѣстопробываніе Бадгисъ, а оттуда въ Мавераннахръ. f 33.

ذکر احوال مملکت ما وراء النهر در این سال

Положеніе Мавераннахра въ тотъ годъ. f 33.

ذکر قضایای فارس و عراق در این سال

Событія того года въ Фарсѣ и Иракѣ. f 34.

تتمه قضایای فارس و عراق و احوال میرزا اسکندر

Продолженіе о событіяхъ въ Фарсѣ и Иракѣ и положеніе Мирзы Искендера. f 34.

ذکر احوال سلطان احمد و قضایای (نی) که در بغداد و خوزستان واقع شد

Положеніе Султана Ахмеда и событія, которыя произошли въ Багдадѣ и Хузистанѣ. f 35.

مخالفت سلطان علاء الدوله با پدرش

Сопротивленіе Султана Ала-уд-доула отцу. 35 в.

وقایع سنه اثنی عشر وثمانمایه وبقیه حکایات ما وراء النهر

Событія 812-го (=1409) года и остальные событія въ Мавераннахрѣ. 35 в.

ذکر عزیمت حضرت خاقان بجانب مغولستان وکشته شدن امیر خدایداد

Отъѣздъ Хакана въ Монголію и убіеніе Эмира Ходайдада.

ذکر تفویض مملکت اورجند بمیرزا میرک احمد میرزا عمر شیخ

Объ отдачи Урдженда Мирзѣ Мирекъ-Ахмеду, сыну Мирзы Омара-Шейха. 36 в.

ذکر آمدن میرزا خلیل سلطان پیش حضرت خاقان سعید

Прибытіе Мирзы Халиль-Султана къ Хакану Блаженному. 36 в.

ذکر عنایت فرمودن مملکت ما وراء النهر و ترکستان بمیرزا الغ بیک گورگان

Пожалованіе Мавераннахра и Туркестана Мирзѣ Улугъ-Беку Гургану. 37 в.

ذکر تفویض ولایت حصار شادمان بمیرزا محمد جهانگیر میرزا محمد سلطان

Отдача области Хесар-э-Шадеманъ Мирзѣ Мохаммеду Джехангиру, сыну Мирзы Мохаммеда Султана. f 38.

ذکر سیورغال فرمودن ولایت قندهار و کابل بمیرزا قیدو بهادر

Пожалованіе въ удѣль области Кандахара и Кабула Мирзѣ Кайду-Бохадору. f 38.

ذکر تفویض ممالک بلخ ومضافات آن بجانب میرزا ابراهیم سلطان بهادر

Отдача Бельха съ его областями Мирзѣ Ибрагиму Султану Бохадору. f 38.

ذکر کشته شدن سلطان علی پیر پادشاه بن لقمان پادشاه بن طغایمور

Убіеніе Султана Али Пиръ-Падишаха, сына Локмана Падишаха, сына Тога-Тимура. 38 в.

ذکر آمدن امیر سید علی از ساری وباز بدان ولایت فرستادن

Прибытіе Эмира Сеида-Али изъ Сары и вторичное его отправленіе въ эту область. 38 в.

ذکر آمدن ایلیچیان (و) سرداران از اطراف به تهنیت فتح ممالک ما وراء النهر

Прибытіе пословъ и вельможъ со всѣхъ сторонъ съ поздравленіемъ по случаю покоренія Мавераннахра. f 39.

- ذکر فرستادن شیخ زین الدین الحوائی بجانب ولایت سیستان
Отправление Шейха Зейн-эд-дина аль-Хавафи въ Систанъ. 39 v.
- ذکر آبادان گردانیدن شهر مرو
Отстройка города Мерва. f 40.
- ذکر وقایع ممالک فارس و عراق و شهادت میرزا پیر محمد و جلوس میرزا اسکندر
Событія въ Фарсѣ и Иракѣ, мученическая кончина Мирзы Пирь-Мохаммеда и восшествіе на престоль Мирзы Искендера. 40 v.
- ذکر سلطان معتصم
О Султанѣ Мотасымѣ. f 41.
- ذکر فرستادن میرزا خلیل سلطان بجانب عراق و آذربایجان
Отправление Мирзы Халиль-Султана въ Иракъ и Азербейджанъ. f 42.
- ذکر وقایع عراق عرب و عجم و احوال سلطان احمد
Событія въ Иракѣ Арабскомъ и Персидскомъ и положеніе Султана Ахмеда. f 42.
- ذکر احوال آذربایجان و امیر قرا یوسف
О положеніи Азербейджана и объ Эмирѣ Кара-Юсуфѣ. 42 v.
- وقایع سنه ثلاث عشر وثمانمائه و نهضت پادشاه بر جیس قدر بهرام قهر بولایت ما وراء النهر
Событія 813-го (= 1410) года и отбытіе Падишаха, величественнаго какъ Борджисъ (Юпитеръ) и могущественнаго какъ Бехрамъ (Марсъ), въ Мавераннахрѣ. f 43.
- ذکر آمدن ایلچیان اطراف چون موکب همایون در مستقر دولت آرام گرفت
О прибытіи пословъ со всѣхъ сторонъ, когда царскій поѣздъ остановился въ столицѣ государства. 44 v.
- ذکر آمدن مودود گرمسیری و پیرک بدرگاه عالمپناه
Прибытіе Мавдуда Гермесири и Пирека въ царскій дворець. f 45.
- ذکر عمارت خانقاه حضرت خاقان سعید که باتمام رسید
Постройка обители Хакана Блаженнаго и завершеніе ея. f 45.
- وضع مدرسه و خانقاه معارف پناه
Мѣстоположеніе медресе и обители. 47 v.
- ذکر چارباغ سفید و بنیاد کوشک
Описаніе бѣлаго царскаго сада и зданія дворца. f 46.
- ذکر نهضت همایون بجانب قشلاق بادغیس و آمدن ایلچیان
Высочайшій отъѣздъ въ зимнее мѣстопребываніе Бадгисъ и прибытіе пословъ. 46 v.

ذکر قضایا که در عراق عجم واقع شد

Событія, произошедшія въ Иракѣ Персидскомъ. 46 v.

ذکر آمدن سلطان احمد به تبریز وقتل او بفرمان امیر قرا یوسف ابن ترکمان

Прибытіе Султана Ахмеда въ Тавризь и убіеніе его по приказанію эмира Кара-Юсуфа, сына Торкемана. 47 v.

وقایع سنه اربع عشر وثمانمائه وقضایا که در خراسان واقع شد

Событія 813-го (=1411) года и событія, происшедшія въ Хорасанѣ. f 48.

ذکر یاغی شدن امیر شیخ نورالدین بار دوم

Вторичное возстаніе Эмира Шейха Нур-эд-дина. 48 v.

ذکر توجه حضرت خاقان سعید بجانب ما وراء النهر

Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Мавераннахрѣ. f 49.

شرح قتل امیر شیخ نورالدین به تدبیر میرشاه ملک بردست هرقدان

Подробности убіенія Эмира Шейха Нур-эд-дина, по наущенію Миръ-Шаха Меліка отъ руки Харкадана. 49 v.

آمدن ایلچیان خطای وچین وماچین

Прибытіе пословъ Сѣвернаго и Восточнаго Китая. f 51.

صورت مکتوب پادشاه خطای

Содержаніе письма Китайскаго царя. f 51.

ذکر آمدن ملک قطب الدین از سیستان

Прибытіе царя Котб-эд-дина изъ Систана. 51 v

روان کردن ایلچیان خطا

Отпускъ Китайскихъ пословъ. 51 v.

صورت مکتوب فارسی بجانب خطا

Содержаніе персидскаго письма въ Китай. 52 v.

ذکر شاهان بدخشان ورفتن ایلچی بجانب ایشان

О шахахъ Бедехшана и объ отправленіи посла къ нимъ. f 53.

ذکر احوال ولایت خوارزم که در این سال هشتصد و پانزده داخل دیوان اعلى شد

Положеніе Харезма (Хивы), которая въ тотъ 815-й (=1412) годъ вступила подъ высокую царскую власть. 53 v.

ذکر مخالفت میرزا اسکندر و اظهار یاغیگری

Сопротивленіе Мирзы Искандера и обнаруженіе непокорности. f 55.

ذکر ایلچی فرستادن میرزا اسکندر باطراف و اظهار مخالفت

Отправление Мирзою Искендеромъ пословъ въ разныя стороны и обнаруженіе непокорности. 55 v.

ذکر احوال عراقین و آذربایجان و توجه میرزا اسکندر بعزم رزم و برگشتن

Положеніе въ обоихъ Иракахъ и Азербейджанѣ, отъѣздъ Мирзы Искендера для сраженія и возвращеніе его. f 56.

وقایع سنه سبع و عشر ذکر فرستادن میرزا بایسنقر از مازندران بخراسان

Событія 17-го года (817=1414). Отправление Мирзы Байсонгора изъ Мазандерана въ Хорасанъ. 56 v.

ذکر تمرّد سید علی کیا از ولایت ساری

О непокорности Сеида Али-Кія изъ области Сары. f 57.

ذکر قضایای ولایت ما وراء النهر

Событія въ Мавераннахрѣ. f 57.

ذکر عزیمت حضرت خاقان سعید بجانب عراق و فارس

Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Иракъ и Фарсъ. 57 v.

ذکر شکار صحرای ساوه

Охота въ степи Савэ. 58 v.

ذکر رسیدن موکب ظفر نشان بصحرای اصفاهان

Прибытіе побѣдоноснаго царскаго поѣзда въ степь Исфahanскую. 58 v.

ذکر فتح دار الملك شیراز و شرح آن

Взятіе Шираза и подробности его. 59 v.

ذکر فرستادن مولانا غیاث الدین قاضی باصفاهان

Отправление мовла-на Гіяс-эд-дина Казы въ Исфahanъ. 59 v.

ذکر فتح اصفاهان

Взятіе Исфahана. f 60.

ذکر حالاتی که بعد از فتح اصفاهان واقع شد

Событія, которыя произошли послѣ покоренія Исфahана. f 61.

تفویض ایالت اصفاهان بمیرزا رستم

Отдача области Исфahanской Мирзѣ Рустему. f 61.

تفویض مملکت همدان و لرستان بمیرزا ابابکر

Отдача Хамадана и Луристана Мирзѣ Аба-Бекру. f 61.

ذکر نهضت موکب همايون بدار الملك شیراز

Отъѣздъ царскаго поѣзда въ Ширазъ. 61 v.

- ذکر سیورغال فرمودن مملکت شیراز بمیرزا ابراهیم سلطان
 Пожалованіе Шираза въ удѣль Мирзѣ Ибрагиму Султану. 61 v.
 معاودت خاقان عالم ستان بجانب خراسان وآمدن میرزا الغ بیک
 Возвращеніе Хакана Покорителя Міра въ Хорасанъ и прибытіе
 Мирзы Улугъ-Бека. f 62.
 ذکر ولایتی کہ حضرت خاقان سعید بمیرزا بایسنغر شفقت فرمود
 Области, которыя Хаканъ Блаженный пожаловалъ Мирзѣ Байсон-
 гору. 62 v.
 وقایع سنه ثمان عشر ونهضت خاقان سعید بسرخس ورفتن میرزا بایسنغر بمشهد مقدس
 Событія 18-го года (818=1415). Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ
 Серехсъ и отъѣздъ Мирзы Байсонгора въ Мешхедъ. 63 v.
 ذکر بناء قلعه دار السلطنه هراة
 Основаніе замка въ Хератѣ. f 64.
 فرستادن استمالت نامه بجانب میرزا میرک احمد میرزا عمر شیخ
 Отсылка благосклоннаго письма къ Мирзѣ Миреку, сыну Мирзы
 Омэра Шейха. f 64.
 ذکر آمدن ایلیچی امیر قرا یوسف وخبر فوت میرزا ایجل
 Прибытіе посла эмира Кара-Юсофа съ извѣстіемъ о кончинѣ
 Мирзы Иджеля. f 65.
 ذکر رفتن امیر سعد وقاص پیش امیر قرا یوسف
 Отъѣздъ эмира Сада-Ваккаса къ эмиру Кара-Юсуфу. f 65.
 ذکر یاغی شدن میرزا بایقرا وقتل میرزا اسکندر بفرموده برادر او میرزا رستم
 Возстаніе Мирзы-Бейкара и убіеніе его по приказанію брата его,
 Мирзы Рустема. 65 v.
 ذکر عزیمت خاقان سعید بجانب فارس بار دوم
 Вторичный отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Фарсъ. 66 v.
 ذکر حالاتی کہ بعد از واقعه میرزا بایقرا واقع شد
 О дѣлахъ, которыя случились послѣ событія съ Мирзою Бей-
 карá. f 67.
 ذکر سیورغال فرمودن بعض ممالک عراق بجانب امیر الیاس خواجه
 Пожалованіе въ удѣль нѣкоторыхъ земель Ирака эмиру Эліасу
 Хаджѣ. 67 v.
 ذکر نهضت خاقان سعید بطرف کرمان
 Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Керманъ. f 68.

وقایع (سنه) تسع عشر ومعاودت از کرمان بخراسان

Событія 19-го года (819=1416) и возвращеніе изъ Кермана въ Хорасанъ. 68 v.

ذکر میرزا میرک احمد وایلنگیز وتدبیر فاسد ایشان

О Мирзѣ Мирекъ-Ахмедѣ и Иленгизѣ и ихъ худыхъ поступкахъ. f 69.

ذکر جلوس شاه زان میرزا بایسنغر بر مسند دیوان اعلی

Занятіе царевичемъ Мирзою Байсонгоромъ поста «высокаго Дивана» (министра финансовъ). f 69.

آمدن امیر شمس الدین بمی (یمی ؟)

Прибытіе эмира Шемс-эд-дина Беми (Еми?). 69 v.

ذکر قضایای ممالک ما وراء النهر

Событія въ Мавераннахрѣ. f 70.

ذکر مخالفت نوکران میرزا قیدو با او

Непокорность слугъ Мирзы - Кайду. 70 v.

فرستادن میرزا سیورغمش بطرف بدخشان

Отправленіе Мирзы Союргатмыша въ Бедехшанъ. f 71.

وقایع سنه عشرين وثمانمایه وولادت میرزا اعتبار الدوله

Событія 820-го (=1417) года и рожденіе Мирзы Итибар-эд-доула. f 71.

احوال امیر سید فخر الدین وزر و مال وجلال او

Положеніе Эмира Сеида Фахр-эд-дина, его богатства и великолѣпіе. 71 v.

ذکر آمدن میرزا الغ بیک بخراسان وشرح قضایای ما وراء النهر

Прибытіе Мирзы Улугъ-Бека въ Хорасанъ и подробности событій въ Мавераннахрѣ. 72 v.

ذکر آمدن ایلچیان خطا وفرستادن امیر اردشیر تواجی را همراه ایشان

Прибытіе пословъ изъ Китая и отправленіе вмѣстѣ съ ними эмира Ардешира Теваджи. f 73.

ذکر نهضت رایت نصرت آیت بجانب قندهار واسباب آن

Отбытіе побѣдоносныхъ знаменъ въ Кандахаръ и причины того. f 73.

ذکر آسیبی که بدست حضرت خاقان سعید رسید

О поврежденіи руки Хакана Блаженнаго. f 74.

تفویض وزارت

Назначеніе везиря. 74 v.

ذکر رسیدن سلطان آفاق بیورت قشلاق و آمدن اخبار از اطراف و مراجعت بمستقر دولت

Прибытіе Султана Міра въ зимнее мѣстопробываніе, полученіе извѣстій съ разныхъ сторонъ и возвращеніе въ столицу. f 75.

وقایع (سنه) احدى عشر (= احدى وعشرين؟) واجازت ایلچیان آذربایجان و خبر فوت میرزا سعد وقاص

Событія II-года (8II? надо: 82I=I4I8). Отпускъ пословъ Азербейджанскихъ и извѣстіе о кончинѣ Мирзы Сада Ваккаса. 75 v.

فرستادن امرا بتسخیر ولایت بدخشان

Отправленіе эмировъ для покоренія области Бедехшана. 75 v.

ذکر عصیان میرزا قیدو و گرفتار شدن و قید او

Возстаніе Мирзы-Кайду, его плѣненіе и закованіе. f 76.

ذکر ولایات که بشاه زاد سیورغتمش مقرر شد

Объ областяхъ, пожалованныхъ царевичу Союргатмышу. f 77.

عزیمت خاقان سعید بجانب مشهد مقدس

Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Мешхедъ. 77 v.

ذکر احوال ولایت ما ورا النهر در این سال

Положеніе Мавераннахра въ тотъ годъ. 77 v.

وقایع سنه اثنی وعشرين وثمانمایه و آمدن ایلچیان خطای

Событія 822-го (=1419) года. Прибытіе пословъ изъ Китая. f 78.

صورت مکتوب خطائیان بلا تغییر

Подлинное письмо Китайцевъ. 78 v.

ذکر ترویج میرزا محمد جوکی (با) مهر نگار اقا دختر پاد (شاه) مغولستان

Бракъ Мирзы Мохаммеда Джуки съ Мехрь-Негаръ-Агой, дочерью государя Монгольскаго. f 79.

احوال مملکت ما ورا النهر در این سال

Положеніе Мавераннахра въ тотъ годъ. 79 v.

ذکر احوال فارس و عراق و آذربایجان در این سال

Положеніе Фарса, Ирака и Азербейджана въ тотъ годъ. 80 v.

وقایع سنه ثلاث وعشرين و رفتن حضرت خاقان بجانب مرو

Событія 23-го года (823=I420). Отъѣздъ Хакана въ Мервь

80 v.

ذکر یورش عراق و آذربایجان و فتح آن مملکت

Походъ на Иракъ и Азербейджанъ и покореніе этой страны. 80 v.

ذکر وفات امیر قرا یوسف و رسیدن آن خبر بخاقان سعید

Кончина эмира Кара-Юсуфа и полученіе Хаканомъ Блаженнымъ извѣстія о ней. f 83.

ذکر احوال امیر قرا یوسف

Объ эмирѣ Кара-Юсуфѣ. 83 v.

ذکر رسیدن شاه زان اعظم میرزا بایسنغر بجانب تبریز

Прибытіе великаго царевича Мирзы Байсонгора въ Тебризъ. f 84.

ذکر عزیمت میرزا بایسنغر بقلمه گاورود و آوردن امیر بابا حاجی

Отъѣздъ Мирзы Байсонгора въ замокъ Гаврудъ и приведеніе эмира Баба-Хаджи. 84 v.

ذکر حالات مملکت ما وراء النهر در این سال

Положеніе Мавераннахра въ тотъ годъ. f 85.

ذکر عمارات عالی دار السلطنه سمرقند

О постройкахъ столицы Самарканда. f 85.

تتمه قضایای ما وراء النهر و توجه مهد علیا گوهر شاد آقا بجانب سمرقند

Продолженіе о событіяхъ въ Мавераннахрѣ и отъѣздъ ея величества Говхеръ-Шадъ-Аги въ Самаркандъ. 86 v.

ذکر ولادت شاه زان عبدالله میرزا الع بیک

Рожденіе царевича Абдуллы, сына Мирзы Улугъ-Бека. 86 v.

وقایع سنه اربع و عشرين و قشلاق در قراباغ و باقی حکایات

Событія 24-го года (824=1421). Зимнее мѣстопробываніе въ Кара-Багъ и прочее. f 87.

ذکر شکار کردن

Охота. f 88.

ذکر مخالفت نصرالله صحرائی و گرفتار شدن او

О сопротивленіи Наср-ул-Лаха Сахраи и плѣненіи его. f 88.

ذکر نهضت سلطان آفاق از یورش قشلاق و تتمه قضایای آنجا

Отъѣздъ Султана Міра изъ Юрюшъ-Кышлака и продолженіе о тамошнихъ событіяхъ. 88 v.

ذکر تزویج دختر میرزا ابا بکر با امیر خلیل الله شیروانی

Бракъ дочери Мирзы Аба-Бекра съ Эмиромъ Халиль-уль-Лахамъ Ширвани. 88 v.

ذکر عصیان امیر احمد قرامان و گرفتاری او و فتح قلعه اسفرزن
 Возстаніе эмира Ахмеда Карамана, плѣненіе его и взятіе замка
 Исфарзана. 88 v.

ذکر فتح قلعه بایزید و شرح آن
 Взятіе замка Байезида и подробности этого. 89 v.

ذکر اجازت فرمودن امرا و آمدن امیر قرا عثمان
 О допущеніи эмировъ и о прибытіи эмира Кара-Османа. f 90.
 ذکر مشورت فرمودن در باب اولاد امیر قرا عثمان و رخصت امراء اطراف
 Совѣщаніе о дѣтяхъ Миръ-Кара-Османа и объ отпускѣ эмировъ. f 90.
 ذکر محاربه حضرت خاقان سعید با اولاد امیر قرا یوسف و انہزام ایشان
 Война Хакана Блаженнаго съ дѣтьми эмира Кара-Юсуфа и по-
 раженіе ихъ. 90 v.

ذکر معاودت از مملکت آذربایجان بولایت
 Возвращеніе изъ Азербейджана въ свою страну. 92 v.
 ذکر قضایا کہ بعد از استقرار در دارالسلطنہ ہرآہ ظہور یافت
 О событіяхъ, которыя обнаружались послѣ утвержденія въ столицѣ
 Хератѣ. f 93.

ذکر قضایای ما وراء النہر و ولادت میرزا عبداللہ
 Событія въ Мавераннахрѣ и рожденіе Мирзы Абдуллы. f 93.
 ذکر لشکر کشیدن میرزا ابراہیم سلطان بجانب خوزستان
 Походъ Мирзы Ибрагима Султана въ Хузистанъ. 93 v.
 ذکر آمدن پادشاہ بدخشان بدرگاہ عالمپناہ
 Прибытіе государя Бедехшана въ царскій дворець. f 94.
 ذکر نہضت موکب ہمایون بزاوہ و محولات و رفتن میرزا بایسنغر بشہر طوس
 Отбытіе августѣйшаго поѣзда въ Завэ и Махвелатъ и отъѣздъ Мирзы
 Байсонгора въ городъ Тусъ. f. 94.

آمدن میرزا الغ بیک بخراسان
 Прибытіе Мирзы Улугъ-Бека въ Хорасанъ. f 94.
 ذکر ولادت ابو القاسم بابر ابن میرزا بایسنغر
 Рожденіе Абу-ль-Касыма Бабора, сына Мирзы Байсонгора. 94 v.
 ذکر ولادت میرزا محمد قاسم میرزا محمد جوکی
 Рожденіе Мирзы Мохаммеда-Касыма, сына Мирзы Мохаммеда
 Джуки. 94 v.

ذکر آمدن ایلچیان که بمملکت خطا رفته بودند و شرح عجایب و غرایب آن دیار
 Прибытіе пословъ, которые ходили въ Китай, и описаніе чудес-
 наго и страннаго тѣхъ странъ. 94 v.

تمه قضایای هشتصد و بیست و پنج و عزیمت خاقان سعید بجانب فراه
 Продолженіе событій 825-го (=1422) года и отъѣздъ Хакана Бла-
 женнаго въ Ферахъ (?). f 103.

وقایع سنه ست و عشرين و عزیمت خاقان بجانب سرخس و نهضت میرزا بایسنغر بطرف مشهد
 Событія 26-го года (826=1423). Отъѣздъ Хакана въ Серехсъ и
 Мирзы Байсонгора въ Мешхедъ. 103 v.

از مشهد مقدس
 وقایع سنه سبع و عشرين و معاودت خاقان سعید از بادغیس و آمدن میرزا بایسنغر

Событія 27-го года (827=1424). Возвращеніе Хакана Блажен-
 наго изъ Бадгиса и прибытіе Мирзы Байсонгора изъ Мешхеда. f 104.

ذکر احوال ما ورا' النهر و سبب رفتن میرزا الغ بیک بمغولستان
 Положеніе Мавераннахра и причина отъѣзда Мирзы Улугъ-бека
 въ Могулистанъ. 104 v.

وقایع سنه ثمان و عشرين و ثمانمایه و رفتن میرزا الغ بیک بمغولستان
 Событія 828-го (= 1425) года и отъѣздъ Мирзы Улугъ-бека въ
 Могулистанъ. 104 v.

تمه احوال سنه ۸۲۸

Продолженіе событій 828-го (=1425) года. f 106.

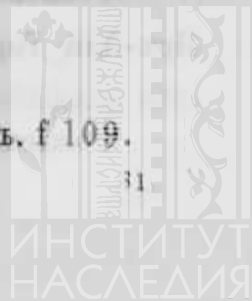
وقایع سنه ست (تسع؟) و عشرين و عمارت مزار کارزگاه
 Событія 26-го года (826?. Надо: 829=1426). Построеніе свя-
 лица Карезгаха. f 107.

وقایع (سنه) ثمانین (ثلاثین؟) و ثمانمایه و فوت شاه زاده سیورغمش
 Событія 880-го года. (Надо: 830=1427). Кончина царевича Союр-
 гатмыша. 108 v.

ذکر قضایای ما ورا' النهر و عزیمت میرزا الغ بیک بطرف سقناق جهة یاغی شدن
 براق اغلان و آمدن میرزا جوکی از خراسان

Событія въ Мавераннахрѣ. Отъѣздъ Мирзы Улугъ-бека въ Сыг-
 такъ. Причина возстанія Бракъ-Оглана и прибытіе Мирзы Джуки изъ
 Хорасана. 108 v.

ذکر محاربه میرزا الغ بیک گورگان با براق اغلان
 Война Мирзы Улугъ-бека Гургана съ Бракъ-Огланомъ. f 109.

- عزيمت حضرت خاقان سعيد بجانب مملكت ما وراء النهر
 Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Мавераннахрѣ. f 111.
- وقايع سنه احدى وثلاثين ومعاودت از ما وراء النهر
 Событія 31-го года (831=1427-1428). Возвращеніе изъ Мавераннахра. 111 v.
- ولادت ميرزا ابا بكر ميرزا محمد جوکی
 Рожденіе Мирзы Аба-Бекра, сына Мирзы Мохаммеда Джуки. 111 v.
- وقايع سنه اثنين وثلاثين وعزيمت حضرت خاقان سعيد به آذربايجان
 Событія 32-го года (832=1428-1429). Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Азербейджанѣ. f 112.
- ذکر وصول موکب فلک اساس بظاهر سلماس و محاربه باشاه ترکمان وانهزام ایشان
 Прибытіе высочайшаго поѣзда къ Сельмасу; сраженіе съ государемъ Туркменовъ и пораженіе ихъ. f 113.
- ذکر حضرت پروردگار و ترتیب شاه زادگان و امراء نامدار و اخبار سایر بلاد و دیار
 О Великомъ Воспитателѣ, о назначеніяхъ царевичей и славныхъ эмировъ и свѣдѣнія о другихъ странахъ. f 115.
- وقايع سنه ثلاث وثمانين (ثلاثين؟) و نهضت (موکب) همایون بصوب قلعة آلنجق در قراباغ
 Событія 83-го года. (Надо: 833=1429-1430). Отбытіе царскаго поѣзда въ замокъ Алынджыкъ въ Карабагѣ. 115 v.
- ذکر معاودت سلطان ممالکستان از یورش آذربايجان
 Возвращеніе Султана Покорителя странъ изъ похода на Азербейджанѣ. f 116.
- وقايع سنه اربع و ثلاثين و وصول موکب همایون بدار السلطنه هراة
 Событія 34-го года (834=1430-1431). Прибытіе царскаго поѣзда въ столицу Херать. 116 v.
- وقايع سنه خمس و ثلاثين و قشلاق فرمودن ميرزا بایسنغر در مازندران
 Событія 35-го года (835=1431-1432). Зимнее мѣстопробываніе Мирзы Байсонгора въ Мазандеранѣ. f 117.
- ذکر نهضت (موکب) همایون بجانب سرخس
 Отъѣздъ царскаго поѣзда въ Серехсъ. 117 v.
- وقايع سنه ست و ثمانين (و ثلاثين؟) و آودن امیر زاده یار علی ترکمان
 Событія 86-го года. (Надо: 836=1432-1433). Приведеніе княжича Ярѣ-Али Торкемана. f 118.
- ذکر ولادت ميرزا سلطان عبدالله در شیراز
 Рожденіе Мирзы Султана Абдуллы въ Ширазѣ. f 119.

وقایع سنه سبع وثمانین (ثلاثین؟) وفوت شاه زاده امیر بایسنغر
Событія 87-го года. (Надо: 837=1433-1434). Кончина царевича
эмира Байсонгора. f 120.

ذکر آمدن میرزا الخ بیک جهت تعزیه برادر بخراسان
Прибытіе въ Хорасанъ Мирзы Улугъ - бека для оплакиванія
брата. 122 v.

وقایع (سنه) ثمان و ثلاثین ووزارت خواجه غیاث الدین سید احمد
Событія 38-го года (838=1434-1435). Везирство Хадже Гіясъ-
эд-дина Сеида Ахмеда. f 123.

ذکر نهضت خاقان سعید نوبت سیم بصوب آذربایجان
Отъѣздъ Хакана Блаженнаго въ Азербейджанъ въ третій разъ. f 123.
ذکر وقایع که در یورت قشلاق ظاهر شد و خبر فوت میرزا سلطان⁷ ابراهیم
Событія, случившіяся въ зимнемъ мѣстопробываніи и извѣстіе о
кончинѣ Мирзы Султана Ибрагима. f 124.

شرح و باو طاعون که در دار السلطنه هراة و ولایات واقع شد
Описаніе холеры и чумы, появившихся въ Хератѣ и областяхъ. 124 v.

ذکر نهضت موکب همایون بمملکت آذربایجان و باقی قضایا
Отбытіе царскаго поѣзда въ Азербейджанъ и остальные событія. f 125.

وقایع سنه تسع و ثلاثین وقشلاق فرمودن در قراباغ اران
Событія 39-го года (839=1435-1436) и зимнее мѣстопробываніе
въ Карабагѣ Арранскомъ. f 125.

وقایع سنه اربعین وثمانمایه و معاودت حضرت خاقان سعید بخراسان
Событія 840-го (=1436-1437). Возращеніе Хакана Блаженнаго
въ Хорасанъ. 126 v.

آمدن والی⁸ هرموز بدرگاه جهانپناه
Прибытіе правителя Ормуза въ царскій дворець. f 127.

وقایع سنه احدی و اربعین و تربیت فرمودن امیر شیخ حاجی ولد امیر حسن جاندار را
Событія 41-го года (841=1437-1438). Воспитаніе Эмира Шейха
Хаджи, сына Эмира Хасана Джандара. f 128.

ذکر تاهل میرزا سلطان مسعود میرزا سیورغمش
Бракъ Мирзы Султана Масуда, сына Мирзы Союргатмыша. 128 v.

ذکر قصه تعبیه والی هرموز که قلم دوزبان بوعده شرح بیان ده بود
Описаніе тактики правителя Ормуза, которую мы обѣщали объ-
яснить. 129 v.

وقایع سنه اشین واربعین ونهضت موکب همایون بصوب مشهد مقدس
Событія 42-го года (842=1438-1439). Отбытіе царскаго поѣзда
въ Мешхедъ. f 130.

وقایع سنه ثلاث واربعین وآمدن ایلچی مصر جیمکیوقا نام
Событія 43-го года (843=1439-1440). Прибытіе посла Египта
по имени Джимек-йока. f 131.

ذکر فرستادن میرزا قرا جار بمملکت کابل وغزنین وآوردن میرزا سلطان مسعود
Отправление Мирзы Кара-джара въ Кабуль и Газну и приведеніе
Мирзы Султана Масуда. 132 v.

نهضت (موکب) همایون بسرخص بهوای جانور پرانندن
Отбытіе царскаго поѣзда въ Серехсъ для охоты. 133 v.

وقایع سنه اربع واربعین وارتنکاب شراب ریختن بنفس نفیس
Событія 44-го года (844 = 1440 - 1441). Погрѣшеніе питьемъ
вина. f 134.

وقایع (سنه) خمس واربعین وتفویض وزارت بخواجه شمس الدین سمنانی
Событія 45-го года (845=1441-1442). Пожалованіе везирства
Хаджэ Шемсъ-эд-дину Семнани. 135 v.

ذکر قضایای ممالک فارس وسایر ولایات
Событія въ Фарсѣ и прочихъ областяхъ. 135 v.

داستان سفر هندوستان وعجایب وغرایب آن
Разсказъ о путешествіи въ Индустанъ и о чудесахъ о странно-
стяхъ его. 137 v.

وقایع سنه ست واربعین وعزیمت میرزا سلطان احمد میرزا بایسنغر بعراق
Событія 46-го года (846=1442-1443). Отъѣздъ Мирзы Султана
Ахмеда, сына Мирзы Байсонгора въ Иракъ. f 138.

ذکر ماندن کنار دریا بار واحوال قریات وشهر قلہات
Остановка на морскомъ побережьи. Положеніе Караята и города
Кальхата. 138 v.

داستان رسیدن بهندوستان وشرح احوال واوضاع ایشان
Разсказъ о прибытіи въ Индустанъ и подробности о его положе-
ніи и тамошней жизни. f. 139.

وقایع سنه سبع واربعین وفرستادن ایلچی بمصر وسایر قضایا
Событія 47-го года (847=1443-1444). Отправление посла въ Еги-
петъ и другія событія. f 140.

ذکر شمه از داستان هندوستان وشهر بیجانگر وهفت حصار

Кое-что изъ разсказовъ объ Индустанѣ, городѣ Биджангерѣ и семи крѣпостяхъ. f 141.

قصه پادشاه بیجانگر و شرح آن

Разсказъ о царѣ Биджангера. f 143.

ذکر جشن فهناوی که پیش کفار بسیار اعتبار داشت

О праздникѣ Фехнави, который у невѣрныхъ весьма почитаемъ. 143 v.

ذکر احوال حاوی اوراق در کشتی هندوستان

Положеніе автора этихъ листовъ на Индійскомъ кораблѣ. f 145.

وقایع سنه ثمان واربعین وصفت مرضی که حضرت خاقان سعیدرا واقع شد

Событія 48-го года (848=1444-1445). Описаніе болѣзни, случившейся съ Хаканомъ Блаженнымъ. f 146.

ذکر فرستادن شیخ نورالدین محمد مرشدی وشمس الدین محمد ابهری برسالت مصر

Отправленіе Шейха Нур-эд-дина Мохаммеда Моршиди и Шемс-эд-дина Мохаммеда Эбхери въ посольство въ Египеть. 146 v.

ذکر عرض دفتر بلخ وفوت امیر فیروز شاه وامارت امیر سلطان شاه برلاس

Докладъ объ окладной книгѣ Бельха. Кончина эмира Фирузъ-Шаха и назначеніе Эмира Султанъ-Шаха Барласскаго f 147.

بقیه سفر دریا ورسیدن بهرموز بتوفیق ایزد تعالی

Продолженіе морского путешествія и прибытіе съ помощью Божіею въ Ормузь. f 148.

وقایع سنه تسع واربعین واحوال میرزا سلطان محمد در ملک عراق و فارس

Событія 49-го года (849=1445-1446). Положеніе Мирзы Султана Мохаммеда въ Иракѣ и Фарсѣ. 149 v.

ذکر عزیمت میرزا سلطان محمد بجانب اصفهان وشیراز

Отъѣздъ Мирзы Султана Мохаммеда въ Исфаханъ и Ширазъ. f 151.

وقایع سنه خمسين وثمانمایه ونهضت سلطان آفاق بصوب ممالک عراق

Событія 850-го (=1446-1447) года. Отъѣздъ Султана Міра въ Иракъ. 151 v.

ذکر واقعه حضرت خاقان سید ورحلت از دار غرور بسرای بهجت وسرور

О кончинѣ Хакана Блаженнаго и переселеніи его изъ жилища суеты въ обитель радости. f 153.

وقایع سنه احدی وخمسين ذکر حوادث میرزا عبد اللطیف در خراسان

Событія 51-го (=1447-1448) года. О томъ, что произошло съ Мирзою Абд-ул-Латифомъ въ Хорасанѣ. 155 v.

ذکر سلطنت میرزا علاء الدوله باستقلال و گرفتاری میرزا عبد الطیف

О самостоятельномъ царствованіи Мирзы Ала-уд-доула и плѣненіи Мирзы Абд-ул-Латифа. f 156.

ذکر عزیمت میرزا سلطان محمد بجانب فارس و عراق و تسخیر آن مملکت و دیار

Отъѣздъ Мирзы Султана Мохаммеда въ Фарсъ и Иракъ и покореніе этихъ областей. f 157.

ذکر لشکر کشیدن میرزا سلطان محمد بجانب ترکمان

Походъ Мирзы Султана Мохаммеда на Туркменовъ. 158 v.

ذکر نهضت میرزا الخ بیک گورگان بجانب خراسان و باز مراجعت بجانب توران

Отъѣздъ Мирзы Улугъ-бека Гургана въ Хорасанъ и возвращеніе въ Туранъ. f 159.

ذکر عزیمت میرزا علاء الدوله بجانب مشهد مقدس و صلح نمودن میرزا ابوالقاسم بابر

Отъѣздъ Мирзы Ала-уд-доула въ Мешхедъ и заключеніе мира съ Мирзою Абу-ль-Касымомъ Баборомъ. f 160.

ذکر نهضت میرزا ابوالقاسم بعزم تسخیر ولایت ساری در غایت سلطنت و کامکاری

Отъѣздъ Мирзы Абу-ль-Касыма въ царственномъ величій для покоренія области Сары. f 160.

خبر حرب میرزا عبد اللطیف با میرزا صالح

Извѣстіе о войнѣ Мирзы Абд-ул-Латифа съ Мирзою Салехомъ. f 162.

وقایع سنه اثنین و خمسين و ولادت میرزا محمود شاه

Событія 52-го года (852 = 1448). Рожденіе Мирзы Махмуда Шаха. 162 v.

ذکر جشن ختان میرزا سلطان ابراهیم و شرح آن

Описаніе празднества обрѣзанія Мирзы Султана Ибрагима. 163 v.

ذکر محاربه میرزا الخ بیک گورگان و میرزا علاء الدوله در خراسان

Война Мирзы Улугъ-бека Гургана съ Мирзою Ала-уд-доуле въ Хорасанѣ. f 164.

ذکر عزیمت میرزا الخ بیک بصوب مشهد مقدس و سایر بلاد خراسان

Отъѣздъ Мирзы Улугъ-бека въ Мешхедъ и другіе города Хорасана. f 166.

ذکر معاودت میرزا الخ بیک بسبب فتنه یار علی ترکمان و غارت یافتن

Возвращеніе Мирзы Улугъ-бека по причинѣ смуты Яръ-Али Торкемана и добыча его. f 167.

ذكر نهضت ميرزا ابو القاسم بابر بدار السلطنة هراة وقتل ميرزاده يار على وفرستان
امير هندوکه بطرف مرو

Отъѣздъ Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора въ Херать. Убіеніе княжича Яръ-Али и стравленіе Эмира Хендукэ въ Мервъ. f 169.

وقایع سنه ثلاث وخمسين وجلوس ميرزا ابو القاسم بابر بر سریر سلطنت خراسان
Событія 53-го года (853=1449). Возшествіе на престоль Хорасанскаго царства Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора. f 169.

ذكر عصيان ميرزا عبد اللطيف بايدر بزرگوار ميرزا الغ بيك گورگان
Возстаніе Мирзы Абд-ул-Латифа противъ своего славнаго отца Мирзы Улугъ-бека Гургана. f 170.

ذكر عزيمت ميرزا ابو القاسم بابر بجانب سيستان وعصيان امير هندوکه وقتل او در ولايت خيوشان
Отъѣздъ Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора въ Систанъ; возстаніе Эмира Хендукэ и убіеніе его въ области Хебушанъ. 170 v.

ذكر نهضت ميرزا محمد بجانب خراسان وتسخير آن مملکت بعنايت ملك مستعان
Отъѣздъ Мирзы Мохаммеда въ Хорасанъ и покореніе этой области съ помощью Божіей. 171 v.

ذكر قضایا (ئی) که در مملکت خراسان وما وراء النهر بظهور آمد درین سال
Событія, случившіяся въ тотъ годъ въ Хорасанѣ и Мавераннахрѣ. 172 v.

ذكر طلوع آفتاب رايت ميرزا سلطان ابوسعید واستقلال بر سریر سلطنت
О возвышеніи знамени Мирзы Султана Абу-Сенда и самостоятельности его на тронѣ царства. f 173.

وقایع سنه اربع وخمسين ومحاربه ميرزا ابو القاسم بابر با امراء عراق وظفر یافتن
بعون ملك خلاق

Событія 54-го года (854=1450). Война Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора съ эмирами Ирака и одолѣніе ихъ съ помощью Божіей. f 175.

رفتن ميرزا ابو القاسم بابر بدار السلطنة هراة نوبة ثانی وجلوس بر سریر سلطنت وجهانباي
Отъѣздъ Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора въ столицу Херать въ третій разъ и возшествіе на царскій престоль. f 176.

احوال ما وراء النهر وقتل ميرزا عبد اللطيف
Положеніе Мавераннахра и убіеніе Мирзы Абд-ул-Латифа. f 176.

عزيمت ميرزا ابو القاسم بابر بطرف بلخ وبدخشان
Отъѣздъ Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора въ Бельхъ и Бедешанъ. f 177.

وقایع سنه خمس و خمسين و طلوع آفتاب دولت میرزا سلطان ابو سعید و باقی قضایا
Событія 55-го года (855=1451). Возвышеніе Мирзы Султана Абу-
Сеида и инныя событія. 177 v.

محرابه میرزا سلطان ابو سعید و میرزا سلطان عبدالله و نصرت خلافت پناه
Война Мирзы Султана Абу-Сеида и Мирзы Султана Абдуллы и
побѣда перваго. f 179.

ذکر احوال مملکت خراسان و قضای وی

Положеніе Хорасана и событія въ немъ. 179 v.

ذکر محاربه میرزا سلطان محمد و میرزا ابو القاسم و قتل میرزا سلطان محمود در موضع خباران
Война Мирзы Султана Мохаммеда и Мирзы Абу-ль-Касыма и
убіеніе Мирзы Султана Мохаммеда въ мѣстности Хсбаранъ. f 180.

وقایع سنه ست و خمسين و عزیمت میرزا ابو القاسم بجانب عراق
Событія 56-го года (856=1452). Отъѣздъ Мирзы Абу-ль-Касыма
въ Иракъ. f 181.

نهضت میرزا ابو القاسم بابر بجانب ساوه و در راه اخبار خراسان شنیدن و مراجعت نمودن
Отъѣздъ Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора въ Савэ, полученіе въ
дорогѣ извѣстій изъ Хорасана и возвращеніе обратно. 181 v.

وقایع سنه سبع و خمسين و قضایای ممالک عراق و فارس

Событія 57-го года (857=1453). Событія въ Иракѣ и Фарсѣ. f 183.

ذکر نهضت میرزا ابو القاسم بابر بعزم تسخیر عراق و قشلاق در استراباد
Отъѣздъ Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора для покоренія Ирака и
зимнее мѣстопробываніе въ Астерабадѣ. 183 v.

وقایع سنه ثمان و خمسين و آمدن سادات هزار جریب

Событія 58-го года. (858=1454). Прибытіе сеидовъ Хезаръ-Дже-
риба. f 184.

ذکر نهضت پادشاه بهرام قهر بتسخیر مملکت ما وراء النهر

Отбытіе царя, могущественнаго какъ Бехрамъ (Марсъ), для поко-
ренія Мавераннахра. 184 v.

ذکر عرض لشکر و رسیدن بظاهر سمرقند

Смотръ войска и прибытіе къ Самарканду. f 185.

ذکر قلعه داری میرزا سلطان ابو سعید

Какъ Мирза Абу-Сеидъ выдерживалъ осаду. 185 v.

محاصره فرمودن میرزا ابو القاسم بابر شهر سمرقندرا
Какъ Мирза Абу-ль-Касымъ Баборъ осаждалъ городъ Самаркандъ. f 186.

ذکر مصالحه دو پادشاه ظفر نشان و مراجعت میرزا ابو القاسم بابر بخراسان

Заключение мира между двумя побѣдоносными царями и возвраще-
ніе Мирзы Абу-ль-Касыма въ Хорасанъ. f 188.

وقایع سنه تسع و خمسين و فرستادن امیر خلیل بجانب سیستان

Событія 59-го года (859=1455). Отправленіе Эмира Халиля въ
Систанъ. 188 v.

ذکر فتح مملکت سیستان و دیگر قضایا و حکایات

Покореніе Систана и инныя событія. f 189.

احوال ما وراء النهر وقتل میرزا سلطان اویس

Положеніе Мавераннахра и убіеніе Мирзы Султана Увейса. f 189 v.

استیلاي مازندرانیان بر قلعه عماد و باز اخراج کردن از تصرف ایشان

Покореніе Мазендеранцами замка Имада и обратное отнятіе его. f 190.

رسیدن ایلچی میرزا سلطان ابو سعید بطلب خواجه مولانا

Прибытіе посла отъ Мирзы Султана Абу-Сеида и требованіе
Хаджэ Маулана. 190 v.

وقایع سنه ستین و ثمانمایه و ازدواج میرزا ابو القاسم با کنیزك ماه پیر و باقی قضایا

Событія 860 (=1456) года. Бракъ Мирзы Абу-ль-Касыма съ кра-
савицей-рабыней Мах-пейкаръ и инныя событія. f 191.

ذکر آمدن ایلچیان اطراف و شرح باقی واقعات و حالات

Прибытіе пословъ съ разныхъ сторонъ и подробности инныхъ со-
бытій и дѣлъ. 191 v.

ذکر نهضت میرزا ابو القاسم بابر بجانب مشهد مقدس

Отъѣздъ Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора въ Мешхедъ. 192 v.

وقایع (سنه) احدی و ستین و فرستادن امرا بطرف نسا و باقی قضایا

Событія 61-го года (861=1457). Отправленіе эмировъ въ Неса
и инныя событія. 193.

ذکر ارتحال میرزا ابو القاسم بابر از سرای غرور بمآوای عزت و سرور

Переселеніе Мирзы Абу-ль-Касыма Бабора изъ жилища суеты въ
обитель радости (кончина) 193 v.

جلوس میرزا شاه محمود بر سریر سلطنت باتفاق امرا و ارکان دولت

Восшествіе на престолъ Шаха Махмуда съ согласія эмировъ и
министровъ. 194 v.

ذکر وقایع گوناگون که از تاثیر گردش گردون ظهور یافت

Различныя событія и превратности судебъ. 195 v.

ذکر جلوس میرزا سلطان ابراهیم بر سریر سلطنت خراسان
 Возшествіе Мирзы Султана Ибрагима на престоль Хорасана.
 f 197.

ذکر محاربه میرزا سلطان ابراهیم بامیرزا شاه محمود
 Война Мирзы Султана Ибрагима и Мирзы Шаха Махмуда.
 197 v.

ذکر عزیمت میرزا سلطان ابو سعید بجانب خراسان و محاربه امراء ما وراء النهر با
 میرزا سلطان ابراهیم

Отъѣздъ Мирзы Султана Абу-Сеида въ Хорасанъ и война эми-
 ровъ Мавераннахра съ Мирзою Султаномъ Ибрагимомъ. 198 v.

نزول موکب سلطان ابو سعید در دار السلطنه هراة
 Прибытіе царскаго поѣзда Абу-Сеида въ столицу Херать. f 199.

قصه مهديا گوهر شاد اقا
 Повѣствованіе о ея величествѣ Говхер-Шад-Агъ. 199 v.

معاودت میرزا سلطان ابو سعید واحوال خراسان
 Возращеніе Мирзы Султана Абу Сеида и положеніе Хора-
 сана. f 200.

وقایع سنه اثنین وستین ورقن سلطان ابراهیم بمازندران وشکست خوردن از ترکمان
 Событія 62-го года (862 = 1457-1458). Отъѣздъ Султана Ибра-
 гима въ Мазендеранъ и пораженіе его Туркменами. 200 v.

ذکر توجه مشایخ اسلام بجانب بلخ جهت مصالحت
 Отъѣздъ шейховъ-ислама въ Бельхъ для заключенія мира. 201 v.

باز آمدن میرزا علاء الدوله بر سریر سلطنت واقبال بعد از چند سال
 Возращеніе по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Мирзы Ала-уд-
 доулэ на престоль царства и благоденствія. f 202.

ذکر موکب پادشاه ترکمان بر سریر سلطنت خراسان
 Возшествіе государя Туркменовъ на престоль Хорасанскаго цар-
 ства. f 203.

ذکر تسخیر قلعه اختیار الدین
 Взятіе замка Ихтіяр-эд-динъ. 203 v.

ذکر نهضت میرزا جهانشاه بطرف شرقی دار السلطنه هراة
 Отъѣздъ Мирзы Джеханъ-Шаха къ восточной сторонѣ столицы
 Херата. f 204.

ذکر آمدن ایلچیان و شرح وقایع و رسیدن اولاد میرزا جهانشاه
Прибытіе пословъ. Подробности событій. Прибытіе дѣтей Мирзы
Джеханъ-Шаха. 204 v.

ذکر جشن عید و ملاقات ایلچیان میرزا سلطان ابو سعید
Описаніе празднества и встрѣчи пословъ Мирзы Султана Абу-
Сеида. f 205.

وقایع سنه ثلاث وستین و عزیمت میرزا سلطان ابو سعید بهراة
Событія 63-го года (863 = 1458-1459). Отъѣздъ Мирзы Султана
Абу-Сеида въ Херать. 205 v.

ذکر مصالحه نمودن دو پادشاه گامران و معاودت میرزا جهانشاه بجانب آذربایجان
Заключеніе мира между двумя могущественными царями и возвра-
щеніе Мирзы Джеханъ-Шаха въ Азербейджанъ. f 206.

ذکر طلوع آفتاب رایت سلطانی و جلوس بر سریر سلطنت جهانبانی
Возвышеніе царскаго знамени и возшествіе на престолъ царства
(Мирзы Абу Сеида). 206 v.

ذکر نهضت حضرت خلافت پناهی بعزم رزم شاهزادگان و قتل میرزا سلطان سنجر
Отъѣздъ халифскаго величества для борьбы съ царевичами и уби-
еніе Мирзы Султана Синджара. f 207.

ذکر معاودت رایت ظفر آیات و شرح بعضی احوال
Возвращеніе побѣдоноснаго знамени и подробности нѣкоторыхъ
дѣлъ. f 208.

ذکر مبادی احوال امیرزاده سلطان حسین میرزا
Первоначальныя обстоятельства княжича Султана Хусейна-Мирзы.
208 v.

ذکر نزول موكب همایون در دار السلطنه هراة
Прибытіе царскаго поѣзда въ столицу Херать. f 209.

ذکر عمارت نمازگاه دار السلطنه هراة
О построеніи мѣста молитвы въ столицѣ Херать. f 209.

ذکر فتح حصار نیره تو وقتل بیرکه
Взятіе укрѣпленія Нирету и убиеніе Бирка. 209 v.

ذکر وفات میرزا سلطان ابراهیم
Кончина Мирзы Султана Ибрагима. f 210.

ذکر ولادت امیرزاده شاهرخ و جشن آن
Рожденіе княжича Шахроха и празднество по этому случаю. 210 v.

- ذکر فتح قلعه عماد وعزیمت آن حضرت بطرف نیره تو
 Взятіе замка Имада и отъѣздъ его величества въ Нирету. f 211.
- ذکر وفات میرزا شاه محمود وباقی قضایا
 Кончина Мирзы Шаха Махмуда и остальные событія. 211 v.
- ذکر سیورغال فرمودن سیستان بملک شاه یحیی وفرستادن امرا بمازندران
 Пожалованіе Систана въ удѣль Мелику-Шаху Ихъѣ и отправление эмировъ въ Мазендеранъ. 211 v.
- ذکر نهضت موکب ظفرنشان بعزم تسخیر مملکت مازندران
 Отъѣздъ побѣдоноснаго поѣзда для покоренія Мазендерана. 212 v.
- ذکر آمدن امیر خلیل بتسخیر دار السلطنه هراة
 Прибытіе Эмира Халиля для овладѣнія столицей Хератомъ. 213 v.
- ذکر وصول موکب همایون بدار السلطنه هراة وآوردن میرزا خلیل
 Прибытіе царскаго поѣзда въ столицу Херать и приведеніе Мирзы Халиля. 214 v.
- وقایع سنه خمس وستین وآمدن خواجه نصرالدین عبدالله
 Событія 65-го года (865=1460-1461). Прибытіе Хаджэ Наср-эд-дина Абдуллы. f 215.
- ذکر نهضت موکب همایون بجانب ما وراء النهر بجهت مرزا محمد جوکی
 Отбытіе царскаго поѣзда въ Мавераннахръ ради Мирзы Мохаммеда Джуки. f 216.
- ذکر معاودت رایات نصرت آیات از یورت قشلاق بجانب هراة
 Возвращеніе побѣдоноснаго знамени изъ зимняго мѣстопробыванія въ Херать. f 217.
- وقایع سنه سبعین ورفتن امراء کبار بایلغار وآمدن احشام وضعف خلافتیناه
 Событія 70-го года (870 = 1465 - 1466). Отбытіе вельможныхъ эмировъ въ экспедицію; прибытіе свиты и слабость его величества. 217 v.

Ш.

ИСТОРИОГРАФІЯ МОНГОЛЬСКАГО ПЕРІОДА.

Общій очеркъ ¹⁾.

Лѣтописи, хроники, историческіе своды въ періодъ монгольскій — и обильны, и содержатъ много интереснаго, какъ въ первую половину періода (Джингизъ-хановскую и Булагидскую), такъ и во вторую половину (тимуридскую).

а) Исторіографія эпохи Джингизъ-хана и ильхановъ.

Итакъ, остановимся сперва на исторіяхъ первой половины монгольскаго времени.

Нисай. Джоздавий. Бейдавий.

Часть ихъ, конечно, составлялась на ученомъ языкѣ арабскомъ. Мы, разумѣется, не можемъ ни въ какой степени причислять къ персидской исторіографіи знаменитыя сообщенія о монгольскомъ нашествіи араба-месопотамца ибнъ-аль-Асира (ум. 1232), но трудно было бы совсѣмъ исключить изъ персидской исторіографіи очень цѣнные мемуары перса Мохаммеда Нисаія, который (1223) поступилъ на службу къ гошному вторгшимся монголами харезмшаху Джелаледдину и написалъ свои записки по-арабски ²⁾. Прямо же на персидскомъ языкѣ въ тѣ времена очень извѣстенъ цѣлый рядъ историческихъ трудовъ.

Такъ, Мишадж-и-сираджъ Джозджаній (род. 1193), служившій сперва въ Афганистанѣ у гуридовъ, но больше въ Деліи въ Индіи у повозникшей династіи гуридскихъ делійскихъ „рзбовъ“, посвятилъ своему главному покровителю трудъ: „Табақат-и Насырї“ (= „Насыровы таблицы“) ³⁾. Это общая исторія халифата и династій, возникшихъ въ Иранѣ (начиная съ Тахридовъ) и въ Индустанѣ, причемъ Джозджаній съ большимъ вниманіемъ даетъ свѣдѣнія изъ жизни своихъ родныхъ странъ: Афганистана и Индіи, и заканчиваетъ свою книгу повѣствованіемъ о монголахъ: Джингизъ-ханѣ и его преемникахъ до момента заключенія книги. Заключилъ же онъ свою книгу въ 1260 г. — конечно, въ Индіи въ Деліи ⁴⁾.

¹⁾ Ред.

²⁾ Нисай: *Vie de Djelaleddin Mankobirti* изданъ по-арабски (Пар. 1891) и переведенъ по-французски (1895) проф. Houdas. Поправки бар. В. Розева въ „Зап. Вост. Отд.“ VI (1891) стр. 383—388. Писалъ Нисай (Несевій) въ 1241 г.

³⁾ Делійскій султанъ-мамлюкъ Насыреддинъ Махмудъ-шахъ I сынъ Ильтутыша царствовалъ въ 1246-1265 годахъ.

⁴⁾ Вторую, т. е. болѣе значительную половину *The Tabaqat-i Nāsiri of al-Jawzjāni*, касающуюся исторіи Афганистана и Индіи, напечаталъ по персидски Nassau Lees въ Калькутѣ 1864, ок. 500 стр., въ серіи *Bibliotheca Indica*, и довольно много изъ изданнаго имъ текста перевелъ Эдмунтъ: *History of India*, т. II (1869), стр. 266-383, предпославши (стр. 259-266) введеніе объ авторѣ и его трудѣ съ европейскою библиографіей (мелкой). Вскорѣ въ *Bibliotheca Indica* (съ 1873) началъ издаваться англійскій полнѣйшій

Какъ Нисайи, такъ и Джозджаній (не говоря уже про араба ибнъ-аль-Аспира) красочно изображаютъ ужасы монгольского вторженія. Къ сожалѣнію, въ иномъ духѣ пишутъ объ этихъ ужасахъ другіе историки начально-монгольского періода, состоящіе на службѣ у монголовъ. Опуская подробности о короткой исторіи „Низамъ эт-теваріхъ“ = „Порядокъ лѣтописей“ 1275 года знаменитаго коранскаго комментатора Бейдавія (ум. ок. 1286), который въ роли историка интересень преимущественно сообщеніями о династии своихъ покровителей, атабековъ ширазскихъ, а о монголахъ говоритъ немного¹⁾, переходимъ къ историкамъ-монголохвалителямъ. Джовейний, Вессафъ и везирь Решидеддинъ — три главные среди нихъ.

Джовейний и Вессафъ.

Прежде всего, одновременно съ индустанцемъ Джозджаніемъ, его болѣе молодой современникъ хорасанецъ Алаэддинъ Ата-Меликъ Джовейний (род. 1226, ум. 1283) написалъ къ 1260 г. свою льстивую „Исторію покоренія міра Джингизъ-ханомъ“ = „Таріхъ-и Джеһан-гошай“. Исторію самого Джингизъ-хана (ум. 1227) нестарый Джовейний (род. 1226), разумѣется, писалъ лишь по рассказамъ старшихъ и со словъ монголовъ, но дальнѣйшія событія излагаетъ какъ очевидецъ, посвященный—благодаря своему положенію—въ самыя сокровенныя государственныя вещи, не всѣмъ доступныя.

Еще отецъ Джовейнія занималъ важныя довѣренныя должности при монгольскихъ намѣстникахъ Персіи до-булагидскаго періода, и сынъ-Джовейний тоже оказался сановнымъ чиновникомъ у монголовъ: сперва былъ личнымъ секретаремъ у монгольского правителя Персіи, послѣдняго передъ приходомъ Хулагу-хана, и ѣздилъ съ нимъ въ Каракорумъ, столицу великихъ хановъ въ Монголіи²⁾, а когда въ Персію прибылъ (1256) и водворился въ ней внукъ Джингизъ-хана Хулагу-ханъ, завоеватель Багдада, Джовейний быстро возвысился до самыхъ важныхъ отвѣтственныхъ государственныхъ должностей и до смерти своей (1283) состоялъ правителемъ Багдада. Къ сожалѣнію, послѣднія лѣтъ 25 своей жизни Джовейний ужъ не располагалъ временемъ, чтобы заниматься исторіографіей; то, интересное, что онъ имѣлъ возможность наблюдать въ царствованіе Хулагу-хана (1256-1265), Абаки (1265-1282) и Ахмеда Такудара (1282-

---

переводъ Джозджанія маіора Раверти и законченъ былъ къ 1881 г.; онъ сопровождался обильнѣйшими примѣчаніями и заключенъ былъ (1897) подробнымъ указателемъ. Суровый отзывъ о примѣчаніяхъ Раверти у Бартольда: „Туркестанъ“ (1900), стр. 62-63.

¹⁾ Содержаніе Бейдавіевой „Низамъ эт-теваріхъ“ = „Chronologie de l'histoire“ изложилъ С. де-Саси въ IV томѣ „Notices et extraits“ (Пар., годъ VII=1798-1799), стр. 672-695. Отрывки о Газневидахъ перевелъ съ персидскаго Эллиотъ въ „History of India“, т. II, (1869), снабдивши замѣткою о цѣломъ сочиненіи (стр. 252-258). См. еще у Рѣво II томѣ описанія персидскихъ рукописей Британскаго музея (1881), стр. 823-825, съ перечнемъ прочихъ сохранившихся рукописей этой исторіи. Остальныя свои работы (богословскія) писалъ Бейдавий на языкѣ арабскомъ; см. у меня „Исторія арабовъ и арабской литературы“, ч. I. (М. 1912), стр. 207.

²⁾ Кажется, ни объ одномъ изъ остальныхъ персидскихъ историковъ монголовъ нельзя сказать, что они лично видѣли Монголію, о которой пишутъ.

1284), онъ не записалъ для насъ, если не считать перваго года пребывания Хулагу-хана въ Персіи. Джовейний присутствовалъ лично при разореніи въ 1256 году новопришедшимъ Хулагу-ханомъ исмаилитскихъ твердынь, посылно воспользовался — прежде сожженія — захваченнымъ архивомъ и библіотекой исмаилитовъ для освѣщенія исторіи ихъ секты¹⁾, и этимъ заканчивается (въ 1260 г.) Джовейниева „Таріх-и Джеһан-гошай“. Автору было тогда 34 года, а проработалъ онъ надъ своей книгой дѣтъ семь.

Распадается „Таріх-и Джеһан-гошай“ Джовейнія на три тома.

Первый томъ (онъ теперь изданъ) — исторія монголовъ, главнымъ образомъ лишь великаго завоевателя Джингизъ-хана, со вступленіемъ однако о предшествовавшихъ монгольскихъ судьбахъ и съ прибавленіемъ — послѣ Джингизъ-хановой исторіи — сообщеній о царствованіи двухъ преемниковъ Джингизъ-хана на великоханскомъ престолѣ: Угедея (1229-1242) и опекаемаго Гуюка (до 1246); также прибавлены сюда короткія повѣствованія о двухъ сыновьяхъ Джингизъ-хана: Джучи (съ его сыномъ Батыемъ, завоевателемъ Европы) и Джагатай.

I томъ: „The Ta'rikh-i Jahân gushâ of Juwayni, composed in 658—1260“ — напечатанъ по-персидски, безъ перевода, въ XVI выпускѣ серіи Gibb Memorial (Лейд. 1912) съ обширнымъ англійскимъ предисловіемъ Эдв. Брауна. Стр. CIV (введ. Э. Брауна) + 294 (текст) + CXXIV (перс. предисловіе Мирзы Мохаммеда Казвинскаго, издателя текста, вѣрнаго сотрудника Эдв. Брауна).

Прежде изъ I тома уже было опубликовано повѣствованіе Джовейнія о завоеваніи монголами Туркестана и Хорасана (т. е. борьба съ Харезмомъ) — у Шефера въ его „Chrestomathie persane“ т. II (1885), стр. 105-169 въ персидскомъ отдѣлѣ (и срв. стр. 134-193 во французскомъ отдѣлѣ поженей).

Англійскій переводъ разсказа о преслѣдованіи харезмшаха-Джеһаледдина монголами и бѣгствѣ того въ Индію данъ у Эллиота: „History of India“, т. II (1869), стр. 386-402.

Разсказъ о дѣйствіяхъ Джагатая съ 636—1238 г., перс. текстъ и франц. переводъ, помѣщенъ у Дефремери въ приложеніи къ Ховдемировой „Histoire des khans mongols du Turkistan“ (Пар. 1852, стр. 109-114), что является отгискомъ изъ „Journal Asiatique“ 1852, окт.-нб., стр. 370-406 (4-я серія, т. 20).

Въ повомъ изданіи прозаическихъ образцовъ персидской письменности Мирзы Абдуллы Гаффарова помѣщены изъ I тома Джовейнія типичные образцы, а по-русски въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. IV (1913) данъ русскій переводъ отрывковъ про дѣйствія Батыя, громятеля Руси и Европы.

Въ „Histoire des Mongols“ бар. д'Оссона (1834) Джовейний не только использованъ, но не разъ цитируется большими выдержками, во французскомъ переводѣ.

Второй томъ — подробная исторія харезмшаховъ, отъ возникновенія династіи до гибели послѣднихъ ея представителей въ XIII вѣкѣ, причемъ излагается также исторія восточно-туркестанскихъ язычниковъ-карахитаевъ, иначе гурь-хановъ (1118-1210, цѣпныя свѣдѣнія) и судьба другихъ домонгольскихъ династій Трансоксаніи и Туркестана за двухвѣковый періодъ отъ паденія сама-

¹⁾ Важная исмаилитская біографія основателя секты, Хасана Саббаха: „Сергозешт-и Сеййид-на“ была использована Джовейніемъ не полностью. Въ „Сводѣ лѣтписей“ Раминеддина (о которомъ рѣчь дальше, стр. 45), во II части „Свода“ изъ этой драгоценной біографіи приведено втрое больше, чѣмъ у Джовейнія. См. сноску на стр. 42.

пидовъ до владычества монголовъ. Закачивается же II томъ лѣтописью правленія четырехъ монгольскихъ наместниковъ Персіи (1229-1255) до прихода царственного Хулагу-хана.

Третій томъ—вѣщаніе на царство Мѳнге, великаго хана (1251), походъ его брата, Хулагу-хана, на персидскихъ ассасиновъ-исмаилитовъ (1255) и разрушеніе ихъ гнѣзда (1256) и подробная исторія персидскихъ исмаилитовъ¹⁾.

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ сюда присоединяется добавленіе Джовейніева современника и протеже, астронома Насыреддіна Тусскаго (ум. 1273): взятіе Багдада Хулагу-ханомъ и гибель послѣдняго аббасидскаго халифа Мостасыма (1258). А въ двухъ парижскихъ рукописяхъ—къ „Исторіи Мірозавоевателя“ присоединена автобіографія самого Джовейніи, которую онъ написалъ уже въ концѣ жизни и въ которой содержится множество интересныхъ бытовыхъ подробностей.

Какъ высокоосвѣдомленный первоисточникъ, какъ источникъ для послѣдующихъ историковъ, Джовейніева „Исторія Мірозавоевателя“ чрезвычайно важна въ наукѣ и, напр., въ „Grundriss der iranischen Philologie“ она характеризуется какъ *eine vorzügliche Darstellung* (II, 1896, стр. 359). Нельзя однако забывать очень мѣткой старой оцѣнки историка монголовъ д'Оссона, по замѣчанію котораго цвѣтистый стиль Джовейніи для насъ есть не заслуга, но лишь неприятная напыщенность (*trop ampoulé*), а ужъ что касается отношенія къ событіямъ, то „приходится пожалѣть, почему авторъ не внесъ больше правды къ окраску событій и больше порядка въ изложеніе“.

О Джовейніи см.:

- а) статью, изъ которой долго черпаютъ все послѣдующіе—Э. Катрмера въ Хаммеровскихъ „Mines de l'Orient“, т. I (Вѣна, 1809), стр. 220-234; у Катрмера главный источникъ біографіи—поздній, Хондемиръ нач. XVI в.
- б) Срв. у Катрмера же при Рендиддиновой „Histoire des Mongols“ (1836), стр. 169 и слѣд.
- в) baron d'Ohsson: „Histoire des Mongols“, т. 1 (2-е изд. 1834, Гаага), стр. XVII-XXVII.
- г) по Катрмеру и д'Оссону—у Elliot: „History of India“, т. II (1869), стр. 384-386;
- д) Rieu въ описаніи персид. рукописей Брит. музея, т. I (1879), стр. 160-161, со сжатой критичностью;
- е) Шеферъ во франц. части „Chrestomathie persane“ при т. II (1885), стр. 134-154, обстоятельная статья.
- ж) Ethé въ „Grundriss der iran. Philol.“, т. II (1896), стр. 359, едва упоминаетъ Джовейніи,—съ похвалою, правда.

¹⁾ II и III тт. Джовейніи еще не изданы. Нѣкоторые отрывки напечаталъ В. Бартольдъ въ I части „Туркестана“ (Спб. 1899, стр. 111-119). У Шефера въ „Chrestomathie persane“, т. II (1885), въ отдѣлѣ примѣчаній (стр. 157-163), помѣщенъ по-персидски и по-французски разсказъ о вліятельной матери харезмшаха Мохаммеда Турканъ-хатунѣ.—Исторія исмаилитовъ-ассасиновъ переведена изъ III тома Джовейніи въ работѣ Дефремери: „Histoire des Ismaéliens de la Perse, plus connus sous le nom d'Assassins“ въ „Journal Asiatique“ 1856, сент.—окт. (стр. 357-369) и 1860, февр.—мр. (стр. 130-210); это 5 серія, т. 8 и 15; срв. тт. 2, 3, 5. Про дополняющій ассасинскую исторію отрывокъ изъ Рендиддина см. у Эдв. Брауна въ „Journ. of the R. Asiat. Soc.“ 1899 апр. и отчасти въ „A liter. hist. of Persia“ II (1906) стр. 190 слѣд.

з) В. Бартольдъ: 1) „Туркестанъ“ (1900), стр. 40-41; 2) статья „Djuwaini“, въ лейденской „Enzyklopaedie des Islâm“, т. I, вып. 17 (1913), стр. 1115-1117. Вторая статья В. Бартольда появилась ужъ позже работъ Эдв. Брауна, а именно:

и) Эдв. Браунъ (Browne): 1) Note on the contents of the Ta'rikh-i Jahân-Gushâ, or history of the worldconqueror Chingiz-khan by Juwayni, with an appreciation and comparison of some of the manuscripts of this work—въ „Journ. of the R. As. Soc.“, 1904, январь;—6) его же: обширное, всестороннее англійское введеніе къ новоизданному I тому Джовейніа (Лейд. 1912), стр. I-XCIII, при чемъ Браунъ пользуется и автобіографіей самого Джовейніа.

Исторія монголовъ Джовейніа достаточно напыщена. Ее, хронологически непосредственно, т.-е. прямо отъ 1257 года, продолжилъ (до событій 1328 года) советѣмъ ужъ безжалостно-напыщеннымъ слогомъ Абдаллахъ-ширазецъ, обычно извѣстный подъ своимъ призорнымъ титуломъ Вессафъ=«Восхвалитель» (род. ок. 1263); точнѣе его титулъ звучитъ: «Вессаф-и незрет»=«Восхвалитель его Величества». Онъ состоялъ при дворѣ монгольскихъ государей, начиная съ Аргуна (1284-1291), а исторіей своею выдвинулся у Газанъ-хана (1295-1304) и Олчжейту Ходâ-бендѣ (1304-1316), отъ котораго за поднесеніе своей исторіи и получилъ званіе «Вассафа»; закончилъ же онъ ее при Абу-Сайдѣ, послѣднемъ персидскомъ реальномъ государѣ-булагидѣ всей Персіи (1316-1335)¹⁾. Хаммеръ, съ его восточными эстетическими вкусами, хвалебно сравниваетъ «Таріх-и Вессафъ» по стилю съ макамами Харіріа. Арабщина у Вессафа кишитъ, языкъ макарониченъ, фразы персидскія чередуются съ арабскими, иногда цѣлыя главы сплошь оказываются арабскими.

О Вессафѣ см.:

въ предисловіи къ „Histoire des Mongols“ д'Оссона, I, 1834, стр. XXVII-XXXIII;

у Хаммера въ „Wiener Jahrbücher der Litteratur“, т. 71 (Anzeigerblatt, стр. 27-31, изложеніе содержанія) и при переводѣ Вессафовой исторіи; Elliot: Hist. of India III (1871), 24-27;

Rieu смато и содержательно въ опис. перс. рукописей Брит. Музея, I (1879), стр. 161-163;

у Ethé въ Grundriss II (1896, стр. 359), только оцѣнка стиля;

Бартольдъ: „Туркестанъ“ (1900), стр. 49-50, о связи съ Решидединовымъ трудомъ;

Edw. Browne въ предисловіи къ I тому Джовейніа (1912), стр. XVI-XVIII.

Вессафъ въ концѣ своей исторіи уже могъ пользоваться сводомъ своего поврвителя, везира Решидеддина.

¹⁾ „Таріх-и Вессафъ“ (или, точнѣе: „Теджіетъ эль-эмсаръ“=„Распределеніе областей“) изд. въ Бомбей 1269=1853. Первую часть, съ нѣм. переводомъ: „Geschichte Wassafs“—издалъ Хаммеръ-Пургшталь (Вѣна 1856), стр. IV+275+295; ред. Ж. Моля на Хаммерову работу—въ „Journ. As.“, 1856 июль, стр. 54-56 (=5 сер., т. VIII). Срв. у Хаммера равнѣе: „Gesch. der Pchane“ (Дармшт. 1842-1843) съ переводами изъ Вессафа. Отрывки о дѣлахъ Индустана при монголахъ перевелъ по англійски Эллиотъ: „Hist. of India“, т. III (1871), стр. 27-54. Бродячій международный разговоръ о котѣ Кайса (на тему англійскаго Виттингтонова кота), принесшемъ богатство владѣльцу и почетъ, переведенъ у Ouseley: „Biograph. notices of persian poets“ (1846), стр. 232-235.

Сводъ везира Решидеддина (ок. 1310). Абдаллахъ Каманскій, обвинитель Решидеддина въ плагиатъ.

Покровитель Вессафа, нулагидскій историкъ-везиръ Фезлеллахъ Решидеддинъ Табийбъ, по происхожденію былъ врачъ изъ азербейджанскихъ евреевъ¹⁾. Онъ родился ок. 1245 г., а казненъ былъ изъ-за придворныхъ интригъ въ 1318 г. при послѣднемъ реальномъ государѣ-нулагидѣ Абу-Сайдѣ. Съ измолodu и до смерти онъ непрерывно состоялъ на службѣ у цѣлаго ряда государей нулагидской династіи, начиная съ Хулагу-ханова сына Абаки (1265-1282) и, какъ видимъ, до Абу-Сайда. Еще у Абаки-хана онъ былъ врачомъ,— правда, не главнымъ, но все-же, значить, достаточно ужъ довѣренной особою. Главную силу однако получалъ Решидеддинъ, какъ везиръ (=первый министр), при Газанъ-ханѣ (1295-1304) и его братѣ Олчжейту-Ходâбендѣ (1304-1316), и около двадцати лѣтъ занималъ онъ эту должность перваго министра.

Приблизительно къ 1307 году Решидеддиномъ, или сотрудниками по его указаніямъ, завершёнъ былъ большой и, понятно, хвалебный сводъ исторіи монголовъ, вплоть до смерти Газанъ-хана: «Тârix-и Гâзâни»,—сводъ, который въ свою очередь образуетъ лишь первую треть огромнаго всеобщаго свода: «Джâми'эт-теваріхъ»=«Собрание лѣтописей»,—завершеннаго лишь года три спустя (приблизительно ок. 1310 г.).

Въ полномъ своемъ видѣ «Собрание лѣтописей» не дошло до насъ (нѣтъ послѣдней трети географической)²⁾, а въ дошедшихъ двухъ частяхъ мы, сверхъ «Тârix-и Гâзâни» (=ч. I) имѣемъ во II части обзоры прошлаго халифатскаго и иныхъ народовъ, съ какими монголы сталкивались и вступали въ сношенія: китайцевъ, евреевъ, европейцевъ, индусовъ. Название I части (=Тârix-и Гâзâни, т. е. Газановская исторія) происходитъ отъ того, что къ составленію ея Решидеддинъ приступилъ по желанію Газанъ-хана, любившаго и знавшаго прошлое монголовъ не хуже профессиональныхъ исторіографовъ. Въ «Газановой исторіи» однимъ изъ письменныхъ источниковъ (для повѣствованія о Джингизъ-ханѣ) былъ и Джовейнн, но были и разные иные источники, въ ихъ числѣ монгольскіе и монгольско-китайскіе. Для двухъ другихъ частей (или, по крайней мѣрѣ, для извѣстной намъ общенсторической II части) этого «Собрания лѣтописей» применены были источники очень и очень разнообразны. Такъ, объ Индіи давалъ свѣдѣнія буддистъ-кашмирецъ, а объ Европѣ какой-то европеецъ,—судя по всеъмъ признакамъ, монахъ-папистъ.

¹⁾ Новое разсмотрѣніе вопроса о религии Решидеддина см. у Blochet: „Introduction à l'histoire de Mongols“ (Лейденъ 1910, въ 12 выпускѣ Gibb Memorial series), стр. 29-30. Выводы Блоше поддержаны и его строгимъ критикомъ В. Бартольдомъ въ „Мірѣ ислама“, 1912, стр. 78-82. Указатель работъ о жизни Решидеддина см. у насъ ниже, на стр. 47-48.

²⁾ Вопреки утверженію Вессафа (бомбейск. изд. 1269=1853, стр. 539), упоминающаго о полномъ сводѣ Решидеддина, съ географической частью, у европейскихъ изслѣдователей не разъ возникала догадка, что 3-я, географическая, часть „Собрания лѣтописей“, упоминаемая и самимъ Решидеддиномъ въ предисловіи, пожалуй, не была даже и написана, а была лишь задумана. Догадка очень многое имѣетъ за себя. Исторіи Олчжейту, упоминаемой въ предисловіи, Решидеддинъ тоже, повидимому, не успѣлъ написать и лишь намѣтилъ (она, повидимому, должна была дополнительно входить въ составъ второй части, а не специально-монгольской первой части).

Сперва укажемъ библиографію второй части.

II часть „Собранія лѣтописей“, т.-е. общенсторическая, долго считалась утерянной. Подробнѣе обзоръ ея состава см., напр., въ описательныхъ каталогахъ Морли (1854) или Рѣѣ (I, 1879), у Эллиота въ III томѣ исторіи Индіи (1871), въ „Introduction“ Блоше (1910, стр. 114-127), въ обстоятельной критикѣ В. Бартольда на Блоше („Міръ ислама“, 1912, № 1) и др. указываемыхъ у насъ ниже (стр. 47-48) работахъ о Решидеддинѣ. Отрывокъ объ ассасинахъ переведенъ Эдв. Брауномъ въ статьѣ о Хейламѣ въ „Journ. of the R. Asiat. Soc.“, 1899, апр., и использованъ въ „A lit. hist. of Persia“, т. II (1906), стр. 192 и сл.

Къ печатному изданію II часть, покаместъ, не предполагается въ полномъ своемъ видѣ.—Богаче библиографія части первой.

Изданія и переводы I части:

Въ настоящее время (съ 1911 г.), въ Лейденѣ, въ серіи Gibb Memorial № 18, подъ редакціею Блоше печатается полностью „Tārīx-и Gāzānī“, т.-е. I-я (монголовоидная) часть „Собранія лѣтописей“, съ прибавленіемъ (не Решидеддиновымъ, а ужъ XV вѣка) событій царствованія Олчжейту (1304-1316) и Абу-Саида (1316-1335). Изданіе займетъ три печатныхъ тома и включитъ только перс. текстъ, безъ перевода. Эти три тома будутъ:

I. Начатки монголовъ, предки Джингизъ-хана и онъ самъ (томъ этотъ, уже извѣстный благодаря Березину, будетъ напечатанъ у Блоше попозже двухъ другихъ);—II. До Газанъ-хана (этотъ томъ уже вышелъ изъ печати. Лейд. 1911, стр. 72+617 перс.);—III. Газанъ-ханъ, съ не-Решидеддиновымъ прибавленіемъ (XV вѣка): Олчжейту и Абу-Саидъ.

Работающій надъ этимъ изданіемъ E. Blochet предпослалъ ему не разъ упомянутое нами большое (398 стр.) изслѣдованіе: „Introduction à l'histoire des Mongols de Fadl Allah Rashid ed-din“ (Лейденъ, 1910). Очень строгую критику этого изслѣдованія произвелъ В. В. Бартольдъ въ журналѣ „Міръ ислама“, I (1912), № 1, стр. 56-107.

До сихъ поръ были напечатаны или переведены лишь нѣкоторыя части изъ „Газановой исторіи“, при чемъ имена Березина и (болѣе ранняго) Катрмера должны быть названы на первомъ мѣстѣ:

1) И. Н. Березинъ: „Сборникъ лѣтописей. Исторія монголовъ, сочиненіе Рашидъ-Эддина. Исторія Чингизъ-хана (= съ предшествующей исторіей монгольскихъ племенъ) отъ восшествія его на престолъ до кончины“—въ петербургскихъ „Трудахъ Восточнаго отдѣленія Имп. Русск. Арх. Общ.“, тт. V (1858), VII (1861), XIII (1868) и XV (1888), перс. текстъ, русскій переводъ и обильныя примѣчанія. Цѣнность труда Березина отмѣчалась и западной наукой, напр., срв. у китанета Э. Бретшнейдера (Bretschneider): „Mediaeval researches from eastern asiatic sources“, т. I, 198, хотя ирановѣды европейскіе обыкновенно съ нимъ незнакомы¹⁾.

2) Предисловіе Решидеддина къ труду и исторія Хулагу-хана, завоевателя Персіи съ Багдадомъ (ум. 1265), были еще раньше изданы, переведены и эрудитно объяснены въ классическомъ трудѣ E. Quatremère: „Histoire des Mongols, écrite en persan, traduite en français et accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur“ (Пар. 1836, in-folio въ Collection Orientale I; отдѣльно тогда же были изданы извлеченія по-персидски для учебныхъ студенческихъ цѣлей). По-русски о трудѣ Катрмера—В. Григорьевъ въ „Москвитиниѣ“ 1841, № 7 (ч. 4), стр. 205-233.

¹⁾ Такъ, специалистъ по исторіи персидской литературы и особенно по историографіи (!) Edw. Browne въ „A literary history of Persia“ (т. II, Лонд. 1906, стр. 435) говоритъ въ подстрочной сноскѣ, что часть Решидеддиновой исторіи монголовъ „была, какъ жетъ ся, издана Березинимъ, но изданіе его очень рѣдкое, и видать его не приходилось“.

Изъ прочихъ болѣ мелкихъ или болѣ частичныхъ переводовъ (часто въ видѣ цитатъ) отмѣтимъ слѣдующее:

1 и 2) Очень много выдержекъ (по-французски), то полныхъ, то кратко пересказанныхъ — у д'Оссона въ его „Histoire des Mongols“ (2-е изд. 1834) и по-нѣмецки у Хаммера въ „Geschichte der Ilchane“ 2 тт. (1842-1843).

3) Фр. Эрмания: а) Kritische Beurtheilung der von Herrn Quatremère hsg. Hist. des Mongols de la Perse (Казань, 1841);—б) Vollständige Uebersicht der türk. und mong. Völkerstämme nach Raschiduddin's Vorgänge (Казань, 1841);—в) Предки Чингисъ-хана въ „Журн. Минист. Нар. Просв.“ 1843, № 4 (стр. 19-56) и № 5 (стр. 80-112);—г) Къ исторіи Чингисъ-хана—тамъ же 1844, № 10 (стр. 30-94);—д) „Temutschin der Unerschüttliche“ (Лнд. 1862), гдѣ, среди изслѣдованій, есть много извлеченій изъ Решидеддина;—е) По-персидски и по-нѣмецки о царствованіи сельджука Баркъ-ярука: „Zu Barkiarok's Regierung, nach Rasiduddin“ въ „Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Ges.“, т. IX (1855), стр. 800-808.

4) У Эллиота въ „History of India“ переведены по-англійски: а) описаніе Хиндустана (въ т. I, 1867, стр. 44-73), которое почерпнуто Решидеддиновой исторіей изъ арабскаго труда аль-Бирунія X—XI в., писателя временъ Махмуда Газневидскаго;—б) отрывокъ объ отцѣ Махмуда Себоктегинѣ Газневидскомъ, въ т. III (1871), стр. 21-23;—в) борьба харезмшаха на берегахъ Инда со вторгшимися монголами, т. II (1869), стр. 550-556.

Библиографію трудовъ о самомъ Решидеддинѣ мы указываемъ ниже (стр. 47-48).

Колоссальное «Собраніе лѣтописей» написано было везиремъ Решидеддиномъ не единолично (что в трудно было бы ему сдѣлать при его сложныхъ министерскихъ обязанностяхъ), а при помощи ряда сотрудниковъ. Одни изъ нихъ дѣлали ему переводы съ китайскаго, тибетскаго-индусскаго, тюркскаго-уйгурскаго ¹⁾ и иныхъ языковъ, не говоря ужъ, конечно, объ общеизвѣстномъ арабскомъ, другіе—помогали въ самой обработкѣ матеріала,—такъ что везирь Решидеддинъ былъ, собственно, лишь редакторомъ или просто руководителемъ. Враги, обвинявшіе и самого везира въ тайной приверженности къ вѣрѣ своихъ предковъ-евреевъ, утверждали, что онъ цѣло безцеремонный воръ, и что даже окончательная обработка «Свода лѣтописей» произведена была руками «проклятыхъ жидовъ» (би дести джеһудан-и мердуд). Именно, это говоритъ въ своей «Исторіи Олчжейту» одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Решидеддина Абдаллахъ Кашанскій (ум., б. м., 1335) ²⁾, который именно себя называетъ состави-

¹⁾ Уйгуры—тюркскій народъ, къ югу отъ Тянь-Шаня, въ восточномъ (китайскомъ) Туркестанѣ (у нынѣшняго г. Турфана и др.), по религіи то христіане-несторіане, то буддисты, отчасти также манихеи,—народъ, который оказалъ огромное культурное вліяніе на монголовъ, основавшихъ свою великую имперію. Внѣшнимъ признакомъ ихъ вліянія на монголовъ остался фактъ, что алфавитомъ для монгольскаго языка былъ принятъ уйгурскій (а уйгурскій самъ произошелъ изъ весторіанско-сирскаго).

²⁾ Объ очень старой (однако не собственноручной) рукописи „Исторіи Олчжейту“ Абдаллаха Кашанскаго (списокъ половины XIV вѣка, 1351 г., въ библиотекѣ св. Софіи въ Константинополѣ) и о парижскомъ новомъ спискѣ съ нея (м. а) у В. Бартольда въ „Запискахъ Восточн. Отдѣленія“, т. XVIII (1908), стр. 0119-0124;—б) у К. Süsseim'a: „Muhammad-al-Husaini al-Yazdi: Das Geschenk aus der Saldschukenge-

телемъ чуть не всего свода, а Решидеддина представляетъ заказчикомъ, присвоившимъ себѣ авторство заказаннаго труда. Такъ какъ до насъ дошла — полжимъ, въ высшей степени неполная — рукопись (въ Берлинѣ) подлиннаго труда Абдаллаха Кашанскаго («Зобдетъ отъ-теваріхъ» = «Сливки исторій») ¹⁾, то явилась возможность сличить его трудъ (сохранившійся отдѣль о доисламскихъ и начально-исламскихъ временахъ) со сводомъ Решидеддина, — и оказалось, по сличенію Блошэ (1910) ²⁾, что Абдаллахъ Кашанскій въ значительной степени правъ, и что сводъ Решидеддина (по крайней мѣрѣ, въ мѣстахъ, поддающихся сличенію) есть почти буквальное, иногда неумѣло сокращенное, переписаніе труда Абдаллаха Кашанскаго. Однако нельзя не принять въ соображеніе вѣрнаго ограниченія В. Бартольда ³⁾; отсюда — покаместъ — можно вывести заключеніе, что въ нѣкоторыхъ частяхъ, требовавшихъ простого компилированія книгъ прежнихъ историковъ (напр. о доисламскихъ временахъ), Решидеддинъ не писалъ лично, а поручалъ работу секретарямъ, но нельзя еще вывести заключенія, что и вся работа по исторіи монголовъ совершена одними секретарями, безъ личнаго участія самого Решидеддина, а ужъ тѣмъ менѣе — однимъ только Абдаллахомъ Кашанскимъ, обвинителемъ Решидеддина въ плагиатѣ.

Все же, какъ-ни-какъ, Решидеддиново «Собраніе лѣтописей» надо признать трудомъ коллегіальнымъ, а не единоличнымъ.

О жизни и литературной дѣятельности везира Решидеддина см.:

1) d'Ohsson: Histoire des Mongols, т. I (2-е изд. 1834), введеніе стр. XXXIII—XLIV.

2) Et. Quatremère: а) обширное предисловіе къ Histoire des Mongols, 1836, стр. 1—CLXXV;—б) статья въ „Journal des Savants“ 1850, сент., стр. 515-522, вызванная—

3) статьей объ Решидеддинѣ въ трудѣ Эллиота: „Bibliographical Index to the historians of moh. India“ I (1849, стр. 1-47), которая впоследствии была переработана въ III томѣ Эллиотовой „History of India“ (1871), стр. 1-21, съ исчерпывающей мелкой библиографіей.

4) W. H. Moyley: а) статьи 1840-хъ гг. въ „Journal of the R. Asiatic Society“, т. VI (стр. 11-41) и т. VII (стр. 267-272), вызванныя свѣжимъ открытіемъ (считавшихся утерянными) частей „Собранія лѣтописей“;—б) описаніе историческихъ рукописей (Descriptive Catalogue библиотекы Asiatic Society

schichte“ (Лейд. 1909), стр. IX и слѣд.;—в) у Блошэ: „Introduction“ (1910), стр. 113 (къ этому срв. В. Бартольда въ „Мірѣ ислама“ 1912, № 1, стр. 64); о годѣ смерти автора см. у Блошэ стр. 149. Большая выдержка изъ этой „Исторіи Олчжейту“ приводится въ книгѣ Блошэ въ достаточномъ количествѣ. Владелецъ новаго списка проф. Шеферъ публиковалъ изъ него кое-какія выдержки въ примѣчаніяхъ къ своей „Chrestomathie persane“; такъ, т. II, 1885, стр. 94-103 о Гилянскій области, стр. 150-151 о плагиаторствѣ Решидеддина; въ лучшемъ чтеніи, на основаніи константинопольской рукописи, последнее мѣсто издало у В. Бартольда въ „Зап. Вост. Отд.“ 1908, т. XVIII (стр. 0122-0123) при описаніи рукописи.

¹⁾ О „Сливкахъ исторій“ Абдаллаха Кашанскаго см. въ каталогѣ Берлинскихъ рукописей Пертша (т. IV, № 368) и въ „Introduction“ Блошэ 1910, стр. 140-144. Мы еще разъ вернемся къ „Сливкамъ исторій“ Абдаллаха Кашанскаго, когда будемъ говорить объ одноименныхъ „Сливкахъ исторій“ Хафиза-Эбру XV вѣка (стр. 57).

²⁾ „Introduction“, стр. 128-157, въ частности стр. 144 и 151-152.

³⁾ въ „Мірѣ ислама“, 1912, № 1, стр. 91, 97.

(1854), стр. 1-11. Статьи Морли очень широко, часто съ буквальнойностью, использованы во II томѣ упомянутой „History of India“ Эллиота (1871).

5) Введение и примѣчанія Березина къ изданію и переводу Решидеддина (1858-1888).

6) Rieu, въ описаніи перс. рукописей Брит. Музея, т. I (1879), стр. 74-79, съ обзоромъ содержанія также II части „Собранія лѣтописей“, которая еще долго, вѣроятно, останется невзданной.

7) Бар. В. Розенъ, въ описаніи персидскихъ рукописей петербургскаго азіатскаго департамента Мин. Иностр. Дѣлъ = Collections scientifiques, т. III (Спб. 1886), стр. 52-111,—статья, важная для выясненія исторіи редактированія Решидеддинова свода при Шахрохъ въ XV вѣкѣ Хафизомъ-Эбру.

8) В. Бартольдъ: „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія“, (Спб. 1900), стр. 45-49. О болѣе обстоятельной его работѣ см. ниже.

9) Блошэ: „Introduction à l'histoire des Mongols de Rachid ed-din“, 1910, большое, обстоятельное изслѣдованіе, впрочемъ съ отсутствіемъ предыдущей библиографіи.

10) В. Бартольдъ (срв. выше, № 8)—критическая статья объ „Introduction“ Блошэ въ журналѣ „Міръ ислама“, 1912, кн. 1, стр. 56-107; главное вниманіе удѣлено установленію біографіи Решидеддина и способу составленія „Собранія лѣтописей“.

Какъ бы мы ни относились къ личности везира Решидеддина и беззастѣнчивому эксплуатированію имъ труда своихъ подчиненныхъ-секретарей, сводъ его не перестаетъ отъ этого быть однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ проявленій персидской исторіографіи.

„Таріх-и Гозиде“, ок. 1330, съ предшествующими (Бенакети 1317). Шебангерай, 1333.

Еще при жизни везира Решидеддина дѣлались изъ его «Свода лѣтописей» сокращенныя извлеченія, напр., «Садъ умныхъ» = «Ровзетъ ѳлі ль-эльбабъ» придворнаго поэта монголовъ Бенакетій 1317 г.; Бенакети включалъ въ свое извлеченіе также интересныя свѣдѣнія, данныя у Решидеддина, о чужихъ народахъ: индійцахъ, китайцахъ, евреяхъ, европейцахъ.

Объ Абу-Солейманѣ Даудѣ Фехреддинѣ Бенакетіи и его исторіи см.:

1) статью Хаммера въ „Wiener Jahrbücher der Litteratur“, т. 69=1835 Anzeige-Blatt, стр. 33 и сл.

2) E. Quatremère: „Histoire des Mongols“ (1836), стр. LXXXVI и слѣд., гдѣ установлено тождество Бенакети съ псевдо-Бейдавиемъ.

3) Elliot: „History of India“, т. III (1871), стр. 55-59, съ исчерпывающей мелкой библиографіей;

4) Rieu въ описаніи персидскихъ рукописей Брит. Музея, т. I (1879), стр. 79-80.

5) Бар. В. Розенъ въ описаніи спб. рукописи Решидеддина въ „Collections scientifiques“, III (1886), стр. 102-109.

6) краткое упоминаніе съ характеристикой у В. Бартольда: „Туркестанъ“ (1900), стр. 50.

Восьмая книга, или, вѣрнѣе, глава—о китайцахъ, подъ заглавіемъ Historia Sinensis = „Таріх-и Хитъ“, ложно приписанная европейскимъ издателемъ (Андреасомъ Мюллеромъ) Бейдавию XIII в., издана была особой книжкою по-персидски съ латинскимъ переводомъ еще въ XVII в. (Берл. 1677; нов. изд. 1689; рѣдкій англ. переводъ 1820).

Большого научного значенія выборка Бенакетія 1317 г. изъ современнаго ему Решидеддина не имѣетъ. А когда будетъ полностью напечатанъ сводъ Решидеддина, экскерптный трудъ Бенакетія потеряетъ вообще всякую цѣнность, за исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ дополненій о современныхъ Бенакетію событіяхъ, частію въ видѣ стихотворныхъ панегириковъ Газашъ-хану, Олчжейту и Абу-Сайду (воцар. 1316).

И послѣ Решидеддиновой смерти, несмотря на постигшую опалу, «Сводъ лѣтописей» служилъ для другихъ источникомъ.

Такъ, въ литературномъ кругу везира Решидеддина получилъ свое первое историческое образованіе Хемдаллаъ Мостовфій Казвинскій, впоследствии (ок. 1330 г.) написавшій «Отборную лѣтопись» = «Тâriх-и Гозиде», гдѣ содержится всеобщая исторія старѣйшихъ временъ до временъ автора (до 1330 г.)¹⁾; почти въ концѣ Хемдаллаъ даетъ географическія и иныя сообщенія о своемъ родномъ городѣ Казвинѣ²⁾.

Хемдаллау Казвинскому принадлежитъ также (1340) специальное географическое сочиненіе: «Услава сердець» = «Нозхет эль-қолюб»³⁾.

«Тâriх-и Гозиде» полезна сообщеніями не только о повѣйшихъ событіяхъ, современныхъ автору; она и въ компилятивныхъ частяхъ, напр., о саманидахъ⁴⁾, о Махмудѣ Газневидскомъ⁵⁾, о сельджукахъ и ассасинахъ⁶⁾, даетъ цѣнные

1) Теперь въ серіи Gibb Memorial (вып. XIV) воспроизведена фототипіей полная рукопись 1453 г.: *The Ta'rikh-i Guzida with an introduction by E. G. Browne vol. I, containing the text* (Лейд. 1910), 852 стр., безъ перевода, который составитъ собою второй томъ изданія. Предпринято было и печатное изданіе съ параллельнымъ французскимъ переводомъ J. Gantin'a: *Târikhé Gozidé. Les dynasties persanes pendant la période musulmane depuis les Saffarides jusques et y compris les Mongols de la Perse en 1330 de notre ère*, t. I. (Пар. 1903). Мелкую библиографію укажемъ по частямъ, ниже въ сноскахъ.

2) Отдѣлъ о Казвинѣ изъ «Отборной лѣтописи» перевелъ Барбье де Мейнаръ въ *Journal Asiatique* 1857 окт.-ноб. (сер. 5, т. 10), стр. 257-295: «Description historique de la ville de Kazvin, extraite du Tarikhé Guzidéh», съ примѣчаніями.

3) «Нозхет эль-қолюб» Хемдаллаа Казвинскаго литогр. въ Бомбей 1311=1894. У Шефера въ дополнительномъ томѣ («Supplément») къ «Siasset naméh» Низамоль-молька XI в. издано изъ «Нозхет эль-қолюб» довольно много отдѣльныхъ главъ о городахъ Месопотаміи, зап. Персіи, Курдистана, Арменіи и Грузіи (Пар. 1897, стр. 141-235). Сокращенный критическій переводъ Лестренджа въ «*Journ. of the R. Asiat. Soc.*» 1902 (и отд. оттискъ: «*Mesopotamia and Persia under the Mongols*» Лонд. 1903). Высокую оцѣнку этому труду Хемдаллаа см. у В. Бартольда въ юбилейномъ сборникѣ бар. Розена «*аль-Мозафирійе*» (1897), стр. 8-9. В. Бартольдъ въ своемъ изслѣдованіи «Персидская надпись на стѣнѣ Анійской мечети Мануче» (въ «*Анійской серіи*», № 5, Спб. 1911) очень обстоятельно рассмотрѣлъ сообщенія Хемдаллаховой «Нозхет эль-қолюб» о финансовомъ положеніи Персіи при монголахъ, о количествѣ государственныхъ доходовъ съ раскладкою по отдѣльнымъ областямъ и большимъ городамъ (есть и у Лестренджа). Ожидается изданіе текста въ Гиббовой серіи.

4) Главу о саманидахъ изъ «Тâriх-и Гозиде» давно ужъ напечаталъ Ш. Шеферъ при «*Description de Boukhara par Nerchakhy suivie de textes relatifs à la Transoxiane*» (Пар. 1892), стр. 99-111.

5) Отрывки изъ «Тâriх-и Гозиде» о Махмудѣ Газневидскомъ по-англійски въ «*History of India*» Эллиота, т. III (1871), стр. 63-66.

6) О сельджукидахъ и ассасинахъ изъ «Тâriх-и Гозиде» — франц. перев. Defrémery: *Histoire des Seldjoukides et des Ismaéliens ou Assassins de l'Iran, extraite* (только

свѣдѣнія,— правда, черпаемая Хемдаллахомъ обыкновенно не изъ первоисточниковъ, а чаще всего изъ «Свода лѣтописей» Решидеддина. Какъ бы то ни было, пока не изданъ полный сводъ везира Решидеддина, мы изъ «Таріх-и Гозиде» можемъ извлекать сообщенія старыхъ авторовъ, среди которыхъ иные не изданы до сихъ поръ, иные, повидимому, затеряны.—тѣмъ болѣе, что иногда у Хемдаллаха есть и отличія отъ Решидеддина. Для исторіи литературы важна V-я книга «Таріх-и Гозиде», о знаменитыхъ людяхъ, святыхъ, ученыхъ и поэтахъ, гдѣ, напр., біографія Фирдовсія рассказывается еще безъ тѣхъ багнословныхъ наращеній, съ какими мы ее знаемъ у дальнѣйшихъ персидскихъ историковъ литературы ¹⁾. Изъ этой V-й книги «Таріх-и Гозиде» кое-что черпали позднѣйшіе авторы тезкиратъ, какъ Довлетъ-шахъ и Джамій въ XV в.

О составѣ „Таріх-и Гозиде“ и ея авторѣ см.

1) у Эллиота: „History of India“, т. III (1871), стр. 60-63, гдѣ отмѣчена и вся мелкая предыдущая бібліографія;

2) Rieu: перс. катал. Брит. Музея I (1879), стр. 80-82, съ бібліографіей рукописей;

3) критико-историческія замѣчанія у В. Бартольда: „Туркестанъ“ (1900), стр. 50-51;

4) E. Blochet: „Introduction à l'histoire de Mongols“ (1910, Gibb series, t. XII), стр. 106-108.

5) вступительная статья Edw. Browne'a (стр. I-XVI) къ фототипическому изданію „The Tarikh-i Guzida“ (1910); срв. его же въ „J. R. As. Soc.“ 1900, Oct., 721-726.

Замѣтимъ, что у Эгге въ „Grundriss“-ѣ (1896), по непонятному упущенію, нѣтъ о Хемдаллахѣ Казвинскомъ ни слова (!).

Съ Хемдаллахомъ Казвинскимъ не надо смѣшивать историка эмира Яхью Казвинскаго, жившаго сто лѣтъ спустя, автора компилятивной всеобщей „Сердцевины лѣтописей“ (Лоббэттеваріх); о немъ см. ниже, въ главѣ о XVI вѣкѣ (стр. 73).

Если у Хемдаллаха Казвинскаго мы встрѣчаемъ полное довѣріе къ «Своду лѣтописей» везира Решидеддина, то находились въ его же время такіе историки, которые избѣгали пользоваться этимъ сводомъ. Напримѣръ, поэтъ-восхвалитель послѣдняго булагидскаго дѣйствительнаго властелина-ильхана Абу-Саида (1316-1335) Мохеммедъ Шибангарскій (аш-Шибанкарâи ²⁾), составляя свое сухое и мало интересное общенсторическое «Меджме' эль-энсâб» = «Собраніе родословныхъ» (въ 1333 г., лѣтъ 15 спустя послѣ смерти везира Решидеддина), избѣгаетъ пользоваться Решидеддиновымъ сводомъ и даже не упомина-

по-франц.) du Tarikh-i Guzideh d'Hamd-allah Mustaufi, trad. et accomp. des notes hist. et géographiques, Пар. 1849; 142 стр.; это оттискъ изъ Journ. Asiatique 1848-1849 (1-я серия, тт. XI, XII, XIII=анр.-май стр. 417-462, сент. 259-279, окт. 334-370; 1849 янв., 15-55).

¹⁾ Англ. пер., часто съ персид. выдержками: Biographies of persian poets, contained in chapter V of the Tarikh-i Guzida, or „Select History“, translated by E. G. Browne, Hertford 1901; 79 стр.). Это оттискъ изъ „Journ. of the R. Asiatic Soc.“ 1900 October, 1901 January. Во введеніи указаны источники Хемдаллаха.

²⁾ Шибангарѣ (или Шибанкарѣ)—округъ между Фарсомъ и Керманомъ, съ главнымъ городомъ Дарâбрудомъ.

еть этого труда, а самого везира Решидеддина характеризуетъ какъ интригана (не отрицая, впрочемъ, его учености). Самъ Шебангарай принадлежитъ впрочемъ къ второстепеннымъ историкамъ¹⁾.

Общая характеристика этихъ историковъ.

Мы назвали цѣлыхъ восемь монголохвалебныхъ историковъ перваго періода монгольской власти, т.-е. династїи Джингизъ-хана, въ частности вѣтви Хулагу-хана.

Большой несправедливостью было бы съ нашей стороны отказать монголославящему Джоейнию, Вессафу и Решидеддину и прочимъ вышеотмѣченнымъ изъ восьми (пожалуй, и другимъ такимъ же, лишь менѣ известнымъ) историкамъ перваго періода—въ важныхъ научныхъ заслугахъ; и все же, когда эти хвалители повѣствуютъ о дѣяніяхъ монголовъ, чтеніе ихъ производитъ на насъ крайне тяжелое и невыгодное для авторовъ впечатлѣніе.

Что такое были монголы, это мы вѣдь очень хорошо знаемъ по исторїи монгольского вторженія и лихолѣтья на Руси, знаемъ это и по независимому отъ нихъ арабскому историку ибнъ-аль-Асиру, свидѣтелю вторженія Джингизъ-хановыхъ полчищъ въ Азербейджанъ, знаемъ это и по арабскимъ мемуарамъ Нисаїя, который былъ секретаремъ послѣдняго харезмшаха Джелаледдина во время его борьбы съ вторгшимися разрушителями и не имѣлъ нужды льстить безчеловѣчнымъ завоевателямъ.

Между тѣмъ у персовъ-историковъ типа Джоейнія, Вессафа и Решидеддина дается про монголовъ не столько исторїя въ собственномъ смыслѣ, сколько льстивые-прельстивые панегирики. Авторы состоятъ на службѣ у потомковъ Джингизъ-хана, получаютъ отъ нихъ плату за свои писанія (завоевателямъ пришлось по вкусу хвалебныя повѣствованія объ ихъ побѣдахъ), а потому постыдно низкопоклонничаютъ передъ грубыми варварами, обѣляютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ ихъ звѣрства, и даже не краснѣютъ изображать этихъ безпощадныхъ культурогубителей²⁾ якобы покровителями культуры.

Стиль ихъ «вессафскихъ» исторїй до такой степени цвѣтистъ, что С. де-Саси, проникнувшійся восточнымъ вкусомъ, считалъ этихъ историковъ-хвалителей болѣе талантливыми, чѣмъ Фирдовсія съ его незатѣйливой «Шâh-намé»³⁾.

¹⁾ Собственноручная авторская рукопись „Меджме эль-энсаб“ хранится въ Петербургѣ (Азіат. Муз., d 566); срв. у В. Бартольда: „Туркестанъ“, 1900, стр. 47; у него же въ „Мірѣ ислама“, 1912, № 1, стр. 65-66, раньше—у В. Радлова (замѣтка К. Залеманна) въ „Das Kudatku-Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bâlasagun“ (Слб., 1891, стр. XLIX). Рукопись Брит. Музея описана у Рѣ въ каталогъ перс. рукописей, т. I (1879), стр. 82-84, съ біографическими свидѣніями объ авторѣ.

²⁾ Газанъ-хана мы, конечно, исключимъ,—хотя, понятно, и его личная культурная роль безконечно преувеличена хвалителями-дѣписателями, показанія которыхъ надо поэтому предварительно очищать отъ лживой, хвалебной шелухи.

³⁾ Выписка изъ де-Саси полностью приведена у Dubeux: „La Perse“ (Пар., 1841), стр. 438.

б) ИСТОРИОГРАФІЯ ЭПОХИ ТИМУРА И ТИМУРИДОВЪ.

Поддѣльныя „Записки Тимура“.

Къ сожалѣнію, и вторая половина монгольскаго періода, т.-е. эпоха Тимура и тимуридовъ, дала персидскихъ историковъ все такого же типа, т.-е. восхвалителей, а не безпристрастныхъ дѣисателей,—и въ то же время песомнѣнно интересныхъ.

Замѣтимъ, что заднимъ числомъ считается у персовъ историкомъ и самъ Желѣзный Хромецъ Тимуръ-ленгъ. Ему приписываютъ мемуары, или автобіографическія записки, которыя онъ якобы диктовалъ своему секретарю по-джагатайски («Малфъзат-и Тимурі»), но которыя затерялись и лишь потомъ въ XVII уже вѣкѣ, т.-е. два столѣтія спустя, были печаянно однимъ индійскимъ персомъ открыты въ Аравіи и тотчасъ, безъ опубликованія джагатайскаго текста, который и остался неизвѣстенъ, переведены имъ на персидскій языкъ. Дополненіе къ нимъ—«Установленія (или наставленія) Тимура» («Тузукъ-ат-и Тимурі») ¹⁾. Подлинность этихъ столь подозрительно открытыхъ и почему-то опубликованныхъ лишь по-персидски ²⁾ мемуаровъ Тимура болѣе чѣмъ сомнительна ³⁾.

Повидимому, они просто почеринуты изъ хвалебныхъ біографій Тимура XV в., главнымъ образомъ изъ Шерефеддиновой «Зефер-наме».

¹⁾ Въ печати появились сперва „Тузукъ-ат“—„Установленія“ (или „Наставленія“), изданныя Джозефомъ Уайтомъ, съ англ. переводомъ майора Will. Davy: „Institutes, political and military, by the great Timour“ (Оксф. 1783), съ чего былъ сдѣланъ франц. переводъ Langlès (Пар., 1787, со вступительной статьей); есть въ Лазаревскомъ Институтѣ рукопись „Тузукъ-ат“ въ синскій начала XIX в. (неч. кат. № 335). А изъ „Малфъзат“—„Записокъ Тимура“ значительная часть переведена была на англ. яз. майоромъ Ч. Стюартомъ (Лонд., 1830, въ серіи Orient. Transl. Fund) и Эллиотомъ въ III томѣ „History of India“ (1871, стр. 394-477). Русскій переводъ Н. Лыкошина: „Автобіографія Тамерлана, род. въ 1333 (sic!), ум. въ 1405 г. переводъ съ тюркскаго“ (Ташкентъ, 1894; 115 стр.; изд. Сыръ-Дарьинскаго статист. Комитета) сдѣланъ съ очень поздняго (1836-го года) тюркскаго перевода, который изготовленъ былъ съ персидскаго.

²⁾ Малькомъ (1815) говоритъ: „Одинъ очень интеллигентный персъ, по имени Зейнель-Абидинъ, укрѣдилъ меня, что онъ видѣлъ списокъ Наставленій Тимура, на первоначальномъ ихъ тюркскомъ языкѣ, въ библіотекѣ одного персидскаго вельможи въ Хератѣ (см. Histoire de la Perse, т. II франц. перевода, стр. 198). Извѣстіе—слишкомъ неопредѣленное и нуждающееся въ провѣркѣ. Возможно, что это былъ какой-нибудь поздній тюркскій переводъ съ персидскаго.“

³⁾ Положимъ, на этотъ счетъ нѣтъ согласія въ наукѣ, даже въ XIX вѣкѣ. Такъ Эллиотъ въ III т. „History of India“ (1871, стр. 389-391) упорно защищалъ „Записки Тимура“ отъ обвиненія въ поддѣльности, но вскорѣ же Рѣ въ описаніи перс. рукописей Брит. Музея, т. I (1879), стр. 177-178, выставилъ рядъ слишкомъ вѣскихъ сомнѣній. Съ нимъ согласенъ Этѣ въ „Grundriss“ (т. II, 1896, стр. 360),—и однако, въ этомъ же „Grundriss“ П. Хорнъ (т. II, 1900, стр. 577 и 579) считаетъ вопросъ далеко не выясненнымъ и лично склоняется, съ очевидностью, въ пользу признанія поддѣльности.

Тимуровы гиперболисты, или восхвалители: „Чудеса предопредѣленія“ араба ибнъ-Арабшаха 1389—1450; „Зефер-наме“, 1425.

Восхвалительныя біографіи побѣдоноснаго Желѣзнаго Хромца появлялись частію при его жизни (ум. 1405), но больше послѣ его смерти, ради услады его наслѣдниковъ-тимуридовъ.

Объ одной ранней „царственно-побѣдоносной“ біографіи Тимура („Зефер-наме-и шаһи“), составленной въ 1403 г. Низамеддиномъ Дамаскимъ (Шаһи) за два года до Тимуровой смерти и сохранившейся въ персидскихъ рукописяхъ Брит. Музея, см. каталогъ Ръё, т. I (1879), стр. 170, и Blochet: „Introduction“, 1910, стр. 81. Эта ранняя „Зефер-наме“ достаточно известна; изъ нея черпали въ XV вѣкѣ Хафиз-и Эбру, Шерефеддинъ, даже подь конецъ вѣка Абдеррезакъ.

Въ „Туркестанѣ“ В. Бартольда (1900, стр. 54, сноски 4), см. о ташкентской рукописи еще болѣе ранней исторіи Тимура, которую зналъ и Низамеддинъ Дамаскій.

Ниже, касаясь состава Шерефеддиновой „Зефер-наме“, мы встрѣтимъ указанія на цѣлый рядъ прижизненныхъ записей о Тимурѣ.

Хоризъ въ своемъ изданіи словаря Эседа (1897, отд. изъ гёттингенскихъ „Abhandlungen“, см. стр. 30, примѣч. 2) указалъ, что, памятное по пирамидамъ изъ 70.000 головъ, взятіе Тимуромъ Испанава въ 1387 г. послужило тогда же предметомъ особаго сочиненія: „Книга подвиговъ Тимура при покореніи Испанава“ = „Тимур-наме дер фетх-и Исфанава“ и бнъ-Мубина Эберкухскаго (Про ибнъ-Моина, безъ указанія на его „Тимур-наме“, см. у В. Бартольда въ „Туркестанѣ“, 1900, стр. 55-56).

Изъ посмертныхъ гиперболическихъ, если не панегирическихъ исторій, писанныхъ по-арабски, очень известны «Чудеса предопредѣленія» араба-сирійца ибнъ-Арабшаха (1389-1450), который ребенкомъ былъ уведень изъ Дамаска въ самаркандскій плѣнъ Тимуромъ (1401); тамъ онъ выучился персидскому языку, — значить, могъ свободно пользоваться персидскими источниками, и, вернувшись, проживалъ у османскихъ владѣтелей, поминившихъ причиненное Тимуромъ зло. Сочинительствовалъ ибнъ-Арабшахъ послѣ смерти воителя¹⁾. Слогъ ибнъ-Арабшаха напыщенъ, онъ подвиги Тимура рисуетъ въ преувеличенномъ видѣ, но все-же онъ не любитъ Тимура, разорителя и его родины и османовъ, и оттого можетъ служить противовѣсомъ къ персидскимъ историкамъ. На языкѣ же персидскомъ изъ посмертныхъ хвалебныхъ историковъ Желѣзнаго Хромца известнѣе всѣхъ довольно близкій къ нему по времени персъ Шерефеддинъ Алиъ Йездскій, авторъ цвѣтистой-прецвѣтистой «Побѣдоносной исторіи Тимура» = «Зефер-наме» (оконч. 1425), которая вытѣснила всѣ предыдущія «Зефер-наме» такого же рода.

О Шерефеддинѣ Алиѣ Йездскомъ и его „Зефер-наме“ см.:

- 1) У Ръё въ опис. персид. рукоп. Брит. Музея, т. I (1879), стр. 173-177;
- 2) Ethé въ „Grundriss der iran. Philol.“, т. II (1896), стр. 359-360;

¹⁾ Про ибнъ-Арабшаха (скудно), про изданія и переводы его „Аджайб аль-мадур“, см. К. Броккельманъ: „Gesch. der arab. Litter.“, т. II (1902), стр. 28-30. Европа познакомила съ трудомъ ибнъ-Арабшаха въ XVII в. (изд. Голіусъ, 1636; фр. перев. Ваттье, 1658; лат. перев. Мангера, 1767-1772).

3) В. Бартольдъ: „Туркестанъ“ (1900), стр. 54-55;

4) E. Blochet: „Introduction à l'histoire des Mongols“ (1910), стр. 81, 85 и 109 (срв. В. Бартольда въ „Миръ ислама“, 1912, № 1, стр. 66-67).

Кромѣ того, срв. устарѣвшія введенія и примѣчанія къ различнымъ изданіямъ и переводамъ отрывковъ изъ „Зефер-наме“, указываемымъ ниже, на стр. 55.

Кажется, не надо бы и добавлять, что съ Шерефединомъ XV вѣка не долженъ быть смѣшиваемъ Шерефъ (или Шерефъ-ханъ), который род. въ 1542 г., а къ 1597 году написалъ очень цѣнную „Исторію Курдовъ“ = „Шереф-наме“, изданную Вельяминовымъ-Зерновымъ (2 тт., Спб. 1860-1862) и переведенную на французскій языкъ Шармуа (Спб. 1868-1875); о немъ см. у Рьё I, стр. 208-210.

Авторъ тимуровской «Зефер-наме» Шерефеддинъ Алій (ум. 1454) пользовался расположеніемъ Тимура сына-наслѣдника Шахроха (1405-1447), у котораго обычной резиденціей былъ Херать, и пользовался онъ еще большимъ расположеніемъ одного изъ Шахроховичей—Ибраһима Султана, который правилъ въ Ширазѣ; по ихъ порученію, главнымъ образомъ Ибраһима-Султана Ширазскаго, Шерефеддинъ Алій и взялся за свой трудъ и работалъ въ Ширазѣ лѣтъ 15-20 спустя послѣ кончины Желѣзнаго Хромца.

Исторіи самого Тимура предослана Шерефединомъ, въ видѣ вступленія, краткая общая исторія монголовъ (по Джовейнию, Вессафу, Решидеддину, или, вѣрнѣе, по одному Решидеддину).

Источникомъ же для «Книги побѣдъ» въ собственномъ смыслѣ, т.-е. для побѣдоносной исторіи самого Тимура, образецъ которой уже имѣлся на-лицо въ видѣ «Книги побѣдъ» Низамеддина Дамасскаго 1403 г., одобренной самимъ Тимуромъ, послужили Шерефеддину вообще всѣ тѣ персидскія и тюркскія (уйгурскія) записи, которыя дѣлались придворными Тимуровыми лѣтописцами по приказу самого же Тимура и съ его контролемъ. Шерефеддинъ получилъ ихъ въ свое распоряженіе не прямо. Отъ двора Шахроха воспослѣдовалъ высочайшій указъ по государству, чтобы имѣвшіяся копія всѣхъ этихъ записей о Тимурѣ были присланы въ распоряженіе Ибраһима-султана; Ибраһимъ съ участіемъ старожиловъ и съ механическою помощью переписчиковъ свелъ собранныя записи воедино и отдалъ для литературной отдѣлки Шерефеддину Йездскому. Задача того сводилась къ превращенію данного матеріала въ высокохудожественную повѣсть, т.-е. архивапыщенную и пересыпанную стихами, на персидскомъ и арабскомъ языкахъ.

Цвѣтистость изложенія «Книги побѣдъ Тимура» оказалась настолько ярва, что лѣтъ пятьдесятъ спустя племянникъ извѣстнаго поэта Джамія и самъ поэтъ Хатифій счелъ удобнымъ, для довершенія художественной эпичности творенія Шерефеддина, переложить его въ героическіе стихи подъ заглавіемъ «Тимур-наме» въ видѣ параллели къ книгамъ о подвигахъ Александра Македонскаго; а двѣсти лѣтъ спустя одинъ индійскій императоръ (Джехангіръ сынъ Акбара Великаго въ 1615 г.) съ цѣлью привести Шерефеддинову «Книгу побѣдъ Тимура» въ удобовразумительный, удобочитаемый видъ, велѣлъ изложить ее простымъ стилемъ, общепонятнымъ для всякаго смертнаго, безъ «вѣбаръ-и моншіане».

Издана „Зефер-намэ“ въ серіи „Bibliotheca Indica“ (Кальк. 1885-1888), но въ печатномъ изданіи нѣтъ введенія, извѣстнаго лишь въ рукописяхъ.

Опущено введеніе и въ старинномъ изданіи (но не всегда вѣрномъ) французскомъ переводѣ Petis de la Croix: „Histoire de Timur Bes“ (Пар. 1722, посмертно, 4 маленькихъ томка), который тотчасъ же былъ въ свою очередь переведенъ на англійскій языкъ J. Darby (Лонд. 1723); есть и итальянскій переводъ Брадути. Переводъ Пети-де-ля-Кроа послужилъ Гиббону главнымъ источникомъ для его извѣстной характеристики Тимура.

Большой отрывокъ о походѣ Тимура 1391 г. на Золотую Орду изданъ по-персидски съ франц. переводомъ у Шармуа въ „Expédition de Timour-i Lenk contre Toqtamische“ въ академическихъ петерб. „Mémoires“ 1835 (сер. 6, т. III, стр. 172-243 перс., стр. 362-419 франц.). По-русски „Тамерланъ и Тохтамышъ“ въ Тамбов. Губ. Вѣд. 1855 (№№ 9, 25, 28-30, 34-39, 41, 42, 52, 53) и 1856 (№№ 1, 9, 11, 17-21, 29-31).

Тоже порядочный отрывокъ о походѣ Тимура на Индію переведенъ по-англійски у Н. Elliot: History of India, т. III (1871), стр. 479-522.

Шерефеддинъ Пездскій былъ далеко не единственнымъ историкомъ при хератскомъ дворѣ Шахроха, да и жилъ онъ далеко не всегда въ Хератъ; тамъ подвизались другіе. Миротлюбивый государь, Шахрохъ (1405-1447) въ исторіи развитія персидской литературы занимаетъ не послѣднее мѣсто. Если его отецъ, грозный варваръ Тимуръ, успѣвшій накопить въ Самаркандѣ и Бохарѣ неслыханныя богатства, созидалъ великолѣпныя, роскошныя постройки, то сынъ Шахрохъ не только роскошныя зданія строилъ или города возстановлялъ (напр., тотъ же Хератъ, свою столицу), но и литературѣ давалъ вообще большее, широкое поощреніе, а историографіи въ частности. Двое изъ Шахроховыхъ историковъ, сверхъ автора „Зефер-намэ“, заслуживаютъ особаго вниманія: старшій, видѣвшій Тимура, Хафиз-и Эбру (ум. 1431) и младшій, на 50 лѣтъ пережившій Хафиза-Эбру и на 30 лѣтъ пережившій Шахроха — Абдерреззакъ Самаркандскій (род. 1413, ум. 1482).

Хафиз и Эбру.

Ходжа Нуреддинъ Абдаллаъ-Хератецъ („аль-херевій“), съ прозвищемъ Хафиз-и Эбру (ум. 1431)¹⁾, бывшій современникомъ и приближеннымъ очевидцемъ еще Тимура (ум. 1405), не только Шахроха (1405-1447), извѣстенъ на востокѣ гораздо менѣе, чѣмъ того заслуживаетъ. Абдерреззакъ, который изъ историческаго труда покойнаго Хафиза-Эбру много взялъ, сумѣлъ своей обработкою вытѣснить его у потомства. Поэтому рукописей Хафиза-Эбру сохранилось мало, и онъ не изданъ.

О Хафизѣ-Эбру см.

1) у Elliot'a: History of India, т. IV (1872), стр. 1-4; устарѣло, но полезно перечнемъ мелкой прежней библиографіи;

2) Riен въ опис. перс. рукоп. Брит. Музея, т. I (1879), стр. 421-424; Supplement (1895), стр. 16 и слѣд.

3) бар. Розенъ въ опис. перс. рукоп. петерб. Азіат. Департ.: „Collections scientifiques“, т. III (Сиб. 1886), стр. 52-111. Статья вызвана спискомъ Решидеддинова „Собранія лѣтописей“, ложно помѣченнымъ какъ „Сливки лѣтописей“ Хафиза-Эбру.

¹⁾ Для удобнаго склоненія (косвенныхъ падежей) по русски можемъ произносить его имя и какъ „Хафизъ-Эбру“, безъ т.-н. „изафета“.

4) В. Бартольдъ: „Хафиз-и Абру и его сочиненія“—въ юбилейномъ сборникѣ бар. Розена: „аль-Мозаффирийе (Спб. 1897), стр. 1-28, дополненіемъ къ чему служить его же описаніе полной константинопольской рукописи 1-й редакціи лѣтописнаго свода Хафиза—въ XVIII томѣ „Записокъ Восточн. Отдѣленія“ (1908), стр. 0138-0144.

5) Blochet: „Introduction à l'histoire des Mongols“ (1910), стр. 58-67, 70-72, 156-157; къ построеніямъ Блоше срв. рецензію В. Бартольда въ „Мірѣ ислама“ I (1912), № 1, стр. 63.

Долженъ оговориться, что вопросъ о взаимоотношеніи т.-н. 1-й и 2-й редакцій Хафизовыхъ „Сливокъ лѣтописей“ и о ихъ составѣ остается очень запутаннымъ, и послѣ прочтенія вышеназванныхъ европейскихъ работъ цѣлый рядъ пунктовъ остается совершенно неяснымъ. Повидимому, лишь тогда, когда будутъ изданы въ свѣтъ и 1-я и 2-я редакціи, явится возможность сознательно разобраться въ спорныхъ пунктахъ. Я далеко не увѣренъ, надлежащимъ ли образомъ формулирую я то, что вытекаетъ изъ вышеотмѣченныхъ работъ описателей рукописей Хафиза-Эбру.

Хафиз-и Эбру былъ, какъ писатель, не только историкомъ.

Сверва, по порученію (1414) Шахроха, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ скомпилировалъ общую географію на манеръ „Услады сердець“ Хемделлаха Казвинскаго (XIV в.)¹⁾. Въ сочиненіи этомъ есть и обильные чисто-историческіе экскурсы, иногда даже по общей исторіи халифата, но главнымъ образомъ по исторіи восточнаго Ирана.

Послѣ того, по порученію Шахроха и его сына Байсонгора (автора извѣстнаго предисловія къ Фирдовсіевой „Шах-наме“)²⁾, Хафиз-и Эбру взялся составить общенсторическій сводъ: „(Байсонгоровскія) Сливки лѣтописей“—„Зобдет эт-теварих (-и-Байсонгорі)“, въ которомъ содержалась бы исторія отъ доисламскихъ временъ до современной ему эпохи государя-Шахроха. Иначе сказать, тимуриды Шахрохъ и Байсонгоръ дали Хафизу-Эбру историографическое порученіе такого же династическаго характера, какое хулагидъ Газанъ давалъ свыше ста лѣтъ назадъ везиру Решидеддину. Воплиъ завершить эту задачу помѣшала Хафизу-Эбру смерть. Онъ умеръ въ 1431 г., а лѣтопись царствованія Шахроха доведена имъ была только до 1426-1427 года. Всѣхъ же томовъ въ „Сливкахъ лѣтописей“ вышло четыре, изъ которыхъ 3-й томъ, т.-е.

¹⁾ Географическая компиляція Хафиза-Эбру описана у Эллиота въ History of India IV, 3-5, и переведенъ изъ нея отрывокъ о рѣкахъ Индіи и приложение къ ней же оглавленіе т. н. 1-ой редакціи историческаго труда Хафиза-Эбру, но по недоразумѣнію Эллиотъ самую географію счелъ за историческій трудъ Хафиза-Эбру. (См. Барт. въ „Мозафф.“ 3; „Зап. В. О.“ XVIII, 0138). У Rieu I, 421-424, подробный обзоръ ея содержанія. В. Бартольдъ въ „аль-Мозаффирийе“ (стр. 4-24) издалъ съ русскимъ переводомъ обширныя выписки о Средней Азій, напр., свѣдѣнія о Самаркандѣ въ XV вѣкѣ; а въ I части „Туркестана“ (Спб. 1899, стр. 157-158) онъ помѣстилъ, только по-персидски, отрывокъ о садѣ Махмуда Газневидскаго въ Бельхѣ, почерпнутый Хафизомъ-Эбру изъ той части записокъ газневидна-Бейнекыя XI в., которая не дошла до насъ (изъ петербург. рукописи Публ. Библ., на которую обратилъ вниманіе бар. Розенъ въ „Collections scientifiques“ III, 1886, 111).

²⁾ Объ этомъ Байсонгоровомъ предисловіи къ „Шах-наме“, съ баснословной біографіей Фирдовсіа, см. у насъ въ I томѣ „Исторіи Персіи и ея литературы“ въ началѣ статьи о Фирдовсіѣ.

история монголовъ отъ Джингызъ-хана до Тимура, до-сихъ поръ еще не найдены европейскими собирателями рукописей. Имѣется, пожалуй, подготовительный общенсторическій сводъ, начинающійся искони и доведенный до 1417 года; его можно назвать предварительной обработкой, или, такъ сказать, черновой или 1-ю редакціей „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру. Эта предварительная историческая компиляція, или 1-я черновая редакція, сохранилась въ рукописи полной ¹⁾; да только, вся эта 1-я редакція гораздо менѣе подробна и менѣе обработана, чѣмъ 2-я редакція, которая одна лишь собственно и заслуживаетъ названія „Сливокъ лѣтописей“.

По желанію Шахроха, Хафиз-и Эбру кромѣ того ок. 1425 г. отредактировалъ (да очень возможно, что редакторски и дополнял ²⁾) призабытое и хранившееся въ разброску у отдѣльныхъ лицъ старое „Собраніе лѣтописей“ везира Решидеддина (ум. 1318). Это Решидеддиново „Собраніе лѣтописей“, хронологически доведенное, какъ извѣстно, лишь до смерти Газана (1295-1304), было Хафизомъ-Эбру не только отредактировано, но послужило и для личной компиляціи самого Хафиза-Эбру однимъ изъ важныхъ пособій. Въ 1-ю или предварительную редакцію Хафизовой компиляціи Решидеддинъ, для событій X—XIV в., былъ у Хафиза-Эбру внесенъ путемъ буквальной переписки; во 2-й или чистой редакціи Хафизовыхъ „Сливокъ лѣтописей“ Решидеддинъ передѣлывался, пополнялся, расширялся. При этомъ однако, если мы придадимъ значеніе нѣкоторымъ фактамъ въ родѣ напр. того, что Хафиз-и Эбру далъ своему своду заглавіе „Сливки лѣтописей“, то посмѣемъ полагать, что онъ пользовался еще и главнымъ сотрудникомъ Решидеддина Абдаллахомъ Кашанскимъ, котораго везиръ Решидеддинъ (по словамъ Абдаллаха) обворовалъ ³⁾, и общенсторическое сочиненіе котораго озаглавлено было тоже „Сливки лѣтописей“, какъ и сводъ у Хафиза-Эбру ⁴⁾. Въ особенности же можно съ большою вѣроятностью полагать, что Хафиз-и Эбру пользовался помимо „Сливокъ лѣтописей“ Абдаллаха Кашанскаго еще другимъ его трудомъ—для событій, отсутствующихъ у Решидеддина, а именно „Исторіей Олчжейту“ (1304-1316) ⁵⁾. О степени предполагаемой зависимости Хафиза-Эбру отъ Абдаллаха Кашанскаго, впрочемъ, сей-

¹⁾ Описаніе полной константинопольской рукописи 1-й редакціи далъ, какъ отмѣчено нами на стр. 46, В. Бартольдъ въ „Зап. Вост. Отд.“ XVIII (1908), стр. 0138-0144. Составъ ея мы укажемъ ниже, на стр. 48.

²⁾ По крайней мѣрѣ, самъ Хафиз-и Эбру говоритъ о своей работѣ въ такомъ направленіи. См. выписку и истолкованіе у бар. Розена въ описаніи рукописей Азіатскаго Департамента (Collections scientifiques, т. III), 1886, стр. 59-70.

³⁾ См. у насъ выше, стр. 36-37.

⁴⁾ Именно, таковъ выводъ Блоше въ его „Introduction à l'histoire des Mongols“ (1910), стр. 156: — „Зобдет эт-теваріхъ Хафиза Эбру (А. Кр.: т.-е. чистовая или 2-я редакція историческаго свода) есть, повидимому, литературная передѣлка довольно тусклаго текста „Зобдет эт-теваріхъ“ Абдаллаха Кашанскаго,—передѣлка, въ которую авторъ (=Хафиз-и Эбру), слѣдуя вкусу своего времени, сдѣлалъ многочисленныя стихотворныя вставки, ровню ничею не прибавившія къ исторической цѣнности этого труда, да мало впрочемъ прибавившія и въ смыслѣ цѣнности литературной“.

⁵⁾ См. у Блоше: „Introduction“, стр. 113, и срв. еще стр. 72. Объ „Исторіи Олчжейту“ Абдаллаха Кашанскаго см. у насъ стр. 36.

часть говорить съ увѣренностью не легко, потому что матеріалъ для сужденій недостаточенъ. Изъ большого четырехтомнаго Хафизова свода 2-й или чистой редакціи „Сливокъ лѣтописей“—до насъ не дошелъ, ужъ мы отмѣчали это, какъ-разъ III-ій томъ, гдѣ есть отдѣлъ объ исторіи монголовъ отъ временъ Джингизъ-хана до Тимура; мы изъ III тома чистовыхъ Хафизовыхъ „Сливокъ лѣтописей“ имѣемъ въ европейскихъ книгохранилищахъ, кажется, только оглавленіе ¹⁾. Что же касается предварительной компиляціи, иначе 1-й редакціи Хафизова свода, рукописно дошедшей до насъ въ полномъ своемъ видѣ, то, не говоря уже о томъ, что 1-я редакція вообще существенно отличается отъ 2-й и не можетъ служить надежнымъ матеріаломъ для сужденія о 2-й, мы даже не имѣемъ такого обстоятельнаго описанія какой-либо сохранившейся рукописи 1-ой редакціи, которое вполне пригодно было бы для цѣлей сличенія.

Составъ предварительной компиляціи, — иначе 1-й редакціи историческаго свода Хафиза-Эбру, какъ это видно изъ описанія, даннаго В. Бартольдомъ для полной константинопольской рукописи этой редакціи,—представляетъ собою слѣдующую сводку: а) буквальное воспроизведеніе персидской версіи всеобщей исторіи Табарія, доходящей до событій 295 = 907 г.;—б) буквальное воспроизведеніе Решидеддинова „Свода лѣтописей“, начиная съ 205 = 907 года, съ добавкою „продолженія“ (= зейль) — касательно событій XIV в. до выступления Тимура;—в) буквальное воспроизведеніе „Побѣдоносной исторіи Тимура“ Низамеддина Дамасскаго ²⁾—съ добавленіемъ отъ самого Хафиза о современныхъ ему событіяхъ 1404-1417 г., т.-е. о первой трети Шахроховской эпохи. Нельзя съ увѣренностью утверждать, что эта, такъ сказать, 1-я редакція уже была озаглавлена „Сливки лѣтописей“; кажется, она безымянно называлась „жем'э“, т.-е. „сводка“, „сборникъ“.

Что касается 2-й редакціи, т.-е. четырехтомнаго Хафизова свода, озаглавленнаго „Сливки лѣтописей“, то изъ четырехъ томовъ этой чистой редакціи полностью и съ несомнѣнной подлинностью сохранились только первые два: т. I—исторія домусульманская, съ сасанидами; т. II—исторія Мохаммеда и халифата до взятія Багдада монголами и конца династіи Аббасидовъ. Являясь совсѣмъ поздней компиляціей стариннаго матеріала, эти первые два Хафизовыхъ тома представляютъ для насъ, конечно, поменьше цѣнности: не первоисточникъ же это,—хотя впрочемъ и въ нихъ попадаются цѣнныя выдержки изъ книгъ, считающихся утерянными. Составъ же III и IV тт. чистой редакціи „Сливокъ лѣтописей“ виденъ намъ изъ дошедшаго оглавленія. Въ III томѣ содержалась исторія домонгольскихъ удѣльныхъ династій, на какія распался халифатъ, преимущественно династій восточно-иранскихъ (саманидовъ и т. д. вплоть до атабековъ сельджукскихъ), и исторія монголовъ до выступленія Тимура; а IV томъ былъ посвященъ эпохѣ Желѣзнаго Хромца Тимура и двадцати годамъ его сына Шахроха, августѣйшаго покровителя Хафиза-Эбру ³⁾. Хотя и III томъ, подобно двумъ предыдущимъ,

¹⁾ По нѣкоторымъ случайнымъ указаніямъ, можно догадываться, что этотъ III томъ имѣется въ шахской тебранской библіотекѣ и, значитъ, еще не пропалъ для науки. В. м., исторію Олчжейту въ немъ еще удастся сравнить съ трудомъ Абдаллаха.

²⁾ Шерефеддиновой исторіи Тимура еще тогда не было, когда Хафиз-и Эбру составлялъ свою первую компиляцію.

³⁾ См. объ этомъ у В. Бартольда въ „аль-Мозафирійне“ 1897, стр. 25. Но въ статьѣ бар. Розена въ „Collections scientifiques“ III (1886, стр. 96, сноска) какъ-будто

былъ у Хафиза Эбру лишь компилятивнымъ, все-же онъ былъ бы для насъ интереснѣе первыхъ двухъ, потому-что въ болѣе близкой и болѣе родной эпохѣ Хафизъ-Эбру разбираться могъ сознательнѣе, даже оставаясь несовременникомъ и компиляторомъ. Главную однако, неоспоримую цѣнность чистой редакціи „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру, разумѣется, представлялъ томъ IV-й, именно изложеніе эпохи Тимура и двадцати лѣтъ Шахроха, — государей, которыхъ Хафизъ-Эбру зналъ лично; въ этомъ томѣ „Сливки лѣтописей“ Хафиза-Эбру оказывались драгоценнымъ первоисточникомъ.

Совершенно ли утеряны III и IV тт. Хафиза-Эбру?

Повидимому, нѣтъ. Быть можетъ, окажется, что сохранился большой отрывокъ изъ исторіи послѣднихъ монголовъ-хулагидовъ Персіи: Олцзайту (1304-1316) и Абу-Саида (1316-1335)¹⁾, и уже выяснено, что самая цѣнная часть IV тома, т.-е. начальная исторія Шахроха, покровительствовавшего Хафизу-Эбру, сохранилась даже въ неприкосновенной редакціи самого Хафиза-Эбру, именно въ анонимной рукописи Бодлеевской (оксфордской) библіотеки²⁾.

Такимъ образомъ, IV томъ „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру, къ счастью, не затерялся въ самой лучшей, въ самой цѣнной своей части и ждетъ лишь издателя. Впрочемъ, давно уже (прежде чѣмъ выяснилось существованіе безымянной единичной оксфордской рукописи куска этого IV тома чистовыхъ „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру), IV томъ, — точнѣе сказать, исторія Тимура (ея въ оксфордскомъ манускриптѣ даже нѣтъ) и первыхъ двадцати лѣтъ Шахроха, — никакъ не могъ бы считаться утеряннымъ для науки безслѣдно. Напротивъ, Хафизова исторія Тимура и начальная исторія Шахроха чистой редакціи извѣстны давно уже, въ общедоступномъ видѣ. Мы отчасти ужъ имѣли случай заранѣе сообщить, что, полстолѣтія спустя, эта часть Хафизова свода включена вѣдь была въ новую историческую книгу: „Восхожденіе двухъ счастливыхъ свѣтилъ“ ератца Абдеррезака Самаркандскаго. Абдеррезакъ вполне точно указываетъ, что предлагаемыя свѣдѣнія (до 1426-1427 г.) почерпнуты имъ изъ Хафиза-Эбру. Априорно можно было предполагать, что почерп-

принимается другое распредѣленіе матеріала III и IV томовъ. Бар. Розенъ какъ-будто исключаетъ монгольскую до-Тимуровскую исторію изъ состава III тома „Сливокъ лѣтописей“ и переноситъ ее, повидимому, въ составъ IV тома. Если такъ, то III томъ былъ исторіей домонгольской, а IV-й исторіей монгольской отъ Джингизъ-хана до Тимуридовъ.

¹⁾ Блоше, издатель „Газановской лѣтописи“ везира Решидеддина, собирается издать и анонимную прибавку къ ней, повѣствующую о послѣднихъ этихъ хулагидахъ Олцзайту и Абу-Саидѣ, и въ своей „Introduction“ (1910, стр. 70-72) онъ склоняется къ догадкѣ, что эта прибавка взята, пожалуй, изъ „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза Эбру (значитъ, изъ 2-й, чистой редакціи?). Впрочемъ, свою мысль Блоше формулируетъ крайне сбивчиво и тутъ же полагаетъ, что еще скорѣе эта прибавка могла быть взята изъ Шерефеддина Йездскаго, автора „Книги Тимуровыхъ побѣдъ“. Пока не будетъ издано это прибавленіе къ Решидеддину (и пока не будетъ издана также предварительная или 1-я компиляція Хафиза-Эбру, которую Блоше чуть ли не смѣшиваетъ со 2-ю редакціей или собственно „Сливками лѣтописей“), мы не можемъ высказаться ни за, ни противъ догадки Блоше.

²⁾ См. о ней Эте, въ описаніи Бодлеевскаго книгохранилища (1899), стр. 90; отождествленіе съ Хафизомъ-Эбру провелъ В. Бартольдъ въ „аль-Мозаффирийѣ“ (1897), стр. 25.

путы они были по восточному обычаю — буквально, цѣликомъ, т.-е просто переписаны изъ „Сливокъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру. Теперь, послѣ открытія оxfordской рукописи, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

„Метлѣ и се' дейн“ Абдеррезака Самаркандскаго.

Кямаледдинъ 'Абдеррезакъ Самаркандскій, бератецъ (род. 1413, ум. 1482), былъ, какъ мы ужъ указывали, гораздо моложе своего современника Хафиза-Эбру. Тотъ, старикъ, далеко не дожилъ до конца царствованія Шахроха (1405—1447), а молодой Абдеррезакъ даже выдвинулся впервые только послѣ смерти Хафиза-Эбру, и послѣ того жилъ полстолѣтія, историкомъ же сталъ лишь на закатѣ жизни.

Отецъ Абдеррезака былъ въ Хератѣ кадьемъ. Сынъ приблизился къ Шахроху ужъ послѣ смерти своего отца (какъ и послѣ смерти Хафиза-Эбру), поднесши шаху филологическое арабское сочиненіе. Было Абдеррезаку въ это время 25 лѣтъ (1437). Онъ былъ зачисленъ на службу къ Шахроху въ качествѣ его дипломатическаго агента и посланника къ другимъ государямъ; между прочимъ былъ онъ отправленъ въ Индію (1441), гдѣ и провелъ три года; отчетъ объ этомъ пребываніи онъ очень интересно записалъ. Онъ пережилъ своего государя Шахроха (ум. 1447), служилъ его сыновьямъ и близко наблюдалъ событія послѣдующей четверти столѣтія, пользуясь тимуридскимъ расположеніемъ, въ томъ числѣ расположеніемъ новаго хератскаго государя-тимурида Абу-Саида (1452—1469). На дипломатической службѣ Абдеррезакъ до конца жизни не остался; онъ, достигши пятидесятилѣтняго возраста, обратился въ дервиша и (1463) поселился въ т. н. ученой „Шахроховой обители (ханданъ)“ въ Хератѣ¹⁾, гдѣ и закончилъ въ 875=1470 году свой историческій двухтомный трудъ: „Метлѣи се' дейн ве меджм'ей бахрейн“²⁾ = „Восхождение двухъ счастливыхъ свѣтилъ и слияніе двухъ морей“. Въ 1475 году онъ его нѣсколько пополнилъ, при султанѣ Хосейнѣ-Бейкарѣ Хератскомъ (1469—1506). Черезъ семь лѣтъ умеръ.

Неоспоримая историографическая тенденція въ трудѣ Абдеррезака — та же, что была у Хафиза-Эбру: органически связать исторію новыхъ „монголовъ“, тимуридовъ съ старой монгольской исторіей потомковъ Джингизъ-хана хулаги-довъ, въ качествѣ общединастическаго, родственно-преемственнаго цѣлага. Отличіе же приемовъ заключается въ томъ, что Хафиз-и Эбру подступалъ къ исторіи новаго „монгола“ Тимура издали, отъ незапамятныхъ временъ мірозданія, а Абдеррезакъ прямо начинается повѣсть съ рожденія (1304) послѣдняго дѣйствительнаго государя-хулагида Абу-Саида (1316—1335), въ годъ смерти котораго родился Тимуръ, „всего лишь съ нѣсколькими днями разницы между смертью

¹⁾ По поводу этой „Шахроховой обители“ и медресе при ней см. у самого Абдеррезака среди событій 813=1410 г. (л. 45 по рукописи Лазаревскаго Института).

²⁾ Или на чисто арабскій ладъ: „Матла' ас-са' дейн ва маджма' аль бахрейн“, или „Метлѣ эс-се дейн“ на арабско-персидскій ладъ.

одного и рождениемъ другого“, по увѣренію Абдерреззакъ¹⁾. Къ исторіи этого послѣдняго потомка Джингизъ-хана Абдерреззакъ и пристегиваетъ, преимущественно, исторію Тимура и Шахроха, и вообще тимуридовъ, вплоть до водворенія современнаго Абдерреззакъовой книгѣ султана Хосейна-Бейкары Хератскаго. Но о Хосейнъ-Бейкарѣ говорится мало. Собственно послѣдній тимуридскій государь, полнымъ повѣствованіемъ про котораго Абдерреззакъ ужъ и заканчиваетъ свою исторію, есть предшествовавшій Хосейну-Бейкарѣ Хератскій тимуридъ Абу-Саидъ (1452—1469). Конечное царское имя Абдерреззакъовой книги „Абу-Саидъ“ (тимуридское) совпадаетъ съ начальнымъ царскимъ именемъ книги, тоже „Абу-Саидомъ“ (хулагидскимъ),— и вполне возможно, что выраженіе заглавія „Восхожденіе двухъ счастливыхъ свѣтилъ“ (=Метле́ и се́дейн) содержитъ въ себѣ намекъ на имена обоихъ Абу-Саидовъ («сайдъ» значитъ „счастливый“): намекъ на того Абу-Саида, которымъ начинается книга, и на того Абу-Саида, которымъ книга кончается, а выраженіе: „Сліяніе двухъ морей“, быть-можетъ, должно подчеркивать мысль автора, что съ исторіей дома Джингизъ-хана вполне сливается исторія дома Тимура. Такое соображеніе выставлено было давно²⁾. Мнѣ кажется однако, что разсмотрѣніе состава книги Абдерреззакъа даетъ намъ право и на иное толкованіе. Трудъ Абдерреззакъа дѣлится на два тома. Первый томъ (XIV вѣкъ), хоть начинается съ послѣдняго хулагиды Абу-Саида (азербейджанскаго), но въ сущности весь посвященъ одному лишь Тимур у. Паденіе хулагидской династіи въ лицѣ Абу-Саида (исторически правильнѣе—въ лицѣ эфемерныхъ, жалкихъ его преемниковъ) и борьба удѣльной династіи монгольскихъ воеводъ-Джелаиридовъ съв. Ирана съ удѣльными персами-Мозаффридами юж. Ирана—служатъ лишь фономъ, на которомъ понемногу вырисовывается картина блестящихъ подвиговъ новаго восходящаго свѣтила, Желѣзнаго Хромца-Тимура, и эта картина захватываетъ вскорѣ все изложеніе; кончиною Тимура до восшествія Шахроха и завершается I томъ. Второй томъ (=XV вѣкъ) хоть хронологически обнимаетъ эпоху не только Шахроха (1405—1447), но и сыновей его, вплоть до окончанія царствованія двоюроднаго его внука Абу-Саида (Хератскаго) и до водворенія въ Хератѣ султана Хосейна-Бейкары (1470), въ количественномъ отношеніи все-таки посвященъ преимущественно одному лишь Шахроху, великому, блестящему Шахроху. Не Тимуръ ли съ Шахрохомъ и оказываются тѣми „счастливыми свѣтилами“, исторію „восхожденія“ которыхъ излагаетъ Абдерреззакъ въ двухъ томахъ своего „Восхожденія двухъ счастливыхъ свѣтилъ“? Не они ли, Тимуръ и Шахрохъ, двое великихъ государей, были тѣми „морями“ величія, послѣдовательное царствованіе которыхъ могло дать матеріалъ для двухтомной повѣсти о „слияніи двухъ морей“?

По своему научному значенію оба тома Абдерреззакъова „Восхожденія двухъ свѣтилъ“ не равноцѣнны. Первый томъ (XIV вѣкъ, эпоха Тимура) не есть оригинальное сочиненіе Абдерреззакъа. Онъ основанъ на „Сливкахъ лѣтописей“ Хафиза-Эбру; и если европейская наука всегда очень дорожила первымъ томомъ Абдерреззакъова труда, то это лишь потому, что соответствующая часть по-

¹⁾ Срв. у насъ въ „Исторіи Персіи“ ч. III, стр. 17.

²⁾ Срв. Шармуа о походѣ Тимура на Тохтамыша, 1835, стр. 94.

длиниаго Хафиза-Эбру была затеряна, или считалась затерянною. За-то второй томъ (XV вѣкъ, эпоха Шахроха и Абу-Саида Хератскаго, до водворенія Хосейна-Бейкары, 1470) всегда сохраиить огромную важность первоисточника. Эксерпторомъ (изъ Хафиза-Эбру) Абдерреззакъ здѣсь является только въ началѣ тома, до 1426—1427 года, для первыхъ 20 лѣтъ царствованія Шахроха, а далѣе онъ обширно повѣствуетъ о Шахрохѣ, да и объ его дѣтяхъ и о дальнѣйшихъ событiяхъ, какъ очевидецъ-свидѣтель, какъ бывший дипломатъ-участникъ событiй. Отличительная черта, за которую европейская наука всегда ставила шейха-Абдерреззака очень высоко, это—его объективность. Можно упрекнуть его въ томъ, что онъ очень не точенъ въ датахъ, но нельзя назвать его „Восхожденiя двухъ свѣтилъ“ панегирикомъ. По оцѣнкѣ новѣйшаго изслѣдователя монгольскаго періода, Э. Блоше, шейхъ Абдерреззакъ „оказался настолько безпристрастенъ, насколько можетъ быть безпристрастнымъ историкъ, осужденный писать въ такихъ условiяхъ, какъ онъ“ (т. е. при покровительствѣ царствующихъ государей¹⁾).

Главная литература про Абдерреззака:

а) устарѣла замѣтка Шармуа въ не разъ упомянутой „Expédition de Timour-i Lènk contre Toqtamische“ (академ. петерб. Mémoires, ser. VI, т. III, 1835, стр. 94—95);

б) Hammer—въ Wiener Jahrbücher der Literatur, т. 71 (Anzeige-Blatt стр. 32—47), подробное изложенiя содержанiя;

в) очень важное введенiе (стр. 1—13) Катрмера къ его большому переводу изъ II тома „Восхожденiя двухъ счастливыхъ свѣтилъ“ 1843 (въ XIV т. „Notices et extraits“), самое существенное изслѣдованiе объ Абдерреззакѣ; срв. раньше въ „Journ. As.“ 1837;

г) Elliot: History of India, т. IV (1872), стр. 89—93, краткая биографiя по Хондемиру, съ мелкой библиографiей.

д) сжатая, цѣнная статья Rieu въ описанiи перс. рукописей Брит. Музея, т. I (1879), стр. 181—183, съ перечнемъ извѣстныхъ ему списковъ;

е) В. Бартольдъ: „Туркестанъ“ (1900), стр. 57, бѣглое замѣчанiе;

ж) E. Blochet: „Introduction à l'histoire des Mongols (1910), стр. 85—86, краткая научная характеристика (къ которой отчасти срв. указанiе В. Бартольда въ „Миръ ислама“, 1912, № 1, стр. 69).

Рукописи.

Печатнаго изданiя „Метлѣ эс-се'дейи“ нѣтъ (если не считать извлеченiй, о которыхъ см. ниже), и пользоваться сводомъ приходится въ рукописяхъ.

Изъ рукописей интересевъ въ Брит. Музеѣ списокъ 900—1495 г. (Rieu, I, 181—183) для 1-го, Тимуровскаго тома. Среди списковъ II тома (Шахроховскаго) старинный, повидимому XVI вѣка, однако мало кѣмъ замѣчаемый, есть въ библиотекѣ Лазаревскаго Института (печ. кат. № 313); изъ него Мирза Абдулла Гаффаровъ издаеть отрывки въ своихъ „Образцахъ персидской письменности“, а полное описанiе рукописи дано имъ въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. IV (М. 1913).

¹⁾ Blochet: „Introduction“ 1910, стр. 85. Впрочемъ, Блоше не дѣлаетъ разницы между тѣмъ, что принадлежитъ самому Абдерреззаку, и тѣмъ, что Абдерреззакъ взялъ изъ Хафиза-Эбру. (Срв. Introduction, стр. 268).

Изданія отрывковъ, по-персидски.

Вообще до сихъ поръ изъ текста „Метле' эс-се' дейн“ опубликованы по-персидски только отрывки.

Такъ, довольно многочисленныя въ своемъ общемъ, но очень разрозненныя, цитаты изъ обѣихъ частей касательно Мазендерана, и дѣйствій тамъ Тимура или тимуридовъ, извлекъ и издалъ (безъ перевода) В. Dorn: Muhammedanische Quellen zur Geschichte der südlichen Küstenländer des Kaspischen Meers. IV. Auszüge. Arabische, persische und türkische Texte. (Сиб. 1858, изд. Академіи Наукъ), стр. 145—237.

Изъ конца I тома описаніе похода Тимура на кыпчакаго хана Гохтамышша (взятое Абдерреззакомъ изъ Хафиза-Эбру) издано по-персидски (стр. 245—270) съ франц. переводомъ (стр. 422—440) въ цитированной работѣ Charney 1835: Expédition de Timour-i Lènk (петерб. акад. „Mémoires“, сер. VI, т. 3).

Изъ II части изданъ былъ, съ европейскими переводами, персидскій текстъ объемистыхъ отчетовъ о двухъ Шахроховыхъ посольствахъ: одного—въ Китай 1419-1422 г. (взято Абдерреззакомъ изъ Хафиза-Эбру), другого—въ Индію (его лично совершилъ въ 1441 г. Абдерреззакъ). Такъ, см. въ приложеніи къ большой (ниже указываемой съ точностью) работѣ Катрмера 1843 (по-персидски стр. 308—341 китайское посольство, стр. 341—386 индустанское посольство; франц. переводъ стр. 387—426, стр. 426—473). Равьше, въ XVIII вѣкѣ, описаніе обѣихъ посольствъ съ Китаемъ издано было W. Chambers'омъ въ „Asiatic Miscellany“, т. I (Калькутта 1785, стр. 71 и сл.) съ сопро-вожденіемъ англійскаго перевода.

Переводы.

Изъ I тома французскій переводъ Шармуа (1835, стр. 422—440) отрывка о походѣ Тимура на Гохтамышша указанъ выше.

Изъ II тома, Шахроховскаго, франц. переводъ очень значительной части образуетъ собою классическую работу Et. Quatremèrè'a въ „Notices et extraits“, т. XIV (Пар. 1843, in 4°). Содержаніе: введеніе Катрмера объ Абдерреззакѣ и о Шахрохѣ (стр. 1—19), французскій критическій переводъ лѣтописи первыхъ тринадцати лѣтъ царствованія Шахроха, т. е. значительной части того матеріала, который былъ почерпнуть Абдерреззакомъ изъ Хафиза-Эбру (стр. 19—307); персидскій текстъ, почерпнутый Абдерреззакомъ тоже изъ Хафиза-Эбру, о Шахроховомъ посольствѣ въ Китай 1419—1422 г. (стр. 308—341) и персидскій текстъ отчета самого Абдерреззака о своемъ посольствѣ въ Индустанъ въ 845—1441 г. (стр. 341—386); французскій переводъ описанія обѣихъ посольствъ (стр. 387—426 и 427—473); примѣчанія (стр. 474—514).—Какъ видимъ, въ этомъ высокоцѣнномъ трудѣ Катрмера переведены изъ Шахроховой исторіи—если не считать посольства въ Индію 1441 г.—исключительно тѣ годы, которыхъ Абдерреззакъ не наблюдалъ лично и которые онъ почерпнулъ изъ Хафиза-Эбру¹⁾.

Вышеупомянутымъ двумъ посольскимъ описаніямъ—Китая и Индіи, особенно Китая—еще до Катрмера очень посчастливилось въ литературѣ и восточной и западной.

Описаніе Китая изъ Абдерреззака (не прямо изъ Хафиза-Эбру) повторено было Хондемиромъ въ „Хебіб эс-сіеръ“ 1521-1524 г. и разными

¹⁾ Восторженный отчетъ о трудѣ Катрмера далъ Дефремери въ Journal Asiatique 1844 (=4 серія, т. IV), дек., стр. 508—521.

другими восточными историками, въ томъ числѣ турецкими XVII вѣка (Хезарфенномъ въ его всеобщей исторіи 1673 г., Хаджи-Хальфомъ въ „Зерцалѣ міра“ 1655 г.). Изъ турка Хезарфенна перевелъ его по-французски Пети де ля Кроа въ началѣ XVIII в., а съ персидскаго — Ант. Галланъ XVII—XVIII в. извѣстный переводчикъ-передѣльватель арабской „1001 ночи“. У Галлана былъ написанъ, правда, и полный переводъ „Восхожденія двухъ счастливыхъ свѣтилъ“, но онъ остался въ рукописи (въ парижской Национальной библиотекѣ), изданъ же былъ по-французски только этотъ отрывокъ о Китаѣ, въ Melchis. Thévenot: „Recueil de voyages curieux“ (1689); отсюда — перепечатанъ въ Prévost: „Histoire générale de voyages“ (1746-1770), равно какъ переведенъ по-голландски въ большомъ трудѣ N. Witsen: „Noord en Oost Tartaryen“ (Амстердамъ 1705). Къ концу XVIII вѣка W. Chambers, издавая персидскій текстъ отрывка о Китаѣ, далъ къ нему и англійскій переводъ (въ „Asiatic Miscellany“ I, 1785), а съ этого англійскаго перевода сдѣланъ очень извѣстный французскій переводъ Langlès: „Ambassades réciproques d'un roi des Indes, de la Perse etc. et d'un empereur de la Chine“ (Пар. 1788). Замѣтимъ наконецъ, что и вносльдствіи, даже послѣ появленія 1843 труда Катрмера (гдѣ посольство въ Китай издано и въ подлинникѣ и французскомъ переводѣ) европейская наука вновь обращается къ этому обмѣну посольствами между Китайскимъ императоромъ и Шахрохомъ, и Blochet въ „Introduction à l'histoire des Mongols“ 1910 (стр. 244-269) приводитъ изъ Абдерреззака текстъ большими выдержками и вновь даетъ французскій переводъ дипломатической переписки. Желательнѣе, конечно, было бы, чтобы опубликованъ оказался соответствующій текстъ самого Хафиза-Эбру (по анонимной оксфордской Бодлеевской фрагментной рукописи), а не текстъ Абдерреззаковой передѣлки.

Что касается описанія посольства Абдерреззака въ Индію, то прежде всего французскій переводъ былъ данъ у Langlès во II томѣ его Recueil portatif des voyages. Что Катрмеръ 1843 въ „Notices et extraits“ XIV вновь перевелъ по-французски это описаніе съ сопровожденіемъ персидскаго текста, это мы видѣли уже. А послѣ него Elliot въ IV томѣ „History of India“ (1872, стр. 93—126) перевелъ Абдерреззаково посольство въ Индустанъ по-англійски.

Отшельникъ, ужъ не дипломатъ, Абдерреззакъ въ концѣ своей жизни былъ свидѣтелемъ возникновенія, въ Хератѣ, превосходнаго литературнаго круга, покровительствуемаго послѣднимъ иранскимъ тимуридомъ (1469-1506) султаномъ Хосейномъ-Бейкаромъ Хератскимъ и его везиремъ Миръ-Али-Широмъ (ум. 1500).

Кромѣ громкихъ именъ литературы художественной, о которыхъ умѣстно говорить въ спеціалномъ отдѣлѣ исторіи литературы художественной, здѣсь были и громкія имена историческія: біографъ классическихъ персидскихъ поэтовъ Довлетъ-шâhъ (1487, род. ок. 1437); всеобщій историкъ, знаменитый Мирхондъ (1433-1498); его молодой внукъ, котораго Абдерреззакъ впрочемъ могъ видѣть развѣ еще ребенкомъ, Хондемиръ (1475-1535).

Сейчасъ же ниже, у насъ отведены этимъ историкамъ, по крайней мѣрѣ двумъ изъ нихъ, отдѣльныя подробныя замѣтки; а здѣсь, чтобы закончить рѣчь про Абдерреззака Самаркандскаго, мы ограничимся указаніемъ, что, если Абдерреззаковское „Восхожденіе двухъ счастливыхъ свѣтилъ“ является естественнымъ хронологическимъ продолженіемъ „Собранія лѣтописей“ везира-Решидеддана, то достаточно прибавить къ трудамъ Решидеддина и Абдерреззака 7-й томъ „Сада

чистоты" Мирхонда (обработанный Хондемиръ) и порядочную часть III тома „Друга жизнеописаний“ самого Хондемира (пис. 1521-1524), чтобы вмѣстѣ получилось полное изложеніе исторіи монголовъ, отъ начатковъ ихъ народности, до паденія тимуридовъ въ Иранъ.

в) выдающиеся историографы XV—XVI в. Хератскаго круга султана Хосейна-Бейкары'. ЗАМѢЧАНІЕ О ДОВЛЕТЬ-ШАХЪ.

Среди историковъ, пользовавшихся меценатскимъ покровительствомъ послѣдняго иранскаго тимурида Хосейна-Бейкары' Хератскаго (1469-1506) съ его везиремъ Миръ-Али-Широмъ (ум. 1500), несомнѣнно Довлетъ-шахъ (пис. ок. 1487) занимаетъ выдающееся мѣсто. Да только, его специальность—не та историографія, какую мы до сихъ поръ видѣли. Старый Довлетъ-шахъ, бывший военный, писалъ не повѣсти войнъ, а біографіи мирныхъ корифеевъ персидской литературы, начиная съ X вѣка, и его трудъ удобнѣе разсматривать гдѣ-нибудь посреди произведеній художественной словесности, а не среди собственной историографіи монгольскаго періода. Поэтому мы остановимся здѣсь лишь на двухъ историкахъ-политикахъ, всеобщихъ историографахъ, Мирхондѣ и его внуку Хондемирѣ.

Мирхондъ (1433-1498).

Мирхондъ, или по другому произношенію Мирхвандъ, Мирхавендъ (Мохаммедъ ибнъ-Хавендъ-шахъ)—высокопрославленный (превыше своихъ заслугъ) персидскій историкъ, одинъ изъ яркихъ представителей той литературной хератской среды конца XV в., гдѣ громко звучать такія имена, какъ поэтъ Джамий и біографъ поэтовъ Довлетъ-шахъ.

Мирхондъ родился въ 1433 г. въ Средней Азій, въ г. Бельхѣ, въ небожной и ученой семьѣ, но большую часть жизни провелъ въ Хератѣ, пользуясь покровительствомъ извѣстнаго персидскаго мецената, Миръ-Али-Шира (род. 1440, ум. 1500), который былъ министромъ (везиремъ) у послѣдняго персидскаго тимурида Хосейна-Бейкары (1469-1506) и которому принадлежитъ главная заслуга въ привлеченіи лучшихъ литературныхъ силъ въ Херату.

Для шума придворной жизни Мирхондъ не былъ созданъ. Не безъ юмора, хоть и съ горечью, рассказываетъ онъ о своемъ участіи въ придворной охотѣ, когда онъ, поставленный на назначенномъ охотничьемъ посту, благочестиво покинулъ его для совершенія полудневной молитвы и, конечно, упустилъ дичь. Градъ упрековъ былъ наградою за его неумѣлое благочестіе; Мирхондъ даже захворалъ отъ страха. Для науки онъ созданъ былъ больше, чѣмъ для охоты.

По желанію Миръ-Али-Шира, Мирхондъ (удлинившись въ ученомъ монастырѣ, гдѣ была бібліотека)¹⁾, сталъ съ 1474 г. составлять главное сочиненіе по-персидски, но съ арабскимъ заглавіемъ: *زوضة الصفا* „Розетъ эс-сефâ“

¹⁾ Срв. объ этомъ у самого Миръ-Али-Шира въ IV отдѣлѣ біографическаго свода „Нефâисъ“ (составленнаго по-джагатайски), откуда выписка по-французски—въ статьѣ Béliin'a про Миръ-Али-Шира (въ „Journ. Asiatique“ 1861, февр.-мр.), стр. 232.

(=«Садъ чистоты—о жизни пророковъ, царей и халифовъ»); трудъ доведенъ до эпохи султана Хосейна-Бейкары Хератскаго (1469-1506). Писалась работа въ постели, среди тяжелой болѣзни, не позволявшей състь. Умственная работа заглушала физическія страданія.

Умеръ Мирхондъ въ 1498 г.; послѣдніе два (VII-VIII) томы его сочиненія (=времена Хосейна-Бейкары Хератскаго и географическое приложение) несомнѣнно обработаны уже Хондемиромъ (1475-1535), внукомъ Мирхонда.

Трудъ Мирхонда—компиляція болѣе старыхъ историковъ, и только современную ему эпоху онъ самъ излагаетъ, какъ ее наблюдалъ. Несмотря на слабость исторической критики и напыщенность стиля, трудъ Мирхонда пользуется уваженіемъ, и это не только въ Персіи, гдѣ напыщенность и цвѣтистость вмѣняются въ прямое достоинство, но отчасти и въ Европѣ. Лѣтъ сто или пятьдесятъ тому назадъ «Садъ чистоты» Мирхонда былъ въ полномъ ходу у европейскихъ историковъ для всѣхъ періодовъ исторіи востока. Теперь Мирхондъ, конечно, все больше и больше теряетъ свою цѣну, когда отыскиваются и издаются его первоисточники. Только для событій, современныхъ ему, а не для старинныхъ, Мирхондъ сохранить полную свою историческую цѣнность у европейскихъ ученыхъ надолго.

Полностью издано „Ровзет эс-сефа“ въ Бомбеѣ не разъ: 1845, 1848, 1854 (=1271). Шахское изданіе въ Тегранѣ 1266-1272=1850-1856, 7 тт. in-folio, всего около 1500 стр. (рецензія въ „Journ. Asiat.“ 1858 июль, стр. 67-68) и въ Тегранѣ же въ 1270-1274 = 1852-1856 гг. (безъ пагинаціи!!); Лакнау 1300=1883; 1307=1890.

Изданія и переводы частей начались въ Европѣ съ XVII в.¹⁾, но научное значеніе имѣютъ лишь тѣ, которыя печатались съ конца XVIII в., съ эпохи С. де-Саси, и лишь на такихъ мы остановимся.

I-й томъ „Сада чистоты“ повѣствуетъ о прошломъ отъ созданія міра до конца сасанидовъ. Томъ II—о событіяхъ отъ Мохаммеда до смерти Алія.

Изъ I-го и II-го тома мы имѣемъ:

Турецкій переводъ Мохаммеда Кермали: напеч. въ Константинополѣ въ 1258=1842 году²⁾.

E. Rehatsek: *The Rauzat us-safa, or Garden of purity*, transl. from original persian (Лонд. 1891-1894; 5 чч). Содержится переводъ I-го и II-го тома исторіи Мирхонда, кончая, слѣдовательно, четырьмя халифами. Изд. въ серіи „Oriental Translation Fund“. Съ англійскаго франц. переводъ: „Jardin de pureté, bible de l'islam“ (П. 1894) par E. Lamairesse (не оконч.).

Silv. de Sacy: *La préface du Rouzat al-safa* въ „Notices et extraits“, т. IX (1813), стр. 249-260 перс. текстъ, стр. 261-273 франц. переводъ.—Часть предисловія: „Условія, необходимыя для историка“, перевелъ по-русски И. Хол-

¹⁾ Старинныя извлеченія изъ Мирхонда (напр., португальца Педро Техейры, Teixeira, XVII в.) и вообще многія библиографическія мелочи указаны у Эллиота: „History of India“, т. IV (1872), стр. 131-134. Эллиотъ отмѣчаетъ работы не по порядку томовъ Мирхонда, а по хронологическому порядку напечатанія переводовъ.

²⁾ Рѣчь въ перс. каталогѣ Брит. Музея (т. I, 1879, стр. 88) и Этэ въ „Grundriss“ II (1896, стр. 357) считаютъ турецкое изданіе полнымъ. Повидимому, однако вышла только I часть труда.

могоровъ въ 22-мъ примѣчаніи къ своему переводу „Фахри“ ибнъ-Тыктаки, Казань 1863 (отт. изъ Уч. Зап. Каз. Ут а), стр. VIII-IX.

The Peshdadians and early kings of Persia (до Александра Македонскаго), with the introduction, translated by David Shea (Лонд. 1832).

Histoire des Sassanides (текстъ, 101 стр.) publ. par Jaubert (П., 1843), изъ II т. „Chrest orient.“; перев. де-Саси въ „Mémoires sur les diverses antiquités de la Perse et de la dynastie des Sassanides, suivis de l'histoire de cette dynastie trad. du persan“ (Пар. 1793), со специальной „Notice sur Mirkhond“.

Распределение прочихъ томовъ слѣдующее: т. III. Халифатъ Омейядскій и Аббасидскій;—т. IV. Удѣльные династїи—до Тимура;—т. V. Джингизханъ и его преемники;—т. VI. Тимуръ и Тимуриды до гибели Абу-Саида Хератскаго 1469;—т. VII. Царствованіе Хосейна-Бейкары Хератскаго;—т. VIII. Географическое приложение (отсутствуетъ въ восточныхъ изданїяхъ).

Назовемъ къ нимъ болѣе существенные переводы. Томъ IV, по кускамъ, переведенъ почти весь:

Baron von Jenisch: Historia priorum regum Persarum post firmatum in regno islamismum (по-персид. и по-лат., Вѣна 1782). О Тахиридахъ и Сафаридахъ.

E. Mitscherlich: Mirchondi historia Taheridarum (по-перс. и по-лат., 44 стр., Гётт., 1814; 2-е изд. Берл. 1819).

Defrémery: Histoire des Samanides (по-перс. и по-франц., Пар. 1845). Стр. 1-223 текстъ и переводъ; стр. 225-296, примѣчанія. Болѣе ранній трудъ—Fr. Wilken: „Mohammedis filii Chavendschahi historia Samanidarum“ (по-перс. и по-лат., 222 стр., Гётт. 1808); ред. С. де-Саси на изданіе Вилькева, мягкая по тону и убійственная по содержанію, въ Magasin Encyclopédique 1809, I, стр. 201 и сл.

Fr. Wilken: Historia Gasnevidarum (перс. и лат., Берл. 1832). За четверть вѣка передъ тѣмъ Вилькенъ помѣстилъ отсюда кое-что о Махмудѣ Газневидскомъ, въ томъ числѣ рассказы о походахъ Махмуда Газневидскаго на горцевъ Гарджистана (къ с. отъ Херата), на Сомнатъ въ Индію и др. въ хрестоматїи при своей грамматикѣ: „Institutiones ad fundamenta linguae Persicae“ Лейпц., 1805 (стр. 120-152 перс.), а по латыни—въ переводѣ своей хрестоматїи: „Luctuarium“ (Лейпц. 1805, стр. 10-31). По-англійски нѣкоторые отрывки о Махмудѣ Газневидскомъ и его первыхъ преемникахъ—у Эллиота въ „History of India“ т. IV (1872), стр. 134-140.

Fr. Wilken: Geschichte der Sultane aus dem Geschlechte Bujeih (перс. и нѣм., Берл. 1835). Erläuterung und Ergänzung einiger Stellen (къ предыдущему) durch Fr. von Erdmann (Казань, 1836). По-русски сокращенный переводъ (или конспектъ) у И. Холмогорова въ примѣч. 154-мъ къ переводу „Фахри“ (Казань 1863, отт. изъ у-тскихъ Уч. Зап.), стр. XXXIX-XLII.

Am. Jourdain: „Le jardin de la pureté“ въ IX томѣ Notices et extraits (1813), стр. 117-248. Главную часть этой работы Журдена составляетъ французскій переводъ (стр. 143-182) и персидскій текстъ (стр. 192-248) Мирхондовой исторїи персидскихъ ассасиновъ, отъ временъ великаго сельджука Меликъ-шаха и везира Низамольмолька. Этому предпослано введеніе о самомъ Мирхондѣ (стр. 117-132), и указано, глава за главою, содержаніе всего свода „Садъ чистоты“ (стр. 132-140) съ перечнемъ париж. рукописей.

Joh. Vullers: Historia Seldschukidarum persice (Гиссенъ 1837). Его же: Geschichte der Seldschukiden (переводъ, Гисс. 1838).

Defrémery: Histoire des Sultans du Kharezm (текстъ. Пар. 1842), 134 стр.; изъ II тома „Chrestomathies orientales“.

W. H. Morley: The history of the Atabeks of Syria and Persia, from Mirkhond (текстъ. Лонд. 1848). Приложены снимки съ атабекскихъ монетъ, съ описаніемъ W. S. Vaux.

Sur le Kiptchak et les Chirvanchahs—въ „Journal Asiatique“, IV série t. 17.

E. Mitscherlich: Mirkhondi historia Ghuridarum, regiae, Persiae Indiaeque atque Carachitajorum imperatorum Tatariae, persice et latine (Франкф. 1818);—Histoire des sultans Ghourides texte et trad. par Defrémery (Пар. 1844) изъ „Journ. Asiatique“ 1843.

Изъ V и VI тома переведено много меньше:

Am. Jaubert: Vie de Djenghiz-Khan перс., 174 стр. (П. 1841= „Chr. or.“ I). Раньше всѣ главныя отрывки о Джингизъ-ханѣ извлекъ и перевелъ Langlès: „Notice de l'histoire de Djenghiz-khan“ въ V томѣ „Notices et extraits“ (an VII=1798), стр. 192-229. О взятіи Багдада Хулагу-ханомъ 1258 г. по-русски перевелъ И. Н. Холмогоровъ въ 183-мъ примѣч. къ переводу „Фахри“ (Казань 1863, стр. LIII-LXV, отг. изъ утскихъ Уч. Записокъ)¹⁾ и о введеніи ассигнацій при Кейхату-хулагидѣ—тамъ же стр. LXV-LXVIII. Объ исторіи монголовъ и Тимурѣ отрывки переведены у Хаммера въ „Les origines russes“ (Сиб. 1825) и у Ф. Шармуа въ Mémoires de L'Acad. Imp. de S.-Petersb.“ 1835, серия VI, т. III, въ большой работѣ: „Expédition de Timour-i Lènk ou Tamerlan contre Toqtamische, khan de l'oulous de Djoutchy, en 793=1391“, именно на стр. 441-471, съ предисловіемъ персидскаго текста (стр. 270-321).

Исторія Сербедаровъ, изъ V тома общей исторіи Мирхонда Раузатуссафа перевелъ съ персидскаго И. Холмогоровъ—въ „Ученыхъ Запискахъ Казанскаго У-га“, 1860, кн. IV, стр. 3-52. Съ предисловіемъ переводчика (и отд. отг., Каз. 1860, 53 стр.).

Изъ VII (про Хосейна-Бейкару) и VIII (географической) части, кажется, не было переводовъ на европейскіе языки; по крайней мѣрѣ, кажется, не было болѣе или менѣе цѣльныхъ переводовъ, не просто цитатъ. Главный интересъ переводчиковъ Мирхонда вращался, слѣдовательно, около IV тома, на домонгольской исторіи халифата и въ частности Ирана,—на томъ архивкомпильтивномъ отдѣлѣ Мирхонда, который теперь, при наличности и изданіи первоисточниковъ, почти потерялъ для новѣйшей европейской науки свою прежнюю цѣну, а въ будущемъ потеряетъ, пожалуй, и всякую цѣну.

Литература о Мирхондѣ.

Кромѣ упомянутой старой работы Журдена въ IX томѣ „Notices et extraits“ (1813) и еще болѣе старой статьи Сильвестра де-Саси: „Notice sur Mirkhond“ въ вышеупомянутыхъ его „Mémoires sur les diverses antiquités de la Perse“ (Пар. 1793), съ дополненіемъ тоже въ IX томѣ „Notices et extraits“ (1813, стр. 249-273), о Мирхондѣ см. свѣдѣнія:

3) у Катрмера въ „Journal des Savants“ 1843, стр. 170-176.

4) Morley: Descriptive Index, стр. 30-34 (Л. 1854), съ общимъ обзоромъ и подобранной мелкой библиографіей;

¹⁾ Въ 179-мъ примѣчаніи (=стр. L-LII) Холмогоровъ издаетъ текстъ и русскій переводъ предшествовавшаго царствованія—халифа Мостансыра.

5) въ этомъ же родѣ свѣдѣнiя въ „History of India“ Эллиота т. IV (1872), стр. 127-140, тоже съ исчерпывающей мелкой библиографiей.

6) У Рьё (Rieu) въ его „Catalogue of the persian manuscripts of the British Museum“ (Лонд. 1879, т. I, 87-96) высказанъ рядъ замѣчанiй касательно рукописей исторiи Мирхонда, иногда съ критикою сообщенiй его. И т. III, 1883, стр. 1079.

7) У Этэ въ „Grundriss“ (т. II, 1896, стр. 356-357) сказано о Мирхондѣ крайне мало, въ біографическомъ ли, въ библиографическомъ ли отношенiи (для библиографiи—Этэ отсылаетъ къ Морли).

8) Очень выразительная характеристика Мирхонда, какъ историка, у В. Бартольда: „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествiя“ (Сиб. 1900), стр. 58-59, за то почти безъ библиографiи.

Достаточно бѣлаго взгляда на обильную европейскую библиографiю переводовъ изъ Мирхонда, чтобы наглядно представить себѣ то огромное влiяніе, какое онъ имѣлъ нѣкогда (не разъ со своими неточностями и ошибками) на ходъ развитiя европейской исторической науки.

Хондемиръ (1475-1535).

Продолжателемъ Мирхонда явился его внукъ Хондемиръ (или Хвандемиръ)¹⁾, тоже очень извѣстный и талантливый историкъ.

Родился онъ въ 1475 г. въ Хератѣ и, подобно дѣду, принадлежалъ къ тамошнему литературному кружку тимуридскаго везира Миръ-Али-Шира (ум. 1500). Хондемиръ пережилъ послѣднихъ тимуридовъ Персiи, видѣлъ гибельное вторженіе тюрковъ-узбековъ въ Хорасанъ (1508-1510) и объединеніе Ирана шахомъ-Исмаиломъ (1502-1524), основателемъ династiи Сефевидовъ. Самъ онъ нашель себѣ убѣжище въ горахъ Гарджистана (мѣстности къ с. отъ Херата по верхнему теченiю Моргаба)²⁾. Оттуда въ 1528 (= 934) году основатель имперiи великихъ моголовъ Бабуръ пригласилъ Хондемира къ себѣ въ Индiю, гдѣ Хондемиръ затѣмъ прожилъ и при его преемникѣ великомъ моголѣ Хомаюнѣ (1530-1556), пока не умеръ лѣтъ шестидесяти отъ роду (941=1534-1535).

Еще въ эпоху процвѣтанiя хератскаго литературнаго кружка Хондемиръ проредактировалъ и закончилъ 7-й (о событiяхъ временъ Хосейна-Бейкары) и 8-й (т.-е. географической) томы всеобщей исторiи своего дѣда-Мирхонда (ум. 1498). И тогда же, незадолго до смерти везира Миръ-Али-Шира (ум. 1500), Хондемиръ составилъ для везира, съ помощью его богатой библиотекы, обработанное компендиальное извлеченіе изъ труда дѣда и озаглавилъ: «Холасет эль-эхбаръ» (= «Экстрактъ историческихъ свѣдѣнiй»).

Изъ I части „Холасет эль-эхбаръ“, относящейся къ библейскимъ и баснословнымъ временамъ, извлеченiя даны въ англ. переводѣ еще въ XVIII в. въ „Asiatic Miscellany“.

Чрезвычайно многое почерпнулъ изъ „Холасе“ Хондемира маіоръ Прайсъ (Price) въ своемъ „Chronological Retrospect, or Memoirs of the prin-

1) Болѣе полное имя Хондемира—Гiас-эд-динъ ибнъ-Хемъм-ед-динъ.

2) Не въ Грузiи, какъ иногда по недоразумѣнiю полагаютъ историки (наприм., Эллиотъ въ „History of India“, т. IV, 1872, стр. 142).

cipal events of mahommedan history from original persian authorities" (1820, 4 тт) ¹⁾ и въ „History of Arabia“.

Французское извлечение, съ приложениемъ перс. текста: Histoire des Seldjoukides, extraite de l'ouvrage intitulé „Khélassat-oul-akhbar“ et traduite du persan de Khondémir, par Julien Dumoret — въ „Journal Asiatique“, 1834, tome XIII (mars № 75), стр. 240-256.

Походъ Тимура противъ Тохтамыша на Кыпчакъ по-перс. и по-франц. издалъ изъ „Холясе“ Шармуа въ „Mémoires“ Спб. Академіи Наукъ, 6-я серія, т. III (1835) въ работѣ: „Expédition de Timour-i Lénk contre Toqtamische“ (стр. 320-327 перс., 471-475 франц.).

Короткій отрывокъ о „рабахъ Гуридскихъ“ сокращенно переведенъ у Эллиота: „History of India“, т. IV (1872), стр. 145-147.

По тому же образцу Хондемиръ двадцать лѣтъ спустя, въ 1521-1524 (=927-930) и даже, можетъ-быть, нѣсколько позже, незадолго до переѣзда въ Индію ²⁾, составилъ свою особую (конечно, тоже компилятивную) трехтомную всеобщую исторію и довелъ ее до своего времени, подъ заглавіемъ: «Хебіб эс-сіер» (=«Другъ жизнеописаній»). На манеръ Мирхонда, Хондемиръ снабдилъ свой трудъ (сверхъ основного трехтомнаго состава) еще и введеніемъ (о сотвореніи міра) и историко-литературнымъ прибавленіемъ (объ ученыхъ людяхъ, свв. суфіяхъ и т. п.) Въ противность другимъ трудамъ Хондемира, «Хебіб эс-сіер» весь изданъ. Переводовъ къ нему однако поменьше. Переводились преимущественно тѣ части, которыя касаются исторіи монголовъ, и въ этомъ приняли участіе русскіе ученые, а на англійскій языкъ переведены обильные отрывки, относящіеся къ завоевателю Индіи Махмуду Газневидскому (998-1030) и къ его династіи, хотя впрочемъ въ началѣ XIX в. англійское востоковѣдѣніе пользовалось «Другомъ жизнеописаній» Хондемира для болѣе широкихъ историческихъ цѣлей.

Литографир. изданія „Хебіб эс-сіер“ Тегранъ 1271 = 1854 и Бомбей 1273 = 1856-1857: „The Nabeeb os-seeag by Mirza Gheeeas-od-deen“, 2 тт. Изъ рукописей есть одна и въ Лазаревскомъ Институтѣ (№ 320 печ. кат.), но въ ней только 1 томъ, до первыхъ халифовъ.

Содержаніе свода изложено въ большинствѣ статей и замѣтокъ о Хондемирѣ, которыя указываются у насъ ниже: Катрмера 1843, Дефремери „Fragments“ 1849 и сл., подробно въ каталогѣ рукописей „Asiatic Society“ by Morley (1854, стр. 42-50), статьѣ Мерена 1860, Эллиота, т. IV (1872, стр. 154-158), каталогѣ Рьё I (1879, стр. 98 и сл.).

Переводы.

Для общей исторіи исламскихъ народовъ широко пользовался „Хебіб эс-сіер“-омъ Хондемира, чтобы многое перевести изъ него буквально (какъ и изъ его же „Холасет эль-эхбар“), майоръ Прайсъ (Price) въ своемъ вышеотмѣчавшемся „Обзорѣ“ (Retrospect) мусульманской исторіи (1820), — работѣ, которая почти до половины XIX вѣка пользовалась въ наукѣ авторитетомъ, пока не была вытѣснена нѣмецкими трудами. А раньше—

¹⁾ Прайсъ въ свой трудъ включилъ: „Ровзет эс-сефа“, „Холасет эль-эхбар“, „Таріхи Табарі“, „Хебіб эс-сіер“, Абуль-фезлеву „Эхбер-наме“.

²⁾ Срв. соображенія Эллиота: „History of India“, т. IV (1872), стр. 155.

Jourdain извлекъ изъ „Хебіб эс-сйер“ біографію философа X-XI в. ибнъ-Сины (Авиценны), по-французски, въ Хаммеровыхъ „Die Fundgruben des Orients“, т. III.

Большіе отрывки про газневидское государство—у Эллиота: History of India, т. IV (1872), стр. 158-212.

Свѣдѣнія изъ Хондемировскаго „Хебіб эс-сйер“ на счетъ исторіи монголовъ сперва появлялись, съ конца XVIII в., въ видѣ извлеченія небольшихъ отрывковъ. Таковъ отрывокъ, съ англійскимъ переводомъ майора Kirkratrick'a, про законоположеніе булагидскаго государя Газана-хана (въ I томѣ „New Asiatic Miscellanies“, Калькутта, 1789, стр. 149 и сл.)¹⁾ и, съ французскимъ переводомъ Langlès, о попыткѣ ввести бумажныя деньги-ассигнаціи при предшественникѣ Газана-хана (въ IV томѣ „Mémoires de l'Institut“). Больше же цѣлыя и объемистыя переводы свѣдѣній о монголахъ:

1) Исторія монголовъ отъ древнихъ временъ до Тамерлана, сочиненіе Хондемира, перев. В. Григорьева (Сиб., 1834). Разборъ Г. Бичурина—въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1841, т. II, стр. 696-723 (а еще раньше была замѣтка въ „Библи. для чтенія“, 1834, т. V, стр. 14).

2) Chahmou — текстъ и переводъ трехъ главъ изъ „Хебіб эс-сйер“, относящихся къ походу Тимура на хана Тохтамыша, въ вышеупомянутомъ томѣ „Mémoires“ Сиб. Ак. Н. (серія VI, т. 3), 1835, стр. 328-349 перс., 475-492 франц.

3) Die Geschichte Tabaristans und der Serbedare nach Chondemir, Persisch und deutsch von B. Dorn (Сиб., 1850), оттискъ изъ петербургскихъ Мемуаровъ Академіи Наукъ, сер. VI, т. VIII, стр. 139-182.

4) C. Defreméry: a) Fragments de géographes et d'historiens arabes et persans inédits, relatifs aux peuples du Caucase et de la Russie méridionale, № V. Extraits de Khondémir (= relatifs à l'histoire des khans du Kiptchak et des Chirvanchah), только переводъ, безъ перс. текста, въ „Journal Asiatique“, 1851, февр.-мр. (сер. 4, т. 17), стр. 105-148;—б) О н ъ ж е: Histoire des khans mongols du Turkistan et de la Transoxiane, extraite du Habib essier de Khondémir et traduite—въ „Journ. Asiat.“, 1852 (сер. 4, тт. 19 и 20) и отд. оттискъ, гдѣ стр. 4-51 перс. текстъ, стр. 52-108 франц. переводъ. (Для пользованія несравненно удобнѣе оттискъ, чѣмъ неловко расчлененные куски въ „J. As.“).

Есть у Хондемира и другія сочиненія, но они печатно не изданы. Именно, это—«Дестур эль-возера»—сборникъ біографій славныхъ везирей, отъ баснословнаго Соломонова министра Асафа и Ануширванова министра Бозоргмибра до везирей тимуридскихъ²⁾, и предсмертная (1534), довольно панегирическая «Книга про великаго могола Хомаюна» (=«Хомаюн-намѣ»), составленная по желанію самого государя (1530-1556), расположеніемъ котораго старый Хондемиръ пользовался³⁾.

¹⁾ О задуманныхъ Газаномъ-ханомъ реформахъ см. нашу „Ист. Персін“, III, стр. 13.

²⁾ Про „Дестур эль-возера“ см. Эллиотъ: „History of India“, т. IV (1872), стр. 148-153, гдѣ по-англійски переведены изъ Хондемира свѣдѣнія о трехъ вліятельныхъ везиряхъ временъ саманидскихъ и Махмуда Газневидскаго. См. также персид. каталогъ Рьё, т. I (1873), стр. 335.

³⁾ Извлеченія изъ „Книги про Хомаюна“ даны по-англ. у Эллиота: „Hist. of India“, т. V (1873), стр. 116-126. Полный рукописный англійскій переводъ хранится въ Британскомъ Музеѣ (см. у Rieu, т. III, 1883, стр. 1024).

Относительно Хондемира см.:

- а) Э. Катрмеръ — обстоятельная биография въ „Journal des Savants“, 1843, стр. 386-394;
- б) Эллиотъ — биографич. замѣтка и свѣдѣнія о сочиненіяхъ въ „History of India“, т. IV (1872), стр. 141-145, 148, 154-158, и т. V (1873), 116;
- в) Mehren — въ „Journal Asiatique“, 1860, I (avril-mai), стр. 429-435, по поводу бомбейскаго изданія „Хебіб эс-сіфер“.
- г) Рьё — въ описаніи персид. рукописей Британскаго Музея, т. I (1879), стр. 96-98 и т. III (1883), стр. 1079-1080.
- д) Этё — въ „Grundriss der iranischen Philologie“, т. II (Страсбургъ, 1896), стр. 356-357.

в) заключительные моменты разцвѣта послѣ тимуровской историографіи (XVI в.).

Мирхондомъ и Хондемиромъ заканчивается разцвѣтъ персидской историографіи, длившійся всю монгольскую и тимуридскую эпоху. Какого-нибудь, однако, рѣзкаго, обрывистаго прекращенія историографической производительности въ XVI вѣкѣ не было. Выработавшаяся традиція, выработавшійся вкусъ къ исторической литературѣ продолжали у персовъ держаться, и XVI в. своими литературными явленіями есть еще вполне ясное отраженіе предыдущаго блестящаго историографическаго періода. Даже специально-монголовѣдное писательство не совсѣмъ умираетъ, — правда, больше въ Индіи, гдѣ династія Тимура основала имперію Великихъ Мо[н]головъ. Въ самой же Персіи, гдѣ владычество „монгольской“ династіи прекратилось и водворились Сефевиды, династическая историографія естественно направилась въ другую сторону.

Но хотя XVI вѣкъ содержитъ въ себѣ еще достаточно слѣдовъ недавняго, махнушаго разцвѣта, все-же ясно, что разцвѣтъ — миновалъ. Ни качественно, ни даже количественно историческая литература XVI вѣка не можетъ равняться, напримѣръ, съ XV вѣкомъ. И особенно въ самомъ Иранѣ, въ провинцію Индустану, упадокъ нагляднѣе.

Историографія у первыхъ Сефевидовъ. Записки шаха Тахмаспа I, 1524-1576. „Лобб э-теваріх“, 1541. „Нигаристанъ“, 1552.

Второй государь нововодворившейся сефевидской династіи шахъ Тахмаспъ I (1524-1576) самъ не чуждъ былъ историческаго писательства. Имѣются его, или писанные по его желанію, мемуары. У персовъ они извѣстны подъ позднимъ названіемъ: „Рузнамэ-и Теһмасп“ = „Дневникъ Тахмаспа I“¹⁾. Нѣмецкій изслѣдователь Тейфель²⁾ видѣлъ въ Тахмасповой работѣ неоконченную исторію войны между Персіей и Турціей. Правильнѣе будетъ сказать, что это — записки объ отношеніяхъ между Персіей и Турціей при Тахмаспѣ I, какъ военныхъ, такъ и мирныхъ.

¹⁾ Подъ такимъ заглавіемъ („Рузнамэ“) трудъ былъ изданъ (не полностью) въ новѣйшей историко-географической компиляціи: „Метле эш-шеме“ Саидзодвле (Тегранъ 1301=1884, т. II, стр. 165-213).

²⁾ F. Teufel: Schâh Tahmâsp und seine Dehkwürdigkeiten — въ „Zeitsch. der Deutsch. Morg. Ges.“ т. 37 (=1883), стр. 113-125.

Послѣ появленія техранскаго неполнаго литогр. изданія записокъ Тахмаспа I далъ полное европейское печатное изданіе Р. Ногн, въ „Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges.“, т. 44 (=1890), стр. 563-649.

Онъ же напечаталъ нѣмецкій переводъ: „Die Denkwürdigkeiten Schâh Tahmâsp's (Страсб. 1891; 156 стр.).

И на изданіе и на переводъ П. Хорна В. А. Жуковскій помѣстилъ очень строгую критику въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Археол. Общ.“, т. VI (=1891), стр. 377-383. Критикъ указываетъ также, что мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ бесѣдою шаха и турецкихъ пословъ, записанной по шахскому повелѣнію, едва ли собственноручно. Очевидно, записка предвазначена была также и для султанскаго свѣдѣнія, и оттого султанъ титулуется тамъ очень вѣжливо.

Составленная при Тахмаспѣ I очень небезызвѣстная всеобщая исторія: „Лобб эт-теваріх“ = „Сердцевина лѣтописей“ (1541) типична какъ показатель наступающаго или наступившаго упадка. „Сердцевина лѣтописей“, это — чрезвычайно сжатый общеисторическій сводъ свѣдѣній о прошлыхъ вѣкахъ, отъ старѣйшихъ временъ вплоть до жизни составителя, — неоригинальная компиляція, повидимому, сокращеніе свѣдѣній Мирхонда. Авторъ — эмиръ Яхья ибнъ-Абдаллатыфъ-Хосейнъ Казвинскій (род. въ 1481 г.) состоялъ нѣкоторое время въ числѣ Тахмасповыхъ приближенныхъ (а умеръ въ испанской тюрьмѣ, отправленный туда изъ родного Азербейджана за приверженность къ соннитству 1555)¹⁾. Было время, когда у европейскихъ ориенталистовъ „Сердцевина лѣтописей“ Миръ-Яхья пользовалась порядочнымъ успѣхомъ²⁾; но теперь она основательно забыта, — что и естественно, разъ забывается даже ея первообразъ Мирхондъ.

Напротивъ, очень цѣнятся составленная тогда же (1552) компиляція „Нигаристанъ“ = „Галерея [историческихъ] картинъ“³⁾. Авторъ — кадыкъ Ахмедъ эль-Геффарій Казвинскій (ум. въ 1567 г.). Ему принадлежитъ, во-первыхъ, компендіальное историческое руководство, во-вторыхъ, этотъ „Нигаристанъ“.

Историческое руководство Геффарія, сравнительно, менѣе заслуживаетъ вниманія. Называется оно „Джеһан-арâ“ = „Міроукрастельное“ (или, точнѣе: „Носех-и Джеһан-арâ“ = „Міроукрастельныя записи“) и дѣлится на три неодинаковыя размѣромъ части („носех“, мн. ч. „носех“): I. Ветхозавѣтные пророки, Мохаммедъ, 12 имамовъ; II. Доисламскія, языческія династіи міра; III. Династіи исламскія. Доведено до 1564 года, при чемъ Тахмаспъ восхваляется до небесъ. Каждая „носех“ подраздѣляется на множество рубрикъ, согласно династіямъ; среди династій отмѣчаются и мелкія, иногда (что важно) мало извѣстныя изъ

¹⁾ Биографію автора „Лобб эт-теваріх“ см. у Эллиота: „History of India“, т. IV (1872), стр. 293—297, съ оглавленіемъ содержанія его книги и съ полной европейской библиографіей; у Рѣ въ опис. персид. рукоп. Британ. муз., т. I (1879), стр. 104-105, т. III (1883), стр. 1080.

²⁾ Переведена она въ XVIII в. по-латыни подъ заглавіемъ „Medulla historiarum“ (Халле, 1783) въ Бюшинговомъ „Magasin für die neue Historie und Geographie“, № XVII. Изданія и переводы небольшихъ извлеченій помѣчены у Эллиота и Рѣ.

³⁾ Не надо, конечно, смѣшивать этого историческаго произведенія съ беллетристическимъ „Нигаристаномъ“ Мовнеддина Джоейніа (1335), составленнымъ въ подражаніе „Голистану“ Са'діа, и съ еще нѣкоторыми другими одноименными произведеніями.

другихъ авторовъ ¹⁾. Въ общемъ работа суховатая, хотя, наприм., Рьё аттестуетъ ее какъ „an excellent compendium of history“ ²⁾.

За-то, неоспоримой увлекательностью отличается Геффаріевъ „Нигаристанъ“. Эта „Галерея историческихъ картинъ“ есть всеобщая исторія въ характерныхъ историческихъ анекдотахъ и разсказахъ про знаменитыхъ людей, т. е. историческая антологія, или историческая хрестоматія. Расположенъ анекдотическій матеріалъ—по династіямъ, при чемъ о каждой династіи сообщаются на своемъ мѣстѣ краткія хронологическія свѣдѣнія. Начинается „Нигаристанъ“ серією историческихъ анекдотовъ эпохи пророка Мохаммеда, кончается половиною X вѣка нѣжры, т. е. эпохою, современною Ахмеду эль-Геффарію и шаху Тахмаспу I, которому посвященъ „Нигаристанъ“. Источники этой антологіи (арабскіе и персидскіе) указаны составителемъ въ предисловіи; не всѣми изъ нихъ мы располагаемъ, и это придаетъ „Нигаристану“ сугубую историческую цѣнность.

„Нигаристанъ“ изданъ былъ въ Бомбей литографски 1245=1829; 1275=1858. Есть изданія калькуттекія.

J. von Hammer: Geschichte der schönen Redekünste Persiens (В. 1818), стр. 307-310. Переведено нѣсколько анекдотовъ изъ „Нигаристана“ съ краткими свѣдѣніями объ авторѣ (на стр. 308 переведенъ перечень источниковъ „Нигаристана“).

A. Krafft: Die Handschriften der orient. Akademie zu Wien (1842), стр. 87-90. Обзоръ содержанія „Нигаристана“.

H. Elliot: History of India, т. II (1869), стр. 504-506. Переведены три анекдота объ Индіи (два—о Махмудѣ Газневидскомъ).

Ch. Rieu, перс. каталогъ Брит. Муз., т. I (1879), стр. 106 и т. III (1883), стр. 1065. Біографія; замѣчанія объ источникахъ.

Шеферъ въ своемъ французскомъ переводѣ „Сіясет-наме“ везира Низамольмолька XI в. (Пар. 1893) не разъ, въ примѣчаніяхъ, приводитъ параллели изъ Нигаристана.

у Н. Ethé—въ Grundriss der iran. Philol., т. II (1896), стр. 333 (и 267) бѣгло указана связь съ прежней литературой такого же рода (XII в.).

Хотя отмѣченныя произведенія, появившіяся въ сефевидскомъ государствѣ XVI в., никакъ не могутъ быть названы безынтересными, все-же значительно интереснѣе тѣ какъ общенсторическіе, такъ и касающіеся монголовъ труды XVI вѣка, которые создались въ новооснованномъ царствѣ Великихъ Моголовъ въ Индіи.

¹⁾ Отрывокъ изъ „Джехан-аръ“ о доисламской Персїи изданъ былъ въ XVIII в.: Epitome of the ancient history of Persia, extracted and translated from the Jehan Ara, a persian manuscript, by Will. Ouseley (Лонд. 1799; стр. XXXVI+92). Обзоръ содержанія „Джехан-аръ“ данъ: а) Хаммеромъ въ „Wiener Jahrbücher der Literatur“, т. 69 (Anzeige-blatt, стр. 35-37); б) довольно коротко у Elliot'a: History of India, т. IV (1872), стр. 298-300; в) подробно у Рьё, опис. перс. рукоп. Брит. Муз., т. I (1879), стр. 111-115.

²⁾ Рьё, т. I, стр. 106.

Исторіографія въ новооснованномъ царствѣ Великихъ Моголовъ.

Великіе Моголы, утвердившіеся въ Индіи въ XVI вѣкѣ — тимуриды, и связь ихъ съ недавно отцвѣтшей тимуридской литературой Персіи была еще свѣжа. Хондемиръ (1475—1535), начавшій карьеру свою еще въ Хератѣ, закончилъ ее — мы вѣдь видѣли — въ Индустанѣ, куда послѣдовалъ за основателемъ имперіи Бабуромъ; важный Хондемировъ сводъ „Другъ жизнеописаній“ — Хебіб эс-сіеръ (1521-1524), служащій въ извѣстныхъ частяхъ однимъ изъ первоисточниковъ по монгольско-тимуридской исторіи, связанъ съ отъѣздомъ въ Индустанъ. Хондемиръ — явление не единичное. Кромѣ него, Индія XVI вѣка дала еще нѣсколькихъ писателей-историковъ (обыкновенно, переселенцевъ изъ Ирана), труды которыхъ являются достойнымъ продолженіемъ и завершеніемъ той исторіографіи, которая при монголахъ и тимуридахъ развилась въ Иранѣ.

Мы остановимся лишь на трехъ индійско-иранскихъ исторіографическихъ фактахъ XVI в.: на мемуарахъ султана Бабура, основателя имперіи великихъ моголовъ (языкъ котораго впрочемъ не персидскій), на трудѣ его двоюроднаго брата Мохаммеда Хейдера и на „Исторіи за тысячу лѣтъ“ (1585), составленной по повелѣнію его внука Эибера Великаго. Трудовъ, посвященныхъ специально мѣстной исторіи Индустана, мы касаться не будемъ.

„Бабур-наме“ (1482-1530).

Итакъ, самъ султанъ Б а б у р ъ (род. 1482, ум. 1530), покровитель Хондемира, былъ историческимъ писателемъ, историкомъ-мемуаристомъ.

Его цѣнная автобіографія „Б а б у р - н а м е“ (иначе „Вақы'ят-и Баборі“) ¹⁾, по языку, не входитъ прямо въ персидскую литературу. Она написана на родномъ языкѣ Бабура — турецкомъ-джагатайскомъ ²⁾. Однако, „Бабур-наме“ тѣсно вошла и въ область персидской литературы: нѣсколько разъ была она переведена на персидскій языкъ, при чемъ первый разъ — при жизни самого автора, перваго великаго могола Бабура, а два раза — при его внука и третьемъ преемникѣ Эиберѣ Великомъ (1556-1605).

Джагатайскій текстъ „Бабур-наме“, подъ латинскимъ заглавіемъ „Baber-Nameh djagataice“, напечатанъ былъ въ Казани 1857 Н. И. Ильминскимъ (508 стр.). Съ этого изданія сдѣланъ французскій переводъ Паведе-Куртейля: „Mémoires de Baber“, 2 тт. (Пар. 1871) ³⁾. Хорошую старинную рукопись опубликовала факсимильно м-сь Бевериджъ въ серіи Gibb Memorial, № 1 (Лейд. 1905), съ предисловіемъ и указателями. (Изданію предшествовали и за изданіемъ послѣдовали ея статьи о разныхъ другихъ рукописяхъ Бабур-наме — въ „Journ. of the R. Asiat. Society“, 1900-1908).

¹⁾ На западѣ обыченъ выговоръ „Баберъ“.

²⁾ Повелители тогдашняго Ирана, Сефевиды, говорили между собою тоже по-турецки, на нарѣчій азербейджанскомъ.

³⁾ Въ „Journal des Savants“, 1873, Дефремери помѣстилъ отчетъ о переводѣ Паведе-Куртейля.

Персидскихъ переводовъ—три. Ихъ изготовили:

1) шейхъ Зейнъ (Зейнеддинъ), ум. 1533 три года спустя послѣ самого Бабура, у котораго онъ былъ секретаремъ. Рукопись Брит. Муз. описана у Рьё, т. III (1883), стр. 926. Небольшой отрывокъ переведенъ, съ замѣчаніями о шейхѣ, у Эллиота: *Hist. of India*, т. IV (1872), стр. 288-292. Трудъ шейха Зейна — не переводъ, а передѣлка, напыщенная, цвѣтстая, вычурная, тогда какъ джагатайскій стиль самого Бабура отличается очень пріятной простотой. (Эллиотъ, IV, 218, сравниваетъ джагатайскій стиль Бабура съ ксенофоновскимъ и цезаревскимъ).

2) Въ 1586 году мирза Пайенде Хасанъ Газвинскій съ товарищемъ дали не столько переводъ, сколько вольное переложеніе записокъ Бабура, для одного изъ сановниковъ императора Экбера. Рукопись Брит. Муз. описана у Рьё, т. II (1881), стр. 799-800. Версія совсѣмъ мало употребительная.

3) Вскорѣ для самого Экбера Великаго и по его повелѣнію въ 1590 г. ¹⁾ былъ изготовленъ его полководцемъ мирзою Абдеррахимомъ наиболее извѣстный, 3-й персидскій переводъ, довольно близкій къ тюркскому подлиннику. Съ этой персидской версїи былъ сдѣланъ сперва сокращенный англійскій переводъ Ф. Тальбота: „Memoirs of Baber“ (1809; интересенъ лишь снимками съ миниатюръ, изображающихъ сцены изъ жизни Бабура), а затѣмъ—переводъ Дж. Лейдена и W. Erskine'a (Лонд. 1826), съ историческимъ введеніемъ: „Memoirs of Zehir-eddin Muhammed Baber“ (2-е изд. 1844). Сюда же относится M. Caldecott: „Life of Baber, abridged from the memoirs“ (Лонд. 1844) ²⁾. Главы, посвященныя водворенію Бабура въ Индію, переведены у Эллиота въ „History of India“, т. IV (1872, стр. 218-287), съ предиосланной характеристикой Бабура; при переводѣ указываются встрѣчающіяся отличія отъ джагатайскаго текста.

Такимъ образомъ записки Бабура тѣсно соединились съ персидскою историческою литературою.

„Таріх-и Решіді“, 1541-1545.

Цѣнное для исторіи монголовъ дополненіе мы имѣемъ въ писанномъ по-персидски, въ Индіи же, трудѣ двоюроднаго брата Бабура, мирзы Мохаммеда Хейдера (ум. 1551), озаглавленномъ «Таріх-и Решіді» = «Лѣтопись въ честь людей праваго пути» (пис. въ 1541-1545 г.).

По словамъ самого автора, т.-е. мирзы Хейдера, его «Таріх-и Решіді» должна служить дополненіемъ и хронологическимъ продолженіемъ къ тому вступленію объ исторіи монголовъ, которое мы находимъ при «Книгѣ Тимуровыхъ побѣдъ» (= Зефер-наме 1425 г.) Шерефеддина Алиа Йездскаго и которое доходитъ лишь до событій половины XIV вѣка ³⁾. Практически задачу эту мирза Мохаммедъ-Хейдеръ исполнилъ такъ, что далъ сочиненіе въ двухъ частяхъ. Первая часть «Таріх-и Решіді» есть исторія XIV—XVI в. родныхъ странъ ав-

¹⁾ См. у Абульфезла (1551-1602): *Исторія Экбера*, ч. III (Аін-и Экбері), изд. Blochmann въ „Bibliotheca Indica“, стр. 335 и 105.

²⁾ За точность заглавія не ручаюсь, потому что не имѣлъ въ рукахъ этой книги.

³⁾ См. у насъ выше, стр. 43-44.

тора: Могулистана ¹⁾ и Туркестана, точиѣ—Туркестана восточнаго (Кашгарскаго); вторая часть—автобіографія составителя, въ которой живо вырисовывается тягостная картина первыхъ временъ узбекскаго водворенія въ Трансоксаніи.

Авторъ хоть писалъ уже въ Индіи (онъ былъ правителемъ Кашмира при великомъ моголѣ Хомаюнѣ, 1530-1556, своемъ племянникѣ), уроженецъ-то былъ туркестанскій; родился онъ (1499) въ Ташкентѣ, гдѣ управлялъ его отецъ, пока вторгшіеся узбеки не убили его; жилъ онъ и на отцовской родинѣ въ Кашгарѣ со своимъ старшимъ родственникомъ и хорошо зналъ страну. Географическихъ сообщений о Туркестанѣ, въ частности о Кашгарѣ, у мирзы Хейдера разсыпано много, и оттого Хейдерова «Лѣтопись въ честь людей праваго пути» можетъ служить очень удачною параллелью и дополнительною иллюстраціей къ «Бабур-наме», труду его царственного двоюроднаго брата ²⁾. Положимъ, издатель новѣйшаго перевода «Таріх-и Решіді» ³⁾ сознается, что трудъ мирзы Мохаммеда-Хейдера не можетъ равняться съ записками Бабура: Бабуровы мемуары—полная картина нравовъ того времени, и стоятъ въ мусульманской словесности особнякомъ, какъ явленіе исключительное. Съ такой ограничительною оцѣнкою книги Хейдера соглашается и русскій рецензентъ перевода, специалистъ-знатокъ источниковъ по исторіи Туркестана, но все-же онъ считаетъ «Таріх-и Решіді» за «едва ли не самый любопытный памятникъ мусульманской исторической литературы XVI вѣка» ⁴⁾.

Имѣется полный англійскій переводъ „Таріх-и Решіді“—Росса, изданный 1895 съ подробнымъ введеніемъ Иляйеса: *The Tarikh-i Rashidi of Mirza Muhammad Haidar Dughlat, a history of the Moguls of Central Asia, an english version, edited with commentary, notes and map by N. Elias, the translation by E. Denison Ross* (Лонд. 1895; стр. XXIV + 128 + 535).—Къ этому изданію см. строгую рецензію В. Бартольда въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Арх. Общ.“, т. X (= 1896-1897), стр. 215—226; строгость рецензента впрочемъ относится больше къ введенію Иляйеса ⁵⁾, чѣмъ къ переводу Росса.

Персидскій оригиналъ не изданъ. Большія извлеченія однако опубликованы (съ русскимъ переводомъ) у В. В. Вельяминова-Зернова во II томѣ (1864) его „Исслѣдованія о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ“ (стр. 130-229) ⁶⁾ и (безъ перевода) К. Г. Залеманномъ въ академическихъ „Mélanges Asiatiques“, IX. стр. 321-385.

¹⁾ Могулистанъ—область средне-азиатскихъ монголовъ (гдѣ одинъ изъ важныхъ восточныхъ городовъ—Турфанъ).

²⁾ Повторяю (подобно Эллиоту V, 128 и Рье I, 166) характеристику, сдѣланную Erskine'омъ (I, 192-193).

³⁾ N. Elias (1895, стр. 3).

⁴⁾ В. Бартольдъ (авторъ диссертациі о Туркестанѣ) въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія“, т. X (1896-1897), стр. 215.

⁵⁾ Содержаніе обширнаго Иляйесова введенія: 1) свѣдѣнія объ авторѣ „Таріх-и Решіді“ и о самой книгѣ; 2) о Джагатаевой династіи; 3) о странѣ монголовъ; 4) монголы, тюрки и уйгуры; 5) Уйгуристанъ (восточное ханство); 6) эпоха автора „Таріх-и Решіді“ и послѣдующія событія.

⁶⁾ Трудъ Вельяминова-Зернова о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ, 4 чч., помещенъ въ „Трудахъ Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ.“ (въ тт. IX-XII, Сиб. 1863, 1864, 1866, 1887).

Изъ предыдущей литературы отмѣтимъ:

W. Erskine: History of India under Baber and Humayun, т. I, стр. 38-192. Сокращенно изложена первая часть „Таріх-и Решіді“; см. еще Appendix, стр. 537-539.

E. Quatremère, въ дополнительномъ примѣчаніи къ своей работѣ про Абдерраззакъ Самаркандскаго XV в. (въ „Notices et extraits“, т. XIV, 1843) далъ французскій переводъ свѣдѣній про Кашгаръ (стр. 474—489), сокращенно почерпнутыхъ изъ „Таріх-и Решіді“ составителемъ жизнеописательно-географической персидской энциклопедіи „Хефт иқлім“ = „Семь климатовъ“ 1594 года.

H. Elliot: History of India, т. V (1873), стр. 127-129 біографія Хейдеръ-мирзы, стр. 130—135 переводъ главы о междуособицѣ въ семьѣ великихъ моголовъ (столкновеніе Хомаюна съ братомъ).

R. Shaw (путешественникъ по Кашгару) перевелъ извлеченія въ „Journal of the Royal Geographical Society“, т. 46 (= 1876), стр. 277—298.

Біографія автора „Таріх-и Решіді“, полная разнообразныхъ превратностей, и обзоръ его сочиненія—хорошо изложены у Рьё въ I томѣ опис. перс. рукоп. Брит. Муз. (1879, стр. 164—167),—статья, не теряющая своего значенія и послѣ появленія изданія Elias'a 1895.

Чтобы закончить рѣчь объ историческихъ трудахъ этого періода, намъ остается сказать про «Таріх-и Эльфі».

„Лѣтопись за 1000 лѣтъ“ = „Таріх-и Эльфі“.

Въ 1585 году (= 993 хиджры) императоръ Индіи тимуридъ Экберъ Великій повелѣлъ группѣ окружающихъ его ученыхъ историковъ, частью соннитовъ, частью шитовъ, составить сводную лѣтопись событій за истекающія 1000 лѣтъ существованія ислама. «Тысяча» по-арабски «эльф», и изготовленный сводъ называется «Таріх-и Эльфі» = «Лѣтопись тысячелѣтія». Въ этомъ лѣтописномъ сводѣ—три части, занимающія около полторы тысячи рукописныхъ листовъ. Хронологія въ «Таріх-и Эльфі» ведется не отъ хиджры (не отъ 622 года), а своеобразно, отъ «рихле», т. е. отъ смерти Пророка (632), такъ что, напр., 50-й годъ этой «Лѣтописи тысячелѣтія» есть 60-й обычнаго мусульманскаго лѣтоисчисленія.

Составленіе «Таріх-и Эльфі» длилось нѣсколько лѣтъ. По первоначальному замыслу оно должно было быть коллегіальнымъ, но въ результатѣ пало на двухъ-трехъ людей.

Сперва, лѣтопись дѣяній первыхъ четырехъ халифовъ (среди которыхъ трое ненавистны шитамъ) скомпилирована была въ теченіе какой-нибудь недѣли соннитами, и въ ихъ числѣ находился набожно-легковѣрный историкъ Бадао́ннй¹⁾.

¹⁾ Бадао́ннй въ своемъ сочиненіи „Монтехеб эт-теваріхъ“ (котораго мы коснемся ниже) рассказываетъ, что кое-кто изъ сотрудниковъ „Таріх-и Эльфі“ вядумалъ-было усумниться въ подлинности одного сообщаемого имъ факта, именно того, что городъ Нисибисъ въ сѣв. Месопотаміи былъ взятъ при халифѣ Омарѣ при помощи огромныхъ черныхъ скорпионовъ, которыми мусульмане стрѣляли въ осажденный городъ. Бадао́ннй съ торжествомъ доказалъ имъ историчность этого сообщенія ссылкой на священную исторію „Ровзет эль-эхбабъ“, составленную въ XV вѣкѣ при тимуридѣ Абу-Сендѣ Херат-

То, что они написали, передано было въ руки главнаго составителя, муллы Ахмеда Татскаго, шита. Онъ эти первые халифскіе годы передѣлалъ болѣе-менѣе по-своему, на шитскій ладъ, такъ что даже очень терпимый императоръ Экберъ (не безъ подсказки, конечно, придворныхъ-соннитовъ) усмотрѣлъ въ изложеніи царствованія халифа Османа нѣкоторыя странности. Главная же работа муллы Ахмеда Татскаго, исполненная въ теченіе трехъ лѣтъ, заключалась въ томъ, что онъ довелъ «Лѣтопись тысячелѣтія» до времени Джингиз-хана, т.-е. составилъ двѣ первыхъ части труда. Работа внезапно была прервана гибелью Ахмеда Татскаго (1588, отъ руки фанатика-соннита, имѣвшаго и личные счеты съ Ахмедомъ). Третью, т.-е. заключительную, часть «Лѣтописи тысячелѣтія» дописалъ, до событій 997 = 1589 г., историкъ-полководецъ Асафъ-ханъ, а предисловіе далъ любимецъ императора Экбера Абульфезль¹⁾.

Одинъ изъ первыхъ участниковъ труда, ярый соннить, вышеупомянутый Абдалъкадыръ Бадабнскій (род. ок. 1541) получилъ отъ Экбера (1591) порученіе, послѣ гибели еретика-шита муллы Ахмеда Татскаго, пересмотрѣть написанныя имъ двѣ части. Бадабнскій это сдѣлалъ и проредактировалъ трудъ, по крайней мѣрѣ первую часть; во второй части, какъ онъ увѣряетъ, редактированъ имъ былъ только стиль сочиненія, и проверены даты, а тенденція изложенія въ общемъ осталась не тронута²⁾: Бадабнскій, по его словамъ, не хотѣлъ дать своимъ врагамъ возможности говорить, что молъ, вмѣсто однихъ предразсудковъ онъ ввелъ другіе³⁾.

скомъ. См. „Монтехеб эт-теваріхъ“ калк. изд. II, 318; по-англійски у Эллиота: History of India, т. V (1873), стр. 152, гдѣ вообще полностью переведены выписки изъ Бадабнскія, повѣствующія о способѣ составленія „Таріх-и Эльфі“ (О „Ровзет эль-эхбабъ“ см. у Рье, перс. рукон., I, 1879, стр. 147).

¹⁾ Абульфезль, род. 1551, ум. 1602, былъ и историкомъ. Онъ — авторъ исторіи Экбера: „Экбер-наме“ (гдѣ III часть называется „Айн-и Экбері“), изданной и переведенной Blochmann'омъ въ „Bibliotheca Indica“. Обыкновенно же имя Абульфезля сочетается съ представленіемъ объ его передѣлкѣ знаменитыхъ страстующихъ Биднаевыхъ басенъ („Эйяр-и даини“).

²⁾ Въ какой степени, къ тому же, чувствовалъ себя Бадабнскій всеобщимъ историкомъ халифата, трудно сказать. Специальностью его, сверхъ переводовъ съ санскрита, была исторія мусульманскихъ династій Индіи. Исторія Индіи отъ первыхъ мусульманскихъ завоевателей, газневидовъ, до времени Экбера Великаго (именно до 1004 = 1596 года) изложена Бадабнскимъ въ трудѣ: „Монтехеб эт-теваріхъ“ = „Выборка изъ лѣтописей“, иначе „Таріх-и Бедау'ни“. Изданъ трудъ Бадабнскія въ „Bibliotheca Indica“, 3 тч. (Калькутта 1864—1869). Огромныя извлеченія переведены у Эллиота: „History of India“, т. V (1873), стр. 482-549 (про Экбера Великаго, про окружавшихъ его писателей, напр., поэта Фейзи). Тамъ же (т. V, стр. 477-482) дана біографія Бадабнскія; см. еще Рье, перс. катал. Брит. муз. т. I (1879, стр. 222-223). Въ „Bibliotheca Indica“ переводъ W. H. Löwe (1884-1889) и G. Ranking'a (1895-1899). — не окончены.

³⁾ См. по-англійски выписку изъ Бадабнскія у Эллиота: „History of India“, т. V (1873), стр. 153, сноска 2-я. Здѣсь у Эллиота вообще даны свидѣнія о „Таріх-и Эльфі“ (т. V, стр. 159-175) и переведены нѣкоторые отрывки (стр. 159-175), относящіяся къ Индіи. См. у Эллиота болѣе ранній „Biographical Index to the historians of muhammedan India“ (Калк. 1849), стр. 143-162. Рье, въ перс. кат. Брит. Муз., т. I (1879, стр. 117-118), преимущественно вкратцѣ повторяетъ сообщенія Эллиота.

Особаго распространенія «Таріх-и Эльфі» не имѣла. Рукописи ея рѣдки. Вытѣснить излюбленнаго персами Мирховда ей не пришлось. Все-таки въ области персидской всеобщей историографіи она можетъ быть признана за послѣднее крупное явленіе. Послѣ того индійско-персидская историческая литература представляетъ интересъ исключительно мѣстный.

Правда, и среди мѣстныхъ исторій появлялись такия, въ которыхъ компилятивно содержится иногда очень полезный матеріалъ общенсторического характера. Такъ, Ферриште (род. 1553), современникъ Экбера Великаго, составилъ къ 1606-му году свою исторію мусульманъ Индіи, гдѣ есть отдѣлы о прежнихъ завоевателяхъ Индустана (напр., о газневидахъ X-XI в.), вплоть до нашествія великихъ моголовъ ¹⁾. Выписки Ферриште изъ старыхъ источниковъ содержатъ частенько очень недурной матеріалъ.

¹⁾ Исторія Индіи Ферриште издавалась литографски (есть бомбейское изданіе 1247=1831) и неважно переведена была на англійскій языкъ Бригсомъ 1829.

ԳՆԻՐԵՂԵՅԻՆ
ԱՆՅԻՆԵՐԱՅԻՆԻՆ
ԲԴՉԵՐՈՐԳՈՐԾ
ԵՐԻՐ ԲԱՅՅԻՂԵ
ԵՆԿՈՒԵՐՅԵՐԵ ԵՆ
ԻՆԳՆԻԵՐԵԿՈՒՍԵՐԻ
ԵՆԿՈՒԵՂԵՐԻՆԻՆ
ԱՐԴՆՅՈՂՅԵՐԻՐԵ ԵՆ
ՉԱՅՅԵՐԵՆՈՐԿԱ
ԱՆԻՐԻՆԻՆ ԵՆ ԵՆ

ԻՆԿՈՒՍԵՐԻ
ՉԱՅՅԵՐԻՆ
ԱՆԿ ԵՆԿՈՒՍ
ԵՆԿՈՒՍԵՐԻՆ
ՆԿՈՒՍԵՐԻՆ
ՅՈՒՍԿ ԵՆԿՈՒՍ
ՈՅՆԵՐԻՆԻՆ
ՆԱԵՐԻՆԻՆ
ԲՐԱՅԵՆ

ԵՆԿՈՒՍ
ԱՐԴՆՅՈՐԿԵՂԵ ԵՆ
ՉՈՒՍՅԵՆԿՆԻՆԻՆ
ԱՐԵՉԱՆԵՆԿՈՒՍԵ
ԱՆԿՈՒՍԵՐԻՆ ԵՆԿՈՒՍ
ՆԵՐԻՆԻՆ ԵՆԿՈՒՍ
ԻՆԿՈՒՍՅՈՒՍԵՐԻՆ
ԱՐԵՉԱՆԵՐԻՆ
ԱՐԵՉԱՆԵՐԻՆ
ԱՐԵՉԱՆԵՐԻՆ

ԵՆ
ՅՈՒՍԿ
ՉԱՅՅԵՐԻՆ
ԱՆԿՈՒՍ
ՅՈՒՍԿ
ՅՈՒՍԿ
ԱՆԿՈՒՍ
ԱՆԿՈՒՍ

Ինքնագրի օրինակ

Книга бытія, гл. II-ая. (Рук. ок. XII—XIII-го вѣка).

ԵՒ ՍԱՄՐՈՆ . Օ
ԿԱՅՈՒՍՅԻ ՎՐԻՐ
ՎԵՐԱՅԳՆԵԳ ՎՍՏԱ
ՆԻԻՐՈՅ . ՎԵԼԻԺ . Ա
ՍՈՒ ՋԿԵՐԸՆՈՒՐՍ
ԵՐԱՆԻ ԻՅԻՃԱՌԱՅ
ԻՆԱՅՆՍԻՆ . ՋՈՐԵ
ԱՆԱՆՎՐԻՐԳ . Ք Ա
ՆԻՅԻՆ ԱՐՁԵՆԱԱՅՆ

ՊԱՍ

ՎԵՐԱՐԵՒԱՍԱՄՅԱՆՑ
ՋՐԻՄԵՐԱՅՍԱՐԵՆԱ
ՅՆԸՆՉԻՅԻՐՈՅԿԵ
ՅՈՒՍՅԻՋՆԱ

ՎԵՐԱՐԵՒԱՍԱՄՅԱՆՑ
ՋՐԻՄԵՐԱՅՍԱՐԵՆԱ
ՅՆԸՆՉԻՅԻՐՈՅԿԵ
ՅՈՒՍՅԻՋՆԱ

ՕՒՅՅԻՆԱՅՆՈՐԻՆ
ՅԱՌԻՐՅՈՐՈՒՍԱ
ՈՂՈՒՆԻՅԻ . ԵՒԻԺ
ՍՈՒՅՈՐՈՒՍՈՂԳ
ՔԻՅԻ . ԸՆԴՍԻՆ
ԱՐԵԿՍՅԻՋՆԱ . Ա
ՋՍՍՆՆՈՐԱԸՆ
ՎՆԾԱՎԵՐՍԳԻՅԻ

ԵՒՃԱՌԱՅՈՐԳԻՃԻ
ՅԻՋՆԱՍՍՎՆԻՐՈ
ԵՒՈՂՊԱՐՁՍՄՅԻ
ՅԻՐՍԿԿԱՍԱՅՆՈՐ
ԱՐԵՅԻԳՎՆԵՍՋՈՒՍ
ԵՒՈՐՈՂՆԳԻՄԻՅԻ
ԵՒՎԵՐԱՆԻԳՎՆԻ
ԻՆՉՊՈՐԾԻՅԻ .

ԱՐԵՅԻԳՎՆԵՍՋՈՒՍ
ՎՍԵՆԱՅՆՆՈՐՈՒՍ
ՃԱՐՔՈՒՄ . ՇԱՐ
ԽՆԴՐԵՍՅԻՆՍԱՍ
ՆԵ՛ ԵՒՈՐՈՒՄԵՄ
ՋՈՒՄԱՄԱԻԻՅԱ
ԱՌՎԵԼԻՍ

Евангеліе отъ Луки, гл. XII-я. (Рук. X—XII-го вѣка).

Свѣдѣнія и замѣтки о старинныхъ армянскихъ рукописяхъ и армянскихъ надписяхъ, находящихся въ предѣлахъ Россіи.

Дѣйствительнаго члена Хр. Ив. Бучукъ-Іоаннесова.

I.

Два фрагмента изъ древнихъ армянскихъ рукописей

ок. XII—XIII и X—XI в.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Лазаревскаго института г. С. привезъ мнѣ съ Кавказа два листа, вырванные изъ двухъ различныхъ древнихъ рукописей.

Первый изъ нихъ, разорванный пополамъ, изъ плотной бомбицины желтаго цвѣта, дефектенъ по срединѣ и краямъ; длина и ширина его приблизительно 23×17 сант.; на страницѣ 21 строка, а должны быть 23; текстъ въ два столбца, писанъ крупнымъ уставомъ. Въ срединѣ недостаетъ двухъ строкъ, затѣмъ, въ пяти строкахъ, на обѣихъ страницахъ листа, оторваны концы, нарушающіе цѣльность наличнаго текста. Этотъ недостатокъ объясняется ветхостью и плохой сохранностью древняго памятника, отъ котораго уцѣлѣлъ лишь одинъ листъ. Однако при тщательномъ разсмотрѣніи и изученіи его, мнѣ удалось съ полнотою возстановить дефектныя мѣста сравненіемъ печатнаго экземпляра библіи С.-Петербургскаго изданія 1817 года. Разбираемый отрывокъ составляетъ часть второй главы Книги Бытія отъ 5-го стиха до конца и начало третьей главы, четыре строки 1-го стиха; при чемъ надо замѣтить, что текстъ—сплошной, безъ раздѣленія на особыя главы, какъ это дѣлается на печатныхъ экземплярахъ Ветхаго и Новаго Заветовъ. Такого дѣленія на главы мы не видимъ и на рукописномъ Евангеліи IX вѣка, принадлежащемъ библиотекѣ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ.

Сначала возстановимъ полный текстъ, поставивъ въ скобкахъ недостающія мѣста, а потомъ отмѣтимъ варианты и палеографическія особенности нашего памятника.

КНИГА БЫТІЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

- Стихъ 5. (ղի) շեւ եւս տեղացեալ
 Տ՛ն ա՛յ ի վերայ երկրի
 (ե)ւ մարդ չէր որ գործ.
6. էր զերկիր. Բայց ազր
 եւր ելանէր յերկրէ եւ
7. ոռոգանէ զերեսս երկ
 րի. եւ ստեղծ Տ՛ր Ա՛ծ զ
 մարդ չող յերկրէ եւ
 (փ)չեաց յերեսս նորա շ
 ունչ կենդանի. եւ եղ
8. (եւ մարդն յողի կենդանի)
 (եւ տնկեաց Ա՛ծ զգրախան ընդ)
9. արեւելս. եւ եղ անդ զ
 մարդն զոր ստեղծ. եւ
 բուսոյց եւս Տ՛ր Ա՛ծ յեր
 կրէ զամենայն ծառ զե
 զեցիկ 'ի տեսանել. եւ բաղ
 ցր ի կերակուր. եւ զծառ
 ս զիտելոյ զգիտութիւն
 բարոյ եւ չարի.
10. Եւ գետ ելանէր յԵդոփ
 ա ոռոգանէր զգրախտ.
 (եւ) անտի բաժանի 'իչորս
11. (առաջս. անուն միոյն)
 Փիսոփն. նա է որ (պատէ)
 զամենայն երկիր(ն) Եւփլ
12. ասա. անդ ուր (կին է)
 եւ սկին այնորիկ (այնիւն).
 Անդ է ախն ստատ(կ եւ գա)
13. Տանակ. եւ անուն (ղետ)
 ոյն երկրորդի Գե(չոփն)
 նա է որ պատէ (չամ երկ)
 իրն Եթե (աւպացոյ)
14. (եւ գետն երրորդ Տիգրիս)

- (նա է որ երթայ յանդիման)
- Ա. (սորեստանի եւ զեան չորրորդ Յւիրա)
15. տիւ. (եզ զնա իդրախտին փափկութեան զոր)
 ծել զնա եւ (պահել եւ)
16. պատուիրեաց Տր (Մծ Ադ)
 ամա. եւ ասէ յա (մենայն)
 ծառոց որ իցեն ՚ի (զրախ)
 տիգ ուտելով կե (րիցես)
17. բայց ՚ի ծառոյն (զիտու)
 թեան բարեղ եւ չարի
 մի ուտիցէք. զ(ի յորում)
 աւուր ուտիցէք (ի նմանէ
 մահու) մեռանիցիք.
18. (եւ ասա) ց Տր Մծոչ է բա
 (բոբ) մարդոյ միայ
 (ն լի)նել. արասցուք
 աւզնական ըստ դ
19. մա (եւ ս) տեղծ եւս Տր
 (Մծ զամեն) այն զազ
 (անս վայրի) եւ զամե
 (նայն թռչունս) երկնի(ց)
 (եւ էած զնոսա առ Ադամ)
 (տեսանել զինչ կոչեսցէ զնոսա).
 (եւ ամ շնչոյ կենդանեոյ. զինչ եւ
 (անուանեաց Ադամ այն անուն ե)
20. (նորա. եւ կոչեաց Ադ)
 (ամ անուանս ամե) նայ
 (ն անասնոց եւ) ամենայ
 (ն թռչնոց) երկնիցեւ ա
 (մենայն) զազանաց երկ
21. (րի. Ադ) ամա ոչ գտաւ
 (աւզնա) կան նման նմա
 (եւ էարկ) Տր Մծ թմրութ
 (իւն իվե) բայ Ադամա եւ
 (ննջեաց) եւ առ զմի ի
 կողից նորա եւ (ելից ը)
 նդ այնր մարմին (եւ)
22. շինեաց Տր Մծ զկող (ն)

- զոր առ Ս.դամա (իկին)
 եւ ած զնա առ Ս.դա(մեւ)
 23. *ասէ Ս.դամ այս (այժ)*
 մ' ոսկր յոսկերաց իմ(ոց)
 եւ մարմին ՚ի մարմն(ոյ)
 իմոց. սա կոչեսց(ի կին)
 զի յսանէ (իւրմէ առաւ)
 24. (վասն այնորիկ թողցէ այր զհայր իւր)
 (եւ զմայր եւ երթիցէ զհետ կնոջ)
 25. (իւ)րոյ-եւ եղիցին երկ
 որին մարմին մի.
 Եւ եին երկորին մերկ Ա.
 դամ եւ կին իւր եւ ոչ ա

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

- I. մաչեին. եւ աւճն էր ի.
 մաստնադոյն քան (զա)
 մենայն գազանս ի
 վերայ երկրի զոր ար(ար)
 Տր Աձ. եւ ասէ աւճն յ
 կինն. զի է զի ասաց Աձ
 եթե յամենայն ծ(առոց)

Возстановивъ, такимъ образомъ, полный текстъ отрывка, что читатель можетъ видѣть изъ многочисленныхъ вставокъ, поставленныхъ въ скобкахъ, перейдемъ къ вариантамъ, кои слѣдующіе:

Въ рукописи:

Տեղացեալ
 աղբւր
 ոտոզանէ զերեսս
 յ Եդովմա ոտոզաներ
 (Եւփրա)տիս
 որ եցեն ՚ի(գրախ)տիգ
 աւզնական
 դազանաց
 զոր առ
 ած զնա
 այժմ
 իմոյ

Въ печатномъ текстѣ:

էր տեղացեալ
 աղբիւր.
 ոտոզանէր զամ երեսս
 յեղեմայ ոտոզանել
 Եւփրատէս
 որք են ՚ի գրախտիգ
 օզնական
 դազանաց վայրի
 զոր էառ.
 էած զնա.
 այժմիկ.
 իմմէ

Въ рукописи:	Въ печатномъ текстѣ:
<i>երկորին</i>	<i>երկուքն</i>
<i>երն երկորին</i>	<i>էին երկորեան</i>
<i>ոչ ամաչելին</i>	<i>ոչ ամաչէին.</i>
<i>աւձն</i>	<i>օձն.</i>
<i>զաղանս ՚ի վերայ երկրի</i>	<i>զաղանս որ ՚ի վերայ երկրի.</i>
<i>եթե</i>	<i>եթէ.</i>
<i>Աղամա</i>	<i>Աղամայ:</i>

Изъ отмѣченныхъ вариантовъ слѣдуетъ обратить вниманіе на архаичныя формы *աղբեր* вм. *աղբիր*; употребленіе дугласныхъ *աւ* вм. *օ* въ словахъ *աւղնական*, *աւձ*; окончанія прошедшаго несовершеннаго времени *ելին* вм. *էին* въ словѣ *ամաչելին*, *երն երկորին*; выпущеніе буквы въ родительномъ падежѣ именъ собственныхъ, а равно и въ исходномъ напр., *Աղամա* вм. *Աղամայ*, *Յեղովմա* вм. *Յեղովմայ* и т. д.

Что касается характера и особенностей крупнаго и прямого устава, которымъ писанъ разбираемый отрывокъ, то его мы склонны были бы отнести къ памятникамъ XI или XII—столѣтій, но этому обстоятельству препятствуетъ матеріалъ письма—бомбицина (лощенная бумага толстой формации), которая вошла въ употребленіе въ армянскихъ рукописяхъ въ началѣ XIII вѣка. Къ этому времени надо отнести нашъ листъ.

Второй листъ изъ пергамента; длина и ширина его 23×16 сант.; текстъ евангелія отъ Луки писанъ крупнымъ уставомъ древняго образца, въ два столбца; на страницѣ 23 строки. Начинается текстъ съ 34-го стиха и доходитъ почти до конца 48-го. Плотный пергаментъ желтаго цвѣта довольно хорошо сохранился, и дефектовъ, вообще, мало, да и тѣ легко возстановить; на девяти первыхъ строкахъ недостаеетъ по одной начальной буквѣ на первой страницѣ и тоже повторяется и на второй. Въ обоихъ случаяхъ возстановивъ недостающія части, мы поставили ихъ въ скобкахъ.

На концѣ перваго столбца первой строки сохранилась узорчатая, цвѣтная кайма, на которой видны слѣды зеленой, желтой и темной красокъ. По краямъ концы пергамента отъ времени потемнѣли. Ниже слѣдуетъ слѣдующій текстъ:

ЕВАНГЕЛИЕ ОТЪ ЛУКИ.

ГЛАВА XII

Стихъ 34. *ձեր է, անդ եւ սիրար*

(ձ) *եր եղիցին:*

35. (Ե) *ղիցին զաւսիր*

(ձ) *եր պնդեալ ընդ*

(մ) *էջո եւ ճրարու*

36. (ն) *բ լուցեալբ: Եւ*

(դ) *ուք նմանողք մը*

- (ա)րդկան՝ որ ակն ու
 (ն)իցին ան իւրեանց.
 (եթ)է երբ գառնայցէ
 ՚ի Հարսանեաց. Զի
 յորժամ գայցէ եւ
 բախեցէ. վաղվաղա
 կի բանայցեն նմա:
37. Երանի իցէ ծառայ
 իցն այնորիկ. ՎԼԸ
 որս եկեալ. արն
 դացէ արժունս.
 ամեն ասեմ՝ ձեզ՝ զի
 դաւաի ընդ մեջ ամ
 ցէ՝ եւ բազմեցուս
 ցէ զնոսա. եւ անցե
 ալ պաշտօնցէ զնո
38. սա. եւ եթէ յերկր
 որդ կամ յերրորդ
 պաշու եկեացէ եւ
 գացէ այնպէս երա
 նելի են ծառայրն
 այնորիկ.
39. Բայց զայն զիտաս
 ջիբ . եթե գիտէր
 տանուակերն յորում
 ժամու զող զայ Հսկէր. չտա
 յր թողդ ական Հատա-
 նել ՚ի տան իւրում:
40. Եւ դուք եղբրուք պատ
 բաստք. զի յորում
 ժամու ոչ կարծիցէք
 զայ որդի մարդոյ:
41. Ասէ Պետրոս. Տ՛ր
 առ մեզ ասացեր զա-
 սակդ զայդ. եթե
 առ ամենեւեան.
42. Եւ ասէ Տ՛ր ով իցէ
 Հաւատարիմ անտես

- եւ իմաստուն զոր
 կացուցէ տր իւր ի
 վերայ գերդաստա
 նի իւրոյ. տալ ի ժա-
 մու զկերակուրս.
 43. Երանի իցէ ծառայ-
 ին այնմիկ. զոր ե-
 կեալ տր իւր գտա-
 նիցէ արարեալ այն-
 պէս.
 44. Արդարեւ ասեմ ձեզ,
 զի ՚ի վերայ ամենա
 յն ընչից իւրոյ կա-
 ցուցէ զնա:
 45. Ապա եթե ասիցէ ծա-
 ռայն այն ՚ի սրտի
 իւրում. յամէ տր
 իմ ՚ի դալ-եւ սկսա-
 նիցի հարկանել
 զծառայսն եւ զա
 զախնայսն. ուտել
 եւ ըմպել եւ արբե-
 46. նալ. եկե(ս)ցէ տր ծա-
 ռային այնորիկ
 յաւուր յորում ա(կն)
 ոչ ունիցի-եւ ՚ի ժ(ա)-
 մու յորում ոչ զի-
 տիցէ. ընդ մէջ
 կտրեսցէ զնա ե(ւ)
 զմասն նորա ըն(դ)
 անհաւատս զիցէ:
 47. Եւ ծառայ որ զիտի
 ցէ զկամս տն իւրո(յ)
 եւ ոչ պատրաստի
 ցէ ըստ կամաց նորա.
 արբցէ դան բազում:
 48. Եւ որ ոչն զիտիցէ
 եւ արժանի դանի

ինչ գործիցէ.
 արրցէ գան սակաւ,
 ամենայնի որում
 շատ տուաւ. շատ
 խնդրեցի ('ի նմա
 նէ. եւ որում բա-
 րում աւանդեցաւ
 առաւել եւս պահան
 (ջեցեն 'ի նմանէ)

Для большей наглядности вариантовъ нашего текста, мы сличили его съ одной стороны, съ печатнымъ изданіемъ Библии 1817 года, съ другою съ рукописнымъ евангелиемъ IX вѣка, принадлежащимъ библиотекѣ Лазаревскаго Института (см. фототипическое изданіе рукописи Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ, на иждивеніе поч. попеч. князя С. С. Абамелекъ Лазарева, Москва 1899 г.) Сличеніе съ послѣднимъ важно въ томъ отношеніи, что оно (еван. IX в.) послужило намъ исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи даты разбираемаго памятника.

Вотъ замѣченные варианты.

Разбир. нашъ отрыв.	Печат. 1817 г.	Рук. IX в. Лаз. Инс.
գաւտիբ	գօտիբ	գաւտիբ
նմանողբ	նմանօղբ	նմանաւղբ
որ ակն ունիցին	որբ ակն ունիցին	որ ակն ունիցին
եթե	թէ	եթե
բախիցէ	բաղխիցէ	բախեցէ
գտցէ	գտցէ	գտանիցէ
գաւտի	գօտի	գաւտի
բազմեցուցէ	բազմեցուցէ	բազմեցուցէ
պահու	պահու	պահուն
գտցէ այնպէս	գտցէ այնպես	գտանիցէ արարեալ այնպէս
երանելի են	երանելիբ են	երանելի են
եթե զիտեր	եթէ զիտեր	եթե զիտեր
տանուտէրն	տանուտէրն.	եթե զիտէր
»	Տակէր	տանուտէրն
չտայր թոյլ	չտայր թոյլ	չտայր թոյլ
'ի տան իւրում	'ի տան իւրում	տան իւրոյ.
յորում ժամու	յորում ժամու	յորուն ժամու
առ մեզ ասացեր	առ մեզ ասացեր	առ մեզ ինչ ասացէր.
զառակղ	զառակղ	զառակս.
եթե առ ամենեսեան	թէ առ ամենեսեան	թե առ ամենեսին

Разбир. нашъ отрыв.	Печат. 1817 г.	Рук. IX в. Лаз. Инс.
զոր կացուցէ ար իւր	զոր կացոյց Տէմ	զոր կացուցէ ար իվե
իվերաց զերդաստանի	իւր իվերաց զերդաս	րաց զերդաստանի իւրոյ
իւրոյ	տանի իւրոյ	
կացուցէ զնա	կացուցէ զնա	կացուցէ զնա
ապա եթե ասիցէ	ապա Թէ ասիցէ	ապա եւ ասիցէ
եւ սկսանիցի	Եւ սկսանիցի	եւ սկսանի
զազանայս	զազանայս	զազնայս
ուտելէ ըմպել	ուտել՝ եւ ըմպել	ուտել ըմպել
եկեսցէ	եկեսցէ	եկեսցէ
ծառային	ծառային	ծառայի
յաւուր յորում	յաւուր յորում	յաւուրս որում
ի ժամու	ի ժամու	ի ժամուն.
ընդ մէջ կտրեսցէ զնա	ընդ մէջ կտրեսցէ զնա	կտրէ զնա ընդ մէջ
ընդ անհաւատս զիցէ	ընդ անհաւատս զիցէ	ընդ (մե)ծաւորս զիցէ
ոչ պատրաստիցէ	ոչ պատրաստեսցէ	ոչ պատրաստեսցէ
որում շատ տուաւ	որում շատ տուաւ	որ շատ տուեալ է
պահանջեսցեն	պահանջեսցեն	պահանջեսցեն.

Изъ этого сличенія ясно видно, что нашъ отрывокъ, заключающій въ себѣ варианты, по архаичности, отчасти, сходные съ рукописью IX вѣка, въ общемъ ближе подходитъ къ печатному тексту Библии 1817 года и представляетъ болѣе разработанный текстъ, чѣмъ древній памятникъ Лазаревскаго Института. Характеръ крупнаго устава—общій обоимъ памятникамъ, съ той лишь разницей, что на разбираемомъ отрывкѣ онъ меньшаго размѣра; принимая въ соображеніе, затѣмъ, и качество пергамента, желтаго и прочнаго, полагаю, что нашъ отрывокъ можно отнести къ памятникамъ X или начала XI вѣка.

II.

Армянская надпись въ Каменцѣ-Подольскомъ.

Недавно отъ завѣдующаго музеемъ въ Каменцѣ-Подольскомъ А. Н. г. Прусевича я получилъ фотографическій снимокъ армянской надписи, находящейся въ сѣняхъ армянскаго костела въ Каменцѣ. Надпись на мраморной плитѣ, дѣфектная, и начинается съ конца второй строки; но ее, къ счастью, легко возстановить такъ какъ въ бытность мою въ 1895 году въ Каменцѣ, я съ полностью списалъ ее отъ руки и осенью того же года имѣлъ честь докладывать о ней въ одномъ изъ засѣданій Им. Москов. Арх. общества. Хотя мой докладъ и появился въ Трудахъ Восточной Коммиссіи нашего Общества (см. т. II. выпускъ III), однако текстъ означенной надписи съ русскимъ переводомъ, а такъ же фотографическій снимокъ съ иконы архангела Гавриила, по случайной причинѣ, не оказались

въ рукописи, сданной въ типографію для набора, а потому не могли появиться въ печати.

Въ настоящее время г. Прусевичъ мнѣ снова напомнилъ объ этой надписи, армянскій текстъ, которой я считаю нужнымъ привести здѣсь съ русскимъ ея переводомъ.

Շիրիմն այս էր պահարան
 Մարմնոյ սորին ժամու մահվան
 Զի սա էր մեծ վաճառական
 Ովանէս այս աղնուական
 Սա էր երկրէն փարսիական
 Երևանու մերձ գիւղական
 Քանարեոու անուանական
 Տանէ որդի Բարաղամբան
 Սա էր եղեալ երեսնամբան
 Յորժամ էջաս կենին վաղճան
 Հայոց մեծաց էր թվ. ոճկղին,
 Արդ՝ որր զիպիւր ըսպօսական
 Եւ ընթեանուր սիրով այսրան
 Մի խնայէր զՏայր մեղայն հոգուն:

Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ:

Сія гробница была хранилищемъ его тѣла въ часъ смерти, ибо Ованесъ, благородный, былъ знатный купецъ изъ страны персидской, деревни Канакеръ, около Эривани, родомъ изъ дома Барагамьянъ. Ему было тридцать лѣтъ, когда насталъ конецъ его жизни въ 1166 году лѣтосчисленія Великой Арменіи (т. е. въ 1717 г.). Кто въ своемъ странствованіи встрѣтитъ сію надпись и благосклонно прочтетъ ее, благоволите произнести за упокой его души: „отче, я согрѣшилъ“.

Надпись писана стихами очень плохими, не выдерживающими ни малѣйшей критики; метрики почти никакой, однообразныя рѣмы въ концѣ каждой строки напоминаютъ собой стихосложенія армянскихъ духовныхъ писателей среднихъ вѣковъ. Языкъ надписи, съ орфографическими странностями, представляетъ смѣсь древней рѣчи съ разговорнымъ языкомъ той эпохи. Это внѣшняя сторона надписи. Что же касается ея внутренняго содержанія, то слѣдуетъ замѣтить что оно чрезвычайно важно съ исторической точки зрѣнія. Упоминаемый въ надписи городъ Эриванъ называется персидской землей, и, дѣйствительно, до послѣдней персидской войны эриванская губернія, съ Эчміадзиномъ, принадлежала Персіи. Далѣе, хотя деревня Канакеръ и производитъ впечатлѣніе груды камней, такъ какъ всѣ незатѣйливые дома и заборы въ ней сложены изъ дикаго булыжника, однако ея имя увѣковѣчено въ исторіи армянской литературы тѣмъ, что тамъ родился Хачатуръ Абовьянъ въ 1806 году (ум. въ 1848), положившій

начало новой армянской литературѣ, придавъ право гражданства эриванскому говору. Этотъ говоръ легъ въ основу ново-армянскаго литературнаго языка, называемаго, въ отличіе отъ древняго т. е. грабара, ашхар-абаромъ.

Что касается до Ованеса Барагамьяна, умершаго вдали отъ родины, то его присутствіе въ этихъ краяхъ объясняется его торговыми дѣлами. Незнаніе мѣстнаго языка, нравовъ и обычаевъ чуждыхъ армянамъ западныхъ народовъ не могли, конечно, останавливать предприимчивыхъ южанъ въ ихъ далекихъ путешествіяхъ, сопряженныхъ съ коммерческими выгодами. Такія торговыя цѣли привлекали армянъ въ Галицію, Трансильванію, даже и южную Францію и проч.

III.

Армянская надпись изъ Таганрога.

Армянская надпись, присланная въ Императорское Московское Археологическое общество изъ г. Таганрога, по историческимъ справкамъ, есть подлинный памятникъ XIV-го столѣтія, время армянскаго короля Константина IV-го (1344—1363 г.), царствовавшаго въ г. Сисѣ, столицѣ Киликіи. Это мнѣніе подтверждается данными, заключающимися въ самой надписи: во первыхъ—графическими особенностями письменъ, коими вырѣзана надпись на мраморной дощечкѣ;—совершенно тождественныя письмена мы находимъ въ армянской нумизматикѣ, на монетахъ королей Леона II, III, Хетума I, II, Смбата, Константина и проч. Въ обоихъ случаяхъ характеръ буквъ одинъ и тотъ же. (См. соч. о. Алишана—«Сисванъ» стр. 381. Венеція 1885 г.). Во вторыхъ—формой щита съ изображеніемъ на немъ креста въ рукахъ крестоносца, — на другой сторонѣ дощечки. (См. у о. Алишана). Въ третьихъ—важнымъ сообщеніемъ надписи, что въ 1366 г. въ Сисѣ появилась болѣзнь; чтобы избавиться отъ нея, авторъ надписи прибѣгаетъ къ молитвѣ (Давида, какъ увидимъ ниже изъ русскаго ея перевода):

1336 յամի եկն ամա'ի բազարն Սիս . . որովու թեամբ բով սասակեցես զթշնամիս իմ: Կորուսցես զամենայն նեղիչս անձին իմոյ-զի ես ծառայ բանմ: (Սաղ. ԺԲԲ). Տեսցեն ամելիբ իմ, և ամաչեսցեն-զիդու Տէր օգնեցեր ինձ և մխիթարեցեր զիս: (Սաղ. 26.)

Вотъ текстъ и переводъ означенной надписи: «Въ 1366 году въ городѣ Сисѣ появилась болѣзнь. По милости Твоей истреби враговъ моихъ и погуби всѣхъ угнетающихъ душу мою, ибо я—твой рабъ» (Псаломъ Давида 142-ой, стихъ 12). «Да видятъ ненавидящіе меня и устыдятся, потому что Ты, Господи, помогъ мнѣ и утѣшилъ меня» (Псаломъ 85-ый, стих. 17: молитва Давида).

По поводу появленія болѣзни въ Сисѣ приведу слѣдующую справку изъ «Сисвана» о. Алишана (стр. 543): «Въ 1356—7 году въ Сисѣ появился моръ, и умеръ король Константинъ (IV) послѣ 12 лѣтъ правленія; похороненъ въ Сисѣ, (умерли) и дѣти его».

IV.

Изъ поѣздки г. В. М. Сысоева въ Эриванскую Губернію.

Лѣтомъ, въ 1907 и 1908 годахъ, преподаватель Елизаветпольской Гимназіи, г. Сысоевъ, по порученію Имп. Моск. Арх. Общества и, въ сопровожденіи студента Императорской Академіи Художествъ, г. Тарагроза, совершилъ поѣздку въ Эриванскую губернію съ ученой цѣлью, для изученія древнихъ армянскихъ памятниковъ. Работы между участниками экспедиціи были распредѣлены такимъ образомъ: г. Сысоевъ занимался копированіемъ надписей, сохранившихся на стѣнахъ монастырей, церквей, на могильныхъ плитахъ, на обломкахъ архитектурныхъ изданій, на каменныхъ крестахъ и проч., а г. Тарагрозъ составлялъ планы означенныхъ монастырей и церквей, производилъ измѣреніе высоты, ширины и толщины стѣнъ, объема колоннъ и другихъ архитектурныхъ остатковъ, которые еще уцѣлѣли или валялись на землѣ, въ видѣ разбитыхъ кусковъ и т. д.

Сначала они работали въ Эривани; затѣмъ проѣхали въ Башъ-Гарни, оттуда въ Гегартъ и постепенно перебивали въ деревняхъ: Имирзикъ Артызь, Байбургъ въ монастырѣ Хавуцъ-Таръ и наконецъ перешли въ Елисаветопольскую губернію. Слѣдуетъ замѣтить, что время, для подобной работы въ лѣтніе мѣсяцы, когда въ Эриванской Губерніи стоятъ, почти тропическія жары, было выбрано очень неудобное. И, если къ этому прибавить еще отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, путешествія по крутымъ, извилистымъ горнымъ тропинкамъ, гдѣ нерѣдко путниковъ настигали грозныя лѣтніе ливни, а, затѣмъ, недостатокъ провіанта и другихъ необходимыхъ предметовъ, то намъ понятно станеть какія трудности и лишения приходилось имъ преодолевать на своемъ пути. Но не будемъ вдаваться въ область предположеній и подождемъ подробныхъ докладовъ, которые могутъ многое намъ выяснить.

Изъ вышеозначенныхъ мѣстъ Гг. Сысоевъ и Тарагрозъ дольше всего остановились въ Гегартѣ, вслѣдствіе обилія матеріала, которымъ обладаетъ этотъ монастырь. Здѣсь они пробыли 24 дня. Зоркій глазъ графини П. С. Уваровой, несомнѣнно, давно уже намѣтилъ Гегартъ, какъ пунктъ, требующій особаго изслѣдованія. Оно и понятно; ибо о Гегартѣ знаютъ и европейскіе ученые путешественники: напр., англичанинъ Морьеръ посѣтилъ его въ августѣ 1813 года, его соотечественникъ, Кэрпортеръ - въ октябрѣ 1819 г., швейцарецъ Дюбуа де Монпере — весной 1834 года и всѣ они оставили намъ описаніе Айриванка-Гегарта, которымъ, между прочимъ, воспользовался о. Алишанъ при составленіи одного изъ своихъ капитальныхъ трудовъ: «Айраратъ». Изъ армянскихъ писателей прошлаго столѣтія о Гегартѣ писали: архимандритъ Абелъ (см. журн. Араратъ № 4. 1892 г.), епископъ Шахъ-Хатуньянцъ, (см. Описаніе Эчмиадзинскаго кафедральнаго собора и пяти уѣздовъ араратскихъ стр. 282—290, т. II. Эчмиадзинъ 1842 г.), арх. Мхитарянцъ, описаніе знаменитой обители Айриванкъ-Гегарта. Вагаршанатъ 1873 г. Чамчанъ (XVIII в.) см. Исторія Арменіи т. III. стр.

627—628. Венеція 1786 г., Историкъ Варданъ XIII. вѣка и другіе. Но первыя свѣдѣнія объ Айриванкѣ, т. е. пещерномъ монастырѣ, мы находимъ у писателя конца IX-го и начала X вѣка, Іоанна VI-го католикоса, который свою «Исторію Арменіи» довелъ до 923 года; самъ умеръ въ 925 году. Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать маленькій экскурсъ въ область политической исторіи Арменіи.

Дѣло въ томъ, что по смерти Ашота I-го (ум. въ 891 г.), основателя династіи Багратидовъ, обстоятельства крайне печально сложились для его двухъ преемниковъ, Смбата I-го и Ашота II-го. Арменія, платившая дань багдадскому халифу, въ началѣ X-го вѣка подверглась страшнымъ гоненіямъ и непосильнымъ поборамъ со стороны арабскаго полководца Юсуфа, который захвативъ въ плѣнъ царь Смбата I-го, казнилъ его въ 914 году. Вслѣдъ за этимъ онъ приказалъ одному изъ своихъ военачальниковъ, Насру, изловить и Ашота II, но тотъ нашелъ себѣ пріютъ на островѣ Севанскомъ, что на озерѣ Гокчи, и оттуда началъ партизанскую войну, кончившуюся окончательнымъ изгнаніемъ Арабовъ изъ Арменіи, при помощи византійскихъ легіоновъ, присланныхъ императоромъ.

Вслѣдствіе тѣхъ же политическихъ смутъ и глава армянской церкви, католикосъ Іоаннъ VI, вынужденъ былъ скитаться по разнымъ мѣстамъ Арменіи, чтобы избѣгнуть арабскаго плѣна и, одно время, скрывался даже въ Айриванкѣ. Но окружающіе уговорили его искать болѣе надежнаго пріюта на островѣ Севанскомъ. И вотъ, по сему поводу католикосъ въ своей исторіи пишетъ — слѣдующее: «Такимъ образомъ, выступивъ изъ Айриванка, мѣстопробыванія святого Исаака, что въ долинѣ Гехской горы въ небольшой лоцинѣ, мы пустились въ путь въ прямомъ направленіи и поднялись въ верхнее жилище, гдѣ находились стойла для животныхъ; отсюда мы направились въ обитель уединенныхъ монаховъ, на островѣ Севанъ» и проч. (см. его Ист. Арм. стр. 181. изд. Н. Эмина, Москва 1853 г.).

Помянутый выше Исаакъ святой—это знаменитый потомокъ Григорія Просвѣтителя и переводчикъ Библии, сподвижникъ не менѣ славнаго Месропа, составителя армянскаго алфавита. Исаакъ жилъ въ пятомъ вѣкѣ и умеръ, приблизительно, въ 438 году. Отсюда явствуетъ, что Айриванкъ еще съ 5-го вѣка приковывалъ къ себѣ вниманіе Армянъ и сохранилъ свое имя до XIII-го вѣка, когда сюда было перенесено св. Копье Гегартъ хранящееся нынѣ въ Эчміадзинѣ. (см. Ист. Вардана Вел., пер. Эмина). Епископъ Шахъ-Хатуньянцъ, въ 40-хъ годахъ посѣтившій Гегартъ, такъ опредѣляетъ его мѣстоположеніе: монастырь находится у юго-западной подошвы Гехамовой горы (Ахъ-дагъ), на разстояніи полутора часа ходьбы отъ Башъ-Гарни, у начала гарнійской долины. По Алишану онъ окруженъ четырехугольной каменной оградой, сѣверная сторона которой стоитъ на скалѣ съ широкимъ основаніемъ, западная упирается на остроконечный утесъ, возвышающійся надъ монастыремъ, двѣ другія пониже, съ башнями по угламъ. Калитка съ восточной стороны ограды ведетъ къ горной рѣчкѣ которая тутъ же стремительно несется по огромнымъ скаламъ и камнямъ главныя ворота обращены на западъ; прямо противъ воротъ, въ чертѣ

ограды, стоитъ большой жаматунъ изъ тесанаго камня, съ примыкающими къ нему храмомъ и пятью высѣченными въ скалѣ церквами или часовнями и, всего, семь церквей, съ сорока алтарями для совершенія св. литургіи.

Въ означенныхъ зданіяхъ жаматунъ или первая церковь представляетъ правильный квадратъ, около восьми метровъ въ длину и ширину; въ самой серединѣ пола возвышаются четыре массивныя колонны изъ цѣльнаго камня, съ базами и капителями; перекинутые черезъ нихъ обширные своды поддерживаютъ полукругъ и четырехугольный куполь, украшенный глубокими нишами, великолѣпной работы, почти единственной въ своемъ родѣ и съ однимъ окномъ, причеъ, надъ кровлей, съ востока, — небольшая колокольня въ колоннахъ. Дюбуа де Монпере эту форму считаетъ прототипомъ арабскихъ или мавританскихъ сводовъ и шатровыхъ арокъ. Отъ четырехъ большихъ сводовъ идутъ восемь малыхъ арокъ, раздѣляющихъ потолокъ, и украшенныхъ такими же углубленіями и еще болѣе тонкой рѣзбой, однако капители колоннъ и украшенія арокъ не вездѣ пропорціональны и не гармонируютъ между собой. Но особенно изящны изваянія на постаментѣ двухъ крестовъ памятниковъ, стоящихъ по обѣимъ сторонамъ дверей, ведущихъ изъ жаматуна въ соборную церковь, во имя жены князя, Рузуканъ.

Въ заключеніе сего краткаго описанія Гегарта, слѣдуетъ прибавить, что съ трехъ сторонъ монастырь окруженъ высокими горами вулканическаго свойства; вершины ихъ усѣяны безформенной громадой обнаженныхъ скалъ, остроконечными утесами, крутыми обрывами, спускающимися въ пропасти и лощины. Такова суровая природа мѣстности, гдѣ благочестивые монахи издрѣвле искали себѣ уединенія отъ мірской суеты.

Но вернемся теперь къ членамъ экспедиціи. Работы г. Тарагроза, по части разныхъ плановъ древнихъ зданій, мнѣ пока неизвѣстны; что же касается г. Сысоева, то отъ него графиней П. С. Уваровой въ первый разъ получено около 280 надписей, переданныхъ мнѣ для разбора и перевода ихъ на русскій языкъ, а въ второй разъ 200 слишкомъ надписей, болѣе 50 фотографическихъ снимковъ. Разобраться въ этомъ обширномъ матеріалѣ, надъ которымъ г. Сысоевымъ потрачено много труда и времени, къ сожалѣнію, непроизводительнаго, не легко. Фатальная ошибка г. Сысоева заключается въ томъ, что не зная армянскаго языка, онъ вздумалъ копировать или выражаясь точнѣе, срисовывать надписи отъ руки, причеъ, параллельно съ ними приводилъ, въ особыхъ тетрадяхъ, транскрипціи тѣхъ изъ нихъ, которыя уже изданы въ трудахъ о. Алишана и архимандрита Степ. Мхитарьянца. Такой приеъ можно было бы признать научнымъ въ томъ лишь случаѣ, если бы г. Сысоевъ удачно справился съ своей задачей, т.е. представилъ бы намъ точные снимки надписей и, тѣмъ далъ бы намъ возможность сличить ихъ съ контекстами и установить болѣе твердое чтеніе означенныхъ древнихъ надписей. Откровенно сознаюсь, что въ это я рассчитывалъ съ самаго начала экспедиціи, въ надеждѣ исправить дефекты у Алишана, который легко бы могъ быть введенъ въ заблужденіе своими корреспондентами. Однако, надежды мои не оправдались; копируя отъ ру-

1) Въ пяти тетрадяхъ, 58 эстампажахъ 15 фотографическихъ снимкахъ.

ки надписи, въ коихъ слова нерѣдко пишутся вязью или въ сокращенномъ видѣ, г. Сысоевъ пропускалъ ту или другую черточку, характеризующую известную букву, видоизмѣнялъ ее, вводилъ знаки которыхъ нѣтъ въ армянскомъ алфавитѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: *U, U, URUS* вм. *U, U, URUS* и т. д.

Эстампажи такъ же неудовлетворительны, изъ-за тонкости бумаги; они сняты на двухъ, рѣдко на трехъ листахъ, но на дорогѣ испортились, рельефы буквъ мѣстами стерлись, и разобрать на нихъ надписи весьма трудно, а иногда совершенно невозможно. Фотографическихъ снимковъ очень мало, ихъ всего 65, да и тѣ плохи. Малое количество фотографическихъ снимковъ, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ изъ участниковъ экспедиціи, объясняется тѣмъ, что фотографъ съ полдороги покинулъ экспедицію, вслѣдствіе трудностей, встрѣчаемыхъ на пути.

Вотъ въ какомъ печальномъ состояніи получилъ я весь этотъ эпиграфическій матеріалъ. Работая надъ нимъ съ марта сего года, мнѣ едва удалось разобрать и перевести изъ 280 лишь 147 надписей; изъ второй партіи 197 надп. Итого 344 надп.; остальные не поддаются дешифровкѣ, и нужно считать ихъ потерянными для науки. Переведенныя мною надписи препровождены, вѣроятно, г. Сысоеву, для составленія имъ полного отчета двухгодичной экспедиціи.

Желая дать приблизительное представленіе о содержаніи означенныхъ надписей, я позволю себѣ привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ въ русскомъ переводѣ.

1) Надпись на сводѣ жаматуна. «Во время царственнаго Захаріи и родного брата его Иване, сыновей ихъ Шахинъ-шаха и Авака, и въ настоятельство инока Барсеха, братья съ большимъ трудомъ построили величественный соборъ въ 663 году арм. эры (въ 1214 г.)»

2) Надпись на сводѣ ризницы храма. «Благодатью Божіей я, Прошъ, сынъ Васака, изъ рода Агбака, на собственныя мои деньги купилъ у владѣтелей страны святую обитель Айриванкъ съ горой, полемъ и со всѣмъ инвентаремъ, имѣющимся въ ней . . . золотой и серебряный крестъ, хранилище . . . кадила и рипиды и построилъ сію церковь и водрузилъ святыя знаменія . . . въ усыпальницѣ на память мнѣ и роду моему во вѣки . . . и отдалъ на служеніе святымъ . . . на праведныя мои деньги купленныя деревни Охджабердъ и Бердагъ и десять тысячъ бѣлыхъ. Кто изъ моихъ сродниковъ или изъ чужихъ вздумаетъ отнять золотомъ пріобрѣтенную мою вотчину отъ этихъ святыхъ и, по какой либо причинѣ, изъять мою неотвратимую . . . надпись, тотъ да будетъ проклятъ Богомъ, . . . Св. Троицей . . . každогодно невозбранно служить сорокъ обѣденъ за спасеніе души барона Проша».

Напротивъ этой надписи, на южной сторонѣ свода имѣется надпись другого князя и жертвователя: «Волей Божіей я, Гасанъ, сынъ Вахтанга, внукъ великаго и царственнаго Смбата, условившись съ св. братіей, отдалъ драгоценное Евангеліе и Мѣсяцесловъ. И служители обѣщали служить každогодно десять обѣденъ на Пасхѣ: 5 за меня, 3 за мать мою».

Наны, 2 за супругу мою Рузуканъ. Кто прекратитъ, тотъ да будетъ проклятъ 318 отцами....

На капители сѣверо-восточной колонны жаматуна вырѣзана такая надпись:

Съ Божіей помощью я, Папакъ, сынъ (князя) Проша, и супруга моя Рузуканъ, высѣкли сей жаматунъ на природной скалѣ, на праведныя наши средства, въ вѣчную память душъ нашихъ, и дѣтищемъ намъ безсмертнымъ, и было это въ настоятельство владыки Маркара въ 737 году арм. эры (въ 1288 г.)».

Вышеприведенныя надписи принадлежатъ князьямъ, между которыми братья Закаре и Иване являются славными предками армянскихъ князей Аргутинскихъ - Долгорукихъ. Имена ихъ часто встрѣчаются въ надписяхъ карскихъ и анійскихъ, у армянскихъ писателей XII и XIII вв., и въ Исторіи Грузіи. Княжеская фамилія Проша, по мнѣнію о. Алишана, была родственной Закаридамъ. Остальныя надписи остались отъ частныхъ лицъ, кои, движимые истинно христіанскимъ благочестіемъ, жертвовали въ монастырь свои достоянія, кто земли, вотчину, дома, лавки, а кто сады, виноградники, маслобойни и проч., и служители монастыря, взаменъ этого, обязаны были въ указанные дни ежегодно служить обѣдни за спасеніе душъ жертвователей. Ноября 27-го 1910 года отъ графини П. С. Уваровой мною было получено 200 слишкомъ другихъ надписей и около 50 фотограф. снимковъ изъ слѣдующихъ мѣстъ: изъ Хоръ-Вирапъ, Гендеванкъ, Гергеръ, Кневанкъ Цахацъ-каръ, Шати-ванкъ, Ахта С. Мартиросъ (*Չաղոյ Զոր*), Арпа, Нораванкъ, Амагу. Дефектовъ было много въ этой партіи надписей, хотя между фотографическими снимками попадались иногда и довольно удачныя; но въ первомъ случаѣ меня выручилъ о. Алишанъ, въ трудѣ котораго подъ заглавіемъ «Сисаканъ» многія изъ означенныхъ Сысоевскихъ надписей изданы, и я имѣлъ возможность спокойно работать какъ надъ текстомъ, такъ и надъ переводами ихъ.

Всю эту работу я закончилъ 19-го января 1911 года и немедленно передалъ графинѣ. Въ послѣдней группѣ надписей и особенно въ Нораванкъ сохранилось много письменныхъ памятниковъ отъ князей Орбельяновыхъ и, между прочимъ, отъ митрополита Сюникскаго Степана Орбельяна, писателя конца XIII и начала XIV вѣковъ.

V.

Надписи въ армянскомъ монастырѣ Гошаванкъ.

Лѣтомъ 1910 года одинъ изъ бывшихъ питомцевъ Лазаревскаго Института, присяжный повѣренный г. Спендіаровъ, живя на дачѣ въ Делижанѣ, возымѣлъ желаніе, между прочимъ, совершить поѣздки въ Гошаванкъ, находящійся въ 20 верстахъ отъ Делижана. Незнакомый съ топографіей мѣстности, онъ нашель себѣ спутника въ лицѣ священника Апресяна, который зналъ дорогу въ монастырь, куда и самъ собирался

ѣхать; къ нимъ присоединился еще одинъ молодой человѣкъ изъ Турціи. Въ этой, почти первобытной, мѣстности, колеснаго пути для экипажей, конечно, нѣтъ; и богомольцы, желающіе поклониться праху Мхитара Гоша, отправляются въ Гетикъ верхомъ.

Въ виду того обстоятельства, что въ настоящее время въ монастырѣ нѣтъ настоятеля, и слѣдовательно, остановиться на ночлегъ негдѣ, путнику надлежитъ такъ распредѣлить свое время, чтобы, утромъ рано выѣзжая изъ Делижана, къ вечеру успѣть обратно вернуться туда. Такую же процедуру предстояло продѣлать и нашимъ туристамъ.

«Выѣхавъ утромъ изъ Делижана, мы вступили въ лѣсъ, говоритъ г. Спендіаровъ, и все разстояніе до монастыря ѣхали почти лѣсомъ. Для любителей природы такая поѣздка сущая *partie de plaisir*: путь—сопровождаемый живописными видами и картинами, лѣсъ—этотъ таинственный, миѳическій міръ, чарующій и такъ много говорящій воображенію человѣка, уноситъ насъ къ счастливымъ днямъ дѣтства, съ которымъ связано столько золотыхъ грѣзъ, навѣянныхъ разказами старой бабушки изъ жизни лѣсныхъ животныхъ и чудовищныхъ пресмыкающихся. Мѣстами дорога наша была изборождена глубокими оврагами, гдѣ намъ приходилось слѣзать съ лошадей и вести ихъ на поводу. Путешествіе продолжалось пять часовъ. Выѣхавъ, наконецъ, изъ лѣсу, мы стали спускаться въ долину, извѣстную подъ названіемъ Тандзуть, у подошвы двухъ горъ, покрытыхъ лѣсами, и, вотъ, одинъ за другимъ показались куполы трехъ храмовъ, а черезъ четверть часа и весь монастырь съ сопредѣльной армянской деревней Гошаванкъ. Здѣсь въ концѣ XII-го столѣтія, поселился любознательный мудрецъ Мхитаръ, съ преданными ему послѣдователями; среди дѣвственныхъ лѣсовъ и горъ, устроилъ скитъ, жилъ и кончилъ свои дни доблестный учитель. Мы слѣзли съ лошадей и направились къ главному храму во имя св. Богородицы».

Въ дальнѣйшемъ своемъ описаніи г. Спендіаровъ пользовался трудами: а) Киракоса ¹⁾ Гандзакскаго, писателя XIII-го в.; б) архим. Вагана Бастамьянца ²⁾, оставившаго намъ изслѣдованіе «Судебника» Мхитара Гоша; в) епископа Макарія Бархударьянца ³⁾, издавшаго надписи Гошаванка.

Перечисленные источники намъ вполне доступны, и, потому, мы считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ, въ данномъ случаѣ, обращаться къ первоисточникамъ, оставивъ въ сторонѣ путевыя замѣтки случайнаго корреспондента газеты «Мшакъ» (№№. 16, 17 и 18. сего 1911 г.). Прежде чѣмъ говорить о Гошаванкѣ, скажемъ нѣсколько словъ объ его основателѣ, Мхитарѣ Гошѣ. Писатель XIII-го вѣка Киракосъ, который жилъ, воспитывался и умеръ въ Монастырѣ Гетикъ или Гошаванкъ въ 1271 году, въ своей Исторіи Арменіи (стр. 120—123) говоритъ слѣдующее: «Велемудрый

¹⁾ Москва 1858 г.

²⁾ Вагаршапатъ 1880 г.

³⁾ Баку 1895 г.

и знаменитый своей ученостью Мхитаръ родомъ былъ изъ города Гандзака (Елисаветполь), сынъ христіанскихъ родителей, отдавшихъ его на изученіе священнаго Писанія; когда онъ пришелъ въ возрастъ, его посвятили въ безбрачные священники.

Пробывъ долгое время священникомъ, онъ возымѣлъ желаніе глубже постичь смыслъ св. Писанія и притчей и, съ этой цѣлью, поступилъ на ученіе къ извѣстному въ то время ученому Ованесу изъ Тавуша. Усердно занимаясь у него и еще у другихъ лицъ, Мхитаръ удостоился званія вардапета, т.-е. учителя; но, не довольствуясь этимъ, онъ направился на западъ, на Черную Гору¹⁾ (въ Киликіи), которая славилась своими многочисленными монастырями и учеными, и тутъ, скрывая свое вардапетское званіе, приобрѣлъ у нихъ большія познанія. Потомъ онъ направился отсюда въ Каринъ (Эрзерумъ, точнѣе Гасанъ-Кала), гдѣ онъ засталъ удалившагося сюда изъ Грузіи благочестиваго князя Курда, познакомился съ нимъ, и тотъ полюбилъ его, какъ отца. Послѣ этого, Мхитаръ вернулся на родину; вскорѣ слава о его учености разнеслась по всей странѣ и отовсюду стали къ нему стекаться ученики. Но тутъ онъ не могъ долго оставаться, вслѣдствіе гоненій мусульманъ, и, по совѣту ахванскаго католика Степаноса, удалился въ Хаченъ, къ владѣтелю замка Гатеркъ, князю Вахтангу, который вмѣстѣ съ братьями очень хорошо принялъ его и приютилъ у себя. Вскорѣ и князь Курдъ изъ Карина возвратился въ свою область Каенъ, на берегу рѣки Агистафа; грузинская царица Тамара, возвратила ему вотчину его, прибавивъ къ ней новыя земли. Когда Мхитаръ узналъ о возвращеніи князя на родину, то движимый чувствомъ старой дружбы поспѣшилъ къ нему въ Каенъ и поселился въ монастырѣ Гетикъ, настоятель коего Саркавагъ, бывший его ученикъ, принялъ его съ великой радостью.

Вслѣдствіе землетрясенія, случившагося въ то время, пострадало много зданій въ селѣ, и, въ томъ числѣ, церковь въ Гетикѣ дала такія трещины, что грозила ежеминутнымъ паденіемъ, и не было никакой возможности возобновить ее. Жители собирались было уже покинуть село. Но великій учитель воспрепятствовалъ сему и посовѣтовалъ имъ просить у владѣтеля другого мѣста для жительства. Тогда они отправились къ великому князю Иванѣ, брату полководца грузинскаго Закарѣ (сыновья сестры благочестиваго князя Курда, владѣтеля замка и области Каенъ) и обратились къ нему съ просьбой, дать имъ мѣсто, куда бы они могли перенести свой монастырь; Иване разрѣшилъ имъ выбрать удобное мѣсто, и они указали на долину «Тандзуть».

Такимъ образомъ, по приказанію Иване и при содѣйствіи братіи, Мхитаръ приступилъ къ постройкѣ новаго Гетика, который назывался также Гошаванкомъ. Сначала построили прекрасную деревянную церковь во имя св. Григорія Просвѣтителя, въ концѣ монастыря; въ Норѣ Гетикѣ

¹⁾ Северо-восточная часть Таврскихъ горъ; въ XII в. славилась множествомъ монастырей: армянскихъ, сирійскихъ, греческихъ и латинскихъ съ ученой братіей.

воздвигли вторую малую церковь Иоанна Предтечи; наконецъ, въ 640 году (1191 г.) положили основаніе величественнаго храма, воздвигли его изъ тесанаго камня, чудной архитектуры, съ высокимъ куполомъ, на подобіе небеснаго свода, дивнаго на видъ, четыре года спустя по взятіи Іерусалима Салаэддиномъ; и завершилась постройка въ пять лѣтъ». . . Нѣсколько дальше Киракосъ продолжаетъ исторію постройки такъ: «Въ этомъ году (т. е. въ 1196 г.) закончилась постройка знаменитой, прекрасной Гетикской церкви, которую воздвигъ учитель Мхитаръ съ членами своей братіи, при содѣйствіи Вахтанга Хаченскаго, владѣтеля Гатерка и братьевъ его, Григора, Григориса, Хойдана, Васака и другихъ благочестивыхъ князей, сыновей Курта Давида и Садуни; ихъ сестра Арзу-Хатунъ, супруга Вахтанга Гатеркского, также оказала немалую помощь; она вмѣстѣ со своими дочерьми выткала изъ тонкой козьей шерсти прекрасный занавѣсъ, покрывало для святаго хорана, достойное удивленія, выкрасила его въ разные цвѣта и, словно изваяніями, изобразила на немъ картины, точныя воспроизведенія изъ земной жизни Спасителя и другихъ святыхъ...

На торжествѣ освященія этой церкви во имя Святой Богородицы присутствовали епископъ Ахпатскій Іоаннъ, мужъ доблестный и святой, множество іереевъ и служителей. Построили изъ тесанаго камня великолѣпный гавитъ при церкви, чему много содѣйствовали великій полководецъ Захарѣ и братъ его Иванѣ, такъ какъ они властвовали въ этой области и очень чтили учителя (Мхитара), который былъ духовникомъ Закарѣ; они подарили церкви воду отъ одной горы до другой, рудники въ Абасадзорѣ и Зорадзорѣ, что въ кантонѣ Беджни, Ашавъ, у начала монастыря. Они же построили деревню около озера, неимовѣрной глубины, назвали ее Тѣзркацовъ и еще небольшую деревню Уреланджъ, часовню во имя святыхъ апостоловъ и святой дѣвы Рипсиміи. Самъ онъ (Мхитаръ), любившій тишину и уединеніе, построилъ себѣ, вдали отъ монастыря, жилище и маленькую деревянную часовню во имя Святаго Духа; на старости лѣтъ во главѣ монастыря, съ правой стороны, онъ воздвигъ часовню, для своей могилы, изъ извести и камня, во имя Вознесенія Христова». (См. Ист. Киракоса стр. 123—126.).

Обратимся теперь къ надписямъ, сохранившимся въ церкви Св. Богородицы. Онѣ списаны и изданы въ свѣтъ покойнымъ епископомъ Макаріемъ Бархударьянцемъ.

На правомъ клиросѣ, на фронтонѣ втораго хорана.

Ի Որ. Թուին զինի շորս ամաց անլոյ զԵրուսաղէմ Սալահադինին՝ սիսեալ եկեղեցիս սուրբ Ի նորս Քեաիկ և կատարեալ ամն է, Ի խանգար զաակին Յունաց ձեամբ վարդապետին Մխիթարայ Ի Հայրութեան Վարդանայ, ձեռնառութեամբ բարեպաշտ իշխանին Վախտանկայ և նորին զուղակցին Արղուխաթունին, և նորին եղբարցն Սմբատայ, Վասակայ և Խորթն Քրիզորոյ և նոցին զաւակացն: Կիցի նոցա պատարագ յեկեղեցիս Ի տաւնի Սուրբ Աստուածածնին Գաւուրն. Բայց զԱ. Հասանայ Հաւր Վախտանկայ. Ա. մաւրն նոցին Մամին և Ա. Հաւրն Արղուխաթունին Քրիզին բարեպաշտի անխախտն: 2.

Русскій переводъ.

Въ лѣто 640 (1191 г.) четыре года спустя по взятіи Іерусалима Салаэдиномъ, началась постройка святой церкви въ новомъ Гетикѣ и завершилась въ семь лѣтъ, на нарушенной греческой Пасхѣ, вардапетомъ Мхитаромъ въ настоятельство Вардана, при содѣйствіи благочестиваго князя Вахтанка и его супруги Арзухатунъ, братьевъ, Смбата, Васака, побочнаго Григорія и дѣтей ихъ. Служить за нихъ въ праздникъ Святой Богородицы три обѣдни: но одну за Гасана, отца Вахтанка, одну за мать ихъ Мами и одну за отца Арзу-Хатунъ благочестиваго Курда, невозбранно.

Надъ главнымъ хораномъ.

Յուսով ողորմութեան Աստուծոյ եւ ձարս որդի պարոն Ումիկին, թոռն ձարին, աշխարհաւ Մանածկերտացի յաշխարհակալութեան Ղարա նուին 'ի թագաւորութեան Վրաց Դեմետրի բագրատունոյ իմ հայրն Ումիկ գնեալ էր զ Գեաիկ 'ի իռ. կարմիր տաւաթի. եսձարս գրեցի զ հովս (գեղս) իւր ամեն սահմանաւ 'ի դառն ժամանակի, որ հայրենիքն աժան էր և ոսկին. թանկ. Գո. կարմիր տաւաթ տուի Գեաիկայ Աստուածածնին իմ հոգոյ տանս յիշատակ անջնջելի իմ ծնողացն Ումիկին և թագուհոյ, ինձ և իմ որդեացն Արղուսին և իւր եղբարցն, առաջնորդութեամբ Ղասապ վարդապետին. և միաբանքս սահմանեցին զաւագ. Ե. շարաթ աւրն, և զատկի աւր զամեն եկեղեցիքս պատարագ որչափ մեր կենդանի եմք մեր ծնողացն լիցի, և յետ ելից մերոց աշխարհէս մեզ լինի Արգ ով այս գեղս հանել ջանայ յայս եկեղեցւոյս, կա զիմ յիշատակն խափանէ ով որ և իցե, որ լինիցի 'ի ծննդոցն Ադամայ, եղիցի նզովեալ Չլբ. թ.

Надеждой на милость Божью я, Тчаръ, сынъ барона Умика, внукъ Тчара, родомъ изъ Маназкерта, во владѣчество Кара-нуина, въ царствованіе Грузинскаго (царя) Димитрія Багратида; отецъ мой Умикъ купилъ Гетикъ за 40,000 красныхъ дукатовъ; Я, Тчаръ, положилъ (пожертвовалъ) деревню Ховъ со всѣми ея предѣлами въ тяжкое время, когда вотчина была дешева и золото дорого; 4000 красныхъ дукатовъ я отдалъ церкви Богородицы Гетикской ради (спасенія) душъ дома моего, (какъ) неизгладимую память родителемъ моимъ: Умику и Тагухи, мнѣ и дѣтямъ моимъ Аргуту и братьямъ его, въ настоятельство вардапета Хасаба, и братья постановили: служить обѣдни въ всѣхъ церквахъ въ Великій Четвергъ и въ день Пасхи, пока мы живы за родителей нашихъ, и послѣ нашей смерти—за насъ.

Итакъ, кто вздумаетъ отнять сію деревню у церкви, или прекратить мое поминовеніе, кто бы онъ ни былъ изъ чадъ Адамовыхъ, тотъ да будетъ проклятъ. Лѣта 732 (1283 г.).

На западной двери.

... եցի ես որդի Գայլաձագին միարանեցայ սուրբ Աստուածա
 ծնիս. հաստատեցին մեզ Դ. պատարագ 'ի տաւնի Յովհաննու կարապետին զկնի
 յայտնութեան զ Ա. իմ հաւրն Գայլաձագին, զ Ա. իմ մաւրն Մամարին. զբ. իմ
 եղբարցն Բուսլանին և Աղբերկանն. կատարիչքն աւրհնին յԱստուծոյ 'ի թվ. 2169
 ... еци я, сынъ Гайладзага условился съ (церковью) Св.
 Богородицы, постановили, служить за насъ четыре обѣдни въ праздникъ
 Іоанна Предтечи, послѣ Богоявленія, одну за отца моего Гайла дзага одну
 за мать мою Мамакъ, двѣ за братьевъ, Буслана и Агберика; исполнителей
 Богъ благословить, въ лѣто 742 (1293 г.).

Церковь Святаго Григорія Просвѣтителя.

На главномъ хоранѣ.

Ծնորհիւն Աստուծոյ և կամակցութեամբ եղբարցս և միջնորդութեամբ
 Տէր Գրիգորի գրեցաւ յիշատակ եղբաւրս մերոյ պետրոն (պարոն?) Արտաւազայ.
 միարանք սուրբ ուխտիս սահմանեցին 'ի տաւնի Դաւթի և Յակորայ մատուցանել
 պատարագ ամենայն եկեղեցիքս զկէսն Արտաւազայ և զկէսն ամուսնոյն իւրոյ
 Աւթային, որ խառանէ, գափի 'ի Տեառնէ.

Благодатью Божіей и по соглашенію съ братьями, посредничествомъ
 владыки Григорія, записана память брата нашего барона Артаваза; братья
 обители постановили въ праздникъ Давида и Якова служить во всѣхъ
 церквахъ обѣдни, половину за Артаваза, половину за его супругу Ота;
 кто нарушитъ (постановленіе) того судить будетъ Господь.

На дверяхъ сѣвернаго малаго хорана.

'ի տաւնի սուրբ խաչին Ա. աւրն պատարագ Խաչատուր վարդապետին և
 եղբարս իւրոյ և ծնողացն, զի նոցա ընչիւր շինեցաւ խորանս.

Въ праздникъ Крестовоздвиженія служить одну обѣдню за Хачатура
 вардапета и братьевъ и родителей его, ибо на ихъ иждивенія построень
 сей хоранъ.

На дверяхъ южнаго малаго хорана.

Ճառայ Աստուծոյ Գէրգ (Գէորգ) և ամուսին իւր Կատայ և գաւակուներ
 նոցին շինեցին իւրեանց ընչիւր զխորանս. բաւր պատարագն նոցա է 'ի տաւնի
 սրբոյն Գեորգայ. խափանողքն գափին 'ի Տեառնէ.

Рабъ Божій Гургъ (Георгъ) и супруга его Ката и чада ихъ постро-
 или сей хоранъ на свои средства; двѣ обѣдни (служить) за нихъ въ
 праздникъ св. Георгія; нарушителей Господь будетъ судить.

На фронтономъ камиѣ, подъ дверьми храма.

Յուստին Աստուծոյ բ. եղբարս Մարտիրոս և Գրիգոր և ամուսին Թամար
միարանեալ Եփրեմու շինեցար զեկեղեցիս, վասն որոյ անկեցար և զսցգիան
տէր Յովհանէս և միարանքս ետուն նոցա պատարագ զեկեղեցիս բառն
Սրբոյն Գրիգորի զե խորանս Մարտիրոսի, Գրիգորի, Փիրաժի, Թամարին,
նազխատունին և Մատթէոսի անխափան. կատարիչքն տէրհին յԱստուծոյ Ոձ.

Надеждой на Бога, два брата, Мартиросъ и Григорій и супруга
Тамара, вмѣстѣ съ Ефремомъ построили сію церковь, для которой развели
виноградники; владыка Ованесъ и братья назначили имъ невозбранно
обѣдни въ праздникъ св. Григорія въ двухъ церквахъ, въ пяти хоранахъ
за Мартироса, Григорія, Пиража, Тамару, Назхатунъ и Матѳеоса, исполни-
телей Богъ благословить; въ лѣто 680 (1231 г.).

Церковь во имя Іоанна Предтечи.

(Сурбъ-Карапетъ)

На южной стѣнѣ церкви, снаружи.

Ի Ոձդ. Ես Գրիգոր որդի Ս . . . . . միարանքս ետուն զատարագ խորան
եկեղեցոյս ինձ պատարագ . . . . .

Въ лѣто 686 (1237 г.) я, Григорій, сынъ . . . . . братья на-
значили за меня обѣдню на главномъ хоранѣ церкви.

По обѣимъ сторонамъ дверей Сурба-Карапета справа и слѣва стоятъ
кресты-памятники съ великолѣпной на нихъ рѣзбой; на одномъ изъ
нихъ читается «Погосъ»,—имя вардапета строителя, поясняетъ епископъ
Бархударьянцъ.

Трехъэтажная и высокая колокольня почти примыкаетъ съ сѣверной
стороны къ главному храму. Кладовая помѣщается въ нижнемъ этажѣ,
коего наружныя стѣны облицованы огромными нетесаными камнями. Пе-
рекрещивающіеся своды, утвержденные на восьми постаментахъ, помѣщен-
ныхъ въ четырехъ стѣнахъ, чудной архитектуры; въ немъ (въ нижнемъ
этажѣ)—шесть оконъ и одна дверь. Въ среднемъ этажѣ находится потайное
помѣщеніе. Верхній этажъ построенъ крестообразно, имѣетъ дверь съ
южной стороны, два малыхъ престола во имя архангеловъ Гавриила и
Михаила на восточной сторонѣ, и по одному окну на сѣверѣ и западѣ.
У входа есть дыра, черезъ которую проникаютъ въ темное помѣщеніе;
это и есть тайникъ средняго этажа.

Въ настоящее время (въ 1895 г.) куполь колокольни накренился.
Надпись—слѣдующая:

կամուն Ամենակալին Աստուծոյ ՚ի Թվիս ԶԽ. մեր երկու եղբարս Դատարագ
վարդապետ և Կարապետ եղար ճիւն և ՚ի վերայ եղար զանգակաւանն յե

եկեղեցի յանուն Տրէշտակապետացն Գարլիէլի և Միրայելի սակաւ րնչիւր միրովր և բեռոյն մերոյ Բզնատիսի. արդեամբբ բազմաւր եղար և պարիսպ շուրջ եկեղեցեալս և այլ աշխատութեանս ըստ մերում կարի. Սարգիս վարդապետն հայր վանիցս և միարանբս հաստատեցին զատկին և ճրագալուցին պատարազ, յոր եկեղեցին Դասապետ վարդապետին և Կարապետին սահմանեցին. Արդ ազաչեմ զամենայն ժառանգաւորս յիշման արժանի արարէր զամենայն աշխատեալսն 'ի սմա, ևս առաւել Չակէսն և Գրիգորն.

Волею Вседержителя Бога въ лѣто 940 (1491 г.) мы, два брата, вардапетъ Дасапетъ и Карапетъ заложили основаніе и на немъ воздвигли колокольную и церковь во имя архангеловъ Гавріила и Михаила на наши и дяди Игнатія скудныя средства; съ большими издержками мы возвели стѣны вокругъ церкви, поработавъ по мѣрѣ силъ нашихъ. Настоятель монастыря, вардапетъ Саргисъ и братья—постановили, въ пасхальный сочельникъ и въ Свѣтлое Воскресенье Христово служить въ оной церкви обѣдню за вардапета Дасапета и Карапета. Итакъ, умоляю всѣхъ духовныхъ, удостоить поминовенія всѣхъ потрудившихся на нее, особенно Закеоса и Григорія.

Часовня святой Рипсиміи.

Надпись на южной стѣнѣ, внутри часовни.

'ի տաւնի Սուրբ Գեորգոս պատարազ Ճերանշահին է անխափան.

Въ праздникъ святаго Георгія невозбранно служить обѣдню за Шеранъ-шаха.

На куполѣ.

2. Տէր Աստուած ողորմեա Խաչատուր վարդապետին և Բարսղին, շինողաց եկեղեցւոյս և ամենայն աշխատողացն 'ի սմա.

Въ лѣто 700 (1251 г.) Господи Боже, помилуй вардапета Хачатура и Василя, строителей сей церкви и всѣхъ потрудившихся на нее.

У начала села, выше часовни св. Рипсиміи, находится другая часовня, Святаго Духа. Часовня и гавитъ при ней возобновлены г. С. Парсаданьяномъ. Въ гавитѣ — два надгробныхъ камня, изъ которыхъ на одномъ надпись «Мхитаръ», это — гробница знаменитаго автора «Судебника», Мхитара Гоша; на другомъ камнѣ читаемъ: «священникъ Григорій». На южной сторонѣ часовни стоитъ каменный крестъ со слѣдующей дефектной надписью:

Ողոյն հարազատ եղբարբ Պաղոս և Յովհաննէս երկրեանէ նշանբ աւծելոյն Յիսուսի, ծնողաց մերոց, որբ երկրպագէր . . . թ . . .

По духу родные братья Погосъ и Иоаннесъ, двойныя знаменія помазаннаго Иисуса, родителямъ нашимъ, кто поклонится... въ лѣто...

Какъ видно изъ надписей, говоритъ епископъ Макарій, монастырь,

существующій 700 лѣтъ, владѣлъ недвижимымъ имуществомъ, состоящимъ изъ виноградниковъ, мельницъ, рудниковъ, селъ, пахотныхъ земель, лѣсовъ и дачъ. Но въ настоящее время, вслѣдствіе отсутствія хозяйственного надзора и попеченія, все монастырское достояніе расхищено, и въ немъ царствуетъ полное запустѣніе.

Нѣсколько южнѣе Гошаванка, сохранились развалины деревни Уреланджъ съ полуразвалившейся церковью и кладбищемъ. На югъ отъ обители лежитъ деревня Тѣзкацовъ, населенная, теперь, татарами.

VI.

Армянскія рукописи Музея Петра Ив. Щукина.

Изъ краткаго описанія Щукинскаго Музея за 18 лѣтъ его существованія (1892—1910 г.) видно, что почтенный основатель Музея «поставилъ себѣ задачею собирать не только русскіе предметы стариннаго искусства, имѣющіе значеніе историческое, бытовое или художественное, но также восточные и западные, и собирая послѣдніе, наглядно показать, какое вліяніе имѣли Востокъ и Западъ на русскую культуру. Собранныя такимъ образомъ коллекціи служатъ не только научнымъ, но и учебно-образовательнымъ цѣлямъ».

Нужно ли добавить, что Петръ Ивановичъ съ неизсякаемой энергіей преслѣдуетъ свою цѣль, приобрѣтая для своего Музея все новыя и новыя коллекціи старинныхъ предметовъ, которыя приносятъ ему со всѣхъ концовъ необъятной Россіи. Рѣдкія ткани, дорогія матеріи, золотыя, серебряныя, бронзовыя, желѣзныя и другія издѣлія съ Востока занимаютъ непослѣднее мѣсто среди богатыхъ коллекцій Музея. Тамъ же въ прекрасныхъ витринахъ можно встрѣтить древніе памятники восточной письменности какъ то: арабскія, персидскія, турецкія, грузинскія и армянскія рукописи, съ великолѣпными миниатюрами, дающими ясное представленіе о художественномъ искусствѣ на Востокѣ.

Вполнѣ сочувствуя прекраснымъ начинаніямъ Петра Ивановича, мы всегда готовы содѣйствовать ему по мѣрѣ силъ нашихъ, если къ тому представится—случай. А такіе случаи иногда бывають, когда имъ приобрѣтаются какіе либо предметы съ армянскими надписями. По смерти проф. Помяловскаго осталась обширная бібліотека, въ которой оказались шесть древнихъ армянскихъ рукописей, купленнымъ г. Щукинымъ для Музея

Описанію означенныхъ рукописей посвящается настоящая статья.

№ 1. Праздничная Минея (*ճիշտ զիրր*), писана на плотномъ пергаментѣ, убористымъ круглымъ почеркомъ, въ два столбца; число листовъ 418, что составляетъ 836 страницъ; длина и ширина страницы 25×15 сантиметровъ, на страницѣ 36 строкъ. Рукопись дефектна и безъ даты; въ концѣ и серединѣ недостаетъ нѣсколько листовъ. Концы листовъ, мѣстами, оборваны и пожелтѣли отъ сырости и времени; сохранность памятника—средняя.

Матеріаль, т.-е. пергаментъ, второй половины рукописи несравненно древнѣе первой ея половины, такъ какъ на ней, начиная съ 297 го листа,

вплоть до конца рукописи, мы замѣчаемъ слѣды палимпсеста; древній текстъ писанъ крупнымъ уставомъ IX или X-го вѣка. Очевидно, у переписчика минеи нехватило пергамента для продолженія начатой работы и, онъ подчистивъ старый текстъ, написалъ новый круглымъ почеркомъ. При вни-

Заставка праздничной минеи. (Рук. XV в.).

мательномъ изученіи стараго памятника, послѣдній оказался отрывкомъ изъ Новаго Завѣта.

Орнаментировка рукописи чрезвычайно богата, но не изящна; заставка, въ византійскомъ стилѣ, занимаетъ половину листа; сверху двѣ птицы, и между ними цвѣтокъ; направо, и вдоль листа, пушено обычное длинное украшеніе изъ разныхъ узоровъ, заканчивающееся крестомъ. На

поляхъ нарисованы сирены въ разныхъ головныхъ уборахъ, птицы, животныя, шатровыя башни, арабески, виньетки и другія мелкія украшенія. Заглавныя буквы составлены изъ разныхъ узоровъ и писаны крупно, и нѣкоторыя до-

Заставка праздничной миней. (Рук. XV в.).

ходятъ до 5 сантиметровъ; у зачалъ онѣ писаны сурикомъ. Досчатый переплетъ обтянутъ кожей. Записей двѣ.

Первая гласитъ слѣдующее: «Сія минея въ память Ходжасара, брата Лусбарона, ихъ дѣда, Маркара, Минасова сына, Мелитона, Ходжасарова

сыновей Давида. Саргиса, Лусбаронова сыновей Ивана, Мелитона и всѣхъ кровныхъ родныхъ старшихъ и младшихъ, аминь.

«Я, Ходжасаръ, братъ мой Минасаръ, двоюродный братъ Лусбаронъ, черезъ священника Симеона пожертвовали (Минею) въ церковь св. Бого-

Шатровая башня. (Рук. XV в.).

родицы, что въ деревнѣ Пичриканъ (?); никто изъ моихъ родныхъ и чужихъ не вправѣ взять ее оттуда или продать. А кто дерзнетъ на это, да при- смлетъ удѣлъ Іуды и кару Каина и будетъ проклятъ тремя вселенскими соборами; искони изреченныя проклятiя да исполнятся надъ тѣмъ чело- вѣкомъ, который унесетъ сію минею отсюда».

Вторая запись принадлежит переписчику Давиду, который смиренно просит священнослужителей, помянуть въ своихъ молитвахъ его, Давида, и всю родню, начиная съ покойныхъ родителей и кончая дѣтьми его. Въ лингвистическомъ и діалектическомъ отношеніи интересенъ текстъ первой записи, который я позволю себѣ привести цѣликомъ.

Шатровая башня. (Рук. XV в.).

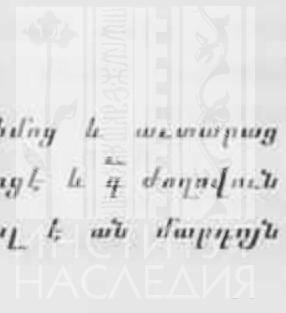
Յիշատակ է ճաշոցս խաճայսարին և իւր եզրաւրն Մինասին և իւրեանց
 հաւրեզրաւր որդոյն Լուսպարսնին և իւրեանց պապին Մարգարին, որդոյն
 Մինասին՝ Մեղիտանին. և խաճայսարին որդոցն Դաւիթին, Սարգիսին, Լուսպարսնին
 որդոցն Յովանէսին, Մեղիտանին. և ամենայն արեան մերձաւորացն մեծի փոքր
 ամենեցուն, ամէն:

Ես խոճայտարս, եղբարս Մինասարս, հաւրեղբաւր որդիս Լուսպարոնս
 եզար յիշատակ ՚ի գիւղն Փնչոկան ՚ի գուռն սր Մժածնին ՚ի ձեռն Սիմէան
 բահանային

Сирена. (Рук. XV в.).

Ոչ որ չունի իշխանութիւն որ գրաւէ կամ ծախէ իմոց և աւտարաց
 Թէ որ (յ) անգրնի, մասն Յուդայի և պատիժն կայենի աոցէ և ք ժողովուն
 անիծեալ եղիցին. իսկզբանէ ՚ի վեր ինչ որ անէ՞ք ելեալ է ան մարդոյն
 վերա կատարի, որ զայս աս տեղացս է կուհանէ:

Въ вышеприведенномъ текстѣ мы имѣемъ одинъ изъ многихъ образцовъ средне-армянскаго языка, который впервые обнаружился еще въ киликійскомъ періодѣ армянской литературы. Уже первоклассные писатели XII столѣтія, какъ напр., Нерсесъ Ламбронскій и другіе, платя дань вѣку, въ своихъ сочиненіяхъ, въ ущербъ красотамъ древней рѣчи, нерѣдко употребляютъ чисто народныя выраженія; слѣдовательно, языкъ клонился къ упадку. Я разумѣю тутъ литературный письменный языкъ. То же самое явленіе мы видимъ въ данномъ текстѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

արդ ցն в.м. *արդւցն*
արդցն — *արդւցն*
Դաւիթին — *Դաւթին*.
Սարգիսին — *Սարգսին*.
Փորեր — *Փորու*.
ար դրաւէ կամ ծախէ в.м. *դրաւիցէ կամ լաճառիցէ*
Թէոր (յ) անդրնի в.м. *եթէ որ յանդրնիցի*
դ ժողովուն в.м. *յեթից ժողովոց*
ան, աւ в.м. *այն, այս*
տեղացս в.м. *տեղեաց*
կա՛հանե в.м. *հանիցէ* и т. д.

Выше мною было замѣчено, что рукопись не датирована. Но судя по жирному круглому почерку, по характеру правильныхъ, но неизящныхъ миниатюръ, по заставкѣ и прочимъ признакамъ, ее можно отнести къ памятникамъ XV-го вѣка.

№ 2. *Յրուսւ Որդի* (Иисусъ сынъ (Божій), поэма писателя XII-го столѣтія, Нерсеса Благодатнаго; рукопись писана красивымъ круглымъ почеркомъ въ одинъ столбецъ, на бомбицинѣ; число листовъ 230; длина и ширина 11×8 сант.; на страницѣ 18 строкъ. Рукопись дефектна, въ срединѣ и концѣ не достаетъ нѣсколько листовъ; записей никакихъ, и безъ даты. Переплетъ досчатый, обтянутый кожей. Сохранность памятника—средняя. Заставка напоминаетъ византійскіе образцы, въ срединѣ изображеніе Спасителя въ медальонѣ, руки сложены молебно, по бокамъ двѣ сирены въ коронахъ; справа, вдоль листа, пущено обычное длинное и узкое украшеніе, составленное изъ различныхъ узоровъ.

Слово *Յս* писано сокращенно съ титломъ: первая буква *Յ* составлена изъ животныхъ, вторая изъ птицъ; титло, горизонтально нарисованное сверху надъ словомъ Иисусъ, изображаетъ рыбу. Миниатюрами рукопись довольно богата, нѣкоторыя изъ нихъ занимаютъ треть страницъ, другія половину, а третьи всю страницу.

1. Миниатюра Адама и Евы занимаетъ всю страницу; прародители стоятъ около дерева, вокругъ котораго обвилась змѣя съ головой сирены; Ева въ лѣвой рукѣ держитъ красный плодъ. Стройныя фигуры прароди-

Адамъ и Ева. (Рук. XVI—XVII в.).

Въездъ Исуса въ Иерусалимъ.
(Рук. XVI—XVII в.).

телей нарисованы вѣрно, краска на нихъ тѣлеснаго цвѣта, окружающая ихъ зелень передана блѣдно.

2. Вторая миниатюра занимаетъ почти половину страницы, на ней изображенъ алтарь съ св. чашей и четырьмя свѣчами; передъ нимъ стоитъ Мелхиседекъ, молебни сложивъ руки; вокругъ головы—круглое сіяніе; фонъ миниатюры золотой, но золото наложено, а не рисовано.

3. Миниатюра въ красивой рамкѣ занимаетъ всю страницу; двѣ трети ея представляетъ городъ Содомъ, который весь въ огнѣ и дыму, на лѣво отъ него, нѣсколько поодаль, два ангела ведутъ подъ руку испуганнаго Лота, за этой группой стоитъ каменная статуя жены Лота, наказанной такъ изъ-за своего женскаго любопытства. Фонъ золотой на миниатюрѣ, и преобладающіе цвѣта красный, желтый, зеленый и голубой.

4. Давидъ пасеть стадо овецъ; онъ одѣтъ въ синій кафтанъ, опоясанъ кушакомъ, на головѣ у него нѣчто въ родѣ шляпы съ широкими полями, на ногахъ сапоги изъ желтой кожи или сафьяна; въ правой рукѣ онъ держитъ длинный посохъ, на который онъ опирается, въ лѣвой прашу. Изъ-за облаковъ видѣется благословляющая рука, на которую обращены изумленные взоры юноши.

5. Иисусъ сидитъ подъ деревомъ, у колодца и бесѣдуетъ съ самаритянкой; вокругъ головы Спасителя сіяніе. Выраженіе лицъ, позы, складки одежды фигуръ переданы весьма реально. Самаритянка своей внѣшностью скорѣе напоминаетъ типъ обычной рыночной торговки; въ лѣвой рукѣ у ней корзина, тутъ же на землѣ, около нея, стоитъ восточный кувшинъ съ водой; вдали видѣется городъ.

6. Иисусъ передъ пещерой Лазаря, воскрешеніе послѣдняго. Верхняя часть миниатюры разорвана.

7. Въѣздъ Иисуса въ Иерусалимъ.

8. Тайная вечеря.

9. Иисусъ съ чашей передъ учениками.

10. Петръ грѣется у огня въ обществѣ нѣкоторыхъ женщинъ; на верху поетъ пѣтухъ. Миниатюра занимаетъ половину страницы.

11. Три ангела, средній трубитъ въ трубу, земля разверзается, и слѣдуетъ воскресеніе мертвыхъ.

12. Вторая великолѣпная заставка, въ серединѣ голова Спасителя въ медальонѣ, по сторонамъ двѣ сирены въ коронахъ. Надъ заставкой красивая ваза съ двумя птицами по сторонамъ; справа, вдоль листа, длинное и узкое украшеніе, составленное изъ разнообразныхъ узоровъ и заканчивающееся орнаментомъ, въ родѣ ананаса или словой шишки. Заглавная буква **И** составлена изъ двухъ львовъ, перевитыхъ хвостами.

13. Миниатюра автора рукописи патриарха Нерсеса Благодатнаго, въ крестчатыхъ ризахъ, занимаетъ всю страницу.

14. Тотъ же святитель Нерсесъ въ ризахъ, но въ болѣе молодыхъ годахъ, въ лѣвой рукѣ онъ держитъ Евангеліе.

Кромѣ вышеозначенныхъ заставокъ и миниатюръ, на поляхъ видѣются мелкія украшенія, разные узоры, птицы и проч. На основаніи указанихъ

Иисусъ у колодца съ самаритянкой.
(Рук. XVI—XVII в.)

Тайная Вечеря.
(Рук. XVI—XVII в.)

Нерсесь Благодатный.
(Рук. XVII в.).

Заставка. (Рук. XVI—XVII в.).

примѣтъ самую рукопись, я полагаю, можно отнести къ памятникамъ конца XVI-го или начала XVII-го столѣтія. Что же касается до содержанія самой рукописи, то нужно замѣтить, что изъ композиціи миниатюръ уже не трудно угадать, что сюжетомъ для ея автора служили ветхій и новый завѣты. Нерсесъ написалъ свое означенное сочиненіе въ 600 году (1151 г.) армянской эры.

Заставка. (Рук. 1657 г.).

№3. Шараканъ 1657 года; рукопись писана мелкимъ круглымъ почеркомъ въ одинъ столбецъ на пергаментѣ; число листовъ 364, длина и ширина листа 14×9 сант.; на страницѣ 19 строкъ; въ концѣ не достаетъ нѣсколькихъ листовъ, разбитый досчатый переплетъ обтянутъ черной кожей. Прекрасная заставка въ персидскомъ стилѣ занимаетъ половину листа; справа, вдоль листа—длинное и узкое украшеніе,—своими рисунками вполне гармонируетъ съ ней (заставкой). На поляхъ нарисованы разныя мелкія украшенія: деревья, растенія, цвѣты, птицы, арабески и другіе узоры; попадаются так-

же два типа шатровыхъ башень съ крестомъ на верху. Записей двѣ, и обѣ краткія; первая гласитъ — слѣдующее:

*Սարգիս գրիչս յիշեցեր ի Քս և ըղծնաւորսն իմ պրն թուամն, պրն
Գաւլակն և ամ արեան մերձաւորսն իմ: ամէն. թի՛վ ա՛ ճղերորդի.*

Помяните во Христѣ меня, переписчика Саргиса, родителей моихъ

Заставка. (Рук. XVII в.).

Тумана и Гочакъ и всѣхъ кровныхъ родныхъ моихъ, аминь. Лѣта армянскаго счисленія 1106 (т.-е. 1657 г.)

Вторая запись позднѣе.

*Զայս սուրբ Շարականս Մողնեցի Տեր Օհանէս վայելում արարցու Կաստան դն
Թիւ. Ոսկ.*

Сей святой Шараканъ могойскій священникъ Очанесь (подарилъ?) на пользование дячку Константину, лѣта 1260 г. т.-е. 1811 г.¹⁾

¹⁾ Несмотря на книгопечатаніе, у армянъ даже въ XIX ст. продолжалось копированіе рукописей.

Воскрешение Лазаря. (Рук. XVII в.).

Воскрешение Христова. (Рук. XVII в.).

№ 4. Рукопись Шаракана безъ даты, писана мелкимъ круглымъ почеркомъ въ одинъ столбецъ, на пергаментѣ; число листовъ 290 или 580 страницъ; длина и ширина листа 12×9 сант.; на страницѣ 26 строкъ.

Красивая заставка, сопровождаемая длиннымъ и узкимъ украшеніемъ справа, вдоль листа, хотя и напоминаетъ еще византійскіе образцы, но уже съ персидскимъ оттѣнкомъ. Заглавныя буквы составлены, исключительно,

(Рук. XVII в.).

изъ птицъ. Орнаментировка рукописи чрезвычайно богата и разнообразна. Пять миниатюръ занимаютъ всю страницу:

1. Воскресеніе Лазаря; у ногъ Іисуса Христа колѣнопреклонно стоятъ сестры Лазаря, который, завернутый въ бѣлый саванъ, лежитъ въ пещерѣ съ открытыми глазами.

2. Воскресеніе Христа, который возносится на воздухъ, а у открытой могилы стоятъ на колѣнахъ жены-мироносицы.

3. Казнь Іоанна Предтечи, царь Иродъ въ золотой коронѣ

сидитъ на тронѣ и отдаеть приказаніе о казни, передъ нимъ палачъ занесъ мечъ и отрубилъ уже мученику голову, которая тутъ же упала въ крови.

4. Золотой крестъ, въ срединѣ поясное изображеніе Христа въ медальонѣ, по бокамъ два ангела трубятъ въ трубы.

5. Воскресшій Христосъ лѣвой рукой поддерживаетъ свой крестъ, правой выводитъ изъ могилъ воскресшихъ мертвыхъ.

Всѣ помянутыя миниатюры окаймлены зелеными линиями, образующими рамки. Далѣе слѣдуетъ замѣтить, что каноны шаракана, посвященные извѣстнымъ святымъ, сопровождаются особымъ изображеніемъ послѣднихъ, на поляхъ. Такія изображенія доходятъ отъ 3 до 4-хъ сантиметровъ длины. Такимъ образомъ, при канонѣ на Благовѣщеніе Богородицы имѣется изображеніе св. Дѣвы Маріи на колѣнахъ; при канонѣ на Богоявленіе—Богородица съ младенцемъ Иисусомъ на рукахъ; канонъ святому Антонію Пустыннику, съ миниатюрой послѣдняго; канонъ святому царю Θεодосію, съ миниатюрой царя; канонъ пророку Давиду и апостолу Іакову, причемъ, первый въ коронѣ; канонъ святому первомученику Стефану, у котораго на плечѣ епитрахиль; канонъ главнымъ апостоламъ Петру и Павлу, у которыхъ на рукахъ модель церкви; канонъ Сынамъ громовымъ—святымъ апостоламъ Іакову и Іоанну, съ ихъ изображеніями; канонъ всѣмъ апостоламъ, съ миниатюрой только одного изъ нихъ; к. пророку Іонѣ, вокругъ головы котораго виноградная лоза; пророкъ по поясъ находится во рту краснаго кита; канонъ на недѣлю Сыропустную сопровождается миниатюрами Адама и Евы, стоящихъ около дерева, вокругъ котораго обвилась змѣя; прародители покрыли свою наготу зелеными листьями, послѣ вкушенія отъ плода, на деревѣ красные плоды; к. св. Григорію Просвѣтителю, который изображенъ въ крестчатыхъ ризахъ, съ епископской тиарой на головѣ, въ лѣвой рукѣ у него св. Евангеліе; к. на великій вторникъ, съ изображеніемъ мудрыхъ дѣвъ, съ свѣчами въ рукахъ; канонъ на усѣкновение главы Іоанна Крестителя сопровождается изображеніемъ головы Крестителя на блюдѣ, на поляхъ; канонъ на Рождество Іоанна Крестителя, его изображеніе съ золотымъ сіяніемъ вокругъ головы.

При такихъ же условіяхъ мы находимъ на поляхъ разбираемой рукописи миниатюры св. Нерсеса Великаго, св. дѣвы Рипсиміи, молящейся Богородицы, св. пророковъ, со сверткомъ въ рукахъ, св. патриарха Іакова Мецбинскаго, избіенія Младенцевъ виолеемскихъ, архангела Гавриила. Изъ мелкихъ украшеній отмѣтимъ слѣдующія: прекрасныя вазы съ цвѣтами, кресты, распятіе, разные узоры, арабески, птицы, шатровыя башни, деревья съ красными плодами. Преобладающіе цвѣта на рукописи красный, малиновый, голубой и желтый.

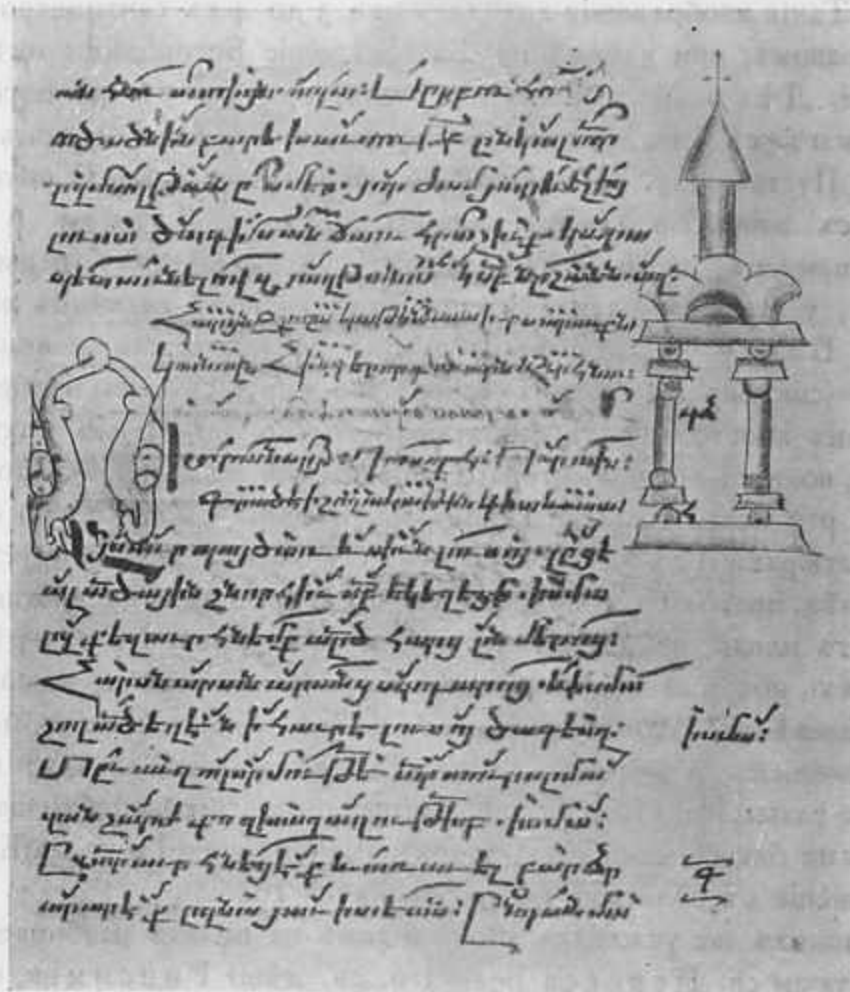
На 278 и 367 страницахъ имѣются двѣ краткія записи почти аналогичнаго содержанія.

ԶԹարձանար և զԹերափարժա անարժան սուս անուն Յովանէս գրիչս
ի Տէր յիշել ապաւեմ զամենեւեան.

«Умоляю всѣхъ помянуть въ Господѣ меня, переписчика негодного, недоучку и недостойнаго лжеименнаго Ованеса».

ՁԹարմատար և զապիկար զՅովանէս աւտարացեալն յամենայն բարեաց
աղաչեմ զեղբարս յիշել առ Տէր մեր:

«Умоляю братьевъ помянуть передъ Господомъ нашимъ негодного и немощнаго Ованеса, чуждаго всѣхъ благъ». Дата не указана. Но судя по

(Рук. XVII в.).

заставкѣ и особенностямъ миниатюръ, рукопись можно отнести къ памятникамъ XVII вѣка. Благодаря твердому переплету рукопись прекрасно сохранилась.

№ 5. Часословъ (ժամագրք); рукопись въ началѣ и концѣ дефектна, писана круглымъ посредственнымъ почеркомъ, въ одинъ столбецъ на пожелтѣвшемъ пергаментѣ; ширина и длина листа $21 \times 15\frac{1}{2}$ сант.; на страницѣ 28 строкъ, число листовъ 158. Пергаментъ чрезвычайно разношерстнаго качества: то онъ тонкій, то грубый и плотный, а мѣстами совсѣмъ отсутствуетъ и замѣненъ толстой лощеной бумагой, довольно растрепан-

ной. Страницы съ двухъ сторонъ окаймлены линиями изъ желто-зеленой краски; круглый почеркъ не отличается ни четкостью, ни особенной красотой, чернила большею частью выцвѣли, чѣмъ немного затрудняется чтеніе текста. Орнаментировка съ художественной стороны не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, особенно челоѳическія фигуры совсѣмъ не даются рисовальщику, крайне неопытному въ дѣлѣ расписываніи рукописей.

Изъ трехъ полузаставокъ только первая сопровождается длиннымъ и узкимъ украшеніемъ, пущеннымъ во всю длину листа и заканчивающимся

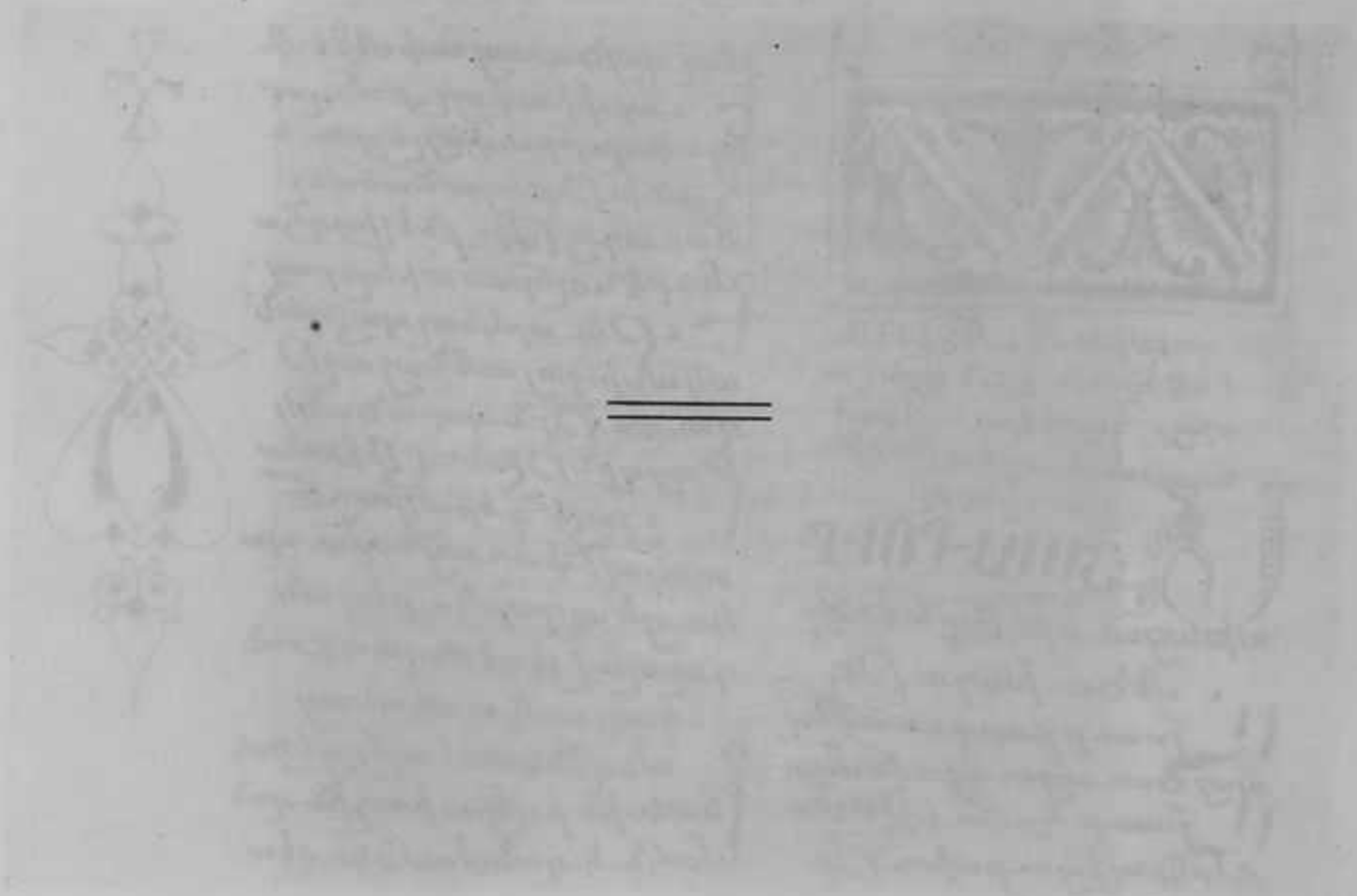
Рукопись конца XIII и начала XIV в.

крестомъ, у двухъ же другихъ длинное украшеніе занимаетъ только половину листа; краски на нихъ блѣдныя и, мѣстами, выцвѣли. На основаніи вышеописанныхъ признаковъ, я полагаю, эту рукопись можно отнести къ памятникамъ конца XIII-го или начала XIV-го столѣтія.

№ 6. *Sodur*. Календарь. Рукопись писана скорописью на лощеной бумагѣ, въ одинъ столбець; число листовъ 86; длина и ширина листа 10×7 сант.; на страницѣ 14 строкъ. Единственная заставка, съ длиннымъ и узкимъ украшеніемъ справа, вдоль листа, составляетъ повтореніе старыхъ образцовъ; налѣво отъ заставки, миниатюра Христа, сидящаго на престолѣ,

заклучена въ рамку, по угламъ которой нарисованы четыре херувима; на поляхъ нарисованы птицы и цвѣточные узоры, заглавныя буквы крупно писаны сурикомъ. Заставка и всѣ другія украшенія сдѣланы правильно и красиво; преобладають цвѣта красные, малиновые и желтые. Здѣсь также, какъ на многихъ другихъ календаряхъ, встрѣчаются чертежи, разныя таблицы и знаки зодіака; записей не сохранилось, но, судя по характеру скорописи, рукопись безошибочно можно отнести къ памятникамъ XVIII-го столѣтія.

Хр. Кучукъ—Іоаннесовъ.

Грузинскія рукописи въ европейскихъ книгохранилищахъ

д. чл. А. С. Хаханова.

Въ предлагаемой ниже работѣ собраны мною свѣдѣнія о грузинскихъ рукописяхъ, имѣющихся въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Парижѣ.

Описанія грузинскихъ рукописей въ названныхъ центрахъ европейскаго просвѣщенія впервые появляются полностью въ печати, если не считать отрывочныхъ о нихъ указаній, данныхъ въ библиографическихъ статьяхъ разныхъ авторовъ. Свѣдѣнія о грузинскихъ рукописяхъ Британскаго музея и Парижской національной библіотеки мною были сообщены въ грузинскомъ журналѣ *Моамбэ* (за 1900 и 1905 гг.).

Въ настоящей работѣ я присоединилъ къ грузинскому тексту (изъ Британскаго музея) житія свв. Стефана и Никона русскій его переводъ. Считаю нужнымъ еще дополнить описаніе грузинскихъ рукописей Парижской національной библіотеки слѣдующей справкой, которою я обязанъ извѣстному знатоку грузинскаго языка проф. Шухардту. По поводу моей замѣтки въ *Моамбэ* о № 17 грузинской рукописи, не оказавшейся на мѣстѣ въ Национальной библіотекѣ, проф. Шухардтъ помѣстилъ въ журн. *Wiener für die Kunde des Morgenlandes* справку объ этой рукописи, сообщенную ему г. Л. Фееромъ (Leon Feer). Въ каталогѣ Парижской національной библіотеки № 17 означенъ такъ, какъ я привожу въ перечнѣ грузинскихъ рукописей, заимствованномъ непосредственно изъ каталога: «Палимсесть. Синаксарь на 217 лл.» Въ виду того, что рукопись подъ № 17 мною не могла быть разсмотрѣна, я пользуюсь теперь справкой проф. Шухардта. Рукопись, оказывается, заключаетъ въ себѣ 292 листа, а не 217, какъ я полагалъ въ журн. *Моамбэ*, согласно указанію библіотечнаго каталога; начала и конца нѣтъ. Первая часть 1—216 лл., вторая 217—292, писанныя разными почерками и разными чернилами. Приписокъ на 1—216 лл. мало, а начиная съ 217 л. имѣется много. На 217—292 лл. усмотрѣны eine mehr oder weniger deutliche Unterschrift in Uncialen und zwei Columne wahrgenommen. На 217 л. имѣются едва замѣтные слѣды древняго письма. Фотографическій снимокъ съ 278* л. убѣдилъ проф. Шухардта въ томъ, что die Unterschrift georgische Majuskel chutsuri ist (von nicht jünger als das 10 Jahrh.) und das ihr Text dem Neuen Testament angehört.

Собранными въ моей работѣ описаніями грузинскихъ рукописей, имѣющихся въ библіотекахъ Зап. Европы, не исчерпываются наши свѣдѣнія о грузинскихъ памятникахъ словесности. Мнѣ пришлось видѣть въ Венеціи въ библіотекѣ мхитаристовъ двѣ старо-печатныя книги, изданныя тамъ на грузинскомъ языкѣ: 1) შემოკლებული შესხმა ყდ წმ. ღვთის მშობელისა. ვენეტისკ 1860. Краткое прославленіе Пресвятой Богородицы. Венеція 1860. 2) წმინდანების ცხოვრება აღმორჩევით შემოკრებილი უფალი არხიმანდრიტი ინჯიჯიანისა მონაზონებრივის რიგისაგანისაგან მხითარიანთა. თარგმნილი და გამოცემული ქართულსა ხმასა ზედა. ვენეტისკ 1859. Избранныя житія святыхъ архимандрита Инджиджіана. Перев. на груз. яз. В. 1859.

Въ Римѣ, въ архивѣ Пропаганды, хранятся богатые документы, свидѣтельствующіе о сношеніяхъ Грузіи съ папскимъ престоломъ. Документы эти, рассмотрѣнные мною въ 1900 г., были изданы въ 1902 г. Михаиломъ Тамарашвили въ его книгѣ „ისტორია კათოლიკობისა ქართველთა შორის“. Тифлисъ, 1902.

Грузинскія рукописи Британскаго музея.

Не вполне оправдались въ 1905 г. мои ожиданія и разысканія въ Британскомъ музеѣ. Здѣсь оказалось всего пять номеровъ грузинскихъ рукописей, въ числѣ которыхъ имѣется рукописный журналъ «Муша» (Работникъ), издававшийся въ Тифлисѣ (1889 — 1891 гг.) по программѣ социаль-демократическаго ученія. Интересъ научный представляетъ собственно одинъ сборникъ, означенный въ каталогѣ подъ заглавiемъ «*Vitae patrum ecclesiae georgicae*». Какъ увидимъ ниже, сборникъ этотъ не заключаетъ въ себѣ житiй святыхъ собственно грузинской церкви и является памятникомъ патристической литературы восточной церкви. Прежде всего любопытна судьба этой рукописи. Она была продана Британскому музею армянскимъ священникомъ по имени Казанджи изъ Александрии 11 ноября 1837 г., какъ свидѣтельствуется объ этомъ запись, сдѣланная по-англійски на первой же страницѣ сборника (Purchased of an armenian priest named Casandji of Alexandria 11 Nov. 1837)¹⁾. Ближайшее разсмотрѣнiе его убѣдило насъ въ томъ, что житiя, помѣщенные въ этомъ «сборникѣ», переведены на грузинскiй языкъ въ грузинской лаврѣ св. Саввы въ Иерусалимѣ разными лицами въ эпоху расцвѣта литературной дѣятельности монашествующей братiи въ Св. Землѣ. Сборникъ писанъ въ 2 колонны по 28 строкъ въ колоннѣ, на пергаментѣ in-folio, довольно красивыми буквами строчного хуцури, блѣдными чернилами, на 228 листахъ, почеркомъ X — XI вв., при чемъ онъ является дефектнымъ, и трудно сказать, за отсутствiемъ оглавленiя, чѣмъ и на какомъ листѣ онъ оканчивался. Тотъ фактъ, что сборникъ этотъ переведенъ въ эпоху иерусалимской книжной дѣятельности грузинскихъ монаховъ, удваиваетъ нашъ интересъ къ нему, и послужитъ онъ пополнiемъ круга памятниковъ, дошедшихъ до насъ отъ перваго перiода переложенiя на грузинскiй языкъ церковно-богослужебныхъ и религиозна-нравственныхъ книгъ. Какъ извѣстно, впоследствии иерусалимскiе переводы подверглись въ X в. пересмотру и измѣненiю подъ перомъ аѳонскихъ иноковъ, водворившихся въ Иверской обители. Въ припискахъ упоминаются отцы Иоаннъ и Георгiй и грѣшный Иоаннъ Черный, переводчикъ или переписчикъ даннаго сборника. Киноварною записью вспоминается Арсенiй, уже

¹⁾ Карандашомъ приписано: Written in the ancien georgien character supposed to contain monastri Institutions.

покойный: სახიერო ღო მოიხსენე სლი არსენისა ბერისა და დიდისა ჩემისა ხასურველისაჲ. ვაიმე ტკბილო! Открывается сборникъ «Словомъ Аѳанасія, епископа александрійскаго», обращеннымъ къ египетскимъ монахамъ. Слово это занимаетъ 54 л. и заканчивается записью алфавитомъ хуцури ღო შე ელენე, ღო შე ხახუ: Господи, помилуй Елену, Господи, помилуй Хаху. Другая же запись алфавитомъ мхედруლი: აღიდე მონასტერი ზარზმისა, სადაცა ამისა დამწერელს გერმანოზს მაქვდა». Упоминаніе здѣсь Зарзмскаго монастыря и его инока Германоза представляетъ позднѣйшую запись; точно такъ же и запись, гласящая объ Антоніи: «ანტონისა, იანვარსა იზ».

Съ 55 л. начинается другимъ почеркомъ и болѣе блѣдными чернилами житіе св. Саввы (изъ Каппадокіи): წიგნი თავები წდისა და ნეტარისა მამისა ჩნისა საბაჲსი ცხორებაჲ, სჲ обозначеніемъ оглавленій (о происхожденіи, мѣсторожденіи и пр.) житія лл. 55—56: დაბისათჳს მისისა და მამულთა, სადა იყოფოდა, ვითარ იგი იშვა და... всего 80 главъ. На 57 л. имѣется два грубыхъ изображенія человѣческой фигуры со стрѣлой въ рукахъ, сдѣланныя чернилами. На 144 л. (verso) имѣется любопытная запись: ქე შე მოძღვარნი ჩემნი სულიერნი იოვანედაშამა იგი: Господи, помилуй моихъ духовниковъ Іоанна и отца. Тѣмъ же почеркомъ черными чернилами: დიდება შენდა ძალისა მომცემელო ღთო, რწ ღირს მყავ და მომბაღლე უძღურსა აღსრულებად საქმე ესე სადიდებლად სახელისა შენისათჳს წმიდისა და სალოცველად საწყალობელისა სულისა ჩემისა, რლსა არა მიქმნია დღსცა ერთი ნებაჲ ღთისაჲ. Писецъ благодаритъ Господа за дарованіе ему способности окончить трудъ свой во спасеніе грѣшной своей души. Чернилами съ краснымъ оттѣнкомъ: ქე შენ სულითა ძმანი ჩემნი საყუარელნი გი, მიქაელ და საბა თულაჲ: Христе, помилуй души моихъ возлюбленныхъ братьевъ: *Георгія, Михаила и Савву Тулаელი* ¹⁾. Черными чернилами: ზ წწო ღთისანო, ესე ჩემი ნაწერი ვიცი, რლ უნდო არს, გარნა ხელთსაქმარი სხუაც არაჲ ვიცოდი... და წერად ღთივ განბრძნობილმან იოვანე მოძღვარმან მიბრძანა. ღმერთმან აღიდე სული მათი და აწ თქნ ლოცვი ყავთ, რ ღდ ცოდვილი ვარ და არა მაქუს სინანული. Писецъ извиняется за некрасивое письмо, заявляя, что онъ приступилъ къ своему труду по приказанію Господомъ умудреннаго духовника *Іоанна* (покойнаго?) ²⁾, о душѣ котораго онъ молить. Въ концѣ житія возносится молитва за душу *Георгія* (здравствующаго?).

145 л. Житіе св. блаж. Харитона: ცხორებაჲ და განგებაჲ წდისა და ნეტარისა მამისა ხარიტონისი.

162 л. Житіе св. Евѳимія (изъ Галатіи): ცხორებეჲ მამისა ჩნისა წმ. ევთიმისი ³⁾. Въ концѣ житія: ქე აღიდენ სალითია* მოძღვარნი ჩემნი იოვანე და გიორგი. Упоминаемый здѣсь *Георгій* можетъ быть *Георгій Джварели*, т. е. изъ Монастыря св. Креста ⁴⁾.

¹⁾ Въ концѣ житія Симеона Юродиваго запись гласитъ о немъ же: ქე შენ სება თულაჲ.

²⁾ Подробнѣе объ этой ркп. см. ст. *А. Хаханова* въ журн. *Мოამბა* 1905, № 8.

³⁾ Житіе его (IV—V в.) на грузинскомъ языкѣ сохранилось въ Синайскомъ груз. монастырѣ. *Цагарели*, Свѣд. о памяти. груз. письм., вып. II, стр. 87.

⁴⁾ *Цагарели*, назв. соч., вып. II, стр. 44.

210 л. vers. Житѣ св. Θεодосія: ცხორებაჲ წმ. მამისა თეოდოსისი.

274 л. Житѣ свв. Стефана и Никона: ცხვრებაჲ და განგებაჲ მამათაჲ სტეფანსი და ნიკონისი. См. дальше стр. 5—14.

304 л. Житѣ св. епископа Павла и іерея Іоанна: ცხორებაჲ წმ. პავლე ეპისკოპოსისა და იოვანე ხუცისა.

319 л. Житѣ св. еп. Іоанна Столпника въ лаврѣ св. Саввы: ცხორებაჲ და განგებაჲ იოვანე ეპისკოპოსისაჲ შეყენებულისაჲ, რლიდაყუდებულ იყო ლავრასა წმ. საბაჲსა. Приписка мхедრული: წა იწე შე ცდლი ნელზ.

333 л. vers. Житѣ амбы св. Симеона Юродиваго, описанное еп. Леонтиемъ: ცხორებაჲ და განგებაჲ ამა სვეონისი, რლსა იწოდა ღთისათჳს სულელ¹⁾. აღწერა ლეონტი ეპისკოპოსმან პათელმან კვბრტესო. Запись на 364 v. почеркомъ текста: წა მამანო სანატრელნო მზ ექმენით წე ქე მქლ მდღლსა, რ ამისა წერისა მიღვაწია: свв. блаженные отцы будьте ходатаями передъ І. Христомъ за іерея Михаила, потрудившагося въ описаніи сего.

364 л. vers. Житѣ св. Джерасима (!), написанное Кирилломъ Бесанели: ცხორება და განგებაჲ წისა მამისა ჩნისა ჯერასიმესი აღწერა კვირილე ბესანელმან, რ იყო ხუცესი ლავრასა დიდისაჲ მამისა ჩნისა საბაჲსი. Приписка другимъ почеркомъ: თა მარტსა ე ჯერასიმესი. დასაწყისი: ესე წა მამა ჩნი ჯერასიმე იყო ქყნით ლუკაჲთ.

На послѣднемъ 369 л. буквами хуцури приписано почеркомъ, отличающимся отъ почерка текста: ქე შე საწყალი ბესარიონ, ა ბუკვამი მხედრული: ჳი საკვირვალე ესე წიგნი წმიდათა მამათა მუოხებითა მათითა შე ლ ბესარიონ. დედა მამათა მისთა ძმათა და დათა და ყოველთა მისთა შს ლნ. შემწყალე წმ. მამანო ცოდვილი ესე ბესარიონ და შენდობა ჰყავთ ჩემთვის, რათა თქვენცა შენდობილ იყვნეთ უნისა მიერ. ამინ ჩყიგ (= 1813 წ). Запись 1813 г. содержитъ воззваніе нѣкоего Виссаріона (Бесаріона) о помилованіи его души и душъ его родныхъ.

Изъ этого обзора состава сборника и записей въ немъ съ приписками видно, что, сверхъ «слова» Аѳанасія александрійскаго, въ немъ имѣются житія святыхъ, приведенныя въ 12 главахъ. Сборникъ составлялся изъ житій, написанныхъ главнымъ образомъ въ лаврѣ св. Саввы и переведенъ на грузинскій языкъ въ той же лаврѣ, въ Іерусалимѣ. Если не весь, то часть сборника переведена по распоряженію духовника (игумена?) Іоанна, современниками котораго являются иноки Георгій, Михаилъ и Савва. Арсенія, повидимому, не было ужъ въ живыхъ, — объ немъ вспоминается со вздохомъ. Названныя лица — Георгій, Михаилъ и Арсеній — извѣстны своей дѣятельностью въ началѣ XI в. въ лаврѣ св. Саввы²⁾. Изъ одной записи видно, что Георгій Торели пожертвовалъ одну драхму на трудъ по составленію сборника, а свящ. Михаилъ принялъ участіе въ переписываніи. Другой писецъ, именующій себя недостойнымъ, намъ неизвѣстенъ по имени. Участіе двухъ писцовъ отразилось на двухъ почеркахъ сборника. Впослѣдствіи сборникъ попалъ въ руки Германоза изъ Зарзм-

¹⁾ ნიკოპოთელი სომხითისა ქყნისა.

²⁾ Царели, Свѣдѣнія о памяти. груз. письм., вып. II, стр. 75.

скаго монастыря, какому-то Антонию и нѣкому Виссаріону въ 1812 г. Вѣроятно, онъ былъ снятъ съ другого списка, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ пропуски неразобранныхъ словъ съ оставленнымъ мѣстомъ для ихъ вставки на 80 л.

Вторая рукопись in-folio на пергаментѣ въ 221 л. Текстъ въ одинъ столбецъ, въ столбцѣ 31 строка. Письмо церковное строчное. Время — XII в., судя по письму. На переплетѣ значится: Euchologion georgice. На первой страницѣ запись гласитъ: purchased of an armenian priest named Casandji of Alexandria 11 Nov. 1837. Такъ какъ рукопись приобрѣтена у священника изъ Александріи, то можно предположить, что она принадлежала Синайской грузинской обители. Нумерація начинается съ буквы з, т.-е. съ 6-й стр. Начало: სტიქარნი ღეთისმშობლისანი კვრასა მწუხრი ნა ბ. რაჟამს გარდამოსასო შემწე და მფარველი ჩნი ქენთაჲ შნ ნრ დედო ღთისაჲ.

Стр. 6: აღსავალნი, რნი ითქუმიან კრკსა ცისკრად.

21 стр.: სხნი გლბნი ღთის მშობლისანი.

23 стр.: დღეს ორშაფათსა წთა მთავარ-ანგელოზთა.

33 стр.: სამშაფათსა-სინანულისა.

41 стр.: ოთხშაფათსა გალობანი ღეთისმშობლისანი.

47 стр.: ხუთშაფათსა წმ. მოციქულთა; 57 стр.: აღდგომისანი;

99 стр.: შაფათსა—წთაჲ და სლთაჲ; 118: ნათლის მცემლისანი; 34—მწუხრისა.

Больше всего пѣснопѣній посвящено Пресв. Богородицѣ. На 116 листѣ verso рѣзкими штрихами сдѣланъ абрисъ лика Божьей Матери. Такъ на 210 стр.: გლბნი სვედრებელნი და სამადლობელნი ღისა ჩნისა ივ ქსნი, а на 220: სტიქარნი ღთმშობლისანი. Страница 42 verso осталась пустой, отсюда можно заключить, что рукопись эта представляетъ копію съ другого списка.

Третья рукопись — молитвенникъ — на бумагѣ 128 стр. in 8°, въ старомъ кожаномъ переплетѣ. Текстъ въ одинъ столбецъ, въ столбцѣ 22 строчки. Письмо строчное церковное XVI—XVII в. Въ каталогѣ означена такъ: Liber precum iberice. На 1-й стр. блѣдными чернилами записано: Thomas Smith и церковно грузинскими буквами: ქე შე ცოდვილი იოსებ. ამინ. კრიელოვისონ. Рукою грѣшнаго Юсифа ცოდვილი იოსების написана молитва სერობასა მას საიდუმლოსა შენსა... პირველი მე ვარ. Любопытная запись сохранилась на 4 стр.: თვესა იანვარს ოცდა ორსა დღესა პარასკევსა სადილობა იყო, ისრე მზე დაბნელდა. ასტრაბანს ვიყავ ქქს ტნდ (1666 г.): 22 янв. 1666 г. авторъ записи видѣлъ затменіе въ Астрахани. На 125 — 126 л. молитвы писаны почеркомъ мхедрули. უო იესო, ცოდვანი ჩემნი მეცა შემინდევ. На л. 127: აღამის აქეთ წელნი შვიდიათას ას ორმოცდა სამი. იესოს ქრ. აქეთ წელნი ათას ექვსასი ოცდა თუთხმეტი. ზედნადები თერთმეტი, მზის მოქცევი სამი შთვარისა ცხრამეტი, ქქნი 324. На 127 л. приводится цифровое значеніе буквъ. На 128 л. приписка съ вульгаризмомъ: ღმერთო ხახუნა, შიღობით მოიყვანა. ეს თამარის დაწერილი არის.

Четвертая рукопись — псалтырь — на бумагѣ въ 154 л. in 8° въ кожаномъ переплетѣ. Текстъ въ одинъ столбецъ. Письмо церковное. Время — XVII в. Psalterium iberice. На 1-й стр. Thomas Smith. This is written in the sacred georgien character or iberian the alphabet in the Polyglott Bibl. Запись ქე შე ცოდვილი იაკობ: Христе, помилуй грѣшнаго Іакова.

Пятая рукопись представляет журналъ *Муша* (Рабочій), выходившій въ Тифлисѣ 1889 — 1891. Онъ пожертвованъ въ музей В. Черкезовымъ 10 февр. 1898. Статьи, въ немъ помѣщенныя, касаются рабочаго вопроса.

Приводимъ въ текстѣ и переводѣ житье Стефана и Никона изъ первой рукописи.

ცხრეზე და განგებაჲ შთა მამათა სტეფანესი და ნიკონისი. გჳთხს ოღო *).

ორნი მონაზნნი შემოვიდეს იქლმდ თავყანისცემად წე ჯრსა ცხოველს მყოფელსა და იყოფოდეს ზოგად სენაკსა შინა იქლმს და სახელი ერთისაჲ მის სტეფანე და მეორისაჲ მის ნიკონ. ხნიკონ იყო დიდისა ქალაქისა ჰრომისაჲ და სტეფანე სხვსა ქვეყნისა და ერ გამოვდა თუე ერთი, ჰრქა სტეფანე ნიკონს: ძმაო, ვინაჲ განაბავს მისლვის? ჰრქა მას ნიკონ: ვინაჲცა ინებოს ივ ქენ, მუნცა წარვალ. ჰქა მას სტეფანე: გნებავსა უკუეთუმცა წარვედით უდაბნოდ მე და შნ ერთად და მუნ აღვაშენეთ სენაკები ერთი შნთვს და ერთი ჩემთვს და ვმსახურებდეთ ღსა ჩნსა ივ ქე ყლთა დღეთა ცხორებისა ჩნისათა, ჰქეა მას ნიკონ: ცხოველ არს ქს ღთი ჩნი. ესე მაქუს მეცა გულსა სიტყუჲ, ვინაჲთგან გამოვედ ქლაქით ჩუენით და ამას ვეძებ, რ გული მითქუმიდა სურველად რამცა ვიხილენ ძმანი იგი, რნი უდაბნოს გარე არიან.. ჰქა მას სტეფანე: მაშ აღდგე ძალითა ღთისაჲთა და წარვიდეთ.

მაშინ თავყნისსცეს წე ჯრსა ქესსა ორთავე და განვიდეს უდაბნოდ, ეა თქუეს. და იხილნეს მამანი და ძმანი ყლნი. და დაადგრეს მათთანა სამ დღე და მერმე ითხოვეს მამათთაგან, რა იყოფოდინ მათთან, და ეა ესა მამათა განიხარეს ფდ და აღუშენეს მათვს სენაკები ერთი სტეფანესთვს და ერთი ნიკონისთვს და შეუქმნეს მათ თითო სარკუმლები და მისცეს მათ ყლი საკმარი დაყუდებისათვს, რაჲცა ჰმდა და შევიდა თითუეული თვსა სენაკსა და შეაყენნეს თავნი თვსნი, ხ ძმათა დაკვშეს კარნი მათნა და წარვიდეს და მისცემდეს მათ პურსა და წყალსა და მარილსა სარკუმლით შემდგომად სამისა დღისა ითუალვიდეს და ესრტო იყო განგებაჲ მათი.

ხ ეამსა მესამესა ლოცვიდეს ათორმეტითა ფსალმუნითა და ეგრევე მეექუსესა ეამსა ათორმეტითავე ფსალმუნითა და კლდ მეცხრესა და სამწუხროსა, ეგრევე ილოცვიდეს ათორმეტითავე ფსალმუნითა. ხ საზრდელსა მიიღებდეს შემდგომად სამისა დღისა, კვრიაკესა შინა ორგზის, სამ სამით იმარხულებდეს და ჰმსახურებდეს ღთსა ღცვითა და მარხვითა, მღკძარებითა ორმოცდა შვდსა წელსა,

ხ კართა მათთა არა განაღებდეს გარნა აღუსებით აღუსადაბდე და ყლნი რავდენნი იყვნეს მთ უდაბნოთა და ადგილთა შინა მოვიდოდეს მთთანა და იკურთხებოდეს მათგან და მრვლნი კურნებანი იქმნებოდეს მათ მიერ და ეშმაკნი განკდებოდეს და

*) Открывается припиской. ღთან შეუნდენ ზნი თორელსა, რლ ღრაკანი ერთი შემაწია ფდ მკირდა სიგლახაკს.

ვაებით წარივლტოდეს მათგან და ღთი ჩნი ივ ქეიდიდებოდა საქმეთა მათთა მიერ, ვა წერილ არს: ნეტარ არს მის მონასაჲ, რლისა მიერ ღი თვისი იდიდოს. და ვ იხილა ეშმაკმან, ვდ მცხინვარებასა ნათლისასა უძლევებს და ყლი ძალი მისი დახსნილ არს, მოუწოდა გონდთა მოყუასთა მისთასა და ჰრქვა მათ: რამე უკუეუყოთ იმათ, რლთა მიერ ძლელვართ, რ განაქარვეს ყლი ძალი ჩნი და ამაო ქმნეს საქმნი ჩნი. მოვედით და ბრძოლა უყოთ მათ, ნუკუე შეუძლოთ დაკსნად გზათა სიმართლით სლვისა მათისათა. ხ ჟამი იგი იყო ზატკობისაჲ და კარნი სენაკების მათისანი განლებით იყუნეს წესისაებრ მათისა აღუსებისათვს ჩუეულებისაებრ მათისა და სხდეს სენაკებთა თვსთა. ხ სტეფანე აღილო ცხორებაჲ მამისა ანტონისი, განალო სარკმელი და იკითხვიდა მას შინა, აღიხილნა ნიკონ თუალნი თვისნი და მიხედნა და იხილა სტეფანსსთანა დედაკაცი ქაბუკი, ეხუეოდა და აკოცებდა, მაშინ იცვალა გონებაჲ ნიკონისი მოყვარისა და საყუარელისა მიმართ და ჰრქუა რჩეულსა მას სტეფანეს: ჰ ძმაო, მტყუვარო და მეძაო, რლი იმოსები გარეშს სამოსლითა ცხვართათაჲთა და შინაგან მეგელ ხარ მტაცებელ. და მიხედნა სტეფანე და იხილა კლდ მანცა დედაკაცი მჯდომარს მარცხენით ნიკონისა, ხ სტეფანე მიუგო და რქა: ვაჲ ჩემდა შენ მიერ, ვრ დავლიენ ქამნი წელთა ჩემთანი შნთანა და მე ვჰგონებდი, ვ დ ქესტიანესათანა დამკვდრებულვარ და არა უწყოდე, ვდ ცუდად წოდებულ იყო სახელი ქესი შნ ზა. ვაჲ მე საყუარელო შნგამო ანგლზო უსხეულო, ვრ იძლიე გლსტქმითა დედათაჲთა, ვაჲ ჩემდა შნ მიერ არწიო შევნიერო, ვრ დავგდეს ფრთენი შნი და მოუძღურდი, ვაჲ მე მოყუასო ჩემო, ვრ განშორებულ იქმნ ჩემგნ საუკუნოდ, ვაჲ მე ზღუდეო მალალო და დიდო, ვრ აღიძარ და დაცა საფუძველითურთ. ვაჲ მე გურიტო უმანკოო, ვრ შეგიძლო გულმან სიფრთხილითა მისითა, ვაჲ მე ხეო ტკბილო, ვრ შეგემთხუა ქარფიცხელი და აღიფხურნეს ძირნი შნი და შთავარდი სიბნელესა, ვაჲ მე კვპაროზსა მალაღსა, ვრ შეგმოსრა ქარმან სასტიკმან. ვაჲ მე წყაროო ტკბილო, ვინ შეგაზავა შნ სიმწარს და ღმრეულ იქმენ, ვაჲ მე უხუცესო კელოვანო, ვრ დავეძინა და წარვიდეს ყლი საქმენსა შნნი. ვაჲ მე წდაო და მართალო, ვრ იძლია და წარკდა გვრგვნი იგი შევნიერი. ვაჲ მე მენავეთ მოძღუარო, გონიერო და ხელოვანო, ვრ გაცთუნეს შენ ღელვათა ვს შეიმოსრა ნავი შნი.

ვაჲ მე წდაო და მგალობელო, ვრ იქმენ ბაგინ საეშმაკო, ვაჲ მე ტაძარო მეუფისა მადლისაო, ვრ იქმენ სადგურ ეშმაკთა, ვაჲ მე მოწაფეო ივ ქესო, ეს იქმენ სამკვდრებელ ეშმაკთა მთავრისა. და ვა ესმა ესე ნიკონს სტეფანესაგან, მიუგო და რქუა: რაჲსა მაგინებ მე ძმაო, რაჲ უკუეეყავ ბოროტი წე შნსა და მაგინებ მე? აჰა ესერა ორმეოცდა შვიდი წელი არს ჩემი ვინაჲთგან არლარა გამოსრულ ვარ სენაკით ჩემით შენდა და არცა შნ ჩემდა. ჰქა მას სტეფანე: არა გრცხუენის და არცა გეკდიმების მაგისაგან, რლი გიზის გურდით და გეკოცნების და გეხუევის, მ მეძაო და ბოროტის მოყვარეო. ჰრქა მას ნიკონ: მე გეტყვი მეძაო, ვდ გრცხვენოდენ შენ დედაკაცისა მაგისათვს, რი შეგატკობდა და გეკოცნებოდა. და სტეფანე გარედა მოუკდა სენაკით თვისით ნიკონს და შეუკდა ცემაღ მჯილთა და ფერკითა და იცემებოდეს ერთი ერთას და აგინებდეს ერთი ერთსა და რ სამართლად ქეშმარიტდ ეხილვ ნიკონს

დედაკაცი სტეფანესთანა და ვგრევე მასცა ეხილვა ნიკონისთანა და ორნივე სამარ
თალსა ზა ჰბრძოდეს ურთი ერთსა. ეა იგი თქა ბარსენარაქ ბრძენმან, ვდ ჰბრძოდე
ტეშმარიტებისათვს ეე სიკვდილამდე, რ ღი ჰბრძოდი შნ წილ. ხ სტეფანე წარვიდა
მამათნა, რნი იყენეს უდაბნოს გარე და ეე **ალექსანდრიადმი** მიიწია და აუწყა
მათ ყლივე, რადცა იყო.

ხ მამანი ფდ მწუხარე იქმნეს ნიკონისთვის, თუ ვრ იძლია იგი. ხ იგინი შეკრბეს
და წარვიდეს წისა ამბა ათანასი ალექსანდრელ ეპისკოპოსისთანა და აუწყეს საქმს
იგი, რლი იყო შს სტეფანესასა და ნიკონისსა, ხ პატრიარქმან დააყენნა მისთანა ძმანი
იგი და მამანი ეე ექუს ღღედმდე და ვევედრებოდეს ღთსა ამის საქმისთვის, ხ ნეტარი
ნიკონ ვინაჲთი ღღითგან განვიდა ნეტარი სტეფანე მისგან, არაჲ ჭამა და არცა რაჲ
შესუა, ად ლცვით და მარხვით და ტირილით დგა წე ღთისა. ხ ამბა ათანასი
შეკრიბნა ყლნი ეპისკოპოსნი ეგვპტიისანი და ყლნი მამანი, რლნი იყენეს მუნ და
წავიდეს მონასტრად ნიკონისა და სტეფანესა. ხ ნიკონ პოვეს ეა მკუდარი რაჲ დამ-
ქნარი პირი მისი მწუხარებითა და ტირილითა და ლოცვითა და მღუიძარებითა.

მით ღღითგან ეე მოსლვამდე მათა ოცდა ერთსა ღღესა და ღამესა არაჲ ჭამა
და არცა რაჲ შესვა მწოხარებისაგნ ძმისა თვისისა სტეფანესსთვისა და ეა იყო ღღს
ხოთშაბათი დასხდეს ეპისკოპოსნი სმენად სიტყვათა სტეფანესსთა და ნიკონისთა. ჰრქა
ამბა ათანასი ეპისკოპოსმან სტეფანეს: რაჲ იხილე წღისა ამის? მიუგო სტეფანე და
ჰრქა: კეთილად სთქუ წმიდად გარეშე ჰმოსიეს სამოსელი ცხოვართაჲ სიმდაბლისაჲ,
ხ შინაგან მგელმტაცებელ და კლდ მეცა მაცოუნა: ვინაჲთგან დამსვა მასთანა ამას
ადგილსა ორმეოცდა შვდსა წელსა. ჰრქა მას ეპისკოპოსმან: რაჲ საქმს იხილე მის-
თანა? სტეფანე თქუ: ვიხილე იგი, რ დედაკაცსა შეიტკობდა და ეკოცნებოდა. ჰრქა
ეპისკოპოსმან: იყო შნთანა სხჲინ, რნ წამოს, ვდ იხილე იგი დედაკაცისა კოცნასა?
სტეფანე ჰქა: **არა ვინ მაძვს მოწყაემ**, გარნა ივ ქე, რლ ესე ვჰმსახურებ მე,
ვინაჲთგან ვარ ეე ღღენღელად ღღედმდე.

ეპისკოპოსმნ ჰრქა: რაყამი გაქვს, ვინაჲთგან აქა იყოფით? ჰრქა მას: ორმეოცდა
შვიდი წელი. ჰრქა ეპისკოპოსმან: იხილე ოდესმე იგი დედაკაცისა თანა ზრახვისა
ამისა გარეშე? ჰრქა მას: არა მიხილავს არაოდეს ესე ვრსა საქმესა მოქმედად, ვრ
ღღევანდლამდე და ნეტართუმცა ღღესცა არა მეხილვა! ჰრქა ეპისკოპოსმნ ნიკონს:
ტეშმარიტსა იტყუს მოყუასი ესე შნი შნ ზა ანუ არა? მიუგო ნიკონ და ჰრქა:
პირველდ ძმაჲ და მოყუასი იყო ვგე ჩემი, ხ ამიერთგან ვინაჲთგან ტყუვილით ცილი
თქა ჩემ ზა, რლი იგი არა იხილა, არა არს იგი ძმაჲ ჩემი და არცა მოყუასი. გარნა
მე სამართალსა ვიტყვ წე ღისა, რლი ხედავს ხილულთა და უხილავთა, რ ვიხილე
მე დედაკაცი მდგომარს მისთანა იკოცნებოდეს და შეიტკობდეს ურთ ერთას. ხ კორ-
ცნი ჩმნი წღა არიან ბილწებისაგან და ვინაჲთ ღღითგან მოგვედი ამას ადგილსა არა
მინახავს დედაკაცი გარნა იგი, ხ რლი ვიხილე კოცნასა ამის მეძავისთანა, რნ შემო-
გკრბნა თქნ ამას ადგილსა. და ეა ესმა სტეფანეს, განრისხდა გულის წყრომითა ფი-
ცხლად და შეკრბა შეშაჲ ფდი და აღაგზნა ცეცხლი წე ეპისკოპოსთა მთ და შევიდა
მას შინა და დადგა ზა საყუმილსა მას და იტყოდა კმითა მალლითა: ივ ქე, რლ

მართალო, უკუეთო არა მიხილავს ნიკონ დედაკაცისათანა ამბორის ყოფით კოცნასა სენაკსა შინა, შთამხადე ცეცხლსა ამას შინა და ნუშეცა აღმოვალ მისგან. და დაადგრა სტეფანე ცეცხლსა მას შინა ზემდგომარს ვითარ სამ ეამ ოდენ და არა დაიწუა და ხედვიდა აღმოსავალით და კელნი თვისნი განეპყრეს სახედ ჯგერისა, დი ჰლოცვიდა გულსა შინა თვისა ღთისა მიმართ. ხ^ე ეპისკოპოსთა მამათა იწყეს გინებად ნიკონის და ეტყოდეს: ეჰა შენდა ნიკონ! რ^ე ცილი დასდევ სტეფანეს ტყუელითა შ^ენითა მოაკუდინე იგი ენითა შ^ენითა და აჰა ესერა ღ^თს იესნა იგი ცეცხლისა მისგან და არა დაიწვიებოდა ამისთვის, რ^ე დაიცვნა კორცნი თვისნი წ^ე მიდად წინაშე ღ^თისა თვისისა შეუფინებლად ურცხვენელად. და ე^ეა იხილა ნიკონ სტეფანე მდგომარს ცეცხლსა მას შინა და რ^ე არა დაიწვი, შეშინდა მამათაგან ნუჰუე *) ქუა დაპკრიბონ მას და ცეცხლისა მას შთაუგდონ, იგი მაშინ დადტყო წ^ე ე^ელისა მის ერსა და თქ^ა: ი^ევ ქ^ე, რ^ელი უჩუენე ბაბილონს სოსანაქსთვის უბრალოდსი და მოუვლინე შენ მიერ მცირე იგი წ^ეტელი შ^ენი დანიელ და იხსნა იგი უმჯავროებისა სიკვდილისაგან, უკუეთუმე ცილი დავსწამე ძმასა ჩემსა და არა ვიხილე იგი დედაკაცისათანა ხუენასა და ამბორის ყოფასა, შთამკადე ცეცხლსა ამას შინა და ნუ აღმოვიყვანებ ცოცხლივ მისგან. მაშინ შევიდა ცეცხლსა მას შინა და დაადგრა ძმისავე თვისისითანა ცეცხლსა მას შინა და არა დაიწვი; ა^დ ორნივე ერთად დგეს ცეცხლისა მას შინა მსგავსად ყრმათა მათ და არა შეეხო მათ ცეცხლი იგი ყ^დვე, არცა სამოსელსა მათსა და არცა თმასა მათსა. ხ^ე პირნი მათნა იქმნეს ე^ეა პირნი ანგელო^ეთა ღ^თისათანი. ხ^ე ეპისკოპოსნი და მამანი განკვრეებულ იყვნეს და იხარებდეს სიხარულითა დიდითა და ღ^ღტყვეს და აღიდებდეს ღ^ღსა, რ^ენ ყო ესე ე^ერი საკვრელი მათ მიერ. და ე^ერ დგეს წ^ედნი იგი ცეცხლსა მას შინა, ჰრქ^ს ეპისკოპოსთა მათ: ილოცეთ და ევედრებით წ^ე მკსნელისა ჩ^ენისა ივ^ქსა და ჩ^ენცა თქ^ნთანავე, რ^ა გვჩუენოს ჩ^ენ, რ^ენ ესე საქმს ქმნა ბოროტი თქ^ნ შ^ს. მაშინ ილოცვიდეს წ^ედნი იგი ცეცხლსა მას შინა მდგომარენი და იტყ^დ: ი^ევ მაცხოვარო სოფლისაო, ი^ევ სასოო განწირულთაო, ი^ევ ცოდვათა მომტვევებლო, ი^ევ მკუდართა განმაცხოველებლო, ი^ევ კელის ამპყრობელო მონათა შ^ენთა, რ^ენი ბოროტსა შინა დაინთქმოდინან, ი^ევ მწუხარეთა მახარებლო, ი^ევ რ^ელი მოგზაურ ექმნები მონათა შ^ენთა ყ^ლსა ადგილსა, ი^ევ სიკუდილისა დამთრგუნელო და მომაკუდანებელო, ი^ევ ჯ^ეჯებითსა შემმუსრველო, ი^ევ ეშმაკისა მარცხუენელო, ი^ევ მტერისა შემმუსრველო, ი^ევ ბოროტისა განმაქარწყლებელო, ი^ევ დამთრგუნელო გულისაო, ი^ევ დამწუველო ვეშაპის მის დიდისაო, ი^ევ შემომკრებელო ამის კრებულისა წ^ედისაო! სადიდებელად შენ ღ^თისა გამოაცხადე ძალი შ^ენი დღეს აღმოვიყვანენ ცეცხლისა ამისგან და შთაგდე მას შინა მტერი ბ^ერტი, რ^ა ვიხილოთ დაწუვა მისი. და მისვე ეამსა შინა გამოვიდა კმაჲ, ღ^ღდბდა მსგავსად დედაკაცისა კბილთა ღ^ღტენით და თქ^ა: ქუესკნელისაგან ქ^ეყნისა განვიდევნე და სახელმან ქ^ეყმ^ენ შემკრა და მომიყვანა აჰა და მე ვარ ეშმაკი და დაადგრა ცეცხლსა მას შინა

*) ნუჰუე = ნუ + უჰუე — слияние 2-хъ у. Любопытно сочетание глагола маჰეს ს^ე одушевленнымъ дополнениемъ, вмѣсто мяяс.

მსგავსად თხისა მურტისა და კმაყო კმითა მალლითა და რქა: მე ვარ მანივთებელი ბოროტისაჲ, და თუაღნი მისნი მსგავს იყვნს ორთა სანთელთა აღნთებულთა და ალი გამოვიდოდა პირისა მისისგან და კბილთა თვისთა იღრტენდა და ხედვიდა ყლსა მას ერსა.

და ღლდყვეს ყლთა მამათა და თქს: დღებ შინა ღთო, რაჟყავ ნებაჲ მო-
შიშთა შინთაჲ და დააგდე ეშმაკი ქუეშე ფერკთა მათთა, რა დაუტყვეს ყლივე და შინ მხოლოთ შეგიყუარეს. და იყო მაშინ სიხარული დიდი მამათაჲ და აღიდებდეს ღთსა და იტყდს: არაოდეს ყოფილ არს ქყნისა მას ეგვპტისასა ესე ერი საკვრველი.

ხ ყლნი კრებული ერისაჲ მიიღებდეს მთგან სარწმუნოებით ევლოგიასა სამო-
სლისა და თმისა მათისა მათისაგან საკურნებლად და დაადგრეს მუნ სამ ღდე, ხ ძმანი იგი იხარებდეს და მხიარულ იყვნეს და იპყრებდეს და ჰმადლობდეს მკსნელსა, რა უჩუენა მათ სნაჲ მონათა თვისთა სამართლად და მესამესა ღამესა გამოეცხადა ღნი წდასა ამბა ათანასის და ჰქა მას: დაადგერ აქა შინა ერი ესე, რა დაჰმარხნეთ რჩეულნი ესე, რაღთა ადასრულეს ნებაჲ ჩემი და მსახურეს გონებითა კეთილითა ორ-
მეოც და შვდ წელ, რა მნებაეს მათი მიყვანებაჲ ჩემთანა, რა არა იყოს ბიწი გუამთა შინა მათთა შემუურეს და შეიყუარეს მამაჲ, რაღ არს ცათა შინა, ხ რეს დაჰმარხნე იგინი, მერმე გამოარჩიენ ორნი ბრძენნი ბრძენთა ამათგან ძმათა და შეაყენენ იგინი ადგილსა მათსა, რა მსახურებდენ. და შემდმღ სამისა დღისა ჰრქა სტეფანე **ამბა ნიკონს**, რა ვიხილე ღამესა ამას კაცი მოხუცებული და ემოსა სამოსელი ბრწყინვალს და მრქა მე: მოვედით მონასტრად, რა მნებაეს საკუარულისა დიდისა ყოფად ხვალე თქნთანა. ჰქამას ნიკონ: კუალე წარვიდეთ ძმაო სიხარულით, რა ბერი იგი, რაღი იხილე ამბა ანტონი არს კრთხლი და ჰნებაეს სულთა ჩნთა მიყვანებად და შემიყვანებს ჩინ **შინაჲცა იგი თავადი იყო შინაშუნ**. ხ იგინი მაშინ აღდგეს, ილოცეს და თითო-
ეული თვისა სენაკსა შევიდეს და დაჯდეს და მას ღამეს ჰმსახურეს ღსა წესისა მათი-
საებრ და დაწვეს და დაიძინეს ორთავე ეამსა შინა ერთსა შეჰვედრნეს სულნი მათნი კელსა შინა ონისა. ხ ძმათა აღიმსთუეს განთიად და პოვნეს აღსრულებულნი სენაკებსა შინა მათსა და იყო ხილვაჲ პირთა მათთაჲ მსგავსად ვარდისა შუენიერისა და დაადგრეს მამანი სამ ღდე მით ზა გალობით და მერმე დაჰმარხეს გუამნი მათნა წღნი მუნვე. ხ ამბა ათანასი ეპისკოპოსი უთხრობდა მამათა, რაღ იგი უბრძანა მას ქენ და გამო-
არჩიენა ორნი მამათაგან და დასხნა მათ სენაკებსა ერთი სტეფანსა ნაცვლად და ერთი ნიკონისა წღთა მათ საყოფელთა შინა და დააყუნა ეა იგი ებრძანა მას. ქენ ღნ ჩე მნ და დაციური ცბრება ესე და დადვა ამბა ათანასი ალექსანდრიელ წღან პატრიარქმან, რა იყოს მთთანა ყლთა ძმათა, რაღი იკითხვიდენ მას შინა გონიერად ეკრძალებოდინ ეშმაკსა და ყლთა საფრთხეთა მისთაგან და აღიდებდენ ღთსა, რა მოსცა ძალა მონათა მისთა ერნი ესვიდეს მას ყლსა ეამსა, რა მისი არს სუფევაჲ და დიდებაჲ და პატივი და ძლიერებაჲ და მადლობაჲ აწდა მრს და უკი უკე ან. **ითარგმნა ცხოვრებაჲ ესე წღთა მათთა ღთისა მამისა ჩნისა საბაჲს ღამრას**.

Житѣе и дѣянїя свв. отцевъ Стефана и Никона ¹⁾).

Два монаха вошли въ Иерусалимъ для поклоненїя находящемуся тамъ Животворящему Кресту и пребывали въ общей кельѣ, въ Иерусалимѣ; имя одного изъ нихъ Стефанъ (*Степанъ*), а другого — Никонъ. Никонъ былъ изъ великаго града Рима, а Стефанъ изъ другой страны. Прошелъ одинъ мѣсяць. Сказалъ Стефанъ Никону: куда ты хочешь идти? Отвѣтилъ ему Никонъ: куда угодно будетъ І. Христу, туда и пойду. Спросилъ его Стефанъ: угодно тебѣ идти въ пустыню со мною и тамъ построить кельи — одну для тебя, а другую для меня и служить Господу нашему І. Христу всѣ дни нашей жизни? Отвѣтилъ ему Никонъ: живѣ да будетъ Христось, Богъ нашъ: и я имѣю это намѣреніе, послѣ того какъ покинулъ городъ нашъ, и этого же ищу, ибо сердце меня влекло видѣть братьевъ, которые пребываютъ въ пустынѣ. Сказалъ ему Стефанъ: такъ, встань помощью Божьей и пойдѣмъ. Тогда поклонились оба Кресту Христову и пошли въ пустыню, какъ рѣшили. И, увидѣвъ отцевъ и братїю всю, пребыли съ ними три дня, а потомъ просили у отцевъ (разрѣшенїя) остаться съ ними. И, какъ услышали это отцы, обрадовались очень и построили имъ кельи: одну для Стефана, а другую для Никона; сдѣлавъ по одному (въ кельѣ) отверстїю, они дали имъ все необходимое для отшельничества. И вступилъ каждый изъ нихъ въ свою келью и остались тамъ. Братья же заперли двери ихъ и ушли; подавая имъ хлѣба, воды, соли чрезъ отверстїе, черезъ каждыя три дня посѣщали, и таковъ былъ ихъ заведенный порядокъ. Въ третїй часъ совершали молитву съ 12 псалмами и также въ шестой часъ, еще въ девятый (часъ) и вечернюю молились съ 12 псалмами. А пищу принимали черезъ три дня, въ недѣлю дважды, по три дня постились и служили Богу молитвою, постомъ и бдѣніемъ 47 лѣтъ. Двери же кельи не открывались за исключенїемъ въ полнолуїе пасхальное, и всѣ находящіеся въ пустынѣ и въ тѣхъ мѣстахъ приходили къ нимъ и получали благословенїе. Много было исцѣленїй отъ нихъ, и дьяволы, со стономъ убѣгая, отступили отъ нихъ. А Богъ нашъ І. Христось

¹⁾ Приписано: «Господь да помилуетъ Георгїя Торели, который пожертвовалъ мнѣ одну драхму. Очень я нуждался». Житїе заимствовано изъ грузинскаго сборника Британскаго музея (стр. 300 — 305 v.). Это житїе имѣется въ сборникѣ Тифл. церк. музея № 249.

прославлялся ихъ дѣяніями, какъ писано: блаженъ тотъ рабъ, коимъ Богъ его славится. И какъ увидѣлъ дьяволъ, что пламя свѣта его побѣдило и всякая сила его разрушена, призвалъ сонмъ своихъ друзей и сказалъ имъ: что бы намъ причинить тѣмъ, которыми мы побѣждены, ибо развѣяли они всякую нашу силу и тщетны стали всѣ дѣла наши. Соберитесь и поборемся. Неужели не сумѣемъ отвлечь ихъ отъ пути истины? Былъ часъ пасхальный, и двери кельи ихъ были открыты по обычаю, соблюдаемому ими. Они сидѣли въ своихъ кельяхъ. Стефанъ взялъ житиѣ о. Антонія, открылъ окно и читалъ. Когда тотъ читалъ, Никонъ взглянулъ на него и увидѣлъ рядомъ съ Стефаномъ юную женщину, которую онъ обнималъ и лобызалъ ее. Помутился разумъ у Никона, и, обратившись къ другу и возлюбленному, сказалъ избранному Стефану: о, братъ лживый и прелюбодѣй, облакающійся извнѣ одѣяніемъ овцы и внутри волкъ хищный. Посмотрѣлъ Стефанъ на Никона и увидѣлъ также женщину, сидящую слѣва рядомъ съ нимъ, и сказалъ ему: горе мнѣ отъ тебя, что я провелъ дни мои съ тобою и думалъ, что живу съ христіаниномъ, и не зналъ, что все ты носилъ имя Христа. Горе мнѣ отъ тебя, возлюбленный ангелъ безтѣлесный, что онъ побѣжденъ страстью къ женщинѣ, горе мнѣ отъ тебя, орелъ прекрасный, какъ опустились крылья твои и ослабѣлъ! Горе мнѣ, другъ мой, что ты разстался со мною, горе мнѣ, стѣна высокая и великая, что поднялся и упалъ до основанія, горе мнѣ, голубь непорочный, что сердце покорило! Горе мнѣ, дерево сладкое, что буря нагрянула на тебя и, вырвавъ корни твои, бросила во мракъ, горе мнѣ, что кипарисъ высокій сломилъ бурный вѣтеръ! Горе мнѣ, источникъ сладкій, что влили въ тебя ядъ и помутили, горе мнѣ, старецъ искусный, что заснулъ и погибли всѣ дѣла твои! Горе мнѣ, святой и праведный, что побѣжденъ и посрамленъ вѣнецъ твой прекрасный, горе мнѣ, разумный и искусный вождь кормчихъ, что искусили тебя и сокрушили ладью твою волны! Горе мнѣ, святой и поющій, что ты сдѣлался жертвой дьяволовъ, горе мнѣ, храмъ царя высокогаго, что сдѣлался жилищемъ дьяволовъ, горе мнѣ, ученикъ І. Христа, что сдѣлался достояніемъ главы дьяволовъ! И какъ услышалъ это отъ Стефана Никонъ, отвѣтилъ ему и сказалъ: за что ты бранишь меня, братъ? Какое зло я сдѣлалъ тебѣ, что поносишь меня? Вотъ ужъ 47 лѣтъ я не выходилъ изъ кельи моей къ тебѣ, а ты ко мнѣ. Сказалъ ему Стефанъ: не подобаетъ тебѣ, что она сидитъ съ тобою и цѣлуетъ, обнимая тебя. О, прелюбодѣй и злодѣй! Сказалъ ему Никонъ: ты меня называешь прелюбодѣемъ? Стыдись женщины, ласкающей и лобзающей тебя! А Стефанъ бросился изъ своей кельи на Никона и началъ его бить кулакомъ и ногами. Били они другъ друга и бранились, ибо дѣйствительно Никонъ видѣлъ женщину рядомъ со Стефаномъ, а этотъ ее рядомъ съ Никономъ. Оба боролись за правду, какъ сказалъ мудрецъ *Барсинаракъ*: борись за правду до смерти, ибо Господь борется за тебя. Стефанъ же отправился къ отцамъ, которые пребывали внѣ пустыни, и, дошедши до Александріи, сообщилъ все случившееся.

Отцы были опечалены изъ-за Никона, что онъ былъ побѣжденъ.

Они, собравшись, отправились къ амбѣ Аѳанасію, александрійскому епископу, и рассказали объ этомъ дѣлѣ, случившемся со Стефаномъ и Никономъ. Патриархъ оставилъ братьевъ и отцевъ въ теченіе шести дней и молилъ Бога объ этомъ дѣлѣ. Блаженный же Никонъ, послѣ того какъ покинулъ его блаженный Стефанъ, не ѣлъ и не пилъ, но съ молитвой, постомъ и слезами стоялъ предъ Богомъ. Амба Аѳанасій собралъ всѣхъ египетскихъ епископовъ и отцевъ, бывшихъ тамъ, и отправились въ монастырь Никона и Стефана. Никона они нашли словно мертвымъ, ибо лицо его увяло отъ печали, слезъ, молитвъ и бдѣнія. Съ того времени до прихода ихъ 21 день и ночь ничего онъ не ѣлъ и ничего не пилъ по причинѣ горя изъ-за брата своего Стефана. Былъ четвергъ. Возсѣли епископы слышать объясненія Стефана и Никона. Сказалъ амба Аѳанасій александрійскій Стефану: что ты видѣлъ касательно этого святого? Отвѣтилъ и сказалъ Стефанъ: хорошо облеченъ снаружи одѣяніемъ смиренно живущихъ, внутри же хищный волкъ и меня соблазнилъ, ибо поселилъ въ подобномъ мѣстѣ 47 лѣтъ. Спросилъ его епископъ: что видѣлъ съ нимъ? Стефанъ сказалъ: видѣлъ я, что онъ ласкалъ и обнималъ женщину. Сказалъ епископъ: кто-либо былъ ли съ тобою еще другой, кто могъ бы свидѣтельствовать, что видѣлъ лобзанія женщины. Сказалъ Стефанъ: я не имѣю свидѣтеля кромѣ І. Христа, которому я служу со дня моей жизни. Спросилъ епископъ: имѣете письменное удостовѣреніе, съ какого времени вы здѣсь находитесь? Отвѣтилъ ему: 47 лѣтъ. Спросилъ его епископъ: видѣлъ ли когда-нибудь его въ бесѣдѣ съ женщиной помимо этого случая? Отвѣтилъ ему: не видалъ ничего подобнаго доселѣ, о если бы и нынѣ не видалъ! Спросилъ епископъ Никона: правду говоритъ этотъ другъ твой о тебѣ или нѣтъ? Отвѣтилъ Никонъ и сказалъ: сначала онъ былъ братъ и другъ мой, но отнынѣ, такъ какъ ложное обвиненіе онъ взвелъ на меня, онъ не братъ и не другъ мнѣ. Но я скажу правду предъ Богомъ, Который видитъ видимое и невидимое, ибо я видѣлъ женщину, стоящую съ нимъ, и они ласкали и обнимали другъ друга. Плоть же моя чиста отъ скверны, и съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ сюда, я не видѣлъ женщины кромѣ той, которую видѣлъ въ объятіяхъ этого прелюбодѣя, собравшаго васъ. И, услышавъ, Стефанъ разгнѣвался съ страшнымъ негодованіемъ и собралъ дрова и развелъ костеръ предъ епископами и взшелъ на него; вставъ, онъ говорилъ голосомъ громкимъ: І. Христе, Боже правный, если я не видалъ съ Никономъ женщины, обнимающейся съ нимъ въ кельѣ, брось меня въ этотъ огонь и не дай мнѣ выйти изъ него! И вошелъ въ пламя Стефанъ и въ теченіе трехъ часовъ (стоялъ и) не сгорѣлъ. Простерши руки на-крестъ, молился онъ въ сердцѣ своемъ къ Богу. Епископы и отцы поносили Никона, говоря: вотъ тебѣ, Никонъ, ибо ты обвинилъ ложно Стефана, убилъ его языкомъ своимъ, а Богъ его спасъ отъ огня, и потому не сгорѣлъ, что плоть свою въ чистотѣ и безпорочности сохранилъ предъ Богомъ своимъ. И Никонъ, увидѣвъ Стефана стоящаго въ огнѣ и несгораемаго, испугался отцевъ, какъ бы они не бросили его въ огонь. Тогда онъ, обратившись, сказалъ предъ всѣмъ соборомъ: І. Христе, который свидѣтель-

ствовалъ въ Вавилонѣ о невинности Сосанны и послалъ немного воды Даниила и спасъ отъ смерти! Если я взвелъ клевету на брата моего и не видалъ его въ объятіяхъ женщины, брось меня въ этотъ огонь и не выводи меня оттуда живымъ. И онъ вошелъ въ огонь и сталъ рядомъ съ братомъ. Но и онъ не сгорѣлъ, и оба стояли вмѣстѣ подобно тѣмъ юношамъ: огонь не коснулся ни одѣянія, ни волосъ ихъ. Лица ихъ стали подобны лику ангеловъ Божьихъ. Епископы и отцы были удивлены, радовались великою радостью, пѣли и прославляли Бога, Который явилъ такое чудо. И, когда святые стояли въ огнѣ, сказали имъ епископы: молитесь Спасителя нашего І. Христа, и мы съ вами будемъ молиться, чтобы Онъ показалъ, кто причинилъ вамъ это злое дѣло. Тогда стали молиться святые, стоя въ огнѣ, говоря: Иисусе, Спаситель міра, упованіе покинутыхъ, Иисусе, прощающій грѣхи, Иисусе, воскресающій мертвыхъ, Иисусе, подающій руку помощи рабамъ твоимъ, во злѣ погибающимъ! Иисусе, радующій огорченныхъ, Иисусе, сопровождающій рабовъ своихъ во всякомъ мѣстѣ, Иисусе, поправшій смерть, Иисусе, разрушившій адъ, Иисусе, посрамившій дьяволовъ! Иисусе, поразившій враговъ, Иисусе, разсѣявшій зло, Иисусе, огнемъ поразившій дракона великаго, Иисусе, собравшій сей соборъ, во славу Твою, яви силу Твою днесь и выведи насъ изъ этого огня и брось туда врага нашего, чтобы видѣть сожженіе его! И въ тотъ же часъ послышался голосъ, вызывающій наподобіе женщины со скрежетомъ зубовъ, и сказалъ: изъ исподняго міра я изгнанъ и имя Христа меня связало и привело сюда: я дьяволъ! и всталъ онъ въ огнѣ, подобно поганому козлу и, возвавъ голосомъ великимъ, сказалъ: я сѣющій зло! И глаза его были подобны возжженнымъ свѣчамъ, пламя исходило изъ его рта, издавалъ скрежетъ зубовъ и взиралъ на собравшихся. Возвали вся братія и сказали: слава Тебѣ, Господи, Который исполнилъ просьбу испытывающихъ страхъ предъ Тобою и бросилъ дьявола у ногъ ихъ, чтобы оставить все и Тебя одного возлюбить! И была тогда у отцевъ радость великая, и славили Бога, говоря: никогда не бывало въ Египтѣ подобнаго чуда. А собравшіеся принимали отъ нихъ съ вѣрою благословеніе («евлогію») во исцѣленіе отъ ихъ одѣянія и волосъ, и остались тамъ три дня. Братья радовались, благодарили Спасителя, Который показалъ имъ спасеніе рабовъ своихъ по-истинѣ, а въ третью ночь явился Богъ *св. амбъ Аванасію* и сказалъ ему: останься здѣсь ты и народъ этотъ, чтобы похоронить этихъ избранныхъ, исполнившихъ волю Мою и служившихъ добрымъ разумѣніемъ 47 лѣтъ, ибо хочу взять къ себѣ во избѣжаніе всякой скверны для ихъ плоти, они возлюбили Меня и Отца, Сущаго на небесахъ. Похоронивъ ихъ, избери двухъ мудрыхъ изъ мудрой братіи и введи въ ихъ келью (мѣсто), чтобы служили мнѣ. По истеченіи трехъ дней сказалъ Стефанъ амбѣ Никону: видѣлъ человѣка стараго, облекшагося въ свѣтлое одѣяніе, который сказалъ мнѣ: идите въ монастырь, ибо желаю завтра проявить къ вамъ большую любовь. Сказалъ ему Никонъ: идемъ завтра, братья съ радостью, ибо инокъ, котораго ты видѣлъ, — амба Антоній благословенный и онъ хочетъ провести души наши и введетъ насъ, *откуда былъ князь Фисмунъ*. Они встали тогда, помолились, каждый вошелъ въ свою келью и

сѣлъ. Въ ту ночь служили Богу по принятому ими обычаю, легли и заснули въ одинъ часъ, предавъ себя въ руки Бога. Братья на зарѣ поднялись, нашли ихъ мертвыми въ кельѣ ихъ. Видъ лика ихъ былъ подобенъ розѣ прекрасной. Отцы три дня стояли предъ ними съ пѣніемъ, а потомъ похоронили ихъ святую плоть тамъ же. Амба епископъ Аванасій рассказывалъ отцамъ, что повелѣлъ Христосъ, и выбралъ двухъ изъ братіи и поселилъ въ кельи ихъ: одного вмѣсто Стефана, другого вмѣсто Никона, опредѣливъ имъ отшельничество, какъ повелѣлъ Христосъ Богъ нашъ. И положилъ амба Досиѳей Александрійскій, св. патріархъ, чтобы всѣ разумно остерегались дьявола и всѣхъ его происковъ, славили Бога, Который далъ силу рабамъ его, народъ уповалъ во всякій часъ, ибо Его есть царство, и слава, и честь, и сила, и благодареніе, нынѣ и присно во вѣки вѣковъ аминь.

Переведено житіе сіе свв. отцевъ въ лаврѣ отца нашего Саввы».

Житіе св. Никона отдѣльно существуетъ въ грузинскомъ агиографическомъ сборникѣ (*Цагарели* Свѣд. о памяти груз. письм., II, 87) на Синаѣ, но такъ какъ начало и сюжетъ этого житія не приведено проф. Цагарели, то трудно сказать, соотвѣтствуетъ ли это житіе вышепереведенному житію, или же оно представляетъ нѣчто другое. Отсутствіе рядомъ съ Никономъ имени Стефана какъ будто говоритъ объ отсутствіи сходства между приведеннымъ нами житіемъ и извѣстнымъ проф. Цагарели житіемъ. Любопытно, что «амба» (абба) — отецъ оставлено безъ перевода. Отмѣтимъ арменизмъ: ბუნბი — рукоятки.

Что касается до тифлискаго списка (№ 249 церковнаго музея, стр. 46), то разночтенія сводятся къ орфографіи и нѣсколькимъ вставочнымъ словамъ или же ихъ замѣнѣ иными выраженіями. М. Г. Джанашвили любезно сличилъ печатаемый мною текстъ въ корректурныхъ листахъ съ спискомъ церковнаго музея и отмѣтилъ ихъ соотношенія. Орфографическія разночтенія характеризуются слѣдующими примѣрами. Въ текстѣ Британскаго музея мы имѣемъ: მუნცა, ეგვტისასა, საკრველი, აღუსებით, უზუცესი ესრტო; въ тифлисскомъ списокѣ: მონცა, ეგუვტისასა, საკურველ, აღსებით, უზოცესი ესრტო. Вставки тифлискаго списка не измѣняютъ содержанія житія. Такъ, текстъ Британскаго музея даетъ ეამბი, тифлискій списокъ წელნი ეამბა, დღეებ დღამდე перваго замѣнено во второмъ აქამმდე. Есть въ немъ столь же малозначущія вставки или пропуски сравнительно съ изданнымъ текстомъ; такова вставка «და ვრ იკითხვიდა ღამესა შინა» აღიხილნა ნიკონ თუალნი. Есть случайный пропускъ слова «დაკსნად» въ предложеніи ნუკუე შეუძლოთ დაკსნად გზითა სიმართლით.

Грузинскія рукописи въ Вѣнѣ.

Лѣтомъ 1908 г. мнѣ пришлось ознакомиться съ грузинскими рукописями въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Въ Вѣнской Императорской библиотекѣ (Hofbibliothek) хранится единственный манускриптъ на грузинскомъ языкѣ. Онъ писанъ мелкимъ церковнымъ алфавитомъ хуцури, почеркомъ XII—XIII вв., на пергаментѣ. Начала нѣтъ, сохранилось всего 257 л. Чернила блѣдныя, заглавныя буквы цвѣтныя, заставки довольно изящны. Приписки сдѣланы разными почерками, притомъ не только алфавитомъ хуцури, но и буквами, переходящими въ гражданскую азбуку такъ называемой мхедрули. Содержаніе кодекса составляютъ евангельскія чтенія, начиная съ Пасхи, лл. 1—233, оглавленіе же занимаетъ листы 234—256. На послѣднемъ листѣ имѣется некрасивый крестъ, обрисованный черными чернилами, а подъ нимъ алфавитомъ хуцури нѣсколько отрывочныхъ словъ, касающихся окончанія рукописи при «архіереѣ», имени котораго памятникъ не сохранилъ. Нѣкоторые листы разорваны. Изъ многочисленныхъ приписокъ (безъ историческихъ указаній) отмѣтимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Чаше другихъ упоминается имя *Іоаннъ*. Такъ на лл. 196 и 196 v. читается: «სლსა იწეს შწღ ღწ», т. е. «да помилуетъ Господь душу Іоанна». Затѣмъ алфавитомъ хуцури на л. 25 читается: «გიგ ძესა სორზს შწ ღწ, მისა მეუღღესა გულვერდის შწ ღწ, მათთა ძეთა. л. 35 v.: სლსა როსაფს შწღს ღწ; л. 43 v. სლსა მახარის შწ ღწ (ср. л. 68 v.); სლსა გრგს შწ ღწ (ср. 258 v. и 181 v.), л. 92 v. სლსა კმგს ძესა იეს შწ ღწ, მისა მეუღღეს ნესტარჯარს შწ ღწ, ძეთა მისთა შწ ღწ; 94 л. v. იოანე ნათლის მცემლის ეკლესია; 95 л. ფარდაგი ერთი კელმანდილი, ერთი ტაშტი... სალოცველად; л. 96 v. კრულსა არს., 120 v. კაკასა მისა მეუღღეს შწ ღწ; 142 v. სლსა სვმანს და მისა მეუღღეს ბახბის შწ ღწ; 172 л. მძლ მწო-რალსა პიძის ქესა და მკუმვსა შწ ღწ; 172 л. v. ღწ შწ სლი ასლანისი და შირონისი; 210 v. დემეტრესა სოგაძესა.

Изъ перечисленныхъ приписокъ однѣ сдѣланы алфавитомъ хуцури, а другія алфавитомъ мхедрули. Послѣднимъ алфавитомъ имѣются на лл. 43v., 44, 94v., 120v., остальные же сохранились алфавитомъ хуцури. Изъ приписки выясняется, что переписчикомъ и переплетчикомъ былъ Микель Паичисдзе. Судя по даннымъ библиотечки, рукопись эта пріобрѣтена у антикварія Гольдшмидта, но невѣрно дано опредѣленіе списка; онъ былъ отнесенъ къ XVI вѣку, при чемъ переписчикъ не былъ отмѣченъ. Мнѣ удалось вскрыть имя переписчика и ближе къ истинѣ опредѣлить время его происхожденія.

Въ Вѣнѣ, въ библіотекѣ мхитаристовъ нашлось шесть рукописей различнаго содержанія.

1) Первая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ акаѳисты, სძლის ჰირნი. Рукопись дефектна, писана алфавитомъ мхедрули XVIII — XIX вв. на бумагѣ in 8°, всего страницъ 1—60; начало: ანცა ცანი მოღრიკნა და კაცები იხმია.

2) Отъ второй рукописи сохранился всего одинъ листъ, писанъ хуцури на пергаментѣ, in 8° и заключаетъ въ себѣ отрывокъ изъ евангелія XIII — XIV вв.

3) Третья рукопись — катехизисъ «საქრისტიანო მოძღვრებანი», писанъ мхедруლი in 8° на бумагѣ. Переведенъ на грузинскій языкъ второй разъ съ армянскаго языка патеромъ изъ Гори Давидомъ при папѣ Бенедиктѣ, по заказу братіи въ 1728 г. (მეორედ სომხურის ენისაგან ითარგმნა ქართულსა ენაზედ საქართველოელი თბილის ქალაქის გორელი პატრი დავითისაგან მთავრობასა ბენედიქტ ჰრომის პაპისასა ბრძანებითა, სულიერის ძმებისა შემოკვეთითა ქრონიკონი ქრისტესი 1728 მარიაბისთვის დამდევს.) Изъ приписокъ видно (имена Саркисъ, Аветисъ), что рукопись вращалась въ армянской средѣ.

4) Четвертая рукопись — тотъ же катехизисъ, переведенный вышеназваннымъ Давидомъ въ 1728 г.; рукопись дефектна, писана на бумагѣ in 8°, алфавитомъ мхедрули.

5) Пятая рукопись безъ начала и конца, in 16°, на бумагѣ, алфавитомъ мхедрули, оглавленіе сдѣлано киноварью; заключаетъ въ себѣ катехизисъ въ вопросахъ и отвѣтахъ, переписано въ 1728 г. Михайломъ?

6) Шестая рукопись — молитвенникъ, писанный алфавитомъ мхедрули XVIII — XIX вв. Она даетъ заговоры на татарскомъ языкѣ, записанныя съ помощью грузинскихъ буквъ. Начало: ჰრძინძინი ფიქრი ლან პატრაქ გორმაქი იატარსა სურფ პეტრაქან ყაირ უნინდლა ბუ შეილ არა ფიქირა ეთსინ ნაქი ბუნდაი იაზარ კებუდური. Смыслъ этого заговора затемненъ недостаточно точной транскрипціей. Кое-что можетъ быть возстановлено и уяснено; приблизительно такъ: кто желаетъ, пусть тотъ приведетъ на мысль... (Подчеркнутыя слова писаны красными чернилами.) Въ концѣ рукописи приводятся армянскія молитвы, записанныя грузинскими буквами; начало одной изъ нихъ: ოვ ტერ იმ ისლს ქრისტოს იევრა სრფაზანი ძახუ ოტინ ქს ვასნ დარნავსვი იკ. Переводъ армянскаго заговора тоже не можетъ быть точенъ, а послѣднія слова совершенно неясны. Начало же заговора приблизительно таково: Господь, Иисусъ Христосъ, на лѣвой ногѣ преосвященнаго...

Грузинскія рукописи въ Берлинѣ.

Въ Берлинской королевской библиотекѣ, въ отдѣленіи Ms. Orient., хранятся нѣсколько рукописей на грузинскомъ языкѣ. Изъ нихъ первая означена № 573, и въ опредѣленіи ея сказано: alte Handschrift in äthiopischen Schrift, при чемъ впоследствии другими чернилами зачеркнуто и написано: grusinische. Далѣе находимъ внѣшнее ея описаніе: Lang, 1,77 mètres, Braut 0,145, 286 Zeilenschrift auf der 1-e Seite, 236 Zeilenschrift auf der andere Seite. Рукопись приобрѣтена на Синаѣ и помѣчена дата: Cairā, 15 mai 1865 за подписью Dr. H. Brugsch.

Манускриптъ писанъ на пергаментѣ мелкимъ хуцури и представляетъ одинъ пергаментный свитокъ литургическаго содержанія, о чемъ могутъ свидѣтельствовать слѣд. выписки: დქნ: მშუიღობით ღისა მიმართ ვილოცოთ... Миромъ Господу помолимся. წისა ამისა სახლისათჳს და რნი რწმუნებით დაშინითა ღისათა შევლენ მას შნა... დქნ (=დიაკონხან): მოხედეთ.— მღშნ...

Одна приписка сбоку почеркомъ текста и другая инымъ почеркомъ и иными чернилами, буквами, носящими переходный характеръ отъ хуцури въ мхедрули гласить: სახელითა ღთისათა... Обѣ эти приписки не даютъ указанія о мѣстѣ и времени происхожденія рукописи, не сохранившей начала и конца. По почерку она можетъ быть XI—XII вв.

2) Вторая рукопись означена № 926. Въ ней обращаютъ вниманіе крупные инициалы съ разноцвѣтными птицами, звѣрями и людьми. Она представляетъ длинный свитокъ изъ 5 отрывковъ. Писанъ на пергаментѣ мелкимъ хуцури, мѣстами изъѣденъ червями: а) Первый отрывокъ XI—XII вв. имѣетъ въ длину 162 с. и въ шир. 22 с. Содержаніе богослужебнаго характера: მღნ: ოა ღა ხნა, აცხე ერი შნი და აცხე სამკვდობლი შნი. Священникъ: Господи, Боже нашъ! Спаси люди Твоя и благослови достояніе Твое. Приписка мелкимъ хуцури болѣе черными чернилами: სლსა ერისთვისა რატისა შნ ღნ, სლსა მისსა მეუღლისა გულქანისა შს ღნ, სლსა მისსა ძისა როსტომის შს ღნ. სლსა მოძღვრთ მოძღვრისა ნათანაელისსა და მშობელთა მისთა და მიცვალებულთა მისთა შს ღნ. Душу Эристава Рати, сунруи его Гулажани, сына его Ростома, духовника Наванаила и родителей его да помилуетъ Господь

ბ) Второй отрывокъ, свитокъ 152×22 , писанъ другимъ почеркомъ XI—XII вв. и другими чернилами, Приписка гласитъ: ქეთვანს შს ღნ ცოდვანი მოხნი; въ другомъ мѣстѣ млдღს მხრღღს შს ღნ, მისს მეუღღეს შნ ღნ ან. Содержание богослужебнаго характера: ღკმნ აღიღოს სახარება: ონისა მმრთ ვილოცოთ. მღმნ: ო წა ხრ შენ ღო ჩნო და შნდა დბას აღვავლენთ...

в) Третий свитокъ 142×19 представляетъ бѣлый пергаментъ, писанъ въ два столбца, въ столбцѣ 1—3 слова, красивымъ мелкимъ хуцури: ლოცვა მოღრეკით.

г) Четвертый свитокъ 214×19 также богослужебнаго характера, писанъ на бѣломъ пергаментѣ, 2 столбца.

д) Пятый — 22×141 , свитокъ другомъ пергаментѣ и другія чернила: მღნ: მოგხსნენს თქნცა ონ ღნ სსფღსა მისსა ყღვე... Священникъ: და помянетъ васъ Господь во царствіи Своемъ.

3) Третья рукопись подъ № 2096 писана буквами мхедрули на разорваномъ свиткѣ, почеркомъ XVII—XVIII вв. Въ длину и ширину свитокъ 273×8 сант., въ строкѣ 3—6 словъ. Рукопись снабжена изображеніями ангеловъ (Михаила и Гавріила), Богородицы, Распятія Христова, Бога Отца, Сына и Св. Духа, св. Георгія на конѣ, 4-хъ евангелистовъ. Содержание შელოცვანი, т.-е. заговоры и молитвы, сопровождающіяся отрывками изъ евангелій; такъ приводится დასაბამი მარკაზის სახარებისა. იონნეს სახარებისა, начало изъ евангелій Марка и Іоанна предъ заговоромъ отъ горячки (ხურვებისაგან), для избавленія рабы Божьей дѣвицы Абашидзе (მონა ესე მღთისა აბაშიძის ქალი). Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ св. Георгію различныхъ наименованій: მრავალძალისა, ონისა, საღვერისა, ალავერდისა (Мравалдзальскій, Онійскій, Садгерскій, Алавердскій и др.). Приводятся: 1) молитва Іоанна Златоуста противъ дьявола. Вотъ отрывокъ изъ нея: წო ღვთის მმთბელო მარიამ და ოთხნო თავნო მახარებელო, შეწიენით და დეიცვევით ¹⁾ ყოვლის ავის ქირისა და ფათარაკისაგან მონა შენი სახელითა აბაშიძის ქალი მარიამ. Пресвятая Богородица Марія и четыре евангелиста, помогите и спасите отъ всякаго зла и искушенія рабу Твою по имени дѣвицу Марію Абашидзе!

2) Молитва ლოცვა სნეულთა ზედა სახელთა: ქრისტე მოვა ზეცით, მას მათქუ სამნი ფიცარნი ქვისანი, მაზედ ეწერნეს სამნი სიტყვანი ღისანი, იარებოდა ქალაქით ქალაქამდის, კურნებდეს, ხორცსა მსიკანსა მტკივნისა, ქაშსა ქარჯალიაბსა ეშმაკისაგან ნაკრავსა, შეულოცავ და ქრისტე კუნნებს სახელით აბაშიძის ქალს მარიამს.

3) სახელითა ²⁾ მაკარია, მაკარბია მელა კნისონი, აღონი, აღოველოდ, დოთა ქიზე აკაფა, მეშურანინ, ერამისა, სახელით გიორგისა სახელთა მღვთისათა, მაკარასა ვინცე-

¹⁾ Имеретинскій діалектъ: ვმ. დაიცივეით—დეიცივეით; დევთა—დეუთა

²⁾ Каждое слово отдѣляется отъ другого тремя точками.

ნარს, ძულ, ლუნა, დოხლონ, ნუ შემაქტენ, ხუხუ შუშ ხოზორკიბა, ეზი ხორო, მინ შექეც კივა ბიხი ლექსიტივე, იგივე დოიძეს ქვას ესე ქოდან თეოკოდინე თეო უ, კ, რ, ჩ, ც. ლაღლულ ბალმათულ იკანი. დალა, დავით ვიბე მემორთ, ეგლომ ეგრე ემასა იღვან. ამით სახელებითა შეიკრას პირი დეუთა და გრძნეულნი ქაშთა უჩინართა და საჩინოთა ჩაგრატებელო ბილნო შეიდთა წერილთა მადლითა სამთა სამსკვალთა სამებისა ძალთა ღმერთო შევარ გრძნეილი ესე კელითა, ფერხითა, პირითა, ენითა, არგე ძეო ცხოვრებისაო მარიამს. შვილნი სიტყვანი არიან: სანთე, მასანთე, ფოროტთე, აღსაფაო, ზაფქან, ანთე. ჩვენ ვლოცავთ და კურნებს სახელითა მარიამს. Въ молитвѣхъ перечисляются имена какъ-то существъ, значеніе которыхъ большею частью неизвѣстно. Молитва начинается: именемъ Макарія, Макарбія, Мелакнисона, Адона, Адовелодъ, До`та, К`изе, Акапа, Мешуранинъ, именемъ Георгія, именемъ Божьимъ, Макара, Дзулъ, Луна, Дохалонъ не причиняй боли, Хуху, Илушь, Хозоркиба, Эзи, Хоро, Шинъ, Ше`кець, Кива, Бизи, Лекситиве, то же самое камню Доидзе, это К`одошь, Теокодине, Тео, ж, тч, р, з, ц... Семь словъ слѣдующихъ (непонятныхъ): Санто, масанте, поротте, агсапанонъ, зайканъ, анте. Мы молимся и исцѣляется по имени Марія (Маріамъ).

4) ლოცვი უემურისა. მრწამს ჯვარცმული, არას მავნებს მაცდური, მე ქრისტე ვარ, ქრისტს ბეჭდით შებეჭდილი ვარ, მამა მაცვია, ძე მმოსია, სოლი წმინდა გარე მარტყია, ოთხნო თავნო სახარებანო: მათე, მარკოზ, ლუკა და იოვანე, სადაცა სახელი თქვენნი იხსენებოდეს, იქ ძალი ეშმაკთა იღვენებოდეს. Вѣрю въ Распятого на крестѣ, безвреденъ мнѣ лукавый, Я — Христось, Христовой печатью запечатанный, одѣтъ въ Отца, облеченъ въ Сына, опоясанъ Духомъ Св., четыре главы евангелія: Матѳей, Марковъ, Лука и Іоаннъ, гдѣ имя ваше поминается, тамъ сила лукаваго изгоняется.

5) ლოცვა თვალყვადისა. სახელითა მღვთისათა, ძისა დასულისა წმ. გასკდა კლდე ყინულისა, გამოვიდა კაცი ყინულისა, გამოახსნა მხარნი ყინულიასანი, მოუჭირნა აპაურნი ყინულნი, მოაბა სახუნელი ყინულისა, მოვიდა ველსა ყინულისასა, სთესავდა ქვიშისა, არა იხვენდა ყინული, არც ა(ი)თესიდა თესლი ქვიშისა, არცა ჯენჯლისა და ნაყოფისა გამოიღება; აგრემცა ნუ გაკვეთს მარიამზედ თვალი მთვალავისა ყბა მყაბარავსა, გული არამისა, ენა მზაკვარისა მონას ამას ღთისასა მარიამს.

6) ლოცვა სამას სამოცდა ხუთისა ქირისა გამქარვებელნი. Заговоръ противъ 365 болѣзней (перечисляются разные святые).

7) აზი თვალისა? (злого глаза?): заговоръ въ діалогической формѣ. ვიდოდა ავი თვალი, გზასა მოყვიროდა, ვითა ლოთ, ბრიალებდა, ვითა ვეშაპი, შემოეყარა უფალი ჩვენი იესო ქრისტე. სად მიხვალ, თვალო ბოროტო? თქვა: მივალ სოფლად, ქალაქად, შინა დაჯდები თავსა ზედა კაცისასა, ძვალსა შევაფქაუ, ტვისნა გამოუსვრეტნი, თვალნი და საყურნი და ფერნი აუკრიფნო. უბრძანა უფალმან ჩვენმან იესო ქრისტემან გაბრიელ მთავარ ანგელოზსა: ამოიღე მახვილი შენი ცეცხლისა ფერი, მოვალ სული უკეთური. თქვა ეშმაკმან: ნუ მომკლავთ, ვფიცავ ღმერთსა ცხოველსა,

სახარებათ მათე, მარკოზ, ლუკა ივანესას ჯვარსა პატოხანსა, ქრისტს სამს ჭვალსა. სადაცა იყოს წიგნი და სახელი, მუნ ვერა ვისაქმო — რა. ვისაცა ესე ლოცვა ახლდეს, შორს განვეშო მონას ამას ღთისა (სახელით აბაშიძის ქალსა).

IV. Рукопись четвертая, подъ № 279, писана на бумагѣ in 8°, 21 × 16 с. на 236 лл. по 29 строкъ на страницѣ, почеркъ мхедрули XVIII в., запись на первой страницѣ точно воспроизводится — она гласить: Его Вѣличеству короля прусскаго Фридерикъ Вилгелмъ третію дня Его Вѣличеству съ библиотеки. Сей лексиконъ грузинскій *діалекта* сочиненной князя Сулхана Саба Орбеліани и писанный гражданскими буквами *нижнейше преданностию*

Грузинскій царевичъ Теймуразъ Георіевичъ

1836 г., октября 22, ноября 4 вь Берлинѣ.

(Подчеркнутыя слова вписаны царевичемъ собственноручно.) А на грузинскомъ языкѣ запись имѣется: შევსწირე ლექსიკონი ესე მისსა დიდებულებას პრუსიის კაროლსა ფრიდერიკოს ვილელმ მესამესა მათის დიდებულების ბიბლიოთეკისთვის უმონებრიესის სიმდიბლით სრულიად საქართველოესა მეფის გიორგის მეათეცამეტის ძე თეიმურაზ. На 2-й стр.: მათს დიდებულესობას პრუსიის კაროლს ფრიდერიკ ვილელმს შევწირე მეფის ძემ თეიმურაზ ბერლინსა ყოფასა შინა ჩემსა წელსა ჩყლვ ოკტომრ. კბ. Еше раньше на оборотной сторонѣ переплета: 1728 წ. დავით გარესჯის მონასტერში მომიყვანეს დეკემბერს 25 სასწავლოდ. 1737 წ. მონაზონად დაწინდებულ ვიქმენ ნოემბერს 19 დღესა შაფათს.

1739 დიაკონად კურთხეულ ვიქმენ დეკემბერს კბ შაბათს.

1753 წინამძღვრად იანვარს 1.

1764 მაისის იზ დღეს მღდელთმთავრად მაკურთხეს ბოდბელად, მეხუთე კვირას... ლოცვით მომიხსენებლით ძმობის სიყვარ... (Запись эта, вѣроятно, гласить

о катол. Антоніи).

V. Рукопись подъ № 345, 22 × 17, писана на синеватой бумагѣ in 4°, буквами мхедрули на 142 стран., изъ нихъ 8 не исписано, на страницѣ 14 строкъ слѣдующаго содержанія: а) შემოკრებული ისტორია ქართლისა მეორე ირაკლი მეფისა იწყების, თუ ვითარისა შრომითა მიიღო მეფობა ქართლისა. «Краткая исторія царя Карталинскаго Ираклія II о томъ, съ какимъ трудомъ онъ получилъ царство». Исторія обнимаетъ съ 1722 по 1781 г. (стр. 1 — 110): «წელსა 1722 ჩღვბ დაჯდა ყენად ძეშაპ სულტან უსეინისა შაჰთამაზ.

ბ) ანდერძი იესო ქრისტესა ჯვარცმისა თავი კო, რომელიც დღეს იმწუხარებს და ცრემლს ჩამოაგდებს, წილი ექმნება ვითარცა მარჯვენის მხრის ავაზაკს, რომ იმასთან გაიტანჯვა და შეუნდო ცოდვა თვისი. Заглавію предшествуетъ запись: დავით ხახანოვს ეკუთვნის 1839 წ. = принадлежит Давиду Хаханову. 1839 г. Это апокрифъ, заключающій плачь по распятіи Спасителя: ზი მართამ, სად არს ძე შენი... სად არს სიხარული შენი, სად არს მანათობელი შენი и пр. Начинается:

ჩვეულება არს კორციელის კაცისა, რომ როდესაც მოკუდება ვინმე სხუას ადგილსა იქს ანდერძსა და უკეთუ იქითგან ვინმე წარვიდეს და გაუმელიენებს იმის მოყვარესა, მაშინ რომელიც რომ უფრო გულს მოყვარე არის, ის მეტად იტირებს. ეგრეთვე ჩვენი მხსნელი იესო ქრისტე, ზეციერი მამა დღეს ჩვენთვის მოკუდა. აწ დრო არს ტირილისა და ვამი სიხარულისა უკეთუ სულიერად სასიხარულო არის, რომ ქრისტემ თავის ჯვარცმით დაგვიხსნა ჯოჯოხეთიდან, მაგრამ ხორციელად ტირილი და მწუხარება გვმართებს... დედა თვალთ უყურებდა სატანჯველსა შინა... *Описывается судъ Пилата и плачь Маріи.*

Конецъ: გარდავწერე ესე წერილი და ანდერძი იესო ქრისტესი ჯვირცმისა მე **გორალმან სბუზან ლიმოუზმა**, რათა რომელ თვისის სატანჯველის სიკვდილით მაცხოვნობ მე; რომელნიცა წარიკითხვიდეთ, ცოდვილსა ხულსა ჩემსა მოიხხენებდეთ. *Запись гласить, что рукопись списана горійцемъ Стефаномъ Лимоувымъ.*

в) три страницы заняты молитвой, обращенной къ Богу въ Верный вечеръ: განგვიღე ჩვენ უფალო (სამჯერ); შიგნიდან უპასუხებენ: ვინ არს მართალნი, შემოვლენ ამას შინა...

г) ქადაგება იესო ქრისტესი, თქმული იოანე ნათლის მცემლისა;

д) მოთქმით ტირილი საქართველოს ღერკულესის ნეტარ ღირსისა მეფე ირაკლისა. ტირილი და გოდება იწყების სოლომონ მსაჯულისა ლევანის ძისაგან შეთხზული და ნათქვამი. ღერკულესი ბერძნის ენით ვითარცა ირაკლი. *Оплакивание царя Ираклія*

Начало 1 — 16: დღეს ქვეყანა აღესრულა გულისწყრომისა ტახტსა ჴა... დღეს ციურთა საკვირველება მოშურნე ექმნა ქვეყნის საკვირველსა, ცამან მისტაცა ქვეყანასა სიმდიდრე, მხედართა მთავართ სარდლობა და თვით მპყრობელთა საკელმწიფო ზრდილობა... დიდნო მფლობელნო, დიდნო იმპერატორნო სტირდეთ ახლად ქვეყნისა დიდებასა, სტირდეთ სახლსა უაღუსტესსა თქვენსა, შერაცხდეთ ცუდად სოფლისა დიდებასა, ისმინეთ ესე სახსოვრად სასმინარი, მოკვდა ღერკულეს უძლეველი მეფე და მზესა ქვეშე და იხილეთ ყოველი ამაო.

თქვენ მტირალნო ნათესავნო ქართლოსანო...

მაგრამ კელმწიფევე, რად გვიხაროდა შენი კელმწიფედ ცხებულება, თუკი სამკვიდროს ზეთს იცხებდი, რად გინდოდა საკელმწიფო პორფირი, თუ კი დასამიწებელს სუდარს მოიხვედი...

Приписка въ концѣ: გადმოვწერე თვით მისდა შეთხზულის დედნიდამ სოლომონ კონსტანტინის ძემ (ფამილია не разборчива) წელსა რულტ 1838 г. ноября 18 дня იტ ნოემბერს. Переписалъ Соломонъ Константиновичъ (фамилія не прочитана).

VI. Шестая рукопись подъ № 168, писана (16 × 11 с.) на 2 лл. in 8° буквами мхедрули, съ 32 иллюстраціями, на страницѣ 5—11 строкъ, подъ иллюстраціями латинскія объясненія. Вѣроятно, она представляетъ молитвенникъ, объясняющій священнодѣйствія въ католической церкви. Въ срединѣ рукописи другимъ почеркомъ имѣется запись 1831 г. **წიფობის**

თვის პირველს დღეს; пониже значится 1833 წ. აპრილის 13 დღესა ქნს ჩლოც დასრულდა. Любопытно здѣсь названіе мѣсяца „წიფობისა“.

Повидимому, въ рукописи не хватаетъ начала; открывается словами: რაქამს მწირველი იტყვის... მოასწავებს. Приводимъ нѣкоторыя подписи подъ иллюстраціями: ad ultimas collectas სერხუ (თომისაგან გვერდის ხილვა): ad post communionem, აღდგომა ad Kurie eleison. კაიაფას სახლში პეტრემ რომ უარყო იესო: Sacerdos dicit Dominus vobiscum. იესო ქმელ თავისა წა პირი პს უჩვენა. Nobis quique peccatoribus. ავაზაკი, რომ მოიქცა. Иллюстраціи и подписи интересны.

VII. Седьмая рукопись подъ № 2455, на 50 л., 9×8 с., in 16°, 6 строкъ на страницѣ, писана почеркомъ мхედрули, начала XIX в. Содержаніе ея повѣсть о дѣвицѣ и юношѣ (ქალვაქიანი). Начало: ერთი კაცი იყო მდიდარი და (ესვა?) მოხელეობა დიდისა ქალაქისა. დღე-ღამე ევედრებოდნენ, რომ ერთი შვილის ღირსნი გვამყოფოსო. უსმინა ღმერთმანა... აღზარდეს სასწავლებელში და სიმდიდრე მას გადააგეს... ყმაწვილი ამიტომ დაღონებული იყო. იფიქრა და წაიყვანა დედ-მამა და გაჰყიდა მეფის სასახლში... თითონ წავიდა გზად და ერთი შეხვედრილი კაცისაგან მიიღო წერილი, რომლიდანაც წყალობის მაგიერ სიკვდილი მოელოდა; დახია და გასწია იმ ქალაქში, სადაც მეფის ქალს „ფილოსოფოსს“ 99 ვაჟისთვის თავი მოეჭრა, რადგან უჯობნია კითხვა—მიგემაში.

VIII. ჟამნი часословъ, писанный гражданскими буквами in 8°, 15×10 на 449 стр., изъ коихъ 8 не исписано. Переписано въ 1728 г. въ Астрахани განსრულდა ჟამნი ესე ძალითა ღთა ასტრახანს წელსა 1728 კელითა ლუარსაბისათა, ვინცა ამითა ლოცვასა აღასრულებდეთ ჩვენც შენდობასა გვიბრძანებდეთ უფლისა მიერ. На оборотной сторонѣ переплета другимъ почеркомъ: პაპუნა სოლადოვისა ეს ჟამნი по-русски: «Князь Папуна Солагов сеи книга». Въ концѣ часослова приводится: **ტფილელ მიტროპოლიტის ნიკოლოზის** მიერ აღწერილსა სარწმუნოებისაგან შემოკლებით აღწერილი, ლუარსაბის მიერ აღწერილიარს. ესე ვისცა ენებოს მიიღოს სწავლა-კითხვა. Катехизисъ Николая Тбилели.

IX. Два пергаментныхъ листка изъ евангелія, писанныхъ мелкимъ хуцури XI—XII вв.; первый 23×18, въ столбцѣ по 26 строкъ; второй отрывокъ 23×19, въ столбцѣ 26 строкъ.

Грузинскія рукописи парижской національной библіотеки.

Въ Парижской національной библіотекѣ имѣется 25 грузинскихъ рукописей. Въ каталогѣ приводится ихъ оглавленіе въ слѣдующемъ видѣ на грузинскомъ языкѣ.

1. სასულიერო წიგნი სურათებით. Книга духовнаго содержанія, in 32°, приобрѣтенная у г-на Летелье.

2. ჟამის წირვა, ანუ ლოცვათა კრებული საქართველოს ეკლესიაში სახმარებლად. Сборникъ молитвъ, in folio; письмо — алфавитъ хуцури; присланъ въ 1731 г. изъ Грузіи капуцинскимъ миссіонеромъ.

3. სინაქსარი. Синаксарь, безъ начала и конца, писанъ алфавитомъ хуцури.

4. ქართული ლექსიკონი საბა სულხან-ორბელიანისა. Словарь С. С. Орбелиани, 332 л. in 4°; приобрѣтенъ у Летелье. Ср. ст. Броссе въ «*Journal Asiatique*».

5. ქართული კოდექსი ანუ ვახტანგის კანონები. Сборникъ законовъ ц. Вахтанга, in folio. Ср. Brosset, «*Journal Asiatique*».

6. ქართული ქრონიკა. Грузинская хроника, in 4°, напечатанная Броссе и переизданная въ Тифлисѣ.

7. ტარიელის რომანი ლექსად. Поэма Руставели «Вепхის-Ткаосანი», 258 л.

7 bis. Грузинская грамматика, 23 л., 0^m, 170 × 0^m, 222.

8. რომანი ტარიელისა ლექსად. Поэма Руставели, in 4°. Пожертвована Гамбой, переписана въ 1811 г. Ягуловымъ. Броссе напечаталъ объ ней статью въ «*Journal Asiatique*».

9. ისტორია ომანიან კაბუკისა. ტარიელის გაგრძელება ლექსად და პროზად. Оманіани, въ прозѣ и стихахъ, приобрѣтена у Летелье.

10. მირიანი, ისტორია ერთი ჩინეთის ხელმწიფისა. საარაკო თხზულება, in 4°. Миріани, Сказочная исторія китайскаго царя, ркп. XVIII в., in 4°, приобрѣтена у Летелье.

11. ბარამიანი, ჩინური მოთხრობა ლექსად. Бараміани, in 4°, приобრѣтена у Летелье.

12. პროზად ნათარგმნი ვოლტერის ტრაგედია „ალეირი“ თავად ჭავჭავაძის-მიერ. Альзира, тр. Вольтера, перев. А. Чавчавадзе, приобрѣтена у Летелье.

13. ქართული გრამმატიკა. Груз. грамматика, 52 л. 0^м,22×0^м,17, приобрѣтена у наслѣдниковъ Шульца.

14. ფილოსოფიის დასაბამი. Введение въ философію, приобрѣтенное у Шульца.

15. ქართული ენის გრამმატიკა ქართულად შედგენილი ბატონიშვილის დავითის-მიერ. საჩუქრად მოძღვნილი „აზიურ საზოგადოებისგან“. Грузинская грамматика, составленная царев. Давидомъ.

16. ნაწყვეტები ქართული ისტორიისა, მეფეთა... ვახტანგ, ბატონიშვილის თეიმურაზისა (საჩუქრად მოძღვნილი „აზიურ საზოგადოებისგან“). Отрывки изъ груз. исторіи царевича Теймураза.

17. სინაქსარი-მარხვანი. Палимсестъ (217 л.). Синаксаръ на 217 лл.

18. პროლოგი, წმიდათა საგალობელნი მარტის თთვისანი. სრულად. Прологъ за мартъ мѣсяць.

19. პროლოგი ივლისის თთვისა. Прологъ за іюнь.

20. პროლოგი ივნისის თთვისა. Прологъ за іюль.

21. მათეს სახარების განმარტებანი იოანნე ქრისტომისა. Дефектная ркп. Толкованіе Іоанна Хрисостома на евангеліе Матѣея.

22. წერილი იმერეთის მეფის სოლომონისა პაპი პიუს VI იტალიანური თარგმანით. Письмо царя имеретинскаго Соломона къ папѣ Пію VI, съ итальянскимъ переводомъ.

23. წერილების ნიმუშები. წერილების ასლები. ანბანის რიცხვითა მნიშვნელობა. (მე-40 ფურცელზედ მოყვანილია წერილი მარიამ დედოფლისა სპარსეთის პირველ მინისტრთან შესახებ მეფე როსტომის გარდაცვალებისა 1658 წ.). Образцы писемъ.

24. ნაწყვეტი ტარიელის რომანისა. ნაწილი დაწერილია და ნაწილი აღბეჭდილი. Отрывки поэмы о Таріелѣ частью напечатанные, частью писанные.

25. Рукопись, безъ указанія ея содержанія, состоитъ изъ 2-хъ частей: первая въ 213 стр., вторая въ 26 стр.

Переходимъ къ описанію такъ вышеозначенныхъ въ каталогѣ библіотеки грузинскихъ памятниковъ.

I. Сборникъ статей, писанъ на пергаментѣ частью мхედრული, частью хუцури; на 90 стр. приписано: ღმერთთა შეიწყალე ამისა მომხვეჭელისა და დამწერისა მონა ღვთისა გიორგი. ქკს უიგ, ესე იგი 1795 წ. На стр. 116—149 «Врата рая» С. С. Орбеліани: „საქრისტიანთა მოძღვრება პირველად სასწავლო ყრმათათვის აღწერილი სულხან საბაე ორბელიანისაგან, რომელსა ეკოდების საზოგადოების კარი“. Начало: „სარწმუნოებისათვის მართლისა და უბიწოისა შჯულისა, რომელი მოგვსცა წთა მამათა მიერ. მოძღვარმან ჰკითხა ყრმას ვინმე, ვითარმედ შენ ვინ ხარ? ყრმამან მიუგო და ჰქვა: ქრისტიანი. მოძღვარი: რაი არს ქრისტიანობა? ყრმა: რამეთუ გურაწ.“

მენეს მართლმადიდებლობისა სარწმუნოება. მ. რაი არს მართალი სარწმუნოება? უ. რამეთუ გურწმენეს და ვიცნობდეთ ღმერთსა. უ. რაი არს ღმერთი? მ. არსება უმიზნო და მიზნის ყოვლისა არსებისა და ყოვლის ხილულისა და უხილაისა დამბადებელი.. “ შემდეგი კითხვა-მიგება მიქცეულია მაცხოვრის დაბადების, მის განხორციელების თანხმად წინასწარმეტყველთა, სამების ბუნების, ათი მცნების, სიმბოლო სარწმუნოების და საიდუმლოთა ახსნა-განმარტებაზედ.

Другая статья съ 150 стр. начинается: „აწ ესე უნდა ვიცოდეთ, რომ ხუთის თითის ქვემოდ ხუთის ეტლის მთანი არიან და ხელის გული არეას მინდორი არის და ნეკის მთის ქვემო მთავარის მანდორიარის. წინა პირველი ცერის მთა, აფროდიტის მთა არის და აფროდიტის მთა რომ მალლა ჰქონდეს კაცს და ზედ წითელი ნიშნები და ხაზები ღრმა დიად.. (საიდუმლო ასოებით მოყვანილია სიტყვა) ნიშანია“. ეს ნაშთი ავსებს ჩვენს ცხოვრებას ხირომანტიის შესახებ. აქ შეხვედებით არისტოტელის დამოწმებას და საერთო შეხედულებას დაბადებულთა ეტლზე. ვინც ღამით — მარცხენა. დედათა სქესს კი მუდამ მარცხენა ხელზე აქვს ნიშნები... ხელნაწერში ჩართულია სურათები და სხვათა შორის ჯოჯობეთი, ოთხ რიგად ანუ წრედ დაყოფილი, საპასეკო კიკლოსი და სხვ. პარველს გვერდზე ვკითხულობთ: „კალას გალისკა ეს არის: ღ მისხალი კალა უნდა დაადნო, მ მისხალი სინდიყა უნდა აურიოთ. Статья гадательнаго и лѣчебнаго содержанія. Изъ приписки видно, что сборникъ принадлежалъ Летелье. Рукопись снабжена иллюстраціями, среди нихъ картина ада, раздѣленнаго на четыре круга.

Летелье († 1718), известный больше подъ именемъ аббата Лувье, былъ хранителемъ библіотеки съ 1684 г. Онъ завѣщалъ библіотекѣ всѣ рукописи (около 300), доставшіяся ему отъ дѣда — канцлера Михаила Летелье и дяди Карла-Мора Летелье, архіепископа Реймскаго.

II. Сборникъ отрывковъ изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта; писанъ на пергаментѣ хуцури. Приписка: C'est manuscrit géorgien dont les caractères ressemblent aux caractères arméniens; ils ont été fait par Jsaac et Mesrop, ces fameux philosophes qui composèrent les caractères arméniens et géorgiées. Les derniers ressemblent beaucoup aux autres, quoiqu'ils soient autrement différent aussi je ne puis pas dire ce que contient ces manuscrits. Vol 387 in fol. სიბრძნისაგან სოლომონისა, ზაქარაა წინასწარმეტყველისა და სხვ. Приписка по-итальянски: Mando uno libro amico giorgiano di lingua 1731 წ. Приписки почеркомъ мхедრული XIII—XIV вв.: „სამას ოთხმოცდა თორმეტი ფურცელი არის; მეორე ადგილას კი: ოთხას ორმოც და ოთხი ფურცელი არის და ვინცა დააკლოს ღმერთმან ჰკითხოს დღესა მას საშინელსა განკითხვისასა“. Въ одномъ мѣстѣ читается въ переводѣ: Димитрій далъ вамъ Іоанну 2...“: ეს წიგნი მოგვც მე ღმერთემ თქვენ იოვანას ამ ორსა...; другимъ (XIV—XV вв.) почеркомъ: ეს წიგნი ეკუთვნის დავითსა. «Эта книга принадлежитъ Давиду». ჩამოთვლილია სახელები ვეღრებით „შეუწდოს ღმერთმან“; въ концѣ: „იყო ცოდვილი მონა მალათის მონოზანი მარადა“...

III. Сборникъ житій, писанъ на пергаментѣ алфавитомъ хуцури. Приписка хуцури молитъ о душѣ Екатерины Диасамидзе: „სულსა დიასამიძისა ასულსა ეკატერინეს შეუნდოს ღმერთმან, მისთა დედამათა და ძმასა შეთნდოს ღმერთმან ამინ. ღმერთო, შეიწყალე სული ჩემი ამინ“. Такая же приписка хуцури свидѣтельствуесть, что книга пожертвована въ монастырь Зурабомъ Диасамидзе: „შემოგწირე მე დიასამიძემან ზურაბის ძე საალაპოდ, საუკუნოდ ჩემსა მონასტერსა შემოგწირე და მოგახსენე თქვენ ღსალის (?) ღვთისმშობელსა და თქვენსა მონასტერსა მე იაღლმაშვილმან დავით ხურხას ყანა თქვენსავე ყანას მოკიდებული“. Въ концѣ мхедრული: „ღმერთო, შეიწყალე მონა ესე შენე სახელით ბასილი ორსავე ცხოვრებასა. ამინ“.

IV. Словарь С. С. Орбелиани, писанъ на синей бумагѣ in 4°, 332 стр., алфавитомъ мхедრული, въ переплетѣ, на которомъ читается: „წიგნი ესე ეკუთვნის ვიქტორ ლეიტელიეს“: книга сѣя принадлежит Летелье. Начало „ამბავი პირველ სასწავლო ყრმათათვის“. Словарь составленъ къс ჩქპე (1685) (эта же дата имѣется въ печатномъ изданіи словаря) по повелѣнію царя Георгія, дяди Вахтанга, по образцу армянскаго баргарка. Конечъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія о самомъ авторѣ. შემდგომად მონაზონ იქმნა და გარესჯის მრავალ მთის წისა ნათლისმცემლის მონასტერს დაადგრა კქს ჩქქს (1698 წ.). მარტის ის მონაზონ იქმნა კქს ჩლი (1710) დეკემბრის ი ხორასანს წავიდა, მეფე ქაიხოსროს ეხმო და თებერვლის კ გამოისტუმრა მრავლის ნიჭითა მაისის იბ ქართლს მოვიდა; კქს ჩლიბ აპრილის კმ მეფე ვახტანგს ისპაანს გაჰყვა, ორს ნოემბერს გამობრუნდა. დეკემბრის კ ქართლს მოვიდა. კქს ჩლიგ, აგვისტოს იწ საფრანგეთს გაიპარა. ფრანცია, ენევა, სიკალია, ჰრომი ნახა; ფრანციის მეფე, რომის პაპი უცხოდ კარგად დახედნენ, ყოველი კაცი გაჰკვირდა, რაც იმ ქვეყანაში უცხო და ძვირად სანახავები იყო, ყოველი აჩვენეს. ჰრომის პაპმა წმ. ძელის ქეშმარტის ჯვარის ნაჭერი უბოძა და წმ. კლემენტოს მოწამის თავი და სხვა ნაწილნი. იწ მარიამობისთვის გამოისტუმრა, გზაზე მრავალი წმ. სახლები და ადგილები მოილოცა, მ ღვინობისთვის მალთას მოვიდა. მ დეკემბერს ფრანციის მეფის მოუვიდა და წამოვიდა. კქს ჩლიე იანვრის ით კონსტანტინოპოლს მოვიდა. ის წელიწადი იქ დაეგვიანა. ფრანციის დესპანთან იდგა მრავლის კეთილ ხელ-შეწყობილი“... Далѣ названіе чиновъ по-турецки: „მოხელენი, რომელნი არიან ქართველნი და რომელთამე არღარა უწოდენ და დაავიწყებიესთ და სხვა თურქთა ენათაგან მოუღიეს, მისდა ნაცვლად“. Приводятся въ заключеніе стихи сахлтхуцесса Дм. Орбелиани:

„სიბრძნით ტრფიალთა დამზირონ, რას ჰსწერს სულხან საბანი,
მოსურნეთ გემასპინძლებთ გიშლიათ სნატი საბანი,
ქირით მოისთვლო ლხინ გიდგათ არ ღაწვ ცრემლითა საბანი,
და რადგან მომშორდა, კმუნვა მაქეს და ზრუნვა გულთა საბანი,
ვაი მმართვებს, რადგან დავკარგე, ვინ მიმარტებდა იგავსა,

მიმდებ გვწავლიდა კეთილად და გვაშორებდა იგავსა,
 მის ბრძნის ნაღვაწი იხილეთ, ოფაზობს ბიწსა იგავსა,
 და ბედმან მიმუხთლა, არ მომხვდა მისისა სიბრძნის იგავსა.
 საბა ძმათ ნეტარ ხსენებით მომშორდა ხანსა გრძელადო,
 კავშირს დავსნამდე თვით თავიო საქმე ჰქმნის ყველა ქველადო.
 ზოგნი უქებდენ ზოგთ ჰსძაგდათ ვითა წესია ძვილადო
 და მტვერისა მტვერად დამტვევი გაუხდათ საძებნელადო.
 მისთა შრომილთა ტრფილნი მისნი ძმანი და მონანი,
 კმა ეულვსცა ეპოვა მის სიბრძნის ქართელთა წონანი,
 ვარლია ზღუდე მოძრცველი დააგდო სიტყვის კონანი
 და ძმა უწერს, მოერე ძმა სთხოვე მისნივე ცრემლით მგონანი.
 ამ სიტყვის კონის მწერალი ძმა და მოწაფე მისივე,
 საბავ, დააგდე ზოსიმე მე გულ ნაღვლითა მისივე,
 ოუ ვისმე გწადისთ ეს წიგნი ვგრე გმატსთ, ვითა რუსთველი
 ფრიად მაშვრალი მუშაკი, მოკვდა დაეფლა რუსთველსა.

За этимъ слѣдуетъ прославленіе со стороны царя Вахтанга С. Орбеліани какъ мудреца и странника въ теченіе 66 лѣтъ:

„რადგან დაშვრა ასე საბა, ქება მმართველს აწლა მეცა...“

V. Сборникъ законовъ царя Вахтанга, переписанный Багиновымъ на бумагѣ, въ переплетѣ, на которомъ читается: «Vol. de 282 feuillets; les feuillets 120, 220 sont blancs. Ms cédé à la Bibliothèque du Roi par M. Gamba, consul de France à Tiflis en Janvier 1825. Ce manuscrit a été copié à Tiflis en 1823 de notre ère. Index въ алфавитномъ порядкѣ: (აღდგომა დღესა პერობილის განთავისუფლებისათვის; ავის თქმისათვის მოსამორთელსთან; ასოთა კრილობისათვის, თუ რა სისხლი რა გაუჩნდება და სხვა). На 18 стр. (versa): „იგი ძველნი საძიებელნი ვინათგან არევით იყვნეს და საჭიროსა ეამსა ძიებასა შინა დიდად დაშო(ვ)რებოდენ მსაჯულგამგენი... ამისა ადვილ საპოვნელი მიზეზი მებრძანა ყდ ამალღებულისა ღვთივ გვირგვინოსანისა საქართველოს და კახაბორჩალოს მპყრობელმქონებელის მეფის თეიმურაზის-მიერ, რათა ღონე რამე მეძია ადვილ საპოვნელისა. და აწ მე ვიღვაწე მცირედ რამეჯერ, გვარიცხვენ ძველნი საძიებელნი და მერმელა ანბანზე გამოვკრიბენ, რომელი საჩივარ სამართალნი რომელსა ასოზე უნდეს დახედავს ამის რიცხვით ძველის საძიებელის რიცხვი მიიყვანს და მუნ ჰპოებს. მეფე აღიღეთ სუფევით...“ Съ 19 по 55 стр. приводятся параллельныя статьи изъ Второзаконія и законовъ греческихъ, армянскихъ, католикосовыхъ, царя Георгія, Агбуги и Вахтанга. На 55 стр.: „ქ. დასაბამიდგანვე დამდებელმან საფუძველთა ქვეყნისამან... ვახტანგ“. Въ концѣ: „აღწერე მოქალაქე მოსესის ძემ ტიტულარიოთ სოვეტნიკი ნიკოლოზ ბალინოვი თებერვ. იე დღესა ჩყვე წელსა“.

VI. Грузинская хроника, in 4°, 96 стр., въ переплетѣ. Начало: „ქს და თურქნი მოვიდენ მეფე გიორგი მოჰკლეს, ლაშქარნი სად დახოცეს, საქართველო მოარბიეს და წარტყვნეს თვესა აგვისტოსა კ. ქს ოგ, ლანგთემურ ტფილისი წსტყვნეს ციხე აილა და მეფე ბაგრათ და ანნა დედოფალი გამოასხა და დაატყვევა“. Последняя дата 1660: „შაჰაბაზ ყეენი მოკვდა“.

Хроника эта, напечатанная ак. Броссе, отличается подробностями отъ данныхъ Вахушты. Свѣдѣнiя въ хроникѣ восходятъ къ различнымъ авторамъ: то непосредственнымъ свидѣтелямъ событiй въ Месхетii: „მისხეთის ამბებისა („ქს სომე სახელსა ზედა ღვთისასა **გაგილაშქრით** ენკენისთთვის ნახევარსა და ქაშის ციხეს მივაღქით“), или время нашествiя, Шахъ-Абаса, или же сообщаются по слухамъ отъ предшественниковъ: „ქს სომე მეფე სვიმონ და ფაშა შვიბნეს და მეფეს **გაიმარჯვა**“.

VII. Вепхись-ткаосани, in folio, почеркъ XVII — XVIII вв., писанъ на кожѣ алфавитомъ мхедрули; на переплетѣ читается: Volume composé de 2 parties; I de 258 f.; le feuil. 250 est blanc; II de 7 f. (20 Janv. 1897). Приписано: „დიად ცუდი ვეფხის ტყაოსინია“. Начало: „დასაწყისი პირველი ანბავი სპარსული რუსთველისგან ქართულად ნათარგმანები, რომელსა ვეფხის ტყაოსნად უხმობენ. ტარიელის და ნესტანდარეჯანის მიჯნურობა: ესე ამბავი სპარსული ქართულად ნათარგმანები“... Въ поэму внесены дополненiя, извѣстныя по нѣкоторымъ спискамъ. (См. Груз. рукописная поэма «Барсова кожа», изд. мною по ркп. Гл. Моск. Архива Минист. иностр. дѣлъ). Кончается: „ამირან დარეჯანისძე მოსეს უქია ხონელსა“. Имѣется запись стиховъ и какихъ-то именъ: „ლუსვორჩ, გა(ა)რიგორ, სურთანა“, вѣроятно, армянъ: „ეს ლექსი **ალამ გაღამაწეარა**, რომ არის ბეზაოს ქალი(?) ცოდვისაგან ვიტანჯვი, მიშველეთ, ვინცა ხართ სამოთხის შვილი... და ესე წიგნი არის სამასი რვა არის. დაიწერა შამახის წაგნი იანვარს იე ქს ტბ (=1619). Во второй части помѣщенъ лунникъ: „სამთვარეო, მართალი, ქეშმარიტი“.

VII bis. Грамматика на 23 лл., in 4°, писана частью хуцури и частью мхедрули. Начало: „ღრამატკა არს ჰსწავლა ხელთმძღვანელი კანონიერი უბრობისა და მართლწერისადმი. ღრამატკა განიყოფის სამთა ზედნაწილთა: 1. ლექსთ წარმოებასა ზედა; 2. ლექსთა თხზულებასა ზადა; 3. მართლწერასა ზედა. თავი პირველი: ასოთათვის, მარცვალთა და ლექსთა. თავი მეორე: განყოფილებისათვის ლექსთათვის (სახელი, ნაცვალ სახელი, ზმნა, მიმღობა, თანდებული, ზმნასა ზედა, კავშირი, შორისდებული). თავი მესამე: რიცხვი და ბრუნვა (წრფელობითი, ნათესაობითი, მიცემითი, შემასმენელობითი, დაწყებითი, მოთხრობითი, მოქმედებითი, წოდებითი). Склонений 4: კანკლელობა ოთხგვარად იქმნებიან: I დაბოლოება უხმოთა ასოზედ; II ა, ე, უა, უტ-ზედ (სიტყუა, ტყუტ); III, ი, ვ; VI, ო, უ. ზმნა-სახე: სხმით გარდასვლითი, მრჩობლობითი გარდასვლითი. პირველი აღნიშნავს მოქმედებას პირის ანუ ნივთისა უსაშველოდ (ვწერ); მეორე — საშუალებით სხვისა პირისა მნუ ნივთისმ (ვაწერინებ). დრონი: აწმყო

წამყო (უსრული, სრული, უსრულესი, უუსრულესი), მყობადი, სქესი ზმნისა: სახლ-
ვრებიოთი, ბრძანებიოთი, პოტუტიკა, ე. ი. უკეთობითი და განუსაზღვრელი“. Въ грам-
матикѣ приводятся образцы склоненія и спряженія.

VIII. Вепхის-ტკაოსანი, писанъ въ 1811 г. на бумагѣ in 4°. Начало: „ამა
ამბავის პირუტლი და აამო და სასმენელად შუპნიერი სწავლისათეს მოზაირეთასა
ტარიელისა და ნესტანდარეჯანის ვეფხისტყაოსნად უხმობენ“, დასაწყისი: „რომელმან
შექმნა სამყარო“. Конецъ: „სრულ იქმნა ხელითა იოანნე იაღლუზის ძისათა. აპრილის
21. წელსა 1811“.

IX. Оманіани, писанъ на бумагѣ in 4°, въ XVIII в., мхედრული, съ ри-
сунками. Начало: „ამბავი პირველი ტარიელის შვილის სარიდონის ძისა ომანიან კა-
ბუკისა, რომელიცა ამბავი ესე ზედ მოვბმის ამბავს ვეტფ-ტყაოსნისას“. Начало:

დიდება შენდა, დიდება, ღმერთო, ყოვლისა მპყრობელო,
ჩვენ უღირსთაგან უცნობო, ენითა მიუთხრობელო,
ცათა და ცისა მნათობთა საკვირვლად მბრუნებელო.
ქვეყნისა, ქალთა, ჰაერთა და ზღვათა შემძრწუნებელო“.

Приписано Давидомъ (ректоръ Алексидзе): „ჩემი თქმული შაირი მაჯამად
და თავად კიდურ წერლობადვე ჩემივე სახალი დავით:

ღანაკოდარი სევდით გული რა დილეგს იგება,
ზიზრაზე მუნით აზატმან წყლულთა კირს ქვერად იგება,
ისრით ნაკრავსა სჯეროდა კვლა ლახვარს გულს ნუ იგება,
თვალთა ნუ იღენ ცვარებსა იგვე დღე შენდა იგება.

Его же: „დასაწყისის მქონე სქმუნავ სოფლისთა მომკლეს მანათა,
ვის მისცნა გაუმწარებლად შეგებანი ან ცხრა მანათა,
ისწავენ გაქესვე დასასრულ, დაგიშონ ოქრო მანათა,
თლილა სპეკალთ დღეს შენ ოხრება ხვალ მე მომცნა მანათა.

„ჩემ მცირისა ალექსის ძის დავითისაგან ესრეთ მორვეგხსენნესთ მკითხველთა:
ამისა კითხვა ჩემგან ვიცი, რომენ სათანმდებო არაა, არმცა აღწერა, მარა სევდიანი
საწოლთა ესჯე, ნუგეშთაგან ყოლე მოკლებული. სოფელსა არ ვემდუროდი, მარა
უბრალოდ დასჯასა ჩემსა ვკვიროდი... და ესდენტა კირთა განმრავლებამან საპყრო-
აილეთაგან შემდგომად გამოსვლამან ესე აღმაწერინა. ცუდად ჯდომას ცუდი შრომა
ვარჩიეო. სრულ იქმნა ძალითა ღვთისათა თთვესა თებერვალსა, რიცხუსა 4, წელსა
სიტყუსა ღვთისა 1782. მაღალ-კეთილზოგილი ალექსის ქე რეპტორი დავით,
მხედრული ხელი საუცხოვოა.

X. Миріани, повѣсть XIX в., писанная на бумагѣ in 4°; на переплетѣ:
„წიგნი ესე ეკუთვნის ვიკტორ ლეტელიეს“.

Начало: „აქ ამბავი პირველი, თავი დასაწყისი ჩინეთის ხელმწიფისა, ამა წიგნსა
ეწოდების მირიანი“. დასასრული: „ქორწილი მირისა და ნომ აკთამბისა“. Приписка:
„აღიწერა წიგნი მირისა და ნომისა ქკს უნც“ (1760 წ.). თავში სხვა წელით ლექსი:

„გიწერს ბრძესი შვენიერად უმსგავსოსა საქმეს მოკლედ
რას მაშიყობ ვისსა მეცნი მბრძნობენ ძველსა პროკლად
ტრფიალების მდრანჯველობით ყვაფი ვარდზედ ნუხარ პროკლად
და შვენებრ მსგავსთა ელატიცე მათთა ბაგეთ იყავ მლოკლად.

XI. Бараміани, писано на бумагѣ, in 4°, 83 л. Начало: „კარი პირველი დასაწყისი ჯონშერ ჩინელთ მეფის ამბავნი, რომელსაზედან იწყებს მიჯნურობა გული-ჯანისა და ბარამ ქაბუკისა. ისმენდინ მეფეთ მეფეო! ცხოვნი უკუნისამდე. უხმობენ წიგნსა ამას ბარამიანად.

არსებით ფხადი ერთუფლად სამსახედ გვაშვენებასა,
მამისა მიერ მესადა, ეგრეთ სულისა თნებასა,
გვამებით შეურევნელსა, ხორცთ შესხმით ბრწყინვალებასა,
ვმადლობდეთ მარგედ სულისა, მიწანი ვასხამთ ქებასა.

За прославліемъ Творца неба и земли «Бараміани» передаетъ: იყო ჩინეთში უძეო ბრძენი და მდიდარი ჯონშერ, რომელსაც ჰყავდა ასული მშვენიერი გულიჯა. ამ ქალის და ბარამ ქირმანელის გამიჯნურება შეადგენს შინაარსს „ბარამიანისას“.

ამ ამბისა ქართულად მთარგმნელმ კაცმა ქებულმა,
ესე დაგვიღო ჩვენ ვჰპოვეთ აქა და იქი რებულმა.

Герои—Барамъ и Гулиджа охарактеризованы, какъ у Руставели Таріель и Н.-Дареджана. „აწ გითხრა ბარამ პირადმზე, ქაბუკად სახელდებული“... „მისი სახელი გულიჯან კეკლუცად ჰქონდა ჰშვენება, მთვარესა მისი სინათლე თუ მისცემოდა—ენება. ნატრიდის სხივთა ეთერი მზემან დაეწყის ქენება და ვარსკვლავთა მხეველ მონობით, მათ მასგან უნდა ხსენება“. Подражаніе Руставели видно изъ слѣдующаго мѣста: „ბარამ ძე ჰყვანდა მეფესა, იგი მუბრძოლთა მზარავი; მას მისცა სპასალარობა...“, напоминающее встрѣчу съ Нестанъ-Дареджаной: „ქარმან კუბოდგან ახადა ფარი... გამობრწყინდა ბნელსა მთვარე... ერთმანეთი შეიყვარეს“. გმირი საწოლსა იყო სევდიანი, როცა მასთან მოვა წერილით ქალი და ეტყვის. „ჰკიდრა მზემან შენმან გამომგზავნა“. Письмо Гулиджаны къ возлюбленному начинается: „მოგიწერო თვალთა ნათელო, ლომო ლომთანა ნარეო“... На многословное длинное письмо отвѣчаетъ Барамъ: „სე ცისა ეტლთა მფლობელო, მზისაგან უფრო მზეოდა... სიმოთხისა წალკატო, მთვირეო მაშვენებელი... მებრძანა ნუხარ მოღრუბლით, აწ მზისა იქმენ მნახავი“... Письмо запечатано и послано. При встрѣчѣ: „დასდნენ ქალუმანი ვითა ვთქვა მათ ორთა მზეთა სარობა“. После объятій герой возвращается домой. Узнаетъ отецъ дѣвицы, и Барамъ скрывается въ пустыни. Гулиджана въ горѣ; ее утѣшаетъ мать. Барамъ же скитается въ полѣ: „დლისა მზეს ეაჯება, ღამე აღხენდის მთვარეო“; а въ подражаніе Руставели: „აქა ბარამისაგან მნათობთა საუბარი“. დასახელებულია მზე—ეტლი მეფობისა, მთვარე—ეტლი მოგზაურთა, ცისკარი—ეტლი სნეულთა კურნებად, ოტარიდი—არს ეტლმად წიგნო-

ბართათვის, მარხი — მხედართათვის, მუშთარ — ვაზირთა, ზუალ — (აფროდიტა) სამუ-
შაკოთა. ბალში „ზმრდახანისა“ იგი ემუსაითება ბულბულს საყვარლის მუხტლობაზე.
Барамъ отправляется въ Балхъ, гдѣ встрѣчается съ Молодомъ, военачаль-
никомъ царя Балхскаго. Молодъ сочувствуетъ отъ страсти поблѣднѣвшему
Бараму, пишетъ письмо царю Нариману съ восхваленіемъ красоты Барама
и съ просьбой разрѣшить представить еро царю. Согласно отвѣту Барамъ
является къ царю, котораго онъ приводитъ въ восхищеніе краснорѣчіемъ
и изяществомъ. Съ помощью Наримана идетъ онъ въ Китай въ поискахъ
за возлюбленной. Отъ Барзамана по пути узнаетъ о смерти отца Гули-
джаны, отказывающейся въ горести отъ трона. Барамъ и Нариманъ всту-
паютъ въ царство Гулиджаны, и все кончается свадьбой. Нариманъ воз-
вращается. Гулиджана умираетъ. „დასრულდი წიგნი ესე ბარამიანი და იქმნა
მიჯნურთა ამბავი ლექსი 812, რომელმან გავლექსე თვეს სამსა და დავწერე დღეში
რვეული ერთი და მისთვის ვერა რაი კაი ხელი. ამბათ ქებას ცალკე უნდა წაიკითხდეთ“.
„დასრულდა გავლექსვა აპრილის გასულს ქქს უიდ (1726). ეს ბარამიანი მე ალექსის
ქემ დავითმა გავმართე ქქს უოვ (1788), თიბმთვის 0 (9). „კალმად ფრთა მქონდა
და ქალაღს და მელანს თქვენც ხედავთ, ამისთვის კაი ხელი ვერ მომივიდა“. Изъ
приписки видно, что Бараміани обращался въ прозѣ, и кто-то (Нодаръ?) ее
переложилъ въ стихи. На первой страницѣ приводятся слова Саввы
Капланшвили:

აღმას ბასრი გალესილი დავჰკარ ენათ კაიმით ზმანათა,
ცე თვით იტყვეს კმარის ლმობა, მის ნათქვამთა ორპირ თქმათა,
ყამად რას სთხოვთ, ტვირთს უმძიმებთ ფუცვით ქმნილთა ლისთა ყრმათა,
შლის ჩირთს ცაშლით წვიმით, ქეხით, ხეხმალ ჯირკთა ჰამის ხმათა.

Затѣмъ приводятся нецензурные стихи Давида-ректора съ припиской:
„ეს ცუდი ლექსია... ხუმრობაა“.

XII. Трагедія Альзира, пер. А. Чавчавадзе; писана на бумагѣ крас-
ными чернилами на 35 л.: „წიგნი ესე ეკუთვნის ვიქტორ ლეითელიეს“. „აღზირა
ანუ ამერიკელი ტრადედია“. მოქმედება პირველი. ა. ალვარ და გუსმან. **ალვარ**:
მადრიტის უზენაესმა მართველობასა აწ შენდა ურწმუნთების მოადგილობაჲ ჩემი,
საყვარელო შვილო“ და სხვა. Языкъ поэтическій, выразительный, но съ при-
знаками руссизма: „ღეშპანელი, კმუნვა სახესა მისსა ზედა გამოწერილიყო“. Съ
точки зрѣнія орфографіи, отмѣтимъ: არისკებენ, გარნა, რაჲ, თქუენ, ტვრთი.

XIII. Грамматика „**ლრაშხატიკა**“, 52 л., 19 — 51 на бѣлой бумагѣ и
остальные на сѣрой. (Ср. № 7 bis.)

XIV. Введеніе въ философію, каталокиза Антонія I, на сѣрой бу-
магѣ in 4°, хуцури и мхედрули, на 75 л. Начало: „წინასიტყვაობა ფილოსო-“

ფიქსათვის და ნაწილთა მისთა“. როდენ არს ცნობა კაცობრივი? „სამგვარი: ისტორიები, ფილოსოფიები და მატემატიკები. პირველი გვიჩვენებს საქმეთა ნივთა და მყოფთა; მეორე — მიზეზს და შესამე — ზომას. ფილოსოფია იყოფა ორ ნაწილად პრაქტიკული და თეორეტიკული. უკანასკნელს ეკუთვნიან: ფიზიკა, მეტაფიზიკა (ონტოლოგია, კოსმოლოგია, ფსიხოლოგია, დეისმეტყველება). პრაქტიკულს ფილოსოფიას შეადგენენ: საზოგადოა ზედა საქმითა (sociologia), ეტიკა, პოლიტიკა, უფლება. Авторъ обзрѣваетъ логику. Глава 1 посвящена анализу идеи (ქეზმარტების გამოაშკარავება „ანუ მოგონება“); 2 глава о сочетаніи буквъ въ словахъ. „ხმარებისათვის ლექსთა სიტყვათა შინა“. ხმარება სიტყვათა მეტათორიულად ანუ სიტყვათ აზრის შეცვლით; 3 глава о терминахъ: საზღვარს შინა საჭირო არს: „ნათესავი“ (უთუოდ genus) და სხვაობა სახეთა (разумѣтъ, очевидно, species); 4 гл.— раздѣленіе (განაწილება ყოვლადის კრძთა თვისთა ზედა); 5 гл.— сужденіе и предложеніе მოქმედებისათვის — გონების; 6 гл (უმო-заключеніе) და სილოგიზმთა და აგრეთვე მათთვის, რომელნიცა უსაშალოდ იწოდებიან“. Здѣсь же приводятся дилеммы и виды силлогизмовъ. Кончается 1 ч.: „დასასრული I ნაწილისა“.

XV. Грамматика царевича Давида Георгиевича; писана in 4° на сѣрой бумагѣ, 81 л, въ переплетѣ. (Приписка 21 Janvier 1897.) „ღრამმატიკაჲ ესე ვინაითგან არს ქართულსა ენასა შინა უჩიულესი (très bonne), ამისათვის უძღვნი დიდებულსა პარიჟის ყდ ბრძნის მეზიელ საზოგადოებას, რათა წევრნი მისნი ქართულსა ენასა მეცნიერნი სარგებლობდენ ამით. უპატივცემულესად სრულიად ზემოესა საქართველოესა და სხვათა. **მეზის გიორგმათცამთი მე თიიმურაზჲ**“. Пожертвована Париж.-Азіатскому Общ-ву царевичемъ Теймуразомъ Георгиевичемъ.

Алфавитомъ хуцури сдѣлано посвященіе царевичемъ Давидомъ царю Ираклію II. „ღვითის მიერ დავითიან-პანკრატოვან ირაკლი მეორის პირმშო ძის გიორგის პირმშო ძისაგან ხელხებაჲ წ. ჩლე, ხოლო ქართულსა ზედა უჲს, (1770 გ.) სამეფოესა ქალაქსა ტფილისს“. На 3 и 4 стр.: მისს „უმალღესობას სრულიად ზემოესა საქართველოს მეფეს მეორესა ერაკლის ყდ უმალღესს და უმოწყალესს ხელმწიფეს. ვინაითგან კმაჲ მიზეზი შრომისა ჩემისა ესე არს, რათა კარისა მიმართ სიბრძნისა იყოსმცა გზაჲ სლვისა ჩვენისა, ამის გამო აღმძრა ერთგულებით მან სიყვარულმან თქვენმან და ერისა თქვენისა, ვინაითგან მოუცალება, რათამც ფილოსოფიით იყვნენ შემცნებულ. ამის გამო ვჰყავ შრომაჲ, შემოვიხვენ ადვილ გასაგონი ესე ძველთა და ახალთა ღრამ-მატიკათა კითხვა მიგებთი მცირი ესე წიგნი, რომელ არს გზაჲ სიბრძნისა, გიბა კლიტე მეცნიერებისა... უკეთუ ჰპოვოთ რაჲმე შეცოდებაჲ, მაქვს იმედი მოტევიებისა. **უმდა-გლესი მონა დავითი**.

Начало: „კითხვა. რა არს ღრამატიკა? Что есть грамматика? მიგება. ღრამ-მატიკა არს შემძლებლობა მართლ უბნობისა და წესიერად წერისა“. Вліяніе католика

Антонія замѣтно въ стилѣ: „თვის განყოფილების; თვის კავშირისა“. Въ грамматикѣ этой признается 8 падежей: წრფელობითი, ნათესაობითი, მიცემითი, შემასმენლობითი, დაწყებითი, მოთხრობითი, მოქმედებითი, წოდებითი. Въ началѣ авторъ говоритъ о звукахъ и буквкахъ, ბგერათა და ასოთა; затѣмъ переходитъ къ этимологii и синтаксису. Въ концѣ нѣсколько данныхъ изъ Порфирiя ხუთი მარტივი ბგერა პორფირი ფანიკიელიდან (?).

XVI. Отрывки изъ исторii Грузii, на бумагѣ in 8°, въ переплетѣ, писанные въ 1832 г. царев. Теймуразомъ въ отвѣтъ на вопросъ Броссе, члена Парижскаго Азiатскаго общества. „შემოკლებული მოთხრობა, გამოკრებილი უწინარეს მდგომარეობისა ამის საუკუნისა აღმწერელთაგან საქართველომასა ისტორიათასა“. Введение: ფრანციელთა ერთა დიდებულისა სამეფუფოსა ქალაქისა პარიჟის ყოვლად ბრძნის მეაზიელის მიმართ საზოგადოებისა მიიძღვანების შრომილი ესე სახსოვრად საზოგადოებისა მის და პატივისცემისათვის ღირს შესახებულისა სიბრძნის მოყვარებისა მათისა... ხელეყავ სრულყოფად წიგნისა ამის წ. ქრის. 1832 მიხეზითა იმისა წელსა შინა მოწერილისა ჩემდა მომართ და უწყებისა უფ. ბროსეტის მიერ მეაზიელისა საზოგადოების წევრისა, რომელიცა არს მეცნიერ ქართულისა ენისა... პარველი კითხვა ჩემდამი მომართ იყო ესე: ვითარმედ რაოდენნი მეფენი იყვნენ საქართველოსანი, რომელთაც ეწოდათ გიორგი და რომელსა ეამსა. და კითხვა მეორე, რომელ ვახტანგ ქართლისა მეფე ლიონისა ძეა მერაოდენე არს ვახტანგ გვაუწყეთო, რადგან მეაზიელ. საზოგად. წევრთა მოყვარეთა ისტორიათა გამოძიების საერისთო უწყებაჲ ამისი. ამისთვის ხელეყავ წერად შესაძენებელთა ამათ, თუმცა ისტორია საქართვ. არა სრულიად აღწერილ არს წიგნსა ამას შინა. ვსასოებ უბრძნესისა მგსაგან საზოგადოებისა, რომელ შრომილსა ამას ჩემსა არ უგულვებელს ჰყოფს, არამედ შეიწირავს... რაჲცა შეეხების ისტორიასა, ქეშმარიტებით გარწმუნებთ ამას, რომელ არც ერთი სიტყუაჲ მომატებულ არს, განა დაკლებულ ჩემ მიერ, ყოველივე გამოძიებთა დიდისა შრომითა უღრმესიც პატივისცემითა... **მეზის ზიორგის მე თიიმურაზ.** აღიწერა სამეფუფოსა ქალაქსა შინა სანკტპეტერბურგსა“.

XVII. Въ библиотекѣ не имѣется.

XVIII. На пергаментѣ in 8°, 138 л., писаны мелкимъ хуцури, безъ начала и конца, пѣснопѣнiя за мартъ.

XIX. Пѣснопѣнiя въ честь святыхъ за iюль, писаны на пергаментѣ in 4° мелкимъ хуцури. Нѣтъ начала и конца.

XX. Пѣснопѣнiя, писанныя на пергаментѣ хуцури.

XXI. Толкованiя на евангелiя, на пергаментѣ, писаны на 178 л. хуцури. Нѣтъ начала и конца.

XXII. Письмо царя Соломона къ папѣ Пiю VI: „მათს უწმინდესობას პიო პაპს შეექვსეს. (Alla Santita di Pio PP. VI) უწმინდესისა და უნეტარესისა წმიდათა მოციქულთა ყოვლისა ქრისტიანობისა განმანბთლებელთა პეტრესა და პავლესა დიდსა საყდართა და პატროსანსა ეკკლესიასა ზედა მჯდომარესა დიდისა ქალაქისა“

რომისა მპყრობელ განმგესა ყოვლისა დიდებითა აღსავსეს უფალს ბატონს. ჩვენ მაგათი ეამ მარად სამსახურისა და კარგად ბრძანების წადიერ სრულიად იმერეთის მეფე სოლომონ წმინდას მარჯვენას ხელს მოხვევას მოვახსენებთ, ვიკითხავთ მაგათს უწმინდესობის მშვიდობის ამბავს, ვთხოვთ უფლისა ჩვენი სახლის ქრისტესაგან გვეუწყოს. ამას მოვახსენებთ მათს უწმინდესობას ჩვენ და ჩვენი ქვეყანა ყოველთვის ბრძოლით ურჯულთაგან დიად შეიწროებულა, რათა მოხედოთ. სხვას ამას მოვახსენებთ — ვედრებას ყოფთ წინაშე მათსა, ორი აქიმა ასრეთი გვიწყალობოთ ყოვლის სასწეულებისა ოსტატობით სრული იყოს თავისის წამლებით და რიგით სტომპის სწეულების, თიპრის ჩამოსვლის თუ ჩამოუსვლელის კარგად იცოდეს. თქვენეულად თქვენ რომ გვეადრებათ ერთი სათიკ კარგი გვიბოძეთ, ბატონო. აღიწერა თვესა აგვისტოსა კე, ქკს უჯ. Печать Соломона на пакетѣ: „მის უწმინდესობას უფალს ბატონს პიო პაპს მეექვსეს მიერთვას ეს წიგნი“.

XXIII. (ოცდამესამე). Образцы писемъ почеркомъ мхедрули съ замѣткой Броссе, разсмотрѣвшаго въ Петербургѣ по порученію Национальной бібліотеки მიწერ-მოწერისა ნიმუშები. Письма in folio 1638—1730 гг. лицъ духовныхъ, царя Вахтанга VI и членовъ его семьи. Одно письмо принадлежитъ имеретинскому царю Александру III, адресованное къ царю Ростомѣ о Мамукѣ, ослѣпленномъ Леваномъ Дадіани (+1594). № 55, письмо султана Мурада II. Приводятся письма (№ 54 и др.) цар. Маріи, супруги Ростома, къ персидскому министру о смерти царя (1658). По языку письма образцовы. Отмѣчено, кто, кому и когда пишетъ. „ეს სამძიმარი ცოლი რომ მოუკვდეს საპატიო კაცის შვილის მისის ამხანაგის კაცის ცოლისაგან მიეწერების“... „თავადებისაგან ეფისკოპოზს მიეწერების. ბატონს — ანუ ბატონიშვილს. ქართველს მეფეს და კახს ბატონს დარბაისლისაგან მიეწერების“.

XXIV. „Вепхисъ-ткаосани“, печатный и писанный алфавитомъ мхедрули 1712 г. „ვეფხის ტყაოსანი აწ ახალი დაბეჭდილ ქართულსა ენასა ზედა ამღლებულისა საქართველოს მპყრობელისათა, წარსაგებლითა მისივე მპყრობელისათა უფლისა ვახტანგისასა, შრომითა წარსაგებლითა მისივე მპყრობილისათა გაიმართა ხელითა ხელმწიფის კარის დეკანოზის შვილის მიქელისათა ქალაქსა ტფილისს ქრ. აქეთ ჩლიბ. Затѣмъ въ стихахъ сообщается о генеалогіи грузинскихъ царей отъ пророка Давида, наконецъ, о Вахтангѣ, выписавшемъ типографщиковъ изъ Валахіи.

Начало: „რომელმან შეჰქმნა სამყარო“. Приписка: „გურულის ასულის თუთასათვის სალხინებლად სულისა ჩემისა“.

Печатный текстъ начинается съ 483 строфы и мѣстами вставлены строфы рукою до 517; отсюда до 1082 строфы все въ печатномъ видѣ; затѣмъ опять перемѣшано. Замѣтки ц. Вахтанга въ концѣ приводятся.

XXV. Нравственное богословіе, писанное на пергаментѣ in 8°, въ переплетѣ, въ вопросахъ и отвѣтахъ. Въ концѣ приводится толкованіе литургіи.

Протоколы засѣданій Восточной Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

№ 100. Протоколь засѣданія Восточной Коммисіи 2-го ноября 1907 г., подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: Г. А. Халатьянца, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, А. С. Хаханова, В. А. Гордлевскаго, М. О. Аттаи, мирзы Абдуллы Гаффарова, О. Е. Корша, референта М. О. Достоевскаго, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ — Зорина, Никитина, Милокова, Удинцова, Радугина, Бакулина, Щербины, Ребрика, Худояръ-хана, при секретарѣ Восточной коммисіи А. Е. Крымскомъ.

- 1) Читанъ и подписанъ протоколь предшествовавшаго засѣданія.
- 2) Предсѣдатель передалъ въ бібліотеку Общества свои работы:
  - а) «Татскіе этюды» (М. 1907), б) Beiträge zur ossetischen Etymologie (отг. изъ Indogerm. Forschungen, 1907, Bd. XXI, p. 323 — 334) и в) «Кавказское языковѣдѣніе и этнографія» (отг. изъ «Этногр. Обзорнія»).

3) Имъ же сдѣлано сообщеніе про работы Дирра и Гляйе объ отношеніи кавказскихъ языковъ къ другимъ семьямъ (семитской, хамитской, индоевропейской), въ томъ числѣ — сѣв. кавказскихъ языковъ къ клинописному Ванскому (урарту), равно какъ о сближеніи языка современныхъ африканскихъ берберовъ съ баскскимъ. Статьи помѣщены въ 37-омъ томѣ «Сборника матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа», 1907. Докладчикъ, указавши на нѣкоторыя несомнѣнныя натяжки въ сближеніяхъ и на трудность сравнивать старыя ванскія языки съ какимъ-нибудь современнымъ языкомъ, формы котораго за тысячелѣтія не могли существенно не измѣниться, подчеркнул однако несомнѣнный интересъ вопросовъ, затронутыхъ Дирромъ и Гляйе.

О. Е. Коршъ тоже указалъ много методическихъ промаховъ въ обѣихъ работахъ.

4) Г. А. Халатьянецъ прочиталъ некрологъ патріарха-католика Мкртчя Хримьяна и указалъ его заслуги въ поощреніи археологіи.

Память покойнаго была почтена вставаніемъ.

5) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ сообщилъ о старинныхъ, найденныхъ имъ, отрывкахъ армянскихъ евангелій и Библии. Первый отрывокъ отнесенъ имъ къ X—XI в., второй — къ XII—XIII в. ¹⁾

Г. А. Халатъянцъ съ своей стороны призналъ даты, установленныя Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ, за правильныя.

6) М. Ө. Достоевскій далъ очеркъ Гелинджика на Кавказскомъ побережьи и сообщилъ о своихъ раскопкахъ въ Гелинджикѣ. Эта вторая часть сообщенія сводится къ слѣдующему:

«Посѣщая въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ Гелинджикъ, я еще въ прошломъ году обратилъ вниманіе на ряды небольшихъ холмовъ, покрывающихъ застраиваемую часть Гелинджика, гдѣ теперь воздвигаются дачи. Слыша съ одной стороны фантастическіе рассказы о скрытыхъ подъ этими холмами могилахъ, относящихся якобы къ III вѣку до Р. Х., и побуждаемый съ другой стороны громаднымъ интересомъ къ предмету, я въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ этого года приступилъ къ раскопкамъ, не имѣя къ сожалѣнію въ своемъ распоряженіи ни достаточнаго количества времени, ни установленнаго на раскопки разрѣшенія, не обладая въ достаточной мѣрѣ ни инструментами, ни руками рабочихъ. Несмотря на это, мною было раскопано 19 могилъ. Расположены они въ безпорядкѣ на довольно большомъ пространствѣ, частью на землѣ дачевладѣльцевъ, частью на казенной, въ мѣстахъ прохожденія будущихъ улицъ. Сколько ихъ числомъ, въ точности сказать невозможно. По приблизительному подсчету число ихъ доходитъ до 100—120, и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ранѣе цифра эта была несравненно болѣе. Общая картина кладбища такова: Наблюдатель видитъ передъ собою ряды кургановъ, сплошь заросшихъ дубами и другими древесными породами. Узнать могилу можно по спеціальному звуку, получаемому, если сильно ударить камнемъ о каменную гряду, окружающую курганы и называемую «обкладкой». Удаливъ съ кургана деревья, мы будемъ имѣть передъ собою холмъ окруженностью отъ 9—14 сажень, съ высотой холма равной 1½—2 саж. Срывъ курганъ до основанія, мы увидимъ упомянутую каменную «обкладку», состоящую изъ каменныхъ плитъ въ нѣсколько (3) рядовъ, расположенныхъ такимъ образомъ, что часть одной плиты закрываетъ часть другой; получается такимъ образомъ нѣкоторое подобіе рыбьей чешуи. На плиткахъ, составляющихъ обкладку, нѣтъ ни надписей, ни рисунковъ. Укажу здѣсь на одну очень интересную подробность, что нѣкоторые курганы съ сѣверной своей стороны не имѣютъ обкладки. Выяснить причину ея отсутствія мнѣ не удалось. Въ каждомъ курганѣ непременно находятся 3 могилы; онѣ расположены обязательно на югъ, востокъ и

¹⁾ Сообщеніе Х. И. Кучукъ-Іоаннесова печатается въ нынѣшнемъ выпускѣ «Древностей Восточныхъ».

западъ, отнюдь не на сѣверъ, и представляютъ изъ себя прямоугольный каменный сводикъ, часто безъ каменнаго дна—со дномъ, которое выложено цементомъ или известкой. Встрѣчаются также могилы неправильной формы, въ силу естественныхъ условій. Сверху—могилы закрыты каменными плитами, иногда цѣльными, иногда состоящими изъ 2-хъ отдѣльныхъ частей. Большинство могилъ затянута землей, чѣмъ мы обязаны проникновенію подпочвенныхъ водъ, идущихъ съ горъ. Незатянутыя могилы встрѣчаются крайне рѣдко. Само собою разумѣется, если могила затянута, тогда въ ней ничего цѣльнаго найти не удастся. Длина могилъ колеблется отъ $2\frac{3}{4}$ до 3 арш. 6 вершк. Ширина въ головахъ меньше аршина, въ ногахъ еще уже, глубина вершковъ 12. Естественно, что плиты, закрывающія могилы, длиннѣе и шире послѣднихъ; длина ихъ доходитъ до 4 арш. 2 верш., ширина 1 арш., 2 верш. при толщинѣ плиты равной 3 вершкамъ.

«Могилы по характеру своему можно раздѣлить на 2 группы, изъ которыхъ первую составляютъ очевидно могилы людей или богатыхъ, или болѣе или менѣе зажиточныхъ. Въ такихъ могилахъ находятся только 2 трупа; вторую группу составляютъ люди бѣдные, и ихъ по всей вѣроятности клали въ одну «общую» могилу по нѣсколько человекъ. Внутренность могилы видна тотчасъ же по снятіи плиты. Мы не знаемъ, какимъ образомъ черкесы клали въ гробъ покойника; съ вѣроятностію можемъ предположить правильное положеніе трупа, вверхъ лицомъ, со сложенными на груди, или опущенными руками; но въ моментъ снятія плиты мы видимъ, что, при правильномъ положеніи ногъ до тазоваго сустава, грудная клѣтка сильно вывернута къ западу, и туда же смотритъ лицо. Мужской (болѣе крупный) черепъ лежитъ всегда на востокъ, женскій (болѣе мелкій) на западъ. Не могу обойти молчаніемъ тотъ фактъ, что черепа были настолько хрупки, что рассыпались въ мелкія части при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ воздуха, и мнѣ съ большимъ трудомъ удалось сохранить только часть верхнечелюстной кости. Трупы клались на высотѣ 5 вершковъ, считая сверху стѣнки гроба. Длина уцѣлѣвшаго костяка различна, отъ 2 арш. 6 верш. до 2 арш. 11 верш. Длина черепа отъ *os parietale* (теменной кости) до *mandibula* (нижняя челюсть) $6\frac{1}{2}$ вершковъ. Подъ костякомъ были найдены различныя вещи: подъ женскимъ черепомъ встрѣчаются кадилницы, остатки ножницъ, примитивной конструкціи, зеркала, плохо впрочемъ сохранившіяся, металлическія кольца, пряжки и бусы. Здѣсь на ряду съ первобытными гончарными издѣліями можно встрѣтить бусинки изъ хорошо выточеннаго сердолика. Около трупа мужчины были находимы удила, копыя, стрѣлы, иглы, мушкетуки, наконечники, мечи. Подъ лѣвой ключицей мужчины находятся всегда кувшины, кружки и обломки примитивной посуды. Число кувшиновъ въ могилахъ обязательно 2, различной величины, вмѣстимостью отъ двухъ бутылокъ и болѣе. Одинъ изъ нихъ предназначался для

вина, другой для пищи покойнику? я нашелъ въ одномъ изъ такихъ кувшиновъ комья земли, перемѣшанные съ рыбными костями. Миѣ между прочимъ передавали, что одинъ изъ коренныхъ гелинджикскихъ жителей г. Сырокомскій владѣеть двумя кувшинами очень внушительной величины, чуть ли не въ три ведра вмѣстимостью каждый. По слухамъ г. Сырокомскій намѣренъ основать, на мѣстѣ существованія кладбища, музей всѣхъ находокъ на почвѣ Гелинджика, куда предполагаетъ препроводить и означенные выше кувшины.

«Въ концѣ этого сообщенія позволю себѣ обратить вниманіе на безпощадное и вандалское разрытіе и опустошеніе могилъ, всѣми и каждымъ, начиная съ любознательныхъ дачниковъ, кончая землевладѣльцами, на землѣ которыхъ попадаются могилы. Хозяева-собственники могилъ, уничтожая безжалостно содержимое послѣднихъ, утилизируютъ каменные плиты гробницъ и обкладки, для мощенія дорожекъ и различныхъ площадокъ передъ своими дачами. Ясно, что если эти могилы имѣютъ археологическій интересъ, то слѣдуетъ приложить всѣ усилія, чтобы оградить ихъ отъ подобнаго разрушенія и принять соотвѣтствующія мѣры къ возможно скорѣйшему болѣе детальному ихъ изученію».

Въ заключеніе М. Ѳ. Достоевскій указалъ, что въ исторической части своего сообщенія онъ пользовался слѣдующей литературой:

1) Воейковъ, Пастернацкій и Сергѣевъ. Черноморское побережье (Труды I всероссійскаго съѣзда дѣятелей по климатологіи, гидрологіи и бальнеологіи, томъ I, 1899 г.).

2) Проф. Красновъ: Статьи (Книжки «Недѣли» за 1900 г. № 1, 2, 5, 8, и 1901 г. № 1, и Кавказскій Вѣстникъ 1901 г. № 1).

3) Берже: «Русская Старина» 1882 г. № 5.

4) Филипсонъ и Берже: Воспоминанія, «Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 году». Русская Старина 1884 г. № 8.

5) Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904 годъ (изъ «Кіевской Старины»).

На сообщеніе М. Ѳ. Достоевскаго рядъ замѣчаній сдѣланъ былъ В. Ѳ. Миллеромъ. По мнѣнію В. Ѳ. Миллера, вещи, выкопанныя г. Достоевскимъ, относятся къ X—XI в. Длина сабли не необычная, какъ кажется г. Достоевскому, а нормальная.

№ 101. Засѣданіе 31-го Января 1908 года, подъ предсѣдательствомъ В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи членовъ: Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, С. Н. Тэръ-Саргсянца, М. О. Атнап, Г. А. Халатьянца и А. С. Хаханова. Въ качествѣ гостей присутствовали: В. В. Даниловъ, г. Удинцовъ, а такъ-же студенты Лазаревскаго Института: гг. Достоевскій, Рафальскій и Ребрикъ. По случаю болѣзни секретаря, обязанности его исполнялъ членъ Комиссіи В. А. Гордлевскій.

1. А. С. Хахановъ принесъ въ даръ библиотекѣ Московскаго Археологическаго Общества книгу: „Изъ воспоминаній русскаго учителя православной грузинской духовной семинаріи“ Москва, 1908 г.
2. Л. З. Мсеріанцъ прочелъ рефератъ: „Изъ исторіи ориенталистики въ Россіи (матеріалы для біографіи П. Я. Петрова)“. Авторъ задался цѣлью написать, на основаніи архивнаго матеріала и воспоминаній учениковъ, трудъ о жизни и научной дѣятельности проф. П. Я. Петрова, создавшаго въ Московскомъ университетѣ кафедру санскритовѣдѣнія. Л. З. Мсеріанцомъ предприняты обширныя розысканія въ различныхъ архивахъ Москвы и Петербурга. На первый разъ Л. З. Мсеріанцъ познакомилъ слушателей (попутно набросавъ біографію) съ двумя архивными документами, въ которыхъ выпукло сказалось отношеніе русскаго ученаго міра къ Петрову. Когда въ 1837 году зашла рѣчь объ отправленіи Петрова за границу, министръ народнаго просвѣщенія (впослѣдствіи графъ) С. С. Уваровъ поручилъ Академіи наукъ высказаться по этому поводу. Отвѣтная записка академикомъ Гreve и Шмидта, представленная министру въ неуклюжемъ русскомъ переводѣ (протоколы Академіи велись тогда, какъ извѣстно, по-нѣмецки), проникнута теплымъ благожелательствомъ къ молодому ученому. Она заключаетъ въ себѣ крупный интересъ, такъ какъ вскрываетъ планъ его заграничныхъ занятій, которыя должны были захватывать различныя научныя дисциплины. Во время своей заграничной командировки Петровъ предполагалъ заняться: 1) изученіемъ современныхъ индійскихъ діалектовъ, 2) исторіей Кашмира, и 3) составить санскритскую хрестоматію изъ буддійскихъ и брахманскихъ произведеній, съ глоссаріемъ. Такимъ образомъ, занятія санскритомъ, подъ руководствомъ Боппа, стояли на первомъ мѣстѣ. Но кромѣ того, для занятій восточными языками инструкція должна была быть начертана акад. Френомъ. Заканчивая свой отзывъ о Петровѣ, успѣвшемъ къ тому времени зарекомендовать себя дѣльнымъ работникомъ, академики отказываются вообще отъ всякихъ регламентацій, такъ какъ „нельзя“, говорятъ они, „связывать полетъ юнаго ума, если онъ принялъ хорошее направленіе“. Такъ встрѣтила Академія наукъ Петрова на зарѣ его ученой дѣятельности. И по возвращеніи изъ-за границы вниманіе къ нему выразилось въ желаніи избрать его въ свою среду на кресло акад. Ленца; но Петровъ самъ разстроилъ этотъ планъ, когда изъ самолюбія отказался сдавать повѣрочный экзаменъ передъ академикомъ, среди которыхъ не было спеціалиста санскритолога.—Второй документъ, извлеченный изъ протоколовъ С.-Петербургскаго университета, рисуетъ исторію присужденія (въ 1864 году) Петрову степени доктора honoris causa. Записка о научныхъ трудахъ Петрова, поданная въ Восточный Факультетъ, была составлена проф. Григорьевымъ и подписана нѣсколькими ориенталистами. Авторъ записки сперва отмѣчаетъ скромность Петрова, далекаго отъ какихъ-бы то ни было искательства. На его товари-

щахъ лежить, стало-быть, обязанность оцѣнить и поощрить «русскаго Меццофанти», неутомимаго въ своей страсти къ изученію языковъ. Совѣтъ Университета согласился съ мнѣніемъ Факультета, и Петровъ былъ возведенъ въ почетные доктора.

В. Θ. Миллеръ благодарилъ Л. З. Мсеріанца за его намѣреніе заполнить одну изъ страницъ исторіи ориентализма въ Россіи. Какъ ученикъ покойнаго Петрова, г. Миллеръ напомнилъ, что плоды дѣятельности Петрова у всѣхъ на виду. Онъ привилъ въ Моск. у—тѣ интересъ къ санскриту; подъ его руководствомъ учились Буслаевъ, Бодянский, Герье, Коршъ, Фортунатовъ и т. д. Онъ преподавалъ, сверхъ того, восточные языки: такъ, проф. Миллеръ учился у него персидскому языку, акад. Коршъ—арабскому языку. У него-же одно время (въ 1869 году) занимались арабскимъ языкомъ старшіе гимназисты Лазаревскаго Института. Что касается его преподаванія, то приемы его были элементарны. Хотя Петровъ былъ за границей, когда сравнительное языковѣдѣніе вступало въ новый фазисъ своего развитія, онъ остался въ сторонѣ отъ этого движенія и въ своихъ лекціяхъ обнаруживалъ незнакомство со сравнительной фонетикой. Послѣдніе годы онъ занимался нарѣчіями сѣверной Индіи; характерно такъ-же его отношеніе къ ведійскому языку, который онъ считалъ испорченнымъ.

Писалъ онъ мало: безконечно выправляя и сокращая написанное. Это былъ вообще пріятный старичекъ, но конфузливый. Большая аудиторія всегда его смущала, и онъ старался обыкновенно разгонять слушателей.

З. В. Θ. Миллеръ прочелъ „О нѣкоторыхъ восточныхъ именахъ въ русскихъ былинахъ“¹⁾. Референтъ остановился на половецкихъ отголоскахъ въ русскомъ эпосѣ. Вообще, представленіе о половецкой („поленецкой“) землѣ смутны; настолько смутны, что въ одной былинѣ она смѣшивается со Швеціей. Определенная память о ней сохранилась въ собственныхъ именахъ, въ которыхъ не трудно узнать имена половецкихъ князей. Работа В. Θ. Миллера и сводилась къ изученію отраженій, какіе оставили въ народной памяти ханы: Тугорканъ, Бонякъ Шелудивый и родъ Шарукановъ. Тугорканъ (Тугор, Тугар+кан), извѣстный въ Ипатскомъ спискѣ подъ именемъ Тугорот-кана, уцѣлѣлъ въ былинахъ въ образѣ змѣя Тугарина, съ которымъ борется ростовскій герой Алеша Поповичъ. Мы видимъ, что въ данномъ случаѣ совершился обычный процессъ перехода народнаго врага въ змѣя,—перехода, наблюдавшагося по живымъ слѣдамъ референтомъ на Кавказѣ; при чемъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, время дѣйствія было отодвинуто въ старину, въ эпоху Владиміра

¹⁾ Отчасти, рефератъ вошелъ потомъ въ составъ статьи В. Θ. Миллера: „О нѣкоторыхъ былинныхъ именахъ“—въ Запискахъ Имп. Русскаго Геогр. Общ., 1909, т. XXXIV (юбилейный Потанинскій), стр. 250—256.

Краснаго Солнышка, а мѣсто дѣйствія перенесено изъ Переяславля въ стольный Кіевъ градъ. Родъ Шарукановичей упоминается какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ. Въ Волынской, напр., лѣтописи историческій половецкій ханъ Атракъ, въ русифицированной формѣ Отрокъ, окутанъ легендарной дымкой. Онъ терпитъ пораженіе отъ Владиміра Великаго, который загналъ его на Кавказъ. Поэтическая исторія его жизни на Кавказѣ разсказывается у грузинъ, царь которыхъ Давидъ, женатый на дочери Атрака Шаракавидзе (т. е. Шарукановича), вызвалъ къ себѣ изъ Кипчакетіи половецвъ для борьбы съ сельджуками. (См. Сборникъ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа, т. 22, матер. собран. Джанашивили). Имя другого хана Кончака (м. б. = конджик, кончак (сосѣдь); колчак (чашка для питья) встрѣчается въ еще не изданной былинѣ о Василии-пьяницѣ, гдѣ онъ выступаетъ вмѣстѣ со своимъ зятемъ Артакомъ. Вообще же, это имя искажено и извѣстно въ формахъ Кыршакъ, Лоншекъ и т. д. Можно думать, что память о немъ сохранилась на сѣверѣ въ разсказѣ, записанномъ С. Максимовымъ, о трехъ великанахъ, изъ которыхъ одинъ перебрасывается съ братьями котломъ. Эта подробность тѣмъ болѣе интересна, что о ханѣ Кончакѣ говорится, какъ о силачѣ, носившемъ на плечахъ котель. У Рыбникова упоминается великанъ Шаркъ, борющійся съ Дюкомъ. Это имя соблазняетъ на сближеніе съ Шаруканомъ. О Бонякѣ Шелудивомъ извѣстны малорусскія преданія, послужившія Драгоманову темой для изслѣдованія.

Рефератъ В. О. Миллера, посвященный анализу собственныхъ именъ, попутно далъ живую картину русскихъ былинъ въ ихъ борьбѣ со степью. По выслушаніи реферата, Г. А. Халатьянцъ привелъ нѣсколько эпическихъ параллелей изъ армянскихъ сказаній о Давидѣ Сасунскомъ.

4. А. С. Хахановъ прочелъ „О грузинскихъ рукописяхъ Британскаго Музея“¹⁾. Онъ описалъ рукопись, извѣстную подъ именемъ: „*Vitae patrum ecclesiae Georgianae*“, хотя въ дѣйствительности содержаніе ея шире, такъ какъ она представляетъ сборникъ патристической литературы восточной церкви. Рукопись написана на пергаментѣ, въ двѣ колонны, двумя почерками; изрѣдка встрѣчаются изображенія человѣческихъ фигуръ. Житія святыхъ, пополняющихъ сборникъ, переведены очевидно въ Иерусалимѣ въ лаврѣ св. Савы, по распоряженію духовника Іоанна. Время составленія сборника можно относить къ XI-му вѣку; но пустыя мѣста въ сборникѣ указываютъ, что въ основу былъ положенъ болѣе древній списокъ. Съ лексической стороны сборникъ интересенъ тѣмъ, что здѣсь попадаются армянскія слова; другія иностранныя слова, какъ напр., амба, оставлены безъ пере-

¹⁾ Это сообщеніе А. С. Хаханова издается въ наибѣннемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

вода. Референтъ перевелъ изъ сборника житіе Стефана и Никона; изъ особенностей житія А. С. Хахановъ указалъ на встрѣчающееся испытаніе посредствомъ огня (ордалии).

5. Г. А. Халатьянцъ прочелъ рефератъ „О новопріобрѣтенныхъ армянскихъ рукописяхъ Тюбингенскаго Университета и объ ихъ каталогѣ“. Тюбингенскій Университетъ уже успѣлъ выдвинуть изъ своей среды такихъ арменистовъ, какъ Вельте, Химпеля и Феттера. Благодаря хлопотамъ недавно скончавшагося Феттера Университетъ обогатился крупной коллекціей армянскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ у антиквара Эфмиджіанца въ Тифлисѣ на средства нѣмецкаго фабриканта. Каталогизація произведена проф. Берлинскаго У-та Финкомъ и Ганжечьяномъ. Всего рукописей 104; онѣ распадаются на слѣдующіе отдѣлы: 1) Евангеліе (7 №№), 2) экзегетика (10), 3) богословіе (21) 4) дидактика (13), 5) полемика (8), 6) поэтическія произведенія (7), 7) историческія сочиненія (7), 8) философія, естественныя науки (18) и наконецъ 8) *varia* (въ количествѣ 12 №№). Къ каталогу приложенъ указатель. Изъ рукописей наибольшую цѣнность представляетъ Четвероевангеліе (№ 1) XII вѣка (со списка 899 года), написанное въ Киликійской Арменіи. Замѣчательно, что отсутствуетъ глава Евангелія отъ Іоанна, гдѣ разсказывается о женщинѣ-прелюбодѣйкѣ. Далѣе, референтъ отмѣтилъ № 32, заключающій богослужебный канонъ (Шароканъ), отъ 1316 года. Помимо цѣннаго атласа изданіе сопровождается вводными статьями Финка объ армянской палеографіи, въ которой онъ различаетъ 5 видовъ армянскихъ письменъ, и Стржиговскаго о миниатюрахъ въ Киликійской Арменіи. Стржиговскій доказываетъ, что армянское декоративное искусство стоитъ въ непосредственной связи съ персидскимъ искусствомъ, господствовавшимъ вообще на востокѣ въ средніе вѣка. Возможно, что византіицы познакомились съ нимъ черезъ армянъ и, усовершенствовавъ технику, въ свою очередь передали искусство армянамъ. Коллекція рукописей, на пріобрѣтеніе и изданіе которыхъ затрачено около 10,000 рублей, свидѣтельствуетъ о большомъ интересѣ къ востоку, проявляемомъ въ Германіи какъ учеными, такъ и общественными кругами.

По поводу ухода коллекціи рукописей за границу Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ напомнилъ, что во время нашествій Али-Мохаммеда въ Эчміадзинѣ пропало много рукописей, которыя перешли въ частныя руки и предлагались на продажу, между прочимъ, венеціанскимъ монахамъ.

№ 102. Засѣданіе 5 февраля 1908 г., подъ предсѣдательствомъ В. Ө. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ Н. В. Никитина, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Л. З. Мсеріанца, Г. А. Халатьянца, М. О. Атна, референтовъ: В. В. Данилова и И. Я. Стеллецкаго и многихъ студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, при секретарѣ Восточной комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ двухъ предшествовавшихъ засѣданій.

2) Вл. В. Даниловъ предложилъ некрологъ высокозаслуженнаго ираниста проф. Гюбшмана, у котораго онъ самъ имѣлъ наслажденіе учиться.

Г. Гюбшманнъ.

20-го февраля въ Фрейбургѣ скончался послѣ долгой и тяжелой болѣзни профессоръ сравнительнаго языковѣдѣнія Страсбургскаго университета Генрихъ Гюбшманнъ.

Его научныя заслуги состоятъ главнымъ образомъ въ разработкѣ изученія армянскаго языка; ему одному изъ первыхъ европейскихъ ученыхъ удалось болѣе точно и научно опредѣлить положеніе армянскаго языка среди другихъ родственныхъ ему языковъ и положить начало историческому изученію армянскаго языка и исторіи. Въ этой области, какъ и смежной съ ней, области индо-иранскихъ языковъ, главнымъ образомъ санскрита, зенда и новоперсидскаго (съ осетинскимъ), профессоръ Гюбшманнъ въ теченіи долгихъ лѣтъ считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ и авторитетныхъ ученыхъ западной Европы.

Его внѣшняя жизнь не богата событіями. Родившись 1-го іюля 1848 года въ Эрфуртѣ, онъ окончилъ въ 1872 году Мюнхенскій университетъ съ докторскимъ дипломомъ, полученнымъ имъ за защиту его диссертации «Ein zoroastrisches Lied (Jasna, Cap. 30). Mit Rücksicht auf die Tradition» (Münch. 1872), къ которой онъ впоследствии сдѣлалъ дополненіе своей работой «Die parsische Lehre vom Jenseits und jüngsten Gerichte (Berl. 1874).

Въ 1875 г. онъ началъ чтеніе лекцій въ Лейпцигскомъ университетѣ, откуда онъ въ авг. 1877 года съ званіемъ экстраординарнаго профессора перешелъ въ тогда только-что обустроенный Страсбургскій университетъ, и тамъ онъ занимался въ теченіи 30 лѣтъ до послѣднихъ дней своей жизни. Лишь два послѣднихъ семестра болѣзни его приняла настолько тяжелыя формы, что онъ принужденъ былъ держаться въ сторонѣ отъ преподавательской дѣятельности.

Изъ его научныхъ трудовъ, особенно важныхъ въ области армяновѣдѣнія, можно упомянуть «Die Geschichte Armeniens und der ersten Kriege der Araber», «Die Umschreibung der iranischen Sprachen und des Armenischen» (Leipz. 1882), «Armenische Studien: Grundzüge der armenischen Etymologie (Leipz. 1883), «Die altarmenischen Ortsnamen. M. Beiträgen f. hist. Topographie Armeniens» (Strassb. 1904), «Die semitischen Lehnwörter im Armenischen» (Leipz. 1885) и особенно цѣнныя по своему научному значенію «Armenische Grammatik. Bd. I: Armenische Etymologie. Th. I: Die persischen Lehnwörter in Armenischen; Th. 2: Syrische und griechische Lehnwörter im Altarmenischen und die echtarmenischen Wörter (Leipz. 1895-97).

Къ его многочисленнымъ работамъ въ области индо-иранскаго языковѣдѣнія относятся: *Iranische Studien* (*Lautwerth d. Zendalphabet. Was heiss «iranisch»*) (Strassb. 1878), «*Awéastudien*» (Münch. 1873), «*Persische Studien* (Beitrag zu Horn's neupers. Etymologie. Neupersische Lautlehre)» (Strassb. 1895), особенно цѣнная своею II-й частью—*Neupersische Etymologie*. Ему принадлежитъ такъ же рядъ цѣнныхъ мелкихъ замѣтокъ въ специальныхъ журналахъ изъ области сравнительнаго языковѣдѣнія («*Das indg. Vocalsystem*», «*Zur Geschichte der indg. Vocalreihen*»)—представляющія собой разборъ теоріи de-Saussur'a и обоснованіе своей теоріи *Vocalstufung*; обширныя рецензіи на книгу Hirt'a «*Der indg. Ablaut*» и много другихъ). Кроме того перу профессора Гюбшманна принадлежитъ нѣсколько работъ, предпринятыхъ имъ совместно съ недавно скончавшимся его ученикомъ, лекторомъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ бар. Р. Р. Штакельбергомъ въ области осетинскаго языка и литературы («*Etwas über die ossetische Götterwelt*», «*Ossetische Nominalbildung*», Leipz. 1890, и др.); и рядъ другихъ статей и замѣтокъ по осетинскому языку («*Etymologie und Lautlehre der ossetischen Sprache*» Strassb. 1887, и друг.), разработкѣ котораго онъ посвящалъ не мало времени.

Какъ извѣстно, проф. Гюбшманнъ состоялъ почетнымъ членомъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, научной дѣятельностью котораго онъ интересовался до своихъ послѣднихъ дней.

Профессоръ Гюбшманнъ оставилъ послѣ себя обширную и цѣнную библіотеку, а среди своихъ, правда немногочисленныхъ (онъ читалъ специальные курсы, доступные лишь для подготовленныхъ и знакомыхъ съ предметомъ курса), но благодарныхъ учениковъ (изъ которыхъ многіе, какъ иранистъ Bartholomae, санскритисты Hirt и Leumann, арменистъ Karst и покойный баронъ Р. Р. Штакельбергъ уже составили себѣ имя въ наукѣ) добрую и неизгладимую память своей рѣдкой отзывчивостью и радушіемъ и искреннимъ желаніемъ принести пользу своими цѣнными совѣтами и указаніями. Когда тяжелая болѣзнь заставила его окончательно оторваться отъ научной преподавательской дѣятельности, онъ съ горечью замѣчалъ, что для него нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ самому видѣть приближеніе смерти (самый характеръ его болѣзни, глав. образомъ *Arterienverkalkung*, исключалъ уже всякую возможность о выздоровленіи), чувствовать, что онъ не можетъ быть полезенъ своимъ ученикамъ, чувствовать что онъ теряетъ способность трудиться.

Память покойнаго была почтена Восточной Коммиссіей вставаніемъ съ мѣстъ.

Предсѣдатель предложилъ В. В. Данилова въ члены Восточной Коммисіи. Утвержденіе выбора, согласно правилу, должно состояться въ слѣдующемъ засѣданіи.

3) И. Я. Стеллецкій сообщилъ про старинную мозаичную карту Палестины, найденную въ Мадебѣ и крайне важную для топографіи свв. мѣстъ ¹⁾.

№ 103. Засѣданіе 29 февр. 1908 г., подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гл. членовъ Н. В. Никитина, С. О. Долгова, В. А. Гордлевскаго, В. В. Данилова, М. О. Агтаи, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Д. И. Иловайскаго, референтовъ: В. Щербины и И. Я. Стеллецкаго; студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Рафальскаго, Ребрика, Понизовкина, Милокова, Родичева, Александра Ильина, Ринкевича, Зданевича, Овчарова, Казанцева, Зятькова, Вѣнценосцева, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія. Утвержденъ выборъ Владиміра Васильевича Данилова въ члены Восточной Комиссіи.

2) Вл. Щербина сообщилъ свои: «Впечатлѣнія изъ Сиріи», останавливаясь главнымъ образомъ на нравахъ православныхъ арабовъ.

3) И. Я. Стеллецкій сдѣлалъ сообщеніе: «Русскіе уголки въ Палестинѣ съ археологической точки зрѣнія». Содержаніе:

Сказавши во вступленіи о задачѣ своей работы — изложить, по возможности кратко, личные впечатлѣнія при посѣщеніи тѣхъ или иныхъ русскихъ уголковъ въ Палестинѣ и освѣтить попутно ихъ значеніе съ археологической точки зрѣнія—лекторъ оговорился, что на этотъ разъ ограничивается описаніемъ русскихъ владѣній исключительно въ предѣлахъ Іудеи. Указавъ, затѣмъ, на усиленіе русскаго вліянія въ Сиріи и Палестинѣ и иллюстрировавши свое изложеніе картиной все растущей популярности русскаго языка въ Іерусалимѣ, уступающаго въ этомъ смыслѣ только французскому, лекторъ заявилъ, что существованіе многочисленныхъ повѣствованій о Св. Землѣ и въ особенности объ Іерусалимѣ съ его русскими постройками, а равно многотомныхъ описаній раскопокъ на мѣстѣ у храма Воскресенія, которое принадлежитъ Палест. Обществу и гдѣ открыты старыя стѣны и древнія ворота со сводами, какъ думаютъ, отъ второй Іерусалимской стѣны, возведенной при Нееміи,—даютъ ему достаточныя основанія, чтобы лишь слегка коснуться русскихъ владѣній въ г. Іерусалимѣ и обратить преимущественное вниманіе на русскіе уголки въ различныхъ пунктахъ Іудеи.

Близъ Іерусалима самыхъ крупнымъ владѣніемъ русскихъ является участокъ на вершинѣ горы Елеонской, прибрѣтенный блаженной памяти о. Антониномъ, съ выстроенной имъ же высокой колокольней, доминирующей надъ Іерусалимомъ и его окрестностями. Въ настоящее время на Елеонѣ женскій нелегализированный монастырь.

¹⁾ Содержаніе реферата помѣщено въ протоколахъ общихъ засѣданій Общества.

Съ археологической точки зрѣнія названное мѣсто нужно признать чрезвычайно цѣннымъ, такъ какъ уже самыя поверхностныя раскопки, производимыя, при томъ, единичнымъ лицомъ, увѣнчиваются обычно результатами, заслуживающими большого вниманія ученыхъ.

На полпути по дорогѣ въ Хевронъ лежитъ покрытый развалинами холмъ Домъ-Захаріи, недавно прибрѣтенный русской Іерусалимской миссіей у частнаго лица. Пока здѣсь живетъ лишь одинъ русскій монахъ, по назначенію Іерус. миссіи, для надзора за садомъ и постройками, и нѣсколько сторожей - арабовъ. Русскіе паломники посѣщаютъ Бетъ-Захаръ эпизодически и помѣщаются во временныхъ баракахъ. Этому русскому уголку предстоитъ большая будущность въ археологическомъ смыслѣ, такъ какъ новооткрытая Мадебская карта-мозаика и мозаичная надпись въ абсидѣ древней церкви въ самомъ Бетъ-Захарѣ согласно указываютъ на существованіе здѣсь дома св. Захаріи и, значитъ, родины Іоанна Крестителя. До сихъ поръ раскопки велись здѣсь нерегулярно и поверхностно, при томъ лицами мало или совершенно не компетентными. Назрѣла большая нужда въ снаряженіи специальной ученой экспедиціи для производства генеральныхъ раскопокъ и научнаго изслѣдованія холма Бетъ-Захаръ (араб. Бетъ-Ша'аръ), этой богатѣйшей археологической сокровищницы.

Владѣнія русскихъ въ Іерихонѣ, на-ряду съ таковыми же у Дуба Мамврійскаго, принадлежатъ къ числу наиболѣе часто посѣщаемыхъ паломниками и туристами всѣхъ національностей, которыхъ привлекаетъ,—помимо священнаго значенія сихъ мѣстъ,—также дешевизна путей сообщенія и удобства помѣщенія въ самомъ Іерихонѣ.

Что касается археологической цѣнности Іерихонскаго участка, то,—судя по развалинамъ большого храма, значительной площади расчищенной мозаики съ греческой надписью и нѣсколькимъ фрагментамъ плоскаго камня съ изображеніемъ человѣческихъ фигуръ красками, мало потерпѣвшими отъ времени въ своей свѣжести и яркости,—онъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ, по богатству своихъ археологическихъ памятниковъ, русскихъ уголковъ въ Палестинѣ. И въ отношеніи Іерихона, какъ Бетъ-Захара, нужно признать безотлагательно нужнымъ производство серьезныхъ научныхъ раскопокъ, особенно принимая во вниманіе, что случайные и неопытные археологи, вмѣсто пользы, скорѣе могутъ причинить вредъ, ненамѣренно уничтоживъ или повредивъ археологическіе памятники нерѣдко высокой цѣнности.

Слѣдующее по значенію мѣсто въ указанномъ смыслѣ нужно по всей справедливости признать за развалинами Хорейтуна, т.-е. древней Лавры св. Харитона, лежащей въ ущельи Уади Фара, часахъ въ двухъ пути отъ Іерусалима къ сѣверу. Мѣсто это съ недавняго времени принадлежитъ Аѳонскому Пантелеймонову монастырю. Здѣсь пока не производилось никакихъ археологическихъ раскопокъ; но, судя по многочисленнымъ развалинамъ древнихъ акведуковъ, остат-

камъ мостовъ, древнихъ зданій и наличности множества пещеръ въ отвѣсныхъ стѣнахъ ущелья — обиталищъ древнихъ анахоретовъ, можно аргюи заключать о большомъ богатствѣ памятниками древности даннаго русскаго владѣнія въ Іудеѣ. Подтвержденіемъ можетъ служить хотя бы хорошо сохранившаяся древняя пещерная церковь въ районѣ русскаго владѣнія, куда попасть можно взобравшись по высокой лѣстницѣ. Изрѣдка здѣсь совершается богослуженіе архимандритомъ или кѣмъ-либо изъ іеромонаховъ — членовъ русской миссіи въ Іерусалимѣ.

Заслуживаетъ также вниманія въ археолог. смыслѣ небольшое, обнесенное стѣною владѣніе въ деревнѣ Амата, древнемъ Амаѳѣ, родинѣ пр. Іереміи, на полупути изъ Іерусалима въ Хорейтунъ, въ виду наличности здѣсь развалинъ храма, фрагментовъ колоннъ и мозаики. Но уголокъ этотъ является настолько глухимъ и заброшеннымъ, что о раскопкахъ здѣсь пока не можетъ быть и рѣчи.

Не безынтересна въ археологическомъ отношеніи и русская духовная миссія въ Яфѣ, своимъ фруктовымъ садомъ соперничающая даже съ знаменитыми тысячелѣтними Яффскими садами. Здѣсь имѣется очень комфортабельное помѣщеніе для Іерусалимскаго архимандрита съ братіей и очень небольшое для случайныхъ паломниковъ. Впрочемъ, по установившемуся обыкновенію, послѣдніе впускаются сюда крайне неохотно. Отчасти по этой причинѣ русскіе предпочитаютъ останавливаться въ греческомъ подворьи или въ еврейской гостиницѣ въ самомъ городѣ. Какъ археологическій памятникъ, значительный интересъ представляетъ, доступная для посѣтителей, погребальная пещера св. Тавионы, воскрешенной Ап. Петромъ. Пещера находится въ сѣв.-зап. углу миссійскаго сада.

Что же касается владѣнія у Дуба Мамврійскаго и русской женской учительской семинаріи въ селеніи Бетъ-Жалѣ, близъ Іерусалима, то сколько-нибудь значительнаго интереса съ археологической точки зрѣнія эти уголки отнюдь не представляютъ.

При обсужденіи реферата, С. О. Долговъ оспаривалъ нѣкоторые пессимистическіе взгляды референта, указывая на заслуги покойнаго В. Н. Хитрово.

4) Послѣ перерыва былъ прочитанъ опять И. Я. Стеллецкимъ рефератъ на тему: «Исторія Мадебы въ Заіорданьи» по поводу замѣчательныхъ археологическихъ открытій въ этомъ городѣ за послѣдніе годы.

Мадеба относится къ категоріи древнѣйшихъ городовъ Палестины. Первое упоминаніе о ней встрѣчаемъ въ кн. Числъ (XXI, 30) по поводу столкновенія евреевъ, направлявшихся въ землю обѣтованную, съ Сихономъ, царемъ Аморейскимъ, отказавшемъ въ просьбѣ переселенцевъ о пропускѣ ихъ черезъ свои владѣнія. Въ произшедшей затѣмъ битвѣ Сихонъ евреями былъ разбитъ.

Вторично Библия упоминаетъ о Мадебѣ, когда повѣствуетъ о раздѣленіи Ис. Навиномъ обѣтованной земли по числу колѣнъ Израильскихъ. Мадеба досталась колѣну Рувимову, и находилась на границѣ владѣній послѣдняго. Послѣ этого надолго, на 400 лѣтъ слишкомъ, Мадеба исчезаетъ со страницъ Библии. Только въ царствованіе Давида, при описаніи войны послѣдняго съ его противникомъ, Маасомъ, царемъ Аммонитскимъ, это названіе на страницахъ священной книги появляется вновь. Въ царствованіе Ахаза, при пророкѣ Исаи, Мадеба находилась въ рукахъ Аммонитянъ. Глухо упомянутая послѣ того лишь въ правленіе Нееміи, точно и опредѣленно Мадеба выступаетъ еще только одинъ разъ подъ 160 г., въ правленіе Маккавеевъ, въ библейскомъ разсказѣ о коварствѣ сыновъ ея, Тамври, и о мученіи, постигшемъ ихъ со стороны Ионаана. Это все, что мы знаемъ о Мадебѣ по библейскимъ даннымъ.

Къ сожалѣнію, и данныя гражданской исторіи объ этомъ городѣ не отличаются разнообразіемъ и богатствомъ. Такъ Мадеба, въ качествѣ крѣпости, упоминается въ разсказѣ о войнѣ Гиркана I съ Антиохомъ Сирійскимъ. Изъ временъ римскаго владычества мы знаемъ только, что Мадеба входила въ составъ Перей. Въ христіанскую эпоху Мадеба служила епископскимъ городомъ, при чемъ вопросъ о ней дебатировался на четвертомъ Вселенскомъ Соборѣ. Древнія церковныя лѣтописи, греческія и латинскія, неоднократно упоминаютъ о ней, но уже отъ эпохи крестоносцевъ и до нашихъ дней, на протяженіи почти тринадцати вѣковъ, о Мадебѣ не сохранилось никакихъ извѣстій. Только съ 1880 года, года начала раскопокъ въ Мадебѣ, это древнее имя вновь возникло изъ-подъ пыли вѣковъ, и съ тѣхъ поръ оно съ каждымъ годомъ приобретаетъ все большую популярность,—все большее вниманіе ученаго міра оно привлекаетъ къ себѣ. Неустанно производящіяся въ Мадебѣ раскопки не перестаютъ дарить міръ все новыми и новыми открытіями, и не далека уже тотъ день, когда по богатымъ археологическимъ даннымъ, добытымъ обширными раскопками въ этомъ городѣ, будетъ составлена подробная исторія не только христіанскаго, но и первобытнаго, прошлаго этого примѣчательнаго города.

Предсѣдатель В. Ө. Миллеръ и секретарь А. Е. Крымскій предложили Игнатія Яковлевича Стеллецкаго въ члены Восточной Комиссіи. Предложеніе принято, и выборъ намѣченнаго члена долженъ состояться на слѣдующемъ засѣданіи.

5) А. Е. Крымскій сдѣлалъ сообщеніе: «Изъ области переводной арабской повѣствовательной литературы». По его мнѣнію, Асбагъ Сиджистанскій, который далъ по-арабски т. н. «Большую Синдибадову книгу о женскомъ коварствѣ», можетъ считаться внукомъ одного изъ членовъ кружка ибнъ-аль-Мокаффы (переводчика «Калилы и Димны»); а версификаторъ Асбаговскаго «Большого Синдибада» Абъанъ Лахыкый (ум. 815) былъ несомнѣнный манихей, что видно изъ

сатиры Абу-Новаса и изъ недавно изданной (Каиръ 1906) Джâхъзовой «Книги животныхъ». Вся литературная дѣятельность Абана-Лахыкыя заслуживаетъ вниманія ¹⁾.

№ 104. Засѣданіе 2-го апрѣля 1908 г., подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: О. Е. Корша, Г. А. Халатьянца, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, мирзы Абдуллы Гаффарова, мирзы Джафара, М. О. Аттаи, И. Я. Стеллецкаго, референта Е. Ильина, гостей: Махмудъ-Джафарова, Хамидъ-Сейяха, А. А. Агаева, и студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Фаминскаго, Щербины, Ребрика, Яновскаго, Заводовскаго, Новикова, Понизовкина, Боброва, Ник. Ильина, Тугуева, Алешина, при секретарѣ Восточной комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Утвержденъ выборъ И. Я. Стеллецкаго въ члены Восточной комиссіи.

3) О. Е. Коршъ сдѣлалъ сообщеніе: «Различіе между персидскимъ и арабскимъ стихосложеніемъ». Обѣ системы стихосложенія основаны на долготѣ и краткости гласныхъ, и связаны онѣ другъ съ другомъ исторически: основа персидской науки علم العروض — арабская. Замѣчается и обратное воздѣйствіе — персидское на арабскую форму поэзіи, напр. у Абу-Новаса. И, вѣроятно, вліяніе бывало еще доисламское. Возникла вѣдь персидская поэзія, конечно, не въ IX в., когда мы ее сразу застаемъ въ готовомъ видѣ, а раньше: едва ли допустимо сомнѣваться, что во времена Сасанидовъ, доисламскія, у персовъ существовала поэзія; а значить существовало и стихосложеніе, — и вполне можно предположить, что формы сасанидской перс. поэзіи вліяли на выработку доисламскаго стихосложенія арабскаго. Предположеніе это — тѣмъ болѣе вѣроятно, что подъ властью Сасанидовъ находилось арабское царство Хирское, въ которомъ, какъ извѣстно, поэзія арабская процвѣла. Замѣчательно притомъ, что такое стихосложеніе, какъ у арабовъ, т.-е. количественное (по долготамъ и краткостямъ), отсутствуетъ у всѣхъ прочихъ семитовъ (евреевъ, арамейцевъ, ассиріянъ), и арабы въ этомъ пунктѣ представляютъ совпаденіе съ индоевропейцами. И основатель арабской метрики, какъ науки, Халиль Басріецъ VIII в. (онъ же — замѣчательный знатокъ арабскаго языка, — арабскаго словаря и грамматики), былъ другъ перса ибнъ-аль-Мокаффы ابن المقفع — Метрика Халиля сводится къ пяти такъ называемымъ «кругамъ», построеннымъ въ очень стройной системѣ, которой, къ сожалѣнію, сразу же не поняли европейскіе

¹⁾ Въ значительно расширенномъ и обработанномъ видѣ сообщеніе А. Е. Крымскаго объ Асбагѣ и Лахыкыѣ издается въ нѣмѣшнемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

ориенталисты, занимавшіеся изученіемъ арабской метрики: ни Эвальдъ, ни даже авторитетный Фрейтагъ; а тѣмъ болѣе не понимаютъ Халиля новые—Станиславъ Гюйяръ и преклоняющійся предъ нимъ его популяризаторъ бар. Гинцбургъ; — главная ихъ всѣхъ ошибка заключается въ томъ, что они исходили изъ стихотворнаго чтенія и произношенія арабовъ современныхъ.

Халиль не употребляетъ терминовъ: «слогъ краткій», «слогъ долгій» и вообще термина «слогъ», а просто предлагаетъ парадигмы, въ видѣ формъ, схематически заимствованныхъ или нарочито созданныхъ отъ глагольнаго корня *فعل*. Напр.—*o*—обозначается черезъ парадигму «фáылон» (*فَاعِلٌ* — прич. наст. вр.). Стопы и части стопъ Халиль называетъ не сочетаніемъ слоговъ, а особыми терминами, заимствованными изъ состава и принадлежностей палатки; напр. у него есть «веревка тяжелая», «веревка легкая (*o o o o* = пиррихій), «коль соединенный», «коль отдѣленный» (*وتد مفروق* = *o* — т.е. трохей) и т. п. Всѣ размѣры распределяются, какъ сказано, по пяти группамъ («кругамъ»), причемъ каждый кругъ содержитъ въ себѣ, конечно, размѣры наиболѣе родственные другъ къ другу, и начерчены эти круги такъ, чтобы напр. «легкая веревка» одного размѣра приходилась подъ «легкой же веревкой» другого, родственнаго размѣра, — обстоятельство, которое много содѣйствуетъ уясненію для насъ тѣхъ идей, какія имѣлъ самъ Халиль по поводу природы того или другого метра. При разсмотрѣніи круговъ намъ ясно, что они основаны на музыкальномъ счетѣ, — напр., тотъ кругъ, куда помѣщены раджазъ, рамаль и хазаджъ, имѣютъ счетъ на $\frac{3}{4}$.

Изъ числа Халилевыхъ круговъ одинъ (4-ый) почти неизвѣстенъ у арабовъ, но очень обыченъ у персовъ, и напротивъ тавылъ *الطویل* и басытъ *البيط*, любимые арабскіе метры, у персовъ почти отсутствуютъ, какъ неудобные для языка персидскаго. Этимъ отчасти ужъ нарушается единство новоперсидской и арабской метрики. Да и въ пользованіи другими Халилевыми кругами, тѣми, которыхъ персы не чуждаются, персидская практика стихосложенія очень отличается отъ практики арабской. Напр., размѣръ *الكامل* пріобрѣтаетъ у персовъ особая стяженія въ долготяхъ, — и это несмотря на то, что, даже безъ насилуванія духа своего языка, персами всецѣло могла бы здѣсь быть соблюдена техника арабская. И вафиръ *الوافر*, хотя по своей природѣ очень удобоприспособляемъ къ языку персидскому, однако у персовъ не въ ходу. А раджазъ *الرجز*, вмѣсто того, чтобы представлять собою счетъ на $\frac{3}{4}$ (какъ у арабовъ), фактически принялъ у персовъ счетъ на $\frac{1}{4}$, потому-что вм. нормальной арабской парадигмы мюстаф'ылон *مستفعل* взята допустимая у арабовъ, для чередованія, но не такая частая, разновидность мюфта'ылон *مفتعل*, и притомъ, удареніе принято персами на первомъ слогѣ парадигмы (мююфта'ылон, а не на послѣднемъ, какъ у арабовъ (у тѣхъ — мюфта'ылон).

Θ. Е. Коршъ произвелъ обзоръ всѣхъ отклоненій, допущенныхъ персами при пользованіи каждымъ арабскимъ метромъ, и наглядно показалъ, что при теоретическомъ единствѣ метрики персидской и арабской и при тожествѣ ихъ стихослагательной терминологіи, метрика персидская фактически отошла отъ арабской, такъ-что въ музыкальномъ отношеніи размѣръ, носящій и у арабовъ и персовъ одно и то же названіе, на самомъ дѣлѣ представляетъ часто два размѣра разныхъ, нетождественныхъ.

4) Евг. Ильинъ сдѣлалъ докладъ: «Персидскіе масоны», основанный на личныхъ бесѣдахъ съ компетентными персами:

I. Исключительно тяжелыя условія жизни Персіи при Насир-эд-Динѣ-шахѣ и начавшееся къ этому времени проникновеніе на востокъ культурныхъ вѣяній Европы заставляли многихъ персовъ покидать родину и искать убѣжища на западѣ; съ другой стороны болѣе знатные персы все настойчивѣе обнаруживали желаніе посылать дѣтей за образованіемъ въ Европу. Это явленіе наиболѣе рѣзко обозначилось около 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда Европа была испещрена сѣтью масонскихъ ложъ. Масонство захватило собою умы и сердца персидскихъ юношей, и послѣдніе, принявъ посвященіе, съ энтузіазмомъ стали въ ряды французскаго масонства. По возвращеніи на родину они бывали поражены контрастомъ между той жизнью, съ которой свыклись въ Европѣ, и тѣмъ беззаконіемъ и безправіемъ, съ которымъ сразу имъ пришлось столкнуться въ Персіи. Хотя большинство изъ нихъ происходило изъ высшихъ круговъ персидской аристократіи, и ихъ ждала блестящая будущность, однако они не отказались отъ завѣтовъ масонства, но наоборотъ, совершенно отколовшись отъ общества своего круга съ его низменными идеалами, повели свою отдѣльную жизнь, до конца жизни сохранивъ твердость и чистоту юношескихъ убѣжденій. Общность понятій, идей и взглядовъ быстро собрала ихъ въ обособленный кружокъ, который и составилъ ядро первой масонской ложи Персіи. Во главѣ этого кружка сталъ Молькемъ-Ханъ, недавно бывший посломъ въ Римѣ. Имъ была основана первая ложа, немногочисленная по числу членовъ, но твердая по духу; въ нее вошли немногіе персы, бывавшіе и воспитавшіеся на Западѣ, подобно самому Молькемъ-Хану. Догматическая сторона первой ложи носила глубокій отпечатокъ французскаго вліянія. Но наряду съ общими тезисами масонства—совершенствованія личности, освобожденія духа отъ земныхъ путъ, идей общаго равенства, полной вѣротерпимости и т. д., персидская ложа сразу же получила характерную особенность, а именно она приблизила туманныя и общія положенія масонскаго вѣроученія къ персидской жизни, сдѣлавъ исходной точкой отправленія тезисъ: «благо человечества вообще, и благо персидскаго народа въ особенности и прежде всего».

Эта заповѣдь подвинула персидское масонство на путь служенія не отвлеченной правдѣ, а конкретному комплексу обездоленныхъ слоевъ населенія. Кружокъ Молькемъ-Хана краеугольнымъ камнемъ своей

задачи поставилъ просвѣщеніе темныхъ массъ, ознакомленіе ихъ съ жизнью культурнаго человѣка и съ примитивными понятіями права, чуждаго укладу персидской дѣйствительности. Въ жизни частной и служебной масоны оставались вѣрны своимъ идеаламъ, чѣмъ возбудили противъ себя сановную знать, импульсомъ дѣятельности которой являлись корыстныя цѣли, ничего общаго съ масонскими стремленіями не имѣющія. На первыхъ же порахъ масонамъ пришлось скрываться, а чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше росло число враговъ явныхъ и грозныхъ въ средѣ друзей шаха, — тѣмъ болѣе масонамъ приходилось оберегать тайну существованія союза, который они называли «домомъ забвенія» (ферамуш-хане): каждый масонъ, выходя изъ засѣданія, обязанъ былъ забыть все, что говорилось тамъ. Засѣданія облакались въ суровую тайну, не имѣли опредѣленнаго мѣста и происходили въ частныхъ домахъ масоновъ; происходили по ночамъ, сопровождались мистическими обрядами, значеніе которыхъ со временемъ затиралось; существовали степени, и масоны называли себя «фер масунъ»; на засѣданіяхъ же составлялись планы для пропагандированія идей и осуществленія завѣтовъ, но въ виду того, что все хранилось въ непроницаемой тайнѣ, до сихъ поръ трудно вполне ясно охарактеризовать жизнь и вѣру персидскаго масонства. Письменные свидѣтельства не извлечены на свѣтъ, и лишь немного, прорвавшее паутину тайны, обрисовываетъ нѣкоторые штрихи.

II. Политическія цѣли въ своемъ чистомъ видѣ отсутствовали въ первой ложѣ, но чѣмъ больше масонамъ въ официальной жизни приходилось сталкиваться съ хищничествомъ и беззаконіемъ, а въ домашней съ страданіями народныхъ массъ, тѣмъ опредѣленнѣе идеи служенія народу отталкивали на задній планъ общія отвлеченныя положенія масонскаго катехизиса. Масоны стали скоро проповѣдывать необходимость общественнаго оздоровленія на основахъ просвѣщенія, необходимость гуманности въ отношеніи къ обездоленному населенію на основахъ любви и права; расширяя программу своихъ стремленій, они высказывались за ограниченіе административнаго произвола, требовали справедливости и установленія законовъ. Съ теченіемъ времени гордыя рѣчи масоновъ становились все смѣлѣе и смѣлѣе. Масоны дерзали откровенно исповѣдывать свои убѣжденія предъ лицомъ деспотичнаго Насиръ-эд-Дина. Шаху не по душѣ были смѣлыя требованія, а въ то же время враги масоновъ доносами и тайными наговорами еще болѣе возстановляли шаха противъ нихъ. И противъ масоновъ, въ рядахъ которыхъ стояли представители цвѣта персидской аристократіи (первый министръ Эмиръ-эд-Доуле, Молькемъ-Ханъ, Мирза-Хосейнъ-Ханъ, министръ иностранныхъ дѣлъ при Мозафферъ-эд-Динѣ и др.), начались гоненія. Масоновъ лишали сана, орденовъ, правъ, ссылали въ глухія провинціи, а иногда и высылали изъ Персіи (Молькемъ-Ханъ). Менѣе знатныхъ бросали въ тюрьмы, чуть не казнили, и только заступничество спасло нѣкоторыхъ отъ смерти.

Ряды масоновъ пустѣли, и скоро первая ложа должна бы была прекратить существованіе. Масоны рѣшили просить у шаха изданія законовъ, избрали депутацію, которая должна была раскрыть шаху глаза на бѣдственное положеніе страны, а при удачѣ даже просить конституціи. На шаха этотъ поступокъ подѣйствовалъ, по свидѣтельству современниковъ, какъ ударъ грома. Смѣлые просители тутъ же были схвачены; начались аресты. Депутаты, закованными въ цѣпи, были отвезены въ Ардебиль съ тайнымъ приказомъ казнить ихъ безъ суда, но шаха упростили таки отмѣнить его. Молькемъ-Хану категорически было предложено навсегда покинуть Персію, и ложа, лишенная своихъ руководителей, растерявшаяся и напуганная, прекратила свое существованіе. Къ этому времени масоны успѣли обосновать нѣсколько отдѣловъ въ провинціяхъ и поддерживали тѣсную связь съ ними при помощи тайной почты, переходившей черезъ вѣрныя руки. Масоны издавали прокламаціи къ народу, пропагандируя свои цѣли просвѣщенія; прокламаціи разбрасывались по ночамъ и получили названіе «шеб-наме», т. е. «ночныя письма».

III. Угасшей ложѣ удалось вновь воскреснуть въ царствованіе Мозаффер-эд-Дина, но время и надвигающіяся политическія событія наложили на всю дальнѣйшую исторію ея жизни особый отпечатокъ. Руководящая роль въ этой второй по времени ложѣ принадлежала персу Мирзѣ-Кериму ¹⁾, человѣку сравнительно просвѣщенному, бывшему въ одной ложѣ съ королемъ Оскаромъ и вынесшему грома, обрушенные Насиръ-эд-Диномъ на первыхъ масоновъ. Мирза-Керимъ во французской ложѣ «Grand Orient» занималъ одну изъ высшихъ степеней, но когда извѣстія изъ Персіи стали принимать тревожный характеръ, онъ вернулся на родину. Впрочемъ «Le grand Orient» впоследствии прислалъ ему официальную бумагу, которая возводила его въ орденъ «vénéable» и давала право открыть ложу въ Персіи. Во вновь открытую такимъ образомъ ложу вошли почти все масоны первой, къ ней же примкнули и другіе вельможи (Мирза - Хосейнъ-Ханъ, Мошир-эд-Доуле—министръ иностранныхъ дѣлъ, Хекимъ-оль-Мемалекъ—министръ двора и др.), но общій характеръ ея сталъ демократичнѣе, благодаря наплыву другихъ лицъ. Внѣшній видъ масонской ложи мало измѣнился, но внутренній міръ ея сталъ неузнаваемъ. Передъ масонами стояли новыя задачи, далеко отклонившіяся въ сторону реальной жизни отъ прежнихъ идеаловъ: въ Персіи разросталось политическое броженіе, страданія росли, росло негодованіе всехъ слоевъ населенія, и общее настроеніе увлекло масоновъ. Масоны стали съ этой поры въ ряды противниковъ былого деспотизма Насир-эд-Дина и поборниковъ освобожденія.

Преслѣдованія правительства поставили масоновъ въ ряды оппозиціи Насир-эд-Дину, а страданія народныя побудили ихъ проповѣ-

¹⁾ Псевдонимъ, скрывающій, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, подлинное имя.

дывать при Мозафферъ-эд-Динъ необходимость такой центральной власти, чтобы народное благо не могло быть игрушкой ея произвола. Такимъ образомъ масоны стали дѣятельно вести антиправительственную борьбу; писали и распространяли просвѣтительныя прокламаціи къ населенію, старались приподнять уровень развитія массъ, отправляли предупредительныя письма агентамъ власти и, предупреждая взрывомъ народнаго негодованія, требовали справедливости и реформъ. Желая предупредить столкновенія, они употребляли всѣ усилія для того, чтобы направить народное движеніе по мирному пути, проповѣдью гуманной любви, общаго равенства. Они бодро шли въ народъ, стучали въ его долго дремавшее сердце и будили чувства самосознанія, открывали глаза, указывая дорогу къ свѣту.

По ночамъ, когда замирала жизнь Теграна, масоны собирались по ночамъ другъ у друга и, облакая свои совѣщанія покровомъ таинственности и символизма, обсуждали способы предотвращенія того столкновенія, гроза котораго нависала, и изыскивали средства воздѣйствія на правительство, закрывавшее глаза передъ опасностью. Впрочемъ послѣднее начинало борьбу съ масонствомъ: возобновились аресты, начались репрессіи: но масоны не унывали—ихъ было уже слишкомъ много. Однако приближался конецъ существованія и второй ложи. Первый министр Мозафферъ-эд-Дина Эминъ-эс-Султанъ, убитый осенью прошлаго года, зналъ о существованіи союза, но пожелалъ взять въ руки всѣ нити ея жизни и съ этою цѣлью сталъ добиваться посвященія. Получивъ по настоянію нѣкоторыхъ масоновъ, освѣдомленныхъ о заднихъ мысляхъ министра, отказъ и увидѣвъ, что добиться цѣли не такъ легко, Эминъ-эс-Султанъ приказалъ арестовать главныхъ руководителей. Многіе масоны были сосланы въ пограничныя съ Россіей города, а другіе были принуждены, лишившись чиновъ и состоянія, навсегда покинуть Персію. Жизнь ложи замерла. Уцѣлѣвшіе отъ разгрома масоны лѣтъ 6 тому назадъ подъ руководствомъ того же Мирзы Керима собрались опять, послѣ того какъ Эминъ-эс-Султанъ ушелъ отъ дѣлъ, но теперь масоны уже стояли въ сторонѣ отъ движенія: оно неудержимымъ потокомъ вырвалось изъ ихъ рукъ, опередило ихъ идеалы. Событія, приведшія Персію къ конституціи, подвигались гигантскими шагами. Новые руководители, новые кружки «младо-персовъ», выдвинулись въ первые ряды, а идеалисты-масоны остались на заднемъ планѣ. Но въ ихъ дряхлыхъ дѣлахъ живетъ великій духъ, не умерли еще идеалы масонства, роль котораго въ Персіи далеко не кончена. Персидскіе масоны первыми вступили на ту непроторенную тропинку, которая привела всю страну къ свѣту два года тому назадъ, и, указавъ широкую дорогу къ прогрессу, уже подготовили себѣ преемниковъ, на знамени которыхъ цѣлительное время стерло туманныя идеи-пережитокъ прошлаго и на ихъ мѣсто написало новыя, болѣе реальныя задачи.

№ 105. Засѣданіе Вост. Комм. 18 сент. 1908 г., подъ предсѣдательствомъ В. Ө. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: Г. А. Халатьянца, Н. В. Никитина, М. О. Агтаи, В. А. Гордлевскаго, Мирзы Абдуллы Гаффарова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Кауфманна, Андроникова, Косоротова, Зятькова, Достоевскаго, Ребрика, Вадова, Фаминскаго, Смирнова, Цыгана, Зданевича, Бѣлановича, Купервассера, Томасевича, Рустановича, Гарейзе, Тугуева, Пятницкаго, кн. Амилахвари, Унджіева, Васильева, Заплаткина, Григорьева, Яновскаго, Вѣнецносцева, Вишнякова, Звѣрева, Мацыгорова, Москалева, Алешо, Нечаева, Семенова, Лебедзя, Умова и др., при секретарѣ Восточной комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) В. Ө. Миллеръ реферировалъ слѣд. нововышедшія работы:

а) О раскопкахъ Г. Винклера въ Богазъ-кѣѣ, по тѣмъ даннымъ, которыя сообщены въ послѣднемъ томѣ *Mittheilungen* берлинской семинаріи для восточныхъ языковъ. Повидимому мы стоимъ на порогѣ открытія хаттійскаго языка.

б) О новой брошюрѣ Эд. Майера, по поводу обширнаго труда Кинга (1907) насчетъ хронологіи древняго востока. Открываются данныя для установленія вполне точной хронологіи и Египта, и Вавилоніи,—и оказывается, что египетская культура болѣе старинна, чѣмъ обыкновенно полагають, а вавилонская—менѣе старинна, чѣмъ думаютъ обыкновенно.

в) О новомъ трудѣ В. Добровольскаго: „Киселевскіе цыгане“. В. Ө. Миллеръ предпослалъ бѣглый очеркъ исторіи цыганъ, этихъ выходцевъ изъ Индіи, и предложилъ филологическій анализъ образцовъ изъ цыганскихъ текстовъ, которые изданы Добровольскимъ, для нагляднаго иллюстрированія состава цыганскаго языка.

3) А. Е. Крымскій сдѣлалъ докладъ о персидскихъ историкахъ Гярдизи, Бейхеки, о передѣлкѣ изъ Нершахи и о „Сіясет-наме“ Низамоль-Молька. Онъ характеризовалъ этихъ историковъ съ точки зрѣнія источниковѣдѣнія и извлекалъ изъ нихъ новыя данныя для исторіи Персіи начально-исламскаго періода. Имъ были отмѣчены высокія заслуги петербургскаго профессора В. В. Бартольда въ дѣлѣ изслѣдованія и, часто, самого изданія персидскихъ источниковъ, и большое вниманіе было отведено статьѣ В. В. Бартольда въ недавнемъ юбилейномъ сборникѣ Т. Нельдеке, о Саффаридахъ. Перешедши затѣмъ къ источникамъ арабскимъ для старѣйшаго періода мусульманской Персіи (IX и X в.): Табарію, Макдисію и аль-Бирунію, равно какъ остановившись съ особенною подробностью по автобіографіи ибнъ-Сины, А. Е. Крымскій опять подчеркнул заслуги В. В. Бартольда, какъ вдумчиваго изслѣдователя¹⁾.

¹⁾ Со значительными сокращеніями, докладъ А. Е. Крымскаго вошелъ въ составъ его „Исторіи Персіи и ея литературы“, т. I, вып. 1 (М. 1909).

4) **Ө. Н. Петровъ:** Изъ впечатлѣній въ Керманшахѣ.

№ 106. Засѣданіе 26 ноября 1908 г., подъ предсѣдательствомъ В. Ө. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ Ө. Е. Корша, А. С. Хаканова, Мирзы Абдуллы-Гаффарова, Мирзы - Джафара, Г. А. Халатьянца, М. О. Агтаи, Х. И. Кучукъ-Гоаннесова, С. Г. Дзеруньяна, В. А. Гордлевскаго, референта К. А. Фрейтага, гостей: Хамидъ-Сейяха, Мирзы - Меджида, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Гарейзе, Ребрика, Зягькова, Прозорова, Косоротова, Тугуева, Зданевича, Кирсанова, Щербины, Достоевскаго, Умова, Олесницкаго, Мацыгорова, при секретарѣ восточной комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Сообщение В. Ө. Миллера: „Научныя экспедиціи въ восточный Туркестанъ, ихъ результаты и новооткрытый индо-европейскій языкъ“. Референтъ напомнилъ, что послѣднее время, богатое неожиданными открытіями въ области исторіи востока (срв. открытія по исторіи Хетовъ и Митанни), выяснило намъ, что въ XV—XIV в. до Р. Х. въ предѣлахъ М. Азіи существовало индо-европейское населеніе. Теперь изслѣдованія направились въ вост. Туркестанъ, къ Турфану, въ область р. Тарима, гдѣ теперь населеніе тоже не индо-европейское, — и открытія тоже оказались превосходящими ожиданія. Давши обстоятельный географическій и топографическій очеркъ вост. Туркестана, нынѣ составляющаго часть малодоступной провинціи Китайской имперіи, В. Ө. Миллеръ вкратцѣ очертилъ исторію края до монгольскаго періода включительно. Повидимому издревле, задолго до христ. эры, здѣсь жили индоевропейцы: саки, тохары и хасы, давшіе, вѣроятно, свое названіе Кашгару; и китайскіе лѣтописцы отмѣчаютъ у жителей „впалые глаза и вышуклые носы“, черты немонгольской расы. Въ I-мъ в. до Р. Х., по китайскимъ извѣстіямъ, весь вост. Туркестанъ распадался на 30 самостоятельныхъ осѣдлыхъ владѣній, которые боролись съ нападавшими на нихъ сосѣдями-кочевниками: съ востока—хуннами, и съ запада—уссунами. Эти вторгавшіеся кочевники были не индо-европейскаго, а тюрко-монгольскаго происхожденія. Когда хунны покорились китайскимъ императорамъ, весь вост. Туркестанъ, въ 39 г. до Р. Х., вошелъ въ составъ Китайской имперіи подъ именемъ „западнаго края“; а хунны постепенно удалялись и, очевидно, дошли до Европы. До VII в. власть китайцевъ не всегда въ вост. Туркестанѣ бывала прочна: иногда жители свергали китайцевъ и изгоняли, и въ этотъ періодъ, именно въ концѣ V в. по Р. Х. (497), здѣсь, въ нынѣшнемъ Турфанѣ, основалось значительное самостоятельное владѣніе Гаочанское. Династія Гаочана была китайская, и въ употребленіи были здѣсь языкъ и письмо китайскіе, но кромѣ того оставались — по словамъ китайцевъ — какое-то „варварское“ письмо, одежда, языкъ и обычай. Чьи? не уйгурскіе ли? Религія, которая тогда была здѣсь распространена, была буд-

дизмъ, и очевидно, уйгуры были въ VI в. представителями буддизма; но расѣ уйгуры не были индо-европейцами. Наряду съ буддизмомъ распространено было несторіанство со своимъ сирскимъ письмомъ и манихейство. Въ VII в. Гаочанъ попадаетъ въ руки усилившагося Китая, но въ теченіи этого же VII-го в. и двухъ слѣдующихъ вѣковъ китайскую власть не разъ отнимаютъ тибетцы. Со 2-й пол. IX в. тутъ начинается политическое вліяніе уйгуровъ; этотъ народъ у китайскихъ писателей называется хой-хэ, а лишь у мусульманскихъ писателей—уйгуры. Уйгуры, пріобрѣтши политическую силу, слились съ мѣстнымъ осѣдлымъ населеніемъ и продержались до XIII в., до появленія Джингизъ-хана. Въ монгольскій періодъ, сверхъ буддизма и христіанства, здѣсь оказался ужъ и исламъ.—Обрисовывая черты исторіи вост. Туркестана, В. Ө. Миллеръ отмѣчалъ, что о многомъ, до недавнихъ поръ темномъ, онъ считаетъ возможнымъ говорить уже на основаніи новѣйшихъ открытій, добытыхъ научными европейскими экспедиціями. Первая экспедиція была русская 1898 (Клеменць) ¹⁾; за ней—англійская (Штейнъ; 12 ящиковъ древностей отправлено было въ Англію) ²⁾, и въ 1902-1903 гг.—нѣмецкая (Grünwedel и Puth; 46 ящиковъ съ древностями) ³⁾; важнѣйшій результатъ нѣмецкой экспедиціи—открытіе манихейской литературы, считавшейся погибшею. Другая германская экспедиція—1904-1907 гг. изъ Берлина (von Lecoq), открыла, между прочимъ, руины съ остатками фрескъ, изображающихъ верховнаго манихейскаго первосвященника (м. б., самого Мани) со своимъ клиромъ; надписи—уйгурскаго и манихейскаго письма, VIII или IX в. Кромѣ того найдены бібліотеки текстовъ уйгурскихъ, сирскихъ и другихъ, особенно письма brāhmī, изъ которыхъ часть—на языкѣ санскритскомъ, а часть—на неизвѣстныхъ. Когда Лекокъ въ 1907 г. заболѣлъ и уѣхалъ въ Европу, его смѣнилъ Грюнведель.

Изложивши съ подробностью результаты перечисленныхъ научныхъ экспедицій, докладчикъ перечислилъ рядъ трудовъ, вызванныхъ этими новыми открытіями, среди санскритологовъ (С. Ө. Ольденбургъ, Hörnle) ⁴⁾, иранистовъ (по манихейству Мюллеръ 1904, Залеманнъ: Manichaica), китаистовъ (Chavannes, Bushell), тибетологовъ (Barnett, Francke, Thomas); іудейско-персидскіе матеріалы изслѣдовалъ Margoliouth. Съ особеннымъ вниманіемъ В. Ө. Миллеръ остановился на статьѣ знатока индійской, тибетской и иранской филологіи Э. Лейманна:

¹⁾ Результаты изд. въ мемуарахъ Акад. II. 1899 г.: Nachrichten über die von der kais. Akademie der Wiss. zu Petersburg im J. 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. Heft I.

²⁾ Результатъ—двухтомный Ancient Khotan, со 119 таблицами.

³⁾ Bericht über archäologische Arbeiten in Idikucari und Umgebung im Winter 1902—1903 (Мюнх. 1906)—24-й томъ Abhandlungen баварской Академіи Наукъ.

⁴⁾ Hörnle—въ рядѣ статей Journ. of the As. Soc. 1898, 1901.

„Ueber eine der unbekanntenen Literatursprachen Mittelasiens“¹⁾, составленной по находкамъ Штейна, и на работѣ Зига и Зиглинга: „Tocharisch, die Sprache der Indo-Skythen“ 1908²⁾. Выясняется, что найденныя рукописи, писанныя индійской азбукой brāhmī, но на бывшихъ туземныхъ языкахъ вост. Туркестана, свидѣтельствуютъ, что прежнее индо-европейское население вост. Туркестана представляло собою въ языковомъ отношеніи двѣ несовпадающія группы. Въ южной части жилъ народъ, языкъ котораго имѣлъ черты сродства и съ индійскимъ и съ персидскимъ и принадлежалъ, какъ полагаетъ В. Ө. Миллеръ, къ вѣтви иранской; этотъ арийскій языкъ условно можно назвать южно-хотанскимъ. Въ сѣверной же части вост. Туркестана население говорило языкомъ, имѣвшимъ, пожалуй, тоже нѣкоторыя общія черты съ сѣверно-индійскими (Пишель указалъ кое въ чемъ сходство съ цыганскимъ); однако самыми существенными своими особенностями этотъ новооткрытый языкъ (его можно назвать тохарскимъ) сближается съ европейскими языками того типа, которые въ соотвѣтствіе къ праязычнымъ индо-европейскимъ средненебнымъ звукамъ имѣютъ не свистящія звуки (какъ напр., въ арийской группѣ языковъ и въ литово-славянской), но задненебные (какъ въ греческомъ, латинскомъ, германскомъ). Тотъ типъ индо-европ. языковъ, гдѣ напр., праязычному kmtm соотвѣтствуетъ śatam (санскр.), satem (авест.), съто (церк.-слав.), называется у нѣмецкихъ филологовъ Satem-sprache, а тотъ типъ, гдѣ праязычное k рефлектируется черезъ k или иную задненебную (срв. греч. ἑκατόν, лат. centum, чит. „кэнтум“, нѣм. hundert), называется Kentum-sprache. Новооткрытый, тохарскій языкъ есть Kentum-sprache, въ противность арийскимъ (т. е. иранскимъ и индійскимъ) языкамъ. — Въ заключеніе, В. Ө. Миллеръ подробно изложилъ всѣ черты тохарскаго языка, какъ онѣ представлены въ работѣ Зига и Зиглинга.

3) Въ дополненіе къ предыдущему сообщенію, секретарь А. Е. Крымскій сдѣлалъ докладъ: „Общія вопросы индо-европейскаго языковѣдѣнія, возбужденныя новѣйшими открытіями въ восточномъ Туркестанѣ“. Онъ отмѣтилъ самыя новыя (октябрьскія) статьи 1908, написанныя популярно для широкой публики, но принадлежащія выдающимся ученымъ специалистамъ—иранисту К. Гельднеру: Die deutsche Turfan-Expedition, сравнительному языковѣду-германисту Фр. Клуге: Die neu-entdeckte indo-germanische Sprache (про тохарскій языкъ) и санскритологу-иранисту Э. Лейманну: Zwei neue indo-ger-

¹⁾ Эта статья Leumann'a—въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ по истор.-фил. отдѣлу (СПБ.), т. IV, № 8.

²⁾ Dr. E. Sieg und Dr. W. Siegling: Tocharisch, die Sprache der Indo-Skythen—въ запискахъ берлин. Ак. Н. (=Sitzungsberichte der königlichen Akademie der Wissenschaften, Berlin, 1908, тетрадь XXXIX, стр. 915—934).

manische Sprachen ¹⁾, изъ которыхъ послѣдняя основана на одновременной работѣ того же Лейманна, появившейся въ специальномъ журналѣ *Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch.* 1908 (стр. 83 — 110).

Статья проф. Клуге интересна тѣмъ, что опять выводитъ на сцену вопросъ о прародинѣ индо-европейцевъ, который до послѣдняго времени считался въ германской наукѣ уже окончательно рѣшеннымъ въ томъ смыслѣ, что европейскіе народы пришли не изъ Азіи (какъ прежде принято было думать), а имѣютъ свою родину въ Европѣ же. Изъ числа европейскихъ языковъ западно-европейскіе (греческій, латинскій, кельтскій, германскій) — это *Kentumsprachen*, а восточно-европейскіе (славянскій, литовскій, оракійскій, албанскій и сюда же можно присоединить армянскій) — это *Satemsprachen*; азиатскіе индо-европейскіе языки (иранскій и индійскій, иначе — арійская группа), — это тоже *Satemsprachen*, какъ восточно-европейскіе. Новооткрытый средне-азиатскій, тохарскій языкъ (сѣв. части вост. Туркестана) сходенъ съ западно-европейской, а не съ вост.-европейской и не съ арійской группой; срв. тохарское *okadh* (=восемь), *wiki* (=20), *ku* (=собака, *куѡу*) и др.; да и въ вокализмѣ тохарскіе звуки *e* и *o* въ *wendh* (=вѣтеръ) и томъ же числительномъ *okadh* (=восемь) совпадаютъ съ латинскими *e* и *o* въ *ventus* и *octo*, а не съ данными арійскихъ языковъ, имѣющихъ здѣсь звукъ *a*. Объяснять это, говоритъ проф. Клуге, надо — конечно — не тѣмъ, что, молъ, между тохарскимъ языкомъ и зап.-европейскими существуетъ преимущественное сродство, а просто тѣмъ, что тохарскій языкъ архаически сохранилъ многія черты индо-европейскаго праязыка, которыя когда-то были свойственны и языку предковъ арійской группы; вѣдь звукъ шь (*ç*) въ какомъ-нибудь санскритскомъ *шятām* (*çatam*=100) или въ виншати (*vinçati*=20) произошелъ, несомнѣнно изъ праязычнаго средненебнаго звука къ (*k*), который и въ тохарскомъ языкѣ, и въ западно-европейскихъ, самостоятельно сохранился въ видѣ задненебнаго, безъ всякаго специально-близкаго сродства между тохарскимъ и западно-европейскими. Тохарскій языкъ, по мнѣнію Клуге, есть одно изъ самыхъ раннихъ развѣтвленій обще-индо-европейскаго праязыка: отдѣлившись отъ единаго праязыка раньше прочихъ вѣтвей, тохарскій языкъ естественно сохранилъ много архаичныхъ чертъ, роднящихъ его иногда съ западно-европейскими, иногда съ восточно-европейскими языками. Но въ такомъ случаѣ, — заключаетъ свою статью Фридр. Клуге, — возникаетъ вопросъ: Гдѣ же должны были жить праязычные предки индо-европейцевъ, чтобы самый архаичный изъ индо-европейскихъ языковъ могъ очутиться въ восточн. Туркестанѣ?

¹⁾ Всѣ три — въ субботнихъ фельетонахъ *Frankfurter Zeitung*; двѣ первыхъ — въ № 282 (=10 окт. 1908), третья — въ № 289 (=17 окт. 1908).

Не придется ли опять вернуться къ гипотезѣ о прародинѣ индо-европейцевъ въ Азіи? ¹⁾

Статья Лейманна тоже затрогиваетъ общіе вопросы индо-европейскаго языковѣдѣнія. Лейманнъ не столько интересуется тохарскимъ языкомъ, типа *Kentum-sprache*, сколько южно-хотанскимъ языкомъ арійскаго типа *Satem-sprache*. Индіанистъ и ирановѣдъ одновременно, Лейманнъ констатируетъ много чертъ общности южно-хотанскаго языка съ индійскими и съ иранскими, къ которымъ онъ и географически близокъ; но въ то же время проф. Лейманнъ находитъ въ новонайденномъ южно-хотанскомъ языкѣ много чертъ, не позволяющихъ его отнести къ которой-нибудь одной изъ двухъ этихъ арійскихъ группъ, и считаетъ южно-хотанскій языкъ за совершенно самостоятельную, третью арійскую вѣтвь. Лѣтъ за 3000 до Р. Х. — рисуетъ себѣ картину Э. Лейманнъ, — индо-европейскій праязыкъ былъ единъ; вскорѣ изъ него стали отдѣляться вѣтви: азіатскія — тохарская и арійская, и вѣтви европейскія. Арійская вѣтвь, сперва единая, ок. 2000 лѣтъ до Р. Х. разбилась* на три группы: иранскую, индійскую и сѣверно-загималайскую, изъ которыхъ третья и представлена намъ теперь новооткрытымъ южно-хотанскимъ языкомъ. Установивши эту картину на основаніи новооткрывшихся лингвистическихъ данныхъ, Лейманнъ вспоминаетъ и старинныя показанія индусовъ о языкѣ т. н. утгаракуру, — очевидно, къ сѣверу отъ Хималаевъ. Характеризуя строй новооткрытаго южно-хотанскаго языка, Лейманнъ отмѣчаетъ интересную особенность: сложные числительныя отъ 21 до 99 образуются въ немъ со вставкою предлога, означающаго „черезъ“, „сверхъ“, т. е. напр., 21 выражается посредствомъ реченія: „1 сверхъ 20-и“; единственная параллель такому словупотребленію имѣется въ индійской Ведѣ (срв. „Z. D. M. G.“, 1908, стр. 95). Въ своей характеристикѣ новооткрытаго третьяго арійскаго языка, Лейманнъ не забываетъ указать на огромное осложненіе, предстоящее сравнительному языковѣдѣнію, когда оно пожелаетъ пользоваться показаніями новаго языка для общезыковѣдныхъ вопросовъ. Новооткрытый загималайскій арійскій языкъ принадлежалъ народу менѣе культурному, чѣмъ индусы и иранцы, и потому, находясь въ сосѣдствѣ съ тѣми и другими, сдѣлалъ массу словарныхъ заимствованій изъ языка индійскаго и иранскаго; напр. изъ Индіи попали въ хотанскій арійскій языкъ такіе несомнѣнные гиндуизмы, какъ „нирвана“, изъ Персіи — такой несомнѣнный иранизмъ, какъ слово „Агурамазда“ въ смыслѣ „солнце“. Заимствованность этихъ-то и подобныхъ словъ ясна, но есть вѣдь другія, насчетъ которыхъ надо будетъ еще предпринять точное изслѣдованіе, и лишь послѣ отдѣ-

¹⁾ Теперь въ литературѣ о тохарскомъ языкѣ можно, среди прочихъ работъ, добавить E. Smith: *Tocharisch, die neuentdeckte indogermanische Sprache Mittelasiens* — *Christiania* 1911 = „Videnskabs-Selskabets Skrifter“ II, № 5. . . . . А. Кр.

ленія персидскихъ и индійскихъ наслоеній удасться имѣть чистый типъ южно-хотанскаго языка, пригодный для сравнительной филологіи.

При обсужденіи доклада *Ө. Е. Коршъ* отмѣтилъ, что тохарскій *Kentumsprache* — тоже языкъ смѣшанный, и провелъ нѣкоторую аналогію съ судьбами языка армянскаго.

4) *К. А. Фрейтагъ* демонстрировалъ передъ Восточной Комиссіей четыре рукописи, приобретенныя имъ въ Персіи, и далъ ихъ описаніе. Первая изъ нихъ — диванъ эмира Хосрова Дехлійскаго XIV в., вторая и третья — риторическія произведенія Джамія XV в., при чемъ одна изъ рукописей — автографъ самого автора (происходитъ изъ шахской кадजारской бібліотеки), а четвертая — сборникъ дивановъ пяти поэтовъ: Сельмана Саведжи (ум. 1367), Кямаля Ходженди (ум. 1400), Хафиза, (ум. 1389), эмира Шахи (ум. 1453), и Бесати Самаркандскаго (ум. 1412 г.). Эта послѣдняя рукопись (пять дивановъ) — конца XV вѣка, и на ея составѣ *К. А. Фрейтагъ* остановился съ особенною подробностью, снабжая свое описаніе обильными историко-литературными указаніями ¹⁾.

Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, въ особенности по поводу Сельмана Саведжи, оцѣнка котораго — по замѣчанію референта — до сихъ поръ въ исторіи персидской литературы остается неполной въ виду неизданности текста ²⁾. Со стороны *А. Е. Крымскаго* было замѣчено, что для установленія всесторонней оцѣнки Сельмана Саведжи надо бы было привлечь и сообщенія *Абдерреззака Самаркандскаго* XV в. (1487); у того можно найти, напр., свѣдѣнія по поводу оды Сельмана въ честь вторгшагося шаха Шоджи Мозафферидскаго, написанной Сельманомъ въ 1375 г. во время оккупации Тебриза шахомъ Шоджою, — фактъ, типичный для поэта, который всю свою жизнь пользовался благодѣяніями тебризскихъ *Джелаиридовъ*, враждовавшихъ съ *Мозафферадами*.

5) *Ө. Е. Коршъ* предложилъ Восточной комиссіи избрать *Константина Андреевича Фрейтага* въ свои члены. Согласно уставу, утвержденіе выбора должно состояться въ слѣдующемъ засѣданіи.

№ 107. Засѣданіе 2 декабря 1908 г., подъ предсѣдательствомъ *В. Ө. Миллера*, въ присутствіи предсѣдательницы Археологическаго общества граф. *П. С. Уваровой*, гг. членовъ *А. С. Хаханова*, *С. Г. Дзеруніана*, *Ө. Е. Корша*, *Х. И. Кучукъ-Іоаннесова*, *В. А. Гордлевскаго*, *М. О. Аттан*, *К. А. Фрейтага*, *Г. А. Халатьянца*, *Мирзы Аб-*

¹⁾ Въ настоящее время эта интересная рукопись изъ коллекціи *К. А. Фрейтага* приобретена бібліотекою Специальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ.

²⁾ Утвержденіе это не вполне правильно: диванъ Сельмана Саведжи былъ изданъ, и даже не такъ давно, только литографскимъ способомъ, въ Индіи. — Изданіе это, однако, до крайности рѣдко.

дулы Гаффарова, гостей: С. С. Сабатаева, студентовъ Лазаревского Института Восточныхъ языковъ — Мацыгорова, Унджіева, Достоевскаго, Зданевича, Зятькова, Косоротова, Умова, Восканова, Делянова, при секретарѣ Восточной комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Подтвержденъ выборъ въ члены Восточной комиссіи К. А. Фрейтага, предложеннаго на предыдущемъ засѣданіи.

3) В. А. Гордлевскій сдѣлалъ докладъ: «О новомъ сборникѣ турецкихъ пѣсень, собранныхъ г. Гизе въ Конійскомъ вилайетѣ», предпославши общій обзоръ изученія османской народной словесности ¹⁾.

При обсужденіи доклада, Ѳ. Е. Коршъ указалъ, что техника турецкихъ пѣсень, т. е. пѣсенная ихъ пѣтика, совпадаетъ съ пѣтикою вообще всѣхъ народныхъ пѣсень, и привелъ этому рядъ параллелей изъ пѣсень другихъ народовъ. Въ музыкальномъ отношеніи можно усмотрѣть и вліяніе греческое, и албанское, и даже итальянское, хотя ближе всего османская пѣсня стоитъ по мелодіи къ далеко-азиатскимъ татарскимъ. Съ мыслию референта о томъ, что источникъ османской пѣсни — область туркменовъ, откуда пѣсня, черезъ М. Азію, идетъ въ Константинополь, а не наоборотъ, Ѳ. Е. Коршъ вполне согласенъ. Касательно структуры стиха Ѳ. Е. Коршъ, проведши рядъ параллелей между пѣснею османскою и пѣснею тюрко-татарскою, отмѣтилъ рядъ случаевъ, въ которыхъ можно усматривать вліяніе книжной турецко-персидской метрики.

В. Ѳ. Миллеръ высказалъ мнѣніе, что на пѣсняхъ, собранныхъ у Гизе, лежитъ печать артистическаго, профессиональнаго творчества ашыковъ. На него многія пѣсни сборника Гизе вовсе не производятъ впечатлѣнія народнаго, наивнаго творчества.

А. Е. Крымскій отмѣтилъ, что фонетическая точность записей Гизе очень ненадежна и что его транскрипція часто вызываетъ сомнѣнія и недоумѣнія, какъ въ области вокализма, такъ и консонантизма, — и привелъ тому рядъ примѣровъ.

4) А. С. Хахановъ: «О грузинскихъ рукописяхъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ». Грузинскія рукописи Вѣны и Берлина некаталогизированы. А. С. Хахановъ, поработавши на мѣстѣ, составилъ ихъ перечень и описаніе ²⁾.

5) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: «Армянская надпись въ Каменецъ-Подольскѣ» ³⁾.

¹⁾ Докладъ В. А. Гордлевскаго, съ дополненіями, напечатанъ потомъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1908, кн. IV, и изданъ также отдѣльнымъ оттискомъ, особой книжкою.

²⁾ Издается въ нынѣшнемъ выпускѣ «Древностей Восточныхъ».

³⁾ Тоже издается въ нынѣшнемъ выпускѣ.

№ 108. Засѣданіе 3 февраля 1909 года, подъ предсѣдательствомъ **Ө. Е. Корша**, въ присутствіи предсѣдательницы Общества графини **П. С. Уваровой**, гг. членовъ: **Г. А. Халатьянца**, **Х. И. Кучукъ-Іоаннесова**, **м. Абд. Гаффарова**, **К. А. Фрейтага**, **В. В. Данилова**, **М. О. Аттая**, **В. А. Гордлевскаго**, **С. Г. Дзеруніана**, **Д. И. Иловайскаго**, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: **Умова**, **Пятницкаго**, **Зданевича**, **Зяцькова**, **Новикова**, **Дмитріева**, **Овчарова**, **Вѣнценосцева**, **Косоротова**, **Унджіева**, **Звѣрева**, при секретарѣ Восточной комиссіи **А. Е. Крымскомъ**.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

По болѣзни предсѣдателя **В. Ө. Миллера**, вести засѣданіе нынѣшнее попросили **Ө. Е. Корша**.

2) **А. Е. Крымскій** сдѣлалъ сообщеніе: «Объ источникахъ для изученія исторіи Махмуда Газневидскаго»¹⁾.

3) **К. А. Фрейтагъ**: «Отношенія Махмуда Газневидскаго къ Туркестану». Пользуясь текстомъ Гярдизія (по изд. **В. В. Бартольда**), референтъ придумалъ нѣкоторыя конъектуры для исправленія текста рукописи. Въ разсмотрѣніи этихъ конъектуръ приняли участіе **Ө. Е. Коршъ** и **А. Е. Крымскій**, предложившіе взаимно свое истолкованіе спорныхъ мѣстъ.

§ 109. Засѣданіе Восточной комиссіи 19-го февраля 1909 года, въ присутствіи предсѣдательницы Общества, графини **П. С. Уваровой**, подъ предсѣдательствомъ **В. Ө. Миллера**. Присутствовалъ **М. О. Аттая**, и нѣсколько студентовъ Лазаревскаго Института. Обязанности секретаря, по случаю болѣзни **А. Е. Крымскаго**, исполнялъ **В. А. Гордлевскій**.

1) **В. Ө. Миллеръ** реферировалъ: 1) работу **А. М. Дирра** объ орчинскомъ языкѣ (сближаемомъ съ эламитскимъ языкомъ), 2) книгу **Б. Н. Кастальскаго**: «Бія-Найманскіе оссуаріи». Самаркандъ. 1908. Изучая описанные г. Кастальскимъ оссуаріи, референтъ усматривалъ въ нихъ греческое вліяніе.

2) Студентъ **Нур-ед-динъ Худояръ-ханъ** познакомилъ съ «Нѣкоторыми обычаями и суевѣріями у сартовъ, связанными съ рожденіемъ ребенка»²⁾. Съ этой цѣлью онъ перевелъ на русскій языкъ сартскую рукопись, съ описаніемъ обычаевъ, составленную по просьбѣ г. Худояръ-хана въ Ташкентѣ однимъ муллою.

3) Студентъ **Н. Н. Новиковъ** прочелъ, въ литературномъ переводѣ, легенды объ Эфесскихъ отрокахъ, извлеченныя изъ арабскихъ источниковъ: Корана («Асхъб-аль-кяһф»), «Тафсира» Табари, Замахшари, Якута и ибнъ-аль-Асира. Въ основу легендъ, сообщаемыхъ Табаріемъ, положены рассказы, слышанныя имъ отъ сирійскихъ христіанъ (глав-

¹⁾ Будетъ напечатано въ „Трудахъ по востоковѣднію“ Лазаревскаго Института.

²⁾ Напечатано въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ 1909. № 1, стр. 35—39.

нымъ образомъ, отъ Саламы). Постепенно, однако, у позднѣйшихъ историковъ и комментаторовъ Корана, отголоски христіанскіе въ легендахъ исчезаютъ.

Рефератъ г. Новикова вызвалъ довольно продолжительный обмѣнъ мыслей между предсѣдательницей Общества и предсѣдателемъ Комиссіи. Графиня П. С. Уварова обратила прежде всего вниманіе на нѣкоторую разность въ именахъ отроковъ. Затѣмъ она остановилась на иконографіи отроковъ, изображаемыхъ съ сѣкирами; эта подробность явилась изъ разказа о ихъ службѣ при царскомъ дворѣ. В. Θ. Миллеръ указалъ на распространенныя легенды объ отрокахъ и на появленіе (у несторіанъ) молитвъ, обращенныхъ къ отрокамъ для ниспосланія спокойнаго сна. Что касается числа 7, то моментъ появленія его, разумѣется, значительно древнѣе не только мусульманства, но и христіанства. Въ вавилонскихъ заговорахъ и астральномъ ученіи это число играетъ важную роль ¹⁾.

№ 110. Засѣданіе 21 сентября 1909 г. подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи предсѣдательницы Археологическаго Общества гр. П. С. Уваровой, и членовъ: Г. А. Халатьянца, М. О. Аттап, И. С. Тандова, Х. И. Кучукъ-Юаннесова, Мирзы Абдуллы Гаффарова, А. С. Хаханова, В. В. Данилова, Н. В. Никитина, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Семенскаго, Букина, Овчарова, Двораковскаго, Вадова, Звѣрева, Пузанова, Мацыгорова, Достоевскаго, Пятницкаго, Блау, Какурина, Никанорова, Мильчича, Спасоевича, Пятницкаго, Зданевича, Умова, Предтеченскаго, С. Васильева, Красовскаго, Шабуни, Ребрика, Амилахвари, Воробьева, Гарейзе, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Предсѣдатель доложилъ объ археологическихъ матеріалахъ, которыя прислалъ П. С. Созонтовъ изъ г. Пржевальска Семирѣченской области. Это снимки съ памятниковъ буддійскихъ, старо тюркскихъ, мусульманско-арабскихъ. Послѣдніе, какъ обнаружено А. Е. Крымскимъ, не представляютъ большого интереса: обычные формулы «ля иляһ иля л-Лah». Буддійскія надписи—на памятникахъ у рѣки Тюпъ Семирѣченской области Пржевальскаго уѣзда. По письму П. С. Созонтова видно, что памятники на мѣстѣ предаются жителями безпощадному разрушенію. Въ особенности вредны своими раскопками кладонскатели-киргизы, которые, при раскопкахъ, губятъ камни съ надписями.

2) Предсѣдатель же доложилъ о статьѣ F. W. K. Müller'a: Ein iranisches Sprachdenkmal aus der nördlichen Mongolei (въ Sitzungsberichte прусской Академіи Наукъ 1909, XXVII, засѣданіе 27 мая 1909); это

¹⁾ Исчерпывающая монографія относительно легенды о „Семи спящихъ отрокахъ“—M. Huber: Die Wanderlegende von den Siebenschläfern, eine literaturgeschichtliche Untersuchung (Лейпцигъ 1910). Стр. XXI + 574 + 32. Ред.

надпись изъ Кара-Балгасунъ, найденная русскими, но — покаместъ — русской наукой не оцѣненная. Рѣчь въ надписи идетъ о введеніи новой вѣры въ Уйгуріи. Предполагалось, что эта новая вѣра — несторіанство. Теперь (съ 1898 г.) ясно, что она — манихейство. Въ надписи — языкъ средневѣковый персидскій (согдійскій). Лингвистическій матеріаль, даваемый ею, малъ; но въ виду общей малочисленности памятниковъ среднеперсидскихъ, каждый новый привносъ представляетъ интересъ и цѣнность.

3) Секретарь А. Е. Крымскій дополнительно ¹⁾ доложилъ о работѣ Б. Н. Кастальскаго: „Бія-найманскіе оссуаріи (костехранилища)“, вышедшей въ Самаркандѣ 1908, и демонстрировалъ снимки съ рисунковъ на оссуаріяхъ, которые онъ обследовалъ въ Катта-курганскомъ уѣздѣ въ кышлакѣ Бія-Найманъ. Въ рукахъ одной изъ фигуръ, по видимому, растеніе, изъ котораго выжимался жертвенный сокъ «гаома».

4) Секретарь А. Е. Крымскій сообщилъ объ археологическихъ раскопкахъ, предпринятыхъ въ Средней Азій, въ Самаркандѣ, В. Л. Вяткинымъ (совѣтникомъ областного правленія), прекраснымъ знатокомъ края, знатокомъ сартскаго языка, умѣлымъ чтецомъ археологическихъ надписей, обладателемъ превосходной бібліотеки рукописей, среди которыхъ есть и уники. (Бібліотека описана проф. В. В. Бартольдомъ). Въ обязанности В. Л. Вяткина входитъ наблюденіе и за старинными памятниками и мечетями. Когда онъ служилъ въ поземельной комиссіи, онъ нашелъ въ одномъ документѣ обозначеніе границы: «*رصد خانه*». Ислѣдовавши мѣсто (это оказался холмъ), В. Л. Вяткинъ заподозрилъ, что онъ попалъ на слѣды знаменитой обсерваторіи Улугъ-бека. Раскопавши холмъ, онъ дѣйствительно отрылъ обсерваторію. Главная находка — сохранившійся огромный квадрантъ въ видѣ полукруга (саженей 5—6) изъ великолѣпно обтесанныхъ плитъ, съ дѣленіями на градусы. Квадрантъ оказался на каменномъ постаментѣ, и теперь есть возможность провѣрить опредѣленіе меридіана монголами, а вмѣстѣ съ тѣмъ — научно пользоваться извѣстными астрономическими таблицами и вычисленіями астрономовъ Улугъ бега (онѣ изданы и во французскомъ переводѣ Седилльо).

5) Сообщение М. О. Аттая: «О богослужебныхъ рукописяхъ Антиохійскаго патріарха Макарія XVII в., хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Спб.». Сообщение приводится полностью:

Личность антиохійскаго патріарха Макарія, посѣтившаго Россію въ серединѣ XVII столѣтія для участія въ судѣ надъ патріархомъ Никономъ, очень интересна для людей, занимающихся исторіей Православной Восточной Церкви, которые, поэтому, дорожатъ всякимъ новымъ свѣдѣніемъ о немъ.

¹⁾ См. протоколъ № 109, стр. 29.

Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ въ концѣ августа текущаго года я познакомился въ Императорской Публичной Библіотекѣ съ собраніемъ арабско-греческихъ рукописей, вывезенныхъ съ Востока архимандритомъ Антониномъ (бывшимъ настоятелемъ русской миссіи въ Іерусалимѣ) и принесенныхъ имъ въ даръ Публичной Библіотекѣ.

Среди этихъ рукописей мое вниманіе обратили на себя четыре служебника патриарха Макарія; хотя они кратко описаны профессоромъ С.-Петербургскаго Университета В. Д. Смирновымъ въ „Отчетахъ Императорской Библіотеки“ за 1899 годъ, я все же позволяю себѣ обратить вниманіе специалистовъ на эти четыре рукописи и въ особенности на рукопись № 19, которая, какъ я полагаю, написана рукою самого патриарха Макарія.

Всѣхъ извѣстныхъ намъ до сего времени служебниковъ Макарія пять: одинъ — Аѳонскій списокъ, описанный проф. Г. А. Муркосомъ въ «Трудахъ» Восточн. Коммисіи ¹⁾; какъ видно изъ предисловія, написаннаго къ нему самимъ патриархомъ Макаріемъ, новый переводъ служебника былъ вызванъ множествомъ ошибокъ и неточностей, существовавшихъ въ арабскихъ служебникахъ до него. Въ припискѣ къ Аѳонской рукописи мы читаемъ, что патр. Макарій самъ подарилъ эту рукопись въ собственность на вѣчныя времена въ церковь святыхъ Кипріана и Іустина въ богохранимомъ Дамаскѣ. Четыре остальныхъ служебника находятся, какъ выше было указано, въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ СПб.

Рукопись № 18 имѣетъ 109 страницъ восьмой доли; въ концѣ рукописи написано слѣдующее (приводимъ въ переводѣ): «Кончилась переписка этого священнаго Кондака, т. е. порядка божественнаго Богослуженія и Требника, въ среду 1-го февраля 7197 года отъ сотворенія міра (въ «Отчетахъ» Имп. Библіотеки означено 7179; очевидно, это опечатка) рукою смиреннаго раба Божія... Георгія, извѣстнаго подъ именемъ ибнъ-Сильсиль изъ Дамаска, и написанъ онъ ради собрата нашего, благочестиваго монаха и служителя Бога, священствующаго Макарія. Да послужитъ этотъ Кондакъ ему благословеніемъ». Эта рукопись позднѣе аѳонской на 24 года, т. е. аѳонская датирована 7155 г. отъ Адама.

На листахъ 102 и 109 этой рукописи приписаны два отрывка приблизительно одинаковаго содержанія. Переведу ихъ цѣликомъ: «Этотъ благословенный Кондакъ принесенъ на вѣчныя времена въ даръ церкви Св. Іакова, брата Господня, именуемой Малымъ Воскресеніемъ. Никто не имѣетъ права ни передать его другой церкви, ни замѣнить его другимъ, ни заложить, ни продать; кто его украдетъ или возьметъ на подержаніе и утаитъ — да будетъ тому анаѳема изъ устъ Отцовъ церкви, и да ниспадетъ на него гнѣвъъ

¹⁾ Древности Восточныя. Т. II. Вып. I, стр. 113—117.

Господень. Написано это 15-го августа 1763 года». А вторая приписка вмѣсто 15-го августа помѣчена 25-мъ августомъ; годъ — тотъ же.

Рукопись № 20 содержитъ въ себѣ 110 листовъ, и въ концѣ ея написано слѣдующее (приводимъ въ переводѣ): «Написано это рукою тлѣннаго и смиреннаго Михаила, сына Залаты, христіанина, въ 1739 году по Р. Хр. и принесено имъ въ вѣчный даръ церкви св. Іакова, брата Господня, что въ святомъ градѣ Іерусалимѣ. Всякій, кто присвоитъ или продастъ или заложитъ эту книгу — да будетъ лишенъ славы отъ Господа Бога Отца, удаленъ отъ Бога Сына и проклятъ Богомъ Духомъ Святымъ».

Рукопись № 27 имѣетъ 101 листъ четвертой доли; открывается она греческимъ текстомъ позднѣйшаго происхожденія, занимающимъ листы отъ 1 по 6-ой. Собственно говоря, рукопись начинается съ 7-го листа, и арабскій текстъ идетъ въ ней рядомъ съ греческимъ. Ни одной даты на этой рукописи нѣтъ. Написана она рукою Михаила Мутрана изъ Триполи. Очевидно, эта рукопись болѣе поздняго происхожденія сравнительно съ прочими рукописями, и она напрасно причислена къ рукописямъ служебника Макарія. Въ ней, во-первыхъ, отсутствуетъ предисловіе самого Макарія, а во-вторыхъ, порядокъ службы не соответствуетъ такому въ другихъ служебникахъ. Я думаю, что эта рукопись есть позднѣйшій списокъ съ болѣе древней рукописи, на ошибочность которыхъ какъ разъ и указывалъ патриархъ Макарій въ своемъ предисловіи.

Рукопись № 19 имѣетъ 123 листа, написана прекраснымъ насх'омъ. Предисловіе къ служебнику таково, какъ и въ Аѳонской рукописи; предисловіе и самый служебникъ этой рукописи болѣе правильны въ грамматическомъ отношеніи, чѣмъ всѣхъ другихъ. При сличеніи ея, на примѣръ, съ Аѳонской рукописью, можно съ увѣренностью сказать, что писавшій рукопись № 19 былъ человекомъ весьма грамотнымъ и хорошо образованнымъ; въ ней нѣтъ ни простонародныхъ выраженій, ни искаженій. Для примѣра возьмемъ: въ Аѳонской рукописи написано الجذا, а въ № 19 الجدا «овцы», что правильно; или въ Аѳ. рукописи خدوا كلوا «пріимите, ядите» вмѣсто болѣе правильнаго كلوا خدوا какъ въ рук. № 19; или еще: въ Аѳонской рукописи تغير من الجهل а въ рукоп. № 19 تغير من الجهال «измѣнилась рукопись (руками) невѣждъ», что опять-таки болѣе правильно. Я могъ бы привести много примѣровъ изъ одного только предисловія, но всѣ они доказываютъ лишь малограмотность переписчика Аѳонской рукописи.

Такимъ образомъ, рукописи № 18 и 20 очевидно не суть оригиналь, написанный самимъ Макаріемъ, такъ какъ въ нихъ обозначены имена ихъ переписчиковъ, и обѣ онѣ, кромѣ того, закрѣплены за церковь св. Іакова. Аѳонская же рукопись является, повидимому, неточнымъ спискомъ съ рукописи № 19, какъ это видно и изъ сравненія и изъ того, что она также прикрѣплена къ церкви святыхъ Кипріяна и Іустина.

Рукопись же № 19 является самой правильной, лучше написанной и ни за кѣмъ не прикрѣпленной, и сверхъ того въ ней не обозначено имя переписчика. Если при сличеніи этой рукописи съ подписью самого Макарія, находящейся въ библиотекѣ при Синодальной типографіи въ Москвѣ (см. отдѣлъ рукописей за № 355, оригиналь Соборнаго свитка 1667 года, съ которой я скопировалъ вотъ слѣдующее: *ماكارىوس برحمة الله تعالى البطريك الانطاكى وسایرالمشرق* т.-е. Макарій милостью Божіею Патріархъ Антіохійскій и всего Востока), окажется сходство, то можно будетъ съ увѣренностью сказать, что рукопись № 19 написана самимъ Макаріемъ и принадлежала лично ему. А теперь можно только сказать, что рукопись эта — явилась тѣмъ основнымъ изводомъ, которымъ руководились при дальнѣйшей перепискѣ.

6) А. Е. Крымскій доложилъ: «Мелкія сообщенія, могущія способствовать выясненію личности патріарха Макарія и автора его путешествія». Онъ намѣтилъ пункты:

а) Можно использовать «Проскинитарій» Арсенія Суханова. Арсеній Сухановъ во время своего путешествія на востокъ въ 1652 г. былъ и въ Алеппо и въ Дамаскѣ и видѣлся съ антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ. Впослѣдствіи ему пришлось принимать патр. Макарія въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, гдѣ Арсеній Сухановъ былъ тогда келаремъ.

б) Среди полныхъ довѣрія статей, которыми встрѣчено было путешествіе Макарія въ русской церковно-исторической наукѣ (послѣ появленія перевода Г. А. Муркоса), отдѣляется отъ прочихъ одна, очень скептическая. Авторъ ея — прот. С. Смирновъ, и помѣщена она въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1899, сент. (стр. 167—174). Авторъ беспощадно критикуетъ патр. Макарія и его спутниковъ, видитъ въ нихъ восточныхъ проходимцевъ, попрошайекъ, безстыдныхъ торговцевъ индульгенціями.

в) Необходимо изслѣдовать въ архивахъ сохранившіяся, но мало изданныя, казенныя московскія описанія тѣхъ приемовъ, въ которыхъ участвовалъ патр. Макарій. Положимъ, большая часть московскихъ записей — простые дѣловые счета денежныхъ издержекъ, но есть въ нихъ и другія подробности. Такъ-какъ въ арабскомъ путешествіи Макарія оказываются подробныя описанія тѣхъ же приемовъ, то дается матеріаль для критическаго сопоставленія. Указать можно т. н. «Дворцовыя разряды», гдѣ о пребываніи патріарха Макарія Антіохійскаго въ Москвѣ см. печатно изданный т. III (1852), стр. 457 и слѣд. и т. IV (1854), стр. 13 и слѣд. Или см. греческія дѣла московскаго архива И. Д. № 8, 9, 19. Или см. Собраніе государственныхъ грамотъ IV, № 63 и др.

г) Откуда черпалъ свѣдѣнія о Макаріи Ригельманъ въ своемъ «Лѣтописномъ повѣствованіи о Малой Россіи» 1778 года? см. по мо-

сковскому изданію 1848 (въ «Чтеніяхъ»), т. II, 129. Ригельманъ рассказываетъ объ арестѣ патриарха Макарія въ Константинополь по возвращеніи изъ Руси въ 1669 году, „доколѣ платою откупился“.

№ 111. Засѣданіе 20 октября 1909 г., подъ предѣдательствомъ В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи предѣдательницы общества гр. П. С. Уваровой, гл. членовъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Г. А. Халатьянца, А. С. Хаханова, В. В. Данилова, Мирзы-Джафара, Мирзы-Абдуллы-Гаффарова, С. Г. Дзеруньяна, гостя И. С. Тандова, многочисленныхъ студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, при секретарѣ Восточной комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) А. С. Хахановъ: «Аббревіатуры старо-грузинскихъ рукописей»¹⁾. Референтъ, давши рядъ примѣровъ, приходитъ къ выводу, что, за рѣдкими исключеніями, у грузиновъ сокращались въ священныхъ книгахъ тѣ самыя слова, которыя сокращенно писались и въ греческихъ книгахъ.

В. Ѳ. Миллеръ и А. Е. Крымскій отмѣтили, что такимъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ церковно-славянскими рукописями. Г. А. Халатьянецъ и Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ констатировали то же явленіе для рукописей армянскихъ.

3) А. Е. Крымскій: «Черты литературной жизни Турціи XVI вѣка». Докладчикъ остановился не на общеизвѣстныхъ корифеяхъ османской литературы XVI в., а на тѣхъ менѣе извѣстныхъ поэтахъ, въ которыхъ замѣчается народность и простонародность²⁾.

Онъ же далъ замѣтку: «О начаткахъ азербейджанской литературы»³⁾, съ особой подробностью останавливаясь на Фузули.

№ 112. Протоколъ засѣданія 11 ноября 1909 г., подъ предѣдательствомъ В. Ѳ. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ: Ѳ. Е. Корша, В. А. Гордлевскаго, Г. А. Халатьянца, М. О. Аттаи, Мирзы Абдуллы-Гаффарова, Л. З. Мсерянца, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, В. В. Данилова, С. Н. Тэръ-Саргсянца, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Умова, Бѣлановича, Гарейзе, Гюльазизова, Вадова, Ребрика, Васильева, Зданевича, Никанорова, Пузанова, Красина, Делянова, Букина, Семенскаго, Худояръ-хана, Овчарова, Косоротова, при секретарѣ Восточной комиссіи А. Е. Крымскомъ.

¹⁾ Сообщение издается въ выѣшнемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

²⁾ Отчасти этотъ рефератъ вошелъ потомъ (въ сильно сокращенномъ видѣ) въ „Исторію Турціи и ея литературы“ (М. 1910), т. II.

³⁾ Тоже отчасти вошла (сокращенно) въ его „Исторію Турціи“, т. II (1910), стр. 132—140.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшего засѣданія.

2) В. Θ. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ Ферд. Борка: «Die Mitannisprache» (Берл. 1909=Mittheilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft, XIV, 1—2) ¹⁾.

3. Сообщеніе М. О. Аттан: «О новооткрытой рукописи историческаго труда патріарха Макарія Антиохійскаго XVII в. на основаніи статьи арабскаго журнала «ан-Ни'ме». Сообщеніе приводится цѣликомъ.

Новая рукопись патріарха Макарія XVII в.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію моего сообщенія, я бы хотѣлъ сказать нѣсколько словъ объ арабскихъ журналахъ вообще, а въ особенности о журналѣ «ан-Ни'ме», изъ котораго я заимствую настоящее сообщеніе. Еженедѣльные и ежемѣсячные журналы, выходящіе на арабскомъ языкѣ, составляютъ особый типъ: они имѣютъ своею цѣлью пропаганду духовно-религіозныхъ идей. Поэтому статьи такого содержанія занимаютъ въ нихъ первое мѣсто, а затѣмъ уже идутъ научныя статьи по археологій, исторіи, филологій, математикѣ и т. п. Починъ изданія такихъ журналовъ принадлежитъ американскихъ миссіонерамъ. По ихъ иниціативѣ издавался первый журналъ «аль-Джинанъ»=«Рай», подъ редакціей Бугроса аль-Бюстанія, прекратившійся по его смерти. На смѣну ему явился «аль-Моqtатафъ»=«Сборъ», Іезуиты же издають «аль-Машрыqъ»=«Востокъ». Оба эти журнала, имѣя денежную и научную поддержку въ лицѣ Американскаго и Іезуитскаго коллежей, процвѣтають десятки лѣтъ. Къ сожалѣнію, иначе дѣло обстоитъ у православныхъ, которые издавали сначала «аль-Махаббе»=«Любовь», затѣмъ «аль-Манаръ»=«Свѣтильникъ»; оба эти журнала, за неимѣніемъ средствъ и сотрудниковъ, прекратили свое существованіе. И только теперь, съ 15-го іюня 1909 года, появился въ свѣтъ журналъ «ан-Ни'ме»=«Милость». Издается онъ православною Антиохійскою патріархіей въ Дамаскѣ и выходитъ 2 раза въ мѣсяць. Это изданіе возникло благодаря обильнымъ щедротамъ Его Величества Государя Императора, который ежегодно надѣляетъ патріарха особой суммой. Благодаря тому, матеріальныя средства журнала обезпечены; поэтому можно надѣяться, что найдутся и сотрудники. хотя, къ сожалѣнію, не изъ православныхъ, которыхъ очень мало.

За 1909-й годъ уже получено въ Москвѣ 9 номеровъ этого журнала, Разсматривая ихъ, я попалъ на интересное сообщеніе, которымъ хочу съ Восточной Коммиссіей подѣлиться.

Сообщеніе это касается патріарха Макарія Алеппскаго, который насъ очень интересуетъ, какъ крупный дѣятель арабско-православной церкви, историкъ и этнографъ. Въ № 7-мъ журнала на стр. 221 сообщается слѣдующее: «Его Блаженство, Патріархъ Григоріосъ, сна-

¹⁾ Сообщеніе В. Θ. Миллера о митаннійскомъ языкѣ издается въ нынѣшнемъ выпускѣ «Древностей Восточныхъ».

рядилъ въ Алеппо завѣдующаго историческимъ отдѣломъ журнала Ису, сына Александра Малуфа, для разысканія въ этомъ городѣ рукописей. Г-ну Малуфу удалось найти и даже купить нѣсколько интересныхъ рукописей. Самая важная изъ нихъ — «Историческій сборникъ», составленный и написанный рукой патриарха Макарія Алеппскаго. Часть этой рукописи написана Макаріемъ въ бытность его въ Кутаисѣ, столицѣ Грузіи, въ 1665 году. Изъ 47-и главъ рукописи только 2 послѣднія написаны рукою *نعمه بن فتح الله الحمصی*, и то изъ сочиненій Макарія. Самыя интересныя главы II—V, въ которыхъ Макарій излагаетъ исторію патриарховъ въ Антиохіи, Александрии, Іерусалимѣ и Константинополѣ отъ временъ апостоловъ до его дней. Тамъ Макарій даетъ подробныя біографіи патриарховъ и во многомъ дополняетъ единственнаго въ этой области церковно-арабскаго историка *بريك-ا*. Въ 27-ой главѣ Макарій приводитъ списокъ именъ Антиохійскихъ патриарховъ отъ апостола Петра до него самого—Макарія. Въ 28-ой главѣ онъ описываетъ принятіе православной вѣры грузинами, а въ 29-ой исторію Грузіи, обычаи, нравы и вѣрованія ея жителей. Двѣ послѣднія главы имѣютъ свой интересъ въ томъ, что могутъ внести поправки въ тотъ искаженный текстъ, изъ котораго сдѣланъ переводъ на русскій языкъ профессоромъ Казанской духовной академіи П. Жузе. Кромѣ того сборникъ представляетъ и тотъ интересъ, что онъ сначала принадлежалъ сыну Макарія и патриарху Кириллу, которые, кромѣ своихъ примѣчаній, излагали еще на поляхъ сборника современныя имъ событія.—Редакція журнала «ан-Ни'ме» радуется насъ еще обѣщаніемъ приступить въ скоромъ времени къ изданію всего сборника, снабдивъ его научными примѣчаніями.

По выслушаніи сообщенія М. О. Аттаи, Восточная Коммиссія постановила: обратиться съ просьбою къ Археологическому Обществу, чтобы оно, черезъ Ея Высочество Княгиню Елисавету Θεодоровну, попросило нынѣшняго антиохійскаго патриарха о высылкѣ означенной рукописи въ Общество для ея изслѣдованія и снятія съ нея копии и, возможно, для изданія.

№ 113. Засѣданіе 28 ноября 1909 г., подъ предсѣдательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи Предсѣдателя Общества граф. П. С. Уваровой, и членовъ: М. В. Никольскаго, С. Н. Тэръ-Саргсянца, Н. В. Никитина, Г. А. Халатьянца, М. О. Аттаи, Мирзы Абдуллы Гаффарова, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, К. А. Фрейтага, В. А. Гордлевскаго, В. В. Данилова, референта В. М. Халатьянца, гостей: И. С. Тандова, Л. Халатьянца, Е. К. Парфеньевой, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: кн. Амилахвари, Бове, С. Васильева, Воробьева, Гюльазизова, Делянова, Звѣрева, Зданевича, Зисмана, Косоротова, Красина, Купервассера, Мацыгорова, Милославина, Новикова

К. Пузанова, Ребрика, Туманова, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

- 1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.
- 2) В. В. Даниловъ прочиталъ некрологъ: „Памяти профессора Пауля Хорна“. Докладъ приводится полностью.

Профессоръ Пауль Хорнъ.

1863—1908.

Въ прошломъ 1908 году ориенталистика, въ частности ирановѣдѣніе, понесло тяжелую утрату въ лицѣ скончавшагося 12 ноября (нов. ст.) профессора Страсбургскаго Университета Paul'я Horn'a, извѣстнаго своими цѣнными работами въ области персидской филологіи и литературы.

Его внѣшняя жизнь не была богата событіями. Родился онъ 14-го января 1863 года въ Halle a. S.; по окончаніи гимназіи поступилъ тамъ же въ университетъ, гдѣ особенно занимался ориенталистикой. По окончаніи университета онъ былъ оставленъ для подготовки къ научной дѣятельности, для чего послѣ защиты въ 1885 году диссертациі на степень доктора иранской филологіи, получилъ трехгодичную командировку на Востокъ, пробывъ однако не въ Персіи, а въ Константинополѣ, гдѣ работалъ главнымъ образомъ въ различныхъ мѣстныхъ бібліотекахъ, подготавливая матеріалъ для своихъ дальнѣйшихъ работъ. По возвращеніи изъ командировки проф. Horn принялъ предложеніе занять мѣсто приватъ-доцента Страсбургскаго Университета по кафедрѣ иранской филологіи; нѣсколько лѣтъ спустя онъ началъ читать лекціи и по другимъ отраслямъ науки, смежнымъ съ его непосредственной спеціальностью — по турецкому языку и литературѣ и по сравнительному языковеденію. Съ того времени въ теченіи послѣдующаго ряда лѣтъ вплоть до своей смерти онъ состоялъ сначала приватъ-доцентомъ, а съ 1900 года — въ званіи экстра-ординарнаго профессора Страсбургскаго университета, отклоняя отъ себя лестныя предложенія со стороны другихъ германскихъ университетовъ, особенно Рашттокскаго, совѣтъ философскаго факультета котораго приглашалъ его въ ряды своихъ членовъ единогласно.

Такимъ образомъ, вся его научная работа и почти 20-ти лѣтняя профессорская дѣятельность протекала въ Страсбургскомъ университетѣ. И лишь въ теченіи трехъ послѣднихъ семестровъ въ силу тяжелой болѣзни (сильно выраженная форма неврастеніи, перешедшая въ неизлѣчимую душевную болѣзнь, отъ которой ему не суждено было поправиться) онъ вынужденъ былъ уклониться отъ преподавательской дѣятельности и научной работы.

Переходя къ обзору научныхъ работъ покойнаго профессора Horn'a, нужно замѣтить, что изслѣдованія въ области ирановѣдѣнія

изложены имъ не только въ пользующихся извѣстностью его крупныхъ работахъ, частью изданныхъ отдѣльно, частью помѣщенныхъ въ «Grundriss'ф der iranischen Philologie», но и въ огромномъ количествѣ небольшихъ по размѣру статей и замѣтокъ, помѣщавшихся въ разное время на страницахъ нѣмецкихъ и другихъ журналовъ.

Эти мелкія работы помѣщались главнымъ образомъ на страницахъ «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», — членомъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ котораго онъ состоялъ до своей смерти. Обширное знаніе средней и новой персидской литературы въ соединеніи съ выдающеюся эрудиціей и тонкимъ критическимъ чутьемъ дали возможность профессору Ногн'у представить въ своихъ работахъ рядъ цѣнныхъ выводовъ и гипотезъ о происхожденіи или развитіи тѣхъ или другихъ явленій въ области персидской литературы и языка. Въ этомъ отношеніи его работы шли главнымъ образомъ въ трехъ направленіяхъ: однѣ были направлены къ разработкѣ персидской филологіи путемъ историческаго изученія новоперсидскаго языка и тщательнаго анализа его фонетическихъ особенностей; другія имѣли цѣлью изслѣдованіе наиболѣе выдающихся, или другихъ, почему-либо остановившихъ на себѣ его вниманіе, явленій персидской исторіи и литературы, и наконецъ, въ своихъ работахъ проф. Ногнъ касался также и турецкой литературы, хотя этотъ отдѣлъ ориенталистики интересовалъ его, какъ специально филолога-ираниста, видимою менѣе другихъ.

Въ ученой литературѣ профессоръ Ногнъ особенно извѣстенъ своей работой «Grundriss der neupersischen Etymologie»¹⁾, изданной имъ въ Страсбургѣ въ 1904-мъ году.

Главной задачей этого труда была попытка на основаніи старѣйшихъ персидскихъ рукописей, уцѣлѣвшихъ остатковъ произведеній персидскихъ поэтовъ и различныхъ новоперсидскихъ діалектовъ представить новоперсидскій языкъ въ его историческомъ освѣщеніи путемъ этимологическаго объясненія словарнаго запаса языка и главнымъ образомъ той его части, которая черезъ пехлеви можетъ быть возведена къ языкамъ древнеперсидскому и индійскому. Потребность въ такомъ именно словарѣ ощущалась ориенталистами уже давно, на что указываютъ вышедшіе ранѣе труды Вуллерса²⁾ и Дармстетера³⁾, и потому трудъ профессора Ногн'а, являющійся къ тому же суммированіемъ всѣхъ послѣднихъ научныхъ данныхъ, имѣетъ весьма важное значеніе, несмотря на нѣкоторые недочеты и неточности. Его «Grundriss» распадается на два неравные отдѣла; первый отдѣлъ охватываетъ собою этимологію 1129 новоперсидскихъ словъ,

1) „Sammlung indogermanischer Wörterbücher“ IV. Band. 8°. XXV+384. Strassburg.

2) Grammatica linguae persicae, Gissae, 1870.

3) Etudes iraniennes. I vol. Paris, 1883.

основанную на работахъ его предшественниковъ, на его самостоятельныхъ изысканіяхъ и изученіи памятниковъ персидской литературы и на краткихъ, но цѣнныхъ сообщеніяхъ Nöldeke, Landauer'a Hübschmann'a и нѣкоторыхъ другихъ специалистовъ; второй отдѣлъ—еще болѣе цѣнный,—представляетъ собою попытку реконструировать и дать этимологическое объясненіе 241 слову новоперсидскаго языка, исторія которыхъ можетъ считаться утраченной. Конечно, трудъ проф. Horn'a не можетъ претендовать на неоспоримость и полноту и является лишь однимъ изъ первыхъ опытовъ составленія подобнаго рода историческаго словаря, если не считать указанные выше «Etudes iraniennes» Дармстетера и устарѣлую работу Вуллера. Несмотря на нѣкоторые промахи и на несомнѣнно благоприятные иногда отзывы объ этомъ его трудѣ, въ смыслѣ неточности отдѣльныхъ мѣстъ, со стороны ориенталистовъ, какъ Залеманнъ ¹⁾, Манн ²⁾ и особенно Fr. Müller ³⁾, значеніе его въ цѣломъ, особенно второй части, основанной на изученіи нѣкоторыхъ рѣдкихъ рукописей—unic'овъ, было отмѣчено въ ориенталистикѣ. Два года спустя послѣ появленія этой работы Horn'a, другой профессоръ Страсбургскаго Университета, Н. Hübschmann, нынѣ также умершій, опубликовалъ въ «Persische Studien» ⁴⁾ свои весьма цѣнные поправки и дополненія къ «Grundriss'u» Horn'a.

Лексическимъ матеріаломъ, собраннымъ для «Grundriss'a», дополненіями къ нему проф. Hübschmann'a и другими, доступными ему источниками, проф. Horn воспользовался для своей другой филологической работы—«Neupersische Schriftsprache», помѣщенной въ 1-омъ томѣ «Grundriss'a der iranischen Philologie» и посвященной разработкѣ новоперсидской фонетики и грамматики, разсматриваемыхъ съ исторической точки зрѣнія. Этотъ трудъ состоитъ изъ трехъ частей: ученія о звукахъ, формахъ и словообразованіи, и, являясь сводкой всѣхъ послѣднихъ данныхъ иранской филологіи, занимаетъ благодаря этому видное мѣсто въ иранистикѣ. Здѣсь проф. Horn такъ тщательно воспользовался собраннымъ имъ матеріаломъ, что критикѣ осталось только отмѣтить отдѣльные промахи, неизбежные, конечно, при всякой научной работѣ. А если вспомнить, что при обработкѣ вопросовъ персидской филологіи ему часто приходилось опираться на совершенно необработанные, иногда даже сомнительные тексты, то заслуга проф. Horn'a въ дѣлѣ составленія подобнаго труда становится еще болѣе очевидной.

Большую услугу ориенталистикѣ оказалъ также профессоръ Horn своимъ изданіемъ по одной изъ рукописей Ватиканской библио-

1) Въ Literarisch. Centralblatt. 1893 № 435. 1457/8.

2) Z. D. M. G. Band 47. Seite 698. ff.

3) W. Z. K. M. Band 7.

4) Persische Studien. 8°, 286 Seite. Strassb. 1895.

теки словаря «Lughat-i-Fars» Асади Младшаго изъ Туса ¹⁾, жившаго въ половинѣ XI столѣтія и составившаго свой трудъ около 1060 года. Этотъ словарь, рукопись котораго относится къ 1332-му году, является древнѣйшимъ изъ дошедшихъ до насъ персидскихъ словарей и заключаетъ въ себѣ много цѣнныхъ свѣдѣній изъ временъ начала новоперсидской литературы. Такъ, благодаря ему, дошли до насъ, на примѣръ, стихотворные отрывки изъ произведеній одного изъ интереснѣйшихъ поэтовъ временъ Саманидовъ — мистика и сатирика Абуль Хасана Шехида изъ Балха, нѣсколько месневійныхъ отрывковъ изъ персидской обработки «Калилы и Димны» Рудеги, считавшейся до сихъ поръ совершенно утраченной, затѣмъ отрывки также не дошедшей до насъ цѣликомъ поэмы Онсори «Вамякъ и Азра» и много другихъ.

Замѣтимъ здѣсь, что незадолго до изданія этой ватиканской рукописи проф. Ногн составилъ полное описаніе всѣхъ персидскихъ и турецкихъ рукописей, хранящихся въ богатой библиотекѣ Ватиканскаго папскаго музея въ Римѣ ²⁾. А нѣсколько позже имъ было предпринято подобное же описаніе исключительно персидскихъ рукописей, числомъ болѣе 1000, находящихся въ различныхъ библиотекахъ Константинополя ³⁾. Важны эти каталоги въ томъ отношеніи, что даютъ описанія нѣкоторыхъ очень рѣдкихъ сборниковъ, антологій и произведеній отдѣльныхъ поэтовъ.

Изъ его работъ по исторіи Персіи можно отмѣтить его статью «Geschichte Iran's in islamitischer Zeit», помѣщенную во II томѣ того же «Grundriss'a der iranisch. Philologie»; это сжатый очеркъ исторіи мусульманской Персіи, представляющій изъ себя эссенцію всѣхъ свѣдѣній о прошломъ Персіи, достигнутыхъ до сихъ поръ наукою. И если не всѣ періоды исторической жизни персовъ освѣщены одинаково равномерно — то виною тому невозможность составить въ настоящее время, когда множество первоисточниковъ еще не издано и не изслѣдовано, такой очеркъ внѣшней исторіи страны, который являлся бы одинаково полнымъ для всѣхъ ея періодовъ. — Вопросы иранской исторіи в археологіи часто привлекали къ себѣ вниманіе проф. Ногн'a, на что указываетъ рядъ его статей, гдѣ онъ часто возвращается къ ихъ разработкѣ. Въ 1891 году онъ издалъ подробное описаніе геммъ временъ Сасанидской династіи, хранившихся въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ ⁴⁾; впоследствии эта статья въ значительно расширенномъ видѣ вошла во II томъ «Grundriss'a der iranischen Philologie» — «Münzen und Gemmen von Iran». Нѣсколько историческихъ работъ и замѣтокъ было

¹⁾ Asadi's Neupersisches Wörterbuch. Brl. 1897.

²⁾ Die pers. und türk. Handschr. des Vaticans. Z. D. M. G. Bd. 51.

³⁾ Die pers. Handschr. in Constantinopol. Z. D. M. G. Bd. 54.

⁴⁾ Sassanid. Gemmen aus d. Brit. Museum. Leipz. 1891.

помѣщено профессоромъ Horn'омъ въ разное время на страницахъ «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft».

Часто проф. Horn, въ силу-ли различныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, или разносторонности своихъ научныхъ интересовъ, отвлекался отъ своей непосредственной специальности — разработки филологическихъ или историческихъ вопросовъ. Такъ въ 1901-мъ году онъ принялъ предложеніе издательства Amelang составить популярный очеркъ персидской литературы для серіи «Die Literaturen des Ostens in Einzeldarstellungen». Согласно плану проф. Horn'a, какъ онъ самъ указываетъ въ предисловіи, этотъ очеркъ предназначался имъ для широкихъ круговъ общества и написанъ въ виду этого легкимъ популярнымъ языкомъ съ приложеніемъ многихъ образцовъ — переводовъ изъ наиболѣе выдающихся персидскихъ поэтовъ. Большее вниманіе удѣлено новоперсидской литературѣ, изложеніе которой ведется съ такимъ расчетомъ, чтобы дать возможность читателю-неоріенталисту составить себѣ ясное и живое представленіе о постепенномъ развитіи персидской литературы; центръ всей книги сосредоточивается на эстетической сторонѣ предмета, почему болѣе мѣсто въ ней отведено главнѣйшимъ выдающимся представителямъ персидской изящной поэзіи, какъ наиболѣе ярко обрисовывающимъ въ своихъ произведеніяхъ настроеніе и характеръ персидскаго народа. Несмотря на нѣкоторые недочеты съ научной стороны, отчасти неизбежные при преслѣдованіи цѣли популяризаціи, отчасти вызванные, повидимому, спѣшностью работы (на это указываетъ неравномѣрное изложеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ), трудъ этотъ — какъ популярный, очень цѣненъ ¹⁾. Этотъ же очеркъ въ сильно переработанномъ видѣ, очень сжато и (вмѣстѣ съ тѣмъ) болѣе научномъ, безъ образцовъ, былъ помѣщенъ имъ въ I томѣ изданія «Die Kultur der Gegenwart». Тамъ же помѣщенъ небольшой по размѣру очеркъ турецкой литературы ²⁾, принадлежащій также перу проф. Horn'a.

Изъ другихъ его работъ въ области турецкой литературы можно упомянуть популярно-составленную «Türkische Moderne» изъ серіи Amelang'a, преслѣдующую ту же цѣль, что и очеркъ персидской литературы.

Г. Минорскій въ своей рецензіи на эту работу Horn'a ³⁾ вполне справедливо замѣчаетъ, что, хотя авторъ не специалистъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, однако его большая начитанность въ новой турецкой литературѣ придаетъ его небольшому очерку (70 стр.) несомнѣнный интересъ. А такъ какъ, продолжаетъ Минорскій, изу-

¹⁾ Gesch. der pers. Literatur, Bnd. VI. Teil I, Leipz. 1901.

²⁾ Die Kultur der Gegenwart. Teil I, Abt. VII, Seite 269—281.

³⁾ «Этнограф. Обзорѣніе» 1903 кв. II, стр. 140—145.

ченіе молодой османской литературы, помимо Константинополя, сопряжено съ громадными затрудненіями, то все это надо принять во вниманіе, прежде чѣмъ говорить о ея недочетахъ. Этотъ недочетъ г. Минорскій видитъ прежде всего въ игнорированіи общественной жизни и біографій авторовъ, которыя могли бы пролить не мало свѣта для выясненія ихъ характеристики, затѣмъ въ вынужденной спѣшности работы, благодаря чему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его трудъ является лишь простымъ пересказомъ трактуемыхъ произведеній, что однако не уменьшаетъ значеніе его работы въ цѣломъ.—

Отмѣтимъ еще что въ 1890 г. Хорнъ издалъ на основаніи рукописныхъ матеріаловъ «Мемуары шаха Персіи Тахмаспа I»¹⁾, не лишеныя интереса какъ съ точки зрѣнія исторической, обрисовывая тревожное положеніе Персіи начала XVI вѣка, такъ и съ культурно-бытовой, представляя картину обычаевъ и нравовъ того времени.

За два года до своей смерти, въ 1906 году, по предложенію намѣстника Эльзаса-Лотарингіи, онъ принялъ дѣятельное участіе въ изданіи дивана стихотвореній султана Селима I (написанныхъ по-персидски), предназначенныхъ импер. Вильгельмомъ въ подарокъ бывшему турецкому султану Абдуль-Хамиду II-му. Описание послужившихъ для изданія первоисточниковъ, ихъ тщательный анализъ и подробный планъ изданія составляетъ предметъ особой статьи въ 60 т. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*²⁾.—

Таковы главные, наиболѣе крупные и извѣстные труды профессора Ногн'а. Изъ перечня и характера ихъ можно судить о широтѣ его взглядовъ и наличности критическаго чутья, помогавшаго ему умѣло ориентироваться среди тѣхъ источниковъ, которые ему приходилось пересматривать и изслѣдовать для его работъ. И если съ именемъ професс. Ногн'а не связано въ ориенталистикѣ представленіе о какихъ-либо необычайно-важныхъ открытіяхъ или новыхъ научныхъ методахъ изслѣдованія, то въ ряду опытныхъ талантливыхъ изслѣдователей уже собранныхъ матеріаловъ имя Ногн'а пользуется почетной и заслуженной извѣстностью среди ученыхъ иранистовъ. А погрѣшностей у кого нѣтъ?

Мои личные воспоминанія о покойномъ профессорѣ Ногн'ѣ очень кратки: мнѣ не удалось прослушать у него связный курсъ лекцій, ни заниматься подъ его руководствомъ практически, такъ какъ ко времени моего пребыванія въ Страсбургѣ (зима 1907 и 1908 года) онъ почти совсѣмъ уже прекратилъ свою преподавательскую дѣятельность въ университетѣ. Тѣмъ не менѣе мнѣ изрѣдка приходилось встрѣчаться съ нимъ во время частныхъ занятій съ проф. Hübschmann'омъ и Leumann'омъ, по временамъ обращаться къ нему лично за

¹⁾ Die Denkwürdigkeiten Schah Tahmâsp I [1515—1576] Strassb 1891.

²⁾ Z. D. M. G. Band. 60 [1906 r.] Seite 97—111.

разрѣшеніемъ возникавшихъ при моихъ занятіяхъ затрудненіяхъ или за справками, и наконецъ мнѣ приходилось, такъ же, слышать мнѣнія и ссылки на его работы со стороны другихъ страссбургскихъ профессоровъ-ориенталистовъ. Они почти единодушно признавали большое значеніе его работъ для ориенталистики, хотя указывали, что по временамъ нужно критически относиться къ сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ, когда эти послѣднія или приводятся имъ не на основаніи первоисточниковъ или недостаточно обоснованы въ своихъ заключеніяхъ. Здѣсь, конечно, необходимо принять во вниманіе, что до проф. Ногн'а почти не было работъ въ области исторіи персидской филологіи. И, конечно, первые опыты, первые попытки разработки такого матеріала и могли иногда казаться или быть дѣйствительно обоснованными не такъ удачно, какъ это выяснили уже позднѣйшіе изслѣдователи, шедшіе по пути, впервые проложенному профессоромъ Ногн'омъ. —

Въ своихъ личныхъ отношеніяхъ проф. Ногнъ былъ весьма радушенъ и всегда былъ искренно готовъ принести посильную помощь своими цѣнными указаніями и совѣтами. Когда тяжелая болѣзнь заставила его уклониться отъ профессорской дѣятельности и сильно ограничить свою научную работу, когда его неизлѣчимая болѣзнь стала принимать явно угрожающіе симптомы, онъ тосковалъ, что онъ не можетъ быть полезенъ своимъ друзьямъ и ученикамъ. —

Ранняя смерть—онъ умеръ всего 45 лѣтъ—прервала его жизнь, посвященную наукѣ и полную неутомимой энергіи.

Послѣ сообщенія В. В. Данилова, Восточная Коммиссія почтила память покойнаго вставаніемъ.

3) Б. М. Халатъянцъ сдѣлалъ сообщеніе: „Археологическія раскопки, произведенныя лѣтомъ 1909 года на территоріи стараго Урартійскаго царства“, съ демонстраціей находокъ. Приводится извлеченіе изъ его доклада, съ модификаціями въ заключеніяхъ и съ измѣненіемъ (исходящимъ отъ автора) въ самомъ заглавіи.

Раскопки въ Александропольскомъ уѣздѣ, Эрив. губ.
въ 1908—09 г.

Сообщеніе Б. М. Халатъянца.

Раскопки въ Александропольскомъ уѣздѣ осенью 1909 г. были прямымъ продолженіемъ археологическихъ работъ, начатыхъ въ сентябрѣ предыдущаго года въ сел. Кулиджанъ и раскрывшихъ первые признаки жизни древнихъ временъ. Самое топографическое положеніе селенія, расположеннаго на западныхъ склонахъ г. Алагѣза, въ 24 верстахъ отъ города Александрополя, на возвышенномъ берегу ущелья, черезъ которое стремительно несетя горная рѣчка, ниспадая съ высотъ Алагѣза, почти омывая здѣсь высокую прибрежную

скалу съ побѣдной надписью урартійскаго царя Аргишти, уже положеніе это дало мнѣ основаніе къ догадкѣ, что именно здѣсь во времена урартійскаго владычества должно было существовать то большое селеніе или городъ, который взялъ приступомъ царь Аргишти (VIII в. до Р. X.) во время своего похода въ область Ширакъ (срв. надпись того же царя въ сел. Канлиджа около Александрополя).

Изъ 25 раскопанных мною здѣсь въ 1908 г. могилъ 18 оказались одного и того же типа, представляя собою каменный ящикъ, стѣнки котораго состоятъ изъ плитъ длиною въ $1\frac{1}{2}$ —2 арш. и шириною въ 1— $1\frac{1}{2}$ арш. Верхняя плита или крышка еще болѣе большихъ размѣровъ. Всѣ могилы направлены съ сѣвера на югъ. И по содержанію онѣ родственны: предметы изъ бронзы, амулеты и ожерелье изъ цвѣтныхъ камней и кувшины изъ темной глины, украшенные у горлышка и ниже его горизонтальными линіями—составляютъ принадлежность каждой изъ этихъ могилъ. Глубина ихъ около 2— $2\frac{1}{2}$ арш. Кости почти безъ исключенія совершенно истлѣли, черепа же распадались при первомъ прикосновеніи. Покойникъ вездѣ оказывается въ лежачемъ на спинѣ положеніи съ приподнятыми вверхъ руками. Глиняные кувшины и части стоятъ въ головахъ и бокахъ, иногда и въ ногахъ покойника. Найдены были: три бронзовыхъ браслета, два бронзовыхъ кольца, бронзовая поясная застежка и ожерелье изъ разныхъ цвѣтныхъ камней ¹⁾).

Остальные 7 могилъ, которыя были раскопаны на самой площади селенія, какъ по содержанію, такъ и по устройству даютъ основаніе отнести ихъ къ сравнительно болѣе позднимъ временамъ. Плиты ихъ—изъ краснаго полированного камня, расположеніе ихъ самое произвольное, почти во всѣхъ направленіяхъ. Одна изъ могилъ сохранила въ цѣлости скелетъ въ лежачемъ на спинѣ положеніи, длиною въ 2 арш. 14 вершковъ, который я передалъ на храненіе старостѣ селенія. Въ головахъ стоялъ маленькій кувшинчикъ изъ стекла. Въ другой могилѣ нашлись три браслета изъ стекла.

Раскопки на противоположномъ берегу рѣчки также были безъ результатовъ: на глубинѣ 2-хъ арш. открылись основанія стѣнъ изъ огромныхъ булыжныхъ камней. Быть можетъ, на этомъ возвышеніи, господствующемъ надъ окрестностью, и находилась нѣкогда крѣпость. Замѣчательной находкой была бронзовая ручка какого-то предмета, изображающая голову пантеры, съ пятнами въ видѣ углубленій на шеѣ.

Содержаніе вышеупомянутыхъ 18-ти могилъ достаточно характеризовало ихъ значительную древность, хотя точнѣе опредѣлить эту древность за недостаточностью наличнаго матеріала не было пока

¹⁾ Подробнѣе о содержаніи каждой могилы см. мой отчетъ въ трудахъ Импер. Археолог. Коммисіи 1910.

возможности. Мысль же найти здѣсь слѣды большаго жилья давно минувшихъ временъ меня не покидала. Раскопки, прерванныя въ октябрѣ 1908 г., были продолжены въ сентябрѣ 1910 г. На этотъ разъ я спустился отъ сел. Кулиджанъ на $\frac{1}{2}$ в. ниже прямо къ восточной сторонѣ сосѣдней съ Кулиджаномъ деревни Кемали. Здѣсь правый берегъ той же горной рѣчки представляетъ возвышенную плоскость, окаймленную береговыми скалами. Площадь, мною избранная на этомъ мѣстѣ, првлекла мое вниманіе тѣмъ, что здѣсь почти на каждомъ шагу изъ-подъ земли выглядывалъ край черной каменной плиты, которая, очищенная отъ покрывающаго ее густого слоя земли, оказывалась большихъ размѣровъ.

Общее устройство этихъ могилъ: четыре правильно сложенныхъ стѣнки изъ нетесанныхъ каменныхъ плитъ разной величины, чернаго цвѣта. Ящикъ этотъ сверху прикрываетъ громадная плита; на ней обыкновенно лежатъ нѣсколько утесистыхъ булыжниковъ.

По снятіи ея, подъ нею оказывается мягкая, очищенная отъ камней, смѣшанная съ глиной земля, иногда же просто удобренная глина. На глубинѣ 1 — $1\frac{1}{2}$ арш. показывается слой съ кувшинами и чашами, содержащими въ себѣ кости отъ разныхъ домашнихъ животныхъ: быка, барана, курицы, а также рыбы. Еще $\frac{1}{2}$ арш. глубже подъ этимъ слоемъ лежатъ останки покойника въ двойномъ положеніи: въ лежачемъ прямо на спинѣ положеніи, съ приподнятыми вверхъ руками, или же лежа на правомъ боку. Всѣ могилы смотрятъ на югъ. Глубина ихъ 2—3 арш., средняя длина $2\frac{1}{2}$ арш. и ширина $1\frac{1}{2}$ арш. Твердая почва показывала, на какой глубинѣ кончалась могила.

О родствѣ этихъ могилъ свидѣтельствуетъ не только общая имъ всѣмъ система погребенія, какъ выше описано; но и предметы, въ нихъ находимые, приводятъ къ этому заключенію; всѣ они, за небольшимъ исключеніемъ, изъ бронзы: большіе и малые браслеты, серьги, кольца, кинжалы, ихъ рукоятки, пояса, иглы и проч.; нѣкоторые изъ нихъ по изяществу работы должны быть отнесены къ значительно высокой культурѣ. Ожерельемъ вездѣ служатъ бусы изъ краснаго и сѣраго агата разной величины, съ большимъ амулетомъ по срединѣ; въ нѣкоторыхъ же могилахъ ожерелье состоитъ изъ какой-то массы костяного цвѣта, часто окрашенной въ зеленой цвѣтъ, самой разнообразной формы, съ одной, двумя и тремя дырками для продѣванія нитки. Наконечники копья изъ желѣза, найденные вмѣстѣ съ бронзовыми предметами, должны быть отнесены къ той же культурѣ, слѣдовательно къ той же эпохѣ.

Имѣя передъ собою эти обильные образцы культуры неизвѣстнаго намъ народа ¹⁾, все же трудно съ точностью опредѣлить ихъ

¹⁾ Подробнѣе о содержаніи каждой могилы см. мой отчетъ въ трудахъ Импер. Археол. Коммиссіи 1910.

давность. Лишь дальнѣйшія, въ широкихъ размѣрахъ, раскопки и сравнительное изученіе археологическаго матеріала дадутъ основаніе въ будущемъ установить общій характеръ этой культуры, опредѣлить ея границы и эпоху, когда она жила. Нѣкоторыя могилы, судя по весьма архаической формѣ содержимыхъ въ нихъ браслетовъ и колець, должны быть отнесены къ вѣкамъ еще до Р. Х. (VI—I до Р. Х.). Я допускаю, что площадь эта съ прилегающей окрестностью служила мѣстомъ погребенія многихъ поколѣній той же расы. Наиболѣе древнія могилы или вовсе исчезли, или же скрыты глубоко подъ землей,—пол галъ я.

Предположеніе мое вскорѣ нашло себѣ оправданіе. Въ $\frac{1}{2}$ в. къ востоку отъ мѣста нашихъ работъ мы наткнулись на пещерныя могилы весьма древняго типа. Небольшая площадь была густо обложена булыжными камнями разной величины. При ближайшемъ осмотрѣ ихъ я замѣтилъ, что камни эти образуютъ круги, въ центрѣ которыхъ глубоко въ землѣ лежатъ громадные булыжники. Раскопки показали, что центральный большой камень и есть природная скала, подъ которой находится могила. Входъ въ нее состоитъ изъ правильно сложенныхъ въ видѣ двери плитъ, на глубинѣ двухъ аршинъ. Огромный булыжникъ загораживаетъ этотъ входъ. Самая внутренность могилы, насыпанной мягкой землей, весьма просторная, около 3 арш. въ длину и ширину и 2 арш. въ высоту, въ видѣ маленькой комнаты. Судя по числу раздробленныхъ череповъ, въ этомъ склепѣ было погребено нѣсколько покойниковъ; къ сожалѣнію, кости до того истлѣли, что не было возможности что-нибудь установить. Кромѣ бусъ и черепковъ разбитой глиняной посуды, однородныхъ съ вышеописанными, несмотря на тщательные розыски, ничего не оказалось. Такихъ могилъ было раскрыто всего три. Работа была сопряжена съ такими усиліями, что рабочіе не могли далѣе выдержать и попросились въ отпускъ.

Вскорѣ я напалъ на слѣдъ того же типа могилъ нѣсколько западнѣе отъ сел. Кемали. Прекративъ временно работы, я спустился въ село Хоромъ, въ 8-ми верстахъ отъ Кулиджана. Селеніе это, получившее свое названіе отъ Римлянъ или Грековъ (*oi Romaloi*), лежитъ въ цѣпи холмовъ, послѣднихъ западныхъ отлогостей Алагеза, на равнинѣ. Самыя могилы, которыя я здѣсь искалъ, нашлись на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ отъ поверхности равнины на вершинахъ холмовъ. Тѣ же круги изъ камней, тѣ же огромные булыжники по срединѣ. Работа здѣсь однако оказалась далеко труднѣе, чѣмъ въ Кемали: пещеръ не было, чтобы черезъ входъ войти въ могилу, и намъ приходилось огромные утесы, лежащіе глубоко въ землѣ по срединѣ круга, общими усиліями свалить въ сторону. Но и подъ утесомъ оказывался камень, еще утесистѣе перваго, который можно было бы лишь порохомъ взрывать, такъ какъ самыя инструменты мастеровъ оказывались слабыми разрѣзать толстую скалу. Нѣсколько

такихъ могилъ мы должны были оставить нетронутыми. Но зато тѣ, которыя намъ удалось открыть, вполне вознаградили насъ за наши труды. Подъ булыжными камнями лежала могильная плита большой величины, подъ нею мягкая, очищенная земля, далѣе слой съ кувшинами, и наконецъ покойникъ въ лежачемъ на спинѣ положеніи, съ приподнятыми вверхъ руками.

Вмѣсто каменнаго ящика многія могилы представляли просто глубокую яму, покрытую сверху крышкой. Обыкновенно въ каждой могилѣ—погребенныхъ двое, всегда по направленію на югъ.

Весь интересъ этихъ могилъ состоитъ въ томъ, что предметы изъ бронзы оказались тождественными съ вышеупомянутыми въ Ксмали: браслеты, кольца, серьги, куски пояса, даже кинжалъ, не говоря о глиняной посудѣ съ тѣми же украшеніями. Также бусы изъ той же массы голубого цвѣта нашлись въ достаткѣ.

Предо мною былъ древній типъ этихъ языческихъ могилъ, и я уже не сомнѣвался, что могилы въ Ксмали первоначально также были кругомъ обложены камнями, которые затѣмъ хозяиномъ площади были сняты, чтобы очистить мѣсто для пашни. Этимъ устанавливалась также связь съ пещерными могилками у Ксмали, имѣющими тождественный типъ, содержащими тѣ же бусы, кувшины и части. Замѣчательно, что и въ Хоромѣ, подобно пещерамъ въ Ксмали, нѣкоторыя могилы не содержали, кромѣ останковъ покойника, никакихъ предметовъ.

Слѣды той же культуры нашлись далѣе на восточныхъ склонахъ Алагеза, въ сел. Дирактаръ, Капанакъ и Чрахли, также на холмистыхъ возвышеніяхъ. Могилы обнесены, какъ выше описано, кругомъ изъ камней. Мне удалось раскопать всего три-четыре могилы, въ которыхъ, кромѣ останковъ покойника и черепковъ глиняной посуды, совершенно однородной съ вышеупомянутыми, ничего не оказалось. Наступившіе холода принудили меня прекратить работы.

Раскопки въ Александрополѣ, подъ Черной Башней, дали тѣ же результаты. Здѣсь плиты могильнаго ящика оказались необыкновенной величины, что слѣдуетъ объяснить близостью каменоломни. Браслеты, кольца, серьги, иглы, бусы и проч., найденныя здѣсь въ незначительномъ количествѣ, представляютъ большое сходство съ тѣми же въ Ксмали и Хоромѣ.

Прослѣдить далѣе распространеніе этой культуры, привлечь ее къ сравнительному изученію и опредѣлить ея мѣсто въ исторіи народовъ Малой Азіи есть задача будущихъ раскопокъ.

По выслушаніи доклада Б. М. Халатьянца М. В. Никольскій, на работы котораго докладчикъ не разъ ссылался, высказалъ свое чувство удовлетворенія по поводу того, что въ отношеніи кли-

нообразныхъ надписей, находящихся на поверхности земли, русское Закавказье можетъ считаться достаточно изслѣдованнымъ, и что новые изслѣдователи-археологи, ради собиранія матеріала, уже идутъ въ направленіи раскопокъ. Данныя эпиграфическихъ матеріаловъ поставлены будутъ этимъ путемъ въ связь съ остатками бывшей культуры, и раскопки надо поэтому привѣтствовать. Правда, въ 1900 г. онѣ были предприняты, нѣмцемъ Реслеромъ (инспекторомъ народныхъ школъ), но, къ сожалѣнію, то, что добыто, отправлено въ Германію. Впрочемъ, можно отмѣтить, что вещи матеріальной культуры, добытыя Реслеромъ, въ общемъ похожи на вещи, выкопанныя въ 1894 г. М. В. Никольскимъ и А. А. Ивановскимъ; есть впрочемъ и неодинаковыя. Определить дату найденныхъ предметовъ не удалось ни у насъ, ни за границей. Нельзя доказать съ абсолютной увѣренностью даже простую принадлежность ихъ урартійцамъ, хотя многое говоритъ именно за послѣднее опредѣленіе. Неувѣренность вызывается тѣмъ единственнымъ обстоятельствомъ, что на выкопанныхъ предметахъ не оказывается клинообразныхъ надписей, которыя могли бы оказаться и которыя, разумѣется, неоспоримо показали бы принадлежность предметовъ эпохѣ вавилонско-ассирійской культуры. Маленькіе цилиндры, которые нашелъ А. А. Ивановскій, похожи на вавилонско-ассирійскіе очень, и по формѣ, и по орнаменту, а надписей нѣтъ на нихъ. Во всякомъ случаѣ лично для М. В. Никольскаго урартійская ихъ принадлежность неоспорима. — Въ раскопкахъ В. М. Халатьянца интересны, еще, открытые имъ слѣды бывшей крѣпости въ Кулиджанѣ. М. В. Никольскій, въ свое время, тщетно ихъ искалъ, руководясь соображеніями и догадками теоретическими, но ничего тогда не нашелъ; теперь оказывается, что крѣпость тамъ дѣйствительно существовала. — Очень интересно также отысканіе В. М. Халатьянцомъ ряда каменныхъ гробницъ. Онѣ, къ тому же, оказываются поблизи клинообразныхъ надписей, — обстоятельство, которое еще больше укрѣпляетъ насъ въ мысли, что въ нихъ мы имѣемъ остатки эпохи какъ-разъ урартійской, а не иной.

В. О. Миллеръ замѣтилъ, что принадлежность открытыхъ могилъ и предметовъ народу урартійскому, а не иному, достаточно очевидна и безъ надписей. Вѣдь на территоріи этой не оказывается болѣе древняго типа могилъ, чѣмъ эти: эти — древнѣйшія несомнѣнно. А если онѣ древнѣйшія, то чьи же могутъ быть? не иначе, какъ Урарту. И, обратно разсуждая, придемъ къ тому же выводу. Многочисленный народъ Урарту долженъ былъ вѣдь оставить послѣ себя могилы. Гдѣ же онѣ, если онѣ не эти? Что же касается отсутствія клинообразныхъ надписей, то оно съ успѣхомъ возмѣщается другими указаніями. Такъ, статуэтка пантеры, найденная В. М. Халатьянцомъ и отданная въ Петербургъ, и статуэтка лошади — онѣ безъ большихъ натяжекъ могутъ быть отнесены къ произведеніямъ культуры ассиро-вавилонской. Или другое соображеніе: ножныя кольца —

всѣ они одного опредѣленнаго вѣса, а не другого. Быть можетъ, это были своего рода деньги, быть можетъ — нѣчто иное; но во всякомъ случаѣ поучительно, что вѣсъ здѣсь — вавилонско-ассирійскій.

На возраженіе М. В. Никольскаго, что ему, вѣрящему въ справедливость высказанныхъ соображеній, все таки желательны были бы доказательства еще болѣе убѣдительныя, эпиграфическія (не одна же монументальная эпиграфика существовала у урартійцевъ!), В. Θ. Миллеръ возразилъ, что клинообразныхъ надписей помимо монументовъ, пожалуй, и въ жизни урартійцевъ не было. Возможно вѣдь, что домашнія рукописи вовсе и не писались клинописью, а какъ нибудь иначе. Возможно, что клинообразная грамотность была только царской, годившейся для указовъ, для манифестовъ. М. В. Никольскій не согласился съ этой догадкой. Печати, принадлежащія обыкновеннымъ людямъ, тоже вѣдь писаны клинописью; значить, и въ домашнемъ быту она употреблялась. Нѣтъ! вѣроятно, раскопками еще будутъ доставлены клинописныя находки, и тогда для насъ не останется сомнѣнія, что предметы того типа, какой добытъ напримѣръ хотя бы Б. М. Халатьянцомъ, принадлежатъ именно урартійцамъ.

Графиня П. С. Уварова сдѣлала рядъ замѣчаній референту по поводу его археологической терминологіи: такъ, напримѣръ, онъ неудачно пользуется терминомъ «курганъ» (=насыпь) тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло просто съ могилой. Или, онъ крѣпость (акрополь) называетъ сбивчиво «городомъ». Равнымъ образомъ граф. Уварова высказалась противъ категорическаго утвержденія референта, что, найденныя имъ кольца—это кольца для носа. Какъ это утверженіе доказать? Нѣтъ данныхъ считать ихъ непременно за носовое украшеніе, когда они скорѣе похожи на обыкновенное ожерелье, съ булавкою вродѣ англійской.

С. Н. Тэръ-Саргсянцъ высказалъ сомнѣніе насчетъ утвержденія Б. М. Халатьянца, что описанныя имъ старыя, уважаемыя деревья — святыня еще языческаго періода. Почему жъ не христіанскаго? Если дерево растетъ у могилы святого христіанина, котораго чтятъ, то почтеніе переносится и на дерево. — И насчетъ талисманныхъ свойствъ иголки С. Н. Тэръ-Саргсянцъ позволяетъ себѣ усумниться; просто, иголка нужное, полезное орудіе, и оттого ее кладутъ въ могилу.—Возражая оппоненту, Б. М. Халатьянцъ замѣтилъ, что противъ примѣненія иголки въ качествѣ талисмана спорить не приходится: и сейчасъ народъ въ тѣхъ мѣстахъ считаетъ иголку за прекрасное симпатическое средство отъ сглаза.

4) Студентъ Специальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ А. Туманьянцъ сообщилъ о своихъ находкахъ въ Елисаветпольской губерніи, въ с. Кушчи (Хачакапъ). Онъ раскапывалъ могилы, называемыя у мѣстныхъ крестьянъ «идолопоклонническими», т. е. языческими. Какъ и раскопанныя Б. М. Ха-

латьянцемъ, елисаветпольскія кушчинскія могилы тоже вродѣ каменныхъ ящиковъ, и въ нихъ есть и кувшины, и оружіе, и браслеты. Браслеты однако оказываются не близъ головы, какъ въ могилахъ Б. М. Халатьянца, а вблизи копыя. Быть можетъ, это значитъ, что руки покойника не были прижаты къ головѣ, а вытянуты? Или же, браслеты имѣютъ свое особое значеніе, помимо ручной окрасы. Могилъ такихъ въ с. Кушчи много. Въ горшкахъ не оказалось костей: просто была рыхлая земля. Бусы «идолопоклонническихъ» кушчинскихъ могилъ — такія же, какъ откопанныя Б. М. Халатьянцомъ. О своихъ раскопкахъ А. Туманьянцъ обѣщаль дать отчетъ позднѣе, съ демонстраціей предметовъ ¹⁾.

№ 114. Засѣданіе Восточной Комиссіи 4 дек. 1909 г., подъ председательствомъ В. Θ. Миллера, въ присутствіи членовъ Г. А. Халатьянца, Θ. Е. Корша, В. А. Гордлевскаго, Л. З. Мсерянца, М. О. Аттаи, Мирзы Абдуллы Гаффарова, С. Н. Тэръ-Саргсянца, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, В. В. Данилова, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Х. И. Кучукъ - Іоаннесовъ сдѣлалъ два доклада;

1) Армянская надпись изъ Новочеркаска и 2) Экскурсія въ Θεодосію лѣтомъ 1909 г. ²⁾.

3) Θ. Е. Коршъ: «Нѣкоторыя персидскія этимологіи» ³⁾.

При обсужденіи этимологій В. Θ. Миллеръ высказалъ сомнѣнія насчетъ производства «болбол» изъ «варда-варта» и «пұллад» изъ «павірава [н]т», находя предложенный докладчикомъ путь черезчуръ сложнымъ и потому едва ли вѣроятнымъ.

А. Е. Крымскій высказался, что онъ до сихъ поръ считалъ слово «болбол» (или «бюльбюль») за звукоподражательное, воспроизводящее прежде всего звукъ воздуха, вырывающагося изъ горлышка бутылки при переливкѣ жидкости, а оттуда — звукъ переливовъ въ горлѣ птички. Слово это извѣстно также арабскому языку, да не только новѣйшему ⁴⁾, и означаетъ вообще птичку-пѣвчю, не только

¹⁾ См. ниже протоколъ № 120 (24 нб. 1911 г.)

²⁾ Второй изъ этихъ докладовъ напечатанъ въ „Извѣстіяхъ Архивной Комиссіи въ г. Симферополѣ“; первый — издается въ нынѣшнемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

³⁾ Сообщение Θ. Е. Корша полностью издается въ нынѣшнемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

⁴⁾ „Бюльбюль“ въ смыслѣ пѣвчей птички см. напр., у Абу-Новаса 756-813 (Диванъ, Каиръ 1898, стр. 18:10); у Абана Лахмкыя, ум. 815 („Агъани“ XX, 75:6 снизу); въ „Книгѣ животныхъ“ Джâхыза, ум. 869 (т. V Каиръ 1906, стр. 71:5-снизу); у одного поэта IX—X в. (въ антологіи „Заһр аль-âдаб“ Хосриа, Каиръ 1293, т. II, 145:4-5, на поляхъ „Ыкда“)

соловья ¹⁾, А такъ-какъ слово «бюльбюль» и корень «блбл», содержащія въ себѣ много чертъ типичнѣйшаго семитскаго образованія съ удвоеніемъ корня, породили у арабовъ очень много производныхъ словъ съ разнообразными оттѣнками значеній, то А. Е. Крымскій до сихъ поръ не питалъ сомнѣнія насчетъ исконной «арабскости» этого слова и корня. Присутствіе «больболь» въ языкѣ персидскомъ онъ объяснялъ себѣ тѣмъ, что въ качествѣ звукоподражательнаго это слово могло возникнуть и у персовъ независимо отъ арабскаго языка: звукоподражанія вѣдь въ разныхъ языкахъ оказываются сплошь да рядомъ тождественными, хотя возникаютъ безъ всякаго взаимнаго вліянія языковъ (даже у малоруссовъ есть глаголь «буль-бульки» — тоже о звукѣ пузырьковъ на водѣ, о переливахъ въ горлышкѣ бутылки и т. п.) Теперь, послѣ этимологіи, предложенной О. Е. Коршемъ, А. Е. Крымскій считаетъ вопросъ далеко не такимъ простымъ, какъ считалъ раньше. Но только надо оговориться: если «больболь» значитъ «вращающійся среди розъ», то едва ли удобно считать родиною этого слова Курдистанъ: въ этой дикой странѣ — розовыхъ цвѣтниковъ нѣтъ, да къ тому же вся страна покрыта превосходнымъ дубовымъ и инымъ лѣсомъ, гдѣ пѣвчая птичка безъ труда находитъ приютъ. — Что касается производства «сауладжанъ» отъ тюркскаго корня, то, съ точки зрѣнія фонетической, этимологія, предложенная О. Е. Коршемъ, конечно, привлекательна; но не будутъ ли говорить противъ нея историческія, хронологическія соображенія? ²⁾

№ 115. Засѣданіе 9 февр. 1910 г. подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ О. Е. Корша, Г. А. Халатьянца, Х. И. Кучукъ-Иоаннесова, М. О. Аттая, К. А. Фрейтага, Мирзы Абдуллы Гаффарова, Мирзы-Джафара, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Косорова, Зятькова, Овча-

¹⁾ Въ „Книгѣ животныхъ“ естествоиспытателя Джахыза, ум. 869, описаніе „бюльбюля“ и кратко, и неясно; Джахызъ просто сопоставляетъ бюльбюля въ клеткѣ и бюльбюля на свободѣ (т. V, 1906, стр. 71). Въ „Космографіи“ Казвинія, ум. 1283 (изд. Вюстенфельда, 1849, стр. 408; также въ „Chrest. ar.“ С. де-Саси, т. III, Пар. 1827, стр. 194—стр. 413 франц.), свидѣнія о бюльбюлѣ могли бы говорить въ пользу догадки О. Е. Корша: Казвиній указываетъ на физиологическую связь бюльбюля съ розой. Но надо помнить, что Казвиній персъ. У третьяго естествоиспытателя, зоолога Дамирія, ум. 1405, въ его зоологическомъ словарѣ „Хаят аль-хаванъ“ мы изъ сопоставленія статей „бюльбюль“ и „андалібъ“ можемъ усмотрѣть, что бюльбюль вовсе не обозначаетъ непременно соловья, друга розъ, а можетъ означать и другую птичку-щебетушку. См. „Хаят аль-хаванъ“ по егип. изд. 1313, т. I, стр. 136 (=англ. переводъ Джаякара, т. I, 1906, стр. 335) и т. II стр. 131 (=англ. перев., т. II, 1908, стр. 393). Джаякаръ переводитъ „бюльбюль“ черезъ *Русnotus Xanthopygus*, а „андалібъ“ черезъ *Philomela lusciniæ*. Въ современномъ арабскомъ языкѣ, напр., Сири бюльбюлями называются вообще птички, даже воробьи („балъбиль“, мн. ч.).

²⁾ Къ вопросу о словѣ „сауладжанъ“ А. Е. Крымскій еще разъ вернулся въ своемъ докладѣ Вост. Комм. 24 ноября 1911 г. (см. проток. № 120).

рова, Ребрика, Милчича, Гаджіева, Е. Пузанова, К. Пузанова, Вадова, Васильева, Худояръ-хана, Новикова, Зданевича, Заварина, Делянова, Красина, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшего засѣданія.

2) О. Е. Коршъ сдѣлалъ докладъ: «Распредѣленіе турецкихъ племенъ». Докладъ этотъ представляетъ собою дальнѣйшее развитіе того, который былъ О. Е. Коршемъ предложенъ въ этнографической секціи съѣзда врачей и естествоиспытателей въ Москвѣ и, въ переработанномъ видѣ, напечатанъ въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» за 1910 г.

3) А. Е. Крымскій прочиталъ отрывокъ изъ своего изслѣдованія: «Ахталь и Фараздакъ. Черты изъ исторіи омейядской поэзіи». Въ виду того, что изслѣдованіе будетъ цѣликомъ напечатано въ III томѣ его «Арабской литературы», изложеніе реферата въ протоколѣ не представляется необходимымъ.

№ 116. Засѣданіе 12 ноября 1910 г. подъ предсѣдательствомъ В. О. Миллера въ присутствіи гг. членовъ: И. Я. Стеллецкаго, Г. А. Халатьянца, В. А. Гордлевскаго, Мирзы Абдуллы Гаффарова, гостей: Мохаммеда Казима Гаффарова, Х. Байбекова, Г. О. Жорданія, І. Кусикова, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Акчурина, Анисимова (Нисимъ-оглу), Андроникова, Бове, Бутковскаго, Биркина, Васильева, Демчука, Дмитріева, Жежомы, Заварина, Зисмана, Звѣрева, Какурина, Кашина, Киршевскаго, Косоротова, Купервассера, Мацыгорова, Новикова, Пищулина, Туманова, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Передъ началомъ засѣданія, по приглашенію Предсѣдателя Восточной Комиссіи, почтена вставаніемъ память великаго скончавшагося русскаго писателя графа Л. Н. Толстого.

2) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшего засѣданія.

3) Секретарь указалъ на исполнившійся 50-лѣтній юбилей научной дѣятельности заслуженнаго семитолога А. Я. Гаркави и далъ очеркъ его трудовъ. Предсѣдатель отъ себя сдѣлалъ нѣсколько добавочныхъ замѣчаній о научныхъ заслугахъ А. Я. Гаркави. — Постановлено: послать юбиляру привѣтствіе отъ имени Восточной Комиссіи.

4) Предсѣдатель В. О. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе: «О нѣкоторыхъ древнихъ погребальныхъ обычаяхъ у кавказскихъ народовъ»¹⁾. Въ видѣ предисловія къ своему докладу В. О. Миллеръ

¹⁾ Въ дополненномъ видѣ сообщеніе В. О. Миллера напечатано въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» 1911, кн. 88-89, стр. 125—136.

указаль, что на Кавказѣ донынѣ еще сохраняются остатки глубочайшей старины, даже въ повседневномъ обиходѣ; оружіемъ — и то еще до недавняго времени оставались, мѣстами, примитивные лукъ и стрѣлы. Насколько же должны быть архаичны вѣрованія, обряды. Докладъ свой В. Ө. Миллеръ посвятилъ одному изъ похоронныхъ обрядовъ, съ его разновидностями, именно подвѣшиванію мертвеца на деревьяхъ или выбрасыванію покойника на съѣденіе птицамъ и звѣрямъ, изъ нежеланія осквернять огонь сожженіемъ трупа, а землю — зарытіемъ. Докладчикъ собралъ относительно этого способа похоронъ на Кавказѣ разнообразныя сообщенія историковъ и путешественниковъ, какъ классическихъ, начиная съ отца исторіи Геродота, такъ и болѣе позднихъ, напр. извѣстнаго турецкаго путешественника XVII вѣка Эвлия-Челеби. Очень естественнымъ объясненіемъ происхожденія этого способа похоронъ было бы приписать его оздѣйствию религіи Зороастра, маздеизму. Однако рядъ параллельныхъ явленій у инородцевъ Сибири, у обитателей Африки въ Сенегамбіи и въ тому подобныхъ отдаленныхъ концахъ міра, гдѣ нельзя усмотрѣть зороастрійскаго вліянія ни въ какомъ случаѣ, заставляетъ В. Ө. Миллера не настаивать на объясненіи такихъ же похоронъ у кавказцевъ исключительно маздеистическимъ воздѣйствіемъ. Можетъ быть, и на Кавказѣ это есть явленіе самостоятельное.

б) В. А. Гордлевскій: Литературно-научная дѣятельность общества «Тюрк-дернеги»¹⁾.

№ 117. Засѣданіе 1 февраля 1911 г. подъ предѣдательствомъ В. Ө. Миллера, въ присутствіи гг. членовъ Ө. Е. Корша, М. О. Атгаи, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, В. В. Данилова, гостя С. С. Сабатаева, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Акчурина, Анисимова (Нисымъ-оглу), Будковскаго, Вадова, Григорьева, Заварина, Зисмана, Кашина, Киршевскаго, Какурина, Купервассера, Палюкайтиса, Троицкаго, Тугуева, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Заслушано письмо А. Я. Гаркави (на имя секретаря Восточной Комиссіи А. Е. Крымскаго), въ которомъ онъ выражаетъ «свою сердечную признательность за привѣтствіе по поводу пятидесятилѣтія его учено-литературной дѣятельности».

3) В. Ө. Миллеръ сообщилъ рядъ новыхъ установленныхъ имъ «Осетинскихъ этимологій», которыя онъ приготовилъ для напечатанія въ журналѣ «Мемнонь» 1911.

Ө. Е. Коршъ, высказывая свое полное согласіе по поводу предложенныхъ этимологій, которыя онъ считаетъ очень удачно объяс-

¹⁾ Издается въ выѣшнемъ выпускѣ «Древностей Восточныхъ».

ненными и съ фонетической и съ семасіологической стороны, сдѣлалъ однако рядъ вопросовъ, клонящихся къ лучшему разъясненію затронутаго интереснаго предмета. Между прочимъ, онъ напомнилъ, что ни въ авестійскомъ, ни въ древнеперсидскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ существованія звука *л*, есть только *р*, и если въ новоиранскихъ языкахъ появляется *л*, то это всегда бываетъ позднѣйшимъ результатомъ сочетанія согласныхъ (срв. новоперс. *голь* *گول* изъ *вард*, гдѣ *л* изъ сочетанія *рд*). Потому и въ осетинскихъ этимологіяхъ *О. Е. Коршъ* не считаетъ возможнымъ возводить звукъ *л* къ праиранскимъ временамъ. По поводу осетинскаго «дзеркес» (коршунъ), которое *В. О. Миллеръ*, правда съ оговоркой, желалъ бы объяснить на чисто осетинской почвѣ (изъ осетинскаго «дзер» въ первой половинѣ этого слова) безъ связи съ «къркас», *О. Е. Коршъ* сослался на свою недавнюю статью въ юбилейномъ сборникѣ *ак. Ягича*, гдѣ онъ предполагаетъ существованіе особаго аланскаго говора, въ которомъ *к* передъ *е* смягчалось въ *ч*; по этой его этимологіи, «керкес» имѣло параллельную фонему «черкес», откуда и названіе народа «черкесы» (греч.-класс. *Κερχίτες*), откуда и осетинское «церкес» = «дзеркес».

4) *Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ*: Изъ поѣздки *В. М. Сысоева* въ Эриванскую губернію въ 1907—1908 г. ¹⁾.

5) *А. Е. Крымскій* сдѣлалъ докладъ о ваххабизмѣ, объ источникахъ для изученія исторіи и религіозной стороны этого движенія, и далъ критическій обзоръ того, что сдѣлано европейской наукой въ этой области, начиная съ сообщеній консуловъ *Руссо* и *Корансе* и «Materials» *Буркхардта* и кончая новѣйшими компендіальными статьями, такими, какъ соотвѣтствующія страницы въ «A literary history of the Arabs» *Никольсона* (1907) и «Vorlesungen über den Islam» *Гольдцѣра* (1910). Пришлось констатировать прискорбный фактъ, что компендіальныя работы очень мало считаются съ новодобытыми свѣдѣніями. *Никольсонъ* напримѣръ (1907) почти не идетъ далѣе *Буркхардта* (1831). И даже *Гольдцѣръ*, давшій такое яркое освѣщеніе сути ваххабизма путемъ установленія его генетической связи съ ханбализмомъ монгольскихъ временъ (*ибнъ-Теймійе*) — допускаетъ въ своихъ «Vorlesungen» (1910) устарѣлыя ошибки хронологическія или повторяетъ неправильныя мелкія сообщенія вродѣ того, что, будто бы, ваххабитствомъ воспрещается и кофе наряду съ табакомъ, тогда какъ всѣ путешественники отмѣчаютъ изобильное и даже черезчуръ изобильное потребленіе кофе у ваххабитовъ, и *Пэльгрэвъ* напримѣръ сообщаетъ, что должность приготовителя кофе — важная должность при дворѣ повелителя ваххабитовъ. Въ заключеніе, *А. Е. Крымскій* предложилъ очеркъ исторіи ваххабизма, при-

¹⁾ Печатается въ выѣшнемъ выискѣ «Древностей Восточныхъ».

чемъ указаль, что для выясненія хронологическихъ вопросовъ слѣдуетъ обращаться не только къ источникамъ, прямо посвященнымъ ваххабистству, но и къ оманской лѣтописи Салиля ибнъ-Разйака, которая въ синхронистическомъ отношеніи не разъ оказывается очень полезна.—Вотъ конспектъ доклада А. Е. Крымскаго:

Ваххабиты.

Ваххабиты—возникшая въ XVIII вѣкѣ въ Аравіи воинственная секта мусульманскихъ пуританъ, требовавшая реформы ислама путемъ возвращенія къ чистому ученію Корана и неповрежденной соннѣ.

Вопросъ объ очищеніи религіи Мохаммеда отъ вѣками накопившихся наслоеній (быда') возникалъ въ мусульманскомъ обществѣ не разъ. Въ монгольскія времена на этомъ особенно настаивалъ толкъ ханбалитовъ въ Сиріи и Египтѣ, и тогда выдвинулся своими сочиненіями дамаскинецъ ибнъ-Теймійе (1263-1328) ¹⁾, ханбалитскій арабскій богословъ - писатель, который считалъ прямымъ язычествомъ культъ святыхъ, обращеніе къ ихъ ходатайству передъ Богомъ, пилигримское посѣщеніе ихъ гробницъ, не исключая и гробницы самого Пророка Мохаммеда въ Мединѣ, равно какъ вооружался противъ суфійскаго расплывчатаго мистицизма, канонизованнаго въ XI—XII в. славнымъ богословомъ Газалиемъ, этимъ „*ḥudjjet al-islām*“ (= „доказательствомъ ислама“). Врагъ послабленія язычеству, въ переносномъ ли, въ буквальномъ ли смыслѣ этого понятія, ибнъ-Теймійе требовалъ строгаго примѣненія „священной войны“ противъ невѣрныхъ.—Въ теченіе почти четырехъ столѣтій, сочиненія ибнъ-Теймійе и его учениковъ оставались отвлеченной теоріей, когда наконецъ, около середины XVIII вѣка, сумѣлъ дать имъ практическое направленіе начитавшійся ихъ аравитянинъ изъ Наджда, сынъ бѣднаго пастуха изъ стариннаго племени бану-Тамимъ, образованный богословъ Мохаммадъ ибнъ-'Абдалъ-ваххабъ (род. въ 1703 г., умеръ престарѣлый, ослѣпшій, въ 1791 г.) ²⁾.

¹⁾ Про ибнъ-Теймійе см. компактно у Броккельманна: „*Gesch. der arab. Litter.*“, т. II (Берл. 1902), стр. 100—105. У насъ въ „Исторіи арабовъ“, ч. I (1912), стр. 216—217.

²⁾ Годъ смерти 1206=1791 см. у Броккельманна, т. II, стр. 390, на основаніи арабской біографіи („*sīra*“) ибнъ-'Абдалъваххаба, т.-е. источника, достовѣрнаго въ этомъ отношеніи. Обыкновенно же европейцы, на основаніи показаній первыхъ европейскихъ путешественниковъ (resp. Буркхардта) принимаютъ какъ дату его смерти 1787 годъ. См. у Кремера: „*Geschichte der herrschenden Ideen des Islams*“ (Лейпц. 1868), стр. 185, и даже у самыхъ новыхъ: у В. В. Бартольда въ „*Мусульманскихъ династіяхъ*“ (Спб. 1899), стр. 288, и у Гольдциера: „*Vorlesungen über den Islam*“ (Хейдельб. 1910), стр. 292. По той же причинѣ, т.-е. на основаніи вкоренившихся ошибочныхъ первыхъ свѣдѣній, дата рожденія ибнъ-'Абдалъваххаба переносится европейцами на 1720 годъ,—напр. Дози: „*Essai sur l'histoire de l'islamisme*“ (Лейд. 1879), стр. 413; Ни-

Надждъ, глухая внутренне-аравійская пастушеская область, съ малымъ количествомъ городовъ, мѣсть науки, не могла бы дать ибнъ-Абдальваххабу основательной образованности, какъ ее понимаютъ мусульмане, т.-е. схоластической. Ибнъ-Абдальваххабъ свое богословское образованіе получилъ, съѣздивши въ разные богословско-преподавательскіе центры ислама: учился онъ въ Басрѣ, Багдадѣ, Дамаскѣ, былъ въ священной Меккѣ и Мединѣ. И вездѣ онъ долженъ былъ прійти къ заключенію, что современная ему общепринятая форма мохаммеданства вообще всюду есть отступленіе отъ первоначальной его чистоты VII вѣка, и что въ особенности владыки мусульманскаго міра суевѣрные турки исказили ученіе Мохаммеда и сонну до неузнаваемости. Сочиненія ибнъ-Теймійе (а ибнъ-Абдальваххабъ собственноручно ихъ переписалъ; рукопись въ Лейденѣ) ¹⁾ дали ему научно-теоретическое обоснованіе для его настроеній. Было ибнъ-Абдальваххабу, вѣрно, ужъ лѣтъ сорокъ, когда онъ открыто поднялъ вопросъ о необходимости обновить исламъ на чистыхъ основахъ Корана и сонны и отбросить „новшества“ (быда'), къ числу которыхъ относится и идолопоклонническое пилигримство въ Медину къ гробу Пророка; пилигримства въ Мекку, предписаннаго самимъ Мохаммедомъ, онъ не отрицалъ. Къ болѣе мелкимъ частностямъ, которыхъ требовалъ ибнъ-Абдальваххабъ, относилось воспрещеніе четокъ ²⁾, воспрещеніе курить табакъ, носить шелковую одежду и вообще проявлять роскошь; ибнъ-Абдальваххабъ считалъ нужнымъ вернуться всѣмъ въ образѣ жизни къ апостольской обстановкѣ VII вѣка,—и самую біографію Мохаммеда онъ изучалъ по старѣйшему „Житію Апостола“ ибнъ-Хишама (ум. 834), не по позднѣйшимъ разукрашеннымъ передѣлкамъ ³⁾.

кольсонъ: „A literary history of the Arabs“ (1907), стр. 466. Напротивъ, Эйтингъ въ 1896 г. („Tagbuch“, стр. 157) указалъ правильную дату рожденія ибнъ-Абдальваххаба 1116-й годъ хиджры; но, за то, онъ невѣрно переложилъ эту дату на христіанское лѣтосчисленіе: якобы 1696 (а на дѣлѣ 1116=1703), и его арифметическая ошибка пошла тоже въ ходъ; напр., ее безъ провѣрки принялъ Звермеръ („Arabia“, 1900, стр. 192).

¹⁾ См. сличенія Гольдциэра, указанные у насъ ниже, на стр. 66.

²⁾ Четки, черезъ суфійство, рано заимствованы мусульманствомъ изъ Индіи; у Мас'удія (ум. 956) онѣ ужъ отмѣчаются какъ обычное явленіе (париж. изд. „Золотыхъ луговъ“, т. VIII, 1874, стр. 119—121). См. объ этомъ подробнѣе у Альфр. фонъ-Кремера: „Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen“, т. II (Вѣна 1877), стр. 39—40; у Игн. Гольдциэра: „Le rosaire dans l'islam“—въ „Revue de l'Histoire des Religions“ 1890 (= т. XXI, 3), стр. 295—300; и у него же въ „Vorlesungen über den Islam“ (Хейдельб. 1910), стр. 165.

³⁾ Въ числѣ трудовъ ибнъ-Абдальваххаба имѣется сокращеніе ибнъ-Хишамова „Житія Апостола“.—О характерѣ позднѣйшихъ, общепринятыхъ у мусульманъ, „Житій Пророка“ (типа „Хаміс“ Діарбакрія XVI в.), пересыпанныхъ множествомъ легендарныхъ вымысловъ, см. у меня въ „Источникахъ для біографіи Мохаммеда“ (М. 1902), стр. 90—100; срв. въ „Исторіи арабовъ“, I (1912), стр. 97—99.

Со стороны представителей духовенства, напримѣръ, свв. городовъ, для которыхъ проповѣдь ибнъ-'Абдальваххаба, направленная противъ выгоднаго имъ status quo, была призывомъ къ подрыву ихъ благосостоянія, ибнъ-'Абдальваххабъ, конечно, не могъ рассчитывать на вниманіе,—и онъ выступилъ съ проповѣдью въ своемъ родномъ, болѣе примитивномъ Надждѣ. Сочувствія, однако онъ у надждскаго духовенства не нашелъ, да и простой народъ отнесся къ нему или равнодушно или враждебно. Пришлось ибнъ-'Абдальваххабу со своей семьей достаточно поскитаться, потому что, гдѣ онъ селился, тамъ вызывалъ противъ себя отпоръ. А изъ того поселенія, гдѣ ибнъ-'Абдальваххабъ нѣкогда родился, ему пришлось прямо спастись бѣгствомъ. Онъ бѣжалъ въ одинъ изъ болѣе многолюдныхъ городовъ Наджда—Дера'ийю (пишутъ *درعیة* и *درعیة*) и тутъ нашелъ защиту у одного уважаемаго и вліятельнаго шейха. Это было около 1750 года. Шейхъ назывался Мохаммедъ ибнъ-Са'удъ. Онъ искренне принялъ къ сердцу отмечаемое другими ученіе своего протеже, женился на его дочери, и, распространяя ученіе своего тестя вооруженной рукою, съ помощью своихъ земляковъ, среди сосѣднихъ бедуиновъ, ибнъ-Са'удъ оказался основателемъ политической ваххабитской династіи: лѣтъ за пятнадцать, къ концу своей жизни, ибнъ-Са'удъ доходилъ своей областью ужъ до бахрейнскаго берега Персидскаго залива. А ибнъ-'Абдальваххабъ до самой своей смерти оставался лишь духовнымъ главою, «имамомъ» своихъ послѣдователей.

Дальнѣйшіе, высшіе успѣхи достигнуты были преемниками ибнъ-Са'уда—его сыномъ 'Абдаль'азизомъ (1765-1803) и внукомъ Са'удомъ (1803-1814).

Сыну и первому наслѣднику ибнъ-Са'уда 'Абдаль'азизу (1765-1803) удалось поднять ужъ и во всемъ Надждѣ политическое движеніе и объединить эту разрозненную междоусобіями страну въ одно государство, а къ концу столѣтія—присоединить сюда также Оманъ, т.-е. владѣнія сильнаго тогда Маскатскаго имама, и направить свои удары на сосѣднихъ турковъ, хозяевъ Багдада, свв. городовъ, Сиріи и Египта. Самому ибнъ-'Абдальваххабу дожить до полного апогея военной славы своихъ послѣдователей—не пришлось. Духовными очима (онъ умеръ, 1791, ослѣпшій отъ старости) видѣлъ онъ торжество своихъ идей во внутренней Аравіи; но дальнѣйшій военный блескъ ваххабистства, разрушеніе высшихъ шиитскихъ и соннитскихъ пилигримскихъ святилицъ, этихъ, по ваххабитскому мнѣнію, очаговъ гнуснаго идолопоклонства («ширк») — все это состоялось послѣ его смерти.

Весною 1801 года хищные ваххабиты, управляемые 'Абдаль'азизомъ, налетѣли на богатую дарамъ Кербелу подъ Багдадомъ, гдѣ обрѣтается святѣйшій паломнический пунктъ для шиитовъ, гробница священномученика имама Хосейна, сына 'Алія. Эти «икноборцы»-бедуины разрушили и разграбили набожныя сооруженія надъ гробни-

цей (напр., листовое золото, шали, ковры), сняли приношенія (напримѣръ, усыпанныя драгоценностями сабли, золотую утварь, денежную казну), перебили 5000 душъ и вернулись въ свою Аравію съ богатой добычей, которую пришлось везти на двухъ стахъ верблюдовъ.

Вскорѣ и соннитскій міръ ужаснулся. Въ 1803-1804 годахъ ваххабиты завладѣли и всемірными соннитскими святынями: Меккой (1803), которая находилась подъ управленіемъ энергичнаго «верховнаго шерифа», не имѣвшаго однако достаточной военной силы, чтобы отразить нагрянувшихъ бедуиновъ, а потомъ (1804) завладѣли и Мединой. Молитва за турецкаго султана въ Аравіи была отмѣнена; «хадджъ» былъ для паломниковъ-неваххабитовъ, т.-е. «идолопоклонниковъ», прерванъ. Мусульманскій міръ оказался въ невозможности соблюдать одну изъ священнѣйшихъ обязанностей, одинъ изъ пяти «столповъ» ислама, хадджъ. Съ самыми-то городами ваххабиты сперва поцеремонились, но нѣсколько лѣтъ спустя, по случаю пилигримскихъ неурядицъ, Мекка и Медина испытали судьбу шиитской Кербелы. Въ Меккѣ ваххабиты разбили мусульманскій фетишъ „Черный Камень“, разрушили и разграбили богатые часовни-куполы въ Меккѣ надъ мѣстомъ рожденія пророка Мохаммеда, его жены Хадиджи, его дяди Абу-Талиба и внуковъ Хасана и Хосейна; нечего и удивляться, что были разнесены и турецкія лавченки у храма-Кабы. А въ Мединѣ ваххабиты разорили гробницу Мохаммеда, которая впрочемъ отчасти пострадала еще и при первомъ взятіи Медины; передъ пророческимъ достоинствомъ Мохаммеда ваххабиты преклонялись, но святыми не считали ни его останковъ, ни его гроба.

Шиитская святыня Кербелá разграблена была (1801) еще при эмирѣ Абдальазизѣ, и онъ погибъ жертвой мести шиитскаго фанатика который коварно поразилъ его въ мечети (1803). Эта же, болѣе памятная, расправа съ Меккой и Мединой состоялась уже не при Абдальазизѣ, а при новомъ, по счету третьемъ, вождѣ сектантскаго государства, сынѣ Абдальазиза, Саудѣ (1803-1814). Предѣлы государства ваххабитскаго при Саудѣ охватывали большую часть Аравійскаго полуострова— всю сѣверную и восточную Аравію (Оманъ), подступая до окраинъ пашалыка Дамасскаго и Египта на западѣ и пашалыка Багдадскаго на востокѣ (по крайней мѣрѣ до Баэры ¹⁾).

Изъ трехъ пашей ни дамасскій, ни багдадскій паша не были въ силахъ совершить вторженіе въ ваххабитскую область, защищенную трудно проходимыми пустынями. Наконецъ, Турція поручила своему египетскому пашѣ, извѣстному родоначальнику хедивовъ. Мохаммеду Алию, отвоевать у ваххабитовъ свв. города Мекку и Медину,

¹⁾ Баэра теперь, съ 1875 г., представляетъ собою главный городъ особаго вилайета, но прежде она управлялась изъ Багдада.

чтобы возстановить здѣсь турецкую власть и пилигримство, отрѣзанное этими еретиками ¹⁾).

Въ октябрѣ 1811 года египетская пѣхота подвезена была по морю флотомъ къ мединской гавани Янбо²⁾, а конница прошла въ Хиджазъ изъ Суэса побережьемъ. Такъ началась война. Офицеры-инструкторы египетскаго войска были европейцы. Постепенно, путемъ кровавой борьбы, отвоеваны были египтянами для Турціи оба святыхъ города (1812-1813) и другіе пункты Хиджаза; къ 1818 году ваххабиты-бедуины могли считаться не только окончательно вытѣсненными изъ Хиджаза въ свой Надждъ, но даже въ Надждѣ разбитыми. Главноначальствующимъ египетской арміи былъ тогда Ибраһимъ-паша, сынъ Мохаммеда-Алія, которому отецъ, отозванный дѣлами въ Египетъ, передалъ командованіе (1816); а государемъ ваххабитовъ (уже четвертымъ по счету) въ это время былъ сынъ Са'уда 'Абдаллаһъ (1814-1817). Человѣкъ желѣзной воли, Ибраһимъ-паша въ своемъ наступательномъ движеніи внутрь Наджда (1816-1817) сумѣлъ даже взять и разрушить столицу—Дера'ийю. 'Абдаллаһъ сдался (9 сент. 1817). Ибраһимъ-паша отправилъ его въ Каиръ, гдѣ Мехеммедъ-Алій готовъ былъ его помиловать. Но Порта настояла на высылкѣ ваххабитскаго главы въ Константинополь, и тамъ его подвергли мучительной казни (къ 1819).

Вмѣстѣ съ египетскими войсками ѣздилъ путешественникъ Буркхардтъ. Онъ описалъ происходящія событія и составилъ цѣнные матеріалы для исторіи ваххабизма.

Ибраһимъ-паша съ разрушеніемъ Дера'ийи (1817) считалъ Надждъ покореннымъ, и египтяне послѣ того, около тридцати лѣтъ, пока былъ живъ Ибраһимъ-паша, изъявляли притязанія на верховную здѣсь власть, хотя бы номинальную. На дѣлѣ ничего изъ притязаній не вышло. Едва удалились изъ страны египетскія войска, какъ опять возстановилась ваххабитская династія ибнъ-Са'уда: не то сынъ, не то братъ казненнаго въ Константинополѣ 'Абдаллаһа вновь объединилъ ваххабитовъ (Тюркія, ок. 1820-1834). Но,—это ужъ разумѣется,—предѣлы ваххабитскаго государства ограничились съ тѣхъ

¹⁾ По поводу выраженія: „еретикъ“ мы должны, правда, оговориться, что догматика ваххабизма правоверна вполне, и это подтвердилъ, напримѣръ, безпристрастный алжирскій богословъ Абу-Рѣсъ ан-Насырій (1751-1823), о которомъ см. у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litter.“, т. II (1902), стр. 508—509; съ дополненіемъ, хоть популярнѣе, у Хюара: „Littérature arabe“ (1902), стр. 423. Но вѣдь въ религіи всякій, кто уклонится отъ usus'a господствующей церкви (отъ „иджма'а“, какъ говорятъ мусульмане), будетъ конечно, еретикъ. И если лютеранство, при его стремленіи отбросить наслоенія на христіанствѣ и вернуться къ чистому ученію Христа, есть ересь по отношенію къ „правоверному“ католицизму, то и ваххабизмъ по отношенію къ „правоверному“, т. е. общепринятому, мусульманству есть ересь.

поръ одною центральною Аравіей. Столицею вмѣсто разрушенной Дерайи, сдѣлался недалеко отъ нея же г. Рыядъ (Рйадъ)²⁾.

Египтяне, считая себя верховными властелинами Наджда, въ концѣ 1830-хъ гг. произвели новое наступленіе, когда повелителемъ ваххабитовъ былъ уже не Тюркій, а сынъ Тюркія, талантливый Фейсалъ (ок. 1834-1865). На нѣкоторое время эмиръ Фейсалъ лишился власти и даже былъ сосланъ изъ Наджда въ Египеть, но затѣмъ, когда египтяне ушли, опять вернулся (1843), ускользнувши изъ ссылки, и возстановилъ свое владѣніе; а съ 1849 года даже тѣни египетскихъ притязаній на верховенство надъ Надждомъ не осталось.

Эмира Фейсала подѣ старость хорошо узнали и оцѣнили европейцы. Въ 1863 году его посѣтилъ (полагаютъ, въ качествѣ тайнаго эмиссара Наполеона III) іезуитъ - путешественникъ Пэльгрэвъ; въ 1865 году—изъ Бушира пріѣхалъ въ ваххабитскую столицу въ Фейсалу англійскій полковникъ сэръ Люизъ Пелли, какъ представитель британскаго королевскаго правительства. И Пэльгрэвъ и Пелли были приняты эмиромъ Фейсаломъ съ полнымъ радушіемъ, причемъ, однако, Фейсалъ отъ души предлагалъ гостямъ принять ваххабитскую вѣру. Число подданныхъ Фейсала Пэльгрэвъ опредѣлилъ въ 1.219.000 чел., число жителей столицы Рыяда—въ 30.000, а армию въ 47.300 челов., что, вѣроятно, было преувеличеніемъ.

Династія ибнъ-Сауда (саудида), однако не удержала своего главенства въ Надждѣ до нашихъ временъ: ее въ 1886 году смѣнила другая, Рашидида, и столица Наджда теперь тоже другая, сѣверо-западнѣе чѣмъ Рыядъ,—г. Хаиль въ области Шаммаръ.

Дѣло въ томъ, что еще эмиръ Фейсалъ поручилъ военное управленіе (محافظة) Шаммарской областью своему преданному солдату, шаммарскому уроженцу, ибнъ-Рашиду, и тотъ сдѣлалъ г. Хаиль своей намѣстнической резиденціей. Послѣ его смерти (1844) правленіе наследственно и по выбору шаммарцевъ перешло къ его дѣтямъ, и въ 1868 г. шаммарскимъ правителемъ сталъ третій сынъ ибнъ-Рашида Мохаммедъ. Этотъ, въ теченіи восемнадцати лѣтъ, все болѣе и болѣе укрѣплялъ свою власть и почти не находился въ зависимости отъ главы ваххабитовъ въ Рыядѣ (гдѣ, кстати сказать, шла междоусобица, борьба сыновей Фейсала). Въ 1886 году Мохаммедъ, сынъ ибнъ-Рашида, воспользовавшись семейными междоусобіями рыядской династіи саудидовъ, пошелъ на Рыядъ, низвергъ Саудову династію съ главенства, самъ завладѣлъ верховной властью надъ Надждомъ и сдѣлалъ столицею Наджда свою резиденцію въ Шаммарѣ, г. Хаиль.

²⁾ Рыядъ—въ самомъ центрѣ Аравіи, лежатъ подѣ 24° 38' 34" широты, а долготы 46° 41' 48" отъ Гринвича (по опредѣленію сэра Пелли 1865). Имя „Рйадъ“ ریاض

и т. д.

Хитрый политикъ, Мохаммедъ-рашидидъ вступилъ въ наружно-дружественныя отношенія съ турецкимъ султаномъ и мекканскимъ шерифомъ. Барону Нольде во время его пребывания въ центральной Аравіи разрѣшено было открыто курить нечестивое зелье и сохранить европейское платье; этимъ, конечно, пуританизмъ ваххабитскій былъ шокированъ, хотя вообще ихъ пуританизмъ къ нынѣшнимъ временамъ значительно ослабѣлъ или, гдѣ не заглохъ, перешелъ въ лицемеріе, да внѣшнее ханжество. Въ 1897 году Мохаммеду ибнъ-ибнъ-Рашиду наслѣдовалъ во власти надъ Надждомъ и ваххабитами его племянникъ и оказался продолжателемъ дядиной политики.

Для наглядности предлагается здѣсь таблица ваххабитскихъ государей, причемъ надо имѣть въ виду, что съ 1818 года, когда область ваххабитскаго государства ограничилась центральной Аравіей, съ ея бедуинскими правами, таблица не можетъ считаться непогрѣшимой.—„Бедуины вѣдь равнодушны къ хронологіи по годамъ“, безнадежно говоритъ Эйтингъ („Tagbuch“ 1896, стр. 165); „они, какъ дату какого-нибудь событія, могутъ запомнить день недѣли или ближайшій праздникъ; но насчетъ цифры года—очень трудно добиться отъ нихъ свѣдѣнія или непротиворѣчиваго показанія“. Оттого, при пользованіи ихъ показаніями всегда возможна неточность въ датахъ на нѣсколько лѣтъ. Поразительный примѣръ представляетъ намъ собою Пэльгрэвъ, который, на основаніи бедуинскихъ показаній, допустилъ колоссальнѣйшія хронологическія ошибки даже въ царствованіи первыхъ, всемірно знаменитыхъ, ваххабитскихъ государей-завоевателей ¹⁾.

Саудиды:

Мохаммедъ ибнъ-Са'удъ	ок. 1750—1765
'Абдал'азизъ	1765—1803
Са'удъ	1803—1814
Абдаллахъ, казненный въ Царьградѣ 1819.	1814—1817
[Египетскій перерывъ	1818—1820]
Тюркій ибнъ-Абдаллахъ	1820—1834 ¹⁾
Машарій, его двоюродный братъ и убійца	1834 ²⁾
Фейсалъ ибнъ-Тюркій, въ общемъ отъ 1834 ²⁾ до 1865 ³⁾ , а первый разъ	1834 ²⁾ —1838
[Новое египетское вторженіе и временная потеря власти у Фейсала	1838—1843]
Возстановленный Фейсалъ	1843—1865 ³⁾
'Абдаллахъ ибнъ-Фейсалъ (первый разъ).	1865—1875
Са'удъ ибнъ-Фейсалъ, низвергшій брата	1875—1877
Абдаллахъ ибнъ-Фейсалъ (вторично)	1877—1886

Шаммарская династія:

Мохаммедъ ибнъ-ибнъ-Рашидъ	1886—1897
'Абдал'азизъ ибнъ-Мит'абъ	съ 1897

¹⁾ О Пэльгрэвѣ см. ниже, стр. 64, въ отдѣлѣ библиографіи.

²⁾ Быть можетъ, 1836. А Пэльгрэвъ полагалъ 1830.

³⁾ Можетъ быть, 1866.

Число ваххабитовъ не извѣстно, потому что статистики въ средней Аравіи, конечно, нѣтъ. Обыкновенно полагаютъ населеніе внутренней Аравіи миллионъ въ 4-5, что составляетъ приблизительно треть населенія всего Аравійскаго полуострова; но эта цифра можетъ быть и выше и ниже дѣйствительности. И при томъ не всѣ же во внутренней Аравіи ваххабиты. Собственно-подданныхъ шаммарскихъ цифра тоже не выяснена. А съ другой стороны, есть ваххабиты и въ прибрежныхъ полосахъ Аравіи, и въ Индіи, и несомнѣнно еще кое-гдѣ.

Сдѣлаемъ нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.

Изъ общаго очерка судебъ ваххабитскаго государства мы видѣли, что ваххабитское движеніе не достигло главной своей цѣли и не успѣло реформировать весь мусульманскій міръ, вернувши его, въ духѣ своего пуританства, къ идеаламъ и къ жизни VII вѣка. Но безъ извѣстнаго вліянія оно не осталось. Можно думать, что примѣръ, если не ученіе, ваххабитовъ послужилъ толчкомъ въ Персіи для ея обновительнаго движенія—бабизма; только, бабизмъ видитъ свои идеалы не въ возвращеніи къ минувшей старинѣ VII вѣка, а въ прогрессивномъ поступательномъ развитіи. Сѣверо-африканское движеніе секты санусійской—близко къ ваххабитскому. Ваххабизмъ въ свое время проникъ въ Китай ¹⁾. Одна вѣтвь ваххабизма имѣла, въ четверти 19-го вѣка, политическое вліяніе въ сѣверной Индіи у границъ Афганистана и вела вооруженную священную войну съ синкретической мусульманско-хиндуистической сектой «сиховъ» (Sikhs—какъ ее называютъ англичане); да и вообще среди мусульманъ Индіи ваххабитскія идеи (только безъ имени: ваххабитскія) донинѣ находятъ своихъ приверженцевъ, особенно какъ протестъ противъ повсемѣстнаго въ Хиндустанѣ синкретизма вѣровацій мусульманскихъ съ туземными—«языческими» ²⁾.

Литература предмета.

Для библиографіи, но не для вышшняго пользованія, мы на первомъ мѣстѣ назовемъ двѣ книги, изъ которыхъ одну издалъ отецъ арабистики С. де-Саси.

а) [J. Rousseau]: Description du pachalik de Bagdad suivie d'une notice historique sur les Wahabis ..., publ. par. S. de Sacy. Парижъ 1809.

б) А. [=L. de Corancez, генеральный консулъ въ Алленно]: Histoire des Wahabis, depuis leur origine jusqu'à la fin de 1809. Парижъ 1810 (стр. VIII+222) Въ свое время это была очень извѣстная работа; тогда же ее популяризировалъ Е. Jomard] въ своей рецензіи 1810.

¹⁾ J. J. de Groot: Over de Wahabietenbeweging in Kansch 1781-1789—въ „Verslagen en Mededeelingen“ Академіи наукъ, Амстердамъ 1904, Letterkunde IV, Reeks 130-3.

²⁾ О ваххабитскихъ тенденціяхъ въ Индіи см. у Игн. Гольдшера: „Vorlesungen über den Islam“ (Хейдельбергъ 1910), стр. 307-308.

Далѣ, главнымъ для европейцевъ источникомъ свѣдѣній о ваххабитскомъ движеніи служили сообщенія Буркхардта, который побывалъ въ Аравіи тогда, когда Турція, черезъ египтянъ, занята была отвоеваніемъ свв. городовъ и Хиджаза отъ власти ваххабитовъ:

J. L. Burckhardt: Notes on the Bedouins and Wahabys, т. II (= Materials for a history of the Wahabys), Лонд. 1831;—по-нѣмецки: Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby (Веймаръ 1831 въ Bertuchs Reisebeschreibungen, Band 57); по-французски въ 3 тт. перевелъ J. Eyriès: Voyages en Arabie.... suivis d'un essai sur l'histoire des Wahhabites (Пар. 1835). Очень выразительно свѣдѣнія Буркхардта резюмированы и изложены въ главѣ о ваххабитахъ у R. Dozy: *Het Islamisme* (Лейд. 1863; французскій переводъ В. Шовена: *Essai sur l'histoire de l'islamisme*, Лейд. 1879, стр. 410-429); а по Дози, съ добавками изъ сообщеній путешественниковъ 1860-хъ годовъ Пэльгрэва и Пелли, наисана глава „Wahhabitische Reformation“ у Альфр. фонъ-Кремера: *Geschichte der herrschenden Ideen des Islams* (Лейпцигъ 1868), стр. 184-188 ¹⁾. Дальше Буркхардтовыхъ свѣдѣній не пошелъ въ изложеніи ваххабизма и L. A. Sédillot въ своей (сразу же, правда, устарѣлой) *Histoire générale des Arabes*, т. II (Пар. 1877), стр. 154-162 и 201-202. И даже въ самыя новыя времена почти исключительно изъ Буркхардта черпаетъ свѣдѣнія R. Nicholson: *A literary history of the Arabs* (Лонд. 1907) стр. 465-467). Въ очеркѣ судебъ ваххабизма (стр. 61) мы отмѣчали, что лѣтъ сорокъ спустя послѣ Буркхардта іезуитъ Пэльгрэвъ и полковникъ сэръ Льюизъ Пелли посѣтили ваххабитское государство въ начальной половинѣ 1860-ыхъ гг. Первый ѣхалъ какъ бы простой путешественникъ, въ 1862-1863 г., но англичане заподозрили, что онъ былъ тайнымъ посланцемъ императора Наполеона III, и въ противовѣсъ мисси Пэльгрэва сѣздили къ ваххабитамъ изъ Бушира черезъ Ковейтъ англійскій полковникъ Пелли, какъ представитель англійской королевы въ 1865 году. Оба были радушно приняты тогдашнимъ ваххабитскимъ государемъ Фейсалемъ въ Риядѣ. Результатомъ явились ихъ описанія. Больше извѣстно William Gifford Palgrave: *A narrative of a year's journey through Central and Eastern Arabia* (Лонд., 2 тт., 1865; нѣм. перев. Лейпц. 1867-1868; франц. пер. Em. Jonveaux, Пар. 1866; было и сокращеніе въ 340 стр., изданное J. Belin de Launay, Пар. 1873; русск. перев. СПб. 1875); а Sir Lewis Pelly опубликовалъ свою „Political mission to Najd“ въ IX томѣ „Proceedings“ королевскаго Географическаго Общества 1865. Хотя даваемая ими свѣдѣнія о ваххабитахъ могутъ оказываться по временамъ неточными, или даже ошибочными ²⁾, но они вообще чрезвычайно ин-

¹⁾ Нечего и говорить, что Кремеръ, пользуясь Дози, оговариваетъ это. По-русски глава изъ Дози переведена или пересказана (въ обоихъ случаяхъ плоховато) С. Уманцемъ въ качествѣ VII главы его „Очерка развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ“ (СПб. 1890, отд. изъ „Христ. Чт.“ 1888), о которомъ мы еще скажемъ въ отдѣлѣ русской библиографіи; г. Уманецъ считаетъ излишнимъ отмѣчать, что онъ не свою работу даетъ, а лишь „Essai“ Дози переводить.

²⁾ Въ хронологіи прежнихъ событій бывають ошибки прямо чудовищныя. Напр., царствованіе Абдалъ азиза (1765-1803), извѣстнаго разорителя Кербелы и завоевателя священной Мекки, Пэльгрэвъ начинаеть только съ 1800 года, т. е. на тридцать пять лѣтъ позже дѣйствительности. Разорителемъ Мекки и Медины Пэльгрэвъ дѣлаеть не Сауда (его просто опускаеть), а того Абдаллаха, котораго потомъ казнили турки въ Царьградѣ, для чего начало царствованія Абдаллаха Пэльгрэвъ ускоряеть на восемь лѣтъ.—Ошибки Пэльгрэва доврѣчиво усвоивались другими, и наир., швейцарецъ

тересны и важны, и въ сущности единственнымъ источникомъ для знакомства съ ваххабизмомъ 60-хъ годовъ является Пальгрэвъ.

Лѣтъ десять-пятнадцать спустя европейскіе путешественники проникаютъ въ ваххабитскую глубь чаще. Укажемъ Даути (1876-1878), супруговъ Блѣнтовъ (Вильфрида и Анну) и нѣмца Эйтинга (1883).

Lady Anne Blunt: Pilgrimage to Nejd, the cradle of the Arab race. 2 тт. 2-е изд. Лонд. 1881.

Ch. M. Doughty: Travels in Arabia Deserta (1876-1878 гг.) 2 тт., Кембридж 1888,—трудъ, считающійся однимъ изъ главныхъ для изученія бедуйской Аравіи.

Julius Euting: Tagbuch einer Reise (=1883 года) in Inner-Arabien, I, Лейденъ 1896. На стр. 157-172 особая глава: „Die wahhabitische Religionsbewegung; Saudiden, Raschididen“. Эйтингъ, извѣстный археологъ и семитологъ, а въ частности арабистъ, посѣтилъ въ поискахъ за старо-семитскими надписями самую середину ваххабитскаго государства, былъ и въ шаммарскомъ г. Хайль, якобы еще вассальной столицѣ эмира ибнъ-Рашида, который вскорѣ оказалась низвержена риядская, до тѣхъ поръ суверенная, династія потомковъ Са'уда. Какъ-разъ въ моментъ борьбы рашидидовъ и саудиновъ за преобладаніе въ Надждѣ Эйтингъ и посѣтилъ эту страну и очень внимательно присмотрѣлся къ бытовой ли, къ политической ли жизни ваххабитскаго Наджда. И записки его—не дилеттантскія, чего нельзя сказать про небезызвѣстнаго слѣдующаго путешественника, имѣющаго отношеніе къ Россіи:

Baron Eduard Nolde: Reise nach Innerarabien, Kurdistan und Armenien, 1892. Брауншвейгъ 1895. Путешествію въ Надждъ, къ шаммарскому эмиру ибнъ-Рашиду въ Хайль, отведена у Нольде почти половина книги (стр. 3-144). Особая въ ней глава: „Die politischen Zustände Innerabiens“ (стр. 52-77) представляетъ исторію ваххабизма вплоть до событій 1892 года; но именно эта глава и содержитъ много ненадежнаго, въ изложеніи ли фактовъ, въ сужденіяхъ ли (напр., по увѣренію бар. Нольде, ваххабиты будто бы отвергаютъ сонну!—стр. 59). Бар. Нольде не былъ ни арабистомъ, ни ученымъ; прибалтійскій нѣмецъ, сперва офицеръ русской службы, потомъ податной инспекторъ въ Витебской губерніи, онъ не разъ оставлялъ службу въ Россіи и отправлялся по бѣлу свѣту въ скитанія, то какъ воинственный доброволецъ (въ Испанію, въ Бразилію), то какъ путешественникъ. Съ арабами онъ объяснялся при помощи переводчика.

Одновременно почти съ Нольде, совершилъ свое путешествіе изъ Сиріи черезъ пустыню въ Багдадъ, а оттуда въ 'Оманъ—бар. Оппенгеймъ и далъ превосходное, научно и художественно обставленное описаніе своего путешествія:

Dr. Max Freiherr von Oppenheim: Vom Mittelmeer zum Persischen Golf durch den Haurân, die Syrische Wüste und Mesopotamien, т. I, Берлинъ 1899; т. II, 1900. Бар. Оппенгеймъ не былъ въ серединѣ ваххабитскаго государства, но тѣ окранны Наджда, по которымъ онъ проѣхалъ, входили нѣкогда въ составъ ваххабитскихъ владѣній, и воспоминанія о ваххабизмѣ тамъ сохранились. Въ очеркѣ исторіи 'Омана, который данъ у фонъ-Оппенгейма во II томѣ и въ которомъ достаточно говорится о владычествѣ вахха

Жюль-Шарль Шолль (Scholl)—въ своей получившей популярность книгѣ: „L'islam et son fondateur“ (Невшатель 1874), не только увѣренно пользуется датами Пальгрэва, но даже (стр. 419) слегка пытается оспаривать фонъ-Кремера, отдающаго предпочтеніе Буркхардту.—Шолль отводитъ ваххабитству въ своей книгѣ стр. 415-424.

битовъ надъ 'Омáвомъ или о ихъ вторженіяхъ въ страну, есть синхронистическія полезныя указанія и для исторіи Наджда. Въ этомъ отдѣлѣ фонъ-Оппенгеймъ (см. стр. 333, сноску) хорошо воспользовался арабской хроникой Салиля ибнъ-Разйка (довед. до 1856), которую въ критическомъ переводѣ издалъ Дж. П. Ваджеръ (G. P. Badger): *History of the imams and seyyids of Oman* (Лонд. 1871).

S. M. Zwemer: *Arabia, the cradle of islam* (Эднб.-Лонд.-Нью-Йоркъ 1900), стр. 191—201, глава: „The Wahabi rulers and reformers“. Наиболѣе здѣсь интересна исторія послѣднихъ десятилѣтій, переходъ верховной власти отъ рыадской династіи Са'уда къ шáммарской династіи Мохаммеда ибнъ-Рашида.

Всѣ вышенереченныя работы или изданія носятъ характеръ преимущественно историко-описательный, хотя, конечно, касаются и богословско-догматической стороны вопроса. Наоборотъ, именно прежде всего въ виду имѣется богословско-догматическая сторона въ слѣдующихъ трудахъ:

Ign. Goldziher: а) *Die Záhiriten, ihr Lehrsystem und ihre Geschichte. Beitrag zur Geschichte der muhammedanischen Theologie* (Лейпц. 1884). Здѣсь на стр. 188—190 сказано о ханбалитѣ ибнъ-Теймийе и вліяніи его на ибнъ-Абдальвахháба;—б) Его же: замѣтка о рукописи ибнъ-Теймийе, которую собственноручно переписалъ ибнъ-Абдальвахháбъ—въ „*Zeitschr. d. Deutsch. Morg. Ges.*“, т. 52 (=1895), стр. 156;—в) Его же: *Vorlesungen über den Islam* (Хейдельбергъ 1910, въ серіи „*Religionswissenschaftliche Bibliothek*“ Штрейтберга, т. I), стр. 291—294 (вообще о ваххабизмѣ) и стр. 307—308 (ваххабитскія тенденціи въ Остѣ-Индіи). Какъ ни странно это со стороны аккуратнаго Гольдциэра, но въ мелочахъ у него случаются упущенія, пропускающія изъ пользованія прежними источниками безъ надлежащаго использованія дальнѣйшихъ. Напримѣръ, годъ смерти ибнъ-Абдальвахháба показанъ у Гольдциэра прежній, неправильный, т. е. 1787, а не 1791; къ числу воспрещенныхъ ваххабитскихъ предметовъ онъ, наряду съ табакомъ, относитъ и кофе (стр. 292), тогда какъ всѣ путешественники отмѣчаютъ изобильное и даже чрезчуръ изобильное потребленіе кофе у ваххабитовъ, и Пальгрэвъ, напримѣръ, сообщаетъ, что должность приготовителя кофе—важная должность при дворѣ повелителя ваххабитовъ.

Carl Brockelmann: *Geschichte der arabischen Litteratur*, Bd. II (Берл. 1902), см. стр. 102—103, о вліяніи ибнъ-Теймийе на ибнъ-Абдальвахháба (съ большой выпиской изъ „*Záhиритовъ*“ Гольдциэра); и еще см. стр. 390, о самомъ основателѣ ваххабизма, со ссылкой на его арабскую біографію, которая хранится въ Британскомъ Музеѣ, и съ перечнемъ его произведеній. Короче и популярнѣе изложено это же Броккельманномъ въ его общедоступной „*Geschichte der arabischen Litteratur*“ въ лейпцигской Амеланговой серіи (1901), стр. 198—199 и 230.

Въ беллетристической формѣ живо обрисовываетъ пуританскую обстановку ваххабитовъ (и параллельное лицемѣріе съ ханжесствомъ) романъ Карла фонъ-Винденти (von Vincenti): „*Tempelstürmer in Hocharabien*“, который рекомендуется и въ „*Vorlesungen*“ серьезнаго Гольдциэра (1910, стр. 293).

Еще кое-какую бібліографію ваххабизма можно найти въ трудѣ Лейболла по мусульманскому праву (Th. W. Junboll): *Handbuch des islamischen Gesetzes nach der Lehre der Scháffitischen Schule, nebst einer allgemeinen Einleitung*, 2 выпуска (Лейденъ, 1908—1910), именно на стр. 28, примѣч. 2-е

Для исторіи востоковѣдѣнія въ Россіи укажу и РУССКУЮ БИБЛИОГРАФИЮ,—всю, какая мнѣ извѣстна:

О сектѣ Ваабіевъ, отпадшихъ отъ магометанства—въ „Журн. различныхъ предм. словесности“ 1805, т. II: № 1 (стр. 18-34) и № 2 (стр. 24-44).

О Вехабитахъ—въ „Геніи Времени“ 1807, тетр. 3, № 25, стр. 99.

О Вагабисахъ—въ „Вѣстникъ Европы“ 1816 (ч. 90), № 21 (стр. 63—67) и 1819 (ч. 104), № 7 (стр. 217—228) и № 8 (стр. 303—315).

А. Евреиновъ: Путевыя записки одного офицера, бывшаго въ походѣ англичанъ въ Счастливую Аравію противъ Вехабитовъ въ 1821 г.—въ „Атеней“ 1828 (ч. 4), № № 14—16 (стр. 223—250).

Кое-что русскій читатель могъ мимоходомъ узнать о ваххабитахъ по отрывкамъ, переведеннымъ на русскій языкъ изъ путешествія Буркхардта, напр. въ „Атеней“ 1829 (ч. III, № 8, стр. 270-283 и 371-378) или „Газетей“ 1829. Перечень см. у меня въ „Исторіи мусульманства“, ч. II (М. 1904), стр. 14.

Вехабиты. Изъ History of Mohammedanism—въ „Санктъ-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1834, № № 158—159.

Морисъ Тамизье: Путешествіе по Аравіи, пребываніе въ Геджасѣ, Ассирская кампанія (Voyage en Arabie)—въ „Сынъ Отечества“ 1841 (т. II), ч. 21 (стр. 133—142) и ч. 23 (стр. 159—172).

Арабы-ваххабиты—въ „Закавказск. Вѣстникъ“ 1853, № № 20-21.

Ад. д'Аврилъ: Аравійскій полуостровъ въ послѣднее столѣтіе, переводъ Ю. Песчанскаго—въ „Кавказъ“ 1869, № № 136, 137, 139, 140, 142.

„Путешествіе Пальгрева“, гдѣ есть и о ваххабитахъ, переведено было и на русскій языкъ, изд. редакціи „Знанія“ (СПБ. 1875), а кромѣ того—отрывками. Подробнѣе см. у насъ въ 1-й части „Исторіи арабовъ и арабской литературы“ (1912) во вступительномъ очеркѣ Аравіи стр. 13—14.

С. Уманецъ: Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ (СПБ. 1888), оттискъ изъ „Христіанскаго Чтенія“ 1888, № № 11—12. И переизданіе СПБ. 1890. О ваххабизмѣ—особая глава на стр. 131—140, представляющая собою русскій переводъ (иногда—и это чаще—буквальный, иногда сокращенный) соответствующей главы изъ „Essai“ Дози, съ нѣсколькими добавками въ концѣ по Пельгреву, по Пелли, по Hughes'ovu „Dictionary of Islam“. Имя Дози, кстати сказать, ни разу не упомянуто г. Уманцемъ, такъ-что читатель можетъ вообразить, будто г. Уманецъ въ „Essai“ Дози переводитъ, а свою собственную работу даетъ.

Ваггабиты, или Вегабиты—статья въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона, полутомъ 9-й (СПБ. 1891), стр. 336—337. Это плохенькій переводъ плохенькой статьи изъ нѣмецкаго изданія „Conversationslexicon“ Брокгауза. (Во 2-мъ изд. словаря дается ужъ другая статья).

Иоганнъ Гаури, пасторъ въ Давосѣ: Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. Переводъ съ нѣм. П. И. Хомутова. Ташкентъ 1893. На стр. 180-184 очерченъ ваххабизмъ по „Essai“ Дози, т. е. съ устарѣлостями.

В. Бартольдъ: рубрика „Веххабиты“—въ дополненіи къ изданнымъ въ его переводѣ „Мусульманскимъ династіямъ“ Стэнли Лэнь-Пуля (СПБ. 1899), стр. 288. Дано нѣсколько вступительныхъ словъ объ исторіи секты и таблица государей, доведенная однако только до 1877 года.

Двѣ моихъ статьи: „Ваххабиты“, одна покороче, другая подлиннѣе, помѣщены въ московскомъ „Настольномъ Энциклопедическомъ Словарѣ“ т-ва Гранатъ, 7-е изд., т. VIII (1911), стр. 58—59, и въ петербургскомъ „Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона (1912).

№ 118. 24 февр. 1911 г. происходило засѣданіе Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества подъ предсѣдательствомъ В. Ө. Миллера, въ присутствіи предсѣдательницы Общества графини П. С. Уваровой, гг. членовъ А. Н. Веселовскаго, В. А. Гордлевскаго, Н. А. Янчука, Г. А. Халатьянца, С. Г. Дзеруніана, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, Мирзы-Джафара, Мирзы-Абдуллы Гаффарова, М. О. Аттаи, С. Н. Тэръ-Саргсянца, стороннихъ посѣтителей—И. С. Тандова, настоятеля антиохійскаго подворья архимандрита Антонія, С. С. Сабатаева, Б. Зданевича, г. Жазара. І. Кусикьяна, Шибаровскаго, Скворцова, студентовъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ: Акчурина, Анисимова (Нисимъ-оглу), Андроникова, Багненко, Блау, Бове, Боцьковскаго, Бѣлоусова, Левкіевскаго, Мацыгорова, Новикова, Вадова, Васильева, Воробьева, Габунія, Гюль-Азизова, Делянова, Демчука, Дмитріева, Заварина, Б. Звѣрева, Зисмана, Какурина, Каля, Кашина, Киршевскаго, Колларо, Косоротова, Купервасера, Орѣхова, Павлова, Палюкайтиса, Пищулина, Праусса, Пузанова, Расима, Троицкаго, Филонова, Худояръ-хана, Щурова,—при секретарѣ Восточной комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Прежде чтенія протокола, предсѣдательница Императорскаго Археологическаго Общества графиня П. С. Уварова произнесла привѣтствіе многолѣтнему предсѣдателю Восточной Комиссіи В. Ө. Миллеру по поводу недавно состоявшагося его избранія въ ординарные академики Императорской Академіи Наукъ и высказала отъ имени всего Археологическаго Общества пожеланіе, чтобы это избраніе не разлучило новоизбраннаго академика съ Археологическимъ Обществомъ. Такое же пожеланіе высказано было вообще всею Восточной Комиссіей, члены которой выразили надежду, что и впредь Комиссія не лишена будетъ возможности состоять подъ предсѣдательствомъ В. Ө. Миллера. Отъ имени многочисленныхъ присутствовавшихъ студентовъ-оріенталистовъ Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, постоянныхъ посѣтителей засѣданій Восточной Комиссіи, произнесено было прочувствованное чисто юношеское привѣтствіе, гдѣ была подчеркнута та научно-воспитательная роль въ дѣлѣ развитія побужденій къ востоковѣдѣнію, какую приобрѣла Восточная Комиссія подъ предсѣдательствомъ В. Ө. Миллера.

Предсѣдатель-академикъ отъ души благодарилъ присутствующихъ и обѣщалъ, даже послѣ отъѣзда въ С.-Петербургъ, постоянно пріѣзжать въ Москву и, вообще не разставаясь съ дѣятельностью въ московскихъ ученыхъ обществахъ, сохранить прежнюю тѣсную связь съ Восточной Комиссіей.

2) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

3) А. Е. Крымскій прочиталъ некрологъ скончавшагося въ Дамаскѣ члена Восточной Комиссіи Г. А. Муркоса.

Г. А. Муркосъ.

20 февраля 1911 г. въ г. Захлѣ, невдали отъ Дамаска, скончался 65 лѣтъ отъ роду Георгій Абрамовичъ Муркосъ, бывший профессоръ арабской словесности въ Специальныхъ Классахъ Лазаревского Института Восточныхъ языковъ, одинъ изъ членовъ - основателей Восточной Коммисіи Имп. Моск. Археол. Общества.

Покойный былъ по національности православный сирійскій арабъ. Родился онъ въ 1846 году въ Дамаскѣ, въ исконно православной арабской священнической семьѣ. Отецъ его, родившійся въ началѣ XIX столѣтія (1806), имѣлъ постоянныя близкія отношенія къ Антиохійской, т.-е. дамасской патриархіи. Патриархія въ тѣ времена была въ Сиріи чисто греческая, среди православныхъ арабовъ понятіе «православный человекъ» и «грекъ» были синонимами, — явленіе, которое мы видимъ и на Балканахъ въ тѣ времена, — и не удивительно, что старозавѣтный отецъ Муркоса былъ всецѣло преданъ греческимъ интересамъ; у патриарха онъ былъ правая рука. Когда сынъ Георгій сталъ подростать и дошелъ до школьнаго возраста, отецъ не захотѣлъ его помѣстить въ какую-либо школу протестантскихъ или католическихъ миссіонеровъ, какъ это начало входить тогда въ обычай среди арабовъ Сиріи: онъ, далеко не безъ основанія, опасался за чистоту православія тѣхъ учениковъ, которые выйдутъ изъ иновѣрческихъ миссіонерскихъ школъ. Потому Абрамъ Муркосъ рѣшилъ отдать Георгія, послѣ обученія въ мѣстной дамасской православной начальной школѣ, въ обученіе къ грекамъ, и не въ Сиріи.

Одно печальное обстоятельство помогло этому намѣренію. Въ 1860 году состоялась въ Дамаскѣ и на Ливанѣ памятная рѣзня христіанъ, которую организовало турецкое правительство при посредствѣ сектантовъ-друзовъ. Семья Муркосовъ бѣжала въ Аѳины и прожила тамъ семь лѣтъ. Георгій, для котораго греческій языкъ сдѣлался вторымъ роднымъ, былъ посланъ въ «великую» (т.-е. среднюю) эллинскую школу на островѣ Халки (у Константинополя) и получилъ

вполнѣ греческое воспитаніе, въ духѣ, такъ называемаго, «фанариотства», т.-е. узкаго греко-православнаго націонализма, стремящагося огречить все православное въ предѣлахъ бывшихъ владѣній Византіи. Казалось, что и изъ Муркоса долженъ выйти отъявленный греческій патріотъ.

Изъ халкинской «великой школы» греки отправили юношу въ Россію, въ с.-петербургскую духовную семинарію. Изъ семинаріи Георгій Муркосъ поступилъ въ университетъ, на восточный факультетъ, и окончилъ университетскій курсъ со степенью кандидата. За сочиненіе «О рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Алию», онъ получилъ даже серебряную медаль. Степень кандидата такъ и осталась высшей ученой степенью, которой онъ въ теченіи своей жизни достигъ.

Но онъ обратилъ на себя вниманіе профессора арабской словесности въ СПб. у-тѣ М. Навроцкаго и его молодого еще преемника В. Гиргаса. И когда въ 1872 году состоялось учрежденіе Специальныхъ Классовъ при Лазаревскомъ Институтѣ, то, по рекомендаціи восточнаго факультета, на учрежденную кафедру арабской словесности въ Специальныхъ Классахъ былъ приглашенъ молодой Г. А. Муркосъ и былъ утвержденъ въ званіи и. д. экстра-ординарнаго профессора. Въ этой должности онъ и прослужилъ всѣ тридцать лѣтъ своего пребыванія въ Институтѣ. Приготовиться къ магистерскому экзамену онъ, однако, былъ лишенъ непосредственной возможности. Требовалось, какъ этого и ждалъ восточный факультетъ, сперва выучить рядъ языковъ. Муркосъ прекрасно зналъ языкъ греческій и русскій, но не зналъ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, т.-е. тѣхъ языковъ, безъ знанія которыхъ исполнить программу магистерскаго экзамена—вещь совершенно невозможная.

Это обстоятельство, эта отдаленность перспективы сдѣлаться полноправнымъ ученымъ отвлекла Г. А. Муркоса отъ широкой науки, а наступившія важныя событія въ жизни христіанскаго востока конца 1870-хъ и начала 1880-хъ гг., русско-турецкая война за христіанъ 1877-1878 гг. и послѣдовавшія событія—направили интересъ Муркоса въ сторону политики и національно-церковной публицистики.

Первымъ его печатнымъ трудомъ оказалась брошюра: «Нѣкоторые отрывки объ отношеніяхъ между мусульманами и немусульманами, извлеченные изъ Корана и другихъ авторитетныхъ у мусульманъ книгъ. Въ пользу раненыхъ воиновъ» (М. 1877). За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ на эту же тему написалъ свою магистерскую диссертацию проф. Гиргасъ, и брошюра Муркоса крайне тѣсно примыкаетъ къ диссертации его учителя. Какъ у В. Гиргаса, такъ и у Г. Муркоса основная точка зрѣнія слишкомъ опровержима: черты и качества специально турецкаго ислама они переносятъ на суть ислама вообще какъ религіи. Нетерпимость и фанатичность турецкую они дѣлаютъ основнымъ принципомъ мусульманства вообще. Но въ публицистическомъ отношеніи брошюра Г. Муркоса, изданная

въ разгаръ войны, въ пользу раненыхъ воиновъ, уллучила очень удобный общественно-психологическій моментъ и имѣла въ русскомъ обществѣ полный успѣхъ. И двадцать лѣтъ спустя Муркосъ вспоминалъ объ этомъ съ большой отрадой.

Брошюра эта близко связала интересы православнаго араба Г. А. Муркоса съ интересами балканскихъ славянъ, въ частности болгаръ, за которыхъ велась освободительная война 1877-1878 г. и которые, какъ и православные арабы, стонали подъ турецкимъ игомъ. Вскорѣ же пришлось Г. А. Муркосу выступить и противъ другихъ общихъ враговъ балканскаго славянства и православнаго арабства,— противъ грековъ.

Фанариотское воспитаніе не сдѣлало Муркоса фанариотомъ. Если отецъ его считалъ вполне нормальнымъ и даже желательнымъ, чтобы надъ православными арабами Сиріи господствовали греки, то сынъ, напротивъ, примкнулъ къ освободительному теченію, стремившемуся низвергнуть двухсотлѣтнее церковное чужезычное иго, которое тяготѣло надъ Антиохійской церковью (да и надъ Иерусалимскою).

Болгары, освобождаемые Россіей, пожелали свободы не только отъ турковъ, но и отъ греческой іерархіи; они пожелали имѣть своего автономнаго болгарскаго митрополита, независимаго отъ греческой патриархіи въ Константинополѣ,—и константинопольская церковь объявила это неправославіемъ, ересью, догматической схизмой, «филетизмомъ», ибо въ церкви Христовой нѣсть ни эллинъ, ни варваръ, ни скиѣ. Муркосъ, находя, что церковное положеніе болгаръ и православныхъ арабовъ представляетъ много аналогичнаго и тождественнаго, написалъ статью: «Миѣніе православныхъ арабовъ о греко-болгарской распрѣ» (Правосл. Обзорѣніе 1880, сентябрь). Здѣсь онъ очень рѣзко изобличалъ своекорыстіе грековъ и доказывалъ, что если филетизмъ, т.-е. церковная приверженность къ своей народности, есть ересь, то этой ересью заражены именно греки.

Какъ и предыдущая брошюра Муркоса о фанатизмѣ мусульманъ, выпущенная въ пылу русской войны съ турками, такъ и эта статья о притѣснителяхъ православнаго міра грекахъ (изданная и отдѣльной брошюрой и разосланная всѣмъ вліятельнымъ людямъ въ Россіи), тоже уллучила очень удобный психологическій моментъ: она, передъ русскими, наносила ударъ грекамъ за арабовъ тогда, когда русское общественное миѣніе и безъ того было возбуждено противъ грековъ за ихъ отношеніе къ болгарамъ, изъ-за которыхъ только-что пролиты были потоки русской крови. Вспомнимъ, что даже въ начальномъ учебникѣ Д. И. Иловайскаго война за болгаръ озаглавлена была: «Святое дѣло».

Ободренный успѣхомъ, Г. А. Муркосъ рѣшилъ направить свои удары и на другую твердыню грековъ—патриархію Иерусалимскую, въ рукахъ которой находится въ Палестинѣ доходнѣйшая въ денежномъ отношеніи святыня—Гробъ Господень, а въ Россіи—богатѣйшія зе-

мельныя имущества въ Бессарабіи, Крыму и на Кавказѣ, которыя завѣщаны были Гробу Господню еще раньше присоединенія названныхъ странъ къ російской имперіи. Общественно-психологическій моментъ опять былъ выбранъ для нападенія очень удачно: само русское правительство наложило временный арестъ на доходы святогробческихъ земель въ Россіи въ виду непристойнаго поведенія греческихъ патріарховъ и духовенства по отношенію къ Россіи, освободительницѣ славянскаго міра. Борьбѣ противъ фанаріотовъ - святогробцевъ и вообще противъ «неслыханной ксенократіи» въ Іерусалимской и Антиохійской патріархіяхъ Г. А. Муркосъ посвятилъ свыше полудесятка статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Православномъ Обзорѣніи» въ теченіи десятилѣтняго періода 1882-1892, иногда подъ псевдонимомъ «Русскій паломникъ». Вотъ эти статьи:

1) Интересы Россіи въ Палестинѣ. Посвящены (Россійскому) Православному Палестинскому Обществу (въ члены котораго Муркосъ вступилъ)—«Моск. Вѣдом.» 1882, №№ 348—350. Эта же статья, съ измѣненіями, появилась въ «Правосл. Обзор.» 1883 февр., подъ заглавіемъ: «Современное состояніе и нужды православія въ Іерусалимской церкви». И отдѣльной брошюрой.

2) По поводу библиографической замѣтки о книгѣ: «Современные церковные вопросы» Т. Филиппова—Правосл. Обзорѣніе 1882, май.

3) Какъ совершился захватъ Іерусалимской патріархіи святогробцами и кто были истинными хранителями палестинскихъ святынь—«Моск. Вѣдом.» 1892, № 21, и отд. оттискомъ.

4) Бессарабскія и кавказскія имѣнія Св. Гроба (съ подписью: «Русскій Паломникъ»)—«Москов. Вѣдом.» 1892, №№ 59, 66, 81, 107 и 113. И отдѣльной брошюрой.

Исторію захвата іерусалимской патріархіи греками, исторію очень и очень неблагоприятную, Муркосъ изложилъ на основаніи греческихъ же историковъ церкви, не арабскихъ,—что само по себѣ было для фанаріотовъ крайне чувствительнымъ уколомъ или даже ударомъ: изложеніе Муркоса получало характеръ неопровержимый, объективный до высшей степени. Но гораздо больнѣе былъ другой ударъ, грозившій карману: Муркосъ, отъ имени православныхъ арабовъ, предлагалъ конфисковать въ пользу русской казны святогробческія имѣнія, лежація въ Россіи, и обратить на какія-нибудь общепользныя цѣли, на примѣръ на просвѣщеніе русскаго крестьянина. Разъяренные фанаріоты, или ихъ русскіе приверженцы, издали книгу: «Новые поборники православія» (М. 1892), гдѣ обливали помоями и Муркоса, и вообще православныхъ арабовъ, въ томъ числѣ—последняго араба-патріарха на Антиохійскомъ престолѣ Макарія XVII в.: они, на примѣръ, говорили, что пагубный расколъ между русскими старообрядцами и никоніанами обязанъ своимъ обостреніемъ въ значительной степени поведенію на Руси всякихъ сирійскихъ проходимцевъ типа араба Макарія, готоваго освятить своимъ патріар-

шимъ авторитетомъ все что угодно, и насмѣшливо указывали, что сынъ патріарха Макарія, Павелъ Алеппскій, который сопровождалъ отца на пути въ Московію, былъ, будто бы, незаконнымъ сыномъ патріарха. Одновременно послѣдоваль редактору «Московскихъ Вѣдомостей» приказъ свѣше: прекратить печатаніе статей «Русскаго Паломника» (т.-е. Муркоса) по вопросу объ имѣніяхъ Св. Гроба въ Россіи: правительство Александра III, водворявшее крѣпость православія на Руси, вовсе не желало обижать столповъ восточнаго православія, греческихъ патріарховъ. Къ тому же, тогда не разъ повторялось, вѣрное ли, невѣрное ли утвержденіе, что въ случаѣ обиды, нанесенной патріарху Иерусалима, патріархъ въ день Пасхи произнесетъ на Гробѣ Господнѣ отлученіе главѣ того государства, которое дерзнуло бы обидѣть Гробъ Господень.

На этомъ публицистическая дѣятельность Муркоса и кончилась, въ 1892 году. Онъ сталъ думать о наукѣ,— въ тѣхъ, конечно, предѣлахъ, въ какихъ это возможно было для него безъ знанія европейскихъ языковъ.

Еще въ 1881 г. появилась въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (дек.) его статья: «Почтовые голуби на востокѣ». Это есть переводъ или изложеніе книжицы арабо-сирійца М. Саббага конца XVIII вѣка: *مسابقة البرق و الغمام فى سعاة الحمام*. Книжица эта была въ 1805 г. уже переведена на французскій языкъ извѣстнымъ ориенталистомъ Сильв. де-Саси ¹⁾ и, пожалуй, представляетъ собою извѣстный интересъ научный, историко-культурнаго характера. Однако Г. А. Муркосъ, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ, заинтересовался ею не съ исторической стороны, а просто потому, что какъ разъ въ это время обсуждался въ русской печати вопросъ о примѣненіи голубиной почты въ военномъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, и здѣсь побужденіемъ служилъ для Г. А. Муркоса интересъ чисто публицистическій.

Первой работой, исходящей изъ чисто-научныхъ побужденій, былъ у Г. А. Муркоса переводъ: «Муаллака Имрулькайса», 1-е изд. въ Москвѣ 1882; 2-е, исправленное изданіе СПб. 1885. Параллельно изданъ и арабскій текстъ, и русскій прозаическій переводъ, съ нѣкоторыми пояснительными примѣчаніями и съ предисловіемъ, направленнымъ противъ воззрѣній Сенковского, который для переводовъ старо-арабской бедуинской поэзіи требовалъ, съ одной стороны, подражанія русской народной поэзіи, а съ другой стороны — буквального сохраненія семитскаго способа рѣчи. Имрулькайсъ, киндійскій изгнанный царь-поэтъ (погибшій въ 530-ыхъ гг. во владѣніяхъ императора Юстиніана Великаго)—очень трудный стихотворецъ, и не изумительно, если у Муркоса въ переводѣ моаллаки, даже въ исправленномъ изданіи, оказалось много мѣстъ спорныхъ или совсѣмъ неправильно пере-

¹⁾ Есть въ Библиотекѣ Лазаревскаго Института, № 1558 печ. катал.

веденныхъ. Но надо вспомнить слова великаго арабиста Нельдеке, который, послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ спеціальнаго изученія староарабской поэзіи, не побоялся заявить въ началѣ 20-го столѣтія, въ трудахъ Вѣнской Академіи Наукъ: «Я много поработалъ надъ моаллаками — и я часто остаюсь не увѣренъ ни въ текстѣ, ни въ смыслѣ» ¹⁾.

Въ томъ же году, когда Муркосъ работалъ надъ моаллакой Имрулькайса, профессоръ-арабистъ И. Н. Холмогоровъ, читавшій въ Спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго Института персидскую литературу, получилъ приглашеніе отъ издательства «Всеобщая исторія литературы» (подъ редакціей В. Корша и Кирпичникова) составить для изданія очеркъ арабской литературы. Холмогоровъ зналъ только классическую литературу, а новоарабской совѣмъ не зналъ, и предложилъ Муркосу составить, какъ дополненіе къ общему очерку, короткій обзоръ важнѣйшихъ явленій литературы арабовъ 19-го вѣка, въ особенности христіанской. Муркосъ такое дополненіе и составилъ. Оно (напеч. въ 1885 г.) очень невелико, всего 10 неполныхъ страницъ, и имѣетъ несомнѣнные пропуски и промахи. И тѣмъ не менѣе этотъ небольшой очеркъ донынѣ не теряетъ своего значенія: вѣдь въ европейской литературѣ, изъ которой мы привыкли всему учиться, ничего подобнаго еще тогда (1885) не было, и статья Муркоса явилась безусловной новинкой. Крімъ того она имѣетъ ту несомнѣнную цѣнность, что Муркосъ писалъ въ ней о людяхъ, которыхъ онъ и лично зналъ; слѣдовательно, характеръ первоисточника останется за статьей «Новѣйшая литература арабовъ» навсегда.

Два года спустя (1887) основалась при Императорскомъ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ наша Восточная Коммиссія, такъ тѣсно связанная, по своему составу, съ Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ языковъ. Въ ней Г. А. Муркосъ прочиталъ нѣсколько сообщений, которыя и напечатаны въ «Древностяхъ Восточныхъ» — или въ протоколахъ засѣданій, или отдѣльно въ «Древностяхъ». Эти сообщенія (они невелики) слѣдующія:

1) О приобрѣтенной Лазаревскимъ Институтомъ арабской рукописи XVI вѣка, содержащей толкованія на юридическій сводъ «Хидаю» («Древн. Вост.» 1889, т. I, вып. 1, стр. 30).

2) По поводу свѣдѣній М. М. Ковалевскаго, присланныхъ въ Археологическое Общество, насчетъ арабскихъ рукописей малой Казыкумукской мечети въ Дагестанѣ («Древн. Вост.» 1889, т. I, вып. 1, стр. 36 — 38).

3) О рукописномъ сборникѣ XVII вѣка на разныхъ восточныхъ языкахъ изъ собранія графа А. С. Уварова («Древн. Вост.» 1891, т. I, вып. 2-й, стр. 212 — 222). Сборникъ этотъ, христіанскаго содержанія

¹⁾ См. у Th. Nöldeke: Fünf Moallaqāt, III (1901), стр. 2, и I (1899), стр. 10 — 11.

интересенъ тѣмъ, что содержитъ данныя о жизни антиохійскаго патріарха Макарія XVII в. до его выбора въ патріархи.

4) О служебникѣ Антиохійскаго патріарха Макарія, находящемся на Аѳонѣ («Древн. Восточн.» 1896, = т. II, вып. 1-й, стр. 113 — 117). Рукопись эту Г. А. Муркосъ видѣлъ лично во время посѣщенія Ватопедскаго моря на Аѳонѣ. Патріархъ Макарій принималъ заботы въ дѣлѣ исправленія богослужебныхъ арабскихъ православныхъ книгъ путемъ сличенія съ греческими оригиналами, и разсмотрѣнная Г. А. Муркосомъ рукопись интересна прежде всего для исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ, и кромѣ того — какъ привносъ въ біографію самого патріарха Макарія.

5) О (парчевой) ткани съ арабской надписью въ Московскомъ Публичномъ (Румянцевскомъ) музеѣ («Древн. Вост.» 1896, т. II, вып. 1-й, стр. 118 — 119). Ткань эта — оторочка воздуховъ изъ Нижегородской церкви св. Георгія. На ней Муркосъ разобралъ арабскую надпись: «Султанъ Маликъ-Насыръ». Опредѣлить, кто такой Маликъ-Насыръ, Муркосъ, правда, не сумѣлъ (очевидно, это дамаскій султанъ-эйюбидъ XIII в.), но замѣтка интересна какъ еще одна иллюстрація къ культурному вліянію восточной промышленности, къ употребленію восточныхъ, мусульманскихъ тканей въ христіанско-церковномъ обиходѣ.

Въ Восточной Комиссіи въ 1899 году Г. А. Муркосъ прочиталъ и свое студенческое, вновь передѣланное сочиненіе: «О рѣчахъ, приписываемыхъ халифу Алію». Въ виду того, что для научнаго выполненія предпринятой имъ задачи — дать характеристику мировоззрѣнія Алія — требовалось сперва выяснить вопросъ о степени подлинности этой шиитской поддѣлки, а для этого — требовалось знаніе нѣмецкой ориенталистической литературы, въ частности трудовъ Флейшера и Нельдеке, — въ виду всего этого работа Муркоса оказалась поневолѣ далеко не удачной въ самой своей основѣ. Но такъ какъ въ ней содержатся обильные переводы образчиковъ на русскій языкъ, то оно не можетъ считаться лишнимъ явленіемъ въ русской ориенталистической литературѣ. Помѣстилъ ее Г. А. Муркосъ, въ качествѣ посильнаго дара уваженія, въ «Юбилейномъ Сборникѣ въ честь Вс. О. Миллера» (М. 1900, стр. 241 — 253). Въ моей работѣ о суфійствѣ, т. е. во II томѣ моей «Исторіи Персіи и ея литературы» (М. 1906), я пользовался отрывками въ переводѣ Муркоса изъ этихъ мнимо-Аліевыхъ рѣчей для освѣщенія кое-какихъ моментовъ суфійскаго развитія.

Это была предпоследняя печатная вещь Г. А. Муркоса, потому что въ томъ же 1900 году онъ издалъ и послѣдній выпускъ своего послѣдняго труда, наиболѣе цѣннаго во всей его научной дѣятельности — перевода «Путешествія Антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка», а послѣ того — ничего больше не печаталъ.

Патріархъ антиохійскій Макарій XVII в. былъ родомъ арабъ изъ Халиба (Алеппо) и въ мірѣ назывался священникъ Іоаннъ Заимъ. Въ 1636 году онъ былъ рукоположенъ въ алеппскіе митрополиты, въ 1648 году — въ патріархи антиохійскіе, съ резиденціей въ Дамаскѣ, подъ именемъ Макарія III ¹⁾. Макарій засталъ свою церковь обремененною долгами и, для ихъ погашенія, два раза отправлялся за милостынею въ православныя страны: въ первый разъ выѣхалъ онъ ок. 1654 г. и, на помѣстномъ московскомъ соборѣ (1656), поддержалъ патріарха Никона въ его мѣрахъ противъ раскольниковъ; во второй разъ — присутствовалъ на соборѣ 1666 г., осудившемъ Никона. Макарій, какъ мы видѣли, и у себя заботился объ исправленіи богослужебныхъ арабскихъ книгъ. Вообще ему приписываютъ литературную дѣятельность довольно живую, числятъ за нимъ 15 сочиненій, но, кажется, надо признать въ литературной его дѣятельности значительное участіе его сына, алеппскаго архидіакона Павла. И больше всего прославилось имя патріарха Макарія Антиохійскаго сочиненіемъ Павла, его путевыми записками, подъ названіемъ رحلة مكاريوس = «Странствованіе Макарія». Имѣется въ виду 1-ое его странствованіе, т. е. 1654 г. (второго путешествія Павелъ не описалъ, и мы изъ него имѣемъ только отрывокъ, касающійся Грузіи и составленный ужъ не Павломъ, а самимъ Макаріемъ) ²⁾. Печатнаго изданія арабскаго текста «Странствованія Макарія» нѣтъ, а рукописей осталось теперь, кажется, только четыре ³⁾. Между тѣмъ «Странствованіе Макарія» полно интереса для бытовой (отчасти и политической) исторіи — и Молдавіи съ Валахіей, и казацкой Украины, и Московіи; въ особенности же Московіи. Патріарху и его сыну, какъ путешественникамъ православнымъ, не пришлось встрѣтиться съ тѣмъ недоумѣніемъ и тѣми затрудненіями въ наблюденіи надъ русскимъ бытомъ, какія возникали для другихъ иностранцевъ ⁴⁾, и потому подробныя простодушныя бытовые сообще-

¹⁾ См. у преосв. Порфирія Успенскаго: „Востокъ Христіанскій“, 1874, въ Трудяхъ Кіевской Духовной Академіи. У Муркоса см. вышеуказанныя его статьи въ „Древностяхъ Восточныхъ“, т. I, 1891 и т. II, 1896, а въ особенности послѣсловіе къ V выпуску перевода „Путешествія Макарія“ (1900).

²⁾ Описаніе Грузіи, по Ватиканскому списку, издалъ П. Жузе съ русскимъ переводомъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1905; и отдѣльнымъ оттискомъ: „Грузія въ 17 столѣтіи по изображенію патріарха Макарія“ (Казань 1905, стр. 1 — 63). Изъ арабскаго журнала „ан-Ни‘ме“ 1909, № 7 (стр. 221), мы узнаемъ, что нынѣшнему антиохійскому (т. е. дамасскому) патріарху удалось добыть въ Халибѣ (Алеппо) собственноручную рукопись Макарія, содержащую описаніе Грузіи, наряду съ другими сочиненіями Макарія, которыхъ б. м. оказывается нѣсколько десятковъ.

³⁾ См. объ этомъ подробнѣе въ описаніи принадлежащей мнѣ (старѣйшей изъ четырехъ) рукописи, которое печатается въ нынѣшнемъ IV томѣ „Древностей Восточныхъ“.

⁴⁾ См. напр. у Брикнера: „Россія и иностранная печать въ XVI — XVII в.“ — въ Русскихъ Вѣдомостяхъ“ 1895, № 72, № 76, № 80.

нія Павла Алеппскаго имѣють для насъ глубокий интересъ. Обстоятельны также описанія храмовъ и праздничныхъ службъ, которыя, конечно, для арабскихъ церковниковъ были сугубо интересны. Г. А. Муркосъ всю жизнь носился съ мыслию издать и арабскій оригиналъ Павла Алеппскаго, и русскій переводъ. Въ исполненіе онъ успѣлъ привести только первую мысль, т. е. издалъ только русскій переводъ. Работа эта, представляющая пять выпусковъ, объемомъ свыше 1000 страницъ, появилась въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» 1896 — 1900 и очень сочувственно была встрѣчена русской и румынской ученой печатью. Арабистъ, конечно, сѣмѣетъ разыскать въ русскомъ переводѣ Г. А. Муркоса погрѣшности, проистекающіе и отъ несовершенства поздней рукописи, съ которой дѣлался переводъ, и отъ особенностей арабскаго письма; но какъ разъ арабистъ, лучше чѣмъ всякій иной читатель, сѣмѣетъ отнестись снисходительно къ погрѣшностямъ перевода; арабисту не могутъ не вспомниться словя авторитетнаго Эд. Захау, предпосланныя англійскому переводу «Индіи» аль-Бируніа: «Я не льщу себя увѣренностью, что я всюду уловилъ подлинную мысль автора, и предупреждаю читателя, что вѣдь это переводъ съ арабскаго» ¹⁾.

Въ 1900 году Г. А. Муркосъ, по выслугѣ тридцатилѣтія, оставилъ преподавательскую службу въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ и сохранилъ за собою службу только въ московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ хранится арабскій списокъ любимаго имъ путешествія патріарха Макарія. Въ 1905 году онъ мнѣ говорилъ, что не теряетъ надежды издать арабскій текстъ. Вскорѣ однако онъ совсѣмъ покинулъ Москву и уѣхалъ къ себѣ на родину, въ Сирію, въ Дамаскъ, гдѣ климатъ для его здоровья былъ благоприятнѣе. Но силы Г. А. Муркоса ужъ ослабѣли, и ничего больше до самой своей смерти онъ не напечаталъ.

Корреспонденція изъ Дамаска, присланная въ «Московскія Вѣдомости» 1911, № 76, сообщаетъ, что онъ оставилъ послѣ себя большое состояніе — около 240.000 рублей, и что наканунѣ смерти онъ составилъ завѣщаніе, по которому раздѣлилъ наслѣдство на три части: одну треть завѣщалъ брату, одну треть — слугѣ, а послѣднюю треть — благотворительнымъ учрежденіямъ въ Дамаскѣ и ученымъ учрежденіямъ въ Россіи.

Смерть застала его въ г. Захлѣ (Селевкии), который извѣстенъ всѣмъ путешественникамъ какъ ближайшая станція къ замѣчательнымъ развалинамъ Баальбека (Геліополя). Похороненъ Г. А. Муркосъ въ Дамаскѣ. Похороны совершены были съ высокой торжественностью при участіи патріарха Антіохійскаго и митрополитовъ.

¹⁾ Alberuni's India, an english edition by Dr. Edw. Sachau, т. I, стр. XLIX

Восточная Комиссія почтила память Г. А. Муркоса вставаніемъ.

4) В. Θ. Миллеръ сдѣлалъ сообщеніе: «Древне-индійское сказаніе о потопѣ». Онъ привелъ тексты сказанія, о Ману, котораго спасла рыба, о родѣ человѣческомъ, который произошелъ отъ воплотившейся жертвенной формулы. Старѣйшій и сжатый вариантъ—въ Яджурведѣ (составилась ок. 1000 - 800 г. до Р. Х.), въ частности въ ея позднѣйшей редакціи: «Стопутная Брахмана» (I, 8, 1 : 1 - 10); болѣе подробный вариантъ—въ «Махабхаратѣ» (между IV-I в. до Р. Х.); для полноты свѣдѣній, В. Θ. Миллеръ отмѣтилъ и совсѣмъ поздніе варианты пуранъ (IX—XIV в. по Р. Х.)—вишнуистической «Бхагаватъ-пураны» и шиваитской «Матсья-пураны» (=Рыбной пураны). Бюрнуфъ въ 40-хъ гг. считалъ индійскій мифъ о всемірномъ потопѣ,—мифъ, который отсутствуетъ въ старѣйшихъ Ведахъ,—занесеннымъ въ Индію отъ семитовъ. Хотя Альбр. Веберъ рѣзко Бюрнуфу возражалъ, считая этотъ мифъ за національное индійское достояніе, ассириологъ Ленорманъ въ своей исторіи народовъ востока (см. 9-е изд., т. I, Пар. 1881, стр. 68-71) сумѣлъ сдѣлать рядъ убѣдительныхъ сближеній съ древне-вавилонійскимъ сказаніемъ о потопѣ,—сближеній, которыя еще лучше были подтверждены дальнѣйшими клинописными открытіями и изслѣдованіями. В. Θ. Миллеръ присоединяется къ ассириологическимъ доказательствамъ, пополняетъ ихъ и приходитъ къ заключенію, что сказаніе о потопѣ попало въ Индію изъ старой Вавилоніи. Въ параллель для такого религіознаго воздѣйствія, можно указать архаичное заимствованіе индусами культа зодіакальных близнецовъ изъ вавилонской религіи (см. объ этомъ еще въ 1-ой диссертациі В. Θ. Миллера 1876 г. объ Асвинахъ-Діоскурахъ, стр. 340). Не лишенъ крупнаго значенія и тотъ фактъ, что имена индійскихъ боговъ Митры, Индры и Варуны констатированы на малоазіатскихъ хаттійскихъ, глиняныхъ таблѣткахъ, откопанныхъ Х. Винклеромъ въ Богазъ-Кёѣ. Вѣдь арійцы въ Индіи—пришлецы, и Малая Азія могла быть однимъ изъ этаповъ ихъ странствованій, пока они попали въ Индію.

5) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: «Армянскія надписи изъ монастыря Мхитара Коша» ¹⁾.

№ 119. Засѣданіе 2 ноября 1910 г. подъ предсѣдательствомъ секретаря Общества В. К. Трутовскаго, въ присутствіи гг. членовъ: Θ. Е. Корша, В. А. Гордлевскаго, М. О. Аттаи, И. Я. Стеллецкаго, В. В. Данилова, Н. В. Никитина, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, гостей-студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ и друг.: Анисимова, В. Баранова, Ник. Баранова, Бѣлякова, Габунія, Гинцбурга, Гоффмана, Гюльазизова, Десницкаго, Дмитріева, Жиркова,

¹⁾ Издается въ нынѣшнемъ выпускѣ «Древностей Восточныхъ».

Заварина, Какурина, Кашина, Качоровскаго, Киршевскаго, Копылова, Косоротова, Линдорфа, Преферанскаго, Расима, Синькевича, Смирнова, Степанова, Филонова, Чубарова, Щеглова, при секретарѣ Восточной Комиссии А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) А. Е. Крымскій: «Общій историческій очеркъ бабизма и обзоръ новѣйшей литературы о немъ».

Б а б и з м ъ.

Бабизмъ (съ его разновидностью бехаитствомъ)—замѣчательное религіозное движеніе, возникшее въ Персіи нѣсколько раньше середины 19-го столѣтія и приобретающее теперь послѣдователей даже въ нашемъ западномъ мірѣ.

Возникло оно изъ идеи о періодическомъ воплощеніи Божества и о грядущемъ мессіи («маһдіѣ»), обновителѣ религіи. Подобныя идеи изстари проявлялись среди крайнихъ шіитскихъ толковъ (напр., въ исмаилизмѣ) и вообще не угасали въ Персіи, да не угасали даже въ остальномъ мусульманскомъ мірѣ,—хотя каноническимъ, господствующимъ исповѣданіемъ отвергались. Среди дервишей-суфіевъ, онѣ нашли выраженіе къ началу XIX столѣтія въ томъ толкѣ, который называется «шейхъ»¹⁾; но онѣ еще не давали толчка къ созданію новой религіи, пока въ кругъ «шейхъ» не попалъ вдохновенный и талантливый юноша-шираецъ, (т.-е. южный персъ) Мохаммедъ 'Алій (род. 26 марта 1821 г.)²⁾, который и почувствовалъ именно себя воплощеніемъ божества, вратами («бабъ») божественнаго откровенія для людей³⁾.

¹⁾ Основатель, шейхъ Ахмедъ Лахсаіи, родомъ арабъ изъ Бахрейна, родился въ маѣ 1753 г. О шейхизмѣ сейчасъ издается обширная работа А. Nicolas: „Essai sur le cheikhisme“; вышло 4 выпуска I тома (Пар. 1910-1911).

²⁾ Точнѣе сказать: 1-го мохаррема 1236 г. хиджры, т.-е. въ день мусульманскаго новаго года.

³⁾ Терминъ „бабъ“—вовсе не какое-либо новшество со стороны Мохаммеда 'Алія. Духовные главы мистиковъ въ мусульманскомъ мірѣ изстари назывались „вратами“, по арабски „бабъ“. См. напр. подъ 322=934 г. у ибнъ-аль-Асира (ум. 1232) исторію казни мистика Шельмеғани, который чувствовалъ себя воплощеніемъ Божества (егип. изд. 1290=1873, т. VIII, стр. 100—102; въ частности 100 : 5 снизу; 101 : 11). Изъ ибнъ-аль-Асира см. это въ біографическомъ словарѣ ибнъ-Халликяна (ум. 1282), егип. изд. 1310=1893 г., т. I, стр. 151-152=англ. переводъ Слэна I (1843), стр. 436-437. У Слэна, I, стр. 439, приложена въ англійскомъ переводѣ соответствующая выписка изъ исторіи Зѣнабія (ум. 1348), тоже съ указаніемъ на терминъ „бабъ“ для святыхъ шейховъ. У Хаммера въ „Literaturgeschichte der Araber“, т. V (Вѣна 1854), стр. 283-284, въ рубрикѣ свв. суфіевъ XI вѣка отмѣченъ Омаръ Бабъ Ферганскій, свѣдѣнія о которомъ Хаммеръ приводитъ изъ „Неfehāt аль-онс“ Джамія XV в. У современныхъ арабовъ Сиріи терминъ „бабъ“ остается въ ходу у сектантовъ-друзевъ и сектантовъ-носайритовъ; см. Сильв. де Sacy: Exposé de la religion des Druzes, т. II, 59 (Пар. 1838); R. Dussaud: Les Nosairis (Пар. 1900), стр. 62.

Отець, а онъ былъ купцомъ, умеръ у Мохаммеда-Алія довольно рано. Сирота выросъ подъ опекой дяди. Юноша готовился тоже пойти карьерою отца, т.-е. по торговой части, и ему поручали путешествія на Персидскій заливъ, гдѣ онъ имѣлъ возможность встрѣтить немало разнаго люда изъ разныхъ странъ и бесѣдовать со всѣми. Ваһһабитское пуританское движеніе въ сосѣдней Аравіи, съ его недавними громкими успѣхами, ставило передъ всѣми воочію назрѣвшую потребность въ реформѣ ислама, и вдохновенный, вдумчивый молодой человекъ не могъ этого не понять. Мистически настроенная мысль не могла не задумываться и надъ тѣмъ, что истекаетъ тысячелѣтіе со времени исчезновенія послѣдняго, по счету 12-го, общешіитскаго имѣма Мохаммеда Ожидаемаго («Мохаммад-и Монтәзәр»): имамъ исчезъ въ 260 г. хиджры, а приближался тогда годъ 1260-й, т.-е. 1844-й. Въ Кербелѣ, мѣстѣ шіитскаго паломническаго богомолья, молодой Мохаммедъ Аліи сталъ посѣщать проповѣди суфійскаго старца изъ толка «шейхійе», сдѣлался любимцемъ учителя и здѣсь обратилъ на себя всеобщее вниманіе, потомъ и преклоненіе, прочихъ слушателей своей необычностью. Можно полагать, что именно подъ вліяніемъ обожанія окружающихъ «шейхитовъ» скромный Мохаммедъ и почувствовалъ себя маһдіемъ; когда же онъ вернулся въ Ширазъ и когда мѣстные суфії избрали его, молодого праведника, своимъ наставникомъ, «моршидомъ», вѣра въ себя должна была въ немъ еще больше укрѣпиться. И несомнѣнно, что религіозная проповѣдь новаго, ширазскаго мессіи была полна самой чистой искренности; высота его ученія придавала ей обаятельности.

Въ противность аравійскому ваһһабитскому реформатору, который свои идеалы видѣлъ въ прошломъ, въ VII вѣкѣ, и требовалъ возвращенія къ старинѣ временъ Мохаммеда, новый мессіа Бабъ, вышедшій изъ лона пантеистическаго суфійства, свои идеалы видѣлъ въ прогрессивномъ религіозномъ развитіи. А ужъ понятно, что обычный исламъ, выродившійся, съ его фанатичностью, обрядовымъ формализмомъ, клерикальнымъ ретроградствомъ, встрѣтилъ со стороны Баба полное осужденіе, и противъ обветшавшей и заскорузлой религіи молль-улемовъ (духовенства) Бабъ выставилъ очищенную форму религіи, гдѣ не подавлялось движеніе впередъ, къ прогрессу, къ реформамъ, гдѣ проповѣдывалась не ненависть къ гяурамъ, а братство всѣхъ народовъ. Въ ученіе Баба вмѣшивался и социальный элементъ. Братство должно царить и среди всѣхъ классовъ общества, и всѣ должны быть уравнины въ правахъ, въ благосостояніи. Равны и женщины съ мужчинами: не справедливо, чтобы онѣ сидѣли въ невольничьемъ затворничествѣ, онѣ имѣютъ право на почетное мѣсто въ семьѣ и на общественную дѣятельность, какъ и мужчины, и не къ чему имъ ходить въ фатахъ, съ закрытыми лицами. Впослѣдствіи, уже не въ Ширазѣ, одна красивая и талантливая дѣвушка, дочь казвинскаго, шіитскаго моджтеһида (первосвященника), по имени «Қоррет-аль-айн»

(=«Отрада очей»), явилась ревностной и успешной евангелисткой, потомъ и мученицей, новаго ученія. Къ этой своей, общепонятной этической системѣ Бабъ привѣшивалъ и нѣкоторые утонченно-таинственные, не для всѣхъ понятные догматы, на примѣръ о мистическомъ значеніи цифръ (какъ въ пифагорейской философіи); главную роль у него играетъ число 19, заключающееся въ цифровомъ значеніи буквъ слова «Вахыдъ» (=Единый) и «Воджудъ» (=«Бытіе»).

Ученіе Баба (суть изложена въ его книгѣ «Беян», т.-е. «Разъясненіе») ¹⁾ имѣло во всѣхъ концахъ Персіи огромный успѣхъ, и къ половинѣ XIX столѣтія сдѣлано было очень много для пропаганды. Пропаганду велъ не Бабъ. Онъ скромно жилъ въ Ширазѣ, пока его отсюда не убрали, а его поклонники-миссіонеры разносили свою вѣру всюду по странѣ. Понятно, что и духовенство-улемы, и шахское правительство ²⁾ не могли раньше или позже не обратить тревожнаго вниманія на это; и если первоначально Бабъ могъ имъ представляться обыкновеннымъ суфійскимъ шейхомъ съ обычными суфійскими мечтаніями, то нельзя было далѣе имъ не увидать, что проповѣдь идей Баба носитъ всѣ сѣмена опаснѣйшей революціи, и религіозной, и государственной. Оттого Бабъ, сперва въ своемъ Ширазѣ и другомъ южно-персидскомъ городѣ Испаханѣ, попалъ къ улемамъ подѣ стражу, въ заключеніе, и много перестрадалъ; но, какъ водится, ореолъ мученичества содѣйствовалъ пропагандѣ. Потомъ переслали Баба въ сѣверную Персію. Изъ боязни народныхъ волненій щадили его жизнь, хотя юный наслѣдникъ престола, будущій шахъ Насыреддинъ, резидировавшій въ Тебризѣ, настаивалъ на его казни. Далѣе, при воцареніи этого новаго шаха Насыреддина (1848-1896) бабиды, пользуясь обычной въ такихъ случаяхъ персидской неурядицей, вздумали было взяться за оружіе. Волненія были укрощены, а во избѣжаніе дальнѣйшихъ публично казней былъ разстрѣломъ въ Тебризѣ самъ Бабъ (8 іюля н. ст. 1850) ³⁾. Дѣвушка-апостоль Корретъ аль-айнъ сожжена была въ Техранѣ. Ея казнь и массовое кровавое, безпощадное истребленіе бабидовъ въ странѣ относится къ 1852 году, послѣ того какъ на молодого шаха (16 авг. 1852) состоялось покушеніе. Бабиды

¹⁾ А. Nicolas сдѣлалъ французскій переводъ „Беяна“ съ арабскаго въ 1905 г. Его же переводъ персидскаго „Беяна“ началъ появляться съ 1911 г. И арабскій и персидскій „Беяны“ исходятъ отъ самаго Баба, который написалъ еще кое-какіе трактаты.

²⁾ Царствовалъ тогда шахъ Мохаммедъ (1834-1848).

³⁾ Иначе 27 ша'бана 1266 г. хиджры. Замѣчательно, что первый залпъ его не убилъ, а лишь разсѣкъ связывавшія его веревки. Если бы Бабъ не вздумалъ послѣ этого „чуда“ побѣжать къ казармамъ, а бросился бы къ густой толиѣ скопившагося народа, то онъ несомнѣнно и самъ спасся бы, и религія его, пожалуй, сдѣлалась бы господствующей въ Персіи. Останки его спрятаны были послѣдователями въ особый ящикъ, и въ теченіи пятидесяти лѣтъ этотъ ящикъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока въ 1900 году не былъ перевезенъ въ Палестину и преданъ погребенію.

исповѣднически принимали смерть, но отъ религіи своей не отрекались.

Съ тѣхъ поръ бабиды принуждены на родинѣ таить свою религію, или выселяться въ сосѣднія страны: въ Турцію, Россію, Индію и т. д. Русскія власти приняли ихъ привѣтливо, и въ Туркестанѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ закончена постройка чрезвычайно красиваго бабидскаго храма въ Асхабадѣ на Мервскомъ проспектѣ ¹⁾. Главные же апостолы бѣжали въ Турцію. Но тутъ среди самихъ бабидовъ произошелъ расколъ, нормально впрочемъ вытекающій изъ ученія Баба.

Бабъ училъ, что длинный рядъ пророковъ періодически и съ постепеннымъ совершенствомъ сообщаетъ людямъ божественное откровеніе (Авраамъ, Моисей, Іисусъ, Мохаммедъ). Потому Бабъ и свою собственную проповѣдь не считалъ за окончательную, навѣки непреложную, завершительную формулу божественнаго откровенія: божественная воля, какъ прежде открывалась, такъ и впредь будетъ открываться людямъ періодически, всякій разъ въ болѣе и болѣе совершенномъ видѣ. Въ этомъ ученіи Баба и лежало зерно раскола, который лѣтъ черезъ десять послѣ казни Баба обнаружился.

Бабъ довѣрилъ руководство своей общиной двумъ надежнымъ ученикамъ, своднымъ братьямъ, Хосейну и Яхъѣ. Они спаслись въ Турцію, сперва въ Багдадъ, близкій къ Ирану. Ученикъ Хосейнъ, проживавшій въ началѣ 50-хъ гг. въ Багдадѣ, а въ 1860-хъ гг. то въ Константинополь, то въ Адрианополь, почувствовалъ себя новымъ мессіей и возвѣстилъ бабидамъ, что Бабъ былъ для него, «блеска Божья» (Be hâ ol lâ h), лишь предтечей, какъ Іоаннъ Креститель для Іисуса ²⁾.

Въ отвѣтъ на это малая часть бабидовъ, тоже переселявшаяся то въ Багдадъ, то въ Константинополь и Адрианополь, консервативно осталась при обоготвореніи покойнаго первоучителя, погибшаго Баба, и при буквальномъ соблюденіи его священной книги «Беянъ»; они, старо-бабиды или «эһл-и Беянъ», (приверженцы Беяна), сосредоточились подъ руководствомъ другого брата, вѣрнаго Бабова ученика Яхъи, принявшаго почетный эпитетъ Собһ-и эзелъ («заря вѣчности»). Эти старо-бабиды часто называются эзелидами, «эзелійе», и они составляютъ ничтожное меньшинство бабидовъ. Большая же часть

¹⁾ Ал. Туманскій въ „Зап. Вост. Отдѣл.“ т. VII (1892), въ статьѣ „Последнее слово Бехâ-Уллы“, описываетъ этотъ Асхабадскій храмъ бабидовъ („Mâshrâq ol-âzkâr“) въ его недостроенномъ видѣ. Воодушевленное описаніе даетъ И. И. Дрейфусъ: „Une institution Béhâïe, Le Machreqouï'l-Azkâr d' Achqâbad“—въ юбилейныхъ „Melanges“ Хартвига Деренбурга (Пар. 1909), стр. 415 и слѣд.

²⁾ Родился Хосейнъ Беһаоллаһъ—какъ считается—12 ноября 1817 г., въ сѣверно-персидской области Мазандеранѣ. Ученіе Баба онъ принялъ заочно, имѣя отъ роду лѣтъ тридцать.

бабидовъ признала своимъ непогрѣшимымъ руководителемъ Беаоллаха, какъ предвозвѣщенное Бабомъ дальнѣйшее воплощеніе божественной истины, и ихъ называютъ «беаіѣ» (беаиды).

До 1868 года и Беаоллахъ, и Собъ-и эзелъ жили въ Адрианополѣ. Въ концѣ лѣта 1868 года турецкое правительство сочло нужнымъ ихъ обоихъ выселить изъ европейской Турціи и изъ сосѣдства столицы. Яхъя Собъ-и эзелъ со своими приверженцами былъ отправленъ на островъ Кипръ, и съ тѣхъ поръ тамъ духовный центръ старобаизма, или эзелитства, въ г. Фамагустѣ. Другой же братъ, Хосейнъ Беаоллахъ, со своей мохаджирской (эмигрантской) общиною былъ высланъ въ приморскую Палестину, въ г. Акку (Saint Jean d'Acre), куда прибылъ въ августѣ 1868 г.

Съ тѣхъ поръ Акка — духовный центръ бабизма, или вѣрнѣе новобаизма, беаитства—исповѣданія всецѣло преобладающаго ¹⁾). Беаоллахъ сталъ для своихъ послѣдователей предметомъ поклоненія, въ честь его сложены были гимны, вмѣсто «Бейна» священнымъ ихъ писаніемъ сдѣлалась Беаоллахова «Китаб-и йқдасъ» (=«Святѣйшая книга») ²⁾). Книгу эту,—она написана по арабски,—Беаоллахъ составилъ уже не въ Адрианополѣ, а въ Аккѣ. Кромѣ того Беаоллаху принадлежитъ рядъ другихъ писаній и на персидскомъ и на арабскомъ языкѣ, и всѣ они считаются богодухновенными ³⁾). А когда Беа умеръ (17/29 мая 1892), его приверженцы (за малыми исключеніями) преемникомъ для него признали его сына Аббаса-эфенди, иначе Абд-оль-беа. Онъ какъ и отецъ, резидируетъ въ Палестинѣ, въ Аккѣ.

Сравнительно съ Бабомъ, Беаоллахъ оказался въ своемъ ученіи безконечно космополитичнѣе. Благородная религія Баба, какъ-ни-какъ, остается въ сущности очищеннымъ, облагороженнымъ исламомъ. Религія Беаоллаха — общепріемлемая міровая, универсальная религія: по принципу она чуждается всякаго поддерживаемаго духовенствами конфессіонализма, всякихъ обрядовыхъ формальностей, ведущихъ къ разъединенію людей, отвергаетъ непонятныя заповѣди и запрещенія ⁴⁾.

¹⁾ Замѣтимъ, что послѣдователи Беаоллаха даже не желаютъ, чтобы ихъ называли бабидами. Одинъ самаркандскій беаидъ, Сабитъ (изъ общества „Омід“), пишетъ мнѣ въ письмѣ (по персидски) 14 дек. 1911 г.: „Надо различать беандовъ и бабидовъ. Нынѣшняя стадія (ан че ке һаст ай-ан)—это жъ беанды, а не бабиды. Бабиды имѣются въ нѣкоторыхъ городахъ, ихъ немного, и ихъ легко пересчитать. Тотъ, кто изгнанникомъ живетъ въ Аккѣ, это глава беандовъ, а не бабидовъ, и бабиды его ученій не признаютъ, въ тѣ алім-и ішан айбадан ба тѣ алім-и Бәһаі-на мовафиқ нист“.

²⁾ Издана „Китаб-и йқдасъ“ по арабски и съ русскимъ переводомъ А. Туманскаго петербургской Академіей Наукъ (1899). Есть и бомбейское изданіе.

³⁾ Покойный бар. Розенъ много поработалъ для ознакомленія европейцевъ съ сочиненіями Беаоллаха; и „Первый сборникъ посланій Беауллаха“ посмертно вышелъ въ его изданіи (Спб. 1908).

⁴⁾ „Можете дѣлать все, что не противно здравому разуму“, — слова „Китаб-и йқдасъ“.

и т. д., — словомъ, разсчитана своимъ духомъ на объединеніе всѣхъ расъ и національностей. Замѣчательно, что беаизмъ мечтаетъ не только о братствѣ всѣхъ людей, гдѣ войнѣ нѣтъ мѣста, но даже о единомъ языкѣ для всѣхъ народовъ міра, не говоря ужъ о легкодостижимой единой азбукѣ ¹⁾, а покаместъ совѣтуетъ своимъ послѣдователямъ изучать побольше иностранныхъ языковъ. Съ другой стороны замѣчательно, что одинъ изъ идеаловъ всеобщаго братства, именно ученіе о социальномъ равенствѣ всѣхъ людей, вовсе не понимается беаизмомъ въ смыслѣ республиканскомъ или, хотя бы, очень либеральномъ; напротивъ, для единого стада долженъ быть и единый пастырь, и политическая свобода даже не желательна съ точки зрѣнія высшихъ человѣческихъ интересовъ: свободны — звѣри, а человѣкъ долженъ сознавать надъ собою ограниченія. Поэтому беаиты отнеслись несочувственно къ низложенію и персидскаго шаха, и турецкаго султана ²⁾. Въ стремленіи ко всеобщему объединенію беаизмъ старается сгладить и тѣ мистическія, необщепонятныя привнесы (напр., ученіе о сокровенномъ смыслѣ цифръ, въ родѣ пифагорейскаго), которые были у Баба и остались у Беаоллаха. Аббасъ-эфенди (Абдольбеа) старается такія черты затушевать, какъ второстепенныя мелочи, чтобы онѣ не вызывали споровъ. Самъ онъ очень охотно цитируетъ Ветхій и Новый Завѣтъ, для проявленія миролюбія и общенія съ еврействомъ и христіанствомъ, и въ образѣ мыслей приурочивается къ образу мыслей образованнаго европейца.

Прозелитизмъ (таблѣ) очень развитъ среди беаитскихъ бабидовъ, и сверхъ исламскаго міра намѣченъ для пропаганды и западный. Такъ, достигнуты кое-какіе успѣхи во Франціи. Но особенно въ сѣверной Америкѣ беаизмъ сдѣлалъ значительныя пріобрѣтенія ³⁾, и не рѣдкость теперь увидать при Абдольбеа-Аббасѣ американскихъ дамъ, прѣѣхавшихъ изъ-за моря, чтобы послушать своего учителя; одна изъ нихъ, миссъ Барни, стенографически записала его ученіе ⁴⁾, и ея записки пригодны и для науки (1908) ⁵⁾. Гольдцѣръ ⁶⁾ сообщаетъ о дѣятельности беаитскаго миссіонера (мобаллига) въ Венгріи, бывшаго техранскаго врача. Въ европейской Россіи проповѣдь бабизма среди русскихъ идетъ, повидимому, черезъ американское посредство ⁷⁾.

¹⁾ См. „Новыя бабидскія рукописи“ бар. В. Розена въ „Зап. Вост. Отдѣл.“ т. IV (1889), стр. 114, гдѣ дана полная арабская выписка, и посланіе „Благія вѣсти“ въ „Зап. Вост. Отд.“ VII (1892), стр. 188.

²⁾ По этому поводу см. сообщенія въ „Revue du monde musulman“, IX (1909), стр. 339 — 341.

³⁾ И. Гольдцѣръ: „Исламъ“, переводъ И. Крачковскаго. СПб. 1911, стр. 44.

⁴⁾ „Ан-нур оль-абна“, Лонд. 1908.

⁵⁾ Имѣются и въ европейскомъ (французскомъ) переводѣ Дрейфуса, съ персидскаго: „Les leçons de Saint-Jean d'Acree“ (Пар. 1908).

⁶⁾ „Vorlesungen über den Islam“ (Heidelberg 1910), стр. 305.

⁷⁾ Мнѣ лично, по крайней мѣрѣ, извѣстны теософскіе кружки въ Петербургѣ, гдѣ увлекаются бабизмомъ, вычитавши о немъ изъ англійскихъ американскихъ книгъ.

Главнымъ же полемъ пропаганды, конечно, остается шиитско-мусульманскій міръ и въ частности Персія. Такъ-какъ тамъ бабидамъ приходится скрывать свое исповѣданіе и не выказывать своего разногласія съ господствующемъ шиизмомъ, то статистически число ихъ опредѣлить нельзя. Извѣстный знатокъ Персіи лордъ Кёрзонъ (1892) исчислялъ ихъ количество въ 1 миллионъ. Новѣйшіе наблюдатели (пасторъ Адамсъ) опредѣляютъ ихъ цифру въ 3 миллиона. Такое количество составляло бы около $\frac{1}{5}$ населенія Персіи, и надо полагать, что цифра эта — преувеличеніе. Почти всѣ они — бегаиды. Очень удобное поле пропаганды — это мусульманскія окраины Россіи: Закавказье и Средняя Азія, гдѣ бабиды радушно были приняты русскими властями. Какъ мы выше указывали (стр. 82), главный городъ Закаспійской области Асхабадъ есть важнѣйшее бабидское (бегаидское) пристанище: тутъ у нихъ замѣчательный по архитектурной красотѣ храмъ, тутъ у нихъ хорошо оборудованная школа (въ русскую гимназію они тоже охотно посылаютъ своихъ дѣтей). Достигаетъ ли число русско-подданныхъ бабидовъ одного миллиона, не рѣшаюсь сказать.

Библиографія.

И. Ограновичъ: Нѣчто о дервишахъ и сектѣ Баби—въ „Кавказѣ“ 1861, № 56 и № 57.

Мирза Ал. Каземъ-бекъ: а) Бабъ и бабиды. Политическія смуты въ Персіи въ 1844-1852 г. Спб. 1865. 1).

б) Онъ же: Bab et les Babis—въ „Journal Asiatique“ 1866, т. VII (стр. 329-384 и 457-532) и т. VIII (стр. 196-252, 357-400 и 473-507). Его работа долго служила въ Европѣ главнымъ источникомъ свѣдѣній вмѣстѣ съ трудомъ графа Гобино:

Comte de Gobineau: Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale. Парижъ 1866. Есть особый отдѣлъ о бабизмѣ (стр. 141-307), гдѣ, между прочимъ, живо обрисована дѣятельность проповѣдницы Коррет-аль-айвъ.

Alfr. von Kremer: Geschichte der herrschenden Ideen des Islams (Лейпц. 1868), стр. 202-222: „Bâb und seine Lehre“. Глава составлена большею частью компилятивно, на основаніи данныхъ Казембека и Гобино.

H. Ethé: Essays und Studien (Берлинъ 1872), статья: „Ein moderner Prophet des Morgenlandes“.

Mich. Lessona: Babi. Туринъ 1881. Компиляция.

П. Морендъ: Бабъ и его послѣдователи (съ французскаго)—въ „Новомъ Обозрѣніи“ 1885, № 535 и № 550. Заслуживаетъ отмѣтки только потому, что напечатано по русски.

О соответствующей главѣ компилятивнаго „Очерка“ С. Уманца (1888), плохо составленной по Казембеку, Гобино и Кремеру, упомянемъ ниже, при его же брошюрѣ 1904 года.

Значительный матеріалъ для изученія бабизма былъ доставленъ работами барона В. Розена, преимущественно 1888-1892 гг.:

¹ Срв. рецензію въ „Голосѣ“ 1865, № 116. Также статья въ „Семейныхъ Вечерахъ“ (для старшаго возраста) 1864, № 9 (стр. 659-673) и № 10 (стр. 740-748).

а) на французскомъ языкѣ, въ I, III и VI чч. описанія библиотеки Учебнаго Отдѣленія при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ Петербургѣ: „Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales. I. Manuscrits arabes (Спб. 1877); III. Manuscrits persans (Спб. 1886); VI. Manuscrits Bâbys (Спб. 1891, стр. 141-255). Важнѣе всего остается донинѣ описаніе послѣдней группы рукописей, составленное при знакомствѣ съ появившимися важными работами Эдв. Брауна о бабизмѣ и его обѣихъ вѣтвяхъ. Но и для работъ самого Брауна очень полезны были болѣе раннія описанія бар. Розена 1877 и 1886.

б) Новыя бабидскія рукописи—въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Арх. Общ.“, т. IV (1889), стр. 112-114. Описаніе этихъ беауллаховыхъ рукописей потомъ вошло въ „Manuscrits Bâbys“ (1891).

в) Посланіе: „Благія вѣсти“—въ „Зап. Вост. Отдѣл.“ т. VII (1892), стр. 183-192. Изданъ персидскій текстъ и русскій переводъ посланія бабидовъ изъ 'Акки: „Ловх-и бешârât“, отправленнаго ими въ Асхабадъ вскорѣ послѣ смерти Бехаолаха. Кажется, нѣчто въ родѣ исповѣданія своей вѣры специально передъ пріотивными бабидовъ русскими властями.

г) Еще о посланіи „Благія вѣсти“—въ „Зап. Вост. Отдѣл.“ VII (1892), стр. 311-316. Даны дополненія на основаніи экземпляра, посланнаго бабидами къ Эдв. Брауну.

д) Бабидскій антихолерный талисманъ—тамъ же, VII (1892), стр. 317-318.

е) рецензія на эпохальныя работы Эдв. Брауна о бабизмѣ—тамъ же, т. VII (1892), стр. 370-375.

ж) Первый сборникъ посланій бабида Бехауллаха. Спб. 1908, стр. VI+185. Посмертное изданіе персидскихъ текстовъ. Изъ предисловія акад. П. К. Коковцова узнаемъ, что изданіе давно было готово, но не вышло въ свѣтъ.

Самое важное значеніе въ изслѣдованіи бабизма принадлежитъ трудамъ Эдв. Брауна (Edw. Browne, вполнѣдствіи автора исторіи персидской литературы):

а) The Bâbîs of Persia. I. Sketch of their history, and personal experiences amongst them. II. Their literature and doctrines—въ „Journal of the R. Asiatic Society“ т. XXI (1889) стр. 486-526 и 881-1009. Все написано на основаніи личнаго, чрезвычайно близкаго знакомства съ сектантами во время пребыванія Эдв. Брауна въ Персіи 1887-1888 г. Срв. ниже, е.

б) A traveller's narrative, written to illustrate the episode of the Bab. Edited in persian (=т. I, 211 стр.), translated (=т. II, стр. 1-169), with introduction (LVI стр.) and explanatory notes (стр. 171-447). Кембридж 1891, 2 тт. Этого „Разсказа путешественника“—исторія бабизма, написанная сыномъ Бехаолаха Аббасомъ (главою беантовъ). Ее вручилъ Брауну самъ Беаоллахъ въ 'Аккѣ, куда, для изслѣдованій въ области бабизма, нарочно съѣздила Браунъ. Съѣздила Браунъ также на островъ Кипръ, къ главѣ старобабидовъ (езелидовъ) Собъ-и эзелю. Бесѣды съ главами обоихъ толковъ бабизма изложены во введеніи. Данъ критическій полный обзоръ персидскихъ источниковъ о бабизмѣ и (стр. 200-211) европейскихъ пособій. Трудъ первостепенной важности.

в) рецензія (Some remarks) на описаніе бабидскихъ рукописей бар. Розена, главнымъ образомъ на „Mss Bâbys“ 1886 г.—въ „Journal of the R. Asiatic Society“, т. XXIII (1892), стр. 259-335.

г) Catalogue and description of 27 Bâbî manuscripts—тамъ же, т. XXIII (1892), стр. 433-499 и 637-710. Браунъ описываетъ здѣсь собранныя имъ самимъ бабидскія рукописи, какъ толка эзелійскаго, такъ и беантскаго. Браунъ ихъ получилъ изъ первыхъ рукъ, отъ самихъ главъ или очень близкихъ къ нимъ людей.

д) Яхъя Собх-и эзель: A succinct account on the Bâbi movement. По-персидски. Кембр. 1893. 28 стр. Лично я не видѣлъ этой книжицы.

е) A year among the Persians. Лондонъ. 1893. Въ числѣ прочихъ сообщеній о пребываніи Брауна въ Персіи 1887-1888 г. много мѣста отведено бабизму (стр. 58 слѣд., 320 сл., 514 сл. 562, сл.). Срв. выше, а.

ж) The Târikh-i jadid, or new history of the Bâb. Кембриджъ 1893. Иначе эта „Новая исторія“ бабизма (беһаизма главнымъ образомъ) называется „Târix-i Mânokchi“, потому-что предпринята, въ серединѣ 1870-хъ гг., для поученія богатаго и интеллигентнаго гебра (зороастрійца) Мânокчи, который благосклонно относился къ бабидамъ, и закончена самимъ Манокчи¹⁾. Въ основѣ этой исторіи лежитъ болѣе ранній трудъ, мирзы Джâни Кâшânскаго, который былъ современникомъ Баба и написалъ его исторію между 1850-1852 гг. Въ „Новой исторіи“ предпринятой съ точки зрѣнія беһаитовъ, кое-что было измѣнено сравнительно съ трудомъ мирзы Джâни-Кâшânскаго (напримѣръ, затушеваны тѣ мѣста, которыя могли бы служить поддержкой для послѣдователей Собх-и эзеля),—тѣмъ не менѣе „Новая исторія“ оказалась очень важнымъ источникомъ для исторіи Баба, въ особенности при тогдашней невозможности найти книгу самого Джани Кашанскаго 1850-1852 г.²⁾ Содержаніе „Новой исторіи“ уже было прежде резюмировано Брауномъ въ II томѣ „Traveller's narrative“ (1891), а обстоятельства ея составленія выяснены въ статьѣ А. Туманскаго 1893, которая будетъ отмѣчена ниже. Интересенъ здѣсь портретъ Собх-и Эзеля.

з) въ русскомъ переводѣ (1900) энциклопедическую статью „Бабъ и бабиды“ Брауна мы укажемъ ниже, среди нѣсколькихъ явленій русской литературы ок. 1900-хъ гг. А здѣсь отмѣтимъ авторитетнѣйшее подведеніе Брауномъ итоговъ всѣмъ работамъ по бабизму, именно:

и) статью Брауна о бабизмѣ въ Хастингсовской „Encyclopedia of religions and ethics“, [edited by J. Hastings and other scholars], т. II, 299-308 (1908). Важна и какъ одно изъ послѣднихъ словъ науки, и какъ библиографическій указатель.

і) Kitâb-i Nuqtatu'l-kâf, being the earliest history of the Bâbîs, compiled by Hâjji Mîrzâ Jâni of Kâshân between the years A. D. 1850 and 1852, edited from the unique Paris ms. by Edw. G. Browne. Лейденъ 1910 (вышло въ концѣ 1911 г., въ серіи „Gibb Memorial“), стр. XCV англ. предисловіе+76 (предисловіе Брауна же по-персидски)+298. Здѣсь опубликована старѣйшая исторія бабизма, написанная современникомъ Баба, конечно еще безъ беһаитическихъ тенденцій,—та самая исторія, которая затѣмъ переделана была въ беһаитскую „Новую исторію“ 1870-хъ гг. Въ предисловіяхъ англійскомъ и персидскомъ Эдв. Браунъ даетъ резюме всего бабизма и его дальнѣйшаго развитія, такъ-что эти предисловія и можно считать „послѣднимъ словомъ науки“.

Большой интересъ вызывали къ себѣ (и отчасти донинѣ исторически сохраняютъ) работы молодого офицера, поддержаннаго бар. Розеномъ, Александромъ Туманскаго, который отбывалъ лагерный сборъ въ Асхабадѣ:

а) Два послѣднихъ бабидскихъ откровенія—въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія“ т. VI (1891), стр. 314-321. Изданъ текстъ и переводъ

¹⁾ Про Манокчи см. статью В. А. Жуковскаго: „О положеніи гебровъ въ Персіи“—Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, часть 237-я отд. II, стр. 77-94, и А. Орлова: „Нѣкоторыя свѣдѣнія о гебрскихъ школахъ въ Персіи“—въ Зап. Вост. Отд., т. V (1890), стр. 99-104.

²⁾ Лѣтъ двадцать спустя нашелся, какъ увидимъ дальше, и основной трудъ самого мирзы Джâни Кâшânскаго.

коротких посланий Бехаоллаха изъ Акки 1889 г. къ асхабадскимъ бабидамъ, по случаю справедливости русскихъ судебныхъ властей къ бабидамъ. Тутъ же бѣглыя, но интересныя свѣдѣнія о жизни бабидовъ въ российскихъ предѣлахъ. Такія свѣдѣнія разсыпаны и въ другихъ статьяхъ А. Туманскаго.

б) Последнее слово Бехи-Уллы—въ „Зап. Вост. Отдѣл.“, т. VII (1892), стр. 193-203. Издано съ переводомъ присланное изъ 'Акки въ Асхабадъ „Завѣщаніе“ Бехаоллаха и элегія на его смерть бабитскаго поэта Энделиба.

в) Къ вопросу объ авторахъ исторіи бабидовъ, извѣстной подъ именемъ Тарихе Манукчи или Тарихе Джедидъ—тамъ же, т. VIII (1893-1894), стр. 33-45. Свѣдѣнія собраны на мѣстѣ, въ Асхабадѣ.

г) Кнѣже Ахмедъ. „Священнѣйшая книга“ современныхъ бабидовъ. Текстъ, переводъ, введеніе и приложения. СПб. 1899. Стр. XLVIII+129+12 (восточн.). Это оттискъ изъ „Записокъ (Mémoires) Импер. Академіи Наукъ“, VIII серія (по историко-филологическому отдѣленію), т. III, № 6. Сіém. Huart: La religion de Bab, réformateur persan du XIX-me siècle. Пар. 1889. За два года передъ тѣмъ Хюаръ далъ описаніе въ Journal Asiatique 1887 (стр. 133 sqq.): „Notes sur trois ouvrages Babis“ и вообще, проживая консуломъ на востокѣ, знакомился съ бабизмомъ непосредственно. Его статью о бабизмѣ въ „Enzyklopädie des Islam“ 1911 г. мы отмѣтимъ ниже.

В. А. Жуковскій: Недавнія казни бабидовъ въ городѣ Ездѣ—въ „Запискахъ Восточ. Отдѣл.“, т. VI (1891), стр. 321-328. Указано, что человекъ, желающій отдѣлаться отъ соперника, кредитора и т. п., объявляетъ его передъ властями бабидомъ, и того казнятъ.

C. F. Andreas: Die Bâbi in Persien. Лейпц. 1896.

Г. Д. Батюшковъ: Бабиды. СПб. 1897.

Paul Horn: Geschichte Irans in islamitischer Zeit, статья 1899 года, данная для страсбургской ирановѣдной энциклопедіи: Grundriss der iranischen Philologie, т. II. О бабизмѣ сжато, стр. 602-603. по Брауну.

Э. Браунъ: Бабъ и бабиды—въ изданіи „Религіозныя вѣрованія“, переводъ В. Тимирязева. Спб. 1900, стр. 307-324.

E. Sell: Essays on Islam. Мадрасъ 1901. Вторая глава: „The Bab and the Babis“. Съ миссіонерско-духовной точки зрѣнія.

H. Phelps: Life and teachings of Abbas Efendi. Нью-Йоркъ 1903.

Walt. Schulz: Zustände im heutigen Persien, wie sie das Reisebuch Ibrahim-Begs enthüllt. Лейпц. 1903. Это комментированный переводъ „Сіянет-наме“ азербейджанца Ибраһимъ-бея¹⁾, который къ бабизму относится очень неприязненно. Здѣсь есть снимокъ съ гробницы Бехаоллаха въ 'Аккѣ и портретъ покойника, равно какъ портретъ новаго главы бабидовъ - беһантовъ 'Аббаса-эфенди.

Показателемъ интереса, вызваннаго бабизмомъ въ западномъ обществѣ, можетъ служить художественная обработка сюжета о судьбѣ Баба:

И. Гриневская: Бабъ. Драматическая поэма. Спб. 1903. При извѣстныхъ промахахъ этого произведенія съ научно-исторической точки зрѣнія, нельзя у автора не признать значительнаго вникновенія въ предметъ и умѣнья воспроизвести живую, наглядную картину. Восемь лѣтъ спустя г-жа Гриневская дала статью «Бехаизмъ» въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона.

С. Уманецъ. Современный бабизмъ (Расколъ въ магометанствѣ). Изданіе Г. Меликъ-Каракозова № 5. Тифлисъ 1904; 47 стр. Брошюра, интересная личными наблюденіями автора надъ бабидами въ Закавказьи, и вообще полезная; авторъ пользуется Брауномъ широко. Кромѣ того, С. Уманцу принадлежитъ его

¹⁾См. „Исторію Персіи“, т. I, вып. 1 (М. 1909), стр. 24.

прежня, это ужь очень плохая, компиляция: „Очеркъ развитія религіозно-философской мысли въ исламѣ“ СПб. 1888 ²⁾, гдѣ послѣдняя глава посвящена бабизму (по Казембеку, Гобино) ³⁾. И такая же неважная его статья: „Персидскіе сектанты въ Закавказь“—въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1891, июнь.

Въ новѣйшее время, когда бабизмомъ стали увлекаться европейцы не просто какъ предметомъ научнаго изученія, но и какъ душеполезной религіей, выдвигается рядъ французскихъ работъ Ипполита Дрейфуса:

а) Béha-Ullah, Le livre de la certitude (Kitâb el-jkân), un des livres sacrés du béhaïsme, traduit du persan par H. Dreyfuss et Mirza Habib-Ullah Chirazi. Парижъ 1904.

б) отдѣлъ о бабизмѣ и беһанизмѣ въ Religions et sociétés, leçons professées à l'École des Hautes Etudes par Th. Reinach, A. Puech, A. Leroy-Beaulieu, Carra de Vaux (l'islamisme en face de la civilisation moderne), H. Dreyfuss (le babisme et le béhaïsme). Парижъ 1905.

в) Béha-Ullah: Les paroles cachées, traduction française par Hipp. Dreyfuss of Mirza Habib-Ullah Chirazi. Пар. 1905.

г) Béha-Ullah: Les préceptes du béhaïsme: 1) Les Ornaments, 2) Les Paroles du paradis, 3) Les Splendeurs, 4) Les Révélation, trad. du persan par Hipp. Dreyfuss et Mirza Habib-Ullah Chirazi. Парижъ 1906, (=1) طَرَاذَاتُ 2) تَجَلِيَاتُ 3) كَلِمَاتُ فَرْدَوَسِيَه 4) اَشْرَاقَاتُ

д) Abd Oul-Béha. Les leçons de Saint-Jean d'Acree, recueillies par Laura Clifford Barney ¹⁾, trad. du persan par Hipp. Dreyfuss. Пар. 1908. Миссъ Барни, прѣхавши на поклоненіе въ Акку къ Абдальбеһа, прожила при немъ довольно долгое время, записывая его бесѣды стенографически. Оттого книга миссъ Барни—цѣлая энциклопедія беһанизма, важная и для ориенталистовъ.—Отчетъ объ этой книгѣ далъ Оскаръ Маннъ въ „Orientalistische Literaturzeitung“ 1909, стр. 37 и слѣд.

е) Essai sur le béhaïsme, son histoire, sa portée sociale. Парижъ (изд. Ch. Leroux) 1909. Резюмирующий трудъ.

ж) Une institution Béhaïe: Le Machrequou'l-Azkâr d'Achqâbâd—въ юбилейныхъ „Mélanges“ Хартвига Деренбурга (Парижъ 1909), стр. 415 и слѣд. О храмѣ россійскихъ бабидовъ въ Асхабадѣ.

Miss Ethel Rosenberg: Bahaïsm, its ethical and social teachings—въ трудахъ (Transactions) третьяго международнаго съѣзда по исторіи религій. Оксфордъ 1908, I, 324 sq.

Для обобщенія цѣнны сжатыя статьи И. Гольдциера:

Ign. Goldziher: а) Die Religion des Islams—статья въ популярной серіи: Die Kultur der Gegenwart, ihre Entwicklung und ihre Ziele (Берл. и Лейпц. 1906), Theil I, Abteilung III. Нѣсколько страницъ въ этой популярной статьѣ глубокаго знатока ислама отведено и бабизму. Она отдѣльно переведена на русскій языкъ:

б) Исламъ (Die Religion des Islams) И. Гольдциера. Переводъ И. Крачковскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доц. А. Э. Шмидта. СПб. 1911 (изд. Импер. Общ. Востоковѣдѣнія). Стр. III+51. Бабизму отведены стр. 41-44.

в) Vorlesungen über den Islam. Heidelberg 1910, in 16-o, въ серіи „Religionswissenschaftliche Bibliothek, hsg. v. W. Streitberg und R. Wünsch“.

¹⁾ Оттискъ изъ „Христіанскаго Чтенія“ 1888, №№ 11-12. И переизданіе СПб. 1890. Уничтожающая рецензія бар. Розена въ „Зап. Вост. Отдѣл.“ т. III (1888), стр. 386-390.

²⁾ По изданію „Очерка“ С. Уманца 1890 г. о бабизмѣ см. стр. 136-158.

³⁾ „Ав-нур оль-абһа“, Лонд. 1908.

О бабидахъ стр. 295-305 и существенная краткая библиографія на стр. 319-320. Статья сжатая, но, какъ все у Гольдцѣра, полная значенія.

Въ то время какъ теперь почти все отдають свои интересы беһантскому толку, вновь начались работы А. Никола надъ исторіей основанія бабизма:

А. Nicolas. a) Séuyèd Ali Mohammed dit le Bab. Пар. 1905. Очеркъ возникновенія бабизма на почвѣ предшествовавшихъ шиитскихъ идей. Съ портретомъ Баба.

б) Le Béyân arabe, le livre sacré du babysme, trad. par A. Nicolas. Пар. 1905.

в) Le Béyan persan, trad. par A. Nicolas, avec introduction. Tome I, Парижъ 1911. Стр. XXXII+148 in 12°.

Николя въ своихъ работахъ надъ бабизмомъ старается тщательно уловить самые корни, изъ которыхъ выросло ученіе Баба. Оттого для историка бабизма важны его новыя работы надъ т. н. шейхизмомъ, толкомъ суфійства, изъ идей котораго выросло міросозерцаніе Баба: Essai sur le cheïkhisme. Tome I, fascicule 1-er, Cheïkh Ahmed Lahçai (Пар. 1910), стр. XX+72. Продолженіе, именно fasc. 2 (Histoire des Cheïkhis), fasc. 3 („La doctrine“) и fasc. 4 („La science de Dieu“) вышли въ 1911 г. Рец. Кл. Хюара на 1-ый выпускъ въ Journal Asiatique 1911, июль-августъ, стр. 155-156.

Въ 1911 г., въ международной лейденской „Enzyklopädie des Islam“, которую издають академіи нѣсколькихъ націй, о бабизмѣ даль сжатыя, но содержательныя статьи Клем. Хюаръ (Cl. Huart), работы котораго въ этой области 1887-1889 отмѣчены выше. См. въ энциклопедіи его статьи: „Bâb“ („Enz. des Isl.“, т. I, вып. 9-ый, 1911, стр. 566-568), „Bâbî“ (т. е. бабиды, тамъ же т. I, вып. 9, стр. 569-570) и „Bahâ-allâh“ (т. I, вып. 10, 1911, стр. 595). Статьи Хюара писаны еще безъ знакомства съ Брауновскимъ изданіемъ исторіи Мирзы Джани Кашанскаго 1850-1852, которое, хоть помѣчено 1910-мъ г., вышло лишь въ 1911 году, въ концѣ. Библиографическихъ указаній, сверхъ ожиданія, дано у Хюара до крайности мало.—Энциклопедія издается одновременно по-англійски и по-французски.—Въ русскомъ «Новомъ Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона статья о бабизмѣ дана мною (1911), а о беһантствѣ—г-жею И. Гриневскою (1912), авторомъ драмы «Бабъ».

Наконецъ отмѣтимъ:

Е. Montet: De l'état présent et de l'avenir de l'islam. Six conférences faites au College de France en 1910. Парижъ 1911. Среди популярнаго обзора прочихъ современныхъ исламскихъ явленій соннитскаго и шиитскаго міра отведено мѣсто и бабизму съ беһантствомъ. Вѣгло.

Ожидается появленіе въ 1912 году обстоятельной монографіи:

Н. Roemer: Die Bâbî-Behä'î. Eine Studie zur Religionsgeschichte des Islams (Потсдамъ 1912).

Не помню въ точности года напечатанія (кажется, 1910, хотя, можетъ быть, и 1911) русской книги, которую издала [редакція армянской газеты „Сурандакъ“ въ Тифлисѣ. „Бабиты и беһанты. Новое религиозное движеніе въ Персіи“. Написана книга ваивно и примитивнымъ образомъ, „по восточному“; но, какъ матеріалъ, составленный изъ близкихъ туземныхъ наблюденій, она далеко не лишена интереса.

Наконецъ отмѣтимъ, что и арабская пресса подъ вліяніемъ американской начинаетъ заинтересовываться бабизмомъ. Такъ въ нью-йоркской арабской газетѣ *مرآة الغرب* (Мир'атъ аль-гарбъ=Зеркало запада) 1911, № 1420 (отъ 13 сентября) помѣщена обширная статья, переведенная съ англійскаго: „Аль-мазһабъ аль-Баһа'і аw аль-Баһа'і'йунъ wa нтишароһу ль-wаси'“. Популярно-историческій очеркъ возникновенія и распространенія бабизма съ изложеніемъ доктринъ какъ Баба, такъ и его продолжателей.

Въ заключеніе предлагаю письмо, писанное графсѣмъ Львомъ Толстымъ къ нашему бывшему слушателю Фридуны-хану Бадалбегову:

Фридуны Хану Бадалбегову.

Въ отвѣтъ на вашъ первый вопросъ о томъ, какъ понимать слово Богъ, посылаю вамъ книжечку, составленную изъ изданнаго мною круга чтенія, въ к-мъ соединены мысли о Богѣ, съ к-ми я согласенъ. По моему мнѣнію, для того чтобы не имѣть ложнаго представленія о Богѣ, надо прежде всего освободиться отъ допускаемаго какъ въ церковномъ христіанствѣ, такъ и въ магометанствѣ представленія о Богѣ какъ личности.

Самое для меня близкое и отвѣчающее требованіямъ разума и сердца человѣка пониманіе Бога есть то, к-е выражено въ первомъ посланіи Іоанна, стихи гл. 4—7. 12. 16, именно что Богъ есть любовь, такъ что поскольку человѣкъ имѣетъ въ себѣ любви, настолько Богъ живетъ въ немъ и настолько такой человѣкъ можетъ познать Бога.

Мысль эта болѣе или менѣе ясно выражена во всѣхъ религіяхъ, а также и въ магометанской.

На второй вопросъ о томъ, что ожидаетъ насъ за гробомъ, могу отвѣтить только то, что умирая мы идемъ туда, т.е. къ тому Богу, отъ котораго пришли въ жизнь. Богъ же этотъ, къ которому мы возвращаемся, есть любовь, и потому мы умирая— не можемъ ожидать ничего кромѣ хорошаго.

На третій вопросъ отвѣчаю также, что исламъ, по моему мнѣнію, содержитъ какъ и всѣ религіи: браминизмъ, буддизмъ, конфуціанство и друг.— великія вѣчныя истины, но, какъ и всѣ религіи, перемѣшанъ съ суевѣріями и грубыми извращеніями истины обрядами и обманами. Для составленія понятія объ исламѣ мнѣ много содѣйствовала прекрасная книжечка изрѣченій Магомета: *Life of Muhammed* edited by Abdullah Al-Mamun Suhrawardy. London, Archibald Constable and Co. 10 James Street Haymarket.

Ученіе бабистовъ, перешедшее въ багаизмъ (Бага-улла), возникшее изъ магометанства, представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ великихъ и честныхъ религіозныхъ ученій.

Очень радъ буду, если мои отвѣты удовлетворятъ васъ.

Желающій вамъ всего истинно добраго

Левъ Толстой.

28 декабря 1908 г.

Ясн. Пол.

3) Докладъ И. Я. Стеллецкаго: «На поискахъ Йотапаты (изъ поѣздки въ Сирію)» ¹⁾.

По выслушаніи сообщенія И. Я. Стеллецкаго Восточная Комиссія уполномочила и докладчика, и М. О. Аттаю, снести съ нея имени съ русской школой въ Назаретѣ относительно того, чтобы изъ Назарета, если возможно, командировано было на Йотапату свѣдущее лицо, для дослѣдованія интереснаго памятника и снятія фотографическихъ снимковъ.

4) Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: «Древне-армянскія рукописи, изслѣдованныя лѣтомъ 1911 года» ²⁾.

5) Постановлено послать привѣтственную телеграмму члену-основателю Восточной Комиссіи Г. А. Халатьянцу по случаю недавно исполнившагося двадцатипятилѣтія его учено-учебной дѣятельности.

№ 120. Засѣданіе 24 ноября 1911 г., подъ предсѣдательствомъ В. К. Трутовскаго, въ присутствіи гг. членовъ: В. А. Гордлевскаго, О. Е. Корша, М. О. Аттаи, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, А. С. Хаханова, В. В. Данилова, референта А. Г. Туманяна, гостей: И. С. Тандова, Р. Б. Гаджіева, г. Синькевича, Кондзеровскаго, С. И. Андреева, Капанадзе, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Анисимова, Андроникооа, Баранова, Бѣлоусова, Бѣляева, Воробьева, Габунія, Гоффмана, Демчука, Десницкаго, Жиркова, Заварина, Какуринна, Канделаки, Качоровскаго, Кашина, Киселева, Копылова, Кравчинскаго, Надирадзе, Преферанскаго, Рябова, Смирнова, Страшниковъ, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) А. Г. Туманянъ сообщилъ о раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ мѣстности Хачакапъ (Кушчи, Куци) Елисаветпольской губерніи лѣтомъ 1911 года, и демонстрировалъ часть найденныхъ предметовъ.

Резюме доклада г. Арсена Туманяна о его раскопкахъ:

«Еще въ 1908 году мнѣ пришлось узнать, что окрестности села Хачакапъ (Куци), находящагося въ 30 — 35 в. на юго-западъ отъ гор. Елисаветполя, изобилуютъ могилами, которыя мѣстные жители называютъ «крапаш һангтитаран» (могила язычника). Въ Елисаветпольскомъ уѣздѣ село это извѣстно еще своимъ древнѣйшимъ монастыремъ «Таргманчацъ» (Переводчиковъ), заложеннымъ въ присутствіи Месропа Маштоца — изобрѣтателя армянской азбуки; онъ былъ дважды реставрированъ: въ первый разъ въ 1829 году, а во второй — въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкимъ Н. А. Теръ-Нерсесовымъ, который и открылъ при немъ музей. Въ 1908 же году я весьма удачно

¹⁾ Печатается, съ сокращеніями, въ нынѣшнемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

²⁾ Докладъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесова полностью издается въ нынѣшнемъ выпускѣ.

произвелъ нѣсколько раскопокъ недалеко отъ села въ мѣстности Тилкари дзоръ; найденныя вещи я подарилъ музею при Лаз. Инст. Вост. яз.

Въ это лѣто раскопки я производилъ въ двухъ мѣстахъ. На востокъ отъ села по дорогѣ къ упомянутому монастырю мое вниманіе привлекъ небольшой по размѣрамъ холмъ, покрытый со всѣхъ сторонъ, что бываетъ весьма и весьма рѣдко, подобными могилами. Приступивъ къ работѣ, я долженъ былъ въ скоромъ же времени, въ виду нѣкоторыхъ неудобствъ, перенести раскопки въ прежнее мѣсто, т. е. Тилкари дзоръ, успѣвъ выкопать только металлическій кругъ, какъ мнѣ кажется отъ копья, и 2 куска повидимому отъ браслета. Могила, которую я здѣсь началъ копать, сразу поразила меня своимъ устройствомъ. Въ то время какъ въ другихъ могилахъ все было сдѣлано въ высшей степени аккуратно, прочно и изъ массивныхъ камней, здѣсь, наоборотъ, чувствовалось небрежное отношеніе къ дѣлу. Чтобы ясно представить это, я коснусь ея въ сравненіи съ той, которую я копалъ въ 1908 г. Та представляла большой каменный ящикъ съ громаднымъ переднимъ камнемъ, закрывавшимъ входъ въ могилу; два точно такихъ же массивныхъ камня, съ каждой стороны плотно приставленныхъ другъ къ другу, составляли стѣнки ея; размѣръ ихъ колебался между 128—149 с. дл. и 105—117 с. шир.; другой камень, длиной въ 125 с. и шириной въ 90 с., закрывалъ могилу съ противоположной стороны и представлялъ заднюю стѣнку; два другихъ камня, одинъ 150 с. дл. 116 с. ш., а другой 175 с. д. и 122 с. ш., лежали сверху и являлись какъ бы потолкомъ. Въ общемъ этотъ каменный ящикъ былъ устроенъ на рѣдкость прочно и плотно. Долженъ сказать, что до меня тамъ уже производилъ раскопки какой-то инженеръ-нѣмецъ (фамилію котораго я никакъ не могъ узнать), а потому, при осмотрѣ раскопанныхъ имъ могилъ, я могъ убѣдиться, что устройство моей ничѣмъ не отличается отъ другихъ. Но не то было, какъ я сказалъ, съ могилой, которую началъ я копать въ этомъ году. Передній камень ея былъ настолько слабо укрѣпленъ, что на цѣлыхъ 6 вер. подался назадъ, вслѣдствіе чего наносная земля внутри могилы была настолько тверда, что съ трудомъ поддавалась ударамъ кирки; этому, какъ мнѣ кажется, должно было способствовать и отсутствіе задняго камня, съ чѣмъ приходилось встрѣчаться мнѣ въ первый разъ; камни, образующіе стѣнки и верхъ могилы, отличались своими незначительными (въ сравненіи съ другими) размѣрами и не особенно плотно прилегали одинъ къ другому, такъ что было сдѣлано нѣсколько заплатокъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ я пришелъ къ нѣсколько смѣлому выводу, что въ могилѣ похоронена женщина. На это указывали тонкій металлическій поясъ и точно такое же кольцо (между тѣмъ при раскопкахъ въ 1908 г. я вмѣстѣ съ наконечникомъ копья нашелъ браслетъ, отличавшійся своей массивностью и толщиной). По правую сторону покойницы, начиная со входа у самой

стѣны, находилось штукъ 5—7 кувшинчиковъ самыхъ различныхъ размѣровъ и видовъ (со сѣуженными горлышками и безъ нихъ, съ ручками и безъ ручекъ и т. д.), полныхъ твердой землей, что помѣшало мнѣ собрать ихъ всѣ въ цѣлости за исключеніемъ двухъ. Между кувшинами и покойницей, въ серединѣ могилы, немного даже ближе къ задней стѣнѣ, находился тонкій металлическій поясъ (бронзовый) длиной въ 69 с., шириной 7 с. и толщиной $\frac{1}{2}$ л. Поясъ этотъ, совершенно гладкій, съ тупыми концами и двумя отверстіями, очевидно для прикрѣпленія, лежалъ въ видѣ круга; это обстоятельство указывало на то, что покойница не была опоясана имъ при погребеніи; немного въ сторону отъ пояса—ближе къ выходу—между двумя кувшинами я нашелъ кольцо, совершенно гладкое, въ объемѣ $\frac{1}{2}$ вершка, съ грубо соединенными концами; присутствіе кольца между кувшинами говорило за то, что правая рука покойницы не была вытянута, а покоилась на предметахъ съ кушаніями.

Другихъ предметовъ, кромѣ выше приведенныхъ я не нашелъ.

По поводу сообщенія г. А. Г. Туманяна было сдѣлано довольно много замѣчаній В. К. Трутовскимъ, изъ которыхъ вытекалъ выводъ, что типъ могилъ, изслѣдованный г. Туманяномъ, есть безусловно домусульманскій, по всему вѣроятію около VII—IX в.

По совѣту В. К. Трутовскаго, г. Туманянъ изъявилъ желаніе пожертвовать выкопанные имъ предметы въ Московскій Историческій Музей.

3) А. С. Хахановъ: «О редакціяхъ старинныхъ переводовъ грузинскихъ евангелій»¹⁾. Докладъ А. С. Хаханова основанъ на изученіи болѣе чѣмъ 60 старѣйшихъ рукописей грузинскихъ евангелій, (897 года, 913-го г., и т. д.). Референтъ устанавливаетъ существованіе трехъ группъ грузинскихъ переводовъ, причемъ въ числѣ критеріевъ для группировки онъ предлагаетъ обращать вниманіе на присутствіе или отсутствіе главы о прелюбодѣйной женѣ въ евангеліи отъ Марка, и даетъ характеристику каждой изъ трехъ группъ.

Докладомъ А. С. Хаханова былъ вызванъ живой и продолжительный обмѣнъ мнѣній среди членовъ Восточной Комиссіи.

Ө. Е. Коршъ желалъ бы съ опредѣленностью выяснить вопросъ о томъ оригиналѣ (или оригиналахъ), съ котораго переводилось евангеліе на грузинскій языкъ: былъ ли это текстъ греческій, или иной?— На это А. С. Хахановъ отмѣтилъ ту переводческую грузинскую дѣятельность, которая изстари шла въ монастырѣ св. Савы въ Палестинѣ, а тамъ въ обители находились не только грузины, но и греки,

¹⁾ Въ дополненномъ видѣ докладъ А. С. Хаханова войдетъ, какъ предисловіе, въ сводъ старинныхъ грузинскихъ евангелій, издаваемый подъ его редакціей фототипически Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ.

и сирійцы. По мнѣнію А. С. Хаханова, грузинскій евангельскій переводъ произведенъ съ подлинника сирскаго, въ обители св. Савы.

Такое утвержденіе А. С. Хаханова вызвало оспариванія со стороны присутствующихъ армянистовъ. И. С. Тандовъ обратилъ вниманіе на параллели грузинскихъ евангельскихъ текстовъ съ текстомъ того стариннаго армянскаго евангелія 887 года, которое хранится въ Лазаревскомъ Институтѣ и фототипически издано кн. Абамелекъ-Лазаревымъ. По мнѣнію И. С. Тандова, вопли правъ Н. Я. Марръ, когда утверждаетъ, что оригиналомъ для грузинскаго перевода евангелія послужило евангеліе на языкѣ армянскомъ, а не сирскомъ и не греческомъ.— На это А. С. Хахановъ возразилъ, что параллели съ армянскимъ текстомъ могутъ быть констатированы только въ болѣе позднихъ, а не въ наиболѣе раннихъ грузинскихъ евангельскихъ спискахъ, и потому онъ не считаетъ возможнымъ допустить первый переводъ евангелія на грузинскій языкъ съ армянскаго.

Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ замѣтилъ на это, что эти болѣе поздніе списки вопли могутъ представлять собою какъ-разъ старѣйшую редакцію грузинскаго евангелія: вѣдь въ каждой письменности мы не разъ сталкиваемся съ явленіемъ, что списокъ бываетъ самъ по себѣ довольно новъ, а сдѣланъ онъ оказывается съ оригинала болѣе стараго, чѣмъ сохранившіяся другія рукописи. И въ данномъ случаѣ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ усматриваетъ то же, а потому характерныя параллели грузинскаго евангельскаго текста съ древне-армянскимъ онъ объясняетъ тѣмъ, что грузинскій текстъ переведенъ съ армянскаго. Вѣдь мы знаемъ еще цѣлый рядъ другихъ грузинскихъ памятниковъ, оригиналы которыхъ, вопли всякаго сомнѣнія, были армянскіе; сюда принадлежитъ св. Ипполитъ.— На это А. С. Хахановъ возразилъ, что аналогія далеко не всегда есть доказательство. Если текстъ св. Ипполита переведенъ въ грузинской письменности съ армянскаго, то отсюда никакъ не вытекаетъ, что и евангеліе переведено тоже съ армянскаго языка, и онъ остается при своемъ убѣжденіи, что грузинское евангеліе переведено съ сирскаго.

По вопросу о критеріяхъ В. К. Трутовскій напомнилъ, что иногда прозрачное указаніе на ту, а не иную редакцію дается какимъ-нибудь однимъ отдѣльнымъ словомъ. Напримѣръ для русско-славянскихъ списковъ критеріемъ по вопросу о той, а не другой греческой редакціи можетъ, по мнѣнію В. К. Трутовскаго, служить наличность именно одного, а не другого изъ трехъ терминовъ: «срѣбрьникъ», «слѣзь», «стылѣзь». Быть можетъ, и при изслѣдованіи грузинскихъ редакцій можно использовать этотъ критерій?

Въ заключеніе О. Е. Коршъ привелъ изъ исторіи установленія евангельскаго текста у разныхъ народовъ нѣкоторыя аналогичныя параллели, возникавшія у каждаго народа самостоятельно.

4) А. Е. Крымскій: «О неизслѣдованномъ, и притомъ старѣйшемъ, списокѣ путешествія на Русь антиохійскаго патріарха Макарія въ XVII вѣкѣ». Списокъ — дефектный, онъ не имѣетъ ни начала, ни

конца, и содержитъ всего 138 страницъ. Вывезенъ онъ докладчикомъ изъ Сиріи, изъ одного монастыря подъ Дамаскомъ. Докладчикъ указалъ, что арабскій текстъ этого списка позволяетъ внести немало поправокъ къ извѣстному русскому переводу Г. А. Муркоса, а кромѣ того содержитъ очень интересныя сообщенія о Россіи, отсутствующія и въ той рукописи, съ какой переводилъ Г. А. Муркосъ, и въ той британской рукописи, съ какой переводилъ англичанинъ Бельфоръ.

5) А. А. Олесницкій: Описаніе вышеозначенной рукописи путешествія патріарха Макарія ¹⁾.

6) В. А. Гордлевскій: Изъ комментаріевъ къ хроникѣ Иконійскихъ сельджукидовъ ибнъ-Биби XIII вѣка ²⁾.

7) А. Е. Крымскій: «По поводу этимологіи словъ «човганъ» и «сауладжанъ» ³⁾. Докладчикъ считаетъ тюркскую этимологію этихъ словъ, предложенную Ѳ. Е. Коршемъ, за очень проницательную и эрудитную, но недоумѣваетъ, какъ же быть съ показаніями историковъ (арабскихъ и персидско-арабскихъ), которые, напр., опредѣленно сообщаютъ, что игра сауладжанъ заимствована персами еще въ доисламскія времена и притомъ изъ Индіи. Считать ли это указаніе за легенду?

Ѳ. Е. Коршъ высказалъ свое мнѣніе, что подобное указаніе свободно можно признать за легенду. На вопросъ докладчика, считаетъ ли Ѳ. Е. Коршъ возможнымъ датировать тюркское вліяніе на Переднюю Азію раньше, чѣмъ это принято думать, Ѳ. Е. Коршъ отвѣтилъ, что это безусловно возможно.

8) Ѳ. Е. Коршъ: Объ этимологіи слова «ногата». Ѳ. Е. Коршъ коснулся этой этимологіи въ виду недавняго изслѣдованія В. К. Трутовскаго ⁴⁾, которое, по его отзыву, вообще отличается большою убѣдительностью и превосходно развитыми доказательствами. Производство «ногата» отъ «нардъ» *نارد* (черезъ тюркское посредство, черезъ камскихъ болгаръ), котораго придерживается В. К. Трутовскій, имѣло бы ту слабую сторону, что по общимъ законамъ турецкой фонетики эпентетическимъ гласнымъ бываетъ *ы*, а не *а*, т. е. было бы *нарыд*, а не *нарад*. Однако въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ (именно, при *γ* и *h*) мы находимъ у тюрковъ и вставочное *а*, а не *ы*;—возможно поэтому примѣнить этотъ законъ и къ *нард*, откуда *нарад*, *нарат*. Подъ тюркскимъ вліяніемъ могло бы и у русскихъ появиться слово «нагата». Удобнѣе всего было бы искать такого вліянія со стороны чувашей.

Засѣданіе было закрыто послѣ полуночи.

¹⁾ Оба доклада издаются въ „Древностяхъ Восточныхъ“.

²⁾ Тоже.

³⁾ Срв. протоколъ № 114.

⁴⁾ Полностью изслѣдованіе В. К. Трутовскаго издается въ вышедшемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

№ 121. Засѣданіе 10 февраля 1910 г. подъ предсѣдательствомъ В. К. Трутовскаго, въ присутствіи гг. членовъ Мирзы Абдуллы Гаффарова, М. О. Атаи, В. А. Гордлевскаго, Мирзы-Джафара, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, С. Н. Тэръ-Саргсянца, И. Я. Стеллецкаго, референта А. Туманяна, гостей: г. Шумскаго, г-жи И. Ю. Джафаръ, Мирзы-Хаида Сейяха, М. Ө. Достоевскаго, А. Османова, А. Ноты, Янбаева, г. Хильми-эфенди, И. Синькевича, Каримова, г-жи Е. Калей, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Акчурина, Андроникова, Бѣлоусова, Баранова, Воробьева, Габунія, Гюльазизова, А. Гоффманна, Голованова, Десницкаго, Дмитріева, Заварина, Исакянца, Качоровскаго, Кашина, Киршевскаго, Колларо, Копылова, Кравчинскаго, Слонова, Старикова, Страшникова, Щеглова, Щурова, С. Якуба, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Прежде начала засѣданія В. К. Трутовскій вспомнулъ теплымъ словомъ одного изъ членовъ Восточной Комиссіи Г. А. Халатьянца, скончавшагося въ Тифлисѣ 8 февраля 1912 года, и пригласилъ присутствующихъ выслушать его некрологъ.

2) Х. И. Кучукъ - Іоаннесовъ прочиталъ некрологъ Г. А. Халатьянца.

Г. А. Халатьянецъ. Некрологъ.

Покойный Григорій Абрамовичъ Халатьянецъ, профессоръ Специальныхъ Классовъ Лазаревскаго Института, по кафедрѣ армянской словесности, которую занималъ 25 лѣтъ, родился въ 1858 году въ г. Александрополѣ, Эриванской губерніи. Десяти лѣтъ отъ роду, осенью 1868 года, онъ былъ опредѣленъ въ Лазаревскій Институтъ. Мнѣ, болѣе чѣмъ кому-либо изъ Восточной Комиссіи, хорошо извѣстны обстоятельства его жизни, протекшей въ стѣнахъ заведенія; я помню его со школьной скамьи: это былъ юноша рѣзваго и веселаго темперамента, воспримчивый и способный, который, успѣшно занимаясь науками, всегда почти съ отличіемъ переходилъ изъ класса въ классъ. Товарищи его, со свойственной юному возрасту чуткостью, уже тогда подмѣчали въ немъ особенную склонность къ родному языку и литературѣ и часто обращались къ нему за разъясненіями своихъ недоразумѣній, въ задаваемыхъ имъ урокахъ. Нужно ли прибавить, что онъ всегда шелъ имъ на встрѣчу, оказывая имъ необходимую помощь? Свободное отъ занятій время Г. А. посвящалъ саморазвитію, читалъ много, увлекался поэзіей, самъ писалъ стихи, дѣлалъ переводы съ русскаго языка на армянскій и проч. Означенныя ученическія работы и произведенія, несомнѣнно сохранившіяся въ бумагахъ покойнаго, хотя не предназначались къ печати, однако служатъ яркимъ показателемъ его способности къ писательскому труду, развившему таящіяся въ немъ задатки къ еще болѣе серьезнымъ, научнымъ занятіямъ.

Съ успѣхомъ окончивъ гимназическій курсъ въ 1877 году, онъ поступилъ на медицинскій факультетъ Имп. Моск. Университета. Но черезъ два года онъ понялъ, что медицина не его призваніе, и онъ перешелъ на историко-филологическій факультетъ того же Университета, слушая одновременно лекціи проф. Н. О. Эмина по древней армянской словесности въ Спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго Института. Здѣсь, усердно занимаясь любимымъ предметомъ и пользуясь цѣнными указаніями и комментаріями на древнихъ авторовъ

проф. Эмина, Г. А. усвоилъ критическій взглядъ на писателей, распозналъ богатство и красоту стиля и языка однихъ и недостатки другихъ авторовъ старины. Отъ того же армянина онъ впервые узналъ, что древняя армянская литература давно, уже съ XVIII столѣтія, служитъ предметомъ для изученія западно-европейскихъ ученыхъ, съ критическими трудами которыхъ Эминъ знакомилъ его на своихъ лекціяхъ.

По окончаніи университета Г. А. въ 1883 году выпустилъ въ свѣтъ, на древне-армянскомъ языкѣ, свою монографію подъ заглавіемъ: «Лазарь Парпскій и его дѣянія» (о писателѣ конца V-го и начала VI вѣка). Это былъ какъ-ни-какъ значительный вкладъ въ науку, обратившій на себя вниманіе армянскихъ и западныхъ ученыхъ. Заслуженный успѣхъ перваго труда Г. А. разъ на всегда опредѣлилъ дальнѣйшую судьбу его, раскрывъ передъ нимъ перспективу учено-плодотворной дѣятельности. Вскорѣ, послѣ этого проф. Эминъ подалъ въ отставку за выслугою лѣтъ, и вакантную кафедру армянской словесности занялъ Г. А. Читая лекціи въ Спеціальныхъ классахъ Л. Института, онъ одинъ академическій годъ провелъ въ заграничной прикомандировкѣ въ 1888 году ¹⁾. Въ 1896 году появилась его магистерская диссертация подъ заглавіемъ «Армянскій Эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго», а въ 1903 году — докторская — Армянскіе Аршакиды въ Исторіи М. Хорен-

¹⁾ Тогда его часы замѣцалъ Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ, авторъ нижешняго некролога. — Примѣчаніе редактора «Древностей Востока».

скаго». Въ обоихъ трудахъ,— слѣдуя по стопамъ европейскихъ ученыхъ: Лакроза, Фрерэ, Катрмера, Гутшмида и особенно О. Каррьера, Г. А. подвергъ безошадной критикѣ Исторію М. Хоренскаго, влияние котораго на его соотечественниковъ, какъ справедливо замѣтилъ самъ Халатъянцъ въ своемъ введеніи къ Армянскому Эпосу, было безусловно преобладающимъ. 14-ти вѣковое обаяніе отца исторіи Арменіи естественно отразилось и на позднѣйшемъ поколѣніи; послѣднее, въ лицѣ Неандра Бюзандаци, С. Пароньяна, Б. Саргисьяна, С. Малхасьяна, и англійскаго армениста проф. Ф. Конибира не желаетъ, пока, мириться съ нѣкоторыми выводами Халатъянца. Но отъ этого значеніе трудовъ Г. А. нисколько не умаляется, ибо ему принадлежитъ первая заслуга детальнаго, критическаго изученія Исторіи Хоренскаго въ полномъ ея объемѣ. Съ появленіемъ въ свѣтъ утраченныхъ источниковъ Хоренскаго (въ настоящее время два изъ нихъ уже открыты: арабскій изводъ Агаангела, открылъ проф. Н. Марръ на Синаѣ, и хроника знаменитаго Маръ Абаса въ Парижской Національной Библіотекѣ), конечно, въ будущемъ можетъ измѣниться взглядъ на Исторію Хоренскаго, но, пока, значеніе ея поколеблено.

Халатъянцу же мы обязаны изданіями Сборниковъ Этнографическаго фонда имени Н. О. Эмина, въ которыхъ собранъ прекрасный матеріалъ по армянской этнографіи, лингвистикѣ, діалектологіи, лексикографіи и фольклору.

Другіе труды:

О ново-открытыхъ книгахъ Паралипоменонъ ¹⁾, въ древнѣйшемъ армянскомъ переводѣ, Вагаршанатъ 1896 г.

Фототипическое изданіе Четверо-Евангелія 887 года, принадлежащее библіотекѣ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ, Москва 1899 года. Средства на это изданіе пожертвовалъ Почетный Попечитель Лаз. Института князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ.

Изъ остальныхъ трудовъ Г. А. Халатъянца слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе:

1) Давидъ Сасунскій, образчикъ народнаго армянскаго эпоса, СПб. 1881 г.

2) Общій очеркъ народныхъ армянскихъ сказокъ. Москва 1885 г.

3) Программа для собиранія свѣдѣній по армянской этнографіи. Москва 1887 г. (на арм. языкѣ). Она сослужила хорошую службу армянской современной литературѣ, побудивъ молодежь къ собиранію богатаго матеріала по армянской этнографіи и основанію особаго этнографическаго общества въ Тифлисѣ, гдѣ оно издаетъ свой „Этнографическій журналъ“ подъ редакціей Ерванда Лалаянца.

4) Источники М. Хоренскаго:— Хоренскій и Григорій Назіанзинъ. Вагаршанатъ 1897 г.

¹⁾ Честь открытія этого древняго памятника въ Эчмиадзинской Библіотекѣ принадлежитъ члену братства, покойному архимандриту Джалалъянцу, который сообщилъ о томъ Г. А. Халатъянцу, прибывшему въ Эчмиадзинъ лѣтомъ въ 1896 году.

5) О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи въ связи съ данными Ванскихъ надписей (въ „Древностяхъ Восточныхъ“ Имп. Моск. Арх. Общества 1901 г.).

6) Очеркъ Исторіи Арменіи (предварительное изданіе, литографское). Москва 1910 г. Очеркъ обнимаетъ древнѣйшій періодъ исторіи Арменіи отъ урартійской эпохи до Тирidata Великаго (297 — 330 г. по Р. X.).

7) Переиздалъ всѣ труды проф. Н. О. Эмина, и избранныя сочиненія Р. Патканова.

Кромѣ того Халатянцу принадлежитъ цѣлый рядъ еще другихъ, менѣе крупныхъ работъ и критическихъ статей, разсѣянныхъ въ русскихъ, армянскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ.

Покойный Г. А. съ 1897-го по 1904 годъ состоялъ инспекторомъ Лазаревскаго Института, гдѣ — своей преданностью къ интересамъ заведенія и гуманнымъ обращеніемъ съ подчиненными — снискалъ себѣ общее расположеніе сослуживцевъ и питомцевъ Института.

Въ лицѣ Халатянца сошелъ въ могилу одинъ изъ немногихъ армянскихъ ученыхъ. Миръ его праху!

По случаю смерти Г. А. Халатянца получены Лазаревскимъ Институтомъ телеграммы:

Отъ почетнаго попечителя Института:

Покорнѣйше прошу благоволить передать семьѣ почившаго профессора Халатянца искреннее мое сожалѣніе о его кончинѣ.

Князь Абамелекъ-Лазаревъ.

Отъ бывшаго директора Лазаревскаго Института и предсѣдателя Восточной комиссіи:

Прошу передать моимъ бывшимъ сослуживцамъ искреннее соболѣзнованіе по случаю преждевременной кончины уважаемаго профессора Григорія Абрамовича Халатянца, котораго смерть — тяжелая утрата для науки и Лазаревскаго Института.

Академикъ Миллеръ.

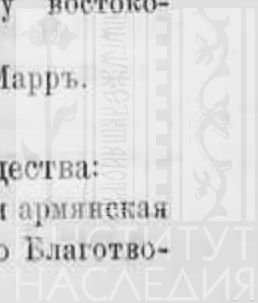
Отъ С.-Петербургскаго Восточнаго факультета:

Скорбя объ утратѣ, понесенной семьей русскихъ ориенталистовъ въ лицѣ профессора Института Григорія Халатянца, факультетъ Восточныхъ языковъ выражаетъ соболѣзнованіе московскому разсаднику востоковѣдѣнія.

Деканъ Марръ.

Отъ Кавказскаго Армянскаго Благотворительнаго общества:

Въ лицѣ покойнаго профессора Григорія Халатянца наука и армянская исторія понесли тяжкую утрату. Совѣтъ Кавказскаго Армянскаго Благо-

рительнаго общества, присоединяясь къ общей скорби, выражаетъ свое искреннее соболѣзнованіе.

Предсѣдатель совѣта Арутюнянцъ.

Отъ редакціи «Арагацъ»:

Редакція „Арагацъ“ оплакиваетъ смерть дорогого согражданина Григорія Халатянца, славнаго дѣятеля на нивѣ родной литературы.

Редакторъ Петросъ Айвазянцъ.

Отъ Нахичеванской Армянской семинаріи:

Педагогическій персоналъ Нахичеванской Армянской Семинаріи, опечаленный преждевременной кончиной профессора Григорія Абрамовича Халатянца, шлетъ Лазаревскому Институту свое глубочайшее соболѣзнованіе.

Ректоръ Шахазизъ.

По выслушаніи некролога, Восточная Коммиссія почтила память своего скончавшагося сочлена поднятіемъ съ мѣсть.

3) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

4) В. К. Трутовскій: «Мусульманская шкатулка XIII в. изъ Триентскаго Музея»¹⁾. На шкатулкѣ, несомнѣнной дамасской работы, изображены сцены изъ сказки о Камареззаманѣ (изъ «1001 ночи»), именно тѣ, гдѣ фигурируютъ птицы. Даты на шкатулкѣ нѣтъ, но фамильное преданіе прежнихъ ея владѣльцевъ гласитъ, что она вывезена изъ Палестины... Возможно, что вывезена она во времена Крестовыхъ походовъ. Общій характеръ, шкатулки вполне можетъ подходить къ типу издѣлій XIII вѣка.

Подтвержденіемъ могло бы служить, и то обстоятельство, что въ сказкѣ о Камареззаманѣ есть, какъ указалъ докладчику М. О. Аттая, вставки о нравахъ западныхъ европейцевъ, т. е., очевидно, крестоносцевъ, извѣстныхъ жителямъ Сиріи изъ непосредственнаго общенія въ XII-XIII в.

При обсужденіи доклада Х. И. Кучукъ-Гоаннесовъ отмѣтилъ фоклорныя параллели изъ индійской литературы къ мотиву о птицахъ въ сказкѣ о Камареззаманѣ.

А. Е. Крымскій, охотно присоединяясь къ докладчику въ конечныхъ его выводахъ, считаетъ, однако, неубѣдительною ссылку на упоминаніе о европейцахъ въ сказкѣ о Камареззаманѣ, какъ якобы указаніе на XIII-й вѣкъ. Упоминаніе это имѣется въ булакскомъ изданіи 1001 ночи, т. е., въ редакціи не раньше XV вѣка, и поучительно, что въ рукописи Галлана, гдѣ данъ старѣйшій изъ извѣстныхъ вариантовъ сказки о Камареззаманѣ, какъ-разъ отсутствуетъ

¹⁾ Дополненіе къ докладу, недавно читанному въ общемъ засѣданіи Археологическаго Общества.

упоминаніе о нравахъ европейцевъ. Очень возможно поэтому, что европейцы, о которыхъ говоритъ булакское изданіе, это вовсе не крестоносцы XII-XIII в., а генуэзцы XV в., или габсбургскіе испанцы нач. XVI вѣка. Для удостовѣренія въ принадлежности Триентской шкатулки къ XIII в. достаточно однихъ археологическихъ соображеній объ общемъ ея видѣ и фамильнаго преданія о ея палестинномъ происхожденіи.

В. К. Трутовскій возразилъ, что упоминаніе о пивѣ и пивныхъ въ сказкѣ о Камареззаманѣ едва ли можетъ относиться къ итальянцамъ; это типичныя черты нѣмецкія и, очевидно, подходили бы къ нѣмецкимъ крестоносцамъ, — почему онъ и счелъ эту вставку за продуктъ XII-XIII вѣка.

5) Мирза Абдулла Гаффаровъ предложилъ результаты своего изслѣдованія надписи на чашкѣ, присланной въ Археологическое Общество. Чашка изъ состава «мокавва», т. е., вродѣ папьемаше. Она имѣетъ видъ братины, но едва ли могла предназначаться для питья: матеріалъ для вмѣщенія жидкости—неподходящій. Несомнѣнно, что она предназначалась для вмѣщенія предметовъ твердыхъ. Надпись вокругъ наружныхъ стѣнокъ чаши сдѣлана по арабски, очень запутанной вязью, и разобрать ее удалось лишь съ трудомъ. Она содержитъ формулы благожеланій и гласитъ:

التَّهَرُّمُ الْمُسَاعَدُ لِلْعَزْرِ الدَّائِمِ وَالْإِقْبَالِ الْآبِدِ وَالذُّوْلَةِ الْبَاقِيَةِ وَالْكَرَامَةِ الْعَالِيَةِ
الْأَمْرَةِ وَالْحِجْدِ الصَّاعِدِ وَالْعَمْرِ الْخَالِدِ وَالْعَدْلِ الْقَاصِدِ.

В. К. Трутовскій обратилъ вниманіе, что, кромѣ надписи, чаша украшена изображеніями нѣсколькихъ двуглавыхъ орловъ. Этотъ фактъ могъ бы указывать на происхожденіе чашки изъ Средней Азии и на XIV-XV вѣка.

6) В. А. Гордлевскій: «Новые исламскіе журналы».

Референтъ остановился на двухъ изданіяхъ: «Міръ ислама» и «نورک یوردی».

Въ русской литературѣ давно уже остро ощущалась потребность въ популярномъ журналѣ, который въ безпристрастной формѣ знакомилъ бы съ исторіей ислама какъ въ его прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Предпринятый Императорскимъ Обществомъ востоковѣдѣнія, «Міръ Ислама»¹⁾ устами редактора, проф. В. В. Бартольда, заявляетъ, что на первомъ планѣ будетъ стоять спокойное, строго-научное освѣщеніе жизни русскихъ мусульманъ. Сочувственно отозвавшись о статьяхъ, вошедшихъ въ первую книжку журнала, референтъ вскользь коснулся и крикливой, не совсемъ понятной замѣтки: «Отъ Совѣта», напечатанной передъ редакціонною статьей²⁾.

¹⁾ «Міръ Ислама». Изданіе Императорскаго Общества Востоковѣдѣнія. Подъ редакціей проф. В. Бартольда. Томъ I, № 1. Спб. 1912.

²⁾ По этому поводу А. Е. Крымскій сообщилъ, что онъ получилъ отъ В. В. Бартольда частное письмо, въ которомъ редакторъ говоритъ, что замѣтка появилась въ журналѣ безъ его вѣдома.

Что касается второго изданія, то предварительно надо замѣтить, что въ послѣднее время въ Турціи происходитъ, своего рода, національное движеніе; возникаютъ спеціальныя журналы, въ которыхъ выдвигаются интересы турокъ, какъ научные, такъ и общественные. На смѣну незадачливому «Тюрк дернеги» въ концѣ прошлаго года, подѣ редакціей Ю. Акчурина, началъ выходить журналъ «Тюрк юрду» («تورك يوردی»¹⁾). Благодаря легкости и живости печатающагося матеріала, журналъ успѣлъ завоевать себѣ большія симпатіи,— нѣкоторые нумера разошлись въ двухъ изданіяхъ. Научныя статьи, вообще говоря, слабы и свидѣтельствуютъ объ отсутствіи критичности. Много мѣста удѣляется литературнымъ произведеніямъ, проникнутымъ вниманіемъ и любовью къ народу. Какъ показатель роста общественного самосознанія османцевъ, журналъ, конечно, представляетъ значеніе.

7) Онъ же предложилъ Восточной Комиссіи собранныя имъ въ Дамаскѣ арабскія пословицы въ фонетической транскрипціи.

Арабскія пословицы, записанныя въ Дамаскѣ.

Печатаемыя ниже пословицы собраны были мною въ Дамаскѣ лѣтомъ 1906 года. Тѣ, что поглубже, записалъ я, главнымъ образомъ, отъ полуграмотнаго рабочаго, въ семьѣ котораго жилъ; его и сестру его, видимо, забавляло ставить въ тупикъ «Хавѣджу Влагимира», — какъ они для простоты называли меня. Часть пословицъ сообщилъ мнѣ мой знакомый, Абу-ль-Хейръ Талу (أبو الخیر طالو), бравшій у меня уроки русскаго языка: одно время онъ самъ собиралъ пословицы и, быть-можетъ, извлекалъ ихъ даже изъ печатныхъ сборниковъ. Вотъ почему онѣ совпадаютъ иногда съ литературными пословицами или напоминаютъ какъ-будто книжныя изреченія²⁾; и въ языкѣ этихъ пословицъ сгладились кое-гдѣ особенности дамасской разговорной рѣчи.

Пословицъ такъ мало, что я не считалъ необходимымъ располагать ихъ по какой-нибудь системѣ.

Я не рѣшился бы, конечно, обнародовать эти записи, если бы на помощь мнѣ не пришелъ А. Е. Крымскій, выправившій транскрипцію и переводъ пословицъ. Но, конечно, ни онъ, ни я не рѣшились транскрипціею сглаживать однообразною тѣ случаи, когда запись моя представляла фонетическіе варианты одного и того же слова. Оттого, напр., слово «вещь» иногда передано черезъ «ші», иногда рядомъ же—черезъ «ши».

1) تورك يوردی. مدیری اق چوره اوغلی يوسف. استانبول. ۱۳۲۷.

2) Въ текстѣ онѣ отмѣнены звѣздочкой.

Насчетъ транскрипціи считаю нужнымъ оговориться, что буква й означаетъ собою сѣуженный звукъ, близкій къ *й*, *е*—узкое э, *и*—склоняется къ *ы*, *ў*—приблизительно занимаетъ середину между русскимъ *ы* и нѣмецкимъ *й* въ словѣ *däinn*.

Транскрипція.

küll dīk ʕala mazbalṭu sejjāh.

küll id-drūb ʕala-t-tāhūn.

Жиһа акбар wulā ibnu?

küll ḥūjra wilha ujra.

5 la t'ul ʕyneb, ḥatta jṣīr bisallī!

küll talʕa wilha nazī.

jōm ʕasa, jōm baṣa.

бһыббак, jā nāfeʕ!

hallī bīdu' nī-bāb bīyṣmaʕ al-jaḡāb.

10 nī-fellāh — fellāh wu law taʕaṣṣa
mīnī ʕaṣyr.

küll kaḷām wūlu jaḡāb.

саҕа плак, саҕа la раббак!

ʕaṣṣat-ud-durūf ma bitmallī l-xawābī!

ши—ма минну дүххән у бйбҕми.

15 biddu 'itt min ḥaṣāb jīstād u ma jākol.

ана 'адд ḥūznī wu faraḥī.

la tbiʕ rḫīc wu la twaṣṣy ḥarīc!

la t'ūṣṣ da'nak bejn itnejn: waḥīd bī'ul
tawīlī, waḥīd bī'ul 'aṣīrī!

fōtet-el-ḥammām, māw mītel tūʕu.

Переводъ.

Всякій пѣтухъ у себя въ навозной кучѣ
разгуливаетъ (свободно) ¹⁾.

Всѣ дороги (ведутъ) къ мельницѣ.

Кто старше: Жиха ²⁾ или его сынъ!

По комнатѣ—цѣна.

Не говори: «виноградъ», пока не уложишь
его въ корзину!

За подъемомъ—спускъ.

Одинъ день—медъ, другой день—лукъ.

Дружище, какъ я люблю тебя за пользу!

Кто стучитъ въ дверь, слышитъ отвѣтъ ³⁾.

Феллахъ (все-таки) феллахъ, даже если
ужинаетъ до захода солнца.

На всякое слово—свой отвѣтъ.

Часъ—для тебя, другой—для Бога!

Обмывая мѣха (въ которыхъ хранятъ
масло), не наполнить жбана!

Это такая вещь, что и безъ дыму
слѣпнеть.

Ему нужна кошка изъ дерева, которая
ловила бы (мышей) и не ѣла бы.

У меня станеть средствъ для трезны и
торжества.

Не продавай дешево и не полагайся на
развязнаго!

Не стриги бороды въ присутствіи двухъ
людей: одинъ будетъ говорить:
длинна, другой—коротка! ⁴⁾.

Уходить изъ бани не то, что входить!

¹⁾ Вариантъ османскій—мой „Образцы османскаго народнаго творчества“ стр. 17, пословица 373.

²⁾ Сирійскій Наср - эд- динъ.

³⁾ Ср. евангельское „Стучите, и отверзется!“

⁴⁾ Вариантъ османскій (объ ослѣ): „Образцы“, стр. 21, пословица 465.

- 20 **дарбтеји биррас бтөемі.**
 *kullu man sara ʕala ddarbi wasal.
 Ia ʕaʕa illa warāha laʕa.
 kull'amha msawwsi wilha kejjal aʕwar.
 маεком маεком, ʕalejком ʕalejком.
- 25 **ис'ал мжарриб wуla тис'ал һакім!**
 ма бйутлаε зет үејр ил маεсара.
 ја шарр, итлаε минни виεбар би жарі!
 ид wаһди ма битсаффи.
 баттыхтен бид ма тинмисик.
- 30 **lʕali huwe rxiε.**
 ʕaḥbil ḥaʕ ʕuṭān.
 ш-шһади—εади.
 иһажар б-матраһу антәр.
 мныфраһ биттынтани митли буал.
- 35 **саккир бабак wу аммин жарак!**
 ма бнам беји ил'убур wула бшүф манамат
 ма битсарра wула бнам барра.
- Двумя ударами по головѣ можно оглушить.
 Всякій, кто вышелъ на дорогу, дойдетъ
 (до намѣченной цѣли).
 Стоить только кому что уронить, какъ
 непременно кто-нибудь вслѣдъ за
 этимъ подыметъ.
 Для червивой пшеницы (найдется) под-
 слѣповатый «лабазникъ»!
 Коль за васъ,—такъ за васъ, а коли
 противъ васъ,—такъ противъ васъ!
 Спрашивай не у врача, а у испытавшаго
 это средство на себѣ!
 Чтобы выжать изъ оливы масло, нуженъ
 прессъ.
 О горе-злосчастьи! уйди отъ меня и пере-
 кочуй къ сосѣду!
 Одной рукой (мудрено) хлопать въ ла-
 доши! ¹⁾.
 Двухъ арбузовъ не умѣститъ въ одной
 рукѣ! ²⁾.
 Дорогой товаръ (въ концѣ-концовъ све-
 дется на) дешевый.
 У кого—право, тотъ—царь.
 Попрошайничество вошло въ привычку.
 (Небольшой) камень, будь только на
 мѣстѣ, (вѣситъ) кантаръ.
 Мы забавляемся бубенчиками, словно
 мулы.
 Закрой свои двери и не вводи сосѣда
 въ искушеніе!
 Разъ не буду спать на кладбищѣ, не
 увижу и (страшныхъ) сновъ ³⁾.
 Ужъ лучше я не буду обзаводиться на-
 ложницей: тогда не придется мнѣ
 спать на дворѣ! ⁴⁾.

1) Варианты османскіе: „Образцы“, стр. 6, пословицы 95 и 96.

2) Вариантъ османскій: „Образцы“, стр. 26, пословица 615.

3) Вариантъ: „не буду нюхать дурного запаха“.

4) Ср. „Образцы“, стр. 62, пословица 1339 и примѣчаніе второе.

- дуръ ид-дурѹбъ wу law дарет.
Кружись дорогами, какъ бы онѣ ни были
извилисты!
- уд-дурбанъ бйаѳрифъ wушишъ ибѣн.
Хитрый видитъ все насквозь.
- 40 hallи бйаходъ ужра бйитталабъ билѳамал.
Кто получаетъ за работу деньги, съ того
и требуютъ.
- иза ѳаннетъ малакъ ѳарамиййе, ідакъ бжеби
іеш?
Когда ты самъ отдалъ свое добро разбой-
никамъ, такъ зачѣмъ же твоя рука
въ карманѣ моемъ?
- *la talѳиръ жура laхика l муслимъ фа та'аѳ
ѳіѳа.
Не копай ямы для своего брата-едино-
вѣрца (мусульманина), а то самъ
упадешь въ нее! ¹⁾.
- *дарабни wу бака, wу саба'ни wу штака.
Онъ ударилъ меня и самъ же заплакалъ;
а затѣмъ, обогналъ меня и пожа-
ловался.
- ыс-сеjjадъ бйит'alla wу l ѳасфуръ бйитѳалла.
(Въ то время какъ) охотникъ печется
на солнцѣ, воробей (беззаботно)
общщается.
- 45 waѳидъ іду билъ маj, wу waѳидъ іду биннаръ.
У одного рука въ водѣ, а у другого—въ
огнѣ.
- ни малъ бижурръ ил-малъ wул'амлъ бижурръ
асъ сабанъ.
Богатство влечетъ за собой новыя бо-
гатства, а вошь—тянетъ за собой
гниды.
- са'je жарje wула наѳаръ ма'туѳ.
Текучій ручей (лучше) стоячей воды (вы-
сохшей рѣки).
- ис-сиккаѳъ ѳаѳи wул ѳаікъ ѳөрjанъ.
Сапожникъ (бываетъ обыкновенно) безъ
сапогъ, а ткачъ—безъ одежды ²⁾.
- шаппръ билъ ѳа'илъ wула хна' бид-даръ.
(Лучше) перебранка еще на полѣ (при
сборѣ), чѣмъ ссора у себя во дворѣ
(когда сборъ конченъ).
- 50 тобилъ ѳарри ма бйидаѳѳи wуинъ даѳфа ма
бідумъ.
Чужая одежда не грѣетъ, а если и грѣ-
етъ,—недолго.
- ахи wу саѳби,—наѳу жѣби la ти'рабъ.
И «братъ» и «другъ»,—а къ карману
моему не подходит!
- хетъ—мутто, кулл-минъ ѳалеjѳи ши бйѳутту!
Тяни-тяги нитку, влади жѣ свою долю
въ свитку!

¹⁾ Варіантъ османскій: „Образцы“, стр. 30, пословица 712.

²⁾ Варіантъ османскій: „Образцы“, стр. 41, пословица 978.

- бѣдытл јѳм wуlа жѳжит ѳди.
 *alɛnim fīc-cuḡar ka-nna' sh fīl ḥajar.
 55 *jabīɛu!—māɛuḡn, wa jaɛmīl kānuḡn.
 бизрит зейтуне бтиснод хѳбје ѳитѳријје.
 тубби жарра ɛala тумма,—тытлаɛ l-би-
 нит la умма.
 хабиби миѳ wу садаф ирриѳ.
 куll ɛанзи мɛall'a миn карɛуба.
 60 куll wулиф ɛala wулфу laфа, ḥатта т-тjур-
 ɛala шкаla.
 жардон таллаɛ биl мажрайи; биlба' hal
 wыши la hal мрайи.
 рjиф бирjиф wa la ибат саѳбак жjуɛан.
 «хубзна абjad миn хубзком»; al-lu:
 «каззбу-на би рjиф».
 куll дjук давдакет, ма-ба'a ɛalejna ɳejr
 абу умбара.
 65 алит-тажир la-ибну: «ход из-збуn wоɛты
 шиклу».
 labbi микинси—тутлаɛ ситт ин-нисн.
 ɛарусті миn ɳejr wḥām мусфарра.
- (Лучше получить) сегодня яйцо, чѳмъ
 когда-то завтра куру.
 Ученіе въ молодости все равно, что рѣзьба
 по камню.
 Продаетъ утварь, а устраняетъ печку!
 Оливковое зернышко удерживаетъ (иногда)
 въ равновѣсїи пудовый жбанъ.
 Опрокинь ка на-земь вадъ, такъ и дочь
 вся выйдетъ въ мать! ¹⁾.
 И другъ у меня хорошій, и вѣтеръ
 (выдался) попутный.
 Козу вѣшаютъ за ея же ноги.
 Не только люди, но и птицы дружатъ
 съ равными себѣ.
 Крыса взглянула на сточную грязь,—
 только этакой рожѣ и смотрѣться
 въ это зеркало!
 Хоть хлѣбцемъ да хлѣбцемъ (угощай),
 лишь бы только твой гость не легъ
 голоднымъ!
 «Нашъ хлѣбъ бѣлѣе вашего»; (вмѣсто
 того, чтобы спорить, покажите намъ)
 хлѣбъ, и тѣмъ опровергнете наше
 (лживое утвержденіе)!
 Всѣ пѣтухи свое пропѣли,—дѣло оста-
 лось только за нашимъ - гребеня-
 стымъ.
 Вотъ что говорилъ купецъ своему сыну:
 «смотря по кліенту продавай то-
 варь»!
 Приодѣнь хоть метлу, и вотъ тебѣ ма-
 дамъ фру-фру!
 Моя невѣсточка и безъ періода беремен-
 ности желтѣеть.

¹⁾ Многие говорятъ, что первая половина пословицы лишь для рѳомы.

- tūl ʿomrek, ja z̄bibi, bi t̄m̄zek hal ʿūdī!
 миті фўлт ил Һамма̄м: мын т̄м̄з wāḥid la
 т̄м̄з wāḥid.
- 70 мин кытрит ил ајаді Һтара ит таʿām.
 дараб иддаббаʿа halli бтеʿтаз хара l
 klāb (такъ ли?).
 иза кан жардби dalilo bikūn шашма ма' wāh.
 илһа'л бум бидуллак ʿal ихраб.
- сиктит ил балāби, замāн сар ил хаффа'
 jeḥki.
- 75 расак бил һава, wу шуршак бил хара.
 миті зеџефўн бйизһир ма бiʿid.
 ʿанд ил - бтўн битрўһ l ʿu' ūl.
 даһк ил хара иш - шхāх, āl: марһаба,
 кардаш!
 kuḥl min ʿala dīno Allāh biʿīno.
- 80 ма за бйинфаʿ al инсан ʿājр ил ʿара' wу
 и-нисwān?
 каффалу lбатт ил иззарзўр: ты ʿу т-теји
 тыjјарin.
 āly la шаʿбан: lеш ма бтижі би рама-
 дан? āl: kuḥl шi би маḥally миḥ.
 шарāра бтеһри' һара.
 аттўle тўрит ил melāl.
- Э-эхъ, изюминга: всю твою жизнь у тебя
 въ задкѣ торчатъ этотъ хвостикъ!
 Точно банный запонъ, который перехо-
 дить съ задницы одного на задницу
 другого ¹⁾.
 Отъ изобилія рукъ кушанье подгорѣло.
 Кожевнику нуженъ, для дубленія кожи,
 и собачій пометъ.
 У кого проводникомъ крыса, быть тому
 въ клозетѣ ²⁾.
 Стоить пойти вслѣдъ за совой, какъ
 она приведетъ къ развалинамъ ³⁾.
 Замокли соловьи; залопотали сороки.
 (Чего) задираешь голову къ небу, когда
 по уши въ г...ѣ?
 Словно липа, которая цвѣтетъ безъ за-
 вязи.
 Коль животъ набиваешь, то и умъ поте-
 ряешь.
 Усмѣхнулось г...о, глядя на мочу, и
 сказало: а, здорово, товарищъ!
 Коль вѣруешь въ Бога, нужна ли под-
 мога?
 Только вино и женщины идутъ человѣку
 въ прокъ.
 Взяли съ утки поручителемъ гуся(?), ну
 и вспорхнули оба и улетѣли.
 У (мѣсяца) шабана спросили: отчего ты
 не наступаешь въ мѣсяць рамаданъ?
 онъ отвѣчалъ: все—въ свое время.
 Отъ одной искры (можетъ) сгорѣтъ цѣ-
 лая усадьба.
 Однообразіе порождаетъ скуку.

¹⁾ На востокѣ въ баняхъ прикрываютъ срамныя части.

²⁾ Вариантъ османскій: „Образцы“, стр. 65, поговорка 1422.

³⁾ Сова на востокѣ предвѣщаетъ несчастье. См. „Османскія суевѣрія о птицахъ“, Этнографическое Обзорѣніе, 1910, № 1—2, стр. 177.

<p>85 ма биннудму тііт ешја: та" wу на' wу ба".</p> <p>’aly lıkanıf:lësh tetzakkar? bitru’ı hirje бтижі шхәха.</p> <p>ıı ħajar hallı ma бийε*бак бийфижжак.</p> <p>ħött bil хуриж!</p> <p>ма ассару εан тулуεıı жабал ıııа l-ħафа.</p>	<p>Три вещи невыносимы: плачь дѣтей, мытье дѣтей и клопы.</p> <p>Сказали влозету: чего ты печалишься? г...о уйдетъ, такъ на его мѣсто явится моча.</p> <p>Тотъ камень, что тебѣ не понравился, расщепить тебѣ голову¹⁾.</p> <p>Спрячь-ка въ торбу!</p> <p>Отъ восхожденія на гору его удержало только... отсутствіе обуви.</p>
--	---

8) А. Г. Туманянъ сдѣлалъ докладъ:

Краткое описаніе рукописныхъ армянскихъ Евангелій, XII в. и др. находящихся въ Елисаветполѣ при церкви Св. Іоанна.

Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ гор. Елисаветполѣ въ январѣ 1912 года, я рассмотрѣлъ нѣсколько рукописныхъ Евангелій, найденныхъ мной въ церкви св. Іоанна. Собственно всѣхъ ихъ было 7, но я успѣлъ изучить полностью только три, а четвертое осталось недоконченнымъ. Въ настоящемъ докладѣ я и намѣренъ познакомить Вост. Комиссію съ краткимъ описаніемъ всѣхъ рассмотрѣнныхъ мной Евангелій, оставляя на будущее возможно детальный разборъ памятниковъ и переводъ cadaго изъ нихъ.

Всѣ эти три Евангелія написаны на кожѣ и только четвертое— на бумагѣ изъ ваты; переплетъ у всѣхъ одинъ и тотъ же: доска, искусно обтянутая кожей, иногда съ различнаго рода украшеніями и камнями, иногда совершенно гладкая. Въ Евангеліяхъ N 1 и N 4 на наружной сторонѣ переплета у праваго угла — металлическія цѣпи средней толщины съ такими же крестами на концахъ.

Письмо вездѣ т. н. *բոլորագիր* (болорагир), очень близко соприкасающееся съ современнымъ печатнымъ шрифтомъ.

Евангеліе № 1 представляетъ объемистую книгу въ 675 стр., изъ коихъ первая 28 занимаетъ оглавленіе, а также и весьма пространный ключъ къ чтенію.

На второй страницѣ помѣщенъ цѣльный рисунокъ, изображающій слѣдующее:

По срединѣ крестъ съ деревянной дощечкой на верху, на которой красуется надпись:

¹⁾ Вариантъ османскій: „Образцы“, стр. 64, пословица 1387.

Յօ նալ (слѣдующаго слова невозможно было разобрать), а затѣмъ [Թաղաւ—іс наз (...)] тагав.

Нѣсколько выше основанія креста находится другая дощечка, и на ней, какъ и на центральной, видны слѣды крови; у подножія съ обѣихъ сторонъ красной и бѣлой красками нарисованы двѣ фигуры.

Сзади, вокругъ креста, обтянуть сплошной бѣлый кругъ съ двумя черными параллельными линіями; на бѣломъ фонѣ, съ задней же стороны, нѣсколько шире центральной доски, находится нѣчто въ родѣ мутавки съ красными концами и покрытой желто-золотистаго цвѣта покрываломъ; на одномъ концѣ мутавки, а именно съ лѣвой стороны, виднѣется чаша маленькаго формата. Бѣлый кругъ поддерживаютъ два ангела въ неестественной позѣ. Картина нарисована красной краской, а сверху покрыта золотомъ, которое мѣстами сошло; надъ картинкой, очевидно, что-то было написано, но сошедшая краска стерла все, и только съ краю правой стороны ясно сохранилось слово Լուսնակաւ—просвѣти.

На четвертой, совершенно чистой страницѣ, по серединѣ, мелкими, чуть-чуть замѣтными, но въ высшей степени художественными буквами написано: Կ այս ամ Եղիցի բնչ — и это все да будетъ тебѣ.

На пятой страницѣ помѣщенъ ключъ къ чтенію, по обѣимъ сторонамъ котораго видны колонны; снизу колонны эти опираются на какихъ-то двухъ животныхъ синяго цвѣта, съ маленькими хвостами, выгнутымъ туловищемъ кошки и стоячими ушами зайца; сверху же каждой колонны—по двѣ птицы, сильно напоминающія воронъ, только съ красными клювами, такими же крыльями и длинными широкими хвостами; птицы эти клювами смотрятъ внизъ, а хвостами поддерживаютъ клѣтчатое покрывало, на которомъ изображенъ евангелистъ со сверткомъ въ рукахъ. По обѣимъ сторонамъ колоннъ и покрывала находятся цвѣты въ вазочкахъ и кувшинчикахъ, какіе употребляютъ теперь татары при омовеніи; сверху покрывала—двѣ райскихъ птицы, а между ними изящная вазочка. Затѣмъ послѣдовательно идутъ изображенія голубей, журавлей, черныхъ воронъ, грачей, куропатокъ, цаплей, гусей, совъ, пѣтуховъ, цыплятъ и т. п., различнаго рода цвѣтовъ, плодовъ, изящной домашней утвари; въ двухъ мѣстахъ встрѣчаются даже обезьяны; въ первомъ случаѣ она въ лѣвой рукѣ держитъ свѣчу, вдѣтую въ подсвѣчникъ-треножникъ, а большимъ пальцемъ правой руки держится за подбородокъ; во второмъ случаѣ она съ остроконечной, нѣсколько кривой красной шапочкой на головѣ, а въ рукахъ опять-таки свѣча, но только съ подсвѣчникомъ другой вариации.

Между прочимъ характерно, что тамъ, гдѣ начинается Евангеліе Матвѣя, подставкой для начальной буквы Գ—Г (գիրք—книга) служитъ изображеніе женщины съ современной прической и книгой въ рукахъ.

Въ общемъ самостоятельныхъ цѣльныхъ рисунковъ пять.

Изображеній различнаго рода птицъ	89
» плодовъ, растений и грибовъ	232
» животныхъ	31
» изящной утвари.	17
» людей.	8
» контуровъ	16
» колоннъ	28
» крестовъ	2

круговъ 2, и только одно изображеніе рыбы.

Помимо того, четыре рисунка въ видѣ свода съ колоннами и крестами сверху и 5 цвѣтковъ съ крестами.

Такое обиліе разнообразныхъ рисунковъ, тщательность и аккуратность работы, все это доказывало, что Евангеліе предназначалось не для простаго человѣка и во всякомъ случаѣ не любительское дѣло. Въ этомъ отношеніи интересно заключительное слово переписчика, помѣщенное имъ въ самомъ концѣ Евангелія.

Прежде всего онъ говоритъ о томъ, почему именно четыре Евангелія, и объясняетъ:

«Четыре Евангелія—по многимъ причинамъ: четырехобразныя животныя—человѣкъ, левъ, телець (*gag*), орель; четыре стихіи міра—земля, вода, огонь, воздухъ, враждебныя непримиримыя и любимыя-неразлучныя: по четыре буквы въ именахъ Троицы—*Հայր, որդի, Հոգի* Отець, Сынъ, Духъ; четыре угла стола; четыре вида креста и много другихъ причинъ, которыя согласуются съ четырьмя Евангеліями»,

Далѣе, онъ передаетъ подробную исторію возникновенія каждаго изъ нихъ и указываетъ области и страны, гдѣ они проповѣдывались. И уже послѣ всего этого переписчикъ, именующій себя *Յոսփօսփ փիլիսօսփոս*—философомъ Іосифомъ—говоритъ:

«Но написано сіе разукрашенное Евангеліе въ свѣтлое время отъ сотворенія міра до нашихъ дней въ *gag* (очевидно, должно быть *g*, а не *g*) 6690, а отъ пришествія Спасителя *առձգ*—1183, а отъ хосроя персидскаго *չխո*—744, и написано сіе въ обители, называющейся *դրաշարի*—дразаркъ. Затѣмъ идетъ обычное «упомяните», при чемъ на первомъ мѣстѣ и благочестивый царь *Եղիսի*—*Հելիод*, который по своей добродѣтели похожъ на святыхъ царей».

Характерно также и то, что только въ одномъ этомъ Евангеліи лѣтоисчисленіе ведется не по національному, а отъ Рождества Христа.

Евангеліе № 2, извѣстное среди мѣстнаго населенія и духовенства подъ именемъ *Էրմունց* Эрмунць (фамилія жертвователей), хотя и не отличается обиліемъ рисунковъ и миниатюръ, но не менѣе замѣчательно, чѣмъ первое. Оно написано для царскаго двора по заказу супруги Левона, царицы Керанъ—*Կերան*, дочери великаго князя себастійскаго. Заключительное слово переписчика этого Евангелія представляетъ такую громадную цѣнность въ историческомъ отношеніи, что я не считаю лишнимъ привести нѣсколько наиболѣе интересныхъ выдержекъ изъ него:

«Какъ и славная царица армянъ Керанъ *Կերան*, дочь великаго князя себастійскаго Гетума—*Հեթումի*, будучи глубокоуважаемой верховной властью и (также) (будучи) отъ добрыхъ корней, вмѣстивъ въ себѣ страхъ Божій, начало и источникъ всякой мудрости, и согласно всей своей добродѣтели, задумала доброе дѣло и приказала написать сіе священное Евангеліе, состоящее изъ четырехъ потоковъ въ память души своей, родителей своихъ и всего поколѣнія»... ..

«По этому, о вы святые отцы и мужья (въ текстѣ *սրար* вмѣсто *սրբ*), многочисленные кадры священниковъ, когда вкусите отъ сладковкусныхъ божественныхъ райскихъ ручейковъ, текущихъ въ четыре стороны—живительнаго Божественнаго Евангелія, когда ваши плечи будутъ обременены въ часъ страшной обѣдни, когда надъ вами преклоненными будутъ двигаться ряды ангеловъ и, утрашившись, приобщаться къ вамъ, тогда тѣмъ св. Евангеліемъ вашимъ и заступническимъ чудомъ оживляющей св. обѣдни упомяните получательницу сего благочестивую царицу Керанъ вмѣстѣ съ св. царемъ Левонемъ, родителей ея, а также и новорожденнаго порфиророднаго ребенка ихъ»... ..

«Итакъ написана сія книга рукою всегрѣшнаго священника Степанноса въ году армянскомъ *ՆԻՐ. 732* въ патриаршество теарн Акопа и въ царствованіе сына Левона—*Հեթումա*—Гетума, въ славной обители Скевра — *Սկևրայ*... недалеко отъ недоступной крѣпости Ламбронъ»... ..

«Въ этомъ же году славный и благочестивый первенецъ нашего царя *Սարան* парон Гетумъ получилъ званіе рыцаря и теперь править Богохранимой крѣпостью и другими окрестными областями»... ..

Не указываетъ ли это на то, что, еще при жизни, царь Левонъ удѣлилъ своему сыну цѣлую область, которой тотъ правилъ вполнѣ самостоятельно? Но объ этомъ теперь не будемъ говорить много.

Послѣ заключительнаго слова переписчика мы встрѣчаемся съ посвященіемъ нѣкоего Нерсеса — секретаря *փանարի* (мнѣ кажется нужно *րանարի*—банакъ вмѣсто фанак, т.-е. лагеря-войска); написано оно имъ по настоянію «богача и благочестиваго слуги Господа Христа, Асила» въ 806 по армянскому лѣтоисчисленію, т. е. въ 1357 г. по нынѣшнему. Посвященіе это знаменательно тѣмъ, что здѣсь Асилъ, какъ очевидецъ, передаетъ всѣ ужасы взятія Ани турками:

«Какой языкъ опишетъ, какія уста передадутъ то, что натворила тысяча турецкихъ войскъ въ монастыряхъ области Ани! Они безопадно причиняли зло вѣрующимъ въ св. Троицу. Убивали передъ родителями дѣтей и передъ дѣтьми—родителей. А тѣхъ, кого брали въ плѣнъ, подвергали мученіямъ и сажали въ тюрьмы. И милосердный Богъ видѣлъ все это и не замѣчалъ по безграничнымъ грѣхамъ нашимъ».

На 410 стр. помѣщенъ рисунокъ, изображающій двухъ людей, одинъ изъ коихъ сидитъ, а другой стоитъ; сверху надпись.

սրբ Պրովիան, սրբ Յոհանն
свѣтой Прохоръ, свѣтой Іоаннъ.

На 529 страницѣ кончается все Евангеліе; а съ 530 и начинается вышеупомянутое заключительное слово переписчика.

Евангеліе № 3 написано «рукой недостойнаго Ованеса въ странѣ Гянджа, въ селѣ Нарцанкисъ въ обители св. Малазонаберта»... «въ царствованіе персидскаго Шах-абаза младшаго, въ ханство надъ страной Огурлу хана въ году армян. *а. Ժ. Է. Կ. Թ. Ե.* 1115 (по христіанскому 1666).

Евангеліе это замѣчательно тѣмъ, что здѣсь впервые круглое *О* получило право гражданства; какъ извѣстно, раньше для обозначенія этой буквы брали *а* и *в* (малое). *ու*.

На 6-й страницѣ Евангелія Луки на поляхъ изображеніе ангела (только голова) изъ 5-ти цвѣтовъ; со всѣхъ же сторонъ его находятся крылья; сзади его—какъ разъ посерединѣ—виднѣтся длинное копьё, доходящее внизу до конца страницы; сверху же оно заканчивается зубчатымъ шаромъ, на которомъ написано:

սր սր т.-е. свѣтый, свѣтый, свѣтый Боже.
սր

Что же касается обители Малазонабертъ, то она существуетъ и понынѣ на высокой горѣ, недалеко отъ гор. Елисаветполя (приблиз. 30—35 верстъ) только подъ именемъ Мгзнабертъ. Здѣсь, какъ говорить преданіе, раньше жили т. н. Монозоны. Официально они не причислялись къ духовенству, въ большинствѣ случаевъ даже не знали грамоты, но несмотря на это играли важную роль въ жизни армянъ. Имѣя богатые свѣдѣнія о различныхъ предметахъ, почерпнутыхъ главнымъ образомъ изъ устныхъ источниковъ, они являлись незамѣнимыми народными проповѣдниками въ тяжелыя минуты жизни паствы. Кромѣ того они же часто и собирали различнаго рода подаянія, большей частью натурой для данной обители.

При обсужденіи доклада, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ выразилъ пожеланіе, чтобы А. Г. Туманянъ не ограничился филологическимъ описаніемъ этихъ интересныхъ рукописей и историческими выписками изъ нихъ, равно какъ словеснымъ описаніемъ имѣющихся тамъ миниатюръ, но чтобы постарался сдѣлать съ рисунковъ и съ почерка фотографическіе снимки.

В. К. Трутовскій и А. Е. Крымскій внесли предложеніе въ Восточную Коммиссію — избрать Арсена Гарегиновича Туманяна въ ея члены. Утвержденіе выбора, по установившемуся обычаю, должно состояться на слѣдующемъ засѣданіи.

9) А. Е. Крымскій: «Уникальная рукопись историка Сулія, начала 900-хъ гг.». Рукопись хранится въ Хедивской библиотекѣ въ Каирѣ № 594. Это фрагментъ изъ труда Сулія: «Аль-аврақъ фі ахбар» = «Листки извѣстій» и т. д., который считался утеряннымъ и который, однако, постоянно цитируется въ послѣдующихъ арабскихъ историко-литературныхъ сводахъ.

Въ виду чрезвычайной научной цѣнности памятника, Восточная Коммиссія постановила издать имѣющійся списокъ теперь же, въ «Древностяхъ Восточныхъ», хотя бы въ силу этого выходъ въ свѣтъ «Древностей Восточныхъ» и замедлился на нѣкоторое (впрочемъ недолгое) время; тексту предпослать вступительное изслѣдованіе А. Е. Крымскаго. Заботу о тщательномъ типографскомъ напечатаніи арабскаго текста и согласіи съ подлинникомъ охотно взялъ на себя Мирза Абдулла Гаффаровъ.

10) Заслушано письмо В. Ө. Миллера, который, въ силу перѣзда на жительство въ Петербургъ, лишень возможности состоять дальше предсѣдателемъ Восточной Коммиссіи и надѣется, что Ө. Е. Коршъ, прежній предсѣдатель-основатель Восточной Коммиссіи, не откажется вновь взять на себя эту должность. — Повѣсткою выборы были назначены на нынѣшнее засѣданіе.

Восточная Коммиссія постановила: а) принести искреннюю благодарность В. Ө. Миллеру за его многолѣтнее предсѣдательствованіе; б) единогласно, открытымъ голосованіемъ, избрать новымъ своимъ предсѣдателемъ Ө. Е. Корша.

№ 122. Засѣданіе 5 марта 1912 года, подъ предсѣдательствомъ В. К. Трутовскаго, въ присутствіи гг. членовъ: мирзы Абдуллы Гаффарова, М. О. Агтаи, В. А. Гордлевскаго, Х. И. Кучукъ-Іоаннесова, И. Я. Стеллецкаго, А. Г. Туманяна, референта В. М. Заварина, гостей: студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ Акчурина, Андроникова, Анисимова, Баранова, Бѣлоусова, Васильева, Гюльазизова, А. Гоффманна, Дмитріева, Десницкаго, Какурина, Кашина, Качоровскаго, Колларо, Копылова, Кравчинскаго, Меликъ-Оганджаняна, Новаковскаго, Преферанскаго, Расима, Страшникова, Филонова, при секретарѣ Восточной Коммиссіи А. Е. Крымскомъ.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.
 2) Утвержденъ выборъ А. Г. Туманяна въ члены Восточной Коммиссіи.

3) Выслушано сожалительное письмо бывшего секретаря и товарища председателя Восточной Коммиссіи М. В. Никольскаго о смерти Г. А. Халатьянца.

4) В. М. Заваринъ сдѣлалъ сообщеніе: „О матеріалахъ по османской народной словесности, собранныхъ лѣтомъ 1911 года во время поѣздки въ Брусу. Референтъ остановился на собранныхъ имъ пѣсняхъ (какъ «тюрюкю», такъ и «шаркы» съ «канто») и на загадкахъ. В. А. Гордлевскій подчеркнулъ, что собранные референтомъ матеріалы представляютъ много новаго, и въ особенности заслуживаютъ вниманія загадки,—отрасль, вообще мало изслѣдованная въ османской народной словесности.

Османскія загадки, собранныя въ Брусѣ.

Минувшимъ лѣтомъ я около двухъ мѣсяцевъ прожилъ въ Брусѣ, гдѣ и записалъ нѣсколько десятковъ загадокъ. Большую помощь оказывалъ мнѣ мой учитель, ученикъ султанскаго лица въ Брусѣ, Ихсанъ-эфенди. Насколько я замѣтилъ, загадки уже отживаютъ свой вѣкъ; по крайней мѣрѣ, когда я спрашивалъ взрослыхъ, они отговаривались незнаніемъ и, видимо, бывали смущены страннымъ, по ихъ мнѣнію, ребячествомъ русскаго студента.

Вернувшись въ Москву, я пересмотрѣлъ свой матеріалъ и сравнилъ его съ опубликованными венгерскимъ османистомъ, д-ромъ П. Куношемъ, загадками (*Oszmán-török népköltési gyűjtemény, Budapest. 1889* (II), стр. 141—177). Загадки, совпадавшія вполнѣ съ куношевскими загадками, были мной выброшены.

Въ дополненіе къ библиографіи загадокъ, приложенной къ статьѣ А. Н. Самойловича «Загадки закаспійскихъ туркменовъ въ русскомъ переводѣ»¹⁾ (Живая Старина, 1909, Выпускъ II—III), сообщаю пропущенныя собранія загадокъ:

1. В. Х. Кондараки. Универсальное описаніе Крыма. Ч. XIII. Спб. 1875, стр. 35—37. (Загадки даны въ переводѣ, безъ транскрипціи).

2. لطائف الغاز. Константинополь. 1289 г. х, 32 стр.

3. تورکچه قبا لسان. (Сборникъ М. Тевфика). Константинополь.—Этой книжечки мнѣ не удалось, впрочемъ, видѣть.

¹⁾ Уже по выходѣ въ свѣтъ статьи А. Н. Самойловича,—планомъ которой кстати сказать, я пользовался при расположеніи своего матеріала,—появилась брошюра Гирей Арсланова «بيك قزق طابشماقلى» (Казань, 1910) [195 загадокъ].

I. Человѣкъ и природа въ глазахъ османца.

1.

Бір дафа гөрдүм,—дөрт ајаклы,
Бір дафа гөрдүм,—ікі ајаклы,
Бір дафа гөрдүм,—үч ајаклы.

Адам.

Одинъ разъ я [его] увидалъ о четырехъ ногахъ,
Другой разъ я [его] увидалъ о двухъ ногахъ,
Третій разъ я [его] увидалъ о трехъ ногахъ.

Человѣкъ.

2.

Аһу gelip, ваһу gelip; ¹⁾
Чевре мејданына gelip; ²⁾
Зембилли Аһмед - а gelip; ³⁾
Мысырлы Мехмед - а gelip; ⁴⁾
Отуз ікі намал gelip. ⁵⁾
Дерлејүб, топлајуб гідерлер.

¹⁾ Инсан. ²⁾ Сіні. ³⁾ Екмек. ⁴⁾ Мысыр татлысы. ⁵⁾ Діш.

«Ахъ» приходитъ, «вахъ» приходитъ; ¹⁾
На середину платка приходитъ; ²⁾
Къ Зембилли Ахмеду приходитъ; ³⁾
Египетскій Мехмедъ-ага приходитъ; ⁴⁾
Тридцать два поселщика приходятъ. ⁵⁾
Собравъ все до-чиста, уходятъ.

¹⁾ Человѣкъ. ²⁾ Подносъ для ѣды. ³⁾ Хлѣбъ. ⁴⁾ Родъ сладкаго, изъ кукурузы. ⁵⁾ Зубы.

Примѣчаніе: 1) О человѣкѣ, жизнь котораго полна стenanій, 2) Когда османцы садятся обѣдать, они разстилаютъ обыкновенно на полу большой платокъ, на который устанавливается большой круглый подносъ („сіні“); ѣдятъ всѣ вмѣстѣ и, по большей части, безъ вилокъ и ножей. 3) Подъ Зембилли Ахмедомъ можно, кажется, разумѣть Алія Зембилли,

знаменитаго богослова XVI вѣка. Будучи шейх-уль-исламомъ, онъ спускалъ изъ окошка корзинку - сумку („зембіл“), куда ему клали прошенія. Искаженіе имени могло произойти, тѣмъ легче, что отца его звали Ахмедъ.

4) Здѣсь игра словъ: «мысыр» значить: 1) Египеть, 2) кукуруза. Подъ египетскимъ Мехмедомъ разумѣется, повидимому, египетскій паша, впоследствии хедивъ, Мехмедъ Алий. Эта поговорка слышится часто за столомъ, когда подають послѣднее, сладкое блюдо.

3.

Чаршыја гитім, бір десті алдым, «бош дур» деје.

О верді, «долу дур» деје.

Еве гелдім, бір ока жоурда кырк ока су каттым, «коју дур» деје.

Топ һазеје гитім, гүллеји колума кыстым, «бору дур» деје.

Бені туттулар, «деі дір» деје.

Гөнүл.

Пошелъ я на базаръ, купилъ кувшинъ, думая, что онъ пустой;

Тотъ далъ, говоря: „онъ полный“.

Пришелъ домой; одну оку простоявши, думая, что густо, —размѣшалъ съ сорока оками воды.

Пошелъ я въ „Топ-хане“¹⁾, сжалъ ядро рукою, думая, что это—труба;

Меня схватили, говоря: „онъ сумасшедшій“.

Сердце человѣческое.

Примѣчаніе: Смыслъ этой загадки такой: человѣкъ рѣдко можетъ остановиться на чемъ-либо одномъ и, подъ вліяніемъ своего ненасытнаго сердца, быстро переходитъ отъ одного желанія къ другому, стремясь иногда къ несбыточному.

4.

Чаршыдан алынмаз,

Чевреје конулмаз,

Ондан татлы бір шеј олмаз.

Ујгу.

¹⁾ Артиллерійскій арсеналъ.

На базарѣ не купишь,
 Въ платокъ не уложишь,
 Слаще его ничего не бываетъ.

Сонъ.

5.

Алты — мермер,
 Усту — мермер,
 Ічінде — вучукъ Омер.

[Куношь, № 19].

Діі.

Подъ нимъ — мраморъ,
 Надъ нимъ — мраморъ,
 Внутри его — маленькій Омаръ.

Языкъ.

6.

Дам аркасаңда кучуджукъ фидан.

Сач.

За крышей — маленькій побѣгъ.

Волосы.

7.

Бен гідерім, — о гідер,
 Онүмде тій - тій едер.

[Куношь, № 42].

Сакал.

Я иду, — онъ идетъ; передо мною качается.

Борода.

8.

Масал масал маліні,
 Тырнағы вар он іні,
 Он ініні жарысы
 Саліһ - аганы карысы.

Ујдурма.

Царь сплетень. Ногтей у него двѣнадцать, половина двѣнадцати—жена
Салиха - аги.

Вздоръ.

9.

Чалдырдан адам чалыја гирер.

Гунеш.

[Куношь, № 249; см. ниже загадку 25-ую].

Безшумно въ кустарникъ человекъ входитъ.

Солнце.

10.

Јер алтында—дедем сакаллы.

Пра са.

Подъ землей у меня—дѣдушка бородатый.

[Куношь, № 155].

Порей.

11.

Јер алтында—пичілі таук.

Јер елмасы.

Подъ землей—жура съ цыплятами.

Картофель.

12.

Аллаһ јапар, —јапсы;

Бычак ачар, —ачсы.

Бо стан.

Богъ творить, —пусть творить;

Ножъ открываетъ, —пусть открываетъ.

Арбузъ.

[Куношь, № 11; Кондараки, № 17].

13.

Каршыдан бактым, —кап кара,

Јанына гиттім, —кырк пара.

Зејтін.

Издали я посмотрѣлъ,—чернымъ черенъ,
 Подошелъ къ нему,—сорокъ пара [стоитъ].

Олива.

14.

Аудж устунде киліди сандык.

Джевіс.

На деревѣ сундукъ съ замкомъ.

Грецкій орѣхъ.

15.

Нош дур јемесі,

Гуч дур білмесі.

Кіраз.

Ъсть ее пріятно,

А отгадать ее трудно.

Вишня.

16.

Чаршыдан алдым бір тане,

Еве гетірдім бін тане.

Нар.

На базарѣ купилъ одну штуку, а домой принесъ тысячу штукъ.

[Куношь, № 239].

Граната.

17.

Һаным ујанды,

Джама дајанды;

Джам кырылды,

Кана бојанды.

Нар.

Госпожа проснулась,

Бъ стеклу прислонилась,

Стекло разбилось,

Кровью обагрилось.

Граната.

[Куношь, № 154].

18.

Тектїм, — текерленді,
 Оптум, — шекерленді,
 Бал-іе бадем,
 Не гүзел адем!

Портокал.

Толкнулъ, — покатилося,
 Поцѣловаль, — стало сладко.
 Миндаль съ медомъ...
 Чтó за красавецъ!

Апельсинъ.

[Куношь, № 259].

19.

Сыджаджык, сыджаджык ічііір,
 Андан ваз-мы гечііір.

Ч а ј.

Горяченькимъ, горяченькимъ пьется,
 Можно ли безъ него обойтись?

Ч а й.

20.

Гіді, гіді вер,
 Шу гідіјі туту вер.
 Татлыджа еті вар,
 Пускушудже кычы вар.

Б а л ы к.

Быстро иди иди,
 Того хитреца быстро схвати!
 У него довольно вкусное мясо,
 Задъ у него съ висточкой.

Р ы б а.

21.

Афака ханым, чўлу ханым, нарін дурушу, кеклік секіші, кызлары генджі, ендам ајнесі, джеб табанджасы, Мысыр пірінджі, Ада карпузу, дере кајмагы,— гу! гулістанлык ічінде отурујор Афака ханым.

К у р б а г а.

Болтливая госпожа, развязная госпожа, изящная на видъ, прыгающая какъ куропатка, между дѣвучками самая молодая, писаная красавица, карманный ¹⁾ пистолеть, [цвѣтомъ какъ] египетскій рисъ, съ Архипелага арбузъ; сливки рѣчки,—въ сущемъ раю живетъ Болтливая госпожа.

Л я г у ш к а.

22.

Кызыл саркар,

Кылы бакар.

Көпөй ете бакыјор.

Красный свѣшивается,

Волосатый смотритъ.

Собака смотритъ на мясо.

23.

Ікі так-так,

Ікі бак-бак,

Дорт дінгіл,

Бір фінгіл.

К е д і.

Двѣ слухалки,

Двѣ глядѣлки,

Четыре стукалки,

Одинъ вертунъ.

К о ш к а.

¹⁾ Намекъ на отрывочное кваканье.

24.

Бір кушум вар, кафве реңгі,
Кафвелезде чалар ченгі.

П і р е.

Есть у меня птица, кофейного цвѣта,
По кофейнямъ танцуетъ [какъ] танцовщица.

Б л о х а.

[Куношь, № 65].

25.

Бізім еве бір карга гелді.
«Джак» деді, «джук» деді,
«Бу дунјада дорт шеј јок» деді.

I—Девенін налы јок;
II—Катыры чоджуу олмаз;
III—Гөје мердівен олмаз;
IV—Денізе капак олмаз.

Въ нашъ домъ ворона пришла.
«Джак» сказала, «джук» сказала.
«На этомъ свѣтѣ нѣтъ четырехъ вещей», сказала.

I—У верблюда подковъ нѣтъ.
II—У мула дѣтей не бываетъ.
III—На небо лѣстницы не бываетъ.
IV—Крышки для моря не бываетъ.

26.

Бір фычым вар,
Ічінде ікі түрлү сују вар.

Јумурта.

Бочка у меня есть,
Внутри ея двѣ различныя жидкости находятся.

[Куношь, № 66; Кондараки, № 18].

27.

Білмедже білдірмедже: боаз үстүнде кајдырмаджа.

К а ј м а к.

[Вотъ] загадка [для] отгадки: по-верхъ горла скользить.

С л и в к и.

II. Духовная и матеріальная культура.

28.

Абдест алыр, намаз кылмаз,
Джемааттан гері калмаз.

Ш е х и д.

Омовеніе совершаетъ, молитвы не творить, отъ общины [мусульманской]
не отстаеъ.

Ш е х и д ъ.

29.

Чин чин чинар јапрауы, ¹⁾
назреті Алі топрауы
Ја буну біледжексін,
Ја бу гедже біледжексін!

К о р а н.

. . . . . ¹⁾

Святаго Алія земля,
Или ты отгадаешь это,
Или въ эту ночь умрешь!

К о р а н ъ.

[Куношь, № 243; Вл. Гордлевскій, Образцы, стр. 72].

¹⁾ Смыслъ первой строчки не понятенъ, поэтому она оставлена безъ перевода.

30.

Јер алтында капалы сандык.

Т а б у т.

Подъ землей—запертый сундукъ.

Г р о б ъ.

31.

Алчаджык дамдан кар јауар.

У н.

Съ низенькой крыши снѣгъ идетъ.

М у к а.

[Куношь, № 15; Кондараки, № 23; см. выше загадку № 2].

32

Білмедже, бідірмедже: діі үстүнде кайдырмаджа.

Д о и д у р м а.

[Вотъ] загадка [для] отгадки: по языку скользятъ.

М о р о ж е н о е.

[Куношь, № 50].

33.

Сыра сыра девелер, бір біріні ковалар.

Е к м е к п і і ј а т ы.

Длинная вереница верблюдовъ, одинъ другого погоняетъ.

Д о с к а д л я х л ѣ б о в ъ.

Примѣчаніе: «Екме́к пії́жаты» — длинная доска, съ вырѣзанными небольшими углубленіями, въ которыя владется сырой еще хлѣбъ. Эти доски обыкновенно употребляются для того, чтобы относить хлѣбъ въ общественную пекарню для печенія, такъ какъ дома никто почти хлѣба не печетъ.

34.

Ўч ајаклы ментешек,
Ону білмејен,—ешек.

С а д ж а ј а к.

Шгучка о трехъ ногахъ.
Кто ея не знаетъ,—осель.

Т а г а н ъ.

35.

Білмедже бідірмедже: еі устунден кајдырмаджа.

С а б у н.

[Вотъ] загадка [для] отгадки: изъ руки выскальзываетъ.

М ы л о.

[Куношь, № 51].

36.

Кору соктум,—јаш чікты.

К о ф а.

Сухимъ я всунуль,—вышелъ влажнымъ.

В е д р о к о л о д е з н о е.

37.

Капы арнасыда лала еі пенче діван дурур.

С у п у р г е.

За дверью дядька, почтительно сложивъ руки, стоитъ.

М е т л а.

38.

Һаным җатар, бей басар.
Каты гирер, јумушак чікар.

- 1) Kahve-ile deirмен.
- 2)

Госпожа лежитъ, бей давитъ.
Твердымъ входятъ, мягкимъ выходятъ.

- 1) Кофе и кофейная мельница ¹⁾.
- 2) Coitus.

39.

Отурдум биуне, ујдурдум (согтум) деліјіне.

Сандык ве анаhtar.

Съль я передъ нимъ, подобралъ (всунуль) по его отверстию.

Сундукъ и ключъ.

[Куношь, № 212].

40.

Бір кучуджукъ һамам,
Куппесі—тамам,
Бір гелін алдым,
Коджасы—імам.

Дівар сааты.

Маленькая баня,
Превосходный у нея куполь.
Взяль молодку,
Мужъ у ней имамъ ²⁾.

Стѣнные часы.

¹⁾ На востокъ зерна кофе толкутъ въ длинныхъ, своего рода, ступкахъ.

²⁾ Бой часовъ сравнивается съ „эзаномъ“,—призывомъ на молитву.

41.

Бен гідерім, о гідер,
Джебімде тій-тії едер.

Д ж е б с а а т ы .

Я иду,
Онъ идетъ,
У меня въ карманъ тикаетъ.

К а р м а н н ы е ч а с ы .

42.

Шу кадар тіко тіко,
Пантаніко пантаніко.
Фырка (д̣) фырк.

Б е ш і к .   К о л ы б е л ь .

Примѣчаніе: Въ виду того, что эта загадка состоитъ изъ звуко-подражательныхъ словъ, она оставляема мною безъ перевода. Здѣсь изображаются звуки, которые слышатся при качаніи колыбели.

Хотя эта загадка и была записана отъ природнаго османца, однако, повидимому, она занесена со стороны ¹⁾.

43.

Минареден атсан, — ölmez,
Суја атсан, — ölür.

С і г а р а к а а т ы .

Съ минарета бросишь, — не умреть,
Въ воду бросишь, — умреть.

П а п и р о с н а я б у м а г а .

¹⁾ Вѣроятно, сложена какой-нибудь нянькой - гречанкой?

[Куношь, № 199].

44.

Бір уфаджык мезар дуйјајы гезер.

К он д у р а.

Маленькая могила по міру гуляеть.

Б а ш м а к ъ.

[Куношь, № 47].

45.

Каршыда тазлар отурур,

Бір калкар, бір отурур.

Т е р а з і.

Другъ противъ друга два теленка свдятъ,

Одинъ встаетъ, другой садится.

В ѣ с ы.

46.

Чаршыдап алдым,—кап кара,

Еве гетірдім,—кып вырмызы.

К ѳ м у р в е а т е ш.

На базарѣ купилъ,—чернымъ черно,

Домой принесъ,—краснымъ красно.

У г о л ь и о г о н ь.

47.

Бу дуйјада алты кардаш вар,

Алты кардашын једі түрлү іші вар.

К ы з к у л е с і; С у л т а н А х м е д м і н а р е с і.

На этомъ свѣтѣ шесть братьевъ.

У шести братьевъ семь различныхъ дѣлъ.

Леандро́ва башня; минареты (6) мечети Султана Ахмеда
(въ Константинополѣ) ¹⁾.

¹⁾ Смыслъ не совсѣмъ ясенъ.

5) А. Г. Туманянъ: «Этимологія слова к'чахаш». Содержаніе реферата:

Этимологія слова «к'чахаш».

(Կրճախաշ)

Въ числѣ другихъ въ Елисаветполѣ существуетъ обычай, называемый «кчахаш».

Когда у ребенка начинаютъ прорѣзываться зубы, мать его объявляетъ сосѣдямъ, чтобы въ извѣстный день (большей частью по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ) прислали къ нимъ своихъ дѣтей. Какъ только гости соберутся, на дворѣ или на крышѣ дома накрываютъ скатерть и посрединѣ ея сѣжаютъ ребенка, остальные же размѣщаются кругомъ него. Кто-нибудь изъ домашнихъ держитъ надъ головой ребенка платокъ, а мать сыплетъ туда «кчахаш». Платокъ служитъ для того, чтобъ не обжечь голову и не причинить боль ребенку. «Кчахаш» готовится слѣдующимъ образомъ. Берутъ извѣстное количество пшеничныхъ зеренъ, лоби (краснаго фасоля), сѣраго гороха, кукурузы, и все это вмѣстѣ варятъ, затѣмъ процѣживаютъ и къ полученной смѣси прибавляютъ различнаго рода сладости и лакомства. Вотъ эта-то смѣсь, какъ и самый обычай, называются «кчахаш». Въ моментъ, когда «кчахаш» сыплютъ на голову ребенка, передъ нимъ кладутъ гребешокъ и перочинный ножъ; смотря по тому, что онъ возьметъ, судятъ: слѣдующее дитя будетъ ли мальчикъ (если ножъ) или дѣвочка (если гребешокъ)? Гости же съ шумомъ и гамомъ набрасываются на лакомства и стараются побольше набрать ихъ.

По вѣрованіямъ обывателей-армянъ «кчахаш» въ сильной степени способствуетъ быстрому и успѣшному прорѣзыванію дальнѣйшихъ зубовъ.

Вотъ, собственно, сущность обычая и смѣси «кчахаш». Меня же преимущественно заинтересовало само это слово и его происхожденіе.

Съ перваго же взгляда можно съ полной увѣренностью сказать, что слово «кчахаш» составное и не армянскаго происхожденія. Составные элементы его суть:

«к'ч» и «хаш»: а—соединительная гласная между ними.

Какъ мнѣ думается, начало первой части к'ч нужно искать въ турецкомъ словѣ кучук — كوچاك, перешедшемъ къ намъ съ тѣмъ же самымъ значеніемъ (маленькій) въ видѣ кучур *կուճուր*.

Должно замѣтить, что въ Елисаветполѣ, особенно въ деревняхъ, замѣчается какое то тяготѣніе къ конечному и—*ի*. Напр. вмѣсто хачатур—*խաչատուր* говорятъ чати—*չախի*, Арутюн—*Յարուծիւն*—тюни—*Թիւնի*, хрипсимэ—*Տրիպորիճ* хури—*Տուրի* и т. д. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что кучур перешло въ кучи—*կուճի* со значеніемъ—малышъ. Выраженіе:—А, кучи, дес кац ми—*ա կուճի դես կաջմի*—означаетъ:—Эй малышъ, а ну-ка поди сюда!

Затѣмъ *y* въ словѣ кучи перешло въ *o*, каковой переходъ очень часто наблюдается въ обще-карабахскомъ нарѣчїи, къ которому причисляютъ и елисаветпольское. Такъ, вмѣсто *ур—ur*—куда, обычно говорятъ *hor—sur* (въ Карабахѣ), торн—*tor* (въ Елис.: торн ес гнум—*tor tu pshund*—«куда ты идешь») и т. д. Такимъ образомъ и образовалась форма кочи—*qoch*, что означаетъ голова, примѣняемое исключительно къ дѣтямъ младшаго возраста. По отношенію къ взрослымъ оно употребляется какъ ласкательное или уменьшительное.

Со словомъ кочи, но только съ мягкимъ произношеніемъ *o—ё*—кѣчи—*qoch*. мы встрѣчаемся еще въ одномъ случѣ, а именно 'ркѣчи *qoch*.

По свойству и духу вообще армянскаго яз., какъ древняго-грабара, такъ и ново-армянскаго, нѣкоторыя гласныя подѣ влияніемъ перехода ударенія на другой слогъ, могутъ видоизмѣняться, что выражено закономъ ослабленія гласныхъ. Сущность этого закона заключается въ томъ, что долгія гласныя переходятъ въ краткія, а эти послѣднія—въ полугласное *e*, которое въ большинствѣ случаевъ вовсе не пишется. Замѣчательно то, что законъ ослабленія звуковъ, примѣняемый въ литературномъ яз. по отношенію къ нѣкоторымъ гласнымъ (какъ извѣстно *a—ш*, *o—и* и *e—b* не подвержены ему), въ Елисаветпольскомъ распространяется въ одинаковой степени на всѣ, причемъ особенное тяготѣніе замѣчается въ сторону полугласной *e*. Такъ, вмѣсто харсаникин—*qarshin* (на свадьбѣ) говорятъ 'рсинкин—*qarin*, ереха—*qerex* (ребенокъ) 'рхин—*qarin*, ноги—*qogh* (душа) нуки—*qogh*—'камаш—*qamash* и т. д. На этомъ основаніи я и думаю, что 'ркеочи первоначально должно было звучать ор'кочи (ор—день)—дневная голова. Выраженіе 'разумт 'с та 'ркѣчи—*qoch ta qoch*—ты во снѣ или на яву.

Точно такимъ же образомъ и *o* въ словѣ кочи перешло въ *e*, которое впоследствии и вовсе выпало. Итакъ мы получили форму кчи; но такъ какъ конечное *и* при соединеніи съ другимъ словомъ очень рѣдко сохраняется, то и *a* въ словѣ кчахашъ есть соединительная гласная, отбросивъ которую получимъ требуемое *ki—qch*.

Что же касается второй части слова—*qash*, оно происходитъ отъ современнаго армянскаго глагола хашел—*qash*—варить. Я говорю современнаго, ибо въ грабарѣ слово это сохранилось въ видѣ харшел—*qash*. Возможно, что и въ древнемъ, но только народномъ языкѣ оно звучало хашел, ибо при образованіи существительнаго срединное *p* почему-то выпало, и бульонъ назывался не харшу, а хашу. Какъ бы то ни было, отбросивъ глагольное окончаніе *el—q* въ словѣ хашел, мы получимъ основу его хаш—*qash*, что можетъ означать варка вообще, варево.

Слѣдовательно слово к'чахашъ значитъ варка для головы, тѣмъ болѣе, что приготовленную смѣсь сыплютъ именно на голову ребенка.

При обсужденіи доклада А. Г. Туманяна, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ высказался за естественность этимологіи, предложенной референтомъ, но указалъ также, что возможны и другія этимологіи этого слова.

6) И. Я. Стеллецкій: «Подземный Іерусалимъ» ¹⁾.

7) В. К. Трутовскій предложилъ обсужденію Восточной Комиссіи программу систематическаго изслѣдованія Болгарскаго городища, составленную Казанскимъ Обществомъ Исторіи, Археологіи и Этнографіи. В. К. Трутовскій предложилъ рядъ дополненій къ вопросамъ программы, и эти дополненія были одобрены Восточной Комиссіей.

Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ высказалъ желаніе, чтобы въ программу изслѣдованія были включены вопросы, могущіе пролить свѣтъ на исторію отношеній Волжскихъ болгаръ и, потомъ, Казанскаго царства къ Арменіи.

8) Въ виду заявленія О. Е. Корша о физической невозможности для него, уже состоящаго предсѣдателемъ нѣсколькихъ научныхъ обществъ въ Москвѣ, принять еще предсѣдательство и надъ Восточной Комиссіей, состоялись новые выборы. Путемъ закрытой подачи голосовъ, какъ присутствующихъ, такъ (по довѣренности) и отсутствующихъ членовъ, въ предсѣдателя Восточной Комиссіи единогласно оказался избранъ Владиміръ Константиновичъ Трутовскій. Остальной составъ президіи остался тотъ же, т.-е. товарищъ предсѣдателя графиня П. С. Уварова и секретарь А. Е. Крымскій.

№ 124. Засѣданіе 22 октября 1912 года, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Общества графини П. С. Уваровой, въ присутствіи гг. членовъ: А. Н. Веселовскаго, Мирзы Абдуллы Гаффарова, М. О. Аттаи В. А. Гордлевскаго, В. В. Данилова, К. І. Костаньяна, А. Г. Туманяна, гостей гг. Китаева и Назарьянца, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Андреевскаго, Бибина, Быченскаго, Гранде, Десницкаго, Джараяна, Качоровскаго, Кравчинскаго, Маджи, Меликъ-Оганджанияна, Мельникова, Надирадзе, Попова, Преферанскаго, Пэй, Синароса, Слонова, Смиленко, Старченко, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ:

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Секретарь А. Е. Крымскій доложилъ о тяжелой утратѣ, которую потерпѣла Восточная Комиссія въ лицѣ скончавшагося А. С. Хаханова.

Содержаніе доклада А. Е. Крымскаго:

¹⁾ Сообщеніе И. Я. Стеллецкаго издается въ книжномъ выпускѣ „Восточныхъ Древностей“.

А. С. Хахановъ.

(1864 — 1912).

25 июля 1912 г., на 48 году своей жизни, скончался отъ изнурительной чахотки одинъ изъ самыхъ раннихъ (съ 11 апрѣля 1888 г.) членовъ нашей Восточной Коммисіи, членъ очень многихъ ученыхъ обществъ Москвы, грузиновѣдъ Александръ Соломоновичъ Хахановъ.

Биографическія черты, которыя бываютъ всегда цѣнны для пониманія литературной дѣятельности человѣка, очень несложны у покойника: его біографія есть обычная біографія кабинетнаго ученаго, съ тѣмъ лишь небольшимъ осложненіемъ, что А. С. Хахановъ былъ по происхожденію инородецъ, горячій патриотъ одной изъ кавказскихъ національностей, не имѣющихъ самостоятельнаго политическаго существованія.

Отецъ А. С. Хаханова былъ провинціальный картвельскій священникъ, въ небольшомъ городкѣ Гори Тифлисской губерніи. Въ уѣздномъ училищѣ Горійскомъ онъ преподавалъ законъ Божій и грузинскій языкъ. Онъ носилъ библейское имя Соломонъ, которое — наряду съ нѣсколькими другими ветхозавѣтными именами — въ большомъ ходу на христіанскомъ Кавказѣ. Жена священника — тоже изъ патриархальной грузинской семьи — Анна, дочь Гвтисавара. Какъ всегда водится въ домашнемъ быту у духовенства, близкая связь съ роднымъ народомъ, съ родною націею, сохранялись здѣсь

стихійно, тѣмъ болѣе, что священникъ о. Соломонъ былъ родомъ изъ церковныхъ крестьянъ. И въ этой старо-грузинской обстановкѣ, когда отцу было 52 года, родился сынъ Александръ 3 янв. 1864 года. Мать онъ потерялъ въ дѣтствѣ. Конечно, воспитаніе въ I тифлисской гимназій (Александръ ее окончилъ въ 1884 году) и потомъ прохожденіе курса въ Московскомъ университетѣ (оконч. 1888, по историко-филологическому факультету) не могло, очевидно, не содѣйствовать тому, что А. С. Хахановъ въ значительной степени успѣлъ обрусѣть. Въ ноябрѣ

1889 года, когда мнѣ, начинающему писателю малорусскому, и ему, начинающему писателю грузинскому, случилось поговорить очень интимно о литературно-національномъ движеніи среди подчиненныхъ Россіи народностей, я услышалъ изъ устъ молодого А. С. Хаханова типичное признаніе, что вообще думаетъ онъ на языкѣ русскомъ, а не на грузинскомъ, и что лишь въ тѣ моменты, когда онъ по-грузински разговариваетъ или пишетъ, онъ по-грузински и мыслить. Полагаю, что такого типичнаго признанія онъ не высказалъ бы никому изъ земляковъ своихъ, да и мнѣ вторично не рѣшился бы повторить свое невольное признаніе, особенно если мы вспомнимъ глубоко-скрытный, крайне неоткровенный характеръ покойника. Надо полагать, что дальнѣйшее, болѣе чѣмъ 20-лѣтнее пребываніе его въ Москвѣ, въ должности доцента Специальныхъ классовъ Лазаревского Института Восточныхъ языковъ и преподавателя русскаго языка и словесности въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Москвы, должно было фактически сдѣлать его мысль всецѣло русскою. Но и только. По національному сознанию и направленію онъ остался горячимъ грузинскимъ патриотомъ и даже грузинскимъ писателемъ, хотя главная масса его работъ написана по-русски.

Печатныя работы А. С. Хаханова начали появляться еще тогда, когда онъ сидѣлъ на студенческой скамьѣ. Живой, любознательный студентъ обратилъ на себя вниманіе профессора-санскритолога Всева. Оед. Миллера, который былъ предсѣдателемъ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества любителей Естествознанія и хранителемъ этнографическихъ коллекцій Румянцевскаго музея. Многие изъ насъ помнятъ необыкновенную организаторскую дѣятельность Всева. Миллера въ ту пору (въ серединѣ и концѣ 1880-хъ годовъ), помнятъ его тогдашнее умѣнье подмѣчать научныя этнографическія задатки и способности у молодыхъ людей, содѣйствовать развитію интересовъ въ нихъ, привлекать къ научной работѣ. Въ частности у самого Вс. Миллера это былъ періодъ (80-ые гг.) специально кавказовѣдѣнія. Студентъ Хахановъ сдѣлался однимъ изъ членовъ кружка, группировавшагося около Вс. Миллера. Сколько припоминаю, мнѣ рассказывалъ Хахановъ, что первой его печатною статью было, около 1885 г., воззваніе въ русскихъ газетахъ къ грузинской печати—обращать вниманіе на исчезающіе слѣды грузинской древности въ видѣ произведеній народной словесности, повѣрій, обычаевъ и т. п. ¹⁾ Почти одновременно онъ помѣстилъ въ этнографическомъ сборникѣ Дашковскаго (Румянцевскаго) музея, подъ редак-

¹⁾ Въ списокѣ печатныхъ работъ А. С. Хаханова, который помѣщенъ имъ самимъ въ „Тридцатилѣтніи“ Специальныхъ классовъ Лазаревского Института, значител (стр. 146) статья въ „Русскомъ Курьерѣ“ 1885 подъ заглавіемъ: „По адресу грузинской печати“, съ помѣткою въ скобкахъ, что это его первая печатная статья. Не ее ли имѣлъ въ виду покойникъ, говоря со мною?

ціей Всев. Миллера, статьи о кавказскихъ горцахъ Мохевцахъ и Пшавахъ; а когда, уже по окончаніи А. С. Хахановымъ историко-филологическаго факультета, основался при Этнографическомъ Отдѣлѣ журналъ «Этнографическое Обзорѣніе» (1889), молодой грузинологъ далъ для журнала работу о Тушинахъ (1889), за которою послѣдовалъ рядъ статей о другихъ этнографическихъ разновидностяхъ картвельскаго племени (напр. о Месхахъ, 1891), о грузинскихъ обычаяхъ (напр. чародѣйствахъ 1891), заговорахъ, обрядахъ, некалендарныхъ именахъ и т. п.,— словомъ, на тѣ темы, которыя тогда дружно разрабатывались въ Этнографическомъ Отдѣлѣ одновременно по отношенію къ разнымъ инородческимъ народностямъ многомилліонной Россійской имперіи и печатались въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» подъ редакціей общаго нашего друга и со товарища Н. А. Янчука, тоже ученика Вс. Миллера. Тамъ же, въ «Этнографическомъ Обзорѣніи», А. С. Хахановъ далъ рядъ рецензій и библиографическихъ замѣтокъ, а также полезный библиографическій указатель того этнографическаго матеріала, который помѣщался въ кавказскихъ журналахъ и газетахъ отъ старыхъ временъ. Для составленія такого «Указателя кавказской библиографіи», Этнографическій Отдѣлъ долженъ былъ выписывать изъ Петербургской Публичной бібліотеки, для пользованія А. С. Хаханова, рѣдкія періодическія кавказскія изданія, которыхъ не было въ Румянцевскомъ музеѣ.

Наряду съ грузиновѣдными интересами этнографическими, университетъ (какъ и естественно было ждаты) успѣлъ вызвать въ молодомъ Хахановѣ интересы спеціально историческіе съ историко-литературными. Отчасти подчиняясь вліянію былинныхъ интересовъ того же Всев. Миллера, отчасти слушая лекціи В. О. Ключевскаго о Начальной русской лѣтописи, Хахановъ старался примѣнить усвоенные имъ изъ русской науки приемы къ анализу грузинской лѣтописи: «Жизнь Грузіи» (Картлис Цховреба),— результатомъ чего была статья на грузинскомъ языкѣ въ «Иверія» 1888: «Слѣды народной поэзіи въ «Картлисъ Цховреба» (Кажется, это первая его печатная научная статья на языкѣ грузинскомъ, не русскомъ). вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ внушилъ А. С. Хаханову интересъ также къ византіюству и византологіи,— области, органически близкой къ старому грузинству, къ старо-грузинской письменности, и далъ важную основу для его историческихъ грузиновѣдныхъ работъ; а знакомство съ историко-филологическимъ изслѣдованіемъ древне-русской и церковно-славянской письменности наглядно показало А. С. Хаханову тѣ задачи и тѣ приемы, которые онъ можетъ примѣнить къ изученію памятниковъ письменности старо-грузинской. Еще на студенческой скамьѣ, А. С. Хахановъ написалъ сочиненіе на медальную тему: «Византійское общество и греческая церковь въ эпоху Комненовъ», и факультетъ его наградила въ 1887 году серебряною медалью.

Годъ-два спустя, сейчасъ же по окончаніи университетскаго курса, мы видимъ Хаханова уже членомъ нашей «Восточной Коммисіи Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества» и членомъ «Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ университетѣ». Въ обоихъ обществахъ молодой ученый выступаетъ какъ изслѣдователь памятниковъ грузинской исторіи и старой письменности,—памятниковъ, сперва тѣхъ, которые уже были открыты и изданы другими лицами, а потомъ тѣхъ, которые были открываемы и издаваемы имъ самимъ. Въ нашей Восточной Коммисіи вступительный рефератъ А. С. Хаханова (11 апрѣля 1888) былъ на тему о грузинской Вахтанговой версіи XVIII вѣка персидской «Энвар-и Соheyлй», одного изъ истоковъ «Калилы и Димны». Вступительный рефератъ въ «Обществѣ Исторіи и Древностей» былъ на тему: «Общій взглядъ на состояніе грузинологіи» (изданъ въ «Чтеніяхъ» 1889, потомъ на нѣмецкомъ языкѣ въ «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», т. VII, 1893). Въ этомъ рефератѣ А. С. Хахановъ имѣлъ въ виду, конечно, представить итоги того, что сдѣлано было грузиновѣдами до него; а косвенно это была какъ бы программа для его собственной дальнѣйшей грузиновѣдной дѣятельности—исполнить по мѣрѣ силъ хотя часть того слишкомъ и слишкомъ многого, что не сдѣлано.

Этотъ второй рефератъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вступительной лекціей А. С. Хаханова въ Спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ (23 янв. 1889 года), куда онъ былъ приглашенъ на кафедру грузинскаго языка по выходѣ въ отставку Окрочедѣлова-Серебрякова¹⁾. Главный трудъ, на которомъ основывалось приглашеніе Хаханова въ Спеціальные Классы, былъ (на грузинскомъ языкѣ): «Крѣпостное право въ Грузіи до ея присоединенія къ Россіи». Оказавшись, такимъ образомъ, на ученой должности, оказавшись грузиновѣдомъ даже ex officio, по профессіи, А. С. Хахановъ развилъ прямо лихорадочную писательскую дѣятельность, по всѣмъ тѣмъ грузиновѣднымъ отраслямъ, интересъ къ которымъ успѣлъ у него кристаллизироваться еще въ университетѣ.

Здѣсь мы принуждены сдѣлать отступленіе и оговорку.

Есть одна такая отрасль кипучей литературной дѣятельности А. С. Хаханова, которую мы должны для ученаго считать, пожалуй, даже неоспоримымъ минусомъ, именно газетный трудъ наряду съ ученой дѣятельностью. Конечно, по справедливому замѣчанію ираниста проф. П. Хорна, каждый ориенталистъ «muss Mädchen für alles sein» = долженъ быть «дѣвушкой на всѣ руки», въ томъ числѣ иногда и газетную публицистическую статью принужденъ написать, и на явленія текущей жизни принужденъ отозваться,—особенно, напр., въ

¹⁾ сперва въ качествѣ сторонняго преподавателя по найму. 3 дек. 1891 г. онъ былъ Высочайше утвержденъ въ должности доцента.

видѣ рецензій на новыя книги, бѣглыхъ сообщеній о новыхъ литературныхъ явленіяхъ, и т. п. Но у покойнаго А. С. Хаханова это писаніе «на всѣ руки», и притомъ съ размѣномъ на мелочи, несомнѣнно доходило даже до крайностей. Не было вѣдь ни одной кавказской газеты и журнала, русскаго или грузинскаго, не было московскаго или петербургскаго русскаго прогрессивнаго органа, гдѣ бы онъ не участвовалъ мелкими статьями и замѣтками по востоку, часто даже не по своей прямой специальности. Требуется газетной редакціи помѣстить рецензіи на книги о востокѣ, — не о Грузіи, а вообще о востокѣ, — требуется коснуться какого-нибудь научнаго вопроса, прямо или косвенно соединеннаго съ востокомъ, — редакція обращается къ Хаханову, и онъ щедрой, хоть и поспѣшной, рукою пишетъ, что требуется. Появлялись у него статьи и чисто публицистическія, напр., объ улаженіи греко-грузинскаго церковнаго спора, о перемѣнахъ въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ, и т. п. Были работы и беллетристическія: Тургенева онъ переводилъ на языкъ грузинскій, а на русскій языкъ онъ переводилъ поэтовъ грузинскихъ. Чѣмъ вызывались всѣ такія его отклоненія отъ строгой науки? Трудно сказать. Быть можетъ, иногда матеріальная приманка играла свою роль: газетная работа давала кое-какой лишній доходъ, нужный А. С. Хаханову не для себя (онъ жилъ очень скромно), а для созданія капитала на патріотическія грузинскія цѣли. Иногда, вѣроятно, перемѣна работы тяжелой, сухо-кабинетной на легкую газетную служила покойнику отдыхомъ; про беллетристику это можно сказать навѣрное. Во всякомъ случаѣ можно подивиться крѣпости натуры покойника (всю свою жизнь носившаго въ груди чахотку), крѣпости натуры, которая позволяла ему удѣлять время на газетный трудъ одновременно съ энергичнымъ трудомъ въ чисто-научной области. Поразительнѣе всего — тотъ фактъ, что напряженнѣйшимъ временемъ научныхъ работъ А. С. Хаханова было не лѣто, не каникулы, когда онъ освобождался отъ преподавательской дѣятельности. Многіе изъ насъ, конечно, лишь лѣтомъ и готовятъ свои ученые работы, въ деревенскомъ уединеніи, не видя лица человѣческаго возлѣ себя, а зимою печатаютъ. А. С. Хахановъ поступалъ напротивъ: лѣтомъ онъ дѣйствительнѣйшимъ образомъ отдыхалъ и набирался силъ въ путешествіи или среди своихъ близкихъ на Кавказѣ (самъ онъ остался не женатъ), — и вся его кропотливая, до-нельзя напряженная научная работа производилась зимою, въ Москвѣ, одновременно съ обязанностями по преподаванію въ Спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго Института, гдѣ онъ былъ и секретаремъ профессорскаго совѣта, да въ женскихъ гимназіяхъ, при чемъ онъ тамъ занималъ и должность инспектора.

Обозрѣть всѣ научные труды покойника нѣтъ физической возможности въ рамкахъ некролога. Ихъ такъ много, что чтеніе однихъ лишь голыхъ заглавій заняло бы полчаса. Ограничусь указаніемъ главнѣйшаго

Одну область научной дѣятельности покойнаго, именно этнографію, я могу даже оставить въ сторонѣ и ограничиться лишь тѣмъ, что сказалъ выше по поводу первоначальной работы А. С. Хаханова въ Этнографическомъ Отдѣлѣ подъ предсѣдательствомъ Всев. Миллера. Дѣло въ томъ, что въ декабрѣ нынѣшняго 1912 года предстоитъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣ засѣданіе, специально посвященное поминкѣ А. С. Хаханова, какъ этнографа-грузиновѣда, и оцѣнка будетъ ему дана, надо полагать, болѣе компетентными въ этой области людьми, чѣмъ себя чувствую я, не-кавказовѣдъ. Потому, не касаясь теперь облика А. С. Хаханова какъ грузина-этнографа, ограничусь фактической отмѣткой, что специально-этнографическіе интересы А. С. Хаханова относятся скорѣе лишь къ первымъ годамъ научной его дѣятельности, которые, кстати сказать, совпадаютъ со временемъ высокаго процвѣтанія самаго Этнографическаго Отдѣла, т.-е. приблизительно до начала XX столѣтія. Съ теченіемъ времени А. С. Хахановъ все болѣе и болѣе отступалъ отъ области этнографіи, а все болѣе и болѣе посвящалъ себя изученію старо-грузинской исторіи и письменности, въ частности — документальной археологіи и изданію памятниковъ.

По исторіи Грузіи сперва интересны оказались въ своихъ идеяхъ двѣ изъ начальныхъ работъ А. С. Хаханова, которыя въ устахъ армянъ заслужили ему названіе шовиниста. Одна — „О древнѣйшихъ предѣлахъ расселенія грузинъ по Малой Азіи», другая — „Источники по введенію христіанства въ Грузію». Обѣ относятся къ 1890 году (вторая вышла въ свѣтъ позже).

Въ первой изъ нихъ (о расселеніи грузинскаго племени)¹⁾ Хахановъ провелъ мысль, что грузинское (иверское) племя въ горныхъ закоулкахъ Кавказа есть лишь уцѣлѣвшій остатокъ обширной древней народности, которая нѣкогда, во времена фараоновъ и вавилоно-ассирійцевъ, занимала собою Малую Азію и, затѣмъ, вытѣсняемая движеніемъ другихъ народовъ, сохранилась лишь въ горахъ Кавказа, подобно тому какъ и многія другія исчезающія народности нашли себѣ пріютъ въ закоулкахъ этой «горы языковъ». Эта основная мысль была навѣяна А. С. Хаханову работами Вс. Миллера надъ языкомъ и исторіей осетиновъ (малочисленныхъ остатковъ нѣкогда огромнаго аланскаго племени), горскихъ евреевъ-татовъ (которыхъ Вс. Миллеръ считалъ потомками плѣнныхъ десяти колѣнъ израильскихъ) и т. п. Работа проведена была у А. С. Хаханова съ увлеченіями и патриотическими крайностями и вызвала очень рѣзкіе (устные, преимущественно) упреки въ шовинизмѣ. Но въ своей основѣ идея эта ничего дикаго не представляетъ, да у западныхъ востоковѣдовъ она постоянно всплывала и всплываетъ, если не прямо въ примѣненіи къ грузинскому племени, то въ примѣненіи къ другимъ кавказскимъ племенамъ, праязыкѣ ко-

¹⁾ Въ „Запискахъ Кавказскаго Отдѣла“.

торыхъ, вѣроятно, былъ близокъ къ праязыку иверійцевъ. Въ настоящее время, послѣ новѣйшихъ археологическихъ открытій, которыя насъ познакомили съ угаснувшими малоазіатскими и сѣверно-месопотамскими языками эпохи борьбы Ассиріи и Египта, вопросъ о сближеніи, напр., клинописныхъ языковъ эламскаго, касситскаго, митанійскаго, хетскаго, съ праиверійскимъ или иверійско-лезгинскимъ поставленъ на очередь и ждетъ рѣшенія не въ далекомъ будущемъ.

Что касается работы А. С. Хаханова: «Источники по введенію христіанства въ Грузію» (напеч. въ «Древностяхъ Восточныхъ» 1893; потомъ по-итальянски, Римъ 1905), то здѣсь съ увлеченіемъ оспаривается мысль объ армянскомъ вліяніи на древнюю Грузію, и проводится соображеніе, что грузинская начальная лѣтопись «Жизнь Картвеліи» (Картлис Цховреба), хоть редактирована и очень поздно, основана однако на очень хорошихъ, древнихъ первоисточникахъ (къ числу которыхъ относится сказаніе о распространительницѣ христіанства въ Грузіи, св. Нинѣ), и потому «Картлис Цховреба» является достовернымъ историческимъ источникомъ. Наша мирная Восточная Коммиссія была свидѣтельницей бурныхъ дебатовъ между А. С. Хахановымъ и арменистомъ Г. А. Халатьянцомъ на эту тему.—Срв. еще статью Хаханова: «Составъ и источники Начальной грузинской лѣтописи» (Журн. Мин. Нар. Просв. 1892), «Influence étrangère sur la civilisation géorgienne» (Пар. 1895). Греческое и сирское вліяніе на древнюю Грузію А. С. Хахановъ признаетъ и подчеркиваетъ, армянское—почти отрицаетъ и сводитъ къ нѣкоторымъ случайнымъ, спорадическимъ моментамъ. Помню его очень сердитое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно юмористическое восклицаніе послѣ одного засѣданія: «Министромъ народнаго просвѣщенія въ Россіи долго былъ армянинъ Деляновъ. Рѣшится ли кто-нибудь изъ этого выводить заключеніе, что русская культура создавалась подъ вліяніемъ армянской? Халатьянцъ рѣшится». Въ прошломъ году на засѣданіи Восточной Коммиссіи (см. протоколъ № 120, стр. 94—95) А. С. Хахановъ съ упорнымъ негодованіемъ, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, отвергалъ мысль о возможности армянскаго оригинала для грузинскаго перевода Евангелія и признавалъ оригиналомъ текстъ сирскій.

Въ другихъ вопросахъ изученія грузинской древности А. С. Хахановъ былъ несравненно болѣе терпимъ и объективенъ. Завершеніе и выраженіе историческихъ, а еще больше историко-литературныхъ студій Хаханова мы видимъ въ главномъ трудѣ всей его жизни—четырёхтомныхъ «Очеркахъ по исторіи грузинской словесности», появленіе которыхъ на свѣтъ связано преимущественно съ участіемъ покойнаго въ московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей.

Въ этой области А. С. Хахановъ имѣлъ могучаго предшественника въ лицѣ акад. М. И. Броссэ (1802—1880). Акад. Броссе, энтузіастъ-піонеръ въ области изученія грузинской литературы и исторіи европейцами (да и грузинами), успѣлъ европейскую науку ознакомить,

то путемъ переводовъ, то путемъ пересказовъ, съ большинствомъ памятниковъ грузинской литературы, древней и средневѣковой. Кажется, что послѣ трудовъ Броссе не осталось ничего невѣдомаго въ Грузіи. Приписываютъ акад. Бётлингу фразу насчетъ Броссе: «Онъ вытряхнулъ весь мѣшокъ грузинской литературы, не оставивъ въ немъ ничего»¹⁾.

Но, во 1-хъ, труды Броссе разбросаны были по спеціальнымъ изданіямъ,—и обобщительнаго, резюмирующаго свода грузинской литературы не было. Мы, конечно, вовсе оставляемъ въ сторонѣ тотъ фактъ, что Броссе писалъ не по-русски, а по-французски, и что, слѣдовательно, широкая грузинская публика не могла съ удобствомъ пользоваться его трудами. Для русскихъ ученыхъ это препятствіе въ пользованіи работами Броссе, конечно, не существовало. Но обобщительный компендіи грузинской литературы отсутствовалъ, и еще предстояло создать его.

Во 2-хъ, А. С. Хахановъ воочию показалъ, что, исходя въ основѣ отъ трудовъ патріарха - Броссе, можно очень и очень много дать къ нему пополненій и развитію пообстоятельнѣе намѣченные имъ пункты.

И это А. С. Хахановъ постарался сдѣлать въ своемъ Grundriss'ѣ, въ «Очеркахъ по исторіи грузинской словесности».

Эти четыре огромныхъ тома, изданные въ теченіи болѣе чѣмъ десяти лѣтъ (1895 — 1907 гг.), главнымъ образомъ въ «Чтеніяхъ» Общества Исторіи и Древностей, представляютъ собою т. ск. энциклопедію грузиновѣдѣнія. Томъ I — обзоръ произведеній народной словесности и апокрифовъ (1895); т. II — древняя литература Грузіи, отъ начатковъ до монгольскаго періода (1897); т. III — письменность Грузіи XIII—XVIII вѣка, т.-е. отъ монгольскаго періода до присоединенія къ Россіи (1902); т. IV — новая грузинская литература XIX в., подъ владычествомъ Россіи и на новомъ, демократизованномъ языкѣ (1907). Все это написано по-русски. По-грузински же на этомъ капитальномъ русскомъ трудѣ основано извлеченіе: «Исторія грузинской словесности» (Тифлисъ 1904). Очеркъ политической исторіи Грузіи, не исторіи литературы, А. С. Хахановъ издалъ на французскомъ языкѣ: «Histoire de Géorgie» (Парижъ 1900).

Параллельно съ написаніемъ этихъ сводныхъ работъ А. С. Хахановъ печаталъ безчисленное множество отдѣльныхъ мелкихъ статей по исторіи Грузіи и ея письменности, которыя несомнѣнно стояли въ тѣснѣйшей связи съ созданіемъ названныхъ его большихъ трудовъ.

Одна часть такихъ статей — популярныя или энциклопедическія статьи, знакомящія широкую русскую публику съ тѣмъ или другимъ фактомъ грузинологіи. Сюда относятся такія статьи, какъ, на примѣръ, «Царица Тамара по народнымъ пѣснямъ и сказаніямъ»

¹⁾ См. „Къ столѣтію дня рожденія М. И. Броссе“ Н. Марра въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Арх. Общ.“, т. XIV (1902), стр. 076

(въ «Журналъ для всѣхъ» 1900, № 7), или статьи въ энциклопедическихъ словаряхъ, петербургскомъ Брокгауза и Ефрона (съ 1892 года) и московскомъ Граната.

Другая часть работъ, тоже тѣсно связанныхъ съ «Очерками по исторіи грузинской словесности», но имѣющихъ и вполне самостоятельное значеніе, это—подготовительныя работы А. С. Хаханова, собраніе и опубликованіе сырыхъ матеріаловъ, изслѣдованія монографическаго характера, и пр. Эти работы представляютъ, пожалуй, наиболѣе интересную часть учено-литературной дѣятельности Хаханова. Печатались они въ «Древностяхъ Восточныхъ», въ «Трудахъ по востоковѣдѣнію» Лазаревскаго Института, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» и т. п. Отличительный ихъ признакъ—тогъ, что онѣ выдвигаютъ въ исторіи грузинской литературы преимущественно такіе памятники или такія явленія, которые находятъ себѣ параллель и соотвѣтствіе, часто и генетическую связь, въ исторіи средневѣковыхъ литературъ другихъ народовъ. Постоянное пребываніе А. С. Хаханова въ Москвѣ, въ центрѣ изученія древне-русской литературы и одномъ изъ общевостоковѣдныхъ центровъ, много содѣйствовало тому, что А. С. Хахановъ, находясь всегда въ курсѣ тѣхъ научныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ представляло наиболѣе настоятельную необходимость, съ полной легкостью умѣлъ улавливать и въ своей грузинской литературѣ какъ-разъ наиболѣе характерныя и поучительныя явленія, сближающія исторію грузинской литературы съ ходомъ всемірной литературы.

Практически осуществлялось это у А. С. Хаханова, на примѣръ, такимъ образомъ, что, какъ-только среди московскихъ или иныхъ ученыхъ возникалъ интересъ къ тому или иному памятнику, который могъ имѣть себѣ параллель также въ старо-грузинской письменности, А. С. Хахановъ избиралъ для изданія или для обслѣдованія именно такой, общеинтересный грузинскій памятникъ, а не иной. Положимъ, возбудилось въ концѣ 1880-хъ годовъ въ Восточной Коммисіи и въ Лазаревскомъ Институтѣ Восточныхъ языковъ большое вниманіе къ судьбамъ странствующаго сборника повѣстей: «Калила и Димна»,—Хахановъ читаетъ рефератъ (мы его ужъ отмѣчали) о грузинской обработкѣ XVIII в. одной изъ персидскихъ передѣлокъ «Калилы и Димны», именно «Энвâри Соһейлû»¹⁾; а потомъ, отыскавши болѣе старый грузинскій переводъ, имѣющій шансы быть возведеннымъ къ персидской обработкѣ «Калилы и Димны» Несраллаһа XII в., Хахановъ издаетъ, съ русскимъ переводомъ, и ту грузинскую версію, ту предположительную передѣлку съ Несраллаһа («Древн. Вост.» 1901; по-нѣмецки «W. Z. K. M.» 1901). Защищаетъ В. М. Истринъ диссертацию объ «Александріи русскихъ хронографовъ» (М. 1893),—Ха-

¹⁾ Сообщение его о грузинской версіи «Энвâри Соһейлû» издано въ «Древностяхъ Восточныхъ» 1889.

хановъ издастъ работу: «Грузинская повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ и сербская Александрія» (Ж. М. Н. П. 1893, IX) Всев. Миллеръ въ «Экскурсахъ» 1891 — 1892 поднимаетъ вопросъ о вліяніи иранскаго эпоса на русскія былины при посредствѣ Кавказа и половцевъ, — Хахановъ читаетъ въ нашей Восточной Комиссіи докладъ: «Ростоміани, грузинскій переводъ Шахъ-намэ» ¹⁾. Бар. Штакельбергъ издастъ работу о персидскомъ романтическомъ эпосѣ «Вис о Раминъ» Горгани («Древн. Вост.» 1896), — Хахановъ пишетъ по-грузински: «Грузинское Висраміани и персидское Виса и Раминъ» («ძვედადგ», 1896, VI). Московскіе древне-русскіе изслѣдователи М. Н. Сперанскій и М. И. Соколовъ издають интересныя изслѣдованія по апокрифамъ, — Хахановъ переводитъ «Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи» (1892, «Чтенія») и помѣщаетъ въ „Ж. Мин. Нар. Просв.“ статью: «Памятники отреченной грузинской литературы» (1894, XI), а по-грузински въ «გეოგრაფიკა» издастъ «Хожденіе Богородицы по мукамъ» (1893, № 19; 1894, № 2), потомъ издастъ съ русскимъ переводомъ и Евангеліе Никодима о судѣ Пилата («Древн. Вост.» 1907). Вызванное диссертациею Карнѣева (1890) вниманіе къ «Физиологу» заставляеть Хаханова дать работу о грузинскомъ Физиологѣ (по франц., Парижъ 1898). А. Д. Григорьевъ и Н. Н. Дурново поднимають на ноги весь московскій ориенталистическій мірокъ 1899—1900 своими разысканіями объ Акирѣ Премудромъ, а Конибиръ издастъ «Story of Ahî-qâr» (Лонд. 1898), — Хахановъ тоже дѣлается «акиристомъ» и читаетъ въ Восточной Комиссіи (26 окт. 1900) докладъ: «Грузинская версія о Хикарѣ Мудромъ» (напеч. въ III томѣ его «Очерковъ»). Возникаетъ въ наукѣ вопросъ о возможности перевода греческаго «Варлаама и Иоасафа» съ языка грузинскаго, и востоковѣды въ Петербургѣ тоскуютъ, что нѣтъ сколько-нибудь древняго грузинскаго списка «Варлаама», — Хахановъ разыскиваетъ на Кавказѣ, благодаря своимъ связямъ съ мѣстнымъ населеніемъ, старо-грузинскіе фрагменты «Балахвара и Йоасафа» XI—XII в. и издастъ ихъ съ русскимъ переводомъ въ «Трудахъ по востоковѣдѣнію» (М. 1902). (Это, кстати сказать, одна изъ тѣхъ работъ А. С. Хаханова, которая широко извѣстна въ Западной Европѣ и безъ которой не можетъ обойтись абсолютно ни одинъ изслѣдователь странствующихъ повѣстей). Зная, что и для историковъ древне-русской литературы и для византологовъ очень важно было бы имѣть въ рукахъ многіе греческіе агіологическіе памятники, затерявшіеся теперь или дошедшіе до насъ въ неудовлетворительномъ видѣ, Хахановъ издастъ съ русскимъ переводомъ сохранившіеся старо-грузинскіе агіологическіе переводы съ греческаго: «Багратъ (=Панкратій), епископъ Тавроменійскій по рукописи XI в.» (1904, «Труды по вост.»), «Матеріалы по грузинской

¹⁾ 30 сент. 1891 г., протоколъ № 25 См. „Древности Восточныя“ 1896.

агиологии по рукописямъ X в.» (1910, «Труды по вост.»). Издаетъ онъ также полезный для византологій рядъ каноническихъ церковныхъ памятниковъ: «Правила VI Вселенскаго собора» («Древн. Вост.» 1903), «Номоканонъ Іоанна Постника» («Чтенія» 1906) ¹⁾.

Понимая, что изученіе исторіи древне-грузинской словесности и изданіе наиболѣ цѣнныхъ памятниковъ немислимо безъ приведенія въ извѣстность наличнаго сохранившагося матеріала, безъ инвентаря этого матеріала, А. С. Хахановъ съ большою охотою составлялъ описанія грузинскихъ книгохранилищъ. Книгохранилищъ кавказскихъ онъ не касался, потому что для нихъ имѣлись и имѣются на Кавказѣ свои мѣстные работники, которые легко могутъ исполнить задачу описанія мѣстныхъ книжныхъ сокровищъ. Хаханову принадлежитъ та заслуга, что онъ описалъ книгохранилища менѣе доступныя для грузинъ-кавказцевъ, не кавказскія. Такъ, А. С. Хахановъ описалъ грузинскія рукописи Румянцевскаго музея (въ «Трудахъ VII Археологич. съѣзда» 1892), Московской Синодальной типографіи («дѣлѣ» 1900, III), рукопись «Барсовой кожи» Шоты Руставели Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ («Древн. Вост.» 1896) ²⁾, Парижской Національной бібліотеки («дѣлѣ» 1898, I). Пожалуй, важнѣйшая среди этихъ работъ—посмертная, сводная, которая напечатана въ нынѣ выходящемъ IV томѣ «Древностей Восточныхъ» (1913), именно: «Грузинскія рукописи въ европейскихъ книгохранилищахъ (Британскаго Музея, Вѣны, Берлина, Парижа). Описывая рукописи, А. С. Хахановъ часто выписывалъ изъ нихъ законченные экскерпты, иногда снабжалъ ихъ и русскимъ переводомъ.— Понятно, что навыкъ разбираться въ рукописяхъ помогалъ ему легко ориентироваться и въ палеографическихъ вопросахъ. И когда появилась статья проф. Людвигъ Траубе: «Nomina sacra» о сокращеніяхъ словъ въ греческихъ, латинскихъ и другихъ христіанскихъ манускриптахъ (Мюнхенъ 1907), А. С. Хахановъ по аналогіи составилъ и передалъ мнѣ, какъ редактору, статью: «Сокращенія словъ въ грузинскихъ рукописяхъ», которая и издается мною въ приложеніи къ нынѣшнему некрологу въ «Древностяхъ Восточныхъ».

Чрезвычайно важную въ научномъ отношеніи и матеріально потребовавшую отъ нашего Археологическаго Общества очень крупныхъ затратъ работу А. С. Хаханова въ области рукописецздательства прервала смерть. Императорское Московское Археологическое Общество поручило А. С. Хаханову издать фототипически старѣйшія грузин-

¹⁾ Нельзя утаить факта, что очень многое издавалось А. С. Хахановымъ съ нежелательною послѣдностью, съ плохой корректурой и небрежнымъ привлеченіемъ греческаго текста. Иногда критика со стороны русскихъ канонистовъ бывала крайне жестока, напр., по поводу «Номоканона».

²⁾ Съ 10 апрѣля 1910 г. онъ былъ официально причисленъ къ Архиву.

скія Евангелія, изъ которыхъ древнѣйшее — IX-го вѣка. Вся предварительная работа была покойникомъ закончена, и мы въ Восточной Комиссіи слышали даже тотъ докладъ его, который долженъ былъ послужить вступительной статьею къ изданію (см. протоколъ № 120, стр. 94—95, 24 ноября 1911). А что собственно осталось въ изданіи недодѣланнымъ, объ этомъ Вы услышите отъ нашего уважаемаго предсѣдателя, графини П. С. Уваровой, которая съ горячей отзывчивостью содѣйствовала проведенію постановленія объ изданіи этого въ высшей степени важнаго труда.

Работая въ архивахъ и рукописныхъ книгохранилищахъ, А. С. Хахановъ главное свое вниманіе останавливалъ, какъ мы видѣли, на памятникахъ историко-литературнаго содержанія. Но и отъ чисто архивнаго матеріала (документовъ, актовъ и т. п.) онъ далеко не сторонился, и у него есть работы въ этой отрасли. Такъ имъ изданы церковные грузинскіе акты, или гуджары (Кутаисъ 1893), акты дворянскіе, съ родословными (М. 1894) и пр.

Меньше всего онъ работалъ въ области монументальной эпиграфики и, если не ошибаюсь, обращался въ эту область грузиновѣдѣнія лишь по порученію Археологическаго Общества. Напр., по порученію Общества онъ далъ рецензію (въ «Древн. Вост.» 1891) на Церетеліевскую коллекцію надписей Гелатскаго монастыря подъ Кутаисомъ, изданныхъ въ «Древностяхъ Восточныхъ» по его же рекомендаціи. Нѣсколько разъ Археологическое Общество отправляло А. С. Хаханова въ командировку на Кавказъ съ порученіемъ добыть снимки съ тѣхъ или иныхъ памятниковъ (между прочимъ, урартійскихъ)¹⁾.

Вотъ главныя черты научной многосторонней дѣятельности покойнаго. Повторяю, я не имѣлъ въ виду представить полный библиографическій списокъ его трудовъ, потому-что иначе мнѣ пришлось бы читать свой докладъ еще столько времени, сколько читано. Да, кстати сказать, библиографію сочиненій Хаханова собрать не такъ-то и легко. Наболѣе важенъ тотъ перечень, который данъ былъ имъ самимъ въ юбилейной книгѣ: «Тридцатилѣтіе Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ» (М. 1903, стр. 142—147), но перечень и тогда былъ вообще далеко не полонъ, да и доведенъ только до начала 1903 года, — значить, библиографіи за послѣдующія десять лѣтъ тамъ вовсе не имѣется. Послѣ того еще разъ схематическій списокъ работъ А. С. Хаханова изданъ былъ въ юбилейномъ (по случаю столѣтія) изданіи: «Словарь членовъ Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ» (М. 1912, стр. 299—300), но этотъ схематическій перечень еще короче вышеупомянутаго, а въ строго-библиографическомъ отношеніи совер-

¹⁾ Объ этомъ см. обстоятельнѣе въ нижепомѣщаемомъ сообщеніи граф. П. С. Уваровой.

шенно не удовлетворителенъ: гдѣ, когда и что именно было напечатано, все это отмѣчается крайне глухо. Даже насчетъ новѣйшихъ работъ Хаханова этотъ перечень, сравнительно съ перечнемъ 1903 г., даетъ два-три новыхъ библиографическихъ указанія, — и только. А впрочемъ, повторяю, я и не имѣлъ въ виду предложить въ нынѣшнемъ некрологѣ библиографію сочиненій А. С. Хаханова. Я желалъ только очертить общее направленіе его труженической, неутомимой дѣятельности. И даже изъ такого моего слишкомъ общаго очерка достаточно видно, что Хахановъ не принадлежитъ къ тѣмъ, которые, по словамъ Шевченка, умираютъ, не оставивши

Малого сѣяда за собою...

Нѣтъ, слѣды дѣятельности Хаханова слишкомъ ощутимы. Грузины будутъ вѣчно его помнить въ исторіи своего національнаго возрожденія. Русское общество долго будетъ черпать суммарныя свѣдѣнія о Грузіи, ея исторіи и литературѣ изъ его сводныхъ трудовъ по грузиновѣдѣнію и изъ его энциклопедическихъ статей. Востокѣдная же наука всегда принуждена будетъ считаться съ опубликованными имъ памятниками старо-грузинской письменности, такими, напримѣръ, какъ «Балъваръ и Йодасафъ», которые важны въ исторіи міровой литературы.

Въ заключеніе отмѣчу поучительную біографическую черту — характеръ завѣщанія А. С. Хаханова. Жилъ онъ очень скромно, съ лишеніями, можно сказать — бѣдно, а деньги старался копить, копить для родины, для культурнаго просвѣщенія соплеменниковъ. У него образовался къ концу жизни капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ, и онъ отказалъ эти деньги тифлисскому Обществу распространенія просвѣщенія среди грузинъ, а нѣкоторую сумму отказалъ на образованіе культурнаго грузинскаго кружка въ Москвѣ.

3) Предсѣдатель Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, товарищъ предсѣдателя Восточной Комиссіи, графиня П. С. Уварова остановилась на дѣятельности покойнаго А. С. Хаханова, какъ спеціально археолога. Содержаніе доклада:

Въ 1886 г. состоялась первая кавказская командировка Имп. Моск. Археологическаго Общества — для обследованія памятниковъ архитектуры.

Именно, съ одной стороны архитекторъ Павлиновъ объѣхалъ, собирая свѣдѣнія, Черноморское побережье отъ Сухума до турецкой границы, заѣзжая внутрь страны для обследованія древнихъ храмовъ Мокви, Иллори, Бедіи, собора въ Кутансѣ, и пр. Въ долинѣ р. Чороха онъ обмѣрилъ и изучилъ древніе храмы въ Портѣ, Олязѣ,

Энирабатъ, Тбетъ и пр. Обслѣдованы имъ же были мечеть и остальные историческія зданія въ Баку. Павлиновымъ вывезена была масса разноразличныхъ надписей,—и въ толкованіи ихъ и разборѣ приняли дѣятельное участіе М. О. Аттая, Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ и А. С. Хахановъ.

На мою долю выпало въ томъ же году обслѣдованіе Абхазіи, Аджаріи, Кобліанскаго ущелья, Посховскаго участка, Рачи и части Тифлисскаго уѣзда. Жатва была значительная,—и вся масса грузинскихъ надписей была разработана А. С. Хахановымъ: т.-е. разобрана, сличена съ изданіями Бакрадзе, Пурцеладзе, частью исправлена. И корректуру при печатаніи матеріала велъ онъ же, А. С. Хахановъ.

Въ 1892, 1893 и 1895 гг. А. С. Хахановъ самъ ѣдетъ на Кавказъ, объѣзжаетъ Телавскій и Сигнахскій уѣзды, Закатальскій округъ, Тифлиссскій уѣздъ, Ксанское ущелье, Бѣлый ключъ и Ахалцыхскій уѣздъ. Собранный имъ матеріалъ изданъ въ VII томѣ «Матеріаловъ по археологіи Кавказа».

Въ 1895 году я вывожу изъ Сванетіи фотографіи съ церковей, иконъ и тѣхъ рукописныхъ грузинскихъ евангелій, которыя еще сбереглись, съ большей или меньшей сохранностью, въ неприглядныхъ и темныхъ храмахъ этого забытаго уголка нашего дивнаго Кавказа. А. С. Хахановъ, на этотъ разъ, не только помогаетъ разобраться въ вывезенныхъ мною надписяхъ, но прибавляетъ къ моему изданію (т.-е., къ т. X «Матеріаловъ по археологіи Кавказа») особую статью: «Сванетскія рукописныя Евангелія», въ которой онъ сравниваетъ десять новонайденныхъ текстовъ съ до тѣхъ поръ извѣстными, приводитъ перечень всѣхъ до того времени извѣстныхъ грузинскихъ рукописныхъ евангелій, указываетъ на древность Адышскаго Евангелія (IX в.) и, въ высшей степени заинтересованный предпринятымъ изученіемъ, соглашается съ моею мыслью—издать сравнительно-изученные тексты старѣйшихъ грузинскихъ евангелій, причемъ связать это изученіе съ исторіей развитія миниатюрнаго искусства въ Грузіи.

Изданіе подобнаго характера было предложено и принято Московскимъ Археологическимъ Обществомъ. И мы видимъ, А. С. Хахановъ съ тѣхъ поръ усердно берется за работу, почти ежегодно посѣщаетъ Кавказъ, не останавливается и передъ трудностями поѣздки въ Сванетію, работаетъ въ Сіонскомъ древнехранилищѣ, изучаетъ рукописи въ книгохранилищѣ «Общества распространенія грамотности среди грузинъ», въ частныхъ собраніяхъ, въ монастыряхъ разныхъ угловъ Кавказа (которыя пришлось объѣздить и мнѣ для собранія свѣдѣній по миниатюрному искусству).

Въ 1910 г. тифлиссскій фотографъ Ермаковъ по порученію одного частнаго лица отправился въ Сванетію и вывезъ оттуда фотографіи-

ческіе снимки со всѣхъ сохранившихся листовъ Адышскаго Евангелія IX в. Находясь въ это время въ Тифлисѣ, я приобрѣла эти снимки. А. С. Хахановъ дѣлаетъ о нихъ докладъ Археологическому Обществу и рѣшаетъ издать ихъ полностью, связавши это изданіе съ тѣмъ, которое было намѣчено прежде, т. е. съ изданіемъ критическаго, сравнительно-изученнаго текста старѣйшихъ грузинскихъ евангелій. Для А. С. Хаханова открылась, такимъ образомъ, новая, трудная, кропотливо-томительная работа, которую онъ велъ усердно, но которая внезапно была прервана неумолимой смертію. Въ какой степени она не завершена? Что будетъ съ этой незавершенной работой? Какъ подойти къ ея завершенію? Кто именно возьметъ за тяжелое дѣло—разобраться въ чужомъ трудѣ и закончить его достойно, относясь съ уваженіемъ къ работѣ скончавшагося предшественника и не умаляя его заслугъ? Пока—отвѣтить на эти вопросы не возможно. Отсутствіе прямыхъ наслѣдниковъ заставило полицію опечатать наслѣдіе А. С. Хаханова, всѣ его книги и рукописи, и мы до истеченія положеннаго закономъ срока лишены возможности выяснить съ полной точностью, много ли осталось недоконченнаго въ предпринятомъ трудѣ покойника. Повидимому, изданіе было совсѣмъ почти подготовлено къ печати, и даже введеніе вчернѣ написано.

Говоря объ ученой дѣятельности А. С. Хаханова въ области археологій и вообще въ наукѣ, перебирая въ памяти все то, что касается его свѣтлой личности, трудно не упомянуть такъ же о тѣхъ отличительныхъ чертахъ его индивидуальнаго человѣческаго характера, которыя, мнѣ думается, особенно привлекали къ нему наше вниманіе и вызывали уваженіе. Именно, трудно не вспомнить его сердечную доброту, его напр. расположеніе къ молодежи, о которой онъ много-много разъ просилъ и хлопоталъ, его благорасположеніе ко всѣмъ вообще, его страстную любовь къ Кавказу и Грузіи, наконецъ—чрезвычайную его скромность, скромную оцѣнку своихъ личныхъ заслугъ.—«Прошу Васъ быть снисходительной», писалъ онъ напр. мнѣ присылая одну изъ своихъ работъ, «къ неполнотѣ и неточности данныхъ мною объяснительныхъ свѣдѣній: новизна работы можетъ служить обстоятельствомъ, смягчающимъ мою вину. Любовь къ наукѣ и въ частности къ Грузіи—вѣрное ручательство въ томъ, что дальнѣйшія работы по археологій будутъ исполнены мною съ большимъ умѣніемъ и успѣхомъ».

Тяжко и грустно терять такого человѣка и ученаго. Миръ праху его, и да будетъ, по народному выраженію, земля ему легка!

Память покойнаго присутствующими была почтена поднятіемъ съ мѣстъ.

Посмертная статья А. С. Хаханова.

Сокращения словъ въ грузинскихъ рукописяхъ ¹⁾.

Покойный профессоръ Мюнхенскаго университета Людвигъ Траубе въ своемъ изслѣдованіи *Nomina Sacra* ²⁾ далъ опытъ историческаго обзора сокращенія словъ въ священномъ писаніи. Онъ выражаетъ въ концѣ своего изслѣдованія сожалѣніе, что, на ряду съ привлеченными имъ рукописями греческими, латинскими, коптскими, готскими и армянскими, онъ не былъ въ состояніи использовать результаты изученія грузинской палеографіи по интересующему его вопросу. Желая внести запоздалую лепту въ „Исторію христіанскихъ сокращеній“, я собралъ всѣ случаи стягиванія словъ подъ титло (контракція) и пропуска конечныхъ слоговъ (суспензію), или какъ Траубе называетъ, факты *Weglassung*'а и *Auslassung*'а. Проф. Траубе различаетъ двѣ группы словъ, подвергшихся сокращенію въ рукописяхъ священнаго писанія. Первая группа заключаетъ въ себѣ два слова: *θεός* и *Κύριος*. Сокращеніе ихъ извѣстно еще въ еврейскихъ рукописяхъ. Въ греческихъ спискахъ 70-ти толковниковъ замѣчены имъ принятыя у евреевъ формы сокращенія тѣхъ словъ, которыя по-гречески переданы терминами *θεός* и *Κύριος*. Поэтому формы сокращенія названныхъ словъ онъ называетъ еврейскими. Но въ спискахъ христіанскихъ переписчиковъ *Septuaginta* (LXX) и въ греческихъ рукописяхъ Новаго Завѣта появляется новая группа словъ, подвергшихся сокращенію, а именно сокращенныя формы онъ отмѣчаетъ въ слѣдующихъ словахъ: *Πνεῦμα*, *πατήρ*, *οὐρανός*, *ἄνθρωπος*, *Δαυὶδ*, *Ἰσραήλ*, *Ἱερουσαλήμ*, *Ἰησοῦς*, *Χριστός*, *Ἰῶς*, *Σωτήρ*, *Σταυρός*, *Μήτηρ*, всего 13 словъ; вмѣстѣ съ двумя словами первой группы 15 словъ. Сокращения ихъ онъ подводитъ подъ варианты, распредѣленные по 6 группамъ.

1. $\overline{\Theta\Sigma}$ $\overline{Κ\Sigma}$ ($\overline{\Pi\rho}$) ($\overline{\Delta\Delta}$) $\overline{\Gamma\Sigma}$ $\overline{Χ\Sigma}$ $\overline{\Gamma\varsigma}$ ($\overline{\Sigma\rho}$), $\overline{Μ\rho}$
2. $\overline{\Pi\Lambda}$ ($\overline{\Pi\Lambda\rho}$) $\overline{\Delta\Delta}$ ($\overline{\Gamma\Lambda}$) ($\overline{\Gamma\epsilon\mu}$) ($\overline{\Gamma\eta\Sigma}$) ($\overline{\chi\rho\Sigma}$) ($\overline{\Sigma\omega\rho}$) $\overline{\Sigma\tau\Sigma}$ $\overline{Μ\overline{\Pi\rho}}$
3. ($\overline{\Pi\mu\alpha}$) $\overline{\Pi\eta\rho}$ $\overline{\Gamma\eta\lambda}$ ($\overline{\Gamma\eta\mu}$) $\overline{\Sigma\eta\rho}$ ($\overline{Μ\eta\rho}$)
4. $\overline{\Lambda\overline{\nu\omicron}\Sigma}$ ($\overline{\Gamma\eta\eta\lambda}$); $\overline{\Gamma\lambda\eta\mu}$
5. $\overline{\omicron\overline{\nu\omicron}\Sigma}$ ($\overline{\Lambda\overline{\Pi\omicron}\Sigma}$) $\overline{\Gamma\epsilon\lambda\eta\mu}$
6. ($\overline{\Lambda\overline{\theta\rho\Pi\Sigma}$) $\overline{\Sigma\tau\rho\Sigma}$

Обратимся къ сокращеніямъ въ грузинскихъ спискахъ; я имѣю главн. образомъ въ виду такъ называемое урбинское евангеліе X в. *θεός* Богъ, *ἑδρεύον* въ грузинскихъ рукописяхъ всегда сокращается по

¹⁾ Рукописный оригиналъ покойника крайне нечетокъ, и редакторъ проситъ извиненія, если въ издаваемую замѣтку вкрались опечатки, особенно въ грузинскихъ словахъ. А. К.

²⁾ *Nomina sacra. Versuch einer Geschichte der christlichen Kürzung.* München. 1907.

Γῖος, сынъ, ძი въ грузинскихъ рукописяхъ не сокращается, равно и въ косвен. пад. напр., ძედ, — очевидно потому, что слово это двубуквенное и односложное и не подлежитъ стягиванію.

Σωτήρ, Спаситель, მაცხოვარი сокращается въ формѣ მცხარი, съ пропускомъ четырехъ буквъ.

Σταυρός, Крестъ, ჯვარი сокращается въ ჯრო, равно и въ производныхъ словахъ ჯრცმდ.

Такимъ образомъ, сравненіе сокращеній въ грузинскихъ рукописяхъ съ таковыми въ греческихъ приводитъ къ заключенію, что грузинскіе переводчики священнаго писанія слѣдовали греческимъ оригиналамъ съ тѣмъ лишь отступленіемъ, что не подвергали сокращенію слово ძი въ виду его односложности изъ двухъ буквъ, равно въ не согласіи съ греческимъ образцомъ не стягивали подъ титло მამ и დედა. Что же касается до слова ცა, то оно, какъ односложное (изъ двухъ буквъ), сокращалось лишь во множ. ч.: ცნი, ცთა и пр.

Помимо вышеперечисленныхъ словъ, сокращаемыхъ въ грузинскихъ спискахъ по образцу греческому, слѣдуетъ отмѣтить еще нѣсколько словъ и формъ, стягиваемыхъ подъ титло.

Царь მეფე сокращается въ формѣ მეფ, отсюда მეფბა; святой აციოc сокращ. одной буквой წ, какъ въ латин. s или წა წნი и

Имена: Марія, მარიამ сокращается въ формѣ მრამ, Матвѣй მათე въ მთბ, Маркъ მარკოb въ მრკ, Лука, ლუკა въ ლკა, Иоаннъ იოანე въ ივნე (род. пад. ივნესი), Петръ პეტრე, Захарія, ზაქარია въ ზაქრა

Однако другія имена въ томъ же спискѣ урбнисскаго евангелія даны въ полной формѣ, таковы: ფილიპე, ნათანაელ, ანდრია, სიმონ, პილატე, აბრაჰამი და აბრაჰამი, ისააკი, თარაე, კაინან, ნოვი, (ლამაქისა) და ელისაბეთი (და ელისაბედ)

Прежде чѣмъ перейти къ перечисленію отдѣльныхъ словъ, сокращающихся въ той или другой формѣ, отмѣтимъ прежде всего общій приемъ сокращенія въ склоненіяхъ именъ и въ спряженіяхъ глаголовъ.

Въ повѣств. пад. (или т. н. мѣстоименномъ) окончаніе მან всегда сокращается въ მნ: მამნი თავდმნი, ნთლისმცემდმნი. Въ твор. 2-мъ ად сокращается въ დ: გნგბდ სხლდ, დბდ (დიდბად), ქლქდ. Зват. пад. отъ მოძღვარი: მოძღვარი. Во 2-мъ множ. ч. сокращаются въ имен. пад. съ пропускомъ гласнаго звука предъ признакомъ множ. ч. ნ: მწფნი, მწფნი.

Въ косвен. пад. та же система сокращенія: საუნჯთა, მწფთა. Слѣдуетъ отмѣтить, хотя и рѣдкое, употребленіе и первой формы множ. ч. на ბი: ქცები. Предъ окончаніемъ ა пропускается конечная гласная: ლცვა, დე, დე, ყრმდე. Въ глаголѣ пропускается гласная буква ე предъ конечнымъ согласнымъ звукомъ: სტიროდთ, ჰყვნ, იყვნთ, იყვნს, წარვიდს, შეოვრაცხენს, სთხოვდს. Слово сказалъ ჰრქოვა-სთქოვა сокращается двояко: ჰქა და თქა, во множ. ч. ჰქეს.

Любопытно отмѣтить сліяніе вспомогательнаго глагола бѣть въ 3 л. ед. ч. არს съ предшествующимъ именемъ прилагательнымъ съ пропускомъ начальнаго ა: წმს=წმიდა არს, ოვფროსრს=ოვფროს არს. Пропускъ ა предъ окончаніемъ прош. несов. вр.: იტყდა, იტყდეს

оврагами и представляетъ нѣчто вродѣ полуострова. Исслѣдованія я началъ съ большого оврага, гдѣ сразу наткнулся на нѣсколько каменныхъ плитъ, на одной изъ которыхъ я съумѣлъ прочесть: *Թոմի Էր* (two ибъ ѳр) былъ (о) въ году 622=1173.

Наверху, около лѣсной тропинки, лежитъ большой камень, собственно «хачъ», который повидимому служилъ надставкой или верхомъ надъ входомъ въ церковь; центръ его весь выдолбленъ. Камень этотъ испещренъ надписями, изъ которыхъ центральная—насколько можно разобрать—гласитъ: «Въ году армянскомъ 709=1260 волею Бога и милостью всемогущаго Христа я, Саргисъ, построилъ эту церковь во время правленія владыки Іоанна». Подъ владыкой Іоанномъ надпись имѣетъ въ виду не католикоса (въ то время на патриаршемъ престолѣ сидѣлъ Константинъ, умершій приблизительно въ 1267 г.), а епархіальнаго начальника Гардманской области—архіепископа Іоанна, которому историкъ Варданъ Великій XIII в. посвящаетъ нѣсколько восторженныхъ страницъ.

За этимъ камнемъ находятся два громадныя камня, изъ которыхъ одинъ воткнутъ въ другой. На одномъ изъ нихъ, потолще, была высѣчена надпись въ 34 строки, изъ которыхъ 16-ая вовсе не поддавалась моему чтенію, а остальные были сильно повреждены.

По нѣкоторымъ даннымъ я думаю, что эта надпись относится къ 705=1256 году. Толщина камня—29=23 с., и въ каждой строкѣ отъ 8 до 10-11 буквъ.

При обсужденіи доклада (въ чемъ приняли участіе К. І. Костаньянъ и графиня П. С. Уварова), высказано было пожеланіе, чтобы надписи въ развалинахъ Кошки Хачъ, несомнѣнно очень интересныя, были сняты эстампажнымъ способомъ, устраняющимъ сомнѣнія въ точности чтенія надписей. Референтъ обѣщаль доставить такіе снимки въ январѣ.

6) А. Е. Крымскій сдѣлалъ сообщеніе: «Изъ области арабской лингвистики». Сверхъ нѣкоторыхъ синтактическихъ вопросовъ (касательно оборота «идъа би»), референтъ вновь обратился къ неразъ обсуждавшемуся въ Комиссіи вопросу о древне-русской ногатѣ. Референтъ считаетъ несомнѣнно доказаннымъ мнѣніе, которое недавно съ обстоятельностью развилъ В. К. Трутовскій¹⁾, что «ногата» была не мѣховая, а серебряная монетная единица²⁾, и что въ названіи ея мы имѣемъ арабское «нард», означающее сплошь-дарядомъ дирхемъ. Но, только, докладчикъ не можетъ согласиться съ гипотезой В. К. Трутовскаго о томъ, что, такъ-какъ въ арабскомъ

1) Заключительная работа В. К. Трутовскаго издана въ нынѣшнемъ выпускѣ.

2) Наличие въ малорусскомъ языкѣ, напр. Кіевщины, словъ „ногатый“ (=обладающій ногами, противополож. „безногий“) и „ногатка“ (=кадка на ножкахъ) нисколько не опровергаетъ того факта, что въ той же Кіевщинѣ слово „ногата“ было встарь названіемъ металлической монеты, заимствованной съ востока.

глагольномъ корнѣ «нд» заключается понятіе о ломкѣ, то имя «ногата» можетъ означать собою дирхемъ, разломанный пополамъ, т.-е. $\frac{1}{2}$ дирхема. Референту во 1-хъ не извѣстны случаи, чтобы глагольный корень «нд» могъ въ арабскихъ текстахъ указывать на дѣленіе пополамъ ¹⁾, а во 2-хъ имя «нард» въ слишкомъ общеизвѣстномъ употребленіи примѣняется у арабовъ какъ-разъ къ отборному, къ полномѣсному дирхему (напр. «*hâdâ d-dirhamu narḍon*» = «этотъ дирхемъ полномѣсенъ»). И даже въ нынѣшнемъ, живомъ арабскомъ языкѣ терминъ «нард» (сверхъ обычнаго значенія: «наличные деньги») кое-гдѣ сохраняетъ еще значеніе: «монета съ полнымъ вѣсомъ» (синонимъ «*kāmil*»). Поэтому А. Е. Крымскій находилъ бы съ филологической стороны болѣе естественнымъ, чтобы древне-русская «ногата» означала просто дирхемъ, а не кусокъ его.

М. О. Аттая съ своей стороны присоединился къ мнѣнію докладчика, что «нард» не должно бы означать $\frac{1}{2}$ дирхема. Но насчетъ оборота «*idâ bi-hi*», именно насчетъ указанія Флейшера, что въ немъ надо подразумѣвать глаголь «*aḡassa*» или «*baṣara*», М. О. Аттая высказалъ сомнѣнія.

7) Доклады В. А. Гордлевскаго:

а) «Работы исламской секціи на XVI международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Афинахъ весной 1912 года». ²⁾

б) Къ личной ономастикѣ у османцевъ.

Въ замѣткѣ «Къ вопросу о нареченіи имени у турецкихъ племенъ» А. Н. Самойловичъ выразилъ пожеланіе, чтобы изслѣдователи разныхъ турецкихъ племенъ обратили вниманіе на личные имена (*Живая Старина*, 1911, № 2, стр. 299). Такъ какъ замѣтка была вызвана моими этнографическими мелочами «Рожденіе ребенка и его воспитаніе» (*Этнографическое Обозрѣніе*, 1910, № 3—4, стр. 167—170), я тогда же рѣшилъ привести въ порядокъ свои наблюденія надъ именами османскихъ турокъ. Свои наблюденія я производилъ преимущественно въ Константинополь, гдѣ—увы!—быстро сметаются уже старинные обычаи; впрочемъ, цѣнные факты сообщали мнѣ уроженцы Малой Азіи, — вообще, лица, недавно перебравшіяся въ Константинополь. Для группировки именъ (прозвищъ) большое подспорье нашелъ я (сперва) въ «Сборникѣ текке» Ахмеда Мюниба Скутарійскаго (Константинополь. 1307 г. х.), въ которомъ указаны основатели, или благотворители текке.

¹⁾ «Нд» говорится, въ глагольномъ смыслѣ, о выщербленіи (напр. копыта), продабливаніи (напр. скорлупы яйца насѣдкой), вычисткѣ (орѣха) и т. п., отсюда — обь отборкѣ хорошихъ монетъ отъ дурныхъ, и пр.

²⁾ Съ сокращеніями, докладъ В. А. Гордлевскаго о XVI съѣздѣ напечатанъ въ петербургскомъ журналѣ «Міръ Ислама». 1912, т. I, № 3, стр. 510—515. *Ред.*

Первоначально среди османцевъ сохранялись старыя имена, говорившія о до-мусульманскомъ, кочевомъ, укладѣ жизни: *Тоурулъ-бей* (Соколъ); *Тай* (Жеребецъ); *Ай* (Луна), *Гюндюзъ* (Солнце)¹⁾; Якшибей, сынъ *Тимуръ-таша* (полководецъ Османа); *Каракуишъ* (Орелъ),— въ представленіи народа везиръ султана Салахъ-эд-дина, и др. Животныя, повидимому, — тотемы родовъ; орелъ—скорѣе—символь царственного величія. Животная номенклатура наблюдается еще у зейбековъ (полудикихъ османцевъ, живущихъ въ Айдынскомъ вилайетѣ); такъ, между зейбеками извѣстны роды: *чижан* (ящерица), *боз чакал* (бурый шакалъ), и др.; то же у юрюковъ.

Османскій султанъ *Орханъ* (*Урханъ*)²⁾, сынъ Османа, отецъ Мурада I, выросшій въ мусульманской семьѣ, сохранился въ исторіи подъ прозвищемъ, а мусульманское имя — забыто.

Уклоненія отъ мусульманской ономастики объясняются теперь какъ исключенія. Когда надъ семьей разражается несчастье, мысль мусульманина инстинктивно обращается назадъ, и онъ ищетъ себѣ заступничества, въ борьбѣ съ судьбой, въ старыхъ вѣрованіяхъ. Это ощущается на выборѣ имени въ семьѣ, гдѣ дѣти умираютъ. Для сохраненія ребенка родители даютъ новорожденному, — безразлично, мальчику или дѣвочкѣ, — имена: *Яшаръ* (Онъ будетъ жить, онъ выживетъ); *Дурсунъ*³⁾ (Пусть устоитъ) или (прегвантно) *Дурмушъ* (Онъ устоялъ)⁴⁾. Это имя, такъ-сказать, некалендарное, въ общежитіи вытѣсняетъ имя каноническое, мусульманское. Или: совершаютъ фиктивную продажу ребенка, и называютъ его *Сатылмышъ*⁵⁾ (Проданный). Злой духъ, послѣ этого, теряетъ силу надъ младенцемъ, который юридически составляетъ уже какъ бы собственность другого лица. Обычай распространенъ и среди другихъ турецкихъ племенъ (у киргизовъ, напр., нерѣдко имя *Сатылманъ*) Имена: *Дурмушъ*, *Сатылмышъ*, представляющія причастіе прошедшаго времени на *мыш*, вскрываютъ процессъ созданія имени, или прозвища изъ единичнаго факта. На островѣ Критѣ оберегомъ отъ злой силы служитъ имя *Арапъ*, — фигура арапа такъ непривлекательна или страшна, что, конечно, — думаетъ критскій мусульманинъ, — злой духъ не позарится на ребенка и оставитъ его въ покоѣ. Какъ у туркменовъ: *Итъ-алмазъ* (Собака не возьметъ), — очевидно, и нечистая сила устыдится брать (А. Самойловичъ, стр. 299). Въ Варнѣ, для предохраненія ребенка отъ преждевременной смерти, — какъ это ни странно съ мусульманской точки зрѣнія, — младенецъ наследуетъ имя отца; вѣроятно, это нужно

1) Впрочемъ, еще въ XVI вѣкѣ, — *Алзъ* - паша („Ясное морозное небо“).

2) *Уръ* [= *Вуръ*] ханъ (Ханъ „Бей!“)?

3) Такъ звали знаменитаго ходжу эпохи султана Османа I (Дурсунъ „факхъ“).

4) Можетъ-быть, суевѣрный намекъ заключается въ арабскомъ прозвищѣ историка Мустафы *Найма* [Онъ явился] „Божіимъ благодѣаніемъ“); Найма былъ родомъ изъ сѣверной Сиріи.

5) Это имя значилось въ спискѣ лицъ, умершихъ въ Авгорѣ отъ холеры въ 1911 году.

сопоставить съ обычаемъ выбирать ребенку имена наиболее долговѣчнаго члена рода ¹⁾.

Въ османскихъ сказкахъ герой-слуга, желая зло подшутить надъ хозяиномъ, принимаетъ имена: *Кесъ-бичъ* (Рѣжь, кроши!); *Кыръ-дывъ* (Ломай, бей!), и на недоумѣнный вопросъ хозяина отвѣчаетъ: „Почемъ мнѣ знать; такъ мать меня кличетъ!“ ²⁾.

Выборъ имени у христіанъ облегчается святцами, — совпадениемъ дня рожденія ребенка съ днемъ святаго. У мусульманъ, — особенно въ провинціи, — ребенокъ нерѣдко называется по священному мѣсяцу или дню; такъ, напр., *Мевлюдъ* (родившійся въ *мевлюдъ*, — день рожденія пророка Мохаммеда); *Реджебъ*, *Шабанъ*, *Рамазанъ*. У туркменовъ конійскихъ иногда ребенокъ просто называется *Булдукъ* (Обрѣтанный). Кругъ именъ у мусульманина такимъ образомъ ограниченъ. Чаше всего выбираются имена Пророка, ближайшихъ сподвижниковъ или родныхъ: Мохаммедъ, Ахмедъ, Мустафа, Омаръ, Османъ, Алій, Хасанъ, Хусейнъ и др.; имена пророковъ, какъ, напр., Ибрагимъ³⁾ (= Авраамъ), Ильясъ (= Илья), Муса (= Моисей) и др. Имена пророковъ избираются въ исполненіе воли Мохаммеда, выраженной въ хадисѣ: «Давайте дѣтямъ вашимъ имена пророковъ» ³⁾. Изъ благоговѣнія, впрочемъ, имя Пророка у простыхъ смертныхъ измѣнено въ Мехмедъ ⁴⁾.

¹⁾ На обрядахъ, сопровождающихъ рожденіе ребенка, отражаются еще суевѣрія: такъ, на лобъ ребенку кладутъ деньги (чтобы былъ богатъ); прячутъ въ бумагу пчелъ (отъ дурного глаза).

²⁾ J. Kúnos, Türkische Volksmärchen aus Adakale. Leipzig — New York. 1907. Сказка № 39.

³⁾ Хадисъ этотъ — одинъ изъ самыхъ старинныхъ. Онъ имѣется и въ хадисномъ сборникѣ „Сахихъ“ аль-Бохарія (род. 810, ум. 870, см. по егип. изд. 1313 = 1896, т. IV, стр. 50 — 51, отдѣлъ „Адабъ“); онъ же имѣется и въ другомъ „Сахихѣ“, Бохаріева современника и ученика — Мюслима Нишапурскаго (817—875); см. по египетскому изданію 1290—1873 г. т. II, стр. 170 — 171, тоже отдѣлъ „Адабъ“. Есть у Мюслима одинъ хадисъ (см. тамъ же, т. II, стр. 168 : 6 снизу), изъ котораго вытекаетъ, что подобное правило дарованія именъ человѣку въ честь пророковъ и святыхъ Мохаммедъ заимствовалъ у христіанъ; это видно изъ того удивленія, съ какимъ говоритъ Мохаммеду его сподвижникъ объ именахъ у христіанъ Наджрâна (въ Йеменѣ), и изъ отвѣта Мохаммеда: „Да, у нихъ въ ходу имена пророковъ и прежнихъ праведниковъ (сâлыгъ)“. — Рядъ хадисовъ Мюслима Нишапурскаго гласитъ также, что Мохаммедъ считалъ наиболее пріятнымъ для Господа имя „рабъ Бога“ (= Абдаллахъ) и „рабъ Милосерднаго“ (= Абдаррахманъ); см. тамъ же, т. II, стр. 167 : 21; 168 : 19; 170 : 12; 170 : 19; 170 : 28. Бохарій IV, 50 : 13; 50 : 19. По хадисамъ Бохарія и Мюслима оказывается, что и свое имя („Мохаммедъ“) Мохаммедъ свободно разрѣшилъ носить правовѣрнымъ, лишь бы не въ сочетаніи „Мохаммедъ Абуль-Кâсымъ“ (Бохарій, т. IV, 50; и IV, 51; Мюслимъ т. II, 167), которое черезчуръ близко совпадало съ семейнымъ именемъ исламскаго апостола. Воспретилъ онъ имена, подобающія лишь Всевышнему (Бохарій, т. IV, 51 : 26 и слѣд.; Мюслимъ, т. II, 170 : 3), равно какъ и имена гнусныя (Мюслимъ, т. II, 168).

⁴⁾ Вслѣдствіе широкой распространенности имени Мехмедъ уменьшилось слово *Мемеджикъ* въ Константинополѣ значить: неотесанный, деревенщина.

Впрочемъ, наблюдается у османцевъ своего рода мода на имена. Такъ, въ старину бывали имена библейскія: *Месихъ* (=Мессія) паша, *Иса* (=Иисусъ), *Нухъ* (=Ной). Эпоха увлеченія персидской культурой сохранила имена: *Рустемъ* (паша), *Заль* (Махмудъ паша), *Ферхадъ*, полководецъ султана Сулеймана Законодателя. Изрѣдка «старомодныя» имена попадаются и теперь: въ Коніи я зналъ старика Ису (вульгарно: *Эсе*); *Хуршидъ* - паша (морской министр); сотрудника Шинаси-эфенди звали *Аляхъ*, и т. д. Безкровный переворотъ, совершонный младотурками въ 1908 году, прославилъ имена офицеровъ: Ніязи и Энвера, и за послѣдніе четыре года въ дѣтяхъ своихъ родители хотятъ видѣть напоминаніе о герояхъ революціи.

Иногда выборъ имени опредѣляется религіозными симпатіями. Такъ, напр., бекташи охотно носятъ имена: *Ахмедъ*, *Мехмедъ*, *Хасанъ*; но, какъ секта, уклоняющаяся въ шіитство, бекташи избѣгаютъ именъ первыхъ трехъ халифовъ (*Абу-Бекръ*, *Омаръ*, *Османъ*).¹⁾

Въ деревнѣ мусульманинъ носитъ обыкновенно одно имя; но бываетъ у османца два имени. Одно дается при рожденіи (имамъ, читая надъ ухомъ ребенка эзанъ, такъ-сказать, включаетъ его въ общину мусульманскую и вдуваетъ ему имя)²⁾; другое имя прибавляется изъ религіозныхъ соображеній, — такъ, чтобы во время обряда *телкинъ* легко было вспомнить его; поэтому выбираютъ общеизвѣстныя имена. Играть роль также соображенія другого порядка: въ османцѣ сохраняется еще пережитокъ возрѣнія на тѣсную органическую связь имени съ предметомъ³⁾: имя, — думаетъ османецъ, — вліяетъ на образованіе характера; оно прегнантно должно указывать въ носителѣ на то или иное качество: напр., Мехмедъ *Талиръ* (Чистый), Мехмедъ *Кемаль* (Совершенство) и т. д. Въ «интеллигентныхъ» кругахъ руководятся, Впрочемъ, принципомъ противоположенія; такъ, М. Эминъ, авторъ «Турецкихъ стихотвореній», говорилъ: «Въ именахъ бываетъ наоборотъ («ісімілер аксі чікыјор»). Я назвалъ своего сына *Халимъ* (Кроткій), такъ какъ желаю, чтобы онъ былъ сильный».

Мой учитель константинопольскій, Ахмедъ, уже кончая Учительскую Семинарію, принялъ имя *Расимъ*, потому что сумма буквенныхъ знаковъ по *абеджеду* равнялась году рожденія. Иногда отецъ, желая увѣковѣчить память о своемъ другѣ, сохраняетъ имя его на своемъ ребенкѣ. Возможно, двойныя мусульманскія имена у османцевъ указываютъ на старинный обычай сочетанія двухъ разнородныхъ

¹⁾ G. Jacob, Die Bektaschijje in ihrem Verhältnis zu verwandten Erscheinungen. München. 1909, стр. 31—32.

²⁾ Религіозный, мусульманскій, характеръ сказывается еще въ томъ, что ребенокъ, — какъ только его обмоютъ, — кладется лицомъ къ Меккѣ.

³⁾ Отголоскомъ является въ народѣ, вѣроятно, формула разспроса объ имени: „подари мнѣ свое имя!“ (ісіміні ба-гышла!).

именъ, представлявшихъ тотемы племень отца и матери. Такъ объяснялъ профессоръ Хаутсма турецкія имена: *Кылыч Арсланъ*¹⁾, и др.

На-ряду съ именемъ распространено, — особенно въ провинціи, — прозвище. Характерна, однако, рѣдкость прозвища, которое могло бы напомнить о матери. Такъ что, сынъ, отецъ котораго былъ въ оспѣ («чопур»), предпочитаетъ зваться *чопуръ-заде*, чѣмъ, напр., *дуду-заде*, хотя бы мать пользовалась уваженіемъ, — была бы почтенная дама («дуду»). Только въ исключительныхъ случаяхъ имя (прозвище) матери создаетъ какъ бы фамильное прозвище; такъ, напр., мать эмира Насиръ-эд-дина Яхьи, Биби Мюнеджимъ, какъ астрологъ, заслужила славу, и за сыномъ утвердилось прозвище *Ибнъ-Биби* (сынъ госпожи раг excellence). Скорѣе, дурная репутація матери или какой-нибудь недостатокъ создаетъ, въ простонародьѣ, сыну прозвище; такъ, напр., въ Коніи я слышалъ: *Дели Фатиме-заде* (сынъ сумасшедшей Фатимы). Метронимики, такимъ образомъ, случайны и возникли недавно.

Мотивы для прозвищ²⁾ у османцевъ различны:

I. Происхожденіе:

а) національность: *Гюрджи* Ахмедъ (Грузинъ Ахмедъ), *Арабъ-заде* (Потомокъ араба), *Татаръ* Османъ-паша (военачальникъ во время Балканской войны).

б) мѣсто происхожденія (страна, область, городъ, кварталъ города и т. д.): *Мысырлы* Ибрагимъ (Ибрагимъ изъ Египта), *Пандермалы* Шейхъ (Шейхъ изъ Пандермы), *Вардаръ* Алій паша (Алій паша, съ Вардара), *Танъ-кѣпру-заде* (авторъ знаменитаго «тезкере»), *Монастырлы* Исмаиль Хаккы (Исмаиль Хаккы, родомъ изъ Монастыря, — современный богословъ-проповѣдникъ); *Халепли-заде* (потомокъ уроженца Халеба (Алеппо)); *Кѣпрулю-заде* (семья знаменитыхъ везировъ); *Кючюкъ Ая Софьялы* Ашки (Ашки, жительствующій въ кварталѣ Кючюкъ Ая-Софья, — знаменитый меддахъ); *Атъ назары* Османъ (Османъ съ «Конскаго торга»).

Примѣчаніе: Прозвища въ литературныхъ памятникахъ сочетаются иногда съ именемъ на иностранный ладъ посредствомъ і «отношенія» (*нисбе*); напр., Ибрагимъ Карамани (Ибрагимъ, родомъ изъ Карамана). — По-османски прозвище, какъ постоянное свойство, или качество лица, обязательно предшествуетъ имени.

II. Примѣты:

а) цвѣтъ волосъ, глазъ. Какъ прежде охотно обозначали человѣка путемъ опредѣленія цвѣта (часты были прозвища, заключающія слова: *ак* (бѣлый), *кара* (черный); такъ и теперь уклоненіе отъ обычнаго типа создаетъ прозвище: напр., *Сары* Исмаиль (Свѣтлорусый

1) Th. Houtsma, Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden. 1894, стр. 33.

2) Литературные псевдонимы (*техаллюсъ*) изъ обозрѣнія, конечно, исключаются.

Исмаилъ); *Караѣзъ* Мехмедъ (Черноокій Мехмедъ); *Чакыръ*-ага (Голубо-глазый ага), *Чини* оглумъ (то же), въ Коніи ¹⁾).

б) фигура, походка и т. д.: напр., *Ийне* бей (Иголка бей, — какъ спичка, — намекъ на худобу), *Серче* бей (Воробушекъ бей, — намекъ на миниатюрность), *Апышъ* ²⁾ Ахмедъ (Уваленъ Ахмедъ); *Каба кулакъ* (Вислоухій, — прозвище великаго везира), *Тосунъ* паша (Бычекъ паша, — намекъ на силу) ³⁾; *Кара мазы* Мехмедъ ⁴⁾ («Крошка» Мехмедъ); *Ачикъ-башъ* (обнаженная голова), — прозвище анатолійскаго ходжи; *Кючюкъ* Саидъ-паша (Крошка Саидъ паша, — великій везиръ).

в) физическій недостатокъ: напр., *Алты пармакъ* (шести-палый, — прозвище историка); *Топалъ-оглу* (Сынъ хромца); *Кѣсе* Алій-паша (Алій-паша съ жидкой бороденкой), — кипрскій намѣстникъ XVII в.; *Пене* Мехмедъ паша (Зайка Мехмедъ-паша).

Въ народномъ разсказѣ, Суетунъ ходжа Недимъ, какъ бы указывая на процессъ образованія прозвищъ, заявляетъ: «если у меня не будетъ носа, за мной останется кличка *Бурунсузъ* (Безносый)». ⁵⁾

III. Характеръ, свойство, склонность:

Дели Мехмедъ (Сумасшедшій, Юродивый Мехмедъ); *Кара польмезъ* Мехмедъ (Сумрачный Мехмедъ), — знаменитый ученый; *Мелекъ* Ахмедъ (Ангель Ахмедъ); *Чѣпъ* Хасанъ (Спичечка Хасанъ = Пушкинка Хасанъ, — намекъ на легкомысліе); *Атешъ* Мехмедъ-паша (Огонь Мехмедъ паша, — реорганизаторъ османскаго флота); *Софу* Мехмедъ паша (Ханжа Мехмедъ-паша); *Местъ* Селимъ II (султанъ Селимъ II Пьяница) *Явузъ* Селимъ I (Селимъ I „Грозный“); *Курукъ* имамъ (Имамъ, Кислый виноградъ), — прозванный такъ за то, что на лицѣ его изображалась „кисло-сладкая мина“ недовольства ⁶⁾; „*Шинди ѣрурсезъ*“ (Скоро узнаете!), — рекомендуется Куршудъ-беку лермонтовскій „Ашикъ Керибъ“. Иногда, впрочемъ, прозвище понимается въ обратномъ смыслѣ: такъ, въ Коніи сохранилась мечеть „Пинти-хатунъ“ („Пинти хатун месджиді“), но слово *пинти* (неряшливый, скопидомъ) указываетъ какъ-разъ на щедрость женщины, выстроившей въ городѣ мечеть.

IV. Профессія, или занятіе отца, — „вѣдь такъ ужъ из-стари ведется, что по отцу и сыну честь“:

Хекимъ-заде Али-паша (Алій-паша, сынъ доктора), *Хафызъ-оглу* (сынъ „Хафыза“); *Шехсюваръ-оглу* Алій бей (Алій бей, сынъ военачальника), — военачальникъ султана Селима I (у Са'д-эд-дина); *Солакъ-заде* (сынъ „Солака“), — султанскій тѣлохранитель, шедшій съ лѣвой

¹⁾ Прозвище „*Кара*“ указываетъ иногда на отрицательныя свойства человѣка; такъ, напр., польскій король Владиславъ III обратился у османцевъ въ „*Кара Яхья*“ (Черный, Проклятый, Яхья): Jan Grzegorzewski, Grob Warneńczyka. Kraków. 1911.

²⁾ „Апышъ“, собственно, значить: паха, въ пахахъ.

³⁾ Въ народной комедіи „орта-ойну“ это слово выражаетъ ласку.

⁴⁾ Плодъ кустарника (въ Эдремитѣ).

⁵⁾ Fr. Giese, Der übereifrige Hodscha Nedim (=Türkische Bibliothek, VIII), стр. 10.

⁶⁾ Th. Menzel, Türkische Bibliothek, III, стр. 12, примѣчаніе 2.

стороны коня); *Чазаръ-йекъ-заде* (сынъ страстнаго игрока въ трикъ-тракъ).

V. Собственная профессія, или занятіе, должность и т. д.:

Гюлюшъ Юзени Мехмедъ юзенги-агасы (Мехмедъ, стремя котораго серебряное)¹⁾; *Хаффафъ* Хюсейнъ (сапожникъ Хюсейнъ); *Коджа Сейбанъ-баши* (Старый янычаръ „собачникъ“, авторъ политическаго трактата); *Фатихъ* Мехмедъ II (Мехмедъ II, завоеватель Константинополя); *Муаллимъ* Наджи (Профессоръ Наджи,—современный писатель); *Ходжа* Мустафа паша (Мустафа паша, *si devant* „ходжа“,—духовный учитель); *Шехидъ* (Мученикъ) такой-то²⁾, *Хаджи* (Ахмедъ),—Ахмедъ, совершившій паломничество. Выразительны прозвища великихъ везировъ эпохи упадка Османской имперіи: напр., *Емишчи* Хасанъ (Хасанъ, продавецъ фруктовъ), *Налбандъ* Мехмедъ (Мехмедъ кузнецъ), *Ашчи-баши* (старшій поварь).

Иногда, чтобы не называть своимъ именемъ низкой профессіи, употребляютъ мягкія выраженія, своего рода эвфемизмъ: такъ, напр. въ Коніи одного человѣка, подбиравшаго на улицахъ падалъ, звали *Эли темизъ...* (Человѣкъ, рука котораго чиста).

VI. Соціальное или общественное положеніе:

Потамосъ-заде,—(такъ зовутъ на Критѣ богатую мусульманскую семью, къ которой деньги текутъ быстро, какъ рѣка); *Курдъ-оглу* (сынъ Волка,—богачъ); *Чиви-заде* (сынъ гвоздя—богачъ)³⁾; *Аяклы кютибхане* (Ходячая Библиотека, прозвище ученаго, времени султана Абдуль-Хамида I, Мюфти-заде Мехмеда).

VII. Историческія прозвища:

Хезаръ паре Ахмедъ паша (великій везиръ султана Ибрагима, разорванный янычарами на „тысячу кусковъ“); *Йирми сикизъ* Мехмедъ-челеби (28 Мехмедъ-челеби,—османскій чрезвычайный посоль въ Францію, выдвинувшійся по службѣ уже 28 лѣтъ отъ роду).

Въ провинціи прозвища обращаются уже въ фамиліи, да и то больше у знати, или у мѣстныхъ тузовъ; создается, такимъ образомъ, фамильная традиція, и въ общественной жизни такія фамиліи играютъ большую роль (Белебанлы-заде, родъ въ Пергамѣ). Въ Константинополѣ, наоборотъ, изъ-за отсутствія фамильныхъ прозвищъ происходитъ путаница⁴⁾, и въ школахъ, напр., каждый ученикъ числится подъ особымъ номеромъ; такъ ихъ и вызываютъ, такъ и публикуются

¹⁾ Th. Menzel, Türkische Bibliothek, III, стр. 41.

²⁾ Если слово „*шеhid*“ стоитъ за именемъ, оно является (по смыслу) опредѣленіемъ; говорящій какъ бы сомнѣвается еще въ мученичествѣ лица.

³⁾ См. G. Jacob, Xoros Kardasch (=Türkische Bibliothek. Bnd. V), стр. 46, примѣчаніе.

⁴⁾ Въ Босніи, впрочемъ, сербскіе мусульмане носятъ фамиліи: напр., *Мукиббичъ*, *Узуничъ*, отъ словъ „мухиббъ“ (другъ), „узунъ“ (длинный).

списки учениковъ объ окончаніи школы (у воспитанниковъ военныхъ школъ на погонахъ вышивается обыкновенно число). Въ самое послѣднее время, — не безъ западнаго вліянія, — „интеллигентные“ османцы (особенно доктора) вздумали вводить фамиліи, но обычай этотъ плохо прививается. Такимъ образомъ, умираетъ человекъ, и съ нимъ умираетъ и имя его ¹⁾. Женщины (писательницы), на европейскій ладъ, принимаютъ имя мужа: такъ, напр., Халиде, выйдя замужъ, стала по мужу называться Халиде *Салихъ*; но какъ только развелась, мужское имя Салихъ исчезло, и она подписывается уже *Эдибъ* (Литераторша).

Иногда встрѣчаются въ Константинополѣ османцы, носящіе три имени, но это — провинціальныя роды, осѣвшіе нѣкогда въ Константинополѣ: напр., *Мехмедъ Мазхаръ Неджати*; Мехмедъ — личное имя („асыл ісім“), Мазхаръ („гöбек ісімі“), ²⁾ Неджати — фамильное имя (педерін ісімі).

Въ общественныхъ отношеніяхъ безыменность, или безфамильность — создаетъ путаницу и наводитъ на печальныя мысли. Трудно поэтому опредѣлять родство даже между братьями и родственниками, носящими обыкновенно различныя имена. „У насъ нѣтъ связи съ предками“, — справедливо жалуется критскій мусульманинъ, фотографъ Рамзи-заде Беха ³⁾.

О женскихъ именахъ.

Изъ мусульманскихъ именъ часты имена: Аиша и Фатима, жена и дочь Пророка.

Въ народѣ, на-ряду съ именами, употребляются часто прозвища: *Кекликъ* (Куропатка), epitheton ornans дѣвушки; *Медине*, *Мавуша* (изъ Махвешъ = Луноликая); *Элифъ* (Дылда) ⁴⁾; *Эльмасъ* (Алмазъ); *Гюнесъ* (Солнце); *Кесбанъ* (изъ арабскаго *кезбанъ*), Лгунья — это имя встрѣчается въ Европейской Турціи.

Въ высшемъ кругу, между женами султана, распространены персидскія прозвища: напр., *Хорремъ* - султанъ, знаменитая жена султана Сулеймана Великолѣпнаго (= Роксолана).

Уменьшительныя имена.

Вмѣсто: Мехмедъ — *Мемшиъ*, Ибрагимъ — *Ибшиъ* ⁵⁾.

¹⁾ Это указалъ уже авторъ анонимной замѣтки „Турецкія имена“, переведенной, повидимому, съ нѣмецкаго языка въ *Съверной Писль*, 1840, № 128, стр. 511. Въ замѣткѣ рѣчь идетъ о мусульманскихъ именахъ, избираемыхъ преимущественно арабами.

²⁾ Смыслъ термина мѣ въ совѣмъ ясенъ.

³⁾ Сюлейманъ Бахри, *Фотографіини дерди* (Скорбь фотографа) въ журналѣ *Донанма меджмуасы*. Константинополь. Годъ II (1911), № 13, стр. 1187—1188.

⁴⁾ Въ пѣсняхъ, записанныхъ въ Конійскомъ вилайетѣ Fr. Giese (Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qoniah. Halle. a. S. 1907.

⁵⁾ Звукъ ш появляется и въ женскомъ имени *Уркушъ* изъ „Руккие“: Fr. Giese, Die Volksszenen aus Hüsn Rahmi's Roman „Iffet“. Orientalische Studien Th. Nöldeke zum siebenzigsten Geburtstage gewidmet... Gieszen. 1906. Band II, стр. 1083, прим. 6.

поэтому опредѣлять родство даже между братьями и родственниками, носящими обыкновенно различныя имена. „У насъ нѣтъ связи съ предками“, — справедливо жалуется критскій мусульманинъ, фотографъ Рамзи-заде Беха ¹⁾.

О женскихъ именахъ.

Изъ мусульманскихъ именъ часты имена: Аиша и Фатима, жена и дочь Пророка.

Въ народѣ, на-ряду съ именами, употребляются часто прозвища: *Кекликъ* (Куронатка), epitheton ornans дѣвушки; *Медине*, *Мавуша* (изъ Махвешъ = Луноликая); *Элифъ* (Дылда) ²⁾; *Элмазъ* (Алмазъ); *Гюнешъ* (Солнце); *Кесбанъ* (изъ арабскаго *кезбанъ*), Лгунья — это имя встрѣчается въ Европейской Турціи.

Въ высшемъ кругу, между женами султана, распространены персидскія прозвища: напр., *Хорремъ* - султанъ, знаменитая жена султана Сулеймана Великолепнаго (= Роксолана).

Уменьшительныя имена.

Вмѣсто: Мехмедъ—*Мешмизъ*, Ибрагимъ—*Ибшизъ* ³⁾.

Такимъ образомъ, изученіе личныхъ османскихъ именъ показываетъ, что для индивидуализаціи челоуѣка мусульманскія, арабскія, имена, значеніе которыхъ позабыто, уже недостаточны, и идетъ процессъ созданія фамильныхъ прозвищъ, необходимость которыхъ однако низшіе слои османскаго народа ощущаютъ, пожалуй, сильнѣе ⁴⁾.

№ 125. Засѣданіе 11 февраля 1913 г., подъ предсѣдательствомъ В. К. Трутовскаго, въ присутствіи гг. членовъ: О. Е. Корша, М. О. Атнаи, В. А. Гордлевскаго, В. В. Данилова, А. Г. Туманова, гостей: г-жи Акчуриной, Синькевича, Габунія, студентовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ: Аюпова, Акчурина, В. Баранова, Н. Баранова, Х. Баранова, Бибина, Быченскаго, Верницкаго, Визенберга, Гоффмана, Гюльазизова, Десницкаго, Джараяна, Качоровскаго, Копылова, Маджи, Арк. Попова, Преферанскаго, Пэя, Семенова, Тюменева, Филонова, при секретарѣ Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ.

¹⁾ Сюлейманъ Бахри, *Фотографинин derdi* (Скорбь фотографа) въ журналѣ *Доналма меджмуасы*. Константинополь. Годъ II (1911), № 13, стр. 1187—1188.

²⁾ Въ пѣсняхъ, записанныхъ въ Конійскомъ вилайетѣ Fr. Giese (Erzählungen und Lieder aus dem Vilajet Qoniah. Halle. a. S. 1907.

³⁾ Звукъ ш появляется и въ женскомъ имени *Уркушъ* изъ „Рукійе“: Fr. Giese, Die Volksszenen aus Hüsin Rahmi's Roman „Iffet“, Orientalische Studien Th. Nöldeke zum siebenzigsten Geburtstage gewidmet.. Gieszen. 1906. Band II, стр. 1083, прим. 6.

⁴⁾ Авторъ этой статьи не воспользовался довольно большой работой на ту же тему—Sir T. E. Colebrooke: „Proper names of the mohammadans“ въ „Journal of the Royal Asiatic Society“ 1881 (t. XIII, part 2).—*Ред.*

1) А. Г. Тумановъ сдѣлалъ обширнѣйшее сообщеніе: «Свѣдѣнія старинныхъ армянскихъ писателей о Мохаммедѣ и исламѣ»¹⁾. Докладчикъ попытался не только изложить эти свѣдѣнія, начиная со старѣйшаго, еп. Себеоса VII в., но и критически освѣтить ихъ при помощи свѣдѣній, сообщаемыхъ самими мусульманами объ основателѣ своей религіи.

Докладъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе Ѳ. Е. Коршъ, М. О. Аттая, В. К. Трутовскій и А. Е. Крымскій. Всесторонне было выяснено, что строго-историческаго значенія, напр., въ качествѣ источника для жизнеописанія Пророка, армянскіе писатели абсолютно имѣть не могутъ и что сообщенія ихъ объ основателѣ чуждой имъ религіи представляютъ исключительно культурный интересъ.

Ѳ. Е. Коршъ сдѣлалъ при этомъ рядъ замѣчаній фонетико-филологическихъ насчетъ той звуковой формы собственныхъ арабскихъ именъ, въ какой онѣ предстаютъ передъ нами черезъ армянскую транскрипцію. Несомнѣнно, что большая часть свѣдѣній о Мохаммедѣ попала къ армянамъ черезъ устную передачу, а не черезъ чтеніе писанныхъ арабскихъ или персидскихъ сочиненій. Имъ же высказана мысль, что имя сирскаго монаха «Базира», обычно приурочиваемое къ корню *بحر* ²⁾, быть-можетъ, является передѣлкою какого-нибудь арамейскаго *patronymicum*, первая составная часть котораго заключаетъ въ себѣ слово «бар» (= сынъ). Подлинное имя, даваемое монаху легендою, было Сергій; слѣдовательно «Сергій Бахира», быть-можетъ, означаетъ: «Сергій, сынъ [такого-то, имярекъ]»³⁾.

2) А. Е. Крымскій: «Черты жизни и творчества поэта Джаміа XV в.». Докладчикъ, устанавливая біографію Джаміа, приходитъ къ выводу, что общепринятая у ориенталистовъ хронологія Джаміевыхъ произведеній, согласно которой всѣ лучшія художественныя творенія поэта относятся къ старческому періоду его жизни, должна быть отвергнута. Джамій, по соображеніямъ, выставленнымъ у докладчика, успѣлъ создать талантливѣйшія свои произведенія еще передъ концомъ 1460-хъ годовъ, а поэтому тѣ старческія даты, которыя поставлены имъ собственноручно на рукописи-автографѣ, хранящейся въ Петербургѣ, должны быть признаны за даты переписыванія или окончательной отдѣлки, а никакъ не за обозначеніе времени перваго созданія его поэмъ⁴⁾.

¹⁾ Въ сокращенномъ и измѣненномъ видѣ докладъ А. Г. Туманова издается въ нынѣшнемъ томѣ „Древностей Восточныхъ“.

²⁾ Полагаютъ, что здѣсь надо видѣть арамейское слово „*bexîrâ*“ = „избранный“. Литературу предмета см. въ статьѣ А. Венсинка въ „*Enzykl. des Isl.*“ т. I, вып. 10 (1911), стр. 600.

³⁾ Въ старѣйшемъ „Житіи Пророка“ ибнъ-Хишама VIII в. монахъ не имѣетъ еще никакого имени. У Маѣудія (ум. 956; „*Prairies d'or*“ I, 146) онъ именуется Сергій, какъ и у византійскихъ раннихъ писателей, напр. Ѳеофана (ум. 817).

⁴⁾ Докладъ А. Е. Крымскаго о Джаміи будетъ напечатанъ или въ „Древностяхъ Восточныхъ“, или въ новомъ изданіи III тома его „Исторіи Персіи и ея литературы“.

Въ происшедшемъ обсужденіи доклада *Ө. Е. Корша* не только присоединился къ мысли, развитой *А. Е. Крымскимъ*, но и съ своей стороны высказалъ нѣсколько соображеній, могущихъ подтверждать высказанную мысль.

№ 126. Засѣданіе 21 марта 1913 года, подъ предсѣдательствомъ *В. К. Трутовскаго*, въ присутствіи гг. членовъ: *Ө. Е. Корша*, *Х. И. Кучукъ-Іоаннесова*, *М. О. Атаи*, *Мирзы Абдуллы Гаффарова*, *Мирзы-Джафара*, *К. І. Костаньяна*, *А. Г. Туманова*, *И. Я. Стеллецкаго*, *И. К. Китаева*, студентовъ *Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ*: *Акчурина*, *Андреевскаго*, *Анисимова*, *Биркина*, *Демчука*, *Десницкаго*, *Джараяна*, *Качоровскаго*, *Киршевскаго*, *Копылова*, *Матюхова*, *Меликъ-Оганджанияна*, *Минасова*, *Персица*, *Рейхеля*, *Сайчука*, *Салова*, *Сапгира*, *Смиленко*, *Страшнікова*, при секретарѣ *Восточной Комиссіи А. Е. Крымскомъ*.

1) Читанъ и подписанъ протоколъ предшествовавшаго засѣданія.

2) Предсѣдатель *Восточной Комиссіи В. К. Трутовскій*, принесъ *Восточной Комиссіи* благодарность за тѣ теплыя чувства къ нему, которыя были ею высказаны, устами акад. *Ө. Е. Корша*, въ недавно состоявшемся общемъ засѣданіи *Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества*, посвященномъ двадцатипятилѣтію пребыванія *В. К. Трутовскаго* въ должности секретаря Общества.

3) Предсѣдатель доложилъ письмо бурята *Ширабнесиба Сондуева* (изъ *Забайкальской области*, ст. *Кульскъ-ходунскій Децанъ*) отъ 8 янв. 1913 г. *Г. Сондуевъ* перевелъ на бурятскій языкъ «Мысли мудрыхъ людей» г. *Льва Толстого*, и, прилагая образцы перевода, онъ проситъ дать тзывъ объ этомъ его переводѣ.

Въ виду того, что *Восточная Комиссія* не располагаетъ знатоками бурятскаго языка, постановлено отправить и письмо, и переводъ г. *Сондуева* въ *Петрбургъ* (на *Восточный факультетъ*, или въ *Восточное Отдѣленіе Ресскаго Археологическаго Общества*).

4) Докладъ *В. В. Каллаша*: «*Половцы-печенѣги-татары въ начальной русской лѣтописи*», съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ другихъ замѣчаній объ отдѣльных мѣстахъ лѣтописей ¹⁾.

5) *И. Я. Стеллецкій* доложилъ о базиликѣ св. *Димитрія* въ *Солунѣ* ²⁾.

6) *Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ*: «*Арабско-персидско-турецкіе элементъ въ «Исторіи Аракеда Тебризскаго XVII вѣка»*. Докладчикъ представилъ длинный рядъ уловленныхъ имъ неармянскихъ словъ, употребляемыхъ *Арадомъ Тебризскимъ* въ силу заимствованія изъ мусульманскихъ языковъ, и предлагалъ свое объясненіе каждаго изъ

¹⁾ Докладъ *В. В. Каллаша* въ сокращеніи издается въ нынѣшнемъ томѣ «*Древностей Восточныхъ*».

²⁾ Въ расширенномъ видѣ докладъ *И. Я. Стеллецкаго* будетъ изданъ въ трудахъ Общества.

такихъ словъ на разсмотрѣніе Восточной Комиссіи. Въ обсужденіи приняли живое участіе всѣ члены Комиссіи¹⁾.

7) **Θ. Е. Коршъ:** «Сочетаніе *шх* въ древне-армянскомъ языкѣ». Разсмотрѣвши исчерпывающимъ образомъ всѣ древне-армянскія слова съ сочетаніемъ *шх=хи* и установивши ихъ этимологію, **Θ. Е. Коршъ** приходитъ къ выводу, что перестановкѣ *шх=хи* подвергались, по видимому, только тѣ слова, которыя заимствованы были изъ персидскаго языка²⁾.

При обсужденіи доклада, **К. І. Костаньянъ**, привѣтствуя рядъ удачнѣйшихъ этимологическихъ объясненій **Θ. Е. Корша** касательно трудныхъ этимологій, все-же не счелъ возможнымъ присоединиться къ выводу докладчика, что метатеза происходила только въ словахъ заимствованныхъ. Ему кажется, что въ армянскомъ языкѣ всякое сочетаніе двухъ согласныхъ склонно къ перестановкѣ.

Длинную цѣпь замѣчаній и историческихъ припоминаній вызвало въ Восточной Комиссіи объясненіе **Θ. Е. Корша** для армянскаго «бедешх», путемъ производства изъ гипотетическаго древне-иранскаго «битѣа-хшайа», въ смыслѣ «вице-король», «васаль-намѣстникъ». Сверхъ архаическаго текста Моисея Хоренскаго, привлечены были и случаи современнаго употребленія слова «бедешх» въ армянскомъ языкѣ.

БИБЛИОТЕКА
И. И. Виттманна
и Музейной реторки

¹⁾ Докладъ **Х. И. Кучукъ-Иоаннесова**, въ обработанной имъ, войдетъ въ предисловіе къ готовящемуся изданію его полнаго перевода **Аракеда Тевризскаго**.

²⁾ Докладъ **Θ. Е. Корша** напечатанъ будетъ въ слѣдующемъ выпускѣ „Древностей Восточныхъ“.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

(на Берсеневкѣ, у Большого Каменнаго моста, соб. д.)

можно приобрѣсти предыдущіе выпуски

„ДРЕВНОСТЕЙ ВОСТОЧНЫХЪ“.

	Цѣна.
Т. I, вып. I. С. С. Слудскій: Семирѣченскія несторіанскія надписи (съ 5 табл. и автографіей).—О. Е. Коршъ: О турецкомъ языкѣ семирѣченскихъ надгробныхъ надписей.—В. К. Трутовскій: Гулистанъ Золотой Орды.—М. В. Никольскій: Халдейскій вѣсь эпохи Гудеа (съ 7 табл. и рис.).—И. И. Соловейчикъ: О вновь открытой еврейско-вавилонской вазѣ (съ табл.).—М. В. Никольскій: О сомнительныхъ древностяхъ изъ Месопотаміи (съ рис.).—Протоколы 1887—1888 г. (съ рис.).	4 рубля
Т. I, вып. 2. В. О. Миллеръ: О сарматскомъ богѣ Уатафаръ (съ 3 рис.).—Бар. Р. Р. Штакельбергъ: Замѣтка о нѣкоторыхъ персидскихъ словахъ въ осетинскомъ языкѣ.—М. В. Никольскій: а) Вавилонскій контрактъ о продажѣ дома времени Шамашъ-шумъ-укина, царя вавилонскаго (666 г. до Р. X.);—б) По вопросу объ изображеніи женскаго божества на вавилонскихъ цилиндрахъ и статуэткахъ (съ таблицами и рис.).—С. С. Слудскій: Къ семирѣченскимъ несторіанскимъ надписямъ (съ табл. и рис.).—В. К. Трутовскій: Текіе Афганъ-Мохаммедъ-Султана въ г. Касимовѣ и вновь открытыя въ ней могильныя плиты съ надписями.—Г. А. Муркосъ: О рукописномъ сборникѣ XVII в. на разныхъ восточныхъ языкахъ изъ собранія гр. А. С. Уварова.—Г. Е. Церетели: Полное собраніе надписей на стѣнахъ и камняхъ и приписокъ къ рукописямъ Гелатскаго монастыря (съ рис.).—А. С. Хахановъ: Отзывъ о вышепомѣщенномъ трудѣ Г. Е. Церетели	4 „
Т. I, вып. 3. Бар. Р. Р. Штакельбергъ: Ирано-финскія лексикальныя отношенія.—А. С. Хахановъ: Источники по введенію христіанства въ Грузію.—М. С. Щекинъ: Персидская рукопись „О четырехъ обязанностяхъ дerviша“.—М. В. Никольскій: О двухъ ассирійскихъ фрагментахъ князя П. А. Путятина (съ табл.).—С. С. Слудскій: Девятый международный сѣздъ оріенталистовъ въ Лондонѣ, сент. 1891.—М. В. Никольскій: Клинообразныя надписи Ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи (съ табл.).—Х. И. Кучукъ-Гоаннесовъ: Объ армянской рукописи Ев—ія IX вѣка, принадлежащей Лазар. Инст. Вост. яз. въ Москвѣ.—О. Е. Коршъ: Универсалы Петра Великаго къ Буджацкимъ и Крымскимъ татарамъ	4 „
Т. II, вып. 1. М. С. Щекинъ: „Саки-наме“, приписываемая Орфи Ширазскому.—Бар. Р. Р. Штакельбергъ: О персидскомъ эпосѣ „Виса и Раминъ“ Фехри Горгани.—М. В. Никольскій: Клинообразная надпись изъ Ганди-Тана	

около Эривани (съ табл.).—А. Е. Крымскій: Очеркъ развитія суфійства до конца III вѣка хижры.—А. С. Хахановъ: Грузинская рукопись поэмы „Барсова кожа“ изъ Главнаго архива М. И. Д.—М. В. Никольскій: О раскопкахъ въ сѣв. Сиріи, въ Зенджирли.—Г. А. Муръосъ: а) О служебникѣ антиохійскаго патріарха Макарія на Аѳонѣ; б) Откани съ арабской надписью моск. Румянц. музея (съ табл.).—Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: Армянскія надписи въ г. Григоріополѣ Херс. губ.—Ө. Е. Коршъ: Опытъ ритмическаго объясненія древне-инд. эпико-дидактическаго размѣра *śloka*.—В. М. Никольскій: Двѣ новооткрытыя пальмирскія надписи (съ табл.).—Протоколы 1888—1895 гг. . . . . 4 рубля

Т. II, вып. 2. Бар. Р. Р. Штакельбергъ: Объ иранскомъ вліяніи на религиозныя вѣрованія древнихъ армянъ.—А. С. Хахановъ: Грузинскій отрывокъ Калилы и Димны.—М. В. Никольскій: Сирійскія пергаменныя евангелія VII—VIII в. московскаго Археол. Общ. (съ табл.).—Архим. Арсенъ Клитчянъ: Древній городъ Астухини (Астахана) клинообразныхъ надписей.—Ө. Е. Коршъ: О „Восточныхъ Замѣткахъ“, сборникѣ Спб. Восточнаго факультета 1895 г.—Г. А. Халатьянцъ: О нѣкоторыхъ географическихъ названіяхъ древней Арменіи въ связи съ данными Ванскихъ надписей.—Протоколы 1895—1900 гг. . . . . 4 „

Т. II, вып. 3. В. Ө. Миллеръ: Къ древнеперсидской надписи NRd. (съ рис.).—Ө. Е. Коршъ: Слѣды діалектическаго ротацизма въ среднеперсидскомъ языкѣ.—Г. А. Халатьянцъ: а) Лондонскій списокъ древнѣйшаго армянскаго перевода Паралипоменонъ; б) Къ критикѣ Моисея Хоренскаго; кто былъ побѣдителемъ Креза Лидійскаго?—Х. И. Кучукъ-Іоаннесовъ: Старинныя армянскія надписи и старинныя рукописи въ юго-зап. Руси и Крыму (съ 12 рис.).—А. С. Хахановъ: Правила VI всел. собора въ грузин. переводѣ VI в. св. Евфимія.—В. Ө. Миллеръ: О семитскомъ элементѣ въ татскомъ нарѣчій горскихъ евреевъ.—А. Е. Крымскій и В. В. Миллеръ: Все-мусульманскій университетъ при мечети Азхаръ въ Каврѣ, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная дѣятельность (съ 3 рис.).—А. Е. Крымскій и В. Ө. Минорскій: Очерки изъ исторіи оріенталистики въ XVI и XVII в.—В. Ө. Минорскій: „Гѳз йашым“ Эминъ-бея.—Протоколы 1900—1903 гг. . . . . 4 „

Т. III, вып. 1. Ө. Е. Коршъ: Происхожденіе формы наст. времени въ западно-турецкихъ языкахъ.—В. Ө. Минорскій: Національныя стихотворенія Эминъ-бея въ связи съ новымъ направленіемъ османской поэзіи.—А. Е. Крымскій: Изъ рукописной бейрутской церковной лѣтописи XVI—XVIII в.—Л. З. Мсеріанцъ: Страсбургскій египетско-арамейскій папирусъ и его значеніе для иранской филологіи.—А. С. Хахановъ: Грузинское апокрифическое евангеліе Никодима, изъ Цагерскаго сборника XVI вѣка.—А. Е. Крымскій и М. О. Аттая: Изъ области христіанско-мусульманской полемики.—Протоколы за 1903—1907 г. (съ рис.). . . . . 3 „

Т. III, вып. 2. М. В. Никольскій: Документы хозяйственной отчетности древнѣйшей эпохи Халдеи, изъ собранія Н. П. Лихачева (съ 618 снимками) . . . 9 „

Т. IV (юбилейный). . . . . . 11 „

Цѣна 11 руб.

